

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

**80 лет общей психологии
в Санкт-Петербургском государственном университете
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

2024 год

УДК 159.9
ББК 88.3
А64

Редакционная коллегия:

Арбузова Е.Н., к.пс.н., доц.;
Астапенко Е.Е., ст. преп.;
Бордовская Н.В., д.пед.н., проф., акад. РАО;
Бызова В.М., д.пс.н., проф.;
Гнедых Д.С., к.пс.н. доц.;
Горбунов И.А., к.пс.н., ст.н.с.;
Гофман О.О., к.пс.н., доц.;
Гришина Н.В., д.пс.н., проф.;
Гуриева С.Д., д.пс.н., проф.;
Дейнека О.С., д.пс.н., проф.;
Зиновьева Е.В., к.пс.н., доц.;
Зотова Н.Е., к.пс.н., доц.;
Ильина Н.Л., к.пс.н., доц.;
Исурина Г.Л., к.пс.н., проф.;
Карпова Э.Б., к.пс.н., доц.;
Костромина С.Н., д.пс.н., проф.;
Круглов В.Г., ст. преп.;
Круглова М.А., к.пс.н., доц.;
Лепехин Н.Н., к.пс.н., доц.;

Ловягина А.Е., к.пс.н., доц.;
Логинова Н.А., д.пс.н., проф.;
Миланич Ю.М., к.пс.н., доц.;
Миргород Н.В., к.пс.н., ст. преп.;
Мироненко И.А., д.пс.н., проф.;
Мусс А.И., к.ф.н., ст. преп.;
Мухамедрахимов Р.Ж., д.пс.н., проф.;
Наследов А.Д., к.пс.н., доц.;
Недошивина М.А., к.пс.н., ст. преп.;
Прусаков В.И., асс.;
Родионова Е.А., к.пс.н., доц.;
Розанов В.А., д.мед.н., проф.;
Солдатова Е.Л., д.пс.н., проф.;
Стародубцев А.С., к.пс.н., мл.н.с.;
Столярчук Е.А., ст. преп.;
Стрижцкая О.Ю., д.пс.н., проф.;
Фельсендорфф О.В., к.пс.н., ст. преп.;
Шаболтас А.В., д.пс.н., проф.;
Щелкова О.Ю., д.пс.н., проф.;
Юмкина Е.А., ст. преп.

А64 Ананьевские чтения – 2024. 80 лет общей психологии в Санкт-Петербургском государственном университете: материалы международной научной конференции / Под ред. С.Н. Костроминой и А.Е. Ловягиной; отв. ред. В.И. Прусаков. – Нижний Новгород: Издательство «Кириллица», 2024. – 635 с.

ISBN 978-5-6051069-5-1

Материалы сборника отражают тематику и содержание докладов, представленных на традиционной международной конференции «Ананьевские чтения». Конференция 2024 года была посвящена 80-летию общей психологии в Санкт-Петербургском государственном университете, в связи с чем в издании особое место занимают публикации, отражающие научную и практическую деятельность сотрудников кафедры общей психологии СПбГУ.

ISBN 978-5-6051069-5-1

© Авторы, 2024

© Издательство ООО «Союзкниг», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕТСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

<i>Антонова Е., Зверева Н.В.</i> Пилотное исследование гендерной перцепции подростков в норме и при расстройствах шизофренического спектра на примере методики «Рисунок человека сзади».....	26
<i>Благодарова М.В., Григорьева А.В., Троицкая Л.А.</i> Специфичность нарушений психического развития у детей дошкольного возраста с туберозным склерозом при нейропсихологическом подходе исследования	28
<i>Вассерман М.В., Вассерман Е.Л., Колодийчук Е.А., Сирбиладзе К.Т.</i> Нейропсихологическое сопровождение курсов транскраниальной и трансспинальной микрополяризации у детей с расстройствами развития речи и языка	30
<i>Гулакова А.Ю., Миланич Ю.М.</i> Влияние просмотра коротких видеороликов на психическое состояние подростков, склонных к проблемному использованию интернета.....	32
<i>Дубинина Е.А., Цветкова А.Д., Витенберг М.В., Круглова Н.Е., Комолкин И.А.</i> Динамика психического состояния детей младшего школьного возраста в ситуации хирургического лечения.....	33
<i>Едалова П.Д., Калантарова М.В.</i> К вопросу об использовании стимулирующей инструкции в нейропсихологическом обследовании подростков.....	35
<i>Капытцина М.С., Фаустова А.Г.</i> Нейропсихологические особенности пространственных представлений у подростков с детским церебральным параличом	36
<i>Комоняк А.Н., Дубинина Е.А.</i> Взаимосвязь степени погруженности в интернет-среду и характеристик Я-концепции у современных подростков.....	37
<i>Крикуненко К.И., Польская Н.А., Якубовская Д.К.</i> Образ тела у подростков с суицидальными попытками и несуйцидальным самоповреждающим поведением	38
<i>Лисова Н.А.</i> Нейропсихологические и нейрофизиологические особенности детей с нарушением обучения	39
<i>Ляксо Е.Е., Фролова О.В., Гречаный С.В., Николаев А.С., Кешнев Е.А., Матеев А.Ю., Махныткина О.В.</i> Методический подход CEDM для оценки эмоциональной сферы детей: перспективы использования в клинической и педагогической практике	40
<i>Миланич Ю.М., Веретенникова А.П.</i> Отношение нормотипичных детей разного возраста к сверстникам с расстройствами аутистического спектра, включенным в общеобразовательную среду	41
<i>Никишина И.В.</i> Особенности эмоциональной сферы младших школьников с сахарным диабетом 1 типа, находящихся на стационарном лечении без родителей	43
<i>Пенцак Ю.Ю.</i> Виды памяти у младших школьников с искаженным и задержанным типами психического дизонтогенеза.....	44
<i>Рахимова Е.Ф., Воробьева Е.В., Володина И.С., Утева О.Е., Мезенцева С.В.</i> Оценка взаимосвязи показателей активности блоков мозга и адаптивного поведения подростков 12–17 лет с расстройством аутистического спектра и умственной отсталостью.....	45
<i>Смирнова Я.К.</i> Специфика обработки визуальной информации у детей с нарушением слуха при решении мыслительных задач	46
<i>Ткачева Л.О., Наследов А.Д., Мирошников С.А.</i> Практические рекомендации по коррекции гиперактивности у детей 3–6 лет с РАС.....	47
<i>Фролова О.В., Ляксо Е.Е., Николаев А.С.</i> Характеристики речи детей 5–7 лет с легкими интеллектуальными нарушениями	49
<i>Шевеленкова Т.Д., Волжина Ж.А., Сальникова М.М.</i> Отношение к своему телу в подростковом возрасте: структура и половые различия.....	50
<i>Шелумова О.С.</i> Особенности фрустрационного поведения детей младшего школьного возраста с туберкулезом органов дыхания в ситуации госпитализации	51

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

<i>Банщиков А.В.</i> Психология личности: когнитивный разворот.....	52
<i>Борисова Н.В.</i> Психобиографический метод: в поисках исторического и архетипического в человеке	53
<i>Бусыгина Н.П.</i> Теория переживания Выготского-Василюка.....	55
<i>Бусыгина Н.П., Ярошевская С.В.</i> Переосмысление онтологии психологической науки и поиск метода в культурно-исторической психологии	56
<i>Кавчук П.Н.</i> К вопросу о психологии благополучия.....	57
<i>Кошутин О.Н.</i> Б.Г. Ананьев и Н.В. Баранов – хранители Ленинграда (Петербурга)	58
<i>Логинова Н.А.</i> К истории сравнительной психологии в Петербургской психологической школе (1900–1940-е годы).....	59
<i>Марищук Л.В.</i> О курсе «История и методология психологической науки».....	60
<i>Москвитина О.А.</i> Понятие «ответственность» в трудах Б.Г. Ананьева	61
<i>Мусс А.И.</i> Что может дать исследователю модель развития проблемы сознания: взгляд на конкуренцию научно-исследовательских программ в психологии.....	62
<i>Мусс А.И., Андреева Д.А.</i> Феноменологическая психология как хорошая альтернатива количественному подходу на примере изучения переживания утраты	63
<i>Няголова М.Д.</i> Общие и специфические тенденции в методологии гуманистической психологии в США и России 50-70-х годов XX века	64
<i>Олейник Ю.Н., Няголова М.Д.</i> Влияние кантианства и неокантианства на развитие общей психологии в России и Болгарии с конца XIX в. по первую половину XX в.	65
<i>Рафикова В.А.</i> Ленинградский период творчества Б.Ф. Ломова: 1954–1966 гг.	66
<i>Сергиенко Е.А.</i> Научные подходы в отечественной психологии: единство в многообразии.....	67
<i>Серова О.Е.</i> Новые архивные документы к творческой биографии С.Л. Рубинштейна: историко-психологическое исследование	68
<i>Слабинский В.Ю.</i> Роль А.Ф. Лазурского в становлении отечественной психотерапии (к 150-летию со дня рождения)	69
<i>Слепко Ю.Н.</i> Коммуникативная методология в историко-психологическом исследовании	70
<i>Соснин А.В.</i> Развитие социальной психологии в современном российском обществе: истории и тенденции.....	71
<i>Степанова М.А.</i> Культурно-историческая психология Л.С. Выготского как источник формирующей стратегии исследования	73
<i>Чеснокова М.Г.</i> Актуальные проблемы истории психологии сегодня.....	74
<i>Щукина М.А.</i> Отечественные учебные пособия по психологии личности: эволюция контента.....	75
<i>Юмкина Е.А., Васина Е.А.</i> Личность как социальный феномен в научном творчестве В.Н. Куницыной.....	76

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ

<i>Белюсова А.Ю., Зотова Н.Е.</i> Использование компенсаторных стратегий при анализе коммуникативных ситуаций пациентами с шизофренией	77
---	----

<i>Бичевина Д.С., Ениколопов С.Н.</i>	
Восприятие времени у пациентов с деперсонализацией.....	78
<i>Вараксина В.А., Трусова А.Д.</i>	
Взаимосвязь образа тела и чувства вины у молодых людей, подвергшихся фэтшеймингу.....	79
<i>Волкова Е.В., Куваева И.О., Варламов А.В., Волкова Н.Э., Докучаев Д.А.</i>	
Особенности изменения биохимических показателей под воздействием комбинированных стрессовых нагрузок у россиян с разной модально-специфической активностью.....	80
<i>Грибер Ю.А., Элькин Г.В.</i>	
Стратегии построения гармоничных цветовых сочетаний людьми с расстройствами аутистического спектра.....	82
<i>Гусейнова С.</i>	
Влияние абьюзивных отношений на психическое здоровье личности.....	83
<i>Дорофеева А.С., Трусова А.Д.</i>	
Особенности восприятия онкологическими пациентами межличностных отношений с близкими людьми.....	84
<i>Дурасов А.Д., Трусова А.Д.</i>	
Исследование жизнестойкости и временной перспективы у людей с онкологическими заболеваниями.....	85
<i>Еремина Д.А.</i>	
Ключевые мишени клинико-психологических вмешательств в кардиохирургической клинике	86
<i>Есина Л.В., Выборных Д.Э., Рассказова Е.И., Гемджян Э.Г., Звонков Е.Е., Лукьянова И.А., Моисеева Т.Н., Магомедова А.У.</i>	
Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами: связь с поведением в болезни.....	87
<i>Жогица А.А., Трусова А.Д.</i>	
Взаимосвязь особенностей переживания одиночества с типами межличностных отношений у лиц с психологической травматизацией различного генеза	88
<i>Зюзина Д.С., Михайличенко Т.Г., Илич М.</i>	
Эмоциональное состояние и личностные ресурсы копинга у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника.....	89
<i>Исурина Г.Л., Захаркина А.Н.</i>	
Особенности межличностных отношений при пограничном расстройстве личности.....	90
<i>Исурина Г.Л., Халилова П.О.</i>	
Соотношения личностных и ситуативных факторов при невротических расстройствах	91
<i>Кантова М.А., Иванова Е.М.</i>	
Нарушения восприятия юмора у больных с поражением префронтальных отделов коры головного мозга.....	92
<i>Качкаева Д.А., Короткова И.С.</i>	
Биопсихосоциальный подход к пониманию пограничного расстройства личности	93
<i>Кошанская А.Г.</i>	
Особенности личности больных сахарным диабетом II типа	94
<i>Кошелев М.М., Тромбчиньски П.К.</i>	
Взаимосвязь значимой мужской фигуры и психологического благополучия мужчин с опытом отцовства.....	95
<i>Куба Е.А., Погоролева А.В.</i>	
Киберхондрия у молодежи: связь с удовлетворённостью жизнью.....	96
<i>Кузнецов С.С., Косьминенко К.С.</i>	
Психосоматические особенности пациентов с диагнозом «рассеянный склероз»	97
<i>Кузнецова Т.А., Грандилевская И.В.</i>	
Корреляты качества жизни пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы	98
<i>Ляховецкий В.А., Тумова М.А., Карпинская В.Ю., Занкишиева К.А., Иванов М.В.</i>	
Восприятие длины и направления при шизофрении	99
<i>Марченко Я.В.</i>	
Особенности выраженности патологических личностных черт у членов субкультуры инцелы	100
<i>Носова П.А.</i>	
Взаимосвязь восприимчивости к красоте с алекситимией.....	101
<i>Осипова Н.Г., Рощина И.Ф.</i>	
Опыт нейрокогнитивной реабилитации пациентов с легким когнитивным расстройством в «Клинике памяти» (Москва).....	102

<i>Охотникова Е.В.</i>	Лингвотерапия в практике клинического психолога и ее реабилитационный потенциал в условиях психиатрического стационара	103
<i>Савельева Е.В., Грандильевская И.В., Клейман Е.О., Исурина Г.Л., Короткова И.С.</i>	Динамика восприятия симуляционного обучения студентами-медиками	104
<i>Савченко Д.В.</i>	Внутренняя картина болезни у пациентов с наркотической и алкогольной зависимостями	105
<i>Сирота Н.А., Фетисов Б.А.</i>	Неопределенность у пациентов с онкологическими заболеваниями	106
<i>Соколова Я.А., Польская Н.А.</i>	Нарушения эмоциональной регуляции в зависимости от способа и давности несуицидальных самоповреждений	107
<i>Хаймовская Н.А.</i>	Взаимосвязь уровня созависимости личности и дисфункциональных установок	108
<i>Чечурина К.А., Обидин И.Ю.</i>	Особенности переживания одиночества у больных шизофренией в период реабилитации.....	109
<i>Чистова А.А., Фаустова А.Г.</i>	Влияние субъективного переживания одиночества на совладающее поведение у женщин с раком молочной железы	110
<i>Шишкова А.М., Бочаров В.В., Черная Ю.С.</i>	Семья как фактор стабилизации ремиссий у больных с аффективными расстройствами.....	111
<i>Шишкова А.М., Бочаров В.В.</i>	Взаимосвязь восприятия семейных отношений с выраженностью посттравматического роста/обесценивания у родственников, обеспечивающих помощь и уход за больными с травмами головного и спинного мозга.....	112
<i>Щелкова О.Ю., Яковлева М.В., Провоторова Ю.Д., Шерemet А.А., Шматов Д.В., Каменских М.С., Ефремов С.М., Зубарев Е.И.</i>	Отношение к болезни и лечению пациентов с нарушением ритма сердца в период подготовки к хирургической операции.....	113

"

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

<i>Болдыгин Д.Д.</i>	Влияние эффекта «пик-конец» на восприятие скорости течения времени в условии человеко-компьютерного взаимодействия.....	114
<i>Бородин К.А.</i>	Дихотомия как смыслообразующий механизм познания	115
<i>Буряченко П.А., Меньшикова Г.Я.</i>	Пространственные способности как предиктор успешного формирования когнитивных карт пространства в виртуальной реальности.....	116
<i>Варламов А.В.</i>	Искажение ментальной репрезентации тела человека после погружения в VR в долгосрочной перспективе	117
<i>Вздорин Г.Д., Баженова Д.А.</i>	Применение методики антисаккады для измерения интенционального «Google-эффекта»	118
<i>Воронцова Т.А.</i>	«Приоритет лица» при конструировании возраста незнакомого человека на основе восприятия его внешнего облика	119
<i>Гнедых Д.С., Перикова Е.И., Филиппова М.Г., Макарова Д.Н., Чопчик Д.Ю.</i>	Роль условий научения в распознавании новых объектов: анализ глазодвигательной активности	120
<i>Голубева Е.В., Компаниец В.С.</i>	Особенности движений глаз при решении перцептивной задачи лицами с разными когнитивными стилями	123
<i>Карацук С.С., Фаустова А.Г.</i>	Особенности нейропсихологических механизмов автобиографической памяти у людей, переживших жестокое обращение в детстве	124
<i>Каюмова Н.Ю.</i>	Особенности ментальной регуляции динамических характеристик психических состояний в недельном цикле	123

<i>Клумова С.Б., Меньшикова Г.Я.</i>	Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий лица и их связь с личностными характеристиками	124
<i>Костина Д.И.</i>	Влияние типа маски и сложности задачи на возникновение негативного эффекта соответствия	125
<i>Кружкова О.В., Робин С.Д.</i>	Восприятие вандально нанесенных текстов в условиях естественной городской среды	126
<i>Ладовская А., Мамина Т.М.</i>	Влияние способов воспроизведения запомненной информации на актуализацию значений многозначного слова.....	127
<i>Маланчук И.Г.</i>	Перспективы когнитивных исследований речи.....	128
<i>Николаева Е.И., Ивашина П.В.</i>	Роль исполнительных функций в поддержании длительного употребления психоактивных веществ	129
<i>Обольская В.А., Щербакова О.В.</i>	Взаимосвязь эффекта центральности и полноты понимания текста.....	130
<i>Погосян С.Г.</i>	Развитие креативности личности как когнитивный ресурс	131
<i>Седых А.В.</i>	Критическое мышление как фактор эффективного взаимодействия пользователя с ChatGPT	132
<i>Сорокоумова Е.А., Ферантонова М.В., Домбровская А.П.</i>	Исследование взаимосвязи стилевых особенностей когнитивной сферы и эмоционального интеллекта у лиц пожилого возраста.....	133
<i>Суханова А.В., Ушаков Д.В.</i>	Технологии машинного обучения как инструмент оценки речевых и двигательных нарушений.....	134
<i>Ткаченко Н.С., Кузина Е.А.</i>	Формирование индивидуальных стратегий поведения при поэтапном обучении чередованию сложных многозвеньевых навыков у крыс.....	135

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

<i>Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю.</i>	С-тактильные контакты как фактор формирования социального мозга личности	136
<i>Бурангулов Р.Р., Морозова С.В.</i>	Предсказание локуса контроля на основании морфологических свойств слов	137
<i>Васильева М.Ю., Князева В.М., Александров А.А., Гарбарук Е.С., Бобошко М.Ю.</i>	Нейрокогнитивный механизм сверхбыстрого вербального научения у детей и взрослых	138
<i>Гапченко К.А., Бабенко В.В.</i>	Потенциалы, связанные с ошибкой категоризации эмоций	140
<i>Горбунов И.А.</i>	Экспериментальная проверка возможности существования алгоритма обратного распространения ошибки в нервной системе человека при имплицитном и эксплицитном научении	141
<i>Григорьев В.Е.</i>	Числа, подлинные или выдуманные?	142
<i>Денисова Е.Г., Сылка Н.В.</i>	Психофизиологические корреляты взаимодействия с цифровым контентом: ЭЭГ исследование.....	143
<i>Денисова Е.Г., Кирпу Д.Р.</i>	Исследование вызванной активности мозга при распознавании пищевых стимулов	144
<i>Жегалло А.В.</i>	Координаты ключевых точек лица: насколько достоверна информация о глубине?	145
<i>Куцырева М.А., Гензе Г.П.</i>	Применение методов машинного обучения для анализа состояния человека по текстовой реализации устного сообщения.....	147
<i>Лебедева Н.Е., Морозова С.В.</i>	Моделирование особенностей внимания в спортивном ориентировании	148
<i>Лисина Л.И.</i>	Моделирование процессов принятия решения об искажении информации: дизайн исследования.....	149
<i>Меметова К.С., Князева В.М., Станкевич Л.Н., Александров А.А., Маланчук И.Г.</i>	Гемодинамические изменения реакций мозга при предъявлении псевдослов до и после специального обучения	150

<i>Морозова С.В.</i>	Влияние цветовой палитры фотографий на эмоциональное состояние испытуемых (на примере базы Open affective standardized image set (OASIS))	151
<i>Поздняков Р.В.</i>	Принятие решения о доверии сообщению моделями ChatGPT и Copilot	152
<i>Поздняков Р.В.</i>	Свобода воли при моделировании	153
<i>Ратьковская А.И., Горбунов И.А.</i>	Моделирование влияния ошибок предсказания на процессы внимания у больных шизофренией	154
<i>Тищенко А.Г., Варфоломеева А.В., Александров Ю.И.</i>	Процедура оценки сопряженных свойств индивида на примере способов решения текстовых задач.....	155
<i>Ушаков В.Л., Макаренко Н.Г.</i>	Архитектура и механизмы работы нейросетей головного мозга	157
<i>Шляхов И.С., Филина А.А., Шляхов Ф.С.</i>	Использование сверточных нейронных сетей для предсказания семантической интерференции на основе данных электроэнцефалографии	159
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ		
<i>Айламазьян А.М., Савченко Н.Л.</i>	О роли моторного компонента в музыкальном переживании	161
<i>Алёшина Ю.А., Щербакова О.В.</i>	Использование обценной лексики при разных уровнях выраженности алекситимии	162
<i>Власюк Е.Н.</i>	Ценностные установки как фактор, обуславливающий успешность адаптации личности в условиях жесткой регламентации	163
<i>Голинец А.О., Корнилова Т.В.</i>	Взаимосвязь домен-специфичной самооценки креативности с общей самооценкой креативности и имплицитными теориями креативности	165
<i>Гузанова А.И.</i>	Взаимосвязь рефлексивности личности и принятия моральной ответственности.....	167
<i>Гущина У.А.</i>	Особенности автобиографического описания у поколения перестройки и реформ.....	168
<i>Джанашиа А.З., Маришук Л.В.</i>	Волевая регуляция достижения целей, отложенных во времени	169
<i>Забелина Е.В., Солодов И.Н.</i>	Шкала общего фатализма: предварительные результаты адаптации на российской выборке.....	170
<i>Зайцева Ю.Е.</i>	Профессиональная самопрезентация психолога в сети интернет, или Какой я фрукт как психолог	172
<i>Золотухина А.А., Сермакшева О.А., Агафонов А.Ю.</i>	Роль контекстуальных условий в произвольном запоминании	173
<i>Кабардов М.К.</i>	Когниция – коммуникация – речемыслительная деятельность.....	174
<i>Кириллова А.И.</i>	Прекарная жизненная стратегия в преодолении современного экзистенциального кризиса	175
<i>Колхонен А.Ю., Мироненко И.А.</i>	Факторная модель для описания личности в этической психологии	176
<i>Комерова Н.Е., Селезнева Ю.В., Абакумова И.В.</i>	Особенности саморегуляции и жизнестойкости педагогов высшего образования, проживающих на территории локального военного конфликта: гендерный аспект	177
<i>Кушева Е.В.</i>	Актуальные проблемы психологии стыда.....	178
<i>Лупенко Е.А., Королькова О.А., Хозе Е.Г.</i>	Восприятие индивидуально-психологических характеристик по невербальному поведению	179
<i>Магомед-Эминов М.Ш.</i>	Работа над собой как основание деятельности субъекта.....	180
<i>Николаева Ж.В.</i>	Новые подходы в психологии архитектуры: Карло Ратти	181

<i>Нуркова В.В., Гофман А.А.</i>	
Дар забвения: как память учится забывать	182
<i>Осницкий А.К.</i>	
Деятельность как форма проектируемой преобразующей активности человека.....	184
<i>Палёнова В.В., Воронин А.Н.</i>	
Exploring the Impact of Communication Strategies on AI Chatbot Interaction Effectiveness	185
<i>Первушина О.Н., Гончарова Д.И.</i>	
Индивидуальные ценности и толерантность к неопределенности при различных предпочтениях произведений живописи.....	186
<i>Прохоров А.О.</i>	
Ментальная регуляция психических состояний.....	187
<i>Романцова В.К.</i>	
К проблеме восприятия квазинаучного контента в современных условиях информатизации и цифровизации.....	188
<i>Сидоров К.Р.</i>	
О построении классификации волевых качеств	189
<i>Сиповская Я.И.</i>	
Показатели невербальной креативности в контексте понятийного мышления.....	190
<i>Смирнова Е.А.</i>	
Изучение когнитивного функционирования у актеров в условиях виртуальной реальности	192
<i>Сорокина С.Е., Попов Л.М.</i>	
Биографические методы в изучении личностной самооценки	193
<i>Степанова К.А.</i>	
Особенности сочетания типа локуса контроля у супругов.....	194
<i>Хантуев А.А.</i>	
Истории религиозного становления в восточных религиях: полинарративный анализ.....	195
<i>Хрестина В.В., Гришина А.В.</i>	
Самопрезентация активных пользователей социальных сетей: психологические предикторы	196
<i>Хрисанфова Л.А., Сибирякова И.А.</i>	
Поведение тревожных и агрессивных женщин в ситуации фрустрации	197
<i>Чернышева Е.В.</i>	
Особенности проявления темперамента в интернет-среде	198
<i>Щенникова Е.Е., Гордеева О.В.</i>	
Динамика содержания сновидений при формировании навыка осознанности (на материале дневников сновидений).....	200

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ МЕНЕДЖМЕНТА

<i>Kassis A., Volkova N.</i>	
A bibliometric review and global analysis about the organizational social capital and employees' turnover (2000–2023)».....	201
<i>Бакаева И.А., Володин Р.С.</i>	
Некогнитивные навыки подростков с разной степенью самооценки предпринимательской одаренности	202
<i>Банищикова А.Д.</i>	
Личностные характеристики профессиональной успешности	204
<i>Бордунос А.К., Завьялова Е.К.</i>	
Цифровизация управления человеческими ресурсами как инструмент социальной адаптации компаний в условиях пандемии	205
<i>Еганова О.Р.</i>	
Саморегуляция как предиктор психологического благополучия.....	206
<i>Иванова А.В.</i>	
Арт-терапия как метод управления функциональным состоянием субъектов труда.....	207
<i>Ильина О.Н., Лепехин Н.Н.</i>	
Психометрическая проверка шкал на русскоязычной выборке опросника «Hierarchical Team Resilience Scale (HTRS), 2016	208
<i>Круглов В.Г.</i>	
Ценностные предикторы локальной и глобальной идентичности потребителей	209

<i>Куликова А.И., Сачкова М.Е.</i>	
Социальный капитал как ресурс благополучия российских женщин-предпринимателей.....	210
<i>Маничев С.А., Астапенко Е.Е., Погребницкая В.Е.</i>	
Проактивное поведение работников и рабочие события.....	211
<i>Маслова А.М., Грудина С.И.</i>	
Противодействие буллингу как метод формирования эффективного человеческого капитала у подрастающего поколения.....	212
<i>Михайлова О.Б., Коба Д.С.</i>	
Структура мотивации профессиональной деятельности специалистов IT-сферы.....	213
<i>Панферова Ю.А., Родионова Е.А.</i>	
Связи имплицитных и эксплицитных установок, сферы деятельности и предпочитаемых копинг- стратегий.....	215
<i>Петросян Л.А.</i>	
Влияние социально-психологической зрелости на карьерные ориентации личности.....	216
<i>Погосян С.Г., Аветисян С.А.</i>	
Психологические факторы принятия решений в управленческой деятельности.....	217
<i>Стародумова А.Б.</i>	
К вопросу о взаимосвязи социально-психологических факторов и профессионального стресса у медицинских работников.....	218
<i>Фролова Д.Н.</i>	
Роль коучинга и наставничества в повышении организационной эффективности.....	219
<i>Чардымов А.И.</i>	
Непсихологическая теория трудовой деятельности как основа теории эргономики.....	220
<i>Шумейко Е., Родионова Е.А.</i>	
Баланс работы и отдыха моряков.....	222
<i>Яценко Е.Ф., Кожевникова А.А.</i>	
Различия между показателями удовлетворенности трудом, субъективного благополучия, копинг-стратегий и смысложизненных ориентаций у работников локомотивных бригад по разным критериям.....	223
<i>Яценко Е.Ф., Пестрякова М.А.</i>	
Сравнительный анализ показателей личностных черт, уровня субъективного контроля и копинг- поведения в стрессовых ситуациях работников локомотивных бригад грузового движения.....	224

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Волкова Н.В.</i>	
Моделирование профилей межличностного доверия сотрудников.....	225
<i>Ермакова Е.В., Гуриева С.Д.</i>	
Мета-анализ социально-психологических факторов лояльности к бренду.....	226
<i>Завражных В.М., Винокуров Ф.Н.</i>	
Связь с брендом как фактор потребительской лояльности у молодых потребителей.....	227
<i>Кораблева С.А., Волкова Н.В.</i>	
Различия поколений в формировании социального капитала через социальные сети: тренды в литературе.....	228
<i>Корягина Н.А.</i>	
Проблема взаимосвязи между сферой деятельности компании и перфекционистской самопрезентацией и самоконтролем сотрудников.....	229
<i>Тарасов С.В.</i>	
Групповая рефлексивность учебных групп разного типа: роль организационно-образовательной среды.....	230

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Азимова К.У., Медяник О.В.</i>	
Политическая тревожность российских граждан в ситуации неопределенности.....	231
<i>Бакулева К.К., Дейс Е.С.</i>	
Образ России в молодежной среде в контексте использования популярных СМИ.....	232
<i>Басимов М.М., Басимова П.М.</i>	
Политические предпочтения и связанные с ними проявления раздражения у молодых респондентов...	233

<i>Дейнека О.С., Максименко А.А., Черных А.С.</i> Структура ценностей россиян на фоне геополитических изменений	234
<i>Забарин А.В., Суханов Д.Г.</i> Уроки формирования информационно-психологической устойчивости военнослужащих войск национальной гвардии РФ	235
<i>Иванова Н.Л., Булгаков И.А.</i> Профессиональное выгорание и сохранение «лица» в социальном взаимодействии	236
<i>Крутелева Л.Ю.</i> Особенности гражданской идентичности личности на разных этапах жизненного пути	238
<i>Мисонжников Б.Я.</i> Образ Германии в парадигме обыденного сознания	239
<i>Митина О.В., Иргашева М.</i> Психосемантический анализ стереотипов женского поведения в Узбекистане	240
<i>Митина О.В., Цзоу Д.</i> Психосемантический анализ этнических авто- и гетеростереотипов китайских респондентов	242
<i>Пищик В.И.</i> Активность и пассивность современной молодежи	244
<i>Самуйлова И.А., Гоцало А.В.</i> Взаимосвязь кинематографических предпочтений молодежи с их образом страны	245
<i>Ситнова И.В., Пивень Н.Н., Высоцкая А.В.</i> Ценностные ориентации как фактор адаптации молодёжи города Мариуполь к новым условиям жизни	246
<i>Фомина А.Ю., Конфисахор А.Г.</i> Образ кандидата в президенты РФ 2024 г. Владислава Даванкова у молодежи Санкт-Петербурга	248
<i>Цветкова В.Ю., Дейнека О.С.</i> Экономический патриотизм российских предпринимателей	249

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

<i>Андрущенко Н., Мухамедрахимов Р.Ж., Крюков Е.Ю.</i> Скрининговая диагностика развития младенцев с ВЖК, родившихся до срока	251
<i>Аринцина И.А., Аникина В.О., Бохан Я.А., Васильева Н.Л.</i> Особенности психологического состояния женщин, перенесших перинатальную утрату	253
<i>Асламазова Л.А., Мухамедрахимов Р.Ж.</i> Проблема отказов от воспитания приемных детей в замещающих семьях	254
<i>Бахова А.А., Аникина В.О.</i> Особенности эмоциональной сферы и самооценки нормотипичных детей в интегративных группах детского сада	255
<i>Бержанова М.К., Васильева Н.Л.</i> Характеристики развития детей на основе шкалы RCDI-2000	256
<i>Блох М.Е., Усова А.В.</i> Стратегии построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детском возрасте	257
<i>Бурова Т.А.</i> Супервизия как инструмент профилактики эмоционального выгорания психологов	258
<i>Гринюк В.В., Аникина В.О.</i> Динамика показателей психического здоровья матери от периода беременности до периода раннего детства ребенка в ситуации глобального стресса	259
<i>Дремова С.А.</i> Взаимосвязь типов привязанности, стилей детско-родительских отношений и склонности к девиантному поведению у подростков	260
<i>Еселевич А.П., Аникина В.О.</i> Эмоциональное состояние и родительские компетенции участников родительских групп	261
<i>Железняк Л.С., Ярыгина О.Ю.</i> К вопросу о подготовке волонтеров	262
<i>Карпинская В.Ю., Поликутина О.С.</i> Совместная работа персонала поликлиники и родителей в зале сенсомоторной интеграции «Дом Совы» при реабилитации детей раннего возраста (клинический случай)	264

<i>Лучникова А.П., Блохина О.А.</i> Использование международных шкал оценки семейно-центрированности в работе службы ранней помощи	266
<i>Майер М., Андрущенко Н.В.</i> Диагностические возможности и ограничения теста Bayley-III при оценке развития детей, родившихся до срока	267
<i>Миронова В.А., Шарагина А.С., Голикова М.А., Пальмов О.И.</i> Потребности и ожидания родителей детей с нарушениями развития в программах ранней помощи.....	269
<i>Никулина Е.О., Пасторова А.Ю.</i> Отношение к себе и особенному ребенку у нормотипичных детей в интегративных группах детского сада	270
<i>Павлова Е.В., Андрущенко Н.В.</i> Социально-средовые характеристики и развитие речи у детей раннего возраста с кохлеарным имплантом	271
<i>Пуны О.Б., Гофман О.О.</i> Индивидуально-психологические и организационные аспекты отчуждения труда у специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья	272
<i>Родина М.А., Блох М.Е.</i> Материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: пилотное исследование	273
<i>Сибатуллина А.М., Пальмов О.И.</i> Представления матерей о психическом развитии и потребностях своих детей раннего возраста в связи с их опытом отношений с собственными родителями в детстве	274
<i>Суркова К.Л., Зверева Н.В., Сергиенко А.А.</i> Исследование влияния течения беременности и состояния здоровья матери на дальнейшее когнитивное и речевое развитие ребенка, зачатого методом ВРТ	275
<i>Удалова А.Д., Андрущенко Н.В.</i> Взаимодействие между ребенком с аутизмом и родителем на начальном этапе применения Денверской модели ранней помощи	276
<i>Федорова С.С., Пальмов О.И., Кондратьева Д.В.</i> Характеристики взаимодействия матерей и детей раннего возраста в режимных ситуациях в связи с участием в программе сопровождения ребенка и семьи	277
<i>Шабас С.Г.</i> Адаптация ребенка раннего возраста в детском саду: современные социально-психологические проблемы	278

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

<i>Борисова Д.Ю.</i> Анализ взаимосвязи двигательных и коммуникативных проявлений с личностными характеристиками взрослых людей в процессе танцевально-двигательной терапии.....	279
<i>Виноградова Е.Л., Филяев М.А., Шишкина А.М.</i> Психосоматический подход к психотерапии «панических атак» по методике PSY 2.0	281
<i>Воищева Н.М.</i> Опыт агидраматической работы в зоне СВО	283
<i>Воронцова А.В., Тельнова О.В.</i> Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте как элемент целостной работы над профилактикой и коррекцией абьюзивных отношений	284
<i>Дорофеева А.С., Шерягина Е.В.</i> Концепция «раненого целителя» в юнгианском анализе и экзистенциальной психотерапии	285
<i>Калантарова М.В., Шведовская А.А., Рощина И.Ф., Иванчина Н.В.</i> Когнитивная стимулирующая терапия в работе с лицами пожилого возраста с мягким когнитивным снижением и деменцией, постоянно проживающих в условиях социальных учреждений	286
<i>Крючков К.С., Петровский В.А.</i> Этика психолога-практика как психологический феномен личности	287
<i>Лебедева Е.И.</i> Профессиональная подготовка специалистов в области психодрамы: методология и опыт	288
<i>Осетрова М.А.</i> Присутствие в процессе психотерапии: феноменологическое исследование	290

<i>Первушин Н.С.</i>	Особенности и ограничения изучения терапевтического поворота в российском контексте.....	291
<i>Пузырей А.А.</i>	Дзенская практика совместной медитации – рэнга – как метод майевтической феноменологии инициального опыта.....	292
<i>Пышкин И.Д., Иванов И.А.</i>	«Исцеляющий смысл» В. Франкла: перспективы применения логотерапии в психологической практике с людьми христианской религиозной идентичности.....	293
<i>Рахманина А.А., Борисоник Е.В.</i>	Специфика групповой психологической работы в стационаре скорой помощи.....	294
<i>Ревин К.С.</i>	Психотерапевтическое взаимодействие как путь к экзистенциальности.....	295
<i>Садриева Д.Ф., Климочкина А.Ю.</i>	Рефлексия как метод психологической самопомощи.....	296
<i>Сиверцев Е.Ю.</i>	Эмоции и их корректировка при помощи систем, использующих искусственный интеллект	297
<i>Скрыльникова Н.И., Федотова М.В.</i>	Контрперенос как инструмент работы в современной клинической практике.....	298
<i>Соловьева С.Л.</i>	Ценности российской ментальности как ориентиры психотерапии	299
<i>Соловьева С.Л.</i>	Духовный уровень реабилитации	300
<i>Терлецкий В.В., Сокун Д.А.</i>	Психологическая коррекция агрессивного поведения пациентов психоневрологического интерната.....	301
<i>Фанталова Е.Б.</i>	Методика ЗА и ПРОТИВ в психологической диагностике и психотерапии.....	302
<i>Холмогорова А.Б., Лобанова М.И.</i>	Комплексное ПТСР – акцент на детские травмы в новой диагностической единице МКБ-11	303
<i>Чугунов Д.Н.</i>	Психотерапевтические аспекты внутренней картины болезни при невротических расстройствах.....	304

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Агаджанова Э.Р.</i>	Коммуникативная компетентность врачей различного профиля.....	305
<i>Анисимов Л.Н., Солдатов Е.Л.</i>	К исследованию ностальгии на этапе адаптации курсантов к служебной деятельности.....	307
<i>Васильева И.В.</i>	Мотивация к чтению и переживания от чтения сотрудников ОВД	308
<i>Жердева А.А., Пеклова А.Г.</i>	Психологическое благополучие как условие формирования военной идентичности курсантов военного учебного центра.....	309
<i>Казачёнок Ж.И.</i>	К вопросу о воле в контексте психологического обеспечения профессиональной и служебной деятельности	310
<i>Качаева В.В., Мазаева Е.С.</i>	Связь эмпатии и переживаний в деятельности у представителей социномических профессий	311
<i>Клименко Т.С., Абдуллаева М.М.</i>	Врачи ядерной медицины: особенности рабочей нагрузки и анализ трудовых задач.....	312
<i>Крутелева Л.Ю.</i>	Особенности ценностных ориентаций и социально-психологических установок военнослужащих.....	313
<i>Лобанов А.П., Станкевич Д.А.</i>	Усталость специалистов помогающих профессий в контексте профессиональной эффективности	314
<i>Лысенко Н.Е., Пеева О.Д.</i>	Индивидуально-психологические особенности женщин с различным уровнем адаптации к стрессу.....	315
<i>Митрухина С.В., Слюсарь Е.С.</i>	Исследование индивидуально-психологических причин добровольного ухода из профессии молодых специалистов по социальной работе	316

<i>Пензина Д.Е., Евсеева А.Н.</i>	Копинг-стратегии пожилых лиц как фактор их жизнестойкости	317
<i>Соболева М.А., Проценко А.В.</i>	Акцентуации характера и характеристики саморегуляции поведения у курсантов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России	318
<i>Соколова М.М., Токарева Ю.А.</i>	Влияние психологического сопровождения на развитие показателей стрессоустойчивости у курсантов средних профессиональных учебных заведений морского профиля	319
<i>Соколова М.М., Токарева Ю.А.</i>	Модель психологической поддержки профессионально-личностного развития курсантов в контексте работы психологической службы морского колледжа.....	321
<i>Тарасова А.А.</i>	Специфика проявления негативных психологических последствий у специалистов МЧС России при внеплановом скрининге	323
<i>Чепурнов И.А.</i>	Психофизиологический анализ профессиональной деятельности операторов сложных военно-технических систем	324
<i>Шипитыко О.Ю., Жердева А.А.</i>	Роль идентичности и доверия в проявлении морально-психологического климата воинского подразделения	326

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Бубновская О.В.</i>	Особенности переживания времени молодежью в пространстве девиантного поведения.....	327
<i>Воронцова Е.В.</i>	Психологические факторы развития созависимости	329
<i>Голубева Н.Ю.</i>	Дихотомическая природа руминаций	331
<i>Гофман О.О.</i>	К проблеме отдыха субъектов труда	332
<i>Дорошева Е.А.</i>	Руминации в структуре саморегуляции поведения	333
<i>Зорич Е.А.</i>	Барьеры здоровья, жизненные ценности и особенности отношения к здоровью специалистов строительной отрасли	334
<i>Кузнецова Л.В., Лавринович Т.Г.</i>	Представления о качествах домашней среды у подростков и родителей многодетных и замещающих семей в аспекте психологического благополучия.....	335
<i>Натаров В.И.</i>	Профессионально-психологическое здоровье – основной фактор надежности человека в системах обеспечения безопасности	336
<i>Никифоров Г.С.</i>	Внимание и самоконтроль	337
<i>Полякова М.</i>	Ресурсы эффективности эмоциональной регуляции у врачей-психиатров	338
<i>Прусаков В.И., Шаболтас А.В.</i>	Ценности и защиты как регуляция самосознания	340
<i>Рымарева Е.Е., Розанов В.А.</i>	Оценка роли стресса в патогенезе псориаза (метод интервью в сочетании с психометрическими измерениями)	341
<i>Семенкина О.В., Зорина Е.С.</i>	Арт-терапевтический подход в психолого-педагогическом сопровождении, направленном на коррекцию эмоционального состояния детей младшего школьного возраста с онкологическими заболеваниями	342
<i>Сивов А.Ю., Марарица Л.В., Цигеман Э.С., Солдатова Е.Л.</i>	Влияние индуцированной ностальгии на психоэмоциональное состояние: экспериментальное исследование	343

<i>Смолова Л.В.</i>	Процессуальность развития внутреннего мира человека.....	344
<i>Фрейманис И.Ф., Фрейманис Д.Р.</i>	Мобильные приложения, направленные на улучшение психологического благополучия, исследование мнения пользователей.....	345
<i>Шевеленкова Т.Д., Сальникова М.М.</i>	Психологическое благополучие в подростковом возрасте: структура и половые различия.....	346
<i>Янко Е.В., Евсеева Е.К.</i>	Особенности психического состояния студентов в ситуации депривации от цифровых средств связи.....	347

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

<i>Александров М.А., Мальцева А.В.</i>	Современные модели обработки данных в социально-психологических исследованиях.....	349
<i>Али-заде А.А.</i>	Влияние социальной адаптации и интернет-зависимости на склонность к кибербуллингу.....	351
<i>Гинтер Е.С., Яничева Т.Г.</i>	Особенности самопрезентации в социальных сетях личности с нарциссическими чертами.....	352
<i>Демина В.А., Ананьева К.И.</i>	Взаимосвязь восприятия ситуаций кибербуллинга и уровня враждебности взрослыми людьми.....	353
<i>Куликов Л.В., Реймова Д.Ж.</i>	Сочувствие в современной интернет-коммуникации.....	355
<i>Лашманкин А.В., Чердымова Е.И., Кусманов Т.М.</i>	Современные социальные практики получения новостной информации студентами в цифровой среде.....	356
<i>Микляева А.В.</i>	Цифровые трансформации взаимоотношений: к развитию идей ленинградской-петербургской социально-психологической школы.....	357
<i>Мышкина М.С., Эрденкова Л.В.</i>	Особенности семейной идентичности цыган.....	358
<i>Позднякова Т.Б., Васина Е.А.</i>	Ценностные ориентации субъектов познания с разным уровнем развития способности к прогнозированию развития межличностного взаимодействия.....	359
<i>Тучина О.А., Тубальцова Е.А.</i>	Ценностные основания идентичности с городом (на материале исследования респондентов Краснодара).....	361

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

<i>Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Зайниддинова М.Н., Шенгелия Н.М.</i>	Особенности адаптации мигрантов шестой волны.....	363
<i>Винникова А.Ю., Обидин И.Ю.</i>	Динамика виктимблейминга у сторонних наблюдателей насилия и личностная ригидность.....	364
<i>Гришина А.В.</i>	Информационное поведение личности в инцидентной ситуации: психологические предикторы.....	365
<i>Екимчик О.А., Суворкина Л.А.</i>	Факторы диадического копинга партнеров близких отношений.....	366
<i>Зазимко А.С., Бурина Е.А.</i>	Индивидуально-психологические особенности совладания с утратой романтического партнера.....	367
<i>Истомина Е.А., Михайлова Н.Ф.</i>	Предикторы особенностей личности и психического здоровья у жертв буллинга.....	368
<i>Киселёва И.В.</i>	Стратегии совладающего поведения студенческой молодежи с различными личностными особенностями, проживающей в условиях постоянной витальной угрозы.....	369
<i>Марковская Г.Г., Жуйкова С.Е.</i>	Адаптация шкалы жестокого обращения в партнерских отношениях для взрослых, пострадавших от домашнего насилия.....	370

<i>Оболонкова Е.В., Трусова А.Д.</i>	Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и склонности к созависимости в партнерских отношениях у девушек, переживших психотравмирующий опыт в детском и подростковом возрасте.....	371
<i>Орлова А.А.</i>	Отношение к смерти и аутоагрессии у подростков и их влияние на суицидальное и самоповреждающее поведение	372
<i>Пятакова Г.В.</i>	Травматические переживания у детей с последствиями термических повреждений.....	373
<i>Тарасова А.А.</i>	Особенности и коррекция психологических изменений у специалистов МЧС России, связанных с профессиональной деятельностью и последствиями перенесенного заболевания COVID-19.....	374
<i>Тихомирова Е.В., Сапоровская М.В., Самохвалова А.Г.</i>	Специфика переживания военной угрозы и ее когнитивной оценки у молодежи в зависимости от пола и статуса близких отношений	376
<i>Трусова А.Д., Фаустова А.Г.</i>	Субъективная витальность и жизнестойкость как личностные ресурсы совладания с травмирующей ситуацией у онкологических пациентов	377

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Александрова Е.Е., Костромина С.Н.</i>	Комментарий к исследованию содержания персональных мифов современного человека	378
<i>Андреева Д.А., Макарова М.В.</i>	Об умершем либо «хорошо», либо ничего: анализ феноменологических интервью переживших утрату значимого близкого человека.....	380
<i>Баранова А.В.</i>	Наиболее и наименее вероятные возможные Я: введение конструктов.....	381
<i>Блохина М.А., Мунгалов В.Н.</i>	Временная перспектива и экзистенциальная исполненность студентов-психологов	382
<i>Гаранжа А.В., Федоряко Л.В.</i>	Сформированность компонентов личностной зрелости у работающей и безработной молодежи	383
<i>Гребенникова О.В.</i>	Проблема жизнестойкости молодежи в цифровой повседневности.....	384
<i>Давер Д.И., Пищик В.И.</i>	Особенности сетевого дискурса поколений Y и Z.....	386
<i>Дьячук А.А.</i>	Роль переживания времени личностью в динамике ее изменений.....	388
<i>Захарова Ю.В., Кисельникова Н.В.</i>	Изучение проявлений морального отчуждения у российских психологов-консультантов	389
<i>Зинченко Е.В., Аленичева Ю.С.</i>	Особенности общения личности в CHARACTER AI.....	390
<i>Карачева Е.А., Савина О.О.</i>	Феномен посттравматического роста и обесценивания и работа личности над собой	391
<i>Каширский Д.В.</i>	Переживание счастья: роль внутренних противоречий в системе ценностей.....	392
<i>Квасова О.Г.</i>	Смысловые модели психической травмы	393
<i>Корниенко Д.С., Ячменёва Н.П., Балева М.В.</i>	Пол как фактор различий в связях отчуждения моральной ответственности и черт темной тетрады	395
<i>Кориунов Д.С., Лебедева А.А.</i>	Качественное исследование феноменологии внутреннего диалога	397
<i>Мазнева Е.Э., Хмелевская О.Е.</i>	Личностные характеристики «Темной триады» у татуированных девушек.....	398
<i>Мамаева-Найлз В.Д.</i>	Временная протяженность ситуации как фактор проявления саморепрезентации личности в ситуациях целевой неконгруэнтности	399
<i>Обухова Е.Ю., Кузнецова Е.А.</i>	Образ будущего у людей с разным отношением к смерти	400

<i>Платонова Я.С., Зиновьева Е.В.</i>	Исследование обыденных представлений о новой жизненной ситуации в контексте жизненного опыта.....	401
<i>Поденков А.О., Аванесян М.О.</i>	Изменения возможных Я в ситуации нарушенных ожиданий.....	403
<i>Полева Н.</i>	Цифровое пространство и проблемы устойчивости личности.....	404
<i>Руденко С.В.</i>	К проблеме изучения макиавеллизма в контексте эмоционального интеллекта.....	405
<i>Сулим О.С., Нуркова В.В.</i>	Самоопределяющие ментальные фотографии: к эскизу портрета нового феномена регуляции идентичности.....	406
<i>Тулчинский Г.Л.</i>	Субъектность, смыслообразование и цифровизация.....	407
<i>Филатова А.Ф., Костромина С.Н.</i>	Феноменология переживания личностью собственной деструктивности: ценностно-смысловые аспекты.....	408
<i>Хацкелевич М.А., Фомина Т.Г.</i>	Особенности временной перспективы и представлений о будущем у людей с разным уровнем осознанной саморегуляции достижения целей.....	409
<i>Шевелева М.С.</i>	Шкала «Профиль самозванца IPP31»: многострановая психометрическая оценка.....	410

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Азбель А.А., Галактионова Т.Г., Буткевич Я.В.</i>	Барьеры и трамплины развития личностного потенциала в российских школах: кейс-стади вхождения школ в проект «Мастерские роста».....	411
<i>Алиева Э.М., Костромина С.Н.</i>	Насыщенность индивидуального образовательного пространства.....	413
<i>Антонова Н.Л.</i>	Альтруизм как источник социального благополучия личности в оценках студентов.....	414
<i>Бабодей Е.А., Банищиков А.В.</i>	Психологические особенности подростков, воспитывающихся в полных и неполных семьях.....	415
<i>Баранова А.Ю., Самсонова Н.Г., Карпухина Ю.В., Гречухина В.В.</i>	Особенности профориентационной работы с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата.....	416
<i>Беликов С.Н.</i>	Критерии оценки учебной задачи с формулировкой «Раскройте...».....	418
<i>Борисова С.Е.</i>	Сторителлинг как метод когнитивной дидактики в контексте повышения квалификации сотрудников Госавтоинспекции.....	420
<i>Буракова И.В., Воробьева Е.В.</i>	Дифференциальная диагностика причины задержки речевого развития у детей 2-4 лет с сохранным слухом.....	421
<i>Валиев Р.А., Смирнов А.В.</i>	Разработка специальных форм методики для психологической диагностики детей-мигрантов в современной образовательной среде.....	422
<i>Владимирский К.П., Наследов А.Д.</i>	Влияние любопытства как чувства депривации и как чувства интереса на учебную мотивацию старшеклассников.....	423
<i>Воробьева И.В., Шевалдина Д.Д., Матвеева А.И.</i>	Эмоциональное выгорание педагогов как предиктор их удовлетворенности профессиональной деятельностью.....	424
<i>Воронко Е.В., Бабурчик А.С.</i>	Формирование навыка сообщения «плохих новостей» у студентов медицинского университета.....	425
<i>Голубева А.В., Коваленко А.Ю.</i>	Внедрение цифровых технологий в практику преподавания нейронаук студентам-психологам.....	426

<i>Двойнин А.М.</i>	К проблеме экспертизы диссертационных исследований в области педагогики и психологии образования	427
<i>Дидигова А.Ю., Воробьева Е.В., Иващенко Л.И., Кобзарь О.Н.</i>	Развитие навыков связной диалогической речи у младших школьников с расстройством аутистического спектра посредством применения сенсорных игр.....	428
<i>Дикая Л.А., Егорова В.А.</i>	Факторы, влияющие на вовлеченность обучающихся в исследовательскую деятельность: окружающая среда и психологические аспекты.....	429
<i>Добровольская Е.В., Гнедых Д.С.</i>	Математическая тревожность и представления, связанные с математикой, у учащихся физико-математического лицея.....	430
<i>Евзельман Н.В., Солдатова Е.Л.</i>	К обоснованию изучения любознательности в образовательной среде.....	431
<i>Егорова В.А., Дикая Л.А.</i>	Навыки будущего у обучающихся с различной субъективной успеваемостью	432
<i>Жевак А.Г., Карагачева М.В.</i>	Личностные особенности студентов и мотивы выбора профессии студентов.....	433
<i>Звездина Г.П., Гришина Г.В., Комерова Н.Е.</i>	Особенности информационного поведения студентов вузов из разных регионов России	434
<i>Исхаков Ф.Р.</i>	Конструирование функциональной психической организации ребенка средствами поведенческих технологий и нарративной терапии родителей. Описание кейса.....	435
<i>Исхакова М.П., Тихомирова М.А.</i>	Эмоциональная регуляция и контроль студентов в ходе учебной деятельности	436
<i>Казаева Е.А., Чхетиани Н.С., Кацеев Е.О.</i>	Факторы, влияющие на формирование гражданской идентичности обучающихся	437
<i>Каримова В.Г., Смирнов А.В.</i>	Особенности диагностики детей-мигрантов в современной образовательной среде.....	439
<i>Кац Е.Э., Сорокин В.М., Щукин А.В.</i>	Эксперимент длиной в жизнь. Памяти А.В. Суворова (1953–2024 гг.).....	440
<i>Кац Е.Э., Сорокин В.М., Щукин А.В.</i>	Научное наследие Д.Н. Исаева в пространстве современной педиатрической и специальной психологии (к 95-летию со дня рождения)	441
<i>Колосова Т.А., Мельникова А.Р.</i>	Дневник рефлексии в развитии Я-концепции у подростков с интеллектуальными нарушениями	442
<i>Кузьмина Д.А., Веселова Е.К.</i>	Взаимосвязь стиля саморегуляции с типами фрустрационных реакций и нравственной направленностью личности студентов	444
<i>Купавцев Т.С.</i>	Целеполагание педагогической поддержки	445
<i>Ласкина И.И., Даринская Л.А.</i>	Инструменты на основе искусственного интеллекта в деятельности преподавателя психолого-педагогических дисциплин.....	446
<i>Линь Я.</i>	Обучение трудоустройству студентов в условиях интернационализации высшего образования	447
<i>Лукошко-Смолкина Д.А., Посохова С.Т.</i>	Мотивы принятия ребенка и социально-демографические особенности родительства	449
<i>Макаров Ю.А.</i>	Роль национальной культуры и национального самосознания в воспитании.....	450
<i>Меньшикова Л.В., Шевченко К.И.</i>	Особенности взаимосвязи прокрастинации со смысложизненными ориентациями и временной перспективой у студентов вуза.....	451
<i>Миносян К.С., Воробьева Е.В., Иващенко Л.И., Кобзарь О.Н.</i>	Развитие коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста с РАС с применением средств арт-терапии.....	452
<i>Морозова П.А., Криволапова А.А., Илюшин Л.С.</i>	Педагогическая поддержка в обратной связи и ее влияние на вовлеченность школьников в проектно-исследовательскую деятельность в цифровой образовательной среде.....	453

<i>Печеркина А.А., Борисов Г.И., Тарасов Д.А.</i>	Роль образовательной среды в формировании эмоционального благополучия школьников.....	455
<i>Пылинская Н.А.</i>	Содержательные компоненты структуры погруженности младших подростков в пространство цифровой информационной среды	456
<i>Рахматулина А.А., Бакаева И.А.</i>	Стимулирование познавательной активности школьников 8–9 классов в химии с использованием методов неформального образования	457
<i>Рывкина М.С., Демьянчук Р.В.</i>	Базовые элементы теоретической модели воспитательного потенциала педагога	458
<i>Сокол А.В.</i>	Отношение к миру и отношение к себе у студентов	459
<i>Соколова В.Н., Портнова А.Г.</i>	Особенности взаимосвязи эмпатии и нейротизма у девушек и юношей – первокурсников медицинского университета	460
<i>Соловьева Е.А.</i>	Психосемантика архитектуры учебных заведений	461
<i>Столбова Д.Б., Демьянчук Р.В.</i>	Образ будущего студентов (на примере студентов-психологов).....	462
<i>Тихонова С.С.</i>	Мотивация к чтению и переживания от чтения студентов вузов.....	464
<i>Торпашева Н.А., Илюшин Л.С.</i>	Учитель в эпоху искусственного интеллекта.....	465
<i>Хрусталева Е.С., Писаренко И.А.</i>	Подготовка будущих воспитателей к психолого-педагогической поддержке семьи дошкольника.....	466
<i>Цыганов И.Ю., Потанина А.М., Кондратюк Н.Г.</i>	Общепсихологические и профессионально ориентированные регуляторные ресурсы обучающихся: анализ сдерживающих эффектов пола и возраста.....	467
<i>Цыганова Е.М., Нисская А.К.</i>	Представления о самостоятельности в прошлом и сейчас с позиции прародителей младших школьников и младших подростков.....	468
<i>Чебыкина Е.Ю.</i>	Роль экологической психологии в системе образования и научного знания	469
<i>Чемет Е.В., Медина Бракамонте Н.А.</i>	Особенности учебной мотивации в процессе профессионального обучения студентов-психологов младших курсов	470
<i>Чернявская Е.А.</i>	Невербальная коммуникативная компетентность старших школьников с интеллектуальными нарушениями.....	471
<i>Шатская А.Н.</i>	Саморегуляция и социально-эмоциональное развитие дошкольников: роль социально-демографических характеристик семьи	472

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ВЗРОСЛОСТЬ И СТАРЕНИЕ

<i>Баранова В.А., Савина О.О.</i>	Пожилые люди: образ у молодежи и самовосприятие.....	473
<i>Блок Ю.А., Муртазина И.Р.</i>	Одиночество и эскапизм в период ранней взрослости	475
<i>Вакарина Е.А., Васильева И.В.</i>	Профессиональное благополучие художников: возрастной аспект.....	476
<i>Васильева В.И.</i>	Темная тетрада как предиктор копинг-стратегий в период формирующейся взрослости	477
<i>Ветрова И.И.</i>	Соотношение прокрастинации, контроля поведения и локуса контроля на разных этапах получения высшего образования	479
<i>Григорьева Е.В.</i>	Личностная зрелость и инфантилизм студентов с разным уровнем психологического благополучия.....	481

<i>Дресвянникова Я.В., Петраш М.Д.</i>	Представление о старении и стереотип-зависимая беспомощность	482
<i>Екимчик О.А., Разумова М.И.</i>	Изменение ценностей и установок на близкие отношения у современных молодых женщин поколений «миллениалов» и «зумеров»	483
<i>Зиман М.А., Токарева Ю.А.</i>	Цифровое пространство и психологические ресурсы людей пожилого возраста	484
<i>Зубова А.В.</i>	Канцелярит в устной и письменной речи подростков как признак снижения эффективности эмоционального интеллекта	485
<i>Киреева О.В., Бушуева Н.Д.</i>	Субъектность у юношей и девушек с разным уровнем ощущения одиночества	486
<i>Коваль Т.Е., Ярчиковская Л.В., Лукина С.М.</i>	Психологические особенности увлечения экстремальными видами спорта современной молодежи (на примере подросткового альпинизма и скалолазания)	487
<i>Крупина К.М.</i>	Роль позитивного аффекта в представлении о старении	488
<i>Крутелева Л.Ю., Кара Ж.Ю.</i>	Особенности самоотношения и удовлетворенности жизнью у лиц средней зрелости с разным уровнем интернет-зависимости	489
<i>Маланчук И.Г., Шлетгауэр Т.В.</i>	К исследованию проблемы системогенеза социального сознания: старший дошкольный возраст	490
<i>Муртазина И.Р.</i>	Переживание одиночества взрослыми в связи с их ориентацией на социум и психологическим благополучием	491
<i>Пырьева Д.С., Муртазина И.Р.</i>	Взаимосвязь осознанности и переживания одиночества в период средней зрелости	492
<i>Сибирякова А.И., Савеньшева С.С.</i>	Семейные факторы родительского стресса отцов детей раннего и дошкольного возраста	493
<i>Трушина И.А., Куба Е.А.</i>	Особенности удовлетворенности жизнью у людей с разным семейным статусом в период пандемии	494

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ДЕТСТВО И ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ

<i>Альева М.А.</i>	Типы любви в романтических отношениях у юношей и девушек с различными типами Я-концепции	495
<i>Головей Л.А., Богомолов А.М.</i>	Структурная организация адаптационного потенциала личности подростков	497
<i>Головей Л.А., Галашева О.С.</i>	Повседневный стресс в связи с социально-психологической адаптацией подростков	498
<i>Дикая Л.А.</i>	«Навыки будущего» у обучающихся общеобразовательных учебных заведений старшего школьного возраста	499
<i>Захарова Е.И., Ковязина М.С., Баулина М.Е., Короткова Е.Ю., Кулагина В.А.</i>	Разработка системы контроля за психическим развитием детей младенческого и раннего возраста	500
<i>Кравцова А.В., Поскребышева Н.Н.</i>	Исследование опыта романтических отношений в юношеском возрасте	501
<i>Краско А.С., Данилова М.В.</i>	Соотношение роли стрессоустойчивости и социальной поддержки в восприятии стрессов у подростков	502
<i>Кричка М.Н.</i>	Понимание детьми визуально-пространственной перспективы второго уровня	503
<i>Потанина А.М.</i>	Некогнитивные предикторы профиля школьной вовлеченности учащихся средней школы	504
<i>Руднова Н.А.</i>	Роль родительских практик для сдерживающего контроля дошкольников в контексте воспринимаемого детьми стресса	505

<i>Рязанцева Е.Ю.</i>	Взаимосвязь личностных проектов и смысложизненных ориентаций в юности	506
<i>Сабельникова Н.В.</i>	Переживание счастья в юношеском возрасте: роль реализации личностного потенциала и отношений в семье и студенческом сообществе	507
<i>Садовникова Т.Ю.</i>	Мировоззренческая активность у читателей литературы жанра фэнтези в период юности.....	509
<i>Тёмкин И.М., Трошихина Е.Г.</i>	Особенности эмоциональной сферы подростков, имеющих созависимых матерей	510
<i>Цигеман Э.С., Барцева К.В., Лиханов М.В.</i>	Взаимосвязи между чертами личности, пространственными способностями и пространственными интересами у подростков.....	512
<i>Черная А.В.</i>	Особенности эмоциональной социализации дошкольников в семье	513

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Андреев В.В.</i>	Психосемантический анализ понятия мотивационный потенциал спортсмена	514
<i>Андреев В.В.</i>	Образ спортивного психолога в системе представлений спортсменов.....	516
<i>Банаян А.А., Георгиади В.В., Медведева Н.В., Дегтярев В.А.</i>	Возрастные особенности совмещения социальных ролей в спорте.....	517
<i>Бочавер К.А., Десятникова А.В.</i>	Аутентичность как возможный ресурс успешной реабилитации травмированного спортсмена.....	518
<i>Бочавер К.А., Резниченко С.И.</i>	Личностная аутентичность в контексте спортивной мотивации	519
<i>Васюкова Е.</i>	Особенности познавательной сферы шахматного эксперта.....	520
<i>Ветвицкая Т.В.</i>	Психосоциальные характеристики личности тренеров в адаптивных видах спорта	521
<i>Газизова Е.А., Станиславская И.Г.</i>	Профилактика психологического выгорания высококвалифицированных стайеров	522
<i>Горская Г.Б., Витер А.А.</i>	Командные стратегии преодоления стресса: структура и методика измерения.....	523
<i>Дементьева И.М.</i>	Предикторы ответственности у гандболистов.....	524
<i>Димура И.Н.</i>	Гендерные особенности отношения к телу в спорте: эстетический аспект.....	525
<i>Димура И.Н., Бондаренко Д.А.</i>	Психологические особенности адаптации спортсмена после завершения карьеры (casestudy)	526
<i>Димура И.Н., Косалапова Д.А.</i>	Личностный фактор в профессионализации спортсмена.....	527
<i>Довжик Л.М., Селедкова Е.Н.</i>	Особенности ресурсов благополучия и мотивации у женщин, занимающихся хатха-йогой.....	528
<i>Жабаква Т.В.</i>	Индивидуализация психологической подготовки боксеров к соревнованиям	529
<i>Ильина Н.Л.</i>	Анализ запросов к спортивному психологу от родителей и тренеров спортсменов 10-12 лет	530
<i>Махмудова С.А., Ильина Н.Л.</i>	Особенности мотивации и ценностных ориентаций спортсменов юношеского возраста из России и Узбекистана.....	531
<i>Никитина А.В., Водопьянова Н.Е.</i>	Игропрактика для профилактики профессионального выгорания фитнес-тренеров	532
<i>Плотникова Н.С.</i>	Методика коррекции ценностных ориентаций личности «Построение «Башни собственной жизни» в работе со спортсменами.....	533
<i>Полубедова А.С., Горская Г.Б.</i>	Взаимосвязи социально-психологической адаптации и черт большой пятерки у спортсменов	534

<i>Ромашко Ю.С., Горская Г.Б.</i>	Особенности взаимосвязи метакогнитивных умений и персональных ресурсов спортсменов различной квалификации.....	535
<i>Соловьева А.В., Уляева Л.Г., Уляева Г.Г., Плотникова Н.С.</i>	Об актуальности разработки и внедрения профессионального стандарта «спортивный психолог»	536
<i>Степанян Л.С., Хитарян Д.С., Лалаян Г.А.</i>	Экспериментальное исследование влияния дзюдо на основные характеристики буллинга в школах РА	537
<i>Тиунова О.В.</i>	Опросник «Профессиональная ориентация спортивного психолога»: интерпретация и использование результатов	538
<i>Уляева Л.Г.</i>	Системная детерминация самореализации личности в детско-юношеском спорте	540

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Абрашкин Д.А., Найченко М.В., Богданова О.А.</i>	Исследование характеристик изменения динамики распределения саккад летчика в процессе эксплуатации самолёта в условиях сложных положений	542
<i>Акимова А.Ю., Обознов А.А., Рунец О.В.</i>	Факторы сверхдоверия и сверхнедоверия специалиста информации от интерфейса технической системы.....	543
<i>Басимов М.М.</i>	Нелинейность и релятивизм связей в психологии труда	544
<i>Бугулиев Л.Г., Водопьянова Н.Е.</i>	От потери ресурсов к выгоранию	545
<i>Бычкова В.И., Кузнецова А.С.</i>	Эффективная саморегуляция функциональных состояний как профессионально важная особенность практикующих психологов.....	546
<i>Виноградова В.О., Цымбалюк А.Э.</i>	Факторы карьерной адаптивности у студентов 1 курса вуза.....	547
<i>Жигулина М.А., Карпов А.А.</i>	Структурно-психологический анализ в исследовании влияния личностной зрелости (полноценного функционирования личности) специалистов сферы социальной защиты на выраженность профессионального выгорания	548
<i>Кукин О.Н.</i>	«Энергия»: методологические принципы эргономики и организационные особенности проектирования пилотируемых космических аппаратов.....	549
<i>Обознов А.А., Бессонова Ю.В.</i>	Эргономические уязвимости взаимодействия человека с новыми технологиями.....	550
<i>Патраков Э.В.</i>	Технопессимизм имеет ресурс для успеха деятельности социэкономических профессий в цифровой среде? ..	551
<i>Родина О.Н., Бывальцева Е.А.</i>	Взаимосвязь выраженности состояния стресса с индивидуально-личностными особенностями у следователей».....	553
<i>Стародумова А.Б.</i>	К вопросу о взаимосвязи социально-психологических факторов и профессионального стресса у медицинских работников	554
<i>Харитонова Е.В.</i>	Личностные стили профессионального выгорания врачей-стоматологов.....	555

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Ануфриев А.Ф.</i>	Предмет психодиагностики и разработка диагностических методик	556
<i>Бурова Т.С.</i>	Апробация голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста BVAQ на российской выборке	557

<i>Жукова Н.Ю., Солдатова Е.Л.</i>	Обзор методов диагностики отношения к смерти.....	558
<i>Злобина М.В.</i>	Анализ психометрических характеристик шкалы конформности А. Меграбяна и К. Стелф.....	559
<i>Кузнецова-Фетисова А.А., Польская Н.А.</i>	Результаты второго этапа апробации опросника аутодеструктивного поведения	560
<i>Наследов А.Д., Мирошников С.А., Ткачева Л.О.</i>	Разработка скрининга симптомов РАС для детей 5-6 лет.....	561
<i>Сороков Д.Г.</i>	Методика «Трехфакторная модель виртуальной идентичности»: от теоретических основ к оценке конструктивной валидности	562
<i>Фёдоров А.А.</i>	Шкала моральной конформности в виртуальном пространстве: разработка и валидизация.....	563
<i>Фомина Т.Г.</i>	Русскоязычная версия опросника «Шкала жизненного проекта»: психометрические характеристики	564
<i>Шурупова Е.Ю., Беловол Е.В.</i>	Разработка опросника для изучения представлений о дружбе	565

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

<i>Адеркас А.М., Почебут Л.Г.</i>	Изучение трансформации социальных представлений посредством анализа диадических оппозиций.....	567
<i>Артамонова А.Г., Воронцова Т.А.</i>	Особенности восприятия юными девушками возраста зрелой женщины на основании восприятия динамического компонента ее внешнего облика.....	569
<i>Афанасьева Ю.А.</i>	Специфика этнической идентичности представителей русской и осетинской этнических групп.....	570
<i>Барыльник С.Н.</i>	Ценностные факторы профессиональной определенности и неопределенности у молодежи.....	571
<i>Блинова Е.Е., Блинов О.Ю.</i>	Жизненная перспектива студентов университетов новых субъектов Российской Федерации	572
<i>Ванюкова Е.П., Казанцева Т.В.</i>	Дефицит эмоциональной близости в паре как фактор субъективного одиночества.....	573
<i>Глушкова В.К., Балева М.В.</i>	Атрибуция ответственности: роль личностных и ситуативных факторов.....	574
<i>Даниленко О.И.</i>	Правила дружеского общения как предмет психологического исследования.....	575
<i>Дубовских Ю.В., Чикер В.А.</i>	Психологические пути восстановления доверия в супружеских отношениях.....	576
<i>Емелин Г.Д., Ениколопов С.Н.</i>	Враждебность и когнитивная сложность: опыт мета-анализа	577
<i>Каменская А.С.</i>	Совладание со стрессом разлуки в (близких) партнерских отношениях.....	578
<i>Лебедев А.Н., Гордякова О.В., Гагарина М.А.</i>	Теория поиска значимости и психологические механизмы ценностно-аффективной поляризации социальной группы.....	579
<i>Матвеева Л.В., Литвинов В.Ю.</i>	Типичный житель собственного региона в представлении молодежи из различных макрорегионов России.....	581
<i>Махмудова Х.А., Куликов Л.В.</i>	Субъективные особенности взаимоотношений коллег по работе	582
<i>Медведева Т.И., Бойко О.М., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю.</i>	Враждебность и негативные ожидания от будущего	583
<i>Мерзляков Д.Е.</i>	Социальная тревожность как предиктор агрессивного поведения: результаты исследования.....	584
<i>Миргород Н.В., Болдырева Ю.Д.</i>	Эмоциональный интеллект и музыкальные предпочтения молодежи	585

<i>Позднякова Т.Б.</i>	К вопросу о связи эмпатии и понимания невербального поведения в юношеском возрасте	586
<i>Попова Т.А., Плетнева К.В.</i>	Личностные черты как предикторы стиля конфликтного поведения	587
<i>Селезнева Ю.В., Тарасова А.Ю.</i>	Этнопсихологические особенности проявления готовности к риску в ситуации неопределенности и геополитической нестабильности.....	588
<i>Шунто А.С.</i>	Сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в 2018 и 2023 гг.	589
<i>Юмкина Е.А.</i>	Семья как предмет историко-психологического анализа: основные методологические подходы	590
<i>Юрченко Н.И.</i>	Социальные и культурные аспекты этнической идентичности студентов: исследование динамики	591

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА

<i>Бредгауер С.П., Потапова Ю.В.</i>	Связь субъективного благополучия с патриотическим поведением омских студентов	593
<i>Бурец Д.А., Щелокова Е.Г.</i>	Особенности карьерных ориентаций, инновативных качеств личности и готовности к риску самозанятых и наёмных работников.....	595
<i>Валеева Г.В.</i>	Стратегии жизнедеятельности студентов педагогического вуза.....	596
<i>Виноградова Я.Е.</i>	Социальные представления молодежи об изменениях	597
<i>Забелина Е.В., Иванова А.А.</i>	Социально-психологические предикторы миграционных намерений (на материале Челябинской области)	598
<i>Зинина А.Ю., Гуриева С.Д.</i>	Семейная идентичность как ресурс ресоциализации личности	599
<i>Ким В.В.</i>	Features of aggression manifestation by chinese students studying in russia and uzbekistan and the related coping strategies. Design of the study	600
<i>Лежнева Е.Ю., Веселова Е.К.</i>	Взаимосвязь монетарных установок с качествами моральной ответственности и эмпатии у будущих педагогов-психологов	601
<i>Ничко Н.В., Гуриева С.Д.</i>	Адаптация шкалы психологического реактивного сопротивления Мерца-Хонга на русскоязычной выборке	602
<i>Осин Р.В.</i>	Адаптационный процесс у мигрантов и их личностные характеристики	603
<i>Сабельникова Н.В., Каширский Д.В., Кравцов О.Г.</i>	Адаптация иностранных студентов к жизни и обучению в России: роль черт «Большой пятерки» и привязанности к близким людям	604
<i>Сапоровская М.В.</i>	Скучание в разлуке с романтическим партнером и динамика близких отношений	606

ПРОТЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: В ПОИСКАХ АНТИСУИЦИДАЛЬНОГО НАРРАТИВА

<i>Лаская Д.А., Розанов В.А., Шаболтас А.В.</i>	К созданию интегративной психологической модели суицида среди студентов высших учебных заведений России	607
<i>Черкашина А.Е., Василенко Т.Д.</i>	Особенности субъективного ощущения одиночества у лиц с самоповреждающим поведением	609
<i>Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н.</i>	Нарративы суицидальные и антисуицидальные: на пересечении подходов	610
<i>Шаболтас А.В., Батлук Ю.В., Красько Е.Л., Лаская Д.А., Самерханова К.А., Розанов В.А.</i>	Поиск протективных факторов суицидального поведения студенческой молодежи (заметки в процессе совершенствования протокола исследовательского проекта).....	611

<i>Шишкова И.М.</i>	
Внутренняя картина здоровья подростков с риском суицидального поведения.....	612

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Арбузова Е.Н., Горбатов С.В.</i>	
Апробация русскоязычной шкалы SCIM в оценке клинического нарушения идентичности.....	613
<i>Афонченко А.А., Вартанян Г.А.</i>	
Особенности ценностно-мотивационной сферы женщин, обвиняемых в мошенничестве.....	615
<i>Бывальцева Т.П., Поздняков В.М.</i>	
Влияние субъектности специалиста-полиграфолога на результативность специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (СПФИ).....	616
<i>Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л.</i>	
Взаимосвязь ностальгии с личностными особенностями женщин в ситуации принудительной изоляции (на примере следственного изолятора).....	617
<i>Загребин Д.Г., Жукова Д.И.</i>	
36 сюжетов в криминалистической тактике раскрытия преступлений.....	618
<i>Ивлева А.Р., Вартанян Г.А.</i>	
Особенности эмоционально-волевой сферы несовершеннолетних правонарушителей с детским травматическим опытом.....	619
<i>Кондаурова О.П.</i>	
Склонность к девиантному поведению у девочек и мальчиков подросткового возраста.....	620
<i>Кулакина А.С.</i>	
Влияние волонтерской деятельности студентов колледжа с девиантным поведением на их самооотношение.....	621
<i>Лоншакова Е.В.</i>	
Личностные особенности отражения образа свидетеля в обыденном сознании.....	622
<i>Медведева А.С.</i>	
Психологическая резистентность младших школьников, вовлеченных в сексуализированные интернет-коммуникации.....	623
<i>Мешкова Н.В., Бочкова М.Н.</i>	
Предварительные результаты исследования антисоциальной креативности у подростков в разных социо-политических контекстах.....	624
<i>Смирнова Т.Г., Колоколова Т.А.</i>	
Психологическая оценка манипулятивного воздействия на жертв телефонного мошенничества.....	625
<i>Хавыло А.В., Азарова Н.В., Енгальчев В.Ф.</i>	
Комплексный анализ физиологических показателей и мимической активности при проведении исследования с применением полиграфа.....	626
<i>Шилова В.А., Бриль М.С.</i>	
Исследование уровней индивидуального нравственного сознания подростков с асоциальным поведением.....	628

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИЙ

<i>Sirisety M., Ravi Sh.D., Nalini B., Baturina L.</i>	
The Relationship between Adolescents' Emotional Intelligence and Parental Perceptions of Internet Usage in India.....	629
<i>Бывальцева Т.П.</i>	
Инновации: между фактом и интерпретацией (размышления).....	630
<i>Воронцова Т.А., Разикова Н.И.</i>	
Психологические аспекты социального контракта как инновационного метода социальной адаптации безработных граждан.....	631
<i>Матемулане Ж., Патраков Э.В.</i>	
Динамика влияния цифровой среды на некоторые показатели профессиональной успешности (на примере России и Мозамбика).....	632
<i>Патраков Э.В., Финн В.К.</i>	
Союз психологии и искусственного интеллекта: можно ли «научить» искусственный интеллект ценностному отношению к личности?.....	634

ДЕТСКАЯ КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Антонова Е., Зверева Н.В.
Москва, ФГБНУ НЦПЗ

Пилотное исследование гендерной перцепции подростков в норме и при расстройствах шизофренического спектра на примере методики «Рисунок человека сзади»

Рисунок человека сзади, расстройства шизофренического спектра, подростковый возраст

Актуальность. Современные отечественные и западные психологи сходятся во мнении о том, что больные шизофренией чаще отклоняются от стереотипных гендерных ролей, реже находят у себя гендерные качества, соответствующие их биологическому полу [1]. Расхождения диагностических критериев некоторых расстройств в МКБ-10 и МКБ-11 порождает новые трудности в определении нарушений гендерной идентичности в рамках расстройств шизофренического спектра (РШС).

Представлено пилотное исследование применения модификации методики «Рисунок человека сзади» для изучения особенностей гендерной и социальной перцепции у подростков в норме и при РШС.

Материалы и методы. Клиническая группа подростков с РШС (F21, F25 и др. по МКБ-10) в количестве 37 чел. (14,5 ± 1,3 лет; 15 мал. и 22 дев.) набиралась на базе 7-го клинического отделения ФГБНУ «НЦПЗ» в период в 2022–2023 гг. (ГШТР). Контрольная группа (КГ) – 35 условно здоровых подростков (15,2 ± 1,0 лет; 15 мал. и 20 дев.), обучающихся в массовых школах Москвы и Петрозаводска. Все испытуемые обследованы индивидуально.

Методика «Рисунок человека сзади» [2] относится к классу проективных, оценивается при помощи качественного анализа, в данном исследовании применялся модифицированный вариант. Инструкция: «Нарисуй, пожалуйста, любого человека в полный рост сзади. Качество рисунка неважно. Ластиком пользоваться нельзя». На все вопросы следует отвечать уклончиво: «Нарисуй любого человека, какого хочешь». Время выполнения рисунка не ограничивается. По окончании рисования психолог задает подростку следующие вопросы: 1. Кого ты нарисовал(-а)? 2. Какого пола этот человек? 3. Сколько ему/ей лет? 4. Что он/она делает? 5. Какое у него/нее настроение?

В свободных рисунках обычно изображают объекты с лицевой стороны. Нестандартность формулировки задания (см. инструкцию) делает тест более проективным, т.к. испытуемый думает не о том, кого нарисовать, а о том, как нарисовать. Изображение в полный рост дает возможность психологу оценить фигуру нарисованного человека, выраженность мужских или женских качеств. Упоминание о том, что качество рисунка неважно, помогает снизить сопротивление у подростка и избежать отказа от выполнения методики из-за низкого уровня навыков рисования.

Качественный анализ результатов показал, что мальчики ГРШС в большинстве случаев изображают мужчин (73%), как и мальчики КГ (83%). Девочки ГРШС чаще изображают женщин (59%), а девочки КГ – мужчин (60%). В ГРШС встречаются рисунки с описанием «Бесполое существо» (9%), чего не наблюдается в КГ. Качество рисунков в обеих группах низкое, что может быть обусловлено особенностью инструкции («Качество рисунка неважно»).

Далее анализировались описания рисунков в ответах на вопросы психолога («Кого ты нарисовал(-а)? Какого пола и возраста этот человек? Что он(-а) делает?»). Подростки ГРШС часто погружались в беспочвенное мудрствование, стараясь придумать некую историю или выстроить причинно-следственные связи, у мальчиков такие особенности мышления наблюдаются чаще, чем у девочек. Приведем описание рисунка мальчика 15 лет (ГШТР): «Это просто человек. У него нет ни пола, ни возраста. Он нарисован, чтобы заполнить пустоту. Он массовка в этом огромном мире». Такое описание косвенно указывает на нарушение целенаправленности мышления (резонерство).

Подростки КГ при описании рисунков ограничиваются краткими, односложными ответами (например, «Он(-а) стоит», «У него/нее хорошее настроение»).

Заключение. Опыт применения методики «Рисунок человека сзади» показал ее адекватность в оценке гендерного восприятия подростков в норме и при РШС. Есть ограничения (малое число испытуемых). Намечены перспективы исследования.

1. Авилов А.Ю., Бизюк А.П. Особенности гендерной идентичности и сексуального поведения у лиц с нарушениями психики. – 2017. – С. 229.
2. Дворянчиков Н.В. Исследование полового самосознания в решении научно-практических задач в судебной сексологии // Диагностика в медицинской психологии: традиции и перспективы. – 2011. – С. 142.

Благодарова М.В.
Москва, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

Григорьева А.В.
Москва, НИКИ педиатрии и детской хирургии им. академика Ю.Е. Вельтищева

Троицкая Л.А.
Москва, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России, ИКПСР

Специфичность нарушений психического развития у детей дошкольного возраста с туберозным склерозом при нейропсихологическом подходе исследования

Туберозный склероз, детская нейропсихология, нарушения психического развития, генетическая патология

Туберозный склероз 2 – генетически детерминированное орфанное заболевание из группы факоматозов, сопровождающееся широким спектром клинических проявлений, вследствие развития множественных доброкачественных опухолей в различных органах включая головной мозг. Со стороны нарушений ЦНС данный диагноз сопровождается эпилепсией, аутизмом, когнитивными и поведенческими нарушениями различной степени выраженности [1, с. 111]. Нарушения обучения встречаются у 50% детей с диагнозом туберозный склероз. Неравномерный характер нарушений психических функций – от нормы когнитивного развития до умственной отсталости разной степени выраженности – затрудняют возможности выявления «истинно нейропсихологических» нарушений при данной генетической патологии. Цель данной работы – выделение специфического для данного генетического синдрома нейропсихологического дефицита, который обуславливает нарушения психического развития и наблюдается как у детей с недоразвитием, так и у детей с отсутствием сопутствующего диагноза умственной отсталости. Оценка нарушений психического развития производилась с помощью метода «Профиль психического развития», разработанного Л.А. Троицкой, Н.Е. Малаховой и др. для детей с умственной недостаточностью, и комплекса методик общего нейропсихологического исследования А.Р. Лурия, адаптированных для детского возраста [2, с. 15].

Исследование проводилось на базе НИКИ педиатрии и детской хирургии им. академика Ю.Е. Вельтищева в отделении психоневрологии. Выборку составили суммарно 15 детей с диагнозом туберозный склероз. Из 15 детей у 6 присутствует сопутствующий данному генетическому заболеванию диагноз умственной отсталости.

На первый план в группе детей с туберозным склерозом с умственной отсталостью выступают следующие особенности психической деятельности:

Нарушения предметно-конструктивной деятельности, проявляющиеся в: неадекватном использовании стимульного материала, в трудностях манипулирования предметами, несформированном уровне обобщений на категориальном уровне.

Нарушения в сфере общения, обнаруживаемые в трудностях поддержания зрительного контакта, сниженной потребности в коммуникации.

Нарушения сферы речевой деятельности, о которых свидетельствует позднее становление речевой деятельности, в ряде случаев отсутствие фразовой речи, нарушение фонетико-фонематического слуха, несформированность номинативной речи, бедный лексический словарь.

На первый план в группе детей с туберозным склерозом без умственной отсталости выступают следующие особенности психической деятельности:

Нарушения в сфере речевой деятельности, обнаруживаемые в нарушениях номинативной функции речи, нарушении фонетико-фонематического слуха, бедности лексического словаря, низкой речевой инициативы.

Нарушения в сфере общения, проявляющиеся в отсутствии оживления при контакте, низком уровне контактности, пассивности и замкнутости.

Так, наиболее близкие показатели среднего значения индекса развития между двумя группами наблюдаются в следующих сферах: речевая деятельность и сфера общения.

Отсутствие различий между группами детей с туберозным склерозом с умственной отсталостью и без нее в сферах речевой деятельности и сфере общения подтверждается статистическими данными на уровне значимости ($p = 0,05$) и подтверждает гипотезу о специфичных нарушениях познавательной деятельности у детей с туберозным склерозом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для детей с диагнозом туберозный склероз возрастной группы 4–7 лет специфичными нарушениями психического развития являются нарушения речевой деятельности и нарушения сферы общения.

1. Дорофеева М.Ю. Туберозный склероз / М.Ю. Дорофеева. – М.: Практическая медицина, 2012. – 240 с.
2. Троицкая Л.А. Динамика психического развития детей с фенилкетонурией под воздействием медико-психологической коррекции: специальность 37.07.01 Психологические науки: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Троицкая Любовь Анатольевна. – М., 1993. – 16 с.

Вассерман М.В.
Санкт-Петербург, СПб ГКУЗ «ГЦВЛДПН», ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева»

Вассерман Е.Л.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Колодийчук Е.А.
Санкт-Петербург, ИП «Речевой центр «Прогресс»

Сирбиладзе К.Т.
Санкт-Петербург, СПб ГКУЗ «ГЦВЛДПН»

Нейропсихологическое сопровождение курсов транскраниальной и транспинальной микрополяризации у детей с расстройствами развития речи и языка

Нейропсихологическая диагностика, высшие мозговые функции, расстройства развития речи и языка, нейромодуляция

Улучшение диагностики и повышение эффективности лечения детей с расстройствами развития речи и языка (РРРЯ) остаются актуальными [3]. В то же время всё большее распространение получают транспинальная и транскраниальная микрополяризация (ТС и ТКМП), в основе которых – прицельная нейромодуляция, позволяющая направленно изменять возбудимость структур ЦНС и являющаяся одним из наиболее физиологичных и безопасных методов воздействия [2, 4, 5]. Нейропсихологический анализ психических функций (ПФ) представляется адекватным инструментом для выбора тактики МП и оценки её эффективности. Целью нашего исследования было выявить особенности ПФ у детей с РРРЯ и оценить их изменение после курса ТС и ТКМП.

Обследованы 100 детей 3–9 лет: 82 ребёнка с РРРЯ без умственной отсталости и/или нарушений слуха, без медикаментозной коррекции функционального состояния ЦНС (43 получали курс лечения с МП (3–5 ТСМП, потом 3–5 ТКМП; позиции электродов индивидуальны), 39 получали курс лечения по тем или иным причинам без МП) и 18 практически здоровых детей.

Состояние ПФ оценивалось по 43 показателям (схема Ж.М. Глоzman [1], тест различения и выбора фонем и ряда дополнительных проб для исследования понимания обращенной речи).

У всех детей с РРРЯ выявлены характерные паттерны речевых и языковых нарушений, а также иные расстройства ПФ. После курса ТС и ТКМП были отмечены улучшения адекватности поведения и критичности; улучшения внимания, праксиса, гнозиса (акустического и зрительного предметного), памяти, мышления, речевых функций (как в показателях экспрессивной речи, так и в понимании обращенной речи). Улучшение экспрессивной речи проявлялось в изменениях характеристик спонтанной речи, назывании, уровне развития речи, наличии в речи аграмматизмов. Улучшение рецептивной речи отмечено на уровнях фонем, отдельных слов, сочетаний слов, предложений. Всего из 43 показателей 30 оказались значимо ближе к норме после лечения, причём 11 продемонстрировали высоко значимый рост: реципрокная координация, динамический праксис, копирование простых геометрических фигур, зрительный предметный гнозис, называние, уровень развития устной речи, понимание существительных, понимание логико-грамматических конструкций, понимание словосочетаний и пар существительных, уровень понимания и необходимость повторного предъявления инструкции. Отрицательной динамики не отмечено. В группе детей с РРРЯ, не получавших курс МП, улучшения были отмечены только в обобщенной оценке спонтанной устной речи и назывании.

Таким образом, продемонстрированы информативность нейропсихологического исследования и эффективность ТС и ТКМП в группе детей с РРРЯ, а также выявлены психические функции, показатели которых наиболее значимо изменяются в ходе МП. Курсы ТС и ТКМП могут быть рекомендованы для лечения детей, страдающих различными РРРЯ.

1. Глоzman Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. 2-е изд. – М.: Питер, 2008. – 75 с.
2. Buchanan D.M., Bogdanowicz T., Khanna N., Lockman-Dufour G., Robaey P., D'angiulli A. Systematic review on the safety and tolerability of transcranial direct current stimulation in children and adolescents // Brain sciences. – 2021. – Vol. 11, N. 2. – № 212. DOI: 10.3390/brainsci11020212
3. O'Hare A., Bremner L. Management of developmental speech and language disorders: Part 1 // Archives of disease in childhood. – 2016. – Vol. 101, N. 3. – P. 272–277. DOI: 10.1136/archdischild-2014-307394

4. Pinchuk D.Y., Wasserman M.V., Wasserman E.L., Sirbiladze K., Kartashev N.K. Effect of transcranial direct current stimulation on dichotic listening test results in children with disorders of psychological development // Polish annals of medicine. – 2015. – Vol. 22, N. 2. – P. 67–73. DOI: 10.1016/j.poamed.2015.05.005
5. Shin Y.I., Foerster Á., Nitsche M.A. Transcranial direct current stimulation (tDCS) – application in neuropsychology // Neuropsychologia. – 2015. – Vol. 69. – P. 154–175. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2015.02.002

Влияние просмотра коротких видеороликов на психическое состояние подростков, склонных к проблемному использованию интернета

Короткие видеоролики, психическое состояние, внимание, подростки, проблемное использование интернета

В повседневную жизнь подростков активно входят короткие онлайн-видео, являясь источниками информации, развлечения и коммуникации [2]. Они вовлекают пользователей в непродолжительный сеанс, что дает возможность быстро получать всплески ярких эмоций, легко переключаться и совмещать просмотр с рутинной деятельностью [4]. В литературе представлены данные о связи коротких роликов и тревоги по поводу внешности [1], тревоги, депрессии и снижения памяти [3], риска аддиктивного поведения при чрезмерном использовании приложений [4]. Таким образом, преимущественно оцениваются долгосрочные эффекты. Влияние онлайн-активности, в частности, просмотра коротких видео, на психическое функционирование в текущей деятельности или при ее прерывании недостаточно изучены. Важно не только описать факторы и последствия чрезмерного использования подростками приложений для видео, но и изучить, как происходит формирование зависимости. В этой связи представляет интерес оценка краткосрочного эффекта просмотра видео для психического состояния у подростков с проблемным использованием интернета (ПИИ) в сравнении с выборкой без этой склонности, что и явилось целью нашего исследования.

В исследовании приняли участие 38 подростков в возрасте 15–18 лет (11 юношей и 27 девушек). Использовались методики: Общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3), Методика диагностики психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (Курганский-Немчин), корректурная проба «Кольца Ландольта». По результатам GPIUS3 респонденты были разделены на две группы: 1) склонные к ПИИ, 2) несклонные к ПИИ. Подростки обеих групп выполняли методики на психическое состояние и внимание до и после просмотра в течение 20 минут коротких видеороликов на онлайн-платформе через собственный смартфон в одно и то же дневное время в условиях школьного класса. Анализ динамики показателей проводился с помощью критерия Вилкоксона.

Респонденты обеих групп показали снижение показателей произвольного внимания в пробе «Кольца Ландольта»: концентрации (при $p < 0.05$ для 1 и 2 гр.) и темпа работы (при $p < 0.05$ для 1 гр. и $p < 0.01$ для 2 гр.). В 1 группе не обнаружено значимых изменений ни по одной шкале методики Курганского-Немчина: психическая активация, интерес, эмоциональный тонус, напряжение и комфортность не изменились. Во 2 группе отмечено снижение психической активации (при $p < 0.01$), интереса (при $p < 0.01$) и эмоционального тонуса (при $p < 0.01$).

Можно предполагать негативное влияние просмотра коротких видео на концентрацию произвольного внимания и темп работы, требующей активизации внимания, у подростков с ПИИ. Пролитывание видео дает передышку в деятельности и приятные эмоции, которые побуждают часто прибегать к приложению, порождая зависимость, однако это не активизирует внимание и не улучшает физическое и эмоциональное самочувствие при переходе к рутинной, не приносящей быстрого удовольствия деятельности. У подростков без ПИИ после просмотра коротких видео снижается не только внимание и активность, но и самочувствие в следующей за просмотром работе. Полученные результаты побуждают сомневаться в полезности использования данных функций смартфонов для отдыха на переменах в школе как для склонных, так и несклонных к ПИИ подростков.

1. Bissonette Mink D., Szymanski D.M. TikTok use and body dissatisfaction: Examining direct, indirect, and moderated relations. *Body Image*. – 2022. – 43. – P. 205–216.
2. Hu X., Li Y. The Impact of Short Videos on University Students – Evidence from Tiktok // *Communications in Humanities Research*. – 2023. – 12(1). P. 274–285.
3. Sha P., Dong X. Research on Adolescents Regarding the Indirect Effect of Depression, Anxiety, and Stress between TikTok Use Disorder and Memory Loss // *Int J Environ Res Public Health*. – 2021. – 18(16). – 8820.
4. Zhang N., Hazarika B., Chen K., Shi Y. A cross-national study on the excessive use of short-video applications among college students // *Computers in Human Behavior*. – 2023. – V. 145. – 107752.

Дубинина Е.А.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена

Цветкова А.Д.
Санкт-Петербург, ООО «Логопед-Профи»

Витенберг М.В.
Санкт-Петербург, СПб НИИФ Минздрава России

Круглова Н.Е.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена, СПб НИИФ Минздрава России

Комолкин И.А.
Санкт-Петербург, СПб НИИФ Минздрава России

Динамика психического состояния детей младшего школьного возраста в ситуации хирургического лечения

Предоперационная тревога, хирургическое лечение, родительская тревога, отношение к болезни ребенка

Перед операцией у детей часто возникает выраженная тревога [2], что является фактором риска развития эмоциональных и поведенческих нарушений в послеоперационный период [3]. Исследование предоперационного состояния, влияющих на него факторов и значения предоперационного состояния для формирования прогноза восстановления важно для обоснования направлений психологического сопровождения хирургического лечения детей [1, 4].

В исследовании приняли участие 20 матерей и 20 детей в возрасте от 8 до 10 лет (10 мальчиков, 10 девочек), проходящих лечение в Клинике детской хирургии и ортопедии ФГБУ «СПб НИИФ» Минздрава России. Обследование осуществлялось в 2-й этап: на 2-й день после госпитализации и на 3–4-й день после операции. В целях обследования ребенка были использованы наблюдение, направленное на оценку эмоционального состояния и поведения; структурированное интервью; опросник «Оценка уровня тревожности ребенка» (А.И. Захаров); опросник «Шкала явной тревожности у детей» (Children's Manifest Anxiety Scale (CMAS), «Методика диагностики самооценки» Дембо-Рубинштейн (модифицированная версия); «Визуально-аналоговая шкала боли». Психодиагностическое обследование матери включало анкетирование; опросник «Диагностика отношения к болезни ребенка» (ДОБР); опросник для оценки тревожности «Шкала ситуативной и личностной тревожности» Спилбергера (State Trait Anxiety Inventory (STAI)).

35% процентов детей и более половины матерей отмечают выраженную тревогу в ситуации госпитализации ребенка и предстоящего хирургического лечения. Дети с повышенной тревогой чаще испытывают чувство страха, трудности засыпания, снижение настроения, проявляют раздражительность, в ситуации психологического обследования они избегают зрительного контакта и проявляют недоверие специалисту. Дети более тревожных матерей имеют более высокие показатели тревоги ($p = 0,02$), чаще сталкиваются с трудностями засыпания, частыми мыслями об операции и недоверием лечению на предоперационном этапе. Дети, проявляющие в дооперационный период беспокойство во время обследования, реакции избегания, сомнения в назывании чувств относительно предстоящего лечения, переживание тревоги и страха в связи с операцией и нарушения сна, а также дети матерей с выраженной тенденцией к контролю активности ребенка в ситуации болезни ($p = 0,04$) в послеоперационный период более склонны испытывать тревогу, усталость, снижение настроения, а также субъективно выше оценивают интенсивность боли.

Таким образом, некоторые проявления тревоги на предоперационном этапе у детей, проходящих хирургическое лечение, являются предиктором соматических и психических жалоб на послеоперационном этапе.

1. Мазурова Н.В., Яцык С.П., Намазова-Баранова Л.С., Лазуренко С.Б., Шарков С.М. Психологическое сопровождение семьи на этапе лечения ребенка в медицинском стационаре (на примере отделения уроandroлогии) // ПФ. – 2013. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-semi-na-etape-lecheniya-rebenka-v-meditsinskom-statsionare-na-primere-otdeleniya-uroandrologii> (дата обращения: 29.11.2023).
2. Liu, W., Xu, R., Jia, J., Shen, Y., Li, W. & Bo, L. (2022, 08 09). Research Progress on Risk Factors of Preoperative Anxiety in Children: A Scoping Review // International Journal of Environmental Research and Public Health, 19. Retrieved 05.30.2023, doi: 10.3390/ijerph19169828.

3. Rabbitts J.A., Groenewald C.B., Tai G.G., Palermo T.M. Presurgical psychosocial predictors of acute postsurgical pain and quality of life in children undergoing major surgery // *J. Pain.* – 2015 Mar. – 16(3). – P. 226–34. doi: 10.1016/j.jpain.2014.11.015.
4. Stanzel A., & Sierau, S. Pediatric Medical Traumatic Stress (PMTS) following Surgery in Childhood and Adolescence: a Systematic Review // *Journal of Child & Adolescent Trauma.* – 2021. – 15. – P. 795809. <https://doi.org/10.1007/s40653-021-00391-9>

К вопросу об использовании стимулирующей инструкции в нейропсихологическом обследовании подростков

Нейропсихологическая диагностика, стимулирующая инструкция, легкая умственная отсталость

С.Я. Рубинштейн в книге «Экспериментальные методики патопсихологии» говорила о важности различного воздействия на исследуемое явление [2]. В нейропсихологии в качестве одного из приемов воздействия на реализацию психической функции используется ограничение временных параметров выполнения проб.

Традиционно считается, что введение стимулирующей инструкции приводит к увеличению темпа деятельности и снижению качества выполнения задания, т.к. испытуемый вынужден одновременно учитывать две цели: выполнить задание хорошо и выполнить задание быстро [1]. Мы ставим вопрос о том, как именно стимулирующая инструкция влияет на темп и продуктивность высших психических функций в подростковом возрасте при легкой умственной отсталости и в норме.

Выборка пилотного исследования состояла из двух групп. В экспериментальную группу вошли 12 подростков с легкой умственной отсталостью от 13 до 16 лет, обучающихся по адаптированной образовательной программе. Контрольная группа состояла из 21 учащегося общеобразовательной школы того же возраста. В экспериментальной группе больше мальчиков, в контрольной группе распределение по полу равномерное.

Мы отобрали методики, которые можно предъявить сначала без, затем со стимулирующей инструкцией «сделай как можно быстрее». Остановились на двух классических методиках и математических пробах. При предъявлении таблиц Шульте стимулирующая инструкция появлялась перед пятой таблицей. Корректирующая проба была разделена на две части. Стимулирующая инструкция добавлялась перед второй частью работы. Один арифметический пример и одну задачу подростки сначала просто решали, затем решали следующие пример и задачу как можно быстрее.

В экспериментальной группе 8 подростков решили задачу быстрее после стимулирующей инструкции (из 9 решивших обе задачи). В контрольной группе большинство (14 респондентов) быстрее решили задачу без стимулирующей инструкции. И только 7 ускорились после стимулирующей инструкции. То есть при решении задач стимулирующая инструкция оказывала организующее действие для подростков с легкой умственной отсталостью. В случае подростков контрольной группы, наоборот, поиск правильного решения занимал больше времени, если это нужно было сделать быстро.

При решении примеров мы не видим влияния дополнительной инструкции на время решения в экспериментальной группе (5 решили быстрее первый пример и 5 решили быстрее второй), но видим ее организующее влияние в контрольной группе (16 из 21 подростка решили быстрее пример со стимулирующей инструкцией). То есть в задании, не требующем самостоятельного поиска алгоритма решения, таком как решение примеров (в отличие от задач), мы наблюдаем ускорение темпа работы после стимулирующей инструкции в группе нормы.

Анализ времени решения 4 и 5 таблиц Шульте обнаружили аналогичное решению примеров влияние стимулирующей инструкции. Темп деятельности после стимулирующей инструкции увеличивался в контрольной группе и не менялся в экспериментальной. Такое задание не является знакомым для учащихся, в отличие от примеров, но также имеет заданный алгоритм решения и более сходно с решением примеров, чем задач.

Выводы. При легкой умственной отсталости стимулирующая инструкция при решении проблемных задач воспринимается как направляющая помощь: темп деятельности увеличивается без снижения качества выполнения задания.

У подростков с нормальным когнитивным развитием стимулирующая инструкция способствует дезорганизации сложной интеллектуальной деятельности.

При выполнении деятельности, не требующей поиска алгоритмов решения, у подростков с легкой умственной отсталостью после стимулирующей инструкции темп деятельности и качество выполнения задания не меняется.

1. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: Практик. рук. / В.Д. Менделевич. 4-е изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2002. – 587 с.
2. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 448 с.

Нейропсихологические особенности пространственных представлений у подростков с детским церебральным параличом

Пространственные представления, детский церебральный паралич, подростковый возраст

Дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата на протяжении многих лет являются объектом пристального внимания специалистов разных сфер.

Детский церебральный паралич (ДЦП) – группа стабильных нарушений развития моторики и поддержания позы, ведущих к двигательным дефектам и обусловленных непрогрессирующим повреждением и/или аномалией развивающегося головного мозга у плода или новорожденного ребёнка. По данным Федеральной службы государственной статистики, данное заболевание диагностируется в 2,42 случаях на 10000 детей в возрасте от 0 до 14 лет [1].

Большой научный интерес представляет исследование пространственных представлений подростков, что может способствовать расширению имеющейся информации о степени сформированности пространственных представлений, разработке диагностического инструментария для данной возрастной группы, а также оптимизации специальных образовательных программ [2].

Целью настоящего исследования стало изучение нейропсихологических особенностей пространственных представлений у детей с детским церебральным параличом. В исследовании приняли участие 30 подростков, имеющих диагноз «Детский церебральный паралич», без иных ментальных расстройств, и 30 условно здоровых подростков, не имеющих нарушений опорно-двигательного аппарата и оптико-пространственного гнозиса. Клинико-психологическое обследование проводилось с помощью методики исследования пространственных представлений Н.Я. Семаго и М.М. Семаго, методики на понимание логико-грамматических конструкций «Ящики и бочки», пробы Хэда, методики «Комплексная фигура Тейлора» и пробы «Проекция локализации прикосновений». Для статистической обработки использовался U-критерий Манна-Уитни.

По результатам исследования выявлены достоверные различия. Подростки с ДЦП имеют трудности в ориентировке в схеме собственного тела по вертикальной и горизонтальной оси (при определении частей тела, находящихся над/под/сбоку/выше/ниже названных частей тела и лица у них возникают сложности) ($U_{\text{эмп}} = 102,5$), у подростков экспериментальной группы пространственные представления о взаимоотношении внешних объектов тела и по отношению к собственному телу развиты меньше, чем у здоровых подростков ($U_{\text{эмп}} = 168$), в их рисунках отмечаются метрические, структурно-топологические и координатные ошибки ($U_{\text{эмп}} = 0$), также присутствуют проблемы в понимании логико-грамматических конструкций ($U_{\text{эмп}} = 135$) и пространственных предлогов ($U_{\text{эмп}} = 205,5$). При этом различия экспериментальной и контрольной выборки по шкале «Исследование пространственных представлений на уровне собственного тела в направлении вправо/влево» статистически не значимы, пространственные представления на уровне собственного тела в направлении вправо/влево у подростков с диагнозом «Детский церебральный паралич» и у здоровых развиты на одинаково среднем уровне ($U_{\text{эмп}} = 437$).

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования были получены данные о нейропсихологических особенностях пространственных представлений у подростков с детским церебральным параличом: на уровне пространства собственного тела у подростков присутствуют трудности в ориентировке в схеме тела, на уровне пространства окружающего мира: присутствуют нарушения координатных представлений, нарушение метрических синтезов, структурно-топологический дефицит, на уровне квазипространственных представлений: присутствует неспособность понимать и составлять логико-грамматические конструкции.

1. Александрова Г.А., Ахметзянова Р.Р., Голубев Н.А., Кириллова Г.Н., Огрызко Е.В., Оськов Ю.И., Романенко О.И., Харьковская Т.Л., Чумарина В.Ж. Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 179 с.
2. Богачева О.И. Пространственные представления у подростков с дефицитарным типом дизонтогенеза (на примере ДЦП) // Психолого-педагогическая поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья. – М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2016. – С. 18–24.

Взаимосвязь степени погруженности в интернет-среду и характеристик Я-концепции у современных подростков

Погруженность в интернет-среду, Я-концепция, рассогласованность личности

Я-концепция личности активно формируется в подростковом возрасте на фоне возрастающих возможностей самопознания и осмысления социального опыта [2; 3]. Социальная ситуация развития современного поколения обладает уникальной спецификой в связи с цифровизацией. По данным опроса детской онлайн-безопасности, среди подростков 11–14 лет до школы гаджетами пользовались 46%, среди подростков 15–18 лет – 29% [5]. Отмечается, что развитие Я-концепции в условиях тотальной цифровизации сопряжено с риском возникновения отчуждения и изоляции [1], а также с изменениями личностных ориентаций и системы межличностных отношений [4].

Целью настоящего исследования является оценка взаимосвязи характеристик Я-концепции и уровня погруженности в интернет-среду современных подростков. Предполагается, что большая погруженность подростка в интернет-среду связана с такими особенностями Я-концепции, как негативная личностная идентичность, отсутствие целостного восприятия себя, отрицательное отношение подростка к себе и к окружающим людям.

В исследовании приняли участие 43 подростка 16–17 лет (24 юноши и 19 девушек), учащихся 10 класса гимназии Санкт-Петербурга. Использовались опросник «Индекс погруженности в интернет-среду», разработанный Л.А. Регуш с соавт.; анкета на основе диссертационного исследования А.М. Олесик (2003); методика определения направленности личности И.Д. Егорычевой; шкала самооценки Дембо-Рубинштейн; методика «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой); опросник для оценки развития идентичности у подростков AIDA (К. Goth с соавт.)

Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязей компонентов Я-концепции с индексом погруженности в интернет-среду.

Установлено, что показатели индекса погруженности в интернет-среду связаны с субъективной значимостью личности и характера объекта идентификации ($r = 0,33$; $p < 0,05$), с выраженностью неоднозначного отношения к характеристикам самоописания вне зависимости от категории ($r = 0,33$; $p < 0,01$), а также в категориях «Рефлексивное Я» ($r = 0,32$; $p < 0,05$) и «Социальное Я» ($r = 0,37$; $p < 0,05$) по методике «Кто Я?». Также выявлена обратная взаимосвязь погруженности в интернет-среду с самооценкой по шкале ума ($r = -0,39$; $p < 0,01$) и общей самооценкой ($r = -0,32$; $p < 0,05$).

Таким образом, большая погруженность подростка в интернет-среду связана с выраженностью противоречий в отношении к себе, более низкой самооценкой, большей значимостью для подростка личности и характера объекта идентификации. Сомнения в оценке своего «Я» типичны для подросткового возраста, однако размытость или негативная окраска самооценок у подростков, более погруженных в Интернет, может указывать на признаки дисгармоничного личностного развития. Эти особенности могут объясняться рассогласованием в оценках своей реальной и «виртуальной» личности, обусловленным несоответствием опыта реальных и виртуальных отношений. Таким образом, с одной стороны, погруженность в виртуальную среду может замедлять и искажать процесс формирования Я-концепции подростка, а с другой, – определенные особенности формирования Я-концепции могут способствовать компенсаторному вовлечению подростка в виртуальный мир.

1. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник СПбГУ. Психология. – 2018. – Т. 8, №. 1. – С. 6–15.
2. Зайцева Л.А. Основные аспекты теоретико-психологического исследования Я в контексте изучения развития Я-концепции личности // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, №. 3. – С. 51.
3. Овчаренко Л.Ю. Проблемы успешности социально-психологической адаптации подростков в современной среде // Системная психология и социология. – 2015. – №. 1 (13). – С. 44–56.
4. Осташева Е.И. Псевдопсихопатологические феномены в поведении современных подростков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2015. – №. 174. – С. 153–158.
5. Взрослые и дети в интернете: Аналитический отчет. // Итоги опроса Online Interviewer по заказу «Лаборатории Касперского» [Электронный ресурс] – URL: https://kids.kaspersky.ru/article/vzroslye_i_deti_v_internete_analiticheskiy_otchet_2023 (дата обращения: 15.05.2024).

Образ тела у подростков с суицидальными попытками и несуйцидальным самоповреждающим поведением

Подростки, образ тела, суицидальное поведение, несуйцидальное самоповреждающее поведение

Нарушение образа тела – один из факторов риска аутодеструктивного поведения в подростковом возрасте. Несмотря на большое число исследований в этой области, недостаточно работ, в которых нарушения образа тела рассматривались бы в связи с несуйцидальными самоповреждениями и суицидальным поведением.

Цель данного исследования – изучение образа тела у подростков с суицидальным и несуйцидальным самоповреждающим поведением.

Выборка. В исследовании приняли участие 95 подростков, из них – 79 девушек и 16 юношей в возрасте 14–17 лет ($M_{возр} = 15,49 \pm 1,03$). Основную группу составили пациенты ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ» ($N = 36$) с суицидальным поведением в анамнезе, без снижения интеллекта и нарушений мышления. Группа сравнения – учащиеся общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области ($N = 59$).

Методики. 1) Опросник образа собственного тела (Скугаревский, Сивуха, 2006); 2) шкала «Страх негативной оценки внешности» (Польская, Развальяева, 2020); 3) феноменологическая шкала стыда тела – Phenomenological Body Shame Scale (Siegel et al., 2021); 4) авторская шкала самооценки телесных характеристик, состоящая из 6 пунктов: черты лица, волосы, кожа, рост, вес, фигура. Для оценки несуйцидальных самоповреждений в совокупной выборке использовался вопрос: «Приходилось ли причинять себе намеренный физический вред (без намерения убить себя)?» Оценка суицидального поведения осуществлялась только в клинической группе – на основе истории болезни и беседы с госпитализированными подростками. Для сравнения подгрупп использовались непараметрические критерии Краскела-Уоллиса и Манна-Уитни.

Результаты. Всего 45 (47,4%) подростков совокупной выборки утвердительно ответили на вопрос о причинении себе намеренного физического вреда. Из них – 35 (77,8%) – госпитализированные подростки.

Для оценки различий по параметрам отношения к телу в зависимости от тяжести суицидального поведения клиническая выборка была разделена на подгруппы: с суицидальными мыслями – $n = 12$; с суицидальными намерениями – $n = 5$; с суицидальными попытками (отравление, прыжок с высоты, порезы) – $n = 19$. Значимо более высокие показатели по неудовлетворенности телом были выявлены у подростков с суицидальными попытками ($p = 0,03$).

В совокупной выборке наиболее высокие значения по самооценке своего тела ($p = 0,002$) и наиболее низкие – по неудовлетворенности телом ($p = 0,000$), стыду тела ($p = 0,03$) и страху негативной оценки тела ($p = 0,009$) были получены в подгруппе подростков без суицидального и несуйцидального самоповреждающего поведения.

Подростки с несуйцидальными самоповреждениями из группы сравнения ($n = 10$) продемонстрировали, наряду с госпитализированными подростками с суицидальными попытками, наиболее высокие показатели неудовлетворенности телом, страха негативной оценки внешности и стыда тела.

Выводы. Несуйцидальные самоповреждения были подтверждены почти всеми (за исключением одного) подростками, госпитализированными в связи с суицидальным поведением. Наиболее высокие показатели неудовлетворенности телом, стыда тела и страха негативной оценки тела были обнаружены у госпитализированных подростков с суицидальными попытками и у подростков из группы сравнения, подтвердивших несуйцидальные самоповреждения.

Таким образом, несуйцидальные самоповреждения свидетельствуют о субъективно переживаемом психологическом неблагополучии, сопровождающемся, в том числе, неприятием собственного тела. Несуйцидальные самоповреждения включены в формирование суицидального поведения и могут выступать как подготовка к более тяжелым самоповреждениям суицидальной направленности.

Нейропсихологические и нейрофизиологические особенности детей с нарушением обучения

Нарушение обучения, младшие школьники, дислексия, нейропсихологический синдром

Проблемы освоения базовых учебных навыков в начальной школе в последние годы вызывают всё большее беспокойство педагогов и родителей. При этом сложности детей зачастую связаны не с педагогической запущенностью, а с нейрофизиологической незрелостью и ослабленным нервно-психическим здоровьем ребенка в результате воздействия в раннем онтогенезе неблагоприятных факторов [1]. Однако до сих пор не до конца изучены психофизиологические механизмы, приводящие к нарушению специфических учебных навыков [2].

Целью исследования стало выявление нейропсихологических и нейрофизиологических особенностей младших школьников с нарушением формирования учебных навыков чтения и письма. В исследовании с согласия родителей приняли участие 30 школьников в возрасте от 7 до 10 лет с диагнозом F81 «Специфические расстройства развития учебных навыков» в виде дислексии, дисграфии, не имеющих соматической патологии и нарушений интеллекта. Проводилось комплексное нейропсихологическое обследование с использованием классических стимульных материалов, электроэнцефалография (ЭЭГ) и нейроэнергокартирование (НЭК) головного мозга.

По данным анамнеза, у 60% детей имелись нарушения речи в виде дизартрии (мозжечковой и бульбарной), логоневроза, последствий моторной и сенсомоторной алалии, общего недоразвития речи 2-3 уровня. Неврологический статус: 53% детей имели невротические проявления, у 50% выявлена мозжечковая, а у 40% – пирамидная недостаточность, в 33% – нестабильная ликвородинамика и вегетативные нарушения. Эти факты указывают на наличие у большинства школьников с дислексией неврологической патологии, последствий речевых задержек.

По результатам нейропсихологического обследования обнаружено следующее распределение нейропсихологических синдромов: нейродинамические нарушения (истощаемость и колебания внимания), обусловленные слабостью активационных влияний стволовых и подкорковых отделов, выявлены у 80% испытуемых. На втором месте по частоте встречаемости – незрелость произвольности и саморегуляции психической деятельности (63%). Незрелость межполушарного взаимодействия транскортикального уровня выявлена у 50% детей. Реже встречались изолированные нарушения модально-специфического фактора, связанного с обработкой зрительной, пространственной и слухоречевой информации (36% детей).

По данным ЭЭГ, у 73% детей имелись отклонения показателей биоэлектрической активности от возрастной нормы в виде снижения частоты альфа-ритма, диффузной бета-активности, нарушений биоэлектрической активности регуляторного характера.

При сравнении нейрокарт детей экспериментальной группы с нормативными значениями отмечались выраженные отклонения показателей нейрометаболической активности в сторону усиления анаэробного гликолиза. При этом, у 70% испытуемых выявлено умеренное нарушение метаболизма коры головного мозга; у 6% – выраженное нарушение (ацидоз). Наиболее значительные отклонения от нормы отмечены в центральных ($p \leq 0,01$), лобных ($p \leq 0,05$) и затылочных ($p \leq 0,01$) областях коры, что может обуславливать нейродинамические, регуляторные и гностические проблемы школьников.

Таким образом, выявлено, что младшие школьники с трудностями обучения имеют нейропсихологические и нейрофизиологические особенности, проявляющиеся в нарушении нейродинамического и регуляторного компонента психической деятельности, метаболическими изменениями тканей мозга, нарушении формирования корковой ритмики. Понимание и учет мозговых механизмов, приводящих к трудностям обучения, должен стать обязательной составляющей комплексной помощи данной категории детей.

1. Ефимова В.Л. Психофизиологический подход к анализу механизмов возникновения трудностей в обучении у детей (обзор зарубежных источников) // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2020. – №. 2. – С. 28–39.
2. Stein J. Theories about developmental dyslexia // Brain sciences. – 2023. – 13(2). – P. 208.

Методический подход CEDM для оценки эмоциональной сферы детей: перспективы использования в клинической и педагогической практике

Эмоциональная сфера, дети с типичным и атипичным развитием, методы искусственного интеллекта, диагностика

Сложно переоценить роль эмоций в жизни человека – организация поведения, установление социальных контактов, коммуникация. Эмоции проявляются в мимике, поведении, голосе и речи, физиологических изменениях, связанных с активацией вегетативной нервной системы. Эмоциональная сфера ребенка формируется под воздействием воспитания, социальной и культурной среды. Нарушения развития и атипичное развитие характеризуются особенностями организации эмоциональной сферы, имеющими широкий спектр проявлений – от несоответствующего возрасту до редуцированного и инвертированного. Ранняя диагностика нарушений эмоциональной сферы может быть полезна для уточнения диагноза и выбора образовательного маршрута для ребенка.

С целью оценки эмоциональной сферы типично развивающихся (ТР) детей, детей с атипичным развитием (АР) разработан методический подход CEDM, включающий два блока – блок о развитии ребенка и блок непосредственно тестовых заданий, направленных на изучение отражения эмоционального состояния в характеристиках голоса, речи, мимике, поведении (ОЭ) и распознавания детьми эмоциональных состояний других людей по голосу и лицевой экспрессии (РЭ). Тестовые задания содержат методы интервью, психологические тесты, игровые задания [1]. Для оценки выполнения каждого задания использовали балльные оценки по шкале Лайкерта, баллы за выполнение заданий по ОЭ и РЭ суммировали. Определение значений частоты сердечных сокращений, ведущего полушария по слуху и речи (дихотическое тестирование), фонематического слуха дает информацию о психофизиологических особенностях ребенка. В исследовании приняли участие 312 детей в возрасте 5–16 лет: 120 ТР детей, 80 детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), 36 детей с СД и 76 детей с интеллектуальными нарушениями (ИН). Исследование одобрено Этическим комитетом СПбГУ.

Получены балльные оценки для детей всех групп за выполнение заданий по ОЭ и РЭ. Выявлена связь между ранним развитием ребенка, эмоциональной сферой ребенка по оценке родителей (опросники), текущим психоневрологическим статусом, психофизиологическими показателями и баллами за задания ОЭ и РЭ. Выявлены различия между ТР детьми и детьми с СД, ИН и РАС по выполнению тестовых заданий по отражению и восприятию эмоций. Для детей с РАС установлена связь между выраженностью аутистических расстройств и способностью ребенка к распознаванию эмоций и оценкой родителями эмоционального развития детей. Проведена серия перцептивных экспериментов по распознаванию взрослыми эмоциональных состояний детей по их речи и мимике. Аудиозаписи и тексты речи детей, видеозаписи мимической экспрессии, полученные при тестировании детей, проанализированы с использованием методов искусственного интеллекта. Автоматически с большей точностью по речи АР детей определяется спокойное состояние, для детей с РАС – состояние гнева; по мимической экспрессии – для всех детей – радость, для детей с ИН – печаль; по текстам (лингвистическим характеристикам) – радость и гнев – для всех детей, печаль – для детей с ИН.

Выявлены различия между детьми с ТР и АР по выполнению заданий CEDM, перцептивному и автоматическому распознаванию эмоций по их речи.

Перспективы. Стандартизированный подход для выявления нарушений эмоциональной сферы детей, основанный на объективных качественных и количественных данных, может быть применен в клинической практике. Баллы за выполнение заданий по ОЭ и РЭ в мимике, голосе и речи могут служить дополнительным показателем при диагностике и быть использованы в помощь врачу и педагогу при обучении ребенка. Возможность автоматического распознавания эмоций по голосу и мимике детей планируется использовать при создании автоматических систем для экспресс-диагностики эмоциональной сферы ребенка.

1. Lyakso E., Frolova O., Kleshnev E., Ruban N., Mekala A.M., Arulalan K.V. Approbation of the Child's Emotional Development Method (CEDM) // ICMИ '22. – 2022. – P. 201–210.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (№ 22-45-02007).

Отношение нормотипичных детей разного возраста к сверстникам с расстройствами аутистического спектра, включенным в общеобразовательную среду

Отношение, дети с расстройствами аутистического спектра, нормотипичные дети, общеобразовательная среда

В литературе представлены данные об отношении здоровых детей к сверстникам с инвалидностью по причине двигательных, сенсорных и интеллектуальных нарушений. Установки непосредственно к аутистам в основном исследовались с использованием текстового описания и фото незнакомого ребенка [2–4]. Данных о специфике отношения к сверстнику с РАС, в общение с которым непосредственно вовлечены нормотипичные дети, недостаточно. Такие сведения были бы востребованы для построения психологической работы, направленной на повышение принятия и уменьшение предубеждений к лицам с РАС, а также на профилактику негативных эффектов инклюзии для психического здоровья как самих детей с аутизмом, так и нормотипичных.

Цель исследования – определить возрастные особенности отношения нормотипичных детей к сверстникам с РАС в условиях частичной инклюзии в общеобразовательный класс. В качестве гипотезы исследования было принято предположение: школьники разного возраста будут иметь различные особенности когнитивно-эмоционального и поведенческого компонентов отношения к сверстнику с РАС.

Приняли участие 67 детей с нормальным психическим развитием младшего школьного (1 гр.), младшего подросткового (2 гр.) и юношеского (3 гр.) возраста. Все респонденты являлись одноклассниками детей с диагнозом «F84.0 Детский аутизм» в сочетании с интеллектуальной недостаточностью легкой степени, системным недоразвитием речи. Использовались: «Личностный дифференциал» (ЛД) для оценки недостаточно осознанного эмоционального компонента отношения, оригинальный «Опросник отношения к сверстнику с РАС» для оценки более осознанных когнитивно-эмоционального и поведенческого компонентов отношения. При подборе утверждений мы опирались на опыт использования французской версии «Опросника детских установок к аутизму» [1]. Под когнитивным компонентом понимались представления о сверстнике, под эмоциональным – аффективная оценка и чувства, им вызываемые, под поведенческим – склонность определенным образом вести себя в его присутствии и взаимодействовать. С помощью дисперсионного анализа ANOVA было проведено сравнение показателей методик трех групп.

Дети 1 гр. значительно отличаются по суммарному показателю опросника отношения, когнитивно-эмоциональному и поведенческому компонентам как от 2 гр. (при $p \leq 0.01$), так и 3 гр. (при $p \leq 0.01$). У младших школьников уровень принятия значительно выше: они чаще, чем старшие дети, приписывают положительные качества характера и ума аутистам, более открыты к взаимодействию на уроках и вне школы, реже испытывают неприятные переживания при контакте. У старшеклассников уровень принятия аутиста выше, чем у младших подростков (при $p \leq 0.01$). Можно предположить: возраст является фактором, определяющим отношение к сверстнику с РАС. С началом подросткового периода снижается степень принятия особенного одноклассника, что связано с более дифференцированной оценкой своих и чужих качеств, потребностью в более интимных, надежных и ярких дружеских контактах, чему сложнее соответствовать при аутизме. Кроме того, усиление эмоциональной нестабильности и раздражительности в пубертатном периоде может способствовать более частому переживанию дискомфорта при контакте с необычным сверстником. В ранней юности эмоциональная нестабильность у большинства преодолевается, повышается критика в оценке своего и чужого нравственного потенциала, задачи самоутверждения в среде сверстников под влиянием устремленности в будущее начинают заменяться задачами личностной и профессиональной реализации, что может определять более толерантное отношение к необычному сверстнику. Не было обнаружено статистически значимых различий между группами по факторам «Оценки», «Силы» и «Активности» ЛД, что указывает на отсутствие возрастных различий в менее осознанных аспектах эмоционального отношения к сверстнику с РАС. Такие аспекты отношения, вероятно, остаются устойчивыми на протяжении школьного возраста.

1. Derguy C., Aubé B., Rohmer O., Marotta F., Loyal D. Another step to school inclusion: Development and validation of the Children's Attitudes Toward Autism Questionnaire // *Autism*. – 2021. – 25(6). – P. 1666–1681.

2. Harnum M., Duffy J., Ferguson D.A. Adults' versus children's perceptions of a child with autism or attention deficit hyperactivity disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2007. – 37(7). – P. 1337–1343.
3. Matthews N.L., Ly A.R., Goldberg W.A. College students' perceptions of peers with autism spectrum disorder // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2015. – 45. – P. 90–99.
4. Tonnsen B.L., Hahn E.R. Middle school students' attitudes toward a peer with autism spectrum disorder: Effects of social acceptance and physical inclusion // *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. – 2016. – 31(4). – P. 262–274.

Особенности эмоциональной сферы младших школьников с сахарным диабетом 1 типа, находящихся на стационарном лечении без родителей

Сахарный диабет, тревога, привязанность

Согласно данным международной федерации сахарного диабета на 2021 год, в мире общее число детей и подростков с сахарным диабетом 1 типа (СД 1) составляет более 1,2 млн человек [4].

В литературе отмечено, что дети с СД 1 имеют особенности эмоциональной сферы и поведения в виде преобладания высокого уровня тревожности, молчаливости, апатии, мнительности, подозрительности [2].

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации [3] родителям не всех детей старше четырех лет предоставляются условия для совместного пребывания в стационаре, несмотря на то, что в младшем школьном возрасте степень привязанности к родителям по-прежнему играет большую роль, обеспечивая ребенка чувством защищенности, стабильности и регулируя уровень тревожности и беспомощности [1].

Гипотезой данного исследования выступило предположение о том, что младшим школьникам с сахарным диабетом 1 типа, находящимся на стационарном лечении без родителей, характерен более негативный эмоциональный фон.

Материалы и методы исследования:

1. Клинико-психологический метод: клинические беседы, анализ медицинских карт.
2. Психодиагностический метод, включающий в себя такие методики:
 - Цветовой тест М. Люшера (адаптация: Л.Н. Собчик, 1991)
 - Цветовой тест отношений (ЦТО) А.М. Эткинды.

Исследование проводилось с участием 62 детей в возрасте 7-10 лет. Основные группы составили дети с СД 1, находящиеся на момент исследования на стационарном лечении в ОБУЗ «Курская областная детская клиническая больница» без родителей (N = 28) и с родителями (N = 20). Контрольная группа представлена 14 здоровыми детьми, не имеющими хронических заболеваний.

При сравнении групп детей с СД 1 с родителями и без них были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости $p\text{-level} = 0,0019$ по показателю наличие тревоги, что свидетельствует о том, что у детей с СД 1 без родителей тревога встречается гораздо чаще (75%), чем у детей с СД 1 с родителями (30%).

Были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости по показателю подавляемая потребность при сравнении групп детей с СД 1 с родителями и без них ($p\text{-level} = 0,0022$), а также при сравнении групп здоровых детей и детей с СД 1 без родителей ($p\text{-level} = 0,0041$). Подавление потребности в эмоциональной вовлеченности и надеждах на лучшее встречается у 71% детей с СД 1 без родителей, в то время как у 70% здоровых детей и 79% детей с СД 1 с родителями подавляемых потребностей не выявлено.

Были обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости по показателю отношение к матери при сравнении групп детей с СД 1 с родителями и без них ($p\text{-level} = 0,0051$), а также при сравнении групп здоровых детей и детей с СД 1 с родителями ($p\text{-level} = 0,0067$). Желтый цвет в отношении матери чаще выбрался испытуемыми с СД 1 без родителей (82%), в то время как 70% детей с СД 1 с родителями и 64% здоровых детей выбрали красный цвет. Данные результаты могут указывать на то, что дети, проходящие лечение без родителей, видят в маме источник открытости и надежды, а дети, рядом с которыми есть их близкие взрослые, воспринимают маму как уверенного, деятельного, отзывчивого человека.

Таким образом, дети с СД 1, находящиеся на стационарном лечении без родителей, чаще имеют тревожный эмоциональный фон, испытывают чувство изоляции и пустоты, относятся к маме, как к источнику светлого будущего, чем дети, проходящие лечение вместе с родителями.

1. Боулби Дж. Привязанность. – М., 2003.
2. Гирш Я.В., Миронова Н.А., Гильбурд О.А. Влияние территориальных особенностей на формирование аффективных расстройств у детей и подростков с сахарным диабетом 1 типа // Сахарный диабет. – 2010. – № 4. – С. 107.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 года N 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.
4. International Diabetes Federation. IDF Diabetes Atlas, 10th edn. – Brussels, Belgium: International Diabetes Federation, 2021.

Виды памяти у младших школьников с искаженным и задержанным типами психического дизонтогенеза

Дизонтогенез, память, аутизм, задержка психического развития

Изучение механизмов формирования ВПФ при различных вариантах дизонтогенеза является одним из приоритетных направлений в детской патопсихологии. Память является сложной психической функцией, связанной с другими психическими процессами. В основе модально-специфических видов памяти лежат соответствующие по модальности виды восприятия. Нарушения процессов памяти различаются в зависимости от типа дизонтогенеза. Особенности памяти у детей с искаженным и задержанным типами психического дизонтогенеза представлены в различных исследованиях [2], однако, как они соотносятся с формированием других психических процессов, мало изучено.

Цель исследования – изучить особенности видов памяти у младших школьников с искаженным и задержанным типами дизонтогенеза в сопоставлении с другими психическими процессами.

База исследования – центр реабилитации «Наш солнечный мир» г. Москвы.

Выборку составили две клинические группы:

1. Дети с задержкой психического развития (ЗПР), обучающиеся по АООП 7.1 на основании рекомендаций ЦПМПК, объем выборки – 16 человек, средний возраст – 8,3 года.
2. Дети с атипичным аутизмом (РАС), имеющие диагноз F-84.12 Атипичный аутизм без умственной отсталости (МКБ-10), объем выборки – 17 человек, средний возраст – 8,3 года.

Контрольная группа (Норма) – 16 учащихся ГБОУ Школы № 1862 г. Москвы, без психиатрических диагнозов, успешно осваивающие ООП, средний возраст – 8,2 года.

Исследовались:

- зрительно-предметная память («Шесть предметных картинок»),
- зрительно-пространственная память («Невербализуемые фигуры»),
- слухоречевая память («10 слов»);
- мышление («Четвертый лишний»),
- стратегия копирования («Копирование фигуры Тейлора»),
- выделение центрального конфликта сюжета («Рассказ по картинке»).

Статистическая обработка осуществлялась с помощью критерия Фридмана, критерия различий Геймса-Хоуэлла, критерия однородности χ^2 . Компьютерная обработка проводилась в программе IBM SPSS Statistics 23.

Было выявлено, что в группе ЗПР лучше сформирована зрительно-предметная память, чем зрительно-пространственная и слухоречевая ($p < 0,001$). В группе РАС хуже сформирована зрительно-предметная память, чем два других вида ($p < 0,03$; $p = 0,002$). При этом в группе ЗПР все виды памяти значимо хуже, чем в группе Норма ($p = 0,001$). В группе РАС зрительно-предметная память хуже, чем в группах ЗПР ($p = 0,026$) и Норма ($p < 0,001$), а зрительно-пространственная не имеет значимых различий с группой Норма ($p = 0,471$). Это говорит о диссоциациях между видами памяти у детей с РАС.

Высокие показатели зрительно-пространственной памяти у детей с РАС, возможно, связаны с ориентацией на незначимые характеристики объектов [1], что отмечается нами и при исследовании других психических процессов.

Так, дети группы РАС с высокой зрительно-пространственной памятью и низкой зрительно-предметной при копировании фигуры Тейлора используют пофрагментарную стратегию (72%) и допускают структурно-топологические ошибки (56%). При рассказе по сюжетной картинке описывают малозначимые детали и не могут выделить центральный конфликт сюжета. Для ЗПР аналогичные трудности характерны при низких показателях зрительно-пространственной памяти. При выполнении методик на мышление дети группы РАС также ориентируются преимущественно на незначимые – латентные признаки (64%).

Полученные данные подтверждают, что в основе диссоциаций между различными видами памяти лежит дефицит симультанной обработки информации и ориентация на незначимые характеристики ситуации у детей с РАС. Исследование будет продолжено на более крупной выборке.

1. Каримулина Е.Г., Хлюстова Н.Г. Направленность внимания у детей с РАС // Аутизм и нарушения развития. – 2020. – Т. 18, № 4. – С. 33–42.
2. Semino S, Zanobini M, Usai MC. Visual memory profile in children with high functioning autism // Appl Neuropsychol Child. – 2021 Jan. – 10(1). – P. 26–36.

Оценка взаимосвязи показателей активности блоков мозга и адаптивного поведения подростков 12–17 лет с расстройством аутистического спектра и умственной отсталостью

Блоки мозга, нейропсихологическая диагностика, расстройство аутистического спектра, подростки, адаптивное поведение

Коррекционная работа с подростками с расстройством аутистического спектра (РАС) и умственной отсталостью должна проводиться во взаимодействии с семьей, а ее результаты позволяют повысить уровень адаптации подростков [4]. Препятствием к успешности такой работы становятся когнитивные особенности, характерные для данных расстройств [2]. Нейропсихологическая диагностика позволяет достаточно точно определить нарушенные и сохраненные функции подростка и сделать выводы о том, воздействие на какие сферы может стать наиболее эффективным [1].

Цель работы. Соотнести показатели нейропсихологической оценки активности блоков мозга и адаптивного поведения в различных сферах у подростков 12–17 лет с РАС и умственной отсталостью.

Методика. В исследовании приняли участие 24 подростка в возрасте 12–17 лет, с РАС и умственной отсталостью, учащиеся Ростовских специальных школ-интернатов № 41 и № 42.

Для нейропсихологической диагностики использовались методики, сгруппированные для оценки высших психических функций в соответствии с концепцией 3-х функциональных блоков А.Р. Лурия. Для оценки функционирования I блока – интенсивность, утомляемость, инертность в процессе нейропсихологического исследования и темп выполнения заданий; для оценки функционирования II блока – праксис позы пальцев, копирование фигур, акустический гнозис, понимание логико-грамматических конструкций, оценка слухоречевой и зрительной памяти; для оценки функционирования III блока – динамический праксис, понимание смысла сюжетной картины, исключение четвертого лишнего и счёт в прямом и обратном порядке [1].

Адаптивное поведение по Шкале Вайнленд (VABS) оценивали педагоги, хорошо знающие ребенка. *В итоге получены показатели:* коммуникация, повседневные житейские навыки, социализация, моторные навыки; дезадаптивное поведение [3].

Для статистической обработки использовалась программа Statistica 10.0.

Результаты. В результате проведения нейропсихологической диагностики получены следующие показатели для исследуемой выборки: I блок – $4,8 \pm 2,3$; II блок – $60,5 \pm 22,1$; III блок – $24,6 \pm 16$. По итогам оценки по Шкале Вайнленд (VABS) получены следующие результаты: коммуникация – $100,3 \pm 18$; повседневные житейские навыки – $131,4 \pm 22,6$; социализация – $90,2 \pm 21,2$; моторные навыки – $69,2 \pm 3,3$; дезадаптивное поведение – $11,6 \pm 9,4$.

Проведенный корреляционный анализ по Спирмену показал, что результаты оценки нейропсихологических показателей работы II блока мозга положительно коррелируют с уровнем развития адаптивного поведения в сферах социализации ($r = 0,43, p < 0,05$) и моторных навыков ($r = 0,6, p < 0,01$). Результаты оценки нейропсихологических показателей работы III блока мозга положительно коррелируют с уровнем развития адаптивного поведения в сфере социализации ($r = 0,45, p < 0,05$) и уровнем дезадаптивного поведения ($r = 0,6, p < 0,05$).

Выводы. Более выраженным нарушениям в функционировании II и III блоков мозга соответствуют более высокие баллы по Шкале адаптивного поведения Вайнленд (VABS). **Работа, направленная на коррекцию этих нарушений, позволит снизить уровень дезадаптивного поведения.**

1. Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение Луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2012. – № 2. – С. 84–95.
2. Воробьева Е.В., Рахимова Е.Ф. Оценка интеллекта и функционального состояния детей 12–15 лет с расстройством аутистического спектра и умственной отсталостью // Ананьевские чтения-2023 / Под ред. О.Ю. Стрижицкой и А.В. Шаболтас. – СПб.: Изд-во Кириллица, 2023. – С. 123.
3. Сайфутдинова Л. Р. Использование шкалы Вайнленд при диагностике больных аутизмом и синдромом Аспергера (по материалам зарубежной печати) // Аутизм и нарушения развития. – 2003. – № 2. – С. 51–57.
4. Ozerova T., Vorobyeva E. The investigation of environmental specifics of an autistic child's family system // SHS Web of Conferences 70, 06006 (2019) ICTDPP-2019. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197006006>

Специфика обработки визуальной информации у детей с нарушением слуха при решении мыслительных задач

Зрительный гнозис, зрительное внимание, обучение, слуховая депривация, нарушение слуха, айтрекер

Ранняя слуховая депривация может привести к вторичным нарушениям, связанным с обработкой, представлением и организацией визуальных и зрительно-пространственных паттернов [1]. Вследствие этого при выполнении учебного задания у кохлеарноимплантированных детей будут проявляться особенности визуального внимания [3] и упорядочивания визуальных стимулов [2]. При помощи айтрекинга можно проанализировать, как происходит обработка зрительной информации, перцептивные действия обнаружения, сличения, опознавания информационных признаков, необходимых для решения мыслительных задач в процессе обучения.

Целью исследования стало при помощи айтрекера во время решения мыслительных задач у детей с нарушением слуха выявить изменения в обработке зрительной информации.

Методы исследования и выборка. Проведён сравнительный анализ типично развивающихся детей и детей с нарушением слуха с кохлеарными имплантами 5–7 лет. Применены классические задания на исключение предметов, простые невербальные аналогии, опознавания предметов на иллюстрациях, в процессе выполнения которых, при помощи айтрекера фиксировались особенности окулomotorной активности при восприятии стимульного материала. Отслеживание движения глаз осуществлялось стационарным айтрекером GP3.

Результаты. Мы проанализировали карту последовательности фиксации на стимульном материале, которая может свидетельствовать о специфике обработки зрительной информации, изменениях порядка внимания и направления визуального сканирования.

У детей с нарушением слуха зафиксированы изменения в стратегиях визуального поиска (увеличение количества переключений, повторных просмотров, последовательности переходов между областями), пространственном распределении внимания (более широкий диапазон, смещение на периферию), последовательности обработки зрительной информации и направлении сканирования изображений.

При помощи U критерия Манна-Уитни были сравнены паттерны окулomotorной активности контрастных групп типично развивающихся дошкольников и детей с нарушением слуха. У детей с нарушением слуха меняется ширина диапазона восприятия, что проявляется в достоверном уменьшении амплитуды саккад ($p = 0,0001$), в отличие от сверстников. Уменьшение амплитуды саккад у детей с нарушением слуха можно интерпретировать как большую сложность визуального поиска, увеличение когнитивной нагрузки, потребность в более детальном рассматривании учебного материала. Уменьшение времени просмотра ($p = 0,023$) в сочетании с уменьшением амплитуды саккад ($p = 0,0001$) может быть связано с параллельной обработкой и фрагментарностью восприятия у детей с нарушением слуха. Увеличение количества возвратов ($p = 0,026$) и изменений амплитуды саккад также можно рассматривать как увеличение когнитивной сложности восприятия. Изменения в заметности визуальной информации подтверждают достоверные отличия в продолжительности первой фиксации на области интереса ($p = 0,030$) и времени до первой фиксации на области интереса ($p = 0,046$). Различия контрастных групп в общем времени просмотра ($p = 0,023$) и увеличение числа возвратов ($p = 0,026$) подтверждают у детей с нарушением слуха реорганизацию последовательности обработки зрительной информации, изменения в глубине и интенсивности обработки информации, потребность в большей детализации информации, а также специфику порядка внимания и его устойчивости (в сочетании с уменьшением продолжительности первой фиксации ($p = 0,030$) и общего времени просмотров ($p = 0,023$)).

1. Bavelier D., Hirshorn E.A. I see where you're hearing: How cross-modal plasticity may exploit homologous brain structures // *Nature Neuroscience*. – 2010. – № 13(11). – P. 1309–1311.
2. Dawson P., Busby P., McKay C., Clark G. Short-term auditory memory in children using cochlear implants and its relevance to receptive language // *Journal of Speech, Language, Hearing, Research*. – 2002. – № 45. – P. 789–801.
3. Monroy C., Chen C.H., Houston, D., Yu, C. Action prediction during real-time parent-infant interactions // *Developmental science*. – 2021. – № 24(3). – P. e13042

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ 24-28-20061 «Айтрекинг-исследование трудностей обучения, связанных с особенностями визуального внимания у детей с нарушением слуха».

Практические рекомендации по коррекции гиперактивности у детей 3-6 лет с РАС

Аутизм, РАС, 3-6-летние дети, коррекция РАС

Ранее нами была получена факторная модель аутизма и выделены 4 вектора аутизма – типичные подтипы РАС у детей 3-4 лет. Среди них: 1) сложности в установлении эмоционального контакта, выражении своих эмоций и декодировании эмоций других людей в контексте социального взаимодействия; 2) сенсорная дезинтеграция; 3) сложности в вербальном и невербальном общении и социальных навыках; 4) гиперактивность, включающая чрезмерные движения, двигательную расторможенность и беспокойное поведение. Необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что гиперактивность (ГА) не является ключевым симптомом РАС в соответствии с DSM-5, она сильно влияет на процессы обучения и социализации аутичного ребенка [3]. При этом распространенность этого сопутствующего симптома очень высока – от 40 до 70% детей с РАС страдают от ГА [2]. На сегодняшний момент известны две основные модели интервенции, доказавшие свою клиническую эффективность. На их основе ниже мы сформулируем практические рекомендации по коррекции ГА у дошкольников с РАС.

Первая модель представляет собой интеграцию усилий специалистов и семьи и называется «Совместные партнерства». Основная идея в том, чтобы усилия всех сторон, участвующих в обучении, развитии, воспитании и социализации ребенка были едиными; чтобы использовались идентичные системы поощрений, запретов и ограничений. Методы вмешательства учитывают уникальные характеристики сильных сторон и проблем каждого ребенка и семьи, а также их личные предпочтения [4]. Помимо этого, ведется регулярная информационная работа с семьями, включающая в себя разъяснение любых потенциальных неправильных представлений о состоянии ребенка и устранение проблем, препятствующих эффективности вмешательства. Практическая эффективность данной модели в оценке и коррекции симптомов ГА при аутизме была доказана [1].

Вторая модель называется нейроразнообразие и объединяет в себе целый ряд подходов, основанных на теории поведения и теории развития. Компоненты нейроразнообразия включают реализацию поведенческой коррекции в естественных условиях, общий контроль между ребенком и партнером по обучению, использование естественных непредвиденных обстоятельств и использование поведенческих стратегий для обучения навыкам, соответствующим уровню развития ребенка [6]. Кроме того, используются индивидуальные цели коррекции, фокусируются на эпизодах обучения, инициированных ребенком, используют естественное подкрепление и мотивацию ребенка и могут включать имитацию ребенка взрослыми. Примерами некоторых из наиболее изученных из этих вмешательств являются: коррекция с основным ответом (Pivotal Response Treatment), Денверская модель раннего старта (ESDM), совместное внимание, символическая игра, вовлечение и регулирование (JASPER), эпизодическое обучение и проект «Совершенствование родителей как учителей коммуникации» (Project ImPACT). Многочисленные рандомизированные контролируемые исследования с участием детей младшего возраста предполагают, что нейроразнообразие может быть использовано для коррекции ГА и, кроме того, является эффективным инструментом в поддержке развития навыков раннего социального общения, речи и игры [5].

1. Dawson-Squibb, J.J., Davids, E.L., Harrison, A.J., Molony, M.A., & de Vries, P.J. Parent education and training for autism spectrum disorders: Scoping the evidence // *Autism: the international journal of research and practice*. – 2020. – № 24(1). – P. 7–25.
2. Eaton, C., Roarty, K., Doval, N., Shetty, S., Goodall, K., & Rhodes, S.M. The Prevalence of attention deficit/hyperactivity disorder symptoms in children and adolescents with autism spectrum disorder without intellectual disability: A Systematic Review // *Journal of attention disorders*. – 2023. – № 27(12). – P. 1360–1376.
3. Hours, C., Recasens, C., & Baleyte, J. M. (2022). ASD and ADHD comorbidity: What are we talking about? // *Frontiers in psychiatry*. – 2022. – № 13. – 837424.
4. Liverpool, S., Pereira, B., Hayes, D., Wolpert, M., & Edbrooke-Childs, J. A scoping review and assessment of essential elements of shared decision-making of parent-involved interventions in child and adolescent mental health // *European child & adolescent psychiatry*. – 2021. – № 30(9). – P. 1319–1338.
5. Schuck, R.K., Tagavi, D.M., Baiden, K.M. P., Dwyer, P., Williams, Z.J., Osuna, A., Ferguson, E.F., Jimenez Muñoz, M., Poyser, S.K., Johnson, J.F., & Vernon, T.W. Neurodiversity and autism intervention: Reconciling perspectives through a naturalistic developmental behavioral intervention framework // *Journal of autism and developmental disorders*. – 2022. – № 52(10). – P. 4625–4645.

6. Vivanti G., & Zhong, H.N. Naturalistic developmental behavioral interventions for children with autism. In: Vivanti, G., Bottema-Beutel, K., Turner-Brown, L., editors. Clinical guide to early interventions for children with autism. Best practices in child and adolescent behavioral health care. Springer. – 2020.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ «Исследование прогностических индикаторов расстройств аутистического спектра у детей дошкольного возраста», № 23-18-00155.

Характеристики речи детей 5-7 лет с легкими интеллектуальными нарушениями

Дети с интеллектуальными нарушениями, эмоциональная речь, акустические характеристики речи, лингвистический анализ, перцептивный анализ

Легкие интеллектуальные нарушения (ИН) в большинстве случаев проявляются в дошкольном или младшем школьном возрасте [1]. ИН могут быть связаны с диагнозами – синдром Дауна, расстройства аутистического спектра (РАС), детский церебральный паралич; если причина нарушений не очевидна, то в литературе используют термин «неспецифические ИН» [2]. Большинство исследований с использованием перцептивного и акустического анализа посвящены изучению речевого развития детей с синдромом Дауна и РАС [3, 4], работ с участием детей с неспецифическими ИН значительно меньше.

Цель исследования – определение характеристик речи детей 5-6 лет с легкими ИН на основе комплексного подхода, включающего лингвистический, перцептивный и спектрографический методы анализа речи.

В исследовании приняли участие 60 детей 5–7 лет: 20 детей с легкими ИН (не включали детей с подтвержденными генетическими синдромами, РАС, детским церебральным параличом) и 40 типично развивающихся детей (ТР, контроль). Видеозапись поведения детей, аудиозапись речи детей проведена в модельных ситуациях, соответствующих тестовым заданиями методики CEDM [5]. Проведено три исследования: первое посвящено описанию специфики диалогов детей с ИН с взрослым (на основании перцептивного и лингвистического анализа); второе исследование направлено на определение особенностей артикуляции детей с ИН (перцептивный и акустический методы анализа), третье – на определение характеристик эмоциональной речи детей с ИН.

Показано, что дети с ИН более эмоциональны, чаще проявляют инициативу и произносят фразы спонтанно, реже отвечают на вопросы взрослого, чем ТР дети. Дети с ТР говорят громче и четче, чем дети с ИН. Реплики детей обеих групп в диалоге с взрослым представлены преимущественно простыми фразами, одним словом или ответом да/нет; дети с ИН, в отличие от ТР детей, практически не используют реплики, включающие несколько фраз и сложноподчиненные предложения. Взрослые носители языка хуже распознают лексическое значение слов детей с ИН, чем слов детей с ТР. Инструментальный анализ речи детей показал, что значения длительности и частоты основного тона ударных гласных в словах детей с ИН выше, чем в словах ТР детей, значения индекса артикуляции ударных гласных в словах детей с ИН – ниже, чем в словах ТР детей. При прослушивании эмоциональной речи детей с ИН взрослые более успешно распознают нейтральное состояние и состояние печали, чем радость и гнев. Аудиторы лучше определяют нейтральное состояние, состояния печали и гнева по речи детей с ИН, чем по речи ТР детей. Речь детей с ИН в состояниях гнева и печали характеризуется высокими значениями частоты основного тона по сравнению с их речью в нейтральном состоянии.

Таким образом, в исследовании получены конкретные данные о перцептивных, акустических, лингвистических характеристиках речи детей 5–7 лет с ИН. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов, работающих с детьми с ИН, в перспективе – для создания обучающих компьютерных приложений для детей с атипичным развитием.

1. Purugganan O. Intellectual Disabilities // *Pediatrics in Review*. – 2018. – Vol. 39, № 6. – P. 299–309.
2. Polišenská K., Kapalková S., Novotková M. Receptive language skills in Slovak-speaking children with intellectual disability: understanding words, sentences, and stories // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – 2018. – Vol. 61, № 7. – P. 1731–1742.
3. Kent R.D., Vorperian H.K. Speech impairment in Down syndrome: a review // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. – 2013. – Vol. 56, № 1. – P. 178–210.
4. Lyakso E., Frolova O. Speech interaction in “mother-child” dyads with 4–7 years old typically developing children and children with autism spectrum disorders // *LNAI*. – 2018. – Vol. 11096. – P. 347–356.
5. Lyakso E., Frolova O., Kleshnev E., Ruban N., Mekala A.M., Arulalan K.V. Approbation of the Child’s Emotional Development Method (CEDM) // *ICMI ‘22*. – 2022. – P. 201–210.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (№ 22-45-02007).

Шевеленкова Т.Д.
Москва, ФГБОУ ВО РГГУ

Волжина Ж.А.
Москва, ЧПОУ МОК

Сальникова М.М.
Москва, ФГБОУ ВО РГГУ

Отношение к своему телу в подростковом возрасте: структура и половые различия

Отношение к своему телу, подростковый возраст, структура отношения к телу, половые различия

В зарубежной науке образ тела и удовлетворенность своим телом – популярные темы исследований [1], но понятие «отношение к собственному телу» (ОкТ) специально не выделяется и идентично понятию «attitude» («установка», позиция, мироощущение и пр.). В отечественной психологии понятие ОкТ разрабатывалось в рамках категории «отношение». В то же время, являясь значимой частью индивидуальной жизни, ОкТ рассматривается лишь в рамках эмоционального отношения, удовлетворенности/неудовлетворенности своим телом, неполно и не отражает сложность феномена и многогранность телесной сферы. Трудности в теоретическом осмыслении понятия «ОкТ» сочетаются с явным недостатком стандартизированных методов его эмпирического исследования. Это объясняет недостаток исследований половозрастных особенностей ОкТ, в том числе и в подростковом возрасте (ПВ), что и определило цель данной работы – определить для ПВ показатели ОкТ, различия в уровне и структуре данного отношения у мальчиков (М) и девочек (Д).

Выборка. В исследовании приняло участие 270 подростков (189 Д и 81 М) в возрасте от 11 до 19 лет, учащихся колледжей и 5-11 классов школ Москвы.

Использовалась *авторская методика исследования* ОкТ как многомерного конструкта [2]. Статистические методы: t-критерий Стьюдента для выявления значимых различий и корреляционный анализ для определения структуры отношения к своему телу.

В результате исследования для ПВ определены значения шкал многофакторного опросника «ОкТ» (в скобках представлены средние значения и стандартное отклонение) для всех подростков, принявших участие в исследовании: общий индекс (ОИ: $224,16 \pm 71,46$); значимость телесного здоровья (ЗТЗ: $26,14 \pm 10,34$); значимость красоты собственного тела (ЗКТ: $27,80 \pm 9,66$); оценка умения управлять своим телом (УУТ: $28,15 \pm 11,14$); оценка физического состояния (ФС: $28,89 \pm 11,05$); оценка привлекательности своего тела для других (ПТдД: $28,38 \pm 9,59$); оценка привлекательности своего тела для себя (ПТдС: $28,35 \pm 10,60$); оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом (СУКсТ: $28,46 \pm 10,67$); оценка способности отождествлять себя со своим телом (СОСсСТ: $27,99 \pm 12,18$). Анализ результатов позволил определить, что в выборке равно распределились подростки как с негативным (18,15%), так и с позитивным ОкТ (18,52%), остальные подростки (63,23%) – с умеренно позитивно/негативным отношением.

Аналогично рассчитаны значения для всех шкал методики «ОкТ» для М и для Д. Позитивное ОкТ выявлено у 18,52% М и 20,11% Д. Негативное ОкТ обнаружили 18,52% М и 10,58% Д. Значимые различия в ОкТ между М и Д обнаружены по параметрам ЗТЗ ($p = 0,040$) и ПТдС ($p = 0,032$), а также тенденция к значимости по шкале ОИ ($p = 0,088$), значения которых выше у М.

Структура ОкТ в ПВ: позитивное ОкТ наиболее связано с оценкой УУТ (0,908) и с СУКсТ (0,915); чуть в меньшей степени оно связано с оценкой СОСсСТ (0,890), ПТдС (0,861), ПТдД (0,856), оценкой ФС (0,843); в наименьшей степени – со ЗТЗ (0,775) и ЗКТ (0,629).

Структура ОкТ у М и Д различается. Для М позитивное ОкТ наиболее связано со СУКсТ (0,929); СОСсСТ (0,925) и оценкой УУТ (0,917). В меньшей степени – с оценкой ФС (0,876), оценкой ПТдС (0,871) и ПТдД (0,837). Менее всего – со ЗКТ (0,408).

Для Д позитивное ОкТ наиболее связано со СУКсТ (0,910) и оценкой УУТ (0,908). Менее значима СОСсСТ (0,874), ПТдД (0,870) и ПТдС (0,849), оценка ФЗ (0,829). Наименее значима ТЗ (0,754) и ЗКТ (0,704).

1. Ерохина Е.А., Филиппова Е.В. Образ тела и отношение к своему телу у подростков: семейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 57–68. doi: 10.17759/jmfr.2019080406
2. Шевеленкова Т.Д., Волжина Ж.А. Отношение к своему телу и психологическое благополучие в подростковом возрасте // Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л.С. Выготского: в 2 томах, РГГУ, Институт психологии им. Л.С. Выготского / Под ред. В.Т. Кудрявцева. Т. 1. – М.: Левь, 2014. – 396 с.

Особенности фрустрационного поведения детей младшего школьного возраста с туберкулезом органов дыхания в ситуации госпитализации

Дети, туберкулез органов дыхания, госпитализация, фрустрационное поведение

Одной из важнейших проблем клинической психологии является адаптация пациента к ситуации заболевания и госпитализации. Особое значение придается механизмам совладания со стрессом как факторам, влияющим на состояние здоровья пациента, его психическое и социальное функционирование, качество жизни, а также медицинский и психосоциальный прогноз [1].

В младшем школьном возрасте изменение социальной ситуации развития обуславливает необходимость адаптации ребенка к новым требованиям и обязанностям в процессе освоения им социальной роли ученика. Длительная госпитализация при туберкулезе органов дыхания (ТОД), как стрессовая ситуация, предъявляет дополнительные требования к адаптационным возможностям ребенка в этот период. Одним из основных понятий, используемых при изучении ситуаций такого рода, является фрустрация или фрустрирующая ситуация, представляющая собой «неожиданно происходящие события, нарушающие самоощущение и жизнедеятельность человека» [2]. Несмотря на длительную историю изучения поведения человека в ситуациях фрустрации как отечественными, так и зарубежными учеными, особенности фрустрационных реакций детей с ТОД, поступивших в стационар, исследованы недостаточно.

Целью исследования стало изучение особенностей фрустрационного поведения детей младшего школьного возраста с ТОД в ситуации госпитализации. Выборку составили 28 пациентов с ТОД в возрасте 8–12 лет ($10,39 \pm 1,7$), поступивших на стационарное лечение в ФГБНУ «ЦНИИТ», из них 15 (53,57%) девочек и 13 (46,43%) мальчиков. Выявление фрустрационных реакций осуществлялось с помощью Фрустрационного теста Розенцвейга [2].

По результатам исследования у большинства детей – 18 (64,3%) показатель экстрапунитивного направления реакций (Е) был ниже нормативного, что свидетельствует об уходе в себя при столкновении с неприятностями. В данном случае ребенок не обращает внимания на то, что происходит вокруг, может продолжать действовать так, как будто ничего не произошло [2]. Показатель интропунитивного направления реакций (И), характеризующий степень ответственности, возлагаемую ребенком на себя при столкновении с неприятными ситуациями, также был ниже нормативного значения у 22 (78,6%) пациентов. В то же время показатель импунитивного направления реакций (М) у подавляющего большинства детей – 25 (89,3%) превышал нормативные значения, что указывает на наличие у этих пациентов тенденции не уделять достаточно внимания происходящему, излишней беспечности, стремлению не замечать возникших осложнений. У 24 (85,7%) детей показатель О-Д, характеризующий степень ригидности человека в стрессовых ситуациях, был выше нормативного. Более высокие, по сравнению с нормативным, значения показателя Е-Д у 25 (89,3%) детей характеризуют их как «легко переносящих неприятности, не принимающих их близко к сердцу» [2], однако наряду с этим у 24 (85,7%) детей показатель N-P, значения которого были ниже нормативного, указывает на их беспомощность в стрессовой ситуации. Обращает на себя внимание, что показатель GCR, характеризующий стандартность поведения человека в стрессовой ситуации и косвенно – его способность к социальной адаптации, у 21 (75,0%) детей был ниже нормативного, что указывает на отличие действий данных пациентов в трудной ситуации от того, как ведет себя в этом случае большинство людей, и, в связи с этим, на трудности адаптации в новом коллективе.

Учет полученных данных при разработке программ психологического сопровождения детей с ТОД на этапе адаптации к стационару дает возможность повышения их эффективности.

1. Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: Учебно-методическое пособие / Под науч. ред. проф. Л.И. Вассермана. – СПб.: Речь, 2021. – 192 с.
2. Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест Розенцвейга. Диагностика реакций в ситуациях конфликта: методическое руководство / Л.А. Ясюкова. Изд. 7-е исправл. и допол. – СПб.: ИМАТОН, 2021. – 128 с.

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Банщикова А.В.
Санкт-Петербург, СПбГИПСР

Психология личности: когнитивный разворот

Познавательные процессы, психология личности, когнитивная психология

В предметную область психологии входят несопоставимые феномены: от порогов перцептивной чувствительности до ценностно-смысловой сферы личности. В рамках общей психологии, которая в отечественной традиции базируется на теории психического отражения, познавательные процессы относятся к разряду низкоуровневых (bottom-up). Личность же, в рамках отечественной психологии, традиционно относится к принципиально иному уровню организации. Данное положение подтверждается тем, что кафедры общей психологии и психологии личности в ведущих вузах страны являются отдельными и независимыми друг от друга.

Та же ситуация прослеживается в учебно-методической литературе: в учебном пособии А.А. Реана [5] «познание» используется только в контексте создания учебно-познавательной мотивации; А.Г. Асмолов пишет, что «двоящееся изображение» личности как объекта познания и как субъекта социального процесса «стало одной из предпосылок распространенного разделения психологии на психологию личности и безличную психологию познавательных процессов» [2]); в работе Л. Хьелла и Д. Зиглера [8] из 15 перечисляемых авторами теорий личности, связь личности и познавательных процессов описана только в двух – в теории Г. Олпорта и А. Бандуры. Вероятно, неслучайно на теорию Бандуры любят ссылаться когнитивисты [4].

Общепсихологические представления о познавательных процессах как о низкоуровневых разбиваются в рамках когнитивизма, предполагающего как восходящую (bottom-up), так и нисходящую (top-down) связь. Поворотным моментом в данной области стала работа Дж. Брунера [3] и развиваемый им подход «New Look» – новый взгляд на восприятие. Новизна предлагаемого взгляда заключалась в признании влияния высокоуровневых процессов на низкоуровневые.

Примечательно, что схожие позиции обнаруживаются у классиков отечественной психологии: С.Л. Рубинштейна [6], Б.Г. Ананьева [1], О.К. Тихомирова [7] и др.

Удивительным образом оказывается, что классики отечественной психологии не только не исключали, но непосредственно утверждали влияние личности на познавательные процессы. И действительно, несколько упрощая реальную картину, получается, что личность формируется при помощи познавательных процессов, после чего сама личность, учитывая собственные интересы, мотивы и ценности начинает управлять направлением психических процессов.

Таким образом, интегративные исследования на пересечении психологии познания и психологии личности соответствуют как зарубежным трендам, так и традиции отечественной психологии. К сожалению, подобного рода научные проекты находятся далеко от мейнстрима. Сложившаяся ситуация требует своего разрешения и, если не возвращения психологии личности в лоно общей психологии, то хотя бы создание общих исследовательских лабораторий.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания // Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова, Фак. психологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 339 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
3. Брунер Д.С. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К.И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
4. Кулиева А.К. Прогнозирование и контроль эффективности выполнения когнитивных задач в процессе научения: Дис. ... канд. психол. наук: 5.3.1. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. – 291 с.
5. Реан А.А. Психология личности. – СПб.: Питер, 2013. – 288 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
7. Тихомиров О.К. Психология мышления: учебное пособие для вузов по специальности «Психология». – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 270 с.
8. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.

Психобиографический метод: в поисках исторического и архетипического в человеке

Психобиографический метод, историческая психология, нравственное сознание

В ряде работ, посвященных теоретическому осмыслению такого феномена, как нравственная элита, А.Л. Журавлевым, А.Б. Купрейченко выделен ряд признаков, которым должны соответствовать высоконравственные члены общества. Важной исследовательской задачей, по их мнению, является более точное определение данных признаков [1].

Согласно Н.А. Логиновой, разработавшей психобиографический метод с опорой на идеи Б.Г. Ананьева, высшим достижением человека является раскрытие своего духовного потенциала [2]. Если уровень индивида характеризуется потребностью жить и быть живым; уровень личности – быть как все; уровень субъекта – быть дееспособным; уровень индивидуальности – быть самим собой; то универсальный уровень, считает она, предполагает верность долгу, исполнение своего предназначения.

Другой важный вопрос, поставленный Логиновой, касается соотношения процессов социализации и индивидуализации в жизни человека. Несмотря на то, что данные процессы взаимосвязаны, именно индивидуализация ведет к вершинам духовно-нравственного развития, достигнуть которые можно иногда вопреки некоторым навязываемым обществом стандартам социальной жизни [2].

Наиболее адекватный путь к пониманию проблем подобного характера – проведение психобиографических исследований, посвященных жизни и деятельности людей высокой нравственной жизни. Таких, например, как врач бессребреник Фридрих-Иосиф Гааз (1780–1853).

Цель исследования: выявить и проанализировать основные характеристики нравственного сознания Фридриха-Иосифа Гааза.

Источниками исследования послужили опубликованные материалы, содержащие сведения о жизни и деятельности Гааза, а также написанные им произведения.

Результаты. Выделены следующие особенности нравственного сознания доктора.

1. Ранний и стойкий интерес к смысложизненным вопросам.
2. Целостная картина мира.
3. Нравственно-религиозные идеалы.
4. Познание мира через категории «добра» и «зла».
5. Чувство высшего сакрального порядка в устройстве и функционировании мироздания, благоговение и преклонение перед ним.
6. Уверенность в системе разделяемых ценностных ориентаций и желание транслировать их окружающим. Духовно-нравственное руководство людьми.
7. Аскетизм, равнодушие к материальным ценностям, социальному признанию.
8. Вера в человека, в возможность и необходимость раскрытия его духовно-нравственного потенциала.
9. Высокий уровень эмпатии, сопереживания и сострадания людям.
10. Ярко выраженная тенденция к благотворительной деятельности.
11. Обостренное чувство справедливости.
12. Высокая социальная активность и социальная ответственность.
13. Убежденность в превосходстве нравственных социальных норм над правовыми.
14. Отстаивание интересов человека в профессии.
15. Уверенность и настойчивость в профессиональной и просоциальной деятельности, выход за рамки регламентируемых должностью инструкций.
16. Отсутствие или преодоление страха перед препятствиями и конфликтами в профессиональной деятельности.
17. Терпение.
18. Жертвенность.

Выводы. Психобиографическое исследование позволило не только подтвердить выделенные теоретическим путем Журавлевым, Купрейченко признаки, отличающие высоконравственных членов общества, на примере конкретного человека, реальной исторической личности, но и значительно дополнить их.

На примере жизненного пути Гааза можно сделать интересные выводы относительно проблемы соотношения процессов социализации и индивидуализации в жизни человека. Раскрытие духовно-

нравственного потенциала доктора осуществлялось вопреки непониманию и перманентному сопротивлению части общества первой половины XIX в.

1. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 2. – С. 5–19.
2. Логинова Н.А. Психобиографические методы исследования и коррекции личности: Учеб. пособие. – Алматы: Казак Университеті, 2001.

Теория переживания Выготского-Василюка

Переживание, смысл, Выготский, Василюк

На первый взгляд, концептуализация переживания в работах Л.С. Выготского и Ф.Е. Василюка совершенно разная. Более того, прямых отсылок к разработке категории переживания Выготским у Василюка нет. Однако, на мой взгляд, между их позициями можно уловить некоторое сходство, позволяющее поставить вопрос об их интеграции. В частности, оба автора улавливают теснейшую связь между переживанием и смыслом.

Слово «переживание» одновременно означает и внутренний опыт (чаще связанный с негативными эмоциями), и преобразование этого опыта, – его преодоление, трансформацию. И Выготский, и Василюк работают со словом повседневного языка, доводя его до уровня научного понятия, Выготский – разрешая проблему соотношения социального (среды) и индивидуального (психики) в развитии ребенка, Василюк – развивая представление о переживании как о деятельности. Выготский понимает переживание как отношение ребенка к тому или иному моменту действительности, оно, как пишет Выготский, является той призмой, через которую преломляется влияние среды. Выготский не говорит о переживании как о деятельности. Однако, когда он описывает, что происходит с детьми в трудных условиях или неблагоприятной среде, переживание приобретает и значение совладания, усилия по преодолению. Например, описывая трех детей, живущих в одной и той же травматичной для них среде с депрессивной матерью-алкоголичкой, в обстановке жестокости и насилия, Выготский показывает, как по-разному они ведут себя, и если два младших мальчика погружены в свои аффекты (страха и амбивалентности любви и ненависти к матери), то старший мальчик способен преодолевать травму, демонстрируя «переживание переживания», позволяющее ему не «залипать» в среде, но активно действовать, проявляя понимание и сочувствие по отношению и к братьям, и к матери. Таким образом, аспект переживания как внутренней работы у Выготского тоже присутствует, хотя и не артикулирован. Более проработанным оказывается другой аспект – переживание в значении личностного или, точнее, субъективного смысла, переживание как субъективная смысловая конфигурация опыта.

У Василюка переживание тоже оказывается связано со смыслом, работа переживания опосредуется семиотическими процессами. Когда Василюк пишет о критической ситуации, он, как и Выготский, подчеркивает, что она становится критической, лишь преломляясь сквозь призму переживания субъекта – именно для него она есть ситуация невозможности. Переживание как субъективная смысловая конфигурация и переживание как усилие справиться с переживанием, как внутренняя работа, меняющая смысловые конфигурации и сама совершающаяся посредством их изменения, – эти две составляющие переживания артикулируются так или иначе и Выготским, и Василюком, но каждый акцентирует лишь одну из них. Объединяет двух авторов понимание переживания как процесса смысловой трансформации ситуации, выстраивания и перестраивания смысловых конфигураций.

Кроме того, в описании совершающегося в процессе переживания преобразования Василюк очень близок интуиции раннего Выготского (периода «Психологии искусства»). Согласно Выготскому, в искусстве уже задан парадокс формы и материала, он и порождает в читателе/зрителе конфликтные чувства, или противочувствие, вызывающее короткое замыкание (диалектическое снятие) и переживаемое как катарсис. Весь этот процесс ведет к комплексной трансформации чувств: искусство как бы расширяет возможности жизни, поскольку удается преодолевать, разрешать и регулировать чувства посредством перехода на более высокий уровень переживания. На мой взгляд, Василюк привносит этот художественный механизм противочувствия в психотерапию. Согласно Василюку, в самой жизни мы можем наблюдать такие драматические коллизии переживания пережитого, которые ведут к катарсису – преобразованию личности.

Переосмысление онтологии психологической науки и поиск метода в культурно-исторической психологии

Культурно-историческая психология, качественная методология, смысл, переживание

В русскоязычной психологии идеи Л.С. Выготского были прочитаны преимущественно в контексте теории деятельности. В зарубежной психологии получили распространение идеи социальной детерминации психики, роли знака в развитии когнитивных процессов, зоны ближайшего развития; идеи Выготского оказались востребованными в связи с двумя «когнитивными революциями», движением социального конструкционизма и рождением когнитивной и дискурсивной психологий. Несмотря на всю эвристичность развития идей Выготского в рамках указанных подходов и направлений, в них недостаточно артикулированными оказались некоторые важнейшие линии размышлений Выготского, в частности, положение о единстве аффекта и интеллекта, идея динамических смысловых образований и поиск единиц анализа, позволяющих переосмыслить отношения индивидуального и социального.

На наш взгляд, в работах Выготского представлены шаги к формированию новой онтологии психологической науки. Это движение было в определенной степени продолжено в той ветке исследований, которая, однако, не стала доминирующей ни в советской (и позже российской), ни в зарубежной психологии. Мы имеем в виду прежде всего исследования школы Л.И. Божович, реализовавшей свойственный Выготскому «личный подход» в области психологии развития (по мнению Божович, этот же подход стал основополагающим для Б.В. Зейгарник в области клинических исследований).

Выготский, в особенности в поздних своих работах, дает ориентиры к определению качественного единства психики и ее концептуализации как целостной системы. Наиболее важной в этой связи становится разработка концептов смысла и переживания как единиц анализа, которые позволяют преодолеть фрагментированный подход к исследованию отдельных психических процессов и состояний и переосмыслить отношения между эмоциональным и когнитивным, но также между индивидуальным (психологическим) и коллективным (социальным). Смысл и переживание, на наш взгляд, не могут быть исследованы так, как исследуются другие объекты психологии; понимаемые в качестве единиц анализа, они дают возможность перестроить всю систему понятий и представлений о психическом.

Мы полагаем, что, делая акцент на «личностном подходе» к развитию ребенка, развивая понятие переживания как функции среды и личности, а также предлагая новые интегративные понятия (прежде всего понятие внутренней позиции личности), Л.И. Божович вносит свой вклад в преодоление фрагментированной онтологии психологии, базирующейся на метафоре «психики как контейнера» (процессов, свойств, состояний и т.п.).

Подчеркивая намеченный в культурно-исторической психологии онтологический сдвиг в понимании природы психики, мы должны, однако, обратить внимание на то, что в ней не было создано релевантных этому сдвигу эпистемологии и методологии. Позитивистские и неопозитивистские представления о научном исследовании, на которые были ориентированы советские авторы и продолжают ориентироваться современные сторонники идей Выготского, не отвечают предпринимаемому в культурно-исторической психологии переосмыслению психики. Бразильский психолог Ф. Гонсалес Рей, начинавший свои исследования в лаборатории Божович и позже создавший на основе идей культурно-исторической психологии теорию субъективности, обосновывает необходимость транспортировки в культурно-историческую психологию интерпретативистской эпистемологии и качественной исследовательской методологии. Заметим, что Божович, а позже Д.Б. Эльконин критиковали опросные методы и вместе с коллегами проводили исследования, близкие современной школьной этнографии, однако в своей методологической рефлексии подчеркивали, что такое качественное исследование – лишь первый этап на пути построения формирующего педагогического эксперимента. На наш взгляд, однако, то, что они делали, представляет собой вполне законченные исследования, а используемая ими методология может быть осмыслена как вариант психологической герменевтики – качественного исследования субъективных конфигураций опыта («микрокосмоса детской жизни»).

К вопросу о психологии благополучия

Благо, благополучие, виды благополучия, стресс, стрессоустойчивость

Введение. Благополучие занимает ведущие места в системе ценностей людей. А может, и вообще ведущее. При этом смыслы жизни людей, их жизненные цели и мотивы поведения существенно различаются. Следовательно, не существует единого благополучия для всех, как и единой трактовки данной категории. Психологические словари и энциклопедии понятие благополучия не рассматривают.

Проблема. Словарь современного русского литературного языка благополучие связывает с успехом, отсутствием неприятностей, когда все идет гладко и без помех. Описываемая картина близка к райской жизни по тому же словарю [4].

Может быть благополучие семьи, трудового коллектива, учебной группы, школьника, альпиниста, бизнесмена, ученого, политика, слесаря, но в то же время и маньяка, бомжа, заключенного, брачного афериста, мошенника.

Рассматривают телесное (здоровье, наполненность жизненными силами), духовное (счастье и гордость), общественно-ролевое, финансовое, обладание материальными благами, психологическое (душевное здоровье), профессиональное и финансовое благополучие, а также благополучие в среде проживания (причастность к жизни общества) [1]. При этом говорится, что можно выделять и другие виды благополучия. Происходит примерно то же, что и с исследованием интеллекта: явление начинает дробиться и распадаться на отдельные показатели, которых может быть неограниченное количество.

Необходимо вырабатывать базовые инварианты благополучия, освобождаясь от акцента на гедонистические.

Обсуждение. Благополучие относится к жизни человека во всех ее аспектах и проявлениях. Поэтому его нужно связывать с общими представлениями о личности. В рамках тезисов рассмотрим один из вопросов, заслуживающий, с нашей точки зрения, внимательного рассмотрения и обсуждения.

Существующая в науке и в социуме в целом тенденция к практически безусловному облегчению жизни, избавлению от трудностей и сложностей, подходит лишь для потребительского общества и способствует снижению жизнестойкости людей.

Психику человека нужно закалывать и тренировать так же, как и тело. Трудности – не наказания, а ситуации, содержащие материал для развития потенциала человека, его собственных сил и ресурсов. Об этом более ста лет назад говорил, например, Петр Федорович Каптерев, рассуждавший о необходимости нравственного закалывания, развитии стойкости и способности отказываться от удовольствий, ориентироваться на большие цели (смыслы жизни) [3].

От неприятностей нужно не избавляться, а учиться справляться с ними. Стресс – помощник человека, опасен только дистресс. Когда человек осваивает определенный уровень стресса, ситуация перестает быть стрессогенной. Жан Бодрийяр писал, что ориентация на облегченную жизнь превращает ее в постоянный стресс [2]. Действительно, для человека, привыкшего к легкой жизни, стрессом становится малейшее напряжение.

Процесс развития похож на восхождение на гору, взятие определенного рубежа, уровня сложности – после которого замаячит новая гора.

Аналогичный процесс характерен и для становления профессионала, достижения уровня мастерства. Для этого уровня характерно: чем сложнее, тем интереснее. Трудности являются мотивационными элементами самодетерминированной, самоактуализированной личности. Только через работу с ними можно выработать устойчивость к фрустрирующим факторам.

Конечно, необходим баланс между удобствами и трудностями, любая крайность нежелательна.

Выводы. В результате наших рассуждений мы пришли к логическому парадоксу: для благополучия необходимо неблагополучие. Парадоксов в нашей жизни и в человеке хватает.

1. Агапов Е.П. Феномен человеческого благополучия / Е.П. Агапов // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 216–223. – EDN VTUNKB.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Жан Бодрийяр; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской]. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 268 с.
3. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. I. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – С. 768.

Б.Г. Ананьев и Н.В. Баранов – хранители Ленинграда (Петербурга)

Б.Г. Ананьев, Н.В. Баранов, маскировка Ленинграда, кафедра общей психологии ЛГУ

Восемьдесят лет назад с Ленинграда была снята блокада и создана кафедра общей психологии ЛГУ. Оба события стали определяющими вехами в жизни Б.Г. Ананьева. Руководство идеологическим проектом было доверено ему (беспартийному ученому) за заслуги перед городом. Неординарно и прочтение им (сыном репрессированного) в лектории городского комитета ВКП(б) цикла лекций по психологии, изданных в виде «Очерков психологии» (1945). Б.Г. Ананьев – майор административной службы: руководил научной группой МПВО Ленинграда по военной маскировке [2] был начальником психопатологического кабинета госпиталя, вел общепсихологические наблюдения. В суровых условиях ВОВ сложились составляющие его учения: знание законов психофизиологии дало поразительный эффект маскировки; восстановление речи раненных привело к пониманию, что речью координируются разные психические модальности; выживание блокадников в жесточайшей обстановке показало скрытые резервы человеческих возможностей.

Макеты маскировки города моделировались у Исаакиевского собора. Для дезориентации противника выбирался цвет, форма, размер, конфигурация объектов. Военные инженеры (начальник службы технической маскировки города Н.В. Баранов [1]) собирали макеты, а специалисты по восприятию (руководитель Б.Г. Ананьев) с колоннады оценивали макет на предмет его неразличимости, имитации, оптической иллюзии. Надежно был защищен Смольный (авторы маскировки Н.В. Баранов, А.И. Гегелло [1]).

Не только выжить самому, но и спасти свой город для живущих и потомков – такой мотив был у Б.Г. Ананьева и Н.В. Баранова. Города – драйверы цивилизации, в них сосредоточены необходимые для развития человека/общества высшие достижения культуры, наиболее развитые формы общественного поведения, создаются ситуации, содействующие проявлениям индивидуальностей. В «Очерках психологии» изложена суть психологического анализа жизни, заложен фундамент для изучения жизненного пути человека в обществе. Жизнь в ее силе (выживание – развитие) и полноте (социализация/индивидуализация) выражена в присущей каждому жизненности – связующей основе формирования сообщества. Этический принцип Нобелевского лауреата А. Швейцера гласит: «Я есть жизнь, которая хочет жить, среди других жизней, которые хотят жить». В насыщенном коммуникациями пространстве завязываются/структурируются/распадаются социальные сети. Эволюция человека обусловлена сменой позы тела при перемещении: с горизонтальной на вертикальную. По выражению О. Сулейменова, города возникали как вызов плоской природе. Городское сообщество создает экосистему для жизни горожан. В среде поселения возникает локальная идентичность. Архитектурная «вертикаль» служит знаковым фактором для личностного роста. Центры культуры – источник для символического наполнения. Б.Г. Ананьев и Н.В. Баранов стремились сберечь архитектурный облик Ленинграда, его культурный ландшафт, места памяти. Благодаря их гражданской ответственности, профессионализму, взаимопониманию, слаженности работы город был во многом сохранен. Показателен пример: когда дефицит топлива поставил вопрос о вырубке Летнего и других садов/парков, по инициативе главного архитектора Ленинграда Н.В. Баранова на дрова разобрали ненужные деревянные постройки. О.Е. Короли (вдова) отметила интерес Бориса Герасимовича к проблемам градостроительства и увлеченность архитектурой, он непременно показывал гостям старинные рисунки Невского проспекта, знаменитые памятники и ансамбли, новостройки в Московском районе [2]. Совместная работа, общность интересов позволяют зафиксировать направление исторических исследований, предполагая, что в архивах Н.В. Баранова можно найти важные сведения о взглядах и деятельности Б.Г. Ананьева.

1. Белоусов В., Смирнова О. Баранов – Народный архитектор СССР // Архитектура СССР. – М., 1979. – № 11. – С. 53.
2. Логинова Н.А. Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 161–177.

К истории сравнительной психологии в Петербургской психологической школе (1900–1940-е годы)

История Петербургской школы; сравнительная психология, Бехтерев, Ананьев, Рогинский, Тих

Богатая история отечественной зоопсихологии и сравнительной психологии недостаточно изучена. В Петербургской психологической школе эта история охватывает почти весь XX век, начиная с зоопсихологических работ самого В.М. Бехтерева и В.А. Вагнера. Научная стратегия Бехтерева состояла в комплексном изучении человека в развитии – в онтогенезе и филогенезе. В Петербургской школе понятие филонтогенеза имело методологическое значение: развитие индивида и вида взаимосвязано. Это относится и к развитию человека. История личности и история индивида переплетаются, производят эффекты, влияющие на эволюцию вида *Homo Sapiens*, как полагал Б.Г. Ананьев.

Созданный Бехтеревым Институт мозга в числе прочих проблем занимался сравнительным изучением ранних стадий онтогенеза животных и человека. В Институте мозга существовал отдел зоорефлексологии, функционировал Музей эволюции мозга и психики с лабораторией сравнительной психологии при нем под руководством ведущего зоопсихолога Григория Соломоновича Рогинского. Лаборатория имела свою экспериментальную базу в зоопарках Москвы и Ленинграда, в обезьяньем питомнике в Сухуми.

В 1930-х гг. группа Г.С. Рогинского изучала разные виды восприятия, мышление в онто- и филогенезе, процессы переобучения и удержания навыка у животных. Эти исследования были частью общего плана исследований по психологии чувственного познания под руководством Б.Г. Ананьева. Рогинский провел серии экспериментов в том числе, по методикам В. Келера, на высших и низших обезьянах. Доказывал, что обезьяны, особенно шимпанзе, в своем поведении не так жестко привязаны к зрительному полю, как утверждал Келер. Эти животные способны к анализу и синтезу данных восприятия, проявляют разумность в решении поведенческих задач. Вместе с тем, Г.С. Рогинский подчеркивал качественные различия поведения животных и поведения человека.

Г.С. Рогинский вместе с зоопсихологом Института мозга Б.И. Хотиным совершили экспедицию на острова Новой Земли, где наблюдали инстинктивное поведение перелетных птиц кайр. Ученые убедились, что взрослые птицы заботились не только о своих гнездах и птенцах, но и о чужих. Таким образом, большие скопления кайр способствовали выживанию этого биологического вида.

Материалы довоенных исследований Г.С. Рогинского легли в основу его докторской диссертации и монографии [1]. Он стал доктором педагогических наук (по психологии) в 1946 г. Работал на отделении психологии в ЛГУ (ныне СПбГУ) в 1945–1947 гг.

Б.И. Хотин изучал подражание у стадных животных. Для этого был разработан сложный план экспериментов и в Ленинградском зоопарке сооружены особые загоны. Эксперименты показали, что подражание имеет свои закономерности и зависит от биологического вида стадных животных и «статуса» особи в стаде [2].

До войны начала свои исследования по сравнительной психологии и зоопсихологии Нина Александровна Тих. Она доктор биологических наук, профессор ЛГУ относится к ключевым персонам Петербургской психологической школы. Главное достижение Н.А. Тих и сравнительной психологии в Петербургской школе – многолетние исследования общения у обезьян [3].

Ею был намечен большой перспективный план коллективных исследований [4], который, к сожалению, не был осуществлен в полной мере и в настоящее время научные исследования в области сравнительной психологии в Петербургской психологической школе давно не проводятся.

1. Рогинский Г.С. Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе). – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1948.
2. Хотин Б.И. К вопросу о генезисе подражания у животных // Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности: Сборник экспериментальных работ. – Л.: Институт мозга им. В.М. Бехтерева, 1947. – С. 35–44.
3. Тих Н.А. Предыстория общества. – Л.: Изд. ЛГУ, 1970.
4. Тих Н.А. К разработке сравнительной психологии // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. – Л.: ЛГУ, 1969. – С. 29–30.

О курсе «История и методология психологической науки»

Интеграция, дисциплина, история, методология психологии

Читая новый курс «История и методология психологии», интегрирующий указанные дисциплины, мы пытались просчитать все плюсы и минусы такого объединения. С одной стороны, история иллюстрирует методологию, объясняя многие «узкие места» последней, с другой, – каждая из дисциплин достаточно сложна, обе неразрывно связаны с философией – прародительницей психологии. С позиции интеграции указанных дисциплин, попытки объяснения мироздания людьми глубокой древности, несомненно, представляют интерес, ибо учебники по методологии этот период практически не раскрывают, а первоисточники студенты не читают. Информация о мыслителях, жизнь и анализ трудов которых осуществляется в курсе «Истории», в «Методологии» выступает иллюстрацией процессов, происходивших в науке. Подчеркнем, что в Беларуси, думается и в России, изменения в методологии науки иллюстрируются примерами из естественно-научных дисциплин, в основном из физики. Собственно, поэтому студенты и мучаются с научными революциями, что концепция Т. Куна построена на обобщении истории развития естественных наук, в которых психологи слабо ориентируются. Конечно, повышение общенаучного уровня знаний обучающихся – дело благое, но время энциклопедистов, к сожалению, ушло безвозвратно. Желательно, чтобы специалисты досконально знали хотя бы специальность. Развитие психологии, ее история – накопление представлений о психике, их осмысление и создание концепций психического на сегодняшний день оформились в естественно-научное, гуманистическое, психодинамическое, когнитивное, бихевиоральное, научные направления. Каждое может рассматриваться как самостоятельная научная парадигма, но они между собой не борются, ибо каждое заняло свою нишу, использует собственные методы и имеет своих сторонников, что противоречит концепции Т. Куна, ибо психология выступает внепарадигмальной областью знания.

С наступлением времени эклектики, философский уровень методологии сокращен донельзя, преемственность идей античности на уровне общенаучном, тем более конкретно-научном прослеживается слабо. Приоритет Н. Винера в создании кибернетики и Л. фон Берталанфи в теории систем сомнению не подвергается, но, возможно, следовало бы больше времени уделить Анаксагору (500–428 гг.), который ввел понятие целостности, фундировавшей принцип системности – взаимозависимости функций души и тела, сформулированного *Аристотелем*. Перед тем как изучать принцип интердетерминации, вероятно, следует вспомнить о Демокрите, сформулировавшем принцип детерминизма (каузальности), Аристотеле, пояснившим принцип целевого детерминизма, заменившим линейный в пятой научной революции. Применение принципов холизма и «допустимо все», с нашей точки зрения требует глубокого анализа способов объяснения мира с позиции знаний, наличествующих в далеком и недалеком прошлом (анимизма, магии, мистицизма, исихазма и т. д.)

Резюмируем. Интеграция двух курсов при сохранении количества часов, отведенных на каждый из них, дает возможность *демонстрировать преемственность философского, общенаучного и конкретно-научного уровней методологии на примерах развития психологической науки.* Указать на роль развития медицинского знания в становлении материалистического понимания психики, начиная с Алкмеона, Гиппократ и Авиценны, цитируя Н.П. Бехтереву. Не исключая информации об изменениях научной рациональности, *критерии фальсифицируемости научного знания К. Поппера*, понятия исследовательской программы И. Лакатоса, основанной на внутреннем единстве логики доказательств и опровержений, *освещая ряд аспектов естественных наук, сосредоточиться на истории психологии.* Убеждены, что *поясняемая историей методология психологии стала доступней, о чем свидетельствуют и успехи студентов на ежемесячных контрольных срезах.*

Понятие «ответственность» в трудах Б.Г. Ананьева

Б.Г. Ананьев, ответственность, научные труды, развитие личности, общество

Научное творчество Б.Г. Ананьева (1902–1972) пришлось на исторический период развития России, связанный с построением социалистического общества.

Понятие ответственности не являлось отдельным предметом размышлений Б.Г. Ананьева, однако, неоднократно упоминается им на страницах своих научных трудов.

Проблемой настоящего исследования явилось понимание социально-исторического своеобразия места и роли феномена ответственности в трудах Б.Г. Ананьева.

Рассматривая социально-психологическую проблематику в рамках общей теории социального поведения, Б.Г. Ананьев касается статуса и ролей личности, применительно к деятельности и отношению к бытию в целом в заданной системе отношений. Так, совмещение прав и обязанностей в определенных правоотношениях, их взаимозависимость, по мнению Б.Г. Ананьева, «может считаться общей моделью общественного поведения и взаимоотношений между людьми с их определенными социальными статусами» [1].

Характеризуя роль как явление общественной жизни, Б.Г. Ананьев приводит выводы Е.С. Кузьмина о том, что роль с социально-психологических позиций является глубиной понимания, принятия и ответственность за исполнение этой роли [1]. Он отмечает, что в основе внутреннего мира личности и её общественного поведения, которое направлено на «...освоение, переживание и воспроизводство ценностей жизни и культуры» ... «лежит целостная совокупность сознательных отношений личности к обществу, группе, труду, самой Себе» [1].

Б.Г. Ананьев приводит мысль В.П. Тугаринова о том, что основными признаками личности является разумность, ответственность, свобода, личное достоинство и индивидуальность [1], и заключает, что всё это «есть действительно характеристики и общественных отношений, и функций, ими определяемых. ... процедуры, мотивы и общественные функции личности в целом детерминированы нормами морали, права и другими явлениями общественного развития. Они ориентированы на определенные эталоны общественного поведения, соответствующие классовому сознанию господствующей идеологии» [1]. Ананьев уточняет, что «роль» личности является жестко запрограммированной определенной общественной функцией в социальной ситуации развития и меняется, переходит от одной к другой в соответствии с возрастными изменениями и накоплением общественного опыта; происходит усложнение и усиление обязанностей и прав [2].

Об ответственности человека за свою судьбу в работах Б.Г. Ананьева упоминается в связи с магистерской диссертацией Н.Г. Чернышевского, который противопоставлял принцип цельной творческой деятельности и личную ответственность за свою судьбу фатализму и теориям «моральной ответственности» [2].

Касаясь проблем воспитания характера, Б.Г. Ананьев рассматривал важность трудового воспитания, когда в процессе соприкосновения ребенка с хозяйственной жизнью семьи появляется возможность развивать самостоятельность, серьезное отношение к жизни, ответственного поведения на «... основе выработанных старшими навыков трудовой деятельности в самом элементарном её виде.» [2].

Упоминается ответственность и в трудах Б.Г. Ананьева, посвященных вопросам воспитания и обучения: с момента предметного обучения и воспитания самостоятельности учащихся; анализа психологической ситуации опроса на уроке, проблемы порицания, оценочных представлений педагога о школьнике и воспитательной работы школы.

Можно сделать вывод, что в научных трудах Б.Г. Ананьева прослеживаются все основные подходы к пониманию ответственности, развиваемые в настоящее историческое время.

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 т. // Акад. пед. наук СССР / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова; сост. В.П. Лисенкова. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1. – 229 с.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 т. // Акад. пед. наук СССР / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова, Н.В. Кузьминой. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 2. – 286 с.

Что может дать исследователю модель развития проблемы сознания: взгляд на конкуренцию научно-исследовательских программ в психологии

Философия психологии, модель развития проблемы сознания, научно-исследовательская программа, преемственность в психологии

Среди многочисленных попыток решения проблемы сознания мне пока не удалось найти подход, который бы апеллировал к истории развития данного философского концепта и его проблематике внутри и вне психологической науки. При этом такой подход может быть полезным не только для более точной оценки возможности разрешения Трудной проблемы, но служить дополнительным (но существенным) материалом для вопросов истории психологии.

В дискуссионном вопросе о том, кто является основателем психологической науки, ответом обычно служит либо имя Г.Т. Фехнера как создателя психофизики – науки, позволившей связать физическое и психическое фундаментальным законом, либо имя В.М. Вундта как создателя первой успешной психологической лаборатории, привлекая учеников со всего мира.

Изучение оригинальных работ обоих авторов, а также более широкого контекста развития психологии как области философии до появления психологии как науки в ходе построения модели развития модели сознания, может позволить не только выделить дополнительные критерии, но и увидеть идеи, являющиеся, тем не менее, значимой частью основания современной психологии.

Для удобства обратимся к методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса [1] как к философско-научной основе настоящего рассмотрения. Согласно этой концепции, развитие науки – появление научно-исследовательских программ как целостных подходов к исследованию, отличающихся своим «жестким ядром» гипотез, и изменение в ходе их развития соотношения между доступным теоретическим и эмпирическим знанием. Если в рамках программы формулируются гипотезы, которые еще только предстоит проверить, то программа обладает эвристической ценностью.

Обращение к философским истокам современной психологии [2] показало, что к концу XVIII века то, что называлось тогда психологией, опиралось во многом на психофизический параллелизм Г. Лейбница и Х. фон Вольфа, идею, согласно которой все, что относится к телу, существует независимо от того, что относится к душе (психике). Такая научно-исследовательская программа очевидно ограничивала исследователя в возможности сопоставления данных философских исследований души и физиологических экспериментов.

Какую же работу можно считать тогда появлением новой научной исследовательской программы в психологии? «Элементы психофизики» Г. Фехнера противопоставляют психофизическому параллелизму философской психологии психофизическое взаимодействие – элементарный закон связи физического и духовного (психического) мира [3, S. 5–7]. В это же время для В. Вундта в его «Основаниях физиологической психологии» телесное и психическое рассматриваются с точки зрения их соответствия [4, S. 9], а самого автора в большей мере беспокоит развенчание представлений о том, что сущность души (психики) проста [4, S. 862–863].

При таком рассмотрении можно заметить, что именно работа Г. Фехнера стала отправной точкой в формировании современного взгляда на сущность психического, тогда как для В. Вундта исходный постулат предшественника становится основой, которая лишь дополняется идеями и эмпирическими данными. Иными словами, если мы рассматриваем развитие психологии через методологию научно-исследовательских программ, то мы имеем право назвать именно Г. Фехнера основателем современной психологии. Более того, идея психофизического взаимодействия до сих пор является общим местом для исследователей, будь то представитель психодинамического, когнитивно-поведенческого или экзистенциально-гуманистического подхода.

Такая исследовательская оптика позволяет нам как психологам увидеть, что в психологии, вопреки расхожему мнению [5], преемственность присутствует, а идеи, провозглашенные более 160 лет назад продолжают жить в наших трудах даже порой вопреки нашей воле, и только глубокая работа с первоисточниками позволяет увидеть связи, не всегда лежащие на поверхности.

1. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический проект, 2008.
2. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. – М.: Канон+, 2010.
3. Fechner, G.T. Elemente der Psychophysik. In 2 Teilen. – Leipzig: Breitkopf & Hartel, 1860.
4. Wundt, W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. – Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1874.
5. Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип преемственности, или Как возможны научные открытия // Мет. и ист. пси. – 2008. – №. 3. – С. 167–180.

Феноменологическая психология как альтернатива количественному подходу на примере изучения переживания утраты

Феноменологическая психология, количественные методы, переживание, переживание утраты

Прошло 165 лет со дня рождения Э. Гуссерля – основателя феноменологии как дальнейшего развития философской альтернативы физиологической психологии В. Вундта. Через труды К. Ясперса, М. Мерло-Понти и других представителей феноменологического движения [1] по всему миру этот подход нашел выражение, в том числе в нейрофеноменологии [2] и феноменологической психологии [3]. Данный подход можно охарактеризовать рассмотрением описаний переживаний, поиском общих проявлений в их структуре, при одновременном учете и исключении собственных установок исследователя в процессе интерпретации результатов.

Чем же феноменология сейчас может быть альтернативой привычному для нас взгляду на психику как на совокупность психических явлений – процессов, состояний и свойств? По аналогии можно сказать, что феноменологическая психология позволяет делать выводы на основании длительной работы со сравнительно небольшим количеством людей, работая с описанием переживаний и их интерпретацией со стороны специалиста, по сравнению с относительно кратковременным заполнением стандартизированных опросников и тестов и прохождением экспериментальных проб.

В качестве примера рассмотрим феноменологическое исследование изменения образа значимого близкого в ситуации переживания утраты [4]. В указанном исследовании результаты феноменологического интервью, полученные на материале 40–50-минутного интервью, и интерпретативного феноменологического анализа позволили выявить перечень категорий, которые характеризуют статику и динамику переживания образа утраченного значимого близкого: 1) относящиеся к внешнему виду, привычкам и поведению, 2) взаимодействию респондента с умершим близким, 3) собственным эмоциям респондента по отношению к умершему, и 4) к оценке таких эмоций. При этом в динамике переживания подчеркивается все то, что сделало умершего человека значимым для респондента, и сглаживается все то, что вызывало у респондента конфликты или отрицательные эмоции по отношению к значимому близкому.

Несмотря на рамки феноменологического подхода эти результаты вполне переводимы как на язык «бытовой» психологии, понятный респондентам, не имеющим специального образования, так и на язык советской/российской психологии, позволяющий разделить поведение, когниции и эмоции, а также на язык когнитивной нейронауки, позволяющий найти потенциальные нейрокорреляты переживаемых состояний. Однако обратная операция кажется гораздо более сложной, поскольку стандартизированный количественный подход не подразумевает уточнений и даже самой способности высказываться, используя все возможности родного языка, напоминая чем-то «Китайскую комнату» Дж. Серля.

Таким образом, данные феноменологического исследования позволяют не только выявлять общие закономерности в переживаниях респондентов, но и проводить редукцию терминологии, что, в свою очередь, может позволить преодолеть как барьер между описанием психической жизни от первого и третьего лица, так и барьер между дискурсом когнитивной нейронауки, советской и российской психологии, а также бытовым описанием переживаний. Иными словами, такой подход может быть и эвристическим исследовательским методом и эвристическим инструментом коммуникации.

1. Шпигельбергер Г. Феноменологическое движение. – М.: Логос, 2002.
2. Varela, F.J. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // Jour. of Consc. St. – 1996. – 3(4). – P. 330–49.
3. Улановский А.М. Феноменологическая психология. – М.: Смысл, 2019.
4. Андреева Д.А. Изменение образа значимого близкого в ситуации переживания утраты. – СПб., 2024.

Общие и специфические тенденции в методологии гуманистической психологии в США и России 50–70-х годов XX века

История гуманистической психологии, американская гуманистическая ассоциация, московская школа С.Л. Рубинштейна, методология гуманистического подхода

Исследование посвящено сопоставительному историко-психологическому исследованию возникновения и развития гуманистического подхода в американской и советской психологии XX века. Общая характеристика этого подхода осуществляется на основе анализа научных взглядов создателей и ведущих представителей двух направлений – американской гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу, Ш. Бюллер, Г. Олпорт, Г. Мюррей, Дж. Келли, Г. Мерфи) и советско-российской московской школы С.Л. Рубинштейна и ее последователей.

Основная цель сопоставительного исследования – выявление не только специфического содержания и проявления гуманизма в психологии США и России, а прежде всего тех существенных сходств, указывающих на его роль в развитии мировой психологической науки.

Методологические корни гуманистического подхода, в целом, восходят к немецкой постклассической философии. В психологии США становление гуманистического направления связано с идейным влиянием немецких гештальтпсихологов и представителей психологии личности, переехавших в США в 30-е годы, которые задают новые теоретические тенденции, основывающиеся, скорее всего, на философии феноменологии и Баденского неокантианства. По этой причине методологическая направленность американского гуманистического движения оказывается намного ближе к европейской психологии в целом, чем к прагматическим идеям традиционных американских психологических школ [1].

По словам Гарднера Мерфи, «в области американской психологии сталкиваются две тенденции, одна из которых берет свое начало в Аристотеле, а другая коренится в учении Платона» [3]. Эта вторая тенденция, проводниками которой стали европейские гештальтпсихологи, оказалась выражением нового вызова эпохи: от психологии ждали ответов на вопросы о существовании человека в мире, а не просто выявления истинности чисто научных фактов.

В условиях развития советской психологии 50-х гг. С.Л. Рубинштейн углубленно разрабатывает вопрос о понимании человека, как субъекта деятельности и его месте в мире, в своем произведении «Человек и мир» [2]. Он является учеником неокантианских философов Марбургской школы, но на него влияние оказывают и антропологические идеи К. Маркса и частично феноменологическая психология Э. Гуссерля. В своих теоретических трудах ученики (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова – Славская, Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова) и последователи (В.В. Знаков и В.А. Поликарпов) С.Л. Рубинштейна развивают его идеи и углубляют их в направлении психологического гуманизма [1].

Другим аспектом проявления методологических сходств между американскими и российскими учеными оказывается общее критическое отношение к т. н. «внешнему детерминизму» в психологии. Критика американских гуманистических психологов относится к теоретическим принципам бихевиоризма, а школы Рубинштейна – к влиянию физиологизма и социологизма на советскую психологию. Утверждение гуманистического подхода в психологии выражается борьбой против конформизма в науке, а также против его проявлений в политической и социальной жизни американского и советского общества.

Существенное влияние на возникновение гуманистического подхода в науке 50-х и 70-х годов оказывает участие США и России в Второй мировой войне, а также их послевоенная внутренняя и внешняя политика в условиях холодной войны. В работах гуманистических психологов этого периода обосновывается необходимость восстановить место и роль человека в качестве основного объекта научного исследования. Притом восстановить интерес психологии к человеку во всей его целостности, индивидуальности и уникальности.

1. Няголова М. Хуманистичната психология. – Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2006.
2. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – М.: Наука, 1997.
3. Murphy L.B. There is More Beyond: Selected Papers of Gardner Murphy. Jefferson, Ed., McFarland & Company. – NC., 1989.

Влияние кантианства и неокантианства на развитие общей психологии в России и Болгарии с конца XIX в. по первую половину XX в.

История общей психологии, Марбургская и Баденская неокантианские школы, философская школа Й. Ремке, номотетический подход в психологии

Исследование посвящено сопоставительному историко-психологическому исследованию влияния методологии кантианства и неокантианства на развитие общей психологии в России и Болгарии. Последние десятилетия XIX в. и первая половина XX в. – это время, когда философия и психология в обеих странах испытали сильное влияние различных кантовских и неокантианских научных школ. Это стало возможным благодаря тому, что многие русские и болгарские студенты получили научную подготовку в области философии, социологии, психологии и педагогики в немецкоязычных странах: Германии, Австрии, Швейцарии. В то же время кантовские идеи проникали в Болгарию и опосредованно – из России, через русских кантианцев и неокантианцев, некоторые из которых оказались в Болгарии в 1920-х – начале 1930-х годов вместе с белоэмигрантами и на «философских пароходах» с русской интеллигенцией, вынужденной эмигрировать из Советской России.

Что касается переводной литературы по психологии и педагогике, то на болгарский язык были переведены работы многих русских неокантианцев. Например, в 1930-е годы большой популярностью пользовались книги Сергея Иосифовича Гессена «Глобальный метод или глобальное обучение» (1935) и «Основы педагогики» (1935). Книга Моисея Матвеевича Рубинштейна «Основы общей методики» (1937) была переведена на болгарский язык, а его книга на русском – «Педагогическая психология в связи с общей педагогикой» (1927) использовалась в качестве учебника не только в Софийском университете и педагогических институтах, но и в болгарских гимназиях и педагогических училищах. В преподавании истории философии широко использовался русский перевод «Истории древней философии» Вильгельма Виндельбанда (1893), выполненный Моисеем Матвеевичем Рубинштейном. Перевод был издан в Москве в 1911 году.

Для достижения основной цели исследования мы сравнили работы болгарских и российских психологов, посвященные общей психологии. По характеру публикаций это, прежде всего, вузовские учебники «Общая психология» и «Психология», а также монографические работы и статьи по общей психологии, имеющие методологическую направленность. Их авторы – психологи и философы, работающие в области общей психологии, большинство из которых получили высшее философское образование, защитили диссертации или прошли научную стажировку в немецких университетах. Кантовские идеи в общей психологии последовательно применяют такие русские ученые, как А.И. Введенский, Г.И. Челпанов, а также болгарские ученики В. Вунта – К.К. Кръстев и Н.С. Бобчев. Как известно, большинство русских и болгарских неокантианцев формируют свои психологические взгляды под влиянием идей Баденской школы, изучающей, прежде всего, дифференциальные особенности человеческой психики, исходя из позиций идеографического подхода (М.М. Рубинштейн, Б.В. Яковенко). В основе разработки проблем общей психологии оказывается, однако, методология номотетического подхода. В данном контексте работают ученики и последователи Марбургской школы: С.Л. Рубинштейн в России, А. Недялков и С.С. Казанджиев в Болгарии.

Наряду с текстологическим анализом трудов указанных авторов и с сопоставлением их научных взглядов, во второй части нашей работы сделано обобщение новейших историографических тенденций исследуемой проблемы в российской и болгарской науке. В итоге сделан вывод о том, что современные исследователи кантианства и неокантианства в России и Болгарии все чаще обращают внимание на самостоятельный вклад в психологию представителей данных направлений.

1. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. – М.: Канон+, 2010.
2. Виндельбанд В. История древней философии / Автор перевода М.М. Рубинштейн. – М.: Типография Русского товарищества, Чистые пруды, 1911.
3. Гессен С.Й. Глобален метод или глобално обучение. – София: Печатница художник, 1935.
4. Гессен С.Й. Основи на педагогиката. Въведение в приложната философия. – София: Държавна печатница, 1935.
5. Рубинщайн М.М. Основи на общата методика. – Провадия: печ. на Н.Г. Пейнирлиев, 1937.

Ленинградский период творчества Б.Ф. Ломова: 1954–1966 гг.

Б.Ф. Ломов, история инженерной психологии, первая лаборатория инженерной психологии

В профессиональном психологическом сообществе Б.Ф. Ломов известен не только как крупнейший ученый, основоположник многих отраслей психологической науки, в первую очередь – инженерной психологии, но и как первый декан факультета психологии Ленинградского государственного университета и директор и основатель первого в стране Института психологии РАН. Перед окончательным переездом в Москву он основал в Ленинграде первую в стране лабораторию индустриальной (а позже – инженерной) психологии, став одним из основоположников инженерной психологии в России. Тем не менее, о жизни и творчестве Б.Ф. Ломова в начале его пути сегодня известно не так много: не столь известно содержание работ самого Ломова в этот период, трансформация его научных интересов, становление его как руководителя (как куратора лаборатории, декана факультета и как научного руководителя). В данной работе с помощью метода библиографического анализа, а также на основе материалов интервью с учеником Б.Ф. Ломова Г.С. Никифоровым реконструируются основные аспекты деятельности и научных интересов Б.Ф. Ломова в период 1954–1966 гг.

Первая известная нам серьезная работа – кандидатская диссертация, которую Ломов защитил в 1954 г., – была посвящена соотношению навыков черчения и рисования у школьников. По свидетельству Г.С. Никифорова, взяться за эту тему Ломова, вероятно, вдохновил его учитель – Б.Г. Ананьев. Представляет интерес методология исследования Б.Ф. Ломова: в качестве теоретической основы своего экспериментального исследования он выбирает рефлекторную теорию И.М. Сеченова и И.П. Павлова [1]. Можно предположить, что такой выбор был обусловлен влиянием Павловской сессии, прошедшей за 4 года до защиты Ломовым диссертации.

Интервью с Г.С. Никифоровым позволяет сделать вывод о влиянии Ананьева и на формирование интересов Ломова в области инженерной психологии. В 1959 году на базе ЛГУ Б.Ф. Ломов основывает лабораторию индустриальной психологии, а позже, в 1966 – факультет психологии. На основе библиографического анализа работ, вышедших в период с 1961 по 1966 нам удалось частично реконструировать основные направления работы Ломова: формирование образа как процесса построения изображения; экспериментальные исследования двигательных компонентов пространственного восприятия и воображения [2–5]. Эти исследования заложили фундамент дальнейшего развития интересов Ломова и его исследований восприятия изображений в последующий период.

В интервью с учеником Б.Ф. Ломова Г.С. Никифоровым прозвучали также воспоминания о Ломове как о человеке и научном руководителе: отмечается его тактичность, дипломатичность, а также нетерпимость к отсутствию у учеников сформированных научных интересов. Отмечен также особый, даже лично окрашенный, интерес Ломова к экспериментальной психологии в 1950–1960 гг., и его стремление внедрить основы эксперимента в психологические исследования. Были также выяснены новые подробности создания и публикации книги «Человек и техника».

1. Ломов Б.Ф. Опыт психологического исследования соотношения навыков рисования и черчения: Дис. ... канд. пед. наук, 1954.
2. Ломов Б.Ф. Лаборатория индустриальной психологии в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова // Вопросы психологии. – 1960. – № 3. – С. 199.
3. Проблемы восприятия пространства и времени: Второе научное совещание по проблемам восприятия пространства и времени / Ленинградское отделение общества психологов; Кафедра психологии и лаборатория индустриальной психологии. – Л.: ЛГУ, 1961. – 212 с.
4. Проблемы общей и индустриальной психологии: Сб. ст. – Л.: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1963. – 156 с.
5. Экспериментальная и прикладная психология: Сб. науч. трудов. Вып. 1 / Ред. Б.Ф. Ломов. – Л.: ЛГУ, 1968. – 140 с.

Научные подходы в отечественной психологии: единство в многообразии

Методология науки, научные подходы, отечественная психология

Проведен анализ современных подходов в отечественной психологии, условно разделенных нами на общепсихологические, общенаучные в психологии, конкретно-научные в определенных психологических областях и научные подходы в прикладной науке. Проблемным был вопрос, по каким основаниям сопоставлять подходы. Были рассмотрены четыре варианта сопоставления. Это возможность интеграции (В.А. Мазилев, В.А. Янчук) или возможность сравнения научных подходов (Е.А. Сергиенко, А.В. Юревич). Анализ позволил выбрать ориентиры в попытке представить пространство психологической науки как дифференцированное разными теориями, так и взаимосвязанное через открытость границ и гибкость понятийных структур. Были выделены ведущие понятия подходов, конкретизирующие понятия, выделяемые методологические принципы и ведущие методы [2]. Необходимо отметить, что большинство подходов отвечает основным эпистемологическим принципам постнеклассической науки и метамодернизма, подчеркивая существенную смену принципов организации науки. Это означает переход к полипарадигмальности, усилению «межпарадигмальных мостов» и знаменует смену конкуренции разных подходов и психологических школ на поиск взаимодополнения, консенсуса эволюционной интегративной тенденции. Кроме того, по мнению Т.В. Зеленковой [1], которая видит взаимодополняющий смысл в разных отношениях к процессу интеграции науки: плюрализм необходим для накопления знаний и расширения научного поля, либерализм предполагает обнаружение связей между подходами как узлами сетевой организации науки, нигилизм направлен на выявление и удаление слабых связей, а монизм – на усиление и укрепление позиций. Сравнение подходов позволило обнаружить их взаимодополнения и взаимопресечения. Многие подходы вбирают в себя понятия и принципы иных подходов в психологии (например, тесную взаимосвязь демонстрирует историко-эволюционный подход с деятельностным, культурно-историческим, историко-генетическим, культурно-аналитическим, системно-субъектным, субъектно-аналитическим, сетевым и системным подходами). Общенаучные подходы породили не только новые понятия в психологии («междисциплинарность», «психологические ресурсы» и др.), но и новые методологические принципы. Получили свое обоснование принципы междисциплинарности, неопределенности, антиципации, субъектности, эволюционности, мультидетерминации и саморазвития наряду с подтверждением принципов системности, единства сознания и деятельности, единства бытия и сознания, развития. Но и традиционные для психологии принципы наполняются новым содержанием, исключая детерминизм, сковывающий человека универсальными законами, и индетерминизм, когда человек теряется в бесконечных степенях свободы. Не ставилась задача интеграции психологических подходов. Сделана попытка наметить пути их взаимопроникновения, сравнения специфики «оптики» и уникальности вклада в общую психологическую науку. Развитие психологической науки в рамках проведенного анализа указывает на развитие науки и «в куст», и «в дерево», т. е. на создание ландшафта психологии через многообразие при взаимопроникновении разных подходов, различия которых создают единое пространство нашей науки. Единство в разнообразии, взаимопресечении и взаимовлиянии означают эволюцию психологического знания, создающую точки роста, напряжения позиций, поиск и стремление к консенсусу, взаимопониманию, взаимоуважению, необходимых для науки, ее сохранения и прогресса.

1. Зеленкова Т.В. Эволюция сетевого подхода в психологии: от плюрализма к сотворению знаний // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 360–376.
2. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – С. 360–376.

Новые архивные документы к творческой биографии С.Л. Рубинштейна: историко-психологическое исследование

История психологии, архивные документы, С.Л. Рубинштейн, советские психологи

Работа по комплектации источниковой базы истории отечественной психологии была и остается одной из важнейших задач для специалистов в данной области науки. В ряду исторических документов, связанных с 110-летней деятельностью Психологического института, в 2024 году подлежали обработке разрозненные материалы коллекции Кабинета истории (под руководством Н.А. Рыбникова), предположительно относящиеся к архивному делу С.Л. Рубинштейна.

Работа проводилась в несколько этапов. На первом в результате кропотливого отбора материалов был получен единый базовый источник информации из 42 ед. хр. – исторических документов, связанных с деятельностью С.Л. Рубинштейна в период с 1936 по 1943 годы. На втором этапе после проведения их систематизации оказалось, что большая часть архивных документов представлена эпистолярными источниками – 24 письма.

На третьем этапе в процессе решения задач внешней критики источников прошли атрибутирование 22 письма (не удалось определить дату – 1 и автора – 1). Было установлено, что крайними датами переписки являются 16. III. 1939 – 28. XI. 1943, и она охватывает годы работы ученого в Ленинграде в должности заведующего кафедрой Ленинградского государственного педагогического университета им. А.Н. Герцена и Москве в должности директора Института психологии. С.Л. Рубинштейн являлся автором 4 писем, адресатом 20, к нему обращались – Н.А. Рыбников, А.Р. Лурия, П.А. Шеварев, А.В. Ивина, А. Маркушевич, И.И. Тартаковский, В.С. Мерлин, А.В. Ярмоленко, В.Е. Смирнов, Я.В. Кеткевич.

Специфической задачей внутренней критики писем как источников информации являлось установление эпистолярных отношений корреспондентов, ведь письмо – это всегда акт общения. Наиболее активная переписка велась между С.Л. Рубинштейном и Н.А. Рыбниковым, которая касалась защиты Б.Г. Ананьева (23. II. 1940) и предоставления материалов для Кабинета истории. В целом из 24 писем 15 являлись обращением за помощью в профессиональной сфере. Несмотря на общий деловой характер переписку отличает очень дружественный, уважительный и даже доверительный тон, т.е. в жизни между корреспондентами существовали «коллегиально-дружеские» отношения (термин Л.И. Нижниковой). Из текста ряда писем следует, что С.Л. Рубинштейн был осведомлен о некоторых аспектах личной жизни своих коллег, и их письма являлись ответом на письма, отправленные им самим. Трое из авторов писем – А. Маркушевич, И.И. Тартаковский, В.Е. Смирнов – не были лично знакомы с С.Л. Рубинштейном, но интонация их писем свидетельствует о глубоком уважении и уверенности в готовности адресата прийти на помощь. При проведении сравнительного анализа с информацией, содержащейся в других архивных источниках, было установлено соответствие их содержания: так в переписке военных лет А.А. Смирнова с сотрудниками института имеются отзывы об активной организационной деятельности вновь назначенного директора и его желании вникнуть в суть проблем сотрудников с тем, чтобы помочь в их разрешении (Н.П. Байкалова, Е.В. Гурьянов, Л.А. Шварц).

В результате работы с эпистолярными источниками 1) был атрибутирован новый документ: по инициалам и синтаксическим особенностям языка изложения предположительно установлено имя Анны Михайловны Шуберт как автора одного из писем, 2) обнаружены 17 автографов писем – подлинных текстов, собственноручно написанных выдающимися отечественными психологами, 3) оформлен новый источник современных научных исследований, дополняющий представления о личном облике С.Л. Рубинштейна, профессиональном самосознании отечественных психологов, отношениях в научной среде, материальном положении и быте ученых в эвакуации во время войны.

Роль А.Ф. Лазурского в становлении отечественной психотерапии (к 150-летию со дня рождения)

История психологии, Лазурский, отношение, психотерапия

Введение. В 2024 году научная общественность отмечает 150-летний юбилей со дня рождения выдающегося российского психолога А.Ф. Лазурского, внесшего неоценимую лепту в становление отечественной психологии [1]. Фигура А.Ф. Лазурского-психолога столь велика, что в ее тени остается вклад А.Ф. Лазурского в становление отечественной психотерапии.

Дизайн исследования. Объект исследования составили архивные материалы, научные публикации, а также доклады, прочитанные по данной теме на научных конференциях.

Использовались: праксиметрический, историко-функциональный методы.

Результаты и обсуждение. Александр Федорович Лазурский (12.04.1874–12.03.1917) родился в Полтавской губернии в семье православного священника. После окончания гимназии поступил в Военно-Медицинскую академию, где стал учеником возглавлявшего кафедру и клинику душевных и нервных болезней В.М. Бехтерева. В 1901–1902 гг. А.Ф. Лазурский стажировался в Психологическом институте Вильгельма Вундта в Лейпциге, работал в лаборатории экспериментальной психологии Эмиля Крепелина в Гейдельберге, слушал лекции Карла Штумпфа в Берлине, а также учился у крупнейших неврологов того времени – П. Флексига, Х. Оппенгейма и др.

А.П. Нечаев отмечал: «Излюбленную область научных работ А.Ф. Лазурского составляла проблема человеческой личности» [2]. По результатам сравнительного анализа психологических публикаций конца XIX века – начала XX века А.Д. Леонтьев показал, что А.Ф. Лазурскому удалось разработать первую в мире полноценную теорию личности [3].

Работа А.Ф. Лазурского важна в контексте происходящей в то время в психотерапии революции. На смену гипнозу и внушению приходили личностно ориентированные психотерапевтические методы. Данную революцию принято связывать с появлением психоанализа Зигмунда Фрейда, между тем, историческая справедливость требует подчеркнуть, что личностно ориентированная революция в психотерапии носила объективный характер и была вызвана, прежде всего, развитием научной психологии в конце XIX века – начале XX века [5]. К примеру, в своей теории личности А.Ф. Лазурский объединил наработки В.М. Бехтерева, П.П. Викторова, В.Ф. Чижа, Н.Я Грота и др. Однако А.Ф. Лазурский не просто скомпилировал наработки коллег по психологическому цеху, ему удалось много больше – ввести системообразующий фактор.

По мнению Т.Д. Марциновской, «разработка категории отношения стала одним из краеугольных камней концепции В.Н. Мясищева, что превратилось в важный фактор связывания «разорванной нити» времен и идей уже в новой социальной ситуации формирования психологии» и обеспечила постоянство идентичности психологической школы [4], от себя добавим, что сказанное в полном объеме справедливо и для психотерапевтической школы.

1. Журавель В.А. Создание А.Ф. Лазурским основ медицинской психологии и преподавание её в России (к 140-летию со дня рождения) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2014. – № 6(29) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Костригин А.А. Историко-психологические идеи А.П. Нечаева. Часть 2: История психологии в различные эпохи, персоналии // Социальная и экономическая психология. – 2021. – Т. 6, № 2 (22). – С. 271–295.
3. Леонтьев Д.А. Теория личности А.Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3, № 4. – С. 7–20.
4. Марциновская Т.Д. Изменчивость и постоянство научной школы, или Гармонизация прерванной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 8–18.
5. Слабинский В.Ю. Владимир Федорович Чиж и Зигмунд Фрейд: схождение биографий и различие судеб // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2015. – № 2(31) [Электронный ресурс]. – URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 25.05.2024).

Коммуникативная методология в историко-психологическом исследовании

История психологии, коммуникация, интеграция

Проблема метода в психологии относится к числу центральных, так как ее решение определяет не только способы организации эмпирических исследований, но и, прежде всего, представление исследователя о предмете психологической науки и способе его изучения. Особое значение проблема метода имеет для организации историко-психологических исследований, направленных на «психолого-историческую реконструкцию психологического познания» (Кольцова, 2008, с. 350). Разработанные в психологии методы имеют значительные ограничения для их использования в историко-психологических исследованиях, характеризующихся специфичной источниковедческой базой [1]. Ввиду этого история психологии как отрасль психологического знания использует оригинальные методы, позволяющие изучать разные аспекты соответствующей предметной области: персоналистический, логико-предметный, социальный и процессуальный [3].

Несмотря на то, что описанная классификация [3] предполагает многообразие теоретических методов исследования, большинство из них носит внешний по отношению к психологическому содержанию характер – изучение биографий, научных текстов, социокультурных контекстов и пр. При их неоспоримой важности и значимости, особое значение для исторической реконструкции психологического знания имеет метод единства исторического и логического: «изучение истории развития объекта позволяет выявить его сущностные характеристики и закономерности; воссоздание логики развивающейся системы открывает возможности для более точного и глубокого осмысления и описания исторического процесса» [3]. Ввиду сказанного считаем необходимым акцентировать внимание на актуальности использования коммуникативной методологии как совокупности методов историко-психологической реконструкции психологического знания [4].

Целью коммуникативной методологии является интеграция психологического знания – многообразия созданных концепций и теорий психического. Ее ключевой тезис состоит в том, что «необходимо различать теорию как результат научного исследования и предтеорию как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование» [4]. В структуре предтеории выделяются идея метода, базовая категория, моделирующее представление и организующая схема. Технология интеграции состоит в сопоставлении многочисленных концепций на уровне их предтеорий. Иллюстрацией перспектив коммуникативной методологии в историко-психологических исследованиях является реконструкция истории разработки проблемы деятельности в ярославской психологической школе [5].

В проведенном исследовании [5] было показано, что в 60-х первой пол. 70-х гг. XX в. разработка проблемы деятельности в ярославской психологической школе велась на основе моделирующего представления о ней как о совокупности действий и операций. Таким образом был реализован структурно-морфологический подход к ее анализу [2]. Внедрение в 70-е гг. В.Д. Шадриковым идей системного подхода к анализу деятельности позволило изменить моделирующее представление о структуре деятельности и использовать функционально-динамический подход к ее анализу [2]. Таким образом была создана оригинальная системогенетическая теория деятельности.

Проведенный анализ показал перспективность и оригинальность использования идей коммуникативной методологии к решению задач исторической реконструкции психологического знания.

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 382 с.
2. Карпов А.В. Психологический анализ деятельности / А.В. Карпов, И.Г. Савин. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 144 с.
3. Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии / В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 512 с.
4. Мазилев В.А. Методология психологической науки: История и современность / В.А. Мазилев. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
5. Мазилев В.А. Век психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского / В.А. Мазилев, Ю.Н. Слепко. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. – 468 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00599, <https://rscf.ru/project/24-28-00599/>.

Развитие социальной психологии в современном российском обществе: история и тенденции

Социальная психология, история психологии, теоретико-методологические принципы, группа, личность

В анализе теоретических и прикладных аспектов социальной психологии России и научной деятельности отечественных психологов уделяется много внимания. В лаборатории истории и исторической психологии института РАН проводятся исследования этих проблем. Наметился интерес к изучению новых форм больших социальных групп (сетевых сообществ), см. [4, 5]). Ведется работа по интеграции историко-психологических исследований.

Методологические проблемы психологии. В работе А.А. Гостева [2] рассмотрен ряд теоретико-методологических проблем:

1. Раскрытие информационно-психологических войн как сложной системы войны гибридного типа.
2. Изучение структуры функционирования субъект-объектных информационно-психологических взаимодействий.
3. Выявление тенденций и роли гибридной войны коллективного Запада против России.
4. Изучение идеолого-мировоззренческого, религиозного и духовно-нравственных факторов.

Перспективной задачей, как считает автор, являются события на Украине. С одной стороны, конфликт невозможно понять вне глобального контекста. С другой, необходимы исследования, раскрывающие мотивацию обеих сторон конфликта. Это предполагает раскрытие динамики социально-политических установок жителей Украины относительно соотношения в них антирусского, русского и европоцентричного аспектов и их отношение к украинскому национализму.

В анализе методологических проблем можно отметить статью В.А. Рафиковой, И.А. Мироненко [9]. В статье рассмотрен анализ особенностей развития истории психологии и тенденций развития историографии и ряд других проблем.

В работе В.А. Мазилова [7] дан анализ методологической позиции психологов в исторической перспективе. Главная проблема, как считает автор, заключается в недооценке роли методологии.

Проблемы исторической памяти и исторического сознания. В статье М.П. Мохначевой [8] дан анализ русской историографии, методов исторического исследования и истории культуры.

В работе А.А. Королева [6] дается историографический обзор проблемы и предпринята попытка раскрыть содержание понятия «историческая психология». Изложено авторское понимание проблемного поля, методологического подхода к проблеме и характеристика категориального аппарата этой отрасли общественнознания.

В работе М.Р. Арпентьевой [1] рассмотрена проблематика переживания человеком своей ответственности и его включенности в жизнь. Наименее изученной формой является социальная ответственность, в том числе ответственность историческая. Несмотря на распространенность словосочетания «историческая ответственность», его востребованность в СМИ и политических дебатах, научных исследованиях в этой сфере мало.

Кроме этого, существует индивидуальное/групповое измерение исторической памяти: стратегии индивидуальных взаимодействий с прошлым и стратегии групповых различий (индивид или группа могут чувствовать себя виновными в произошедшем или разделять вину предшественников).

Некоторые проблемы исследования темы. В их числе отметим специфику информационно-психологических войн гибридного типа, изучение структуры субъект-объектных информационно-психологических взаимодействий, анализ гибридной войны коллективного Запада против России и идеолого-мировоззренческие, религиозные и духовно-нравственные факторы.

Подводя итоги, отметим, что социальная психология в современном российском обществе может претендовать на роль одной из ведущих наук. Однако психологам для этого необходимо проделать большую работу в решении стратегических задач ее развития. В этом отношении остается ряд проблем, отмеченных выше (раскрытие информационно-психологических войн как системы войны гибридного типа, изучение структуры субъект-объектных информационно-психологических взаимодействий, тенденции гибридной войны коллективного Запада против России, идеолого-мировоззренческих, религиозных, духовно-нравственных факторов и ряд других).

1. Арпентьева М.Р. Историческая память: социально-психологический и историко-культурный смысл // История, современность и перспективы развития психологии в системе российской академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН.
2. Гостев А.А. О теоретико-методологических проблемах изучения информационно-психологических войн // История, современность и перспективы развития психологии в системе российской академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. – М., 2022. – С. 6–68.
3. Журавлев А.Л., Холондович Е.Н. Итоги работы лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН в 2022 г. // Социальная и экономическая психология. – 2023. – Т. 8, № 3(31). – С. 236–265.
4. Kitova D.A., Zhuravlev A.L., Zinchenko Y.P. Trends in the Study of Cultural-historical Phenomena on the Internet // Psychology in Russia: State of the Art. – 2022. – V. 15, № 1. – P. 103–119.
5. Китова Д.А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40, № 2. – С. 128–131.
6. Королёв А.А. Историческая психология: предмет и структура (опыт научной рефлексии) // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. – М., 2008.
7. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2(2). – С. 149–155.
8. Мохначева М.П. Историческая психология и история исторической науки: проблемы междисциплинарного взаимодействия на современном этапе. – 2013. – Vol. 2, № 1. – P. 645–652.
9. Рафикова В.А., Мироненко И.А. Актуальные тенденции методологии истории психологии в свете философско-методологических проблем историографии, Санкт-Петербург // Вестник Петербургского университета. Психология. – 2021. – Т. 11. – Вып. 4. – С. 312–325.

Культурно-историческая психология Л.С. Выготского как источник формирующей стратегии исследования

Культурно-историческая психология Л.С. Выготского, теория П.Я. Гальперина, формирующий метод

Нынешний, 2024 год объявлен Годом столетия культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, поскольку в 1924 году состоялись два исторических выступления Л.С. Выготского: 6 января на втором съезде по психоневрологии в Петрограде и 26 ноября на втором Всероссийском съезде социально-правовой охраны несовершеннолетних в Москве. За 10 лет – с 1924 по 1934 годы – Л.С. Выготский не только разработал оригинальный подход к пониманию природы и закономерностей развития психики, но и обозначил направления будущих исследований, во многом определивших лицо нынешней психологической науки. Одним из значительных достижений Л.С. Выготского является создание им учения о социально-историческом происхождении и развитии психики, что потребовало и иной, отличной от традиционной констатирующей, стратегии исследования. Впоследствии формирующая стратегия обрела конкретно-психологическое содержание в работах П.Я. Гальперина, его учеников и последователей.

П.Я. Гальперин разработал формирующий метод психологического исследования, направленный на формирование предметного действия с заданными свойствами. Он исходил из того, что констатируемая с помощью метода «срезов» последовательность развития выдается за внутреннюю закономерность процесса и не раскрывает реальные ее причины и оправдывает «убогую действительность стихийного формирования» [2, с. 477]. Формирующий метод берет начало от экспериментально-генетической стратегии исследования Л.С. Выготского: разработанная Л.С. Выготским совместно с Л.С. Сахаровым методика двойной стимуляции позволила проследить образование понятий в детском возрасте и представить «экспериментально организованную картину онтогенеза понятий» [4, с. 47]. Л.С. Выготский отмечал, что был прослежен генетический ход образования понятий на различных возрастных ступенях [1]. Этот новый метод, по мнению П.Я. Гальперина, заложил новую линию генетического исследования, однако полного контроля над условиями образования понятий не было – на восполнение этого пробела и были направлены усилия П.Я. Гальперина, которому удалось выделить условия управления процессом формирования умственных действий. Возможности метода поэтапного формирования как «метода развернутого и открытого для наблюдения формирования новых конкретных психических процессов и явлений» [2, с. 448] были продемонстрированы П.Я. Гальпериным на разном материале, «на примере нескольких особенно трудных для объяснения феноменов» [там же]: «чистой мысли», внимания, типов учения и связи обучения и умственного развития.

Анализируя вклад П.Я. Гальперина, Л.Ф. Обухова писала, что он создал новую отрасль психологии – общую генетическую психологию, которая имеет свой оригинальный предмет (ориентировочная деятельность) и метод – метод формирующего эксперимента [3].

В силу обучающей направленности метод поэтапного формирования может быть использован не только в исследовательских, но и практических целях, то есть как метод обучения. Этим объясняется востребованность формирующего метода образовательной практикой, которая одновременно выступает и верховным судьей стоящими за ним теории и методологии исследования.

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. – 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
2. Гальперин П.Я. Психология: предмет и метод. Избранные психологические труды. – М.: Изд-во Московского университета, 2023.
3. Обухова Л.Ф. Основы общей (генетической) психологии. Теория П.Я. Гальперина и формирующий эксперимент: Монография / Под ред. Г.В. Бурменской, И.В. Шаповаленко, А.А. Шведовской. – М.: ФБГОУ ВО МГППУ, 2022.
4. Сахаров Л.С. О методах исследования понятия // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 2. – С. 32–47.

Актуальные проблемы истории психологии сегодня

История психологии, сетевой подход, принцип историзма, научные школы

История психологии как особая область психологического знания переживает в настоящее время определенные сложности. Историко-психологические исследования по-прежнему появляются, конференции и секции по истории психологии проводятся, а курс истории психологии преподается. Однако сама история психологии все больше воспринимается современными исследователями как некий анахронизм, своеобразный «аппендикс» новейшей психологии, мешающий ее прогрессивному развитию. Историко-психологические исследования, выполненные в классических традициях (заложенных еще М.Г. Ярошевским), провозглашаются устаревшими и лишены новизны и действительно часто выглядят таковыми на фоне ультрасовременных научных исследований, выполненных на основе искусственного интеллекта или посвященных ему. Бросается в глаза очевидная несовместимость методологии истории психологии и методологии современной отечественной психологии. Последняя на протяжении последних 20 лет последовательно переходит и уже почти перешла на рельсы сетевого подхода, уравнивающего в статусе психологические теории разного уровня и разных исторических периодов. Принцип историзма, рассматривавшийся в XX веке как одно из главных завоеваний отечественной психологической мысли, теряет свою значимость обязательного методологического принципа психологии. Сетевой принцип связи всего со всем как организующий принцип научного знания его просто устраняет. Историко-эволюционные изменения психики выступают предметом исследования в отдельных направлениях и подходах современной отечественной психологии, но не являются предпосылкой, методологическим принципом любого исследования в области психологии. Так, современные когнитивные исследования, с одной стороны, и феноменологические исследования, с другой, в большинстве случаев вполне без него обходятся. То же относится и к чрезвычайно популярным сегодня междисциплинарным исследованиям, абстрагирующимся от исторического характера системы научного знания в целом. Эти и другие процессы, происходящие в современной психологии, требуют своего осмысления. И здесь мы сталкиваемся с отсутствием у историков психологии адекватного методологического инструментария для проведения подобной работы.

Основная проблема состоит в том, что большинство понятий истории психологии, успешно использовавшихся для анализа развития научной психологии в XIX–XX веке, не соответствуют современным реалиям. В первую очередь это относится к концепции великих людей, еще недавно весьма популярной на Западе, и понятию научной школы. И отечественные психологи, и их западные коллеги отмечают, что понятие научной школы по существу уходит в прошлое. Этому в значительной степени способствовало утверждение конвейерного принципа организации науки, в соответствии с которым роль личности (создателя школы и его последователей) уступает место своего рода «винтикам» в передаче научных наработок от одних к другим по конвейеру, при полной заменимости тех, кто получает, дорабатывает и передает далее научное знание. Наука все больше начинает напоминать глобальное производство со своими критериями количества и качества продукта. Личностно окрашенный характер психологического знания, преобладавший в прошлом, сменяется его информативным характером. Отказ от объективизма классической психологии парадоксальным образом сочетается с объективацией научного знания так, что в недалеком будущем можно ожидать появления новых теорий, сгенерированных искусственным интеллектом.

Еще одна характерная тенденция современности связана с возникновением «сложносочиненных» подходов, образованных соединением двух (или более) ранее самостоятельных направлений. В результате деятельностный подход оказывается составной частью сразу нескольких вновь образованных подходов – культурно-деятельностного, субъектно-деятельностного, экзистенциально-деятельностного и т. д. Все это подводит нас к необходимости серьезной работы по пересмотру существующего инструментария работы историка психологии.

Отечественные учебные пособия по психологии личности: эволюция контента

Личность, психология личности, учебник, учебное пособие

В профессиональном сообществе признается основополагающий статус психологии личности для подготовки будущих психологов: как исследователей, так и практиков. Однако диффузность и дискуссионность психологии личности делают ее одной из самых сложных учебных дисциплин, где при преподавании необходимо соблюсти баланс ясности и проблематизации, научной традиции и современности. Представляется, что продемонстрировать неоднозначность задач и размытость предметного содержания для трансляции в курсе психологии личности можно результатами анализа контента учебных пособий по дисциплине. С этой целью нами был осуществлен обзор контента 50 учебников и учебных пособий, изданных в отечественной печати с 1904 по 2024 гг.: 3 относятся к дореволюционному периоду, 20 – советскому, 27 – постсоветскому.

Первые специальные пособия по психологии личности появились не ранее 1980-х гг. Ранее персонологическая проблематика была представлена в текстах по общей психологии, где вопросам психологии личности отводился раздел (Сикорский И.А., 1904; Челпанов Г.И., 1906; Рубинштейн С.Л., 1940; Корнилов К.Н., 1946; Теплов Б.М., 1951; Егоров Т.Г., 1955; Гоноволин Ф.Н., 1956; Петровский А.В., 1976; Крутецкий В.А., 1980). Содержание разделов достаточно единообразно и включает вопросы общего понимания личности, основных образований личности (способности, темперамент, характер), развития личности, в ряде пособий уделяется внимание самосознанию, мотивации, интересам, проблемам взаимодействия личности и коллектива.

Новый этап в концептуализации психологии личности как учебной дисциплины относится к рубежу 1990-х гг. За счет активного разрастания предметного поля и рассматриваемых теоретических моделей личности (в основном за счет зарубежных теорий) появились различные по способу формирования контента пособия: феномено-ориентированные (содержательно представляют различные проявления личности, вопросы ее структуры и развития) и концептуально-ориентированные (представляют обзор отечественных и зарубежных теорий личности). Ряд пособий совмещают эти подходы. Благодаря свободе творческого высказывания появились пособия не только воспроизводящие традиционную схему представления личностных явлений, но и предлагающие авторский взгляд на проблемное поле, феноменологическую наполненность, концептуальную обоснованность психологии личности (Асмолов А.Г., 1990; Коржова Е.Ю., 2003, 2020; Слотина Т.В., 2008; Гуревич П.С., 2009; Елисеев О.П., 2024).

Ознакомление с совокупностью учебных текстов по психологии личности обнаруживает ряд проблем.

- Диффузия предметного поля психологии личности и полей общей, дифференциальной, социальной психологии. Темперамент, характер, способности, мотивация, эмоции, воля включаются авторами в пособия всех названных дисциплин, создавая впечатление несамостоятельности предмета психологии личности.
- Поверхностность проблематизации: в пособиях дискутируются вопросы определения, проявлений, структуры и развития личности. Однако для учебных текстов проблемные аспекты редуцируются, претендуя на впечатление достаточно конвенционального знания.
- Недостаточность охвата актуальных в науке феноменов: ресурсный потенциал личности, угрозы личностному здоровью и способы совладания с ними, проявления личности как субъекта собственного бытия и изменения.
- Медленное обновление теоретического контента: в пособиях практически не представлены теоретические модели последних десятилетий зарубежной психологии. Из отечественных представлены только подходы А.Г. Асмолова, Л.И. Анцыферовой.

Произведенный контент-анализ учебных текстов показывает, что их содержание не скрывает, а скорее, явственно обнаруживает для обучающихся остроту теоретико-методологической полемики психологии личности, где дискутируются утрата единообразия и целостности понимания личности, единообразия трактовки относящихся к личности феноменов, актуальности традиционных подходов и абсорбции результатов современных исследований.

Личность как социальный феномен в научном творчестве В.Н. Куницыной

Личность, социальная психология личности, межличностные отношения

Анализ жизненного пути крупных психологов показывает, что перед каждым из них встает проблема личности. Не исключение в этом ряду и траектория научного творчества В.Н. Куницыной, разработавшей и более 30 лет (с 1987 по 2020 гг.) читавшей на факультете психологии СПбГУ авторский курс «Социальная психология личности».

Первые исследования личности, начатые В.Н. Куницыной в 60-х годах прошлого столетия, были приурочены к подростковому возрасту, на который приходится крупный личностный кризис, характеризующийся изменением способов мышления, перестройками в структуре самосознания. В рамках кандидатской диссертации (под руководством А.А. Бодалева), было установлено, что освоение подростком социальных ролей – важное условие успешной социальной перцепции. Наиболее полно и точно отражает подросток тех, с кем чаще всего общается. Таким образом, уже здесь определился лейтмотив научного творчества В.Н. Куницыной: проявление и становление личности в общении с другими людьми.

Углубление в эту проблему привело к разработке уровневой концепции трудностей и барьеров в общении. Опора на идеи комплексного и системного подходов Ленинградской школы Б.Г. Ананьева позволили В.Н. Куницыной выделить личностные черты, препятствующие движению человека от формальных отношений к близости, лежащей в основе любви и дружбы. На материале исследований были составлены психологические портреты людей с различными трудностями общения. Было установлено, что аутистичность, интроверсия (обусловленные больше врожденными факторами) относятся к наиболее труднокорректируемым чертам личности. С другой стороны, склонность к манипуляциям или авторитарность (как следствие нарушений социализации), могут быть при определенных условиях преодолены.

Перечень личностных свойств, искажающих процесс социального познания и затрудняющих межличностное общение, формировался В.Н. Куницыной в результате скрупулезной работы с такими методами, как ММРІ, 16 PF Р. Кеттелла, ЕРІ Г. Айзенка. Понимание недостаточности имеющегося инструментария привело к созданию собственных оригинальных личностных опросников: СУМО, КОСКОМ, СО-25, СТАЛЬ, МАП.

Далее встал вопрос о том, как то или иное качество связано с условиями социализации в семье. Были созданы методики: РОДОС (стиль семейного воспитания), ПиН (поощрения и наказания), ПРИМАТ (привязанность к матери), Значимый Другой, «Биография семьи». В ходе исследований было установлено, что наиболее тяжелые последствия для формирования личности ребенка имеют авторитарный стиль и равнодушие родителей.

Важный аспект в осмыслении личности В.Н. Куницыной – это обращение к социальному характеру и семейному укладу как более масштабным категориям. Работы Э. Дюркгейма, Т. Адорно, Э. Фромма привели к анализу авторитарной, нарциссической, инфантильной личностей. Расширив комплекс методов диагностики семейных отношений и ценностей, В.Н. Куницына пришла к пониманию того, что ряд личностных отклонений обусловлен нарушением усвоения ребенком нравственных норм в семье. Нравственные основы ценностного сознания личности, формирование ее просоциальной направленности и социальных умений – это те проблемы, которые особенно волновали Валентину Николаевну в последние годы.

Таким образом, в центре проблемного поля изучения личности В.Н. Куницыной – это человек как субъект общения. Магистральная логика развития личности – движение к полноте реализации ею своего социального потенциала, как меры позитивного влияния личности на благо других людей [1]. Валентина Николаевна считала социальный потенциал ядерной структурой, задающей доминанту в мотивации зрелой личности. Важно, что в своих выводах и концептуальных построениях В.Н. была далека от жестких теоретических схем, доверяя мудрости и богатству реальной жизни.

1. Психология: Учебник / Отв. ред. А.А. Крылов. 2-е издание. – М.: Проспект, 2010.

Белоусова А.Ю., Зотова Н.Е.,
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Использование компенсаторных стратегий при анализе коммуникативных ситуаций пациентами с шизофренией

Социальное познание, шизофрения, компенсаторные стратегии, естественный эксперимент

У больных шизофренией по мере развития заболевания регистрируется нарастание социальной дезадаптации, что объясняется специалистами нарушениями социального познания. Соответственно, большинство исследований по этой проблематике сфокусировано на подтверждении наличия данных нарушений и выявлении их компонентов (например, когнитивного и аффективного или эксплицитного и имплицитного компонентов «теории психического») [3]. Естественные компенсаторные механизмы в основном изучаются в качестве стилей саморегуляции поведения [1] и копинг-стратегий [2]. Однако нами не было обнаружено исследований, которые бы анализировали поведение пациентов, способствующее пониманию ими социальных ситуаций в естественных условиях. Данное исследование призвано ответить на этот вопрос.

Эксперимент проводился в формате парного взаимодействия. В экспериментальной группе (ЭГ) было 30 пар, в контрольной (КГ) – 20; возраст: 19-35 лет ($M = 22,75$). В ЭГ больной шизофренией взаимодействовал со здоровым индивидом с целью решения общей задачи. Пациенты просматривали видеоролики коммуникативных ситуаций, где как минимум один из персонажей допускал ошибку. Далее им требовалось пересказать сюжет, указав на обнаруженную ошибку, чтобы их партнер, не видевший видеоролик, смог расположить стоп-кадры из него в хронологической последовательности. Здоровый индивид мог задавать уточняющие вопросы пациенту, а последний мог пересмотреть видео до 3 раз, если затруднялся ответить на вопрос партнера. В КГ место пациента с шизофренией занимал здоровый испытуемый. Итак, участникам исследования, просматривающим видеоролик, требовалось предположить содержание сознания персонажей. Анализировались: 1) успешность распознавания ошибки персонажа участниками по числу пересмотров видеороликов, необходимых для корректного их понимания (большой балл выставлялся при его понимании с первого просмотра); 2) дословные первичные вербальные интерпретации сюжета участниками; 3) жестикуляция участников исследования. Больные шизофренией также ранжировались по степени выраженности дефицитарной симптоматики (оценки по шкале SANS).

В результате анализа полученных данных было выявлено, что больные шизофренией статистически значимо чаще, чем здоровые лица, использовали вспомогательные стратегии при объяснении сюжета. Также было обнаружено, что пациенты, быстрее распознавшие ошибку персонажа, имели легкую степень выраженности дефицитарной симптоматики. Далее был проведен дисперсионный анализ количества применения стратегий: 1) использования прямой речи от лица персонажей, 2) использования жестов от лица персонажей при объяснении их поведения собеседнику. Применение стратегии использования прямой речи отмечалось как у здоровых лиц, так и у больных с легкой степенью выраженности дефекта, но не наблюдалось у пациентов с выраженным дефектом. Можно предположить, что данная стратегия универсальна, но утрачивается у больных шизофренией по мере нарастания дефекта. Количество «перенятия» жестикуляции, используемой персонажами, также было наиболее распространено среди больных шизофренией с легкой степенью дефицитарной симптоматики, но не встречалось у здоровых лиц. Полученные данные позволяют разработать эффективные инструменты для психологических интервенций, которые будут привычны и понятны пациентам.

1. Кудряшова В.Ю., Лутова Н.Б. Саморегуляция поведения как один из адаптационно-компенсаторных механизмов у больных параноидной шизофренией // Медицинский алфавит. – 2018. – Т. 3, №. 27. – С. 46–50.
2. Хяникяйнен И.В., Коваль А.М. Исследование внутренней картины болезни и копинг-стратегий у больных шизофренией // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2019. – №. 7. – С. 18–24.
3. d'Arma A., Isernia S., Di Tella S., Rovaris M., Valle A., Baglio F., Marchetti A. Social cognition training for enhancing affective and cognitive theory of mind in schizophrenia: a systematic review and a meta-analysis // The Journal of Psychology. – 2021. – №. 155(1). – P. 26–58.

Восприятие времени у пациентов с деперсонализацией

Деперсонализация, восприятие времени, семантический дифференциал времени

Изучение механизмов, лежащих в основе искажений в восприятии времени при деперсонализации, может помочь в разработке более эффективных стратегий лечения и поддержки для людей, страдающих от данного расстройства.

Целью исследования являлся анализ различий в характеристиках восприятия времени (активность, эмоциональная окраска, величина, структура и осязаемость) у пациентов с разной выраженностью деперсонализационно-дереализационной симптоматики. Все пациенты заполняли следующие методики: «Кембриджская шкала деперсонализации» в русскоязычной адаптации [2] и «Семантический дифференциал времени», в котором выделяются 5 факторов: активность, эмоциональная окраска, величина, структура, осязаемость настоящего, прошлого и будущего времени [1]. Для анализа данных применялись описательные статистики, анализ нормальности распределения по критерию и Колмогорова-Смирнова и непараметрический критерий Манна-Уитни.

В исследовании приняли участие 87 пациенток, находящихся на стационарном лечении в отделе по изучению эндогенных психических расстройств и аффективных состояний ФГБНУ НЦПЗ в возрасте от 14 до 46 лет, которые имели симптомы деперсонализации: 43 пациентки с расстройствами шизофренического спектра (F20, F21) и 44 пациентки с аффективными расстройствами (F31, F34). Пациентки были поделены на 2 группы: с высокой (выше 70 баллов по CDS, N = 54 человека) и низкой (ниже 70 баллов по CDS, N = 33 человека) выраженностью деперсонализационно-дереализационной симптоматики (согласно [3]).

Были выявлены статистически значимые различия между пациентами с высокой и низкой выраженностью деперсонализационной симптоматики по следующим характеристикам восприятия настоящего времени: эмоциональная окраска ($U = 663$, $p \leq 0,05$), структура ($U = 505$, $p \leq 0,001$) и осязаемость ($U = 546$, $p \leq 0,05$). Так, согласно полученным результатам, можно сказать, что пациенты с низкой выраженностью деперсонализационной симптоматики удовлетворены своей актуальной жизненной ситуацией, у них отмечается преобладание положительных эмоций и чувств, которые характеризуются яркостью и насыщенностью. Также для данной группы характерны преобладание ощущения предсказуемости, структурированности и контролируемости происходящих событий и логическая последовательность внутренней жизни. У пациентов с высокой выраженностью деперсонализации, наоборот, настоящее время воспринимается как мрачное, наполненное негативными переживаниями, характерна неудовлетворенность и фрустрированность текущими жизненными обстоятельствами. Кроме того, восприятие внешнего и внутреннего мира характеризуется как хаотичное, малоструктурированное и не поддающееся контролю. У пациентов с высоким относительно пациентов с низким уровнем деперсонализации наблюдается более выраженное отчуждение от реальности, проявляющееся в отсутствии участия и эмоциональной вовлеченности в текущие события, а также в потере ощущения причастности к текущим событиям.

Таким образом, исследование восприятия времени при деперсонализации обогащает понимание данного феномена, выявляя важные аспекты взаимосвязи между искажениями в восприятии времени и изменениями в восприятии реальности.

1. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная и психодиагностическая система в медицинской психологии: пособие для врачей и медицинских психологов. – СПб.: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009.
2. Лебедев, С.В. Адаптация и психометрический анализ методов психодиагностики деперсонализации: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. – М., 2004.
3. Sierra M., Berrios G.E. The Cambridge Depersonalization Scale: a new instrument for the measurement of depersonalization // *Psychiatry Res.* – 2000 Mar 6. – 93(2). – P. 153–64.

Взаимосвязь чувства вины и образа тела у молодых людей, подвергшихся фэтшеймингу

Фэтшейминг, чувство вины, образ тела

Фэтшейминг – это опасное явление, подразумевающее под собой действия или высказывания, которые унижают, высмеивают или оскорбляют человека или группу людей за ожирение; социокультурные предрассудки и негативное отношение к людям с избыточным весом или ожирением; общественное осуждение тех, кто не соответствует установленным стереотипам красоты и здоровья; концепция, подчеркивающая вредность ожирения для здоровья и внешней привлекательности, которая приводит к появлению стигматизации полных людей в обществе и самостигматизации у лиц, подвергшихся фэтшеймингу [2]. Критичность по отношению к полным людям не только неэффективна в борьбе с лишним весом, но, наоборот, провоцирует его набор, при этом очень негативно сказываясь на психологическом состоянии человека. Фэтшейминг приводит к развитию комплексов, снижению самооценки, становится причиной возникновения пищевого расстройства и возвращает в человеке чувство вины. Чувства вины и стыда делают человека чувствительным к эмоциям, установкам, мнениям и оценкам окружающих, поэтому в случае слишком низких или высоких порогов этих аспектов, рассматриваемые в данном контексте эмоции, могут нарушать социальную адаптацию и затруднять межличностное общение [1].

Цель исследования – изучение взаимосвязи образа тела и чувства вины у молодых людей, подвергшихся фэтшеймингу.

В исследовании приняли участие 83 человека в возрасте от 18–30 лет. Длительность оскорблений со стороны других по поводу лишнего веса от 6 месяцев. Для достижения цели были использованы следующие методики: Опросник BIQLI (влияние образа тела на качество жизни) для количественного определения положительного или отрицательного влияния образа тела на качество жизни; Чувствительность к отвержению из-за внешности, ЧкОВ; Измерение чувства вины и стыда, TOSCA.

Были получены следующие результаты. При исследовании образа тела у людей, подвергшихся фэтшеймингу, отмечаются крайне низкие баллы (–0,8 баллов) по критерию удовлетворенностью своим телом как составного компонента образа тела. При исследовании средних чувства вины и стыда, получены следующие средние показатели: высокие показатели по шкалам «вина», «стыд», низкие показатели по шкале «экстернальность». Результаты по шкале «чувствительность к отвержению» у опрошенных варьируется в диапазоне от 19 до 31, что может свидетельствовать о том, что люди, подвергнувшиеся пристыживанию и оскорблениям за свой вес, более чувствительны к отвержению другими людьми, чем люди, которые данному воздействию не подвергались.

Таким образом, на основании полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что фэтшейминг в молодом возрасте оказывает негативное влияние на образ тела, способствует возникновению чувства вины и повышенной чувствительности к отвержению, что может влиять в дальнейшем на самооценку и построение межличностных отношений.

1. Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 2 (96), февраль. – С. 24–30.
2. Орех Е.А. Феномен лукизма и возможности его социологического анализа // Социологический журнал. – 2006. – № 3. – С. 67–81.

Волкова Е.В.
Москва, ИП РАН

Куваева И.О.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Варламов А.В.
Рязань, ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Волкова Н.Э., Докучаев Д.А.
Москва, ИП РАН

Особенности изменения биохимических показателей под воздействием комбинированных стрессовых нагрузок у россиян с разной модально-специфической активностью

Совладающий интеллект, темперамент, совладание, интерлейкин-10

Введение. Человек представляет собой многоуровневую систему, каждый из уровней которой изучается разными науками. Целостное изучение человека, как подчеркивал Б.Г. Ананьев, должно реализоваться на основе установления междисциплинарных связей наук о человеке. В настоящей работе представлен один из результатов междисциплинарного исследования биохимических коррелятов индивидуальных различий совладающего интеллекта, определяемого как способность преодоления стрессовых ситуаций, сохраняя здоровье и потенциал развития. Цель настоящего исследования состояла в сопоставлении динамики биохимических показателей под воздействием комбинированных стрессовых нагрузок в группах респондентов с разной доминирующей активностью.

Методы. Дизайн исследования одобрен локальным этическим комитетом ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России. В лабораторных условиях имитировались ежедневные стрессовые нагрузки: а) психомоторные – кручение педалей на велоэргометре до отказа; б) коммуникативные – выполнение вслух теста Розенцвейга, обсуждение полезных и вредных привычек, стрессовых ситуаций в личной и профессиональной деятельности; в) интеллектуальные – тест Равена, куб Линка. Динамика изменения состояния респондентов контролировалась при помощи субъективных (шкала состояний, оценка переносимости нагрузок) и объективных данных (вариабельность сердечного ритма, биохимические показатели крови). Участников заблаговременно информировали о целях и задачах эксперимента, выгодах и возможных рисках. Они приходили в лабораторию натощак. Биоматериал (венозная кровь) сдавали до и после комбинированных стрессовых нагрузок. Методы исследования включали: биохимические анализы (венозная кровь – BDNF, COMT; кортизол, адреналин, норадреналин, серотонин; интерлейкины-4, -6, -10, ФНО), опросники формально-динамических свойств индивидуальности Русалова (2012) и совладающего поведения Фрайденберг и Льюиса в адаптации Крюковой (2007); структурированную анкету. В экспериментальном исследовании приняло участие 175 добровольцев в возрасте 35 ± 9 лет из Москвы и Екатеринбурга, среди них 44,6% мужчин. Из данной группы участников были отобраны респонденты с выраженной психомоторной ($N = 53$), интеллектуальной ($N = 47$) или коммуникативной ($N = 58$) активностью. Различия в выраженности модально-специфической темпераментальной активности между данными выборками характеризовались высокой статистической значимостью (ANOVA; $p < 0,001$).

Результаты. Значимых различий в распределении мутаций генов BDNF и COMT в группах респондентов с разной выраженностью темпераментальной активности в психомоторной интеллектуальной и коммуникативных сферах не обнаружено (Хи-квадрат Пирсона, $p > 0,246$ и $p > 0,738$ соответственно). Значимых различий жалоб на здоровье, выраженности полезных и вредных привычек, стрессогенности личной и профессиональной жизнедеятельности по данным структурированной анкеты в рассматриваемых группах респондентов также не обнаружено (ANOVA; $p > 0,57$). Как не обнаружено и значимых различий гормональных показателей (кортизол, адреналин, норадреналин и серотонин) и таких показателей иммунологического статуса, как (интерлейкины-4, -6 и ФНО). Выявлено, что респонденты с выраженной интеллектуальной активностью значимо чаще прибегают к стратегиям «решение проблем», «работа и достижение» и «общественные действия». Респонденты с выраженностью коммуникативной активностью значимо отличаются более высокими показателями интерлейкина-10 (биоматериал, собранный в 8.00), по сравнению с респондентами с выраженной психомоторной и интеллектуальной активностью (7,19; 5,95; 6,16 пг/мл; $F = 3,894$; $p = 0,022$) и более высокой динамикой их изменения после комбинированных стрессовых нагрузок (1,08; 0,01; 0,72 пг/мл;

$F = 5,579$ и $p = 0,005$). В то время как респонденты с выраженной психомоторной активностью продемонстрировали самые низкие показатели интерлейкина-10 и резистентность данного показателя по отношению к комбинированным стрессовым нагрузкам. Полученные результаты чрезвычайно важны для принятия решения в практике здравоохранения.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00293, <https://rscf.ru/project/23-18-00293/>.

Стратегии построения гармоничных цветовых сочетаний людьми с расстройствами аутистического спектра

Цветовая гармония, цветовая когнития, аутизм

Вследствие нарушений цветового зрения, специфики сенсорной обработки, характерной гиперчувствительности к визуальной информации в целом и дефицита мультисенсорной интеграции, люди с расстройствами аутистического спектра (РАС) воспринимают цвета не так, как нейротипичные люди [2, 3].

Цель исследования заключалась в том, чтобы проверить, будут ли у людей с РАС отличаться стратегии построения цветовой гармонии.

Исследование проводилось методом эксперимента, в котором принял участие 21 человек с РАС (средний возраст 20,4 года; SD = 2,4; 9 мужчин, 12 женщин). Ответы участников экспериментальной группы сравнивались с данными, полученными в совпадающей по возрасту, полу и уровню образования контрольной группе (N = 21).

В качестве основы для разработки экспериментальных стимулов использовались цветовые таблицы «Справочника по цвету» Михаила Матюшина [1]. Задача участников заключалась в том, чтобы в предложенной палитре подобрать к двум заданным оттенкам третий таким образом, чтобы составленное цветовое сочетание получилось как можно более гармоничным. Палитра эксперимента позволяла изменять тон, яркость и насыщенность оттенков.

Анализ данных проводился с использованием компьютерных программ и включал проекцию цветовых решений на цветовой круг CIELCh; исследование тона, насыщенности и светлоты выбранных оттенков; оценку «геометрических» свойств цветовых триад в пространстве CIELAB.

Эксперимент показал, что в построении цветовой гармонии участники с РАС по ряду показателей заметно отличались от контрольной группы. В частности, в их ответах мы обнаружили характерное для аутизма «предпочтение одинаковости» [4]. Участники с РАС в два раза чаще выбирали желтые оттенки (23.8% по сравнению с 12.4% в контрольной группе, $t(208) = 2.18$, $p < 0.05$) и, наоборот, практически не использовали оранжевые (1.9% по сравнению с 9.5% в контрольной группе, $t(208) = 2.41$, $p < 0.05$).

Стратегия выбора стимула зависела от расстояния (ΔE^*00) между заданными (верхним и нижним) оттенками в цветовом пространстве CIELAB и имела специфическую «геометрию» (особое соотношение величин углов, длин сторон, образуемых заданными и выбираемыми оттенками, а также предпочтение определенной площади треугольника и его типа). У студентов с РАС корреляция между длинами сторон оказалась значительно более слабой, чем у участников из контрольной группы ($r = 0.3869$ и $r = 0.5359$ $p < 0.01$ соответственно). Мы считаем, что обнаруженная специфика может отражать сниженную при аутизме способность к обобщению и усреднению цвета в процессе ансамблевого восприятия [3]. Полученные нами выводы хорошо согласуются с проведенными ранее исследованиями характерных для аутизма особенностей восприятия и когнитивной переработки связанной с цветом информации и могут дать новые импульсы в обсуждении фундаментальных механизмов цветовой когнитии.

1. Griber Y.A., Samoilova T., Al-Rasheed A.S. et al. «Playing» with color: how similar is the «geometry» of color harmony in the CIELAB color space across countries? // Arts. – 2024. – № 13. – Article No. 53.
2. Ludlow A.K., Heaton P., Hill E., Franklin A. Color obsessions and phobias in autism spectrum disorders: the case of J.G. // Neurocase. – 2014. – № 20(3). – P. 296–306.
3. Maule J., Stanworth K., Pellicano E., Franklin A. Ensemble perception of color in autistic adults // Autism Research. – 2017. – № 10(5). – P. 839–851.
4. Spackman E., Smillie L.D., Frazier T.W., Hardan A.Y., Uljarevic M. Characterizing subdomains of insistence on sameness in autistic youth // Autism Research. – 2023. – № 16(12). – P. 2326–2335.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00407, <https://rscf.ru/project/22-18-00407/> в Смоленском государственном университете.

Влияние абьюзивных отношений на психическое здоровье личности

Депрессия, тревога, абьюзивные отношения

Актуальность. В настоящее время абьюзивные отношения являются широко распространенным явлением. Распространенность абьюзивных отношений, которые проявляются в форме эмоционального насилия, вызывает беспокойство по ряду причин. Во-первых, наличие эмоционального насилия в отношениях часто является индикатором последующего физического или сексуального насилия. Исследователи сообщают о наличии эмоционального насилия до физического насилия и сексуального насилия в 80% случаев [???]. Во-вторых, физическое и сексуальное насилие над партнером очень редко происходит без сосуществования эмоционального насилия, поэтому терапевтам, которые стремятся работать с насилием со стороны партнера, необходимо будет также заниматься эмоциональным насилием. В-третьих, даже в тех случаях, когда наблюдается только эмоциональное насилие, оно по-прежнему имеет множество серьезных и пагубных последствий. Существует ограниченное количество исследований, уделяющих внимание влиянию абьюзивных отношений на психическое здоровье партнера. Целью нашего исследования было выявить различие между психическим состоянием, а именно уровнем тревоги, депрессии и посттравматических убеждений, лиц, состоящих в абьюзивных и здоровых отношениях.

Материал и методы. В исследовании участвовали 162 женщины (граждане Азербайджанской Республики), среди которых 54 находились в абьюзивных отношениях. Исследование проводилось в форме электронного опроса с сохранением конфиденциальности личности. Нами были использованы психодиагностические опросники: «Шкала Посттравматических дисфункциональных убеждений»; «Опросник по состоянию здоровья» для диагностики депрессии, «Опросник генерализованного тревожного расстройства», а также опросник «Портрет психологического насилия» для выявления формы проявления и наличия абьюзивных отношений.

Результаты и их обсуждения. В нашем исследовании были выявлены статистически значимые показатели, которые выявили различия между психическим здоровьем лиц, состоящих в здоровых и абьюзивных отношениях. Нами был проведен анализ независимых переменных по Т-критерию. По данным исследования, имеются статистически значимые различия в уровне депрессии. Лица, состоящие в абьюзивных отношениях, имели более высокий уровень депрессии ($M = 17,09 \pm 6,85$, $p = 0,000$). Результаты данного исследования говорят о наличии у лиц в абьюзивных отношениях умеренно-тяжелого уровня депрессии. Нами также были выявлены статистически значимые различия в проявлении тревоги. Лица, состоящие в абьюзивных отношениях, обладают более повышенной тревогой, которая проявляется в чрезмерном беспокойстве по разному поводу, а также постоянным опасением предстоящей беды. Сравнительный анализ данных выявил статистически значимые различия в показателях тревоги, которые соответствовали среднему уровню тревоги ($M = 12,52 \pm 3,16$, $p = 0,003$). Помимо этого, отмечаются также статистически значимые различия переменных по шкале посттравматических дисфункциональных убеждений. Жертвы абьюзивных отношений склонны к самобичеванию, негативному убеждению о себе. Что говорит о том, что абьюзивные отношения приводят к повышению чувства вины, снижению самооценки, а также отсутствию критического отношения к ситуации.

Выводы. Широко распространено мнение о том, что психологическое насилие оказывает наименьшее влияние на физическое и психическое состояние женщины, чем физическое насилие. Однако результаты нашего исследования, а также изученная нами научная литература показывают пагубное последствие абьюзивных отношений. Абьюзивные отношения могут проявляться в форме ревнивого контроля, игнорирования, насмешек, а также критикующем поведении. Во многих случаях абьюзивные отношения включают в себя не только психологическое, но также физическое и сексуальное насилие. Результаты проведенного нами исследования говорят о необходимости дальнейшего изучения влияния абьюзивных отношений, которые помогут нам предотвратить домашнее насилие, снизить уровень возможной травматизации не только женщин, но и детей, становившихся часто свидетелями таких отношений.

1. Else L.T., Wonderlich S.A., Beatty W.W., Christie D.W., Staton R.D. Personality characteristics of men who physically abuse women // Hosp Community Psychiatry. – 1993 Jan. – 44(1). – P. 54–8. doi: 10.1176/ps.44.1.54. PMID: 8436362
2. Dutton D.G. The abusive personality: Violence and control in intimate relationships (2nd ed.). – New York: Guilford Press, 2007.
3. Békés V., Beaulieu-Prévost D., Guay S., Belleville G., & Marchand A. Trauma Related Negative Cognitions Mediate the Relationship Between Avoidant Personality Beliefs and Impeded Response to Psychotherapy for PTSD // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. – 2018. – P. 1–16.

Особенности восприятия онкологическими пациентами межличностных отношений с близкими людьми

Онкология, межличностные отношения, психотравмирующее событие

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что выявление онкологического заболевания может являться психотравмирующим событием для самого пациента. Данное заболевание оказывает влияние на все сферы жизни человека, в том числе и социальную. Многие исследования подтверждают, что немаловажную роль в терапии играют и близкие больного. В задачи психолога также входит их обучение и работа с ними. Совместная работа психолога и близких больного может способствовать улучшению его самочувствия и эффективности терапии. Таким образом, при работе с больным, также необходимо обращать внимание на его межличностные отношения с близкими.

Цель работы: изучить особенности межличностных отношений онкологических пациентов с близкими людьми. В исследовании приняли участие 45 пациентов с онкологическим заболеванием. Для проведения исследования были использованы следующие методики: опросник «анализ семейной тревоги» (АСТ; Э. Эйдемиллер, В. Юстицкис), опросник межличностных отношений (ОМО), методика незаконченных предложений и анкета для выявления психотравмирующей ситуации. Участники исследования были разделены на две группы. Первую группу составили пациенты, для которых онкология стала психотравмирующим событием. Вторую группу составили пациенты, на которых онкология не оказала психотравмирующего влияния. Нами была составлена анкета с открытыми ответами для выявления психотравмирующей ситуации. В зависимости от ответов респондента и определялось влияние онкологии на его личность. Также во время сбора данных велась беседа с пациентом.

Полученные результаты. Данные группы различаются по следующим показателям: по уровню общей тревожности ($p = 0,036$), по напряженности ($p = 0,026$), по показателям включения I_e ($p = 0,039$) и I_w ($p = 0,040$), и по показателям аффекта A_w ($p = 0,036$). Исходя из полученных результатов, группа пациентов, для которых онкология является психотравмирующим событием, испытывают тревожность и напряженность. Они не чувствуют себя значимыми в своей семье, чувствуют себя беспомощными. Пациенты склонны избегать людей и общаться только с узким кругом лиц, они осторожны при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения. Несмотря на это, некоторые из пациентов в методике «Незаконченные предложения» отмечают, что они стали ближе со своей семьей. Семья постоянно поддерживает и надеется на их скорейшее выздоровление. Пациенты, для которых онкология не является психотравмирующим событием, не испытывают трудности в построении межличностных отношений и не испытывают тревогу по поводу семейных отношений. Они не боятся говорить о своем заболевании и отмечают, что близкие постоянно рядом и поддерживают их.

Таким образом, существуют различия в межличностных отношениях между пациентами, для которых онкология оказалась психотравмирующим событием, с пациентами, на которых онкология не оказала психотравмирующего влияния.

1. Голубева О.С., Голубев И.А. Ситуация постановки диагноза «онкология» как психотравмирующее событие // Вестник СМУС74. – 2018. – № 1 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/situatsiya-postanovki-diagnoza-onkologiya-kak-psihotravmiruyushee-sobytie>
2. Петрова Е.А. Феномен психотравмы: теоретический аспект // Вестник НовГУ. – 2013. – № 74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-psihotravmy-teoreticheskiy-aspekt>
3. Тихонова М.В. Теоретический анализ проблемы влияния психотравмирующей ситуации на жизненную перспективу личности / М.В. Тихонова. Текст непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 556–558. – URL: <https://moluch.ru/archive/419/93250/>

Исследование жизнестойкости и временной перспективы у людей с онкологическими заболеваниями

Онкологические заболевания, жизнестойкость, временная перспектива

С каждым годом отмечается рост онкологических заболеваний. По статистике Росстата, каждый год число людей, болеющих онкологией, возрастает на 5%. Сам факт наличия у человека тяжелого соматического заболевания влияет на психическое состояние больного. Выявление данного заболевания у человека является сильным психотравмирующим фактором, влекущим за собой ряд негативных последствий. Особенности депрессивного состояния и тревожности, посттравматическое стрессовое расстройство являются наиболее изучаемым вопросом в данной тематике. В настоящее время все большее внимание уделяется возможной позитивной личностной переработке травмирующего опыта. Особый интерес для онкологов и клинических психологов представляет, какие же механизмы позволяют человеку более активно совладать с заболеванием. В нашей работе мы рассмотрим влияние жизнестойкости и временной перспективы. У понятия жизнестойкости нет однозначного определения, поэтому мы будем придерживаться точки зрения С. Мадди: «Жизнестойкость – убеждения человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса». Понятие временной перспективы раскрывается в одной из современных теорий о временной перспективе Ф. Зимбардо. По его определению, «временная перспектива – это зачастую неосознанное отношение личности ко времени и это процесс, при помощи которого длительный поток существования объединяется во временные категории, что помогает упорядочить нашу жизнь, структурировать ее и придать ей смысл». Наличие у человека онкозаболевания может являться стрессогенным фактором и повлечь за собой изменения в жизнестойкости и временной перспективе больного.

Цель исследования: изучение жизнестойкости и временной перспективы как факторов, способствующих совладанию с онкологическим заболеванием.

В исследовании приняли участие 60 онкологических пациентов с проявлениями посттравматического роста (30 мужчин и 30 женщин). Возраст выборки составил от 45 до 65 лет. Все пациенты проходили лечение операциональным вмешательством. Выборка была поделена на группы онкологических пациентов мужского и женского пола. Исследование проводилось на базе Рязанского областного клинического онкологического диспансера. Для достижения цели использовались следующие методики: авторская анкета, Тест жизнестойкости С. Мадди, опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, тест «Мотивационные индукции» Ж. Нюттена.

Результаты. Результаты исследования показывают, что люди с онкологическими заболеваниями имеют средние показатели жизнестойкости (87,3 балла по шкале жизнестойкости Мадди), хотя стоит отметить, что у значительной части пациентов (73%) были выявлены высокие показатели жизнестойкости. На наш взгляд, это может быть вызвано высокой вовлеченностью и поддержкой близких людей. Особенности временной перспективы: высокая направленность людей на будущее (4,17 по шкале направленности на будущее по опроснику Ф. Зимбардо). Были выявлены низкие показатели гедонистического настоящего (2,46), что может свидетельствовать о постройке планов на будущую жизнь, а не безразличное отношение к своему будущему; низкие показатели по факторам прошлого (1,75 негативное прошлое и 2,9 позитивное прошлое), что свидетельствует о том, что люди с онкологическими заболеваниями, для которых характерен посттравматический рост, в большей степени заинтересованы своим будущим и настоящим.

Во время проведения исследования были выявлены различия между показателями жизнестойкости и временной перспективы у онкобольных женского и мужского пола. Различия выявлены в следующих шкалах: «Принятие риска» $\langle p = 0,034 \rangle$, «Негативное прошлое» $\langle p = 0,047 \rangle$, «Фаталистическое настоящее» $\langle p = 0,007 \rangle$, «Будущее» $\langle p = 0,047 \rangle$. Исходя из результатов средних рангов, мы выявили, что для мужчин более характерно «Принятие риска» и «Будущее», для женщин наиболее характерно «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее». В остальных шкалах статистически значимых различий не обнаружено. Нами было обнаружено, что онкологические пациенты мужского и женского пола демонстрируют одинаковый уровень: жизнестойкости, вовлеченности, контроля, позитивного прошлого и гедонистического настоящего.

Таким образом, для онкологических пациентов с посттравматическим ростом характерна жизнестойкость, несмотря на стрессогенный фактор заболевания. Перспектива будущего и настоящего наиболее значима по сравнению с прошлым. Такая направленность временной перспективы обусловлена показателями жизнестойкости.

Ключевые мишени клинико-психологических вмешательств в кардиохирургической клинике

Когнитивное функционирование; коронарное шунтирование; ишемическая болезнь сердца; психосоциальные характеристики; клинические характеристики; эмоциональное состояние; реабилитация

Хирургическое лечение обеспечивает значительное улучшение состояния больного ССЗ [1]. Однако эти операции сопряжены с риском как операционных, так и послеоперационных осложнений, в частности когнитивных нарушений [2]. Когнитивные расстройства в послеоперационном периоде проявляются снижением внимания, замедлением психомоторных реакций, а также ухудшением памяти; частота этих расстройств достигает 50–80% [3]. В связи с этим чрезвычайную важность приобретает определение ключевых мишеней клинико-психологических вмешательств и разработка реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление послеоперационного когнитивного статуса пациентов как можно на более ранних стадиях лечения и реабилитации.

Целью настоящего исследования является изучение потенциально значимых для годовичного прогноза состояния когнитивной сферы пациентов факторов, включающих клинические особенности основного заболевания и специфики операции, индивидуально-психологические и эмоционально-личностные характеристики пациентов, и на основании этого исследования определение ключевых мишеней для коррекции в процессе реабилитации.

Исследование проведено на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр имени В. А. Алмазова» (Санкт-Петербург). Исследовано 118 больных ишемической болезнью сердца (ИБС), готовящихся к коронарному шунтированию (КШ); средний возраст $59,86 \pm 7,31$ лет. Исследование проводилось в пять этапов: первый – непосредственно перед операцией (за 2 дня до), второй этап – на 12-й–14-й день после, третий этап – через три месяца после операции, четвёртый этап – через 6 месяцев после КШ, пятый этап – через год после КШ.

Исследование реализовано с использованием клинико-психологического метода (структурированное интервью) и набора психодиагностических методик, направленных на изучение различных сфер когнитивного функционирования больных ИБС в период подготовки к высокотехнологичному оперативному вмешательству и на разных этапах реабилитации: «Методика последовательных соединений»; субтесты «Сходства» и «Кубики Кооса» (WAIS); патопсихологические пробы «10 слов», «Запоминание рассказов», «Простые аналогии»; «Тест зрительной ретенции» А. Бентона; «Тест интерференции» Струпа; нейропсихологические методики «Острота зрения» и «Голлин-тест».

Анализ полученных данных был проведен в два этапа с помощью факторного анализа и построения множественных регрессионных уравнений, положенных в основу модели предсказания состояния когнитивной сферы пациентов на протяжении года после операции. На основании полученных результатов была показана необходимость следующих клинико-психологических вмешательств: коррекция эмоционального состояния больных, внедрение дополнительных образовательных программ, направленных на повышение осведомленности пациентов об особенностях предстоящей операции, возможных осложнениях и ограничениях, основных принципах реабилитации, психотерапевтические мероприятия, направленные на повышение приверженности к лечению. В качестве еще одной мишени психологического вмешательства рекомендуется рассматривать установление доверительных и конструктивных отношений между врачом и пациентом (терапевтический альянс). Использование у больных с ССЗ после кардиохирургического вмешательства когнитивной тренировки с применением компьютерных стимулирующих программ, двойных задач и других методов доказано уменьшают выраженность постоперационной когнитивной дисфункции и улучшают состояние когнитивного функционирования пациентов, что обеспечивает большую эффективность всего реабилитационного процесса, повышает качество жизни пациентов и улучшает их социально-трудовой прогноз.

1. Бокерия Л.А., Гудкова Р.Г., Стипаков И.Н. Хирургическое лечение больных с сосудистой патологией в Российской Федерации // *Здравоохранение РФ*. – 2010. – № 6. – С. 15–23.
2. Eremina D.A., Shchelkova O.Yu. The dynamics of the cognitive functioning and emotional state of cardiac patients during rehabilitation after coronary revascularization // *Psychology in Russia: State of the Art*. – 2017. – Vol. 10, Iss. 2. – P. 201–214.
3. Lower endotoxin immunity predicts increased cognitive dysfunction in elderly patients after cardiac surgery / J.P. Mathew, H.P. Grocott, B. Phillips-Bute [et al.] // *Stroke*. – 2003. – Vol. 34. – P. 508–513.

Представления о болезни у пациентов с острыми лейкозами и лимфомами: связь с поведением в болезни

Лимфома, острый лейкоз, поведение в болезни, представления о болезни

Представления о заболевании определяют психосоциальную адаптацию пациента в ситуации болезни и поведение, направленное на совладание с болезнью (в т.ч. в отношении переживания соматических симптомов) [1, 5]. Понимание связи поведения в болезни и убеждений о болезни необходимо для разработки программ психокоррекционной и психопрофилактической работы в условиях стационарного и амбулаторного лечения пациентов с острыми лейкозами (ОЛ) и лимфомами (Л).

Цель – исследование связи представлений о болезни и поведения в болезни у пациентов с ОЛ и Л. В исследовании принял участие 51 пациент с диагнозом «острый лейкоз» и 58 пациентов с диагнозом «лимфома». На момент исследования все пациенты находились в ремиссии. Пациенты с ОЛ получали поддерживающий курс химиотерапии в условиях дневного стационара, а пациенты с Л наблюдались в амбулаторных условиях. Оценка представлений о болезни и поведения в болезни проводилась при помощи блока представлений о болезни Опросника восприятия болезни IPQ-R [3, 2] и Шкалы оценки поведения в болезни SAIB [4]. Статистическая обработка проводилась при помощи программы SPSS SPSS Statistics 26 с использованием методов описательной статистики, сравнения групп при помощи t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа при помощи критерия корреляции Пирсона.

В результате проведенного статистического анализа было выявлено, что поведение пациентов исследуемых групп значимо различалось по шкале лечения и приема лекарств ($t(107) = 2,32, p0,05$; Мострые лейкозы = 2,25, SD = 0,59; Млимфомы = 1,98, SD = 0,61). У пациентов с ОЛ контроль лечения оказался связан со склонностью к перепроверке диагноза ($r = -0,36, p0,01$) и сканированием тела на предмет нарушений функционирования ($r = -0,29, p0,05$). У пациентов с Л представления о цикличности ($r = 0,38, p0,01$), последствиях болезни ($r = 0,30, p0,05$), контроле лечения ($r = -0,30, p0,05$), понимании болезни ($r = -0,34, p0,05$) и эмоциональные репрезентации ($r = 0,29, p0,05$) оказались связаны с оценкой последствий болезни. Контроль лечения был связан с выражением жалоб ($r = -0,30, p0,05$), лечением и приемом лекарств ($r = -0,32, p0,05$) и сканированием тела на предмет нарушений ($r = -0,27, p0,05$), а понимание болезни – с выражением жалоб ($r = -0,28, p0,05$) и лечением и приемом лекарств ($r = -0,31, p0,05$).

Таким образом, пациенты с ОЛ, по сравнению с пациентами с Л, уделяют больше внимания действиям, связанным с лечением и приемом лекарств. Особое внимание при разработке психокоррекционных и психопрофилактических программ для пациентов с ОЛ необходимо уделить представлениям о контроле болезни при помощи существующих методов лечения, а для пациентов с Л – представлениям о контроле лечения, цикличности и последствиях болезни, пониманию болезни и эмоциональным репрезентациям.

1. Рассказова Е.И. Клинико-психологический подход к диагностике трудноквалифицируемых симптомов в рамках соматоформных расстройств // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2013. – № 3. – С. 25–32.
2. Рассказова Е.И. Русскоязычная апробация опросника восприятия болезни Р. Мосс-Моррис и др.: апробация на выборке больных с непсихотическими депрессиями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – № 1. – С. 123–142.
3. Moss-Morris R., Weinman J., Petrie K., Horne R., Cameron L., & Buick D. The Illness-Revised Perception Questionnaire (IPQ-R) // Psychology and Health. – 2002. – № 17(1). – P. 1–16.
4. Rief W., Ihle D., Pilger F. A new approach to assess illness behaviour // Journal of psychosomatic research. – 2003. – № 54(5). – P. 405–414. [https://doi.org/10.1016/s0022-3999\(02\)00401-4](https://doi.org/10.1016/s0022-3999(02)00401-4)
5. Rief W., Nanke A., Emmerich J., Bender A., & Zech T. Causal illness attributions in somatoform disorders: associations with comorbidity and illness behavior // Journal of psychosomatic research. – 2004. – № 57(4). – P. 367–371. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2004.02.015>

Взаимосвязь особенностей переживания одиночества с типами межличностных отношений у лиц с психологической травматизацией различного генеза

Психологическая травматизация, типы межличностных отношений, особенности переживания одиночества

Актуальность. Факторов, влияющих на возникновение и развитие одиночества, существует целое множество. В нашем исследовании рассмотрен такой фактор, как психотравмирующий опыт человека. Современное состояние общества отличается повышенным риском возникновения факторов, способствующих психической травматизации личности. К таким факторам относятся: 1) угроза жизни и здоровью, насилие, несчастные случаи; 2) потеря любимых людей, или утрата важных условий жизни; 3) предательство, измена, отвержение; 4) убийства, нападения, инцест и другие подобные деяния [1]. Бесспорным является тот факт, что все приведенные выше факторы также влияют и на взаимодействие личности с окружающим ее обществом, т.е. психологическая травматизация может воздействовать как на феномен одиночества, так и на межличностную сферу человека. Приведенные аспекты обосновывают возрастающую потребность в совершенствовании теоретических взглядов на природу психологической травматизации, а также ее взаимосвязь с другими психологическими явлениями.

Цель исследования – изучить взаимосвязь особенностей переживания одиночества с типами межличностных отношений у лиц с психологической травматизацией различного генеза. Выборку исследования составили молодые люди от 19 до 24 лет. Выборка состоит из 4 экспериментальных групп по 24 респондента в каждой, собранных на основе классификации Ф. Рупперта: 1-я группа – респонденты, имеющие/имевшие серьезное соматическое заболевание; 2-я группа – респонденты, пережившие утрату близкого человека; 3-я группа – респонденты, пережившие абьюзивные отношения; 4-я группа – респонденты, пережившие физическое и психологическое насилие в семье. В качестве методик выбраны «Опросник переживания одиночества» (Манакова Е.А.), «Методика диагностики межличностных отношений» (Лири Т.), «Опросник травматических событий (LEQ)».

Результаты. В каждой группе респондентов, имеющих психологическую травматизацию различного генеза, были выявлены корреляции между особенностями переживания одиночества и типами межличностного отношения. Например, у группы респондентов, переживших утрату близкого человека, выявлены взаимосвязи между переживанием одиночества, как негативного чувства и подозрительным (0,479*), подчиняемым (0,527**) и зависимым (0,544**) типами межличностных отношений. В выборке имеющих/имевших серьезное соматическое заболевание обнаружена отрицательная корреляция между физическим одиночеством вследствие собственной непривлекательности и авторитарным типом межличностного отношения (-0,421*). В группе переживших абьюзивные отношения выявлена взаимосвязь у духовного одиночества, как отсутствие поддержки и понимания и подозрительного типа межличностных отношений (0,414*).

Выводы. Особенности переживания одиночества и типы межличностных отношений у лиц с психологической травматизацией различного генеза взаимосвязаны, что может быть обосновано тем, что возникновение психологической травматизации изменяет отношение человека к одиночеству и его типы межличностного отношения. При сравнении особенностей переживания одиночества у разных групп с психологической травматизацией различного генеза значимых различий не было обнаружено, что может объясняться тем, что психологическая травматизация имеет схожий механизм возникновения и протекания, как процесс вне зависимости от генеза.

1. Михеева А.В. Психическая травма в определениях и понятиях современных ученых / А.В. Михеева // Полилингвистичность и транскультурные практики. – 2009. – № 2. – С. 142–147.

Эмоциональное состояние и личностные ресурсы копинга у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника

Воспалительные заболевания кишечника, личностные черты, копинг-стратегии, эмоциональное состояние, психологические характеристики пациентов

По данным Всемирной гастроэнтерологической организации, воспалительные заболевания кишечника (ВЗК) являются самым сложным и комплексным гастроэнтерологическим заболеванием из-за многочисленных осложнений и пожизненного сложного лечения [1]. Клиническая картина пациентов с ВЗК отличается тяжелым течением, часто требующим оперативного вмешательства и сложностями при подборе терапии [2]. Исходя из данных ранее проведенных исследований можно отметить, что прогноз и исход ВЗК в значительной степени связаны со способами совладания и личностными ресурсами пациентов [3], а также зависят от эмоционального состояния, которое может характеризоваться проявлением тревоги и депрессии [4].

Целью настоящего исследования является изучение эмоционального состояния и личностных ресурсов копинга у пациентов с ВЗК.

В исследовании принял участие 31 пациент с ВЗК: 18 (57,7%) мужчин и 13 (42,3%) женщин. Согласно анамнестическим данным, 24 пациента были с диагнозом болезнь Крона (K50) и 7 с язвенным колитом (K51). Средний возраст составил $29,66 \pm 8,23$ года. В исследовании применялись следующие психодиагностические методы: структурированное интервью для сбора клинико-психологических данных, «Шкала депрессии Бека» (BDI), «Интегративный тест тревожности» (ИТТ), тест-опросник «Способы совладающего поведения» (ССП), личностный опросник «Большая пятерка» (BIG V).

Результаты исследования: в эмоционально-аффективной сфере пациентов с ВЗК наблюдаются симптомы субдепрессивных проявлений, высокий уровень личностной тревожности, которая выражается в домене «тревожная оценка перспективы». Пациенты ВЗК достоверно чаще используют копинг-стратегии: «принятие ответственности», «планирование решения проблемы» и «поиск социальной поддержки». Для личности пациентов характерны черты интроверсии.

Результаты корреляционного анализа выявили: положительную взаимосвязь копинг-стратегии «бегство-избегание» с эмоционально-аффективной сферой; положительную взаимосвязь личностных особенностей пациентов с эмоционально-аффективной сферой.

Полученные результаты показывают необходимость и актуальность продолжения клинико-психологических исследований пациентов ВЗК, направленное на глубокое и всестороннее изучение личности, её ресурсов и способов совладания с болезнью. Практическое применение полученных данных может быть оформлено в виде реабилитационных программ, которые должны содержать психокоррекционные и психотерапевтические мероприятия. Данные программы следует внедрять в центрах и кабинетах ВЗК.

1. Бакулин И.Г., Стамболцян В.Ш., Оганезова И.А. Нарушения психоэмоционального статуса у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника: распространенность, патогенез и возможности терапии // Российский семейный врач. – 2023. – № 2(27). – С. 23–31.
2. Губонина И.В., Гриневиц В.Б., Ткаченко Е.И. [и др.] Клинико-эпидемиологическая характеристика и исходы воспалительных заболеваний кишечника в когорте больных Северо-Западного региона по данным восьмилетнего наблюдения // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. – 2019. – № 172(12). – С. 24–33.
3. Martino G., Viola A., Vicario M.C. [et al.] Psychological impairment in inflammatory bowel diseases: the key role of coping and defense mechanisms // Research in psychotherapy (Milano). – 2023. – Vol. 26, № 3. – P. 731.
4. Yuan X., Chen B., Duan Z. et al. Depression and anxiety in patients with active ulcerative colitis: crosstalk of gut microbiota, metabolomics and proteomics // Gut Microbes. – 2021. 2 Vol. 13, No. 1. – P. 1987779.

Особенности межличностных отношений при пограничном расстройстве личности

Межличностные отношения, пограничное расстройство личности, ПРЛ

В настоящее время пограничное расстройство личности (ПРЛ) получает все более широкое распространение. Симптомы ПРЛ отмечаются по разным источникам у 2,7–5,9% населения. Известно, что лицам с ПРЛ свойственны напряженные, сложные и конфликтные взаимоотношения с окружающими, что является одним из основных источников дистресса при этих расстройствах. Однако факторы, приводящие к формированию дисгармоничных межличностных отношений при ПРЛ, изучены явно недостаточно. В этой связи целью настоящего исследования являлось изучение особенностей межличностных отношений при ПРЛ и их взаимосвязей с детско-родительскими отношениями и рядом личностных характеристик. Задачи исследования состояли в изучении выраженности признаков пограничного расстройства личности у респондентов случайной выборки и выборки пациентов, находящихся на лечении с диагнозом ПРЛ; сравнительном изучении межличностных отношений и детско-родительских отношений, когнитивной и аффективной эмпатии, агрессивности в 3-х группах (лица с установленным диагнозом ПРЛ; лица с высокими показателями по шкалам черт ПРЛ, но без официального диагноза; здоровые лица); а также изучении взаимосвязей между указанными характеристиками и выраженностью черт ПРЛ. Методы исследования включали методики для оценки выраженности черт пограничного расстройства личности, уровня агрессивности, выраженности когнитивной и аффективной эмпатии, субъективной оценки межличностных отношений и детско-родительских отношений в подростковом возрасте. Выборку составили 202 человека, которые на основании выраженности черт пограничного расстройства личности и наличия или отсутствия клинического диагноза были разделены на 3 группы: 2 экспериментальные (с диагностированным ПРЛ – 54 чел. и с высокой выраженностью признаков ПРЛ, но без клинического диагноза – 67 чел.) и одну контрольную (здоровые без выраженных признаков ПРЛ – 81 человек). Респонденты обеих экспериментальных групп обнаруживают достоверно более высокий уровень дисгармонии межличностных отношений в сравнении с группой здоровых. Наиболее значимо взаимосвязана с выраженностью признаков ПРЛ такая характеристика межличностных отношений, как напряженность. Значительное влияние на характер межличностных отношений оказывают отношения с родителями в детском и подростковом возрасте: конфликтность, авторитарность, частота наказаний со стороны родителей, отсутствие принятия, эмпатии и поощрений приводят к формированию дисгармоничных межличностных отношений во взрослом возрасте. Из изученных личностных характеристик наиболее взаимосвязанными с выраженностью признаков ПРЛ оказались уровень агрессии и снижение ее контроля (при этом, с агрессивностью положительно взаимосвязаны аффективная эмпатия, а со степенью контроля агрессии – когнитивная).

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что высокий уровень дисгармонии межличностных отношений прогнозируется у лиц с высокой импульсивностью, ощущением покинутости, самоповреждающим поведением, ощущением внутренней пустоты, квазипсихотическими состояниями; с повышенной агрессивностью, аутоагрессией и гетероагрессией; с амбивалентным отношением матери в детстве. Наибольший вклад в выраженность признаков ПРЛ вносят высокий уровень аутоагрессии и гетероагрессии, снижение способности к контролю агрессии, непринимаящий наказывающий отец и неэмпатичная, но поощряющая мать.

Важно отметить, что значимых различий между группой с установленным диагнозом ПРЛ и группой с выраженными чертами ПРЛ, но без официального диагноза, не установлено, что может отражать большую распространенность этих нарушений, чем принято считать. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать пониманию факторов развития ПРЛ и разработке дифференцированных программ его профилактики и лечения за счет более точного определения психотерапевтических мишеней и ресурсов.

Соотношения личностных и ситуативных факторов при невротических расстройствах

Невротические расстройства, COVID-19, соматоморфные расстройства, психотравмирующая ситуация

В последнее время высказывается мнение о возрастающей роли психотравмирующей ситуации в развитии невротических расстройств в связи с пандемией COVID-19 и непростой общественно-политической ситуацией. Традиционные представления о природе невротических расстройств рассматривают психологический фактор, включающий личностные особенности и психотравмирующую ситуацию, как основной в этиопатогенезе. С точки зрения В.Н. Мясищева ведущую роль играют личностные особенности, а психотравмирующая ситуация является пусковым механизмом, актуализирующим личностные дисфункции, и, как правило, объективно не является высокотравматичной. В этой связи целью настоящего исследования явилось изучение соотношения личностных и ситуативных факторов при невротических расстройствах у современных пациентов. Задачи исследования включали изучение взаимосвязи между уровнем невротизации и рядом психологических характеристик у пациентов и здоровых лиц. Методы исследования включали методики для изучения внутриличностных и межличностных конфликтов, невротических черт личности, жизнестойкости, мотивационной сферы. Выборку составили 60 человек: 30 пациентов с диагнозом «Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства» (F40-F48 по МКБ-10) и 30 здоровых.

Результаты исследования показали, что содержание и напряженность психотравмирующих ситуаций у пациентов с невротическими расстройствами и здоровых значительно не различаются. В обеих группах доминируют трудности, связанные с семейными отношениями и общественно-политической сферой. Однако показатели удовлетворенности собой, жизнью и состоянием здоровья у пациентов достоверно ниже, чем у здоровых. Пациенты характеризуются достоверно более высоким показателем общего объема личностных дисфункций невротического регистра при доминировании таких характеристик, как низкая самооценка, чувство одиночества, чувство вины, педантизм. Пациенты также отличаются от здоровых по характеристикам жизнестойкости: все показатели у пациентов достоверно ниже. Наиболее выраженными внутриличностными конфликтами в обеих группах являются конфликты между нормами и агрессивными тенденциями, между уровнем притязаний и уровнем реальных достижений, между потребностями к независимости и получению помощи и опеки. Однако общий показатель выраженности конфликтов и показатели конфликтов, связанных с долженствованием, достоверно выше у пациентов. Временная направленность мотивации у пациентов характеризуется меньшей проработанностью: мотивационные объекты пациентов значимо чаще относятся ко всему периоду жизни и периоду «сейчас и ежедневно» и связаны с обладанием какими-либо качествами и умениями; мотивационные объекты здоровых лиц расположены более равномерно и чаще охватывают такие периоды, как «неделя», «месяц», «год». Значимых различий между группами в отношении содержания мотивации не обнаружено: для респондентов обеих групп наиболее характерна направленность на других людей, характеристики собственной личности, самореализацию, выполнение какой-либо деятельности. Результаты корреляционного анализа выявили значимые взаимосвязи общего показателя невротизации с показателями конфликтов долженствования, временной направленностью мотивации, выраженностью трудностей в социальной сфере и отрицательные связи – со всеми показателями жизнестойкости. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что ситуативные и личностные факторы в разной степени влияют на общий уровень невротизации. Наибольшее влияние оказывают личностные факторы: высокая выраженность интрапсихических конфликтов, связанных с трудностями конструктивного выражения и реализации собственных желаний и сложностей в объективной оценке собственных возможностей, а также низкие показатели жизнестойкости. Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют предположить, что и в настоящее время основным психологическим фактором развития невротических расстройств по-прежнему является не психотравмирующая ситуация, а личностные особенности невротического регистра.

Нарушения восприятия юмора у больных с поражением префронтальных отделов коры головного мозга

Восприятие юмора, поражение головного мозга, нейропсихологический подход

Способность к адекватному восприятию юмора в социальном взаимодействии – важный фактор ресоциализации и реадaptации пациентов. Поэтому нейропсихологическое направление исследований восприятия юмора представляется актуальным [1]. Нейровизуализационные исследования на здоровых людях показывают значимый вклад структур левого полушария мозга в обеспечение процесса восприятия юмора [2]. В клинических исследованиях обнаруживаются трудности восприятия юмора, наиболее характерные для пациентов с поражением префронтальных отделов головного мозга правого полушария, а не левого [3]. Сравнение особенностей восприятия вербального и визуального юмора у пациентов с лево- и правополушарными поражениями мозга представляет трудную задачу, поскольку первая группа чаще имеет афатические нарушения, а вторая – нарушения симультанного восприятия визуального материала, что может искажать результаты исследования. В проведенном нами исследовании предполагаются различия в восприятии разномодальных типов юмора в зависимости от стороны дисфункции лобных долей.

Исследование включало составление и апробацию авторских методик на восприятие юмористических фраз (6 карточек с 3 фразами, где одна фраза юмористическая, а две другие – нет), изображений (5 юмористических, 5 неюмористических), комиксов (3 пары комиксов, где в каждой – и комическая, и нейтральная концовки), а также проведение клинического исследования нарушений чувства юмора. Контрольная группа состояла из 33 участников (12 м., 21 ж., возраст – $45,06 \pm 11,62$). Экспериментальные группы включали 14 пациентов неврологических отделений ФГБУ «Федерального центра мозга и нейротехнологий» ФМБА России с функциональным дефицитом префронтальных отделов правого полушария (8 человек: 4 ж., 4 м., возраст – $61,9 \pm 9,63$) и левого полушария (6 человек: 5 м., 1 ж., возраст – $59,33 \pm 8,77$) мозга.

Испытуемым предлагалось оценить в авторских методиках, является ли предъявленный стимул шуткой. Затем проводился частотный анализ по показателям адекватности оценок пациентов в сравнении с контрольной группой. Для анализа различий между группами использовался U-критерий Манна-Уитни (при $p < 0,05$).

Результаты показали, что в целом узнавание юмористического материала оказывается более затруднено для пациентов с дисфункцией правого полушария, в сравнении с пациентами с левополушарным дефицитом ($p = 0,059$), которые, в свою очередь, имеют нарушения восприятия юмора, в сравнении с группой условной нормы ($p = 0,003$). У пациентов с левополушарным дефицитом выраженных различий в восприятии вербального и невербального юмора не выявлено. Частота адекватных оценок юмористических стимулов распределяется по трем методикам относительно равномерно. В общем для них характерно чаще адекватно оценивать неюмористические стимулы, по сравнению с юмористическими, вне зависимости от модальности предъявления. Однако в данном случае этот результат не отражает собственно адекватность оценки неюмористических стимулов, а скорее, выявляет общую тенденцию к оценке любого типа стимула как нейтрального. У пациентов с правополушарным дефицитом успешность узнавания юмора зависит не столько от модальности предъявления стимула, сколько от способности к учету контекста, поскольку фразы и рисунки они опознавали с одинаковым успехом, а большие трудности испытывали при оценке серий картинок (комиксов).

1. Ковязина М.С. Восприятие юмора больными с локальными поражениями мозга // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 74–82.
2. Samson A.C., Zysset S., Huber O. Cognitive humor processing: Different logical mechanisms in nonverbal cartoons – an fMRI study // Social Neuroscience. – 2008. – № 3(2). – P. 125–140. DOI: 10.1080/17470910701745858
3. Shammi P., Stuss D.T. Humor appreciation: A role of the right frontal lobe. – Brain, 1999. – № 122(4). – P. 657–666. DOI: 10.1093/brain/122.4.657

Биопсихосоциальный подход к пониманию пограничного расстройства личности

Пограничное расстройство личности, биопсихосоциальный подход

Пограничное расстройство личности (ПРЛ) – расстройство, которым страдают 6% населения, характеризующееся гиперчувствительностью, нестабильностью в самооценке, реакциях, поведении и импульсивностью. Риск развития возникает в результате взаимодействия генетической предрасположенности и неблагоприятного жизненного опыта [2].

Биологические факторы. Близнецовые исследования показали, что наследственность при ПРЛ оценивается примерно в 0,7. Среди генов, связанных с ПРЛ, выделяются FKBP5 и CRHR, которые регулируют работу гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы (ГГНС), часто такие полиморфизмы наблюдаются у лиц с историей жестокого обращения. Избыточная секреция кортизола из-за нарушений в ГГНС может влиять на функции гиппокампа и миндалина. У лиц с ПРЛ были обнаружены нарушения в виде реактивности лимбической системы и меньшего контроля со стороны префронтальной коры, в ряде исследований было также выявлено уменьшение серого вещества в орбитофронтальной коре, объема миндалина и гиппокампа, ассоциированное с импульсивностью и аффективной дисрегуляцией [2].

Исследования показали различия в уровне окситоцина у лиц с ПРЛ и лиц, не имеющих подобного диагноза. Окситоцин оказывает влияние на социальное взаимодействие, формирование и поддержание контакта, восприятие социальных сигналов, а также играет роль в формировании привязанности ребенка и матери. Известно, что ранняя депривация приводит к снижению уровня окситоцина [4].

Эберт и др. обнаружили корреляцию между показателями детской травмы и снижением доверия. Есть мнение, что подобная корреляция может объяснять изменение в уровне окситоцина. [4].

Психологические факторы. Теория объектных отношений (ТОО) и пограничная организация личности (ПОЛ) объясняют ПРЛ через ментальные представления о себе и других. ПОЛ описывает поляризацию представлений на идеализирующие и обесценивающие, что приводит к диффузии идентичности. Этот процесс вызывает колебания между поиском близости и отталкиванием людей в результате чувства недоверия. В ТОО такие оценки себя и других, и склонность с подозрением относиться к другим являются основой ПРЛ [3]. Оно ассоциируется с такими личностными характеристиками, как негативная аффективность, эмоциональная реактивность, импульсивность и агрессия. Жесткая семейная система и неблагоприятные условия в семье усиливают влияние низкого самоконтроля и негативной аффективности на возникновение ПРЛ [2].

Социальные факторы. Неблагоприятный детский опыт, травматизация и низкое социально-экономическое положение являются предикторами ПРЛ [2]. Исследования показали, что 30-90% пациентов с ПРЛ пережили жестокое обращение в детстве, включая физическое, эмоциональное и сексуализированное насилие. Пренебрежение к потребностям ребенка, недостаток тепла, отвержение ребенка, отсутствие адекватного контроля и отстраненная мать увеличивают риск развития ПРЛ [1].

Развитие ПРЛ необходимо анализировать с позиции биопсихосоциального подхода, поскольку все эти факторы влияют на его появление и протекание. В терапии важно понимать, какие аспекты поддаются воздействию, а какие нужно просто учитывать.

1. Исагулова Е.Ю. Физическое, сексуальное, эмоциональное насилие в детстве – предпосылки развития пограничного расстройства личности в подростковом возрасте (обзор зарубежных исследований) // Вестник психотерапии. – 2023. – №. 85. – С. 60–69.
2. Bozzatello P. et al. Borderline personality disorder: Risk factors and early detection // Diagnostics. – 2021. – Vol. 11, №. 11. – С. 2142.
3. Jawad M.Y., Ahmad B., Hashmi A.M. Role of oxytocin in the pathogenesis and modulation of borderline personality disorder: A review // Cureus. – 2021. – Т. 13, №. 2.
4. Fertuck E.A., Fischer S., Beeney J. Social cognition and borderline personality disorder: splitting and trust impairment findings // Psychiatric Clinics. – 2018. – Т. 41, №. 4. – С. 613–632.

Особенности личности больных сахарным диабетом II типа

Сахарный диабет II типа, личность больного, локус контроля, волевая саморегуляция

Сахарный диабет (СД) 2 типа – заболевание, которое долгое время протекает бессимптомно, являясь причиной возникновения сердечно-сосудистых осложнений. Численность пациентов в РФ с СД II типа продолжает расти. В 2023 г. зарегистрировано 4,58 млн больных СД II типа, что составляет 92,33% всех больных СД [2]. Личностные особенности играют важную роль в возникновении и течении СД II типа, влияя на успешную адаптацию к заболеванию, позволяя существенно улучшить результаты лечения [3]. Знание особенностей личности больных СД II типа поможет разрабатывать психокоррекционные программы, способствующие компенсированному течению диабета.

С целью изучения особенностей личности больных СД II типа нами исследовано 813 респондентов со средним возрастом опрошенных $60,4 \pm 16,5$ года, которых по тяжести течения заболевания разделили на две группы: I группа – 451 больной с субкомпенсированным и II группа – 362 с декомпенсированным течением. Исследование проводилось с помощью Гиссенского личностного опросника; методик «Уровень субъективного контроля» и «Исследование волевой саморегуляции», опросников депрессии А.Т. Бека и агрессивности А. Басса, М. Перри. Полученные данные обработаны при помощи программы Statistica 10. В результате исследования получены данные о том, больные СД II типа способны успешно взаимодействовать с окружением, уверены в своей положительной социальной репутации, привлекательности, популярности, способности добиваться поставленной цели, уважении и высокой оценке других людей. По данным шкалы «доминантности» (ГТ-2) больные СД II типа ($55,2 \pm 1,7$ баллов) считают себя послушными, уступчивыми, терпеливыми, покладистыми, неспособными к агрессии, склонными к подчинению и зависимости. В исследовании проявления общей агрессивности значимых различий по сравнению с группой контроля не найдено ($p = 0,222$). У пациентов преобладает депрессивный фон настроения, увеличивающийся у больных II группы ($p = 0,05$), с направлением агрессии на себя, что указывает на преобладание подавленности, склонности к рефлексии, робости и зависимости, с желанием не показывать досаду, повышением самокритичности, стремящихся скрывать собственную потребность в любви. В то же время, больные СД II типа достаточно активны, общительны, конкурентоспособны с богатым воображением и способны на сильные чувства. Они личности самостоятельные, активные, творческие, уверенные в себе, способные к прочным и длительным межличностным отношениям. Анализируя данные по тесту УСК, выявлено, что у 57,8% пациентов интернальный локус контроля в сфере достижений, но при этом респонденты обладают экстернальным локусом контроля в сфере неудач, здоровья и болезни, приписывая ответственность за неудачи другим людям или считая неудачи результатом стечения событий, надеясь на то, что выздоровление придет в результате действий членов семьи или врачей. Экстернальный локус в сфере здоровья больше проявляется у больных с декомпенсированным течением заболевания ($p = 0,03$). Больные СД II типа имеют высокий уровень волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания независимо от тяжести течения заболевания, что указывает на их уверенность в себе, устойчивость намерений, реалистичность взглядов, развитое чувство собственного долга, уважение социальным нормам, стремление полностью подчинить им свое поведение, стараться доводить начатое до конца, что повышает готовность к восприятию нового, неожиданного и, как правило, сочетается со свободой взглядов и тенденцией к новаторству. В то же время из-за стремления проконтролировать каждый нюанс собственного поведения и тревоги по поводу малейшей его спонтанности, возникает нарастание напряженности с преобладанием постоянной озабоченности и утомляемости. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что выявленные личностные особенности больных СД II типа влияют на течение болезни и делают необходимым комплексный подход в лечении [1] данной категории больных с участием клинического психолога в медико-психологической реабилитации.

1. Алгоритмы специализированной медицинской помощи больным сахарным диабетом / Под ред. И.И. Дедова, М.В. Шестаковой, А.Ю. Майорова. 11-й выпуск. – М., 2023. – 231 с. DOI: 10.14341/DM13042.
2. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К., Железнякова А.В., Исаков М.А., Сазонова Д.В., Мокрышева Н.Г. Сахарный диабет в Российской Федерации: динамика эпидемиологических показателей по данным Федерального регистра сахарного диабета за период 2010–2022 гг. // Сахарный диабет. – 2023. – № 26(2). – С. 104–123 [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.14341/DM13035> (дата обращения: 25.05.2024).
3. Ионова Т.И., Комлёнок Н.М. Адаптационные возможности у больных сахарным диабетом: значение психологического статуса // Вестник Межнационального центра исследования качества жизни. – 2014. – № 23–24. – С. 86–92.

Взаимосвязь значимой мужской фигуры и психологического благополучия мужчин с опытом отцовства

Отцовство, значимая мужская фигура, психологическое благополучие мужчин, семейная эмоциональная коммуникация

Роль значимой мужской фигуры (далее ЗМФ), недооцененная в отечественной психологии, она, несомненно, играет ключевую роль в становлении личности. Например, «отсутствующий отец», зачастую играет роль отрицательного влияния на определенные аспекты развития детей [2].

Сейчас социальные изменения приводят к большей вариативности роли отца, отношения к родительству в целом, и того, как современные мужчины выстраивают собственную идентичность [1]. При этом влияние ЗМФ может происходить относительно независимо от отношений мать-ребёнок и быть столь же важным фактором психологического благополучия (далее ПБ) [3]. Эта проблема требует дополнительного изучения, особенно интересно, как результаты этого влияния сказываются в уже зрелом возрасте, когда мужчина сам выстраивает семейные отношения и становится отцом.

Цель данного исследования – изучение роли ЗМФ в формировании особенностей семьи и ПБ мужчин.

Методы исследования: Скрининговая анкета; Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф; опросники: интрапсихические конфликты Е.В. Метла; «Семейные эмоциональные коммуникации – СЭК» Холмогорова А.Б., Воликова С.В.; методика «Подростки о родителях» Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына; Семантический дифференциал.

Выборку составили 54 мужчины из разных регионов РФ. Средний возраст респондентов 40,5 года. 50% из них воспитывают одного ребёнка, 34% – двух, 16% – трех и более детей. В официальном браке состоят 79,5%, 15,9% в разводе. Основным источником дохода у 85% это официально оплачиваемая работа.

Корреляционный анализ выявил, что существует взаимосвязь между ПБ мужчин и общим показателем семейной дисфункции ($p = 0,002$). Таким образом, чем гармоничнее протекает семейная эмоциональная коммуникация, тем выше оценивают уровень своего ПБ мужчины. Также показано, наличие взаимосвязи ($p = 0,000$) между ПБ мужчин и степенью выраженности внутриличностных конфликтов. Так, чем меньше противоречий в системе отношений у респондентов, тем сильнее они ощущают ПБ. Вместе с тем, выраженность интрапсихических конфликтов коррелирует ($p = 0,03$) с «фактором близости» отношений со ЗМФ в детстве. Это свидетельствует о том, что чем больше принятия, поддержки, позитивного интереса от ЗМФ респондент получал в детском возрасте (по собственной оценке), тем меньше они испытывают эмоциональные проблемы, при столкновении противоречивых потребностей в настоящем. Также восприятие отношений со ЗМФ взаимосвязано с показателями «индуцирования тревоги» ($p = 0,02$) и «сверхвключенностью» ($p = 0,013$) в семейной коммуникации. Так, чем более позитивными были отношения со ЗМФ в детстве, тем меньше мужчины, воспитывающие своих детей, склонны фиксироваться на трудностях, неудачах и чрезмерно вовлекаться в жизнь своего ребёнка.

Интересно отметить, что оценки отношений со ЗМФ в большей степени коррелируют с внутриличностными конфликтами, чем с показателями ПБ. Возможно, это связано с тем, что благополучие у мужчин больше ассоциируется с актуальной жизненной ситуацией и собственными достижениями (в т.ч. в семейных отношениях). Тогда как источники нервно-психического напряжения (конфликты) связываются с прошлым опытом и детством. Это требует уточнения на большей выборке.

1. Шаповаленко И.В. Современное родительство: новые исследовательские подходы // Современная зарубежная психология. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 58–67.
2. Campbell D. The role of the father in a pre-suicide state // The International Journal of Psychoanalysis. – 1995. – Vol. 76 (2). – P. 315–323.
3. Phares V, Compas B. Fathers and developmental psychopathology // Current Directions in Psychological Science. – 1993. – Vol. 2, № 5. – P. 162–165.

Киберхондрия у молодежи: связь с удовлетворённостью жизнью

Киберхондрия, удовлетворённость жизнью, молодёжь

Одной из ключевых проблем современного российского общества является состояние здоровья населения страны. Это один из важнейших факторов национальной безопасности и экономической стабильности государства, который не только обуславливает возможности человека, но и предопределяет потенциал страны. Данный факт обуславливает высокую актуальность исследований, направленных на изучение здоровья.

Анализ публикаций показывает потерю гражданами доверия к институту медицины. Всероссийский центр изучения общественного мнения предоставляет данные, что средний балл доверия врачам в 2022 году составил 3,28 из 5 возможных – показатель ниже пандемийных значений на 0,5 балла (3,8 в 2020 г.). Молодёжь доверяет медикам на уровне (3,75) [1]. При этом в современном мире молодёжь каждые 6 минут обращается к своему смартфону. Информатизация влияет на стиль, образ жизни и поведение. Интернет-среда расширяет свои возможности медицины, более половины россиян регулярно используют интернет для поиска информации о симптомах и заболеваниях, усиливая интерес к феномену киберхондрии. Понятие рассматривается, как специфический синдром, включающий усиление негативных эмоциональных состояний, поиск поддержки, изменение привычных паттернов поведения, включающих чрезмерный поиск информации о здоровье в сети Интернет [4, 5].

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи киберхондрии и удовлетворенности жизнью молодежи. В исследовании приняли участие (N = 51) респондент старше 18 лет (M = 19,94, SD = 1,67), 9,2% женщин и 9,8% мужчин. Для выявления удовлетворенности жизнью использовалась методика «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера, в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина; для выявления киберхондрии использовалась методика выраженности киберхондрии в адаптации О.С. Дейнека, А.А. Максименко, Е.В. Забелина, С.А. Гаркуша [2]. Для статистического анализа использовался программный пакет IBM SPSS 26.0. Для выявления взаимосвязей использовался корреляционный анализ Спирмена с допустимой ошибкой $p < 0,05$.

Была получена отрицательная взаимосвязь между шкалой серьёзность киберхондрии и удовлетворенность жизнью ($r = -0,286$, $p = 0,042$). Чем выше выявлена киберхондрия, тем ниже удовлетворенность жизнью. Если серфинг в интернете с целью поиска информации о симптомах болезни становится экстремальным и сопровождается усилением тревоги, то это влияет на снижение удовлетворённости жизнью.

Только 23,5% респондентов подчеркнули, что полагаются на врачей полностью, 50,9% отметили, что периодически ставят себе диагноз, исходя из обнаруженных симптомов, найденных в Сети. 43,1% как минимум один раз пытались диагностировать болезнь самостоятельно, ориентируясь на диагноз, полученный с использованием Интернета.

Стремление самостоятельно ставить диагноз молодые люди объясняют сложностью записи в поликлинику, нехваткой и потерей временного ресурса, боязнью врачей и верой в спонтанное выздоровление.

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения, ВЦИОМ: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrachi-doverie-prestizh-dokhodnost-professii> (дата обращения: 28.05.2024).
2. Результаты адаптации короткой версии методики выраженности киберхондрии на российской выборке / О.С. Дейнека, А.А. Максименко, Е.В. Забелина, С.А. Гаркуша // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44, № 1. – С. 101–112. DOI 10.31857/S020595920024365-7. – EDN KPDYWX.
3. Nasiri M, Mohammadkhani S, Akbari M, Alilou MM. The structural model of cyberchondria based on personality traits, health-related metacognition, cognitive bias, and emotion dysregulation. *Front Psychiatry*. 2023 Jan 9;13:960055. doi: 10.3389/fpsy.2022.960055.
4. McElroy E., Shevlin M. The development and initial validation of the cyberchondria severity scale (CSS) // *Journal of Anxiety Disorders*. – 2014. – V. 28. – P. 259–265.
5. Starcevic V., Berle D. Cyberchondria: Towards a better understanding of excessive health-related Internet use // *Expert Review of Neurotherapeutics*. – 2013. – V. 13, № 2. – P. 205–213.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-20200.

Психосоматические особенности пациентов с диагнозом «рассеянный склероз»

Психосоматика, смысловая сфера, рассеянный склероз, стрессоустойчивость

Высокая актуальность изучения психосоматических особенностей при рассеянном склерозе обусловлена высокой распространенностью данного диагноза среди болезней центральной нервной системы. Дебют заболевания чаще всего застает людей в достаточно молодом возрасте и приводит к их стремительной и тяжелой инвалидизации, что указывает на необходимость изучения проблемы не только в медицинском, но и в психологическом ключе. Необходимо также изучение тех психологических характеристик личности, которые могут поспособствовать адаптации пациентов к последствиям данного заболевания и мотивации к дальнейшей жизни, исполнению своих целей и реализации личностного потенциала. У большей части пациентов с рассеянным склерозом снижается качество жизни, что выражается в нарастающем ухудшении физического, психологического и социального благополучия [4]. В числе болеющих прослеживается тенденция к преобладанию женского пола, что предполагает взаимосвязи женского генотипа и предрасположенности к аутоиммунному процессу [3].

Болезнь имеет прогрессирующее течение с периодами ярко выраженных обострений и ремиссии. М.Я. Мудрова, Г.А. Захарьина и С.П. Боткина писали о том, что на возникновение болезней влияет личность больного и его эмоциональное состояние. Также доказано, что изоляция субъекта с рассеянным склерозом негативно влияет на течение заболевания и может повышать тяжесть и частоту осложнений [5; 1].

Стресс в период обострения заболевания является как одной из причин рецидива, так и следствием. Для экологичного проживания данного периода необходимы устойчивость к стрессу и надежные внутренние опоры, чем и является ценностно-смысловая сфера в жизни каждого человека, в связи с этим целью нашего исследования выступало изучение особенностей психосоматических проявлений и их взаимозависимость со смысложизненными ориентациями, стрессоустойчивостью и самоактуализацией у лиц с диагнозом «рассеянный склероз» [2].

Объект исследования: 38 пациентов с подтвержденным диагнозом «рассеянный склероз» в возрасте от 23 до 44 лет в период обострения заболевания и нахождения в стационаре. Методики исследования: Гиссенский опросник психосоматических жалоб (Giesener Beschwerdebogen, GBB); тест на стрессоустойчивость Ю.В. Щербатых; тест смысложизненных ориентаций (методика СЖО), Д.А. Леонтьева; самоактуализационный тест (САТ) (адаптация сотрудниками кафедры социальной психологии МГУ: Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика, М.В. Кроз).

Полученные в исследовании данные показывают, что стрессоустойчивость взаимосвязана с компонентами ценностно-смысловой сферы и интенсивностью психосоматических проявлений у пациентов с рассеянным склерозом. *Стрессочувствительные* пациенты характеризуются низким уровнем самоактуализации и смысложизненных ориентаций. У экспериментальной группы пациентов с низкой стрессоустойчивостью диагностирован низкий уровень самопринятия и самоуважения. *Устойчивые к стрессу* пациенты с диагнозом «рассеянный склероз» характеризуются средним и высоким уровнем самоактуализации и смысложизненных ориентаций, опорой преимущественно на себя.

Пациенты с нормальным уровнем стрессоустойчивости отличаются от группы с высокой стрессоустойчивостью некоторой склонностью к ипохондрии и тревожности.

1. Кадыков, А.С. Реабилитация неврологических больных / А.С. Кадыков, Л.А. Черникова, Н.В. Шахпаронова. – М.: МЕДпресс-информ, 2008.
2. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2008. – 1024 с.
3. Прожерина Юлия. Рассеянный склероз: история, диагностика, лечение // Ремедиум. – 2016. – № 78. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasseyannyi-skleroz-istoriya-diagnostika-lechenie>
4. Тотолян Н.А. [и др.] Рассеянный склероз / Под общ. ред. Н.А. Тотолян. – СПб.: Пионер, 2001. – 224 с.
5. Хватова М.В. Теории формирования психосоматических расстройств: Учеб. пособие / М.В. Хватова; М-во обр. и науки РФ, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 172 с.

Корреляты качества жизни пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы

Качество жизни, рак груди, онкопсихология

Рак молочной железы представляет собой актуальную проблему в сфере онкологии: к концу 2020 года в глобальной популяции зарегистрировано около 7,8 миллиона женщин, которые в течение предшествующих пяти лет столкнулись с этим диагнозом [1]. Несмотря на достижения в области медицины, пациенты, столкнувшиеся с этим заболеванием, продолжают испытывать ряд физических, психологических и социальных сложностей, влияющих на качество жизни (КЖ) [2].

Сформулированы следующие гипотезы: существует положительная связь между КЖ пациентов со злокачественными новообразованиями молочной железы и их отношением к собственному телу, а также между первым показателем и уровнем жизнестойкости (ЖС).

К участию в исследовании приглашались пациенты, проживающие на территории Российской Федерации. Работа поддержана фондом «Дальше», объявление размещено на странице сайта организации. В качестве благодарности за заполнение анкеты больные могли выбрать посещение психообразовательной группы или индивидуальную психологическую консультацию онлайн, а также получение результатов работы после их публикации. Сбор данных проводился с использованием платформы Google-формы.

С помощью анкеты собирались основные социально-демографические данные; а также использованы следующие методики: многокомпонентный опросник отношения к собственному телу (MBSRQ); краткая шкала оценки качества жизни ВОЗ (WHOQOL-BREF), тест жизнестойкости в адаптации Осина-Рассказовой; шкала страха негативной оценки; госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS).

В исследовании приняли участие 160 пациентов в возрасте от 29 до 67 лет, средний возраст – 47,2 года, медиана – 46 лет; с различной давностью и стадией заболевания.

Проведен корреляционный (r Спирмена) анализ с помощью программы IBM SPSS Statistics 23.

Выявлены статистически значимые корреляции между всеми показателями КЖ (физическое и психическое благополучие, самовосприятие, микросоциальная поддержка, социальное благополучие и общий уровень качества жизни) и показателями ЖС (вовлеченность, контроль, принятие риска и общий уровень ЖС), $p = 0,000$, $0,330 \leq r \leq 0,665$. Так, чем выше уровень жизнестойкости, тем выше удовлетворенность качеством жизни, и наоборот.

Также прямая корреляция выявлена между показателями КЖ и такими характеристиками удовлетворенности образом тела, как оценка внешности, ориентация на внешность и удовлетворенность параметрами тела (от $p = 0,000$ до $p = 0,05$, $0,155 \leq r \leq 0,481$). Таким образом, чем выше уровень удовлетворенности перечисленными характеристиками образа, тем выше уровень удовлетворенности КЖ пациентов.

Все показатели КЖ обратно взаимосвязаны с выраженностью депрессивной и тревожной симптоматики ($p = 0,000$, $-0,671 \leq r \leq -0,349$): чем выше первые показатели, тем ниже вторые, и наоборот.

Для уточнения направленности взаимосвязи в будущем будет использован регрессионный анализ (метод пошагового включения).

Таким образом, можно предположить, что для увеличения удовлетворенности КЖ, необходимо проводить работу над повышением уровня жизнестойкости, удовлетворенности отдельными показателями образа тела и снижением выраженности тревожно-депрессивной симптоматики. Данное исследование представляет собой важный вклад в понимание влияния рака молочной железы на качество жизни женщин и формирование базы для будущих исследований и практических интервенций, направленных на улучшение благополучия данной группы пациентов.

1. Всемирная организация здравоохранения: Рак молочной железы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/breast-cancer> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Личностные характеристики, копинг-стратегии и качество жизни женщин, больных раком молочной железы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – №. 4. – С. 87–91.

Восприятие длины и направления при шизофрении

Шизофрения, пространственное восприятие, моторный oblique-эффект, пространственное кодирование

Некоторые исследования показывают нарушения пространственного восприятия при шизофрении [1]. Ориентация и длина – хорошо известные низкоуровневые пространственные характеристики элементов изображения, важные для его последующей обработки.

В данной работе исследовали восприятие направленных отрезков на двух группах – контрольной (22 человека) и пациентов, страдающих шизофренией (13 человек). Стимульный материал – черные отрезки, ориентированные под углом -22.5° , 0° , 22.5° , 45° , 67.5° , 90° , 112.5° и 135° к горизонтали (по 4 пробы для каждой ориентации), которые предъявлялись на белом фоне в случайном порядке. Центры отрезков находились в центре поля зрения испытуемого, который сидел на расстоянии 60–80 см перед сенсорным монитором. Отрезки начинались с различных точек, чтобы испытуемый не привык к стабильной начальной точке движения руки. На этапе запоминания испытуемый перемещал указательный палец ведущей руки вдоль видимого отрезка. Когда испытуемый отрывал руку от экрана, экспериментатор нажимал кнопку на клавиатуре, отрезок исчезал, а испытуемый немедленно воспроизводил заученные параметры данного отрезка в том же месте на пустом экране. На обоих этапах испытуемый видел как экран монитора, так и собственную руку, выполняющую движение. Эксперимент проводился без обратной связи – испытуемый не был информирован о точности выполнения задания. На сенсорном экране определялись координаты начальной и конечной точек движения руки. По этим координатам рассчитывалась длина отрезка, проведенного испытуемым, как евклидово расстояние между начальной и конечной точками движения руки, а также определялось направление отрезка. Ошибку оценки длины отрезка определяли как разницу между длиной отрезка, определенной испытуемым, и заданной длиной отрезка; ошибку оценки направления отрезка – как разницу между направлением отрезка, определенным испытуемым, и заданным направлением отрезка.

В обеих группах отрезки, направленные под углом, «отталкиваются» от кардинальных осей (моторный oblique эффект, [2]); эффект более выражен на этапе воспроизведения. На этапе воспроизведения пациенты, страдающие шизофренией, точнее, чем здоровые испытуемые, оценивают вертикальные отрезки. На этапе запоминания здоровые испытуемые переоценивают длину отрезков всех используемых ориентаций, на этапе воспроизведения – переоценивают длину отрезков большинства используемых ориентаций. Напротив, ни на этапе запоминания, ни на этапе воспроизведения не выявлено изменение оценки длины отрезков для группы пациентов. Результаты настоящей работы свидетельствуют в пользу векторного кодирования цели движения, причем амплитуда и направление движения кодируются раздельно [3]. По-видимому, восприятие ориентации и длины отрезков пациентами, страдающими шизофренией, обладает определенным своеобразием, однако полученные результаты не свидетельствуют о нарушении пространственного восприятия при шизофрении.

1. Hardoy M.C., Carta M.G., Catena M., Hardoy M.J., Cadeddu M., Dell'Osso L., Hugdahl K., Carpiniello B. Impairment in visual and spatial perception in schizophrenia and delusional disorder. *Psychiatry Res.* 2004 127(1-2):163-6.
2. Smyrnis N., Mantas A., Evdokimidis I. «Motor oblique effect»: perceptual direction discrimination and pointing to memorized visual targets share the same preference for cardinal orientations // *J Neurophysiol.* – 2007. – 97(2). – P. 1068–77.
3. Gordon J., Ghilardi M.F., Ghez C. Accuracy of planar reaching movements // *Exp Brain Res.* – 1994. – 99. – P. 97–111.

Поддержано грантом РФФ № 22-18-00074.

Особенности выраженности патологических личностных черт у членов субкультуры инцелы

Инцелы, расстройства личности, большая пятерка

На сегодняшний день очень быстро развивается российское интернет-пространство, которое заполняют интернет-субкультуры. Данные субкультуры могут быть безобидными, то есть являться просто собранием по интересам (фурри, косплееры, фандомы), так и весьма агрессивными, такими как радикальный феминизм, правые группировки, а также интересующая нас в рамках данного исследования субкультура (идеология) инцелы. Данная субкультура характеризуется повышенной мизогинией с культом собственной неуспешности, никчемности [4].

На данном этапе развития интернет-сообществ, инцелы – крайне радикальная левая субкультура, которая одобряет сексуальное насилие, а также дегуманизирует красивых девушек и мужчин [3]. Таким образом, данная тема действительно является злободневной как для клинической, так и социальной психологии, поскольку изучает процессы радикализации одиноких мужчин.

В нашей стране данная субкультура осталась без внимания у психологов, но на Западе проводились исследования, которые демонстрируют связи выраженности патологических черт личности у членов данного сообщества. Так, у инцелов наблюдается склонность к нарциссическому и параноидному расстройству личности [3]. Также были проведены исследования в рамках модели «Большая пятерка», где было обнаружено, что у инцелов в меньшей степени выражены черты экстраверсии, добросовестности и в большей степени была выражена черта нейротизм [4]. Так, на основании западных исследований, мы можем предположить, что у российских инцелов будут наблюдаться особенности выраженности патологических личностных черт, так и базовых, которые входят в «Большую пятерку».

Исследование проводилось с использованием адаптированных версий опросников на базе BigFive – PID-5-BF [1] и BFI-2-S [2], данные опросники использовались и в зарубежных исследованиях. Выборку исследования составили члены инцел-сообщества «Virgincore», в контрольную группу вошли молодые люди, которые не состоят в подобных сообществах, а также не причисляют себя к инцелам. В исследовании приняло участие 40 мужчин (incels = 20, студенты = 20). Средний возраст в группе инцелов составил 20,75 года, а среди студентов 20,2 года. Для проверки значимости различий в показателях выраженности личностных черт, а также симптомов расстройства личности использовался ранговый критерий различия U-Манна-Уитни. Таким образом, значимые различия получились по следующим показателям: негативный аффект ($U = 119,000$, $p = 0,044$), отчуждение ($U = 69,000$, $p = 0,001$). А также различия были обнаружены в выраженности личностной черты – экстраверсия ($U = 118,500$, $p = 0,044$). Так, негативный аффект и отчуждение более выражены у членов субкультуры инцелов, в то время как экстраверсия у инцелов выражена в меньшей степени, чем у мужчин, которые не состоят в данном сообществе.

Так, можно заключить, что инцелы действительно имеют личностные особенности по сравнению с мужчинами, которые не состоят в нем. Также можно отметить, что зарубежные исследования были частично подтверждены.

1. Кустов Г.В., Зинчук М.С. и др. Изучение психометрических характеристик русскоязычной версии опросника PID-5-BF // Психология. Журнал ВШЭ. – 2022. – № 3.
2. Щебетенко С.А., Калугин А.Ю., Мишкевич А.М. Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника Big Five Inventory 2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. – 2022. – № 1.
3. Baele S.J., Brace L., & Coan T.G. From «Incel» to «Saint»: Analyzing the violent worldview behind the 2018 Toronto attack // Terrorism and Political Violence. – 2019. – 33(8). – P. 1667–1691. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1638256>
4. Broyd J. et al. Incels, violence and mental disorder: A narrative review with recommendations for best practice in risk assessment and clinical intervention // BJPsych Advances. – 2023. – Т. 29. – №. 4. – С. 254–264.

Взаимосвязь восприимчивости к красоте с алекситимией

Позитивная психология, положительное психическое здоровье, восприимчивость к красоте, алекситимия

Красота в психологии на современном этапе чаще всего изучается в связи с понятиями образа тела, привлекательности, эстетики, восприятия лица, эмоции [3]. Однако в позитивной психологии не так давно возникла область, связанная с изучением сильных сторон характера, одной из которых является видение и переживание прекрасного. Приверженцы данного подхода считают, «что восприимчивость к красоте является одним из показателей субъективного благополучия и положительного психического здоровья человека» [3].

Одним из аспектов, заслуживающих изучения, является связь между алекситимией и восприимчивостью к красоте. В контексте гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа [1] можно предположить, что нарушения, связанные с алекситимией, могут влиять на способность человека воспринимать и выражать красоту.

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении связи между алекситимией и восприимчивостью к красоте.

Были сформулированы гипотезы об отрицательной связи между уровнем алекситимии и уровнем общей восприимчивости к красоте, а также ее подвидами, такими как восприимчивость к красоте природы, к красоте искусства, к внутренней красоте и к красоте идей.

Выборка состояла из бакалавров Института медицины и психологии В. Зельмана Новосибирского государственного университета (направление «Психология») и Института интеллектуальной робототехники Новосибирского государственного университета (направление «Мехатроника и робототехника. Искусственный интеллект»): 74 человека в возрасте от 17 до 33 лет (30 мужчин и 44 женщины); средний возраст – 19,7 года; 37 человек студенты-психологи и 37 человек студенты-программисты.

Исследование осуществлялось при помощи Торонтской алекситимической шкалы TAS-26, шкалы восприимчивости к красоте EBS (природы; искусства; внутренней красоте; красоте идей) [2, 4], а также статистических методов: критерия Шапиро-Уилка, коэффициента корреляции Спирмена и критерия Манна-Уитни (программа jamovi 2.3.18).

Выдвинутая гипотеза об отрицательной связи между степенью выраженности алекситимии и уровнем восприимчивости к красоте идей подтвердилась ($p < 0,035$). Остальные гипотезы не нашли подтверждения, что может быть следствием небольшой выборки испытуемых или действительного отсутствия связи между переменными.

Получены интересные дополнительные результаты, связанные с различиями между студентами-психологами и студентами-программистами. У студентов-психологов значимо выше общая восприимчивость к красоте ($p = 0,013$) и восприимчивость к внутренней красоте ($p = 0,013$) чем у студентов-программистов. Также получили различие между мужчинами и женщинами по восприимчивости к красоте природы: женщины восприимчивее к красоте природы ($p = 0,023$), чем мужчины. Размер эффекта для различий, определенный с помощью рангово-бисериального коэффициента корреляции, является большим.

Настоящее исследование было пилотажным, оно проводилось на небольшой и довольно специфической выборке, поэтому его можно продолжить с привлечением большего количества испытуемых и расширением круга исследовательских гипотез и методов.

1. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. 1. – С. 111–134.
2. Носова П.А. Апробация русскоязычной версии опросника восприимчивости к красоте // Reflexio. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 68–82.
3. Носова П.А., Фёдоров А.А. Красота в психологии: библиометрический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 592–606.
4. Diessner R., Parsons L., Solom R., Frost N., Davidson J. Engagement with beauty: Appreciating natural, artistic and moral beauty // Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. – 2008. – 142. – P. 303–329.

Опыт нейрокогнитивной реабилитации пациентов с легким когнитивным расстройством в «Клинике памяти» (Москва)

Легкое когнитивное расстройство, поздний возраст, нейрокогнитивная реабилитация, «Клиника памяти»

Актуальность. Легкое когнитивное расстройство (Mild cognitive impairment, MCI) определяют, как промежуточный этап между нормальным (физиологическим) старением и деменцией. По данным литературы, распространенность MCI увеличивается с 6,7% в возрасте от 60 до 64 лет до 25,2% в возрасте от 80 до 84 лет. Современные исследования показывают, что нефармакологические вмешательства могут предотвратить или замедлить прогрессирование деменции [2–4]. У многих лиц пожилого возраста, сообщающих о когнитивных проблемах, нейропсихологическая оценка показывает снижение когнитивных функций, не достигающее границ деменции. Когорта лиц позднего возраста с синдромом MCI является целевой группой для проведения тренингов когнитивной сферы. «Клиника памяти» – новая структура в системе внебольничной психиатрической помощи, осуществляющая профилактические мероприятия в рамках программы нейрокогнитивной реабилитации и психотерапии [2].

Цель исследования – проведение психометрической и нейропсихологической оценки когнитивной сферы у пациентов с MCI – участников «Программы нейрокогнитивной реабилитации» «Клиники памяти» до и по окончании программы.

Материалы и методы: 1. психометрический – Mini-mental State Examination (MMSE) и Montreal Cognitive Assessment (MoCA); 2. нейропсихологический «Экспресс-методика оценки мнестико-интеллектуальной сферы в пожилом возрасте» [1]; 3. непараметрический статистический метод (критерий Вилкоксона, критерий χ^2 Пирсона); 4. Программа «Нейрокогнитивной реабилитации» [2] «Клиники памяти» – проводимые пять раз в неделю в течение шести недель групповые когнитивные и психотерапевтические тренинги.

В программе нейрокогнитивной реабилитации участвовали 23 человека – пациенты ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ» «Клиники в памяти» возрасте от 65 до 86 лет (сред. возраст $72,9 \pm 4,8$ года), из них 21 жен. и 2 муж. с диагнозом легкое когнитивное расстройство (ЛКР, F-06.78 по МКБ-10).

Результаты. Результаты нейропсихологической оценки с использованием «Экспресс-методики» до и после реабилитации показали значимые улучшения в исследуемой группе по следующим параметрам когнитивной сферы: динамический праксис ($W = 85,5$, $p = 0,004$), семантическая память ($W = 77$, $p = 0,014$), зрительная память ($W = 118$, $p = 0,049$), увеличения темпа деятельности ($\chi^2 = 4,301$, $p = 0,038$), а также по суммарному баллу методики ($W = 242,5$, $p < 0,001$).

Результаты оценки когнитивной сферы в исследуемой группе до и после программы нейрокогнитивной реабилитации с применением шкал MMSE ($W = 22,5$, $p = 0,011$) и MoCA ($W = 37$, $p = 0,011$) показали значимое улучшение по суммарному баллу методик.

Выводы. Психометрическая и нейропсихологическая оценка когнитивной сферы показала значимое улучшение показателей, а именно: кинетической организации праксиса, объема запоминания в зрительной модальности и семантической организации памяти, а также нейродинамического обеспечения психической активности по окончании программы «Нейрокогнитивная реабилитация» у пациентов позднего возраста с ЛКР, что свидетельствует об эффективности данной программы и необходимости расширения применения подобного метода работы с другими группами пациентов позднего возраста.

1. Корсакова Н.К., Балашова Е.Ю., Рощина И.Ф. Экспресс-методика оценки когнитивных функций при нормальном старении // Психологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 44–50.
2. Костюк Г.П., Гаврилова С.И., Курмышев М.В., Андрищенко А.В., Левин О.С., Савилов В.Б., Кулыгина М.А., Рощина И.Ф. / Ред. Г.П. Костюка // Нейрокогнитивная реабилитация: руководство. – М.: КДУ, Добросвет, 2023.
3. Костюк Г.П., Курмышев М.В., Андрищенко А.В., Савилов В.Б., Рощина И.Ф., Осипова Н.Г. / Ред. Г.П. Костюка // Синдром мягкого когнитивного снижения. – М.: ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ», 2022.
4. Salzman T., Sarquis-Adamson Y., Son S., Montero-Odasso, M. & Fraser, S. Associations of Multidomain Interventions With Improvements in Cognition in Mild Cognitive Impairment // JAMA Network Open. – 2022. – 5. Retrieved from <https://jamanetwork.com/journals/fullarticle/2791809>

Лингвотерапия в практике клинического психолога и ее реабилитационный потенциал в условиях психиатрического стационара

Реабилитация, арт-терапия, тренинг когнитивных навыков, диагностика

Актуальной проблемой в практической работе клинического психолога является поиск и создание новых методов, которые повышают эффективность лечения и способствуют росту мотивации к его продолжению, снижая риск повторной госпитализации. Помимо непосредственной терапевтической работы в рамках стационара, необходимо создавать условия, которые будут пролонгировать мотивацию пациентов продолжать терапию и способствовать дестигматизации психиатрического лечения в целом.

С другой стороны, реабилитационные методики и результаты, которых достигают пациенты в процессе терапии, могут служить источником дополнительной клинической информации, что, в свою очередь, способствует многоаспектному, а значит, более эффективному индивидуализированному подходу к лечению.

Актуальность темы обусловлена фиксируемым в настоящий период ростом психических заболеваний и кризисных пограничных состояний, ведущих к увеличению числа госпитализаций. Особенным образом выделяется «отделение первого эпизода» – как наиболее перспективное с точки зрения ремиссии, исходя из состояния пациентов, но при этом и наиболее уязвимое – поскольку сниженная мотивация к продолжению лечения формирует негативный прогноз, повышая риск повторной госпитализации вследствие несоблюдения врачебных рекомендаций.

В настоящем докладе будет представлена разработанная автором методика, в рамках которой занятия иностранным (итальянским) языком выступают терапевтическим и диагностическим инструментом в работе клинического психолога.

Практическая часть исследования была проведена на базе ПКБ им. Ганнушкина в процессе работы с пациентами стационара.

Авторская программа включает несколько блоков занятий. Блоки могут быть по-разному скомбинированы, исходя из состава реабилитационной группы и специфики контингента, с учетом времени пребывания в стационаре и количества проведенных занятий. Внутри каждого блока представлены как практически направленные упражнения, способствующие тренировке когнитивных навыков и созданию позитивного подкрепления, так и специфические задания диагностического характера. Занятия устроены по принципу безошибочного обучения.

Занятия иностранным языком позволяют проводить как мониторинг общего состояния пациентов (настроение, комплаентность и т.д.), так и оценку когнитивных функций в их динамике на фоне получаемого в стационаре лечения. Информативны и задания, работающие с абстрактным мышлением – метод свободных ассоциаций внутри языка. Особая роль отведена упражнениям на образование фраз: язык представляется в виде конструктора, что позволяет формировать у пациентов причинно-следственное мышление, развивать комбинаторику. Это подготавливает пациентов к работе на когнитивно-поведенческих тренингах, каковые, будучи нацеленными на анализ мышления и формирование здоровых паттернов поведения, эффективно применяются в дневных стационарах.

Главный принцип программы – достижение непосредственного положительного результата после каждого занятия. Пациенты получают практический навык: рассказать о себе, своем настроении, профессии, эмоциях. Подбор тем и лексики обусловлен мотивационными и реабилитационными задачами. *Реабилитационные*: возможность говорить о своем состоянии, умение работать в группе, замечать и комментировать чувства ее участников. *Мотивационные* – занятие иностранным языком – это очень «нормальное» дело, из мира, из которого пациенты оказались вырваны.

Пациентам занятия были представлены как тренинг когнитивных навыков в рамках досуговой деятельности. Поскольку практически все пациенты отмечают снижение когнитивной функции на фоне медикаментозного лечения, с их стороны присутствует высокая мотивация.

Разработанная в рамках междисциплинарного подхода программа реабилитационной лингвотерапии является перспективным инструментом, который может быть применен как в рамках стационарного лечения, так и за его пределами, позволяя повысить эффективность оказываемой комплексной терапии, улучшить качество жизни пациентов и снизить риск рецидива кризисного состояния.

Динамика восприятия симуляционного обучения студентами-медиками

Симуляционное обучение, студенты-медики, высокотехнологические тренажеры

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в современном мире большое внимание уделяется образованию в медицинской сфере: все чаще студенты-медики используют высокотехнологические тренажеры для отработки практических навыков будущих врачей, последиplomного обучения [2, 3]. Новая учебная деятельность предъявляет к студентам большие требования к их адаптации: при обучении могут возникать сложности, связанные со спецификой ситуации обучения, такие как низкая психологическая реалистичность ситуации, отсутствие реальной коммуникации пациент-врач, что в свою очередь влияет на адаптацию и выгорание студентов-медиков [1]. В исследовании использовались такие эмпирические методы, как метод фокусных групп и методика «SF-36». Также использовались математико-статистические методы (описательные статистики, коэффициент корреляции Спирмена) и качественный тематический анализ. Выборку составили 173 студента, принявших участие в фокус-группах, из них 34 приняли участие в методике sf-36.

В результате качественного анализа было выделено 6 тематических блоков, 2 из которых описывают эмоциональную оценку ситуации симуляционного обучения и 4 – факторы, влияющие на адаптацию к этому обучению. При сравнении выраженности тематических блоков на каждом курсе отмечается, что для всех групп, за исключением 3 курса, характерно преобладание отрицательного отношения к обучению. При анализе динамики отношения студентов разных курсов можно отметить, что на 4 курсе привлекательность данного вида обучения резко снижается. Студенты старших курсов чаще отмечают негативные аспекты обучения, такие как несформированность навыков, сложность переноса навыка в реальную практику и организационные трудности.

Установлено, что оказывающим наибольшее влияние на адаптацию студентов-медиков всех курсов к данному виду обучения является ситуационный фактор, основное содержание которого студенты связывают с нереалистичностью, заключающейся в отличии симуляторов и живых людей. Вторым по выраженности и влиянию на адаптацию является индивидуально-психологический фактор, который отражает установки в отношении симуляционного обучения, а также переживания, возникающие в работе с симуляторами и при переносе навыков.

При анализе динамики выраженности организационного фактора, можно отметить, что на старших курсах усиливается его влияние. Студенты отмечают больше сложностей попадания в симуляционный центр, ограниченность формируемых навыков, низкое качество оборудования и недостаток многократного повторения. Содержание организационного фактора преобладает на старших курсах, в частности категория недоступности данного вида обучения, в то время как на младших курсах он выделен в меньшей степени.

Межличностный фактор имеет относительно равномерное распределение у всех групп студентов, при этом наиболее сильно выражен на третьем курсе и у врачей-ординаторов.

При проведении корреляционного анализа с помощью критерия корреляций Спирмена не было обнаружено значимых корреляций между группами студентов-медиков по показателям Качества жизни. Данные результаты могут быть связаны с малочисленностью группы и сложностями набора выборки.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что особенности восприятия симуляционного обучения отличаются в зависимости от курса обучения.

1. Тромбчиньски П.К., Исурина Г.Л., Грандилевская И.В., Тарарыкова В.О. Психологическая адаптация студентов-медиков к обучению с использованием симуляционных технологий // XVI международный междисциплинарный конгресс «Нейронаука для медицины и психологии». – 2020. – С. 460–461.
2. Issenberg S.B., McGaghie W.C., Petrusa E.R., Lee Gordon D., Scalese R.J. Features and uses of high-fidelity medical simulations that lead to effective learning: a BEME systematic review. *Med Teach.* – 2005 Jan. – 27(1). – P. 10–28.
3. Lee J.J., Yeung, K.C., Clarke, C.L., Yoo, J. Nursing Students' Learning Dynamics and Perception of HighFidelity Simulation-Based Learning // *Clinical Simulation in Nursing.* – 2019. – Т. 33. – С. 7–16.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-25-00159).

Внутренняя картина болезни у пациентов с наркотической и алкогольной зависимостями

Внутренняя картина болезни, наркотическая и алкогольная зависимости, анозогнозия

Количество лиц, зависимых от химических веществ в России, увеличивается с каждым годом. При этом существует проблема в плане самостоятельного распознавания зависимости у себя, что сказывается на отсутствии обращения за помощью. Данный феномен известен как анозогнозия [1]. В аддиктологии анозогнозия является важнейшим аспектом внутренней картины болезни (ВКБ) [2]. ВКБ влияет на эмоциональные реакции заболевшего человека, а также на его планы в отношении дальнейшего лечения [3]. В настоящее время существует ряд работ, в которых раскрыты особенности ВКБ у лиц с алкогольной зависимостью, с опиоидной зависимостью, осложненной вирусным гепатитом С, однако работы, в которых проводился бы сравнительный анализ ВКБ у лиц с алкогольной и наркотической зависимостями, нами не были обнаружены, хотя на наш взгляд это являлось бы важным вкладом в понимание не только психологических механизмов приверженности к лечению, но и в разработке эффективных реабилитационных программ с учетом более глубоких представлений о психике больного.

Методы исследования. В работе были использованы такие методики, как: «Краткий общий опросник оценки статуса здоровья» SF-36; Опросник «Личностный смысл болезни»; Опросник САН; «Интегративный тест тревожности»; «Краткий опросник восприятия болезни» В-IPQ. Статистический критерий, используемый в работе – U-критерий Манна-Уитни.

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось на базе Московского научно-практического центра наркологии. Всего участвовало 46 мужчин в возрасте от 18 до 53 лет с синдромом алкогольной зависимости (F10.2) и с синдромами зависимости от опиоидов, каннабиноидов, галлюциногенов (F11, F12, F16). В каждой группе было по 23 испытуемых.

Результаты. Проведенное исследование выявило статистически достоверные различия на чувственном, эмоциональном, когнитивном и мотивационном уровнях ВКБ. Так, анализируя показатели чувственного уровня, были выявлены достоверные различия в физическом (PF: 93,3 в первой группе и 86,3 во второй; Uэмп = 151) и социальном функционировании (SF: 65,2 и 52,8 соответственно; Uэмп = 174).

Анализ эмоционального уровня ВКБ показал статистически достоверные различия в астеническом компоненте (5,5 и 3,8 соответственно, Uэмп = 167) и в общем уровне ситуативной тревожности (5,3 и 3,7 соответственно, Uэмп = 154,5).

Анализ когнитивного уровня ВКБ выявил целый набор статистически достоверных различий по ряду шкал: «Контроль лечения», «Последствия заболевания», «Течение», «Идентификация» и «Эмоциональное реагирование».

Анализ мотивационного уровня ВКБ выявил статистически достоверные отличия по шкале «Вызов» (0,8 и 1,4 соответственно, Uэмп = 164), что говорит о том, что лица с синдромом алкогольной зависимости признают зависимость как тяжелый этап, который необходимо преодолеть.

Выводы. Таким образом, полученные результаты говорят о том, что для лиц с алкогольной зависимостью характерны низкий уровень социального функционирования, средний уровень ситуативной тревожности, высокие показатели общего состояния здоровья, в то время как наркозависимым свойственна высокая истощаемость, низкие показатели активности, а также меньшая осознанность своего заболевания. Полученные результаты позволили разработать практические рекомендации для специалистов, работающих с данным контингентом, в целях повышения качества жизни людей с зависимостями.

1. Голованова Н.А., Саутина Т.В. Наркологическая анозогнозия в психиатрическом стационаре принудительного лечения специализированного типа: актуальность проблемы и перспективы работы // Омский психиатрический журнал. – 2020. – № 2 (25). – С. 12–16.
2. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. – М.: Медицина, 1977. – 112 с.
3. Савченко Д.В. Профилактика аддиктивного поведения у подростков и молодежи: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Д.В. Савченко, Е.И. Дубровинская. – М.: ООО «Перспектива», 2015. – 82 с. ISBN 978-5-88045-282-8.

Неопределенность у пациентов с онкологическими заболеваниями

Неопределенность, совладающее поведение, онкология

Актуальность. Неопределенность в различной степени присутствует во время болезни, особенно у пациентов с онкологическими заболеваниями [1]. Когда пациенты сталкиваются с непонятными и непредсказуемыми событиями, которые не соответствуют их опыту, эти события воспринимаются как трудноуправляемые, вследствие чего усиливается дистресс и снижается качество жизни, что негативно сказывается на процессе лечения [2]. В связи с чем актуальным является исследование неопределенности и совладающего поведения у онкологических пациентов.

Цель исследования. Оценить совладающее поведение пациентов с разным уровнем неопределенности.

Материалы и методы. 134 онкологических пациента с различными видами онкологических заболеваний, получающих противоопухолевую лекарственную терапию, приняли участие в исследовании. Среди них 15 мужчин и 119 женщин, средний возраст 51,54 года. С I стадией 11,83% пациентов, со II стадией – 21,51%, с III стадией – 18,28%, с IV стадией – 20,43%.

Методологическая основа исследования – модель неопределенности в болезни М. Мишель, транзактная модель стресса и копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман, теория психической травмы Р. Янофф-Бульман. Психодиагностический комплекс включал опросник «COPE» в адаптации Гордеевой Т.О., Осина Е.Н., Рассказовой Е.А. (2010), «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (модифицированный вариант) в адаптации Сирота Н.А., Ялтонский В.М. (1994), «Шкала базисных убеждений» в адаптации Падун М.А., Котельникова В.А. (2008), «Самоэффективность в отношении лечения» Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. (2016), «Шкала неопределенности в болезни» (MIUS-A) Мишель М. (1982), «Шкала депрессии А. Бека» (BDI) в адаптации Тарабриной Н.В. (2001) и «Шкала тревоги А. Бека» (BAI) Бек А.Т., Стир Р.А. (1993).

Математическая обработка проведена с помощью Excel и Statistica, версия 10.0.1011. С помощью кластерного анализа (k-means) выделены две группы онкологических пациентов по уровню неопределенности (умеренная (УН) и выраженная (ВН)), при сравнении этих групп использован t-test.

Результаты исследования. Пациенты с УН значимо чаще группы с ВН принимают реальность стрессовых событий, вызванных заболеванием, стараются переосмыслить и найти положительные моменты. При этом они реже, чем группа с ВН, фокусируются на негативных эмоциях, не избегают целей, сопряженных с условиями дистресса, и не используют «успокоительные» для улучшения самочувствия.

Онкологические пациенты в целом выражают доверие окружающему миру и считают его относительно безопасным, а себя хорошими людьми. При этом пациенты с ВН, в отличие от группы с УН, полагают, что окружающий мир к ним несправедлив. Кроме того, они в меньшей степени уверены в том, что способны контролировать происходящие с ними события.

По мнению онкологических пациентов, наиболее выраженную социальную поддержку они ощущают со стороны семьи и значимых других, а наименьшую со стороны медицинской службы. При этом пациенты с УН в среднем ощущают более выраженную социальную поддержку по сравнению с группой ВН. Пациенты с УН в большей мере уверены, что их действия, связанные с процессом лечения, приводят к прогнозируемому результату.

Уровень тревоги в обеих группах не превышает среднего значения, при этом у пациентов с ВН он значимо выше по сравнению с группой с УН. Показатели депрессии среди пациентов с УН низкие, в то время как у пациентов с ВН проявляются отдельные симптомы.

1. Сирота Н.А. & Фетисов Б.А. Феномен неопределенности при соматических заболеваниях // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. – 2024. – № 44(1). – С. 69–83. [Электронный ресурс]. – URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=594> (дата обращения: 20.05.2024).
2. Mishel M.H. Uncertainty in illness *Journal of Nursing scholarship*. The journal of nursing scholarship. – 1988. – 20(4). – P. 225–232. Doi: 10.1111/j.1547-5069.1988.tb00082.x

Нарушения эмоциональной регуляции в зависимости от способа и давности несуицидальных самоповреждений

Несуицидальное самоповреждающее поведение, эмоциональная регуляция, молодой возраст

Несуицидальное самоповреждающее поведение (НСП) является одним из распространенных поведенческих нарушений у лиц молодого возраста. Ведущей функцией и механизмом НСП, согласно исследованиям, выступает эмоциональная регуляция [1–3]. Недостаточно изученной остается связь между факторами эмоциональной регуляции, способами и временем последнего самоповреждения. Исследование этой связи – цель данной работы.

Процедура и выборка. Сбор данных осуществлялся в смешанной форме: очно и онлайн. Участие в исследовании предварялось информированным согласием. Совокупная выборка – 325 респондентов в возрасте от 15 до 35 лет ($M_{возр.} = 23,4 \pm 4,2$), из них 84,9% женщины, 73,5% с высшим образованием, 95,1% проживают в РФ.

Методики. Опросники эмоциональной регуляции Дж. Гросса (Панкратова, Корниенко, 2017) и эмоциональной дисрегуляции (Польская, Разваляева, 2017). Проявления НСП оценивались с помощью авторской анкеты – наличие/отсутствие самоповреждений, способы, время последнего самоповреждения.

Результаты. 48,9% респондентов подтвердили, что причиняли себе намеренный физический вред несуицидальной направленности. У них были выявлены значимо более высокие показатели эмоциональной дисрегуляции ($p < 0,001$) – руминация, избегание, трудности ментализации, – и стратегии эмоциональной регуляции – подавление экспрессии ($p < 0,01$); стратегия когнитивной переоценки значимо выше оказалась у респондентов без НСП ($p < 0,001$).

При разделении группы с самоповреждениями на подгруппы с более тяжелыми (порезы, удары, ожоги, проколы кожи) и менее травмоопасными самоповреждениями (расчесывание кожи, выдергивание волос, сковыривание болячек и др.) значимых различий по факторам эмоциональной регуляции/дисрегуляции получено не было, за исключением более высоких показателей по шкале избегания в подгруппе с более тяжелыми самоповреждениями ($p < 0,01$).

Различий не было выявлено и между группами с одним или множественными способами самоповреждения.

При сравнении групп в зависимости от времени последнего самоповреждения («менее месяца назад» – «от одного до трех месяцев» – «более трех месяцев назад») были выявлены значимые различия только по шкале избегания с более высокими показателями у респондентов, отметивших последнее самоповреждение менее месяца назад.

Выводы. Таким образом, при несуицидальных самоповреждениях более выражены показатели эмоциональной дисрегуляции и стратегия эмоциональной регуляции – подавление экспрессии. Стратегия когнитивной переработки более выражена у респондентов без самоповреждающего поведения. По всей видимости избегание переживаний является одним из ключевых механизмов формирования готовности к причинению себе намеренного физического вреда; возможно, это относится и к самоповреждениям суицидальной направленности, что требует эмпирической проверки. В этом контексте следует уточнить роль способа и времени последнего самоповреждения. Не исключено, что даже незначительные с медицинской точки зрения самоповреждения, а также расширение их диапазона свидетельствуют о серьезных психологических дисфункциях.

1. Зинчук М.С., Аведисова А.С., Гехт А.Б. Несуицидальное самоповреждающее поведение при психических расстройствах непсихотического уровня: эпидемиология, социальные и клинические факторы риска // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2019. – Т. 119, № 3. – С. 108–119.
2. Польская Н.А. Нарушения эмоциональной регуляции при самоповреждающем поведении // Психологический журнал. – 2018. – Т. 24, № 4. – С. 27–37.
3. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: Автореф. дис. ... д. психол. н.: 19.00.04 / Польская Наталия Анатольевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – М., 2017. – 51 с.

Взаимосвязь уровня созависимости личности и дисфункциональных установок

Созависимость личности, алекситимия, дисфункциональные установки

Увеличение сложности, объема и противоречивости информации, с которой постоянно сталкивается личность, влияние семьи на структурирование и объяснение этой информации часто способствуют развитию эмоциональной нестабильности и отдаляют человека от самого себя, что, в свою очередь, может стать причиной развития созависимости.

Основные механизмы, ведущие к созависимости, находятся в фокусе изучения психологии на протяжении многих лет. Они были раскрыты в трудах Старшенбаума Г.В., Москаленко В.Д., Емельяновой Е.В., Винникотт Д.В., Джудит С., Сатир В. и других.

Примечательно, что до конца XX века проблема созависимости не выделялась в отдельную исследовательскую тему, и до сих пор данный феномен сложно диагностируется, поскольку в большинстве своем люди считают особенности созависимого поведения уже сложившейся нормой, а не отклонением от нее. К особенностям созависимого поведения относят: постоянное желание помочь другому человеку, навязчивые попытки принудить другого человека к определенному поведению, расплывчатость своих границ и непонимание чужих границ, неумение идентифицировать личные мысли, чувства и потребности, подавляемые чувство гнева и агрессию, перманентное чувство вины, заниженную самооценку, потребность в одобрении другими, отрицание наличия проблемы [1; 2].

Известно, что созависимые люди нестабильны и ориентированы на групповое мышление, малообщительны вне объекта созависимости, отличаются повышенной восприимчивостью и тревожностью, низкой стрессоустойчивостью, заниженной самооценкой, отрицают свои чувства или же не умеют их идентифицировать и контролировать, преобладающими у них становятся чувство стыда, вины, подавляемое чувство гнева [1; 2; 4].

Исходя из теоретического анализа проблемы, в эмпирическом исследовании, мы сделали предположение о том, что уровень созависимости личности связан с уровнем дисфункциональных установок и с алекситимией.

В исследовании использовались опросники:

1. Шкала дисфункциональных установок А. Бека и А. Вейсман
2. Шкала созависимости Берри и Дж. Уайнхолд
3. Торонтская алекситимическая шкала (адаптированная институтом им. В.М. Бехтерева)

В исследовании принимали участие 54 человека в возрасте от 27 до 42 лет (средний возраст 34 года) из них 26 мужчины и 28 женщины, все состоят в официальных или неофициальных отношениях больше года.

По результатам исследования была обнаружена прямая сильная связь между созависимостью и дисфункциональными убеждениями ($r_s = 0,738$ при $p < 0,01$), которые, согласно опроснику, были усвоены личностью в родительской семье и транслировались супругу в семье актуальной. Также была обнаружена положительная связь между созависимостью и алекситимией ($r_s = 0,541$, при p значение $< 0,01$). При этом было отмечено, что у респондентов с высокой выраженностью дисфункциональных убеждений преобладает высокая же степень выраженности зависимых моделей поведения, а у респондентов со средней степенью созависимости в большинстве случаев (60%) превалирует средняя степень выраженности дисфункциональных установок, в том числе проявляемых в конфликтных ситуациях и в функциональном отношении к партнеру.

В исследовании был сделан вывод о том, что уровень созависимости личности в большей степени связан с дисфункциональными установками и в меньшей степени с невозможностью осознавать собственные чувства.

1. Манухина Н.М. Созависимость глазами системного терапевта. – М.: Независимая фирма «Класс», 2017. – 336 с.
2. Москаленко В.Д. Возвращение к жизни. Как один человек может изменить судьбу семьи. – М.: Никея, 2020. – 304 с.
3. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. Издание второе, переработанное / Перевод с английского А.Г. Чеславской. – М.: Независимая фирма «Класс», 2019. – 364 с.
4. Matts-Ola Ishoel. How To Build A Winning Team. Serving God Together. – Moscow: Golden Pages, 2016. – 168 p.

Особенности переживания одиночества у больных шизофренией в период реабилитации

Переживание одиночества, шизофрения, реабилитация

Больные шизофренией в большей степени подвержены переживанию одиночества в связи с нарушением социального функционирования, клинической картиной заболевания и стигматизацией [2]. После госпитализации условия жизни пациентов и пережитый ими опыт препятствуют восстановлению прошлых отношений [1], у них появляется ощущение, что они не являются полноправными членами общества [3]. Переживание одиночества людьми с психическими заболеваниями, в том числе с шизофренией, является малоисследованной областью, особенно в отечественной литературе.

Целью исследования являлось изучение особенностей переживания одиночества в период реабилитации у больных шизофренией и их связей с личностной тревожностью, социальной тревогой, особенностями межличностных отношений и самооценкой. В исследовании приняли участие 70 человек: 30 пациентов с диагнозом шизофрения (18 женщин и 12 мужчин, средний возраст: $38 \pm 13,49$), которые посещают дневные стационары ПНД, и 40 условно здоровых людей (23 женщины и 17 мужчин, средний возраст: $38 \pm 14,04$).

Используемые методы: клинико-психологическое интервью, дифференциальный опросник переживания одиночества (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев), шкала оценки уровня личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросник социальной тревоги и социофобии (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев), субъективная оценка межличностных отношений (С.В. Духновский) и опросник измерения самооценки (Б. Уайнхолд).

Было выявлено, что больные шизофренией чаще задумываются об одиночестве (63,3%), чем переживают его (50%); чаще ориентируются на внешние факторы (56,7%), чем на свои внутренние переживания (26,7%) при описании одиночества и его причин. Пациенты и условно здоровые люди достоверно различаются по выраженности актуального переживания одиночества ($p = 0,016$) и зависимости от общения ($p = 0,007$): у больных шизофренией более выражены переживания изоляции, нехватки эмоциональной близости и стремление избегать ситуаций уединения.

Выявлен более высокий уровень личностной тревожности ($p = 0,034$) и социальной тревоги ($p = 0,002$), большая напряженность ($p = 0,025$) и отчужденность ($p = 0,01$) в межличностных отношениях у пациентов с шизофренией по сравнению с условно здоровыми людьми. Значимых различий по уровню самооценки между группами не обнаружено. В структуре связей переживания одиночества и клинико-психологических характеристик у больных шизофренией выделены следующие факторы: дистанцирование – отдаление в связи с социальной тревогой; остракизм – «выключение» из отношений; аскетизм – субъективная отгороженность от широкого круга общения.

Актуальное переживание одиночества и негативные чувства, связанные с пребыванием в одиночестве, у всех респондентов связаны с высоким уровнем личностной тревожности, с высоким уровнем социальной тревоги, с напряженностью отношений, с проявлениями конфликтности и агрессивности в отношениях.

Таким образом, выявлены некоторые особенности переживания одиночества больными шизофренией и их связи с исследуемыми клинико-психологическими характеристиками. Полученные результаты могут использоваться в разработке программ индивидуальной и групповой психотерапии для больных шизофренией в рамках дневных стационаров ПНД.

1. Andersson G. et al. Aloneness and loneliness – persons with severe mental illness and experiences of being alone // *Scandinavian Journal of Disability Research*. – 2015. – Vol. 17, № 4. – P. 353–365.
2. Chrostek A. et al. The intensity and correlates of the feelings of loneliness in people with psychosis // *Comprehensive Psychiatry*. – 2016. – Vol. 70. – P. 190–199.
3. Ritsher J.B. et al. Internalized stigma of mental illness: psychometric properties of a new measure // *Psychiatry research*. – 2003. – Vol. 121, № 1. – P. 31–49.

Влияние субъективного переживания одиночества на совладающее поведение у женщин с раком молочной железы

Субъективное переживание одиночества, совладающее поведение, рак молочной железы

Актуальность проблемы исследования. Рак молочной железы (РМЖ) – одно из самых распространенных онкологических заболеваний и основная причина смертности от рака среди женщин. Пациенткам с симптомами рака молочной железы требуется не только качественное и эффективное медицинское обслуживание, но и психологическое сопровождение. Онкологическое заболевание является значимым стрессогенным фактором, оказывающим влияние на восприятие повседневной жизни. Женщины сталкиваются с переменами в мотивационно-ценностной и эмоционально-личностной сферах, которые приводят к изменению межличностных отношений [3]. В частности, трансформация личностного и социального функционирования может сопровождаться переживанием пациентками субъективного одиночества, что в свою очередь способно изменить эффективность совладающего поведения [2]. Совладающее поведение рассматривается как динамический процесс, направленный на решение жизненных трудностей, с целью снижения стресса и повышения благополучия личности [1]. Таким образом, исследование влияния субъективного переживания одиночества на совладающее поведение позволит лучше понять психологические механизмы, которые влияют на процесс борьбы с онкологическим заболеванием, а также разработать более эффективные методы психологической поддержки и реабилитации женщин с раком молочной железы.

Цель работы: изучить влияние субъективного переживания одиночества на совладающее поведение женщин с РМЖ. В пилотажном исследовании приняли участие 15 пациенток с раком молочной железы. Для проведения исследования были использованы методики: «Шкала субъективного переживания одиночества» (автор: С.В. Духновский), «Шкала психологического стресса, PSM-25» (авторы: R. Tessier, L. Lemyre, L. Fillion; адаптация: Н.Е. Водопьянова), «Опросник совладания со стрессом, COPE» (авторы: С. Carver, M. Scheier, J. Weintraub; адаптация: Т.О. Гордеева, Е.Н. Осин, Е.И. Рассказова и др.), «Проактивное совладающее поведение, PCI» (авторы: E. Greenglass, R. Schwarzer; адаптация: Е.С. Старченкова). Респонденты были разделены на две группы: с низкими и с высокими показателями субъективного переживания одиночества.

Полученные результаты. Данные группы различаются по шкалам методики «Опросник совладания со стрессом, COPE»: юмор ($p = 0,049$) и подавление конкурентной деятельности ($p = 0,037$). Для группы пациенток с низкими показателями субъективного переживания одиночества характерно использование копинг-стратегии «юмор». Они используют юмор как инструмент для совладания со страхами по поводу заболевания. Для группы пациенток с высокими показателями субъективного переживания одиночества специфичным является использование копинг-стратегии «подавление конкурентной деятельности». Они фокусируются на активном совладании со стрессовой ситуацией, избегая отвлечения на другие сферы жизни. Таким образом, существуют различия в выборе копинг-стратегий в зависимости от уровня субъективного переживания одиночества. На данный момент исследование продолжается, возможно, увеличение выборки покажет иные закономерности.

1. Андреева В.А. Стратегии совладающего поведения: обзор российских и зарубежных исследований // Вестник науки. – 2024. – № 5(74).
2. Белова Е.В. Субъективное переживание одиночества женщинами с различным семейным статусом // МНИЖ. – 2022. – № 1-2 (115).
3. Сафронова Д.В., Могилатова А.А., Болучевская В.В. Психологические особенности женщин с онкологическим заболеванием молочных желез // Скиф. – 2023. – № 1(77).

Шишкова А.М.

Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева Минздрава России

Бочаров В.В.

Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева Минздрава России,
ФГБОУ ВО СПбГПМУ

Черная Ю.С.

Санкт-Петербург, ФГБУ НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева Минздрава России

Семья как фактор стабилизации ремиссий у больных с аффективными расстройствами

Аффективные расстройства, семейная психотерапия, психообразовательные программы, родственники больных

Несмотря на то, что фармакотерапия является ведущим методом в лечении больных с аффективными расстройствами, ее применение не всегда приводит к полному исчезновению симптомов и стабилизации ремиссии у таких больных. Современное понимание патогенеза этого заболевания, осуществляемое через призму биопсихосоциального подхода, определяет важность изучения эффективности других интервенций при стабилизации ремиссий у больных с аффективными расстройствами.

Исследования показывают, что в качестве научно обоснованных интервенций, продемонстрировавших свою эффективность в качестве вспомогательных методов лечения и реабилитации больных с аффективной патологией, можно рассматривать семейную психотерапию и психообразовательные программы для членов семьи.

В рамках семейно-ориентированных психотерапевтических подходов анализируются различные параметры семейной системы, в частности, семейные роли, уровень аффективной вовлеченности и отзывчивости членов семьи. В качестве «мишеней» психотерапевтических интервенций выступают различные проявления дисфункциональности семейных отношений, особое место среди которых занимают гипервовлеченность и, так называемая, чрезмерная эмоциональность (*expressed emotion*) родственников. Чрезмерная эмоциональная вовлеченность, как правило, проявляется в резкой критике, враждебности и/или выраженном погружении родственников (родителей, супругов, сиблингов) в дела пациента, сочетающемся с ограничением его самостоятельности в действиях и принятии решений.

Психообразовательные программы для родственников пациентов фокусируются на симптомах и этиологии биполярного расстройства, вопросах о фармакотерапии, различиях во взглядах на расстройство между пациентом и членами семьи, улучшении коммуникативных навыков (например, навыков активного слушания, предоставления обратной связи, формирования запроса на изменение деструктивного поведения больного), навыков решения проблем. Акцент, как правило, делается на профилактику рецидивов.

Исследования показывают, что применение семейно-ориентированной психотерапии и психообразовательных программ для членов семьи больного в качестве вспомогательных методов лечения и реабилитации больных с аффективной патологией не оказывает значительного влияния на стабилизацию ремиссий в короткий промежуток времени. Большинство результатов проявляется уже после окончания психотерапевтических и психообразовательных интервенций, что указывает на их отсроченный эффект.

Проведенный литературный обзор показывает, что в настоящее время не представляется возможным определить наиболее эффективный вид семейно-ориентированных интервенций. Кроме того, отмечается острый недостаток данных о длительности и глубине ремиссии пациентов с аффективными расстройствами в контексте их связи с индивидуально-психологическими особенностями, поведением, психическим состоянием и семейным функционированием близких, вовлеченных в опеку.

Взаимосвязь восприятия семейных отношений с выраженностью посттравматического роста/обесценивания у родственников, обеспечивающих помощь и уход за больными с травмами головного и спинного мозга

ЧМТ, травмы головного и спинного мозга, родственники, посттравматический рост, посттравматическое обесценивание

Исследования в области психологии родственников пациентов, неспособных ухаживать за собой из-за болезни или травмы, в основном сосредоточены на изучении феноменов «бремени», «выгорания» и различных проявлений дистресса у опекающих близких. Личностные преобразования, происходящие в когнитивной сфере родственников под воздействием хронического стресса/психотравматизации в ситуации болезни близкого и приводящие к трансформации базовых (претравматических) представлений о себе и окружающем мире, остаются мало изученными. К таким феноменам, в частности, относятся посттравматический рост/посттравматическое обесценивание (ПТР/ПТО).

В отечественной литературе нам удалось найти лишь единичные работы, посвященные изучению ПТР/ПТО у больных или их близких [1, 2].

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи между восприятием семейных отношений и выраженностью посттравматического роста/обесценивания у родственников, обеспечивающих помощь и уход за больными с травмами головного и спинного мозга.

В исследовании приняли участие 35 родственников, опекающих пациентов с травмами головного и спинного мозга (МКБ Т.90.5, Т.91.3, S06). Средний возраст родственников составил 50,96 [SD = 16,75] года, средний возраст пациентов – 48,82 [SD = 18,07] года.

В качестве методов исследования выступали Опросник Посттравматического Роста и Посттравматического Обесценивания (ОПРПО), представляющий собой русскоязычную версию методики «Posttraumatic Growth and Posttraumatic Depreciation Inventory – Expanded version» (PTGDI-X), а также Шкала семейного окружения (ШСО). В ходе беседы заполнялась стандартизованная клиническая регистрационная карта. Для определения меры связи между показателями применялся коэффициент корреляции Спирмена.

Анализ корреляций показал наличие множественных разнонаправленных взаимосвязей между показателями ПТР/ПТО (методика ОПРПО) и переменными, отражающими характер восприятия семейных отношений (методика ШСО) у родственников пациентов с последствиями внутричерепных травм и травм спинного мозга.

Наибольшее количество положительных взаимосвязей выявляется между показателями ПТР и выраженностью ощущения открытости внутрисемейных взаимоотношений. Так, показатель шкалы «Экспрессивность» коррелирует со значениями шкалам «Отношение к другим» ($p < 0,01$), «Новые возможности» ($p < 0,01$) и «Духовные изменения» ($p < 0,05$). В то же время показатели ПТО обнаружили наибольшее количество связей с оценками по шкале «Организация», коррелирующей с четырьмя из пяти факторов, описывающих возможные направления негативных преобразований ценностно-смысловой сферы опекающего родственника.

Таким образом, выраженность позитивных личностных трансформаций, переживаемых родственником в ситуации болезни близкого, во многом, сопряжена с ощущением свободы в выражении собственных чувств в кругу семьи, в то время как ощущение отсутствия гибкости правил внутрисемейного взаимодействия связано с негативной трансформацией базовых представлений о себе и окружающем мире.

1. Сергиенко А.И., Холмогорова А.Б. Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 8–26. doi: 10.17759/cpp.2019270202
2. Шишкова А.М., Бочаров В.В., Цыганкова Е.С., Черная Ю.С. Взаимосвязь социально-демографических и психологических факторов с выраженностью посттравматического роста/обесценивания у родственников больных с церебральной патологией // Всероссийский конгресс с международным участием «Психическое здоровье в меняющемся мире», 23–24 мая 2024 года, Санкт-Петербург / Под общ. ред. Н.Г. Незнанова. – СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2024. – С. 224–225.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-25-00090, <https://rscf.ru/project/23-25-00090/>.

Отношение к болезни и лечению пациентов с нарушением ритма сердца в период подготовки к хирургической операции

Нарушения ритма сердца, отношение к болезни, приверженность лечению, дооперационный период

Актуальность исследования определяется ролью психологических факторов в течении и лечении аритмий сердца, среди которых особое место занимает отношение к болезни и лечению пациентов в период подготовки к хирургической операции в силу его потенциального, но малоизученного влияния на периоперационный период и долгосрочный прогноз [2, 4].

Материал и методы. Исследованы 77 пациентов с нарушениями ритма сердца (средний возраст $57,09 \pm 13,6$ года; мужчины – 44,2%) за 1–2 дня до операции радиочастотной абляции (РЧА) по программе fast-track. Среди клинических диагнозов наиболее часто встречалась фибрилляция предсердий (62,3%); пароксизмальная форма (50,6%) встречалась чаще, чем персистирующая (22,1%); средняя длительность заболевания $5,92 \pm 0,58$ года. Среди пациентов преобладали лица со средним образованием (62,0%), 42,9% пациентов постоянно работают, 41,6% – на пенсии; 68,8% пациентов имеют собственную семью; более $\frac{1}{4}$ пациентов одиноки.

С помощью авторского структурированного интервью и анкеты для врачей были изучены основные компоненты внутренней картины болезни (ВКБ) [1], использован «Краткий опросник восприятия болезни» (КОВБ) [3].

Результаты. По данным интервью, 54,5% пациентов имеют общее представление о своем кардиологическом заболевании, а также о предстоящей операции (55,8%); в группе не встретились пациенты, полностью не осведомленные о своей болезни и методе лечения РЧА, в то время как ясное представление о них имеют 42,0% и 40,3% пациентов соответственно. В то же время полностью не осведомлены о протекании послеоперационного периода 19,5% пациентов, а самое общее представление имеют 63,6% больных. Выявлено, что 73 (94,8%) связывают ухудшение физического состояния с эмоциональным стрессом. Наибольшие ограничения жизнедеятельности проявились в снижении способности выдерживать физические нагрузки (42,9%) и снижении работоспособности (24,7%). Подавляющее большинство пациентов связывают с РЧА надежды на улучшение самочувствия (98,7%) и сохранение трудоспособности (92,2%). Анкетирование врачей показало, что 81,8% пациентов привержены лекарственному лечению, в то же время привержены правильному образу жизни в условиях болезни менее половины пациентов (48,1%), а 19,5% пациентов не привержены ему.

Анализ данных методики КОВБ показал, что наиболее высокую оценку имеет шкала «Обеспокоенность болезнью» ($M = 8,01$; $\sigma = 2,29$); при высокой оценке шкалы «Понятность болезни» ($M = 7,87$; $\sigma = 2,34$) оценка шкалы «Личный контроль» ($M = 6,04$; $\sigma = 2,58$) имеет минимальное значение: понятность болезни и вера в лечение имеют оценки выше, чем оценка своей возможности контролировать заболевание.

Закключение. Полученные данные могут служить ориентирами для психологической подготовки пациентов с нарушением ритма сердца к операции РЧА. Показана необходимость формирования более ясного представления пациентов о протекании послеоперационного периода, а также необходимость усиления мотивации и ответственности пациентов в лечебном процессе и в соблюдении рекомендаций по контролю поведенческих факторов риска (образа жизни).

1. Васильева А.В., Караваева Т.А., Мизинова Е.Б., и др. Разработка конструкта внутренней картины болезни для оптимизации медико-психологической реабилитации // Экология человека. – 2019. – № 12. – С. 32–39.
2. Трифонова Е.А., Чернорай А.В., Чумакова И.О. Роль отношения к болезни кардиологических пациентов, переживающих витальную угрозу, в формировании прогноза их психической адаптации в постгоспитальный период // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – № 6(4). – С. 157–168.
3. Ялтонский В.М., Ялтонская А.В., Сирота Н.А. и др. Психометрические характеристики русскоязычной версии краткого опросника восприятия болезни // Психологические исследования. – 2017. – № 10(51).
4. Svensson M., Nilsson U., Svantesson M. Patients' experience of mood while waiting for day surgery // Journal of clinical nursing. – 2016. – 5(17–18). – P. 2600–2608.

Болдыгин Д.Д., Кулиева А.К.
Москва, НИУ ВШЭ

Влияние эффекта «пик-конец» на восприятие скорости течения времени в условии человеко-компьютерного взаимодействия

UX, peak–end rule, восприятие времени

Правило «пик-конец» [1] – известная эвристика, утверждающая, что люди оценивают свой предыдущий опыт, опираясь на последние и наиболее интенсивные моменты. Несмотря на широкое применение в сфере UX, этот эффект еще не был напрямую рассмотрен в контексте восприятия времени. Ожидание – распространенный процесс в человеко-компьютерном взаимодействии, и понимание того, как проектировать индикаторы загрузки, может улучшить пользовательский опыт.

Большинство исследований прогресс-баров приравнивают предпочтения пользователей к ретроспективной оценке времени пользователем [2, 3], кроме того демонстрируя противоречивые результаты. Мы считаем, что в этом случае более правильным было бы опираться на восприятие скорости течения времени [4], поскольку этот концепт отражает субъективное восприятие пользователя, он может быть подвержен влиянию эффекта «пик-конец». Варьирование скорости и ее модальности в последние моменты может качественно изменить оценку всего процесса независимо от его продолжительности. Для проверки этой гипотезы было проведено экспериментальное исследование.

Выборка. В эксперименте приняли участие 24 человека (17 девушек) в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 24.5$).

Процедура. Участникам демонстрировался загрузочный индикатор продолжительностью от 3 до 7 секунд. Затем участники должны были оценить, сколько секунд продолжалась загрузка и насколько быстра она была (шкала Лайкерта 1-5). В эксперименте варьировались паттерны индикаторов: 4 условия комбинировали интенсивность позитивного и негативного опыта, а также его модальность в момент перед отчетом; также присутствовало контрольное условие с линейным паттерном.

Анализ данных. Для проверки влияния фактора паттерна был проведен ANOVA-анализ. В результате был найден значимый эффект паттерна на восприятие скорости течения времени ($F(4,115) = 9.1, p < 0.001$). Пост-хок тесты показали, что условия с максимальной скоростью, независимо от качества опыта перед оценкой, значимо отличались от контрольного условия и оценивались как более быстрые. Продолжительность хоть и влияла на оценку, но значимого взаимодействия между этими предикторами не было найдено. Это подтверждается анализом фактора Байеса в сравнении между моделями с взаимодействием и без него ($BF < 1$).

Обсуждение. Полученные результаты показывают, что пользователи скорее опираются на пиковые моменты своего опыта при оценке скорости течения времени. Наши результаты частично совпадают с имеющимися данными в этой области. Хотя мы и показали значимость пикового переживания при оценке [2], мы не обнаружили эффекта от варьирования опыта непосредственно в конце прогресс-бара, несмотря на то, что это место отмечалось как значимое для восприятия времени [3].

Мы планируем продолжить исследование в этой области. Понимание того, как правило «пик-конец» влияет на восприятие времени, поможет выделить элементы, которые могут быть изменены для улучшения опыта взаимодействия с компьютером при сохранении одинаковой продолжительности загрузки.

1. Fredrickson B.L. & Kahneman D. Duration neglect in retrospective evaluations of affective episodes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1993. – 65(1). – P. 45–55. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.65.1.45>
2. Gronier G. & Baudet A. Does progress bars behavior influence the user experience in Human-Computer interaction? // Psychology and Cognitive Sciences. – 2019. – 5(1). – P. 6–13. <https://doi.org/10.17140/pcsoj-5-144>
3. Wang Q., Kang X., & Rau P.P. The Magic of Slow-to-Fast and Constant: Evaluating Time perception of progress bars by Bayesian Model. arXiv (Cornell University), 2022. <https://doi.org/10.48550/arxiv.2211.13909>
4. Wearden J. & Wearden J. Retrospective timing and passage of time judgements // The psychology of time perception. – 2016. – P. 117–141.

Дихотомия как смыслообразующий механизм познания

Дихотомический образ мышления, чувствительность к противоречию, решение задач на выбор, процесс осмысления

Познание представляет собой деятельность по получению достоверного знания, следовательно, процесс осмысления предмета познания предполагает целенаправленную работу по выявлению и устранению некоторого субъективно значимого противоречия [1]. Предположим, что чувствительность к противоречию как когнитивная способность, позволяющая достигать полноты понимания [2], может быть обусловлена как произвольным, так и непроизвольным отражением окружающей действительности. Если произвольность представляет собой атрибут процессов контроля, необходимых для преодоления автоматических тенденций выполнения привычного, хорошо заученного действия, то контроль сопряжен и с выделением смысла деятельности, а смысл всегда рождается из «дихотомии» значений [3].

Теоретическая гипотеза нашего исследования предполагает, что выраженный в виде операции категоризации понятий дихотомический образ мышления [4, 5] сопряжен с контролируруемыми механизмами устранения смысловых лагун в пользу непротиворечивой репрезентации окружающей действительности в сознании. Следовательно, факт сознательного обнаружения дихотомии будет повышать вовлеченность в процессы осмысления.

Экспериментальная гипотеза: задача по нахождению наиболее выраженных смысловых связей в паре слов, предполагающая осознаваемый и контролируемый выбор (эксплицитный критерий), будет способствовать склонности человека к рассуждению посредством бинарных оппозиций, следовательно, испытуемые будут выбирать «дихотомические» пары чаще, чем остальные (тавтологические, нейтральные и случайные); а в случае решения задачи со свободным выбором по своему усмотрению (имплицитный критерий) испытуемый будет склонен осуществлять выбор как дихотомических, так и иных смысловых конструкций.

В рамках исследования был проведен пилотажный эксперимент с межгрупповым экспериментальным планом. Для эксперимента были составлены 23 задания, пары слов в каждом задании были представлены случайным образом. В качестве независимой переменной использовалось два условия решения задачи по виду критерия. Зависимая переменная выражена частотой выбора одной из четырех пар слов в зависимости от условия задачи: с дихотомической смысловой связью; с тавтологической смысловой связью; с нейтральной смысловой связью; без прямой смысловой связи. В эксперименте приняли участие по 5 испытуемых от 21 года до 38 лет на каждый из двух типов задания. Статистическая обработка проводилась с условием разделения групп испытуемых по критерию решения поставленной задачи.

По результатам пилотажного исследования статистическая гипотеза подтвердилась: имеются статистически значимые различия в ответах испытуемых в связи с условием решения задачи на выбор и, соответственно, с установленным критерием (имплицитным или эксплицитным). Причем при установке на поиск наиболее выраженного смыслового содержания испытуемые значимо чаще выбирают дихотомии и отказываются от случайных пар слов. Следовательно, можно сделать предварительный вывод: мышление в отношении анализа смыслового содержания различных понятий оказывается более вовлеченным в процесс исследования и контроля дихотомий, чем иных смысловых конструкций.

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс // Экспериментальная психология. Т. 1. – СПб: Издательство ДНК, 2000. – 528 с.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – Т. 685, №. 5.
3. Мамина Т.М. Влияние актуализации значений многозначного слова на восприятие и запоминание: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012.
4. Klapper A. et al. Four meanings of «categorization»: A conceptual analysis of research on person perception // Social and Personality Psychology Compass. – 2017. – 11.8. – e12336.
5. Mieda Takahiro et al. Dichotomous thinking and cognitive ability // Personality and Individual Differences. – 2021. – 169. – 110008.

Пространственные способности как предиктор успешного формирования когнитивных карт пространства в виртуальной реальности

Виртуальная реальность, когнитивные карты пространства, пространственные способности, лабиринты

Последние 20 лет в психологических исследованиях активно используются системы виртуальной реальности (VR) [5]. Они применяются для изучения когнитивных процессов, включая восприятие пространства. Однако особенности формирования когнитивных карт пространства (ККП) в VR остаются недостаточно изученными. ККП – это субъективные представления о пространственной организации внешней среды и отношениях между объектами [4]. Эти исследования важны для моделирования поведения человека в виртуальных средах, разработки тестов для оценки пространственных нарушений и методов тестирования творческих способностей.

Мы исследовали влияние пространственных способностей на формирование ККП. Пространственные способности включают понимание, рассуждение и запоминание пространственных отношений, визуализацию и мысленное вращение объектов [3]. Мы предположили, что высокий уровень этих способностей и низкий уровень пространственной тревожности [2] способствуют эффективному формированию ККП.

Для проверки гипотез мы разработали эксперимент с использованием HMD технологии VR. Испытуемые проходили виртуальные 3D-лабиринты на шлеме HTC Vive, решая задачи на пространственное или объектное внимание. Эффективность формирования ККП оценивалась методами выбора направления поворота и восстановления объектов. Испытуемые выполняли тесты на пространственные способности (King's Challenge) и заполняли опросники на пространственную тревожность и симуляторное расстройство (SSQ) [1]. Средняя длительность исследования составляла 90–100 минут.

В исследовании приняли участие 38 человек (37 женщин и 1 мужчина, средний возраст 18 лет, студенты 1 курса факультета психологии). После исключения выбросов осталось 33 участника. Обнаружены значимые корреляции между успешностью формирования ККП и пространственными способностями. Выбор правильного объекта в правильном сегменте коррелировал с 2D drawing (0.39353, $p = 0.029$), Mechanical reasoning (0.46462, $p = 0.008$), Paper folding (0.45418, $p = 0.010$), 3D drawing (0.43304, $p = 0.015$), выбор правильного объекта в правильном локаторе сегмента – с Mechanical reasoning (0.43653, $p = 0.014$), Paper folding (0.47258, $p = 0.007$), Perspective taking (0.40631, $p = 0.023$).

Субшкала пространственной тревожности «Mental Manipulation» положительно коррелировала с прохождением лабиринта (0.37723, $p = 0.030$) и отрицательно с Cross sections (-0.40469 , $p = 0.022$), Pattern assembly (-0.53454 , $p = 0.001$), Paper folding (-0.41406 , $p = 0.017$), 3D drawing (-0.32764 , $p = 0.063$), Mental rotation (-0.38444 , $p = 0.027$). Киберболезнь отрицательно коррелировала с формированием ККП: задание с завесами (-0.36756 ; $p = 0.035$), выбор объекта (-0.59027 ; $p < 0.01$), субшкалы 2D drawing (-0.45306 ; $p = 0.008$), Mechanical reasoning (-0.39253 ; $p = 0.024$), Paper folding (-0.51668 ; $p = 0.002$).

1. Ковалев А.И., Меньшикова Г.Я. Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 91–104.
2. Lyons I., Ramirez G., Maloney E., Rendina D., Levine S. & Beilock S. Spatial Anxiety: A Novel Questionnaire With Subscales for Measuring Three Aspects of Spatial Anxiety // Journal of Numerical Cognition. – 2018. – 4. – P. 526–553.
3. Rimfeld K., Shakeshaft N., Malanchini M., Rodic M., Selzam S., Schofield K., Dale Ph., Kovas Yu. & Plomin R. Phenotypic and genetic evidence for a unifactorial structure of spatial abilities // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2017. – 114. – 201607883.
4. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men // Psychological review. – 1948. – Т. 55, №. 4. – С. 189.
5. Wilson C.J., & Soranzo A. The Use of Virtual Reality in Psychology: A Case Study in Visual Perception // Computational and Mathematical Methods in Medicine, 2015.

Искажение ментальной репрезентации тела человека после погружения в VR в долгосрочной перспективе

VR, виртуальная реальность, ментальные репрезентации

Факт возникновения искажений в ментальной репрезентации размеров собственного тела человека после погружения в компьютерную виртуальную реальность (VR) был достоверно установлен и рассмотрен нами в ранних исследованиях (Варламов, Яковлева, 2021). Отмечается, что данные искажения могут быть обусловлены как особенностями процесса погружения в VR, так и иметь индивидуально-личностные корреляты (Варламов, Яковлева, 2022).

В серии исследований было установлено, что данные искажения выявляются не только непосредственно после окончания VR-погружения, но и воспроизводятся спустя 2 недели после его завершения. Данное наблюдение обусловило актуальность повторного отсроченного тестирования уже участвовавших в наших исследованиях респондентов. Принципиально важным представляется вопрос о том, становятся ли приобретенные во время погружения или серии погружений в VR искажения ментальной репрезентации размеров собственного тела частью новой телесной реальности человека. В исследовании использованы представления о ментальной репрезентации как структурно-динамичной части ментального опыта человека (Холодная, 2002; Чуприкова, 2015).

В исследовании приняли участие 64 добровольца из числа студентов ФГБОУ ВО РязГМУ им. академика И.П. Павлова. Исследование проведено в 2022–2024 гг. на базе Центра практической психологии РязГМУ. Первая группа респондентов ($n = 31$, 27Ж, 4М, $19,1 \pm 0,72$ года, ИМТ $21,47 \pm 3,36$) участвовала в серии погружения в VR среду Beat Saber VR в июне 2022 года, а в отсроченном тестировании – в июне 2023 года. Вторая группа респондентов ($n = 33$, 26Ж, 7М, $19,62 \pm 1,21$ года, ИМТ $20,76 \pm 3,55$) участвовала в серии погружений в среду Beat Saber VR в июне 2023 года и в отсроченном тестировании – в марте 2024 года. В качестве метода регистрации искажений в ментальной репрезентации размеров собственного тела респондентов использована методика «Промеры по М. Фельденкрайзу» (Соловьева, 2014).

Обе группы респондентов были объединены в совмещенную выборку для проверки гипотезы о сохранности или воспроизведении искажений в ментальной репрезентации размеров собственного тела через несколько месяцев после завершения серии погружений в VR. Для этого с помощью W-критерия Вилкоксона для связанных выборок было произведено сравнение относительных искажений каждого из промеров методики «Промеры по М. Фельденкрайзу», установленных перед началом первого погружения и установленных через несколько месяцев после окончания последнего погружения. Сравнительный анализ не дал статистически значимых результатов. Иными словами, в комплексной выборке из 64 респондентов искажения в ментальной репрезентации размеров собственного тела, достигнутые по итогам серии погружений в VR, не воспроизводятся в долгосрочной перспективе.

Таким образом, по результатам данного исследования мы можем сделать вывод о пластичности и изменчивости ментальной репрезентации размеров собственного тела человека под воздействием внешних средовых условий. Благодаря этому она может изменяться для адаптации к условиям погружения в VR и в дальнейшем возвращается к обычным значениям, если человек не участвует в регулярных погружениях. Полученные результаты свидетельствуют о безопасности и естественности использования условий VR для проведения психологического эксперимента.

1. Варламов А.В. Динамика искажений восприятия человеком размеров собственного тела в виртуальной реальности / А.В. Варламов, Н.В. Яковлева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 254–270. DOI 10.22363/2313-1683-2021-18-1-254-270.
2. Варламов А.В. Искажения в восприятии человеком собственного тела во время погружения в компьютерную виртуальную реальность с использованием технологии Full-Body Tracking / А.В. Варламов, Н.В. Яковлева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 670–688. DOI 10.22363/2313-1683-2022-19-4-670-688.
3. Соловьева И.А. Бессознательный образ тела: кто ты на самом деле? – URL: <https://irsol.wordpress.com/2014/08/12/бессознательный-образ-тела-кто-ты-на-самом-деле/> (дата обращения: 15.05.2024).
4. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с. ISBN 5-318-00301-X.
5. Чуприкова Н.И. Умственное развитие: принцип дифференциации / Н.И. Чуприкова. – М.: Питер, 2007. – 448 с. (Мастера психологии). ISBN 5-94807-017-4.

Применение методики антисаккады для измерения интенционального «Google-эффекта»

Google-эффект, антисаккада, ингибиторный контроль, цифровая амнезия

Одним из самых известных и спорных эмпирических свидетельств влияния информационных технологий на познавательные функции человека стал так называемый «Google-эффект». Впервые представившая этот эффект работа [1] включала ряд экспериментов, среди которых наибольшей последующей критике был подвергнут первый. Испытуемые отвечали последовательно на ряд заведомо простых или заведомо сложных вопросов типа «да-нет», после чего им предъявлялась модифицированная методика Струпа, где стимулами служили слова, относящиеся к интернету («Google») или не относящиеся («Nike»). Испытуемые должны были назвать цвет, которым написано слово, замерялось время реакции. Согласно гипотезе, ряд сложных вопросов должен вызывать у человека автоматическое желание найти ответ в интернете, и это должно привести к эффекту прайминга с повышением времени реакции на связанные с интернетом слова. Действительно, было показано, что время реакции определения цвета интернет-слов оказалось статистически значимо выше времени реакции для не связанных с интернетом слов в условии прайминга сложными вопросами, и не было обнаружено различий в условии прайминга вопросами простыми.

В ряде последующих исследований данный эффект, однако, не был воспроизведен [2, 3]. Мы предположили, что подобранная изначально модифицированная методика Струпа является недостаточной по двум причинам. Во-первых, она может показывать недостаточную чувствительность ввиду отсутствия интерференции перцептивного и семантического уровней – требуется более специфичная методика измерения различий когнитивного контроля. Во-вторых, текстовое представление стимулов может снижать чувствительность методики из-за того, что обычно пользователь в интернете сталкивается с графически представленными логотипами. Мы предполагаем, что две вышеуказанные проблемы могут быть преодолены благодаря применению методики антисаккады.

Было проведено пилотное исследование (N=37). Испытуемые отвечали на ряд сложных или простых вопросов, затем в левой или правой части экрана появлялось изображение, относящееся к интернету или нет (стимулы были предварительно апробированы путем опроса). Задачей испытуемого было отвести взгляд в противоположную стимулу сторону, глазодвигательная активность регистрировалась системой SMI Hi-Speed (1250 Hz). Измерялись время реакции и количество ошибок. Результаты логистической регрессии и ANOVA не выявили значимого влияния факторов сложности вопросов, типа стимула и их взаимодействия на вероятность ошибки ($B = -0.22$, $SE = 0.22$, $z = -0.94$, $p = 0.35$) и на время реакции ($F = 0.31$, $p = 0.58$). Тем не менее, данные результаты являются предварительными, поскольку результаты пилотной части не являются сбалансированными по порядку предъявления вопросов испытуемым и недостаточным является количество испытуемых.

Таким образом, в настоящем пилотном исследовании показана принципиальная возможность применения методики антисаккады как более релевантной теоретической гипотезе о влиянии интернета на познание. Последующее полное исследование должно показать более надежные результаты и внести вклад в дискуссию о статусе «Google-эффекта».

1. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. American Association for the Advancement of Science. – 2011. – Vol. 333, № 6043. – P. 776–778.
2. Camerer C.F. et al. Evaluating the replicability of social science experiments in Nature and Science between 2010 and 2015: 9 // Nature Human Behaviour. Nature Publishing Group. – 2018. – Vol. 2, № 9. – P. 637–644.
3. Hesselmann G. No conclusive evidence that difficult general knowledge questions cause a «Google Stroop effect». A replication study // PeerJ. PeerJ Inc. – 2020. – Vol. 8. – P. e10325.

«Приоритет лица» при конструировании возраста незнакомого человека на основе восприятия его внешнего облика

Возраст, воспринимаемый возраст, конструирование воспринимаемого возраста, внешний облик

Введение. Исследование посвящено изучению особенностей конструирования возраста незнакомого другого с учетом фиксации на тех или иных элементах внешнего облика в процессе решения перцептивной задачи на определение его возраста. Актуальность исследования определяется отсутствием данных об элементах внешнего облика, участвующих в конструировании воспринимаемого возраста человека, который определяется как возраст, «приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» (Шкурко, Лабунская, 2018, с. 450), полученных на российских выборках с использованием технологии айтрекинга.

Методы. В качестве основного метода выступила процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой [2]. 34 ростовых / портретных фотографии мужчин и женщин разного возраста были экспонированы на экране компьютера субъектам восприятия для оценки возраста; движения глаз субъектов восприятия отслеживались с помощью метода окулографии с применением программно-аппаратного комплекса, включающего айтрекер Gazepoint GP3 Eye Tracker. В выборку субъектов восприятия вошли 408 человек от 18 до 71 года ($M = 24,07$) (334 женщины, 74 мужчины). Каждая фотография была разделена на следующие зоны с точки зрения элементов внешнего облика: 1) портретные фотографии – на 12 зон: голова, волосы; лоб; левый глаз; правый глаз; переносица; нос; правая щека; левая щека; губы, подбородок; шея; плечи; грудь; 2) ростовые фотографии – на эти же зоны плюс таз и ноги. Проанализированы первые 15 фиксаций, рассчитанные на всех субъектов восприятия (вычислены доля фиксаций в процентах на тех или иных зонах внешнего облика с учетом номера фиксации).

Результаты: 1) обнаружен «приоритет лица» при определении возраста незнакомого человека. Верхняя часть лица (лоб, зона глаз) является приоритетом в рассматривании портретной фотографии, начиная со второй фиксации (73,2%), с третьей фиксации (71,7%) и далее доля этой части лица колеблется от 68,8% (на четвертой фиксации) и не опускается ниже 59,8% (на пятнадцатой). Максимальная концентрация субъекта восприятия на зонах лба и глаз обнаружена на 2-й фиксации. 2) зона глаз, начиная с 3-й фиксации, занимает наибольшую долю концентрации взглядов субъектов восприятия при определении возраста, при этом ее абсолютный размер незначителен, по сравнению с другими зонами. 3) субъект восприятия в пределах основного объема рассматривания портретной фотографии фиксируется на зоне глаз (1-е место), лба (2-е место), носе (3-е место), что названо нами «треугольник интереса». 4) «треугольник интереса» продолжает занимать наибольшую долю среди всех выделенных областей внешнего облика незнакомого человека и при рассматривании ростовой фотографии. На второй фиксации он занимает 15,8%, на третьей 35,3%, достигает пика на четвертой (45,3%), далее, с пятой (40,6%) по пятнадцатую (37,2%) не опускается ниже 33%. 5) сравнение интегральной зоны «треугольник интереса» с большой по абсолютной площади интегральной зоной «тело», в которую вошли плечи, грудь, таз, ноги, также показывает приоритет «треугольника интереса» (критерий Уилкоксона: $Z = -2,556$, $p = 0,011$).

Заключение. Проведенное исследование позволило заключить, что в процессе определения возраста незнакомого человека воспринимающий субъект как бы вступает в коммуникацию с ним, превращая его в этом мини-акте общения из объекта восприятия в субъекта общения, вглядывается в его глаза и центральную область лица, а не скользит взглядом по маркерам возраста, собирая их, как пазл, для того, чтобы сделать обоснованный вывод о его возрасте.

1. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – № 4. – С. 450–457.
2. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. – 2018. – № 3. – С. 104–117.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01763, <https://rscf.ru/project/22-28-01763/> в Южном федеральном университете.

Роль условий научения в распознавании новых объектов: анализ глазодвигательной активности

Изучение новых слов, распознавание объектов, название, условия научения

Мысленный образ объекта включает информацию о его отличительных особенностях, таких как форма, цвет [2] и свойства материала [4], которые облегчают его распознавание и категоризацию [1], а также классификацию перцептивных категорий [3]. При этом роль условий и контекста научения, в которых происходит знакомство с новым объектом, в его последующем распознавании изучена недостаточно.

Целью исследования был поиск ответов на следующие вопросы: могут ли условия изучения объекта стать характеристикой, влияющей на его распознавание; легче ли распознать объект среди объектов, которые были изучены при тех же условиях, или наоборот, необходим контраст; возможно ли успешное распознавание объектов без опоры на их уникальные названия?

В эксперименте в качестве условий научения варьировались стратегии быстрого картирования и явного кодирования, а также способ называния новых объектов (уникальное и общее наименование). Был создан визуальный (изображения плодов; филлеры) и аудиальный (словоформы; контекстные предложения) стимульный материал. Словоформы уникальных наименований создавались на основе названий существующих плодов (например, «лирох» от «лимон» и «горох»). Каждому новому слову соответствовало 8 рисунков редкого плода. Для представления новых объектов было составлено 16 аудиальных дорожек из вопросительных предложений в соответствии с двумя языковыми стратегиями. 32 испытуемым (10 мужчин, средний возраст 22.5 ± 3.6) в течение 3 с демонстрировались филлер и целевое изображение, аудиально сопровождаемое уникальным («лирох») или общим («новый плод») названием. Всего было изучено 8 новых плодов. Проверочным заданием выступал зрительный поиск целевого плода среди дистракторов – один раз среди объектов, предложенных в обучающей сессии в том же условии научения, что и целевой плод (например, явное кодирование с уникальным названием), и трижды среди объектов, изученных в альтернативных условиях. Во время поиска производилась запись глазодвигательной активности; для проб с правильными ответами анализировались сумма длительности всех фиксаций на верном ответе; время попадания первой саккады в область с правильным ответом; средний размер зрачка при рассмотрении верного ответа.

Выявлено меньшее время фиксации для целей с уникальными названиями по сравнению с целями с общими названиями, когда они находились среди дистракторов, изученных в тех же условиях ($p = 0,003$), что и цель, и наоборот, если дистракторы были изучены в альтернативных условиях ($p = 0,027$). Размер зрачка был больше при поиске целей с общими названиями по сравнению с целями с уникальными названиями среди дистракторов, относящихся к тем же условиям научения, что и целевой плод ($p = 0,003$), и наоборот, при поиске среди объектов, изученных в других условиях. Время попадания первой саккады в область с верным ответом было меньше для плодов с уникальными названиями в сравнении с общими ($p = 0,006$). Время первой саккады было меньше для плодов с уникальными названиями в сравнении с общими ($p = 0,000004$) в случае, когда цели и дистракторы изучались в одинаковых условиях, и наоборот, в случае изучения целей и дистракторов в разных условиях ($p = 0,00001$).

Исследование показало, что условия научения могут быть включены в ряд характеристик, влияющих на распознавание объекта в задаче визуального поиска.

1. Baruch O., Kimchi R., Goldsmith M. Attention to distinguishing features in object recognition // *Visual Cognition*. – 2014. – Т. 22, №. 9-10. – С. 1184–1215.
2. Bramão I. et al. The role of color information on object recognition: A review and meta-analysis // *Acta psychologica*. – 2011. – Т. 138, №. 1. – С. 244–253.
3. Roldan S.M. Object recognition in mental representations: Directions for exploring diagnostic features through visual mental imagery // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Т. 8. – С. 255103.
4. Schmid A.C., Doerschner K. Representing stuff in the human brain // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. – 2019. – Т. 30. – С. 178–185.

Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01040, <https://rscf.ru/project/22-28-01040>.

Особенности движений глаз при решении перцептивной задачи лицами с разными когнитивными стилями

Когнитивный стиль, движения глаз, айтрекер, тест Г. Уиткина

Актуальность. Когнитивная наука – это перспективная область исследований, которая охватывает совокупность наук о познании живыми и искусственными системами. В настоящее время отмечается активное включение в арсенал когнитивной науки объективных методов фиксации мозговых механизмов познания. К их числу относится и регистрация движения глаз.

Айтрекинг – это технология отслеживания движения глаз, включающая на современном этапе возможности регистрации инструментального, коммуникативного и интерпретационного компонентов. Айтрекинг стремительно внедряется в разнообразные области психологических исследований: инженерную психологию и эргономику, психологию межличностных отношений, нейропсихологию, психологию рекламы и др. [1].

Интерес когнитивной психологии к индивидуальной специфике процессов познания выражен в изучении когнитивных стилей. Когнитивные стили представляют собой индивидуально-своеобразные способы переработки информации. Основу феноменологии стилевого подхода составляют около десяти когнитивных стилей, среди которых – «полезависимость-полenezависимость». Этот стиль характеризует структурирующую способность в восприятии и, шире, общую психологическую дифференцированность [2].

Работы по исследованию движений глаз при решении перцептивной задачи лицами с разными когнитивными стилями немногочисленны. Например, в исследовании М.С. Чивиксиной было получено, что полenezависимые испытуемые в меньшей степени фиксируются на простых фигурах, давая ответ в тот момент, когда очередная фигура кажется им верным ответом [3].

Однако данные, полученные до настоящего времени, в большей степени опирались на визуальный анализ окулограмм, не в полной мере задействуя данные о метриках движений глаз.

Научная проблема настоящего исследования формулируется следующим образом: каковы особенности движений глаз у лиц с разными когнитивными стилями, выражающиеся в метриках окуломоторной активности?

Методологическая база исследования. Для выявления когнитивного стиля применяется «Тест включенных фигур» Г. Уиткина, который предполагает демонстрацию респонденту 30 проб, в каждой из которых ему необходимо определить, какая из предложенных простых фигур-образцов заключена в сложную. Регистрируется корректность выполнения задания и затраченное время.

Для регистрации движения глаз используется айтрекер модели EyeTribe с программным обеспечением OGAMA. Для статистической обработки результатов применяется пакет Statistica v. 10.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 13 респондентов (средний возраст – 23,5 года), учащихся магистратуры Южного федерального университета направления «Прикладная информатика» (г. Таганрог).

Основные полученные результаты. Полученные с помощью методики Г. Уиткина данные позволили сформировать две подвыборки респондентов: с полenezависимым когнитивным стилем (9 человек) и с полезависимым когнитивным стилем (4 человека). Метрики движений глаз, полученные с помощью айтрекера, усреднялись по каждому респонденту.

Затем был проведен статистический анализ различий метрик движений глаз между двумя группами респондентов с разными когнитивными стилями, который показал, что у лиц с полenezависимым когнитивным стилем средняя длина саккады (пикселей) значимо больше: $U_{\text{эмп.}} = 4$ при $p = 0,03$. Таким образом, можно предположить, что увеличение длины саккады позволяет этим респондентам более длительно сканировать визуальную сцену и осуществлять смену воспринимаемого элемента, что обеспечивает процесс сравнения стимулов или интеграции нескольких элементов информации.

1. Айтрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. – 410 с
2. Холодная М.А. Когнитивная психология. Когнитивные стили / М.А. Холодная. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 307 с.
3. Чивиксина М.С. Исследование методами айтрекинга особенностей глазодвигательной активности представителей полярного когнитивного стиля. – СПб.: СПбГУ, 2016. – 66 с.

Особенности нейропсихологических механизмов автобиографической памяти у людей, переживших жестокое обращение в детстве

Автобиографическая память, жестокое обращение в детстве, нейропсихология

Генезис формирования АП сходен с другим психическими функциями. Культурно-историческая концепция раскрывает этот процесс в контексте социальной ситуации развития, когда происходит планомерно-поэтапное присвоение ребёнком средств для запоминания и актуализации воспоминаний в совместной деятельности с родителем. АП формируется в качестве самостоятельной системы на основе тесной связи с другими ВПФ. Организация материала в АП осуществляется с учетом смыслового принципа, отличного от организации в семантической памяти или по временным факторам в эпизодической [1]. Таким образом, АП как системная функция, обобщающая несколько атрибутивных процессов должна выступать на метакортикальном уровне.

Цель исследования: изучение особенностей нейропсихологических механизмов автобиографической памяти, у людей переживших жестокое обращение в детстве.

Выборка 40 человек (8 мужчин и 32 женщины). Перед проведением эксперимента производился отбор экспериментальной и контрольной группы на основании опросника Фаустовой А.Г. «Методика оценки детско-родительских отношений», который показал наличие и степень хронификации жестокого обращения в детстве.

Методики: Методика «Линия жизни» (ЛЖ) В.В. Нурковой, тест прокладывания пути (ТМТ), тест слухоречевой памяти Рея (RAVLT), методика «Пиктограмма» А.Р. Лурии, фигура Рея-Остеррица (ROCF), тест вербальной беглости, «Методика оценки детско-родительских отношений» Фаустовой А.Г.

Методы: описательная статистика, критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение. Обнаружены статистически значимые различия АП в эмоциональной насыщенности ($U_{\text{эмп}} = 115.5$, $p = 0.05$), воспоминаниях о насилии ($U_{\text{эмп}} = 105$, $p = 0.01$), типу связи (связанные/дескриптивные) $U_{\text{эмп}} = 130$, $p = 0.05$, полноте воспоминаний ($U_{\text{эмп}} = 134.5$, $p = 0.05$). В нейропсихологических показателях в количестве воспроизведений «Пиктограмм» ($U_{\text{эмп}} = 107.5$, $p = 0.05$), оригинальности образов ($U_{\text{эмп}} = 134$, $p = 0.05$); по методике RAVL объеме ($U_{\text{эмп}} = 129$, $p = 0.05$), непосредственном внимании ($U_{\text{эмп}} = 136$, $p = 0.05$), отсроченном воспроизведении ($U_{\text{эмп}} = 135.5$, $p = 0.05$); восприятии фигуры Рея Остеррица ($U_{\text{эмп}} = 126.5$, $p = 0.05$); фонетической вербальной беглости ($U_{\text{эмп}} = 132$, $p = 0.05$).

Обнаружены значимые слабые положительные корреляции ($p \leq 0,05$) между «Полнотой тем воспоминаний» и воспроизведением фигуры Рея Остеррица ($p = 0.0315$); RAVL непосредственным воспроизведением ($p = 0.131$), отсроченным воспроизведением ($p = 0.0422$) и слабые отрицательные корреляции между «Полнотой тем воспоминаний» и объёмом насилия ($p = -0.0181$); воспроизведением пиктограмм ($p = -0,327$), оригинальностью образов ($p = -0.135$), гибкостью ($p = -0.135$); тестом прокладывания пути А ($p = -0.271$) и Б ($p = -0.454$); фонетической беглостью ($p = -0.454$); суммой воспроизведения слов в дескриптивной памяти RAVL ($p = -0.127$).

Выводы. Таким образом, мы видим, что АП у людей, переживших жестокое обращение в детстве имеет особенности функционирования. В первую очередь эти различия связаны с насыщенностью воспоминаний, что включает в себя эмоциональность и связанность нарратива. Нейропсихологические различия функционирования связаны как с гностическими, управляющими и исполнительными функциями. К гностическим особенностям можно отнести повышенную активность зрительно-пространственного восприятия и силу консолидации. Препятствуют функционированию АП ригидность способов опосредствования психического процесса.

1. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. – 2004. – № 2(38). – С. 77–86.

Особенности ментальной регуляции динамических характеристик психических состояний в недельном цикле

Психическое состояние, динамика, саморегуляция, ментальная регуляция

Проблема саморегуляции психических состояний привлекает все большее внимание исследователей. Наименее изученным является аспект «включенности» в саморегуляцию ментальных структур сознания [1]. Целью нашего исследования являлось установление взаимосвязи между саморегуляцией, ментальными структурами и динамическими характеристиками психических состояний в течение недельного цикла. В исследовании приняли участие 62 человека, из них 17 мужчин и 45 женщин (23–51 год). «Срезы» проводились три раза в день, семь дней.

Результаты. Психические состояния работников производства в течение недельного цикла в достаточной степени стабильны, имеют небольшие колебания по синусоидному типу. Наиболее стабильные и высокие показатели характерны для выходных дней. В течение недельного цикла наиболее выражены когнитивные процессы, наименьшие показатели характерны для соматических процессов.

Наибольшая потребность в саморегуляции у работников производства в течение рабочей недели возникает в понедельник и пятницу, что может быть обусловлено сменой деятельности (работа-отдых). Среди рабочих дней амплитуда колебаний имеет существенно более низкие значения, чем в выходные дни, что может быть обусловлено сменой деятельности, большим вниманием к собственным состояниям. Относительная стабильность динамики психических состояний в течение недельного цикла (необходимая для осуществления трудовой деятельности) начиная со вторника поддерживается непрерывно возрастающими усилиями по саморегуляции, к концу рабочей недели (пятница) наблюдается некоторое снижение уровня активности психических состояний, что может быть связано истощением ресурсов организма.

Налицует общая тенденция нарастания включенности ментальных структур в процесс саморегуляции от вторника к пятнице, что способствует поддержанию психических состояний на достаточном уровне активации. Наиболее выражена взаимосвязь с переживанием, далее следуют когнитивные процессы. При возрастании потребности в саморегуляции и ее осознании происходит активация переживания, далее подключается рефлексия как механизм, способствующий синтезу чувственных оценок и логических интерпретаций в сознании.

Возрастание уровня саморегуляции в течение недели обеспечивается за счет нарастающего уровня включенности ментальных структур, в первую очередь системы Я [1], затем смысловых структур, далее – рефлексивных, что обеспечивает общий уровень адаптации субъекта к внешней ситуации.

Выводы. Относительно стабильная динамика психических состояний в недельном цикле обеспечивается возрастающей деятельностью респондентов по саморегуляции. Совокупный анализ включенности ментальных структур в процесс саморегуляции повторяет общую тенденцию роста от вторника к пятнице, в субботу следует спад.

1. Карташева М.И. Роль системы «Я» в структуре ментальной регуляции психических состояний в процессе учебной деятельности // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 1 (124). DOI: 10.20323/1813-145X-2022-1-124-162-174.
2. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 182–204. DOI: 10.17759/exppsy.2021140410.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-18-00232.

Индивидуальные стратегии движений глаз в задаче опознания экспрессий лица и их связь с личностными характеристиками

Айтрекинг, восприятие лиц, индивидуальные стратегии движений глаз

Изучение восприятия лица включает многочисленные проблемы, связанные с восприятием лицевых экспрессий, стратегий межличностного восприятия, выделением наиболее значимых зон лица, привлекающих внимание в процессе распознавания, форм перцептогенеза лица и др. Зоны лица могут рассматриваться как области, которые несут разный смысл в невербальной коммуникации. Зона глаз может рассматриваться как эмоциональный центр лица, по которому легко и быстро считывается эмоциональное состояние собеседника. При этом зону носа, хоть и не несущую экспрессивных признаков, можно рассматривать как геометрический центр лица, оптимальный для оценки конфигурации отдельных черт [2]. Процесс восприятия лиц можно рассматривать как непосредственное общение, в ходе которого наблюдатель и виртуальный коммуникант обмениваются информацией [1]. Особенности восприятия лица могут быть связаны с личностными характеристиками: эмпатия, когнитивный стиль, экстраверсия [3].

Целью данной работы является выявление связи индивидуальных стратегий движений глаз в процессе восприятия лицевых экспрессий с личностными характеристиками наблюдателя.

Под стратегией движения глаз мы понимаем маршрут перемещения первых 2-3 фиксаций по лицу.

Основная гипотеза исследования: индивидуальные стратегии движений глаз при восприятии экспрессий связаны с личностными характеристиками наблюдателя.

Эти стратегии могут быть вариативными и различаться по зоне первой фиксации. Мы также предположили, что испытуемые с более выраженным уровнем личностной и социальной тревожности склонны избегать контакта «глаза-в-глаза».

Исследование проводилось на выборке из 67 респондентов с нормальным или скорректированным зрением, средний возраст: 22 года. Испытуемым предъявлялись фотографии лиц людей, выражающих 6 базовых экспрессий и нейтральное выражение [4]. Всего было представлено 210 стимулов (по 30 для каждой экспрессии). После каждого предъявления испытуемым предлагалось определить экспрессию. Регистрация движений глаз во время экспозиции осуществлялась с помощью аппаратуры SMI iViewX RED-500. По окончании эксперимента испытуемые заполняли опросники: шкалу социальной тревожности Либовица (в адаптации Ениколопова, Григорьевой), шкалу тревожности Спилбергера-Ханина.

Для анализа данных использовались программы BeGaze 2, SPSS Statistics 23.

Результаты показали, что зона первой фиксации является устойчивым признаком, позволяющим разделить испытуемых на группы – тех, кто начинает осмотр с глаз, и тех, кто начинает осмотр с носа. Вторым показателем стратегии делил испытуемых на группы более прицельно – мы получили группы с низко вариативной (НВ) стратегией (которые используют 1-2 стратегии для всего набора экспрессий) и группу с высоко вариативными (ВВ) стратегиями (у которых маршрут обзора меняется в зависимости от экспрессии, 3-5 стратегий). Группа, начинающая обзор с носа, НВ, оказалась самой многочисленной (36% от выборки), а начинающая обзор с зоны глаз, НВ – самой малочисленной (7% от выборки). Критерий Манна-Уитни показал значимые различия для этих двух групп по шкале личностной и социальной тревожности. Оказалось, что тревожность может быть связана с двумя типами стратегий – избеганием зоны глаз в начальных стадиях развертывания внимания и использованием стратегии с НВ или изначальной фиксацией на зоне глаз и использованием ВВ стратегий, охватывающих разные зоны лица. В дальнейшем планируется увеличить статистику, снизив неравномерность групп, и направить внимание на другие корреляты индивидуальных стратегий, помимо тревожности.

1. Барabanщиков В.А. Малкова Т.Н. Исследование восприятия эмоционального состояния человека по выражению лица // Проблемы общения в психологии. – М.: Наука, 1981. – С. 121–132.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. – М.: Academia, Смысл, 2006. – Т. 1, 2.
3. Жегалло А.В., Басюл И.А. Предикторы невербального опознания эмоциональных экспрессий лица // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 53–68.
4. Ekman P. et al. Basic emotions // Handbook of cognition and emotion. – 1999. – Т. 98, №. 45-60. – С. 16.

Влияние типа маски и сложности задачи на возникновение негативного эффекта соответствия

Негативный эффект соответствия, негативный прайминг, маскированный прайминг

Праймы, предъявляемые на короткое время с маскировкой, в определенных условиях могут замедлять реакцию на схожие с ними целевые стимулы (негативный прайминг-эффект, НП). Одной из разновидностей данного эффекта является негативный эффект соответствия (Negative Compatibility Effect, NCE), который возникает в задаче быстро реагировать на простые стимулы, такие как стрелки, направленные вправо или влево [2]. НП возникает и для более сложных стимулов, таких как слова [4], однако условия возникновения этих эффектов различаются, из-за чего их обычно объясняют разными механизмами.

На возникновение и выраженность NCE оказывают влияние характеристики стимулов, в частности – маски, предъявляемой после прайма. Наиболее выраженный эффект наблюдается, когда маска схожа со стимулами или даже состоит из двух вариантов стимула, наложенных друг на друга [1], причем это не связано с большей эффективностью таких масок [3]. Эту зависимость объясняют перцептивным взаимодействием между праймом и маской: предполагается, что те элементы маски, которые отличают ее от прайма, оказываются более активированными и вызывают позитивный прайминг (который можно принять за НП, вызванный праймом) [1].

Можно предположить, что маска, схожая с целью, также играет роль дистрактора – вызывает необходимость дополнительно проконтролировать ответ и усложняет задачу. НП для стимулов-слов, к примеру, возникает только тогда, когда цель предъявляется с дистрактором [4]. Если это так, то зависимость NCE от типа маски может говорить не о различии, а о сходстве двух эффектов.

В проведенном эксперименте, стимулами выступали стрелки, направленные вправо (>>) или влево (<<), а маска могла быть схожа со стимулами за счет наличия наклонных линий, или содержать только вертикальные и горизонтальные линии, что варьировалось между блоками. Также в одной группе все стимулы были черными, тогда как в другой цвет цели варьировался от пробы к пробе, что должно было повышать контроль над ответом.

В каждой пробе вначале на 17 мс появлялся прайм, затем следовала маска на 100 мс, пустой экран на 50 мс и цель на 83 мс. В случае ошибки или отсутствия ответа через 417 мс появлялся белый круг (до ответа или на 500 мс). Эксперимент включал 128 проб.

Выборку составило 47 человек (42 жен., возраст 18-43). Из обработки исключались ошибки и пропуски (9.62% проб). Использовалась линейная регрессия со смешанными эффектами (фиксированные эффекты: группа, тип прайма, тип маски; случайные эффекты: случайный интерсепт и наклон для взаимодействия типа прайма и маски по испытуемым). В целом наблюдался НП: ВР было больше в конгруэнтных пробах, чем в неконгруэнтных: $F(1, 46.69) = 9.64, p = 0.003$. Значимым был также эффект трехфакторного взаимодействия: $F(1, 45.09) = 5.010, p = 0.03$. Как и ожидалось, в группе, где цвет цели изменялся (то есть, задача была дополнительно усложнена), НП наблюдался независимо от типа маски, тогда как в группе с постоянным цветом цели – только для маски, содержащей наклонные линии.

1. Atas A., San Anton E. & Cleeremans A. The reversal of perceptual and motor compatibility effects differs qualitatively between metacontrast and random-line masks // Psychological research. – 2015. – 79. – P. 813–828.
2. Eimer M., & Schlaghecken F. Effects of masked stimuli on motor activation: behavioral and electrophysiological evidence. Journal of Experimental psychology // Human Perception and Performance. – 1998. – 24(6). – P. 1737–1747.
3. Jaskowski P., & Przekoracka-Krawczyk A. On the role of mask structure in subliminal priming // Acta Neurobiologiae Experimentalis. – 2005. – 65(4). – P. 409–417.
4. Milliken B., Joordens S., Merikle P.M., Seiffert A.E. Selective attention: a reevaluation of the implications of negative priming // Psychological review. – 1998. – 105(2). – P. 203–229.

Восприятие вандально нанесенных текстов в условиях естественной городской среды

Вандализм, айтрекинг, восприятие текстов, городская среда

Проблема исследования. Вандальные преобразования городской среды характерны для многих крупных городов по всему миру, они могут носить разную тематическую направленность и преследовать различные цели со стороны своих создателей. Сами вандальные преобразования городской среды также разнообразны – это деформация городских объектов, несанкционированное использование общественного пространства. Но наиболее распространенными и неоднозначными являются графические вандальные преобразования. Данные несанкционированные преобразования городской среды часто воспринимаются как проявления городского искусства, но по своему смысловому наполнению имеют существенный воздействующий потенциал на наблюдателя [2]. Особой чертой граффити и вандально нанесенных текстов является их «навязанность» наблюдателю, поскольку размещаются они, как правило, в хорошо заметных местах и у прохожего просто нет возможности отказаться от их восприятия [1]. Тем не менее, исследований восприятия данных объектов в естественной городской среде практически нет, тем более отсутствуют научно обоснованные сведения о их заметности и воздействии на наблюдателя.

Целью данного исследования выступает изучение особенностей восприятия и запоминания вандально нанесенных текстов жителями города в условиях естественной городской среды с учетом пола и возраста последних.

Методы. Исследование было проведено с применением технологии мобильного айтрекинга в рамках естественного эксперимента. В исследовании принимали участие 24 жителя г. Екатеринбург в возрасте от 14 до 60 лет (равное распределение по признаку пола и по возрастным категориям), которым было предложено совершить пешую прогулку по единому маршруту в центральной части города в мобильном айтрекере (Tobii Pro Glasses 3) с синхронной записью видео прохождения маршрута и движения глаз участника исследования при движении по маршруту. До и после прохождения маршрута участники исследования заполняли самоотчет о своем эмоциональном состоянии, также после завершения маршрута они в списке фраз вандально нанесенных текстов и изображений граффити определяли те, которые могли им встретиться при прохождении маршрута (изображения и фразы в анкете были освобождены от контекста места их размещения).

Результаты. Проведение исследования на айтрекере позволило выявить наличие возрастных и отсутствие отличий по признаку пола в восприятии вандально нанесенных текстов и изображений в естественной городской среде. Также данное исследование позволило ответить на вопрос о заметности вандальных преобразований городской среды для жителей города и косвенно подтвердить, что вандально нанесенные тексты не только произвольно прочитываются наблюдателями (даже если у наблюдателя нет такой целенаправленной задачи), но и остаются в памяти и припоминаются при повторном предъявлении, даже освобожденном от контекста места расположения. Наибольшее запоминание характерно для текстов на религиозную тематику, поскольку их наличие для участников исследования в рамках предложенного маршрута было неожиданным и вызывало когнитивный диссонанс (это обусловлено с одной стороны – отсутствием по ходу маршрута мест религиозного назначения, и нетипичностью для религиозных текстов использования инструмента вандализма для привлечения внимания – с другой). В отношении вандально нанесенных изображений в большинстве своем значение имеет размер граффити – хорошо запоминались крупные вандально нанесенные рисунки, даже если они расположены в отдалении от пути участника исследования, в отличие от мелких изображений рядом с идущим наблюдателем.

1. Аль-Амери Д.Х., Исмаила Х.Б. Граффити, революция и городская среда // Проект Байкал. – 2024. – № 21(79). – С. 74–80.
2. Кружкова О.В., Бабикова М.Р., Робин С.Д. Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы» // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 96–117.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>.

Влияние способов воспроизведения запомненной информации на актуализацию значений многозначного слова

Многозначность, осознаваемые и неосознаваемые значения, воспроизведение

При изучении памяти, в когнитивной науке ставится вопрос о том, что именно определяет эффективность воспроизведения запомненной информации: то, как она была закодирована на этапе запоминания или большую роль играет способ воспроизведения.

Кроме того, большая часть запоминаемой нами информации состоит из слов. В свою очередь слова имеют значения и зачастую далеко не одно. Отсюда вытекает еще одна проблема – запоминания и воспроизведения именно вербальной информации и ее многозначности. При исследовании темы многозначности мы опирались на работы В.М. Аллахвердова [1]. Так, согласно теории сознания, при восприятии многозначной информации одно из его значений выбирается позитивно, т.е. осознается человеком, другие подвергаются негативному выбору, т.е. остаются неосознанными за счет подавления их сознанием. Как показано в проведенных исследованиях, неактуализированные значения могут влиять на последующую когнитивную работу с этой многозначной информацией [1–3]. Целью нашего исследования было экспериментально проверить влияние различных способов воспроизведения информации на эффективность припоминания многозначных слов в сравнении с однозначными.

Метод. В исследовании приняло участие 60 человек (20 мужчин и 40 женщин). Возраст испытуемых составил от 18 до 38 лет. Большую часть выборки составили студенты.

До начала проведения эксперимента был разработан стимульный материал, при разработке которого привлекалась экспертная группа (8 человек). В конечном итоге в список вошли 30 слов, из которых 15 многозначных и 15 однозначных.

Эксперимент для каждой группы испытуемых состоял из двух этапов: предъявление стимульного материала и воспроизведение запомненных слов – три экспериментальных условия: свободное воспроизведение; воспроизведение слова с использованием глагола; графическое воспроизведение, т.е. в виде образа.

Результаты проведенного исследования. При сравнении результатов воспроизведения однозначных и многозначных слов всей выборки были обнаружены статистически значимые различия (ANOVA с множественными сравнениями, $p = 0,004$). Т.е. однозначные слова в среднем воспроизводятся лучше по сравнению с многозначными. При внутригрупповом сравнении результатов воспроизведения многозначных слов и однозначных были обнаружены статистически значимые различия в группе «Графическое воспроизведение» (t-критерий Стьюдента, $p = 0,034$). В двух других группах, где было свободное воспроизведение, и воспроизведение в контексте не показало статистически значимых различий. При межгрупповом сравнении успешности воспроизведения как однозначных, так и многозначных слов в зависимости от способа воспроизведения не обнаружило статистически значимых различий.

Выводы. В нашем исследовании подтвердилось предположение о том, что наличие нескольких значений слова негативно влияет на эффективность его воспроизведения по сравнению с однозначными словами. Мы предполагаем это можно объяснить наличием неосознаваемых значений многозначных слов, которые оказывают интерференционное влияние на текущую когнитивную деятельность человека. Внутригрупповое сравнение показало статистически значимые различия во 2-й экспериментальной группе, где использовался графический способ воспроизведения. В связи с этим мы предполагаем, что графический способ воспроизведения запомненной информации статистически значимо улучшает воспроизведение однозначных слов по сравнению с многозначными. Тем не менее, хоть и были получены статистически значимые различия, однако в рамках данного экспериментального плана мы не можем утверждать, что эффект имеет место быть, это требует дальнейших уточнений и проверки.

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. – 2000.
2. Мамина Т.М. Влияние актуализации значений многозначного слова на восприятие и запоминание: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012.
3. Филиппова М.Г. Осознаваемые и неосознаваемые компоненты восприятия многозначных изображений // Психологические исследования: сб. науч. тр. Текст: электронный. – 2009.

Перспективы когнитивных исследований речи

Речь, интенциональные комплексы, когнитивизация речи, социальное сознание, мультидисциплинарный подход

Изучение речи как средства социальной связи в ее отличных от языка феноменологии и функциях [1] позволяет задать развитие когнитивных исследований речи на основе мультидисциплинарного подхода и согласования аппаратов общей и социальной психологии, дискурсивной и когнитивной психологии и лингвистики, теории речевых жанров (обзор см. в [2]), а также нейрофизиологии, где показаны различия нейросетей восприятия чистых речевых форм и вербальных высказываний [3].

Ряд теоретических проблем определяет опережающий уровень исследований.

1. Формы речи как репрезентанты ментальных моделей коммуникативного опыта. Необходим анализ психологического и социально-психологического содержания информации, обеспечивающей дифференциацию жанровых форм речи, – акустических неязыковых и интегрированных с ними вербальных структур. Необходимо изучение систем психических и нейрокогнитивных процессов, обеспечивающих речевую динамику и соответствие частным и глобальным целям.

2. Специфика знаков речи [1, 2] в их общепсихологической модели [1] с учетом операндов социального мышления, временных структур речи и в аспектах дифференциации форм речи; дискурсивном; онтогенетическом; нормы/патологии (см. [4] и др.).

3. Интенциональность речи как комплексы интенций, значимые для формирования когнитивных моделей высказывания/текста, каждого речевого шага [1] и их реализации.

4. Процессы когнитивизации речи, элементов и структур коммуникативных ситуаций, что определяет когнитивные модели речевой коммуникации. Для раннего онтогенеза, например, это понимание речевой коммуникации как би- и полиагентной структуры с установлением границ коммуникативного акта, выделением значимых характеристик партнеров, формирование когнитивных оснований интерпретации их речевого поведения; моделирование структуры диалога; другие феномены, составляющие раннюю онтологию речи (vs. онтология языка).

5. Социальное мышление/сознание как факторы речевого производства и понимания речи. Необходим анализ операндов социального мышления в процессах речи, получение моделей социального мышления/сознания для разных этапов ее системогенеза. Системные исследования социального сознания по речи и языку [5, др.] в его иерархии и динамических структурных связях – приоритет современной российской науки, требуется их углубление в связи со всеми указанными проблемами.

Выделенная проблематика, изучаемая в мультидисциплинарном подходе, позволяет существенно продвинуть когнитивные исследования речи, ее собственной онтологии, а инструментальные методы и методы математического анализа – усилить доказательную базу получаемых когнитивных моделей речи. Это значимо для увеличения наукоёмкости фундаментальных результатов и дальнейших разработок коммуникативного и диагностического искусственного интеллекта.

1. Маланчук И.Г. Речь как психический процесс: Монография. – Красноярск, 2009.
2. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: ЯСК, 2010.
3. Маланчук И.Г., Орлов В.А., Карташов С.И., Малахов Д.Г. Дифференциация функциональных систем речи и языка и изучение различий обеспечивающих их нейросетей // Физиология человека. – 2023. – Т. 49, № 3. – С. 106–116.
4. Павликова М.И., Фролова О.В., Ляксо Е.Е. Интонационные характеристики речи детей с умственной отсталостью // Вестник Томского гос. ун-та. – 2021. – № 462. – С. 31–39.
5. Маланчук И.Г., Залевская А.Г. Гендерные особенности социального сознания детей раннего возраста (на материале анализа речи) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2018. – № 3(45). – С. 113–125.

Исследование осуществляется в рамках Тематического плана НИЦ «Курчатовский институт» (приказ № 19 от 09.01.2024).

Роль исполнительных функций в поддержании длительного употребления психоактивных веществ

Аддикция, исполнительные функции, психоактивные вещества

Наркомания – одна из важнейших проблем, активно исследуемых во всем мире. Оказалось, что есть большая группа людей, которые длительное время употребляют психоактивные вещества (ПАВ), порой временно прекращая употребление, но позднее вновь возвращаясь к сформированной привычке. Многие из них продолжают выполнять рабочие задачи. Встает вопрос, какие когнитивные процессы помогают этим людям длительное время удерживаться на своих постах, несмотря на регулярное употребление ПАВ?

Исполнительные функции когнитивные регуляторные процессы высокого уровня, обеспечивающие адаптацию человека к изменившимся условиям [2]. Мы предположили, что если человек начинает использовать ПАВ после формирования исполнительных функций, резко падает вероятность их использования. Но если человек начинает использовать ПАВ до формирования исполнительных функций, то формирующиеся исполнительные функции, сдерживая интенсивное употребление ПАВ, позволяют человеку длительно сохранять способность справляться с рабочими задачами.

Был обследован 241 человек: в контрольную группу было включено 95 человек ($35,5 \pm 9,2$ года), не употреблявших ПАВ, экспериментальную группу составили 146 человек ($35,8 \pm 7,9$ года), имеющих длительный (до 20 лет) опыт употребления ПАВ. Все зависимые употребляют ПАВ в среднем не менее 14 лет, возраст первого употребления у нескольких респондентов – 6 лет.

Зрительно-пространственная рабочая память изучалась с помощью методики О.М. Разумниковой [3], а тормозный контроль с помощью рефлексометрии [1]. Также был оценен невербальный интеллект с помощью Прогрессивных матриц Дж. Равена [4].

Показано, что есть существенные отличия в объеме рабочей памяти между экспериментальной и контрольной группами. Однако когда экспериментальную группу разделяют по времени начала употребления ПАВ, то оказывается, что лица, которые начали употреблять ПАВ в возрасте 6-12 лет, не отличаются по объему рабочей памяти испытуемых контрольной группы, что наблюдается у лиц, начавших употребление ПАВ в более позднем возрасте. При этом у этой группы значимо снижен невербальный интеллект (только по шкалам Д и Е) по сравнению с теми, кто начал употребление ПАВ в более позднем возрасте. Более того, механизм «обучение как следствие воспроизведения» в этой группе был несколько снижен, но значимо не отличался от результатов контрольной группы, что свидетельствует о компенсаторных влияниях этого механизма на поддержание объема рабочей памяти.

Анализ числа ошибок в сложной сенсомоторной реакции, которое является обратной величиной тормозного контроля, свидетельствует о том, что именно в этой группе (в целом по экспериментальной группе число ошибок больше, чем в контрольной) не отличается от контрольной группы.

Заключение: при раннем начале употребления ПАВ формирующиеся исполнительные функции могут играть протекторную функцию.

1. Вергунов Е.Г., Николаева Е.И. Опыт применения методов визуализации в качестве анализа результатов тайм-теста // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7(19). – С. 128–131.
2. Николаева Е.И., Вергунов Е.Г. Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10(2). – С. 62–81.
3. Разумникова О.М., Николаева Е.И. Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации // Вопросы психологии. – 2019. – № 2. – С. 124–132.
4. Равен Дж., Равен Дж.К., Корт Дж.Х. Руководство для прогрессивных матриц Равена и Словарных шкал: Раздел 1 и 2. –М.: Когито-Центр, 2002.

Взаимосвязь эффекта центральности и полноты понимания текста

Понимание, эффект центральности, чтение, интеллектуальное поведение

Чувствительность читателей к текстовой центральности – ключевым для понимания элементом смысла с наибольшим количеством связей – подтверждена множеством исследований [2, 4, 5]. Взрослые респонденты чувствительнее к центральным элементам и создают на их основе более полные ментальные репрезентации текста [4, 5]. У детей и респондентов с нарушениями мышления этот эффект менее выражен [2, 4], а ментальные репрезентации текстов характеризуются дефицитом центральности [2, 4, 5]. При этом чаще всего предметом изучения становятся запоминание центральных элементов и время, затраченное на их прочтение, тогда как причины дефицита центральности остаются неясными [2, 4, 5].

Мы предположили, что полнота понимания текста и ее дефициты связаны со спецификой паттернов когнитивной деятельности, отражающих чувствительность читателей к текстовой центральности, и с уровнем IQ как предиктором понимания. Последний фактор представляет особый интерес, т. к. при частом обращении к нему в исследованиях понимания гипотезы о его роли в реконструкции смысла текста не всегда находят подтверждение [3]. Новизна исследования обусловлена разработанным нами инструментарием для изучения понимания текста, учитывающим как особенности интеллектуального поведения читателя, так и структуру смыслов текста [1]. Респонденты – взрослые здоровые люди с полным средним образованием ($N = 42$, 24–57 лет, $Me = 37$) – проходили тест «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена и полуструктурированное интервью на полноту понимания художественного текста со сложной структурой имплицитных смыслов – рассказа Г. Грина «Невидимые японские джентльмены» [1].

Регрессионный анализ не выявил прямого влияния IQ на полноту понимания текста ($R^2 = 0,07$, $F(1, 28) = 2,22$, $p = 0.096$), но корреляционный анализ показал связь между IQ и количеством различных элементов смысловой структуры текста, представленных в вербальном отчете респондента ($r = 0.405$, $p = 0.02$), что, в свою очередь, связано с полнотой понимания ($\tau = 0.499$, $p = 0.0006$). Это можно интерпретировать как большую чувствительность к центральности смысловых элементов у респондентов, более полно понявших текст. Эффект центральности был выявлен и при качественном анализе: наиболее центральные элементы встречались в 40 из 42 вербальных отчетов в виде слов, входящих в одно лексико-семантическое поле, образных выражений. Чувствительность к центральности проявилась в частой встречаемости метакогнитивных включений, отражающих интеллектуальные затруднения, рядом с интерпретациями, содержащими центральные смыслы. При этом два респондента, не проявившие чувствительности к центральности, показали самый низкий уровень понимания текста.

Эти результаты 1) согласуются с полученными ранее данными об эффекте центральности и показывают потенциал обращения к интеллектуальному поведению читателей и структуре смыслов текста и 2) расширяют понимание эффекта центральности, выявляя его в паттернах интеллектуального поведения читателей и обнаруживая дефицит центральности у здоровых взрослых с полным средним образованием.

1. Аверьянова (Обольская) В.А., Щербакова О.В. Между текстом и читателем: инструментарий для изучения понимания имплицитных смыслов вербальных текстов // Вопросы психолингвистики. – 2022. – Ч. 1, № 3(53). – С. 42–61.
2. Miller A.C., Keenan J.M. Reading Comprehension in Children with ADHD: Cognitive Underpinnings of the Centrality Deficit // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2013. – 41(3). – С. 473–483.
3. Shcherbakova O.V., Nikiforova E.A. Fables comprehension in healthy adults: does IQ matter? // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. – 2018. – 15(2). – С. 222–230
4. van den Broek P., Helder A. Cognitive Processes in Discourse Comprehension: Passive Processes, Reader-Initiated Processes, and Evolving Mental Representations // Discourse Processes. – 2017. – 5-6. – С. 360–372.
5. Yeari M., Lantin S. The origin of centrality deficit in text memory and comprehension by poor comprehenders: A think-aloud study // Reading and Writing: An Interdisciplinary Journal. – 2021. – 34(3). – С. 595–625.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-28-01475 («Когнитивные механизмы понимания иконических текстов абстрактного и конкретного содержания: поведенческие и окулоторные аспекты»).

Развитие креативности личности как когнитивный ресурс

Креативность, личность, развитие, когнитивный ресурс

Креативность является самым востребованным и конкурентоспособным психологическим качеством современной личности. В психометрическом подходе креативности выделяются критерии креативности: беглость, гибкость, оригинальность, разработанность. Именно их наличие обеспечивает уровень креативности. Но не всегда можно встретить личность, которая имеет беглость, гибкость, оригинальность мышления. В разных неопределённых и трудных ситуациях мы часто сталкиваемся именно с негибким мышлением людей. Как справедливо отмечает Э. Голдберг, что поиск новизны должен быть кардинальным атрибутом нашего неугомонного вида, но это не так, как может показаться. Люди склонны быть консервативными, тяготея к знакомому [1, с. 140].

Но как преодолеть консерватизм, боязнь новизны, создать такую учебную и профессиональную среду, где новаторы развивали новые направления в науке, в бизнесе, в культуре. Именно они являются катализаторами прогресса. Несмотря на этот неоценимый потенциал, не всегда креативные личности имеют возможность проявить свой потенциал, иногда их творческие озарения, слишком опережающие свое время, часто отвергаются, не воспринимаются, особенно в профессиональной деятельности не предоставляется пространство для развития этих идей. Иногда креативные личности могут сделать креативный прыжок и преодолеть трудности. В этой связи Л. Эчеверия пишет, что креативные личности сильные и даже конфликтны, они преодолевают на своем пути все, чтобы достичь цели [2, с. 31].

Но если развитие креативности личности является стратегической задачей образования, то нужно подходить к этому вопросу системно, не оставлять на волю случая, а управлять таким неуправляемым качеством личности как креативность. Наше исследование основано на психометрическом и системном подходах изучения креативности. Для исследования и развития креативности предложенная нами модель включает критерии, барьеры, способствующие факторы, личностные качества и мотивационные ориентации. Также модель будет основана на изучении психофизиологических особенностей креативности, психических состояний, предшествующих возникновению инсайта. Следующим шагом будет внедрение моделей развития индивидуальной и командной креативности в программы подготовки и переподготовки специалистов. Изучение барьеров и способствующих факторов креативности 350 специалистов при помощи опросников показало, что барьерами проявления креативности являются страх новизны, страх ошибаться, страх быть критикованным, ленивость, безразличие, отсутствие интересов, действовать в условиях дефицита времени, однотипное (шаблонное) мышление, уступить мнению большинства, уклонение от ответственности принятия решений. Способствующими факторами считают наличие в группе лиц с разным типом мышления, наличие методов (упражнений), способствующих развитию креативности в организации, стремление к самосовершенствованию и саморазвитию, вдохновение, энтузиазм для создания новых идей, свобода выражения мыслей, поощрение новых мыслей и идей.

Таким образом, можно заключить, что развитие креативности личности как когнитивный ресурс – это требование современного мира и перспектива прогресса общества. Развитие креативности личности требует системного подхода, разработки модели развития, в которой учитываются все факторы, способствующие проявлению креативности, также ее физиологические основы.

1. Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Д. Бугакова. – М.: Смысл, 2003. – 335 с.
2. Эчеверия Л. Креативная революция: лидерство, которое поощряет творчество и создает инновации. – М.: Э., 2015. – 304 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по высшему образованию и науке РА, проект № 21Т-5А103.

Критическое мышление как фактор эффективного взаимодействия пользователя с ChatGPT

Критическое мышление, искусственный интеллект, chatGPT

Искусственный интеллект (ИИ) является одной из важнейших технологий, которая за последние десятилетия набрала огромную популярность за счет роста производительности процессоров, доступа к большим объемам знания и развитию вычислительных методов [1]. При этом ИИ по-разному влияет на когнитивные способности человека: с одной стороны, он может облегчать процесс принятия решений, предоставляя точные и быстродоступные результаты, с другой стороны, существует риск зависимости от технологий, что может привести к снижению критического мышления и других показателей.

Одним из ключевых когнитивных компонентов при взаимодействии с искусственным интеллектом является критическое мышление. Особенности этого процесса включают в себя усиление аналитических способностей посредством взаимодействия с интеллектуальными системами [2], а также потенциальное снижение способности к самостоятельному решению сложных задач [3].

Важно уточнить, что под «эффективным взаимодействием» подразумевается сокращение времени, затрачиваемого на нахождение единственного верного решения задач с помощью ChatGPT, за счет повышения точности и полноты запросов.

Целью нашего дальнейшего исследования будет изучение наличия или отсутствия связи между показателями критического мышления и количеством запросов, необходимых для решения задачи совместно с ChatGPT.

Согласно гипотезе, существуют положительные корреляции между минимальным количеством запросов, необходимых для получения верного ответа, и средними-высокими показателями по критическому мышлению. Это объясняется тем, что люди, у которых хорошо развит навык критического мышления, наиболее полно вычлениют основные необходимые компоненты для решения поставленной задачи.

До начала эксперимента в экспериментальной и контрольной группах будут измерены показатели по критическому мышлению с использованием теста Л. Старки. Участникам экспериментальной группы будет предоставлена инструкция, согласно которой им нужно будет решить ряд логических задач совместно с ChatGPT, используя для этого минимальное необходимое количество запросов. Данное ограничение используется с целью стимуляции участников к формулированию наиболее полных запросов, содержащих в себе все необходимые проблемные элементы задачи для ее решения. Участники контрольной группы будут решать те же задачи совместно с ChatGPT без дополнительной инструкции. По окончании процедуры будет дан опросник, в котором участники смогут отметить их субъективные переживания сложности решения, количества затраченных усилий и их отношение к ChatGPT.

Результаты данного исследования позволят оценить влияние когнитивной характеристики человека, такой как критическое мышление, на уровень эффективности взаимодействия пользователя с системами искусственного интеллекта.

1. Холмс У., Бялик М., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании: Перспективы и проблемы для преподавания и обучения. – М.: Альпина, 2022.
2. Essel H.B. et al. ChatGPT effects on cognitive skills of undergraduate students: Receiving instant responses from AI-based conversational large language models (LLMs) // Computers and Education: Artificial Intelligence. – 2024. – Т. 6. – С. 100198.
3. Urban M. et al. ChatGPT improves creative problem-solving performance in university students: An experimental study // Computers & Education. – 2024. – Т. 215. – С. 105031.

Исследование взаимосвязи стилевых особенностей когнитивной сферы и эмоционального интеллекта у лиц пожилого возраста

Когнитивные стили, эмоциональный интеллект, пожилой возраст

В современных психологических исследованиях активно изучается природа когнитивных стилей, как индивидуальных способов переработки человеком информации о себе самом и о внешнем мире. Наряду с постоянным ростом новых исследований интеллектуальной сферы человека и популяризации стилевого подхода к этой проблеме, высокими темпами развивается интерес к эмоциональной культуре человека [1].

Продуктивные аспекты интеллектуальной деятельности и степень сформированности эмоционального интеллекта являются показателем уровня развития личности, в них обобщены знания и жизненный опыт, накопленные личностью в процессе жизни [2]. В связи с этим становится важным вопрос изучения взаимосвязи между различными индивидуальными способами переработки информации и уровнем развитости ментальных способностей к идентификации, пониманию и управлению своими эмоциями и влияния двух этих психологических феноменов друг на друга, на примере лиц пожилого возраста.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды зарубежных (Г. Уиткина, Р. Гарднера, П. Хольцмана, Дж. Кагана) и отечественных психологов (Е.Т. Соколовой, В. Колгой и т. д.), сформировавших феноменологическую базу стилевого подхода [3]. Проблема эмоционального интеллекта изучалась в работах Д. Гоулмана, П. Сэловой, Д. Карузо, Д.В. Люсина, Э.Л. Носенко, О.И. Власовой и др.

В проведенном исследовании поставлены задачи обнаружить связь принадлежности к определенному когнитивному стилю и общим уровнем эмоционального интеллекта, а также его структурным компонентам у лиц пожилого возраста.

Выборку составили 35 испытуемых в возрасте от 56 до 73 лет, жители г. Москвы, продолжающие профессиональную деятельность. Были использованы следующие методики: «Замаскированные фигуры» К.Б. Готтшальдта; «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера; «Средние суждения» Т. Петтигрю; «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, тест эмоционального интеллекта Холла.

В результате проведенного исследования были обнаружены закономерности ($p \leq 0,05$), такие как зависимость индивидуальных особенностей процессов обработки поступающей информации и степени развитости различных структурных компонентов эмоционального интеллекта. По итогам исследования можно утверждать, что такие стилевые характеристики ментальной сферы лиц пожилого возраста, как гибкость мыслительного процесса, степень субъективной дифференциации различных объектов, степень лёгкости изменения приемов обработки данных, скорость принятия решения тесно связаны с уровнем совладания, понимания и сознательного осмысления своих и чужих эмоциональных состояний.

Была выявлена общая закономерность ($p \leq 0,05$): пожилые лица, являющиеся полнезависимыми, обладающие широким диапазоном эквивалентности, имеющие широкую категоризацию, гибкий познавательный контроль и рефлексивность, показали более высокий уровень общего эмоционального интеллекта. Это может быть связано с тем, что данные люди обладают когнитивными стилями, которые принято соотносить с более высокими продуктивными характеристиками ментальной сферы.

Полученные данные могут послужить дополнительным источником информации для исследований, что в последующем позволит разработать новые направления профилактической работы с пожилыми людьми, продлить профессиональную деятельность – преподавание, наставничество.

1. Абрамишвили Р.Н., Ануфриев А.Ф., Бутовская Е.В., Сорокоумова Е.А., Пучкова Е.Б., Ферапонтова М.В. & др. Когнитивная и мотивационно-смысловая сферы личности. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2020.
2. Сорокоумова Е.А., Ферапонтова М.В., Суховершина Ю.В. & Игошина А.А. Когнитивные особенности лиц юношеского возраста с разным уровнем психологического благополучия // Педагогика и психология образования. – 2024. – 1. – С. 224–235. DOI 10.31862/2500-297X-2024-1-224-235.
3. Холодная М.А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2024.

Технологии машинного обучения как инструмент оценки речевых и двигательных нарушений

Методы машинного обучения, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, машинное обучение в психологии

Машинное обучение – это область искусственного интеллекта, занимающаяся вопросами обучения на основе данных, полученных ранее полученного материала, и обучения поиску закономерностей и корреляций.

Искусственный интеллект применяют в когнитивной, педагогической, клинической, организационной психологии и в психологической практике психологического консультирования.

Искусственный интеллект используют для оценки личностных свойств человека, когнитивной структуры, процессов коммуникации, поведения, распознавания эмоций и эмоционального состояния, прогнозирования поведения человека, диагностики вербального интеллекта и логического мышления [1, 2].

Для оценки используются различные виды данных: видеозаписи, аудиозаписи, фотографии, написанные тексты, данные социальных сетей человека, к примеру, написанные посты в интернете [3-5].

В исследовании будет использовано машинное обучение для изучения и анализа речевых и двигательных нарушений у пациентов до хирургического вмешательства. Исследование посвящено анализу беседы и анализу выполнения различных заданий посредством машинного обучения. Пациенту будут предложены задания для оценки моторной реализации и оценки звукопроизношения. Задания на анализ синтаксиса и номинативной функции речи.

Использование машинного обучения имеет высокий потенциал применения во многих сферах психологии. Проблема анализа речевых и двигательных нарушений у пациентов с применением технологий искусственного интеллекта и методов машинного обучения ещё недостаточна изучена. Необходимо применять новые технологии в работе с пациентами и задействовать их в своих исследованиях.

Формирование индивидуальных стратегий поведения при поэтапном обучении чередованию сложных многозвеньевых навыков у крыс

Научение, индивидуальные различия, инструментальный навык, многозвеньевое поведение

В соответствии с системно-эволюционным подходом в структуре опыта фиксируется история индивидуальных взаимодействий со средой [1], вследствие чего индивидуальная вариативность оказывается неотъемлемой характеристикой поведения. Использование моделей обучения единичному навыку, хотя и позволяет описывать индивидуальные особенности, ограничивает возможность формулировки закономерностей их генеза. Решить эту задачу позволяют процедуры формирования сложных навыков на основе более простых. К их числу относится модель «многозвеньевое» поведения, состоящего из комбинаций (цепочек) простых инструментальных актов, приобретаемых на последовательных этапах обучения [2]. Поведение может быть далее усложнено путем введения правила переключения между вариантами цепочек, что допускает формирование обобщенных составляющих опыта, обеспечивающих перенос научения на класс сходных задач.

В настоящем исследовании капюшонные крысы ($n = 17$, самцы, 3-9 мес. на начало обучения) поэтапно обучались инструментальным навыкам возрастающей сложности: 1) нажатию на одну из трех педалей для получения пищевого вознаграждения; 2) первому и 3) второму двухпедальным навыкам (ДП1 и 2), включающим последовательные нажатия на две определенные педали; 4) правилу смены через каждые 20–25 циклов ДП1 и ДП2; 5) третьей последовательности (ДП3) и сменам трех ДП. Критерием обученности было выполнение 5 эффективных ДП подряд и нахождение активной ДП после смены предыдущей не более чем за 5 пробных циклов.

Все животные обучились каждому этапу, однако сделали это с разной скоростью (от 10 до 35 сессий обучения), причем наибольшие различия проявились на этапе 1. Все крысы обучились ДП2 (этап 3) значительно быстрее, чем ДП1 (этап 2). При чередовании ДП1 и ДП2 (этап 4) достоверно снизилась доля неэффективных многопедальных циклов, включавших более двух нажатий (нМЦ), а значительно большее число нМЦ включало выполнение активной на данный момент ДП, т.е. эти нМЦ завершались получением вознаграждения. От первой к последней сессии возросли доля правильных двухпедальных циклов (эДЦ) и среднее число выполненных подряд эДЦ и снизились количество пробных циклов до первой реализации эДЦ после смены активной ДП и время реализации ДП. Хотя подобная динамика поведения при чередовании трех ДП (этап 5) не наблюдалась, доля успешных циклов превышала долю неэффективных, причем число нМЦ, включавших правильные ДП, было значительно выше, чем остальных нМЦ. Ввиду высокой нестабильности эффективности поведения в последовательных сессиях на этапе 5 средняя доля эДЦ по выборке составила 0,57. Значимого сокращения доли нМЦ по мере повторения выученного поведения не было. С введением ДП3 увеличилась доля нМЦ и разнообразие вариантов стереотипно повторявшихся нМЦ, включавших правильные ДП, по сравнению с этапом 4. Все животные обучились выполнять индивидуально специфичные наборы таких вознаграждаемых нМЦ, причем у каждой крысы периодам активности конкретной ДП (1, 2 или 3) соответствовал определенный набор таких нМЦ. Преобладание эДЦ над нМЦ при отсутствии значимой динамики эффективности поведения не позволяет сделать вывод о формировании правила смены ДП у крыс, которое описано для приматов и выражается в устойчивом выполнении оптимальной стратегии. Вместо этого крысы в условиях активности конкретной ДП реализуют индивидуально специфичные наборы вариантов поведения, для выбора между которыми, т.е. перехода к циклическому выполнению правильной ДП, им требуется достаточно много проб.

1. Швырков В.Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания // Психологический журнал. – 1988. – № 9(1). – С. 132–148.
2. Thrailkill E.A., Trott J.M., Zerr C.L., & Bouton M.E. Contextual control of chained instrumental behaviors // Journal of Experimental Psychology: Animal Learning and Cognition– 2016. – 42(4). – P. 401–414. doi:10.1037/xan0000112.

Работа поддержана грантом РФФ № 22-18-00435 Психофизиологический анализ межиндивидуальной вариативности процессов модификации структуры опыта и результативность поведения, <https://rscf.ru/project/22-18-00435/>.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ

Беловол Е.В., Шурупова Е.Ю.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

С-тактильные контакты как фактор формирования социального мозга личности

Аффективные прикосновения, С-тактильная система, социальный мозг

Социальное познание – сложный когнитивный процесс, включающий переработку информации о себе и других, о межличностных отношениях и социальном взаимодействии. Понимание того, как человеческий мозг обрабатывает социальную информацию, становится актуальной темой в психологии и нейронауках. Одним из направлений таких исследований является изучение эмоциональных тактильных прикосновений, с одной стороны, и социального мозга личности, с другой.

Эмоциональные отношения между людьми зачастую сопровождаются физическими контактами (объятия, поглаживания, прикосновения). Именно такие тактильные сигналы сообщают о характере отношений между людьми, об уровне их доверия друг другу, о желании оказать поддержку, выразить сочувствие. Тактильные контакты являются неотъемлемой частью детско-родительских отношений, отношений между романтическими партнерами, между партнерами по социальному взаимодействию, т.е. тактильные прикосновения пронизывают практически все сферы социальной жизни человека [2].

Ключевым моментом в изучении социальных аффективных прикосновений стали исследования Зоттермана, в которых было показано существование двух типов афферентных нервных волокон, которые отличаются как структурой, так и скоростью прохождения сигнала. Исследования XX века подтвердили наличие таких типов нервных волокон не только у животных, но и у человека. В настоящее время показано, что осязание человека имеет две разные модальности, которые отличаются структурой, свойствами и функциями. Одна из этих систем, «распознающая», отвечает за тактильное восприятие предметов, известна давно и хорошо изучена. Другая – «аффективная» тактильная система, получившая название С-тактильная система, отвечает за аффективные аспекты восприятия. Именно эта система делает прикосновение «социальным». Многочисленные исследования в области нейропсихологии показали, что восходящие сигналы этой системы связаны с инсुлярной корой – участком мозга, отвечающего за эмоциональную оценку сенсорного стимула [2]. Наличие такой связи позволяет рассматривать С-тактильную систему как часть социального мозга личности. Понятие «социальный мозг» появилось в работе Brothers в 1990 году для определения зоны мозга, связанной с восприятием социальных объектов [1]. В настоящее время содержание понятия «социальный мозг» расширилось и из области нейронауки «ушло» в область социальной, когнитивной психологии, психологии развития и представляет собой относительно новое междисциплинарное направление исследований, ориентированных на поиск биологических основ социального поведения личности.

В нашем исследовании реализована идея поиска взаимосвязи между особенностями С-тактильной системы (частота, отношение, история) и переменными социальной жизни личности (доверие, привязанность, благополучие).

В исследовании приняло участие 160 человек в возрасте 19–61 года. Всем респондентам в режиме онлайн предлагались для заполнения соответствующие опросники. Для анализа данных был использован факторный и регрессионный анализ.

Факторный анализ позволил сделать вывод о том, что частота и удовлетворенность тактильными контактами связана с уровнем благополучия личности, а также с уровнем сформированности базового доверия к миру (все факторные нагрузки положительные и более 0,655). При этом отсутствие эмоциональных прикосновений снижает уровень психологического благополучия личности (нагрузка –0,735). Регрессионный анализ подтвердил полученные результаты и позволил построить модель психологического благополучия личности как фактора особенностей С-тактильных контактов личности.

1. Brothers L. The social brain: a project for integrating primate behavior and neurophysiology in a new domain // *Concepts Neurosci.* – 1990. – № 1.
2. Fairhurst M.T., McGlone F., Croy I. Affective touch: a communication channel for social exchange // *Current Opinion in Behavioral Sciences.* – 2022. – Vol. 43. – P. 54–61.

Предсказание локуса контроля на основании морфологических свойств слов

Локус контроля, NLP, машинное обучение, psyscaling

В наши дни использование инструментов машинного обучения позволяет решать большое количество задач, в разных направлениях, включая: компьютерное зрение, обработку естественного языка, создание систем рекомендаций, проведения маркетинговых исследований, анализа и диагностики заболеваний.

В рамках данного исследования, мы проверили возможность предсказания локуса контроля на основании отдельных свойств слов, которые используют люди с интернальным и экстернальным локусом контроля, при построении я-нарратива.

В исследовании приняли участие 103 взрослых респондента (58 женщин и 45 мужчин, $M = 23 \pm 6,46$), которые проходили следующие этапы: 1) заполнение методики УСК и 2) развернутые ответы на вопросы, относящиеся к различным жизненным контекстам.

В нашем исследовании мы использовали функции библиотеки *psyscaling*, позволяющие автоматически формировать словарь токенов с морфологической разметкой для корпуса текстов [1]. Из ответов респондентов, был собран набор данных, включающих в себя 17649 слов, с их морфологическими характеристиками и значением локуса контроля.

На основании полученных текстов, мы строили различные модели машинного обучения: обобщенная линейная модель, случайные леса, нейронные сети.

Наибольшей точности предсказания удалось достичь при использовании метода случайного леса (Accuracy = 0.577%; Карра = 0,09).

На основании полученных результатов, мы смогли сделать следующие предположения:

1. Морфологические характеристики слов позволяют предсказать предпочитаемый локус контроля респондента, и в случае добавления дополнительных переменных для отбора наблюдений, вероятность предсказания локуса контроля может существенно вырасти;
2. Наибольший вклад в предсказание локуса контроля вносят морфологические характеристики глаголов, наличие данной информации позволяет снизить количество операций, направленное на подбор оптимальных параметров по обучению моделей машинного обучения в будущих исследованиях;
3. В контексте основного этапа исследования нам не удалось проанализировать особенности использования интерналами и экстерналами местоимений первого лица, по причине того, что слова, которые относятся к данной категории, исключаются из-за использования библиотек NLP. В будущих исследованиях, требуется использовать словари, которые включают в наблюдения местоимения: «я», «мы», «они». Так как полученные в ходе пилотажного исследования данные, свидетельствуют в пользу того, что люди с экстернальным локусом контроля, чаще используют местоимение «мы».

Использование методов машинного обучения, может стать новым направлением в создании диагностических методик в психологии. С одной стороны, это обуславливается развитием методов и технологий, связанных с нейросетями и искусственным интеллектом, с другой стороны, находясь в интернете и генерируя контент, человек оставляет большое количество поведенческих следов, которые могут быть интерпретированы и стать основанием для классификации определенных психологических конструктов.

1. Морозова С.В. Анализ текстов и изображений в психологических исследованиях с помощью библиотеки «psyscaling» // Ананьевские чтения-2023. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. – Б.м.: Кириллица, 2023. – С. 140.

Нейрокогнитивный механизм сверхбыстрого вербального научения у детей и взрослых

Семантическое ассоциативное научение, вызванные потенциалы мозга, усвоение новой лексики

Введение. Уникальная способность человека к быстрому усвоению новой лексики и созданию большого объема словаря имеет определяющее значение для овладения родным языком. В детском возрасте усвоение новых словоформ может быть опосредовано нейрокогнитивным механизмом «быстрого отображения» (т.н. «fast mapping»). Вопрос о существовании данного механизма у взрослых людей остается дискуссионным, однако недавние нейроимиджинговые исследования убедительно доказывают, что данный механизм быстрого вербального научения может быть активно задействован в течение всей жизни человека. В связи с этим целью настоящего исследования было изучение особенностей механизма сверхбыстрого вербального научения у детей и взрослых при усвоении новой лексики родного языка.

Методы. В исследовании приняли участие 12 взрослых ($23 \pm 3,9$ года) и 20 детей-дошкольников ($5,8 \pm 0,8$ года): монолингвы, носители русского языка. Использовали парадигму быстрого научения «fast mapping» (FM): однократное предъявление в псевдослучайном порядке аудиально-визуальных пар «знакомое слово-знакомый объект»/«незнакомое слово-незнакомый объект». Семантическое значение незнакомого слова определялось с помощью контекстно-зависимой дедукции и метода исключения. Акустическими стимулами были односложные и двусложные слова и псевдослова русского языка (например, кот[kot]/кет[kjet]; вата[vatə]/вапа[varə]), выровненные по акустическим характеристикам. В качестве визуальных стимулов использовали изображения знакомых и незнакомых объектов, предъявляемые на экране монитора. Регистрацию вызванных потенциалов (ВП) проводили в условиях пассивного прослушивания знакомых и новых словоформ. Для анализа источников нейрональных активаций использовали алгоритм sLORETA. Статистическую обработку проводили с помощью двухфакторного rmANOVA (SPSS Statistics v.23).

Результаты. Результаты взрослой группы выявили значимое изменение амплитуды ВП на предъявление нового выученного слова, использованного в задаче научения, на временных интервалах 200–300 и 300–400 мс, а также значительное левополушарное изменение амплитуды ВП в более позднем временном окне (400–500 мс). Анализ распределения плотности источников электрической активности показал значимое повышение активации (интервал 200–300 мс) при предъявлении вновь выученной словоформы в височной (с пиком в поле Бродмана 21) и передней префронтальной коре левого полушария, что указывает на задействование перисильвиевой нейрональной сети, специализирующейся на обработке родного языка. Анализ ВП в детской группе выявил значимый эффект научения: уменьшение фронто-центральной негативности, сопровождаемое небольшим правополушарным сдвигом, при предъявлении вновь выученных слов на временном интервале ~300–320 мс. Результаты sLORETA подтвердили снижение активации правого височного полюса для вновь выученных словоформ (по сравнению с контрольными стимулами) и выявили левополушарное усиление активации в области супрамаргинальной извилины для всех типов новых словоформ. Различий в компонентах ответа для контрольных стимулов (знакомых слов из процедуры FM и словоформ из пассивной сессии) не выявлено ни в одной из групп. В целом изменения нейрональной активации на новые словоформы родного языка, зарегистрированные в обеих группах участников и являющиеся результатом процедуры научения, свидетельствуют о быстром формировании новых вербальных репрезентаций, аналогичных существующим на знакомые слова.

Выводы. Результаты исследования позволяют заключить, что зарегистрированная быстрая нейрональная динамика, отражающая формирование репрезентаций новых словоформ родного языка

во взрослом и развивающемся мозге, опосредована высокопластичным механизмом FM, который срабатывает мгновенно и способствует быстрой интеграции вновь выученных языковых единиц в предсуществующие левополушарные лексико-семантические сети, вовлеченные в обработку родного языка (в случае взрослых участников), и в более обширные нейрональные корковые сети обоих полушарий мозга (в случае детей дошкольного возраста).

Работа поддержана грантом РФФ № 23-25-00108.

Потенциалы, связанные с ошибкой категоризации эмоций

Событийно-связанные потенциалы, категоризация, эмоция, ошибка

Когнитивные исследования природы ошибочных реакций и умозаключений являются актуальными на сегодняшний день и привлекают все больше исследователей. Авторы используют различные экспериментальные задачи, стремясь всесторонне рассмотреть данный феномен, зачастую посредством воспроизведения парадигмы детекции конфликтов [2]. Отдельной областью, представляющей интерес, являются исследования процесса категоризации эмоций и тех ошибок, которые совершает человек в ходе распознавания эмоциональной экспрессии.

В своем исследовании мы использовали парадигму выбора ответа, когда испытуемый должен был определить эмоциональное выражение предъявляемого лица. Использовались изображения 480 лиц с 6 базовыми эмоциями (по классификации Экмана) и нейтральным выражением. В ходе экспериментальной задачи производилась 128-канальная регистрация ЭЭГ. После выделения ССП у каждого из 86 испытуемых в каждом отведении определялся усредненный ответ для случаев правильных решений (ССП) и усредненная реакция при ошибочных решениях (ССПо). Для последующего анализа производился расчет разностной волны (d-wave) как разницы между ССПо и ССП.

В разностной волне выявлено два компонента с пиковой латентностью в районе 250 мс и 850 мс, которые представляют из себя раннюю негативность и позднюю позитивность соответственно и, согласно критерию Стьюдента, имеют статистически значимые величины (уровень значимости, $p < 0,05$). Использование sLORETA показало, что фокус негативности рассогласования формируется в поле 38 по Бродману. Данная область ассоциируется с семантической репрезентацией высокого уровня и социально-эмоциональной обработкой, в том числе лиц, и оказывает влияние на процессы принятия решений. Фокус поздней позитивности рассогласования находится в поле 7 по Бродману. С этой теменной областью связывают осуществление сложных аналитико-синтетических функций.

Оба этих компонента предположительно отражают процессы, связанные с принятием решения: ранняя негативность рассогласования – процесс бессознательной детекции возможной ошибки в височной коре; позитивность рассогласования – процесс сознательного принятия решения.

В различных исследованиях, посвященных изучению ошибочных реакций, также удавалось выделить два компонента, которые связаны с процессом принятия решений и совершаемой ошибкой – ERN и Pe [1,3]. Однако обнаруженные нами компоненты имеют определенные временные отличия. Предполагается, что это связано с усложнением экспериментальной задачи [4].

Опираясь на полученные данные, можно сделать следующие выводы:

1. Обнаружены отличия в ССП в случае правильной и ошибочной идентификации лицевой экспрессии.
 2. Расхождения ССП представлены двумя компонентами рассогласования, которые отражают различные этапы принятия решений.
 3. Выделенные компоненты могут являться специфичными для ошибок, совершаемых в задаче категоризации лиц.
1. Di Gregorio F., Maier M.E., & Steinhauser M. Errors can elicit an error positivity in the absence of an error negativity: Evidence for independent systems of human error monitoring // *NeuroImage*. – 2018. – 172. – P. 427–436. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2018.01.081>.
 2. Grützmann R., Kathmann N., & Heinzel S. Cognitive control is quickly adapted to actual task requirements despite misleading context cues // *Evidence from the N2, CRN, and ERN. Psychophysiology*. – 2022. – 59(2). – e13961. <https://doi.org/10.1111/psyp.13961>.
 3. Hughes G., & Yeung N. Dissociable correlates of response conflict and error awareness in error-related brain activity // *Neuropsychologia*. – 2011. – 49(3). – P. 405–415. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2010.11.036>.
 4. Wirth C., Dockree P.M., Harty S., Lacey E. & Arvaneh M. Towards error categorisation in BCI: Single-trial EEG classification between different errors // *Journal of Neural Engineering*. – 2019. – 17(1). – 016008. <https://doi.org/10.1088/1741-2552/ab53fe>.

Экспериментальная проверка возможности существования алгоритма обратного распространения ошибки в нервной системе человека при имплицитном и эксплицитном обучении

Нервная система, восприятие, алгоритм научения, ошибка, вызванные потенциалы, ЭЭГ

Нами предлагается модель восприятия, основанная на циклическом прогнозировании потока поступающей на рецепторный вход информации (Горбунов И.А. 2016). На определенных структурах нервной системы, находящихся на ее периферии (возможно на рецепторах), происходит сличение этого прогноза с реальными событиями, происходящими в окружающем мире и предсказываемыми мозговой нейронной сетью. При сличении формируется реакция на ошибку, которая является основой обучения, происходящего при модификации синаптических связей. Информация об ошибках распространяется по нейронам нервной системы пропорционально их участию в рассогласованиях подобно алгоритму back propagation error в искусственных моделях нейронных сетей. Для получения подтверждения этой гипотезы необходимо в ответах мозга на события выявить реакцию нервной системы, пропорциональную ошибкам предсказания событий, и выявить временные параметры этой реакции.

В исследовании участвовали 54 человека от 18 до 35 лет (все женщины). Испытуемым предъявлялось 82 ряда звуков меняющейся громкости. Каждый ряд содержал от 13 до 20 звуков, в которых они увеличивались или уменьшались по громкости на одно и то же количество децибел. Последний звук в ряду (девиантный) имел громкость, отличающуюся относительно предыдущего тренда. Если в это время происходило прогнозирование следующего звука, то именно на данный звук происходило отклонение от прогноза по сравнению с таким же процессом, происходящим на предыдущем звуке при сохранявшемся тренде. Первые 41 ряд воспринимались имплицитно (испытуемый в это время читал научную статью), остальные воспринимались эксплицитно – испытуемый считал количество отклонений от тренда.

ЭЭГ фиксировалось с частотой 250 Гц и фильтрацией от 1 до 70 Гц. Измерялись 6 отведений (Fz, T3, C3, Cz, C4, T4). Вызванные потенциалы рассчитывались удалением базовой линии за 0–300 мс до стимула, эпоха анализа 0–500 мс. Проводилось сглаживание от 3 ближайших отсчетов (12 мс).

Было выявлено, что реакция на ошибку (Девиантный стимул) достоверно проявляется начиная со 100 мс после стимула. С помощью модели линейной регрессии по амплитудам потенциалов ВП за первые 120 мс наиболее надежно можно восстановить именно ошибку прогноза, а не абсолютную громкость звука.

Следовательно, предложенная нами модель имеет право на существование.

1. Горбунов И.А. Нейродинамическая система как основа методологии моделирования ментальных ресурсов человека / И.А. Горбунов // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: материалы третьего международного симпозиума, Москва, 20–21 октября 2016 года / Отв. ред. М.А. Холодная, Г.В. Ожиганова. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – С. 309–314. EDN WLOITZ.

Числа, подлинные или выдуманные?

Случайные последовательности, фальсификация данных, генерация чисел

Работ по выявлению фальсифицированных данных много (Bolton & Hand, 2002), большинство движется так: используется сравнение известного распределения каких-то характеристик «законного» процесса возникновения данных и производится сравнение с данными.

Такой подход требует:

1. изучить «правильные» свойства данных, которые для разных механизмов разные;
2. сравнить реальность и «правильные свойства».

Очевидные недостатки состоят в том, что в социальном мире способов возникновения данных очень много и у них свойства оказываются разными. Представляется перспективным зайти с другой стороны:

1. проверить, обладают ли данные признаками манипуляции. Если нет, то признать данные «честными»;
2. если такие признаки есть, то задаться вопросом, не могут ли они возникнуть «законным образом», без манипуляции.

Важное отличие наших данных от данных исследований по генерации случайных последовательностей состоит в гетерогенности результатов. Если участникам исследований ставить определенное задание, они создают более согласованные результаты, чем участники не получившие инструкций.

Было получено 256 последовательностей из 5 равномерно распределенных двузначных чисел компьютерной симуляцией. Также 256 последовательностей генерировались людьми. Участники не получали инструкции создавать «случайное» число или каких-либо указаний на то, что именно от них ожидается. Также участникам заранее не сообщали, сколько чисел им придется генерировать.

Мы использовали набор статистик, полезных, исходя из известной литературы. Использовались значения значащих цифр. Также рассчитывается разность первой и последней значащей цифры. Рассчитывалось число поворотных точек, то есть пиков и вершин в последовательностях. Из того, что наши последовательности чрезвычайно короткие (5 чисел), мы ограничились только числом поворотных точек и не использовали интервалы между ними. И были добавлены обычные статистики.

Последняя статистика, которую мы использовали в анализе – число букв в написании сгенерированного числа словами. Канеман и Тверски [2] утверждали, что последовательности воспринимаются случайными, если их долго описывать словами.

В результате оценки значимости переменных для различения происхождения, среднее упомянуто 10 раз, значение первого числа – 9, разница первой и второй значащей цифры первого числа и первая значащая цифра первого числа по 7 раз, медиана – 4 раза, остальные статистики – меньше.

Числа, созданные людьми в среднем меньше, чем сгенерированные равномерным распределением. Дисперсии средних у людей выше, чем у компьютерных последовательностей, человеческие алгоритмы более разнообразны ($p = 0,0003$). Люди редко начинали последовательность с числа больше 30. Это предпочтение маленьких чисел наиболее сильно проявляется именно для первых чисел последовательности. Поэтому автоматическое обучение использует первые числа чаще других. Следствием этого является пониженное значение стандартного отклонения по сравнению с теоретическим значением – 25,69.

В нашей выборке 165 случаев (теоретическая величина около 106) когда первая цифра числа была больше второй, 59 случаев чисел с одинаковыми цифрами (11, 22 и тому подобное) и 41 случай, когда вторая цифра больше первой. Повышено количество чисел с одинаковыми цифрами. Обращает на себя внимание то, что никто в выборке не выбрал варианты с –8 (19), 8 (80, 91) и 9 (90). Люди избегают больших различий между цифрами, где большое различие это 7–9 по абсолютной величине (2,6% против 10,2% в теории, $p < 0,00007$).

Медианы смещены в сторону малых чисел, при этом модальное значение заметно меньше для медианы, чем для среднего.

1. Bolton R.A. & Hand D.J. Statistical fraud detection: A review // *Statistical Science*. – 2002. – 17(3). – P. 235–255.
2. Kahneman D. & Tversky A. Subjective probability: A judgment of representativeness // *Cognitive Psychology*. – 1972. – 3. – P. 430–454.

Психофизиологические корреляты взаимодействия с цифровым контентом: ЭЭГ исследование

Цифровое поведение, информационное поведение, ЭЭГ

Современные исследования психологических аспектов взаимодействия человека с цифровым контентом все чаще сосредоточены на комплексном, нейробиологическом, понимании этих феноменов. Так, были выделены три подсистемы пассивного режима, активирующиеся в ходе использования социальных сетей: ментализирующей сети (обеспечивающей интерпретацию эмоций, состояния и намерения других), самореферентной когнитивной сети (саморефлексия и социальные сравнения) и сети вознаграждения (активируется в ответ на социальные взаимодействия) [1]. Также ряд работ развивают дискуссию о возможных морфологических и функциональных изменениях в мозге пользователей цифровых технологий в целом и смартфонов в частности [2]. Показано, что веретенообразная извилина и лобная кора головного мозга в значительной степени связаны с обработкой рекламного контента [4]. Описаны эффекты влияния просмотра персонализированных видео на активизацию сети пассивного режима работы мозга и вентральной области покрышки [3]. В целом на современном этапе очевидна необходимость исследований различных форм информационного поведения и поведения в цифровой среде методами психофизиологии. При этом, учитывая многообразие его форм, а также относительно недолгую историю разработки данной проблематики, ряд вопросов о мозговых механизмах восприятия цифрового контента остаются открытыми.

Цель проведенного исследования состояла в том, чтобы изучить особенности биоэлектрической активности мозга в задачах на взаимодействие с интернет-контентом их привычной социальной сети (ВКонтакте; VK.com). В ЭЭГ-исследовании приняли участие 82 человека в возрасте от 18 до 22 лет. Испытуемые располагались перед экраном на расстоянии 50-60 сантиметров. Затем начиналась сама процедура эксперимента. Участникам эксперимента были визуально предъявлены 5 серий, требующих пассивного использования сети VK и 5 серий, требующих активного использования сети VK. Каждое задание предъявлялось на 180 с. Регистрация ЭЭГ проведена при помощи энцефалографа «Нейровизор 136» в 128 отведениях, монополярно, с 2 ушными референтами. Обработка данных ЭЭГ была произведена в программе WinEEG.

Полученные результаты свидетельствуют о различиях мощности альфа-диапазона в центрально-париетальной области при пассивных и активных формах взаимодействия. При возможности активного взаимодействия с контентом мощность альфа-диапазона снижается, что может отражать различные уровни когнитивной активности, вовлеченности и внимания, что в конечном итоге отражает специфику обработки информации в мозге в разных ситуациях.

1. Meshi D., Tamir D.I. & Heekeren H.R. The Emerging Neuroscience of Social Media // Trends in cognitive sciences. – 2015. – 19(12). – P. 771–782. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.09.004>
2. Montag C. & Becker B. Neuroimaging the effects of smartphone (over-)use on brain function and structure—a review on the current state of MRI-based findings and a roadmap for future research // Psychoradiology. – 2023. – 3. – kkad001. <https://doi.org/10.1093/psyrad/kkad001>
3. Su C., Zhou H., Gong L., Teng B., Geng F. & Hu Y. Viewing personalized video clips recommended by TikTok activates default mode network and ventral tegmental area // NeuroImage. – 2021. – 237. – 118136. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2021.118136>
4. Yen C. & Chiang M.C. Examining the effect of online advertisement cues on human responses using eye-tracking, EEG, and MRI // Behavioural brain research. – 2021. – 402. – 113128. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2021.113128>

Работа выполнена при поддержке РФФ (Проект 22-78-10107 «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы»).

Исследование вызванной активности мозга при распознавании пищевых стимулов

Вызванная активность, пищевое поведение, когнитивный контроль, ЭЭГ

Выбор еды – сложный поведенческий акт, в котором участвуют различные структуры мозга. Известно, вентральная зрительная кора содержит области, избирательно реагирующие на изображения пищи, что указывает на то, что визуальная обработка пищи является важным аспектом выбора [4]. Первичная вкусовая кора и миндалевидное тело участвуют в выборе пищи, основываясь на представлениях о вкусе и текстуре пищи. Орбитофронтальная кора оценивает возможное удовольствие от ее приема, основываясь на субъективном восприятии [5]. В исследованиях вызванной активности при разных формах РПП показано, что амплитуда N200 положительно коррелировала с потреблением калорий и тягой к еде, а P300 коррелировала с уровнем голода среди женщин с лишним весом [1; 3]. Выявлена роль париетального N200 и центрально-теменного P300 в изменении пищевых предпочтений в условиях совершения выбора и, возможно, в регуляции когнитивного контроля этих процессов [2]. Однако нейронные механизмы, лежащие в основе пищевого выбора, изучены недостаточно, чтобы понять механизмы изучаемого процесса.

Целью проведенного исследования было изучение вызванной активности мозга при распознавании пищевых стимулов. В исследовании приняли участие 18 человек от 18 до 46 лет. Задача была разработана в парадигме Go/NoGo, необходимо было нажимать кнопку при предъявлении целевого стимула (пищевых продуктов) и не реагировать случае предъявления контрольного стимула (детские игрушки). Фиксировалось время реакции. Время экспозиции стимула составляло 500 мс. Регистрация ЭЭГ проведена при помощи энцефалографа «Нейровизор 136» в 128 отведениях, монополярно, с 2 ушными референтами. Обработка данных ЭЭГ была произведена в программе WinEEG. При расчете вызванных потенциалов предстимульный интервал был ограничен до 200 мс; постстимульный – до 700 мс.

Анализ полученных результатов показал различия вызванной активности в зависимости от типа стимула. Так, при предъявлении пищевых стимулов характерно появление компонента N100 в затылочной зоне, а в ответ на непищевые стимулы – компонента P400 в центральных лобных областях. Тепловые карты, построенные по амплитуде ВП в ответ на разные типы пищевых стимулов, различаются незначительно, однако отмечено, что при демонстрации низкокалорийной пищи амплитуда ВП увеличивается на отрезке 300-400 мс.

1. Chami R., Cardi V., Lautarescu A., Mallorquí-Bagué N. & McLoughlin G. Neural responses to food stimuli among individuals with eating and weight disorders: a systematic review of event-related potentials // *International Review of Psychiatry*. – 2019. – 31. – P. 318–331. <https://doi.org/10.1080/09540261.2019.1622515>.
2. Chatterjee A., Mazumder S. & Das K. Reversing food preference through multisensory exposure // *PLOS ONE*. – 2023. – P. 18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0288695>.
3. Iceta S., Benoit J., Cristini P., Lambert-Porcheron S., Segrestin B., Laville M., Poulet E. & Disse E. Attentional bias and response inhibition in severe obesity with food disinhibition: a study of P300 and N200 event-related potential // *International Journal of Obesity*. – 2019. – 44. – P. 204–212. <https://doi.org/10.1038/s41366-019-0360-x>.
4. Jain N., Wang A., Henderson M., Lin R., Prince J., Tarr M. & Wehbe L. Selectivity for food in human ventral visual cortex // *Communications Biology*. – 2023. – P. 6. <https://doi.org/10.1038/s42003-023-04546-2>.
5. Rolls E. The Texture and Taste of Food in the Brain // *Journal of texture studies*. – 2019. <https://doi.org/10.1111/jtxs.12488>.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта для реализации научно-исследовательских проектов, выполняемых под руководством молодых ученых ДГТУ «Наука-2030» (2023–2024 г.).

Координаты ключевых точек лица: насколько достоверна информация о глубине?

Эмоциональные экспрессии, ключевые точки, глубина изображения

В рамках бихевиорально-экологического подхода Алана Фридланда [2] возникает необходимость изучения фактической динамики эмоциональных экспрессий лица. В качестве методического обеспечения таких исследований можно рассматривать появившееся в последнее время программное обеспечение, выполняющее разметку координат ключевых точек лица на статических изображениях и видеозаписях.

Исследователям в настоящий момент доступны, по крайней мере, две программы, решающие данную задачу: OpenFace [1] и MediaPipe [3].

Корректность разметки X и Y координат ключевых точек легко контролируется визуально наложением их позиций на рассматриваемое изображение. При такой визуализации координаты ключевых точек хорошо согласуются с фактическим изображением. При этом евклидово расстояние между позициями хорошо определенных ключевых точек (внешние края бровей, углы глаз), вычисляемые разными программами, имеют между собой небольшое евклидово расстояние. Таким образом, операционально можно считать информацию об X и Y координатах ключевых точек достоверной [4].

Однако помимо X и Y координат обе программы также вычисляют Z – координату – глубину. В OpenFace глубина изображения определяется на основе априорной деформируемой трехмерной модели головы человека (Point Distribution Model). Алгоритм определения глубины в MediaPipe не раскрывается. Предварительный анализ показывает, что, привлекая информацию о глубине изображений, можно было бы получить дополнительную полезную информацию о динамике лица натурщика.

Для оценки релевантности информации о глубине изображения был использован следующий технический прием: по данным 3D разметки вычислялись два евклидовых расстояния: расстояние между внешними углами глаз натурщика и расстояние между кончиком носа (энцефалометрическая точка *pronasale*) и основанием носа (энцефалометрическая точка *sottonasale*). Из анатомических соображений отношение данных расстояний (в дальнейшем *Deyes/Dnose*) у конкретного натурщика должно быть постоянным.

Проверка была выполнена на базе видеозаписей из базы ADFES [5], 12 видеозаписей натурщиков северо-европейского расового типа анфас, каждый натурщик демонстрировал 9 различных динамических эмоциональных экспрессий. Продолжительность каждой из видеозаписей – до 6 сек. при 25 к/сек. Для анализа использовались первые 5 сек. каждой записи. Для дальнейшего анализа использовались медианные значения пропорции расстояний для каждого отрывка. Среднее значение *Deye/Dnose* на выборке из 108 видеозаписей при разметке OpenFace составило 4,89, при разметке MediaPipe 3,69. Медианная пропорция между отношениями составляет 1,3, IQR = 1,17 – 1,44; Min = 1,02, Max = 1,96. Таким образом, OpenFace по сравнению с MediaPipe систематически дает большие значения глубины пространства.

Для предварительной абсолютной оценки точности определения глубины оценки автор статьи использовал высококачественную видеозапись собственного лица (1920 x 1080, 120 кадров/сек, продолжительность 3 мин. 51 сек.). Запись представляет собой попытку демонстрации последовательности «базовых» эмоциональных экспрессий. По данным OpenFace $Me(Deyes/Dnose) = 5,05$, IQR = 4,84 – 5,31. По данным MediaPipe $Me(Deyes/Dnose) = 2,32$, IQR = 2,20 – 2,45. По данным непосредственных измерений фактическое значение *Deyes/Dnose* = 4,3. Корреляция между *Deyes/Dnose* вычисляемых по данным двух программ составляет $r = 0,26$ ($p < 10^{-6}$), на визуализации видна сложная внутренняя структура. Данный результат указывает, что программы используют принципиально различные подходы к вычислению глубины изображения. Таким образом, информацию о глубине изображений, сообщаемую автоматическими средствами разметки ключевых точек на двумерных изображениях операционально не следует считать достоверной.

1. Baltrušaitis T., Zadeh A., Lim Y. C., Morency Y.P. OpenFace 2.0: Facial behavior analysis toolkit // Proc. IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition (FG'18). – 2018. – P. 59–66.
2. Crivelli, C., Fridlund, A. J. Inside-out: From basic emotions theory to the behavioral ecology view // Journal of Nonverbal Behavior. – 2019. – Vol. 43, No 2. – P. 161–194.
3. Lugesani C., Tang J., Nash H. et al. MediaPipe: A Framework for Building Perception Pipelines // Third Workshop on Computer Vision for AR/VR at IEEE Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). – 2019. – URL: <https://arxiv.org/pdf/1906.08172.pdf> (дата обращения: 17.12.2021).

4. Savin A.V., Sablina A., Nikiforov M.B. Comparison of Facial Landmark Detection Methods for Micro-Expressions Analysis // 10th Mediterranean Conference on Embedded Computing (MECO) Proceedings. Budva, Montenegro, 2021. – P. 336–339.
5. Schalk J., Hawk, S., Fischer A., Doosje B. Moving Faces, Looking Places: Validation of the Amsterdam Dynamic Facial Expression Set (ADFES) // Emotion. – 2011. – Vol. 11, No. 4. – P. 907–920.

Работа выполнена в рамках госзадания «Познавательные процессы в экологически валидных контекстах» № 0138-2024-0012.

Применение методов машинного обучения для анализа состояния человека по текстовой реализации устного сообщения

Психодиагностика, машинное слово, большие языковые модели, метрика

Исследований, посвященных определению аспектов взаимосвязи речи и психических явлений достаточно много, но проблема не утратила своей актуальности.

В данной работе рассматривается значимость применения методов машинного обучения, нейронных сетей и искусственного интеллекта в психодиагностике, особенно в контексте анализа текстовых данных. Процедура исследования состояла в том, что испытуемые рассказывали о своем хобби, речевой продукт записывался на диктофон. Записи расшифровывались, вся дальнейшая работа производилась с письменными реализациями сообщения. Технологии машинного обучения предоставляют новые возможности для автоматизированного анализа психологических состояний, таких как тревога, гнев и депрессия, что может значительно повысить точность и эффективность диагностики [1].

Основной акцент исследования сделан на применении современных языковых моделей, включая BERT, Word2Vec и GloVe, для анализа текстовых данных, полученных после расшифровки интервью. Эти модели используются для выявления и прогнозирования уровней тревоги, гнева и депрессии на основе текстовых данных [2]. В ходе работы проведена модификация базовых версий моделей для улучшения их точности и адаптации к специфическим задачам психодиагностики [3, 4].

Методология исследования включает сбор и предварительную обработку текстовых данных, обучение моделей машинного обучения и их последующую валидацию. Для оценки качества работы моделей применялись такие метрики классификации, как Precision, Recall и AUC. Эти метрики позволяют объективно оценить эффективность и точность моделей в распознавании различных психологических состояний на основании текстов.

Результаты исследования демонстрируют высокую точность прогнозирования уровней тревоги, гнева и депрессии с использованием модифицированных моделей BERT, Word2Vec и GloVe. Эти результаты подтверждают целесообразность применения методов машинного обучения в психологии, особенно в автоматизированных системах психодиагностики. Кроме того, полученные данные могут способствовать дальнейшему развитию инструментов для диагностики и мониторинга психических состояний [5].

В заключение, данная работа подчеркивает важность интеграции современных технологий машинного обучения в психологическую практику и их потенциал для улучшения качества диагностики.

1. Dominic B. Dwyer, Peter Falkai, Nikolaos Koutsouleris Machine Learning Approaches for Clinical Psychology and Psychiatry / Dominic B. Dwyer, Peter Falkai, Nikolaos Koutsouleris // Annual Reviews. – 2018. – № 14. – С. 91–118.
2. Meng Cai, Han Luo, Xiao Meng, Ying Cui, Wei Wang Network distribution and sentiment interaction: Information diffusion mechanisms between social bots and human users on social media / Meng Cai, Han Luo, Xiao Meng, Ying Cui, Wei Wang // Information Processing & Management. – 2022. – № 10. – С. 8–28.
3. Cho Xuan Do, Nguyen Trong Luu, Phuong Thi Lan Nguyen Optimizing software vulnerability detection using RoBERTa and machine learning / Cho Xuan Do, Nguyen Trong Luu, Phuong Thi Lan Nguyen // SpringerLink. – 2024. – № 31. – С. 1–40.
4. Zhenzhong Lan, Mingda Chen, Sebastian Goodman, Kevin Gimpel, Piyush Sharma, Radu Soricut ALBERT: A Lite BERT for Self-supervised Learning of Language Representations / Zhenzhong Lan, Mingda Chen, Sebastian Goodman, Kevin Gimpel, Piyush Sharma, Radu Soricut // Cornell University. – 2019. – № 6. – С. 9–42.
5. Satish Jarang, Deepali Joshi, V.S. Deshpande Yu Liu, Chen Xu, Xi Kuai, Hao Deng, Kaifeng Wang, Qinyao Luo Analysis of the causes of inferiority feelings based on social media data with Word2Vec / Yu Liu, Chen Xu, Xi Kuai, Hao Deng, Kaifeng Wang, Qinyao Luo // Scientific Reports. – 2012. – № 12. – С. 18–52; Satish Jarang, Deepali Joshi, V.S. Deshpande // IEEE Xplore. – 2019. – № 5. – С. 6–30.

Моделирование особенностей внимания в спортивном ориентировании

Спортивное ориентирование, особенности внимания, фрактальная размерность ЭЭГ

Спортивное ориентирование – вид спорта, в котором прохождение заранее неизвестной трассы через контрольные пункты, расположенные на местности, происходит с использованием спортивной карты и компаса [2]. Оно включает чтение карты, анализ местности и передвижение по ней с высокой скоростью [6]. Внимание спортсмена распределяется на эти составляющие, а также постоянно переключается между картой и местностью.

Ресурс внимания ограничен, и воспринимать все объекты в карте одновременно невозможно. Поэтому возникает вопрос о том, какие же элементы выделить для успешной реализации маршрута. Актуальной проблемой является решение вопроса об эффективном распределении внимания, что может выражаться в виде определенной стратегии чтения карты [3]. Применение эффективных стратегий помогает обойти ограниченность ресурса внимания за счет: уменьшения времени слежения за картой; распределения времени обработки картографической информации равномерно; уменьшения извлекаемой информации из карты.

Еще Л.М. Веккер писал о том, что формирование представлений о пространстве включает панорамность, взаимообособление фигуры и фона, выпадение абсолютных величин, преобразование геометрической формы в топологическую схему [1]. Исходя из этого, в нашем исследовании мы предлагаем модель процесса сопоставления карты и местности, состоящую из 3 этапов: 1) формирование общего представления о маршруте (панорамность), 2) считывание детальной информации о текущем участке дистанции (сопровождается эффектом масштабирования [3]; взаимообособление фигуры и фона), 3) сопоставление реальных объектов ландшафта с информацией, считанной с карты, о текущем участке дистанции (преобразование геометрической формы в топологическую схему). Маркером этапа, на котором находится испытуемый, может служить фрактальная размерность ЭЭГ. В момент формирования общего представления она будет максимальной, далее, при работе с конкретным участком дистанции, выше при считывании детальной информации и должна снижаться в случае успешного сопоставления реальных объектов ландшафта и карты, либо оставаться на том же уровне, если испытуемый не успел выполнить задание. Похожие результаты были ранее получены в исследовании восприятия графиков и таблиц [5].

Предполагаемый для проверки модели дизайн исследования включает в себя два этапа. На тренировочном этапе испытуемые должны будут сопоставлять отдельные участки карты и соответствующие им фотографии (масштаб целевых объектов будет варьироваться). По результатам они будут получать обратную связь о правильности решения. На основном этапе сначала испытуемым предъявляется вся карта с дистанцией целиком. Затем им необходимо при предъявлении отдельных кусков карты, соответствующих конкретному участку дистанции, как можно быстрее подобрать ту фотографию, которая соответствует этому участку. Во время эксперимента будет фиксироваться фрактальная размерность ЭЭГ, направление и фиксация взгляда, а также скорость реакции. Время решения заданий в тренировочной сессии не будет ограничено, в основной – ограничено.

Выборка: 1 группа – спортсмены, имеющие квалификацию не ниже I разряда по спортивному ориентированию, 2 группа – не имеющие опыта в спортивном ориентировании.

1. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 679 с.
2. Правила вида спорта «Спортивное ориентирование» (утв. приказом Министерства спорта РФ от 3 мая 2017 г. № 403).
3. Cereatti L. et al. Visual attention in adolescents: Facilitating effects of sport expertise and acute physical exercise // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2009. – Т. 10, №. 1. – С. 136–145.
4. Eccles D.W. Experts' circumvention of processing limitations: An example from the sport of orienteering // *Military Psychology*. – 2008. – Т. 20, №. sup1. – С. S103–S121.
5. Gorbunov I., Morozova S. Fractal Dimension EEG Dynamics in Solving Task Recognition of Bar Plots // *International Journal of Psychophysiology*. – 2021. – Т. 168. – С. S138–S139.
6. Pesce C. et al. Preservation of visual attention in older expert orienteers at rest and under physical effort // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. – 2007. – Т. 29, №. 1. – С. 78–99.

Моделирование процессов принятия решения об искажении информации: дизайн исследования

Моделирование, искажение информации, принятие решения

Намеренное искажение информации (ложь, обман) оказывает влияние на социальное, экономическое, юридическое взаимодействие между людьми. Лицо, намеренно прибегающее к искажению информации, может наносить ущерб другому и извлекать выгоду для себя, но для этого оно должно: обладать достоверной информацией; предполагать, что другое лицо ею не обладает; быть способным создать альтернативную (искаженную) информацию; принять решение сообщить неверную информацию.

Существуют разные модели принятия решений, в том числе нормативная и дескриптивная [1]. В нормативной модели лицо, принимающее решение (ЛПР), в своем выборе опирается на математическое ожидание для разных вариантов выбора. Дескриптивная модель предполагает, что ЛПР обладает неполной информацией о вариантах и может руководствоваться также эмоциями, личным опытом, моральными принципами. Однако в обеих моделях ЛПР может быть ориентировано на краткосрочную или долгосрочную выгоду [2] (так, обманув другого человека единожды, можно надолго утратить доверие).

В качестве ситуации, в которой ЛПР может использовать различные стратегии поведения [3], была выбрана игра «верю-не-верю». В этой игре успешная попытка обмана приближает к выигрышу, неуспешная – отдаляет. Поскольку игра относительно продолжительная, её участники могут оценивать частоту тех или иных действий соперника и на основе этого формировать свои представления о математическом ожидании для разных вариантов своих действий. Эта особенность также приводит к тому, что частое сообщение неверной информации влечет снижение вероятности того, что попытка обмана будет успешной, и влияет на долгосрочные результаты (один ход может оказаться удачным, но впоследствии приведет к проигрышу).

В рамках этой модели предполагается сравнить поведение людей и нейронных сетей, одна из которых обучена получать краткосрочную выгоду (делать успешный ход), другая – долгосрочную (ходить так, чтобы увеличить свои шансы на победу в конце). В таком случае нейронные сети будут следовать нормативной модели (поскольку не обладают эмоциями и т.д.), люди – дескриптивной. Предполагается, что поведение человека в данной игре будет изначально отличаться от поведения нейронной сети, поскольку будет соответствовать дескриптивной модели принятия решений, однако по мере накопления опыта начнет становиться более эффективным и менее привязанным к изначальной стратегии.

Получив данные о частоте обмана в начале и в конце игры, о проценте побед, об изменении поведения человека или нейронной сети в процессе игры и влиянии этого поведения на конечный результат, можно будет оценить, к какой модели ближе поведение людей, насколько они способны прогнозировать последствия принятых решений и какова вариабельность возможных изменений в поведении в зависимости от результатов действий.

Это даст более широкое представление о механизмах лжи и способах её предотвращения (будь то формирование моральных ценностей или ужесточение наказания), что может быть полезно для психологии, педагогики, экономики, юриспруденции и других отраслей, в которых важно сообщение достоверной информации.

1. Астахова Т.Н. Анализ моделей и принципов системного моделирования для решения многокритериальной задачи принятия решений / Т.Н. Астахова, А.В. Романов, С.В. Кривоногов // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2020. – Т. 8, № 8. – С. 17–25.
2. Блекуэлл Д., Гиршик М.А. Теория игр и статистических решений / Пер. с англ. И.В. Соловьева. – М., 1958. – 374 с.
3. Созинов А.А. Методика оценки показателей формирования нового опыта и решения проблем в ситуации приобретения баллов или избегания их потери / А.А. Созинов, А.И. Бохан, Ю.И. Александров // *Экспериментальная психология*. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 75–91. DOI 10.17759/exppsy.2018110105.

Гемодинамические изменения реакций мозга при предъявлении псевдослов до и после специального обучения

Обучение, восприятие слов и псевдослов, семантизация, речевая частотность, фМРТ

Введение. Метод функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) использовался для изучения BOLD-реакции на предъявление стимулов-псевдослов. Псевдослова предъявлялись как девиантные акустические стимулы в одд-болл парадигме, активирующей непроизвольное внимание. В ходе специального обучения стимулам присваивались значения определенных слов гипотетического языка. Обнаружено, что реакция локального мозгового кровотока в ответ на предъявление псевдослов изменяется в результате их семантизации в ходе кратковременного обучения. Достоверные отличия в параметрах BOLD-сигнала после обучения наблюдаются справа в средней и верхней височной извилине и слева в височной плоскости и в верхней височной извилине. В результате кратковременной тренировки появляется значительное увеличение локальной активности в правом полушарии в средней височной извилине. Полученные результаты свидетельствуют, что семантизация псевдослов приводит к тому, что на них значимо усиливается реакция системы непроизвольного внимания. Кроме того интенсивность гемодинамического ответа после обучения становится заметно выше слева в височной плоскости и в верхней височной извилине. Таким образом в результате семантизации наблюдается усиление BOLD-реакции в речевой области неокортекса.

Для оценки влияния обучения на речевые процессы с учетом механизмов внимания было разработано фМРТ-исследование. В данном исследовании мы проверяли, как изменяются параметры локального мозгового кровотока после семантизации псевдослов, которым присваивались значения определенных слов гипотетического языка. Для того, чтобы показать активацию системы непроизвольного внимания, как это было сделано в предыдущих электрофизиологических исследованиях, использовалась специально разработанная и адаптированная к фМРТ пассивная мультистимульная одд-болл парадигма предъявления. Проводился анализ изменений параметров гемодинамического ответа, возникших в результате обучения. Предполагалось, что на изменения гемодинамического ответа будет оказывать влияние обучение и семантическое значение присваиваемых слов гипотетического языка.

В фМРТ исследовании, одобренном этическим комитетом НИЦ «Курчатовский институт», участвовало 17 (10 – мужчин, 7 – женщин) условно здоровых хорошо слышащих испытуемых без неврологических и психических заболеваний (на основании самоотчета), с ведущей правой рукой в возрасте от 23 до 35 лет, говорящих на родном русском языке. Запись фМРТ проходила в два этапа. На первом этапе участникам предъявляли псевдослова. После записи первой фМРТ-сессии участники получали домашнее задание: выдавалась обучающая аудиозапись, которую необходимо было прослушивать два раза в день в течение 7 дней. На обучающей аудиозаписи псевдословам присваивались значения слов гипотетического языка, отличающихся по частотности употребления в речи. Затем через неделю проводилась повторная запись фМРТ на те же стимулы-псевдослова.

При сравнении реакций на стимулы до и после обучения получены индивидуальные и групповые статистические карты активности. Полученные данные показывают, что после семантизации псевдослов, достоверные отличия BOLD-сигналов обнаруживаются не только справа в зонах, которые мы связываем с активацией механизмов внимания, но и слева в классических речевых областях. Увеличение интенсивности гемодинамического ответа наблюдается слева в височной плоскости и в верхней височной извилине.

Таким образом, даже относительно непродолжительное обучение, в ходе которого происходит семантизация акустических стимулов приводит к существенным изменениям в работе мозга. Наблюдаются выраженные изменения в параметрах локального мозгового кровотока, связанные с активацией речевой зоны височной коры в левом полушарии и механизмов непроизвольного внимания.

Работа поддержана грантом НИЦ «Курчатовский институт» (заявка #2752 от 28.10.2021).

Влияние цветовой палитры фотографий на эмоциональное состояние испытуемых (на примере базы Open affective standardized image set (OASIS))

Кластеризация изображений, эмоциональная валентность, предсказание, кластеризация

Вопрос о специфике валидности баз визуальных стимулов, созданных для того, чтобы целенаправленно вызывать у испытуемых те или иные эмоции, является более сложным, чем может показаться на первый взгляд. Фотографии, которые обычно входят в такие базы, содержат не только специфическую семантику сцен и объектов, на них изображенных, но также семантику использованной цветовой палитры. Последняя так же оказывает эмоциональное и эстетическое воздействие на испытуемых, но обычно целенаправленно не контролируется разработчиками в процессе создания стимульного материала.

В нашем исследовании мы решили применить технологии компьютерного зрения и машинного обучения для оценки связи эмоциональной разметки фотографий с их цветовыми характеристиками. Стимульный материал нами был взят из базы Open affective standardized image set (OASIS). В нее входит 900 цветных изображений размером 500x400 px, соответствующих 4 категориям (животные, объекты, люди, пейзажи) [2].

Подготовка изображений к анализу состояла из 2 этапов. Сначала изображения попиксельно считывались из файлов в формате представления цвета HSV. Далее, полученная информация кластеризовалась с помощью пакета `imganalysis` библиотеки `psyscaling` [1]. В отличие от классической кластеризовалась k -средними, где алгоритм подбирает для каждого изображения свои центры для заданного количества кластеров, мы заранее загрузили цветовую палитру центроидов (цвета Люшера).

Для простоты оценки позитивности изображений мы рассчитали средние значения, полученные для мужчин и женщин, после чего перевели результаты в бинарную шкалу. Это было необходимо в связи с тем, что на небольших наборах данных (около 1000) часто наблюдается редуцирование предсказываемой переменной отклика до 2-3 градаций в тех случаях, когда она метрическая. Если же переменную отклика заранее перевести в бинарную шкалу, появляется дополнительная информация о вероятности отнесения объектов к классу. Это позволяет понять, насколько типичными являются оцениваемые объекты для класса. С нашей точки зрения такой подход является валидным при построении модели предсказания для целей психологического исследования.

Корпус предварительно был разбит на обучающую, тестовую и валидирующую выборки (70%, 10%, 20% соответственно). Параметры модели случайного леса (RF) для тестовой выборки: $AUC = 0,77$, $Accuracy = 0,744$, $Карра = 0,489$; для обучающей: $AUC = 0,969$, $Accuracy = 0,904$, $Карра = 0,808$. Модель RF для бинарной переменной позитивности оказалась лучше построенной нами логистической регрессии ($AUC = 0,616$ для обучающей и $AUC = 0,622$ тестовой выборки).

Можно заключить, что цветовая палитра изображения вносит свой вклад в эмоциональную оценку фотографий. При построении модели, оценивающей объем этого вклада, можно использовать цвета Люшера в качестве центроидов кластеров и нелинейные методы классификации. Полученная модель может использоваться, в частности, при оценке визуального стимульного материала, сгенерированного с помощью нейронных сетей (Шедевр и др.).

1. Морозова С.В. Анализ текстов и изображений в психологических исследованиях с помощью библиотеки «`psyscaling`» // Ананьевские чтения-2023. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. – Б.м.: Кириллица, 2023. – С. 140.
2. Kurdi B., Lozano S. & Banaji M.R. Introducing the open affective standardized image set (OASIS) // Behavior research methods. – 2017. – 49. – P. 457–470.

Принятие решение о доверии сообщению моделями ChatGPT и Copilot

Моделирование, нейросети, семантические расстояния, доверие речевому сообщению

Моделирование психических процессов является трендом современной психологической науки, так как обладает преимуществами любой модельной концепции – объяснительной и предсказательной.

Наше моделирование принятия решения о доверии речевому сообщению базируется на гипотезе о модификации матрицы семантических расстояний субъекта (в модели – изменение весов межнейронных связей) в зависимости от совпадения его прогноза с действительностью (в модели – соответствие результата на выходном слое нейронов требуемому) [1].

Здесь моделью выступает нейросеть. Согласно исследованию, задачей модели будет выразить степень доверия 37 текстам по шкале от 0 до 9 баллов. В процессе её построения нами был проведен короткий экскурс в действующие нейросети: Microsoft Copilot и Chat GPT4.0 от Open AI.

С одной стороны, экскурс не представляет большой научной ценности, так как не известны ни архитектура, ни принципы обучения нейросети, следовательно, невозможно обоснованно распространить какие-либо заключения на нашу модель.

С другой стороны, отступление определённно любопытно, потому что нейросети, хотя и не специализированы под наши задачи, тем не менее обучены на огромном количестве текстового материала [2], и эпифеноменом вполне могут выразить доверие и недоверие тексту, что, конечно, может помочь при построении нашей модели.

Всего было проведено по 18 измерений ответов обеих нейросетей.

Несколько наблюдений по их результатам:

1. В выражении доверия ответы моделей значимо между собой не различаются. При сравнении попарно методом Манна-Уитни было обнаружено различие в 5 из 37 текстов ($p =$ от 0,004 до 0,041, $n_1 = 18$, $n_2 = 18$, $a = 0,05$). С учётом поправки на множественность сравнений Бонферрони 37 измерений определили «а» новую = 0,0015, поэтому кажется целесообразным поправки пока не учитывать. Впрочем, и тексты, по которым обнаружены различия, не содержали недостоверной информации. Однако GPT всё же проявила к ним гораздо меньше доверия, чем Copilot.
2. Вообще, обе модели неоднократно выражали недоверие текстам неочевидной правдоподобности, но по сути достоверным, а также выражали больше доверия недостоверным текстам, чем люди ($p =$ от 0,0001 до 0,007, $n_1 = 68$, $n_2 = 36$, $a = 0,05$).
3. Обе сети иногда попадали в локальные минимумы: начинали формулировать однообразные ответы и были склонны либо к завышению, либо к занижению оценок на 2–3 балла на протяжении всей итерации, в том числе правдоподобным заурядным текстам, не имеющим и намёка на недостоверность.
4. Судя по комментариям к своим ответам, обе сети были склонны к оценке достоверности текстов как сумме оценок частей текста. Такая логика изначально казалась некорректной, так как даже одна неправдоподобная часть должна ставить под сомнение весь текст целиком, поэтому ожидалось, что люди будут склонны оценивать достоверность более категорично. Тем не менее, разброс оценок людей по каждой переменной оказался выше, чем у нейросетей. Из них по 7 текстам обнаружены значимые различия: ($p =$ от 0,0001 до 0,04, $n_1 = 68$, $n_2 = 36$, $a = 0,05$).
5. Модели не отражают в комментариях к ответам понимание имплицитного смысла, иронии, юмора, испытывают трудности с вычленением главных и второстепенных компонентов общего смысла текста.
6. Copilot избегает крайних оценок: модель ни разу не выразила доверие в 0 или 9 баллов.

В целом можно заключить, что нейросети ChatGPT & Copilot выражают доверие текстам по-другому, чем люди, что неудивительно, принимая во внимание их программную направленность, в первую очередь, на содействие интернет-пользователям.

1. Gorbunov I., Pershin I., Zainutdinov M., Koval V. Using the Neural Model of the Person's Semantic Space to Reveal the Occurred with Him Events. IMCIC 2019-10th International Multi-conference on Complexity, Informatics and Cybernetics // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2019. – № 2. – С. 164.
2. Copilot lab. ChatGPT и Microsoft Copilot: в чем разница? Служба поддержки Майкрософт.

Свобода воли при моделировании принятия решения

Моделирование, нейросети, семантические расстояния, принятие решения, свобода воли

В настоящее время популярностью пользуется нейросетевая концепция психики. В её основании лежит аналогия работы нейронов головного мозга и искусственных нейронов за счёт одинакового принципа потенциала действия, который передаёт возбуждение от нейрона к нейрону через код: 0 и 1. За счёт комбинаторики двоичного кода, обучения, изменения весов межнейронных связей и другим принципам созданная по ним нейросеть действует как многократно упрощенная модель головного мозга, вследствие чего появляется возможность математического объяснения и прогноза психических процессов.

Всё то же относится и к моделированию принятия решения.

Камнем преткновения здесь становится феномен «свободы воли» (далее – СВ). Представление о воле как ничем заранее не обусловленной «конечной причине» действия предполагает разрыв причинного ряда явлений, что противоречит потребности научного объяснения [1]. По этой причине СВ не может являться строго научным термином, так как прямо противоречит принципу детерминизма.

Исследователи разошлись во мнениях относительно СВ: от утверждения, что это иллюзия, до полного отрицания детерминизма. Также есть позиция, которая, не отвергая наличия СВ, утверждает, что её гораздо меньше, чем кажется.

Каждая сторона имеет аргументы «за» и «против». Так, например, исследования Д.Д. Хайнеса доказывают, что осознание человеком принятия решения происходит спустя порядка 10 секунд после соответствующей активности на физиологическом уровне – что СВ прямо отрицает [2].

Эту проблему необходимо решить максимально простым способом, чтобы не увязнуть в бесконечном споре, который, пока не решена психофизиологическая проблема и трудная проблема сознания, обречён на существование. Для этого целесообразно бритвой Оккама отрезать лишние сущности.

СВ, обобщенно, понимается в двух аспектах: 1) как спонтанная, ничем не детерминированная активность; 2) как свобода выбора между двумя и более детерминированными возможностями.

На вопрос, можно ли при моделировании – во всяком случае нейросетей, обучаемых на основе семантических связей, запрограммировать волевой компонент, следует ответ: да, можно, в том упрощении, в каком модель способна отразить исходный объект или явление. В данном случае это будет одним из модулей нейросети (воля), который воздействует на другой, отвечающий за соответствие прогнозов результатам (потребности). Согласно марковским процессам, каждое последующее состояние модели зависит от предыдущего (т.е. детерминировано), однако сам переход все равно предполагает, как минимум, две альтернативы и носит вероятностный характер.

Другое дело, что при построении модели, в таком усложнении не видится необходимости, если нейросеть, обученная на матрице семантических расстояний своего живого прототипа, сможет предугадывать каждое последующее слово без привлечения дополнительного модуля, то есть формулировать решение в том же смысловом ключе, что и прототип [3].

Отсюда наиболее простым решением видится, не отвергая и не придерживаясь существования свободы воли, игнорировать её как объяснительный принцип, если модель сможет воспроизводить нужную функцию и без него до тех пор, пока это представляется целесообразным. Предсказательная же функция психологической концепции в таком случае сведётся к очерчиванию определённых внешними причинами рамок поведения, оставляя в предсказанных рамках свободу поступков.

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. – 3-е изд. Т. 23. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – С. 640.
2. Chun Siong Soon, Marcel Brass, Hans-Jochen Heinze, John-Dylan Haynes. Unconscious determinants of free decisions in the human brain // *Nature Neuroscience*. – 2008. – 11. – P. 543–545. Published: 13 April 2008.
3. Gorbunov I., Pershin I., Zainutdinov M., Koval V. Using the Neural Model of the Person's Semantic Space to Reveal the Occurred with him Events. *Imcic 2019-10th International Multi-Conference On Complexity, Informatics and Cybernetics. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2019. – № 2. – С. 164.

Моделирование влияния ошибок предсказания на процессы внимания у больных шизофренией

Внимание, дофамин, научение с подкреплением, ошибки предсказания, шизофрения

Шизофрения является социально значимым заболеванием, которое приводит к нетрудоспособности существенной части больных. Симптомы шизофрении затрагивают различные сферы психической деятельности, включая когнитивные дефекты, в связи с чем проводятся попытки не только их систематизировать (включая деление на позитивные и негативные), но и найти общий патогенетический источник.

Исходя из дофаминовой гипотезы, развитие шизофрении связано с патологиями дофаминовой системы, которая принимает активное участие в механизмах вознаграждения. Существует версия, что это оказывает влияние на процессы научения с подкреплением в связи с ответом на ошибки предсказания: дофаминовые рецепторы реагируют асимметрично на позитивные и негативные ошибки (ответ на присутствие неожиданной награды сильнее, чем на отсутствие ожидаемой), что ещё ярче проявляется у больных [1]. Другая точка зрения обращает внимание на нарушения внимания, в том числе его избирательности и объёма, рассматривая это, а также искажение механизмов придания значимости, как корень патологии [2].

Эти версии, тем не менее, необязательно противоречат друг другу. Внимание связано с отделением значимой информации от шума, часто непредсказуемого и хаотичного. Соответственно, сила реакции на непредсказуемые стимулы может влиять на то, какое значение будет придаваться таким фоновым раздражителям, или, напротив, какие потенциально важные стимулы будут отодвигаться в категорию нерелевантных. Этот же принцип «фигуры и фона» можно распространить на выделение ключевых признаков предмета или группы, что будет влиять на категоризацию, нарушения которых также присущи больным.

Такие процессы возможно моделировать с использованием рекуррентных нейронных сетей, либо же трансформеров с использованием контекстных слоёв первых и механизмов внимания вторых. С помощью манипулирования параметрами системы оценки возможно изменить то, какие ошибки – позитивные или негативные – оказывают большее влияние на процесс обучения сети, и после этого сравнить, какое влияние такие изменения оказывают на требующие использования таких механизмов влияния задачи. Кроме того, такого рода испытания можно предварительно провести на людях, здоровых и больных шизофренией, чтобы была возможность сравнить моделируемые и реальные результаты.

В качестве эксперимента можно использовать двойственные изображения, опираясь на исследования Шафера и Мэрфи, в которых испытуемым демонстрировали контур одного из двух лиц с последующим вознаграждением либо наказанием соответственно, после чего показывали изображение с двойственной фигурой (совмещающей черты обоих лиц), и просили распознать лицо на нём. Согласно высказанным ранее предположениям, нейросеть с большей чувствительностью к позитивным ошибкам скорее выберет стимул, ассоциирующийся с подкреплением, чем с наказанием, сравнивая с сетью с «нейтральными» параметрами, и подобная динамика должна прослеживаться у больных и здоровых людей – схожие результаты уже проявлялись в задачах на вероятностный выбор [2]. Кроме того, можно дополнительно варьировать степень выраженности черт одного или другого изображения в двойственном, чтобы увидеть, сохранится ли та же самая закономерность.

Таким образом можно будет достигнуть более глубокого понимания не только патологии шизофрении, но и механизмов функционирования когнитивных процессов в связи с ошибками предсказания.

1. Плотников Д.В., Барт Ю.И., Зданович А.И. Патология внимания как важный аспект нейрокогнитивного дефицита при шизофрении // *Innova*. – 2018. – № 2 (11). – С. 18–21.
2. Maia T.V., & Frank M.J. From reinforcement learning models to psychiatric and neurological disorders // *Nature neuroscience*. – 2011. – 14 (2). – P. 154–162. – URL: <https://doi.org/10.1038/nn.2723>.

Процедура оценки сопряженных свойств индивида на примере способов решения текстовых задач

Полиморфизм, способы решения, кластерный анализ

Решение проблемы полиморфной индивидуальности возможно при оценке сопряженных свойств индивидов, позволяющей выделять пересекающиеся классы эквивалентности, достижимо в исследованиях квазиэкспериментального типа. Для такой оценки в исследованиях, направленных на операционализацию конструкта «Способы решения» (СПР) [1; 5] был разработан протокол, который позволяет, путём группировки характеристик решения задач и установления их соответствия психологическим характеристикам, выделять группы участников исследования с различающимися СПР. Протокол включает следующие шаги:

1. Оценка пригодности переменных для дальнейшего анализа. В соответствии с рекомендациями SPSS (критерий 80% вариативности).
2. Иерархическая агломеративная кластеризация для определения соотношений между отобранными переменными (стандартизация 0–1; метрика Евклида, метод дальнего соседа).
3. Кластеризация наблюдений по отобранным переменным при помощи процедуры двухшаговой кластеризации (AIC, Log-Likelihood).
- 4 и 5. Оценка распределения отобранных переменных в выделенных кластерах (критерии оценки распределения переменных для k независимых групп).
6. Статистическая оценка качества кластеризации проводится при помощи дискриминантного анализа, где выделенные кластеры выступают в качестве теоретических групп.
7. Применение дискриминантного анализа для соотнесения характеристик решения и психологических характеристик с дальнейшей оценкой по критерию χ^2 степени пересекаемости выделенных групп.

Протокол исключает механическое разбиение выборки (например, по медиане) и позволяет проводить оценку множества потенциально сопряженных показателей, что согласуется с требованиями операционализации теоретических конструктов и реализует общую логику создания переменных-дескрипторов. Применение протокола при оценке связности показателей вариативности сердечного ритма и показателей состава тела [2] позволило определить, что увеличение числа регистрируемых показателей не приводит к экспоненциальному росту числа выделенных групп. Таким образом, рост числа групп ограничен некоторым пределом: их число увеличивается до точки, после которой добавление любого количества переменных не меняет общую картину. Протокол обеспечивает возможность для сопоставления СПР не только текстовых, но и задач других типов, например, игровых. Ранее были предприняты попытки построения классификации задач по их формальным характеристикам [3], а также по сопоставлению текстовых и игровых задач на основе реконструкции структуры поведения [4], однако общим решением является операционализация конструкта СПР с учётом множества сопряженных свойств индивидов, что обеспечивает валидное описание возможных групп индивидов и системной организации их поведения при взаимодействии с разными предметными областями.

1. Апанович В.В., Тищенко А.Г., Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Способы решения аналитических и холистических задач // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 52–71.
2. Варфоломеева А.В., Тищенко А.Г., Александров Ю.И. Связность общеорганизменных показателей: вариативность сердечного ритма и состав тела // Интегративная физиология: Всероссийская конференция с международным участием. Тезисы докладов. – СПб.: Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН, 2023. – С. 98.
3. Тищенко А.Г., Апанович В.В. Энтропия текста и формальные показатели решения как критерий выделения аналитических и холистических групп задач // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. – Светлогорск: Институт психологии РАН, 2018. – С. 971–972.
4. Тищенко А.Г. и др. Сравнительный анализ характеристик текстовых и игровых задач // Труды Шестой Всероссийской конференции. – Нижний Новгород: Институт прикладной физики, 2019. – С. 187–190.

5. Тищенко А.Г., Апанович В.В., Александров Ю.И. Дескрипторы способов решения текстовых задач: соотношение с индивидуально-психологическими характеристиками // Вопросы психологии. – 2021. – № 2. – С. 135–147.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00389, <https://rscf.ru/project/24-18-00389/>.

Архитектура и механизмы работы нейросетей головного мозга

Функциональные, структурные и эффективные коннекты, анализ топологии, нейросети головного мозга

Формирование и развитие когнитивных систем в онтогенезе осуществляется за счет генетических программ и функционального системогенеза при приобретении субъективного опыта в поведенческих актах [1]. Динамические функциональные изменения нейросетей головного мозга предполагают возможность включения нейронов/нейрональных групп в разные архитектуры когнитивных систем с разной специализацией и особенностью их временной активности. Для регистрации этих процессов нами был разработан ряд методов и подходов. С помощью разработанных методов анализа фМРТ-данных в задаче нейросемантического картирования корпуса русского языка показано, что нейросемантические кластеры распределены не только по коре головного мозга, но и дополнительного также в зонах мозжечка и внутренних структур серого вещества головного мозга. При фМРТ-исследовании состояний переходов сон-бодрствование применение скрытых марковских моделей позволило нам показать, что одни и те же крупномасштабные нейросетевые структуры головного мозга (число состояний от 15 до 19) участвуют с разной временной продолжительностью на стадиях от N1 до N3 сна и бодрствования и имеют разные вероятностные переходы между ними. Помимо показанного широкомасштабного распределения нейрокогнитивных систем было обнаружено, что само изменение в нейросетевой активности начинается/продолжается за несколько секунд до/после поведенческого акта. По кальциевому сигналу (иногда подпороговому) активности специализированных нейронов у трансгенных мышей была показана возможность предсказания, какой поведенческий акт выполнит животное еще на уровне формирования модели последующего поведенческого акта. На основе полученных фМРТ-данных в исследовании механизмов инсайта показано, что динамические изменения активности специализированных нейросетей наблюдаются за 3 или более секунд до вербального решения задачи испытуемым, когда решение достигает уровня сознания. При решении когнитивных задач наблюдается активность нейросетей всего субъективного опыта, ассоциативно связанного с данной задачей, и нейросети модифицируются после каждого извлечения субъективного опыта из памяти и достижения результата выполнения задачи. Наши фМРТ-исследования активации мультимодальных областей коры больших полушарий при прослушивании человеком биологически значимых сигналов о движении показали, что в ряде областей коры головного мозга (right angular gyrus, right precuneus, left middle temporal gyrus, right middle cingulate area) в течение 30 с после окончания слуховой стимуляции фМРТ-сигнал сохранялся, после чего возвращался к уровню, наблюдавшемуся до стимуляции. Таким образом, активация нейросетей сложна и не всегда совпадает с началом или окончанием стимуляции и, кроме того, параллельно с нейросетью, связанной с выполнением данной когнитивной задачи, активны другие нейрональные ансамбли. С помощью метода независимых компонент в фМРТ-исследовании «зеркальных» нейросетей было показано, что одновременно при представлении или просмотре моторных действий, для которых есть или отсутствует опыт их выполнения, активируется не менее 7 крупномасштабных широко-распределенных сетей головного мозга, при этом динамика некоторых из них коррелирует или антикоррелирует с парадигмой работы систем «зеркальных» нейронов. В дальнейшем для расчетов и построения функциональных и эффективных динамических коннектов на основе модель-связанных и модель-свободных методов [2] нами был разработан метод расчета функционально однородных регионов (ФОР). Метод ФОР показал преимущество в более реальной оценке фМРТ-сигнала макромасштабных регионов головного мозга по сравнению с методами принципиальных и независимых компонент. Для анализа структуры полученных коннектов/графов хорошо подходят методы топологии с расчетом лапласианов, кривизны вершин, симплексов, что дает возможность проводить анализ структуры с индивидуальной вариабельностью и без отсечки данных по уровню значимости. Данные подходы могут иметь применение в медицинских системах диагностики.

1. Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века. – М.: Пер Се, 2003.
2. Wang H.E., Friston K.J., Bénar C.G., Woodman M.M., Chauvel P., Jirsa V., Bernard C. MULAN: Evaluation and ensemble statistical inference for functional connectivity // NeuroImage. – 2018. – Vol. 166. – P. 167–184.

Работа частично поддержана грантом РНФ № 20-15-00299П (расчет нейрофизиологических, молекулярных и клинических данных больных шизофренией), грантом РНФ № 23-78-00010, <https://rscf.ru/project/23-78-00010/> (расчет архитектур нейросетей головного мозга и создание модели их функциональной работы).

Использование сверточных нейронных сетей для предсказания семантической интерференции на основе данных электроэнцефалографии

Семантическая интерференция, нейронные сети, ResNet18, тест Струпа

Семантическая интерференция представляет собой когнитивное явление, при котором конфликт между различными уровнями обработки информации приводит к замедлению или ошибкам в выполнении задач [3]. Понимание механизмов семантической интерференции может расширить наши знания о работе мозга и его адаптивных способностях, что имеет важное значение для нейронаук и когнитивной психологии. Также стоит отметить, что применение современных методов анализа данных, таких как нейронные сети, открывает новые перспективы для точного и быстрого предсказания когнитивных состояний, что может быть полезно в различных прикладных областях, включая образование и нейротехнологии.

Одним из классических примеров семантической интерференции является тест Струпа [2]. В данном исследовании мы стремились изучить возможность предсказания семантической интерференции с помощью сверточных нейронных сетей на основе данных электроэнцефалографии (ЭЭГ).

В исследовании приняли участие 30 здоровых испытуемых. Для проведения эксперимента использовалась программа PsychoPy, с помощью которой испытуемым демонстрировался тест Струпа. Испытуемые называли цвета слов, и, в зависимости от их ответа, им выставлялась положительная или отрицательная оценка. Во время ответа фиксировались специальные метки, на основании которых выделялись временные отрезки ЭЭГ: 200 миллисекунд до метки и 800 миллисекунд после метки.

Эти отрезки ЭЭГ были преобразованы в изображения с использованием библиотеки Matplotlib и разделены на тренировочные и тестовые выборки. Для анализа данных была использована сверточная нейронная сеть ResNet-18[1].

Обучение модели показало высокие показатели точности (accuracy) в большинстве энцефалографических отведений. Наиболее значимые результаты представлены ниже:

- Fp_1 Epoch_19 accuracy: 95,65%;
- Fpz Epoch_25 accuracy: 91,1%;
- F8 Epoch_25 accuracy: 91,2%;
- F7 Epoch_19 accuracy: 93,48%;
- F4 Epoch_24 accuracy: 93,48%;
- F3 Epoch_24 accuracy: 91,3%;
- Cz Epoch_24 accuracy: 89,13%;
- C4 Epoch_18 accuracy: 82,61%;
- C3 Epoch_21 accuracy: 95,65%;
- T4 Epoch_19 accuracy: 97,83%;
- P3 Epoch_22 accuracy: 84,78%;
- Pz Epoch_20 accuracy: 95,65%;
- P4 Epoch_23 accuracy: 84,78%;
- T6 Epoch_22 accuracy: 93,47%;
- O1 Epoch_23 accuracy: 82,6%;
- O2 Epoch_21 accuracy: 86,95%.

Полученные результаты демонстрируют, что процесс возникновения семантической интерференции можно предсказывать с помощью нейронных сетей. Данное исследование является пилотным, и перспективы дальнейших исследований могут заключаться в расширении выборки для увеличения точности распознавания семантической интерференции.

По итогам исследования можно заключить, что ЭЭГ сигнал при семантической интерференции качественно отличается от сигнала при правильных ответах на задачу Струпа. Этот факт открывает перспективы дальнейшего изучения данного феномена для определения мозговых механизмов, лежащих в основе семантической интерференции.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение выборки и использование более сложных моделей для повышения точности предсказания. Также важно изучить, как различные когнитивные и эмоциональные состояния могут влиять на результаты предсказания семантической интерференции.

1. He K. et al. Deep residual learning for image recognition // Proceedings of the IEEE conference on computer vision and pattern recognition. – 2016. – С. 770–778.
2. Sturz B. R. et al. Stroop interference in a delayed match-to-sample task: Evidence for semantic competition // Frontiers in Psychology. – 2013. – Т. 4. – С. 842.
3. Wei T., Schnur T. T. Long-term interference at the semantic level: Evidence from blocked-cyclic picture matching // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 2016. – Т. 42, №. 1. – С. 149.

Айламазьян А.М., Савченко Н.Л.
Москва, ФГБНУ ФНЦ ПМИ

О роли моторного компонента в музыкальном переживании

Музыкальное движение, музыкальное переживание, моторный компонент музыкального восприятия, личность

Исследование музыкального переживания и его роли в жизни личности остается труднореализуемой задачей. Особенно актуальной проблемой является обнаружение механизмов, лежащих в основе музыкального восприятия.

Роль моторного компонента в возникновении музыкального образа, музыкального переживания подчеркивается в работах Б.М. Теплова, Д.К. Кирнарской, С.Д. Рудневой, Г.А. Ильиной, А.М. Айламазьян и др. [1–5]. Он выступает в качестве «центрального синестетического механизма» [3], опосредующего восприятие музыки и способствующего выявлению ее интонационной и смысловой стороны. Существуют практики, в которых музыкальное переживание организуется с помощью движения, одной из них является «метод музыкального движения» [1, 4].

Мы предполагаем, что благодаря двигательному опосредованию восприятия музыкального произведения (двигательному уподоблению), преобразуется музыкальное переживание: возникает личностная включенность, которая проявляется в эмоциональном отклике; переживание адекватно отражает музыкальную интонацию, музыкальное произведение воспринимается как динамический процесс – целостно.

Для выявления воздействия двигательного проживания музыки на ее восприятие было проведено эмпирическое исследование.

В эксперименте приняли участие 76 человек. Экспериментальную группу составили 35 человек: 18 из них для прослушивания предлагался Лендлер № 7 Ф. Шуберта, 17 человек слушали Прелюдию И. Баха. Контрольная группа включила 41 участника: 19 человек слушали первое произведение и 22 – второе, соответственно. Дизайн исследования подразумевал два прослушивания музыки, после каждого респонденты описывали свои впечатления от услышанного произведения в свободной форме. Между первым и повторным прослушиванием для экспериментальной группы проводился мастер-класс по музыкальному движению, контрольная же группа слушала лекцию на психологическую тематику. Представители экспериментальной группы во время мастер-класса двигались в рамках специально организованных упражнений, позволяющих активизировать моторный компонент при восприятии музыки, а повторное прослушивание музыкального произведения в конце мастер-класса сопровождалось их самостоятельным двигательным ответом на звучащую музыку (импровизацией).

На основе полученных результатов проведен качественный анализ свободных описаний прослушанных произведений с использованием выделенных категорий. Было обнаружено, что благодаря двигательному проживанию музыки растет эмоционально-личностная вовлеченность слушающего. Также по сравнению с контрольной группой, в экспериментальной группе, при восприятии музыки с движением, в два раза чаще встречаются изменения качественного характера в восприятии музыки. Они отражаются в содержательном изменении переживания, при этом фиксируется либо смена знака переживания, либо развитие, углубление, проблематизация переживания, либо разрешение проблемного восприятия. Кроме того, отмечается, что при двигательном проживании музыки она в 34% случаев начинает восприниматься не «со стороны», а «как бы изнутри». Участники экспериментальной группы чаще начинают описывать интонационную и смысловую динамику музыки, воспринимая ее как единое целое.

1. Айламазьян А.М. Музыкальное движение как средство постижения внутренней формы музыкального произведения // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 55–71.
2. Ильина Г.А., Руднева С.Д. К вопросу о механизме музыкального переживания // Вопросы психологии. – 1971. – № 5. – С. 66–74.
3. Кирнарская Д.К. Музыкальное восприятие. – М.: Кимос-Ард, 1997.
4. Руднева С.Д., Фиш Э.М. Ритмика: Музыкальное движение. – М.: Просвещение, 1972.
5. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. М.–Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947.

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 24-28-01252 «Анализ структуры музыкального переживания, выраженного в двигательной форме (на материале практики музыкального движения)».

Использование обценной лексики при разных уровнях выраженности алекситимии

Алекситимия, обценная лексика, эмоциональные переживания

Обценная лексика (ОЛ) представляет собой уникальный феномен: длительность её присутствия в языке измеряется столетиями, так же, как и время, на протяжении которого на неё накладывается табу, – при этом сама ОЛ сохраняется практически в неизменном виде. Подобная длительность присутствия ОЛ в русском языке может быть объяснена разнообразием её функций, к числу которых относят катартическую и экспрессивную [2]. Сам же статус табу придаёт обценным словам дополнительную эмоциональную окраску, часто более выраженную, чем обозначаемые ими объекты [3].

ОЛ изучается преимущественно в рамках лингвистики, однако представляется интересным рассмотрение её психологических аспектов и поиск возможных предикторов её использования. В качестве подобного предиктора в данной работе рассматривается алекситимия как психологическая характеристика индивида, связанная с трудностями описания собственных эмоциональных переживаний [1]. Среди возможных причин формирования алекситимии рассматриваются недостаток эмотивной лексики, сложность в поиске адекватных языковых средств для обозначения внутреннего опыта [5] – в таком случае ОЛ может выступать универсальным средством эмоциональной разрядки [2]. Увеличение распространённости ОЛ в современном обществе [2] может приводить к формированию положительного отношения к ней и, как следствие, более частому использованию данного пласта языка.

Наше поисковое исследование было направлено на изучение влияния выраженности алекситимии на характер употребления ОЛ молодыми взрослыми.

Мы предполагали, что 1) частота употребления ОЛ положительно связана с выраженностью алекситимии; 2) более высокий уровень алекситимии связан с положительным отношением к использованию ОЛ в различных сферах жизни.

Данные собирались онлайн (N = 50, 18–21 г., студенты 1–3 курсов вузов), заполнение формы занимало ~ 35–40 минут и не предполагало получение какого-либо вознаграждения.

Для диагностики выраженности алекситимии применялась Торонтская шкала алекситимии TAS-20, адаптация Е.Г. Старостиной и др. [4]; частота употребления ОЛ и отношение к ней выявлялись посредством использования авторского опросника. Для статистической обработки данных использовался корреляционный анализ с применением коэффициента r-Пирсона, выполненный в программе JASP.

Мы не обнаружили корреляции между выраженностью алекситимии и средним значением частоты употребления ОЛ, что позволяет отклонить первую гипотезу. Однако была установлена слабая положительная связь ($r = 0,029$; $p < 0,05$) между показателями алекситимии и частотой использования ОЛ при одноклассниках и/или коллегах – это может быть проявлением такой функции ОЛ, как уравнивание статусов [2]; эта функция представляется особенно важной для молодых взрослых, которым приходится регулярно адаптироваться в новых коллективах.

Также была обнаружена слабая положительная связь ($r = 0,283$; $p < 0,05$) выраженности алекситимии и среднего значения отношения респондентов к ОЛ, что согласуется со второй гипотезой. При этом наблюдались умеренные положительные связи между показателями алекситимии и отношением к употреблению ОЛ мужчинами ($r = 0,309$; $p < 0,05$) и женщинами ($r = 0,31$; $p < 0,05$), что подтверждает тезис о постепенном исчезновении различий в отношении к ОЛ в зависимости от пола человека, её употребляющего [2].

1. Брель Е.Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник КемГУ. – 2012. – № 3 (51). – С. 173–176.
2. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд. – М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
3. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. 2-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 560 с.
4. Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К. и др. // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – № 4. – С. 31–38.
5. Трунов Д.Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2010. – № 2 (2). – С. 93–99.

Ценностные установки как фактор, обуславливающий успешность адаптации личности в условиях жесткой регламентации

Профессиональное благополучие, художники, возраст

Методологическую основу исследования составили: субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна [1], а именно: принцип единства сознания и деятельности, принцип субъектности), теория деятельности А.Н. Леонтьева [2], культурно-историческая теория Л.С. Выготского (принцип культурного опосредования психики, сознания и поведения) [3]; концепция ценностей и личностных смыслов А.Н. Леонтьева и Д.А. Леонтьева.

Проблемой исследования выступили ценностные установки личности в условиях адаптации в условиях жесткой регламентации.

Гипотеза: важным фактором, определяющим особенности адаптации личности к служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, является наличие или отсутствие непосредственного контакта со спецконтингентом.

С целью определения влияния ценностных установок личности сотрудника уголовно-исполнительной системы на успешность адаптации к служебной деятельности были использованы следующие методики: методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера, методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фаталовой, методика диагностики предрасположенности к конфликтному поведению К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной), методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича. Выбор данных методов опосредован изучением важных составляющих при понимании влияния ценностных установок на успешность адаптации персонала и эффективность решения выполняемых задач.

Обработка результатов проводилась при помощи факторного анализа и непараметрического критерия Манна-Уитни. Данные методы статистического анализа были выбраны для наглядности нормативных и индивидуальных ценностей в двух группах.

В исследовании приняли участие 164 человека, из них: 100% – сотрудники мужского пола, 58% – с высшим образованием, 52% – состоящих в зарегистрированном браке. Гендерные особенности в рамках данной работы не рассматривались. Разделение подгрупп производилось по принципу: лица, непосредственно контактирующие со спецконтингентом, не контактирующие.

Анализ полученных результатов в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, позволил выделить фактор «Благополучие», куда вошли такие важные ценности для данной группы: достижение успеха, авторитетность, благосостояние, влияние на окружающих, власть, социальное признание. Эти ценности отражают интересы индивида и отражают группу ценностей «Самовозвышение» (при $p < 0,5$).

Второй фактор в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, был назван «Автономия», в который вошли следующие ценности: власть, стимулирование, интеллект, интересная жизнь, умение прощать, исполнительность, общественное признание, материально обеспеченная жизнь (при $p < 0,5$).

Третий фактор «Духовность» в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, включает в себя следующие ценности: самодисциплина, взаимопомощность, самоконтроль, широта взглядов, благожелательность, конформность. Данные ценности относятся к блоку «Самоопределение» (при $p < 0,5$).

Анализ данных, полученных при помощи методики «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фаталовой, в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, позволил выделить следующие нормативные ценности: уважение традиций, полезность, интересная жизнь. Среди индивидуальных ценностей – наличие друзей, счастливая семейная жизнь. Важные жизненные сферы попадают в нейтральную зону, то есть бесконфликтную.

К числу терминальных ценностей в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, относятся: социальное взаимодействие, личное счастье, социальная успешность, наличие друзей. К инструментальным ценностям в данной группе относятся: самоконтроль, твердая воля, исполнительность, то есть ценности, востребованные социальным окружением.

Итак, в группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, в наибольшей степени преобладают нормативные ценности, ценности социального взаимодействия, сохранения принятых традиций и норм.

Анализ полученных результатов в группе сотрудников, не контактирующих со спецконтингентом, позволил выделить следующие факторы.

Первый фактор «Отрицание стабильности» включает в себя следующие ценности: широта взглядов, авторитетность, скромность, социальная справедливость, благосостояние, отвага, любовь, материально обеспеченная жизнь, высокие запросы (при $p < 0,5$).

К ценностям второго фактора «Отрицание социальных традиций» в группе сотрудников, не контактирующих со спецконтингентом, относятся: любознательность, власть, наслаждение жизнью, отрицание традиций, потакание себе, развлечения, интересная жизнь (при $p < 0,5$).

К третьему фактору «Отрицание общественно значимых качеств» в группе сотрудников, не контактирующих со спецконтингентом, относятся следующие ценности: взаимослужливость, выбор собственных целей, счастье других, уверенность в себе, отсутствие внутренней гармонии (при $p < 0,5$).

Анализ данных, полученных при помощи методики «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фаталовой, в группе сотрудников, не контактирующих со спецконтингентом, позволил определить следующие нормативные ценности: скромность, удовольствие, уединение, авторитетность. Среди индивидуальных ценностей – любовь, чуткость, высокие запросы, продуктивная жизнь. Для данной группы сотрудников преобладают индивидуальные ценности, возможен конфликт с нормативными требованиями.

Проведенное исследование дает основания предположить, что ценностные установки, согласованность нормативных и индивидуальных ценностей, повышают успешность адаптации к служебной деятельности. В группе сотрудников, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, рассогласование ценностных ориентиров выражено в наименьшей степени, что дает основание полагать, что поставленные задачи будут выполняться без внутреннего конфликта с ориентацией на интериоризацию норм и правил, принятых в социальной жизни пенитенциарной системы.

У сотрудников, не контактирующих со спецконтингентом, наблюдается рассогласование нормативных и индивидуальных ценностей, где индивидуальные ценности превалируют. Возможно, данные условия будут создавать трудности в успешности выполнения поставленных задач по причине имеющегося внутриличностного конфликта.

Таким образом, получены следующие результаты: рассогласование нормативных и индивидуальных ценностей выражается во внутренних конфликтах (ощущение невозможности достижения значимых ценностей); рассогласование нормативных и индивидуальных ценностей приводит к значительным изменениям в поведенческой сфере личности сотрудника уголовно-исполнительной системы; при рассогласовании нормативных и индивидуальных ценностей наблюдается дезадаптивность и противоречивость поведенческих реакций.

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М: Политиздат, 1975. – 304 с.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций: Собр. соч. В 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. – М.: Педагогика, 1983. – 367 с.

Взаимосвязь домен-специфичной самооценки креативности с общей самооценкой креативности и имплицитными теориями креативности

Креативность, имплицитные теории креативности, самооценка креативности, домен-специфичная самооценка креативности

Креативность – это комплексное понятие, играющее важную роль во многих сферах человеческой жизни. Несмотря на растущий интерес к этой теме, многие аспекты креативности ещё недостаточно исследованы. Одним из таких аспектов остается субъективная представленность креативности в сознании личности.

Е.М. Павлова [2] указывает на два уровня представленности креативности в самосознании человека: глубинный уровень имплицитных теорий и более осознаваемый уровень самооценки креативности. Эти уровни соотносимы с бытийным и рефлексивным уровнями слоями самосознания личности по В.П. Зинченко [1].

Имплицитные теории креативности отражают неосознаваемые представления о том, что такое креативность, и формируются на основании личного опыта человека. Самооценка креативности формируется сознательно на основании оценки и сравнения своих креативных способностей с другими.

Особое место в этой системе занимает домен-специфичная самооценка креативности, которая располагается между этими слоями, объединяя в себе сознательную оценку креативных способностей и менее осознанные представления о проявлении креативности в конкретных доменах.

Предполагается, что представления о креативности на разных уровнях самосознания взаимосвязаны. Исследование Е.М. Павловой [2] показало связь имплицитных теорий и самооценки креативности, однако взаимосвязи этих показателей с домен-специфичной самооценкой креативности не рассматривались.

Мы предполагаем взаимосвязь домен-специфичных самооценок креативности с общей самооценкой креативности и с имплицитными теориями креативности, а также взаимосвязь общей самооценки креативности и имплицитных теорий креативности.

В исследовании приняли участие 635 человек в возрасте от 17 до 49 лет ($M = 20,29$, $SD = 3,32$), являющихся студентами, магистрантами и аспирантами Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Выборка включала 479 женщин и 156 мужчин.

Были использованы методики:

1. Опросник имплицитных теорий креативности (КИТ) [2].
2. Шкала доменов креативности Кауфмана, Kaufman Domains of Creativity Scale – K-DOCS в русскоязычной апробации [3].
3. Процедура прямой самооценки креативности (СОК), где испытуемым, подобно методу самооценки интеллекта А. Фернхема, дается рисунок нормального распределения от 55 до 145 баллов и инструкцией выбрать свой балл.

Результаты. Все шкалы домен-специфичной самооценки креативности положительно связаны с общей самооценкой креативности ($\rho = 0,186; 0,223; 0,295; 0,146; 0,259$ при $p < 0,01$ для самооценок повседневной и академической креативности, креативности в перформансе, научно-технической креативности и креативности в искусстве соответственно).

Самооценка креативности в повседневной ($\rho = 0,154; 0,138; 0,174; 0,156$ при $p < 0,01$ для шкал Активность, Творческий потенциал, Новизна и Оригинальность соответственно) и академической ($\rho = 0,1; 0,103; 0,112; 0,171$) сферах, а также креативности в искусстве ($\rho = 0,235; 0,174; 0,224; 0,177$) связаны с выраженностью всех шкал имплицитных теорий креативности. Самооценка креативности в перформансе связана с имплицитной теорией креативности как активности ($\rho = 0,136$).

Общая самооценка креативности связана со имплицитными теориями креативности ($\rho = 0,182; 0,203; 0,223$ при $p < 0,01$ для шкал Творческий потенциал, Новизна и Оригинальность соответственно).

Полученные результаты позволяют предположить общность функционирования представлений о креативности на уровнях общей и домен-специфичной самооценок креативности и имплицитных теорий креативности.

1. Корнилова Т.В. и др. Принцип неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. – М.: Смысл, 2010.
2. Павлова Е.М. ИмPLICITные теории и самооценка креативности в структуре самосознания личности // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 75–94.
3. Miroshnik K.G., Shcherbakova O.V., Kaufman J.C. Kaufman Domains of Creativity Scale: Relationship to occupation and measurement invariance across gender // Creativity Research Journal. – 2022. – V. 34, № 2. – P. 159–177.

Взаимосвязь рефлексивности личности и принятия моральной ответственности

Рефлексия, рефлексивность, психология морали, психология нравственности, принятие моральной ответственности

Развитие человеческой личности невозможно рассматривать вне системы ценностно-нравственных координат. Не вызывает сомнения и практическая значимость вопросов нравственной регуляции поведения ввиду социальных проблем глобального мира. Среди феноменов морально-нравственной сферы личности наше внимание обращено к феномену отчуждения моральной ответственности. Несмотря на повышенный интерес к данной теме в российской науке [1], многие вопросы, связанные с ней, остаются недостаточно исследованными. Принятие личностью моральной ответственности за свои действия предполагает включённость в осознание ситуации и процессов понимания [2] в различных его формах и видах, в том числе таких, как самосознание и самопонимание, в контексте чего исследователи выделяют и подчёркивают роль рефлексии. Механизмы принятия личностью моральной ответственности мы рассматриваем с позиции трёх принципов морального рассуждения [3].

Основная исследовательская гипотеза: особенности рефлексивности личности взаимосвязаны с принятием моральной ответственности в различных ситуациях. Дополнительные гипотезы основаны на связи моральной ответственности с: 1) уровнем субъективного контроля; 2) особенностями морального суждения; 3) особенностями просоциального поведения. Мы остановились на следующих методах для проверки гипотез: Дифференциальный тип рефлексии (Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осин, 2014); Опросник рефлексивности Карпова (А.В. Карпов, 2003); Шкала отчуждения моральной ответственности MD-24 (адаптация Я.А. Ледовой, Р.В. Тихонова, О.Н. Боголюбовой, Е.В. Казенной, Ю.Л. Сорокиной, 2016); Уровень субъективного контроля (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкин, А.М. Эткин, 2001); Тест морального чувства Кушман (адаптация К.Р. Арутюновой и др., 2013). Также будет проведено исследовательское интервью.

В пробном эмпирическом исследовании весны 2024 года участие приняли 10 человек (7 женщин, 3 мужчин, средний возраст – 22,8 года). Результаты: проведена апробация избранного методического инструментария; проведён корреляционный анализ при условии малочисленности выборки с использованием непараметрических критериев ρ Спирмена и Тау- b Кендалла; подтверждены полностью или частично следующие гипотезы: о взаимосвязи принятия моральной ответственности с особенностями рефлексивности (отрицательная корреляция ($p < 0,05$ и $p < 0,01$)); о взаимосвязи принятия моральной ответственности с особенностями просоциального поведения (отрицательная корреляция ($p < 0,05$)); о взаимосвязи принятия моральной ответственности с уровнем субъективного контроля (положительная корреляция ($p < 0,05$)).

Согласно первичной интерпретации респонденты с нормальным уровнем рефлексивности и интернальности склонны: не включаться в ситуацию, подразумевающую неизбежность морального решения; к просоциальному поведению – спасение пятерых незнакомых людей оптимальнее, чем спасение одного незнакомого человека. Моральная ответственность преимущественно отчуждается механизмами морального оправдания и дегуманизации – стремление не воспринимать жертву как человека и стремление к обоснованию своего поступка различными способами при необходимости.

Анализ и интерпретация данных продолжаются.

1. Ледовая Я.А. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – № 4. – С. 23–39.
2. Леонтьев Д.А., Аверина А.Ж. Рефлексивность как составляющая личностного потенциала / Под ред. Д.А. Леонтьева // Личностный потенциал: структура и диагностика. – М.: Смысл, 2011. – С. 360–381.
3. Cushman F., Young L. & Hauser M. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgments: Testing three principles of harm // Psychological Science. – 2006. – Т. 17, №. 12. – С. 1082–1089.

Особенности автобиографического описания у поколения перестройки и реформ

Поколение перестройки и реформ, автобиография поколения перестройки, значимые события прошлого и будущего поколения перестройки

Источниками ценностей каждого поколения являются ключевые события в мире; информационные сообщения в обществе; подходы к воспитанию детей и преобладающий дефицит во время формирования личности [3]. Тогда, когда ребенок растет в естественной для него среде, адаптируясь под условия. Поколение перестройки – это люди, становление которых было в авторитарном политическом режиме и претерпело изменения благодаря смене его на демократический. Когда советские устои еще не до конца ушли из жизни, а новые только формировались этими людьми. Поэтому важно изучать их автобиографические особенности, насколько остро воспринимаются события прошлого этими людьми, как они видят и оценивают свое будущее.

Целью статьи является изучение особенностей автобиографического описания у поколения перестройки и реформ.

Для достижения поставленной цели была применена методика «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой. Выборку составили 52 респондента, средний возраст 46 лет (31 женщина, 21 мужчина).

В результате исследования был выявлен перечень наиболее значимых событий в прошлом и ожидаемых в будущем у респондентов пенсионного возраста, а также степень их значимости. Для интерпретации полученных данных были выделены 6 групп: детство, работа, семья, личное, потери родных и близких, политические события.

Наиболее значимыми категориями прошлого являются семья (44,93%); личное (28,55%); детство (9,39%) и работа (9,58%). Это распределение может быть обусловлено тем, что семья воспринимается людьми в качестве одной из главных ценностей, в ней формируется человек. Также стоит отметить, что поколение отличается большим наличием целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу [2]. То есть для них важна реализация и развитие. В качестве событий детства чаще всего упоминается собственное рождение, поход в детский сад и школу. Вероятно, потому что не анализируется далекое прошлое. Категория работа менее проявляется, возможно, из-за того, что эти люди уже получили трудовой опыт и нашли свое место, которое удовлетворяет их и материальные потребности и самоактуализацию.

В будущем наиболее значимыми категориями являются личное (40,86%); семья (35,71%) и работа (14,96%), наименее значимыми так же – политические события (5,71%) и потери (2,86%). Интересен тот факт, что важность собственной реализации выходит на первый план. Можно предположить, что это связано с тем, что это поколение уже создало ячейку общества, воспитало детей, притом у них остались силы на осуществление желаний. Значимость категории работа, возможно, повысилась из-за того, что профессиональная реализация беспокоит этих людей до сих пор. У них выражено сохранение собственной индивидуальности, развитие себя как ценностно-смысловая ориентация [2]. Их отличительными чертами являются самостоятельность, индивидуализм, своеволие, соперничество и склонность к риску [1]. Они стремятся к независимости, при этом предпочитают делать то, что интересно им, а не то, что продиктовано долгом и требованиями общества.

Среднее время ретроспекции (16,1) больше антиципации (3,41). Они удовлетворены своим прошлым, считают его продуктивным этапом жизненного пути [2]. И не заглядывают далеко в будущее, скорее всего из-за полученного опыта – смены идеологических взглядов государства во время активного формирования их личности.

1. Пищик В.И. Типология ментальности советских и постсоветских поколений / Пищик В.И. // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7, № 3. – С. 18–23.
2. Пищик В.И.; Сиврикова Н.В. Ценностно-смысловые ориентации в структуре ментальности поколений / Пищик В.И.; Сиврикова Н.В. // Ценности и смыслы. – 2015. – № 3. – С. 88–96.
3. Мичкова Н.С.; Ошемкова С.А. Экзистенциальные картины мира представителей поколения «X» и поколения «миллениум»: особенности переживания бессмысленности / Мичкова Н.С., Ошемкова С.А. // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 2. – С. 60–78.

Волевая регуляция достижения целей, отложенных во времени

Воля, цель, намерение, внутренний план действий

Каждое волевое действие начинается с осознания цели и появления стремления к ее достижению. Под целью понимается предполагаемый результат действия, направленного на предмет, при помощи которого возможно удовлетворить ту или иную потребность [3]. В случаях, если цель труднодостижима и требует преодоления внешних или внутренних препятствий, возникает намерение как «сознательный акт».

Намерение представляет собой самостоятельное психическое образование с двухкомпонентной структурой: интеллектуальный с антиципирующей функцией (планирование) и эмоционально-волевой с функцией побуждения и подкрепления [1]. Намерение отделяется от акта принятия решения в структуре волевого действия в силу отдаленности цели во времени, сложности задач, отношения к ним человека. Достижение отсроченной цели требует от субъекта выполнения сложных, непривычных действий, конечный результат которых будет виден только в определенной перспективе. В ряде ситуаций субъекту необходимо выходить из актуального настоящего в потенциальное будущее. Особое значение в таких ситуациях приобретает внутренний план действий, выступающий основой внешнего (письменного, цифрового). Действенность намерения распространяется на цепь ведущих к цели действий и обуславливает общую готовность субъекта совершать их. Общее намерение включает в себя подчиненные частные намерения [4], что и составляет план.

Исследование намерения заниматься самовоспитанием в старшем подростковом возрасте [2] показало, что испытуемые проявили два подхода к процессу планирования: последовательный – свойственна рядоположенность действий и достижений (сначала выполнить одно, только затем переходить к другому), выраженность планирования близких во временной перспективе целей, распределенность промежуточных целей и способов их достижений «по горизонтали». При таком способе планирования актуализация опыта субъекта в саморегуляции происходила на более поздних этапах анализа способов реализации намерения; рефлексивный подход – характерна вариативность промежуточных целей и способов их достижений, промежуточные цели распределяются «по вертикали». В планировании опыт саморегуляции актуализировался на ранних этапах анализа способов реализации намерений.

Устойчивость намерения заключается в признании ключевой роли развития волевых качеств. Следование намерению требует от личности волевых усилий – настойчивости, самообладания для преодоления желания прекратить не вполне привлекательные действия. Для достижения конечной цели, находящейся во временном отдалении, требуется реализация ряда промежуточных. Эмоциональная окрашенность успешного завершения, осознание конечного результата являются источником настойчивости в движении к поставленной цели.

Устойчивость (следовательно, успешность) намерения как отсроченной по времени достижения цели следует рассматривать как развитие воли, проявление становящейся в подростковом возрасте субъектности, понимаемой как ответственность за результаты собственных действий и деятельности в целом.

1. Джанашиа А.З. Волевой компонент в структуре намерения / А.З. Джанашиа, Л.В. Маришук // Психологические аспекты развития личности в онтогенезе: Сб. науч. ст. ГрГУ им. Я. Купалы / Науч. ред.: Л.М. Даукша, А.И. Янчий. – Гродно: ГрГУ, 2022. – 208 с.; С. 160–170.
2. Джанашиа А.З. Подсказка взрослого как содействие подростку в реализации намерения в самовоспитании / А.З. Джанашиа, Л.В. Маришук, Т.И. Чергерова // Сб. науч. ст. Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2022. – Вып. 22, Ч. 3. – С. 117–125.
3. Маришук Л.В. Психология: Учеб. пособие / Л.В. Маришук, С.Г. Ивашко, Т.В. Кузнецова; под науч. ред. Л.В. Маришук. 2-е изд. – Минск: Витпостер, 2016. – 778 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2022. – 720 с.

Шкала общего фатализма: предварительные результаты адаптации на российской выборке

Фатализм; активный фатализм; классический фатализм; Шкала общего фатализма (GFAT)

Фатализм традиционно понимается как философское учение, согласно которому все происходящие в мире процессы изначально predeterminedены внешним влиянием (Богом, судьбой). Согласно этому взгляду, человек лишается возможности влиять на свое социальное положение и личное развитие.

Актуальность изучения фатализма сегодня заключается в необходимости углубленного исследования влияния фаталистических взглядов на способность человека преодолевать жизненные трудности. Необходимость изучения фатализма обусловлена, главным образом, слабой изученностью данного явления в психологии, а также противоречиями в результатах исследований влияния фатализма на людей. Согласно последним данным, фатализм может выступать и как фактор усугубления депрессии [4], и как инструмент преодоления тревожных и депрессивных расстройств [3].

Исследование влияния фатализма на людей, проводимое в странах с преобладающим влиянием религии, демонстрирует, что существуют различные виды и аспекты этого явления. Активный фатализм способствует преодолению депрессивных и тревожных расстройств, подразумевая под собой приложение усилий при преодолении жизненных препятствий, тем самым отличаясь от классической формы фатализма [2]. Фактически, некоторые люди в отдельных культурах могут использовать фаталистические убеждения как стратегию адаптации к жизненным трудностям.

Эти противоречия обусловили необходимость более внимательного изучения фатализма и адаптации необходимых диагностических инструментов для этого. Целью исследования стало проведение психометрической проверки «Шкала общего фатализма (GFAT) на российской выборке. Шкала GFAT отражает многогранную природу фатализма, отраженную в литературе [1].

Шкала состоит из семи субшкал, отражающих фаталистические представления о судьбе (судьба, божественный контроль и убеждения о предопределении), о функциональности (функции фатализма), о беспомощности (бессилие и пессимизм), неуправляемости (внешний контроль над течением жизни), оценке (фатализм как положительное и ценное убеждение), удачи (вера в удачу), подчинении (принятие реальности).

Данные субшкалы можно рассматривать как уточненную концептуализацию феномена фатализма, подчеркивающую двойственную его природу, а именно включение как положительных (активные и адаптивные аспекты), так и отрицательных (пассивные и неадаптивные аспекты) коннотаций в его понимании.

Предварительные результаты адаптации шкалы на российской выборке (N = 412) выявили пяти-, а не семифакторную, как в оригинале, структуру опросника. При этом четыре субшкалы (Функциональность, Беспомощность, Оценка и Неконтролируемость) полностью подтвердили состав (содержание) аналогичных оригинальных шкал. Первая субшкала, набравшая наибольший вес, объединила дисперсии утверждений двух субшкал оригинального опросника и была названа Подчиненность судьбе/Богу. Дисперсии утверждений, относящихся к субшкале Удача в оригинальной версии, не набрали достаточного веса для образования полноценного фактора. Таким образом, итоговая версия опросника на российской выборке образовала пять субшкал: Подчиненность судьбе/Богу, Функциональность, Беспомощность, Негативная оценка и Контроль/неконтролируемость.

Конфирматорный факторный анализ констатировал итоговую (апостериорную) модель шкалы общего фатализма, состоящую из пяти факторов (субшкал), индексы согласия в которой удовлетворяют исходным данным после добавления связей между ошибками переменных: CMIN = 2192,92; df = 1051; p = 0,000; GFI = 0,825; CFI = 0,916; RMSEA = 0,051; Pclose = 0,218.

Предварительные результаты необходимо уточнить в будущих исследованиях, увеличив выборку и сделав ее более однородной. Полученные результаты расширяют возможности проведения исследований, направленных на выявление адаптационного потенциала личности и группы.

1. Esparza O.A., Wiebe J.S. & Quiñones J. Simultaneous development of a multidimensional fatalism measure in English and Spanish // *Current Psychology*. – 2015. – 34. – P. 597–612.

2. Joshanloo M. The relationship between fatalistic beliefs and well-being depends on personal and national religiosity: A study in 34 countries [Electronic resource]. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e09814>.
3. Shahid F. Fatalism and Depressive Symptoms: Active and Passive Forms of Fatalism Differentially Predict Depression / F. Shadid, Sh. Beshai1, N. Del Rosario // *Journal of Religion and Health*. – 2020. – Vol. 59, Issue 6.
4. Solomon R.C. On fate and fatalism / R.C. Solomon // *Philos. East W.* – 2003. – Vol. 53, No. 4. – P. 435–454 [Electronic resource]. – URL: <http://www.jstor.org/stable/1399977> (date of the application).

Профессиональная самопрезентация психолога в сети интернет, или Какой я фрукт как психолог

Профессиональная идентичность, профессиональная самопрезентация, соцсети, постмодерн, полинарративный анализ

Профессиональная самопрезентация в эпоху постмодерна [1] исследуется через призму степени востребованности «личного бренда» в онлайн-среде [2; 3]. «Как попасть на первые строчки поисковиков? Как поднять свой рейтинг на сайте b17? Продвижение психологов...» – маркетинговыми запросами бомбардируется выходящий на рынок психолог-консультант. «Кто я как специалист? На какую целевую аудиторию должен звучать? Как позиционировать себя?» – звучат вопросы от студентов и начинающих практиков. Профсамопрезентация с точки зрения полинарративной методологии – конструирование совместно разделенного знания о себе как о носителе профидентичности, то есть засвидетельствованной в соответствии с культурными парадигмами и дискурсивными практиками личной истории реализации задач профдеятельности и общности с профсообществом.

Цель исследования: выявить особенности профсамопрезентации психологов-консультантов в онлайн-среде и меру влияния на текст самопрезентации парадигмы постмодерна. Метод: качественный полинарративный анализ, модель «ЦИРК» – мера акцентирования в тексте «Цели» профдеятельности, ее «Инструмента», дискурсивной «Роли» психолога и «Контекста» решения профзадачи.

Выборка: 100 случайно отобранных методом «снежного кома» объявлений психологов-консультантов на платформах предоставления проф. услуг и личных страницах в социальных сетях (b17.ru, Авито.работа, ВК) и 53 объявления, созданных студентами-психологами специализации психол. консультирования СПбГИПСР в качестве учебной задачи в формате индивидуальной и групповой работы. В результате были обнаружены следующие стратегии самопрезентации:

«Гуру» – в объявлении акцентирована привилегированная дискурсивная позиция психолога как опытного, понимающего жизнь, способного направить и наставить, обладателя тайного сакрального эзотерического/современного нейронаучного знания. Истоки – архаика, парадигма «премодерна»; характерно включение притч, метафор, отсылок к мифам. Искажения, привносимые постмодерном, – избыток отсылок, парафразами известных реплик «мудрецов», которые служат знаками Роли.

«Квалифицированный кадр» – акцентируется экспертная позиция психолога как специалиста, владеющего профессиональным Инструментом. Подчеркивается уровень образования, стаж работы, квалификация, регалии и высокий статус в профсообществе. Наследие парадигмы «модерна», в условиях поликонтекстности искажается практикой само-свидетельствования. Такое свидетельство в оригинале специалист мог получить только от своего коллектива, через «характеристику» и «рекомендации», сам он звучал бы только от лица и по поручению институции.

«Универсальный комфортный сервис» – в объявлении акцентирована привилегированная дискурсивная позиция клиента. Подчеркивается множественность и разнообразие Инструментов психолога, выходящих за рамки одной парадигмы или профобласти, готовность кастомизировать процесс под пожелания клиента. Важность атмосферы, переживаний клиента и состояния его безопасности, комфорта. Границы идентичности психолога размыты, важнее уникальный «личный бренд» – парадигма постмодерна.

«Их-там-нет» – ориентированное на «Цель», минималистичное функциональное объявление. Содержит указание на проблемы, с которыми можно/следует обращаться. Минимум информации о психологе, только координаты для связи, бренд текущего проекта/функциональной группы в логике парадигмы «метамодерна». Репутация основана на прошлых решенных задачах, передается «сарafанным радио». Личной представленности в соцсетях в профидентичности практически нет.

1. Джеффрис С. Все, всегда, везде: Как мы стали постмодернистами. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
2. Ефимова Г.З. Профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 57–79.
3. Wu C., Carroll J.M. Self-presentation and social networking online: The professional identity of PhD students in HCI // The Internet and Higher Education. – 2024. – 62. – P. 100951.

Роль контекстуальных условий в произвольном запоминании

Контекстно-зависимая память, произвольное запоминание, локальный и глобальный контексты

В когнитивной психологии отдельным направлением исследований является изучение контекстно-зависимой памяти. Под эффектом контекста понимают увеличение мнемической продуктивности при сохранении на этапе воспроизведения тех ситуационных (внешних) условий, при которых ранее происходило кодирование. Показано, что на актуализацию информации оказывают воздействие самые разные факторы (среда, акустический фон, запах и др.) [1]. Большинство работ в этой области посвящены контекстуальной опосредованности произвольной памяти [2]. Наше исследование нацелено на выявление эффектов контекста при произвольном запоминании. Кроме того, в работе учитывались такие эмпирические маркеры эффективности, как время реакции (ВР) при опознании и степень уверенности в выборе.

Метод. В процедуре участвовало 107 испытуемых, разделенных на четыре группы. Эксперимент проводился в рабочем кабинете и учебной аудитории. Первый этап для всех участников проходил в рабочем кабинете. На экране последовательно предъявлялись 152 слова. Из них – 32 слова, которые затем использовались на втором этапе, были названы «релевантные». Экран был разделен на два окна: слева – желтого цвета, справа – оранжевого. Слова предъявлялись в центре одного из окон. Половина слов содержала букву «а». Релевантные слова в 50% случаев также имели в составе букву «а». Релевантные слова с «а» предъявлялись в правом окне, без «а» – только в левом окне. Для других слов это правило не действовало. Испытуемым нужно было реагировать нажатием Enter только на слова с буквой «а». Через 120 сек. начинался второй этап. Прежние иррелевантные стимулы заменялись на 120 новых слов. Испытуемым надо было реагировать только на слова, которые предъявлялись на первом этапе. После этого оценивалась степень уверенности в ответе (от –2 до +2). Планом предусматривалось манипулирование двумя независимыми переменными: глобальный контекст (ГК) и локальный контекст (ЛК). ЛК представлял собой комбинацию «локализация+фон». ГК являлся вид помещения. В ЭГ1 ЛК и ГК оставались неизменными. В ЭГ2 изменялся ЛК и сохранялся ГК. В ЭГ3 сохраняется ЛК и изменяется ГК. В ЭГ4 изменялись как ЛК, так и ГК. Таким образом, испытуемые ЭГ3 и ЭГ4 второй этап процедуры проходили в учебной аудитории.

Результаты и обсуждение. Количество верных ответов в каждой группе оказалось значимо меньше, чем количество ложных тревог. Степень уверенности значимо выше ($p \leq 0,000$) при верных ответах во всех группах. Также обнаружено, что среднее количество реакций на слова с «а» больше в ЭГ1. На количество таких реакций значимое влияние оказывают контекстуальные переменные. В ЭГ1 и ЭГ3, где сохранялся ЛК, быстрее всего давался верный ответ. Вместе с тем, в этих группах происходило замедление ВР при верных ответах на слова без «а». По времени верных ответов на слова с «а» между группами есть только одно различие: ЭГ1 и ЭГ2 ($p \leq 0,037$) (смена ЛК): ВР в ЭГ1 меньше, чем в ЭГ2. При изменении ЛК фактор ГК не повлиял на ВР на слова с «а», как при верных, так и ошибочных ответах. В ЭГ2 и ЭГ4 замедляется ВР на слова без «а» независимо от правильности ответа ($p = 0,000$). Степень уверенности при верных ответах значимо выше и на слова с «а», и на слова без «а» для всех групп. Смена ЛК при сохранении ГК приводит к снижению степени уверенности при реакции на слова с «а» ($p = 0,004$) и без «а» ($p = 0,002$). При сохранении ЛК фактор ГК не оказывает влияния на степень уверенности.

Таким образом, наиболее важными факторами, влияющими на узнавание лексических элементов, являются локальный контекст и тот опознавательный признак (литера «а»), который релевантен цели деятельности в ситуации произвольного запоминания.

1. Isarida T., Isarida T.K. Environmental context effects of background color in free recall // *Memory & Cognition*. – 2007. – 35(7). – P. 1620–1629.
2. Smith S.M., Vela E. Environmental context-dependent memory: a review and meta-analysis // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2001. – 8. – P. 203–220.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01040, <https://rscf.ru/project/23-28-01040/>

Когниция – коммуникация – речемыслительная деятельность

Способности, познание, общение, индивидуально-типологические различия

На основе современных представлений о характере переработки информации в настоящее время исследуется проблема соотношения двух сигнальных систем, открытых И.П. Павловым, в контексте взаимодействия общих и специально человеческих свойств и межполушарных отношений. Конкретизируются представления о личности как закрытой и открытой системе (по Б.Г. Ананьеву) применительно к анализу индивидуально-типологических факторов поведения и его направленности.

Исследованию подлежали 2 типа одаренности.

Научно обоснованное знание: в рамках многоуровневого подхода проведено системное изучение языковых способностей в триаде «учитель-метод-ученик». Анализ по «горизонтали» – дает возможность выявить индивидуальную вариативность коммуникативно-когнитивных компонентов языковых способностей обучающихся; системный анализ по «вертикали» представляет – определение роли и характера соотношения природного (психофизиологического), приобретенного (способности, обученность, компетентность) и поведенческого (межличностные отношения, взаимодействие с другими) факторов в образовательной среде.

По существу, типология художественно-изобразительных и языковых способностей и их природных предпосылок исследована системно в условиях обучения по различным методам, включая и индивидуальный стиль педагогического общения. Представлена авторская концепция типов языковых способностей – «коммуникативно-речевого», «когнитивно-лингвистического» и «смешанного» (М.К. Кабардов).

Общие результаты:

Обнаружены два типа художественно-изобразительной одаренности – «графики» («рисовальщики») и «живописцы» («колористы»). Они были отобраны как по методике «Линия горизонта» – преимущественно цветное решение задания («живописцы») либо графическое представление («графики»), так и по экспертным оценкам и по специальным предметам – «рисунок», «живопись».

Коммуникативно-речевой тип овладения ИЯ характеризуется коммуникативной активностью; общей успешностью «говорения», лабильностью нервной системы (НС) и преобладанием первосигнального (образно-действенного) типа действия.

Для когнитивно-лингвистического типа характерны: невыразительность коммуникативных действий (пассивность в общении на ИЯ, длительность ЛП речевых действий, трудности восприятия речи на слух); а также доминирование инертности НС, преобладание второсигнального типа реагирования.

Результаты свидетельствуют о наличии общих нейро- и дифференциально-психофизиологических механизмов в типологии как художественно-изобразительной, так и лингвистической одаренности: правополушарное доминирование, первосигнальный, образно-действенный тип в мыслительно-речевой деятельности («художественный» тип, по И.П. Павлову) оказались характерны для «живописцев» и лиц с «коммуникативно-речевым» типом овладения языком; а преимущественно левополушарное доминирование, вербально-логический тип в мыслительно-речевой деятельности – для «графиков» и лиц с «когнитивно-лингвистическим» типом способностей (термины – М.К. Кабардов). Орфографическая грамотность в диктантах (по правилам) преобладала у «графиков» и лиц с когнитивно-лингвистическим типом способностей, но грамотность психологический анализ лингвистической и художественно-изобразительной одаренности подростков позволяет

- определить индивидуальную траекторию развития обучающихся;
- обеспечивает конкретные формы индивидуализации и дифференциации обучения;
- избежать или минимизировать риск неудачного выбора профессии;
- выбрать оптимальную стратегию и сферу деятельности.

Прекарная жизненная стратегия в преодолении современного экзистенциального кризиса

Прекарность, экзистенциальная неопределенность, жизнестойкость

Введение. Высокая волатильность жизни современного человека привела к актуализации запроса о поиске новых способов адаптации личности в транзитивных условиях нашего времени. Общество испытывает необходимость в альтернативных психологических моделях развития жизнестойкости с учетом появившихся вводных: нарастающее военное напряжение в мире, трансформация или разрушение привычных колониальных устоев, отсутствие стабильности, долгосрочных «горизонтов» планирования и мн. др. Экзистенциальная неопределенность, которая начала укореняться в социуме с периода пандемии (COVID-19), уверенно приобретает позицию доминирования.

Методы исследования. Согласно вышеизложенному, возникла гипотеза относительно анализа актуальной жизненной стратегии, которая может иметь определение «прекарная жизненная стратегия», а также способствовать формированию определенных аспектов жизнестойкости личности как на текущий, так и на ближайший исторический период. Обладая достаточно выраженным междисциплинарным потенциалом, проблема прекарности имеет ряд исследований в области социологии, экономики, менеджмента, а также социальной психологии. Исследователи отмечают, что прекарность как психологический феномен – не критерий нового класса... а комплексная экзистенциально-политическая характеристика всех современных обществ, где экономический и социальный капитал (включая телесность) фактически любого человека, независимо от его ресурсов, шансов и возможностей, может быть нивелирован стечением случайных и непредсказуемых событий [3]. По мнению Е.В. Сапоговой, прекарность является сравнительно новым феноменом в научной рефлексии. В современном мире есть наблюдение относительно распространения специфической прекарной жизненной стратегии, присущей определенной массе людей, фактически, к некой тенденции прекариатизации жизни в целом [2]. Среди основных признаков экзистенциального жизненного пространства с признаками прекарности Г. Стендинг выделяет: многозадачность, статусную фрустрацию, атомизированность поведения, неполноценную рекреацию и проблемы личного формирования тайм-менеджмента у современного человека [1].

Выводы. Для проверки представленной гипотезы необходимо провести научный эксперимент посредством решения следующих задач:

1. Выявить основные психодиагностические признаки прекарной жизненной стратегии;
2. Разработать модель исследования для получения актуальных данных при работе с выборкой;
3. Провести эксперимент и сделать соответствующие корреляционные расчеты в контексте взаимодействия прекарной жизненной стратегии и феномена жизнестойкости.

В целом результаты эксперимента будут являться промежуточным звеном при составлении психологической модели формирования жизнестойкости личности с прекарной жизненной стратегией.

1. Бейлин М.В., Камбур Н.А. Прекарность как тип жизненной стратегии индивида // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekarnost-kak-tip-zhiznennoy-strategii-individa> (дата обращения: 01.06.2024).
2. Сапогова Е.Е. «Прекарность: современная метапатология или новая экзистенциальная перспектива развития человека?» [Электронный ресурс]. – URL: <https://psy.su/feed/11533/>.
3. Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 2 (34) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-perezhivaniya-prekarnosti-i-grazhdanskie-dvizheniya> (дата обращения: 01.06.2024).

Факторная модель для описания личности в этической психологии

Нравственная психология, темная триада, светлая триада, диалектика добра и зла, факторная модель

В условиях современных социокультурных конфликтов особую значимость приобретает разработка проблем нравственной сферы человека [1, 2]. В русле активно развивающихся исследований в сфере психологии нравственности сформировалось новое направление – этическая психология [4].

Мы в данной статье исследуем этические позиции относительно взаимосвязи и взаимоотношения категорий добра и зла. Существуют две основные этические позиции о связи добра и зла.

Первая предполагает противопоставление добра и зла, считая, что это взаимоисключающие категории. Вторая позиция подразумевает диалектическую взаимосвязь, синергетический результат от взаимодействия добра и зла.

Характер взаимосвязи и взаимоотношения категорий добра и зла как одна из системообразующих структур нравственной сферы и этической позиции личности, как мы предполагаем, непосредственно связан с характерологическими особенностями, что и стало предметом нашего исследования.

Методы исследования. В исследовании приняло участие 58 студентов-психологов, обучающихся на 1 и 2 курсе факультета психологии, СПбГУ.

В качестве методов исследования были использованы 3 методики:

1. Короткий опросник «Темной триады»;
2. Опросник «Светлая триада»;
3. Семантический дифференциал.

Мы провели факторный анализ и выбрали 4-факторную модель, объясняющую 60% от общей дисперсии.

Factor 1. Объединяет в себе высокие значения по всем трем чертам «темной триады»: макиавеллизму ($r = 0,82$), нарциссизму ($r = 0,72$) и психопатии ($r = 0,69$), – и отрицательную корреляцию по шкале «кантианство» ($r = -0,58$). Так же в данном факторе есть тенденция, но не на уровне статистической значимости, со шкалой «вера в человечество» ($r = -0,37$) и со шкалой «гуманизм» ($r = -0,41$). Factor 1 мы назовем «Потенциальная Способность творить зло». Factor 2. Объединяет в себе высокие значения по силе зла ($r = 0,84$) и активности зла ($r = 0,85$). Factor 2 мы назовем «Пессимизм». Factor 3. Объединяет в себе высокие значения по оценке добра ($r = 0,90$), низкие оценки зла ($r = -0,80$). Этот фактор можно описать как наличие стремления высоко оценивать добро, а зло оценивать низко. Factor 3 мы назовем «Высокоморальность», что подразумевает моральный ригоризм. Factor 4. Объединяет в себе высокие значения по силе добра ($r = 0,74$) и высокие значения по шкале «вера в человечество» ($r = 0,57$). Можно предположить, что этот фактор означает добродетельность. Его мы назовем «Добродетельность», что подразумевает руководство индивидом законами нравственности в своих действиях и поведении.

Из выделенных и описанных нами факторов мы предполагаем, что 3 и 4 факторы выражают отношение к добру как к важной и сильной категории, тогда как зло оценивается низко. И, с другой стороны, факторы 1 и 2 выражают принятие значимости зла: это мы видим и в высоких значениях силы и активности зла, и в высоких значениях по шкалам «Темной триады».

Описав 1 фактор и дав ему название «способность творить зло», мы хотим подчеркнуть, что «способность» – это не реальное неотвратимо совершаемое действие, а лишь потенциально возможное. Как писал М. Монтень «Есть большая разница между нежеланием и неспособностью совершать проступок» (Монтень, 2017, с. 157).

Проведенное исследование и построение факторной модели мы рассматриваем как основу для продолжения исследований типологических особенностей личности, проявляемых в сфере нравственной психологии.

1. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
2. Журавлев А.Л. и др. (ред.). Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – 318 с.
3. Монтень М. Опыты: полное издание в одном томе: [перевод с французского] / Мишель Монтень; [ил. Г. Доре]. – М.: Издательство «Э», 2017. – 1216 с.
4. Попов Л.М. Добро и зло в этической психологии личности: Монография / Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.

Особенности саморегуляции и жизнестойкости педагогов высшего образования, проживающих на территории локального военного конфликта: гендерный аспект

Саморегуляция, жизнестойкость, педагоги, волевой ресурс

В высокой стрессогенности жизни последних лет все большее значение приобретают исследования личностных ресурсов человека, его личностного потенциала, стратегий совладания, исследования особенностей саморегуляции под влиянием вызовов современного мира. Так, ситуация травмы, отчаяния, лишения возможностей и высокая стрессогенность, характерная для зоны локального военного конфликта – все это может оказаться ресурсом роста и «мобилизовать человека на изменение структуры и компенсаторное повышение качества саморегуляции своей жизнедеятельности». (Д.А. Леонтьев; 2016), а может привести к полной дезадаптации. Целью нашего исследования явилось выявление гендерных различий в особенностях саморегуляции и жизнестойкости у педагогов высшего образования, проживающих на территории локального военного конфликта (ДНР, ЛНР). В исследовании приняли участие педагоги сферы высшего образования в количестве 120 человек (из них: мужчины 42%, женщины 58%). Были выбраны следующие методики исследования: тест жизнестойкости С. Мадди в адапт. Д.А. Леонтьева, Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, U-критерий Манна-Уитни. Педагоги высшей школы, принявшие участие в исследовании, были разделены на группы по гендерному признаку (мужчины и женщины).

Так, по шкалам «Планирование» и «Моделирование» у мужчин (6,77 и 6,15) результаты выше, чем у женщин (6,5 и 6,36) и находятся на верхней границе средних значений, что говорит о выраженной способности мужчин к постановке целей, четкому их ранжированию и построению пути их достижения. По шкалам «Оценка результата» и «Гибкость» получены более высокие значения у женщин (6,26 и 6,12), чем у мужчин (5,88 и 5,81). Следовательно, можно констатировать, что женщины более склонны к рефлексии, проявлению гибкости, корректировки действий в новых условиях. Полученные различия статистически значимы.

Результаты исследования жизнестойкости позволили выявить различия между педагогами обеих групп по всем шкалам. Так, по шкале «Вовлеченность» у мужчин (9,41) показатели выше, чем у женщин (8,76), что свидетельствует о способности мужчин вовлекаться в деятельность для достижения результата, получать удовольствие от поиска новых возможностей. Шкала «Контроль» отражает веру респондента в возможность управлять своей жизнью, в то, что затраченные усилия принесут результат (у мужчин (8,81) более высокие показатели, чем у женщин (8,01)). По шкале «Принятие риска» у мужчин (9,0) и у женщин (8,27), что характеризует большую способность мужчин принимать события жизни как опыт, несмотря на их эмоциональную окраску, извлекать опыт.

Выявлено, что обе группы респондентов обладают достаточно высоким уровнем жизнестойкости, готовы к риску, способны принимать неопределенность и извлекать опыт. Однако мужчины обладают статистически значимым более высоким уровнем жизнестойкости, чем женщины.

Следовательно, мужчины и женщины – педагоги высшего образования новых регионов России обладают относительно высоким уровнем саморегуляции поведения, способны к планированию своей деятельности, постановке адекватных целей и их достижению, корректировке поведенческих программ. Мужчины обладают более выраженными способностями к планированию и моделированию своей деятельности, тогда как женщины проявляют гибкость и склонны к рефлексии и оценке собственных результатов на разных этапах выполнения деятельности.

1. Leontiev D.A. Self-regulation, resources and personal potential // Siberian Psychological Journal. – 2016. – No. 62. – P. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62>

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00848) (2023 г.) «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

Актуальные проблемы психологии стыда

Стыд, переживание стыда, психология эмоций

Первые обращения к феномену стыда можно найти в философии. Стыд рассматривали как явление морального сознания: регулятор нравственного поведения человека (Аристотель, Фома Аквинский, Дж. Локк, В. Соловьев). Стыд считали формой страха общественного мнения после совершения «бесчестного» поступка. В психологии стыд стали изучать как эмоцию, сигнализирующую о нарушении социальных норм. Стыд есть невозможность спрятать от значимых Других свои «плохие» свойства или поступки. В механизме возникновения стыда выделяли три важных компонента [2]: 1) разделяемые личностью общественные нормы и собственные ценности, 2) нарушение этих норм или ценностей личностью, 3) наличие Другого, который знает об этом нарушении. Получается, что стыд – то противоречие, которое переживает личность, когда осознает свою неспособность выразить разделяемые ценности и нормы общества.

Однако сущность стыда как психологического феномена на сегодняшний день остается недостаточно ясной и определенной. Несмотря на широту исследований эмоциональной сферы представления о стыде оказываются слабо систематизированы. Среди теоретических подходов к изучению стыда можно выделить как минимум два: так называемые «внешние» и «внутренние». Подходы, которые фокусируются на социокультурных функциях стыда, его роли в социальном взаимодействии и сохранении отношений с другими, относятся к «внешним», поскольку затрагивают те аспекты стыда, которые связаны с социальной средой. Фокус внимания «внутренних» подходов смещен на переживания самого человека: соответствует ли он социальным нормам референтной группы, как его воспринимают Другие. Стыд рассматривается и как социальная эмоция (Heller, 1982, Gilbert, 2003, Leeming, Boyle, 2004), и как эмоция самосознания (Lewis, 1971; Tangney, Dearing, 2002; Tracy, Robins, 2004), и как чувство, сопряженное с переживанием раскогласованности Я (Kilborne, 2007). Сложность феноменологического описания стыда сопряжена с его субъективной стороной: мучение, боль, желание спрятаться, напряжение – все это характеризует чувственный спектр, который не может быть вербализован перед Другими [1]. Недостаточно освещенной оказывается и роль Другого в возникновении стыда, а также роль социокультурных факторов развития стыда как социальной эмоции.

Видится необходимым раскрытие сущности стыда, описание механизма переживания стыда с учетом накопленных за последние десятилетия теоретических и практических данных. Также определенный интерес представляет рассмотрение становления стыда в онтогенезе: начиная с ранних предпосылок развития эмоциональной сферы в младенческом возрасте до перехода стыда в ранг переживания, связанного с появлением рефлексии в подростковом возрасте.

1. Боголюбова О.Н., Киселева Е.В. Переживание стыда: качественный анализ нарративов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Социология. – 2015. – №. 1. – С. 38–52.
2. Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J. Moral emotions and moral behavior // Annual Review of Psychology. – 2007. – V. 58. – P. 345–372.

Восприятие индивидуально-психологических характеристик по невербальному поведению

Невербальная коммуникация, профессиональный опыт, первое впечатление, личностный дифференциал

В профессиях, связанных с непосредственным общением лицом к лицу, важным умением является адекватное и объективное восприятие и понимание другого человека. При этом большую роль играет то, насколько точно оцениваются интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и другие особенности человека по его невербальным проявлениям, а также какие именно параметры коммуникативной ситуации, характеристики воспринимаемого человека и самого наблюдателя опосредуют точность их восприятия [1].

Проведено исследование, направленное на изучение влияния опыта педагогической деятельности на оценку индивидуально-психологических особенностей незнакомых натурщиков по их невербальному поведению. Натурщики, находясь в ситуации викарного общения, давали в свободной форме характеристику персонажам, изображенным на портретах. Зафиксированные с помощью видеосъемки невербальные поведенческие реакции, сопровождающие свободное описание портрета, позволяют адекватно оценить индивидуально-психологические характеристики натурщика, о чем свидетельствуют полученные результаты.

Как показало проведенное исследование, профессиональный опыт педагога опосредует восприятие и оценку индивидуально-психологических характеристик человека по невербальному поведению. Об этом свидетельствуют различия в оценках по семантическому дифференциалу (Личностный дифференциал) и в выделенных семантических универсалиях в разных группах испытуемых (контрольная группа – без педагогического опыта, группа педагогов с опытом 1–4 года и группа педагогов с опытом 5–29 лет). Наблюдается индивидуальная вариативность состава и количества выделенных семантических универсалий в зависимости от натурщика [2].

У участников с небольшим педагогическим опытом (1–4 года) и без педагогического опыта были получены практически идентичные факторные структуры оценок личности натурщиков. Они описываются тремя факторами: «Энергичность» («сильный – слабый»), «Справедливость» («справедливый – несправедливый») и «Коммуникабельность» («нелюдимый – общительный»). Факторная структура оценок по ЛД группы педагогов с опытом 5–29 лет включает в себя три перечисленные выше фактора, однако отличается от других групп наличием еще одного дополнительного фактора «Эмоциональная устойчивость» («раздражительный – невозмутимый»), что может свидетельствовать о том, что с увеличением опыта педагогической деятельности эта личностная характеристика становится профессионально важным качеством.

Результаты сравнения семантических профилей самооценок натурщиков и оценок их наблюдателями (педагогами) не позволяют говорить о большей точности восприятия личности натурщиков педагогами с тем или иным стажем профессиональной деятельности по сравнению с контрольной группой респондентов. Кроме того, степень адекватности оценок индивидуально-психологических характеристик сильно варьирует в зависимости от оцениваемого натурщика. Данные результаты согласуются с представлениями экологического подхода к социальному восприятию и подтверждают возможность формирования адекватного образа незнакомого коммуниканта по его невербальному поведению [3].

1. Барабанщиков В.А. Коммуникативный подход в исследованиях восприятия // Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / Ред. В.А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2017. – С. 14–47.
2. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. – М.: Изд-во «Пчела», 2008. – 382 с.
3. Adams R.B., Ambady N., Nakayama K., Shimojo S. The Science of Social Vision / Ed. R.B. Adams, N. Ambady, K. Nakayama, S. Shimojo. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 504 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195333176.001.0001»

Работа над собой как основание деятельности субъекта

Работа над собой, человеческая индивидуальность, комплексность исследования, синтетическое человекознание

В современной научной рациональности существует фундаментальная проблема трансформации человеческой субъективности – субъекта, личности, вызванной глобализацией человеческого мира, его турбулентностью и неопределенностью. Перемены бытия человека и его познания потребовали деконструкции человеческой субъективности, фокусированной на идеологии различия и текучести, децентрации субъекта и кризиса идентичности.

Вскоре в философском и социогуманитарном дискурсе выяснилась потребность в возвратном методологическом движении воскресения субъекта. Взгляд на деконструкцию человеческого субъекта из оптики трансформации экзистенциально-личностного бытия открывает человеческую индивидуальность не в последовательности методологических сдвигов, а в гетерогенной диалектике между принципом центрации и децентрации субъекта, другими словами, единства и многообразия. Таким образом, в существе человеческой индивидуальности раскрывается значение онтологического личностного синтеза. Говоря словами Л.С. Выготского, синтез надо не постулировать, а объяснять.

Мы обоснуем деконструкцию человеческой индивидуальности, отправляясь от учения Б.Г. Ананьева, основанном на комплексном изучении многомерного человека средствами разных наук, ориентируясь при этом на создание синтетического человекознания. Целостность индивидуального развития обеспечивается становлением человеческой индивидуальности как высшего синтеза, «суть которой составляет единство свойств человека как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» [1, с. 6].

Мы выдвигаем гипотезу, что за научным синтезом синтетического человекознания, конституирующим целостность человека как целостность человеческой индивидуальности, раскрывается синтетическая работа человеческой индивидуальности – конкретного, единичного человека, над собой, в которой и создается единство, целостность человеческого индивида, охватывающего многообразие сторон человека как индивида, личности, субъекта.

Необходимость в этой работе индивидуума (личности, субъекта) над собой – находит подтверждение в текстах самого Б.Г. Ананьева. Критикуя индивидуума в экзистенциализме, он указывает на то, что «внутренний мир человека работает и мера напряженности его работы является показателем духовного богатства индивидуальности» [1]. И эта внутренняя работа личности, работа над собой не замыкает индивидуума, личность в себе и не сводится к абстрактному синтезу личности, по Жане или Олпорту, а размыкает человека навстречу окружающему миру, со-бытию с другими. И осуществляется практика над собой в ходе «переработки опыта, выработки собственных позиций и убеждений, пути самоопределения и т.д.» [1, с. 172].

Феномену синтетической работы человека, личности, субъекта над собой мы придали теоретико-методологическое значение на основе различения работы (над собой) от категорий предметной деятельности и активности [2]. Отметим, в текстах А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева и других встречается термин «внутренняя работа» как синоним внутренней деятельности. Он не был дифференцирован от понятий деятельности, активности как особая практика человеческой жизни, осуществляющаяся в процессах индивидуации человека до субъект-объектной дифференциации [3].

В работе человека над собой (как над другим) конституируется аутентичность личности, идентичности, и создается основание для предметной деятельности субъекта (внешней и внутренней), которая опосредствуется психической работой. В практике работы над собой и осуществляются поступки личности, реализуется забота о себе и забота о другом, утверждается единство личностных смыслов и культурных универсалий, создается единство многообразия личности, синтез устойчивости и изменчивости.

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1 – М.: Педагогика, 1980.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: ПАРФ, 1998.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. – М.: ПАРФ, 2007.

Новые подходы в психологии архитектуры: Карло Ратти

Психология архитектуры, архитектурная философия, производство пространства, чувственный город

Основы психологии архитектуры заложил Генрих Вельфлин [4]. Знать основы психологии архитектуры должны, прежде всего, архитекторы, дизайнеры, урбанисты, социальные службы, а также и сами психологи, диалог с которыми об архитектуре ведут, чаще всего, философы и социологи.

В современной итальянской теории архитектуры и в системе актуальных исследований восприятия выделяется теория Карло Ратти – «чувственный город». Что будет, если мы, наконец, начнем использовать исчезающие стены, а конфигурацию пространства будет определять ИИ через мобильное приложение? Как отреагирует человек на делегирование интерактивного потенциала жилища? И как отреагируют новые субъекты антропоцена: животные, растения, камни, мусор, наконец? Все больше мыслителей, технологов и архитекторов осознают и мощное сопротивление городов, которые стремятся остаться в реальной, а не виртуальной реальности. Туринский теоретик и архитектор, автор сотен научных публикаций – не только визионер, но и практик. Он превращает невидимые данные в физическую реальность, исследуя психологию привлекательности новых условий для горожан – от летающих световых пикселей до водопадов, чувствительных к движению, – определяемых настроением человека.

Одна из основных проблем, которые исследует К. Ратти, – «Городское воображение и социальные инновации через дизайн и науку» [3]. Свою теорию К. Ратти условно называет «Senseable City: Reactive Architecture», т.е. город «чувствует», а архитектура должна реагировать, как будто бы у нее есть чувства и сознание [2]. Как подобные теории могут быть реализованы на практике? Например, в настоящее время ведутся работы над цифровой картографической системой (мэппинг), которая преобразует желания зрителя в световые шоу в режиме реального времени, используя пиксельные световые поля, подвешенные к миниатюрным квадрокоптерам. Последняя работа К. Ратти – трехмерное плавающее облако пикселей, созданное для демонстрации Олимпийских игр проходим в режиме реального времени – становится новым городским пространственным объектом.

Классическая теория архитектуры показывает двойственность предмета исследования. С одной стороны, есть естественный компонент, который учитывает физический (материальный) аспект архитектуры, решает проблемы прочности, долговечности, сопротивления гравитации. Второй функцией архитектуры является организация пространства, иногда даже конструирование социальных пространств [1]. Где-то между ними находится наблюдатель-пользователь (человек) с его экзистенциальными и биологическими потребностями, к которым добавляется культурный компонент – эмоциональное восприятие среды вплоть до исторических и политических коннотаций. Таким образом, психология может помочь сделать город не только «сенсорным», но и чувственным.

Персонализация архитектуры, таким образом, остается главной проблемой современных проектировщиков, несмотря на тотальную цифровизацию процесса проектирования. В основе персонализации лежат субъективные переживания. Именно их и пытаются превратить в объект исследования, средство создания новых структур и культурной апроприации будущей цифровой реальности итальянский архитектор.

1. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015.
2. Johnson P.A., Picon A. & Ratti C. Atlas of the Senseable City. – 2024.
3. Ratti C. Space Syntax: Some Inconsistencies // Environment and Planning B: Planning and Design. – 2024. – 31(4). – P. 487–499. DOI 10.1068/b3019
4. Wölflin H. Prolegomena zu einer Psychologie der Architektur (1886). Edited by: Weddigen, Tristan; Bättschmann, Oskar. Basel, Schwabe, 2021. – URL: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/224633/>

Тезисы подготовлены при поддержке гранта РНФ 24-28-01707 «Современная философия архитектуры в Италии».

Дар забвения: как память учится забывать

Намеренное забывание, культурные практики, память

Фокус современных социальных наук активно смещается в сторону освоения феномена забывания. Можно указать основные причины подобного сдвига.

Во-первых, создание мега-хранилищ оцифрованной информации породило иллюзию неуязвимости знаний. Во-вторых, исследования в области нейробиологии методично склоняются в сторону обоснованности теорий тотального кодирования опыта в мозге, демонстрируя восстановление следов памяти даже в тех случаях, когда они кажутся утраченными. Напротив, попытки воздержаться от воспоминаний встречают крайне сильное сопротивление когнитивного аппарата. В-третьих, публичный дискурс «обязанности помнить», который часто ведёт к коллективной вине и стыду, вызвал естественное отторжение. Вследствие этого, ослабла негативная установка в отношении забывания и активизировались усилия исследователей в поисках механизмов забывания и, в перспективе, контроля над ним [4].

Наиболее цитируемый перечень стратегий коллективного забывания предложил П. Коннертон [2]. Однако данная классификация страдает от отсутствия единого основания и носит описательный характер. Сформировалась настоятельная потребность в унифицированной системе, которая бы последовательно отражала культурные и индивидуальные стратегии забывания, конкретные поведенческие тактики реализации этих стратегий и специфические психологические механизмы, обеспечивающие торможение воспроизведения.

Импульсом для создания такой системы стала концепция специально организованных для провокации определенных воспоминаний пространств – «мест памяти» П. Нора [3]. Однако культуры располагают и местами с противоположной функцией освобождения от нежелательных воспоминаний – «мест забвения».

Базируясь на модели фундаментальных психофизиологических механизмов деструкции сложившихся ранее условно-рефлекторных реакций, было дифференцировано четыре качественно различных типа стратегий конструирования «мест забвения».

Первый тип стратегий апеллирует к механизму угасания условной реакции (в данном контексте – воспоминания) в отсутствии подкрепляющего стимула (угасательное торможение). Он включает в себя физическое избегание или уничтожение «мест памяти». Аналогичный результат достижим путем исключения из коммуникации упоминания мнемических ассоциаций с местом – «вербальным игнорированием».

Второй тип связан с переключением внимания и позволяет остановить процесс извлечения информации из памяти за счет заполнения сознания иной стимуляцией (внешнее торможение).

В рамках третьего типа используются различные методы трансформации «мест памяти» в «места забвения», базирующийся на переобуславливании (дифференцировочное торможение). В варианте функциональной замены, данный тип включает в себя замещение и переосмысление (реконцептуализация). Замещение следует за агрессивным уничтожением «места памяти» и предполагает замену старых напоминаний новыми объектами, имеющими кардинально иные мнемические ассоциации. Более мягкая форма функциональной замены, названная реконцептуализацией, сохраняет «места памяти» нетронутыми, но наделяет их новой функцией в повседневной жизни. Символической формой функциональной замены выступает переименование.

Однако наиболее интересной с психологической точки зрения практикой забывания, не обсуждавшейся ранее в литературе, представляется практика создания «гиперэвокативных», то есть максимизирующих воспоминания, объектов и пространств. Данная парадоксальная стратегия задействует механизм дискриминации условного раздражителя. Суть стратегии заключается в том, в присутствии гиперэвокативных стимулов субъект переживает интенсивные мнемические состояния, но становится менее чувствительным к схожим более слабым напоминаниям в других местах. Иными словами, эффективность гиперэвокативного опыта заключается в повышении порога мнемических реакций.

Предполагается, что индивидуальные практики забывания структурно и содержательно аналогичны коллективным практикам, представляя собой их свернутую интериоризированную форму.

1. Нуркова В.В., Гофман А.А. Управляемое забвение: четыре типа амнезогенных практик // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 2. – С. 33–58. DOI: 10.17223/2312461X/36/3
2. Connerton P. How Modernity Forgets. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
3. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. Special Issue: Memory and Counter-Memory. – 1989. – № 26. – P. 7–24.
4. Nourkova V., Gofman A. The ‘sites of oblivion’: How not to remember in a world of reminders // Memory Studies. – 2023. DOI: 10.1177/17506980231176039

Деятельность как форма проектируемой преобразующей активности человека

Деятельность, сознание, проектируемая активность

Б.Г. Ананьевым были обозначены основные, формирующие психические особенности человека виды его активности: познание, общение и труд [1]. Формы труда объединяются общим понятием – деятельностью. В проявлениях активности человек, по Ананьеву, выступает и как индивид, и как субъект деятельности (деятель), и как личность (как человек, позиционирующий себя в обществе, в отношениях с окружающим миром). Б.Г. Ананьев очень удачно в «круговой модели» обозначил индивидуальные различия человека в разных ипостасях возможными «сегментными» свойствами, обозначив их сочетание как индивидуальность. В дальнейшем В.С. Мерлин объединил эти сегментные свойства понятием «интегральной индивидуальности».

В России проблему развития деятельности, как специфического социализированного вида активности, стали разрабатывать М.Я. Басов, А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. Общим в их подходах было представление о деятельности как виде активности, в котором формируются индивидуальное, субъектное и личностное в человеке.

По мнению М.Г. Ярошевского [5], М.Я. Басов, рассматривая активность человека, не просто механически объединил сознание и поведение, а включил их в качественно новую структуру, обозначенную им как деятельность, при реализации которой субъект осознает свое поведение, что проявляется в его внешних действиях. Тем самым он предложил новую психологическую категорию, включающую в себя и поведенческие аспекты, и их осознание [2].

А.Н. Леонтьев [3], определяя деятельность, не дифференцировал ее от других видов активности. «Все начинается с потребности. Потребность есть нужда в чем-то» – утверждал он. Развивая теорию опредмечивания активности в деятельности, он обозначил переход от непосредственного влияния потребности к опосредствованному влиянию предмета потребности. Поведенческий момент собственно перехода к деятельности он обозначил как «сдвиг мотива на цель», т. е. на предмет потребности [3]. Но подчеркивание им зависимости деятельности от потребности не позволяет дифференцировать деятельность от импульсивного и реактивного поведения человека, которые помимо поддержки человека в деятельности, исходно ориентированы на обеспечение его жизнеспособности и здоровья.

С.Л. Рубинштейн [4] уточняет определение деятельности человека, как проектируемого человеком (субъектом) вида социализированной активности. «Сначала замысел – потом воплощение. Сначала проект – потом реализация!» пишет он. «Специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что это сознательная и целенаправленная деятельность. В ней и через нее человек реализует свои цели, объективируя свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности. Вместе с тем объективное содержание предметов, над которыми он оперирует, и общественной жизни, в которую он своей деятельностью включается, входит определяющим началом в психику индивида. Значение деятельности в том, прежде всего, и заключается, что в ней и через нее устанавливается действенная связь между человеком и миром, благодаря которой бытие выступает как реальное единство и взаимопроникновение субъекта и объекта» [4].

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
2. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. – М.: Изд-во «Педагогика», 1975.
3. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: 1946. – С. 535.
5. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Мысль, 1985.

Exploring the Impact of Communication Strategies on AI Chatbot Interaction Effectiveness

Communication strategy, interaction with AI chatbot, usability, communication

The integration of artificial intelligence (AI) into everyday human interactions, particularly through chatbots, has significantly increased in recent years. AI-based chatbots successfully mimic human conversations by understanding user requests and responding appropriately [1]. Given these advancements, evaluating the effectiveness of educational and professional activities related to text processing is highly relevant [2, 3]. Our study aims to compare the effectiveness of interactions with ChatGPT when formulating queries using different communication strategies. We intend to evaluate the impact of two communication strategies – persuasive and cooperative – on interaction effectiveness.

The study was conducted using a natural experiment design with preliminary training. The subjects were 34 employees (15 men, 19 women, aged 25-36; $M = 31,6$; $SD = 1,8$) from the marketing department of the company «Technologies of Trust». These employees performed rewriting tasks by interacting with ChatGPT within the framework of specially adopted communication strategies (persuasive and cooperative) and evaluated the chatbot's usability and the quality of the text generated by ChatGPT. The Wilcoxon signed-rank test for dependent samples was used to identify the effects of communication strategies on interaction efficiency. Exploratory factor analysis with varimax rotation was employed to identify latent variables of interaction under different communication strategies.

Comparing strategies showed that, at the level of subjective perceptions, the cooperative communication strategy makes interaction with ChatGPT more convenient and attractive, and required fewer iterations to achieve the desired result. However, the dependency of text quality, resulting from ChatGPT's rewriting, on the type of strategy is not as straightforward. According to some metrics (Conversion Rate, text volume, conceptual and subject accuracy), the generated text is better when using the cooperative strategy, while according to others (coherence, correctness, and completeness of information), the text is of higher quality when using the persuasive strategy.

Comparison of factor solutions for different communication strategies revealed that the most significant factor when using a persuasive strategy is the speed and accuracy of achieving the goal, while for the cooperative strategy, it is the chatbot's adequate response to objections.

The use of different communication strategies in interactions with chatbots can have specific consequences for the emotional and cognitive state of the user. A persuasive strategy can increase stress levels as users struggle for control over the dialogue. Conversely, a cooperative strategy fosters mutual assistance and partnership, boosting user confidence in their communication abilities and reducing emotional tension. This enhances the user's psychological well-being and promotes deeper, more meaningful communication.

1. Drouin M., Sprecher S., Nicola R. & Perkins T. Is chatting with a sophisticated chatbot as good as chatting online or FTF with a stranger? // *Computers in Human Behavior*. – 2022. – 128. – P. 107100. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2021.107100>.
2. Hutson M. Could AI help you to write your next paper? // *Nature*. – 2022. – 611(7934). – P. 192–193. <https://doi.org/10.1038/d41586-022-03479-w>.
3. Rahman M.M. & Watanobe Y. ChatGPT for Education and Research: Opportunities, Threats, and Strategies // *Applied Sciences*. – 2023. – 13(9). – P. 5783. <https://doi.org/10.3390/app13095783>.

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00364, <https://rscf.ru/project/24-28-00364/>.

Индивидуальные ценности и толерантность к неопределенности при различных предпочтениях произведений живописи

Психология искусства, толерантность к неопределенности, ценности, индивидуальные предпочтения

Живопись как один из видов искусства являет собой один из вариантов образного постижения мира, жизни, человека. Взаимодействие с произведениями живописи способствует рождению эстетических эмоций, актуализирует чувство прекрасного. Конец XIX и весь XX век были заполнены экспериментами в живописи, изобретением новых языков живописи, новых форм взаимодействия художника с холстом и зрителем. Это время порождения новых культурных кодов, с которыми знаком далеко не каждый человек. Фактически взаимодействие с произведениями современного искусства зачастую представляет собой путешествие в новую художественную реальность, правила организации которой далеко не всегда известны и понятны непосвященному зрителю. Эта ситуация является для зрителя встречей с чем-то новым, неизвестным. И люди по-разному на нее реагируют. Проблема исследования: существующие исследования, посвященные психологии искусства, акцентируют внимание на механизмах восприятия и психологическом воздействии произведений искусства на человека; при этом недостаточно внимания уделяется индивидуально-психологическим особенностям людей, взаимодействующих с произведениями искусства. Актуальность проистекает из необходимости понимания сущности искусства, в том числе, современного, и его воздействия на человека.

Целью данного исследования было выявить ценности, характерные для человека, предпочитающего реалистическую или абстрактную живопись, а также установить связь между данными предпочтениями и толерантностью к неопределенности.

В исследовании приняли участие 78 испытуемых в возрасте от 18 до 27 лет, 42 женщины и 36 мужчин. Для определения предпочтений респондентов использовался метод Q-сортировки. Группу «реалистов» составили 43 человека, группу «абстракционистов» 35 человек.

Наиболее предпочитаемые и наименее предпочитаемые картины описывались при помощи метода семантического дифференциала. Были получены значимые различия в характеристиках наиболее и наименее предпочитаемых картин ($p < 0,001$). «Реалисты» описывают наиболее предпочитаемые картины, используя характеристики «спокойный», «расслабленный», «комфортный», «гармоничный»; «абстракционисты» – «сильный», «энергичный», «яркий», «вдохновляющий».

Характеристики наименее предпочитаемых картин у «реалистов»: «замкнутый», «некомфортный»; у «абстракционистов» – «утомительный», «простой». Различия в использовании этих определений значимы ($p < 0,001$).

Индивидуальные ценности изучались с помощью методики Шварца. Были получены значимые различия по ценностям безопасности, стимуляции, традиции, конформности, самостоятельности ($p < 0,001$). «Реалисты» придерживаются ценностей безопасности, традиции, конформности; «абстракционисты» – ценностей стимуляции и самостоятельности.

Толерантность к неопределенности изучалась с помощью опросника Р. Нортон (MAT-50). Статистическая обработка осуществлялась при помощи программы jamovi.

В результате статистической обработки были выявлены значимые различия по всем шкалам методики Нортон, за исключением шкалы «Межличностная коммуникация».

Сравнение средних показателей по шкалам «Философия» ($p < 0,002$), «Публичный образ» ($p < 0,05$); «Рабочая сфера» ($p < 0,002$), «Решение проблем» ($p < 0,001$), «Социальная сфера» ($p < 0,001$), «Привычки» ($p < 0,001$); «Искусство» ($p < 0,001$) показало более высокие результаты у «абстракционистов» на высоком уровне значимости.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что люди, предпочитающие абстрактные картины, будут иметь личностные ценности открытости к изменениям, готовность к новым или преобразующим идеям, действиям, переживаниям, а также высокую толерантность к неопределенности. Толерантность к неопределенности при этом может рассматриваться как основание, определяющее отношение зрителя к абстрактным и реалистическим произведениям живописи.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-18-00232).

Ментальная регуляция психических состояний

Регуляция, психические состояния, структура сознания, функциональные структуры

Изучение психических состояний человека закономерно «приводит» исследователя к проблеме их регуляции. Эта область исследований является одним из самых востребованных направлений современной психологической науки и практики: актуальная, повседневная жизнь человека и, имеющие место, «трудные» обстоятельства жизнедеятельности, постоянно обращены к необходимости адекватной саморегуляции состояний. Возникающие психические состояния субъекта требуют актуализации различных механизмов регуляции, начиная от социальных, заканчивая психофизиологическими и физиологическими.

В настоящее время исследования в большей степени сосредоточены на изучении индивидуальных особенностей осознанной регуляции, а также на анализе ситуативных факторов, связанных со спецификой саморегуляции в различных условиях деятельности: исследуется влияние личностных характеристик на процессы регуляции, изучается «индивидуальный стиль саморегуляции», роль обратной связи, иерархия целей и социального контекста, выделены регуляторно-личностные свойства, оказывающие влияние на всю систему психической саморегуляции (гибкость, самостоятельность и др.).

Разрабатываемая нами концепция ментальной регуляции психических состояний включает в себя ментальный субъективный опыт человека, интегрирующий значения с категориальными структурами сознания, целевые особенности, смысловые структуры (личностный смысл, ценности, смысловые установки и ориентации и др.), рефлексивность и ее виды, переживания, ментальные репрезентации (образные характеристики), систему Я. Их интеграция и синергия обеспечивает регуляцию состояний субъекта и его адаптивные возможности.

В состав целостной регуляторной структуры регуляции состояний входят ситуации жизнедеятельности, пространство культуры, образ жизни, временные факторы и социальная среда, в совокупности с операциональными средствами регуляции и обратной связью.

Результаты изучения ментальных механизмов регуляции состояний позволили выявить устойчивые функциональные комплексы, выполняющие управляющую функцию по отношению к возникающим проблемностям в жизнедеятельности субъекта. Структура функционального комплекса характеризуется разной устойчивостью в событийно-ситуационных обстоятельствах жизнедеятельности: в ней выделены инвариантные и вариативные составляющие, очерчены основные функции комплекса, связанные с консолидацией и упрочиванием структур, обеспечивающих регуляторный процесс в тех или иных формах деятельности и др.

Описаны ментальные регуляторные комплексы, характерные для определенных форм и видов деятельности, разных возрастных групп и в регуляции отдельных состояний: тревоги, утомления и др. В динамическом плане исследованы проекции развития и изменений ментальных регуляторных систем в процессе жизнедеятельности, возрастно-половые особенности становления и развития, выделены и описаны закономерности изменений со стороны включенности составляющих структур сознания, трансформаций в операциональных средствах регуляции и пр.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 23-18-00232).

К проблеме восприятия квазинаучного контента в современных условиях информатизации и цифровизации

Индоктринация, информационно-психологическое воздействие, квазинаука, лженаука

В условиях информатизации и цифровой глобализации современного общества в связи с бурным развитием инфокоммуникационных технологий у людей появился неограниченный доступ к разнообразной информации в сети Интернет, в том числе недостоверной. Специально создаваемые и контролируемые потоки в форме политической пропаганды, фейков, рекламы, распространения идей и доктрин в информационном пространстве становятся инструментами информационно-психологического воздействия на массовое сознание людей. В психологической науке для обозначения такого типа социального влияния применяется термин «индоктринация»: «Внедрение в сознание индивида или группы определенных убеждений, ценностей и установок в обход критического восприятия рецепиентов» [2], а также «некритичное принятие личностью чужих идей» [4]. Частным случаем индоктринационного воздействия выступает распространение квазинаучных и лженаучных теорий и взглядов.

Найдыш В.М. дает следующее определение квазинауке: это «форма общественно-культурной активности, которая претендует на то, чтобы быть научной деятельностью, широко использует ее передовую терминологию, пытается опровергнуть проверенные практикой законы природы и в то же время не соответствует нормам, стандартам и критериям научной деятельности, сознательно или бессознательно от них отстывает» [3]. Необходимо сделать акцент на том, что целью квазинауки является не познание ради знания, а удовлетворение личных потребностей автора теории.

Диссеминация квазинауки порождает феномен десциентизации – «длительный, устойчивый процесс подмены научного знания на знание, не попадающее под его критерии, преподносимого в систематизированной форме, трудноотличимой от реальной науки» [1], что ведет за собой деградацию общественного сознания, дискредитацию научного знания на уровне массового сознания людей, а также приводит к искажению мировоззрения и принятию неверных решений на уровне индивидуального сознания человека.

Широкое распространение недостоверного контента в сети Интернет и деструктивный характер его влияния на человека ставит проблему изучения подверженности личности индоктринационному воздействию квазинаучных теорий. Успех такого индоктринационного воздействия на современного человека нами связывается с особыми адаптационными изменениями в его когнитивной сфере, которые появляются в нынешних условиях цифровизации и информатизации. По итогам разведочного анализа научных публикаций нами выделены следующие аспекты таких адаптационных изменений когнитивной сферы:

- появление феномена «клиповое мышление» ведет к несформированности понятийного мышления;
- переход к «сетевому мышлению», для которого характерны гиперссылки, хаотичный набор разнообразных данных и сведений, специфический темпоритм, при котором «все лишнее» отсекается;
- снижение способности к концентрации внимания у активных пользователей Интернет, что проявляется в затруднениях в чтении длинных текстов, а также выделении главного и второстепенного;
- появление феномена «транзактивной памяти», известного как «эффект Google», описывающий использование социальной формы хранения информации вместо запоминания;
- формирование «привязанной к месту» или пространственно ориентированной цифровой памяти;
- формирование знаний, содержания памяти средствами массовой коммуникации в большей мере, чем научной литературой.

1. Агапова Е.А. Феномен десциентизации общественного сознания // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 6. – С. 2–9.
2. Двойнин А.М., Буланова И.С. Психология индоктринации: подходы и современные направления исследований // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 3–15.
3. Найдыш В.М., Гнатик Е.Н., Данилов В.Н. Наука и квазинаука / Под ред. В.М. Найдыша. – М.: АльфаМ, 2008. – 320 с.
4. Савенков А.И. Индоктринация личности // Развитие личности. – 2006. – № 1. – С. 53–61.

О построении классификации волевых качеств

Волевые качества, независимость содержания

В психологии приводятся попытки выделения волевых качеств [2–5] и др. Часть из них классифицируются по различным основаниям [2; 3; 5] и др. В этих классификациях встречаются и такие качества, которые волевыми считаться не могут [5] и др.

Однако главной проблемой здесь является отсутствие общего мнения о содержании волевых качеств. Предлагаемые разными авторами волевые качества с одинаковыми названиями часто расходятся в содержании и, наоборот, одинаковому их содержанию даются разные названия. Сложившееся положение в этой области делу измерения не способствует и должно быть разрешено. Ю.Т. Глазунов, по примеру точных наук, предложил формальный аппарат логики, направленный на выделение таких волевых качеств, которые не пересекаются своим содержанием друг с другом. Иначе, элементы, наполняющие содержание конкретного волевого качества не встречаются в содержании другого волевого качества. Только тогда их можно измерять.

Итак, два волевых качества независимы, если в их содержании отсутствует общая часть. И это относится к выделению всего ряда волевых качеств, иначе их измерение невозможно.

В результате анализа [1] было получено семь волевых качеств, получивших название независимых (по основанию их выделения):

1. Выдержка – способность сдерживать собственную импульсивность и выждать, подавляя малообдуманные действия;
2. Инициативность – способность порождать намерения и способы решения задач;
3. Настойчивость – способность устойчиво двигаться в направлении цели;
4. Организованность – способность структурировать и упорядочивать свои намерения и действия;
5. Решительность – способность быстро принимать решения и осуществлять действия;
6. Самостоятельность – способность эффективно действовать без поддержки других;
7. Смелость – способность не поддаваться страху.

Каждое из выделенных волевых качеств способствует преодолению конкретного препятствующего фактора: выдержка 1) – импульсивности, инициативность 2) – инертности, настойчивость 3) – переживанию неудачи, организованность 4) – хаоса, решительность 5) – сомнения, самостоятельность 6) – зависимости, смелость 7) – страха.

Предложив инструмент оценки независимых волевых качеств, можно получить и оценку силы отдельных волевых поступков. Измерение силы волевых поступков (волеизъявлений) человека позволит оценить и его силу воли.

1. Глазунов Ю.Т. Анатомия и диагностика воли / Ю.Т. Глазунов, К.Р. Сидоров. – М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2020. – 156 с.
2. Иванников В.А. Структура волевых качеств по данным самооценки / В.А. Иванников, Е.В. Эйдман // Психологический журнал. – 1990. – Т. 11, № 3. – С. 39–49.
3. Ильин Е.П. Психология воли / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 288 с.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
5. Чумаков М.В. Диагностика волевых особенностей личности / М.В. Чумаков // Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 169–178.

Показатели невербальной креативности в контексте понятийного мышления

Креативность, способности, понятийные способности

Творческий потенциал личности связан с формированием механизмов, лежащих в основе внутренней (порождающей) интеллектуальной активности, что соотносится с одной из функций такого компонента понятийного опыта, как концептуальные способности [3]. Этот вид понятийных способностей является «связующим звеном» между когнитивными, креативными способностями и реальными интеллектуальными достижениями. Так, Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В. и Чудакова П.А., указывают на то, что «...основное влияние на различия в типе репрезентаций происходящего у одаренных и обычных школьников оказывает степень сформированности индивидуальных понятийных структур» (Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В. и Чудакова П.А., 2024, с. 58). Понятийные способности обеспечивают интеграцию разных механизмов психической деятельности, способствуя появлению у человека качественно новых интеллектуальных возможностей.

Соответственно, есть основания предполагать связь показателей понятийного опыта и креативности, ввиду наличия у этих конструктов общей функции – порождение новых ментальных пространств. Е.Е. Туник [2] указывает на то, что «более стабильно и надежно творческий потенциал личности отражается в обобщенном показателе «Образная креативность», указывая на особенную значимость показателей невербальной креативности.

Таким образом, была сформулирована актуальность научной проблемы и аргументировано проведение эмпирического исследования. Была сформулирована теоретическая гипотеза исследования: показатели понятийного опыта связаны с невербальной креативностью.

Ввиду того, что наиболее вариативно эти показатели представлены в сензитивные периоды, представляется перспективным изучать соотношение понятийных и креативных способностей именно в эти возрастные периоды, например, в старшем подростковом возрасте.

Соответственно, было проведено эмпирическое исследование с учащимися старших классов средних общеобразовательных школ ($N = 114$).

Методы исследования:

1) субтест «Незаконченные рисунки» из шкалы Торренса применяется для диагностики невербальной креативности, а именно способности строить целостное изображение и придумывать осмысленное название для «пустого» визуального стимула (в виде линий) [2];

2) методика «Описание неопределенных фигур» (модификация методики Е.Ю. Артемьевой [1]) используется для диагностики семантических способностей (способность использовать разнообразные способы семантического описания объектов);

3) методика «Обобщение трех слов» [3] применяется для диагностики категориальных способностей (способность находить релевантную общую категорию для обобщения трех слов, принадлежащих к разным категориальным классам);

4) методика «Понятийный синтез» [3] – для диагностики концептуальных способностей (способность устанавливать связи между тремя не связанными по смыслу словами, самостоятельно придумывая релевантный контекст).

Результаты исследования показали правдоподобие выдвинутой гипотезы. Так, показатели невербальной креативности значимо корреляционно связаны с концептуальными и семантическими способностями ($R_s = 0,366$ при $p = 0,01$ и $R_s = 0,332$ при $p = 0,01$), хотя корреляции с категориальными способностями весьма слабы ($R_s = 0,199$ при $p = 0,05$). Этот факт указывает на первостепенность порождающей и мотивационной функции в контексте творческих (креативных) способностей, тогда как категориальные способности с их основной функцией, состоящей в использовании категорий различной степени обобщенности и выделении релевантных категориальных признаков объекта мысли, не столь значимы, хотя все же присутствуют в полученной структуре.

Таким образом, эмпирические данные подтверждают предположение о том, что понятийные (семантические, категориальные и концептуальные) способности выступают в качестве фактора продуктивности интеллектуальной деятельности в отношении показателей психометрической креативности в подростковом возрасте.

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука–Смысл, 1999.
2. Туник Е.Е. Диагностика креативности. Тест Е. Торренса. Адаптированный вариант. – СПб., Речь, 2006. – 176 с.
3. Холодная М.А. Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
4. Чудаков А.Ю., Гайворонская В.В., Чудакова П.А. Некоторые аспекты воспитания и педагогики вундеркиндов // Вектор научной мысли. – 2024. – № 2(7). – С. 58–62.

Изучение когнитивного функционирования у актеров в условиях виртуальной реальности

Психология искусства, актерское мастерство, когнитивные процессы, виртуальная реальность

Изучение когнитивного функционирования актеров, влияющего на успешность проявления чувства сопереживания к деятельности своего персонажа с последующим порождением художественного образа героя, представляет собой актуальную задачу в сфере психологии театрального искусства.

В системе Станиславского акцентируется внимание на важности реализации сознательных непрерывных психофизических действий для точной передачи переживаний героя произведения [1]. Актерское мастерство характеризуется умением быстро и точно воспроизводить запомненные действия и высоким уровнем внимания для моделирования и воссоздания сценической роли. Именно с помощью технологии виртуальной реальности открываются возможности генерации для актера правдоподобного мира с целью использования его в качестве репетиционной площадки для развития психофизических функций, отработки приобретенных навыков и выработанных умений [2].

Целью данного исследования стало изучение когнитивных особенностей с применением технологии виртуальной реальности у актеров разного уровня профессиональной подготовки.

В эксперименте приняло участие 3 группы испытуемых. Первую экспериментальную группу составили 10 студентов Школы имени О. Табакова, обучающиеся на 2 году обучения и уже освоившие ряд приёмов порождения художественного образа. Во вторую экспериментальную группу вошли обучающиеся 1 года Школы имени О. Табакова. Контрольную группу составило 20 испытуемых – студенты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Эксперимент состоял из трех частей. В первую очередь испытуемым были предъявлены психодиагностические тесты для оценки когнитивных функций в двумерном формате на ноутбуке. Им предлагалось две методики: на оценку рабочей памяти N-back и на оценку зрительного внимания SART. Затем испытуемым предстояло выполнить ряд задач в шлеме виртуальной реальности HTC Vive Pro в специальной виртуальной среде «Upgrade VR» производства компании VRTech. Участникам предлагалось решить задачи в трёхмерном формате на пространственные способности, концентрацию внимания, скорость реакции и на рабочую память. После прохождения заданий в виртуальной реальности испытуемым снова предлагалось выполнить тестирование на ноутбуке.

При анализе данных были выявлены значимые различия в успешности прохождения тестов в виртуальной реальности, нацеленных на оценку рабочей памяти ($t = -2,34$; $p = 0,027$) и пространственной ориентации ($t = -4,44$; $p = 0,001$) – актеры в среднем имели выше показатели, чем группа студентов, не обладающих актерским мастерством.

Кроме того, студенты-актеры более старшего курса продемонстрировали высокие показатели выполнения заданий в виртуальной реальности на оценку скорости реакции ($t = -7,682$; $p = 0,001$). В то же время студенты 1 курса лучше справились с задачей на пространственную ориентацию ($t = 2,443$; $p = 0,019$).

При анализе результатов успешности выполнения заданий двумерного формата между группами актеров 1 и 2 курса значимых различий не обнаружено: на оценку рабочей памяти ($t = 1,53$; $p = 0,134$), на оценку зрительного внимания ($t = 1,2$; $p = 0,231$).

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют в пользу действительного развития когнитивного функционирования за счёт более глубокого освоения приёмов актёрского мастерства. Была продемонстрирована возможность применения технологии виртуальной реальности в театральных школах для эффективного обучения и тренировки усвоенных приемов, направленных на развитие когнитивной сферы, поскольку именно благодаря создаваемой контекстуальной, реалистичной среде актеры способны лучшим образом вживаться в роль, порождать сценический образ, проявляя сформированные профессиональные качества.

1. Станиславский К.С. Работа актера над ролью // Собрание сочинений. – 1957. – Т. 4. – С. 551.
2. Slater M. et al. Acting in virtual reality // Proceedings of the third international conference on Collaborative virtual environments. – 2000. – С. 103–110.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Разработка фундаментальных научных основ психологии театрального и художественного искусства».

Биографические методы в изучении личностной самооценки

Самооценка, самоинтервью, почерк

История использования биографических методов для изучения личности в психологии насчитывает более ста лет. Такой метод разрабатывался и в научной школе Б.Г. Ананьева. В современных исследованиях интерес к биографическим текстам в Санкт-Петербургском университете сохраняется (например, труды Л.В. Куликова, Н.А. Логиновой).

С позиции психологической науки к недочетам метода можно отнести недостаточность теоретического обоснования и методологической разработки, однако вслед за С.Л. Франком и В.П. Зинченко отметим его ценную особенность – возможность получить, так называемое, живое знание о человеке [1].

Одной из интересных разновидностей биографического изучения личности выступает психологическое самоинтервью.

Метод «Интервью с самим собой» (Попов, 1990) представляет собой метод целостного подхода к человеку как субъекту саморазвития и позволяет перейти от изучения психики к изучению реального студента.

Новый вариант метода самоинтервьюирования «Я – психолог-профессионал» выявляет теоретическую осведомленность и практическую готовность к работе в качестве психолога-профессионала и способствует косвенному стимулированию к занятию профессиональной деятельностью.

Следующий вариант метода «Интервью с самим собой» назван «скаффолдинг». При рефлексировании внимание переключается с самопознания и профессионального самоопределения на достижение целей в реальной жизнедеятельности.

Еще одной модификацией метода «Интервью с самим собой» выступает вариант использования такого самоинтервью для изучения личностной самооценки студентов (Сорокина).

1. Для изучения характера самооценки студентов проведена диагностика по методу «Интервью с самим собой» (модификация метода Л.М. Попова), который реализуется в виде самоописаний студентов по схеме:

- а) Я – как личность;
 - б) мой познавательный мир;
 - в) мой эмоционально-чувственный мир;
 - г) мои взаимоотношения с окружающими;
 - д) влияния на меня и мои влияния,
- и служит материалом для почеркового анализа.

2. Психолого-почерковедческий анализ рукописных текстов студентов.

Психолого-почерковедческий анализ проводится по общим признакам. Для анализа отбирались почерковые признаки именно из этого раздела: наклон, связность, форма, размер полей, размер строчных букв, пропорциональность заглавных букв, устойчивость строк, общая организация текста на листе. Применение соответствующего инструмента позволило представить результаты изучения особенностей почерка испытуемых в количественных показателях.

Эмпирическая база исследования:

- исследование проводилось в Казанском университете;
- испытуемые: студенты-географы второго курса обучения – 3 группы.

Обнаружена достоверная связь показателей самооценки с показателями пяти признаков почерка: размером почерка, размером полей слева, размером заглавных букв, неустойчивостью строк и организацией текста на листе, а также опосредованная прямая связь самооценки со связностью почерка (0,15 при $p \leq 0,05$) и обратная связь самооценки с наклоном почерка (–0,13 при $p \leq 0,05$).

Таким образом, текст самоописаний используется, как для выявления проблем конкретного студента в сфере личностного самоощущения, так и для проведения психолого-почерковедческого анализа.

1. Попов Л.М. Стратегии и этапы научно-педагогической деятельности / Л.М. Попов, П.Н. Устин // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса: Сб. ст. / Отв. редакторы: А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2023. – С. 441–475.

Особенности сочетания типа локуса контроля у супругов

Супруги, локус контроля, брак

2024 год в России был объявлен Годом семьи, что вновь подняло вопросы, связанные с институтом семьи и брака. По данным социологических исследований, современная российская семья стремится к образу нуклеарной, где на первый план выходят отношения между супругами [1].

Целью данной работы стало выяснить особенности сочетания локуса контроля в супружеских парах.

Гипотеза: в брак чаще вступают люди с одинаковым локусом контроля.

В данном исследовании приняли участие 20 супружеских пар, которые были протестированы с помощью опросников «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера и «Подростки о родителях» ADOR Е.Шафера в модифиции З. Матейчика и П. Ржичана.

В начале мы рассмотрели сочетание уровня субъективного контроля в супружеских парах.

На основании проведенного исследования можно провести статистику о том, что женщины с экстернальным локусом контроля в 25% случаев выбирают себе в супруги мужчин с интернальным локусом контроля, 25% с экстернальным и в 75% с невыраженным, что является самой многочисленной группой в брачных отношениях.

Это сочетание можно объяснить тем, что в этом случае женщины более склонны интерпретировать свою жизнь через призму внешних событий. А их мужья, не обладающие определенным локусом, готовы в определенных моментах поддержать жен в их размышлениях, в других случаях взять на себя ответственность. Таким образом, наиболее часто встречающимися супружескими парами в России являются союзы, где один супруг является обладателем невыраженного локуса контроля. В этом случае супруги как имеют точки соприкосновения в своих размышлениях, так и в определенных ситуациях они проявляют противоположную модель поведения [1].

Женщины же с невыраженным локусом контроля вступают в брак только с мужчинами с интернальным типом. В ходе исследования не было найдено пар с женщинами с невыраженным УСК и мужчинами – экстернатами или невыраженным локусом.

Полученные данные можно объяснить тем, что мужчины чаще принимают на себя ответственность за свою семью. А женщины с невыраженным локусом контроля являются идеальными компаньонами для своих супругов, так как они не обладают определённым партнерным поведением, при необходимости они готовы «подставить супругу плечо», а также отойти в сторону и не мешать [2]. Данный шаблон является наиболее часто встречающимся в российском обществе [2].

А женщины с интернальным типом локуса контроля не показывают определенной тенденции в заключении браков с мужчинами, обладающими определённым уровнем субъективного контроля. 40% супругов женщин интерналов являются экстернатами. Такое же количество обладает невыраженным локусом контроля. А самая малочисленная группа в 20% состоит из мужчин интерналов. Вероятно, такой тандем мало возможен, потому как в ситуации семейного конфликта каждый супруг будет уверен в своей правоте и не отступит [3].

В результате можно заметить, что самые часто встречающиеся браки в России всегда являются сочетанием экстернального и интернального локуса с невыраженным уровнем. Ведь в этом случае поведение супруга будет адаптивно. И при возникновении конфликтов или трудностей кто-то всегда сможет взять ситуацию под контроль.

1. Егорова Н.Ю. Курамшев А.В Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 4. – С. 106–118.
2. Устюжанинова Е.Н., Плешакова О.В. Исследование субъективного локуса контроля супругов во взаимосвязи с психологическими характеристиками брака // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 84–93.
3. Непоследовательный стиль воспитания // b17 – URL: <https://www.b17.ru/blog/neposled-styl-voisp/> (дата обращения: 20.05.2024).

Истории религиозного становления в восточных религиях: полинарративный анализ

Полинарративный подход, нарратив, дискурс, нью-эйдж

Согласно опросам ВЦИОМ [2] за последние шесть лет количество верующих практически не изменилось, однако существенно вырос процент т.н. «практикующих» верующих, религия в России претерпевает новые изменения.

Традиционные восточные религии – буддизм, шаманизм также переживают обновления. В центральной части России становятся популярными направления западного буддизма, переработанные и адаптированные под философию европейского человека. Шаманизм – комплекс народных верований северных и кочевых народов – также становится популярным у городской молодежи, но трансформируется в «нью-эйдж» или «неошаманизм».

Данное исследование является попыткой установить, влияет ли принадлежность к культурной парадигме модерна или постмодерна на нарративы религиозной идентичности и каким образом.

Нарративный подход в психологии является современным направлением в гуманитарных науках, относящимся к т.н. «постнеклассической парадигме». Объектом исследования в этом подходе выступает автобиографический нарратив, а также дискурсивные предписания к его конструированию [1].

Респондентами выступили представители 2 религий – буддизма и шаманизма, которые были разделены на 2 группы – принадлежащие культурной парадигме модерна – старше 40 лет (8 человек), и парадигме постмодерна – от 18 до 39 лет (8 человек).

Предварительные результаты исследования позволяют выделить 3 макрогруппы респондентов:

1. «Традиционные» – респонденты, существующие в контексте деревни и реализующие традиционные практики. Запросы людей здесь носят традиционный характер – это охранительные обряды и консультации по принятию значимых событий, связанных с практической стороной жизни (продажа дома, поступление ребенка в институт, отправка в армию и т.д.).

2. «Городские» – респонденты, существующие в контексте города, но имеющие приближенные к традиционным верованиям, в связи с чем к традиционным представлениям примешиваются элементы эзотерики и психотерапевтических методов. Запросы формулируются как «поиск истинного Я», «духовное саморазвитие» и т.д.

3. «Новые» – респонденты, существующие в контексте города, но чье мышление сформировано в логике парадигмы постмодерна. Практики этих респондентов редко коллективные, чаще индивидуальные, общие религиозные понятия они переформулируют, часто не согласовываясь с общепринятыми представлениями.

Общим же для всех респондентов является нарратив «искупления» – старт религиозной идентичности.

Нарратив начинается с положительного персонажа, который находится в «зените», т.е. «всё было хорошо», «всё, что нужно было в жизни», респондент реализовался в «мирской жизни».

Этот персонаж сталкивается с препятствием – появляются жизненные проблемы, которые обязательно должны прочитываться в религиозном ключе, как противопоставление духовного и мирского. «Потеря недвижимого имущества», «жена заболела» и т.д., которые прочитываются респондентом как «проверка духами», «кармическая задолженность», как часть испытания.

Затем респондент преодолевает препятствие через духовный контакт – с «духами предков», в процессе медитации «видит бодхисатву», фиксирует эту часть истории как предпочитаемую, а не ту, в которой он решает мирские проблемы.

И после этого уже дальше институционализирует свою историю через конкретное верование, учителя и т.д.

1. Бусыгина Н.П. и др. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – Т. 18, №. 1. – С. 55–82.
2. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring?ysclid=lx7w0uy8se40773062>. (дата обращения: 09.06.2024).

Самопрезентация активных пользователей социальных сетей: психологические предикторы

Активные пользователи, социальные сети, самопрезентация

Введение. С каждым годом социальные сети всё больше включены в нашу жизнь, тем самым, стирая грань между «Я-реальным» и «Я-виртуальным», что ведет к изменению «Образа Я» [1].

По данным Digital 2024 Global Overview Report, на начало 2024 года общее количество учетных записей в мире достигло 5,04 млрд, за последний год количество увеличилось на 5,6%, что свидетельствует о том, что в среднем в мире за последний год регистрируется 8,4 новых пользователя социальных сетей в секунду.

Цель исследования: изучить нарциссические компоненты личности у активных пользователей социальных сетей.

Гипотеза исследования: у активных пользователей социальных сетей могут быть выражены нарциссические элементы «Образа Я».

В исследовании приняли участие 145 человек, среди них пользователи социальных сетей различных возрастов, студенты ДГТУ факультета МКиМТ в возрасте от 19 до 24 лет.

Диагностический инструментарий: Клиническая методика «Индекс функционирования Self-системы» Н.М. Залуцкая, А.Я. Вукс, В.Д. Вид, Методика исследования самоотношения, МИС С.Р. Пантеев, Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина. Для статистической обработки результатов мы использовали корреляционный анализа по Пирсону, U-тест по методу Манна-Уитни.

Результаты. По методике «Индекс функционирования Self-системы» наибольший показатель у активных пользователей по шкале «Бессильное Self» говорит о том, что они более целостны, способны сохранять самоорганизацию и саморегуляцию поведения. Так же выявлено, что респонденты более озабочены своим состоянием здоровья без фактических к тому оснований. Активные пользователи получили высокие результаты по шкалам: «Потеря контроля эмоций и побуждений», «Дереализация/Деперсонализация», что свидетельствует о том, что пользователи социальных сетей стараются сохранить когерентность личностной структуры, справиться с эмоциональными переживаниями за счет активности в социальных сетях. Данные результаты подтверждает гипотезу о том, что у активных пользователей социальных сетей могут быть выражены нарциссические элементы «Образа Я».

По МИС мы выявили, что активные пользователи обладают достаточной саморегуляцией, склонностью к самообвинению, что сопровождается негативными эмоциями в свой адрес, несмотря на высокую самооценку качеств и достижений.

Морфологический тест жизненных ценностей показал, что активные пользователи более творческие личности, которые большее предпочтение отдают реализации в профессии (возможно, также творческой).

Сравнительный анализ Манна-Уитни по методике «Индекс функционирования Self-системы» показал, что пользователи социальных сетей стараются дистанцироваться от процессов настоящего, справиться с ощущением тревоги и беспомощности с помощью активности в социальных сетях.

Корреляционный анализ по Пирсону выявил обратную связь между «Индексом функционирования Self-системы» и «Методикой исследования самоотношения», то есть чем выше показатели «Индекса функционирования Self-системы», тем ниже показатели «Методики исследования самоотношения».

1. Рыльская Е.А., Погорелов Д.Н. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1 (118). – С. 105–114. DOI 10.20323/1813-145X-2021-1-118-105-114

Работа выполнена при поддержке РНФ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы».

Поведение тревожных и агрессивных женщин в ситуации фрустрации

Тревожность, агрессивность, фрустрационные реакции

Переживание человеком фрустрации является одновременно общественным и индивидуальным явлением. С одной стороны, кризисные ситуации в обществе неизбежно увеличивают психологическое давление на население, приводя к увеличению негативных явлений (массового пессимизма, разочарования, психологической усталости). С другой стороны, существуют индивидуальные особенности, либо способствующие, либо препятствующие развитию фрустрационного состояния. В связи с этим возрастает актуальность исследования генезиса фрустрации, её причин и последствий для того, чтобы повысить эффективность психологической помощи людям, утратившим свои идеалы, оптимизм, не сумевшим адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

Цель исследования – изучение влияния эмоциональных особенностей людей на их поведение во фрустрационных ситуациях. В данной работе представлены данные об устойчивых реакциях тревожных и агрессивных женщин в ситуациях фрустрации. Тревожность оценивалась при помощи шкалы тревоги Дж. Тейлор в адаптации В.Г. Норакидзе [3]. Агрессивность оценивалась при помощи опросника Басса-Перри [2]. Данная методика измеряет три варианта агрессивности: физическую агрессию, гневливость, враждебность. Особенности индивидуальных реакций в ситуации фрустрации измерялись тестом фрустрационных реакций С. Розенцвейга [1].

Участники: 62 женщины (M = 36,5 года, SD = 26,2) разных профессий.

Дизайн исследования. У всех участников измерялись уровень тревожности, уровень каждого варианта агрессивности, выраженность типов реакций в ситуации фрустрации. Далее вся выборка делилась на группы, различающиеся по уровню тревожности и разным вариантам агрессивности. Для каждой группы подсчитывалось число поведенческих реакций каждого типа по Розенцвейгу, которые затем сравнивались на достоверность различий (по U-критерию Манна-Уитни). В каждой группе искались корреляционные связи (по Спирмену) между эмоциональными особенностями женщин и типами фрустрационных реакций.

Результаты. Женщины с высокой тревожностью в ситуации фрустрации чаще всего проявляют враждебность по отношению к другим участникам конфликта (E: U Манна-Уитни = 138,5, p = 0,017), женщины с низкой тревожностью больше обращают внимание на препятствие (M': U Манна-Уитни = 136,5, p = 0, K Спирмена = -0,324**, p = 0,009).

Женщины со средним уровнем физической агрессии, проявляют враждебность к другим людям в ситуации фрустрации (E: U Манна-Уитни = 273, p = 0,009) и отрицают собственную вину (M: U Манна-Уитни = 273, p = 0). Эта закономерность дублируется корреляционными связями (E: K Спирмена = 0,296*, p = 0,018; M: K Спирмена = -0,331**, p = 0,008).

Женщины с повышенным уровнем враждебности (по Басса-Перри) демонстрируют враждебность и в поведенческих реакциях (по Розенцвейгу) (E: K Спирмена = 0,270*, p = 0,031), они больше фиксируются на препятствии (M': K Спирмена = -0,261*, p = 0,037).

Женщины с разным уровнем гневливости не демонстрируют каких-либо устойчивых типов реакций в ситуации фрустрации.

Заключение. Враждебность является общей реакцией в ситуации фрустрации для тревожных и агрессивных женщин. Однако агрессивные женщины демонстрируют дополнительно реакции по отношению к предметному миру (стремление удалить препятствие) и не ориентированы на компромиссные решения. Тревожные женщины остаются в рамках отношений с другими людьми, не переходя в предметный мир.

1. Дементий Л.И. Фрустрация: Понятие и диагностика: Учеб.-метод. пособие для студентов специальности 020400 «Психология» / Сост. Л.И. Дементий. – Омск: ОмГУ, 2004. – 68 с.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28 (1). – С. 115–124.
3. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога в 2 ч. Часть 2. Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения: практическое пособие. – М.: Юрайт, 2020. – 507 с.

Особенности проявления темперамента в интернет-среде

Темперамент; свойства темперамента; интернет-пространство

Теме проявления особенностей темперамента человека в интернет-среде посвящено небольшое количество исследований. С распространением и увеличением значимости цифровой среды, появление новых проблем, влияние свойств темперамента на интернет-активность пользователей будет привлекать больше внимания исследователей.

Индивидуально-психологические различия людей по темпераменту представлены в зарубежных и отечественных исследованиях Г. Айзенка, И.П. Павлова, Б.А. Вяткина [1], В.С. Мерлина [2], Б.М. Теплова, В.М. Русалова [3] и др. Имеются немногочисленные исследования об особенностях проявления темперамента у пользователей интернета: Г.А. Казарян, А.Г. Тер-Степанян, А.А. Егиазарян [4], Н.В. Жукова [5], А.И. Лучинкина [6] и др. С появлением и распространением интернета проблема характеристик темперамента и его связи с пользовательской активностью человека требует более глубокого изучения и разработки. Свойства темперамента имеют свой отпечаток в цифровой среде, но почти не исследованы.

В нашем исследовании закономерностей проявления свойств темперамента человека в цифровом пространстве приняло участие 30 активных пользователей интернета в возрасте от 18 до 26 лет: студенты, аспиранты, работающие люди и временно безработные.

Для оценки типа темперамента и его свойств использовались следующие методики. 1. Для оценки проявления свойств экстраверсии – интроверсии, нейротизма был выбран Личностный опросник Г. Айзенка (ЕРІ-57) [7]. 2. Для измерения наиболее биологически обусловленных, стабильных в развитии человека и относительно независимых от ситуации характеристик поведения (эргичность, пластичность, скорость, эмоциональность), применялся Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова (ОФДСИ-150) [8]. Для того, чтобы изучить особенности активности респондентов в интернете была составлена анкета. Статистические результаты были получены с применением программы STATISTICA.

Согласно полученным данным о связи свойств темперамента респондентов с интернет-активностью, показатель экстраверсии коррелирует с поиском необходимой информации, просматриванием новостной ленты, желанием общаться посредством социальных сетей, размещать свои фотографии, информацию о собственных интересах. Показатель интроверсии коррелирует с нежеланием выкладывать в интернет какую-либо информацию. Показатель нейротизма связан с общением в социальной сети «ВКонтакте», совершением покупок в интернете, нежеланием размещать информацию о себе и заниматься скроллингом.

Показатели интеллектуальной и коммуникативной эргичности связаны с желанием постоянно просматривать актуальные новости, скролить информацию.

Показатели коммуникативной и психомоторной пластичности связаны с возможностью читать книги в интернете, показатель интеллектуальной пластичности связан с просмотром познавательного видео, участием в учебных курсах.

Все показатели скорости (психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной) связаны с постоянным просматриванием новостной ленты.

Показатель эмоциональности (психомоторной, интеллектуальной, коммуникативной) коррелирует с общением в социальной сети «ВКонтакте» и потребностью совершать покупки с помощью интернета.

Итак, выраженность свойств темперамента имеет закономерные особенности поведения пользователей в интернет-среде. Полученные результаты можно использовать для дополнения интерпретации свойств темперамента исходя из распространения и увеличения значимости цифровой среды в современной жизни.

1. Вяткин Б.А. Роль темперамента в спортивной деятельности. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 135 с.
2. Мерлин В.С. Очерк теории темперамента. – Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2018. – 462 с.
3. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. – М.: Институт психологии, 2019. – 528 с.
4. Казарян Г.А., Тер-Степанян А.Г., Егиазарян А.А. Соотношение индивидуальных особенностей молодежи и интернет-коммуникации // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2022. – Т. 5, № 2(15). – С. 94–101. DOI 10.54072/26586568_2022_5_2_94.

5. Жукова Н.В. Взаимосвязь проблемного использования Интернета, индивидуально-психологических особенностей структуры темперамента и субъективного психологического благополучия у старших подростков // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14, № 80. – С. 7. DOI 10.54359/ps.v14i80.1049.
6. Лучинкина А.И., Андреев А.С., Коршак А.А. Интегральная индивидуальность в контексте постнеклассической парадигмы: психодинамический аспект // Человеческий капитал. – 2024. – № 1(181). – С. 174-180. DOI 10.25629/НС.2024.01.18.
7. Айзенк Г., Вильсон Г., Джексон К. Личностный профиль по Айзенку. Руководство. – М.: Когито-Центр, 1999. – 53 с.
8. Русалов В.М. Формально-динамические свойства индивидуальности человека (темперамент): методическое пособие. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2004. – 135 с.

Динамика содержаний сновидений при формировании навыка осознанности (на материале дневников сновидений)

Измененные состояния сознания, осознанные сновидения, техники индукции осознанных сновидений

Данная работа посвящена исследованию сна как культурно-исторически обусловленному измененному состоянию сознания [1] и порождаемым в данном состоянии галлюцинаторным образам – сновидениям. Существует особый вид сновидений, в которых человек осознает, что находится в состоянии сна, оставаясь при этом спящим. Образную продукцию такого сна называют осознанными сновидениями (ОС) [2].

Несмотря на стабильный интерес к ОС среди исследователей, обусловленный адаптивными функциями состояния осознанности во сне, обнаруживается недостаточность внимания к изучению глубинных механизмов этого феномена, динамики развития навыка такого осознания. Отсутствие понимания перечисленных аспектов такого сложного феномена, как ОС, объясняет существенную вариативность результатов исследований по данной тематике.

В рамках нашей работы мы провели эмпирическое исследование, направленное на качественный анализ дневников сновидений с целью выявления динамики развития навыка осознанности в сновидении.

В исследовании приняли участие 43 респондента, распределенных на контрольную (N = 20) и экспериментальную (N = 23) группы. В течение 10 недель все участники вели дневники сновидений, а респонденты экспериментальной группы также практиковали комбинированную технику индукции ОС П. Толи [3]. На основе полученных данных был проведен контент-анализ содержаний дневников сновидений. Кодирование записей в дневниках проводилось двумя экспертами независимо друг от друга в соответствии с созданной нами категориальной сеткой. Полученные частоты были подвергнуты статистической обработке с помощью непараметрических критериев: Манна-Уитни, Фридмана, а также с использованием регрессионного анализа.

Результатом исследования является выделение нелинейной динамики определенных содержаний сновидений в экспериментальной группе: децентрация сновидящего от событий, происходящих во сне (нелинейный рост, $p = 0,03$); успешная ориентация в пространстве-времени внутри сновидения (нелинейный рост, $p = 0,046$); появление эмоциональных реакций при осуществлении выхода из настоящего времени (выброс в первой трети, $p = 0,04$); диффузия роли сновидящего как единственного персонажа, способного к истинной оценке статуса реальности (нелинейный рост, $p = 0,019$); управляемый выход из сновидения (выброс на 3 неделе, $p = 0,034$). В результате регрессионного анализа была обнаружена линейная динамика количества противоречий, которые сновидящим обнаруживаются, но при этом объясняются внутри сновидческой ситуации (R-квадрат = 0,966, $p = 0,017$). Помимо этого, при сравнении групп между собой, было обнаружено значимо большее количество ОС в экспериментальной группе ($p = 0,020$).

Наряду с этим были обнаружены определенные факторы, накладывающие ограничение на полученные результаты: неоднородность развития ОС у разных представителей экспериментальной группы, недостаточная продолжительность экспериментального воздействия, ограниченный объем выборки и, в связи с этим, сложность выявления различий при применении статистических критериев.

Несмотря на методологические ограничения, проведенное исследование демонстрирует принципиальную возможность выявления динамики сновидческих феноменов в контексте развития навыка осознанных сновидений, что является новым направлением в изучении ОС и открывает перспективы для дальнейших экспериментальных исследований, в том числе для возможной разработки нового более чувствительного инструмента для измерения уровня осознанности в сновидении.

1. Гордеева О. В. Культурно-историческая теория ЛС Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания (ИСС) [Текст] // Ученые записки кафедры общей психологии. – М.: Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова. – 2002. – №. 1. – С. 134–149.
2. Лаберж С. Осознанное сновидение. – М.: Из-во Трансперсонального института, 1996. – 288 с.
3. Tholey P. Techniques for inducing and manipulating lucid dreams // Perceptual and motor skills. – 1983. – Т. 57, №. 1. – С. 79–90.

Kassis A.
Damascus, HSE university

Volkova N.
Saint Petersburg, HSE university

A bibliometric review and global analysis about the organizational social capital and employees' turnover (2000–2023)

Organizational social capital (OSC), employee turnover, bibliometric analysis

Purpose - The research aims to show the trend in Organizational Social Capital and Employees turnover, The most effective authors, institutions, and countries in the overmentioned topic, moreover, the main subject areas are identified, highlighting the global and collaborative nature of this research. in addition to conducting Keywords analysis which identifies common keywords from the list of the articles that will be studied, this analysis will provide insight into key terms and concepts in the field of the Organizational Social Capital and employees' turnover, allowing researchers and practitioners to narrow their focus and contribute to more specific research.

Design/methodology/approach – This bibliometric review explores the relationship between organizational social capital (OSC) and employee turnover and provides an in-depth analysis from 2000 to 2023. This study provides an overview on the literature review about OSC, employees turnover and the relationship between them, the research methodology includes an exhaustive search of the Scopus database. A total of 177 relevant articles were retrieved, and specific research questions guided the analysis by examining trends, primary authors, institutions, countries, main subject areas, and main keywords.

Originality - The originality of this work is that it focuses on trends, lead authors, institutions, countries, subject areas, and main keywords regarding the Organizational Social Capital and employees turnover, providing a comprehensive overview of the relationship between OSC and employees' turnover research, the keyword analysis reveals important terms and concepts that can guide future research directions and enable a more focused exploration of this field.

Recommendations and limitations for future studies - Implications for future research suggest the need for interdisciplinary approaches, cross-cultural studies, and deeper exploration of thematic clusters. Although this review acknowledges the limitations of the Scopus dataset, it provides valuable insights for researchers, practitioners, and organizational leaders. And highlight the importance of the Organizational Social Capital, moreover, thematic clusters identified through keyword analysis provide a roadmap for future research directions about Organizational Social Capital in different areas.

This research provides a comprehensive overview of the relationship between OSC and employee turnover, highlighting the importance of this relationship and providing a roadmap for future research directions. The study's practical implications and recommendations for future research make it a valuable contribution to the field of organizational behavior and management.

Некогнитивные навыки подростков с разной степенью самооценки предпринимательской одаренности

Некогнитивные навыки, предпринимательская одаренность, самооценка предпринимательских способностей, коммуникативные и организаторские способности, склонность к риску

Финансовая грамотность и склонность к инновационным технологиям заработка на сегодняшний день повышает интерес и привлекательность для молодежи предпринимательской деятельности. Созданы программы для развития студенческого и молодежного предпринимательства.

История предпринимательской одаренности школьников только начинается. Ранее данный вид деятельности считался недоступным школьникам. Исследования показывают, что развитие креативности и склонности к риску наиболее высоки в подростковом и юношеском возрасте, соответственно, имеются прекрасные предпосылки для развития предпринимательских способностей в этом возрасте.

Целью нашего исследования стало изучение некогнитивных навыков подростков с разной степенью самооценки предпринимательской одаренности.

Мы предположили, что подростки с разным уровнем самооценки своих предпринимательских способностей отличаются по уровню коммуникативных и организаторских способностей, особенностям семейной ситуации развития, склонности к риску и показателям, входящими в её структуру.

1. Психодиагностический инструментарий исследования;
2. Шкала интеллектуальной оценки риска (SRIS) (в адаптации Т.В. Корниловой, Е.М. Павловой) [2].
3. Коммуникативные и организаторские склонности, (КОС-1) (В.В. Синявский, Б.А. Федоришин) [3].
4. Тест «Оценка своих предпринимательских способностей» (Р. Хизрич, М. Питерс) [4].

Статистический критерий Манна-Уитни, для выявления различий в группах подростков.

В исследовании приняли участие 164 респондента – обучающихся государственных и частных школ г. Ростова-на-Дону.

На основании результатов методики Р. Хизрича, М. Питерса [4], мы выявили, что среди подростков преобладает низкий уровень оценки их предпринимательских способностей (63.41%). Средний уровень оценки предпринимательских способностей выявлен у 32.93% подростков, высокий уровень оценки всего у 3.66%.

Анализируя результаты представленности некогнитивных навыков подростков с высокой и низкой самооценкой предпринимательских способностей, среди которых мы изучали коммуникативные и организаторские способности, склонность к риску, выявлены следующие различия:

По показателям склонности к риску:

- эмоциональная ранимость ($U = 2327,0$, $p = 0,007$) – в группе с более низкой самооценкой предпринимательских способностей этот показатель выше, что указывает на большую эмоциональную уязвимость в стрессовых ситуациях;
- неприятие неопределенности ($U = 2331,0$, $p = 0,007$) – также более выражено в группе с низкой самооценкой, свидетельствуя о большей тревожности по поводу неопределенных исходов;
- воображение ($U = 1940,0$, $p = 0,001$) и самоэффективность при решении проблем ($U = 2109,5$, $p = 0,001$) – эти показатели значимо выше в группе со средней и высокой самооценкой предпринимательского потенциала, что говорит о более развитых креативных способностях и уверенности в себе;
- также было обнаружено значимое различие по общему показателю шкалы интеллектуальной оценки риска ($U = 2530,5$, $p = 0,044$). Этот интегральный показатель, отражающий способность эффективно оценивать риски и воспринимать неопределенность как возможность, оказался выше в группе подростков со средне-высоким уровнем самооценки предпринимательских способностей.

2. Коммуникативные ($U = 1760,5$, $p = 0,000$) и организаторские ($U = 2282,5$, $p = 0,004$) склонности также оказались существенно выше в группе со средним и высоким уровнем самооценки предпринимательских способностей;

3. Наличие предпринимательского опыта у родителей ($U = 2626,0$, $p = 0,049$), отражающего особенности семейной ситуации развития в контексте предпринимательства чаще встречается в группе.

1. Бизнес-клуб «Атланты» опросил 1224 подростка. Тренды образования [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.telegram-store.com/catalog/channels/edtrends/1947>
2. Корнилова Т.В., Павлова Е.М. Шкала интеллектуальной оценки риска и ее связь с готовностью к риску и эмоциональным интеллектом //Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28, №. 4. – С. 59–78.
3. Райгородский Д.Я. Психодиагностика персонала // Методика и тесты: учебное пособие для факультетов: психологических, экономических и менеджмента. – 2007. – №. 2.
4. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха: Вып. I. Предприниматель и предпринимательство: Пер. с англ./Общ. ред. В.С. Загашвили. – М.: Прогресс, 1992. – 160 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (FENW-2023-0062).

Личностные характеристики профессиональной успешности

Профессиональная успешность, личностные характеристики, имплицитные установки

Область карьеры признаётся исследователями сложной и фрагментарной [1]. В данной сфере выделяют ряд теоретических и практических проблем, актуальных для современной психологии. Одной из них выступает – профессиональная успешность.

Несмотря на то, что феномен профессиональной успешности изучается продолжительное время и уже сформирован солидный фундамент данных, исследователями признаётся ряд актуальных проблем, связанных с разработанностью темы [2]. Таковыми считаются: проблема установления единого подхода к дефиниции «профессиональная успешность», а также малоизученный вопрос о личностных характеристиках сотрудников, связанных с успехом в профессиональной деятельности. На практическом уровне возникает проблема ограниченного использования разработанности темы, а именно только в оценке экономических параметров [2].

Актуальность данного исследования вытекает из объективно сложившегося противоречия между потребностью руководителей в высоком уровне результатов деятельности своих сотрудников, а также в их долгосрочной профпригодности, и ограниченном применении знаний в области профессиональной успешности, накопленных в науке, а именно: только в оценке экономических параметров. Дополнительные исследования различных аспектов этой области, в том числе личностных характеристик и имплицитных установок, помогут расширить теоретическую базу, а также могут быть использованы для решения практических задач повышения эффективности труда работников.

Цель исследования – установить взаимосвязь личностных характеристик (тревожность, самомотивация и саморегуляция), имплицитных установок и профессиональной успешности сотрудников.

Основные гипотезы исследования: существует связь профессиональной успешности сотрудника с совокупностью его личностных характеристик (тревожность, самомотивация, саморегуляция); существует связь профессиональной успешности с положительным имплицитным отношением к успеху и провалу.

Объект исследования: сотрудники, ведущие профессиональную деятельность в различных профессиональных сферах.

В эмпирическом исследовании применялись следующие методики:

1. имплицитный ассоциативный тест;
2. шкала самооценки уровня тревожности Спилберга – Ханина (Ю.Л. Ханин, 1977 г.);
3. опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова, 1988 г.);
4. «Русскоязычный опросник каузальных ориентаций» (О.Е. Дергачева, Л.Я. Дорфман, Д.А. Леонтьев, 2008 г.);
5. авторская анкета для оценки профессиональной успешности респондентов.

Исследование будет осуществляться в три этапа. На первом этапе будут проанализированы высказывания респондентов о профессиональной успешности с помощью метода контент-анализа. На втором этапе на основе полученных данных нами будет разработан опросник профессиональной успешности. На третьем этапе будут исследоваться имплицитные установки и личностные характеристики респондентов, а также их оценка своей профессиональной успешности. Для анализа данных будет использована программа SPSS.

Планируемым результатом исследования станет выявление значимо связи между имплицитными установками, личностными характеристиками и профессиональной успешностью. Результаты могут быть базой для создания мероприятий повышения эффективности работы компаний, например, тренингов, направленных на совершенствование личностных характеристик или на выявление деструктивных имплицитных установок.

1. Akkermans J.; Kubasch S. Trending topics in careers: A review and future research agenda // Career Dev. Int. – 2017. – 22. – P. 586–627.
2. Rodionova E., Nikiforov G., Kruglova T. Personality characteristics of professional success: an analysis of the studies of the early 21st century // Proceedings of the XVIII International Academic Congress «History, Problems and Prospects of Development of Modern Civilization». Vol. XVIII. «Tokyo University Press». – 2017. – P. 435–440.

Цифровизация управления человеческими ресурсами как инструмент социальной адаптации компаний в условиях пандемии

Устойчивость компаний, цифровизация УЧР, e-HRM, устойчивое лидерство

Актуальность темы исследования определяется необходимостью формирования базы знаний о методах управления человеческими ресурсами (УЧР) в экстремальных ситуациях. XXI век изобилует такими ситуациями: геополитические конфликты, экологические катастрофы, раскол в политических кругах и в обществе, разрушение цепочек создания стоимости и дезорганизующие технологические изменения [1]. Выживаемость и конкурентоспособность компаний в таких условиях зависит от стратегии и практики антикризисного управления, в том числе – сохранения, использования и развития человеческого капитала. Выявление, обобщение, анализ эффективных методов антикризисного управления позволит строить осознанные стратегии преодоления, ориентированные в будущее.

Предметом нашего исследования является цифровизация практик УЧР в период пандемии. Ретроспективная оценка автоматизации процессов управления в условиях COVID-кризиса показала несомненную важность этого инструмента УЧР, однако следует отметить недостаток фактического эмпирического подтверждения этого мнения.

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, объединяющем ведущие концепции экономики, социологии, биологии и психологии: теорию систем, теорию организации, концепцию общего адаптационного синдрома.

Цель исследования: оценить роль цифровизации процессов управления человеческими ресурсами в период тревоги/мобилизации процесса адаптации в ситуации кризиса, вызванного пандемией.

В исследовании адаптация измеряется на уровне трех показателей: 1) воспринимаемой эффективности плана или действий компании в области «антикризисного управления» человеческими ресурсами для решения текущих проблем в условиях карантина; 2) снижение мер по сокращению занятости; 3) общая текучесть персонала.

В результате теоретического обзора удалось сформулировать следующие гипотезы исследования:

Гипотеза 1: чем выше уровень цифровизации УЧР, тем выше уровень воспринимаемой эффективности плана или действий компании в области «антикризисного управления» человеческими ресурсами для решения текущих проблем в условиях карантина.

Гипотеза 2: чем выше уровень цифровизации УЧР, тем реже применяются меры сокращения занятости в условиях карантина.

Гипотеза 3: чем выше уровень цифровизации УЧР, тем ниже уровень текучести персонала.

Для оценки цифровизации УЧР тоже рассматривались три показателя: 1) уровень цифровизации в подборе; 2) в обучении и 3) в коммуникациях. Для измерения мер сокращения занятости в условиях карантина, а также уровня цифровизации в обучении и в коммуникациях были разработаны авторские шкалы.

Для эмпирической апробации модели и валидации шкал проводились структурированные телефонные интервью с руководителями компаний и менеджерами по персоналу ($n = 449$) в начале ковид-кризиса (T1 - 2020) и ($n = 300$) спустя год (N2 - 2021). Сначала данные были очищены от выбросов и стандартизированы. Финальную выборку составили 292 наблюдения. На втором шаге проводилась оценка надежности и валидности предложенных шкал с помощью факторного анализа в SPSS. Теоретическая модель тестировалась с помощью метода Моделирование структурными уравнениями в SPSS.

Выявлено, что цифровизация в обучении положительно связана с воспринимаемой эффективностью антикризисного управления ($0,306^{***}$), отрицательно – с повышением текучести персонала ($\sim 0,233^{***}$). Цифровизация в подборе также положительно связана с воспринимаемой эффективностью антикризисного управления ($0,155^*$), отрицательно – с мерами по сокращению занятости ($-0,123^\dagger$). Таким образом, результаты позволили подтвердить все три гипотезы.

1. Джордж Б., Нориа Н., Бьюберл Т., Жоли Ю. (2024). Шесть стратегий успешного руководителя в период кризиса. Большие идеи [Электронный ресурс]. – URL: <https://big-i.ru/krizis/upravlenie-kompaniey-kotoraya-uspeshno-deystvuet-v-khaotichnom-mire/> (дата обращения: 03.06.2024).

Саморегуляция как предиктор психологического благополучия

Психологическое благополучие, саморегуляция, well-being

Проблема психологического благополучия была актуальна всегда, но до настоящего времени большая часть внимания уделялась решению проблем напрямую связанных с выживанием и поддержанием минимально приемлемого уровня благополучия. Долгое время внимание психологов, социологов и медиков было приковано к людям, имеющим серьезные проблемы в соответствующих сферах, уделяя вниманием тех, кто подобных проблем не имеет, или у кого они менее выражены. Сейчас сформировалось новое направление «позитивная психология», целью которого является повышение качества жизни и психического состояния. Работа ведется с психически здоровыми людьми и направлена на оптимизацию их жизнедеятельности и помощь в личностном становлении и саморазвитии.

Повышенный интерес к этой области исследований вполне закономерен и объясняется неоспоримой важностью данного переживания для всей жизнедеятельности человека. Психологи доказали, что люди, удовлетворенные своей жизнью, демонстрируют большую общительность и активность, имеют чрезвычайно развитые навыки разрешения всевозможных конфликтных ситуаций и обладают сравнительно более сильной иммунной системой. Некоторые составляющие субъективного благополучия личности неразрывно связаны с ее здоровьем, жизнеспособностью, навыками адаптации к различным стрессовым ситуациям.

Психологическое благополучие стало объектом научного исследования после того как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) (World Health Organization, WHO) сформулировала и в 1948 году привела в преамбуле Устава понятие «психического здоровья», которое было определено как «состояние благополучия, при котором каждый человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества». Особенный упор делается на позитивный аспект психического здоровья: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» (WHO, 1946-1948). ВОЗ выделила «благополучие» как основной критерий (часть) психического здоровья.

1. Пат Т. Пять элементов благополучия / Т. Пат, Д. Хартер. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – 146 с.
2. Селигман Мартин. Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия / Пер. на русс. яз., издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013. – 403 с.
3. Шамянов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. – 296 с.
4. Arnold B. Bakker, Can Ererdi. I-deals and Employee Well-Being: Examining I-deals from JD-R Perspective // Idiosyncratic Deals at Work. – 2022. – 1. – P. 237–256. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-88516-8_11.
5. Soniya Billore, Tatiana Anisimova, Demetris Vrontis. Self-regulation and goal-directed behavior: A systematic literature review, public policy recommendations, and research agenda/ Journal of Business Research. – 2023. – P. 156.

Арт-терапия как метод управления функциональным состоянием субъектов труда

Функциональное состояние, психологические средства, управление функциональным состоянием, арт-терапия

1. Эксперты Института развития персонала отмечают, что за последние 10 лет возросло число сообщений о проблемах с психическим здоровьем, и общепризнано, что многие риски для здоровья людей на работе носят психологический характер. Это привело к растущему признанию необходимости в практике обеспечения благополучия работодателей учитывать, как психосоциальные, так и физические аспекты здоровья и благополучия [5].

2. В настоящий момент в научном сообществе возникает проблема имеющегося на данный момент психологического инструментария, который в полной мере не удовлетворяет потребностям, которые выдвигаются обществом [4]. Таким образом, научная целесообразность и актуальность разработки данного направления объясняется потребностью в изучении механизмов, обеспечивающих решение задачи оптимизации текущего состояния, и в раскрытии системы психологических средств, позволяющих человеку осознанно и целенаправленно управлять своим состоянием.

3. Теоретико-методологические аспекты данной проблемы получили детальное обсуждение в работах Н.Д. Левитова, А.Б. Леоновой, А.О. Прохорова, Е.П. Ильина и многих других исследователей функциональных состояний (ФС), связанных с воздействием экстремальных факторов профессиональной деятельности и информационными перегрузками, которые сопровождаются развитием эмоциональных состояний, психической напряженности, стресса [2].

4. В рамках структурно-интегративного подхода, разработанного А.Б. Леоновой, функциональное состояние – относительно устойчивая для определенного периода времени структура актуализируемых субъектом внутренних средств, которая характеризует сложившиеся в конкретной ситуации механизмы регуляции деятельности и обуславливает эффективность решения поведенческих задач [3]. Можно сказать, что способность работающего человека отслеживать изменения своего функционального состояния обеспечивает рост профессиональных достижений при сохранении здоровья и ощущения психологического благополучия, т.е. выступают как факторы достижения профессионального успеха.

5. В качестве способа управления целесообразно рассмотреть арт-терапию, потому что это направление работы является мощным ресурсом, помогающим оптимизировать состояние человека благодаря таким факторам, как создание безопасной среды, благоприятный эмоциональный настрой, опора на невербальный язык, развитие воображения и познавательных функций, уравнивание психоэмоциональной сферы, повышение адаптационных способностей личности, отсутствие возрастных ограничений [1].

1. Бариляк И.А. Арт-терапия в условиях психологического сопровождения деятельности сотрудников в организации // Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия: коллективная монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2016. – С. 205–213.
2. Бодров В.А. Современные исследования фундаментальных и прикладных проблем психологии профессиональной деятельности. Часть II / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 6. – С. 66–74.
3. Кузнецова А.С., Барабанщикова В.В., Злоказова Т.А. Эффективность психологических средств произвольной саморегуляции функционального состояния // Экспериментальная психология. – 2008. – Т. 1, № 1. – С. 102–130.
4. Обознов А.А., Журавлев А.Л. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 9. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – 413 с.
5. <https://www.cipd.org/en/> [Электронный ресурс] (дата обращения 23.05.2024)

Психометрическая проверка шкал на русскоязычной выборке опросника «Hierarchical Team Resilience Scale (HTRS), 2016»

Устойчивость рабочих групп, личностные ресурсы, выгорание

Устойчивость рабочих групп способствует преодолению неблагоприятных и неопределенных условий деятельности и поддержанию эффективности рабочего процесса [4]. Целью исследования является психометрическая проверка на русскоязычной выборке шкал опросника HTRS (Sharma, Sharma, 2016) [5]. Оригинальная версия опросника опирается на 4 фактора и включает 10 субшкал. Трудностью практического использования опросника является количество вопросов – 50, ответы на которые требуют времени и вызывают утомление. Нами были отобраны 6 субшкал, отражающие все 4 оригинальных фактора: гибкость группы в освоении мастерства; групповые нормы; связь в работе, разделяемый язык, доверие; воспринимаемая эффективность коллективных действий.

Выборка. В исследовании приняло участие 937 респондентов в возрасте от 18 до 69 лет ($M = 38,06$; $SD = 11$, $Me = 37$), из них: 75% – женщин, 25% – мужчин.

Методы: «Шкала устойчивости команды» [5]; «Психологический капитал» [1]; «Шкала базового самооценивания» [2]; «Дизайн работы», (Маничев, 2016); «Ольденбургский опросник профессионального выгорания» [3]; Опросник оценки конфликтоустойчивости (Лепехин и др., 2023).

Результаты. Факторная структура и внутренняя согласованность. По результатам эксплораторного и конфирматорного анализов выявлены две версии опросника, имеющие однофакторную структуру и содержащие 21 и 12 пунктов. Данные версии имеют удовлетворительные показатели соответствия модели и внутренней согласованности: версия из 21 пункта (v_{21}) – $CMIN/DF = 2,499$, $CFI = 0,987$, $RMSEA = 0,04$, (0,035 ; 0,045), α -Кронбаха = 0,97; версия из 12 пунктов (v_{12}) – $CMIN/DF = 2,3$, $CFI = 0,993$, $RMSEA = 0,038$ (0,028;0,047), α -Кронбаха = 0,96). Корреляция между данными версиями опросника (r -Пирсона) = 0,9 ($p < 0,001$). Обнаружены различия между средним показателем устойчивости, однако данные различия незначительны: для v_{21} $M = 3,83$, для v_{12} $M = 3,81$.

Валидность. Выявлены значимые корреляции (r -Пирсона) шкал устойчивости (v_{21}/v_{12}) с другими переменными на уровне $p < 0,001$: конфликтоустойчивость – 0,228/0,211; шкала базового самооценивания – 0,345/0,344; самооценка – 0,341/0,341; оптимизм – 0,408/0,398; жизнестойкость – 0,266/0,267; самоэффективность – 0,388/0,38; кооперативные отношения – 0,584/0,572; целостность задач и эффективность – 0,364/0,340; выгорание: –0,412/–0,389. Статистических значимых различий между двумя опросниками в корреляциях с вышеуказанными переменными не обнаружено.

Полученные результаты показывают однофакторную структуру опросника, высокую надежность и удовлетворительную конвергентную и прагматическую валидность. Психометрические показатели версий из 21 и 12 пунктов подобны, что позволяет применять на практике более короткую версию. Для уточнения психометрических показателей опросника необходима проверка инвариантности и дискриминантной валидности.

1. Маничев С.А., Погребницкая В.Е. Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. – 2018. – № 8. С. 489–500.
2. Маничев С.А., Лепехин Н.Н., Ильина О.Н. Русскоязычная версия Шкалы базового самооценивания (Core Self-Evaluation Scale): психометрическая проверка и перспективы использования // Вестник СПбГУ. Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 3. – С.285–308.
3. Смирнова А.Ю. Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой-профессиональное выгорание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – №17(2). – С. 211–218.
4. Galy A., Chênevert D., Fouquereau E., Groulx P. Toward a new conceptualization of resilience at work as a meta-construct? // Frontiers in Psychology. – 2023. – № 14. – P. 1211538.
5. Sharma S. & Sharma S.K. Team resilience: scale development and validation // Vision. – 2016. – № 20(1). – P. 37–53.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект «Интегративная устойчивость организационной деятельности на основе взаимодействия персональных, командных и управленческих ресурсов», № 24-28-00603.

Ценностные предикторы локальной и глобальной идентичности потребителей

Локальная и глобальная идентичность, личные ценности, потребительский этноцентризм

В настоящее время процессы мировой глобализации сталкиваются с нарастающей реакцией и тенденцией к регионализации, что отражается в общественном и политическом дискурсе и в конечном итоге приводит к разнонаправленным векторам формирования идентичности людей. Локальная идентичность означает ощущение принадлежности к локальному сообществу, культуре, образу жизни. Локальность часто приравнивается к национальным или государственным границам. Глобальная идентичность означает ощущение себя «человеком мира», принадлежности ко всему человечеству, признание в первую очередь близости разных культур, а не их различий [3]. Можно наблюдать, как эти тенденции конфликтуют и влияют друг на друга, трансформируясь на личностном уровне. Они могут сосуществовать в одном человеке в различных сочетаниях [2]. В психологии потребителей большое внимание получил феномен потребительского этноцентризма – установки на предпочтение отечественных товаров [1]. Были проведены исследования, подтверждающие связь между типами идентичности и потребительским этноцентризмом. Однако ценностные предикторы типов идентичности в их связи с потребительским выбором остаются мало изученными, и это стало предметом нашего исследования.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить ценностные предикторы локальной и глобальной идентичности потребителей, а также оценить вклад этих видов идентичности и потребительского этноцентризма в отношении к покупке отечественного товара в ситуации альтернативного выбора.

Теоретическая модель включала в себя два вида идентичности потребителей: локальную и глобальную, которые были взаимосвязаны с личными ценностями и выполняли роль медиаторов между ценностными приоритетами и потребительским этноцентризмом. В свою очередь, потребительский этноцентризм был непосредственно связан с отношением к покупке отечественного товара в ситуации выбора.

Выборка исследования составила 164 человека в возрасте от 18 до 35 лет, из них 83 женщины и 81 мужчина. Участники привлекались на добровольной основе, опрос был анонимным. Респондентам предлагалось представить ситуацию выбора зимней куртки в торговом центре. Согласно сценарному описанию ситуации, респондент наметил для себя три куртки примерно одинакового качества, каждая из которых хорошо ему подходила. Одна из курток была произведена в России, другая – в одной из стран Западной Европы, третья – в Китае. После вопросов о ценовых аспектах покупки, респондент оценивал отношение к покупке и ее вероятность для каждого из вариантов. Для оценки потребительского этноцентризма использовалась шкала Siamagka и Balabanis [1], для оценки уровня глобальной и локальной идентичности – шкала Tu, Khare и Zhang [3], для оценки ценностных ориентаций – методика Ш. Шварца («Профиль личности») в адаптации В.Н. Карандашева.

Результаты исследования позволили сделать выводы о том, что:

- локальная идентичность и потребительский этноцентризм являются примерно равными по силе предикторами отношения к покупке отечественного товара в ситуации выбора;
- потребительский этноцентризм положительно связан с локальной идентичностью;
- главным ценностным предиктором локальной идентичности потребителей является приоритет ценности безопасности, а глобальной идентичности – приоритеты ценностей гедонизма и универсализма.

1. Siamagka N.T., Balabanis G. Revisiting Consumer Ethnocentrism: Review, Reconceptualization, and Empirical Testing // Journal of International Marketing. – 2015. – № 23(3). – P. 66–86.
2. Strizhakova Y., Coulter R. Consumer cultural identity: local and global cultural identities and measurement implications // International Marketing Review. 2019. – № 36(5). – P. 610–627.
3. Tu L., Khare A., Zhang Y. A short 8-item scale for measuring consumers' local–global identity // International Journal of Research in Marketing. – 2012. – № 29(1). – P. 35–42.

Социальный капитал как ресурс благополучия российских женщин-предпринимателей

Ресурсы личности, женщина-предприниматель, социальный капитал, психологическое благополучие

Исследования женского предпринимательства в настоящее время становятся все более актуальными. Достаточно большое количество работ посвящено статусу и роли женщины, ее функциям и возможностям, вкладу в различные сферы жизни, ограничениям в бизнес-среде. Однако не так много в психологии представлено исследований, посвященных выявлению вклада социального капитала в благополучие женщин, выбравших основной сферой активности ведение собственного бизнеса.

Социальный капитал (СК) – многоаспектное понятие, разрабатываемое целым рядом общественных наук. Осложняет анализ и то, что на данный момент не принято единого определения данного понятия. В экономике СК рассматривается в рамках мобилизации ресурсов взаимодействия агентов для повышения отдачи от своих вложений. Политолог Ф. Фукуяма определил его как общественный капитал, возникающий в результате доверия между его участниками [3]. Дж. Коулман понимал в значении продуктивного ресурса, в структуру которого входят социальные нормы, ценности, информационные каналы, обязательства и ожидания [5]. П. Бурдьё связывал с наличием устойчивой сети институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [4]. СК – это межличностные связи, в которых важно как их количество, так и качество [1].

Но остаются непроясненными следующие вопросы: существуют ли гендерные различия в применении СК как личностного ресурса у бизнесменов, влияет ли СК на благополучие женщин-предпринимателей в России и т.п.

Благополучие личности, несомненно, является также сложным составным конструктом, о структуре которого продолжают споры. Однако все чаще авторы заявляют о том, что благополучие следует рассматривать в комплексе гедонического и эвдемонистического подходов. Мы опирались на работы К. Рифф, которая выделила структуру психологического благополучия, включив туда: самопринятие (объективное понимание и принятие себя разным), позитивные отношения с окружающими (межличностные отношения, построенные на доверии, эмпатии и поддержке), автономию (следование своим убеждениям и ценностям), управление окружающей средой (эффективное управление ежедневными задачами), цель в жизни (то, что придает смысл жизни), личностный рост (открытость новому, что способствует постоянному развитию) [2]. Благополучие в гедонистическом подходе рассматривается как удовлетворённость от разных сфер жизни, в т.ч. от труда.

Нами было выдвинуто предположение о том, что существуют взаимосвязи СК и психологического благополучия и СК с увлеченностью работой у женщин-предпринимателей России.

В исследовании использовался комплекс социально-психологических методик: анкета «Показатели социального капитала личности» (Л.В. Марарица, А.Л. Свенцицкий, Л.Г. Почебут) [1], опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), «Утрехтская шкала увлеченности работой» (UWES) В. Шауфели в адаптации Д. Кутузовой.

Выборка представлена 120 женщинами-предпринимателями из России, средний возраст – 34 года. Наиболее высокие показатели были зафиксированы по шкалам вовлеченности в труд (энтузиазму, энергичности, поглощенности деятельностью). Эмпирические гипотезы были подтверждены: обнаружены положительные взаимосвязи между СК и психологическим благополучием (при $p < 0,05$), СК и увлечённостью работой (при $p < 0,01$).

1. Почебут Л. Г. Социальный капитал личности: монография. – М.: Инфра-М, 2021. – 250 с.
2. Рикель А.М., Тунияц А.А., Батырова Н.В. Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 2. – Р. 64–82.
3. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2008. – 52 с.
4. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J. Handbook of theory and research for the sociology of education. – Westport, CT: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
5. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. – 1988. – № 94. – P. 95–120.

Проактивное поведение работников и рабочие события

Проактивная саморегуляция, готовность к работе, самомотивация, рабочее событие

Динамичность и неопределенность среды ставит перед организациями проблему своевременного изменения дизайна работы. Одним из направлений редизайна работы является актуализация проактивного поведения работников – проявления инициативы по оптимизации текущих условий и упреждающему созданию новых форм работы.

Проактивное поведение проявляется сотрудниками в активности для предвидения и создания изменений в работе, вызванных неопределенностью и динамичностью условий, технологий и требований деятельности. В исследованиях показано, что в формировании проактивного поведения участвуют как индивидуальные особенности работника, так и особенности рабочей ситуации.

Одним из проявлений проактивности является саморегуляция собственных состояний работника, то есть они могут проявлять проактивное управление своей психической и физической работоспособностью, чтобы эффективно выполнять свою работу. События рабочей жизни влияют на состояние вовлеченности работников и, следовательно, на связанный с ней уровень проактивности работников.

Событие – значимое для субъекта изменение в окружающей действительности, в его поведении и внутреннем мире, оно характеризуется не только значимостью изменений, но и ограниченностью в пространстве и времени, поэтому можно выделить временные циклы рабочих событий – от возникновения до завершения [1].

Таким образом, события рабочей жизни могут рассматриваться как предиктор проактивности, так как определяют значимые для работника изменения среды деятельности.

Выборка: 58 руководителей из крупной организации по продаже компьютерного оборудования. В течение 50 дней респонденты заполняли анкету по характеристикам событий в конце каждого рабочего дня. Анкета состояла из двух частей: 1) описание события, произошедшего в день заполнения анкеты; 2) оценка участником уровня проактивности в день заполнения анкеты.

Получено 1028 анкет с данными о ежедневной проактивности участников, а также о наличии и особенностях произошедших событий (307).

Для оценки текущей проактивности использовалась переведенная на русский язык версия методики «Proactive Vitality Management factors», состоящей из двух субшкал: Готовность к работе (позволяющая работать эффективно и энергично) и Самомотивация (позволяющая мобилизовать усилия и приступить к работе после наступления важного события).

Для оценки динамики компонентов проактивности применялся автокорреляционный анализ. Выделены три значимых автокорреляции готовности к работе: первого порядка ($p < 0,002$), пятого порядка ($p < 0,003$) и шестого порядка ($p < 0,001$). Наличие значимой автокорреляции первого порядка свидетельствует о тенденции изменения готовности к работе. Наблюдаются циклы колебаний готовности к работе: она меняется каждый шестой и седьмой рабочий день.

Выделены две значимые автокорреляции самомотивации: на следующий день ($p < 0,05$) и через день ($p < 0,025$). Таким образом, обнаружена тенденция к изменению самомотивации, а также выявлены ее двухдневные циклы.

Для оценки влияния событий на показатели проактивной саморегуляции был проведен дисперсионный анализ. Оценивались средние значения и дисперсии шкал методики PVM для каждого типа событий (рутинное, важное, очень важное) и для отсутствия событий в текущий день. Выявлены статистически значимые различия компонентов проактивности в зависимости от типа события ($p < 0,001$).

Попарное сравнение средних показало, что значимые различия есть только между двумя объединенными категориями событий: 1) отсутствие события и рутинное событие, 2) важные и очень важные события. Важные для рабочего процесса события второй категории повышают проактивность работников по сравнению с малозначимыми событиями первой категории.

Таким образом, выделены циклы проактивной саморегуляции работников: готовность к работе имеет шестидневный и семидневный цикл, а самомотивация – двухдневный. Изменение уровня проактивной саморегуляции связано с важными и очень важными рабочими событиями.

1. Попова Р.Р. Проблема определения понятия «событие» в психологии // Филология и культура. – 2011. – № 25. – С. 287–293.

Противодействие буллингу как метод формирования эффективного человеческого капитала у подрастающего поколения

Буллинг, человеческий капитал, подрастающее поколение

В экономике современной России, провозгласившей курс на научно-технологическое развитие, вопросы формирования и развития человеческого капитала приобретают первостепенное значение. В фундаментальной работе лауреата Нобелевской премии Г. Беккера «Человеческий капитал» сформулировано его определение как имеющийся у каждого запас знаний, навыков и мотиваций, инвестициями в который могут быть образование, накопление производственного опыта, охрана здоровья, поиск информации. Для эффективного управления человеческим капиталом в будущем необходимо обратить внимание на воспитание подрастающего поколения [1].

Одним из факторов, влияющих на создание квалифицированных кадров среди молодежи, является образовательная среда. Соблюдение норм безопасности и сохранение здоровья – одни из ключевых показателей эффективности образования согласно Федеральному государственному образовательному стандарту.

В последние годы особенно актуальной становится проблема буллинга как среди учащихся, так и между учащимися и администрацией образовательной организации. Буллинг оказывает губительное воздействие на личность обучающегося, его мотивацию и успеваемость.

Актуальность исследований в области профилактики и предотвращения буллинга подтверждается заявлением Анны Кузнецовой, уполномоченной при Президенте РФ по правам ребенка. В сентябре 2021 года она сообщила, что 55% детей в российских учебных заведениях подвергались травле [2].

На основании опроса 109 респондентов среди учащихся 5–9 классов буллинг зачастую продолжается год и более. Попытки повлиять на ситуацию путем проведения переговоров между буллерами и жертвой неэффективны. На наш взгляд, это связано с низким уровнем информирования обучающихся и педагогического состава о возможных последствиях.

Нами был разработан эффективный алгоритм помощи ребенку при столкновении с буллингом:

1. При подозрениях родителю следует либо напрямую спросить у ребенка, либо нанять психолога для выявления случаев насилия и дискриминации;

2. После установления случаев любого вида насилия над ребенком в учебном заведении необходимо написать заявление на имя директора с требованием провести внутреннюю проверку на предмет буллинга;

3. Для предотвращения газлайтинга в отношении ребенка со стороны администрации учебного заведения по причине укрывательства нарушений написать заявление об исключении любого общения в отсутствие законного представителя;

4. При выявлении насильственных действий в отношении ребенка написать заявление в отделение полиции:

- о насилии (указать виды) с обязательным визированием документов;
- о привлечении к ответственности родителей детей, которые подвергли ребенка насилию;
- об обязательном приобщении к материалам дела причастных видеоматериалов.

5. В случае получения немотивированных и (или) не по существу поставленных вопросов ответов от органов власти писать заявления в вышестоящие организации для проведения проверки.

Практическими результатами действий по алгоритму для 6 детей стали:

1. повысилась успеваемость – средний балл вырос на 20%;
2. появилось желание получать дополнительное образование, заниматься творчеством;
3. улучшилось здоровье, ушло подавленное настроение, исчезли признаки депрессии;
4. дети стали увлекаться спортом и достигать в нем результатов.

Опираясь на полученный опыт, становится очевидной взаимосвязь защиты подрастающего поколения от буллинга на формирование более безопасной образовательной среды, повышение мотивации к учебе, развитие способностей и их реализацию. Это позволит вырастить больше квалифицированных кадров и повысит качество человеческого капитала для развития экономики страны и ее научно-технологического прогресса.

1. Грудина С.И. Развития человеческого капитала в условиях становления цифровой экономики // Научный журнал Психолого-экономические исследования. – 2020. – Т. 7 (13), № 3. – С.75–79.
2. Кузнецова заявила, что каждый второй ребенок в России сталкивался с буллингом [Электронный ресурс]. – URL://tass.ru/obschestvo/12315131 (дата обращения: 22.12.2023).

Структура мотивации профессиональной деятельности специалистов IT-сферы

Мотивация специалистов IT-сферы, факторный анализ

Исследования мотивационных детерминант в профессиональной деятельности сотрудников сферы информационных технологий (IT) имеет особое значение, поскольку в этой отрасли ключевыми факторами успеха являются инновации, креативность и высокая производительность. Основой эффективной любой профессиональной деятельности является мотивация. Немотивированный сотрудник будет некачественно выполнять свои обязанности, что может повлиять на работу организации в целом. Поэтому данной проблеме необходимо уделять особое внимание [1;2].

Цель данного исследования заключалась в выявлении основных компонентов в структуре мотивации профессиональной деятельности специалистов IT-сферы. В эмпирическом исследовании приняли участие 236 респондентов – сотрудники ИТ-подразделений.

В исследовании были использованы следующие методики: многофакторный опросник по методике Диагностика рабочей мотивации (Р. Хакмана, Г. Олдхема (в адаптации И.Н. Бондаренко), портретный ценностный опросник (Ш. Шварц в русской адаптации Н.М. Лебедевой), многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности (М.В. Прохорова, О.М. Овсянникова).

Для определения структуры мотивации профессиональной деятельности в каждой группе специалистов IT-сферы был использован факторный анализ, метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера, который позволит выделить 4 основных фактора для каждой группы IT-специалистов (системные аналитики, разработчики программного продукта, специалисты по тестированию).

В деятельности группы системных аналитиков ($n = 72$) **фактор мотивов процесса деятельности** представлен такими показателями, как *значимость профессионального задания* ($r = 0,933$), *принадлежность к рабочей группе* ($r = 0,755$), *помощь организации в достижении целей* ($r = 0,869$), *общая удовлетворенность* ($r = 0,539$), *удовлетворенность потребности в профессиональном росте* ($r = 0,722$). **Фактор мотивов результата деятельности:** *ожидаемый уровень результатов* ($r = 0,936$), *оценка уровня достижений результатов* ($r = 0,718$). **Фактор мотивов оценки и контроля деятельности:** *обратная связь от других* ($r = 0,821$) и *стимуляция* ($r = 0,728$). **Фактор мотивов развития и перспектив деятельности:** *осознаваемый смысл работы* ($r = 0,717$) и *стратегическое планирование* ($r = 0,556$).

Полученные результаты показывают, что системные аналитики придают особую важность значимости командного подхода в работе, как на уровне отдельных групп, так и всей организации. Принадлежность к рабочей группе и помощь организации в достижении целей являются важными мотивационными факторами.

В группе разработчиков программного продукта ($n = 84$) **фактор мотивов процесса деятельности** представлен такими показателями, как *профессиональный рост* ($r = 0,934$), *участие в принятии решения*, *принадлежность к рабочей группе* ($r = 0,922$), *помощь организации в достижении целей* ($r = 0,699$). **Фактор мотивов результата деятельности:** *значимость профессионального задания* ($r = 0,888$) и *обратная связь от других* ($r = 0,743$). **Фактор мотивов оценки и контроля деятельности:** *благожелательность* ($r = 0,927$) и *хорошие отношения в коллективе* ($r = 0,714$). **Фактор мотивов развития и перспектив деятельности выражен шкалами:** *мотив к смене деятельности* ($r = 0,714$) и *оценка своего потенциала* ($r = 0,761$).

Результаты факторного анализа показали, что разработчики программных продуктов ориентированы на профессиональный и карьерный рост, активно участвуют в принятии решений и придают большое значение сути и новизне рабочего задания. Для них важна как сама работа, так и возможность признания их как профессионалов.

В группе специалистов по тестированию ($n = 80$) **фактор мотивов процесса деятельности представлен шкалами:** *удовлетворенность защищенностью от потери работы* ($r = 0,733$), *социальная удовлетворенность* ($r = 0,804$). **Фактор мотивов результата деятельности:** *состязательный мотив* ($r = 0,607$), *мотив самоуважения* ($r = 0,794$). **Фактор мотивов оценки и контроля деятельности:** *потребность в профессиональном росте и развитии* ($r = 0,825$), *значимость результатов* ($r = 0,877$). **Фактор мотивов развития и перспектив деятельности:** *удовлетворенность оплатой* ($r = 0,785$), *познавательный мотив* ($r = 0,754$).

Результаты показали, что специалисты по тестированию имеют выраженную потребность в эмоциональной поддержке и подтверждении важности своей деятельности от коллег и руководства.

1. Михайлова О.Б. Адаптированность к профессиональной деятельности как условие реализации инновационного потенциала личности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 7. № 1. – С. 52–57.
2. Михайлова О.Б., Коба Д.С. Ценностно-мотивационные особенности менеджеров с разным уровнем инновационности // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 4.

Связи имплицитных и эксплицитных установок, сферы деятельности и предпочитаемых копинг-стратегий

Имплицитные и эксплицитные установки, копинг-стратегии, сфера деятельности

В настоящее время активно проводятся исследования связей личностно-психологических характеристик и копинг-стратегий; при этом зачастую используются методы, связанные с осознаваемыми, эксплицитными установками. Есть данные, что неосознаваемые установки могут значительно влиять на поведение в сложных ситуациях. В связи с этим нам представляется важным изучить имплицитные и эксплицитные установки (как факторы активности и открытости опыту), сферу интересов и копинг-стратегии у лиц, работающих в разных областях.

Для исследования имплицитных установок по отношению к понятиям «Активность-Пассивность» применяли IAT-тест В.И. Доминьяка и Е.А. Родионовой. Эксплицитные установки к открытости опыту определяли с использованием опросника «BigFiveInventory-2» в адаптации А.Ю. Калугина и соавторов. Для оценки предпочитаемых копинг-стратегий применяли опросник COPE в адаптации Е.И. Рассказовой и соавторов. Применив строгий критерий новизны (как создание уникального продукта труда в технической, научной и творческой сфере), мы разделили профессии на «новаторские» и «рутинные». В исследовании в формате online приняло участие 60 человек (30 человек в каждой профессиональной группе).

При анализе данных не было выявлено различий между группами по частоте имплицитных установок по отношению к активности: 80% респондентов характеризовались положительным отношением к активности.

При обработке данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена были выявлены связи между показателем открытости опыту и его составляющими и копинг-стратегиями. Так, суммарный показатель открытости был положительно связан со стратегиями «Отрицание» ($r = 0,298$) и «Обращение к религии» ($r = 0,314$); эстетичность положительно связана с «Позитивным переформулированием» ($r = 0,376$) и «Обращением к религии» ($r = 0,403$). Творческое воображение положительно связано с копингами «Активное совладание» ($r = 0,336$), «Подавление конкурирующей деятельности» ($r = 0,314$) и «Планирование» ($r = 0,284$). Любознательность отрицательно связана с «Концентрацией на эмоциях» ($r = -0,259$) и «Эмоциональной социальной поддержкой» ($r = -0,332$). Можно отметить, что показатели открытости и эстетичности связаны с выбором эмоционально-ориентированных копингов, а любознательность и творческое воображение – с выбором проблемно ориентированных копингов.

При анализе связи сферы деятельности и стратегий совладания с помощью критерия U Манна-Уитни было обнаружено, что лица, занятые в «рутинной» сфере, чаще выбирают проблемно ориентированные копинги, направленные непосредственно на решение сложной ситуации («Позитивное переформулирование», «Социальная инструментальная поддержка», «Планирование», «Подавление конкурирующих действий», «Социальная эмоциональная поддержка», «Активный копинг»). Представители «новаторских» профессий чаще выбирали копинги «Отрицание», «Поведенческий уход» и «Принятие»; по-видимому, для них характерна тенденция к «бегству от проблемы», смещение фокуса внимания, что является малопродуктивным, но может иметь ситуационную эффективность для данной выборки.

С помощью критерия Краскела-Уоллиса был проведен анализ связи имплицитных установок и копинг-стратегий. Стратегия «Юмор» связана с положительным отношением к активности. Это адаптивный копинг, направленный на снижение эмоционального напряжения и когнитивную переоценку проблемы за счет шуток о ситуации.

В ходе исследования были обнаружены связи между личностными характеристиками, трудовой сферой и спектром предпочитаемых копинг-стратегий. Существуют различия между сферой деятельности, отношением к открытости опыту и выбором эмоционально и проблемно ориентированных стратегий; имплицитная установка на активность положительно связана с копингом «Юмор».

Влияние социально-психологической зрелости на карьерные ориентации личности

Социально-психологическая зрелость, карьерные ориентации, личность

Карьерная ориентация личности является ключевым моментом как для профессионала, так и для личности в XXI веке. Меняется общество, меняются границы и ценности и сейчас как никогда перед нами стоит вопрос где и как развивать карьеру. Чтобы ориентироваться в нестабильном обществе, личность больше всего опирается на внутренние ресурсы, нежели чем на профессиональные навыки. Этот вопрос ставит задачу перед личностью и перед образовательной системой с точки зрения подготовки специалистов разных специальностей.

Цель – исследовать факторы социально-психологической зрелости, влияющие на карьерные ориентации личности.

Использовали методы тестирования и корреляционный анализ. Одна из методик социально-психологической зрелости Л. Петросян, А. Галстян [1] выявляет 6 критериев, и методика «Якоря карьеры» Шейн. Исследование проводилось среди 30 государственных служащих.

Результаты исследования показали, что у них из критериев социально-психологической зрелости на высоком уровне находится целенаправленность ($M = 9$). Целенаправленность – как критерий личностной зрелости является осознанной, последовательной и устойчивой ориентацией личности в сторону результата, то есть цели. Целенаправленность – это, в первую очередь, способность постановки задачи, а также планирование пути к достижению результата, способность к преодолению внутренних и внешних препятствий. Результаты исследования ценностных ориентаций в карьере показали, что у государственных служащих высокие показатели по служению ($M = 9$). Для них важно воплощать в работе свои идеалы и ценности.

Люди, ориентированные на служение, общительны и часто консервативны. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям. Показатели вызов, интеграция стилей жизни тоже высокие ($M = 8$). Корреляционные связи ($P < 0,05^*$, $P < 0,01^{**}$, $P < 0,001^{***}$) между показателями социально-психологической зрелости и карьерных якорей показали, что у государственных служащих целенаправленность взаимосвязана с менеджментом ($r = 0,374^{**}$), то есть при планировании пути к достижению результата, а также способности к преодолению внутренних и внешних препятствий для них главное управление: людьми, проектами, любыми бизнес-процессами. Человек с такой ориентацией будет считать, что не достиг цели своей карьеры, пока не займет должность, на которой будет управлять различными сторонами деятельности предприятия. Взаимосвязь между решительностью и профессиональной компетентностью ($r = 0,356^*$) свидетельствует о том, что при способности личности к принятию и претворению в жизнь ответственных решений хотят быть мастерами своего дела, они бывают особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать их способности. Взаимосвязь между реалистичностью и стабильностью работы ($r = 0,359^*$), место жительства ($r = 0,337^*$), служением ($r = 0,361^*$), вызова ($r = 0,438^{**}$), интеграцией стилей жизни ($r = 0,423^{**}$) показывает, насколько государственные служащие реалистичны, т.е. воспринимают действительность, верно используют собственные ресурсы личности и явление окружающего мира, настолько они испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Отождествляют свою работу со своей карьерой. Их потребность в безопасности и стабильности ограничивает выбор вариантов карьеры. Важнее остаться на одном месте жительства, чем получить повышение или новую работу на новой местности. Часто ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности. Отрицательная взаимосвязь между самопознанием и вызовом ($-0,344^*$) показывает, что познание собственных эмоций, поведения, мыслей, биологической и социальной сути, они не ориентированы на конкуренцию.

Таким образом, для карьерных ориентаций важными критериями социально-психологической зрелости являются целенаправленность, решительность, реалистичность, самопознание.

1. Петросян Л., Галстян А., Опросник социально-психологической зрелости личности профессионала. – Ереван, 2021. – 48 с. (на армянском языке).

Психологические факторы принятия решений в управленческой деятельности

Руководитель, принятие решений, психологические факторы

В современном, быстро меняющемся мире происходят непредсказуемые события, которые требуют от личности принятия быстрых решений. Личность все чаще сталкивается с неопределенными ситуациями. В стабильных условиях личность не сталкивается со сложностями при принятии решения, а в неопределенных ситуациях она всегда стоит перед выбором, какое именно решение принимать или откладывать его принятие. И именно какие психологические факторы способствуют принятию решения, как избегать психологических ловушек. Вопрос актуален именно для управленческой деятельности. Принятие решений – важнейшая задача любого руководителя. Д. Хэммонд, Р. Кини и Г. Райффа считают, что плохие решения – результат неправильного процесса их принятия: не были рассмотрены все существующие варианты, не была собрана точная информация, не были взвешены все достоинства и недостатки. Однако порой процесс принятия решения тут ни при чем: человеческий мозг работает таким образом, что иногда мы просто делаем неправильный выбор. Авторы рассматривают 8 психологических ловушек, которые подстерегают тех, которые принимают деловые решения [1, с. 9].

Цель исследования – выявить психологические факторы и особенности управленческих решений. Исследование проводилось среди 42 управленцев, из которых 12 стали экспертами (имели 10 и более лет стажа в управленческой деятельности), и 30 специалистов, которые не имеют руководящей должности. В исследовании использовали метод экспертного опроса, тестирования и математического анализа (корреляционный анализ по Пирсону, формула Стьюдента для разных выборок). Использовали Мельбурнский опросник принятия решения, методику Стиля мышления Харисон и Брамсон (адаптированный в ЕГУ РА), опросник оценки социально-психологической зрелости личности профессионала, разработанный Л. Петросян и А. Галстян [2].

Исследование проводилось двумя этапами. В первом этапе исследование проводилось среди эксперт-руководителей, на втором исследовали тип принятия решений руководителей и те психологические факторы, которые выделили эксперты (личностные качества и стиль мышления).

Эксперты выделили психологические факторы, способствующие принятию решения: целенаправленность, решительность, ответственность, самостоятельность. Результаты исследования типов принятия решений показали, что у руководителей высокие показатели бдительности ($M = 15$) и избегания ($M = 10$). Бдительность позволяет принимать рациональные решения. Уровни бдительности и избегания одинаковы у руководителей и специалистов, а уровни прокрастинации ($M = 8$) и сверхбдительности ($M = 10$) выше у специалистов, чем у руководителей ($M = 7$; $M = 8$), по t критерию Стьюдента различия значимы при сверхбдительности на $t = 3,92$, $p < 0,001$ уровне. У руководителей высокие показатели целенаправленности ($M = 10$) и практической надежности ($M = 9$). У руководителей высокие показатели аналитического ($M = 63$) и реалистического стилей ($M = 58$), у специалистов ($M = 53$) высокие показатели идеалистического стиля по сравнению с руководителями ($M = 50$, $t = 2,05$, по t критерию Стьюдента различия значимы при $p < 0,05$ уровне.). Корреляционный анализ показал, что и у руководителей, и у специалистов обнаружены отрицательные связи между решительностью и избеганием ($r = -0,441$, $p < 0,01$), прокрастинацией ($r = -0,391$, $p < 0,01$) и сверхбдительностью ($r = -0,500$, $p < 0,001$), то есть насколько у личности на высоком уровне решительность, насколько они не откладывают и не избегают принятия решения, не принимают импульсивные решения. Отрицательная корреляционная связь обнаружена между прагматичным стилем и прокрастинацией ($r = -0,386$, $p < 0,01$) у руководителей, то есть при наличии прагматичного стиля не откладывают принятие решения.

Можно заключить, что принятие управленческих решений обусловлено личностными качествами и когнитивными стилями руководителя: при наличии прагматического стиля, решительности они не откладывают решения, не избегают принятия решения. При подготовке и переподготовке руководителей нужно развивать личностные качества как способствующий фактор управленческих решений.

К вопросу о взаимосвязи социально-психологических факторов и профессионального стресса у медицинских работников

Профессиональный стресс, социально-психологические факторы

Несмотря на активную разработку проблемы и создание многочисленных рекомендаций по превенции профессионального стресса, показатели его распространенности и степень выраженности в популяции растут. ГБУ «НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ» в качестве профессиональной группы, лидирующей в рейтинге профессий, ассоциированных с высоким риском возникновения стресса, указывают медицинский персонал [2].

В рамках структурно-интегративного подхода А.Б. Леоновой, профессиональный стресс трактуется как особое функциональное состояние субъекта труда, связанное с воздействием комплекса психогенных факторов организационной и биопсихосоциальной природы, исходящих из содержания труда и особенностей профессиональной среды, характеризующееся повышенной мобилизацией или угнетением регуляторных психофизиологических систем организма с последующим развитием состояния напряжения или утомления, а при кумуляции неблагоприятных сдвигов – перенапряжения или переутомления [1]. По данным ВОЗ, социально-психологические факторы способствуют формированию или усугублению уже спровоцированного внешними организационными факторами состояния профессионального стресса, приводя к ухудшению физического и ментального здоровья персонала организации, снижению эффективности профессиональной деятельности, вплоть до дезорганизации, а их недоучет в картине формирования и развития профессионального стресса приводит к фатальным последствиям [3].

Произведенный библиометрический анализ на базе наукометрических систем РИНЦ и Scopus позволяет констатировать отсутствие в поле психологического дискурса комплексного подхода для идентификации и учета максимально возможного числа потенциально стрессогенных факторов. В связи с вышеизложенным целесообразно представляется обратить внимание на наименее изученные, но обладающие прогностически высоким коррелятивным по отношению к профессиональному стрессу потенциалом социально-психологические факторы: социальную фрустрированность, конфликтность и уровень притязаний.

Возникновение конфликтов в процессе профессиональной деятельности – неизбежное следствие активного межличностного взаимодействия субъектов труда. Экспертами в области психологии труда организационные конфликты признаны высоковероятностным предиктором информационного стресса. Среди личностных характеристик, предрасполагающих к эскалации ситуации социальной напряженности до уровня латентного или открытого конфликта базисной и родовой по отношению к понятию «конфликт» является конфликтность, в свою очередь неразрывно слитая с такой потенцирующей её личностной чертой как социальная фрустрированность, в качестве триггера роста которой зачастую выступает отдельно взятый уровень притязаний конкретного субъекта.

Таким образом, выстраивается некая логическая связка социально-психологических факторов: уровень притязаний – социальная фрустрированность – конфликтность, требующая прицельного качественного и количественного изучения для последующей формулировки выводов об их возможной взаимосвязи с профессиональным стрессом у медицинских работников.

1. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А.Б. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2000. – № 3. – С. 4–21.
2. Аксенова Е.И. Профессиональный стресс медицинских работников; обзор зарубежных практик: экспертный обзор / Е.И. Аксенова, Н.Н. Камынина, П.С. Турзин. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://niiroz.ru/upload/iblock/717/717ad26f04754187008e787afb829e1b.pdf> (дата обращения: 07.05.2024).
3. Houtman I., Jettinghoff K. Raising awareness of stress at work in developing countries: A modern hazard in a traditional working environment / WHO (Protecting Workers' Health Ser. No 6). – Geneva: WHO, 2007.

Роль коучинга и наставничества в повышении организационной эффективности

Коучинг, наставничество, менеджмент, организационная психология

В современном динамичном мире управление персоналом является одной из ключевых задач руководителей. Организациям необходимо адаптироваться к изменениям бизнес-среды и иметь высококвалифицированных сотрудников. Для повышения уровня эффективности персонала используются различные инструменты, в том числе такие как наставничество и коучинг. В данной статье рассмотрим особенности этих методов и их применение в менеджменте.

Наставничество как инструмент развития персонала представляет собой процесс установления доверительных отношений между более опытным сотрудником (наставником) и менее опытным (наставляемым) с целью передачи знаний, навыков и ценностей организации [3]. По мнению исследователей, наставничество позволяет ускорить адаптацию новых сотрудников, повысить их вовлеченность и лояльность к организации [1]. Кроме того, наставничество способствует формированию корпоративной культуры и преемственности знаний [4].

К основным функциям наставника относятся:

- помощь в адаптации нового сотрудника;
- профилактика эмоционального выгорания опытных сотрудников;
- повышение сплочённости коллектива;
- увеличение производительности труда наставников.

Коучинг – это «партнерский стиль взаимодействия руководителя и сотрудника, направленный на раскрытие потенциала для максимизации личной и профессиональной эффективности работника» [5]. Коучинг позволяет обеспечить непрерывное развитие и самосовершенствование сотрудников, повысить их мотивацию и вовлеченность [2]. Кроме того, коучинг способствует формированию у сотрудников навыков самоанализа, постановки целей и принятия ответственных решений.

К функциям коучинга относятся:

- расширение кругозора сотрудника;
- помощь в решении профессиональных и личных задач;
- развитие навыков самостоятельного решения проблем.

Рассматривая ряд отличий коучинга и наставничества в менеджменте и сфере их применения, можно выделить следующее:

- Наставничество – это долгосрочный процесс, который происходит внутри организации, в то время как коучинг может быть внешним и краткосрочным.
- Наставник передаёт знания и опыт, а коуч помогает клиенту развивать навыки и достигать целей.
- Наставничество фокусируется на адаптации и поддержке новых сотрудников, а коучинг – на развитии профессиональных компетенций.

Наставничество и коучинг являются важными инструментами в менеджменте, которые помогают организациям повышать уровень знаний и навыков сотрудников, адаптировать новых специалистов, предотвращать эмоциональное выгорание и укреплять командную работу.

Выбор между наставничеством и коучингом зависит от конкретной ситуации и потребностей организации. Применение данных методов требует от руководителей наличия специальных знаний и навыков, поэтому их внедрение должно осуществляться в рамках комплексной программы развития управленческих компетенций.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. / Пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. – СПб.: Питер, 2012.
2. Дауни М. Эффективный коучинг: Уроки тренера. – М.: Изд-во «Добрая книга», 2003.
3. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: Учебник. 4-е изд., доп. и перераб. – М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. – М.: НРРО, 2005.
5. Whitmore J. Coaching for Performance: GROWing Human Potential and Purpose // The Principles and Practice of Coaching and Leadership. 4th ed. – London: Nicholas Brealey Publishing, 2009.

Непсихологическая теория трудовой деятельности как основа теории эргономики

Эргономика, теория эргономики, трудовая деятельность

Эргономика на данный момент представляет собой смесь двоякого рода: с одной стороны, она пытается объединить исследования трудовой деятельности (далее ТД) различными науками, а с другой, она претендует на роль методологии проектирования ТД. В связи с этим возникает необходимость создания её теории. Что может представлять собой такая теория?

Во-первых, она не должна напрямую соотноситься с определенной наукой, она должна быть междисциплинарной.

Во-вторых, это должна быть теория ТД человека. Она должна объяснять, почему деятельность разных людей содержит в себе нечто общее.

В-третьих, она должна иметь своим непосредственным итогом выход на возникающую в будущем ТД человека. Другими словами, она должна указывать на средства ее формирования. Актуальны слова Мюнстерберга Г. о психотехнике: «О ней мы можем говорить только тогда, когда речь идет о достижении какой-либо относящейся к будущему цели» [2].

В-четвертых, чтобы воздействовать (формировать, организовывать, проектировать) на ТД, её теория не должна соотноситься с отдельным человеком. Это следует из того факта, что при создании рабочего места «деятель» лишь предполагается, но, по факту, его еще нет.

В теории А.Н. Леонтьева деятельность порождается субъектом. Этот подход направляет внимание исследователя на свойства субъекта, как первопричину деятельности. Поэтому в эргономике традиционно уделяется внимание профессиональному отбору, обучению, индивидуальному стилю деятельности, функциональному состоянию и т.п. Под понятием «субъект» зачастую подразумевают отдельного человека. Вклад общества в ТД рассматривается через процесс социализации.

Мы предлагаем создать культурно-историческую теорию ТД. В соответствии с диалектическим подходом необходимо рассмотреть процесс возникновения и формирования в обществе трудовой деятельности.

Этот процесс начинается с изобретения технологии. Под технологией мы подразумеваем некоторые объективные процессы, происходящие с материалом, производящие преобразование материала в продукт. После того как изобретена технология, вступают в дело конструкторы, они создают оборудование, которое способно реализовать процессы преобразования материала в продукт. В рамках ограничений и правил, навязываемых государством, предприниматели создают организацию, способную превратить функционирование оборудования в факт общественной жизни.

На каждом из этих этапов происходит конкретизация аморфного пространства будущей ТД. Технологи определяют логику, последовательность, условия и длительность процессов преобразования. Конструкторы реализацию каких-то процессов отдают на откуп оборудованию, и тогда они не становятся фактом деятельности человека (автоматизация). Управление какими-то процессами конструкторы отдают человеку (процесс разделения функций). В рамках создаваемой организации, функции конкретизируются в обязанности, формируется ответственность и права.

Формируется пространство возможных действий (Handlungsspielraum) [1], в котором возможно целевое преобразование материала. Это пространство нормативно, не процессуально. Действия или операции существуют в нем как возможности. Внутри него и может быть сформирована ТД. Если пространство просторное, то ТД разных людей будет различаться, будет основание для возникновения индивидуального стиля деятельности. Если пространство тесное, то у человека будет мало степеней свободы, деятельность разных людей будет похожа одна на другую. Профессиональное обучение знакомит человека с этим пространством. Выход за пределы данного пространства ведет к нарушению и недостижению необходимого результата.

Этот культурно-исторический процесс охватывает все перечисленные этапы. Роль эргономиста состоит в проекции принимаемых технологами, конструкторами, менеджерами, учителями решений на ТД человека, их оценке, формировании конкурентных предложений.

1. Хаккер В. Инженерная психология и психология труда : психол. структура и регуляция различ. видов труд. деятельности / В. Хаккер; пер. с нем. В.К. Гайды, И.А. Гайды; под ред. В.Ф. Венды, А.А. Крылова. – М.: Машиностроение, 1985. – 376 с.
2. Мунипов В.М. Основатель психотехники Г. Мюнстерберг – предтеча Л.С. Выготского в методологии психологического познания / В.М. Мунипов // Культурно-историческая психология. – 2005. – Т. 1, № 2. – С. 48-62 [Электронный ресурс]. – URL: http://psyjournals.ru/kip/2005/n2/Munipov_full.shtml (дата обращения: 24.05.2024).

Баланс работы и отдыха моряков

Баланс работы и отдыха, моряки, удовлетворенность работой, выгорание

Моряки играют одну из ключевых ролей в мировой экономике и торговле. Длительные периоды на море, ограниченная возможность контакта с семьей и друзьями, а также стрессовые ситуации на борту судна могут оказывать негативное влияние на здоровье моряков. Исследования показали, что для представителей данной профессии значимыми личностными характеристиками являются стрессоустойчивость, целеустремленность, ответственность и умение работать в команде [2]. Также на примере курсантов МГУ им. адм. Г.И. Невельского было выявлено, что большинство обучающихся данной профессии относятся к категории высоко тревожных людей, что может только усугубиться при высокой нагрузке в море [1]. Отдых и релаксация играют важную роль в поддержании бдительности и принятии решений на борту судна. Исследования в области баланса работы и жизни моряков имеют прямое отношение к физическому и психологическому благополучию моряков, безопасности мореплавания, а также эффективности и производительности работы на море.

Выборку исследования составят 40 моряков различного уровня (капитаны, инженеры, матросы и т.д.), рейс которых в среднем длится 6 ± 1 месяцев. В ходе исследования будут оцениваться имплицитные установки по отношению к работе и отдыху (модель В.И. Доминьяка и Е.А. Родионовой), субъективный баланс работы и отдыха (А.Н. Моспан, Е.Н. Осин и др.), профессиональное выгорание (К. Маслач, С. Джексон, 1986 г.; в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой), удовлетворенность работой (А. Майер, модификация Родионовой Е.А.) и субъективное благополучие (А. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J.Chiche). Показатели будут измеряться 4 раза: в начале плавания, спустя 3 месяца после плавания (середина рейса), в конце плавания и через месяц после окончания рейса. Мы предполагаем, что уровень выгорания и восприятие работы как помехи для личной жизни будут возрастать в течение рейса, в то время как имплицитные установки будут неизменны на протяжении всех 4 замеров. Также с помощью авторской анкеты мы изучим ресурсы, позволяющие морякам справляться с накопленным стрессом при переходе от работы «на море» к жизни «на суше».

В заключение, изучение баланса работы и жизни моряков представляет собой неотъемлемый аспект поддержания безопасности, здоровья, эффективности и социальной адаптации морских работников. Развитие соответствующих программ, политик и практик в этой области может привести к улучшению условий труда на море, обеспечению безопасности судоходства и повышению общего качества жизни моряков.

1. Мельникова И.П., Мельникова М.А. Психологическое здоровье курсантов морских специальностей // Russian Journal of Education and Psychology. – 2018. – № 1-2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-zdorovie-kursantov-morskih-spetsialnostey> (дата обращения: 09.06.2024).
2. Пекарь Е.В., Иваницкая Е.А. Личностные качества в профессиональной деятельности морского специалиста // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2019. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-kachestva-v-professionalnoy-deyatelnosti-morskogo-spetsialista> (дата обращения: 09.06.2024).

Различия между показателями удовлетворенности трудом, субъективного благополучия, копинг-стратегий и смысложизненных ориентаций у работников локомотивных бригад по разным критериям

Личность профессионала, профессионально важные качества, психология безопасности

Психологические качества личности работников локомотивных бригад интересуют исследователей профессионально важных качеств [1, 2] с целью определения возможностей безопасности движения на железнодорожном транспорте.

Целью исследования является определение различий между показателями шкал удовлетворенности трудом, субъективного благополучия, копинг-стратегий и смысложизненных ориентаций у работников локомотивных бригад по разным критериям.

В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики: «Удовлетворённость трудом» (УТ) Н.Н. Мельниковой, «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева, «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ) М.В. Соколовой и «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса, С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой.

Эмпирическую базу исследования составили работники локомотивных бригад грузового движения в количестве 64 человек (мужчины) в возрасте от 22 до 68 лет, средний возраст 45 лет. Для анализа полученных данных использовались методы математической статистики U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Краскела-Уоллиса.

При сравнении работников железной дороги по уровню образования было получено одно статистически значимое различие по шкале «Планирование решения проблемы»: работники локомотивных бригад с высшим образованием реже используют данную стратегию, возможно, по причине ее чрезмерной рациональности, недостаточной спонтанности.

Определение значимых различий по должности позволило выявить, что у машинистов локомотивных бригад показатели выше, чем у помощников машинистов, по таким шкалам, как «Стимулирование сотрудников» (УТ), «Содержание труда» (УТ), «Процесс жизни» (СЖО), «Субъективное благополучие» (ШСБ). По копинг-стратегии «планирование решения проблемы» показатели выше у помощников машинистов. Стимулирование и содержание своего труда машинисты оценивают как более значительные, чем помощники машинистов, они больше радуются жизни и уровень их субъективного благополучия (обратная шкала) выше, чем у помощников машинистов. Копинг-стратегию «планирование решения проблемы» чаще избирают помощники машинистов, чем машинисты, скорее полагаясь на свой опыт, чем доверяя интуиции и своей способности принимать правильные решения ситуативно.

Значимое различие было обнаружено у работников железной дороги по семейному положению по шкале «Стимулирование сотрудников» (УТ): работники, имеющие семьи, оценивают стимулирование своего труда как недостаточное в связи с возросшими расходами на содержание семьи.

При сравнении сотрудников по стажу профессиональной деятельности значимые различия выявлены по следующим шкалам: «Деловая продуктивность» (УТ), «Межличностное доверие» (УТ), «Трудовой коллектив» (УТ), «Локус контроля-Я» (СЖО), «Бегство-избегание». Наиболее продуктивными в труде оценивают себя работники со стажем от 10 до 20 лет. Менее всего используют копинг-стратегию «бегство-избегание» при решении трудных жизненных ситуаций работники со стажем более 20 лет. По всем остальным шкалам наиболее высокие значения определились у работников со стажем более 20 лет: они значительно выше остальных работников ценят межличностное доверие и трудовой коллектив, считают себя сильными личностями, способными обеспечить собственное саморазвитие.

1. Богданова В.Е. Системная оценка личностных свойств машинистов в контексте риска внезапной смерти / В.Е. Богданова, В.В. Сериков, А.А. Закревская, Е.В. Дмитриева // Системная психология и социология. – 2022. – № 2 (42). – С. 14–25. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.42.2.0
2. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М.: Наука, 1982. – 185 с.

Сравнительный анализ показателей личностных черт, уровня субъективного контроля и копинг-поведения в стрессовых ситуациях работников локомотивных бригад грузового движения

Личность профессионала, интернальность, безопасность движения, профессионально важные качества

Современные исследователи единодушны в том, что субъекта труда необходимо изучать в неразрывной связи его личностных черт, психофизиологических характеристик и индивидуально-типологических свойств, которые могут представлять собой профессионально важные качества, так необходимые для продуктивной, надежной и безопасной работы профессионала на своем рабочем месте [1, 2].

Исследование личностных черт, уровня субъективного контроля и копинг-поведения в стрессовых ситуациях машинистов и помощников машинистов локомотивных бригад имеет важное практическое значение для оценки и улучшения их психологического благополучия и обеспечения безопасности движения на железной дороге.

В исследовании использовались следующие методики: «Опросник диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях» «CISS» С. Нормана, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймса, М.И. Паркера в адаптации Т.А. Крюковой; «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда; «16-Факторный личностный опросник» (Форма С) Р. Кеттелла. Для анализа полученных данных применялся t-критерий Стьюдента.

Эмпирическую базу исследования составили работники локомотивных бригад грузового движения в количестве 65 человек (мужчины) в возрасте от 22 до 68 лет, средний возраст 39 лет. Из них 44 человека имеют среднее профессиональное образование, 21 человек – высшее; 21 человек работает в должности машиниста, 44 человека занимают должность помощника машиниста; 30 человек имеют стаж профессиональной деятельности до 10 лет, 35 человек – свыше 10 лет.

Было выявлено значимое различие между показателями фактора С у машинистов и помощников машинистов: эмоциональная устойчивость выше у машинистов локомотивных бригад ($t = 2,106$, $p \leq 0,05$), они более спокойны, выдержаны и упорны. Помощники машинистов более тревожны, эмоционально неустойчивы.

При сравнении работников железной дороги со стажем работы до 10 лет и свыше 10 лет было обнаружено значимое различие между показателями шкалы интернальность в семейных отношениях ($t = 2,040$, $p \leq 0,05$): работники железной дороги со стажем работы до 10 лет в большей мере готовы брать на себя ответственность за свою семью, отношения в семье и события, которые происходят в их семейной жизни.

Сравнительный анализ работников железной дороги, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, позволил определить значимое различие между показателями копинга, ориентированного на решение задачи в стрессовых ситуациях ($t = 2,532$, $p \leq 0,05$): работники с высшим образованием избирают эту стратегию поведения при стрессе чаще, чем работники со средним профессиональным образованием.

По результатам сравнительного анализа можно составить следующие рекомендации:

1. Усилить профессиональную и психологическую подготовку к рейсам для помощников машинистов.
2. Обеспечить более качественный отбор и обучение специалистов в учебных заведениях среднего профессионального образования.

1. Москвин А.А. Признаки, сигнализирующие о снижении функциональных резервов организма машинистов железнодорожного транспорта / А.А. Москвин, Е.Д. Целых, М.Х. Ахтямов // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2021. – Т. 2. – С. 164–168.
2. Невструева Т.Х. Особенности профессионального выгорания машинистов локомотивов: в контексте проблемы повседневного стресса / Т.Х. Невструева, Г.А. Тимошенко // Актуальные проблемы психологии труда и организационной психологии субъекта жизнедеятельности: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 10–11 ноября 2022 года. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 30–36.

Моделирование профилей межличностного доверия сотрудников

Когнитивное доверие, аффективное доверие, анализ скрытых профилей

В период организационных изменений межличностное доверие становится ключевым фактором для поддержания, восстановления и развития социального взаимодействия на рабочем месте. Посредством этого феномена, который во многом определяется проактивностью личности, формируется организационный социальный капитал, скрепляющий организацию воедино [1]. Однако сотрудники по-разному реагируют на особенности организационной среды. Соответственно, необходимо определять группы людей по уровню межличностного доверия для того, чтобы разрабатывать более целенаправленные мероприятия по его повышению. Таким образом, целью исследования стало изучение профилей межличностного доверия сотрудников посредством анализа когнитивной и аффективной составляющих этого феномена на основе модели, разработанной Макалистером [3].

В исследовании приняли участие 500 респондентов. Данные собирались от руководителей ($n = 240$) и членов команды ($n = 260$). Большинство участников исследования были в возрасте от 25 до 29 лет. Когнитивное и аффективное (эмоциональное) межличностное доверие измерялось шкалой Макалистера [3] с модификациями для измерения аффективной составляющей, установленными в исследовании Легуда и коллег [2]. Коэффициенты Кронбах альфа в нашем исследовании для когнитивного ($\alpha = 0,88$) и аффективного ($\alpha = 0,75$) измерений, а также результаты конфирматорного факторного анализа ($\chi^2 = 34,69$, $df = 16$, $RMSEA = 0,048$, $CFI = 0,991$, $TLI = 0,984$) приемлемы для анализа собранных данных.

В результате анализа скрытых профилей (latent profile analysis) [4] было выделено три группы (профиля) сотрудников:

1) Профиль 1 ($n = 49$, 9,8%) включил респондентов с относительно низким уровнем аффективного ($M = 2,5$, $SD = 0,34$) и когнитивного ($M = 2,96$, $SD = 0,6$) межличностного доверия по сравнению с другими участниками исследования. Данная группа содержала 83,7% женщин и 67,3% тех, кто работал удаленно. Эти сотрудники были членами команды (93,9%) со стажем работы менее одного года (65,3%). Они редко коммуницировали со своими руководителями (1–2 раза в месяц) (63,3%). В этой группе более высокие показатели были у когнитивной составляющей.

2) Профиль 2 ($n = 243$, 48,6%) собрал сотрудников с самыми высокими показателями по аффективному ($M = 4,39$, $SD = 0,32$) и когнитивному ($M = 4,44$, $SD = 0,33$) измерениям межличностного доверия, которые в основном проработали от 1 до 3 лет (56,4%) в гибридном (47,3%) или офисном формате (37,9%) в крупных организациях (более 500 сотрудников) (41,2%).

3) Профиль 3 ($n = 208$, 41,6%) был промежуточным звеном между этими тремя группами в отношении аффективного ($M = 3,46$, $SD = 0,28$) и когнитивного ($M = 3,49$, $SD = 0,36$) межличностного доверия. Эти сотрудники, как правило, были руководителями команд (61,5%), которые работали в организациях среднего размера (60,6%) от 1 до 3 лет (70,7%).

Результаты исследования показали, что руководителям важно принимать во внимание текущий уровень межличностного доверия для определения пула мероприятий по его изменению. Следующим шагом исследования мы видим нахождение личностных и организационных коррелят полученных оценок доверия и разработку мероприятий по его поддержанию и корректровке.

1. Волкова Н.В. Социально-психологические факторы накопления организационного социального капитала поколений // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2023. – № 45 (1). – С. 45–51.
2. Legood A. [et al.]. A Critical Review of the Conceptualization, Operationalization, and Empirical Literature on Cognition-Based and Affect-Based Trust // Journal of Management Studies. – 2023. – № 2 (60). – С. 495–537.
3. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // Academy of Management Journal. – 1995. – № 1 (38). – С. 24–59.
4. Spurk D. [et al.]. Latent profile analysis: A review and «how to» guide of its application within vocational behavior research // Journal of Vocational Behavior. – 2020. – (120). – С. 103445.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, № 23-18-00830.

Мета-анализ социально-психологических факторов лояльности к бренду

Лояльность к бренду, имидж бренда, отношения с брендом, идентичность потребителя, индивидуальность бренда

Актуальность работы обусловлена особенностями экономической и политической ситуации, которая привела к существенным изменениям на локальных и глобальных рынках. Необходимость формирования и поддержания лояльности к отечественным брендам обуславливает высокую значимость и востребованность исследуемой темы.

Социально-психологические факторы формирования лояльности к бренду недостаточно изучены. Многие научные подходы в современных условиях перестают быть актуальными. Исследования, разработанные для российских реалий, малочисленны.

Единого понимания лояльности к бренду в психологии не существует. С. Уорингтоном предложена трехкомпонентная структура лояльности (когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты), сходная с моделью аттитюда в социальной психологии.

Настоящее исследование направлено на выявление социально-психологических факторов, которые имеют связь с лояльностью к брендам, доказанную в результате эмпирических исследований.

Осуществлен поиск исследований в базах научных публикаций и проведен контент-анализ статей, содержащих описание проведенных эмпирических исследований.

Анализ 89 публикаций показал множество пересекающихся социально-психологических факторов, связанных с формированием лояльности к бренду. При этом отмечено, что использование методик измерений в ряде исследований не в полной мере обосновано. С учетом изложенного выделено 17 наиболее значимых публикаций. В качестве наиболее интересного зарубежного и двух российских исследований отмечены следующие.

В работе [3] основной фокус был сделан на измерении эластичности отношений с брендом. Авторы рассмотрели публикации, начиная с 1995 года по 2017 год (255 публикаций, 290 исследований, основанных на 348 541 потребителе из 46 стран). Анализ подтвердил, что отношения потребителей к брендам являются положительными предикторами лояльности. Сделаны выводы, что эластичность является самой высокой для отношений с брендом, основанных на любви и привязанности.

В работе [1] получены данные с применением опросника, составленного на основе теории имиджа бренда и модели лояльности С. Уорингтона. Сформулированы выводы о том, что удовлетворенность и имидж бренда являются факторами лояльности, при этом удовлетворенность модерирует связь между имиджем бренда и лояльностью.

В исследовании [2] с использованием методики измерения индивидуальности бренда Дж. Аакер, и методики выявления уровня приверженности к бренду Ю.Ю. Бровкиной продемонстрировано наличие связи между идентичностью потребителя и индивидуальностью предпочитаемого им бренда и определено, что чем сильнее эта связь, тем сильнее лояльность к данному бренду.

По результатам проведенного мета-анализа сделан вывод, что в число основных социально-психологических факторов, связь с лояльностью которых подтверждена эмпирически, входят: имидж бренда, отношения потребителя с брендом, удовлетворенность брендом, идентичность потребителя.

Принимая во внимание полученные социально-психологические факторы проведенного мета-анализа, предполагается проведение дальнейшего эмпирического исследования, направленного на установление связи между идентичностью потребителя, имиджем бренда, отношениями с брендом и лояльностью к бренду, а также определение возможных модераторов данных связей.

1. Антонова Н.В., Аджай К. Многофакторная структурная модель лояльности к бренду // Психолого-экономические исследования. – 2015. – Т. 2 (8), № 3. – С. 47–61.
2. Антонова Н.В., Морозова В.Д. Личностные факторы лояльности к бренду // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития: Пятнадцатая международная научно-практическая юбилейная конференция: материалы конференции. – Санкт-Петербург, 24–27 ноября 2015 года. ЗАО ИМЦ «Наука Высшей Школы – Санкт-Петербург», 2015. – С. 18–24.
3. Khamitov M., Wang X., Thomson, M. How well do consumer-brand relationships drive customer brand loyalty? Generalizations from a meta-analysis of brand relationship elasticities // Journal of Consumer Research. – 2019. – 46(3). – P. 435–459.

Связь с брендом как фактор потребительской лояльности у молодых потребителей

Связь с брендом, потребительская лояльность, идентичность бренда

Связь с брендом (self-brand connection) или идентификация с брендом может трактоваться как степень совпадения между брендом и личностью покупателя [3]. Такая связь формируется из опоры индивида на референтную группу, из которой он черпает ассоциации, связанные с брендом, связывает их с мысленным представлением о себе для самосовершенствования и утверждения себя как причастного к бренду, формирует свою самооценку и образ, представляет себя другим [5]. Люди стремятся улучшить представление о себе, и для этого они могут использовать потребление брендов как самый доступный способ выйти на положительную идентичность путем идентификации с брендом, что представляется важным для изучения социально-психологическим механизмом.

Основа исследования строится на ассоциативно-оценочной теории Р. Фацио [4]. Когда речь идет о появлении объекта, активация ассоциативной оценки происходит автоматически, и это явление искажает восприятие объекта, оказывая влияние на поведение человека по отношению к нему. Теория способна объяснить вариабельность поведения, основанную на силе ассоциативной оценки. В работе Ф.Н. Винокурова была представлена модель лояльности как форма социальной установки [1].

Методы. Для исследования были выбраны три шкалы по связи с брендом [2, 3, 5], которые переводились и адаптировались для российской выборки, а также две методики измерения потребительской лояльности NPS и конверсионная модель лояльности. Выборка состояла из 316 человек в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 21,8$; $SD = 4,3$), использующих один из трех представленных брендов Apple, Samsung или Xiaomi. Респондентам предлагалось оценить пункты опросника, разбитые по блокам, по шкале Лайкерта.

Анализ. При обработке полученных данных использовался корреляционный анализ и описательная статистика, все шкалы проверялись на нормальность путем критерия Колмогорова-Смирнова. Так как абсолютное большинство пунктов шкал было распределено ненормально, для корреляционного анализа использовался критерий Спирмена. Были получены значимые ($p < 0,05$) корреляции ($r > 0,45$) между опросниками связи с брендом и шкалами лояльности как по всем респондентам, так и по трем брендам по отдельности. Также шкалы связи с брендом высоко коррелируют между собой ($r = 0,76$; $p < 0,05$), что говорит об их высокой согласованности и измерении одного феномена.

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают гипотезы о том, что чем выше идентификация с брендом, тем выше лояльность к бренду, а также что чем выше привлекательность индивидуальных характеристик бренда, тем выше идентификация с брендом, так как была получена положительная корреляция между этими феноменами, что подтверждается результатами предыдущих исследований [3].

Мы планируем дальше проводить качественное исследование в этой области с выявлением содержательных факторов.

1. Винокуров Ф.Н. Социально-психологические механизмы потребительской лояльности: Дис. ... канд. психол. н.: спец. 19.00.05 – социальная психология. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2012.
2. Brakus J.J., Schmitt B.H. & Zarantonello L. Brand experience: what is it? How is it measured? Does it affect loyalty? // Journal of marketing. – 2009. – 73(3). – P. 52–68.
3. Escalas J.E., & Bettman J.R. You are what they eat: The influence of reference groups on consumers' connections to brands // Journal of consumer psychology. – 2003. – 13(3). – P. 339–348.
4. Fazio R.H. Attitudes as object–evaluation associations of varying strength // Social cognition. – 2007. – 25(5). – P. 603–637.
5. Moliner, M.Á., Monferrer-Tirado D., & Estrada-Guillén M. Consequences of customer engagement and customer self-brand connection. Journal of Services Marketing. – 2018. – 32(4). – P. 387–399.

Различия поколений в формировании социального капитала через социальные сети: тренды в литературе

Социальный капитал, социальные сети, поколения

В современном мире на рабочих местах активно взаимодействуют представители различных поколений. Соответственно, работодателям нужны социально-психологические инструменты по их социализации. В литературе отмечается, что формирование социального капитала, который отражает качество социальных связей, крайне важно для социализации сотрудников различных поколений [1] и здесь большую роль играют социальные сети, посредством которых накапливается, консолидируется и реализуется этот феномен. Соответственно, был проведен обзор отечественной и зарубежной литературы, целью которого стало определение содержания предметного поля изучения организационного социального капитала у представителей различных поколений через социальные сети.

В ходе анализа литературы были выделены 37 статей из базы данных Scopus и e-library, в которых описывается накопление, реализация и консолидация социального капитала в организациях через социальные сети. В англоязычных аннотациях этих статей наиболее часто встречаются такие словосочетания, как: social capital, first generation, family social, social network, human capital, old generation, capital theory. Глубинный анализ показал, что выделяется четыре направления исследований.

Первое направление фокусируется на изучении особенностей накопления и реализации организационного социального капитала через социальные сети у разных возрастных когорт [2]. Определяются поколенческие различия в контексте создания социальных связей, а также развития и использования социальных навыков (soft skills), являющихся одной из основ для создания сетей контактов.

Второе направление акцентирует внимание на другом измерении понимания поколений – на особенностях накопления и реализации организационного социального капитала у мигрантов первого поколения через использование социальных сетей. Авторы отмечают, что для мигрантов первого поколения крайне важно формировать и использовать социальный капитал, так как он является одним из факторов, влияющих на успех в предпринимательстве [5].

Третье направление связано с университетами, в нем рассматриваются особенности социального капитала у студентов в первом поколении. По мнению авторов, формирование социальных сетей положительно сказывается на карьерных возможностях студентов, так как помогает в завершении обучения и формировании карьерных траекторий [4].

Четвертое направление ориентировано на исследование семейных фирм, а точнее влияния социальных связей на их деятельность. Например, отмечается, что семейные фирмы, которые имеют как внутренние, так и внешние сильные сети контактов, могут уникальным образом мобилизовывать социальный, а также человеческий капиталы, что напрямую влияет на их жизнеспособность [3].

В заключение необходимо отметить, что социальный капитал, в частности социальные сети как одно из его проявлений, может формироваться и реализовываться у различных поколенческих когорт по-разному, влияя на мигрантов и студентов в первом поколении, создавая как барьеры, так и возможности в организационных контекстах.

1. Волкова Н.В. Модель изучения организационного социального капитала поколений. Организационная психология. – 2023. – 3 (13). – С. 201–226.
2. Мирошниченко Н.В. Особенности социального капитала поколений X и Y в сетевых сообществах // Молодой исследователь Дона. – 2019. – 3 (18). – С. 130–133.
3. Jones O. et al. Dynamic capabilities in a sixth-generation family firm: Entrepreneurship and the Bibby Line // Business History. – 2013. – 55 (6). – P. 910–941.
4. Krieger Cohen P.E., Johnson A.T. Career Counselors Self-Disclosing to First-Generation College Students: A Grounded Theory Study // Journal of Career Development. – 2022. – 49 (6). – P. 491–504.
5. Urban B., Murimbika M., Mhangami D. Immigrant entrepreneurship with a focus on human and social capital as determinants of success: evidence from South Africa // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. – 2022. – 16 (1). – P. 257–272.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

Проблема взаимосвязи между сферой деятельности компании и перфекционистской самопрезентацией и самоконтролем сотрудников

Самоконтроль, перфекционистская самопрезентация

Перфекционистская самопрезентация впервые описана П. Хьюиттом, означает стремление к демонстрации совершенства в общественных ситуациях, относится к неадаптивным формам самопрезентации. М. Снайдер ввел понятие самоконтроля (самомониторинга) как способности человека демонстрировать образ (поведение), приятный для окружающих. Контроль собственного поведения, направленного на создание выгодного для взаимодействия образа Я, является проявлением перфекционистской самопрезентации и самоконтроля, что связано с перфекционизмом и перфекционистскими переживаниями личности [1].

Эмпирические гипотезы:

1. Сфера деятельности компании оказывает влияние на уровень перфекционистской самопрезентации и самоконтроля сотрудника.

2. Уровень выраженности перфекционистской самопрезентации и самоконтроля выше у сотрудников компаний, специализирующихся в сфере услуг, образования и науки, чем у сотрудников компаний, специализирующихся на информационных технологиях и здравоохранении.

3. Уровень перфекционистской самопрезентации положительно связан с уровнем самоконтроля.

Методы эмпирического исследования: опросник из двух шкал – шкала перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта (Perfectionistic self-presentation scale) в адаптации А.А. Золотаревой и шкала самомониторинга М. Снайдера (Self-monitoring scale) в адаптации Е.А. Полежаевой.

Выборка составила 143 человека, возраст от 18 до 54 лет. Среди респондентов 86 женщин (60.1%) и 57 мужчин (39.9%). Из них: IT – 30 человек (21%), здравоохранение – 30 человек (21%), Образование и наука – 30 человек (21%), сфера услуг – 30 человек (21%). Остальные 23 респондента (16%) – другое.

Для проверки гипотезы 1 использовали критерий Краскала-Уоллиса. Значение критерия 1,914 для перфекционистской самопрезентации – незначимо. Значение 7.686 для самоконтроля свидетельствует о влиянии на него сферы деятельности. Для проверки гипотезы 2 были перегруппированы данные: сферы IT и здравоохранение составили группу 1; сферы услуг, образования и науки составили группу 2 по фактору оценки окружающих образа-Я сотрудника во время работы. Для анализа использовался критерий Манна-Уитни. Значение критерия для перфекционистской самопрезентации – 1539,5 – результат незначим. Значение критерия для самоконтроля составило 1471 – результат значим, есть различия между группами. Средний ранг в группе 1 (55,02) ниже среднего ранга группы 2 (65,98). Гипотеза 3 проверялась при помощи корреляционного анализа (критерий корреляции Спирмена). Между уровнем перфекционистской самопрезентации и самоконтролем была выявлена положительная корреляция средней силы, $\text{cor} = 0.308$, $p.\text{value} < 0,001$.

Результаты исследования подтверждают связь между сферой деятельности компании и личностными характеристиками сотрудников: выявлено влияние сферы деятельности на уровень самоконтроля и не выявлено на перфекционистскую самопрезентацию, что может быть обусловлено ее связью с глобальными перфекционистскими переживаниями личности. Уровень самоконтроля сотрудников в сфере услуг, образования и науки выше, чем уровень самоконтроля в сфере здравоохранения и IT, что объясняется особенностями работы, где от оценки транслируемого образа зависит качество и результат деятельности. Обнаружена положительная связь между уровнем перфекционистской самопрезентации и самоконтроля. Таким образом, самоконтроль может привести к перфекционистской самопрезентации, и наоборот. Это объясняется тем, что обе переменные могут быть формой перфекционистских переживаний личности, проявляющихся через стремление к идеальной самопрезентации и высокие требования к себе и своему поведению.

1. Mackinnon S. P., Sherry S. B. Perfectionistic self-presentation mediates the relationship between perfectionistic concerns and subjective well-being: A three-wave longitudinal study. *Personality and Individual Differences*. – 2012. – № 53(1). – P. 22–28.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в рамках научного проекта № 22-00-014 «Психологические факторы адаптации сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации».

Групповая рефлексивность учебных групп разного типа: роль организационно-образовательной среды

Групповая рефлексивность, учебная группа, суверенность психологического пространства

В последние десятилетия групповая рефлексивность рассматривается как один из факторов повышения эффективности совместной деятельности [2]. Рефлексивность выступает как свойство группы, ее способность на основе опыта и анализа смысла деятельности, оценивать ресурсы и возможности, необходимые для достижения целей совместной деятельности [3]. Наравне с социально-психологическими характеристиками развитие рефлексивности обусловлено и средовыми факторами [1, 3]. По отношению к учебным группам разного типа (открытые и полузакрытые) таким фактором выступает организационно-образовательная среда (ООС) учреждения. Под ООС принято понимать двухплоскостную систему норм и правил, отражающую не только организацию учебной деятельности, но и деятельность личности и группы в условиях образовательного учреждения [4]. Таким образом можно предположить, что формирование и развитие групповой рефлексивности в условиях религиозной школы (полузакрытая учебная группа) будет отличаться от аналогичных этапов в условиях колледжа (открытая учебная группа).

Цель исследования – проанализировать выраженность групповой рефлексивности и ее взаимосвязи с социально-психологическими характеристиками в условиях разной организационно-образовательной среды. Исследуемую выборку составили 120 учащихся колледжа (в возрасте от 15 до 19 лет, 63% мальчики) и 136 учащихся религиозной школы (в возрасте от 15 до 17 лет, 50% мальчики). Методы исследования: методика «Групповая рефлексивность» Т.А. Нестика (модиф. С.В. Тарасов), методика «Суверенность психологического пространства - 2010» С.К. Нартовой-Бочавер, ценностные ориентации и методика оценки психологической атмосферы в группе. Статистические методы: описательные статистики, коэффициент корреляции Пирсона (при $p \leq 0,001$), однофакторный ANOVA (при $p \leq 0,001$).

Проведенные частотный и дисперсионный анализ показали, что в группе учащихся религиозной школы компоненты групповой рефлексивности (готовность к оценке прошлого опыта, готовность к анализу смысла групповой деятельности, готовность к оценке ресурсов и возможностей) выражены выше, чем в группе учащихся колледжа. Корреляционный анализ групповой рефлексивности с социально-психологическими характеристиками в группе учащихся колледжа выявил положительные связи с показателями суверенности психологического пространства и ценностными ориентациями, отрицательные связи с психологической атмосферой. В группе учащихся религиозной школы рефлексивность положительно коррелирует с суверенностью территории, суверенностью вещей и отрицательно взаимосвязана с психологической атмосферой и ценностными ориентациями.

Результаты показали, что в условиях ООС полузакрытой учебной группы, способствующей развитию групповых свойств [3], групповая рефлексивность более выражена. Стоит отметить специфику взаимосвязей с социально-психологическими характеристиками. Данная вариативность, вероятно, также обусловлена ООС открытых и полузакрытых учебных групп, уровнем субъектности группы и выраженностью ее свойств. Однако для дальнейшего анализа необходимо выделение объективных показателей ООС и расширение списка изучаемых групповых свойств и социально-психологических характеристик.

1. Гайдар К.М. Социально-психологическая концепция группового субъекта: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396 с.
2. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: Основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 4. – С. 27–37.
3. Тарасов С.В. Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебной группы (на примере групп открытого и полузакрытого типа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 2 (66). – С. 312–323.
4. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Изд-во «Смысл», 2001. – 365 с.

Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2024-0018.

Азимова К.У., Медяник О.В.,
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Политическая тревожность российских граждан в ситуации неопределенности

Политическая тревожность, политика, неопределенность

Одной из ключевых характеристик современного мира являются его стремительные изменения, причем мы живем в то время, когда потрясения могут происходить ежегодно, ежемесячно и даже ежедневно, сопровождаясь при этом незамедлительными последствиями, которые меняют привычный уклад жизни людей. Более того, перемены не воспринимаются как что-то необычное, это норма для нашего поколения. Перевороты происходят в различных областях деятельности, например, в экономической, географической, политической, и зачастую изменения в одной из сфер влекут за собой изменения и в других. Особенно привлекающей к себе внимания сферой становится политика, так как она во многом воздействует на свободы и ограничения граждан, формирует определенные условия жизнедеятельности, регулирует взаимоотношения на межличностном, государственном и межгосударственном уровне. Катализатором перемен на личностном и международном уровне чаще всего становятся политические конфликты, которые присущи любому развитому и развивающемуся обществу, и выступают в качестве важнейшего социально-политического явления. На этом фоне становится актуальным изучение того, как граждане переживают состояние тревожности, которая связана с политикой в ситуации неопределенности. Важно отметить, что тема политической тревожности является относительно новой в научном мире, в частности, среди российских исследований.

Методологическую базу исследования составили междисциплинарный и ситуационный (контекстный) подходы. Применяемые методы: экспертный опрос, опросный метод и метод наблюдения. Экспертный опрос был реализован на предварительном этапе исследования с опорой на грунтовую теорию и позволил собрать материал для разработки авторского опросника политической тревожности. Опросный метод включал в себя три методики: авторский опросник (К. Азимова, О.В. Медяник), опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий (Котенев И.О., 1996), шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера.

Объектом исследования являются граждане Российской Федерации, предметом – политическая тревожность граждан в ситуации неопределенности. Исследование охватило 213 респондентов, которые составили три основные социальные группы: мужчины, участники специальной военной операции (далее – СВО), мужчины, не участники СВО, женщины, не участники СВО. Авторами были выдвинуты следующие гипотезы: 1) у участников СВО уровень политической тревожности будет ниже, чем у тех, кто не принимает участие в проведении СВО; 2) люди с более высоким уровнем политической тревожности в меньшей степени удовлетворены жизнью; 3) уровень политической тревожности будет выше у представителей женского пола. Результаты показали, что первая и третья гипотезы подтвердились, в то время как вторая не подтвердилась – политическая тревожность напрямую не влияет на степень удовлетворенности жизнью.

Дальнейшее изучение политической тревожности будет расширено за счет включения в опросный метод дополнительных методик, направленных на изучение разных видов тревожности, а также с помощью охвата большего количества респондентов.

1. Albertson B., & Gadarian S. *Anxious Politics: Democratic Citizenship in a Threatening World* // Cambridge University Press. – 2015.
2. Baranov N. *World Politics in Conditions of Geopolitical Uncertainty: Trends and Prospects* // *Political Expertise POLITEX*. – 2023. – № 19(3). – С. 486–504.
3. Hastedt G. *Surprise in World Politics* // *News for Teachers of Political Science*. – 1983. – № 39. – С. 1–6.
4. Michelle J. Bovin, Brian P. Marx, Terence M. *The Impact of Anxiety Sensitivity on PTSD Symptoms and Its Relationship to Trauma Exposure*. – 2014.
5. Schmied J. *Uncertainty in Science vs. Certainty in Politics: Contrasting Axioms in Corona Texts December 2022* // *From Uncertainty to Confidence and Trust* Publisher: Cuvillier.

Образ России в молодежной среде в контексте использования популярных СМИ

Образ страны, молодежь, медиа, самоосуществление

Образы настоящего и будущего страны играют важную роль в формировании отношения к ней, а также воздействуют на приверженность её граждан [1, 3]. Исследования показывают, что выбор источников информации существенно влияет на формирование образа страны [2]. В условиях глобальных трансформаций и усиливающегося информационного противостояния, интернет-пространство становится ареной не только для свободного обмена информацией, но и для потенциальной манипуляции сознанием.

Для изучения особенностей образа страны у студентов, предпочитающих различные источники информации, было проведено эмпирическое исследование. На первом этапе проводился опрос студентов ($N = 145$), с целью выявления наиболее популярных интернет-СМИ. По результатам опроса для дальнейшего исследования была отобрана группа популярных интернет-СМИ (YouTube-каналы: «Руслан Усачев», «varlamov», «Редакция», «Екатерина Шульман», «Осторожно, новости»).

На втором этапе исследования был проведен контент-анализ материалов указанных СМИ. Согласно результатам, образ страны, транслируемый данными медиа, связан прежде всего с политической системой и управляющими лицами. Основными характеристиками страны в описании данных медиа, является отвержение демократических ценностей и ограничение прав граждан.

На третьем этапе проводился опрос, в котором приняли участие 184 студента. Респонденты были разделены на экспериментальную ($N = 49$) и контрольную ($N = 135$) группы. Критерием разделения выступило использование интернет-СМИ, выделенных на первом этапе. Для проведения исследования были использованы следующие методы: Семантический дифференциал для оценки образа страны (Петренко В.Ф., Митина О.В., 2018), методика «Возможности самоосуществления в России» (Самуйлова И.А., Сайдутова З.С., 2016).

По результатам анализа средних значений было выявлено, что в среде молодежи Россия представляется как военизированная страна ($M = 4,97 \pm 1,44$) с рыночной экономикой ($M = 5,25 \pm 1,07$), хорошим образованием ($M = 4,88 \pm 1,41$), студенты относятся к ней скорее позитивно ($M = 5,00 \pm 1,76$) и считают её великой державой ($M = 4,83 \pm 1,89$) с глубоким культурным прошлым ($M = 5,80 \pm 1,26$), при этом политика государства оценивается как недемократичная ($M = 3,14 \pm 1,86$) и немиролюбивая ($M = 2,89 \pm 1,86$). Результаты корреляционного анализа показывают, что чем выше студенты оценивают доступность свободной коммуникации ($r = 0,720$, $p < 0,01$), соблюдение и защиту их прав государством ($r = 0,760$, $p < 0,01$), тем выше они оценивают и собственные возможности для самоосуществления в стране.

Для анализа различий между группами был проведен дисперсионный анализ ANOVA. Согласно результатам, представления о России у студентов, использующих популярные СМИ, связаны с агрессивной ($M = 5,55 \pm 1,54$) внешней политикой, тоталитарным режимом ($M = 3,86 \pm 1,91$), несоблюдением прав граждан ($M = 2,90 \pm 1,57$), нестабильностью ($M = 3,45 \pm 1,54$) и экономической зависимостью ($M = 3,57 \pm 1,40$) от других стран. Кроме того, у них снижена оценка авторитета страны на мировой арене ($M = 3,78 \pm 1,58$) и оценка уровня жизни граждан ($M = 3,20 \pm 1,21$).

Таким образом, транслируемый в популярных масс-медиа медиаобраз и формируемый на его основе образ страны соотносятся в вопросах соблюдения прав граждан и демократичности государства. Можно заключить, что масс-медиа воздействуют как на содержательные характеристики образа страны, так и на отношение к ней.

1. Ильичева М.В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 39–56.
2. Бакулева К.К., Самуйлова И.А. Медиакомпетентность как предпосылка вовлеченности российской молодежи в социально-политическую жизнь страны // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 71-4. – С. 104–109.
3. Фролова С.В. Субъективные образы прошлого, настоящего и будущего страны как предикторы приверженности личности стране // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 442–447.

Политические предпочтения и связанные с ними проявления раздражения у молодых респондентов

Политические предпочтения, агрессивность, раздражение, множественное сравнение

Политические установки и представления людей являются основными компонентами массового сознания, которые можно использовать для оценки его состояния и господствующих в нем тенденций, изучать их психологическую обусловленность. Проводя исследования политических предпочтений молодежи, мы исходили из того, что в зависимости от психологических особенностей респондента можно говорить о политических предпочтениях молодого поколения (неотягощенного жизненным опытом), особенностях его политического поведения, политической активности и т. д.

Нами исследовались политические предпочтения молодежи и их психологические особенности по 9 методикам (163 количественных показателя). Обработка данных (120 респондентов) проводилась с использованием авторского метода множественного сравнения [1], в рамках которого сравнивались выделенные группы (всего 89) по номинальным ответам на вопросы анкеты.

Раздражение, как вид агрессивной реакции, определяется готовностью к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость). В рамках диагностики агрессивности раздражение наиболее ярко выражено у трех групп.

1. Группа из 17 респондентов, которых политика раздражает, из чего следует их крайне низкая политическая активность, в психологическом замере в рамках методики Басса-Дарки характеризуется раздражением в наибольшей степени (сравнительная весомость равна +5004) среди 89 сравниваемых групп.

2. В несколько меньшей степени раздражение (+4016) проявляется у группы из 13 респондентов, которые участвовали в выборах президента и делали выбор того кандидата, который им нравится как политик. Им также достаточно сильно присуща косвенная агрессия (+4542).

3. Еще более слабое проявление раздражения свойственно группе из 13 респондентов, которые характеризуются как политически пассивные молодые люди, не участвующие в выборах, но при этом выдвигающие нестандартные причины своего неучастия с претензией на некоторую оригинальность, оправдывающую такое политическое поведение (+3616).

Далее идут еще три группы близкого уровня по шкале раздражения.

4. Группа из 5 респондентов, проявляющих свое политическое мышление в поиске нестандартных способов воздействия на органы власти (+2650). У них также наблюдается крайне выраженная подозрительность (+10030) и полное отсутствие чувства вины (-11215).

5. Группа из 22 респондентов, которых можно охарактеризовать как политически пассивных пессимистов, у которых политическая жизнь не является сферой их активности, они в ней не участвуют, т.к. уверены, что их участие не может что-либо изменить (+2592). У них также проявляется негативизм (+4785).

6. Группа из 8 политически активных респондентов с нестандартным взглядом на свою политическую активность и, прежде всего, на причины участия в выборах. Не находя нужного для них варианта в предложенном списке ответов, они выдвигают свои предложения (+2422). Но особенно им присуща вербальная агрессия (+10907).

На противоположном полюсе шкалы «Раздражение», среди групп, у которых раздражение как реакция практически совсем не проявляется, прежде всего, выделяется группа из 9 респондентов, которые при голосовании из кандидатов в президенты РФ свой выбор остановили на П.Н. Грудинине, представляющем КПрФ. Для рассматриваемой шкалы это группа с наименьшим значением сравнительной весомости (-8246). Им также не свойственны вербальная агрессия (-7979) и обида (-3140).

Таким образом, раздражение, как особая реакция, в наибольшей степени проявилась у респондентов, которые, оценивая свою политическую активность, либо заявляют, что политика их раздражает, либо их причина голосования за своего кандидата на выборах в президенты РФ заключалась в том, что он им нравится как политик.

1. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
<http://dspace.kgsu.ru/xmlui/handle/123456789/3724browse?value=Басимов+Михаил+Михайлович&type=author>

Дейнека О.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Максименко А.А.
Москва, НИУ ВШЭ

Черных А.С.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Структура ценностей россиян на фоне геополитических изменений

Антиглобалистские установки, ценностный портрет, россияне

В условиях изменения геополитической ситуации, понимание ценностных ориентаций россиян может быть важным инструментом для разработки адекватных образовательных, социальных и политических программ, а также для прогнозирования возможных изменений в обществе. Цель исследования состояла в изучении ценностных ориентаций и установок россиян на фоне изменений в геополитической обстановке. Исследованием была охвачена гетерогенная выборка россиян разных регионов из 491 респондента, из которых 52,7% женщин и 47,3% мужчин. Средний возраст общей выборки 35,4 года, $SD=16,88$. Процент молодежи до 35 лет составил 49,7% от общей выборки. Опросная анкета была сконструирована на платформе Анкетолог, и затем эмпирический материал был собран на сервисе Яндекс.Толока. Помимо бланков используемых методик анкета содержала пункты, требующие предоставления информации о некоторых социально-демографических характеристиках респондентов (пол, возраст, образование, степень религиозности).

Методический инструментарий исследования включал: экспресс-опросник для исследования отражения респондентами геополитического фона ценностей, основных тенденций современной геополитики (О.С. Дейнека), методику ранжирования ценностей личности (В.Е. Семенов), методику ранжирования ценностей нации (Ф.С. Файзуллин), методику ранжирования политических ценностей (Дейнека), методику постматериалистических ценностей Р. Инглхарта, методику культурных измерений Г. Хофстеде, шкалу идентификации с человечеством С. Макфарленда. Результаты исследования показали, что среди респондентов больше тех, кто оптимистично воспринимает тенденцию перехода к многополярности (от однополярной гегемонии англосаксов). Респонденты выступают против террористических методов решения политических конфликтов и не оправдывают радикальные методы ведения политики. Также они осуждают двойные стандарты в международной политике и нарушения международного права; в большинстве своем выступают против колониальных отношений между странами и считают, что национальные интересы своей страны должны быть приоритетными для политических лидеров. Исследование ценностей разного уровня показало, что в гетерогенной выборке россиян доминируют такие ценности, как семья, здоровье и материальное благополучие. В выборке молодых участников опроса статистически достоверно выше ценность любви и ниже ценность здоровья и интересной работы. Язык, культура и территория являются приоритетными ценностями нации. Доминирующими политическими ценностями оказались порядок и справедливость, т.е. проявился центристский и консервативный акцент. Также следует отметить, что у участвовавших в опросе россиян преобладают левые взгляды (ориентация на равенство vs ориентация на свободу). В модели культурных ценностей, по Инглхарту, россияне, включая молодежь, показали доминирование консервативной модели над либеральной. У россиян преобладают традиционные ценности и ценности выживания, а общий показатель является антилибертарианским. В целом подтвердилась модель культурных ценностей, по Хофстеде (коллективизм доминирует над индивидуализмом) при смещении в сторону усиления маскулинности. Можно утверждать, что показатель маскулинности, который в своей трактовке включает соперничество, уверенность в себе, целеустремленность, приверженность материальным ценностям, заметно вырос за последнее время. Кроме того, уменьшилась дистанция власти (общество чувствует себя скорее демократичным, чем авторитарным). При этом снизилась долгосрочная ориентация, поскольку граждане переживают много угроз глобального характера. Антиглобалистские установки оказались менее выраженными у молодежи, в отличие от более старших участников исследования. Проявления антиглобалистских установок выше у лиц с более консервативными ценностями на всех уровнях ценностного портрета. Что касается глобальной идентификации, по Макфарленду, то, отождествляя себя в большей степени с группой «россияне», обследуемые дали высокий показатель, связанный со своей ответственностью как жителей планеты Земля.

Уроки формирования информационно-психологической устойчивости военнослужащих войск национальной гвардии РФ

Информационно-психологическая устойчивость, восприятие эпидемии ковид, слухи

Проблема обеспечения информационно-психологической безопасности личного состава имеет сегодня исключительную значимость. Противодействию и профилактике воздействия на сознание военнослужащего вражеских источников информации уделяется особое внимание. Однако есть информация, которая может казаться информационным шумом, далеким от контекста политической обстановки, но оказывать значимое воздействие на картину мира военнослужащего.

Показательны результаты исследования, проведенные под нашим научным руководством на курсантах СПВИ ВНГ с целью выявления особенностей восприятия эпидемии ковид. В условиях, когда панические слухи заполнили информационное пространство и сознание части наших сограждан [1–3], курсанты, демонстрировавшие устойчивость к явным идеологическим диверсиям, также оказывались вовлеченными в обсуждение этих слухов.

В качестве гипотез предполагалось, что военнослужащие ВНГ отличаются устойчивостью к негативному информационно-психологическому воздействию. Чем выше уровень критичности мышления военнослужащего, тем менее он разделяет установки, направленные на дискредитацию отечественной вакцины.

Методологическую основу исследования составили ведущие концепции информационно-психологической безопасности. Методами исследования были авторская анкета оценки отношения курсантов к вакцинации от коронавирусной инфекции, методика ПАЛ А.Ш. Гусейнова, опросник Кеттела.

Исследование показало, что в условиях контролируемой информационной среды нормативную позицию в отношении коронавируса заняли 68% курсантов, принявших участие в исследовании. 32% обследованной выборки демонстрировали установки, в которых проявлялась убежденность в разных негативных последствиях вакцинации.

Курсанты, ставящие под сомнение официальную точку зрения на вакцинацию, отличались достоверно более высоким уровнем негативизма и нигилизма, раздражительности, недовольства, обиды, упрямства, несговорчивости от курсантов с нормативной позицией. Очевидно, что проявления негативизма подогревались в данном случае вынужденным в силу самоизоляции казарменным положением, невозможностью увидеться с родными и близкими, отсутствием возможности выхода в город. Среди данных курсантов доминировало представление о том, что вакцинация является не выражением заботы об их здоровье, а процедурой, которую их заставляют делать.

Выводы:

1. Ожидание, что официально доводимая до курсантов информация становится элементом их мировоззрения, не всегда соответствует реальности. Поэтому необходимо регулярно устанавливать обратную связь.

2. Формирование убеждений – это длительная, нелинейная, психологически выверенная работа с возражениями, системная поэтапная работа по выстраиванию аргументации и контраргументации.

3. Практика опровержения ложных нарративов должна стать важным фактором формирования информационно-психологической устойчивости курсантов.

4. Важно понимать, что вера, уверенность в чем-либо, убедительность далеко не всегда совпадает с логичностью. А соответственно, необходимо подключать и арсенал эмоционального воздействия для формирования доверия курсантов.

1. Вохмянина Т. Как не допустить паники в коллективе из-за коронавируса: ответы психолога / Т. Вохмянина // Экономика ЛПУ в вопросах и ответах. – 2020. – № 5. – С. 34–37.
2. Кадер А.М. Паника как реакция на COVID-19: выводы для исследователей / А.М. Кадер // Вестник научных конференций. – 2020. – № 5-3(57). – С. 43–44.
3. Решетова Т.В. Информационные психогигиенические меры против тревоги и паники в условиях пандемии / Т.В. Решетова // Вестник МАНЭБ. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 49–59.

Профессиональное выгорание и сохранение «лица» в социальном взаимодействии

Выгорание, профессиональная идентичность, сохранение «лица»

Проблема профессионального выгорания является актуальной в психологической науке уже долгие годы. В настоящее время она становится все более острой в бизнес-организациях, в связи с резким изменением социально-экономических условий. Страх не справиться с новыми сложными задачами, потерять работу, утратить доверие руководства и коллег и многое другое может приводить к профессиональному выгоранию сотрудников. Возникает запрос на изучение этого феномена в ракурсе факторов, в которых проявляются особенности профессионализации и социального взаимодействия сотрудников в современных условиях.

В нашей работе исследование профессионального выгорания проводится в связи с особенностями профессиональной идентичности личности, а также тем, как эта идентичность предьявляется другим людям в социальном взаимодействии, а именно стратегиям «сохранения лица». Мы исходим из того, что профессиональная идентичность личности, особенности ее развития, а также механизмов ее проявления в ситуациях социального взаимодействия могут играть роль в развитии и проявлениях феномена выгорания личности. Эти важные аспекты профессионального выгорания, по сути, связанные с особенностями психологического становления профессионала, пока еще недостаточно отражены в исследованиях.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке сотрудников российских бизнес-организаций ($N = 225$, средний возраст = 37,2) в 2022–2024 гг. Были получены результаты, которые в целом позволяют говорить о значимости профессиональной идентичности в развитии синдрома выгорания личности. Установлено, что проявления выгорания сотрудников на работе связаны со стратегиями «сохранения лица».

На общей выборке обнаружено наличие значимой связи между профессиональной идентичностью и возрастом ($0,278^{***}$, $p < 0,001$) субфакторами выгорания: профессиональной идентичностью и психоэмоциональным истощением ($-0,237^{***}$, $p < 0,001$), профессиональной идентичностью и деперсонализацией ($-0,164^*$, $p = 0,014$), а также профессиональной идентичностью и профессиональной успешностью ($0,242^{***}$, $p < 0,001$). Сравнение средних значений изучаемых параметров в группах мужчин и женщин и дальнейшая проверка предположений показали, что у женщин связь выгорания и стратегий «сохранения лица» проявляется более явно, чем у мужчин. В группе женщин обнаружено наличие значимой связи между профессиональной идентичностью и стратегией «сохранения лица» ($-0,222^{**}$, $p = 0,005$), а также то, что эта стратегия является значимым фактором и опосредует связь между профессиональной идентичностью и психоэмоциональным истощением ($b = -0,14$, $p = 0,035$) и между профессиональной идентичностью и деперсонализацией ($b = -0,1$, $p = 0,023$).

Полученные данные позволяют говорить о сложной организации не только процесса выгорания, но и феномена профессиональной идентичности, который все больше начинает рассматриваться с точки зрения социально-когнитивной природы его устройства, а именно, как явления реляционного уровня. При этом, стратегии «сохранения лица» могут рассматриваться как неотделимый элемент профессиональной идентичности личности, который влияет на динамику и характер предьявления человеком своей профессиональной идентичности в ситуации социального взаимодействия. В этом смысле стратегии «сохранения лица» являются значимым фактором в деловом взаимодействии, в частности, в самопрезентации личности. В конечном итоге можно сказать, что именно необходимость доказывать другим свой профессионализм приводит к тому, что стратегия «сохранения лица» может играть роль в развитии синдрома профессионального выгорания, опосредовать связь между профессиональной идентичностью и выгоранием человека на работе.

На основе проведенного исследования будет проводиться дальнейшая работа по комплексному изучению факторов профессионального выгорания, а также построению теоретической модели профессионального выгорания с учетом таких сложных явлений, как профессиональная идентичность и стратегии «сохранения лица».

1. Васильева Е.Д. Стратегии «сохранения лица» и успешность делового взаимодействия // Психологические исследования. – 2022. – Т. 15, № 83. – 25 с.
2. Иванова Н.Л., Конева Е.В. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство // Мир психологии. – 2004. – № 2. – С. 148–157.

3. Caza B.B., Creary S. The construction of professional identity // Perspectives on contemporary professional work. Edward Elgar Publishing. – 2016. – P. 259–285.
4. Cullinan M.E., Purtell R., Canary H.E. Emerging professional identity in patient hand-off routines: A practical application of performative face theory // Health Communication. – 2022. – V. 37, No5. – P. 577–585. doi: 10.1080/10410236.2020.1857518
5. Kelly S., Brown W. S., Drye S. Do we burn ourselves trying to save face? Face concerns as a predictor of subordinate willingness to self-censor and burnout // International Journal of Business Communication. – 2022. – P. 23294884221118896. doi: 10.1177/23294884221118896

Особенности гражданской идентичности личности на разных этапах жизненного пути

Гражданская идентичность, ценностные ориентации, самоотношение, этапы жизненного пути

Принадлежность к определенной группе является естественной потребностью. Осознание и идентификация себя как члена определенного государства является актуальной проблемой современности.

Методологическая основа: труды Р.В. Борисова, Т.В. Бугайчук, А.С. Гальченко, И.В. Кожанова, И.В. Конода, Д.Х. Накоховой, В.В. Титова, Т.Г. Целуйкиной и др. Выборка из 90 человек была разделена на три группы: в 1 группу вошли 35 чел. 18-19 лет ($M = 18,5$); 2 группу составили 34 чел. 20–35 лет ($M = 28$) и 3 группу – 21 чел., 36-50 лет ($M = 41$). Методики: «Типы гражданской идентичности» (Р.В. Борисов) [1]; «Ценностный опросник» (Ш. Шварц) [2]; «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантिलеев) [3]. Обработка данных включала расчёты непараметрического U-критерия Манна-Уитни и r -коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Обнаружены статистически значимые различия между 1 и 3, а также 2 и 3 группами по таким компонентам гражданской идентичности (ГИ), как «Гиперпозитивная ГИ» ($p = 0,049$; $p = 0,038$) и «Позитивная ГИ» ($p = 0,004$; $p = 0,034$). Корреляционный анализ показал увеличение количества связей ($p \leq 0,05$) между типами гражданской идентичности и ценностными ориентациями личности как на уровне нормативных идеалов, так и на уровне индивидуальных приоритетов (ИП). Выявлены наиболее значимые связи ($p \leq 0,01$): группа 1 – «Гиперпозитивная ГИ»-«Традиции (ИП)» ($r = 0,524$), «Негативная ГИ»-«Самопонимание» ($r = -0,580$); группа 2 – «Негативная ГИ» – «Самоинтерес интегральный» ($r = -0,451$), «Негативная ГИ» – «Самоинтерес установка» ($r = -0,450$); группа 3 – «Негативная ГИ» – «Достижения (ИП)» ($r = -0,551$), «Позитивная ГИ» – «Самоуважение» ($r = -0,699$).

Обсуждение и выводы. В целом все группы характеризуются гармоничной структурой ГИ: высокий уровень «Позитивной ГИ» и низкие уровни «Гиперпозитивной ГИ» (группа 3 – средний уровень) и «Негативной ГИ», что свидетельствует о том, что все респонденты испытывают умеренную гордость и удовлетворение от своей гражданской принадлежности, которые усиливаются при переходе на следующий жизненный этап. На первом (юность) из исследуемых этапов жизненного пути ГИ личности проявляется в глобальном самоотношении и самоуважении, последовательности действий и их четком осознании. На следующем жизненном этапе (ранняя зрелость) ГИ личности реализуется через аутосимпатию, самоинтерес и отношение других, а на третьем этапе (средняя зрелость) – снова в глобальном самоотношении, самоуважении и последовательности действий, а также поддерживается самоуверенностью. Можно сказать, при переходе от юности к ранней зрелости и далее к средней зрелости ГИ проходит трансформацию связей с самоотношением, подвергаясь переоценке от глобального самоотношения через отношение к себе и другим и снова возвращаясь к глобальному самоотношению, но уже подкрепленному уверенностью в своих действиях. Общей ценностью, поддерживающей ГИ на всех жизненных этапах, является ценность «Традиции (ИП)», которая касается и единых норм поведения, и общности интересов респондентов как представителей одного государства. Насыщение ГИ связями с ценностными ориентациями при переходе на следующие жизненные этапы указывает на встраивание данного феномена в структуру личности как неотъемлемой части личностных ценностей.

Проведенное исследование является основой для дальнейшего изучения места и роли гражданской идентичности в структуре личности.

1. Борисов Р.В. Гражданская идентичность в терминах психодиагностики. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 31. – Вып. 4. – С. 95–99.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб: Речь, 2004. – 70 с.
3. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М.: МГУ, 1988. – С. 123–130.

Образ Германии в парадигме обыденного сознания

Образ, Германия, обыденное сознание

Германия – государство исключительно конкурентоспособное, которое все в большей мере погружается в сферу политической борьбы. В послевоенный период самостоятельность Германии сдерживалась комплексом политических инструментов, чувством вины немцев из-за преступлений против человечности и мировым общественным мнением. В настоящее время аналитики выражают обеспокоенность по поводу возрождения «тевтонского духа» германцев. В этих условиях важность приобретает внимание к состоянию немецкого общества.

На уровне научного знания о Германии написано много. Меньше – на уровне обыденного сознания. Но оно также достаточно эвристично, обуславливает функционирование репрезентативной системы маркеров в области аксиологической идентификации – способствует определению приоритетов и ценностей, что помогает с большей объективностью сформировать образ страны. О.С. Дейнека отмечает: «Одним из динамичных политико-психологических феноменов, нуждающихся в мониторинге, является образ государства в обыденном сознании. Его изучение позволяет политическим акторам получать обратную связь о состоянии социума и его отдельных групп, корректировать отношения в системе „гражданин – государство“» [1].

Процесс формирования образа в сфере обыденного сознания основывается на личном опыте индивида, его погружении в среду онтологически банальных и профанных коллизий, что способствует, однако, приданию образу в процессе отождествления важных дополнительных оттенков – психоэстетических, культурно-этнических, историософских и др. Восприятие индивидом условий, жизненных проявлений, политико-социальных факторов другой страны будет обусловлено специфическим качеством ощущений – модальностью. Окружающий мир никогда не будет отражен с полной адекватностью и достоверностью в сознании индивида. Нельзя не согласиться с мнением А.Н. Леонтьева: «Дело-то все в том, что мир амодален по своей природе. Он лишь выступает перед субъектом в той или другой модальности» [2].

Особое значение приобретает формирование образа в сфере обыденного сознания, дополненного профессиональным видением. Часто субъектами в этом случае выступают журналисты и блогеры. Так, журналистка и учительница из Дрездена С. Хельмер учредила электронное издание Flügge (подзаголовок – «Путешествовать и эмигрировать»). Тональность материалов жизнеутверждающая, но некоторые данные заставляют задуматься. В публикации под заголовком «Эмиграция из Германии – не редкость» автор сообщает, что, согласно статистике, ежегодно страну покидают 25 тыс. немцев, 70% из них – представители академической науки возрастом от 20 до 40 лет. Причем количество уезжающих «последовательно возрастает» (<https://fluegge-blog.de/auswandern-checkliste/>). Редакция журнала Stern попросила высказаться о Германии иностранных репортеров. Мнения оказались разными. Так, британец С. Капер назвал Германию «ненавистной», китайца К. Цяо удивило то, как там «все медленно происходит», Р. Кхосрави из Ирана отметил, что немцы «привносят в мир чувство братства», испанцу Ф. Итуррибарриа Германия не показалась «гостеприимной, открытой и щедрой» и т. д. (<https://www.stern.de/politik/deutschland/i-love-germany-was-die-welt-ueber-deutschland-denkt-3596548.html>).

Это общие впечатления. Но на образ государства влияют и исторические факторы. Германии свойственна, как указывает К. Дёрнер, «амбивалентность в управлении между высвобожденным рационализмом и меркантильным и назидательно-педагогическим протекционизмом» [3]. Это остается трендом развития страны.

1. Дейнека О.С. Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2015. – Вып. 3. – С. 13–26.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000. – 512 с.
3. Dörner K. Bürger und Irre. Zur Sozialgeschichte und Wissenschaftssoziologie der Psychiatrie. 2. Aufl. – Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1984. – 362 s.

Митина О.В.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова,

Иргашева М.
Ташкент, МГУ им. М.В. Ломоносова

Психосемантический анализ стереотипов женского поведения в Узбекистане

Психосемантическая методика «Женский образ», семантическое пространство восприятия, узбекские респонденты, культурные особенности, этническая принадлежность

Женские стереотипы представляют собой стандартизированные устойчивые представления о поведении, чертах характера и социальных ролях женщин. Они формируются под влиянием социокультурной среды и исторического контекста, регулируют ожидания общества относительно поведения женщин, оказывают значительное влияние на самоидентификацию, социальное поведение и профессиональные выборы женщин.

Исследование гендерных стереотипов в Узбекистане актуально из-за быстрых социокультурных изменений, ослабления влияния традиционных ценностей, помогает разрабатывать программы для укрепления равенства и социальной гармонии, способствуя образовательному и социальному развитию страны.

Целью исследования являлся сравнительный анализ женских стереотипов среди узбекских и русских респондентов в Узбекистане.

Психосемантический подход позволяет глубже исследовать структуру и содержание гендерных стереотипов вообще и женских в частности, выявляя как осознанные, так и неосознанные аспекты.

Всего в исследовании приняли участие 119 человек в возрасте от 20 до 56 лет, из них 63 респондента узбекской национальности (34 женщины и 29 мужчин) и 56 этнических русских респондентов (32 женщины и 24 мужчины).

Для исследования использовалась психосемантическая методика «Женский образ» [1].

Первичными шкалами являлись 108 характеристик бытового поведения женщины, связанных с семейной, профессиональной, общественной деятельностью. Респондентам предлагалось оценить степень соответствия этих характеристик 11 женским ролевым позициям с использованием 6-балльной лайкертовой шкалы. Список ролевых позиций включали образ себя для женщин или близкой женщины для мужчин, оценочные образы (идеальной и презираемой женщин), типичные женские образы, отражающие представления о роли женщины в различных этносах, наиболее представленных в обыденном сознании респондентов (узбечка, русская, китайка, американка).

В результате эксплораторного факторного анализа были выделены 4 категории-фактора суммарно объясняющих 39,6% общей дисперсии, задающие семантическое пространство восприятия женского поведения, в рамках которых рассматривались оценки женских ролей респондентами.

Первый и третий биполярные факторы Ф1– Женщина с ценностями, противоречащими традиционным нормам ↔ Ф1+ Женщина с традиционными ценностями, Ф3– Женский бунт ↔ Ф3+ Женская покорность. Второй и четвертый факторы – униполярные: Ф2 Женщина, стремящаяся к соответствию эталону женской роли в современном западном обществе, Ф4 Женщина, посвятившая свою жизнь служению другим людям.

Значимая корреляция между факторами 1 и 3 указывает на то, что Женщины, которые ведут себя в соответствии со стереотипом, оцениваются более позитивно, чем женщины, которые бросают вызов гендерно-стереотипным ожиданиям.

Были установлены значимые различия в усредненных оценках ролевых позиций по всем факторам. Анализировалось влияние пола респондентов и их этнической принадлежности на оценки каждой ролевой позиции по каждому фактору, а также на сходство в оценках ролевых позиций.

Доказано наличие значимых различий в восприятии ролевых объектов между представителями двух культурных групп (русские и узбеки). Различия между мужчинами и женщинами в рамках одного этноса тоже присутствуют, но их существенно меньше. Между тем отметим, что сходство в ответах между мужчинами и женщинами узбекской национальности все-таки больше, чем в ответах русских респондентов.

Значимо большее сходство в оценках образа себя и своего идеала у русских женщин свидетельствует о более высокой их самооценке по сравнению с узбекскими респондентками, которые в свою очередь демонстрируют большее сходство в оценках образа я и общественного идеала. Это может свидетельствовать о более строгих или четко очерченных социальных ожиданиях в этой культурной группе.

Различия в восприятии женских ролей национальной принадлежности типичных узбечки и русской респондентами двух национальностей также подчеркивают важность национальной принадлежности в формировании гендерных стереотипов. Так, например, узбекские респондентки показали значимо больше сходства в самооценке и оценке типичной узбечки по сравнению с русскими респондентами, в то же время различий в близости оценок себя и типичной русской между русскими и узбекскими респондентками не выявлено.

В этнических женских ролях и стереотипах глубинный менталитет этноса проявляется наиболее ярко. Изучение женских стереотипов позволяет описывать и понимать глубинную природу установок и стереотипов страны, этноса, культуры и тем самым способствует решению многих межнациональных и этнических проблем.

1. Петренко В., Митина О. Политическая психология. Психосемантический подход. – М., 2018.

Психосемантический анализ этнических авто- и гетеростереотипов китайских респондентов

Этнические стереотипы, изменение этнических стереотипов, психосемантическая методика «Этнический образ», семантическое пространство этнического восприятия, китайские респонденты

Стереотипы – это определенные обобщенные и устойчивые взгляды и отношения, которые люди формируют по отношению к какой-либо группе [1]. Этнические стереотипы, являясь одним из более конкретных типов стереотипов, представляют собой обобщение определенных впечатлений о конкретной национальности.

Психосемантический подход отличает уникальность в исследовании стереотипов: его развитие направлено на выход за рамки простого анализа вербальной и невербальной продукции, акцентируя внимание на изучении индивидуальных представлений, ценностей и стереотипов в повседневной жизни в социальном контексте.

Методы психосемантики позволяют выявить когнитивные структуры восприятия мира индивидом разной степени осознанности и исследовать влияние этих структур на самосознание и поведенческие модели индивида.

Актуальность исследования определяется растущими тенденциями глобализации, межкультурного общения и международной миграции. Культурные, исторические и социальные особенности страны могут оказывать воздействие на восприятие человеком своей и других национальностей. Особенно интересно исследовать, как опыт проживания и обучения людей в разных странах может повлиять на их стереотипное восприятие представителей других этносов.

В исследовании приняли участие китайские респонденты, постоянно проживающие в Китае (104 человека), а также длительно проживающие в США, Японии и России (по 100 человек в каждой стране). Возраст респондентов в диапазоне от 18 до 35 лет. Основная целевая группа – студенты различных ступеней. 184 женщины, 220 мужчин.

Для сбора данных использовалась психосемантическая методика «Этнический образ» [2]. В качестве первичных шкал используются 74 характеристики бытового поведения и эмоциональной оценки, а в качестве объектов оценивания 17 национальностей и квазинациональностей актуальных для китайских респондентов. Респонденты оценивали выраженность каждой характеристики у представителей каждой национальности по семибалльной лайкертовой шкале.

Методика Этнический образ позволяет собирать данные для идентификации и анализа этнических стереотипов, реконструировать семантическое пространство, которое служит моделью этнической картины мира индивидуального и коллективного субъектов.

Построенное семантическое пространство восприятия этносов задается 9 различными категориями (суммарный вклад в общую дисперсию 52.29%): Позитивное отношение, Агрессивность, Цивилизованность, Этническая экзогамия, Культурная закрытость, Патриархальность, Ориентация на либеральные и демократические ценности, Девиантность, Этническая толерантность.

Исследование подтвердило, что место проживания китайских респондентов в различных странах оказывает значительное влияние на формирование их этнической картины мира, операциональной моделью которой является семантическое пространство. Факторы влияния: культурные и социальные особенности данных стран, а также исторические аспекты взаимоотношений между этими странами и Китаем. Особенно много различий отмечено в восприятии собственного этноса.

Совместное проживание и взаимодействие с представителями других культур оказывают значительное влияние на формирование и изменение картины мира и самосознания. Результаты показывают, что оценки национальностей, с которыми участники не имели опыта непосредственного социального взаимодействия, также могут значительно зависеть от исторических отношений, культурных и политических отношений между страной проживания и страной, населенной представителями оцениваемого этноса. Так исследование подтвердило, что китайские респонденты, проживающие в США, проявляют более негативное отношение к народам, политические отношения США с которыми отличаются напряженностью.

Из-за сложных исторических и культурных взаимоотношений между Китаем и Японией, китайские респонденты, проживающие в Китае, имеют наиболее критическое мнение о Японии. Самую позитивную оценку японцев демонстрируют китайские респонденты, проживающие в России.

Респонденты, проживающие в России, хуже оценивают собственный этнос. Возможно, это связано с распространением серого бизнеса в России, приводящего к негативным взаимоотношениям среди китайцев.

Респонденты, проживающие за пределами своей родины, показывают более широкое понимание особенностей других народов, в отличие от тех, кто живет в Китае, у них выше когнитивная сложность этнической картины мира. По результатам нашего исследования китайцы, проживающие в России, демонстрируют значимо самую высокую когнитивную сложность.

1. Петренко В., Митина О. Политическая психология. Психосемантический подход. – М., 2018.
2. Lippmann W. Public opinion. – N.Y., 1992.

Активность и пассивность современной молодежи

Активность, пассивность, личностные особенности, студенты, мужчины, женщины

Активность молодежи выступает основным фактором ее общественной полезности и саморазвития. В классических работах активность представлена как необходимое условие преобразования бытия человеком [5]. Пассивность в большей степени трактовалась как негативное явление и редко исследовалась. В 2019 г. ВЦИОМ представил данные, в которых активность молодежи была оценена 48% опрошиваемых. Однако в 2022 г. опросы ВЦИОМ показали, что в ценностной иерархии молодежи в самом низу были расположены участие в социальной жизни общества и участие в волонтерстве. Можно полагать, что пассивность молодежи имеет глубинные основания.

В работах демонстрируется, что образ добровольца, волонтера, его ментальные репрезентации среди молодежи привязаны к культурному стереотипу, у современных поколений – к значимым современным историческим событиям, а у прошлых поколений связано с защитой Отечества [2]. Сегодня исследователи обращают внимание на феномен пассивности молодежи в ее разных формах [1, 3]. Зафиксирован немалый процент политической пассивности при отсутствии интереса граждан к политическим явлениям в целом [1]. Отдельная часть работ посвящена изучению интеллектуальной пассивности школьников. Анализируются философские представления пассивности [4]. Пассивность порой понимается как особая форма активности.

Остается невыясненным вопрос взаимосвязи пассивности молодежи с личностными особенностями и составляющими активности.

Исследование было проведено со студентами вузов г. Ростова-на-Дону, 280 человек, 58% девушки. Методический инструментарий: методика измерения пассивности (В.И. Пищик, 2023), шкалы измерения социально ориентированной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, 2019), опросник «Большой пятерки» 5PFQ (В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, И.Г. Сенин).

В целом по выборке пассивность была выражена больше у мужчин ($M = 37$). Социально ориентированная активность больше выражена у женщин ($M = 42$).

В результате обнаружены взаимосвязи между экстраверсией и активностью (мотивационный компонент) ($0,47^{**}$). Средняя пассивность была взаимосвязана с активностью (эмоционально-статусный компонент) ($0,32^*$). Высокая пассивность взаимосвязана с активностью (поведенческий компонент) ($0,33^{**}$). Активность (эмоционально-статусный компонент) связана с экстраверсией ($0,50^*$). Активность (поведенческий компонент) взаимосвязана с контролированием ($0,53^{**}$). Средняя пассивность была взаимосвязана с отдаленностью ($0,44^{**}$) и практичностью ($0,26^*$).

Выводы. Исследование показало, что конструкт пассивности еще в недостаточной мере изучен в психологии. Эмпирически установлены взаимосвязи пассивности и активности, что может свидетельствовать о едином континууме. Личностные особенности имеют взаимосвязи с отдельными составляющими пассивности и активности.

1. Абрамов Г.А. Различия политической апатии и пассивности на примере современного российского общества // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 6. – С. 57–63 [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.24158/per.2023.6.7>.
2. Звезда Е.Ю., Звезда Г.П. Психосемантические особенности ментальной репрезентации образа Добровольца в представлениях молодежи разных поколений // Психология и психотехника. – 2017. – № 2. – С. 8–19.
3. Зобков В.А. Пассивность как характеристика неуверенности человека в себе // Вестник костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – № 3. – С. 77–81.
4. Кудряшов И.С. Интерпассивность: истоки и эволюция понятия // Сибирский философский журнал. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 64–78. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-1-64-78
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Москва [и др.]: Питер, 2012. – 224 с.

Взаимосвязь кинематографических предпочтений молодежи с их образом страны

Кинематографические предпочтения, образ страны, молодежь

Периодически общество сталкивается с новыми политическими вызовами, которые находят отражение в средствах массовой коммуникации и, в частности, в кинематографе [2, 3]. Особенно важным становится понимание того, как просмотр кинематографической продукции может влиять на формирование образа страны у молодежи, так как она обычно является движущей силой общества, влияющей на общие тенденции и направления развития [1].

В феврале-мае 2024 г. проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи кинематографических предпочтений молодежи с их образом страны. Выборку составили 150 человек, из них 99 женщин и 51 мужчина в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 25,44$), в основном проживающие в Санкт-Петербурге и Москве (88%) и имеющие высшее образование (77%). Использовались методики: «Кинопредпочтения» (Кубрак, 2017), «Образ страны» (Петренко, Митина, 2008, 2018), «Возможности самоосуществления в стране» (Сайдутова, Самуйлова, 2017, 2024). Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью первичных описательных статистик, контент-анализа, корреляционного и дисперсионного анализа (ANOVA).

Выявлено, что предпочитающие смотреть кинопродукцию на бесплатных интернет-ресурсах, в меньшей степени убеждены в перспективах дальнейшей жизни в России, возможностях установления партнерских, деловых связей с ее представителями, а также в том, что в стране сформировано открытое гражданское общество, терпимо относятся к различным формам самовыражения людей, в том числе к свободному озвучиванию своих взглядов, размышлений. Те же, кто отдает предпочтение онлайн-кинотеатрам, напротив, в большей степени убеждены, что установление партнерских, деловых связей с представителями России скорее возможно, жители страны скорее хорошо относятся друг к другу и могут не только реализовывать имеющийся жизненный и профессиональный опыт, но также приобретать и передавать новый.

Респонденты, предпочитающие зарубежный кинематограф, в меньшей степени убеждены, что в России созданы условия для жизни людей с ограниченными возможностями. Они ниже оценивают уровень жизни в России и ее международный авторитет, а также больше не согласны с тем, что в стране терпимо относятся к различным формам самовыражения людей и можно свободно делиться своими размышлениями, взглядами, имеющейся точкой зрения. Респонденты, предпочитающие российские фильмы/сериалы, в большей степени убеждены, что Россия является мощным в военном отношении государством, производит товары высокого качества, славится достижениями в области спорта, открыта для культурной ассимиляции иностранцев, ее население отличается гостеприимством, хорошо относится друг к другу и имеет возможность развивать и проявлять свою уникальность и неповторимость. Данные респонденты также больше симпатизируют России и хотят работать в ней длительное время.

В целом, исследование подтвердило, что кинематографические предпочтения молодежи взаимосвязаны с их образом страны, что далее позволяет предложить ряд практических рекомендаций по позиционированию различных областей жизни в стране и производству кинопродукции определенного содержания с учетом выявленных тенденций.

1. Бакулева К.К., Самуйлова И.А. Динамика образа государства в сознании российской молодежи: основные тенденции и перспективы психологических исследований // Петербургский психологический журнал. – 2019. – № 28. – С. 150–172.
2. Кубрак Т.А. Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе // Психологические исследования. – 2016. – 9 (47) [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.470>.
3. Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 2714 с.

Ценностные ориентации как фактор адаптации молодёжи города Мариуполь к новым условиям жизни

Ценностные ориентации, социокультурная адаптация, специальная военная операция

Актуальность: на сегодняшний день в контексте присоединения территорий Приазовья к России актуальным становится вопрос адаптации жителей этих территорий к новым условиям жизни. В этом процессе значимую роль играют ценностные ориентации, исследовать которые является весьма актуальным.

Цель исследования – выявить ценностные предпочтения (политические, социальные, культурные) студенческой молодёжи г. Мариуполь в ситуации проведения специальной военной операции. Исследование проводилось с помощью «Опросника гражданина» [1], разработанного профессором СПбГУ О.С. Дейнека и прошедшего апробацию и верификацию в диссертационных исследованиях российской молодёжи [3] и в межстрановых исследованиях [2].

Выборку составили 167 студентов в возрасте от 18 до 27 лет социально-гуманитарного факультета Приазовского госуниверситета в г. Мариуполь. Были получены 142 заполненные анкеты.

Результаты исследования: в целом можно констатировать адаптивное вхождение студенческой молодёжи г. Мариуполь в российскую среду, расширение социальных связей, уверенность в своих возможностях. Наиболее выраженными ценностными ориентациями являются позитивное отношение к стране, около 50% студентов выражают «гордость тем, что являются гражданами России», верят, что «наше государство способно достигнуть многого в глобальном мире» и демонстрируют толерантное отношение к «законам, которые существуют в стране». В результате анализа данных было выделено три группы студентов: *социальные оптимисты* (50%), *социальные пессимисты* (37%) и *социально-индифферентные студенты* (13%).

Социальные оптимисты гордятся тем, что являются гражданами России (50% всей выборки); из них 43% имеют образ будущего нашего государства; 68% верят, что наше государство способно достигнуть многого в глобальном мире; 63% всегда старается подчиняться законам, которые существуют в стране; 43% верят, что экономическая ситуация в России улучшится через три года; 16% считают, что обстановка в России позволяет людям ставить долгосрочные цели. Таким образом можно констатировать у половины опрошенных респондентов наличие политического и экономического оптимизма, патриотизма и солидарности, что и позволяет определить эту часть выборки как наиболее адаптивную.

Социальные пессимисты – студенты, не испытывающие политического и экономического оптимизма (37% от общей выборки), критически настроенные по поводу наиболее острых на данный момент проблем социума (коррупции, социально-экономического расслоения; миграционных процессов, повышения пенсионного возраста). Эта группа студентов не раздумывая выехала бы из России, если бы появилась возможность (37%); из них 52% стараются подчиняться законам, которые существуют в стране; но 36% из них испытывают повышенную тревожность по поводу введения новых законов; 52% – тревожность по поводу повышения пенсионного возраста; 23% считают, что основной проблемой российского общества является высокий уровень коррупции; всего 5% считают, что во всех проблемах нынешнего общества виновата власть.

Социально-индифферентные – безразличные к изменениям студенты (13% общей выборки), демонстрирующие положительное отношение к социальным регуляторам жизнедеятельности в обществе (закону, морали) и отношения к государству как институту, к власти. Для этой группы студентов материальное благосостояние важнее, чем сохранение культурной среды (13%); из них 28% считают, что основной проблемой российского общества является высокий уровень коррупции; 30% всегда подчиняются законам, которые существуют в стране; 34% огорчены по поводу повышения пенсионного возраста; 28% считают, что в российском обществе слишком сильно расслоение по доходам; 24% считают, что любой гражданин всегда должен рассчитывать на себя, а не ждать помощи от государства.

1. Дейнека О.С. Многофакторный опросник в диагностике социально-экономического сознания // Психология. Экономика. Право. – 2013. – № 2. – С. 23–26.
2. Дейнека О.С. Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Серия 16. – № 3. – С. 13–26.
3. Дейнека О.С., Варганова И.А. Удовлетворенность жизнью как предиктор отношения к экономической и политической стабильности студенческой молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.science-education.ru/106-7883> (дата обращения: 09.06.24).

Образ кандидата в президенты РФ 2024 г. Владислава Даванкова у молодежи Санкт-Петербурга

Образ политического лидера, кандидат в президенты, Владислав Даванков, образ политика

Исследование проводилось в рамках магистерской диссертации про образ кандидатов в президенты РФ 2024 г. у молодежи Санкт-Петербурга и в СМИ. Здесь представляется часть полученных нами данных.

Актуальность исследования объясняется тем, что мы живем в период глобальных политических изменений. В это время в нашей стране проходят выборы президента. Политический лидер является неотъемлемой частью политической системы. Во многом именно он определяет курс нашего государства во всех сферах жизни. Поэтому есть необходимость в исследовании образов политиков, которые выдвигают свои кандидатуры на президентский пост.

Проблематика исследования заключается в том, что зачастую образы политиков у людей не совпадают с образами политиков в СМИ. Показывая результаты своей политической деятельности, политикам необходимо учитывать это при формировании своих имиджей.

Темой политического лидерства занимались многие отечественные ученые: Свешникова Н.О., Самуйлова И.А., Шестопап Е.Б., Ракитянский Н.М., Егорова-Гантман Е.В. и др. Научные труды этих авторов являются методологической базой нашей работы.

В исследовании принял участие 241 человек, из которых 140 мужчин и 101 женщина. Возраст респондентов – 18–35 лет, все проживают на территории Санкт-Петербурга. Выборка исследования разделялась на четыре группы: журналисты, политологи, курсанты и люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью. Респонденты заполняли авторскую методику «Оценка политика» Н.О. Свешниковой. В методике мы изучали такие психологические характеристики политиков, как интеллект, согласие, нейротизм, самоконтроль и экстраверсия. Расчеты статистического анализа проводились с использованием программы IBM SPSS Statistics. Проверка статистических гипотез осуществлялась на уровне значимости 0,05. В качестве метода статистического анализа выступает однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты исследования. Психологическую характеристику интеллект люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 35$), оценили статистически значимо выше, чем журналисты ($\bar{x} = 29,67$), политологи ($\bar{x} = 28,27$), курсанты ($\bar{x} = 22,94$). Курсанты оценили эту же характеристику В. Даванкова статистически значимо ниже, чем журналисты и политологи. Психологическую характеристику согласие курсанты ($\bar{x} = 20,19$) оценили статистически значимо ниже, чем журналисты ($\bar{x} = 24,37$), политологи ($\bar{x} = 26,99$), люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 23,55$). Политологи оценили фактор согласие у политика статистически значимо выше, чем люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью. Фактор нейротизм политологи ($\bar{x} = 19,54$) оценили статистически значимо выше, чем курсанты ($\bar{x} = 15,14$) и люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 17,14$). Журналисты ($\bar{x} = 18,28$) оценили эту характеристику В. Даванкова статистически значимо выше, чем курсанты ($\bar{x} = 15,14$). Фактор самоконтроль журналисты ($\bar{x} = 19,04$) оценили статистически значимо выше, чем люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 14,84$), курсанты ($\bar{x} = 15,19$). Политологи ($\bar{x} = 17,46$) оценили эту характеристику политика статистически значимо выше, чем курсанты ($\bar{x} = 15,19$) и люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 14,84$). Фактор экстраверсия люди, занимающиеся общественно-политической деятельностью ($\bar{x} = 25,53$), оценили статистически значимо выше, чем журналисты ($\bar{x} = 19,39$), политологи ($\bar{x} = 20,80$) и курсанты ($\bar{x} = 17,75$). Курсанты оценили эту характеристику В. Даванкова статистически значимо ниже, чем политологи.

Экономический патриотизм российских предпринимателей

Экономический патриотизм, экономическое поведение, российские предприниматели

Исследование экономического патриотизма предпринимателей особенно актуально, так как это одна из социальных групп, обладающих особыми личностными характеристиками и выступающая в роли работодателей, производителей, потребителей, инвесторов в национальную экономику, что в свою очередь способствует развитию отдельных предприятий, региона и экономики страны в целом, особенно в современных условиях санкционного давления.

Экономический патриотизм предполагает, как осознание того факта, что личное благополучие зависит от экономического благополучия своей страны, так и максимальное содействие экономическому прогрессу государства. Феномен «экономического патриотизма» становится предметом изучения разных отраслей научного знания [1, 2], однако понятие остается недостаточно изученным как в зарубежной, так и в отечественной науке, нет единого мнения по поводу критериев и форм проявления экономического патриотизма в процессе взаимодействия предпринимателей, общества и государства.

Возникает необходимость дать собственное определение понятию «экономический патриотизм предпринимателей», которое будет опираться на системный подход к структуре экономического сознания [3]. Кроме того, будут учитываться компоненты экономического сознания, имеющие отношение к экономическому патриотизму субъекта:

1. когнитивный компонент доминирует в экономических убеждениях и ценностях, идентификации со своей страной;
2. аффективный компонент включает любовь к Отечеству, гордость за достижения страны, уважение к ее историческому прошлому, культурным традициям, к природе;
3. конативный компонент включает мотивы и действия, экономически полезные для страны, а также готовность трудиться с самоотдачей.

Целью исследования является изучение психологических детерминант экономического патриотизма российских предпринимателей. Для проведения исследования нами разработана анкета экономического патриотизма предпринимателей, состоящая из 3 частей. Первая часть включает опросник из утверждений, затрагивающих национальную идентичность, аттитуды в сфере заботы об окружающей среде, отношении к политической системе, семейной системе, к деньгам. Вторая часть состоит из «незаконченных предложений». Третья часть включает данные о сфере деятельности бизнеса, регионе и демографических показателях предпринимателя.

На этапе пилотажного исследования с целью поиска взаимосвязи экономического патриотизма с мотивацией действий предпринимателей, будет применяться проективная методика «Прошу совета» М.В. Редькиной [4], основанная на идеях концепций Л. Кольберга, Б.С. Братуся и предполагающая моделирование этически сложных бизнес-ситуаций. Для поиска взаимосвязи экономического патриотизма с гражданской лояльностью будет применяться методика «Опросник гражданина» Дейнека О.С. Пилотажное исследование будет проходить с помощью авторского опросника и вышеуказанных методик в 2 этапа: на первом этапе планируется сбор материала на онлайн-платформе Анкетолог, на втором этапе планируется обследовать предпринимателей Санкт-Петербурга с помощью анонимного опроса по гугл-ссылке. После сравнения полученных данных планируется проведение основного исследования на выборке от 200 до 500 предпринимателей.

Ожидается, что предприниматели с большей гражданской лояльностью будут проявлять больший экономический патриотизм. Также более этичные предприниматели будут проявлять больший экономический патриотизм. Планируется применение сравнительного анализа выборок по уровню бизнеса, субъективного дохода, а также учет регионального фактора и сфер деятельности предпринимателей.

Результаты исследования позволят расширить представления об экономическом патриотизме российских предпринимателей. Планируется выявить, какое место в структуре экономического патриотизма современных российских предпринимателей занимает деятельностная компонента, насколько взаимосвязаны чувства, убеждения (ценности), мотивы предпринимателей с теми действиями, которые они осуществляют ради экономической помощи своей стране. Планируется разработка рекомендаций для предпринимателей и для государства в сфере предпринимательской политики.

1. Clift B., Woll C. Economic patriotism: reinventing control over open markets // *Journal of European Public Policy*. – 2012. – 19(3). – P. 307–323. DOI: 10.1080/13501763.2011.638117.
2. Карнышев А.Д. Экономический патриотизм: государственные, этнорегиональные и личностные аспекты // *Известия Иркутской академии*. – 2016. – Т. 26, № 3. – С. 509–517.
3. Дейнека О.С. Экономическое сознание: феноменология, структура и потенциал развития. *Культура и экономическое поведение* / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – 2011. – С. 118–148.
4. Редькина М.В. Деловое поведение российской молодежи: политико-психологический аспект: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб, 2003.

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И РАННЕЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Андрущенко Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ,
СЗГМУ им. И.И. Мечникова Минздрава России

Мухамедрахимов Р.Ж., Крюков Е.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Скрининговая диагностика развития младенцев с ВЖК, родившихся до срока

Недоношенные младенцы, внутрижелудочковое кровоизлияние (ВЖК), диагностика развития, ранняя помощь

С декабря 2023 г. в РФ понятие ранней помощи детям и членам их семей получило законодательное обоснование и отражено в законе о комплексной реабилитации и абилитации граждан с инвалидностью.

В международной практике с целью выявления детей группы риска и решения вопроса о необходимости предоставления им ранней помощи широко проводится диагностика развития младенцев при помощи родительских опросников [1,2].

Целью исследования было оценить развитие детей с ВЖК, родившихся до срока в возрасте 3 и 12 скорректированных по сроку гестации месяцев.

В исследование включены 77 детей (40 мальчиков) с диагностированным внутрижелудочковым кровоизлиянием (ВЖК) в боковые желудочки головного мозга разной степени тяжести (21 ребенок с ВЖК I степени, 37 детей с ВЖК II степени и 19 детей с ВЖК III степени), родившихся на сроке гестации $28,3 \pm 3,1$ недель. Дети распределены по группам на основании проводимых видов лечения. В I группу вошли 33 ребенка, получавшие оперативное хирургическое лечение по поводу постгеморрагической гидроцефалии (группа ПГГ), 2 группу составили 26 детей, получавших консервативное лечение по поводу гидроцефального синдрома (ГС), 3 группу – 18 детей с ВЖК I степени без гидроцефального синдрома (группа ВЖК сравнения).

Для оценки развития использовался Опросник «Возраст и стадии развития», третье издание («Ages and Stages Questionnaires-3», ASQ-3; Squires J. et al., 2009), представляющий собой простой в применении скрининговый инструмент, состоящий из 21 отдельного опросника, относящегося к разному возрасту развития (от двух месяцев до пяти с половиной лет). В каждом опроснике рассматриваются пять областей развития: коммуникация, крупная моторика, мелкая моторика, познавательная и личностно-социальная сфера развития. Опросник можно заполнить за 10–20 минут и оценить за 1–5 минут. Приведены суммарные значения, позволяющие отнести полученные результаты в три области: черную зону, серую зону и белую зону развития. Попадание результатов в белую зону означает нормативность развития, в серую требует динамического наблюдения ребенка и составления рекомендаций родителям по развивающим занятиям, в черную по одной или же нескольким областям предполагает дополнительное обследование ребенка экспертными методами диагностики развития и начало оказания ранней помощи.

Результаты представлены для каждой из областей развития детей в возрасте 3 и 12 месяцев во всех группах (ПГГ, ГС, ВЖК сравнения) отдельно для мальчиков и девочек. В 3 месяца в области коммуникации во всех группах для всех детей суммарные значения в белой зоне; в двигательном развитии в группе ПГГ суммарные значения у мальчиков в черной зоне, у девочек – в серой, в группах ГС и ВЖК сравнения – у мальчиков в белой, у девочек – в серой зоне; в области мелкой моторики в группах ПГГ и ГС – у всех детей в серой; в ВЖК сравнения – у всех детей в белой зоне развития. В познавательной области в ПГГ у мальчиков в серой, у девочек в белой зоне; в ГС и ВЖК сравнения результаты всех детей в белой зоне. В социальной сфере в группе ПГГ результаты всех детей в черной зоне, в ГС – у мальчиков в белой, у девочек в черной зоне, в ВЖК сравнения результаты мальчиков в белой, девочек – в серой зоне.

В 12 месяцев в области коммуникации во всех группах суммарные значения у всех детей были отнесены к белой зоне; в двигательном развитии в группе ПГГ результаты мальчиков в черной, девочек

– в серой зоне, в ГС результаты всех детей в серой зоне; в ВЖК сравнения результаты для всех в белой зоне; в мелкой моторике в ПГГ и ГС результаты мальчиков в серой, девочек – в черной зоне, в ВЖК сравнения – у всех детей в белой зоне. В познавательной области в группах ПГГ и ГС средние значения для всех детей в серой зоне, в ВЖК сравнения – в белой. В социальной сфере в ПГГ и ГС результаты всех детей в серой, в ВЖК сравнения – в белой зоне.

Таким образом, на основании родительской оценки дети всех исследовательских групп нуждались минимум в наблюдении и получении родителями рекомендаций в отношении их развития. Дети из групп ПГГ и ГС нуждались в проведении экспертной оценки развития и включения в программы ранней помощи.

1. Glascoe F.P. Screening for developmental and behavioral problems // Ment Retard Dev Disabil Res Rev. – 2005. – Vol. 11(3). – P. 173–179.
2. Schonhaut L., Maturana A., Cepeda O., Serón P. Predictive Validity of Developmental Screening Questionnaires for Identifying Children With Later Cognitive or Educational Difficulties: A Systematic Review // Front Pediatr. – 2021. – Vol. 24(9). – P. 698549.

Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда научных исследований (№ 18-013-01183) на тему «Комплексное изучение особенностей психического развития недоношенных детей младенческого возраста с внутрижелудочковыми кровоизлияниями и постгеморрагической гидроцефалией».

Особенности психологического состояния женщин, перенесших перинатальную утрату

Перинатальная утрата, материнство, родительство

Перинатальная утрата остается одной из самых тревожных и эмоционально значимых ситуаций, с которыми могут столкнуться женщины. Перинатальная утрата определяется как потеря ребенка до и во время родов или в первые 28 дней после рождения; она может быть вызвана различными причинами, включая аномалии развития плода, осложнения беременности, инфекции и другие медицинские факторы. Статистический мониторинг свидетельствует о том, что каждая пятая российская семья имеет опыт перинатальной утраты; по данным Всемирной организации здравоохранения более 2,6 миллиона преждевременно рожденных младенцев умирают в первые 28 дней своей жизни, а больше половины из них умирают в течение первых 24 часов после родов, и это лишь часть всего спектра проблем, связанных с перинатальной утратой [5]. В исследованиях было показано, что психологические последствия перинатальной утраты относятся к категории психологической травмы, влияют на эмоциональное состояние, психологическое благополучие и отношение с окружающими у женщин. После перинатальной утраты они могут испытывать чувство горя, вины, страха, а также сложности в принятии своих эмоций и переживаний [1, 2, 4]. Переживание потери ребенка в перинатальном периоде может сильно повлиять на представления женщины о себе как матери, приводить к переосмыслению своей родительской роли [3]. Целью настоящего исследования было изучение особенности психологического состояния женщин, перенесших перинатальную утрату. Выборка: 100 женщин, перенесших перинатальную утрату и 100 женщин без такого опыта. Методики: опросник Спилбергера-Ханина, опросник агрессивности Л.Г. Почебут, опросник депрессивных переживаний А. Бека, авторская анкета. Результаты: женщины с опытом перинатальной утраты демонстрируют более высокий уровень тревожности, депрессивных переживаний и агрессивных проявлений по сравнению с женщинами без такого опыта спустя полгода, год, два и более лет после потери; больший процент этих женщин находятся в разводе или проживают без партнера. Имеются различия в уровне эмоциональных переживаний и агрессивного поведения у женщин после перинатальной утраты в зависимости от срока потери: чем больше времени прошло с момента утраты, тем ниже у женщин уровень тревожности и депрессивных переживаний и выше проявления агрессивного поведения.

1. Заманаева Ю.В., Михайлов А.В. Тишина после родов и продолжение жизни: руководство по перинатальной психологии. – М.: StatusPraesens, 2023. – 168 с.
2. Hunter A., Tussis L., MacBeth A. The presence of anxiety, depression and stress in women and their partners during pregnancies following perinatal loss: a meta-analysis // *J Affect Disord.* – 2017. – Vol. 223. – P. 153–164.
3. James S. & Miller L. The Psychological Impact of Perinatal Loss on Women's Attitudes towards Motherhood // *Journal of Perinatal Psychology.* – 2019. – Vol. 31(4). – P. 213–225.
4. Sinorini S. & Collins L. The psychological impact of perinatal loss on women and their families // *Journal of Perinatal and Neonatal Nursing.* – 2020. – Vol. 34(2). – P. 89–97.
5. World Health Organization. Maternal, newborn, child and adolescent health: Preterm birth, 2022. Retrieved from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/preterm-birth>.

Проблема отказов от воспитания приемных детей в замещающих семьях

Приемные дети, замещающая семья, отказ, преждевременное прерывание

Введение. Проблема преждевременного прерывания воспитания приемных детей давно стала печальной, но неотъемлемой частью замещающей семейной заботы о детях-сиротах. Негативный опыт жизни в замещающей семье, заканчивающийся возвратом, оказывает на ребенка и всю его личную историю глубокое влияние [2; 3], а по разрушительности воздействия приравнивается к насилию [1]. Для повышения действенности профилактических мер, ориентированных на предотвращение отказов, психологическое сообщество нуждается в детальном обзоре научных исследований, проведенных в данной области. Цель исследования – выявить, проанализировать и систематизировать научные работы, посвященные проблеме отказа замещающих семей от воспитания приемных детей.

Методы. Применялись следующие методы: выявление, анализ, систематизация, обсуждение и обобщение результатов российских и зарубежных психологических исследований, направленных на изучение проблемы отказов замещающих семей от воспитания приемных детей, и опубликованных в научных работах.

Результаты. Основными направлениями исследований вторичных возвратов являются: изучение влияющих на отказ от продолжения воспитания особенностей приемных детей; анализ характеристик замещающих родителей и их семей; выявление специфики вероятных контактов приемного ребенка с его биологической семьей. К наиболее неблагоприятным особенностям приемных детей относят старший возраст при размещении в семье, эмоциональные (вспышки неконтролируемой агрессии) и поведенческие (экстернальное, деструктивное, антисоциальное, неподобающее сексуальное поведение) нарушения, сложные медицинские потребности, а также неспособность устанавливать отношения привязанности. Среди характеристик замещающих родителей, являющихся факторами риска по возвратам, выделяют наличие патологических личностных черт, низкую готовность к приему, отсутствие понимания детских потребностей, неумение управлять проблемным поведением воспитанников, конфликтные отношения со специалистами сопровождения, общая дисфункциональность семейной системы замещающей семьи и др. Влияние биологической семьи также может выступать в качестве фактора, катализирующего деструктивные процессы в замещающей семье, что в итоге приводит к возврату, особенно в тех случаях, когда кровные родственники интенсивно вмешиваются в жизнь. В результате повторного выстраивания контактов с ними воспроизводится дезадаптивная модель взаимодействия, что имеет отрицательный эффект, однако поддержание связи с биологической семьей зачастую несет в себе для приемных детей жизненно важный смысл.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать выводы о важности глубокого понимания широкого спектра факторов риска, приводящих замещающую семью к преждевременному прерыванию воспитания приемных детей, а также о необходимости разработки и реализации на практике научно обоснованных программ психологического сопровождения, ориентированных на формирование качественной и стабильной заботы о детях, помещенных в замещающие семьи.

1. Рамих А.А. Феномен «вторичное сиротство» как одна из форм психологического насилия над ребенком // Социальная работа в области защиты детей в России и Германии: современное состояние и перспективы развития: Сб. материалов Международной научно-практической конференции в рамках III Международного фестиваля науки. – М.: МГОУ, 2018. – С. 48–53.
2. Harkin C., Houston S. Reviewing the Literature on the Breakdown of Foster Care Placements for Young People: Complexity and the Social Work Task // Child Care in Practice. – 2016. – 22(2). – P. 98–112.
3. Khoo E., Skoog V. The road to placement breakdown: Foster parents' experiences of the events surrounding the unexpected ending of a child's placement in their care // Qualitative Social Work. – 2014. – 13(2). – P. 255–269.

Особенности эмоциональной сферы и самооценки нормотипичных детей в интегративных группах детского сада

Дети, дошкольный возраст, самооценка, тревожность, эмоциональная сфера, эмоциональное состояние, инклюзивная среда, интегративный детский сад

На данный момент в Российской Федерации сохраняется тенденция к развитию инклюзивного образования, в том числе это касается дошкольных учреждений. По данным Минпросвещения России, в 2020 году в стране насчитывалось уже более 8 тысяч инклюзивных детских садов, что составляет 21,8% от общего числа дошкольных учреждений [3].

Дошкольный возраст, в свою очередь, является одним из важных этапов в развитии самооценки и эмоциональной сферы. И то, и другое во многом формируется под воздействием социальной среды. Для детей этого возраста характерно, что они всё больше вовлекаются в общение и игру со своими сверстниками, такая тенденция сохраняется и в группах детского сада [1]. Однако, несмотря на раннее обозначенное увеличение количества инклюзивных детских садов, всё ещё сохраняется неравномерность в количестве исследований, изучающих детей с особенностями развития по сравнению с нормотипичными детьми, участвующими в интегративных группах [2]. Работ, посвящённых детям с особенностями развития, на российской выборке значительно больше.

Исходя из этого, данное исследование ставит своей целью рассмотрение особенностей эмоциональной сферы и самооценки у нормотипичных детей из интегративной группы детского сада.

В рамках исследования были выбраны дети дошкольного возраста от 5 до 7 лет. Участники экспериментальной группы с полной интеграцией посещают Санкт-Петербургский детский сад № 41 «Центр интегративного воспитания». Контрольная группа состоит из детей, которые посещают детский сад № 17, где не реализуются программы инклюзивного образования. Всего в данной работе приняли участие 74 ребёнка, 43 из группы без интеграции и 31 из интегративной группы. Методы исследования: тест тревожности (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки, адаптация М. А. Панфиловой, 2000), методика самооценки детей «Лесенка» (автор модификации В. Г. Щур), методика «Рисунок человека» (К. Маховер, 1996).

По результатам исследования было обнаружено, что дети, которые посещают интегративную группу детского сада, оценивают себя выше, по сравнению с детьми из неинтегративной группы. По показателям тревожности и эмоционального фона не было обнаружено статистически значимых различий между группами. Полученные данные позволяют расширить знания об особенностях нормотипичных детей в программах инклюзивного образования.

1. Карелина И.О. Развитие эмоциональной сферы детей в дошкольной образовательной организации. – 2017.
2. Пасторова А.Ю. Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.
3. Фальковская Л.П. Стратегия развития инклюзивного образования в Российской Федерации // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 октября 2021 г.). – 2021. – С. 9.

Характеристики развития детей на основе шкалы RCDI-2000

Развитие ребенка, оценка развития, понимание речи, развитие познания, эмоциональное состояние матери

Вопросы раннего развития детей становятся все более актуальными для родителей, и первые 2–3 года жизни имеет огромное значение для развития ребенка [4]. Влияние особенностей матери на развитие ребенка, психологическое взаимодействие диады занимает особую роль в жизни ребенка [3]. При депрессивном состоянии матери во время беременности для родившегося ребенка характерны более низкие значения по двигательному и познавательному развитию. При тревожном состоянии матери для ребенка характерны более низкие значения по развитию языковых способностей и общему показателю психического развития ребенка. Авторы пришли к выводу, что чем более позитивное отношение матери к ребенку, тем лучше показатели психического развития ребенка [1; 2].

Гипотеза: показатели развития ребенка взаимосвязаны с состоянием психического здоровья матери.

Выборка: в исследовании приняли участие биологические матери (N = 60), возраст матерей M(SD) = 31,18(4,6) года. Возраст детей 32,5(7,3) месяцев (24 девочек, 36 мальчиков).

Методы исследования: «Шкала депрессии Бэка» (BDI-II; Beck et al., 1996) для измерения эмоциональных переживаний матерей; шкала оценки тревоги и стресса (Depression Anxiety and Stress Scale, DASS-21) С. Ловибонда и П. Ловибонда (1995); RCDI-2000, разработанный Г. Айртоном (США) для оценки развития детей от 16 месяцев до 3,5 года, который включает 216 пунктов, распределенных по 6 областям: социальная, самообслуживание, крупные движения, тонкие движения, развитие речи, понимание языка. Оценка развития детей проводилась матерями.

Математическая обработка проводилась при помощи программы SPSS-28.0.

Результаты исследования. Корреляционный анализ выявил связи между показателями депрессивного состояния, тревожности и стресса. Была выявлена корреляционная связь между уровнями выраженных проявлений депрессии, стресса, тревоги у матери и показателями развития ребенка. Чем выше уровень показателей эмоционального переживания у матери, тем ниже такие показатели развития как «самообслуживание», «крупная и тонкая моторика» и «понимание языка» ($p < 0,05$). Чем старше возраст матери, тем ниже показатели развития «крупной моторики» ($p = 0,19$) и «понимание языка» у ребенка ($p = 0,33$). Чем больше возраст ребенка, тем выше у него показатель развития речи ($p < 0,01$) и понимания языка ($p < 0,01$).

Таким образом, результаты исследования поддерживают научную гипотезу о связи психического здоровья матерей и показателей развития детей, что согласуется с данными предыдущих исследований зарубежных и российских авторов [4; 3; 2].

1. Деева А.А., Савенышева С.С., Влияние отношения женщины к ребенку в период беременности и после родов на психическое развитие младенца, 2022.
2. Клейменова М.В. Формирование и развитие связной речи детей с задержкой психического развития дошкольного возраста, 2018.
3. Мухамедрахимов Р.Ж., Мать и младенец. Психологическое взаимодействие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
4. Eunsoo Timothy Kim et. al., Correlates of early stimulation activities among mothers of children under age two in Siaya County, Kenya: Maternal mental health and other maternal, child, and household factors, 2021.

Стратегии построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детском возрасте

Сексуализированное насилие в детстве, эмоциональная связь во взрослом возрасте, стиль эмоциональной связи, стратегии построения близких отношений

По определению Американской ассоциации психиатров сексуализированное насилие над ребенком – это любое действие сексуального характера с участием ребенка, совершаемое взрослым и направленное на собственное сексуальное удовлетворение [1]. По данным ВОЗ (2022) каждая 5-я женщина и каждый 13-й мужчина переживали сексуализированное насилие в детстве [2].

Цель исследования – изучение стратегий построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детском возрасте.

В исследовании приняли участие 78 женщин, средний возраст $33 \pm 8,13$ года. Выборка была разделена на две группы, на основании наличия или отсутствия опыта сексуализированного насилия. Для разделения была использована шкала «сексуальное злоупотребление» Международного опросника неблагоприятного детского опыта (НДО).

Для изучения и сравнения наличия неблагоприятного детского опыта, базисных убеждений, характеристик эмоциональной связи с близкими людьми, стратегий построения близких отношений, а также их взаимосвязи, в группах взрослых, переживших опыт сексуализированного насилия в детстве и не имеющих подобного опыта, были использованы следующие методики: Международный опросник неблагоприятного детского опыта (Adverse Childhood Experience International Questionnaire, WHO ACE-IQ, 2019), Шкала базисных убеждений в адаптации Падун М.А и Котельниковой А.В. (2008), Опросник эмоциональной связи с близкими людьми (Сабельникова, Каширский, 2015).

Для обработки результатов использовались методы математической статистики: сравнительный, корреляционный и контент-анализ.

Результаты исследования: были выделены категории представлений о стратегиях близких отношений, встречающиеся в нарративах взрослых. В описании значимых отношений взрослые с опытом сексуализированного насилия в детстве достоверно реже планируют будущее и акцентируют внимание на актуальных отношениях; чаще объективизируют отношения, себя и партнера; они менее способны к идентификации чувств и границ как собственных, так и другого, в сравнении со взрослыми, не имеющими подобного опыта. При этом, чем больше эпизодов сексуализированного насилия, эмоционального пренебрежения и эмоционального насилия, а также общего злоупотребления они отмечают, тем более объективизированы их описания отношений и тем меньшую способность к идентификации чувств и ситуаций они продемонстрировали. Наличие взаимосвязей между опытом сексуализированного насилия, объективизацией, неспособностью к идентификации чувств и границ, сочетающееся с пассивностью и сфокусированностью на прошлом без выстраивания будущих перспектив, позволило определить стратегию построения близких отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве, как стратегию эксплуатируемого.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практической деятельности специалистов, работающих с этой категорией клиентов, а также для написания программ по реабилитации и улучшению качества межличностных отношений у взрослых, переживших сексуализированное насилие в детстве.

1. Lahav Y., Elklit A. The cycle of healing-dissociation and attachment during treatment of CSA survivors // Child abuse & neglect. – 2016. – Т. 60. – С. 67–76.
2. Kim J. et al. Childhood Sexual Abuse and Cortical Thinning in Adults With Major Depressive Disorder // Psychiatry Investigation. – 2023. – Т. 20, №. 3. – С. 255–261.

Супервизия как инструмент профилактики эмоционального выгорания психологов

Супервизия, выгорание, этика, безопасность

В своей повседневной работе психолог сталкивается с амплитудными эмоциями клиентов: с их болью, травматичным опытом, антивитальными переживаниями, что не может не вызывать собственных переживаний у консультанта.

Регулярное столкновение с негативными переживаниями, сложные контрпереносные реакции во взаимоотношениях с клиентами могут приводить к эмоциональному выгоранию психологов.

Синдром выгорания относится к числу феноменов личностной деформации и представляет собой многомерный конструкт, набор негативных психологических переживаний, связанных с продолжительными и интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися высокой эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью. Это ответная реакция на продолжительные стрессы межличностных коммуникаций [1].

Психолог часто в первую очередь нуждается в поддержке, валидации собственных сложных эмоций, отреагировании тяжелых переживаний.

Большинству наших коллег известны такие формы помощи, как супервизия, группа поддержки, балинтовская группа, собственная индивидуальная терапия.

Часто первым человеком, к кому обращается психолог, становится супервизор.

Однако роль и функции супервизии нередко представляются искаженно.

Накопленный профессиональный опыт позволяет говорить о том, что встречаются сильные перекосы в сторону несоблюдения условий безопасности супервизии. Коллеги нередко делятся кейсами, когда после супервизии им становилось хуже. Или они сталкивались с критикой, оценками и «не помнят, как обсуждался случай», «жалуют, что рассказали лишнее».

СУПЕРВИЗИЯ – один из методов подготовки и повышения квалификации в области психотерапии, форма консультирования психотерапевта в ходе проведения психотерапевтического случая более опытным, специально подготовленной коллегой, позволяющая психотерапевту (супервизируемому) систематически видеть, осознавать, понимать и анализировать свои профессиональные действия и свое профессиональное поведение [2].

Функциональная интерактивная модель супервизии Проктора выделяет дидактическую, поддерживающую и менеджерскую функции, где поддерживающая функция направлена на эмоциональные аспекты работы с пациентами и позволяет оценить эмоциональный и когнитивный ответ на профессиональные моменты. А также учитывает нарциссическую ранимость ученика и создает безопасную обстановку сеттинга в супервизии [3].

Таким образом, если супервизор большее внимание уделяет качеству работы психолога, делает акцент на менеджерской или дидактической функции, и не уделяет достаточного внимания формированию безопасной среды и поддержке психолога, психолог лишается возможности отреагировать и осмыслить сложный эмоциональный опыт взаимоотношений с клиентом.

В.В. Винокур, президент Балинтовской Ассоциации (Россия), после балинтовской супервизии часто спрашивает референта: «стало ли легче», «получилось ли что-то новое услышать, понять про клиента». Это и является результатом супервизии.

В супервизии также важны этические принципы, такие как уважение прав и достоинств личности, принцип компетентности, ответственности и честности.

Инструментами, обеспечивающими безопасность супервизии являются:

- соблюдение границ;
- соблюдение технологии работы;
- выбор фокусов супервизии;
- корректировка запроса и работа в рамках запроса.

Таким образом, соблюдение принципов супервизии, следование профессиональным целям, фокус на помощи и поддержке психолога помогают супервизии быть важным инструментом профилактики эмоционального выгорания у психологов.

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания, 2008.
2. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия, 1999.
3. Кулаков С.А. Супервизия в психотерапии: Учебное пособие для супервизоров и супервизантов. 4-е издание // Издательские решения. – 2022. – 240 с.

Динамика показателей психического здоровья матери от периода беременности до периода раннего детства ребенка в ситуации глобального стресса

Показатели психического здоровья матери, глобальный стресс, воспринимаемый стресс, динамика показателей психического здоровья

В данном исследовании изучалось психическое здоровье женщин во время беременности, в младенческом и раннем возрасте их детей и динамика этих показателей в период глобальных социально-экономических изменений [1–5]. Это лонгитюдное исследование. В первом этапе (во время беременности, 75% на третьем триместре) приняли участие 383 женщины, во втором этапе (в течение месяца после рождения ребенка, из этой группы) – 236 женщин, в третьем этапе (в возрасте 4–6 месяцев ребенка) – 112 женщин, в четвертом этапе (в возрасте 1,5–3,5 года ребенка) – 24 женщины. Оценивались: на 1 этапе показатели психического здоровья беременных женщин (опросник Т. Ахенбаха для взрослых), на 2 этапе – оценка женщиной своих родов (телефонное интервью), на 3 этапе – показатели психического здоровья беременных женщин (опросник Т. Ахенбаха для взрослых), на 4 этапе – показатели психического здоровья беременных женщин (опросник Т. Ахенбаха для взрослых) и показатели воспринимаемого стресса (опросник ШВС-10 в адаптации Абабкова В.А.). Обработка данных: описательные статистики, сравнение средних значений по t-критерию, сравнение рангов по Хи-квадрату Фридмана, корреляционный анализ, регрессионный анализ.

Результаты: анализ с использованием критерия хи-квадрат показал, что отношения с партнером помогают женщинам значительно лучше адаптироваться к трудностям во время беременности, чем в раннем возрасте ребенка. Женщины во время беременности чаще сталкиваются с проблемами с вниманием, чем в первый год жизни ребенка. Женщины чаще сталкиваются с соматическими проблемами и с DSM-ассоциированными соматическими расстройствами спустя 1,5–3,5 года после родов, нежели в первый год жизни ребенка. Корреляционный анализ показал, что более высокий общий уровень воспринимаемого стресса положительно связан с более высоким уровнем тревожности/депрессивности, тревожными и депрессивными расстройствами. Более высокий уровень перенапряжения положительно связан с более высоким уровнем агрессии, тревожности/депрессивности, СДВГ, тревожными и депрессивными расстройствами. Более высокий уровень противодействия стрессу положительно связан с более высоким уровнем тревожности/депрессивности и депрессивными расстройствами.

Регрессионный анализ показал, что такие показатели психического здоровья женщин во время беременности, как тревожность/депрессивность, замкнутость, соматические проблемы, агрессивность и делинквентное поведение являются предикторами этих же показателей психического здоровья женщин, но уже в младенческом возрасте их детей.

1. Аникина В.О., Коротких Н., Аринкина И.А. Влияние характеристик психического здоровья у женщин, беременных в период пандемии, на исход и оценку родов, а также здоровье их детей // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-2. – С. 358–362
2. Аникина В.О., Савеньшева С.С., Блох М.Е. Психическое здоровье женщин в период беременности в условиях пандемии коронавируса COVID-19: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 70–78.
3. Блох М.Е., Аникина В.О., Савеньшева С.С. Стресс беременных и особенности протекания родов на фоне пандемии COVID-19 // Журнал акушерства и женских болезней. – 2021. – Т. 70, № 6. – С. 25–32.
4. Савеньшева С.С., Аникина В.О., Блох М.Е. Психическое здоровье и отношение к беременности и ребенку у беременных женщин в период пандемии коронавируса COVID-19 // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-1. – С. 398–401.
5. Wu Y. et al. Perinatal depressive and anxiety symptoms of pregnant women during the coronavirus disease 2019 outbreak in China // American Journal of Obstetrics and Gynecology. – 2020. – V. 223. – P. 9.

Исследование было начато в рамках грантов РФФИ № 20-04-60386, № 20-013-00859.

Взаимосвязь типов привязанности, стилей детско-родительских отношений и склонности к девиантному поведению у подростков

Подростки, девиантное поведение, отношения с родителями, стили детско-родительских отношений

Описывая подростковый период, как кризисный, Л.С. Выготский выделял стремление к самостоятельности и отделению от взрослых, как одно из ведущих для данного возраста [2].

По Е.В. Змановской, девиантное поведение – это действия, которые не соответствуют сложившимся в обществе ожиданиям и установленным социальным нормам. Такое поведение характеризуется направленностью на нанесение ущерба как самой личности, так и окружающим людям [4].

На развитие личности ребенка оказывают влияние особенности детско-родительских отношений, поведенческие стереотипы общения родителей с ребенком [3], а также особенности привязанности с близким взрослым [1].

Многие исследователи, изучающие взаимоотношения в семье, подчеркивают, что эти аспекты жизни могут оказывать значительное влияние на развитие девиантного поведения у подростков. На протяжении всей истории психологической науки актуальность данной проблематики остается неизменной в связи с тем, что внутрисемейные отношения играют важную роль в формировании личности ребенка [5].

Целью исследования стало определение взаимосвязи между типами отношений с родителями, стилями детско-родительских отношений и склонностью к девиантному поведению у подростков.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что между типами отношений с родителями, стилями детско-родительских отношений и склонностью к девиантному поведению у подростков существует взаимосвязь.

В работе был использован психодиагностический метод исследования, включающий в себя следующие методики: опросник «Особенности привязанности в детско-родительских отношениях» М.В. Яремчук для определения типов отношений с родителями; опросник «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леуса; опросник «Подростки о родителях» Л.И. Вассермана.

Исследование проводилось с участием 37 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, проходящих на момент исследования обучение в СОШ имени Александра Невского и МБОУ Лицей № 21 г. Курска, группу со склонностью к девиантному поведению составило 20 человек, группу без склонности к девиантному поведению – 17 человек.

При выявлении различий в типах отношений с родителями среди подростков со склонностью к девиантному поведению и его отсутствием, были выявлены различия на высоком уровне статистической значимости ($p\text{-level} = 0,00005$), в группе подростков со склонностью к девиантному поведению: надежный тип отношений с родителями встречается у 25%, тревожный тип отношений у 45%, избегающий тип отношений у 35% испытуемых. В то время как среди подростков, несклонных к девиантному поведению, надежный тип отношений с родителями встречается у 100% испытуемых.

Были выявлены статистически значимые различия в параметре позитивного интереса ($p\text{-level} = 0,000038$). Это может быть обусловлено тем, что при данном типе воспитания подростки испытывают психологическое принятие со стороны родителей, что снижает их вероятность оказаться под влиянием девиантных групп.

Обнаруженные статистически значимые различия в параметрах враждебности ($p\text{-level} = 0,000011$) и непоследовательности ($p\text{-level} = 0,000607$), что может свидетельствовать о том, что данные типы воспитания не позволяют подростку получить достаточного внимания и поддержки от родителей, что повышает вероятность склонности к принятию неприемлемых поведенческих моделей и экспериментированию с рискованными и деструктивными действиями.

Таким образом, полученные результаты указывают на взаимосвязь между типами отношений с родителями, стилями детско-родительских отношений и склонностью к девиантному поведению у подростков.

1. Боулби Дж. Привязанность. – М.: Гардарики, 2003. – С. 477.
2. Выготский Л.С. Педология подростка. – М.: Мысль, 2014. – С. 224.
3. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения. – М.: Промедиа, 1986. – С. 29.
4. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 288.
5. Конончук Ю.О. Исследование факторов риска формирования девиантного поведения у подростков// Сборник трудов конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 218–223.

Эмоциональное состояние и родительские компетенции участников родительских групп

Родительство, родительские компетенции, эмоциональное состояние

В современном мире институт семьи меняется, но остается одним из главных факторов эмоционального благополучия человека. Детско-родительские отношения оказывают значительное воздействие на эмоциональное состояние детей, а также влияют на их эмоциональную компетентность [2]. Трудности в эмоциональной сфере, возникающие у детей, исследователи связывают с нарушениями раннего эмоционального взаимодействия с матерью. На эмоциональное состояние детей влияют такие факторы, как фрустрация потребности в заботе и привязанности, отсутствие последовательных требований, нестабильная система поощрения и наказания, а также необоснованные запреты. Эмоциональное состояние детей лучше, когда родители чувствительны и поддерживают их [4]. Родительство в современных обществах становится «профессиональным», то есть требующим особых компетенций. Отсутствие родительских компетенций приводит к трудностям в установлении здоровых отношений в семье и в формировании у ребенка адекватных поведенческих навыков, а также стабильного эмоционального состояния [3]. Родительская компетентность представляет собою сложноорганизованный феномен, состоящий из когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Эмоциональное регулирование – один из ключевых компонентов родительской компетентности. Родители с лучшими навыками регулирования эмоций более склонны к позитивному родительскому поведению [5]. Родители, которые испытывают большие трудности с регулированием эмоций, как правило, менее дружелюбны по отношению к своим детям. Матери, имеющие глубокое понимание этапов и особенностей развития детей, лучше справляются со взаимодействием со своими детьми, что влияет на методы воспитания и качество взаимодействия между родителем и ребенком [1].

Целью нашего исследования является эмоциональное состояние и родительские компетенции матерей, которые посещают родительские группы. В исследовании планируется участие не менее 40 матерей. Возраст матерей от 28 до 45 лет. Исследование будет проводиться на базе НКО «Азбука семьи» среди участников родительских групп. С помощью диагностических методов мы будем оценивать эмоциональное состояние матерей и характеристики их родительских компетенций. Участники исследования будут набираться из числа родителей, заявивших о своем участии в родительских группах по программе «Азбука счастливой семьи». Всем респондентам-родителям будет предложено заполнить: информированное согласие; социально-демографическую анкету; опросник Т. Ахенбаха для взрослых (ASEBA); методику незаконченных ситуаций Н.Д. Михеевой; опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия Захаровой Е.И. Анкетирование родителей будет проходить онлайн в гугл-форме перед стартом занятий в группе.

1. Аникина В.О., Пшонова К.А. Взаимосвязь родительских компетенций, эмоционального состояния и уровня родительского стресса матерей детей дошкольного и младшего школьного возраста // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, №. 6. – С. 49.
2. Савеньшева С.С., Смирнова Н.Н. Эмоциональная компетентность дошкольника и детско-родительские отношения // Психолого-педагогический поиск. – 2020. – №. 1. – С. 53.
3. Тратинко Т.В. Родительская компетентность как детерминант формирования личностных особенностей ребенка // Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике: материалы II Междунар. науч.-практ. фестиваля, Минск, 17 нояб. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Н.Н. Красовская (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 314–322.
4. Lanjekar P.D. et al. The effect of parenting and the parent-Child relationship on a Child's cognitive development: a literature review // Cureus. – 2022. – Т. 14, №. 10.
5. Savaglio M., Yap M.B., O'Donnell R. & Skouteris H. Targeted community-based programmes for children's mental health: A systematic review and meta-analysis of the Australian literature // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. – 2023. – 57(2). – P. 197–212.

К вопросу о подготовке волонтеров

Волонтерская деятельность, реципиенты помощи, дети, оставшиеся без родительского попечения, ретравматизация

Активный рост волонтерского движения в последние годы [3] требует дальнейшего психологического анализа этого феномена. Существующие исследования направлены, в основном, на изучение особенностей личности, мотивационной сферы волонтеров.

Во многом рост активности в волонтерской деятельности, особенно в области социального волонтерства, связан с популярными мифами. Волонтерство воспринимается, как априорное благо для получателей помощи и самих волонтеров. Существует представление о волонтерстве как пути самоисцеления, так, программа «12 шагов» рекомендует волонтерскую деятельность, «житейская психотерапия» рекомендует волонтерство для родителей, потерявших своего ребенка, волонтерство рассматривается как профилактика девиантного поведения подростков и т.п. Можно встретить высказывания о том, что благотворительность и волонтерство могут избавить человека от психологических проблем и дать старт для развития личности.

Есть неявное предположение, что самоисцеление наступит в результате отношений с людьми – реципиентами помощи, и так находящимися в уязвимом положении, т.к. суть социального волонтерства – в отношениях с получателями помощи [3].

Исследования влияния волонтерской помощи на реципиентов помощи, авторами не были обнаружены.

Еще одна сложность волонтерского движения связана с определением волонтерства, как добровольного участия. «Волонтер не является бесплатной рабочей силой, волонтер свободен, сила волонтера – в его свободе» [1, 3]. Однако волонтерская деятельность требует высокого уровня дисциплины и принятия на себя обязательств, многие из которых связаны с неприятными или тяжелыми переживаниями. Как следствие, среди волонтеров высок уровень эмоционального выгорания, разочарования.

Мысль о том, что необходима не только подготовка, но и сопровождение волонтеров, уже стала популярной. В методической литературе подготовка описывается как ознакомление с особенностями целевой группы (сироты, старики, жертвы стихийных бедствий и т.п.) и необходимым инструктажем по роду самой деятельности (например, правила поведения в больнице, в хосписе и т.п.). Эмоционально-волевая сфера самого волонтера, его модели построения отношений, этические установки часто не получают достаточной психологической поддержки.

Собственный опыт авторов в наблюдениях за поведением волонтеров в детских учреждениях закрытого типа позволяет сформулировать предположение, что без входящей психологической диагностики [2] и адекватного выбора соответствующего возможностям рода волонтерской деятельности, без специализированной подготовки и сопровождения существует опасность ретравматизации у реципиентов помощи. Авторы предполагают также, что суждение об эффективности подготовки и последующей деятельности волонтеров возможно после проведения психологического исследования ответной реакции получателей помощи (в нашем случае, детей, оставшихся без родительского попечения и находящихся в учреждениях).

Авторами было проведено предварительное исследование гипотезы о том, что подготовка волонтеров в форме тренинга самоопределения делает их отношения с реципиентами помощи более безопасными для последних. Исследование проводилось на базе волонтерской организации, работающей с детьми-сиротами в закрытых учреждениях. Использовались методы включенного наблюдения и анализа деятельности во время проведения четырех циклов тренинга. Тренинг самоопределения показал свою эффективность: у участников отмечалось появление более бережного отношения к себе и реципиенту помощи, формирование более безопасных организационных решений, формирование поддерживающей команды, рост активности.

1. Давидян Д.С., Иванова Е.А., Кутняков В.П., Левит А.К., Рюмин А.Р., Скрипникова Я.А. Настольная книга тренера в волонтерской деятельности. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2022. – 150 с.

2. Комплексное исследование личности волонтера: практикум / сост. О.А. Бокова, Ю.А. Мельникова. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – 112 с.
3. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / А.П. Метелев, Ю.С. Белановский, Н.И. Горлова и др.; отв. ред. И.В. Мерсиянова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 456 с.

Карпинская В.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ,
ООО «Научно-методический центр «Сова-Нянька»,

Поликутина О.С.
Санкт-Петербург, ОМР ДПО 37 Красносельского района,
ООО «Научно-методический центр «Сова-Нянька»

Совместная работа персонала поликлиники и родителей в зале сенсомоторной интеграции «Дом Совы» при реабилитации детей раннего возраста (клинический случай)

Реабилитация детей, подвесное оборудование, когнитивное развитие, роль матери

В современной когнитивной науке развитие психических функций немислимо в отрыве от двигательной активности [1, 2]. Занятия лечебной физкультурой, проводимые в «Доме Совы», служат не только методом физической, но и психологической реабилитации. Подвесное оборудование практически единственный способ безопасно и эффективно работать с вестибулярной системой в раннем возрасте. Наладить контакт с ребенком так, чтобы он активно выполнял требования инструктора довольно сложно. Включение в занятия мамы и проведение совместной работы в парах ребенок – мама позволяет решить данную проблему. Особую роль включение мамы играет при работе с подвесным оборудованием: неустойчивые поверхности могут стать источником страха или удовольствия на занятии в зависимости от того, насколько активно вовлечена в процесс мама. Анализ больших групп вести сложно в связи с различием диагнозов, мы анализируем клинический случай – результаты реабилитации недоношенного ребенка с двигательными расстройствами и задержкой речевого развития. Все занятия лечебной физкультурой проводились в сопровождении мамы на подвесном оборудовании и неустойчивых поверхностях, специалистом с высшим психологическим и средним специальным образованием. Работа проведена на базе городской поликлиники 106, детское отделение № 37 Красносельского района г. Санкт-Петербург. Мальчик, 1 год 4 мес. Ребенок от первой беременности, протекавшей с осложнениями – угроза прерывания 8/9 недель, 32 нед., нарушение плацентарного кровотока. Роды преждевременные. Кесарево сечение, срок гестации – 34 нед., оценка по шкале Апгар 7/8. Наблюдается у невролога с диагнозом: перинатальное поражение центральной нервной системы, синдром мышечной дистонии, недоношенность 34 нед. Речь лепетная. Логопедический статус: формируется отобразительная игра, навыки соответствуют возрасту 9 месяцев, внимание неустойчивое, слабой концентрации. Диагноз: задержка речевого развития. Жалобы: ребенок самостоятельно не ходит, не говорит, беспокойно спит, не играет самостоятельно.

Программа лечения: физиотерапевтическое лечение, массаж, занятие с логопедом-дефектологом – 6 занятий. Групповая и индивидуальная работа в сенсорно-динамическом зале по методу сенсомоторной интеграции «Совопрактика» вместе с мамой два раза в неделю, всего 8 занятий.

Метод. Сравнивались результаты до и после курса занятий. Оценивались стандартные показатели прогресса в физическом развитии (сила мышц спины, конечностей), речь, проводилась беседа с мамой относительно изменений в поведении ребенка.

Результаты. После лечения отмечается положительная динамика со стороны моторной сферы: улучшение мышечного тонуса, показатели силы мышц спины и живота выросли на 4-6 секунд (удержание положения); движения стали увереннее, точнее: собирает пирамидку, строит башню из кубиков; самостоятельно стоит, ходит.

Речь стала активнее, использует больше звуков, начинает говорить первые слова.

Со слов мамы ребенок стал легко засыпать, с ним стало проще договориться, способен играть самостоятельно 3–40 минут.

Заключение. Мы полагаем, что результаты были достигнуты благодаря двум важнейшим составляющим: использование специализированного подвесного оборудования, благодаря чему ребенок получает дополнительную информацию от проприоцептивной, тактильной и вестибулярной систем, что позволяет лучше понять свое тело; работа в паре ребенок-мама под руководством инструктора, что позволяет укрепить контакт ребенка и родителя в совместной деятельности, снизить беспокойство ребенка, быть активнее.

Мы полагаем, что существенный вклад в психологическую составляющую реабилитации внесли именно занятия в «Доме Совы», поскольку остальные формы воздействия были направлены строго на физическую реабилитацию.

1. Карпинская В.Ю. Когнитивная психомоторика. Когнитивное развитие в действии: Монография / В.Ю. Карпинская. – М.: Знание-М, 2024.
2. Сергиенко Е.А. Революция в когнитивной психологии развития. Российский психологический журнал. – 2005. – 2 (2). – С. 44–60.

Использование международных шкал оценки семейно-центрированности в работе службы ранней помощи

Семейно-центрированность, ранняя помощь, шкала, функциональный подход

Актуальность проблемы. Методы оценки эффективности работы служб ранней помощи в России переживают процесс становления. Первоочередную важность имеет оценка соответствия услуг ранней помощи современным принципам, зафиксированным в российском законодательстве: семейно-центрированности, функциональной направленности, командной работы специалистов и семьи [1, 2]. В то же время международный опыт приоритетной целью организации раннего вмешательства выделяет именно повышение уровня компетенций и уверенности в себе важных для ребенка взрослых [5].

Для воплощения этих целей и принципов требуется эволюция программ и методов раннего вмешательства и мышления специалистов, признания новых ролей семьи и команды специалистов в развитии ребенка. Общая установка на создание средовых контекстов, в которых задействован и участвует ребенок, будет работать на происходящие в ребенке и семье перемены [5]. Подобные трансформации должны сопровождаться своевременным профессиональным обучением профильных специалистов и использованием валидных инструментов мониторинга качества взаимодействия семей и служб ранней помощи.

Проведенное исследование позволило оценить возможности нового для России инструментария (Шкалы «Family FINESSE» [3] и «Implementing Evidence-Based Practices in Natural and Inclusive Environments for Children Birth to Age 3» [4]).

Основные выводы. Результаты исследования подтверждают, что в настоящий момент родители, участвующие в одной из программ ранней помощи, недостаточно информированы в вопросах значимости участия ребенка в повседневных делах. Выявлена невысокая готовность родителей самостоятельно определять направления и приоритеты в работе по развитию ребенка. Родители предпочитают остановиться больше на помощи ребенку, без эмоциональной и информационной поддержки, сообщают, что не готовы обсуждать долгосрочные изменения в укладе жизни всех членов семьи.

В то же время семьи хотят обсуждать и вместе со специалистом искать решения трудностей, с которыми сталкиваются. Родители настроены на изменение повседневной жизни, на включение навыков в повседневную жизнь ребенка и семьи. Семьи высоко оценивают важность и наличие связи целей работы с изменениями участия ребенка в повседневных делах. Также важным для родителей является обсуждение прогресса ребенка.

Полученные данные подтверждают, что специалисты вовлекают родителей в командную работу над совместно поставленными целями, касающимися ежедневных рутин по уходу за ребенком и его развитию. Важно продолжать формировать представления родителей о том, что в действительности приводит к присвоению ребенком новых навыков, значимости организации повседневной жизни семьи.

1. Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью, в том числе детей с инвалидностью, на период до 2025 года (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2021 г. № 3711-р) [Электронный ресурс]. – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/kontcepsia>
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. N 651-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312250054>
3. Family FINESSE – Family Experience With Families in Natural Environments Scale of Service Evaluation, R.A. McWilliam, Siskin Children’s Institute, Chattanooga, Tennessee, USA, 2015 [Электронный ресурс]. – URL: https://eicio.ua.edu/uploads/1/1/0/1/110192129/family_finesse_english.pdf
4. Implementing Evidence-Based Practices in Natural and Inclusive Environments for Children Birth to Age 3 (based in Family FINESSE), Sue Bainter, Cindy Hankey, R.A. McWilliam – Department of Education, Nebraska, USA, 2014 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.education.ne.gov/wp-content/uploads/2017/07/HB20Self_Assess_July202014.pdf
5. McWilliam R.A. Metanoia in Early Intervention: Transformation to a Family-Centered Approach // Revista Latinoamericana de Educación Inclusiva. RINACE. – 2016. – Vol. 10 (1). – P. 1552–173. – URL: https://www.rinace.net/rlei/numeros/vol10-num1/art6_eng.pdf

Диагностические возможности и ограничения теста Bayley-III при оценке развития детей, родившихся до срока

Нейропсихическое развитие, недоношенные дети, экстремально низкая масса тела при рождении (ЭНМТ), шкалы Bayley-III

Сегодня одним из общепризнанных в мире и широко используемых экспертных методов оценки нейропсихического развития является методика Bayley-III (The Bayley Scales of Infant and Toddler Development—Third Edition, Bayley N.; 2006). Вместе с тем, данные об эффективности/ достоверности данной методики и ее прогностической значимости неоднородны. Инструмент пока ещё не прошёл процедуру стандартизации на российской выборке детей, в том числе недоношенных, поэтому опыт изучения его диагностических возможностей и ограничений представляется значимым. В исследовании, включившем 207 доношенных детей (в возрасте от 12 до 42 месяцев), доказательства конвергентной достоверности были получены на основе корреляций шкалы Bayley-III со шкалой развития моторики PDMS-2 (Peabody Developmental Motor Scales-2; Folio & Fewell, 2000) [2]. Факторный анализ показал, что один компонент объясняет 86% дисперсии. Bayley-III продемонстрировал хорошую внутреннюю согласованность с коэффициентами альфа, превышающими или равными 0,90 и стабильностью только для шкалы мелкой моторики [2]. Изучены возможности шкалы Bayley-III для последующего прогнозирования интеллекта на выборке детей с экстремально низкой массой тела при рождении. Обследовано 323 ребенка, родившихся ранее 27 недели гестации с помощью Bayley-III в скорректированном возрасте 2,5 года и методики Векслера-4 (WISC-IV) в 6,5 года. Баллы когнитивного индекса Bayley-III и общего коэффициента интеллекта (IQ) на основании регрессионного анализа имели умеренно положительную корреляцию и составляли 38% дисперсии IQ. Используя пороговый балл Bayley-III, равный 70, чувствительность выявления детей с IQ < 70 составила 18%, а уровень ложноположительных результатов составил 7% [3]. В исследовании прогностической способности Bayley-III в отношении индекса моторной шкалы развития у детей, родившихся крайне недоношенными (< 27 недель гестации), приняли участие 282 ребенка без нейросенсорных нарушений и церебрального паралича, оцененные по Bayley-III в скорректированном возрасте 2,5 года и по МАВС-2 (The Movement Assessment Battery for Children, 2nd Ed; Henderson & Sugden, 1992) в возрасте 6,5 года [4]. Двигательные нарушения определялись как МАВС-2 ≤ 5-го перцентиля и были обнаружены у 57 из 282 детей (20,2%) в возрасте 6,5 года. Bayley-III объяснил 18,0% дисперсии МАВС-2 ($p < 0,001$). При пороговом значении Bayley-III, равном 85, чувствительность, специфичность, а также положительные и отрицательные прогностические значения двигательных нарушений составили 26,3% (15,5–39,7), 92,9% (88,1–95,9), 48,4% (33,0–64,0) и 83,3% (80,9–85,4) 4. В исследование, проведенное С. Дуррант [1], вошло 1142 младенцев, родившихся на сроке беременности менее 30 недель, которые были оценены по шкале Bayley-III в скорректированном возрасте в 3, 6, 12 и 24 месяца. Полученные данные были анализированы с использованием модели анализа кривой роста (Super Imposition by Translation and Rotation, SITAR). Выявлено, что скорость развития, а не оценка развития в один момент времени, лучше всего предсказывает траекторию развития глубоко недоношенного ребенка и должна быть в центре внимания для мониторинга и раннего вмешательства [1].

Выводы:

1. Надежные психометрические свойства позволяют использовать Bayley-III для оценки актуального развития доношенных детей, однако нет работ о ее достоверной надежности у недоношенных.
2. Отмечена относительная значимость показателей когнитивного индекса Bayley-III в раннем возрасте, как предикторов уровня IQ в дошкольном возрасте.
3. Дети, родившиеся с ЭНМТ, нуждаются в оценке двигательного развития в широком временном интервале, заканчивающемся за пределами раннего возраста.
4. Для прогноза развития детей, родившихся с ЭНМТ, необходима повторная динамическая оценка.

1. Durrant C. et al. Developmental trajectories of infants born at less than 30 weeks' gestation on the Bayley-III Scales // Archives of Disease in Childhood-Fetal and Neonatal Edition. – 2020. – Т. 105, №. 6. – С. 623–627.
2. Madaschi V. et al. Bayley-III scales of infant and toddler development: transcultural adaptation and psychometric properties // Paidéia (Ribeirão Preto). – 2016. – Т. 26. – С. 189–197.

3. Månsson J. et al. The ability of Bayley-III scores to predict later intelligence in children born extremely preterm // *Acta Paediatrica*. – 2021. – T. 110. – №. 11. – С. 3030–3039.
4. Montgomery C. et al. Predictive value of Bayley-III Motor Index for later motor difficulties in children born extremely preterm // *Acta Paediatrica*. – 2023. – T. 112, №. 4. – С. 742–752.

Потребности и ожидания родителей детей с нарушениями развития в программах ранней помощи

Потребности и ожидания родителей, нарушения развития, родительский стресс, программы помощи

Современные программы ранней помощи основываются на принципах функционального подхода и концепции психического здоровья детей. Обращение к переживаниям и чувствам родителей по поводу воспитания и развития ребенка, а также к их потребностям и ожиданиям от программ помощи является основой для эффективного выстраивания контакта и партнерства с семьями [1, 2]. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью ожиданий и потребностей родителей, посещающих программы ранней помощи в Российской Федерации.

Исследование направлено на изучение потребностей и ожиданий родителей детей с нарушениями развития в программах ранней помощи. Выборку составили 128 родителей: 86 респондентов, посещающих семейно-центрированные программы, в том числе программы помощи на базе дошкольных образовательных учреждений, и 42 респондента из медицинских реабилитационных программ в г. Санкт-Петербург. Методы исследования: социально-демографическая анкета; опросник для оценки частоты и интенсивности переживаемого родителями стресса «Повседневные родительские трудности» (Crmic K.A; перевод Аникина В.О.); опросник потребностей и ожиданий родителей, посещающих программы помощи ребенку и семье, разработанный на основе опросника потребностей семьи Bailey D.B. и Simeonsson R.J.

Результаты исследования продемонстрировали, что родители, посещающие различные программы помощи со своими детьми, в большей степени ожидают от специалистов поддержки в области взаимодействия с ребенком, в приобретении родительских навыков, связанных с пониманием его сигналов, поведения и привлечением к повседневным рутинам. Наибольшие потребности в области взаимодействия с ребенком высказываются родителями из программ ранней помощи на базе дошкольных образовательных учреждений.

Корреляционный анализ показал, что сложности при сборах детей связаны с наибольшим количеством ожиданий родителей. Чем интенсивнее проявляются сложности ребенка во время одевания, тем выше ожидания родителя в том, что специалист будет вовлекать его в процесс взаимодействия с ребенком, будет мобильным и сможет приезжать на дом, обучать родителя новым навыкам, которые он может впоследствии использовать дома. Трудности ребенка со сборами также связаны с ожиданиями родителей в получении психологической поддержки не только для себя, но и для остальных членов семьи.

Как потребности, так и ожидания родителей в области «Взаимодействия со специалистами и реализации программы помощи ребенку и семье» связаны с длительностью посещения ребенком и семьей программ ранней помощи на базе дошкольных образовательных учреждений и затрагивают область психического здоровья.

Сравнительный анализ показал, что ожидания родителей в зависимости от посещения конкретной Службы ранней помощи на базе дошкольных образовательных учреждений, различаются.

Опыт посещения программ, основанных на принципах семейно-центрированности, формирует у родителей более выраженные ожидания в области психологической поддержки всех членов семьи и взаимодействия с другими родителями, по сравнению с ожиданиями родителей из медицинских реабилитационных программ.

1. Raver S.A., Childress D. Family-centred early intervention: supporting infant and toddlers in natural environments. – Baltimore: Paul H. Brookes, 2019. – 312 p.
2. Woodruff G., Shelton, T.L. The transdisciplinary approach to early intervention. In G.M. Foley, J.D. Hochman (Eds.). Mental health in early intervention: Achieving unity in principles and practice. – Baltimore: Paul H. Brookes Publishing Co, 2006. – P. 81–110.

Отношение к себе и особенному ребенку у нормотипичных детей в интегративных группах детского сада

Полная и частичная интеграция, нормотипичное развитие, отношение к сверстникам, самооценка

В современном обществе растет внимание к инклюзивному образованию и вопросам, связанным с изучением состояния детей, пребывающих в интегративных группах, а также их отношения друг к другу. Однако, несмотря на многочисленные шаги, направленные на реализацию данной политики [3], существует ряд проблем, часть из которых связана с тем, что большинство исследователей фокусируют внимание на влиянии инклюзивного образования на детей с особыми потребностями [1], уделяя меньше внимания нормотипичным детям. При этом имеющиеся данные о детях с обычным развитием достаточно противоречивы [1, 2, 4, 5]. Настоящее исследование направлено на изучение и сравнение отношения к себе и сверстнику у нормотипичных детей 5–7 лет с разным опытом интеграции.

Цель – изучить особенности отношения к себе и особому ребёнку у нормотипичных детей в интегративных группах детского сада. Выборка представлена детьми с 5 до 7 лет (6,4 года ± 7,4 месяца). Исследуемые группы с полной и частичной интеграцией набраны в ГДОУ № 41 «Центр интегративного воспитания» Центрального района Санкт-Петербурга; группа сравнения – дети из ГДОУ № 17. Всего в исследовании приняло участие 114 обычно развивающихся детей: 64 мальчика и 50 девочек.

Методы. Методика «Лесенка» (автор модификации В.Г. Щур), направленная на изучение самооценки детей; проективная методика «Три улицы» (А.Ю. Пасторова и В.Ю. Иванова), направленная на оценку отношения нормотипичных детей к сверстникам с особенностями и без них; методика «Рисунок человека» (К. Махвер) для определения отношения дошкольника с различным опытом интеграции к сверстникам с особыми потребностями и сверстникам, нормативно развивающимся. Для количественной обработки данных использовались описательные статистики, сравнительный анализ по Т-критерию, многомерный дисперсионный анализ и корреляционный анализ.

Математическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 22.0. В результате исследования не было обнаружено различий в отношении к себе у дошкольников в различных группах интеграции. Отношения к различным сверстникам значимо отличаются по следующим параметрам: во всех трех группах отношение к нормотипичному сверстнику лучше, чем к ребенку с ОВЗ; в группах с полной и частичной интеграцией отношение к особым детям значительно лучше, чем в группе сравнения; в группе сравнения и в группе с частичной интеграцией дети рисуют выражение лиц нормотипичного ребенка более радостным, чем в группе с полной интеграцией.

Выводы: обнаружены различия в отношении к нормотипичному и особому ребёнку у нормотипичных детей с разным опытом интеграции, отношение к себе у детей в различных группах интеграции не отличается.

1. Пасторова А.Ю. Инклюзивное образование: исследования и практика в Санкт-Петербурге. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012.
2. Пасторова А.Ю. Психофизиологические и психологические особенности адаптации старших дошкольников с обычным развитием в группах интеграции. – СПб.: Питер, 2006.
3. Усова З.М., Флотская Н.Ю. Характеристика социальной компетенции «эмпатия» у младших школьников в условиях инклюзивного обучения // Казанский педагогический журнал. – 2020. – №. 3 (140). – С. 195–201.
4. Фальковская Л.П. Стратегия развития инклюзивного образования в Российской Федерации // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 октября 2021 г.). – 2021. – С. 9.
5. Флотская Н.Ю., Буланова С.Ю., Усова З.М. Характеристика социальной компетенции «сотрудничество» у младших школьников в условиях реализации инклюзивного обучения // Гуманитарные науки. – 2017. – №. 2 (38). – С. 66–74.

Социально-средовые характеристики и развитие речи у детей раннего возраста с кохлеарным имплантом

Социальное окружение, развитие речи, дети раннего возраста, глухота, сенсоневральная тугоухость, кохлеарная имплантация

Отмечена высокая распространенность нарушений слуха, представляющих фактор риска в отношении расстройств развития речи и общего развития. По данным Минздрава России, в 2019 году впервые выявлено 130 687 случаев нейросенсорной и кондуктивной тугоухости, общее число лиц с нарушением слуха – 842 238 человек. Распространенность тугоухости регистрируется на уровне 5,7 на 1000 всего населения, 2,1 на 1000 детей 0–14 лет, 6,6 на 1000 взрослых, 13,8 на 1000 населения старше трудоспособного возраста. Доля двусторонней сенсоневральной тугоухости составляет 65% у детей, 75% – у взрослых, 78% – у лиц старше трудоспособного возраста (Чибисова С.С., Маркова Т.Г., Цыганкова Е.Р., Таварткиладзе Г.А.). Кохлеарная имплантация является единственным в мире методом коррекции слуха для детей и взрослых, имеющих IV степень сенсоневральной тугоухости и глухоту.

Вместе с тем на сегодняшний день результаты (речевое и языковое развитие ребенка, общее развитие, качество жизни ребенка и семьи) после проведения операции по кохлеарной имплантации и курсов реабилитации, включающих настройку речевого процессора и занятий со специалистами (сурдопедагог, логопед, медицинский психолог) весьма неоднородны и требуют дальнейшего изучения. В зарубежной литературе выделяют целый ряд факторов, в том числе факторов контекста, психосоциальных и средовых факторов, влияющих на развитие речи у детей после кохлеарной имплантации: семейное окружение (сплоченность семьи, позитивность, эмоциональность, интеллектуально-духовный уровень, вовлеченность); возраст проведения операции по кохлеарной имплантации; сопутствующие заболевания; двусторонняя/ бимодальная имплантация; социальные детерминанты региона, в котором проживает семья, и сопутствующие заболевания ребенка. Таким образом, нами была сформулирована цель исследования: изучить на российской выборке влияние таких факторов, как семейное окружение; возраст проведения операции по кохлеарной имплантации; сопутствующие заболевания; двусторонняя или односторонняя имплантация; социальные детерминанты региона, в котором проживает семья ребенка и другие заболевания ребенка, на развитие речи у детей раннего возраста после кохлеарной имплантации.

Нами были выбраны следующие методы исследования: для оценки семьи – «Опросник родительского отношения в семье с особым ребенком» (Галасюк, Митина, 2017), «Индекс родительского стресса» (Parenting Stress Index), «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3 / Тест Олсона), «Опросник эмоциональных отношений в семье» (Е.И. Захарова); для оценки слухового восприятия – «Оценка слухового восприятия у ребенка до 3 лет» («LittleEars»); для оценки уровня развития речи – «Тест речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста»; для выявления других физических или психических заболеваний – анкета для родителей, разработанная на кафедре «Психического здоровья и раннего сопровождения детей и их родителей» факультета психологии СПбГУ, «Скрининговая анкета для родителей по выявлению риска возникновения нарушений психического развития у детей раннего возраста» (Иванов М.В., Симашкова Н.В., Козловская Г.В.), родительский опросник «Возраст и стадии развития» («Ages and Stages Questionnaires-3», ASQ-3; Squires J. et al., 2009); для оценки качества жизни ребенка – «Оценка качества жизни ребенка раннего возраста» (Qualin).

Нами было проведено пилотное исследование, в котором было обследовано 20 детей. Результаты данного исследования подтверждают следующие гипотезы: различия в социальном окружении (сплоченность семьи; позитивность, эмоциональность; интеллектуально-духовный уровень; вовлеченность) влияют на развитие речи у детей раннего возраста с кохлеарным имплантом; развитие слухового восприятия связано с уровнем развития речи у детей раннего возраста после кохлеарной имплантации; уровень развития речи у детей раннего возраста не связан с полом ребенка; различия в развитии речи у детей раннего возраста с кохлеарным имплантом отличаются в зависимости от уровня слуха, наличия или отсутствия сочетанных физических и психических заболеваний у ребенка; после проведения кохлеарной имплантации качество жизни ребенка повышается.

1. Материалы 9-го Национального конгресса аудиологов и 13-го Международного симпозиума «Современные проблемы физиологии и патологии слуха» (Суздаль, 21 – 23 сентября 2021 г.). – М., 2021. – 147 с.
2. Zhang B., Qiu J., Yu Y., Hu C., Zhu Z., Yu C., Yin L., Zhong M. Influence of family environment on the development of speech and language in pre-lingually deaf children after cochlear implantation, Clin Otolaryngol. – 2020 Jul. – 45(4). – P. 466–470.

Индивидуально-психологические и организационные аспекты отчуждения труда у специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья

Отчуждение труда; смысловое отчуждение; дети с ОВЗ; специалисты, работающие с детьми с ОВЗ

Данное исследование посвящено изучению индивидуально-психологических и организационных аспектов отчуждения труда у специалистов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Отчуждение – это распад внешних и внутренних связей в структуре жизненного мира личности, которые соединяют жизнь индивида с более широкими контекстами и скрепляют её в единое целое. Это состояние, когда человек не может найти смысл в своей деятельности или жизни. Это может быть вызвано как вынужденной деятельностью [1], так и неспособностью человека найти смысл в мире. В результате человек строит свою жизнь на основе биологических потребностей и социальных норм, что ограничивает его взаимодействие с миром [2]. Поэтому в данной работе мы используем термин субъективное отчуждение в контексте деятельностно-смыслового подхода.

В рассматриваемой сфере отчужденные специалисты не только перестают качественно выполнять свои непосредственные рабочие задачи, но и теряют способность к качественной коммуникации с детьми, с которыми они работают. Это может стать критическим моментом, ведь даже при тщательном выполнении всех режимных моментов, касающихся помощи детям с ОВЗ, но при отсутствии качественного эмоционального общения со взрослым-специалистом эффективность помощи для ребенка резко снижается.

В исследовании приняли участие 52 специалиста. Для изучения отчуждения использовался опросник субъективного отчуждения (СОТОЧ-В; Е.Н. Осин, 2007), для изучения индивидуально-психологических характеристик: Пятифакторный опросник личности (TIPI-RU; Сергеева А.С., Кириллов Б.А., Джумагулова А.Ф., 2016), Опросник совладания со стрессом (COPE; Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н., 2013), Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО; Леонтьев Д.А., 1988).

Для изучения аспектов организационной среды использовался Опросник компонентов удовлетворённости трудом (Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Осин Е.Н., 2012), авторская анкета организационного благополучия. Полученные данные были обработаны с помощью сравнительного анализа, корреляционного анализа, регрессионного анализа.

Отчуждение от работы имеет отрицательные корреляции с показателями экстраверсии, конформизма, эмоциональной стабильности ($p \leq 0,05$) и открытости ($p \leq 0,001$); отрицательные с активным совладанием ($p \leq 0,001$) и планированием ($p \leq 0,001$), положительные с мысленным и поведенческим уходом от проблем ($p \leq 0,05$); выявлены отрицательные взаимосвязи с показателями локус контроля-Я и локус контроля-жизнь ($p \leq 0,01$), а также со всеми показателями осмысленности жизни ($p \leq 0,001$).

Выявлена отрицательная корреляция отчуждения от работы с показателями общей удовлетворенности трудом, удовлетворенности процессом и содержанием работы, руководством, организацией труда, заработной платой ($p \leq 0,001$), коллективом ($p \leq 0,05$), удовлетворенностью обучением и поддержанием психического благополучия ($p \leq 0,001$), с поддержкой коллег ($p \leq 0,05$) и положительная корреляция с загруженностью ($p \leq 0,01$).

Было выявлено, что молодые специалисты, чей стаж не превышает 5 лет, более подвержены отчуждению, также у них отмечается меньшая удовлетворенность трудом, ими чаще используются копинг-стратегии, нацеленные на избегание проблемы и концентрации на негативных эмоциях, они более склонны к интроверсии, импульсивным действиям, независимости. Они, в отличие от своих более опытных коллег, проявляют меньшую удовлетворенность самореализацией, в полной мере не ощущают контроля над собственной жизнью. Выявлены предикторы отчуждения от работы – неудовлетворенность трудом и отсутствие четких целей в жизни.

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. – 2007. – Т. 3, №. 4. – С. 68-77.

Материнское отношение к детям дошкольного возраста с интеллектуальными нарушениями: пилотное исследование

Материнское отношение, дошкольный возраст, задержка психического развития, умственная отсталость

Цель исследования: изучить психологические характеристики матери и ребенка с интеллектуальными нарушениями, выделив наиболее значимые факторы реализации материнского отношения в диаде. Так, авторы относят к ним психологические особенности матери и ребенка [1], социальную поддержку [2] и др. Выборка представлена 34 парами: 18 матерей детей с интеллектуальными нарушениями (основная группа), 16 матерей нейротипичных детей (группа сравнения). Средний возраст матерей – 36 + 5,47 года. Средний возраст детей – 4,8 + 1,27 года. Основной диагноз у 6 детей – умственная отсталость, у 12 – задержка психического развития. Респондентами были заполнены: анкета демографических данных, биографический опросник (В.А. Чикер, 1991), шкала депрессии (А.Т. Бек, 1961), тест отношений беременной (И.В. Добряков, 2003), тест семантического дифференциала (Ч. Осгуд, 1972); тест родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин, 1988); проверочный лист поведения детей раннего возраста (А.Т. Achenbach, Е.Р. Слободская, 2001). Уровень значимости принят $\leq 0,05$.

Были выделены два значимых фактора. Переменные, чувствительные к первому фактору («характеристики матери»): сила Я, нейротизм, психофизическая конституция, оценка респондентом персоналии «Я-мать», показатель выраженности депрессии. Так, в основной группе частота встречаемости депрессивных симптомов выше (44,4% матерей), чем в группе сравнения (25%), в том числе симптомов средней тяжести (11% и 0% соответственно). Также в основной группе более выражено напряжение в социальном взаимодействии (7,1 + 1,3 против 6,0 + 1,8).

Второй фактор «характеристики детей», ведущий, включает переменные: тревожность, элементы агрессивного поведения, асоциализации, проблемы с вниманием, наличие диагноза. Так, в основной группе более выражены симптомы тревоги у детей, социальной девиации и когнитивных дисфункций, враждебные паттерны поведения. Зафиксирована связь между выраженностью депрессии у матери и девиантным поведением ребенка ($R = 0,352$), отрицательная связь с собственной оценкой себя как матери в тесте Осгуда ($R = -0,81$).

Уровень эмоционального принятия матерью ребенка коррелирует с наличием диагноза – в основной группе показатель ниже (25,9 + 4,8), чем в группе сравнения (28,7 + 2,3); при этом матери детей с диагнозом умственная отсталость демонстрируют значения ниже, чем матери детей с задержкой психического развития (22,6 + 6,47 и 27,58 + 2,81 соответственно), а также более высокие значения симбиоза (5,5 + 1,38 и 3,583 + 1,56). Дезадаптация и проблемы с вниманием коррелируют с уровнем контроля ($R = 0,362$ и $0,403$ соответственно). Тревожный гестационный паттерн матери коррелирует с показателем контроля ($R = 0,62$), а также наличием диагноза у ребенка ($R = 0,68$). В основной группе в два раза чаще встречаются гипогестогнозический и депрессивный компоненты в структуре смешанного типа, что может свидетельствовать о недооценивании значимости и важности изменений в связи с появлением ребенка, и, возможно, наличия депрессивной и/или тревожной симптоматики уже на этапе беременности, что подчеркивает необходимость поддержки беременных женщин.

Таким образом, результаты подтверждают предположение о взаимосвязи регистрируемых нами переменных – характеристик матери и ребенка – и их влиянии на реализацию материнского поведения. Предполагается увеличение выборки с фокусом на углубленное изучение выделенных на данном этапе факторов, а также добавлением переменных, отражающих взаимоотношения матери с партнером и пр.

1. Арбатская К.И., Устинова Н.А. Психологические особенности семей, воспитывающих ребенка с особыми образовательными потребностями // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 8. – С. 85–89.
2. Poulsen H. et al. Parents' prenatal joint attachment representations and early caregiving: the indirect role of prenatal marital affect // Attachment & Human Development. – 2018. – Vol. 21(4). – P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/14616734.2018.1492003>

Представления матерей о психическом развитии и потребностях своих детей раннего возраста в связи с их опытом отношений с собственными родителями в детстве

Представления матерей, отношения матерей с родителями в детстве, эмоциональные потребности детей, психическое здоровье детей

Такому аспекту субъективной картины родителя, как его представления, в последнее время стало уделяться много внимания в зарубежных исследованиях. Особенности представлений матери о своем ребенке, его потребностях, об отношениях с ним отражаются на степени чувствительности поведения матери со своим ребенком [1, 2].

Актуальность данного исследования обусловлена также тем, что, в рамках российской выборки, изученность представлений матерей о психическом развитии и потребностях своих детей раннего возраста в связи с их опытом отношений с собственными родителями в детстве недостаточно раскрыта.

Исследование направлено на изучение взаимосвязи между представлениями матерей о психическом развитии и потребностях своих детей раннего возраста и представлениями об отношениях с собственными родителями в детстве. Выборку составили 54 матери, из разных регионов страны, с детьми раннего возраста (1–44 месяца). Методы исследования: социально-демографическая анкета, «Опросник рефлексивного функционирования родителей» (PRFQ) (Fonagy, P., Luyten, P., Moulton-Perkins, A., Lee, Y.W., Warren, F., Howard, S.), авторский опросник (Сibaгатуллина А.М., Пальмов О.И.) для выявления представлений родителя о нормах психического развития своего ребенка раннего возраста, опросник «Семантический дифференциал Осгуда» для выявления характеристики опыта отношений в детстве у респондентов.

Результаты корреляционного анализа продемонстрировали, что чем более выражена у матерей негативная оценка отношений с родителями в детстве, тем больше они отмечают, что часто поведение собственного ребенка застает их врасплох и что бессмысленно интересоваться чувствами своего ребенка. Тогда как положительное восприятие своего детства связано с уверенностью матерей в своем родительском поведении. Чем в большей степени матери характеризуют свои отношения с родителями в детстве как позитивные, тем чаще они определяют способность к сосредоточенной игре их детей, как показатель психологического благополучия, и признают, что ребенок раннего возраста способен осознавать все происходящие с ним события.

Сравнительный анализ представлений о развитии ребенка в группах матерей из разных типов населенных пунктов показал следующие результаты: матери из поселков городского типа, по сравнению с матерями из крупнейших городов, более склонны приписывать ребенку намерение своим плачем поставить их в неловкое положение и они в большей степени соглашаются с тем, что дети сознают происходящее с ними только после 2,5 лет.

Выявились значимые различия между представлениями матерей о развитии ребенка в связи с количеством детей в семье: матери с тремя детьми более склонны связывать проявления любви своих детей по отношению к ним с улыбкой, больше соглашаются с оправданностью применения жестких воспитательных мер и меньше, по сравнению с матерями одного ребенка, ценят сотрудничество с ребенком и рассматривают исследовательский интерес как показатель его благополучия.

С суммарной шкалой «Предрефлексия» из опросника PRFQ связано наибольшее число представлений матерей: низкие показатели предрефлексии (неспособности адекватно интерпретировать состояние ребенка и приписывания искаженных атрибуций) отрицательно связаны с выраженностью представлений о ребенке, как об активном, восприимчивом человеке с рождения, откликающемся на чувства близких, нуждающемся в уважении и сотрудничестве.

1. Aber J.L., Belsky J., Slade A., Crnic K. Stability and change in mothers' representations of their relationship with their toddlers // *Developmental Psychology*. – 1999. – 35(4). – P. 1038-47.
2. Grusec J.E., Danyliuk T. Parents' Attitudes and Beliefs: Their Impact on Children's Development // *International Journal of Academic Multidisciplinary Research (IJAMR)*, 2014.

Исследование влияния течения беременности и состояния здоровья матери на дальнейшее когнитивное и речевое развитие ребенка, зачатого методом ВРТ

Индукцированная беременность, искусственное зачатие, экстракорпоральное оплодотворение, здоровье матери, вспомогательные репродуктивные технологии, когнитивное развитие, речевые расстройства

За последнее десятилетие все более широко в лечении бесплодия используются методы вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), среди которых лидирующее место занимает экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и искусственная инсеминация (ИКСИ), с возможностью использования донорского репродуктивного материала. Противоречивость представленных данных в отечественных и зарубежных исследованиях онтогенетического развития ребенка от индуцированной беременности [1, 2] не позволяет сделать однозначный вывод о прямом влиянии метода ВРТ на дальнейшее развитие ребенка.

В нашем исследовании мы изучали возможную взаимосвязь здоровья матери, особенностей течения беременности и состояния здоровья ребенка в период новорожденности с результатами общего развития ребенка.

В ФГБНУ НЦПЗ, в период с 2018 по апрель 2024 гг., проводилось мультидисциплинарное исследование когнитивного развития детей от индуцированной беременности. В экспериментальном исследовании приняли участие 115 детей в возрасте от 3-х лет до 7 лет 11 месяцев, среди которых 54 ребенка были зачаты путем ВРТ и 61 – от естественного зачатия. В результате исследования была обнаружена взаимосвязь между симптомами недостаточности нейродинамических показателей психической деятельности ребенка, анамнестическими показателями детей в период новорожденности и особенностями протекания беременности. В некоторых случаях была установлена взаимосвязь между перенесенным вирусным заболеванием матери в первом триместре и симптомами функциональной незрелости стволовых структур у детей в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте.

В работе были разработаны параметры оценки состояния здоровья матери и новорожденного, особенностей протекания беременности, что позволило провести анализ влияния указанных параметров на когнитивное и речевое развитие ребенка.

В результате проведенного исследования было установлено, что своеобразие психоречевого развития детей от индуцированной беременности, которое может проявляться в диапазоне от условно «нормативного» до выраженных нарушений, во многом зависит от особенностей протекания беременности и состояния здоровья матерей в данный период. О факте индуцированной беременности и желании принять участие в мультидисциплинарном исследовании чаще сообщали те родители, дети которых имели дизонтогенетические расстройства разной степени выраженности, что может вызывать ложные представления о частоте встречаемости нарушений развития у детей искусственного зачатия. Для всестороннего изучения факторов, влияющих на развитие ребенка, зачатого современными методами репродукции, важно использовать междисциплинарный подход.

1. Зверева Н.В., Сергиенко А.А., Строгова С.Е., Суркова К.Л., Зверева М.В., Зозуля С.А., Симашкова Н.В., Горбачевская Н.Л., Даллада Н.В. Оценка когнитивного развития детей, рожденных с помощью ВРТ в мультидисциплинарном подходе. Современные направления диагностики в клинической (медицинской) психологии. Научное издание. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. – С 365–390.
2. Суркова К.Л., Зверева Н.В. Нервно-психическое развитие детей, зачатых путем вспомогательных репродуктивных технологий (ЭКО, ИКСИ и др.) // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2022(22). – № 1. – С. 105–114.

Взаимодействие между ребенком с аутизмом и родителем на начальном этапе применения Денверской модели ранней помощи

Расстройство аутистического спектра, Денверская модель ранней помощи, родительский стресс, эмоциональное принятие

Актуальность данного исследования. По МКБ-10 признаки расстройства аутистического спектра (РАС) возможно диагностировать примерно к третьему году жизни, они представлены функциональными ограничениями в трех областях: мотивационной сфере, социальном взаимодействии и коммуникации [1].

Раннее обнаружение высокого риска РАС и своевременная помощь в развитии коммуникации ребенка значительно влияют на дальнейшее психическое развитие ребенка и возможности его обучения [2].

Денверская модель ранней помощи считается одной из наиболее эффективных для детей с высоким риском РАС за последние десятилетия [4].

Современная концепция ранней помощи базируется на семейно-центрированном подходе, освоение навыков ребенком происходит в домашней среде [5].

Родители ребенка с высоким риском РАС часто испытывают высокий риск стресса из-за клинико-психологических особенностей своих детей и изменения привычного уклада жизни [3].

Целью исследования является анализ показателей родительского стресса и эмоционального компонента детско-родительского взаимодействия (эмоционального принятия ребенка и чувствительности к нему) в семьях, воспитывающих ребенка раннего возраста с высоким риском наличия РАС, получающих услуги ранней помощи в рамках Денверской модели.

Материалы исследования. Исследование проводилось в Санкт-Петербургском Институте раннего вмешательства. Согласие на исследование, сопровождавшееся подписанием информированного согласия, дали 7 родителей (6 матерей, 1 отец), не имеющие психоневрологических диагнозов. Возраст детей в исследовании составил от 1,5 лет до 3,5. У всех детей из этих семей были показатели по шкале М-CHAT, позволяющие предположить риск наличия расстройства аутистического спектра и умеренные ограничения по доменам «Коммуникация» и «Межличностное взаимодействие» при их оценке по МКФ. Всем детям была рекомендована индивидуальная программа ранней помощи в рамках Денверской модели. Семьи находились на момент участия в исследовании на этапе оценочных процедур в рамках ИПРП.

Методы исследования:

1. Структурированное интервью.
2. Модифицированный скрининговый тест на аутизм для детей (М-CHAT, Robins, Fein, & Barton, 1999).
3. Опросник эмоциональных отношений в семье (методика ОДРЭВ, Е.И. Захарова, 1997).
4. Методика «Индекс родительского стресса» («Parenting Stress Index», PSI-K-36, Abidin, 1995).

Результаты. Анализ результатов позволил выявить статистически значимую связь между показателями «дисфункциональное взаимодействие» и «детские трудности» методики «Индекс родительского стресса» и уровнем эмоционального принятия со стороны родителей.

Повышенного уровня родительского дистресса среди опрошенных родителей обнаружено не было.

Статистически значимой связи между уровнем родительского дистресса и выраженностью аутистических черт ребенка выявлено не было. Также не подтвердилась гипотеза о связи между уровнем родительского дистресса и социально-демографическими характеристиками семьи.

1. Григоренко Е.Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: Учебное пособие для студентов. – М., 2018.
2. Мамайчук И.И. Помощь психолога детям с аутизмом. – СПб.: Речь, 2007. – 288 с.
3. Миланич Ю.М. Реализация семейных функций как критерий оценки психологического благополучия семьи ребенка с нарушением развития // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2014.
4. Роджерс С.Дж., Доусон Дж. Висмара Л.А. Денверская модель раннего вмешательства для детей с аутизмом: как в процессе повседневного взаимодействия научить ребенка играть, общаться и учиться. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2016. – 416 с.
5. Самарина Л. В. Построение программ раннего вмешательства на основе Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья // Нормализация жизни и социальное сопровождение детей и взрослых с нарушениями в развитии. – 2015. – №. 6. – С. 47.

Характеристики взаимодействия матерей и детей раннего возраста в режимных ситуациях в связи с участием в программе сопровождения ребенка и семьи

*Взаимодействие матерей и детей, режимная ситуация, программа сопровождения, забота с уважением,
Пиклер, ранняя помощь*

Согласно концепции уважительной заботы и сотрудничества Эмми Пиклер, чувствительное и отзывчивое взаимодействие матери и ребенка в рутинных ситуациях способствует вовлеченности, активности и самостоятельности ребенка [3], укреплению социально-эмоциональных связей, влияющих на развитие ребенка [1]. Программы вмешательства, основанные и-или включающие компоненты концепции уважительной заботы представлены в отечественной литературе в основном вне связи с режимными ситуациями и в контексте ранней помощи [2].

Цель нашего исследования – изучение характеристик взаимодействия матерей и детей раннего возраста в режимных ситуациях в связи с программой сопровождения ребенка и семьи, основанной на подходе уважительной заботы в концепции венгерского педиатра Эмми Пиклер [1] и ориентированной на поддержку чувствительного и отзывчивого поведения родителей в ситуации одевания, на содействие целенаправленному использованию матерями сотрудничества с ребенком в режимных процессах. Актуальность исследования обусловлена недостатком доступных для родителей основанных на данных исследований сведений об уважительной заботе и сотрудничестве с детьми; отсутствием программ сопровождения, направленных на поддержку родителей во взаимодействии с ребенком в процессе ухода.

В исследовании приняли участие 68 пар «мать – ребенок», возраст детей: от 12 до 45 месяцев. Каждой паре было предложено заполнить социально-демографическую анкету, опросник вовлеченности, независимости и социального взаимодействия (MEISR) и сделать видеозапись взаимодействия в ситуации одевания. Оценка видеозаписи происходила с помощью метода, разработанного на основе шкалы наблюдения за развитием и поведением ребенка, созданной и использовавшейся в Институте Эмми Пиклер. Программа сопровождения включала посещение детско-родительских групп и информационных встреч в концепции Пиклер и индивидуальное сопровождение процесса одевания/переодевания ребенка. Результаты свидетельствуют, что матери типично развивающихся детей из программы сопровождения, по сравнению с матерями детей с ограниченными возможностями здоровья из программ ранней помощи и матерями детей без сопровождения, в большей степени проявляют чувствительность и отзывчивость, сотрудничество и поддержку инициативы ребенка, а их дети больше вовлечены, активны, направлены на самостоятельность и социальное взаимодействие с матерями во время одевания.

1. Пиклер Э. Доверие и уверенность друг в друге. Забота о младенцах и детях раннего возраста: опыт и размышления / Под ред. О. И. Пальмова, Э. Пиклер. – М.:Издательство «Национальное образование», 2021.
2. Ямщикова Н. А. и др. Активность и участие ребенка, как фокус междисциплинарной ранней помощи в центре реабилитации СПб ГБУЗ «ДГМ КСЦ ВМТ»: практика использования МКФ и гуманистического подхода (концепция Эмми Пиклер) // FORCIPE. – 2022. – Т. 5, No. S2. – С. 578–579.
3. Belasko M., Herrán E., Anguera M. T. Dressing toddlers at the Emmi Pikler nursery school in Budapest: caregiver instrumental behavioral pattern //European Early Childhood Education Research Journal. – 2019. – Т. 27, №. 6. – С. 872–887.

Адаптация ребенка раннего возраста в детском саду: современные социально-психологические проблемы

Адаптация, ребенок раннего возраста, детский сад

Введение. Трансформация современного общества, использование новых технологий, цифровизация и изменение коммуникации между взрослыми и детьми влияют на процессы адаптации при поступлении в детский сад ребенка раннего возраста.

Постановка проблемы. Переходные и адаптивные ситуации относятся к средовым факторам риска развития детей, поэтому минимизация рисков для психофизического здоровья и личностного развития в период адаптации ребенка раннего возраста в детском саду является особенно актуальной [1].

Возникающие психолого-педагогические трудности в адаптационный период могут быть преодолены систематической партнерской деятельностью сотрудников дошкольных организаций и родителей ребенка [2].

Методологическая база исследования – системный подход.

Методы: метод экспертных оценок педагогов-психологов образовательных учреждений Ленинского района г. Екатеринбурга на базе районного методического объединения.

Результаты: анализ данных педагогов-психологов показывает, что в настоящее время существуют различные социально-психологические проблемы, влияющие на период адаптации ребенка к условиям детского сада.

Педагоги-психологи отмечают три основных фактора, влияющих на протекание адаптации ребенка раннего возраста к детскому саду:

1. Факторы, связанные с ребенком – низкий уровень психофизического здоровья; слабое развитие навыков общения со взрослыми и детьми; негативные стрессовые реакции при разлучении с родителями; отсутствие привычки к детскому режиму жизнедеятельности; воспитание и развитие в обстановке «единственного ребенка» в семье; ранняя зависимость от информационных технологий, слабая способность ориентироваться на образцы поведения взрослого и осуществлять контроль за своей деятельностью.

2. Действия семьи ребенка в процессе адаптации – отсутствие подготовки ребенка к поступлению в детский сад, низкий уровень формирования у детей возрастной необходимой самостоятельности в питании и гигиенических процедурах; перекладывание ответственности за неуспешную адаптацию на педагогический коллектив, использование в воспитании цифровизации и новых технологий – умных гаджетов, заменяющих родителей; применение систем воспитания и образования детей из блогов и социальных сетей.

3. Работа педагогического коллектива – повышенные требования к педагогической деятельности в связи с трансформацией системы образования; видео и фотофиксация всех педагогических действий во время пребывания детей в детском саду; необходимость присутствия педагогов в многочисленных чатах родителей и администрации, требования к применению цифровых технологий в педагогическом процессе, слабая информированность о специфике развития детей с ограниченными возможностями здоровья и психо-социальными проблемами.

Заключение. В современных условиях трансформации общества необходим комплексный и междисциплинарный подход в изучении процессов адаптации ребенка раннего возраста к детскому саду, открытость дошкольной организации для взаимодействия с семьей в образовательном процессе, поиск и внедрение эффективных средств преодоления возникающих психолого-педагогических трудностей.

1. Крайнова О.А. Психолого-педагогическое сопровождение ребенка в процессе адаптации к условиям ДОУ / О.А. Крайнова, И.Ж. Шахмалова // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – № 5(63). – С. 239–245. DOI 10.25726/g5933-5313-6107-с. – EDN CNHFGE. – URL: <https://emreview.ru/index.php/emr/article/view/903> (дата обращения: 17.05.2024).
2. Кузнецова Т. Ю. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации детей раннего возраста к условиям ДОУ / Т.Ю. Кузнецова // Вестник науки. – 2023. – №1 (58) – С. 112–122 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-protsessaaadaptatsii-detey-rannego-vozhraza-k-usloviyam-dou> (дата обращения: 17.05.2024).

ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Борисова Д.Ю.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Анализ взаимосвязи двигательных и коммуникативных проявлений с личностными характеристиками взрослых людей в процессе танцевально-двигательной терапии

Моторные проявления, личностные характеристики, взрослые люди, шизофрения, танцевально-двигательная терапия

Идеи о связи мышечного движения с психическими процессами, предложенная И.М. Сеченовым, находит свое воплощение в разных областях психологического знания. П. Шильдер предполагал, что каждому человеку свойственны индивидуальные, кинестетические движения, находящиеся в ситуативном преобразовании. О.В. Протопопова работала над выделением психомоторных типов человека, объединяющих характеристики движения с личностными и характерологическими особенностями, по ее мнению, в пластическом рисунке движений человека выражается его отношение к себе, миру и людям [1]. Н.Ю. Оганесян занимается изучением моторики и невербальных интеракций пациентов психиатрического стационара в процессе танцевально-двигательной терапии (ТДТ) [2].

Танец являет собой собирательную телесную картину, направленная танцевальная деятельность в формате ТДТ может развить и внести коррективы в телесные, двигательные и личностные проявления человека. Немаловажным остается вопрос, за счет чего происходят изменения в состоянии участников терапии. В результате проведенного исследования появились данные, отражающие механизм изменения, приводящий к гармонизации состояния участников [3].

На базе Психиатрической больницы № 1 им. П.П. Кащенко было проведено комплексное исследование, посвященное изучению динамики психомоторных и эмоционально-личностных характеристик взрослого человека. Одна из задач исследования заключалась в стремлении проанализировать взаимосвязи двигательных и коммуникативных проявлений в танце с эмоционально-личностными характеристиками взрослых психически здоровых людей и больных шизофренией до и после танцевально-двигательной терапии.

Были выбраны следующие методы исследования: модифицированный бланк наблюдения «Телесный анализ» Н.Ю. Оганесян; тест «Кто Я?» на изучение самовосприятия; шкала проявлений тревоги Дж. Тейлор; модифицированный психодиагностический метод Дембо-Рубинштейн, методика на распознавание эмоций К. Изарда. Применялся корреляционный анализ Пирсона для независимых выборок.

В исследовании приняли участие 80 респондентов. Из них 50 человек с диагнозом шизофрения, 30 психически здоровых людей. Пациенты, страдающие шизофренией, посетили 10 занятий ТДТ по 60 минут, психически здоровые люди прошли курс ТДТ из 5 занятий по 120 минут.

В группе людей, страдающих шизофренией, расширение репертуара двигательных и коммуникативных проявлений в танце способствует усилению самовосприятия. Чем больше участники группы использовали сильные движения в пространстве зала и задействовали разные части тела, тем более активными, уверенными и менее тревожными они становились. Повышение силы движений в танце способствовало субъективному повышению здоровья и уверенности в себе.

В группе психически здоровых людей самооценка и понимание себя положительно связаны с контактностью в танце, частота установления контактов в процессе танца оказывала положительное влияние на оценку и понимание себя. Чем успешнее испытуемые устанавливали контакты с другими членами группы в танце, тем более выразительными и объёмными были их письменные рассказы о себе. Через диалог танца люди начинают больше ценить себя и понимать других.

Полученные данные свидетельствуют о наличии взаимосвязи показателей двигательных проявлений с эмоционально-личностными характеристиками людей периода взрослости, находящихся в преобразовании под воздействием ТДТ.

1. Протопопова О.В. Моторика и психоортопедия // Психология аномального развития ребенка: хрестоматия. В 2 т. Т. 2. / Под ред. В.В. Лебединского, М.К. Бардышевской. – М.: ЧеРо, Высшая школа, Изд-во МГУ, 2002. – С. 687–729.
2. Оганесян Н.Ю., Соловьева Э.Н., Журавлева Е.Г. Нейромоторная и танцевально-двигательная терапия в реабилитации пациента с болезнью Пика (клинический случай) // Вестник психотерапии. – 2023. – № 86. – С. 33–43. DOI: 10.25016/2782-652X-2023-0-86-33-43
3. Трошихина Е.Г. Исследование динамики самовосприятия в результате танцевально-двигательной терапии у взрослых людей больных шизофренией / Е.Г. Трошихина, Д.Ю. Борисова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т 12, № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN224.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).

Психосоматический подход к психотерапии «панических атак» по методике PSY 2.0

Психосоматика, панические атаки, психосоматический подход, психотерапия панических атак

Панические атаки как симптом и симптомокомплекс не теряют свою актуальности как для людей, испытывающих похожие симптомы, а также психологов, психотерапевтов и врачей-неврологов, которые находятся в поиске эффективных инструментов помощи людям.

Проведенный анализ психологических и психофизиологических особенностей панических атак в трудах отечественных и зарубежных ученых позволил сделать заключение о том, что этиология панических атак неопределенна и сочетает в себе элементы как биологических, так и психических.

Панические атаки являются комплексом соматических и психических симптомов. Приступы панических атак могут протекать достаточно тяжело для человека, могут вызывать нарушения в психическом состоянии и физическом самочувствии, а также могут приводить к развитию психических расстройств, в частности фобического и тревожного, психосоматических заболеваний, угнетению психоэмоционального состояния и развитию комплекса социальных ограничений.

Под паническими атаками в современной неврологии и психотерапии принято понимать «рецидивирующие приступы резко выраженной тревоги (паники), которые не ограничены какой-либо особой ситуацией или комплексом обстоятельств и, следовательно, непредсказуемы. Как и при других тревожных расстройствах, основная симптоматика включает внезапное возникновение сердцебиений, болей за грудиной, ощущения удушья, тошноты и чувства нереальности (деперсонализация или дереализация). Кроме того, как вторичное явление часто присутствует боязнь умереть, потерять контроль над собой или сойти с ума» [1].

В международной классификации болезней (МКБ-11) паническая атака представлена в качестве отдельного симптома и входит в категорию «симптомы или признаки, связанные с внешностью или поведением» [5]. Возникающие во время приступов панических атак симптомы могут вызывать страх у человека и совпадать с проявлениями других заболеваний и нарушений в работе внутренних систем организма.

В научной литературе выделены следующие популярные теории развития данного заболевания, определены причины и особенности его проявления: катехоламиновая теория, психоаналитическая теория, поведенческая теория, когнитивная теория. Особо выделена генетическая гипотеза, основанная на фактических данных о том, что риск развития этого расстройства в пять раз выше у людей, чьи родственники сталкивались с паническими атаками.

Проведенный анализ позволил выявить такие виды панических атак:

- спонтанные атаки, которые не имеют видимой причины и не привязаны к конкретным объектам;
- ситуативные атаки, в основе которых в качестве отправной точки лежит психотравмирующая ситуация, в будущем они возникают в ожидании повторения этой ситуации или когда появляются индивидуальные, запоминающиеся особенности произошедшей ситуации;
- условно ситуационные атаки, которые возникают в результате воздействия химического или биологического раздражителей, к которым относятся алкоголь и другие психоактивные вещества, влияющие на изменение внутреннего гормонального фона.

Однако проявления панического расстройства требует поиска и применения иных методов лечения, чем соматические нарушения сердечно-сосудистой, пищеварительной, дыхательной и других систем организма.

Важными условиями лечения панических атак и снижения количества их приступов являются понимание своего состояния и определенность в проявлениях этого расстройства у пациентов, их готовность к прохождению курсов лечения и подбору действующих методов и лекарственных препаратов, наличие активной позиции и потребности в действиях по самостоятельной помощи в критических моментах. Поэтому наиболее перспективным является рассмотрение проблемы возникновения и протекания панической атаки в общем комплексе психологической, физиологической, поведенческой, генетической и др. составляющих, характеризующих сигналы организма о возможном возникновении панической атаки.

Современные психологи используют в своей работе разнообразные методы, поскольку не существует универсального, изолированного способа лечения. Невозможность существования

такого способа объясняется сложностью внутренней картины болезни, важностью и разнообразием субъективных ощущений в структуре болезни [2].

Психосоматический подход в психологическом консультировании и психотерапии симптомов панических атак будет способствовать объединению и интеграции эффективных методов помощи, объясняющих взаимосвязь между психическим состоянием человека и его физическим здоровьем.

Проведенный анализ позволил нам глубже рассмотреть клинический портрет человека с симптомами «панических атак», сделать попытку описания и стандартизации психологических предпосылок («запускающих конфликтов»), способствующих их появлению, и определить гипотезы для изучения в формирующем эксперименте через создание психологического протокола работы по методу М. Филяева «Метод для психосоматической коррекции симптом Метод PSY 2.0».

В рамках исследования мы изучили индивидуально-личностные особенности и состояния людей, переживающих паническую атаку и значимые составляющие личностного конструкта людей, переживающих панические атаки, а именно: особенности самовосприятия, самооценки и самоотношения, специфика проявления тревожности, а также личностные предпосылки развития группы состояний «панические атаки», сопутствующие заболевания, адаптационные возможности и перемены.

Перед исследованием нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Для лиц, переживающих панические атаки, в качестве базовых характеристик (проблемных – определяющих частоту и интенсивность приступов), выступают характеристики личности, связанные с особенностями восприятия психотравмирующих ситуаций, желание контролировать, стратегия опасения (копинг стратегии) и другие. На их основе, в сочетании со спецификой переживания тревоги и агрессии, предполагаем, и формируется ряд деструктивных и дезинтеграционных поведенческих стратегий, способных вызывать панические атаки.

2. Психологическая работа с людьми, переживающими панические атаки, в рамках консультативно-психологической деятельности, предполагает анализ личностных проявлений, привычных поведенческих моделей и стратегий, первичных источников тревоги, страхов и является эффективной в том случае, когда направлена на формирование новой модели биопсихосоциального функционирования.

Практическая значимость исследования заключается в возможности оказывать психологическую помощь с применением методов, разработанных в нашем протоколе и возможностью внедрять в практическую работу психологов, работающих с проблемами негативных эмоциональных проявлений.

Опыт агидраматической работы в зоне СВО

Агиодрама, психодрама, СВО, трансцендентные роли, проактивность

Введение. Агиодрама (методика Л.М. Огороднова) – это психодраматическая работа по житиям православных святых [1]. Агиодрама в работе с жителями зоны СВО является частью био-психосоцио-духовной модели работы с травмой и направлена на переживание ситуации на уровне смыслов. Развитие посттравматического стрессового расстройства фиксирует человека на негативном прошлом и фаталистическом настоящем, выход из посттравматического состояния связан с появлением четкой перспективы будущего [2]. Проигрывание трансцендентных ролей помогает выстроить перспективу трансцендентного будущего, имеющего тесную связь с проактивностью, как смыслоцентрированным свойством взрослой здоровой личности (по определению Слабинского В.Ю., Воищевой Н.М. [3]).

Описание выборки. В апреле 2024 года Л.М. Огороднов и А.Г. Третьяков провели цикл из 8 агидраматических постановок в Медико-психологическом центре при Республиканской клинической психоневрологической больнице в Донецке. Групповые занятия были ежедневными, кроме выходных, длительностью от 45 минут до 1,5 часа. Группа была открытой. Численность от 5 до 18 человек.

Описание процесса и обсуждение результатов. В среднем на занятие приходили 8–9 человек. Некоторые уходили и приходили новые; в результате появился «костяк» из 8 наиболее мотивированных. Благодаря им в группе сложилась доверительная обстановка, позволившая на 7-м занятии провести терапевтическую работу.

Агиодрама – работа с трансцендентными (духовными) ролями, с христианскими смыслами. На практике не всегда получается выйти на духовную роль. Когда это получается, переживания участников бывают сильными и целительными, так как трансцендентные роли являются системообразующими для соматических, психологических и социальных ролей.

Первое занятие вводное, восьмое – завершающее. В данной группе на духовные роли выводили темы занятий, которые выбирали сами участники из патерика «Луг духовный» Иоанна Мосха и «Библии»:

1. «Испытание». Основной вывод группы – «С некоторыми ситуациями человек не может справиться, нужно полагаться на Бога».
2. «Исцеление» – «Важно иметь друзей, на которых можно положиться в безвыходной ситуации».
3. «Примирение» – «Для мира в душе нужно смирение, для его обретения нужна внутренняя работа».
4. «Сострадание» – «Нужно делать добро, даже если не знаешь последствий».
5. «Чудо» – произошло единение участников группы.
6. «Любовь» – произошла индивидуальная работа по «Гимну любви», в которой трансцендентными ролями выступили свойства любви: «не завидует, не раздражается, долго терпит».

Заключение. Агиодрама с комбатантами и жителями зоны СВО пробудила в участниках интерес к изучению святого Писания, что в целом повысило уровень мотивации к жизни. Наблюдались тенденции к развитию альтруистических мотивов – значимого элемента проактивности. Для терапевтической работы группы должны быть закрытые или полузакрытые. Для бойцов перспективнее формировать отдельные группы. Данный опыт может быть использован при работе с демобилизованными комбатантами и членами семей военнослужащих.

1. Огороднов Л.М. Что такое агиодрама? // Материалы VIII Московской психодраматической конференции. Часть II. – М., 2010. – С. 52–61.
2. Слабинский В.Ю., Воищева Н.М., Чехлатый Е.И. и соавт. Профессиональное выгорание и восприятие времени при посттравматическом стрессовом расстройстве // Экология человека. – 2018. – № 2. – С. 45–50.
3. Слабинский В.Ю., Воищева Н.М. Проактивность как смыслоцентрированное свойство личности // Когнитивная психология: методология и практика: Коллективная монография / Под науч. ред. В.М. Аллахвердова, Н.В. Дмитриевой, О.В. Защириной, С.Н. Костроминой, Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина. – СПб.: ВВМ, 2015. – С. 161–170.

Роман «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте как элемент целостной работы над профилактикой и коррекцией абыюзивных отношений

Абыюзивные отношения, психологическое насилие, абыюзер, жертва абыюза

Введение. Целью исследования выступил психологический анализ абыюзивных отношений между мужчиной и женщиной в романе Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». Современные критики [2] считают его первым феминистским романом в истории литературы. При этом данный роман не осмыслен с точки зрения психологии формирования, развития и распада абыюзивных отношений, которые определяются современными учеными [3] как такой тип отношений между партнерами, в котором присутствуют психологическое насилие, жестокое обращение, злоупотребление одним партнером другим.

Эмпирический объект исследования: 480 страниц романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». СПб.: Азбука, 2022 [1].

Основным методом исследования выступил контент-анализ содержания текста произведения. Выделены группы предложений, которые позволили описать психологические характеристики абыюзивных отношений и способы выхода из них.

Результаты. Проанализированы 47 эпизодов романа, в которых обнаружены шесть базовых психологических характеристик абыюзивных отношений: 1) отсутствие внимания абыюзера к потребностям жертвы и обесценивание ее личности; 2) социальная изоляция жертвы; 3) перекладывание абыюзером на нее ответственности за себя и свое поведение, а жертвой абыюза – принятие на себя ответственности за другого человека и развитие взаимоотношений в паре; 4) цикличность отношений абыюзера и его жертвы; 5) двойные стандарты, которыми руководствуется абыюзер; 6) приемы манипуляций, которыми пользуется главный герой, чтобы вызвать у жертвы чувство вины.

Также зафиксированы эпизоды, в которых автор раскрывает способы конструктивного выхода из абыюзивных отношений: 1) осознание абыюзером своего поведения и изменение его (на примере второстепенного героя Хеттерсли), что, по мнению известного специалиста в области работы с жертвами абыюза П. Эванс [3], является достаточно редким явлением; 2) осознание жертвой того, что она не виновата в том, что происходит в ее отношениях с партнером, и выход жертвы из отношений.

Обсуждение. На наш взгляд, история взаимоотношений главной героини романа со своим мужем является революционным для литературы XIX века, для романа, предназначенного для «женского чтения», так как он дает совершенно иные ориентиры для читателей, чем традиционные женские романы. Автор романа создал первое «пособие» по психологическому анализу абыюзивных отношений: от момента их возникновения до кульминации (выхода жертвы из этих отношений), а также возврата жертвы в отношения. Автор отдает дань гендерным стереотипам и ожиданиям как факторам формирования абыюзивных отношений, и показывает, как трудно и невозможно героине им противостоять до конца.

Заключение. Проведенное исследование является междисциплинарным, так как проведено на стыке психологии и филологии; позволило впервые обозначить данный роман как авторское исследование истории зарождения абыюзивных отношений. Данный аспект литературно-психологического анализа этого произведения ранее не был зафиксирован в литературной критике. Это позволяет нам рассматривать данный роман как возможный элемент целостной работы над профилактикой и коррекцией абыюзивных отношений, как элемент библиотерапии (психотерапии чтением художественных произведений).

1. Бронте Энн «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла». – СПб.: Азбука, 2022 – 480 с.
2. Повзун Е.В. Проблемно-тематическое своеобразие романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» (1848) // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 3. – С. 8–12.
3. Эванс П. Не бьет, просто обижает. Как распознать абыюзера, остановить вербальную агрессию и выбраться из токсичных отношений. – М.: Эксмо, 2020. – 336 с.

Концепция «раненого целителя» в юнгианском анализе и экзистенциальной психотерапии

Раненый целитель, эмпатия, юнгианский анализ, экзистенциальная психотерапия

Отправной точкой нашего исследования стал интерес к механизмам формирования и развития эмпатии. Эмпатия является одним из центральных феноменов во всех психотерапевтических системах и зачастую рассматривается как высшая психическая функция или способность, обусловленная рядом врожденных и средовых факторов. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой эмпатия развивается вследствие переживания травмирующих событий, побуждающих человека быть более бережным, понимающим и чутким к чужому болезненному опыту. Данный сценарий развития эмпатии по сей день остается малоизученным, в связи с чем мы предприняли попытку рассмотреть его через призму концепции «раненого целителя», в основе которой лежит идея лечения с помощью собственной ранености. Об этой концепции писали представители двух школ: юнгианского анализа и экзистенциальной психотерапии. Мы исследовали историю зарождения и эволюцию концепции в психотерапии и провели сравнительный анализ.

Возникновение архетипа «раненого целителя» в юнгианском анализе стало закономерным следствием становления личности самого Юнга и его взглядов на фигуру аналитика: если раньше, по мнению Юнга, идеальным терапевтом была психически здоровая личность, обладающая профессиональными компетенциями, то впоследствии он признал силу аналитика в уязвимости и настаивал на том, что лечить может только раненый врач [3]. Прототипом данного архетипического образа стал Асклепий, известный в древнегреческой мифологии как бог врачевания, чья рана была необходима для целительного дара. Гуггенбуль-Крейг и Гросбек, последователи Юнга, продолжили работать с «раненым целителем» и описали связанный с ним архетип «целителя-пациента», пробуждающийся в ходе анализа и играющий в нем заметную роль: именно он способен совладать с болезнью и повлиять на исход терапии [4].

Экзистенциальный психотерапевт Ролло Мэй также изучал концепцию «раненого целителя»: он проанализировал биографии выдающихся психотерапевтов и творцов и пришел к выводу, что многие из них были сформированы благодаря опыту преодоления трудностей, которые привели к развитию сострадания и творческих способностей [2]. Также Мэй по-новому взглянул на болезнь как на дар, которому необходимо найти должное применение. Похожие взгляды на болезнь мы встретили в работе Алис Миллер, автора концепции «одаренного ребенка», в рамках которой раненость рассматривается не как бремя, обрекающее человека на страдания, а как ресурс для реализации внутреннего потенциала [1].

При сравнении концепции «раненого целителя» в двух психотерапевтических школах нам удалось выявить несколько отличий. Юнг обнаружил истоки концепции в древнегреческих мифах, в то время как Мэй черпал знания из наблюдений за обыденной жизнью человека. Кроме того, Юнг и его последователи рассматривали архетип лишь в рамках психотерапевтического процесса в контексте изучения контрпереноса; Мэй же подчеркивал универсальность концепции и находил ее отражение во многих сферах жизни человека. Наконец, Юнг и Мэй имели разные представления о соотношении и значимости здоровой и раненой части внутри человека: если Юнг боролся за примирение обеих частей во имя обретения целостности, то Мэй уповал на болезнь как на фактор, открывающий человеку путь к самоактуализации и духовному преображению. Несмотря на различия во взглядах, Юнга и Мэя объединяли вера в человека и его безграничные возможности, в его талант быть целителем для себя и Другого, а также в истинное желание каждого стать самим собой и реализовать свое уникальное предназначение.

1. Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я. – М.: Академический проект, 2023. – 136 с.
2. Мэй Р. Раненый целитель // Консультативная психология и психотерапия. – 1997. – Т. 5, № 2. – С. 90–95.
3. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Львов: АСТ, 1998. – 475 с.
4. Groesbeck C.J. The Archetypal Image of the Wounded Healer // Journal of Analytical Psychology. – 1975. – Vol. 20, Iss. 2. – P. 122–145.

Калантарова М.В., Шведовская А.А.
Москва, ФГБОУ ВО МГППУ

Рощина И.Ф.
Москва, НЦПЗ РАМН, ФГБОУ ВО МГППУ

Иванчина Н.В.
Москва, ГБУ Социальный дом «Ярославский»

Когнитивная стимулирующая терапия в работе с лицами пожилого возраста с мягким когнитивным снижением и деменцией, постоянно проживающих в условиях социальных учреждений

Когнитивная стимулирующая терапия, деменция, когнитивный дефицит

Одной из наиболее распространенных в мире программ когнитивной терапии пациентов с деменцией является Когнитивная стимулирующая терапия (КСТ), которая была разработана в Университетском колледже Лондона [1].

Принципы построения программы КСТ способствуют спонтанной актуализации компенсаторного потенциала когнитивной сферы [2]. Тематическое насыщение сессий КСТ охватывает широкий спектр вопросов, связанных с разными направлениями активности человека, что значительно повышает параметры экологичности материала [1, 3].

В 2023 году была проведена культурная адаптация перевода на русский язык руководства для специалистов, ведущих групповые занятия программы «Когнитивная стимулирующая терапия», и апробация программы «Когнитивная стимулирующая терапия» в работе с лицами пожилого и старческого возраста на российской выборке на базе дома социального обслуживания (ДСО) города Москвы.

Проведены 14 занятий по программе «Когнитивная стимулирующая терапия» с лицами пожилого и старческого возраста, проживающих в доме социального обслуживания. Все предложенные стимулы оказались узнаваемыми, эмоционально значимыми, включенными в широкое поле ассоциативных связей, что позволило эффективно использовать их в работе. До начала групповой работы и после ее завершения была проведена скрининговая оценка когнитивной и эмоциональной сфер участников программы.

Курс КСТ позволил повысить автономность участников, способствовал улучшению их когнитивных функций, настроения и субъективной оценки качества жизни. Достигнутый в результате программы эффект оказался достаточно устойчивым.

В то же время необходимо учитывать ряд препятствий, с которыми можно столкнуться при внедрении программы КСТ в социальном учреждении. Во-первых, трудности формирования группы участников программы в пределах одного отделения ДСО согласно критериям включения. Во-вторых, трудности организационного порядка. С одной стороны, необходимо учитывать распорядок дня участников, проживающих в разных отделениях учреждения, с другой – график работы персонала, вовлеченного в процесс внедрения и реализации программы. В-третьих, необходимо учитывать санитарно-эпидемиологические нормы, принятые в социальных учреждениях для постоянного проживания пожилых людей. Продолжительные карантинные меры, которые пожилые люди проводят в условиях социальной и сенсорной депривации при сниженной двигательной активности, могут нанести значительный урон эффективности терапии и приводить к декомпенсации нарушений когнитивной сферы. Возможно, для работы по программе КСТ в социальных учреждениях такого типа подойдет дистанционный или смешанный вариант проведения сессий.

1. Калантарова М.В., Шведовская А.А., Хромов А.И. Групповые методы работы в нейропсихологической реабилитации и нейрокогнитивной профилактики в России // Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18–21 октября 2022 года. – СПб.: ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 675–676.
2. Рощина И.Ф., Калантарова М.В., Шведовская А.А., Хромов А.И. Профилактика когнитивного снижения в позднем онтогенезе: программы «Клиника памяти» и «Когнитивная стимулирующая терапия» // Клиническая и специальная психология. – 2022. – Т. 11, № 3. – С. 44–70. DOI 10.17759/crpe.2022110302.

Этика психолога-практика как психологический феномен личности

Психологическая этика, личностная этика, внутренняя этика, этика психолога

При всей актуальности темы психологической этики, она весьма слабо освещена в отечественной психологии, а в целом, в том числе зарубежом, имеется крайне мало эмпирических исследований [1, 3, 4]

Настоящая работа является презентацией итогов проведенной серии исследований, посвященных изучению психологической этики именно как личностного качества. Данные тезисы основаны на материалах диссертации автора [2].

Теоретически обосновывая наше исследование, мы исходим из того, что существует ряд «водоразделов» между этикой и моралью. В частности, под этикой чаще всего понимается либо философская дисциплина о морали, либо формальный свод норм и правил, под моралью же – преимущественно личностные установки и ценности, разделяемые сообществом.

Этику возможно разделить на «внешнюю» и «внутреннюю». Внешнюю по отношению к субъекту действия, закрепленную во внешних источниках (кодексах, правилах, сводах) и внутреннюю, как бы рождаемую самим субъектом. Внутренняя этика выражается в этической установке человека, а проявляется в наблюдаемой форме через этический поступок. Этический поступок есть всегда надситуативная и неадаптивная активность.

Целью первого исследования являлось выявление того, как репрезентируются этические нормы в сознании психологов-практиков.

82 психологам-практикам было предложено оценить 19 постулатов из этических кодексов мета-модальных ассоциаций по 10 критериям посредством шкалы Ликерта от –3 до +3.

Основной вывод из данного исследования: внутреннюю репрезентацию этических правил возможно разделить, отнеся к двум полюсам – полюс блага «клиента» и полюс блага «общества / «психологического сообщества».

Вторая и третья серия исследований были посвящены исследованию этической установки и этического действия.

Выборка составила 102 человека (80 женщин, 22 мужчины) – практических психологов. Исследование проводилось методом виньеток (кейсов).

Наиболее интересные результаты состоят в том, что была обнаружена значимая слабая отрицательная корреляция с возрастом. Таким образом, чем старше испытуемый, тем меньше соответствуют его оценки этических ситуаций экспертным оценкам. Так же практически отсутствует значимая корреляция с опытом терапевтической работы.

Не обнаружено связи с уровнем психологического образования, психотерапевтического образования, профессиональным стажем или подходом, в котором практикует специалист.

Кроме того, было проведено исследование этического действия.

Обнаружены значимые, хотя и относительно слабые корреляции между качеством этических решений и возрастом, а также между качеством решений и опытом в психотерапии. При этом отсутствуют значимые корреляции с образованием в области психологии и психотерапии.

Так же как и в случае с этической установкой, нами не обнаружено значимых корреляций с терапевтическим подходом, который используют испытуемые.

Итак, основной вывод из серии исследований таков, что психологическая этика в первую очередь – личностное, а не «внешнее качество».

1. Гаранян Н.Г., Захарова Ю.В., Сорокова М.Г. Этические установки российских психологов-консультантов: область разногласий и потенциальных конфликтов // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 87–112.
2. Крючков К.С. Представления практических психологов об этических нормах при разрешении профессиональных дилемм: Дис. ... канд. псих. наук: 5.3.1 защищена 28.02.2024; утв. 26.03.2024. – М., 2024. – 193 с.
3. Шаболтас А.В. К обсуждению проекта этического кодекса российского психологического общества // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2012. – № 2.
4. Allphin C. An ethical attitude in the analytic relationship // Journal of Analytical Psychology. – 2005. – 50(4). – P. 451–468.

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Аспиранты». Проект №: 20-313-90031

Профессиональная подготовка специалистов в области психодрамы: методология и опыт

Психодрама, подготовка ведущих

С 2018 года реализуется проект «Санкт-Петербургская школа Психодрамы», целью которого является всесторонняя подготовка ведущих групп психодрамы, режиссеров.

Мы придерживаемся следующего понимания психодрамы: «Психодрама может рассматриваться как метод групповой психотерапии, который представляет собой ролевую игру, в ходе которой создаются необходимые условия для спонтанного выражения эмоций, связанных со значимой проблематикой пациента» (Г.Л. Исурина). Уточняя, можно сказать, что психодраматические методы способствуют достижению «инсайта в действии».

Режиссер – это тот, кто организует процесс исследования клиентом его индивидуальных или семейных сложностей.

Его функциями являются:

- Эмоциональная подготовка участников группы к импровизационной игре и мотивированию участников на исследование источников своих проблем.
- Организация психодраматического действия для реализации этого исследования.
- Побуждение участников группы к проявлению спонтанности.
- Создание атмосферы открытости и безопасности для облегчения эмоционального обмена в группе и взаимной поддержке.
- Помощь в анализе и интерпретации результатов.

Задачи, решение которых принципиально важно для подготовки ведущих групп психодрамы:

1. Знание теоретических и методологических основ психодрамы.
2. Овладение основными методами психодрамы.
3. Готовность реализовать целостное психодраматическое действие в соответствии запросом клиента.
4. Способность разработать самостоятельно психодраматическую процедуру в зависимости от запроса группы или отдельного ее участника.
5. Умение видеть групповую динамику, понимать суть взаимоотношений участников и влиять на них.

Сложности в подготовке ведущего психодрамы (режиссера):

1. Сложность задач, которые предстоит решать режиссеру психодрамы.
2. Методы психодрамы легко и фактически беспрепятственно используются в других психологических школах. Поэтому важно чтобы участники обучения осознавали границы именно «психодраматического» использования приемов и методов психодрамы.
3. Одной из основных идей подхода является открытие потенциала спонтанности и креативности человека. Следовательно, и ведущий групп психодрамы должен вполне обладать этими качествами.
4. При этом методы психодрамы предполагают структурированность, четкость и последовательность их реализации.

Разработка структуры методического курса «Санкт-Петербургская школа Психодрамы» предполагает решение необходимых задач и преодоление сложностей подготовки режиссеров.

Можно сказать, что мы используем «модель улитки», где методическое постижение профессии плотно укоренено на личный опыт пережитого и переживаемого в группе каждого участника обучения.

Поэтому методический курс, 174 часа, состоит в основном из практики групповой работы и следующих этапов.

1 этап – участие в терапевтической группе в качестве клиента. Этот этап позволяет участникам на собственном опыте пережить «инсайт в действии».

2 этап – теоретическая подготовка (лекция и самостоятельное изучение литературы). Понимание идей, теоретических истоков психодрамы, ее принципов.

3 этап – практика овладения отдельными методами классической психодрамы. На этом этапе особенно важно понимание отличий использования методов психодрамы именно в классически психодраматическом ключе.

4 этап – исследование возможностей использования психодрамы для изучения социально-психологических феноменов (социодрама)

5 этап – творчество психодраматиста, где участники предлагают варианты реализации собственных идей психодраматических процедур.

6 этап – участие в реальной терапевтической группе «Психодрама: решение индивидуальных и семейных сложностей». С последующим обсуждением с супервизором группой динамики.

7 этап – теоретический зачет.

8 этап – супервизия постановки целостного действия участниками.

9 этап – написание эссе, чтобы представить свои результаты обучения психодраме.

Таким образом, методический курс решает все необходимые задачи подготовки режиссера, в том числе их личностную «настройку» для ведения групп психодрамы.

Присутствие в процессе психотерапии: феноменологическое исследование

Феномен присутствия, качественное исследование, психологическое консультирование, психотерапия

Феномен присутствия в процессе психотерапии – осязаемое в практике психологической помощи «лечащее» явление, но не имеющее утвержденное терминологическое отражение в научной среде понятие. Необходимость исследования данного феномена была продиктована отсутствием целостного описания психотерапевтического присутствия, т.к. направления практических школ рассматривают отдельные компоненты процессуального аспекта. Это не позволяет накапливать знание, а значит – блокирует углубление и уточнение образовательных программ обучения будущих специалистов.

Построив теоретическую модель изучаемого феномена [1], автор приступил к разработке дизайна эмпирического исследования с использованием качественной методологии. Сбор данных был осуществлен в два этапа через проведение глубинных полуструктурированных феноменологических интервью.

Первыми в качестве респондентов выступили клиенты (2 мужчин и 8 женщин, средний возраст – 26 лет, каждый из них посещал сеансы психотерапии более 15 раз и имел субъективный опыт переживания присутствия специалиста). Среди направлений психотерапии, в рамках которых велась работа, были: психодрама, гештальттерапия, экзистенциальный анализ, понимающая психотерапия, клиент-центрированный и эклектичный подходы.

Во втором этапе соисследователями являлись психотерапевты, практикующие в различных подходах: гештальт-терапия, экзистенциальный анализ, логотерапия, ОРКТ, семейная системная психотерапия, транзактный анализ, юнгианский анализ, когнитивно-бихевиоральная терапия. Возраст респондентов варьировался от 29 до 56 лет, 4 мужчин и 14 женщин.

Анализ данных осуществлялся по описательному феноменологическому психологическому методу А. Джорджи [4] (суммарное время интервьюирования респондентов двух этапов исследования – порядка 1980 минут, которое нашло отражение в транскрибированном тексте объемом около 830 страниц).

Результатом первого этапа исследования предстала Модель феномена присутствия в процессе психотерапии (через восприятие опыта клиентов) [2], а обработанные данные второго этапа позволили сконструировать Интегральную модель феномена присутствия, которая холистически описывает психотерапевтическое присутствие и охватывает организационный, структурный, процессуальный, динамический аспекты изучаемого явления, нашедшие репрезентацию в 22 инвариантных компонентах. Особенностью переживания феномена присутствия в процессе психотерапии и клиенты, и специалисты выделили трансцендентное переживание, имеющее синергетический эффект. Серкин В.П. постулировал, что решение в консультативном пространстве находится взаимодействием клиента и специалиста [3].

Целостное рассмотрение феномена присутствия специалиста и клиента в процессе психотерапии различных практических школ позволяет разрабатывать теорию присутствия, объединяющую психологическую практику и психологию как область науки.

1. Осетрова М.А., Серкин В.П. Модель феномена присутствия в процессе психотерапии // II Междунар. конф. по консультативной психологии и психотерапии, посвящ. памяти Ф.Е. Василюка: сб. матер. / Под ред. Е.В. Букшиной, В.А. Земцовой. – М., 2020. – С. 201–205 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.psy.su/remote_2/fle_dop_mat_projects_1_9327.pdf (дата обращения: 03.05.2024).
2. Осетрова М.А., Серкин В.П. Феномен присутствия в процессе психотерапии: исследование опыта клиентов // Мир психологии. – 2022. – № 4(111). – С. 39–50.
3. Серкин В.П. Методологические и организационные вопросы разработки клиентского психотерапевтического (консультативного) мифа // Организационная психология. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 156–167.
4. Giorgi A.P. The descriptive phenomenological psychological method / A.P. Giorgi, B.M. Giorgi // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / ed. by P.M. Camic [et al.]. – 2003. – P. 243–273. – URL: <http://doi.org/10.1037/10595-013>

Особенности и ограничения изучения терапевтического поворота в российском контексте

Терапевтическая культура, терапевтический поворот, терапевтический дискурс

Популяризация психологических практик и внедрение в обывательский язык терапевтических терминов приводит к необходимости рефлексии по поводу того, как психология меняет общество. Распространение терапевтической культуры приводит к осознанию важности собственной жизни, может улучшить качество жизни, служить стимулом к принятию сложных решений или повысить эффективность организационных процессов. Однако популярна и концепция терапевтического поворота Ф. Риффа: психологизация приводит к тому, что в центре культуры оказывается эгоистичный и одинокий человек, который увлечен заботой о себе и своем благополучии, что ведет к моральной деградации социума [1]. Терапевтическая культура примиряет человека с окружающим его миром, который полон несправедливости и нуждается в изменении через активность в политических и гражданских процессах. Изначально обсуждались психоаналитические представления и практики, подразумевающие поиск проблем человека в травмах и событиях раннего детства, а не в актуальной социально-политической обстановке. Далее критикуются идеи организации компаний на основе результатов исследований организационных отношений, гуманистическая психология, тесты IQ, бизнес-тренинги, тренинги личностного роста и др. психологические, околопсихологические и квазипсихологические практики.

Интересна ситуация в странах с незавершенной институционализацией оказания психологических услуг (образовательных, тренинговых, консультационных, коучинговых и пр.). Кроме того, если западные общества отличаются высоким уровнем индивидуализма, постсоветские и восточные государства – скорее коллективистские (Хофстеде) [2]. Научная проблема: как распространение терапевтической культуры влияет на российское общество; есть ли отличия от опыта западных стран. Актуальность: понять последствия роста рынка психологических услуг в условиях его недостаточной институционализации; не приводит ли широкое распространение терапевтической культуры к дискредитации психологической науки, которая и без того сталкивается со скептическим отношением?

При помощи содержательного и дискурс-анализа нами рассмотрено 28 публикаций по теме терапевтической культуры в контексте РФ (отбор по ключевым словам в elibrary.ru и методом снежного кома). Авторы склонны к использованию разоблачительного мотива в отношении терапевтической культуры в РФ. В основном рассматривается массовая культура, которая впитала в себя и транслирует терапевтический дискурс, а не деятельность дипломированных психологов. Отмечается противоречивость терапевтической культуры в российском контексте, ее оторванность от собственно психологии. Терапевтический дискурс сосуществует с консервативными и просоциальными установками, при этом не вытесняя их. Существует возрастное, гендерное и экономическое неравенство в отношении принятия терапевтической культуры.

Однако исследования терапевтической культуры имеют ряд серьезных ограничений. Они слабо проводят различия между практиками дипломированных специалистов и околопсихологическими мероприятиями. Под вопросом оказывается роль самих психологов в формировании широкого терапевтического дискурса. Во многом это объясняется слабой институционализацией психологических практик в РФ (лицензии, дипломы, сертификаты, аккредитация не всегда обязательны для оказания услуг; юридические аспекты оказания услуг не являются прозрачными и очевидными). Возникает проблема различения того, что связано с психологией и психологическим образованием, и того, что находится за их пределами. Возможно, терапевтическая культура психологов и массовая терапевтическая культура – это разные явления с существенными идеологическими различиями. Более того, отдельные направления психологии транслируют разные, порой конкурирующие дискурсы. Другая проблема – неучет коллективизма: повышение внимания роли личности в условиях доминирования общественных интересов – не то же самое, что культ личных границ и интересов при пренебрежении общественными в западных индивидуалистических обществах.

1. Rieff P. The Triumph of the Therapeutic. – New York: Harper & Row, 1996.
2. Hofstede G. Dimension Data Matrix [Online]. – URL: [http:// www.geerthofstede.nl/](http://www.geerthofstede.nl/)

Дзенская практика совместной медитации – рэнга – как метод майевтической феноменологии инициального опыта

Дзен, рэнга, майевтика, феноменология, активное слушание

В выступлении будет представлен опыт использования традиционной дзенской практики совместной медитации через стихи (рэнга) в рамках реализуемой нами экзистенциально-инициальной терапии, как она сложилась в школе выдающегося немецкого психотерапевта Карла Фрида Дюркхайма.

Практика совместной медитации через стихи – рэнга – родилась в средневековой Японии наряду с другими медитативными практиками, такими, в частности, как коаны.

Участники сессии – их небольшое число, чаще всего от трех до семи, – собираются в круг, после чего ведущий сессии, или модератор, определяет порядок вступления участников, а также решает, принимать или отклонять реплики каждого очередного участника.

Рэнга может практиковаться в двух классических формах: либо в режиме спонтанного порождения «здесь и сейчас» реплик отдельными участниками, либо с использованием заранее заготовленных «карточек», которые раздаются участникам перед началом сессии, на каждой из которых записаны «части» возможного пятистишия, называемого танка.

На реплики участников накладываются строгие и, с точки зрения рационального европейского сознания, несовместимые требования: каждая последующая реплика очередного участника должна образовывать с предыдущей безупречное целое – классическое пятистишие танка – форму, отвечающую строгому канону – и, вместе с тем – и это критически важно для сути этой практики – дабы быть дзенским, стихотворение должно быть абсолютно спонтанным, безосновным, не вынужденным ничем внешним себе – в том числе и репликой предыдущего участника! Оно должно рождаться из знаменитой «дзенской пустоты», которая, по слову великого средневекового китайского поэта и мастера дзен Ван Вэя, «уже не заполняется вещами», т.е. не определяется ничем «готовым» и преднаходимым.

«Разрешение» этого «парадокса» заключается в том, что каждая реплика предыдущего участника должна восприниматься следующим как медитативный текст – своего рода «мантра», как раз и позволяющая ему проходить в топос дзенской пустоты, откуда он может рождать свои строки (а в случае использования готовых карточек – так «читать» записанные на них строки).

Для чего, конечно, эта реплика предыдущего участника должна также и «читаться» как медитативный текст самим этим предыдущим участником в ходе ее порождения, ибо только это может позволить ему порождать «дзенские» строки.

По кругу сессии рэнга начинает бежать «стоячая волна» измененного состояния сознания, пребывание в которой оказывается важным терапевтическим опытом для участников.

В выступлении будут предъявлены сохранившиеся записи сессий рэнга с выдающимися участниками – средневековыми японскими поэтами.

На поверку оказывается, однако, что при известной подготовке участников выполнение этих «невозможных» требований вполне достижимо и для современных клиентов терапевтических сессий.

Вспомним, кстати, тут – как оказывается, недалеко от этого стоящего... Карла Роджерса, который, разъясняя свою идею «активного слушания», выставлял, пожалуй, равно парадоксальное требование: чтобы каждая реплика клиента была по возможности «изначально медитативной» для терапевта, т.е. позволяла бы ему проходить в такое – «слегка измененное» – состояние, из которого только и открывается возможность «слышать» клиента!

**«Исцеляющий смысл» В. Франкла:
перспективы применения логотерапии в психологической практике
с людьми христианской религиозной идентичности**

Сверхсмысл, логотерапия, психотерапия, Франкл, христианство

Логотерапия – один из видов психотерапии экзистенциального подхода, разработанный австрийским психологом и философом В. Франклом в середине XX в. Её терапевтический потенциал основывается на поиске и реализации смысла жизни, а первопричиной невротических состояний рассматривается утрата этого самого смысла. Причём В. Франкл в своей теории выделяет три вида смысла: смысл в каждой жизненной ситуации (охарактеризуем его как «конкретизированный смысл»), концептуальный смысл жизни и сверхсмысл [1]. Первый вид смысла связан с текущей деятельностью и текущим состоянием человека. Данный смысл обретается «здесь и сейчас», что позволяет рассмотреть с конструктивной точки зрения своё состояние. Концептуальный смысл жизни – это выработанная в течение жизни система взглядов и ценностей, которая выступает нравственным ориентиром для человека. Если в случае «конкретизированного смысла» мы можем выделить общую методологию, применимую к целому ряду жизненных ситуаций, то концептуальный смысл В. Франкл характеризует квалиативностью. Мы можем определить его лишь постфактум, как результат нашей жизни. Сверхсмысл по В. Франклу – есть способ поиска своей экзистенциальной идентичности. Можно сказать, что сверхсмысл – это феномен, принципиально отличный от «Я», онтологическое стремление к «Другому» как трансцендентной причинности его «человечности». Указанный подход позволяет с помощью теоретического анализа выделить особое значение поиска сверхсмысла в парадигме логотерапии как детерминирующего фактора над остальными «смысловыми поисками». В связи с трансцендентным характером сверхсмысла и поиском последнего как способа психотерапии усматривается перспектива использования логотерапии в работе с религиозными людьми. В своей работе мы остановимся на исследовании потенциальной эффективности логотерапии у людей с христианской религиозной идентичностью.

Для обоснования актуальности исследования была разработана авторская анкета, содержащая 4 вопроса, раскрывающих информацию о религиозной идентичности, опыте обращения за психологической помощью, влиянии религиозных взглядов на выбор методов психологического консультирования и психотерапии, а также потребностях в возможности раскрытия потенциала религиозного мировоззрения.

Анкету на платформе «Яндекс-формы» прошли 103 респондента. В 89,3% в опросе приняли участие христиане, из которых 60,5% респондентов отметили, что их мировоззрение влияет на выбор методов психологического консультирования. 44,4% от количества респондентов-христиан обращались или планируют обратиться за психологической или психотерапевтической помощью, из которых 77,7% склонны выбирать методику, реализующую терапевтический потенциал их мировоззрения.

Христианское вероучение традиционных конфессий предполагает существование Троичного Бога, который одновременно и трансцендентен, и имманентен по отношению к миру [2]. Стремление к поиску «запредельного» сверхсмысла в логотерапии коррелирует с христианским стремлением к богопознанию. Таким образом, через наличие устойчивых представлений о трансцендентном у христиан может быть интерпретировано специалистом как сверхсмысл, из которого, посредством терапевтической беседы (например, сократического диалога), могут быть выделены «конкретизированные смыслы» во всех ситуациях «здесь и сейчас», что раскрывает терапевтический потенциал вероучения при работе в логотерапии. Следовательно, мы можем говорить о потенциально высокой эффективности рассматриваемого метода при работе с христианами.

1. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. – СПб.: Речь, 2000. – 285 с.
2. Давыденков О.В., прот. Догматическое богословие: учебник. – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, ИД «Познание», 2021. – 456 с.

Специфика групповой психологической работы в стационаре скорой помощи

Групповая психологическая помощь, тренинги, соматическая медицина

Работа психологической службы в стационаре скорой помощи часто сопряжена не только с экстренностью вызовов, но и с необходимостью оказывать помощь большому количеству человек единовременностью. Постоянный поток пациентов и родственников требует от специалиста не только временных затрат, но и личностных ресурсов [1]. Организация психологической помощи пациентам, находящимся на лечении в соматической клинике и их родственникам посредством психообразовательных групп может быть одним из наиболее эффективных решений данной проблемы [2]. Тем не менее, привычный сеттинг группового занятия, который подразумевает 1,5 или 3-часовой формат может быть недоступен в рамках стационара скорой помощи.

Опыт работы психологической службы НИИ СП им. Н.В. Склифосовского показывает, что формат проведения групп может быть модифицирован в соответствии с условиями и возможностями больницы и нагрузкой на психологическую службу. Рассмотрим три варианта тренингов в зависимости от целевой группы, которые могут быть организованы на базе стационара скорой помощи.

1) Работа с пациентами. При организации тренинга для пациентов следует учитывать следующие параметры: период нахождения в больнице, текущая работоспособность, тяжесть состояния пациента, организационная специфика (количество койко-дней, необходимость рутинно осматривать всех пациентов определенной нозологии, отсутствие фиксированного времени для консультации).

В связи с этим программа должна быть гибкой и способной адаптироваться под изменяющийся запрос и условия проведения. Содержательная часть занятий не должна касаться глубоких тем, требующих длительной проработки, и по большей части сфокусирована на приобретении психологических навыков. В качестве примера можно привести группу для кардиологических пациентов, состоящую из двух занятий по 45 минут, мишенями которой является повышение приверженности лечению, психообразование о связи эмоций с физиологическим состоянием и обучение конкретным навыкам эмоциональной регуляции.

2) Работа с родственниками пациентов. При организации тренинга следует учитывать, что большинство посетителей прежде всего приезжают для того, чтобы получить информацию от врачей и поддержать близких, которые находятся на госпитализации. Работа с психологом отходит для них на второй план, в связи с этим подобные группы могут проводиться за полчаса до начала времени посещения, когда родственники ожидают в холле. Одним из подобных примеров является группа для родственников пациентов нейрохирургической реанимации. Группа носит в первую очередь психообразовательный характер, в рамках которой специалист в течение 20 минут рассказывает об особенностях нахождения в реанимации и способах самопомощи в случае ухудшения эмоционального состояния. Следует отметить, что подобные группы повышают доверие к психологической службе и обращаемость к специалистам в дальнейшем.

3) Работа с персоналом больницы должна принимать во внимание следующие факторы: загруженность отделения, сменный график работы, возможность быстро вернуться в отделение при экстренных вызовах, субординация и различие в должностных обязанностях [2]. Таким примером выступает группа для медицинского персонала, оказывающего помощь в отделении соматопсихиатрии. Тренинги направлены на повышение стрессоустойчивости, развитие коммуникативных навыков и психообразование о специфике поведения пациентов с ментальными расстройствами. Встречи длительностью в 30 минут проводятся после плановой выписки пациентов и закономерного снижения загруженности персонала.

Общей рекомендацией, способствующей стабильности проведения тренингов, может быть выделение определенного дня для каждой группы с заблаговременным осведомлением всех участников процесса. Представленный опыт может свидетельствовать о том, что психологическая помощь может быть адаптирована и оптимизирована даже в постоянно изменяющихся условиях и выполнять ряд важных задач.

1. Bekelepi N. & Martin P. Support interventions for nurses working in acute psychiatric units: A systematic review // Health SA Gesondheid. – 2022. – Vol. 27(0). – P. 1811. – URL: <https://doi.org/10.4102/hsag.v27i0.1811>
2. Sanz Cruces J.M., García Cuenca I.M., Lacomba-Trejo L., Cuquerella Adell M.Á., Cano Navarro I., Ferrandis Cortés M., Jordá Carreres E., Carbajo Álvarez E. Group Therapy for Patients with Adjustment Disorder in Primary Care // Spanish Journal of Psychology. – 2018. – Vol. 21. – P. 50. doi: 10.1017/sjp.2018.51. PMID: 30442217.

Психотерапевтическое взаимодействие как путь к экзистенциальности

Психотерапия, идентичность, интенциональность, экзистенциальность

На сегодняшний момент отсутствуют научно обоснованные данные о природе психологического здоровья и эффективности различных методов психотерапии. Однако идеи, выдвинутые экзистенциальными гуманистическими подходами, значительно повлияли на формирование понятия психотерапии. Экзистенциальные подходы основаны на идее человеческой экзистенции, которая определяется как базовое свойство человека, позволяющее ему влиять на окружающий мир и проявлять творческие способности. Экзистенция представляет собой не объективизируемую сущность, которая существует в каждом человеке и проявляется через индивидуальность и прохождение возрастных кризисов. Хотя человеческая суть может быть обсуждаема, ее окончательное определение не может быть дано.

Экзистенциальное направление психотерапии рассматривает феномен экзистенции как внутреннее динамическое условие существования человека, выражающееся в постоянном принятии решений о своей жизни и окружении. Это проявляется в каждодневных выборах, таких как действия с чашкой кофе или решения об обучении, что вызывает внутренние переживания и динамику в человеке.

Ролло Мэй, один из основателей американской экзистенциальной терапии, изначально психоаналитик, выводит экзистенциальную психотерапию из теории психоанализа. Он утверждает, что экзистенция выражается через интенциональность – способность человека иметь намерения и проявлять их в окружающем мире. Это касается как бытовых намерений, например, решений о том, как пить кофе или организовать мебель, так и более значимых социальных взаимодействий, таких как выбор транспорта.

Мэй подчеркивает, что интенциональность исходит также от самого объекта взаимодействия. Принимая решения, человек опирается не только на своё бытие, но и на свойства объекта, выбирая то, что соответствует его внутренней сущности. Например, решение пить из чашки или консервной банки зависит от индивидуальных предпочтений и обстоятельств.

Таким образом, жизнь человека состоит из этих намерений и решений, которые формируют взаимосвязи между субъектом и окружающими объектами, отражая подлинную сущность человека.

Идеи экзистенциальной психотерапии, сформулированные её классиками, обнаруживают сходство с концепциями современных аналитиков, таких как Отто Кернберг, который разработал теорию объектных отношений. Согласно этой теории, психическая жизнь человека проявляется через постоянный выбор между различными объектами, и характер этого выбора отражает внутреннюю психическую структуру личности. В классическом анализе это взаимодействие описывалось через динамику между элементами эго и суперэго, однако современные аналитические подходы значительно уточнили эти понятия.

Экзистенциальная терапия отличается тем, что вводит понятие экзистенциальности, указывая на разницу между наличием экзистенции и её выражением. Экзистенциальность подразумевает, что человек не просто обладает определённым бытием, но и стремится к выражению своей истинной человечности и созданию жизни, соответствующей этой сущности. Целью экзистенциальной психотерапии является достижение состояния, в котором человек осознаёт свою уникальность и человечность, а также способен строить свою жизнь в соответствии с этими качествами.

Эти идеи находят отклик в различных психотерапевтических подходах, отражая общие запросы пациентов на самореализацию и создание жизни, соответствующей их истинной сущности. Таким образом, экзистенциальность можно рассматривать как готовность человека трансформировать свою жизнь в соответствии с его уникальной индивидуальностью и внутренней сущностью.

Психотерапия, в свою очередь, определяется как особый вид межличностного взаимодействия, при котором пациент получает профессиональную помощь, основанную на психологических средствах. Эти средства могут быть как вербальными, так и невербальными и направлены на работу с внутренним миром пациента

Рефлексия как метод психологической самопомощи

Рефлексия, психологическая самопомощь, метод самопомощи, тематический анализ

Несмотря на регулярное столкновение с жизненными трудностями, в России регистрируется низкий уровень готовности обращаться за профессиональной психологической помощью, вместо этого большинство выбирает справляться с трудностями самостоятельно [1]. Это положение ставит вопрос о том, каким именно образом люди предпочитают сохранять свое жизненное благополучие, к каким методам психологической самопомощи прибегают. Исследование О.Р. Михайловой [3] продемонстрировало, что рефрейминг является одним из самых распространенных методов самопомощи. Однако, будучи психологами, мы заинтересованы в раскрытии психологической стороны данного метода самопомощи. Мы также расширили рамку исследования, изучив рефлексии в целом как метод психологической самопомощи.

Таким образом мы пришли к цели данной работы – раскрыть специфику использования людьми рефлексии как практики самопомощи в случаях разных типов психологических проблем.

В рамках этой цели мы провели 12 полуструктурированных интервью, расспрашивая о том, как люди справляются с жизненными трудностями и какую роль играет рефлексия в этой части их жизни. Полученные данные были проанализированы с помощью тематического анализа [2].

В результате анализа проведенных интервью нам удалось выделить преимущества и ограничения использования рефлексивных практик, а также пределы их применения. Так, для субъективно легких проблем рефлексия либо совсем не требуется, либо протекает очень быстро. Для субъективно трудных проблем, например, экзистенциальных вопросов, применение рефлексии затруднено, – респонденты сообщали о необходимости помощи извне: близких или психологов. Для вопросов средней трудности рефлексия наиболее актуальна и применялась респондентами – 11 из 12 человек заявили о наличии и использовании рефлексивных практик.

Также нами было выделено 10 конкретных видов рефлексивных практик, описанных респондентами: осознание, мысленное разделение на части, сверка с реальностью, планирование, переформулирование проблемы, понимание перспективы и будущих действий, размышления о возможных вариантах решения, письменные рефлексивные практики, аналитическое задавание вопросов, внутренний поддерживающий разговор. Для большинства отмеченных респондентами жизненных трудностей применимы практически все рефлексивные практики, это свидетельствует об их универсальности и широте применения. Однако даже использование отдельных рефлексивных практик приводит к переосмыслению трудностей и улучшению субъективного благополучия.

После анализа полученных данных мы однозначно можем говорить о том, что рефлексия является психологическим методом самопомощи, обладающим рядом преимуществ. Также нам удалось определить частные области, в которых рефлексия применима и используется респондентами. Для субъективно более сложных проблем рефлексивный процесс может быть затруднен, респонденты не видят возможным использование рефлексивных практик при испытывании интенсивных эмоций. Для большинства типов проблем, описанных респондентами, могут применяться все 10 выделенных рефлексивных практик. Мы заключаем, что описанные практики являются достаточно универсальными и подходящими для разнообразных затруднений. Описанные рефлексивные практики удалось реконструировать в единую модель, которая является иллюстрацией этапов рефлексивного процесса. Однако использование даже части рефлексивных практик является методом самопомощи и оказывает положительное влияние на жизнь респондентов, по их словам.

1. ВЦИОМ (2022, ноябрь 22). В поисках психологической помощи. ВЦИОМ новости. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-poiskakh-psikhologicheskoi-pomoshchi>
2. Braun V. & Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qual. Res. Psychol. – 2006. – 3. – P. 77–101. 10.1145/3573051.3596189
3. Mikhaylova O. Russian young people's subjective health evaluations, self-care practices, and therapeutic networks // Frontiers in Psychology. – 2024. – 15. – P. 1247445. 10.3389/fpsyg.2024.1247445

Эмоции и их корректировка при помощи систем, использующих искусственный интеллект

Искусственный интеллект, эмоция, тестирование, коррекция

Вопрос, который мы хотим обсудить, звучит следующим образом: как следует конструировать систему, построенную на основании искусственного интеллекта, способную фиксировать человеческие эмоции и – если нужно – корректировать их?

При поиске вариантов решений следует учитывать следующее: человеческие эмоции как таковые не могут восприниматься искусственным интеллектом, но искусственный интеллект может воспринимать физические параметры состояния организма в данный конкретный момент. Уже сейчас присоединение к запястью маленького прибора (фитнес-браслет, смарт-часы) позволяет контролировать и предавать на любые приёмники информацию о частоте сердечных сокращений, артериальном давлении, температуре тела, насыщенности крови кислородом. Недалеко то время, когда эти устройства начнут вести круглосуточный кардиомониторинг, отслеживать взгляд и контролировать основные показатели состава крови.

Когда подобные данные есть – наступает этап тестирования. К человеку присоединяется фиксирующий прибор. На весь испытательный период за человеком устанавливается внешнее наблюдение. Наблюдение, контролируемое специалистом. В итоге получается достаточно информативная картина: есть внешняя фиксация эмоционального состояния человека и фиксация основных физических показателей, соответствующих (одновременных) данному эмоциональному состоянию. По итогам делается соотнесение эмоции и её отражения в физических показателях.

В результате появляется нечто вроде таблицы соответствия эмоционального состояния и физических характеристик. Эта таблица участвует в анализировании данных о пользователе: в данном случае она является в некоторой степени заменителем интуиции. Также таблица имеет возможность рекомендовать тот стиль общения, который наиболее уместен в текущей ситуации.

В общем, происходит нечто аналогичное «китайской комнате» Сёрля: человек, находящийся в комнате, не знает китайского языка, но даёт правильные ответы. Точно так же машина, не испытывающая никаких эмоций, может в своей деятельности подстраиваться под эмоции пользователя.

После того, как тестирование осуществлено, можно попытаться научить систему корректировать эмоциональное состояние человека. Решение этой задачи должно быть разбито на несколько этапов.

На первом этапе следует определиться с психологическими проблемами, в решении которых может участвовать система с искусственным интеллектом, умеющая вести диалог. Здесь учитывается следующее обстоятельство: система с искусственным интеллектом точно не может принимать участие в терапии серьёзных психических заболеваний. Особенно заболеваний, имеющих биологическую природу, соматические причины. Она может быть дополнительным лечебным инструментом в деле коррекции таких недугов, как агрессия, наркомания, алкоголизм, депрессия, некоторые формы аутизма.

Задача второго этапа – выяснение конкретных тем, на которые может ориентироваться диалог.

На третьем этапе определяются возможные варианты решения проблем, возникающих в диалоге.

Четвёртый этап: выясняется, какие слова и фразы наиболее удачно подходят для решения проблем

Пятый этап: отыскивается методика для поиска слов и фраз, наиболее удачно подходящих для решения проблем.

Шестой этап: решается вопрос о том, как научить систему отыскивать в задаваемых пользователем вопросах наиболее удачное направление поиска ответа.

Седьмой этап: создаётся алгоритм подбора ответных слов и фраз, имеющих целью корректировку эмоционального состояния пользователя.

Когда вся работа проделана, мы можем констатировать следующее: создана основа для конструирования и программирования системы, использующей искусственный интеллект, главная функция которой – распознавание эмоционального фона и определённая его корректировка.

Контрперенос как инструмент работы в современной клинической практике

Контрперенос, перенос, психотерапевтические отношения, психоанализ

Контрперенос и перенос – два термина, без которых сложно представить современную клиническую практику в сфере психоаналитической психотерапии.

Согласно словарю по психоанализу Ж.Лапланша, Ж.-Б. Понталиса, перенос представляет собой процесс перехода бессознательных желаний на те или иные объекты, в рамках, сформированных с ними отношений определенного типа (например, аналитических). При этом детские прототипы актуализируются и переживаются вновь [2].

Контрперенос содержит совокупность бессознательных эмоциональных реакций аналитика на стимулы, исходящие от анализанта и особенно на его перенос.

В настоящее время в направлениях, принадлежащих к психоаналитической парадигме, вопросам контрпереноса уделено достойное место, при этом существуют различия в его дефинициях и вариантах применения в практике. В общем виде можно выделить два подхода.

Первый – свести к минимуму проявления контрпереноса посредством личного психоанализа, сконструировав психоаналитическую ситуацию лечения так, чтобы она структурировалась только переносом пациента. Например, Ж. Лакан, включавший перенос в одно из четырех основных понятий психоанализа, наряду с бессознательным, влечением и принципом навязчивого повторения, к контрпереносу относился с осторожностью.

Перенос Ж. Лакан относил к регистру Символического, а контрперенос рассматривал как преломление переноса в регистре Воображаемого [1]. Следовательно, применение контрпереноса как инструмента анализа опирается на процедуру внушения и может привести к воображаемым психотерапевтическим эффектам, возникшим под влиянием личности аналитика. По мысли Ж. Лакана, контрперенос может быть связан с тревогой аналитика. При этом желание аналитика, под которым понимается символическая функция, находящая в аналитике своё воплощение, не мобилизуя его бессознательное, занимает необходимую инструментальную позицию.

Второй подход – применять проявления контрпереноса в психоаналитической работе, не теряя над ним контроля, руководствоваться в процессе интерпретаций и интервенций своими собственными контрпереносными реакциями. При этом подразумевается, что отзвуки одного бессознательного в другом – единственная форма подлинного психоаналитического общения, а контрперенос является инструментом, владение которым позволяет лучше выявить психодинамические особенности клиента и специфику развития его психики на разных этапах становления [3].

К.Г. Юнг указывал на необходимость комплексно учитывать в анализе всю совокупность возникающих проявлений в отношениях аналитик-анализант по осям: сознание аналитика-сознание анализанта, сознание аналитика-бессознательное анализанта, бессознательное аналитика-сознание анализанта, бессознательное аналитика-бессознательное анализанта.

Самой известной классификацией видов контрпереноса является система, предложенная Г. Ракером. Он выделил два вида контрпереноса отслеживание динамики которых, крайне значимо в клинической практике, а именно: конкордантный и комплиментарный контрперенос [4]. Конкордантный контрперенос в эмпатическом восприятии аналитика выявляет чувства, испытанные клиентом в детстве в отношениях с ранним объектом (значимым другим). Комплиментарный – позволяет уловить чувства, которые испытывал родитель по отношению к ребенку.

Профессиональное осознание и дифференциация разных видов переноса и контрпереноса, а также их динамической смены даёт возможность качественнее реконструировать в ментальном плане взаимоотношения клиента со значимым взрослым в раннем детстве, позволяя бережно и разумно подходить к вопросам интервенций и интерпретаций в процессе аналитических сеансов.

1. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. – М.: Гнозис, Логос, 2004. – 304 с.
2. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: ЦГИ, 2020. – 752 с.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. – М.: Класс, 2015. – 592 с.
4. Эра контрпереноса/ Сост. И.Ю.Романова. – М.: Академический проект, 2005. – 576 с.

Ценности Российской ментальности как ориентиры психотерапии

Ценности, ментальность, психотерапия, идентичность, психическая травма

Психологическое лечение осуществляется преимущественно методами когнитивно-поведенческой психотерапии. Однако свойственная российской ментальности переживательность, склонность к эмоциональному резонансу затрудняют логический анализ пациентами собственной когнитивной продукции. Аффективная загруженность интеллектуальной деятельности не всегда позволяет им разобраться в логических взаимосвязях мыслительных процессов. В практической работе продуктивным оказывается подход, опирающийся на значимые ценности клиента.

Ментальность понимается большинством авторов как мироощущение и как интегральная характеристика народа, нации, отражающая глубинный тип коллективного сознания. В качестве оснований для ментальности служат ценности. Восточные цивилизации ориентируются на коллективизм, традиционализм, адаптацию к среде; базовыми ценностями являются уравнительность, гуманизм, справедливость, культ общины. Западные цивилизации ориентируются на индивидуализм, на культ личности, на адаптацию среды к интересам индивида [1].

На пересечении западной и восточной ментальности сформирована евразийская ментальность, представленная понятием «русская идея». Н.А. Бердяев находит такие противоположные свойства в русском народе, как деспотизм и анархизм; жестокость и доброту, человечность, мягкость; обостренное сознание личности и коллективизм; национализм и универсализм; искание Бога и воинствующее безбожие; рабство и бунт [3].

К ментальности Россиян относятся ценности отношений: коллективизм, патриотизм, взаимопомощь, открытость, терпимость, духовность. Важным ценностным ориентиром являются образцы героев и духовных подвижников (пассионариев). Одну из составляющих российской цивилизации – православную культуру – отличает глубинное соборное нравственное начало, противостоящее прагматическому индивидуализму [4].

Особенности Российской ментальности обнаруживают себя в психотерапии. В Российской ментальности... клиенты отличаются реактивным поведением, исходящим из внутреннего («детского») Я, включающего регрессионную дезинтеграцию «Я», стыд и снижение самооценки, признание вины и готовность нести наказание [2]. Для коммуникации свойственна первоначальная сдержанность и даже враждебность. При сближении чужой быстро становится «своим», отстраненность сменяется открытостью. Исповедальный диалог, «душа нараспашку», в психотерапевтическом сеттинге становится основой «русского катарсиса».

В процессе психотерапии терапевт актуализирует в личности клиента ресурсы, которые на практике оказываются производными от базовых ценностей личности. У современных пациентов, как правило, отсутствует непротиворечивая, основанная на значимых ценностях осознанная «картина мира». Восстановление идентичности пациента предполагает реконструкцию «системы координат», в рамках которых оцениваются происходящие события. В качестве таких координат выступают значимые для Российской ментальности ценности добра и зла, справедливости и порядка, любви, доверия и т.д.

1. Кефели И.Ф., Шевченко Н.Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. – СПб.: ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность», 2018. – 220 с.
2. Кулагина В.А. Русский менталитет: аспекты исследования // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12688> (дата обращения: 06.04.2023).
3. Русская идея. Миросозерцание Достоевского / Николай Бердяев. – М.: Издательство «Э», 2016. – 512 с. – (Библиотека всемирной литературы). / Русская идея. 9–308 с.
4. Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017 – 398 с. (Методология, история и теория психологии).

Духовный уровень реабилитации

Психическая травма, психологическая реабилитация, ментальность, духовный уровень существования человека

Актуальность. Тяжелые психические травмы сопровождают человека в процессе жизни в виде гибели близких, жизнеугрожающего заболевания, насилия, инвалидизации, а также стихийных бедствий, технологических катастроф, социальных катаклизмов, боевых столкновений. Под воздействием сверхсильных психических травм могут формироваться психические нарушения, различные формы зависимости, делинквентного и криминального поведения.

Цель исследования заключается в разработке подходов к формированию метаконструкции на духовном уровне функционирования личности, основанной на ценностях общего порядка, более значимых, чем индивидуальные ценности отдельной личности, которая может служить для эффективного совладания со сверхтравмирующими событиями.

В качестве методов исследования применяются данные научных исследований, опубликованные в открытой печати.

Результаты исследования. В случае, когда человек сталкивается с психической травмой, превышающей его психологические ресурсы, он нуждается в дополнительных внешних по отношению к собственной личности точках опоры, в качестве которых могут выступать различные философские, идеологические, религиозные конструкции. Формирование таких метаконструкций позволяет переосмыслить психическую травму, осознать ее и интегрировать в свою психическую природу в качестве феномена памяти, лишённого травматического содержания. Эта психологическая работа осуществляется на духовном уровне существования человека. Феномен духовного все больше привлекает внимание психологов, педагогов, психотерапевтов, которые выделяют в нем сверхценности и сверхсмыслы, формирующие инструменты выживания. Практика подтверждает высказывание Виктора Франкла «Человек, у которого есть ради чего жить, может вынести почти любое «как»».

В рамках духовно-ориентированной психотерапии создаются программы психологической помощи комбатантам, жертвам насилия, переселенцам и беженцам (Koenig H.G., Boucher N.A., Oliver R.J. et al., 2017). Starnino V.R., Angel K.T., Sullivan D.E. et al., (2019) представляют программу для лечения и реабилитации ПТСР у комбатантов. Подобные разработки, применяющие духовно-ориентированный подход в комбинации с традиционными техниками психотерапии, предлагаются и другими авторами (Harris G, Housset T., Vox S. Et al. (2018). Показана его эффективность (Winkeljon Black S., Klinger K., 2022).

В рамках духовно-ориентированной психотерапии формируются методы воздействия, основанные на религиозных представлениях (Paloutzian R.F., Park C.L., 2014) Pargament K.I., 2013; Митянин Р.Н., Кокурин А.В., 2023). Показана их эффективность.

Существуют и интегративные модели. Так, в монографии «Религия будущего» Кен Уилбер (2023) на основании анализа более ста религиозных и идеологических систем, выявленных им в сорока культурах мира, разрабатывает своеобразную психотерапевтическую технологию, опирающуюся на многовековой опыт человечества, в которой, с опорой на общие для всех религий ценности, представлен путь духовного развития человека, направленный не только на преодоление болезней и травм, но и на личностный рост (посттравматический рост личности).

Выводы. Эффективным для реабилитации лиц, подвергшихся воздействию сверхсильных психических травм, может быть создание на духовном уровне существования человека метаконструкций, основанных на ценностях более общего порядка, чем ценности индивидуальной жизни, в частности, на религиозных представлениях.

Психологическая коррекция агрессивного поведения пациентов психоневрологического интерната

Психология агрессии, дыхательные техники, тренинги

Сочетание двух табуированных тематик «психология агрессии» и «медицинская психиатрия» формирует актуальность этого исследования. По этой теме встречается достаточно мало работ в российском сегменте науки. Исследование расширит как уже существующий инструментарий работы с агрессивным поведением проживающих в психоневрологических интернатах, так и уточнит эффективность различных техник совладания с агрессией в целом.

Целью этого исследования является оценка эффективности тренингов, направленных на снижение уровня агрессии.

Исследование строится на гипотезе о том, что дыхательные релаксирующие техники (резонансное и попеременное дыхание) являются наиболее эффективным способом снижения агрессии в сравнении с физической активностью или формированием корректных шаблонов поведения через образовательный формат в виде лекций.

Было проведено исследование в ПНИ №1 города Зеленогорска. Выборка представляла собой две экспериментальные группы по 9 и 10 человек женщин и одной контрольной из 10 человек мужчин. В каждой из групп проводился тренинг определённой направленности – дыхательные техники; физическая активность; лекции на тему бесконфликтного поведения. В контрольной группе проводились лекционные тренинги. Длительность мероприятия 1 неделя (7 дней). Для сбора данных был использован упрощённый опросник ВРАQ-24. Из опросника была исключена шкала физической агрессии. Сбор данных производился до и после проведения программы тренингов.

Анализ по критерию Манна-Уитни не показал значимых различий между экспериментальными и контрольной группой. Также не было найдено значимых различий в экспериментальных группах. Согласно анализу критерия знаковых рангов Уилкоксона в группе физических упражнений есть значимое различие ($r = 0,016$; $p \leq 0,05$) по шкале гнева. Также было обнаружено незначительное различие по шкале враждебности в группе дыхательных техник ($r = 0,044$; $p \leq 0,05$). Анализ общего результата показал значимое различие в группе дыхательных техник ($r = 0,018$; $p \leq 0,05$).

Количественные данные в группе дыхательных техник говорят о том, что результаты проведенного тренинга имеют положительную динамику. Что в целом подтверждает гипотезу исследования. Однако имеется расхождение между эмпирическими данными. На последней встрече между участниками возник конфликт, который привел к частичному срыву собрания. Участники группы физической активности в целом положительно оценили, как сам тренинг так и его влияние на самочувствие. Некоторым из участников этой группы на время проведения занятий тренинг помог преодолеть некоторые личностные особенности, такие как робость, застенчивость. В контрольной группе участники также положительно оценили тренинг и его влияние. Результаты анкеты демонстрируют обратную динамику. Такое расхождение можно интерпретировать тем, что тренинг помог раскрыть участникам какие-то аспекты их личности, тем самым сделав их более откровенными в анкете. Также положительному результату в этой группе мог поспособствовать директивный стиль общения с участниками, это сплотило группу. В группе же дыхательных техник был использован более демократичный стиль общения, что, возможно, привело к тому, что некоторые участники демонстрировали негативизм и саботировали тренинг. В целом из полученных данных можно сделать следующие выводы. Дыхательные техники, возможно, могут вызывать парадоксальные агрессивные реакции у некоторых людей. Нужны дальнейшие исследования. Для того, чтобы тренинг возымел положительный результат, участники группы должны поддерживать дружеские отношения между собой. Не все способы совладания с агрессией, предложенные в тренингах, могут подойти конкретному человеку, поэтому перед началом тренингов следует проводить тестовый тренинг, содержащий программу всех тренингов. В группах со сниженной критикой предпочтительнее директивный стиль общения. Также результат проведения тренинга сильно зависит от педагогической подготовки ведущего.

Методика «ЗА» и «ПРОТИВ» в психологической диагностике и психотерапии

Методика «ЗА» и «ПРОТИВ», самосознание, психодиагностика, консультирование, психотерапия

Исходно методика «ЗА» и «ПРОТИВ» была создана автором при работе с контингентом испытуемых в судебно-психологической экспертизе [1–3]. Объектом исследования было самосознание подэкспертных испытуемых, предметом исследования – самоотношение и рефлексия. Наряду с этим исследовалась также их мотивация, связанная с совершением противоправных действий, таких как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, кража, ограбление, хулиганские действия и др. Испытуемому предлагалось вспомнить и выделить события (обстоятельства), которые, согласно его мнению, способствовали правонарушению (факты «ЗА», первый этап), препятствовали правонарушению (факты «ПРОТИВ», второй этап), а также желательные для будущего события (желательный выбор будущего, третий этап). В каждом случае испытуемому предлагалось написать пять или более таких событий. Позднее также использовалась метрическая шкала значимости каждого события от 1 до 10 баллов, отражающая уровень субъективной значимости каждого из событий.

Факты ЗА – отражали отрицательное влияние социума в происшедшем событии.

Факты ПРОТИВ – положительное его влияние несмотря на негатив происшедшего.

Факты ЖЕЛАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ выявляли стремление к идеальной конструкции социума.

Психодиагностический смысл созданной автором методики состоял в исследовании особенностей когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов самосознания и мотивации у подэкспертных испытуемых.

Обратная связь проходила в диалоге с подэкспертным испытуемым и позволяла развивать далее консультативный и психотерапевтический аспекты.

Позднее методика «ЗА» и «ПРОТИВ» в модифицированном варианте стала применяться в индивидуальной психотерапии и консультировании на контингенте психогенных и психосоматических больных. В центр обсуждения событий «ЗА» и «ПРОТИВ» в этих случаях ставилось «наступившее заболевание», а также влияние социума на его происхождение. Диалоговый компонент в обсуждении выделенных больными событий помогал выявить значимую мотивацию в их происхождении с последующей актуализацией психокоррекционного и психотерапевтического воздействия.

1. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию самосознания и мотивации // Психология XXI столетия. Т. 2 / Под ред. В.В. Козлова. – Ярославль: МАПН, 2008. – С.254–256.
2. Фанталова Е.Б. Возможности исследования самосознания с помощью методики «ЗА» и «ПРОТИВ» в клинико-психологической практике // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 11. Образы социального и витального в биомедицине: сборник статей. – Тверь: ТГУ, 2017. – С. 184–186.
3. Фанталова Е.Б. Методика «ЗА» и «ПРОТИВ» как вариант исследования самосознания в общей и клинической психологии: Научное издание // Диагностика в медицинской и клинической психологии: традиции и перспективы (к 105-летию С.Я. Рубинштейн): Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием 29-30 ноября 2016 г. / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Роциной. – М.: ООО «Сам полиграфист», 2016 – С. 364–367.

Комплексное ПТСР – акцент на детские травмы в новой диагностической единице МКБ-11

Комплексное ПТСР, диагностика, эмоциональное насилие, физическое насилие, терапевтический альянс

Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство – это расстройство, которое может развиваться в результате воздействия события или серии событий чрезвычайно угрожающего характера, чаще всего длительных или повторяющихся, от которых трудно или невозможно избавиться.

Подверженность различным формам жестокого обращения (сексуальное или сексуализированное, физическое и эмоциональное насилие) в детском и подростковом возрасте, увеличивает вероятность возникновения практически всех форм психопатологии на более поздних этапах жизни, включая депрессию, нарушения самовосприятия, ПТСР и комплексное ПТСР (КПТСР).

Целью данного исследования было изучение связи разных форм пережитого в детстве насилия с симптоматикой КПТСР и особенностями самоотношения во взрослом возрасте.

Выборку исследования составила популяционная группа из 133 человек (женщины в возрасте от 18 до 38 лет), участников групп самопомощи.

Методы исследования: теоретический анализ литературы по теме исследования, обработка и анализ данных опросников Google Forms, методы математической статистики.

Методики: ICAST – R (Michael P. Dunne, V. Macfarlane, D. Runyan, 2006, в пер. и адаптации Е.Н. Волковой); Международный опросник травмы (МОТ) (International trauma questionnaire, ITQ – Cloitre M., et al., 2018, адаптация М.А. Падун с соавт. 2022); Опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантлеев, 1985); Опросник образа собственного тела (Скугаревский, Сивуха, 2006); Опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (Холмогорова, Воликова, 2017); Шкала депрессии А. Бека (Beck Depression Inventory, 1961) разработан А.Т. Beck с соавт., адаптация Н.В. Тарабриной.

Результаты исследования показывают, что из трех видов насилия, пережитых в детстве, наиболее сильные значимые связи с неудовлетворенностью собственным телом и негативным самоотношением во взрослом возрасте отмечаются при эмоциональном насилие, далее следует физическое насилие, что же касается сексуального, то таких значимых связей в нашем исследовании зафиксировано не было. Последнее связано со спецификой сексуального насилия в обследованной группе. Наиболее деструктивная роль эмоционального насилия из всех трех видов насилия проявилась также в его наиболее тесной связи с симптоматикой КПТСР. В свою очередь, эмоциональное насилие в детстве имеет высоко значимые связи средней силы с таким видом коммуникативных семейных дисфункций как высокий уровень критики со стороны родителей, что позволяет наметить пути профилактики КПТСР в работе с семьями.

Психотерапевтические аспекты внутренней картины болезни при невротических расстройствах

Внутренняя картина болезни, невротические расстройства, адаптация

Основные исследования в области психотерапии (психологическая модель) в большинстве случаев связаны с определением эффективности различных форм и методов индивидуальной, групповой и социальной терапии, терапии средой. Относительно меньшее внимание уделяется особенностям самоорганизации (самотерапии), значимость изучения которой определяется в том числе актуальной способностью пациентов к «реконструкции системы значимых отношений» (по Б.Д. Карвасарскому, с соавт.), конструктивному осуществлению деятельности переживания (по Ф.Е. Василюку), модификации копинг-поведения (В.А. Абабков, М. Перре), и т.д., а также возможности самостоятельно поддерживать необходимый уровень адаптации в катанестическом периоде. Особенности ВКБ и личностного смысла здоровья во всех этих случаях могут рассматриваться как универсальные психотерапевтические мишени, интегрирующие основные запросы пациентов, выражая динамику отношений личности.

Наше исследование отражает особенности самоорганизации пациентов с невротическими расстройствами, выраженное в феномене ВКБ. Подчеркнем, что внутренние действия самоорганизации у пациентов являются относительно малоструктурированными и в целом основанными на обыденной психологии в соответствии с особенностями культурного контекста и психологического возраста.

Описание выборки: было исследовано 155 человек (142 женщины (91,6%), 13 (8,4%) мужчин), больных невротическими расстройствами, обратившихся за психотерапевтической помощью. Средний возраст 40,17 + 0,78 года. Диагноз соответствовал рубрике невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (F40-F48).

Методы исследования: клинический, клинико-психологический, психодиагностическая методика ТОБОЛ (Вассерман Л.И., с соавт.), методы статистической обработки.

Полученные результаты: методика ТОБОЛ, характеризуя интегральное восприятие и отношение к болезни, выявила смешанный вариант с преобладанием интер- и интрапсихической дезадаптации по сенситивно-неврастеническому варианту. Таким образом, наблюдается повышенная чувствительность к мнению и реакциям близкого окружения на факторы, связанные с состоянием здоровья, феномены раздражительной слабости, истощения, повышенной восприимчивости и чувствительности. Наименее представлены меланхолический, апатический, паранойяльный и дисфорический типы отношения к заболеванию.

Отмечается тенденция к эргопатическому реагированию, стремление уйти в работу, сферу профессиональной деятельности, поддающуюся максимальному контролю, что может рассматриваться как возможный ресурс адаптации. Низкие показатели по уровням апатического и меланхолического типов отношения в сочетании с отсутствием выраженной депрессивной симптоматики и повышенной тревожностью могут рассматриваться как потенциал личностного смысла здоровья.

Психофизиологические аспекты неврастенического компонента отношения к заболеванию в виде раздражительной слабости отражают высокий уровень сенсомоторного напряжения и подавления актуальных сенсорно-перцептивных импульсов, тревожной активности и пассивно-агрессивного стиля коммуникации.

Ориентированность на поиск социальной поддержки, регрессия, сенситивный тип отношения к болезни отражают особенности прохождения стадий эпигенетического развития автономия-зависимость (по Э. Эриксону).

Таким образом, использованная модель интерпретации ВКБ позволяет рассматривать полученные данные как результат невротического варианта самоорганизации и адаптации пациентов по сенситивно-неврастеническому типу с невозможностью самостоятельного разрешения внутреннего напряжения, и актуализацией стратегии поиска внешней поддержки (обращение к психотерапевту) для нахождения более оптимальных и эффективных способов адаптации.

1. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания. – М, 1977.
2. Ташльков В.А. Психология лечебного процесса. – Л, 1984.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агаджанова Э.Р.
Ульяновск, ФГБОУ ВО УлГУ

Коммуникативная компетентность врачей различного профиля

Коммуникативная компетентность, исследование, врачи разного профиля

В современной врачебной практике огромную роль играет взаимодействие между врачом и пациентом. От уровня овладения коммуникативными навыками зависит то, насколько эффективно будет осуществляться лечение.

Теоретический обзор по заявленной проблеме позволил выявить, что многие авторы сходятся в едином мнении, что коммуникативная компетентность заключается в умении устанавливать и поддерживать необходимые контакты между людьми. Например, А.В. Лабунская выделяет другие составляющие коммуникативной компетентности: точность восприятия других людей, развитость невербальных средств общения, владение устной и письменной речью. Л.А. Петровская указывает, что у коммуникативных компетенций существует три стороны: интерактивная, коммуникативная и перцептивная [2].

Цель эмпирического исследования: изучение особенностей коммуникативной компетентности врачей разного профиля.

Эмпирическая база и выборка исследования: в исследовании приняло участие 40 человек (20 мужчин и 20 женщин), врачи-рентгенологи и врачи-педиатры, возраст респондентов составил от 27 до 63 лет, рабочий стаж которых составил от 10 месяцев до 35 лет.

Методы исследования:

1. тест «Коммуникативные умения» Л. Михельсона, в адаптации Ю.З. Гильбуха;
2. методика «КОС-1» В.В. Синявский и Б.А. Федоришин;
3. методика «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» В.В. Бойко.
4. математические методы статистической обработки информации: методы описательной статистики; непараметрический критерий Манна-Уитни.

В ходе эмпирического исследования было установлено:

– по результатам теста «Коммуникативные умения» Л. Михельсона, в адаптации Ю.З. Гильбуха было установлено то, что средние значения коммуникативных умений врачей-рентгенологов соответствуют среднему уровню выраженности. Показатели выраженности коммуникативных умений в группе врачей-педиатров свидетельствуют об уровне выше среднего;

– по результатам методики «КОС-1» В.В. Синявского и Б.А. Федоришина было выявлено то, что в группе врачей-рентгенологов средние значения коммуникативных и организаторских способностей соответствуют среднему уровню проявления исследуемых склонностей. Показатели коммуникативных способностей врачей-педиатров соответствуют высокому уровню проявления исследуемых склонностей, показатели организаторских способностей соответствуют среднему уровню проявления исследуемых склонностей;

– по результатам методики «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов» В.В. Бойко было выявлено то, что группе врачей-педиатров эмоции никак не мешают общаться участникам исследования, и взаимодействовать с другими людьми. В то время как врачи-рентгенологи имеют некоторые эмоциональные проблемы при построении повседневного общения;

– были выявлены значимые особенности коммуникативной компетентности врачей разного профиля по таким шкалам, как коммуникативные умения, коммуникативные способности, оценка уровня общительности, неумение управлять эмоциями, неадекватное проявлений эмоций, негибкость, неразвитость эмоций, доминирование негативных эмоций, нежелание сближаться с людьми и шкала эмоциональных проблем.

Особенности общения врача и пациента включают в себя способность врача внимательно слушать проблему пациента, стараться достигнуть взаимопонимания, врачу необходимо принять роль активного слушателя и помощника. Индивидуальный подход к каждому человеку позволяет более эффективно помогать ему в преодолении таких сложностей жизни, как болезни [1].

1. Аленинская О.А. Особенности аффективного компонента концепции пациента у врача / О.А. Аленинская // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – № 9 (65).
2. Васильева Л.Н. О коммуникативной компетентности будущих врачей / Л.Н. Васильева // Медицинская психология в России. – 2013. – Т. 5, № 5 (22). – С. 18.

К исследованию ностальгии на этапе адаптации курсантов к служебной деятельности

Адаптация, ностальгия, жизнестойкость, служебная деятельность

Подготовка курсанта к служебной деятельности предполагает психологическую готовность: принятие целей, мотивов, предписаний в обстановке противодействия экстремальным факторам. Психологическая готовность предполагает эффективность, жизнеспособность, психическую устойчивость, принятие ответственности за себя и других, учет самоотношения и самооценки, психической напряженности, стресса, утомления, стиля руководства и т.д. Трудности с адаптацией в первые месяцы обучения, связанные с социальной и территориальной изоляцией в первый год обучения в вузе, оказывают влияние на психическую устойчивость обучающихся, которая всегда связана с особенностями личности [1]. Исследовать особенности ситуации через специфические состояния, опосредованные изменившимися условиями, значит понять механизмы, влияющие на благополучие, жизнеспособность и эффективность учебной и служебной деятельности. Одним из специфических состояний в ситуации ограничения привычного образа жизни является ностальгия, по-разному влияющая на самочувствие и состояние человека.

Резкая смена социальной ситуации ведет к кризисным переживаниям, сопровождается трансформацией жизненного пространства личности и требует ревизии личностных ресурсов [2].

Современные исследования показали позитивное влияние ностальгии на ощущение осмысленности жизни [4, 5], повышает настроение, самооценку, усиливает чувство социальной общности и близости [3].

Цель: исследовать особенности взаимосвязей ностальгических переживаний и психической устойчивости курсантов, активности и готовности к управлению, опосредованные индивидуально-личностными особенностями на этапе адаптации к вузу. В исследовании уже приняло участие 160 курсантов. Используются методы: субъективного благополучия (Шамянов Р.М. и Бескова Т.В.; Солдатова Е.Л. и Бенко Е.В.; WHO5); диагностики симптомов кризиса (Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А.); СЖО (Осин Е.Н., Кошелева Н.В.); самооценки (Киселев И.Я.); стиля руководства (Захаров В.П.) и др.

Планируется проверить гипотезы о связи ностальгических переживаний (в частности: Склонность к ностальгическим переживаниям (Cheung et al) с индивидуальными когнитивными и личностными особенностями курсантов. В предыдущем исследовании автора (ВКР) на выборке 30 человек были оценены связи между стилем руководства и самооценкой. Значимые различия между группами с адекватной и завышенной самооценкой обнаружены по показателям авторитарного и либерального стиля руководства. Анисимов О.С.

После полной обработки и анализа данных будут определены подходы к психологическому сопровождению курсантов на этапе подготовки к служебной деятельности, методические рекомендации в процессе адаптации в вузе.

1. Жожикашвили Н.А., Малых А.С., Девятерикова А.А. Психическая устойчивость // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 49–65.
2. Солдатова Е.Л., Сиврикова Н.В., Постникова М.И., Пташко Т.Г., Черникова Е.Г., Шевченко А.А. Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 144–165.
3. Hepper E. G., Wildschut T., Sedikides C., Ritchie T. D., Yung Y. F., Hansen N., ... & Zhou X. Pancultural nostalgia: prototypical conceptions across cultures // Emotion. – 2014. – 14(4). – 733 p.
4. Routledge C., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A.J.J. M. & Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource // Journal of Personality and Social Psychology. – 2011. – 101(3). – P. 638–652.
5. Sedikides C., Wildschut T., Routledge C., Arndt J. & Zhou X. Buffering acculturative stress and facilitating cultural adaptation: Nostalgia as a psychological resource. In Understanding Culture Psychology Press. – 2013. – P. 363–380.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (научный проект № 23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости в ситуации изоляции»).

Мотивация к чтению и переживания от чтения сотрудников ОВД

Мотивация к чтению, сотрудники полиции, переживания в деятельности

Постановка проблемы. Сотрудники органов внутренних дел работают с большими объемами печатной и электронной информации. Для сотрудников принципиально важно быстро и точно обрабатывать служебную информацию. Наиболее полно работа с информацией реализуется в познавательной-прогностической деятельности сотрудников органов внутренних дел. Исследования показывают, что точность обработки и передачи служебной информации является актуальной проблемой [1]. Высокий уровень напряженности профессиональной деятельности сотрудников снижает мотивацию к чтению, приводит к тому, что сотрудник читает только «под задачу», испытывает трудности с быстрой и качественной обработкой служебной информации, особенно когда необходимо принять решение в условиях дефицита времени и ресурсов. При этом чтение может выступать способом формирования и самосовершенствования личности сотрудника полиции. Возникает вопрос: желание читать у сотрудников полиции поддерживается или осложняется какими-нибудь переживаниями в ходе чтения?

Организация исследования. В исследовании приняли участие 24 сотрудника полиции различных подразделений. Все мужчины, в возрасте от 20 до 43 лет. Методики сбора данных: адаптированная шкала мотивации к чтению у взрослых Н. Шютте, Д. Малуф [3] и методика диагностики переживаний в деятельности Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [2]. Проверка эмпирического распределения данных критериями Колмогорова-Смирнова (с поправкой Лиллиефорса) и Шапиро-Уилка показала, что не все показатели соответствуют закону нормального распределения. Поэтому для поиска связей между показателями был использован χ^2 -критерий Спирмена ($p < 0,05$).

Результаты и обсуждение. Показатель общей мотивации к чтению связан с удовольствием ($r = 0,65$), со смыслом ($r = 0,54$) как переживаниями в чтении. Удовольствие как переживание в чтении связано мотивами «чтение как часть себя» ($r = 0,49$), «эффективностью чтения» ($r = 0,6$). Мотив «эффективность чтения» связан усилием ($r = -0,71$) и пустотой ($r = -0,43$) как переживаниями в чтении. Эти результаты показывают, что сотрудники полиции получают удовольствие от чтения, наделяют этот процесс собственным смыслом. Воспринимают чтение как способ саморазвития как личного, так и профессионального. Мотив эффективности чтения – это готовность прикладывать усилия для работы со сложной информацией. Связь эффективности с переживаниями указывает на то, что сотрудники не склонны воспринимать чтение как сложную и бесполезную деятельность.

Выводы. Сотрудники органов внутренних дел мотивированы читать. Связывают чтение с позитивными переживаниями удовольствия и осмысленности процесса. Чтение воспринимается как процесс, не требующий избыточных затрат, полезный для себя и деятельности.

1. Марьин М.И., Ефимкина Н.В. Искажение служебной информации в деятельности сотрудников органов внутренних дел: профессиональные и личностные факторы // Психология и право. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 127–136. DOI 10.17759/psylaw.2017070410. EDN ZWJNAZ
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 30–51.
3. Schutte N.S. Malouff J.M. Dimensions of Reading Motivation: Development of an Adult Reading Motivation Scale // Reading Psychology. – 2007. – Т. 28, №. 5. – С. 469–489.

Психологическое благополучие как условие формирования военной идентичности курсантов Военного учебного центра

Военная идентичность, психологическое благополучие, курсанты

Психологическое благополучие – совокупность характеристик, определяющих эмоциональное, психические, социальное, материальное и иное состояние личности, а также ее способность реализовывать собственный потенциал. Высокий уровень психологического благополучия позволяет человеку быстрее адаптироваться в условиях неопределенности и риска, быть устойчивее [2]. Это качество крайне необходимо для формирования личности курсантов, поскольку по выпуску именно они будут защищать Родину и осуществлять руководство подразделениями. Курсанту как будущему командиру важно отождествлять себя как часть армии и иметь сформированную военную идентичность. Ряд авторов подразумевает под этим принятие социальных норм, образцов поведения, ценностей, материальное обеспечение, патриотизм [1].

За последние два года требования к условиям формирования военной идентичности изменились: необходимость защиты Родины стала острее, конфликт на мировой арене набрал обороты, из-за чего очень важно в военных учебных заведениях, а также в подразделениях, в которых юноши несут службу по призыву, усилить подготовку кадров и влиять на уровень сформированности военной идентичности.

Цель исследования: изучить психологическое благополучие как условие формирования военной идентичности курсантов Военного учебного центра. Предметом является психологическое благополучие и военная идентичность, объектом – курсанты Военного учебного центра. В исследовании приняли участие 226 курсантов, 113 из которых обучаются по программам подготовки офицеров кадра, остальные – по программе подготовки офицеров запаса.

Исследовательские вопросы:

- 1) Уровень психологического благополучия одинаково выражен у обеих групп.
- 2) Уровень военной идентичности выше у курсантов, обучающихся по программе подготовки офицеров кадра.
- 3) Критерий психологического благополучия делает вклад в формирование военной идентичности.

Материалы и методы: анализ научной литературы, тестирование, обработка данных и их интерпретация. В качестве методик взяты: 1) Опросник психологического благополучия К. Рифф; 2) Опросник военной идентичности офицера. Автор: Сорокин А.И. Так как распределение приближено к нормальному, были использованы параметрические методы: корреляционный анализ Пирсона, линейный регрессионный анализ, t-критерий Стьюдента.

Результаты исследования. Обнаружено, что уровень психологического благополучия одинаково выражен у обеих групп. Это объясняется тем, что у студентов сформировано отношение к военной службе, из-за чего курсант не испытывает переживаний, касающихся нестабильности будущего. В связи с этим уровень военной идентичности выше у курсантов, обучающихся по программе подготовки офицеров кадра: юноши изначально поступают в военное учебное заведение с целью дальнейшей службы по контракту. В то же время у студентов, обучающихся по программе подготовки запаса наблюдается прирост показателя за время обучения, поскольку часть из них в процессе обучения решает связать свою жизнь с выполнением воинского долга. Были обнаружены связи между уровнем военной идентичности и такой шкалой психологического благополучия, как управление средой ($r = 0,276$ при $p < 0,001$) и самопринятие ($r = 0,222$ при $p < 0,001$). При дальнейшем анализе определено, что при увеличении значения первой шкалы на одно стандартное отклонение наблюдается рост показателя «военная идентичность» на 0,48 при $p = 0,0019$. В связи с этим важно в ходе образовательного процесса делать акцент на занятиях, способствующих развитию управленческих, лидерских навыков, ведь это будущие командиры.

1. Кузнецова Л.А. Военно-педагогическая идентичность курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации как условие их успешной медиации / Л.А. Кузнецова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №1 (139).
2. Пашкин С.Б., Головачёв А.В., Савинская А.С. Психологическое благополучие как условие успешной адаптации курсантов к повседневной деятельности // Военный инженер. – 2020. – № 1 (15).

К вопросу о воле в контексте психологического обеспечения профессиональной и служебной деятельности

Воля, этапы генезиса воли, «волевой индекс»

В методологии психологического обеспечения профессиональной и служебной деятельности актуальным является поиск системообразующих конструктов, обеспечивающих готовность специалиста и устойчивую успешность выполнения им функциональных обязанностей. В психологических исследованиях абсолютизация и генерализация одних методологических закономерностей и игнорирование других повлияли на то, что в рамках обеспечения профессиональной и служебной деятельности особое место отводится проблематике мотивации специалиста. Однако мотивация – лишь фундамент побуждения к действию. Специалист, который встречает на своем пути препятствие, особенно, связанное с угрозой для жизни (что является характерным для современных условий), часто теряет силу мотивации. Жизнеспособность и выстраивание своей жизни специалистом не возможны без воли как высшего психического процесса. Тематика изучения воли в рамках психологической науки несколько забыта. В рамках поиска ответов на проблемный вопрос (поиск теоретического фундамента для выделения и развития системообразующих конструктов личности специалиста), с целью изучения представленности теории воли в научных публикациях, автором на основании теоретико-методологического анализа были сделаны следующие выводы.

1. В публикациях Л.В. Марищук, С.Г. Ивашко, Т.В. Кузнецовой указываются четыре этапа генезиса воли в психологической науке. 1 этап. «Воля рассматривается как произвольная мотивация», где подчеркивается механизм побуждения к действиям на основе разума вопреки желаниям. Впервые Аристотель определил такой механизм произвольным. 2 этап. «Воля как волюнтаризм». Сами волевые акты ничем не определяются, имеют глубинный генезис, управляют ходом психических процессов и поведением, они считаются приоритетнее интеллекта. 3 этап. «Воля как свободный выбор». В. Спиноза трактовал волю как собственное свободное добровольное решение, как внутреннюю свободу, особенно проявляющуюся в борьбе мотивов. Впоследствии Л.С. Выготский, Х. Хеккаузен, В. Франкл выделяли волю как осознанную свободную субъективную позицию в несвободных условиях. Д.Н. Узнадзе представлял волю как осознанное должествование. 4 этап. «Воля как механизм преодоления препятствий». Воля представляется как механизм преодоления внешних и внутренних препятствий, встречающихся на пути.

2. Значимой для психологии профессиональной деятельности является теория воли В.А. Иванникова. В публикациях ученого воля трактуется как высший психический процесс, обеспечивающий регуляцию личности, являясь инструментом реализации своих ценностей в деятельности. Воля – системный феномен, взаимосвязанный с мышлением и осознанием потребностей с точки зрения смысла к последующему осознанному движению к цели.

3. Именно сейчас, когда в мире неспокойно – время проявления воли. Специалисты, а особенно военнослужащие проявляют высокий уровень развития воли как высшего психического процесса для сохранения национальных интересов. Насущны исследования такого важного феномена в рамках психологической науки.

4. По нашему мнению, целесообразно дополнить в содержание квалификационных требований к выпускнику учреждений образования различных профессиональных сфер компетенцию, основанную на понятии и структуре «Волевого индекса» личности как интегративного показателя уровня системных качеств. В основу «Волевого индекса» личности входят такие качества, как целеустремленность, настойчивость и упорство, инициативность и самостоятельность, решительность и смелость, самообладание и выдержка. По нашему мнению, формирование достаточного уровня «Волевого индекса» специалиста обеспечит не только устойчивость успешности профессиональной деятельности специалиста, но и гражданской позиции личности по преобразованию себя и мира.

Связь эмпатии и переживаний в деятельности у представителей социномических профессий

Эмпатия, переживания в деятельности

В настоящее время уделяется большое внимание исследованию эмпатии в социномических профессиях [2, 3, 5]. Рассматриваются такие вопросы, как профессионализация эмпатии, связь эмпатии с различными факторами – психологической разумностью, профессиональным выгоранием и др.

Основываясь на модели эмпатии М. Дэвиса, описывающей эмпатию как «многогранную систему реакций одного индивида на наблюдаемые события/состояние другого» (Карягина Т.Д., 2016, с. 35), и представлениях об эмпатии как способности [2], развивающейся в ходе профессионализации, мы ставим задачу исследования связи эмпатии и переживаний в деятельности. Понятие переживаний в деятельности разработано Д.А. Леонтьевым с опорой на трехмерную модель переживания и описывает оптимальность деятельности в текущий момент [5]. Данное направление исследований позволит дополнить существующие представления об эмпатии и мишенях профилактики профессионального выгорания.

Методы исследования: Многофакторный тест эмпатии М. Дэвиса (в адаптации Т.Д. Карягиной, Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской), опросник «Диагностика переживаний в деятельности» Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева.

Выборку составили представители социномических профессий (психологи, врачи, педагоги, юристы, консультанты по лактации, доулы) со средним стажем работы в профессии – 9,5 года. Всего 88 человек: 82 женщины, 6 мужчин. Средний возраст – 35,6 года. Корреляционный анализ проведен с использованием критерия Спирмена в программе SPSS v.26.

Полученные результаты подтверждают связь эмпатии и переживаний в деятельности у специалистов социномических профессий: выявлена значимая связь между эмпатическими феноменами и переживаниями в деятельности. Значимая прямая связь выявлена между шкалами децентрации и удовольствия, а также шкалами децентрации и смысла, то есть между склонностью учитывать точку зрения другого и переживанием удовольствия и осмысленности в профессиональной деятельности. Значимая прямая связь выявлена между шкалами эмпатической заботы и смысла, а также шкалами эмпатической заботы и усилия, то есть между тенденцией испытывать чувства теплоты, беспокойства о других людях, проявлять «помогающее» отношение и осмысленностью деятельности, контролем за результатами своих действий. Значимая обратная связь выявлена между личным дистрессом (чувством собственной тревоги и дискомфорта, возникающим в эмоционально напряженных ситуациях) и осмысленностью в профессиональной деятельности. Шкала смысла показывает связь с наибольшим количеством эмпатических феноменов. Можно предположить, для представителей социномических профессий переживание смысла является центральным в связи с эмпатическими феноменами в профессиональной деятельности.

1. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 33–61.
2. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В., Олифинович Н.И., Шермазанян Л.Г. Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 39–58.
3. Кортнева Ю.В., Радионова М.С. Интеграция травматического профессионального опыта и проблема выгорания у врачей-анестезиологов с различным стажем работы // Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2015. – С. 480–484.
4. Медведская Е.И., Шерягина Е.В. Особенности эмпатии и профессионального выгорания белорусских и российских педагогов // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 59–74.
5. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 30–51.

Врачи ядерной медицины: особенности рабочей нагрузки и анализ трудовых задач

Ядерная медицина, врач-радиорентгенолог, врач-радиотерапевт профессиография, трудовые задачи

Одной из динамично развивающихся областей в сфере оказания медицинских услуг является ядерная медицина – область здравоохранения, которая использует достижения ядерной физики, открывающей возможности применения радионуклидных изотопов для диагностики и лучевой терапии [4]. Развитие этой области сталкивается с необходимостью разработки моделей компетенций радиорентгенологов и радиотерапевтов для разработки программ обучения, формирования должностных инструкций и учета специфики рабочей нагрузки, связанной с работой со сложным технологическим оборудованием и преимущественно с онкологическими больными.

Целью нашей работы стало изучение профессиональной деятельности двух категорий врачей, осуществляющих свои функции в центрах ядерной медицины, с выделением перечня трудовых задач, объясняющих специфику их работы. Методологической базой нашего исследования служили положения психологической теории деятельности [3 и др.] с использованием принципов комплексного подхода к изучению человека как личности и как субъекта деятельности [1 и др.].

Программа эмпирического исследования включала проведение полуструктурированного интервью со специалистами разного должностного уровня, работающих в области ядерной медицины, и анализ кадровой, информационно-справочной документации. Выборку составили 50 радиологов и 25 радиотерапевтов из 12 лечебных учреждений в РФ. Качественный анализ ответов респондентов осуществлялся с выделением трудовых функций, прописанных в кадровых документах – трудовом договоре и должностной инструкции, и не регламентированных, но фактически выполняемых на конкретных рабочих местах. Это позволило выделить несколько проблем, связанных с отсутствием профессиональных стандартов врачей ядерной медицины и «междисциплинарностью» их деятельности: 1) обоснование программ двухэтапного обучения, сначала базового медицинского, а затем освоения сложного технологического оборудования под руководством более опытного коллеги [5]; 2) организация слаженной работы персонала учреждений ядерной медицины, начиная от получения лицензии на осуществление деятельности до утилизации радиоактивных отходов [2]; 3) составление профессиограмм радиорентгенолога и радиотерапевта, включающие реальные трудовые задачи, выполняемые специалистами с учетом специфики их деятельности – ограниченность временными и технологическими параметрами и связанная с этим напряженность работы; постоянное и эмоционально насыщенное коммуникативное взаимодействие с пациентами и коллегами из смежных областей, работающих с визуализацией медицинских изображений; 4) работа с медицинскими информационными системами, не всегда включающими всю необходимую информацию по больному и наличию необходимого препарата.

Результаты тематического анализа интервью с врачами ядерной медицины легли в основу рабочих профессиограмм врачей-радиологов и врачей-радиотерапевтов, разработанных под конкретные цели – обучения/переобучения, кадрового подбора, адаптации. Эти профессиограммы позволят составлять должностные инструкции, адекватно отражающие трудовые функции и задачи сотрудников, своевременно оказывать психологическую поддержку врачам, грамотно устраняя негативные факторы, влияющие на их профессиональное благополучие.

1. Ананьев. Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Ковальчук М.В., Деев С.М., Сергунова К.А. Таргетная ядерная медицина. Достижения, проблемы и перспективы // Российские нанотехнологии. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 436–455.
3. Леонтьев А.Н. и современная психология: Сб. статей / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 288 с.
4. Наркевич Б.Я. Актуальные вопросы обращения с радиоактивными отходами в ядерной медицине // Радиоактивные отходы. – 2022. – № 1 (18). – С. 28–37. DOI: 10.25283/2587-9707-2022-1-28-37.
5. Stokkel M.P.M., Owers E.C. Hybrid training in nuclear medicine: where are we going to? // European Journal of Nuclear Medicine and Molecular Imaging. – 2023. – 50. – P. 2231–2235. – URL: <https://doi.org/10.1007/s00259-023-06223-2>

Особенности ценностных ориентаций и социально-психологических установок военнослужащих

Ценностные ориентации, социально-психологические установки личности, военнослужащие по призыву, военнослужащие по контракту

Привлечение добровольцев в ряды Вооруженных сил и заключение контрактов на дальнейшую службу является в настоящий момент актуальной и чрезвычайно важной задачей. Однако для того, чтобы вновь прибывший мог легко и быстро адаптироваться к службе, необходимо, чтобы его система ценностей и установок совпадала или была близка к ценностям и установкам, принятым в подразделении. В этой связи нами было проведено исследование по сравнению ценностных ориентаций и социально-психологических установок военнослужащих по призыву и по контракту.

Эмпирическим объектом выступили 60 человек, проходящих военную службу на момент диагностики: 1 группу составили 30 военнослужащих по призыву ($M_{возр} = 22$); во 2 группу вошли 30 военнослужащих по контракту ($M_{возр} = 30$).

Методики: «Ценностные ориентации» (М. Рокич) [1]; «Методика диагностики социально-психологических установок личности» (О.Ф. Потемкина) [2].

Результаты. Расчёт непараметрического U-критерия Манна-Уитни выявил статистически значимые различия ($p < 0,05$) по терминальным ценностям: «интересная работа» и «общественное признание», по группам «профессиональная самореализация» и «альтруистические ценности»; а также по «ориентации на эгоизм».

Корреляционный анализ Спирмена показал наличие связей ($p \leq 0,01$) между ценностными ориентациями и социально-психологическими установками респондентов. Группа 1 – прямые связи: «материально обеспеченная жизнь» – «ориентация на эгоизм», «наличие друзей» – «ориентация на процесс», «уверенность в себе» – «ориентация на труд»; обратные связи: «развитие» – «ориентация на труд», «ценности профессиональной самореализации» – «ориентация на труд». Группа 2 – прямые связи: «красота природы и искусства» – «ориентация на деньги», «аккуратность» – «ориентация на власть»; обратные связи: «любовь» – «ориентация на эгоизм», «познание» – «ориентация на результат», «продуктивная жизнь» – «ориентация на труд», «продуктивная жизнь» – «ориентация на деньги», «независимость» – «ориентация на эгоизм», «самоконтроль» – «ориентация на труд», «ценности общения» – «ориентация на власть».

Обсуждение и выводы. Исследование показало, что для военнослужащих по призыву, видимо, в связи с тем, что они поступили на службу сразу после окончания вуза и еще не имеют достаточного профессионального опыта, такие ценности, как «интересная работа» и «общественное признание» имеют средний уровень значимости, в то время как для военнослужащих по контракту данные терминальные ценности имеют первостепенное значение. Кроме того, военнослужащие по призыву и по контракту отличаются системами ценностей (не было обнаружено ни одной общей взаимосвязи). Можно заключить, что военнослужащие по контракту рассматривают свою службу как возможность профессиональной самореализации и даже склонны к проявлению альтруизма, в то время как военнослужащие по призыву пока в большей степени ориентированы на развитие и продолжение профессионального становления.

Полученные результаты позволят специалистам психологических служб ВС России эффективнее проводить мероприятия по адаптации военнослужащих по призыву к несению службы с дальнейшей возможностью заключения контракта.

1. Психологические тесты. / Под ред. А.А. Карелина. – М., 2000. – Т. 1. – С. 25–29.
2. Райгородский Д.Я. Психодиагностика персонала. – М.: Бахрах-М, 2007.

Усталость специалистов помогающих профессий в контексте профессиональной эффективности

Усталость от сострадания, виды усталости, потенциал сострадания, помогающие профессии

Современное общество приобретает «эмоциональную атрофированность» по отношению к людям, которые страдают в физическом и духовном плане. Это вызвано информационной перегрузкой сообщениями о различных трагических и негативных ситуациях (катастрофы, пандемии и т.д.), влияющих на индивидуальное сознание человека. В связи с этим, особая нагрузка ложится на специалистов помогающих профессий, требующая от них личностной и профессиональной эффективности и компетентности.

«Усталость от сострадания» (*compassion fatigue*) – состояние эмоционального напряжения и возбужденности вследствие повторяющихся переживаний травматического опыта и деперсонализации (циничного и бесчувственного отношения к другим людям) [1]. В отличие от выгорания (линейного процесса), усталость имеет более сложную структуру (циклический процесс, происходящий одновременно на трех уровнях: ментальном, физическом, эмоциональном).

Приведенное ниже исследование теоретически опиралось на общепризнанную модель «усталости от сострадания» американского психолога Ч. Фигли (C. Figley) [2]. Она предполагает, что усталость возникает как прямой результат переноса эмоциональной нагрузки от страдающего к помогающему, акцентируя тем самым внимание на важности баланса между профессиональной и личностной эффективностью (заботой о других и самозаботой). Исходя из модели, профессии «человек-человек» оказываются в группе «сострадательного риска» [3].

Проведенный первый этап пилотажного исследования предполагал выявление видов усталости у специалистов помогающих профессий и их взаимосвязь с сострадательным потенциалом и риском выгорания. Участие приняли 20 респондентов (10 педагогов высшей школы и 10 психологов), стаж – от 5 лет. В качестве диагностического инструментария использовался переведенный и адаптированный тест Ч. Фигли «Усталость от сострадания» и тест Ф. Фанже и С. Томаселла «Какая у вас усталость?». Тест Ч. Фигли включает три шкалы: риск выгорания, потенциал сострадания и риск усталости от сострадания. Тест Ф. Фанже и С. Томаселла: реактивная усталость, эмоциональная усталость, ментальная усталость, усталость от решений, усталость от сочувствия, экзистенциальная усталость.

Полученные данные показали, что преобладающий тип усталости у преподавателей и психологов совпадает – усталость от сочувствия. Также высокие показатели у преподавателей показали усталость от решений и ментальная усталость, в то время как у психологов – реактивная и ментальная. Усталость от сочувствия коррелирует с усталостью от решений ($r = 0,66$, при $p > 0,01$), которая в свою очередь с ментальной ($r = 0,70$, при $p > 0,01$) и реактивной ($r = 0,67$, при $p > 0,01$).

Риск выгорания респондентов имеет значимую корреляцию с усталостью от сострадания ($r = 0,73$, при $p > 0,01$). Установлено, что риск выгорания коррелирует с ментальной усталостью ($r = 0,53$, при $p > 0,05$) и усталостью от сочувствия ($r = 0,55$, при $p > 0,05$). На уровне тенденций обнаружена связь между потенциалом сострадания и усталостью от сочувствия ($r = 0,34$, при $p > 0,05$), а также усталостью от сострадания и ментальной ($r = 0,34$, при $p > 0,05$).

Можно предположить, что избыточное столкновение помогающих специалистов с ментальной и эмоциональной перегрузкой, нахождение в режиме «многозадачности» ведут к снижению эмпатического и сострадательного потенциала, и, как итог, к профессиональному и личностному кризису и снижению эффективности. Однако это предположение требует дополнительной проверки.

1. Орлова Д.А. Усталость от сострадания: адаптация теста Ч. Фигли / Д.А. Орлова, А.П. Лобанов. – Минск: РИВШ, 2021. – 36 с. (Серия «Когнитивные практики»).
2. Adams R.E. The Compassion Fatigue Scale: Its Use with Social Workers Following Urban Disaster / R.E. Adams, C.R. Figley // *Research on Social Work Practice*. – 2008. – P. 238–250.
3. Figley C.R. Psychometric Review of Compassion Fatigue Self-Test / C.R. Figley, B.H. Stamm // *Measurement of Stress, Trauma and Adaptation*. – 1996. – № 3. – P. 155–163.

Индивидуально-психологические особенности женщин с различным уровнем адаптации к стрессу

Профессионально важные качества, стресс, вегетативная нервная система

Выявление профессионально важных качеств, определяющих успешность адаптации в экстремальных ситуациях, является актуальной задачей психологии профессиональной деятельности. Предыдущие исследования подтвердили, что женщины более чувствительны к стрессогенным воздействиям, а также, что центральные механизмы реагирования на стресс дифференцированы в зависимости от пола. Однако эффективные прогнозные системы уязвимости к стрессу все еще отсутствуют. В современных исследованиях в качестве меры адаптации и стрессовой уязвимости используются показатели симпато-парасимпатического взаимодействия.

Целью исследования является выявление взаимосвязей между вегетативными показателями и индивидуально-психологическими особенностями в группах женщин с различным уровнем адаптации к стрессу.

В исследовании участвовало 126 психически здоровых женщин ($32,33 \pm 7,97$ года), из которых 76 являлись сотрудниками МВД. Обследуемые заполняли опросники: «Стиль саморегуляции поведения», «Индекс жизненного стиля», «Способы совладающего поведения»; «Мельбурнский опросник принятия решений», «Смыслжизненные ориентации», «Пятифакторный опросник».

На следующем этапе обследуемым в течение 3 минут предъявляли серию аудиальных стрессовых стимулов (нарастающие по громкости звуки сирен, взрывов, криков людей), одновременно регистрировались электрокардиограмма (ЭКГ) и кожно-гальваническая реакция (КГР).

На основании кластерного анализа k-means с использованием показателей высокочастотного (HF, мсек²), низкочастотного (LF, мсек²) и очень низкочастотного (VLF, мсек²) диапазона сердечного ритма при предъявлении стрессогенных аудиостимулов, выделено три группы обследуемых. В первой группе отмечались высокие значения всех спектров ЭКГ (HF, LF, VLF) со значительным преобладанием значений в диапазоне HF. Группа 2 имела низкие значения показателей всех спектров ЭКГ с некоторым преобладанием значений в диапазоне LF. В группе 3 уровень показателей HF и LF был примерно одинаковым.

При корреляционном анализе по Спирмену ($p < 0,01$) в группе 1 выявлена прямая связь вариационного размаха с гибкостью саморегуляции, а также связь активности стволовых центров и низкой активации подкорковых структур с поиском впечатлений. Индекс централизации обратно связан с защитной стратегией замещения, копинг-стратегией принятия ответственности и любопытством. Частота сердечных сокращений (ЧСС) обнаруживает обратную связь с депрессивностью, а амплитуда моды – с уровнем тревожности. В группе 2 обнаружена прямая связь ЧСС с доминированием и настойчивостью; индекс активации подкорковых структур – с самокритикой, избеганием ответственности, неаккуратностью, прокрастинацией при принятии решений, неудовлетворенностью достигнутыми целями в жизни и неверием в себя; КГР связана с избеганием ответственности.

В группе 3 низкий уровень ЧСС связан с поиском впечатлений и копинг-стратегией положительной переоценки; индекс централизации – с копинг-стратегией принятия ответственности. Уровень общей спектральной мощности ЭКГ обнаруживает обратную связь с депрессивностью.

Таким образом, преобладание парасимпатического влияния на регуляцию сердечного ритма в группе 1 связано с низким уровнем стресса, ответственностью и интересом к окружающему миру, эффективностью процессов программирования, интересом к сложным задачам; дефицит симпатической активации в этой группе связан с тревожностью и депрессивностью. В группе 2 преобладание симпатической активации с задействованием подкорковых структур связано с негативным самоотношением и неудовлетворенностью собой, неверием в свои силы, ригидностью процессов регуляции, избеганием ответственности и затягиванием принятия решений, непродуктивными защитными стратегиями и использованием упрощенных способов деятельности.

В группе 3 рост симпатического управления сердечным ритмом связан с ответственностью и низкой склонностью к самовыражению, отсутствием интереса к новизне, а высокая чувствительность к стрессу связана с депрессивными тенденциями.

Исследование индивидуально-психологических причин добровольного ухода из профессии молодых специалистов по социальной работе

Молодые специалисты, социальная работа, добровольный уход из профессии, индивидуально-психологические причины

Проблема текучести кадров в социэкономической сфере всегда была актуальной, последние годы руководители социозащитных учреждений отмечают рост нежелания молодых специалистов идентифицировать свой профессиональный путь с социальной работой и уход в другие сферы деятельности. Как правило, большинство случаев ухода из профессии молодежи приходится на первый год их профессиональной деятельности после завершения обучения. Увеличению рисков ухода молодых специалистов из социэкономических профессии способствуют такие процессы, происходящие в современном социуме, как рост эгоистических настроений, потребительский имидж в поведении, низкий статус таких профессий, невысокие заработки на начальном этапе профессиональной карьеры, отсутствие действенных мер поддержки молодых специалистов в социальных учреждениях и пр. [1]. Выявление и анализ причин и факторов, влияющих на добровольный уход молодых специалистов из профессии социальной работы важен для последующей разработки эффективных стратегий их удержания.

Уход из профессии как объект научного анализа можно рассматривать на двух уровнях: широком – социологический (рассматриваются социальные аспекты феномена: сущность в структуре более глобальных социальных отношений, в разрезе профессионального статуса, изменения социально-экономического положения, изучаются социально-экономические макрофакторы, причины и последствия в социальном контексте больших социальных явлений и и.п.) и индивидуально-психологическом (анализируется индивидуальный опыт и микрофакторы, индивидуальные причины).

В нашем исследовании был использован второй подход, поскольку объектом изучения является добровольный уход из профессии.

Под добровольным уходом из профессии мы понимаем самостоятельное принятие специалистом решения прекратить свою профессиональную деятельность в определенной сфере, чтобы перейти в другую профессиональную сферу или поменять род деятельности.

Для выявления индивидуально-психологических причин добровольного ухода из профессии молодых специалистов по социальной работе были проведены глубинные интервью с бывшими молодыми специалистами по социальной работе (в возрасте от 22 до 35 лет), ушедшими из профессии (n = 30), а также с руководителями социозащитных учреждений (n = 10) Республики Хакасия.

Результаты исследования показали, что ключевыми индивидуально-психологическими причинами добровольного ухода из профессии молодых специалистов по социальной работе являются:

- прежде всего рабочие условия: специфика содержания труда, перегрузка работой с документами, высокая рабочая нагрузка на одного специалиста, неудовлетворенность организацией рабочего места;
- мотивационные факторы (неудовлетворенность низкой оплатой труда, отсутствие карьерного роста);
- профессиональный стресс и выгорание (эмоциональное истощение из-за постоянного взаимодействия с людьми, находящимися в трудных жизненных ситуациях), личностные особенности (ранимость, впечатлительность, инфантилизм);
- отсутствие поддержки со стороны руководства и коллег, конфликты во взаимоотношениях с коллегами, негативный психологический климат в учреждении;
- неуверенность в своих профессиональных навыках и их соответствии профессиональным требованиям;
- проблемы профессиональной идентичности (несоответствие между представлениями и ожиданиями молодого специалиста о содержании профессиональной деятельности и реальной практикой) и др.

Полученные данные могут быть использованы для разработки программ поддержки (в том числе наставничества) молодых специалистов с целью улучшения условий труда в социальных службах.

1. Митрухина С.В. Уход из социэкономических профессий как объект теоретического анализа / С.В. Митрухина, Е.С. Слюсарь // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов, Абакан, 21 сентября 2023 года. – Абакан: Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2023. – С. 81–84.

Копинг-стратегии пожилых лиц как фактор их жизнестойкости

Копинг-стратегии, жизнестойкость, качество жизни, пожилые граждане

В связи с высоким уровнем нестабильности и стрессовостью в обществе необходимы особое внимание и поддержание жизнедеятельности пожилых граждан, создание условий для благополучного долголетия. Важными факторами для качества жизни пожилых людей являются стабильность и гибкость эмоциональной сферы, а также копинг-стратегии преодоления сложных жизненных ситуаций.

Методики исследования: «Личностный опросник «SACS» С. Хобфолла (в адаптации Н. Водопьяновой, Е. Старченковой); Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева).

Копинг-стратегии изучались среди 50 пожилых граждан в возрасте от 65 до 85 лет, одиноко проживающих и проживающих в семье. Базы исследования: Социально-реабилитационные отделения города Сыктывкар и Сосногорска Республики Коми.

Личностный опросник «SACS» С. Хобфолла по средним данным показал, что у всей выборки испытуемых, выявились копинг-стратегии: высокая степень выраженности стратегии «Избегание», а низкая степень выражена в шкалах «Поиск социальной поддержки», «Социальное взаимодействие».

Анализ средних данных по отдельным группам выявил схожие тенденции. Предпочтение неконструктивных копинг-стратегий может указывать на пассивные стратегии преодоления стресса в пожилом возрасте, обеспечивающей «безопасность» индивида и поддержание его жизнедеятельности.

Анализ результатов по методике С. Мадди «Тест жизнестойкости», позволил выявить: общий уровень жизнестойкости для всей выборки с преобладанием среднего (52%) и 48% соответствует низкий. Низкий уровень жизнестойкости у пожилого человека может быть связан с отсутствием личностно значимых целей, чувствительностью к мелочам и подверженностью стрессу. Высокий уровень жизнестойкости позволял бы пожилым людям легче переносить тревогу при выборе неизвестного, справляться со стрессами и оставаться активными в решении жизненных задач, однако ни одного из числа всех испытуемых с таким уровнем не выявлено.

Между группами одиноко проживающих и проживающих в семье ярко выраженное отличие выявлено в том, что пожилые люди, проживающие в семье преимущественным числом (64%), имеют общий уровень жизнестойкости ниже, нежели одиноко проживающие – по полученным данным им характерен средний уровень жизнестойкости (68%). Возможно, одиноко проживающие более независимы, активны, что укрепляет их жизнестойкость, а проживающие в семье испытывают недостаток самостоятельности из-за зависимости от других членов семьи, что приводит к чувству опеки, отсутствию личного пространства и увеличению уровня стресса, негативно сказываясь на жизнестойкости.

Для исследования взаимосвязи и подтверждения гипотезы о том, что выбор продуктивных копинг-стратегий обуславливают более высокие показатели жизнестойкости, проведен анализ ранговой корреляции Спирмена (всей выборки), по результатам которого «Поиск социальной поддержки» и «Социальное взаимодействие» выявилась взаимосвязь, т.е. люди обращаются за помощью и сочувствием к другим, чтобы решить проблемы. Корреляции между жизнестойкостью и ее компонентами подтверждают логичное соответствие между ними. Однако не обнаружено значимых связей между жизнестойкостью и копинг-стратегиями, что может указывать на влияние других факторов на выраженность уровня жизнестойкости. Кроме того, анализ по критерию U-Манна-Уитни показал отсутствие различий между показателями жизнестойкости и копинг-стратегиями.

Акцентуации характера и характеристики саморегуляции поведения у курсантов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

Акцентуации характера, характеристики саморегуляции поведения

Актуальность темы исследования определяется важностью процесса адаптации курсантов в первый год обучения в университете. В свою очередь адаптация тесно связана с проявлениями характера и характеристиками саморегуляции поведения. Для курсантов крайне важно, как проходит первый год обучения, так как с первого курса курсанты готовятся к выполнению ответственных задач, связанных с обеспечением пожарной безопасности и оказанием помощи в экстремальных ситуациях. Для эффективности курсанта в учебной деятельности необходимо учитывать факторы психологической стабильности и саморегуляции поведения курсантов.

Гипотеза: существует взаимосвязь характеристик саморегуляции поведения и акцентуаций характера у курсантов первого курса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. Для реализации задач исследования использовались методики:

- 1) опросник «Стиль саморегуляции поведения В.И. Моросановой»;
- 2) тест «акцентуации характера» Г. Шмишека, К. Леонгарда;
- 3) многофакторный личностный опросник 16PF Рэймонда Кеттелла, адаптация: А.Н. Капустина;
- 4) шкала локуса контроля Дж. Роттера, адаптация: А.Г. Шмелева;
- 5) анкета (авторская) «Ответственность».

Для обработки данных использовался корреляционный анализ (коэффициент корреляции г-Пирсона) и описательные статистики (дисперсия, коэффициент вариации). Исследование проводилось в очном формате.

Выборку составили 59 курсантов первого курса, обучающиеся по направлению подготовки «Техносферная безопасность» и «Пожарная безопасность» Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (59 юношей) в возрасте от 17 до 18 лет. Все испытуемые были проинформированы о процедуре исследования и дали согласие на участие.

В целом по выборке акцентуации характера имеют низкие и средние значения. Что дает основания предполагать, что среди курсантов практически отсутствуют носители акцентуаций. Высокие значения выявлены только по шкалам «гипертимность» (25,4% курсантов), «циклотимичность» (18,6% курсантов) и «аффективность» (20,3% курсантов). Вероятно, высокие показатели вызваны процессом адаптации обследуемых. Проявления акцентуаций у незначительной части первокурсников выражаются в большей подвижности, общительности, большем жизненном тоне, бурных реакциях на обстоятельства, смене гипертимических и дистимических состояний, иногда без видимых внешних причин.

Выявлены высокие показатели следующих характеристик саморегуляции поведения: «планирование» у 45,7% курсантов, «моделирование» – у 40,6% и «гибкость» – у 42,3%, показывающие, что курсанты первого курса имеют сформированные потребности в осознанном планировании деятельности, способны выделять значимые условия в достижении цели и гибко подстраиваться под непредвиденные обстоятельства.

Акцентуации, имеющие высокие значения, статистически значимых связей с характеристиками поведения не обнаружили. Наибольшее количество связей ($p \leq 0,001$) выявлено у характеристики саморегуляции поведения «моделирование», отрицательно коррелирующей с акцентуациями «педантичность», «тревожность», «циклотимичность», «возбудимость». Акцентуация «возбудимость» положительно связана ($p \leq 0,001$) с экстернальностью и отрицательно – с характеристиками саморегуляции поведения «оцениванием результатов» и «моделированием».

Используя результаты исследования, при выявлении определенных акцентуаций у курсантов в период адаптации можно предполагать пробелы в саморегуляции поведения и вовремя корректировать их. В связи необходимостью разработки программ улучшения саморегуляции поведения курсантов желательно проведение новых исследований данного направления.

Влияние психологического сопровождения на развитие показателей стрессоустойчивости у курсантов средних профессиональных учебных заведений морского профиля

Стрессоустойчивость, психологическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, курсанты морского колледжа

Современное общество предъявляет повышенные требования к стрессоустойчивости личности. Данный факт определяется социально-экономическими условиями жизни. Как известно, стрессоустойчивость – как черта личности – имеет важное значение для представителей профессий группы риска, в частности морского профиля.

Профессиональная деятельность экипажей морских судов характеризуется воздействием большого количества стрессогенных факторов и, как следствие, приводит к состоянию дистресса. К комплексу стрессоров, с которыми сталкивается специалист морской профессии, можно отнести следующие: эмоциональная насыщенность при выполнении специальных задач во время рейса, большие физические перегрузки, общение в рабочем коллективе, тяжелые травмы, полученные во время выполнения профессиональных задач, оказание первой помощи пострадавшим на судне, организовывать и обеспечивать действия подчиненных членов экипажа судна при авариях; выполнение трудовых задач в условиях недостатка времени, смерть члена экипажа и т.д. Особая ответственность и специфика профессиональной деятельности при выполнении специальных задач выражается, прежде всего, за жизнь и здоровье, не только свое, но и членов экипажа судна.

Отзывы комплектующих регионов свидетельствуют о том, что выпускники средних профессиональных учреждений морского профиля показывают недостаточную готовность реализовать себя в профессиональной деятельности, что выражается в неправильном выборе оптимальной тактики поведения в экстремальной ситуации для ее локализации и реагировании на стрессор. Это по итогу приводит к возникновению у специалистов психологических проблем, в том числе профессиональному выгоранию и профессиональной непригодности [1, 2, 4].

Так, ссылаясь на Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования, по направлению подготовки 26.02.03 «Судовождение», определяющего результаты обучения, значимые для курсантов-выпускников данного направления, следует выделить такие компетенции, как наличие рискоориентированного мышления; умение осуществлять поиск, анализ и интерпретацию информации, необходимой для выполнения задач профессиональной деятельности; владение компетенциями сохранения здоровья; социального взаимодействия, владение компетенциями ценностно-смысловой ориентации, знание эмоциональных и волевых особенностей личности, умение и навык их регуляции [3, 5].

Таким образом, резюмируя вышеперечисленное, можно говорить о том, что стрессоустойчивость, не просто совокупность психофизиологических особенностей организма, а характеристика личности, которая также является особо значимой и необходимой компетенцией для становления личности будущего специалиста морской профессии. И как следствие, самоорганизация этого процесса, навык его воспитания и самостоятельной регуляции является одной из главных задач в психолого-педагогическом сопровождении курсантов в процессе обучения.

Предметом исследования выступают динамика показателей формирования стрессоустойчивости у курсантов разных курсов направления подготовки «Судовождение» морского колледжа МГУ им. Г.И. Невельского (г. Владивосток).

Эмпирическое исследование проводилось с 10.09.2023 по 30.03.2024 года на базе морского колледжа МГУ им. Г.И. Невельского (г. Владивосток). Респондентами выступали курсанты, обучающиеся по направлениям подготовки «Судовождение» (специальность: техник-судоводитель). Для проведения исследования была сформирована выборка, которую составили: курсанты 1 и 3 курса – 270 человек.

Полученные данные проведенного исследования свидетельствуют о существенной разнице в показателях, определяющих состояние стрессоустойчивости курсантов. По итогу эмпирического исследования по батарее методик были составлены личностные профили каждого курсанта 1 и 3 курса. Результаты могут быть применены в разработке и обосновании психологической поддержки профессионального развития курсантов в контексте работы психологической службы морского колледжа.

1. Воробьев В.М., Шаповал В.А О взаимосвязи психофизиологического стресса с психодинамическими свойствами личности курсантов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1 (41). – С. 146–158.
2. Луговский В. А. Психология профессиональной деятельности: Учеб.- метод. пособие / В.А. Луговский, М.Н. Кох. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 101 с.
3. Мартынов С.Д. Профессионалы в управлении. – Л., 1991. – С. 50–52.
4. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1991. – С. 125.
5. Сейтезев А.П. Профессиональная направленность личности. Теория и практика воспитания. – Алма-Ата: 1990. – С. 54.

Модель психологической поддержки профессионально-личностного развития курсантов в контексте работы психологической службы морского колледжа

Психологическая поддержка, психологическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, профессиональное самоопределение, курсанты морского колледжа

В настоящее время профессиональная деятельность специалиста морского профиля предъявляет высокие требования к профессиональной готовности курсантов профильных специальностей данного направления. В современной ситуации проведения военных действий возрастает необходимость подготовки компетентных, высококвалифицированных кадров для флота и армии, которым присущи способности эффективного применения в практической деятельности системы профессиональных знаний, умений и навыков, высокая степень мотивации к профессиональной деятельности, а также личностных качеств, позволяющих осуществлять межличностное взаимодействие в служебных и чрезвычайных ситуациях, способствуя эффективной реализации профессиональных функций.

Современный подход к профессиональной подготовке специалистов морского флота обусловлен необходимостью формирования профессиональной компетентности специалистов флота в специальной среде профессиональной деятельности, что может быть обеспечено тесной взаимосвязью процесса профессиональной подготовки и практической деятельности специалистов морского профиля. Это ведет к необходимости применения обоснованных технологий обучения, формирования профессиональной направленности будущих специалистов к профессиональной работе, внесения изменений в содержание учебных модулей, отвечающих вызовам времени, а также обладающих выраженной мотивационной готовностью к осуществлению деятельности [1, 3].

Данные обстоятельства выдвигают повышенные требования к качеству профессиональной подготовки будущих специалистов флота, где их учебно-профессиональная мотивация является одним из основных критериев эффективности образовательного процесса в военном колледже, вузе, обеспечивающим успешное обучение курсантов, способствующим инициативности, энергичности, повышению их познавательной активности, самостоятельности принятия решений в ситуациях профессиональной деятельности. Сформированная у будущих офицеров морского флота устойчивая учебно-профессиональная мотивация становится базой для развития настойчивого желания совершенствовать профессиональные качества и свойства личности в процессе военной службы [2, 4]. Отмечая плодотворность полученных данных научных исследований, следует признать, что в психологии личности вопросы психологической поддержки профессионально-личностного развития будущего специалиста профессии не были предметом специального изучения. Потребность устранить данный пробел в научном знании определяет актуальность нашего исследования.

Предметом исследования выступают возможности профессионально-личностного развития будущих специалистов морской профессии средствами психологической поддержки, осуществляемой психологической службой среднего профессионального учебного заведения (на примере колледжа морской академии Морского государственного университета им. Г.И. Невельского).

В эмпирическом исследовании приняли участие курсанты 1-5 курсов – 768 человек, обучающиеся по направлениям подготовки «Судовождение» (специальность: техник-судоводитель), «Эксплуатация судовых энергетических установок» (специальность: техник-судомеханик), «Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики» (специальность: техник-электромеханик).

В соответствии с компетенциями профиля подготовки курсантов морского колледжа и темой исследования была подобрана батарея методик.

Полученные данные проведенного исследования свидетельствуют о существенной потребности в психологической поддержке со стороны психологической службы данного учреждения. По итогу эмпирического исследования по батарее методик была разработана модель психологической поддержки профессионально-личностного развития курсантов морского колледжа.

1. Луговский В.А. Психология профессиональной деятельности : учеб.- метод. пособие / В.А. Луговский, М.Н. Кох. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 101 с.
2. Маргынов С.Д. Профессионалы в управлении. – Л.: 1991. – С.50–52.
3. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности // Санкт-Петербургский университет. – СПб., 1991. – С. 125. Сейтезев А.П. Профессиональная направленность личности. Теория и практика воспитания. – Алма-Ата: 1990. – С. 54.

Специфика проявления негативных психологических последствий у специалистов МЧС России при внеплановом скрининге

Специалисты МЧС России, негативные проявления, внеплановый скрининг, постэкспедиционное обследование

Специалисты МЧС России, в связи со спецификой своей профессиональной деятельности, часто подвергаются воздействию экстремальных факторов. В связи с этим важно понимать, влияют ли экстремальные факторы профессиональной деятельности на возникновение негативных психологических последствий у специалистов МЧС России и в чем специфика этих негативных последствий. Для того чтобы своевременно выявить негативные последствия экстремальных факторов, специалисты психологической службы МЧС России, в рамках психологического сопровождения профессиональной деятельности специалистов МЧС России, проводят внеплановый скрининг (постэкспедиционное обследование в индивидуальной форме), который позволяет своевременно выявлять негативные психологические последствия, связанные с ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС) [1].

В исследовании приняло участие 2317 специалистов МЧС России, участвующих в ликвидации последствий ЧС различного вида: средний возраст $33,3 \pm 7,4$ года; стаж работы $8,3 \pm 6,6$ года; количество времени, проведенного в зоне ЧС $10,9 \pm 7,9$ дней. Психодиагностический инструментарий: психодиагностическое полуструктурированное интервью с целью выявления подробностей пребывания специалиста МЧС России в зоне ЧС и определения его субъективного физического самочувствия и психологического состояния по возвращении. В рамках интервью выявляются негативные проявления схожей симптоматики, сгруппированные в субсиндромы: когнитивный (снижение памяти и интеллектуальной деятельности, трудности с концентрацией внимания и пр.), эмоциональный (ощущение страха, раздражительность, чувство вины и пр.), поведенческий (апатия или агрессивные реакции, повышение бдительности и пр.), вегетативный (физическое напряжение или слабость, бессонница, головная боль, боли в области сердца и пр.), социально-психологический (повышение конфликтности, снижение круга общения и пр.). Согласно критерию Хи-квадрат Пирсона (SPSS Statistics V. 22) выявлена значимая взаимосвязь: 1) между возрастом и субсиндромами: 28 лет и младше с эмоциональным ($p = 0,000$) и поведенческим ($p = 0,000$); от 36 до 43 лет с когнитивным ($p = 0,000$); от 44 до 49 лет – с когнитивным ($p = 0,035$); от 50 лет и старше – с вегетативным ($p = 0,008$); 2) между стажем работы и субсиндромами: 3 года и менее с когнитивным ($p = 0,001$), эмоциональным ($p = 0,002$) и поведенческим ($p = 0,006$); от 4 до 7 лет с когнитивным ($p = 0,000$); от 8 до 12 лет с когнитивным ($p = 0,002$), эмоциональным ($p = 0,041$) и социально-психологическим ($p = 0,000$); 13 лет и более с когнитивным ($p = 0,000$) и социально-психологическим ($p = 0,000$); 3) между временем пребывания в зоне ЧС и субсиндромами: 4 дня и менее с когнитивным ($p = 0,000$) и социально-психологическим ($p = 0,000$); от 5 до 7 дней с когнитивным ($p = 0,000$), эмоциональным ($p = 0,000$), поведенческим ($p = 0,000$) и вегетативным ($p = 0,000$); от 8 до 14 дней с когнитивным ($p = 0,002$), эмоциональным ($p = 0,000$), поведенческим ($p = 0,000$) и вегетативным ($p = 0,000$); 15 дней и более с когнитивным ($p = 0,000$), эмоциональным ($p = 0,000$), поведенческим ($p = 0,000$) и вегетативным ($p = 0,002$). Анализ проявлений негативных психологических последствий у специалистов МЧС России при проведении в индивидуальной форме внепланового скрининга позволяет заключить:

1. Срок пребывания в зоне ЧС сильнее всего влияет на проявление поведенческих и эмоциональных нарушений, при этом проявления уменьшаются по мере увеличения срока нахождения специалистов МЧС России в зоне ЧС.

2. С увеличением возраста специалистов МЧС России усиливаются и вегетативные проявления, при этом негативные поведенческие проявления становятся менее выраженными с увеличением возраста.

3. По мере увеличения трудового стажа у специалистов МЧС России, негативные проявления когнитивной сферы становятся менее выраженными, а социально-психологические негативные проявления становятся более выраженными.

1. Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России // II Всероссийский съезд психологов силовых структур Российской Федерации: сборник материалов / Под ред. Ю.П. Зинченко, А.Г. Караяни, Ю.С. Шойгу. – М.: ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. – С. 165–176.

Психофизиологический анализ профессиональной деятельности операторов сложных военно-технических систем

Психофизиологический анализ, сложная военно-техническая система, оператор, профессиональная деятельность

Сложные военно-технические системы (СВТС) представляют собой технические системы, состоящие из большого количества взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, обеспечивающих выполнение системой некоторой достаточно сложной боевой задачи [1]. Примерами СВТС могут служить: системы вооружения противовоздушной обороны, включающие в свой состав радиолокационные станции и зенитные ракетные комплексы, ракетно-ядерные системы, состоящие из ракетных комплексов и средств управления и обеспечения авиационные комплексы и т.п. [2, 3].

Особенность деятельности оператора современных СВТС заключается в отсутствии непосредственного контакта с объектом управления. Оператор работает не с объектом управления непосредственно, а с его информационной моделью, существующей в виде совокупности приборов и мониторов, расположенных на его автоматизированном рабочем месте [4]. Таким образом, продуктом труда оператора СВТС является, прежде всего, управляющая информация.

Совершенствование СВТС, повышение уровня их автоматизации влечет за собой постоянное изменение характера операторской деятельности, насыщая ее интеллектуальным содержанием и увеличивая напряжённость. В этих условиях, психофизиологический анализ профессиональной деятельности операторов СВТС становится важнейшим направлением повышения надёжности операторского труда.

Основной задачей психофизиологического анализа профессиональной деятельности оператора СВТС является изучение широкого круга психофизиологических, психологических и социально-психологических свойств человека, которые проявляются в операторской деятельности, оказывают влияние на эффективность и качество этой деятельности, определяют надёжность и работоспособность человека-оператора, его психическое состояние и психофизиологические ресурсы.

К наиболее актуальным вопросам, решаемым при проведении психофизиологического анализа профессиональной деятельности операторов СВТС, следует отнести:

- исследование особенностей психических процессов как регуляторов профессиональной деятельности;
- изучение основных психофизиологических свойств человека-оператора и их структуры как факторов организации профессиональной деятельности и ее эффективности;
- изучение особенностей и структуры функциональных состояний в профессиональной деятельности.

Проведенный обобщенный психофизиологический анализ профессиональной деятельности операторов СВТС показал, что их деятельность наиболее тесно связана со следующими психическими процессами:

- прием информации (ожидание информации, готовность к приему информации, активный информационный поиск);
- переработка информации (опознание и оценка обстановки, решение задач и принятие решений различного интеллектуального уровня);
- принятие решения (формирование цели действия и выбор способов ее достижения);
- управляющие действия (либо четко выраженные двигательные операции, либо, наоборот, отсутствие или задержка двигательной реакции).

Характерная особенность профессиональной деятельности операторов СВТС заключается в широком и динамичном спектре профессиональных ситуаций: от ситуации ожидания и готовности до экстремальных (аварийных, нештатных) ситуаций.

1. Афонин В.П., Быстряков В.Д., Истомин В.В. Основные вопросы эксплуатации сложных военно-технических систем. – М.: ГУЗ, 2013. – 220 с.
2. Чепурнов И.А. Инженерно-психологические аспекты профессиональной деятельности операторов сложных технических систем / И.А. Чепурнов, Р.К. Ковалев // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: сборник трудов конференции. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 206–211.

3. Доброленский Ю.П., Завалова Н.Д., Пономаренко В.А., Туваев В.А. Методы инженерно-психологических исследований в авиации. – М.: Машиностроение, 1975. – 280 с.
4. Чепурнов И.А. Профессиографическое исследование профессиональной деятельности операторов зенитных ракетных комплексов // Психология и Психотехника. – 2023. – № 3. – С. 97-107.

Роль идентичности и доверия в проявлении морально-психологического климата воинского подразделения

Идентичность, доверие, морально-психологический климат, воинский коллектив

Актуальность проблемы. Воинские подразделения ВС РФ в настоящее время находятся в непривычных условиях. Проведение СВО внесло коррективы в их уклад жизни, независимо от военно-учетной специальности. Военнослужащие, особенно несущие службу по призыву и недавно подписавшие контракт, были вынуждены проанализировать свою роль в структуре коллектива и армии в целом, понять, насколько качественны и крепки межличностные отношения между ними и сослуживцами. Исходя из этого меняется морально-психологический климат воинского коллектива (МПК) – комплекс качеств и состояний, который отражает общий эмоциональный настрой, проявляющийся в степени удовлетворенности от причастности к коллективу, выраженности как группового, так и межличностного доверия и ряда других показателей [2].

В условиях неопределенности устойчивость и уверенность позволяют адаптироваться к изменившимся условиям, что влияет на качество выполнения боевой задачи. Это важно, ведь действие одного военнослужащего влияет на жизнь и здоровье сослуживца. Роль этих феноменов изучается, однако акцент ставится на роли командира, руководства как фактора, формирующего МПК. В данном исследовании используется психологическая призма феноменов [1].

Методологическая и эмпирическая база исследования. Цель исследования: изучить роль идентичности и доверия в проявлении морально-психологического климата воинского подразделения. Предметом является идентичность и доверие, объектом – воинские подразделения. В исследовании приняли участие 7 коллективов, общая численность респондентов – 81 человек, из которых 100% мужчины в возрасте от 18 до 25 лет.

Исследовательские вопросы:

1. Уровень группового и межличностного доверия положительно коррелирует с такими показателями, как сплоченность, коллективизм, информированность.
2. Уровень групповой идентичности в коллективах выше, чем уровень межличностной идентичности.

Материалы и методы: анализ научной литературы, тестирование, обработка данных, а также их анализ и интерпретация. В качестве методик взяты: 1) Социально-психологическая самоаттестация группы как коллектива О.А. Ахвердовой, К.С. Гюлушанян, В.В. Коленкиной (СПСК); 2) Методика изучения группового, межличностного доверия А.В. Сидоренкова; 3) Методика изучения групповой, межличностной идентичности А. В. Сидоренкова. В ходе обработки использовался дескриптивный анализ, корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, поскольку распределение в методике СПСК ненормальное.

Результаты исследования. Определено, что сплоченность, коллективизм, информированность положительно связаны с М-ИИД – высоко значимые корреляции $r = 0,404$ при уровне значимости 0,01, $r = 0,384$ при $p < 0,01$, $r = 0,425$ при $p < 0,01$ соответственно. Примечательно, что иные виды межличностного доверия значимо не связаны с упомянутыми характеристиками. Это объясняется проработанностью выбранных методик и точным определением содержания шкал. Не выявлено значимых корреляций по шкалам группового доверия – на наш взгляд, это обусловлено тем, что в современных условиях воинский коллектив разделяет совместный быт и досуг, однако поставленные задачи выполняются в малых группах от 2 до 5 человек.

При сравнении групп по показателям идентичности значимых различий не выявлено, что может объясняться принадлежностью к одному подразделению, из-за чего специфика и условия формирования, становления одинаковы. Итак, при изучении морально-психологического климата важно рассматривать доверие в его различных проявлениях с целью использования именно этого феномена как механизма повышения качества отношений между военнослужащими.

1. Барановский М.В. Доверие в воинском коллективе: социолого-управленческий аспект: Монография / М.В. Барановский. – М.: Военный университет, 2018. – 141 с.
2. Варламов А.В., Поштарева Т.В. Педагогические условия формирования благоприятного социально-психологического климата в воинском коллективе // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2021. – № 3. – С. 183–190.

Бубновская О.В.
Владивосток, ФГАОУ ВО ДВФУ

Особенности переживания времени молодежью в пространстве девиантного поведения

Переживание времени, девиантное поведение, ценностно-смысловая сфера, благополучие и безопасность молодежи

Благополучие и психическое здоровье молодого поколения обеспечивает развитие страны, потенциал которого зависит от осознания и целостного представления своего прошлого, настоящего и будущего. При этом вектор отечественных исследований переживания времени юношеством чаще направлен на будущее, в отличие от изучения влияния времени и анализа восприятия полной временной конструкции за рубежом [4 и др.]. Рассмотрение жизненного хронотопа и ценностно-смысловых аспектов особенно важно в контексте вовлеченности молодежи в увеличивающееся пространство девиаций, расширения их репертуара (ВЦИОМ, GYW и др.).

Для проверки гипотезы о различиях параметров ценностно-смысловой сферы и временной транспективы личности молодежи со склонностью к разным формам девиантного поведения использовались психодиагностический инструментарий [1–3], включая личностные опросники, и статистическая обработка данных (однофакторный дисперсионный анализ, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, критерии Манна-Уитни, Крускала-Уоллиса и Угловое преобразование Фишера). В выборку вошли студенты колледжа (Промышленный колледж энергетики и связи, Владивосток) всех курсов технического профиля по программам подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих ($n = 163$, 43% – девушки, от 15 до 22 лет, $M = 17,07$).

Для групп со склонностью к разным формам девиаций (агрессивное, саморазрушающее и самоповреждающее, аддиктивное, делинквентное поведение, преодоление норм и правил, а также сниженный волевой контроль эмоциональных реакций) рассчитывались семантические универсалии «Прошлое», «Настоящее» и «Будущее» (90% критерий частоты выбора признаков), рассматривались семантические пространства и показатели активности, величины, структуры, осязаемости времени и его эмоциональной окраски.

По результатам анализа индивидуального своеобразия переживания временных аспектов жизни, в значительной мере регулирующих ценностно-смысловую сферу и поведение, оценена склонность к формам девиаций с учетом возраста ($p < 0.01$). и пола ($p < 0.05$), подтверждены ее связи с параметрами временной транспективы и смысложизненных ориентаций, построен обобщенный личностный профиль. При этом специфика переживания времени выявлена как в сочетании временных зон и наборе характеристик временных локусов, так и в особенностях смысложизненных ориентаций молодежи без склонности к девиантному поведению и с готовностью к разным его формам с учетом актуальных смысловых состояний.

Различия включили временные локусы «Прошлое» (фактор «Величина времени», шкалы «Глубокое – мелкое», $\rho = 0.018$ и «Широкое – узкое», $\rho = 0.035$), «Настоящее» («Структура времени», «Понятное – непонятное», $\rho = 0.031$ и «Стремительное – застывшее», $\rho = 0.029$) и «Будущее» («Осязаемость времени», «Осязаемое – неосязаемое», $\rho = 0.045$).

При этом семантические оценки оказались более согласованно и полно представленными у респондентов с готовностью к девиациям, характеризуясь наличием уникальных групповых дескрипторов.

Исследование индивидуально-психологических особенностей личности, склонной к девиациям, анализ смыслообразующей основы жизненного пути в русле рассмотрения психологического времени помогает расширить возможности сопровождения взросления, консультативной и коррекционно-профилактической работы с целью гармонизации развития личности, обеспечения ее субъективного благополучия и безопасности в контексте вовлеченности молодежи в девиантное поведение.

1. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. – СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2009.
2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (2-е изд.). – М.: Смысл, 2000.

3. Леус Э.В., Соловьев А.Г., Сидоров П.И. Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 9. – С. 268–278.
4. Levasseur L., Shipp A., Fried Y., Rousseau D., Zimbardo P. New perspectives on time perspective and temporal focus // Journal of Organizational Behavior. – 2020. – 41(3). – P. 235–243.

Исследование выполнено при поддержке проекта «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлеченности в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества» в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 № Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 07.02.2022 по 31.12.2024 Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ» (Целевое назначение – пожертвование СБЕР (ПАО) на развитие ШЭМ).

Психологические факторы развития созависимости

Созависимость, зависимость, созависимые отношения, здоровье

Основные проблемы здоровья связаны с особенностями поведения человека, которые не соответствуют его физиологии. Изучение психологических аспектов возникновения таких особенностей поведения и их последствий для развития и функционирования человека – чрезвычайно важная и актуальная задача современной психологической науки, одним из направлений, занимающихся этими вопросами, является психология здоровья.

Особенности поведения самого человека оказывают воздействие не только на его собственное здоровье, но и на здоровье окружающих его близких людей. Подобное воздействие, зависимость от поведения и привычек другого может повлиять на здоровье человека, изменить его собственные потребности, интересы, ценности, характер сделать его несчастным и даже больным. Поведение, мотивированное какой-либо зависимостью от значимого другого, определяется как созависимость.

Многие авторы рассматривают созависимость как нарушение психического здоровья и личностного развития, сформированное в результате длительной подверженности стрессу и сконцентрированности на проблемах другого.

В медицинской и социальной психологии созависимость трактуется как сложное по генезису характерологическое, личностное, аддиктивное расстройство [1].

Основные факторы формирования созависимости.

1) Дисфункциональная семья.

Специфические для зависимых черты личности, являются вторичными нарушениями, тогда как первичными являются нарушения в системе социальных, в том числе семейных, отношений.

Д. Делис утверждает, что в отношениях многих пар всегда прослеживается какой-либо вид зависимых и созависимых отношений. Не выделяя понятие созависимости, К. Юнг определяет в браке позицию «поглощенного» и «поглощающего».

В.Д. Москаленко выделяет такие характеристики созависимости, доминирующие при создании супружеской жизни:

- полная зависимость от взаимоотношений с другими;
- компульсивное желание контролировать жизнь других;
- чрезмерное проявление заботы о других.

Все участники подобных отношений оказываются вовлечены в «треугольник Карпмана», состоящий из трех ролей: «Жертва – Преследователь – Спаситель». В кризисных ситуациях треугольник приходит в движение, и участники меняются ролями.

Принять, созависимость означает расстаться с ролью спасателя, преследователя и жертвы, а заодно и с личной зависимостью, став сознательно, пожизненно свободным от зависимости человеком.

2) Генетика.

Наследственная отягощенность алкогольной зависимостью родословных созависимых женщин свидетельствует о наличии генетического фактора в патогенезе анализируемой формы аддиктивного расстройства [2].

С помощью генетических методов было проведено комплексное исследование расстройства поведения, обозначенного термином «созависимость» [3]. Анализ результатов исследования предложил следующую дефиницию созависимости: это комплексное психосоматическое расстройство, включающее наследственную отягощенность алкоголизмом и наличие специфического генотипа, детерминирующего функционирование дофаминэргической системы головного мозга человека. Полученные результаты подтверждают высказанную ранее гипотезу Рожновой Т.М. о единстве генотипических характеристик лиц, страдающих алкоголизмом и созависимостью, а также раскрывают определение созависимости, данное А.W. Schaef: «Созависимость – это болезнь, имеющая множество форм и выражений и вырастающая из...процесса...развития зависимости».

3) Традиции, культура, религия.

Созависимость в наиболее широком понимании существует на протяжении всей истории человечества и распространена столь широко, что люди стали считать ее нормой человеческого существования. Более того, различные стереотипы поведения и чувствования, вызванные этим явлением, укореняются в культурной традиции, пропагандируются искусством и литературой [1].

Созависимые отношения также оказывают значительное влияние на психическое здоровье человека. Это влияние проявляется в различных аспектах эмоционального и психологического

благополучия. Работа над укреплением самооценки, установлением здоровых границ и развитием независимости помогает восстановить психическое здоровье и общее благополучие.

Созависимость – одна из самых распространенных проблем, мешающих полноценной жизни людей. Она касается не только отдельных личностей, но и общества в целом.

1. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуально. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 227 с.
2. Рожнова Т.М., Костюк С.В., Малыгин В.Л. и др. Психологические и медико-генетические аспекты феномена созависимости // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2020. – № 12(5). – С. 53–59.
3. Яцышин С.М. Проявление созависимости в ценностно-смысловой сфере матерей при наркотизации ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2003.

Дихотомическая природа руминаций

Руминации, мышление, мысли

Ежедневно человек сталкивается с руминациями, навязчивыми повторяющимися мыслями, которые возвращают к той теме, которая либо не разрешена, либо вселяет неуверенность или тревогу.

Термин существует во многих науках таких, как психиатрия, ветеринария, клиническая психология, психология личности, психология здоровья и т. д.

В клинической психологии руминации для ряда авторов (Зиновьева Е.В., Родионов Г.А., Сагалакова О.А., Сергиенко А.И., Труевцев Д.В. и т. д.) являются симптомом различных тревожных расстройств (например, депрессии и т.д.). По Д.В. Труевцеву и О.А. Сагалаковой, «руминации оказываются ригидными паттернами самореферентного мышления, выступая неблагоприятным фактором этиологии и патогенеза целого ряда психических нарушений» [2, с. 69]. Авторы отмечают, что руминации приводят к неспособности справляться с жизненными трудностями при фиксации на негативных мыслях о себе в настоящем, прошлом, будущем [3]. Руминации обладают высокой вязкостью и ригидностью; рассматриваются либо как черта личности, либо как состояние [2]. S. Nolan-Hoeksema определяет их как способ реагирования на дистресс, который включает в себя повторяющееся и пассивное сосредоточение внимания на симптомах дистресса, возможных причинах и последствиях этих симптомов [5]. Учитывая, что дистресс могут испытывать люди, не имеющие отклонений от нормы, можно говорить об их наличии у здоровых людей.

Анализ литературы показал, что существует противоположная сторона феномена – продуктивные, здоровые варианты руминаций. По мнению ученых (И.А. Макаровой, Д.В. Московченко, Н.А. Сироты, В.М. Ялтонского, А.В. Ялтонской, Parageorgiou, Wells и т. д.), руминации – частая и нормальная реакция организма на переживание негативного опыта. Руминации свойственны всем людям. Различаются по длительности [3]. I. Wataru и K. Taku считают, что руминации в своей конструктивной версии есть когнитивные процессы (поиск новых смыслов и новых возможностей, изменение отношения к ситуации), которые играют ключевую роль в рассмотрении и переоценке существующих установок применительно к текущей ситуации [4]. Руминации можно рассматривать как попытку найти смысл в печальном событии или преодолеть проблему.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что руминации – повторяющиеся мысли, которые могут быть наблюдаться у всех людей. Природа руминаций дихотомична: они могут быть направлены на разрешение проблем, поиск истины, а также сопровождать тревожные расстройства.

1. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии / В.А. Жмуров. – М., 2012. – С. 3629.
2. Труевцев Д.В. Руминации в контексте метакогниций, неадаптивных схем и психической ригидности / Д.В. Труевцев, О.А. Сагалакова // Известия АлтГУ. – 2011. – № 2-2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ruminatsii-v-kontekste-metakognitsiy-neadaptivnyh-shem-i-psihicheskoy-rigidnosti> (дата обращения: 11.05.2024).
3. Сирота Н.А. Когнитивная терапия депрессивных руминаций / Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, И.А. Макарова, А.В. Ялтонская // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2019. – № 1-2. – С. 62–68.
4. Wataru I., Taku K. Roles of Re-Examination of Core Beliefs and Rumination in Posttraumatic Growth among Parents of Children with Cancer: Comparisons with Parents of Children with Chronic Disease. [Text] / I. Wataru., K. Taku // Article in Cancer Nursing – 2019 – P. 1–29.
5. Nolen-Hoeksema S. Rethinking rumination / S. Nolen-Hoeksema, B. E. Wisco, S. Lyubomirsky // Perspectives on psychological science. – 2008. – № 5. – P. 400–424.

К проблеме отдыха субъектов труда

Отдых, восстановление сил, психологическая отстраненность от работы в свободное время

В последнее десятилетие работа становится возможной вне зависимости от места и времени благодаря использованию информационно-компьютерных технологий. Несмотря на ожидаемые преимущества внедрения «новых способов работы» (концепция NewWoW) в части повышения производительности и удовлетворенности трудом за счет снижения рабочей нагрузки, многочисленные исследования констатируют увеличение часов работы и размывание границ между работой и личной жизнью.

Вслед за изменением способов работы концепция баланса стала подвергаться критике. Основной тезис критики: баланс предполагает разделение работы и личной жизни, чего достичь в новых условиях становится сложно. Вместо «Work-Life Balance» предлагается термин «Work-Life Blend» как сочетания работы, социальной и личной жизни (St-Jean É., Duhamel M., 2020). В этой связи вопрос организации свободного времени и поиска ресурсов для восстановления сил субъектов труда становится актуален с научной и практической точки зрения.

Нами была проведена серия пилотажных исследований. Цель – изучить особенности отдыха субъектов труда в нерабочее время. В исследовании приняли участие 220 респондентов: работники интеллектуального труда с гибким графиком работы (далее – РИТ) – 127 человек, средний возраст 30 лет; студенты с разным статусом занятости (только учеба или учеба и работа) – 93 человека, средний возраст 21 год. Методики: авторская анкета психологической отстраненности от работы в свободное время (2024), методика «Субъективный баланс работы и жизни» А.Н. Моспан, Е.Н. Осин и др. (2016), дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности А.Б. Леоновой, С.Б. Величковой (2002).

Рассмотрим результаты:

1. На общей выборке с помощью факторного анализа определены три стратегии восстановления сил после работы: пассивный отдых (сон, интернет-серфинг, прослушивание музыки) – 52%, релаксационный отдых (медитация, йога, массаж, ароматерапия, посещение театров и музеев) – 26%, активационный отдых (спорт, тренировки в тренажерном зале, единоборства) – 22%. Тенденция заключается в том, что респонденты не удовлетворены качеством своего отдыха.

2. Для каждой стратегии восстановления выявлены различные корреляты. Пассивный отдых положительно связан с индексом стресса и пресыщения ($p \leq 0,05$). Релаксационный отдых положительно связан с психологической отстраненностью от работы в нерабочее время ($p \leq 0,05$), то есть такой отдых повышает мысленное абстрагирование от рабочей ситуации вне работы. Выявлена положительная взаимосвязь активационного отдыха с эмоциональной стабильностью ($p \leq 0,05$), возможно, это связано с тем, что планомерная спортивная активность требует последовательности действий.

3. Анализ функциональных состояний, снижающих работоспособность на выборке РИТ, показал, что чем выше утомление и стресс в течение дня, тем выше психологическая поглощенность работой в нерабочее время ($p \leq 0,01$). Так, респонденты, которые больше всего нуждаются в восстановлении сил из-за высокого уровня напряжения, хуже абстрагируются от работы в свободное время и чаще выбирают пассивный отдых.

4. На выборке РИТ было выявлено, что лучше отдыхают те сотрудники, которые больше удовлетворены руководством ($p \leq 0,05$) и организацией труда ($p \leq 0,01$). Выявлено, что чем старше становится сотрудник, тем выше у него уровень поглощенности работой в нерабочее время ($p \leq 0,05$).

5. Студенты используют ресурс личной жизни для восстановления от учебной и рабочей деятельности. Реализация личной жизни повышает удовлетворенность физическим, духовным отдыхом ($p \leq 0,01$) и улучшает самочувствие после отдыха ($p \leq 0,05$), тем самым повышая их качество жизни.

Несмотря на интерес российских ученых к теме баланса работы и жизни субъектов труда, вопросы организации отдыха и его влияния на деятельность пока недостаточно изучены. Между тем, отсутствие мыслей и действий, связанных с работой, в нерабочее время (психологическая отстраненность) является серьезным ресурсом сохранения профессионального здоровья и восстановления усилий.

Руминации в структуре саморегуляции поведения

Руминации, саморегуляция поведения, гибкость поведения

Повторяющиеся мысли (руминации), касающиеся негативных событий и переживаний, активно изучаются как фактор хронификации депрессии и снижения психологического благополучия личности. Возникновение руминаций, согласно теории стилей реагирования, происходит первоначально в ответ на проблемную ситуацию, а затем закрепляется как привычка на фоне нарушений инструментального целенаправленного поведения [2]. Согласно теории контроля, руминации возникают при рассогласовании ожидаемых результатов поведения с действительностью, когда человек не может достичь желаемой цели [1]. Подчеркивается, что, возникая автоматически, руминации могут сопровождать состояния истощения внимания, при ослаблении систем контроля поведения [3]. Дальнейшее изучение причин возникновения руминаций для последующей корректировки «слабого звена» в саморегуляции поведения имеет существенную практическую значимость.

Данное исследование посвящено определению взаимосвязи уровня руминаций с различными компонентами саморегуляции поведения.

На общепопуляционной выборке, включающей 209 человек в возрасте от 17 до 56 лет (средний возраст – 28,0 лет), из них 65 мужчин, проводили Шкалу руминаций в адаптации Е.А. Дорошевой и Г.Г. Князева и опросник «Стили саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

Корреляционный анализ по Пирсону показал обратную связь средней силы интегрального показателя саморегуляции поведения и суммарного показателя шкалы руминаций ($r = -0,40$, $p < 0,001$); все субшкалы опросника руминаций также обратно связаны с саморегуляцией в целом. Наиболее выражены обратные связи моделирования поведения с общим уровнем руминаций, навязчивыми тягостными размышлениями и руминациями, связанными с депрессией (соответственно, $r = -0,43$, $r = -0,43$, $r = -0,46$, $p < 0,001$); на слабом уровне моделирование поведения обратно связано с рефлексивными руминациями ($r = -0,23$, $p = 0,001$). Выявлены слабые обратные связи показателей программирования действий и оценивания их результатов с общим уровнем руминаций, навязчивыми тягостными размышлениями и руминациями, связанными с депрессией ($r = -0,20$ и $r = -0,19$, $p < 0,01$, $r = -0,25$, $p < 0,001$ для программирования поведения и $r = -0,19$ и $r = -0,17$, $p < 0,01$, $p < 0,01$, $r = -0,23$, $p < 0,001$ для оценивания результатов действий). Не выявлено значимых взаимосвязей программирования поведения ни с одним из компонентов руминативного мышления; самостоятельность в организации поведения слабо прямо связана с рефлексивными руминациями ($r = 0,15$, $p < 0,05$).

Таким образом, можно полагать, что склонность к руминациям не сказывается на этапе планирования поведения, определения его целей. Выраженная обратная связь склонности к руминациям и моделирования поведения может указывать на то, что затруднения с учетом обстоятельств, текущих изменений контекста поведения, снижающие эффективность достижения цели, возможно, увеличивают прерывания поведения на этапе реализации, способствуют уходу в размышления о факте или причинах неудач. Этап программирования поведения также требует учета обстоятельств, в которых будет достигаться цель, и некоторое снижение способностей к нему при руминировании также может быть следствием нарушений гибкости поведения. Ошибки оценивания результатов действий, возможно, ведут к заключениям о том, что цель не достигается, что усиливает руминирование. При этом наличие повторяющихся нейтрально окрашенных размышлений увеличивает возможность опираться на собственные решения при организации действия.

1. Roberts H., Edward R. Watkins E.R., Wills A.J. Cueing an unresolved personal goal causes persistent ruminative self-focus: An experimental evaluation of control theories of rumination // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. – 2013. – Vol. 44, I. 4. – P. 449–455.
2. Watkins E.R., Nolen-Hoeksema S.A habit-goal framework of depressive rumination // *Journal of Abnormal Psychology*. – 2014. – I. 1. – P. 24–34.
3. Wegner D.M., Zanakos S. Chronic thought suppression // *Journal of Personality*. – 1994. – Vol. 62. – P. 615–640.

Барьеры здоровья, жизненные ценности и особенности отношения к здоровью специалистов строительной отрасли

Отношение к здоровью, здоровьесбережение, барьеры здоровья, специалисты строительной отрасли

Психология здоровья является новым самостоятельным научным направлением и занимает одну из приоритетных позиций в решении общегосударственной задачи по развитию и воспитанию здоровой нации. В отдельности ВОЗ рассматривает проблему психического здоровья и подготовил комплексный план действий в области психического здоровья на 2013-2030 год [1]. Исследования по теме психологии здоровья привели к тому, что возникла необходимость создать отдельную профессию – психолог здоровья. На данный момент профессия находится на стадии создания и развития, однако в дальнейшем ожидается, что направление «психология здоровья» может стать отдельной программой магистратуры либо аспирантуры [2].

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время в организациях у нас в стране и за рубежом всё большее внимание уделяется оздоровительным программам для персонала, в разработке которых самое непосредственное участие принимают психологи здоровья.

Новизна работы заключается в том, что рассмотрены психологические особенности специалистов строительной отрасли и даны дальнейшие рекомендации для сохранения здоровья и разработки здоровьесберегающей программы на рабочем месте. Целью исследования является изучение особенности отношения к здоровью специалистов строительной отрасли.

Методы исследования: метод – анкетирование, дизайн – корреляционный.

Методики исследования:

1. Личностный опросник «Большая пятерка» (BIG FIVE INVENTORY-2-S), (Мишкевич и др., 2022).
2. «Смысло-жизненные ориентации» адаптирован Д. А. Леонтьевым, СЖО Методика.
3. Опросник отношения к здоровью (Г. С. Никифоров).
4. Опросник САН (самочувствие, активность, настроение).
5. Авторская анкета «Здоровое поведение».

Выборка состоит из 136 специалистов строительной отрасли: инженеры, бригадиры, руководители проектов. Респонденты в большинстве из России, а также 18 иностранных представителей, в возрасте от 20 до 65 лет.

В результате исследования выявлены жизненные ценности, барьеры здорового поведения, причины быть здоровым у специалистов строительной отрасли. Для работающих в строительной отрасли определены барьеры здорового поведения: нехватка времени, в том числе из-за работы, лень, стресс, желание есть неполезную еду, усталость. Чем больше определены смысложизненные ориентиры, тем выше ценность здоровья, активность, лучше настроение и самочувствие специалистов строительной отрасли, общая гипотеза исследования подтвердилась.

Проанализированы и сравнены активность, настроение, самочувствие, смысложизненные ориентации и личностные характеристики у руководителей и специалистов строительной отрасли, на основе чего даны практические рекомендации для сохранения здоровья.

1. ВОЗ. Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 [Comprehensive mental health action plan 2013–2030] // ВОЗ. – Женева, 2022. – 40 с.
2. Никифоров Г.С., Гофман О.О. HEALTH PSYCHOLOGIST: OCCUPATION // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. – 2020. – № 2 (5). – С. 96–111.

Представления о качествах домашней среды у подростков и родителей многодетных и замещающих семей в аспекте психологического благополучия

Многодетные и замещающие семьи, образ дома, дружелюбность домашней среды, психологическое благополучие

Решение демографической проблемы за счет увеличения количества детей в семьях, как кровных, так и замещающих должна сопровождаться постоянным мониторингом дома, как единства физических, социальных и смысловых характеристик жилища, обеспечивающих самопринятие, приватность, автономность, личностный рост, позитивные отношения с окружающими и другие адаптивные качества и навыки.

В своем исследовании мы опирались на Концепцию домашней среды С.К. Нартовой – Бочавер с соавторами о взаимосвязи образа дома и привязанности к нему как показателю ресурсности и психологического благополучия членов семьи. Это достаточно новое направление в исследовании психологического благополучия семьи и, в частности, сравнительного благополучия многодетных и замещающих семей. Интегрирующим феноменом, обеспечивающим психологическое благополучие согласно концепции, легшей в основу выполненного исследования выступает «Дружелюбность домашней среды».

Дружелюбность зависит от того, насколько она подходит каждому конкретно человеку, создавая возможности для благоприятного развития и самоактуализации. Дружелюбность домашней среды может варьировать от «угрожающей» до «психотерапевтической». Ее оценка основывается на соотношении реального и идеального образов Дома по таким основополагающим характеристикам, лежащим в основе ощущения благополучия, как «стабильность», «развитие», «защищенность», «прагматичность» в сопоставлении с так называемой релевантностью описываемых функциональных качеств, то есть отвечающих потребностям каждого обитателя Дома и формирующим привязанность к дому. Уровень релевантности оценивался по таким шкалам, как «управление домашней средой», «ресурсность», «самопрезентация», «эргономичность», «отчужденность», «пластичность», «историчность».

В исследовании приняли участие: 46 многодетных семей, имеющие только кровных детей: подростки и родители-мамы; 44 замещающие многодетные семьи: приемные подростки, родители-мамы, кровные дети.

Исследование было проведено при активной заинтересованности и участии членов Ассоциации многодетных семей г. Москвы. В качестве диагностического инструментария использованы: Опросник «Функциональность домашней среды» (Нартова-Бочавер и др.), Опросник «Релевантность домашней среды» (Нартова-Бочавер и др.), Опросник «Привязанность к дому» (Резниченко и др.). Было выявлено, что представления о функциях желаемой домашней среды едины у всех групп подростков и родителей, что свидетельствует о единстве потребностей подростков и родителей в многодетных и замещающих семьях.

В частности, при характеристике идеального дома на первое место все группы респондентов поставили «стабильность», т.е. потенциал домашней среды, обеспечивающий физическую и психологическую стабильность, узнаваемость и предсказуемость. В то же время «стабильность» называется на последних местах среди функций реального образа дома во всех группах респондентов.

То есть можно констатировать неудовлетворенность потребности в стабильности в обоих типах семейных сред. В то же время главенствующее место в реальном доме занимает «прагматичность», которая свидетельствует, что и в многодетной, и замещающих семьях все члены семьи ощущают удобство дома при осуществлении самых разных повседневных функций, связанных с жизнедеятельностью и развитием. В целом выяснилось, чем меньше различия в представлениях об идеальном и реальном доме, что равно большему удовлетворению потребностей, тем сильнее привязанность к дому.

Более дружелюбным из всех групп представляется дом приемным детям в замещающих семьях. Их представления о функциях Идеального дома более всех других ближе к представлениям о Реальном доме. Наиболее низкие показатели «Дружелюбности» обнаружены у кровных подростков из замещающих семей: у них самые низкие показатели по параметрам «управляемости», «ресурсности», «самопрезентации», что важно иметь в виду при развитии данной формы семейного устройства детей-сирот, а именно: учитывать психологическое самочувствие кровных детей.

Профессионально-психологическое здоровье – основной фактор надежности человека в системах обеспечения безопасности

Факторы надежности в системах обеспечения безопасности

Самой актуальной проблемой в сфере «надежности человеческого фактора» (НЧФ) в системах обеспечения безопасности (СОБ) – это профессиональное здоровье (ПЗ) человека на всех уровнях организации его психики – от биологического, как индивида и до мировоззрения человека как представителя определенной профессиональной культуры.

Научно-теоретические и методологические подходы решения задач повышения НЧФ наиболее глубоко разработаны в трудах Никифорова Г.С. и его последователей (Г.С. Никифоров, 2020, с. 54)

Сутью индивидуальности, с точки зрения развития и строения психики, является единство и взаимосвязь свойств человека как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивид (Б.Г. Ананьева, 1980). Развитие человека Б.Г. Ананьев и его последователи рассматривают как единый процесс взаимодействия биологического и социального, результатом которого является формирование индивидуальности. Поэтому научно-методические основы, которые были положены в основу проведенного исследования и которые рассматривают профессиональное здоровье (ПЗ) с позиций целостного подхода (Г.С. Никифоров, 2015, с. 45).

С позиции такого подхода мишенью профессионального выгорания и, как следствие, снижение надежности ЧФ, – могут быть свойства человека как индивида, личности, субъекта деятельности или индивидуальности и поэтому определение содержания и «границ» этих свойств позволяет определить тип выгорания и выбрать адекватные «границам выгорания» методы ее профилактики и, как следствие, повышение надежности ЧФ в системах ОБ.

В наших исследованиях выделены четыре группы методов системы развития НЧФ, которые изложены в выводах исследования в форме рекомендаций:

1 – на уровне индивида – психофизиологический аспект выгорания, который определяется, в основном, возрастно-половыми и индивидуально-типическими свойствами человека и вторичными свойствами индивида – структурой органических потребностей и динамикой психофизиологических функций человека;

2 – на уровне личности больше представлен психологический аспект здоровья и его выгорания и, как следствие этого, – нарушения межличностных и внутриличностных «границ» человека как личности, которые определяются его статусом в обществе, ролями и ценностными ориентациями, мотивацией поведения, которые в совокупности или в отдельности могут являться предметом различных социально-психологических тренингов (В.И. Натаров, 2021, с. 58);

3 – на уровне субъекта деятельности человек характеризуется посредством своей деятельности по преобразованию той действительности, в которой он живет и своим сознанием как отражением этой действительности.

Интеграция субъектных свойств человека проявляется как его профессиональное творчество, а профессиональное выгорание – как его отсутствие. Поэтому, например, стресс и тайм-менеджмент являются творчеством и его условием в профессиональной деятельности и самореализации (В.И. Натаров, 2013, с. 184);

4 – на уровне индивидуальности предполагается комплексное взаимодействие с системой мировоззрения человека, когда формы профессионального выгорания проявляются как потеря смыслов и значения своей профессиональной жизни. Поэтому форма выгорания здесь может меняться в зависимости от культуры, воспитания и обучения человека (Натаров В.И., 2018, с. 205). И поэтому методы профилактики профессионального выгорания индивидуальности базируются, в основном, на создании профессиональной, организационной и корпоративной культур, реализующих миссию организации адекватно законам государства, потребностям общества и правилам профессиональной субкультуры, что проявляется на уровне профессиональной деятельности, как, соответственно, благонадежность, лояльность и профессиональная компетентность персонала. Технологии создания этих субкультур предполагается рассмотреть в формате обсуждения доклада или круглого стола.

Внимание и самоконтроль

Внимание, самоконтроль, психология

Термин «внимание» определяется как направленность и сосредоточенность сознания на определенном объекте. Реализация всех психических процессов имеет свое энергетическое обеспечение, и внимание в этом смысле не является исключением. Мера его концентрации, интенсивности проявления во времени будет зависеть от степени выраженности сопровождающей его психической активности. Сама же направленность («управляемость») произвольного внимания, т. е. включенность его в тот или иной контекст жизнедеятельности человека, обусловлена как субъективными, так и факторами внешней среды.

Можно сказать, что «первооткрывателем» возможной общности внимания и самоконтроля явился французский философ-материалист первой половины XVIII века Ж. Ламетри. Однако более определенные мнения о близости этих понятий появляются существенно позже. Их авторы говорят, например, о контролирующем внимании при внушении; восприятии; исполнении движений. Особенно рельефно их близость подчеркнул С.В. Кравков: активное внимание – это контролер, пограничный страж всего поступающего в сознание [1924].

Указания на тесную связь внимания и самоконтроля имеют место в исследованиях нейрофизиологических механизмов внимания. Так, А.Р. Лурия считает, что сложнейшая форма произвольного внимания есть в то же время и высшая форма самоконтроля человека, проявляющаяся в его возможности самостоятельно контролировать собственное поведение и свою деятельность. Опытным путем Е.Д. Хомская приходит к выводу, что при поражении лобных долей мозга в первую очередь нарушаются произвольные формы внимания, т. е. высшие формы контроля, связанные с удержанием намерения и оценкой совершенных действий.

Опираясь на собственные экспериментальные данные, П.Я. Гальперин высказывает точку зрения, согласно которой внимание есть идеальная, сокращенная и автоматизированная форма контроля. Однако такое заключение встретило критические возражения. Их смысл сводится к тому, что сущность внимания не заключается в умственном контроле. Способность к сосредоточению скорее следует рассматривать как условие контроля психики. Чем более выражена эта способность, тем в большей степени человек может контролировать свое мышление и сознание.

Мы считаем, что внимание и самоконтроль не тождественны в силу изначально присущих им разных функций. Вместе с тем очевидна их возможная взаимосвязь. Внимание может быть подконтрольно, т. е. становится объектом самоконтроля, когда фокус внимания «уходит», отклоняется от объекта сосредоточения. Самоконтроль фиксирует это обстоятельство, формируя соответствующий сигнал рассогласования, тем самым предоставляя субъекту возможность вернуть фокус внимания на исходную точку сосредоточения. С другой стороны, объектом сосредоточения внимания может быть собственно выполняемый самоконтроль, например, когда человек включен в процесс проверки правильности исполнения текущей деятельности или ее конечных результатов и самоконтроль при этом осуществляется со вниманием.

Ресурсы эффективности эмоциональной регуляции у врачей-психиатров

Эмоциональная регуляция, эмоциональный интеллект, стратегии эмоциональной регуляции

Проблематика эффективности эмоциональной регуляции и связей данных процессов с эмоциональным интеллектом давно привлекает внимание научного сообщества. Многократные попытки сформулировать единую теоретическую концепцию в этой области до сегодняшнего дня не привели специалистов к единому решению [1;5]. Вероятно, эффективность процессов эмоциональной регуляции зависит не только от внутренних ресурсов личности, но и от внешних. Исследователями этого направления на взрослой выборке представителей помогающей профессии врач-психиатр и контрольной группы была установлена связь между уровнем эмоционального интеллекта, эффективностью стратегий эмоциональной регуляции, а также уровнем вовлечения в межличностное взаимодействие.

Целью исследования является определение связи внешних и внутренних ресурсов эффективности эмоциональной регуляции у представителей помогающей профессии по сравнению с контрольной группой. Можно предположить, что требования как условия профессиональной реализации будут в меньшей степени сопряжены с эффективностью эмоциональной регуляции в экспериментальной группе. Высокий же уровень эмоционального интеллекта взаимосвязан с эффективностью эмоциональной регуляции и эффективностью межличностного взаимодействия.

Для определения уровня эмоционального интеллекта (ЭИ) использовался «Тест эмоционального интеллекта» (ТЭИ) [1]. Методика ТЭИ позволяет определить общий уровень развития ЭИ, а также уровень развития его четырех областей: идентификации эмоций, использования эмоций для решения задач, понимания эмоций и управления эмоциями. Помимо основных восьми разделов методики, направленных на измерение способностей по четырем областям ЭИ, в нее включен раздел, направленный на измерение способностей в области ЭИ сразу по двум направлениям: идентификация эмоций и понимание эмоций. Для оценки эффективности эмоциональной регуляции применялась адаптированная версия методики Дж. Гросса «Опросник эмоциональной регуляции» (ERQ). Для измерения степени вовлечения в межличностное взаимодействие применялась методика «Опросник межличностных отношений» А.А. Руковишникова. Так же были использованы методики SF-36 для оценки субъективного качества жизни, методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т.А. Крюковой) для оценки эффективности способов совладания в стрессовых ситуациях. Выборка состояла из 50 взрослых в возрасте от 18 до 50 лет как в контрольной, так и в экспериментальной группе.

Анализ различий по t-критерию Стьюдента показал значимые различия в двух группах. Результат проведенного анализа свидетельствует о том, что контрольная группа по большинству параметров обладает более высоким уровнем эмоционального интеллекта по сравнению с экспериментальной. Однако в экспериментальной группе выявлены более высокие показатели по параметру «Эмпатия», что является важным профессиональным критерием представителей помогающих профессий.

Также было установлено, что в результате процессов эмоциональной регуляции представители контрольной группы чаще прибегают к стратегии когнитивной переоценки по сравнению с экспериментальной группой. Когнитивная переоценка является наиболее эффективной стратегией регуляции эмоциональных состояний, помогает более эффективно изменять собственные эмоции, преодолевать негативные переживания [2].

Представители экспериментальной группы чаще прибегают к стратегии подавления экспрессии, что может свидетельствовать о более высоких рисках профессионального выгорания, развитии депрессивных и тревожных состояний. На основании полученных результатов можно предположить, что респонденты экспериментальной группы в большей степени склонны к ипохондричности, повышенной тревожности и мнительности [4, 3].

Также было установлено, что у представителей экспериментальной группы в большей степени выявляется потребность в межличностном аффекте, то есть представители данной группы нуждаются в установлении эмоционально окрашенных отношений, что может быть специфичным для профессии врач-психиатр, поскольку профессиональная эффективность данной группы тесно связана с выраженным эмоциональным межличностным взаимодействием.

Полученные результаты свидетельствуют о связи стратегий эмоциональной регуляции и эффективности межличностного взаимодействия. Результаты указывают на то, что внутренние ресурсы

эффективности эмоциональной регуляции субъекта в экспериментальной группе представителей помогающей профессии врач-психиатр становятся регулятивным ресурсом. Подтверждается связь высокого уровня эмоционального интеллекта и более эффективной эмоциональной регуляции в контрольной группе.

1. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. – № 6(8) [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru>
2. Cavicchioli M, Scalabrini A, Northoff G, Mucci C, Ogliari A, Maffei C. Dissociation and emotion regulation strategies: A meta-analytic review // J Psychiatr Res. – 2021 Nov; 143:370-387. doi: 10.1016/j.jpsychires.2021.09.011. Epub 2021 Sep 22. PMID: 34592484.
3. Interpersonal Emotion Regulation Model of Mood and Anxiety Disorders, Stefan G Hofmann, 2014.
4. Repertoires of emotion regulation: A person-centered approach to assessing emotion regulation strategies and links to psychopathology, K. Dixon-Gordon, A. Aldao, A. De Los Reyes, 2015
5. Suri G., Gross J.J. Emotion regulation and successful aging // Trends in Cognitive Sciences. – 2012. – V. 16 (8). – P. 409–410.

Ценности и защиты как регуляция самосознания

Психологические защиты, копинг, самосознание

Современная наука предлагает множество теорий о роли самосознания в регулировании поведения, но удовлетворительных объяснений связи между представлениями о себе, их оценкой и конкретными действиями пока нет. В данном исследовании мы опираемся на идею о поведенческом компоненте самосознания, который выражается как «выход» Я-концепции во внешний мир, где можно объективно оценить результат работы самосознания по сравнению с его субъективным образом. Этот процесс проявляется в саморегуляции, направленной как на внешний мир (в деятельности или общении), так и на внутренние изменения (в отношении к себе). В первом случае основная цель состоит в адаптации к внешним условиям через «...самоконтроль действий, поступков, опирающийся на собственную оценку внешних проявлений этих действий, их внутреннюю мотивацию и общественную оценку достигнутой степени эффективности действий, их социальную ценность» [5, с. 139]. Во втором случае процесс саморегуляции приводит к личностным изменениям на основе нового опыта, полученного от внешнего мира, что может проявляться как в самопреобразовании, так и в самозащите.

Основные мотиваторы и регуляторы поведения человека – его ценности, которые направляют и корректируют его действия; они выполняют психическую регуляцию во всех аспектах деятельности, обращённых во внешний мир, включая социальную и профессиональную сферы [2]. Даже незначительное действие содержит потенциал обратной связи, позволяя человеку оценить успешность или неуспешность своего поведения. Эта информация обрабатывается самосознанием и оказывает на него влияние: укрепляет его структуру или порождает противоречивые представления о себе. Стремясь к устойчивости, самосознание может либо изменить себя и поведение, адаптируясь к внешним изменениям, либо отвергнуть нежелательную информацию через психологические защиты [4]. В случае адаптации ценности становятся основными характеристиками устойчивости [1]. Если же самосознание прибегает к защите, оно сохраняет свою стабильность через бессознательное поведение [3].

Поэтому исследование ценностей как факторов, влияющих на поведение и адаптацию, а также психологических защит как механизмов поддержания целостного представления о себе, позволит глубже понять поведенческий компонент самосознания.

1. Homer, Pamela & Kahle, Lynn. A Structural Equation Test of the Value-Attitude-Behavior Hierarchy // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1988. – 54. – P. 638–646.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – М.: Академия, 2009.
3. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация // *Механизмы и стратегии*. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
4. Белова И.М., Парфенов Ю.А., Сологуб Д.В., Нехвядович Э.А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 3-3. – С. 620–628.
5. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977. – 144 с.

Оценка роли стресса в патогенезе псориаза (метод интервью в сочетании с психометрическими измерениями)

Псориаз, стресс, дебют, обострение, метод интервью, личностные черты, фактор семьи, отношение к заболеванию, депрессия, копинг-стратегии

Актуальность. Псориаз – это хроническое аутоиммунное заболевание, поражающее кожу. Предполагается, что фактор стресса является одним из наиболее значимых при дебюте и обострении псориаза. Наши знания об особенностях психологического стресса у пациентов с псориазом ограничены, в то же время это важно для планирования программ долгосрочной ремиссии.

Цель – изучить возможные психологические факторы дебюта и течения псориаза.

Организация и методы. В исследовании приняли участие 15 человек, страдающих псориазом, в возрасте от 15 до 45 лет. С каждым участником проводилось полуструктурированное интервью, сфокусированное на стрессовых ситуациях в жизни пациента, с последующим тематическим анализом. Были также использованы диагностические методики, изучающие личностные черты («Локатор большой пятерки» Дж. Ховард, П. Медин, адаптация Л.Ф. Бурлачук), отношение к заболеванию («ТОБОЛ» Вассерман Л.И., 1987), копинг-стратегии («Способы совладающего поведения» Р. Лазарус), семейные дисфункции (СЭЖ А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова), уровень тревожности (STAI Ч.Д. Спилбергер-Ю.Л. Ханин) и депрессии (шкала депрессии Бека). Связи между переменными исследовались с помощью корреляционного анализа.

Результаты. Тематический анализ проведенных интервью показал, что стресс играет важнейшую роль в патогенезе псориаза. Чувствительность к стрессору, провоцирующему псориаз, формируется в семейных отношениях. Согласно анализу интервью, чаще всего респонденты подвергались критике и эмоциональному отвержению в семье, в результате чего повышалась их чувствительность к внешним оценкам, особенно в ситуациях повышенной ответственности. Для страдающих псориазом характерна повышенная тревожность, нейротизм, высокий уровень посттравматического стресса, а также анозогнозический тип отношения к болезни. Самая распространенная стратегия – «бегство-избегание». Корреляционный анализ показал значимые обратные связи между склонностью к согласию у респондентов и такими аспектами отношения в семье, как элиминация эмоций ($p = 0,027$) и родительская критика ($p = 0,000$). Было найдено множество связей между типами дисфункций в семье и типом отношения к болезни: значимые положительные связи между гармоничным типом отношения к болезни и сверхвключенностью ($p = 0,001$), между эргопатическим и дисфорическим типами и фиксацией на негативных переживаниях ($p = 0,043$), ($p = 0,024$). Копинг бегства-избегания был прямо связан с общим баллом семейных коммуникаций ($p = 0,026$). Кроме того, копинг бегства-избегания имел прямую корреляцию с личностной тревожностью ($p = 0,007$).

Выводы. Полученные результаты подтверждают существенную роль стресса как фактора патогенеза псориаза. Респонденты, подвергавшиеся критике и отвержению в семье, демонстрировали повышенную ранимость, особенно в ситуациях повышенной ответственности. Такие ситуации были связаны как с дебютом, так и обострением. Пациенты с псориазом часто используют стратегию бегства и избегания. Эта копинг-стратегия может быть связана с высоким уровнем тревожности личности и, одновременно, увеличивать напряжение, замыкая цикл тревожности. Большинство испытуемых стараются не думать о болезни и скрывают свою уязвимость. Полученные данные могут послужить основой для разработки программы ремиссии для пациентов с псориазом, в ходе которой нужна коррекция представлений об ответственности в семье, изменение восприятия стресса и ориентация на более продуктивные копинг-стратегии.

1. Бройтигам В., Кристиан П. Психосоматическая медицина / Пер. с нем. – М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. – 376 с.
2. Stewart T.J. The associations between psychological stress and psoriasis: A systematic review / T.J. Stewart. // International Journal of Dermatology. – 2018. – 57(11), March.
- 3.

Арт-терапевтический подход в психолого-педагогическом сопровождении, направленном на коррекцию эмоционального состояния детей младшего школьного возраста с онкологическими заболеваниями

Арт-терапия, госпитальная педагогика, эмоциональная сфера, дети с онкологическими заболеваниями

Онкологическое заболевание связано с комплексом психогенных и соматогенных факторов. Длительное лечение искажает развитие когнитивной, личностной и эмоциональной сфер. «Всё это значительно снижает качество жизни, возможности социальной адаптации и коммуникаций со здоровой средой» [4]. Коррекция нарушений эмоциональной сферы облегчает лечение, помогает гармонизировать жизнь ребенка.

Младший школьный возраст называют «эмоционально насыщенным». «Эмоционально жизненный опыт медленно перетекает из дошкольного детства в младший школьный возраст, но при этом свобода в дошкольном возрасте меняется на другие правила и нормы жизни, тем самым вызывая новые эмоциональные переживания» [5].

С целью обосновать эффективность применения методов арт-терапии при коррекции эмоциональных нарушений у младших школьников с онкологическими заболеваниями было проведено комплексное исследование. В теоретической части проанализирована литература по данной проблеме.

«Творчество в процессе арт-терапии дает возможность выразить и воспроизвести внутренние чувства, переживания, сомнения, конфликты и надежды в символической форме, пережить еще раз важные события» [2]. «Арт-терапевтические занятия дают специалисту непрямым способом осуществлять контроль, и при необходимости, корректировать эмоциональное состояние детей и его действия, подход к себе, друг к другу и находящемуся вокруг обществу» [1].

Эмпирическая часть проходила в два этапа. На первом проведена диагностика и анализ эмоциональной сферы двух групп детей младшего школьного возраста с онкологическими заболеваниями и без. В диагностике приняли участие ученики проекта «УчимЗнаем – Ростовская область» и МАОУ «Лицей 11» г. Ростов-на-Дону. Были применены методики: «Страхи в домиках» (А.И. Захаров и М. Панфилова); структурный опросник детских страхов (СОДС Л.С. Акопян); «РНЖ» (М.З. Дукаревич); Анкета «Критерии агрессивности у ребенка» (Г.П. Лаврентьева, Т.М. Титаренко); Шкала явной тревожности для детей (А.М. Прихожан).

Анализ результатов показал, что для детей с онкологическими заболеваниями характерно наличие множества не возрастных страхов, повышенная тревожность и агрессия, высокая интенсивность переживания страхов.

Далее была разработана программа коррекции эмоциональной сферы средствами арт-терапии, включающая 16 групповых занятий. «В групповой арт-терапии сочетается стремление участников к слиянию с группой и сохранения групповой идентичности и потребности в независимости, укреплении индивидуальной идентичности» [3]. Программа опробована в работе с учениками проекта «Учим – Знаем Ростовская область».

Дети с онкологическими заболеваниями из экспериментальной группы, прошедшие первичную диагностику, были разделены на две подгруппы. Первая участвовала в программе, вторая нет. Далее была проведена повторная диагностика. Контрольный эксперимент показал, что у детей, участвующих в программе, сократилось количество страхов, появилось критическое отношение к ним. Снизились уровень агрессии и тревожности.

Описанная программа краткосрочная, может применяться в различных медицинских, госпитальных школах. Ведется работа по созданию рекомендаций госпитальным педагогам по применению элементов программы в учебной и игровой деятельности с детьми.

1. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб. Речь, 2003.
2. Лебединский В.В., Никольская О.С. Эмоциональные нарушения и их коррекция. – М., 1990. – 87 с.
3. Лысых Н.В. Арт-терапия в работе социального педагога / Н.В. Лысых, Е.А. Баркова // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 10. – С. 176–177.
4. Рагозинская В.Г. Качество жизни детей с онкогематологической патологией / В.Г. Рагозинская, А.В. Сабирова // Ананьевские чтения-2004. – СПб. Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 135–136.
5. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. – М. : Прогресс, 1979. – 392 с.

Влияние индуцированной ностальгии на психоэмоциональное состояние: экспериментальное исследование

Ностальгия, эмоциональное состояние, аффект, субъективное благополучие

Ностальгия как сентиментальная тоска по прошлому оказывает неоднозначное влияние на эмоциональное состояние человека в разных исследованиях [3]. В настоящее время ностальгия часто рассматривается как протективный фактор, как ресурс, могущий оказывать значительное влияние на субъективное благополучие у людей в трудной жизненной ситуации [2]. Неоднозначность результатов указывает на важность исследования механизмов, отвечающих за положительные эффекты ностальгии: в рамках нашего исследования оценивается влияние индуцированного ностальгического воспоминания с учетом психоэмоционального состояния человека.

Цель исследования заключалась в изучении влияния ностальгических воспоминаний на эмоциональное состояние человека, а также на взаимодействие их эффекта с уровнем благополучия и социально-демографическими характеристиками (пол и возраст).

Выборка составила 120 человек (60 женщин): в каждой из возрастных групп (20-35, 36-50 и 51-65 лет) собиралось одинаковое количество участников с уравниванием по полу.

Процедура включала заполнение опросника PANAS-20 [1], после чего участники были случайным образом распределены в группы. В экспериментальной группе участникам предлагалось вспомнить и поделиться ностальгическим воспоминанием [5], в контрольной – рассказать о недавнем событии, произошедшем в указанное время. Опросник WHO-5 использовался для оценки субъективного благополучия [4].

Обработка результатов производилась линейным регрессионным анализом с целью выявить значимое влияние переменных на изменение позитивного и негативного аффектов после индукции воспоминаний, из анализа были исключены 6 участников, указавших на отсутствие ностальгических переживаний в экспериментальном условии.

Модель линейной регрессии для дельты негативного аффекта оказалась значимой при включении трехстороннего взаимодействия между уровнем благополучия, экспериментальным условием и полом, объясняя 16.9% вариативности ($F = 3.257$, $p=0.003$). Анализ коэффициентов показал значимое трехстороннее взаимодействие между уровнем благополучия, полом и условием эксперимента ($p=0.008$). С увеличением уровня благополучия у женщин возрастает и негативный аффект в экспериментальной группе: ностальгические воспоминания значительно повышают негативный аффект у женщин с высоким уровнем благополучия. При анализе положительного аффекта как зависимой переменной модель незначима.

Не удалось показать прямого воздействия индуцированного ностальгического воспоминания в сравнении с обычным воспоминанием на эмоциональное состояние. Обнаружено негативное влияние индукции ностальгического воспоминания на женщин с ростом субъективного благополучия по шкале WHO-5. Для этой группы использование ностальгических воспоминаний для улучшения психоэмоционального состояния может быть контрпродуктивным.

Результат подчеркивает важность индивидуального подхода при подборе методов психологической поддержки. Необходим дополнительный анализ изменений в эмоциональном состоянии, которые провоцирует индуцированная ностальгия у людей с разным уровнем субъективного благополучия.

1. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, №. 4. – С. 91–110.
2. Hepper E.G., Dennis A. From rosy past to happy and flourishing present: Nostalgia as a resource for hedonic and eudaimonic wellbeing // Current Opinion in Psychology. – 2023. – (49). – С. 101547.
3. Sedikides C. [et al.]. To Nostalgize Elsevier. – 2015. – С. 189–273.
4. Topp C.W. et al. The WHO-5 Well-Being Index: a systematic review of the literature // Psychotherapy and psychosomatics. – 2015. – Т. 84, №. 3. – С. 167–176.
5. Wildschut T. [et al.]. Nostalgia: Content, triggers, functions // Journal of Personality and Social Psychology. – 2006. – (91). – С. 975–993.

Исследование поддержано РНФ №23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости личности в ситуации изоляции».

Процессуальность развития внутреннего мира человека

Внутренний мир, человек, системный подход, самоорганизующаяся система, целостность

В экзистенциальной философии и психологии человек описывается как синтез микро и макрокосма, *внутреннего* и *внешнего* миров. Высказываются идеи о взаимосвязи внутреннего и внешнего; зеркальном отражении мира внутреннего – в мире внешнем; о значении целостности внутреннего мира для здоровья и жизнедеятельности человека; о развитии внутреннего мира как закономерном эволюционном процессе.

Традиционно экзистенциальные измерения включают физический, социальный, личный (внутренний) и духовный миры. Однако существуют трудности с определением внутреннего мира человека. Содержательное наполнение и специфика его развития могут быть осмыслены ракурсом теории систем, в которой человек есть сложнейшая *самоорганизующаяся система*, состоящая из множества элементов.

Представление об элементах, составляющих систему Человек, определяется *позицией наблюдателя*. В биологии – это биологические органы; социологии – элементы социальной системы, группы и сообщества людей; психологии – психика и элементы внутреннего мира и т.д.

Можно выделить 4 стадии развития внутреннего мира человека, имеющие значение для осмысления его психосоматических проблем.

1. *Масштабирование*. Взаимодействуя с окружающей средой и другими системами, человек как система наполняется новыми элементами (движениями, ощущениями, чувствами, мыслями, смыслами, сутями, идеями и т.д.), выходя из определенной устойчивости – в неравновесное состояние. Происходит масштабирование, расширение до индивидуально возможной предельности. В терминологии теории систем происходит рождение диссипативной структуры как открытой системы, которая оперирует вдали от термодинамического равновесия.

В категориях практической психологии ценность данного процесса состоит в способности человека быть открытым взаимодействию с миром и другими людьми, осознанно и ответственно вмещать в свой внутренний мир новое.

Психологические проблемы могут быть связаны как с закрытостью, трудностью выстраивания контакта, отказом от взаимодействия, так и с неразборчивостью, неосознанным насыщением элементами.

2. *Компактификация*. Стадия предполагает обработку присвоенных на предыдущей стадии элементов системы: их сгущение (повышение концентрации вещества), компрессия, сжатие.

Задача этого этапа развития внутреннего мира в контексте психологии состоит в выявлении сути – квинтэссенции; самого существенного в чём-либо. В основе данного процесса находится имеющаяся у человека система ценностей, относительно которой он делает различие.

Психологические проблемы могут быть связаны с тем, что когда трудно увидеть главное, человек фокусируется на второстепенном и живет им.

3. *Иерархизация*. В терминологии теории систем: иерархизация – последовательное объединение элементарных диссипативных структур – в диссипативные структуры более высокого порядка. Появляется аттрактор, пристраивающий траекторию развития системы.

Выявив самое существенное, человек должен упорядочить, иерархизировать скомпактифицированные ранее элементы, встраивая их в уже существующую иерархию элементов.

Психологические проблемы неупорядоченности внутреннего мира могут возникнуть, если человек не сможет выявить приоритеты, систематизировать имеющиеся в его внутреннем мире элементы. Отсутствие отстроенности и однозначности выражается в отсутствии аттрактора (мотива, идеи, смысла и т.д.) и проявляется в сомнениях, трудности принятия решений, совершении выбора, и как следствие – волевого действия.

4. *Системная целостность*. Целостность представляет собой процесс переведения структуры в состояние однородности.

Психологические проблемы отсутствия целостности внутреннего мира проявляются во внутриличностных и межличностных конфликтах разных уровней.

По завершении четвертого этапа система готова к масштабированию на новом уровне своего иерархического развития. Данные этапы могут быть описаны как цикл развития внутреннего мира.

Осмысление этапов развития внутреннего мира человека имеет существенное значение для понимания его психологических и соматических проблем.

Мобильные приложения, направленные на улучшение психологического благополучия, исследование мнения пользователей

Мобильные приложения, психологическое благополучие, цифровые технологии

Вопросы психологического здоровья приобретают все большую актуальность в современном мире [4]. Доступ к услугам психологической помощи затруднен из-за нехватки специалистов в этой области, стигматизации психотерапии [1].

Перспективным направлением в прикладной психологии, становится развитие цифровых технологий, направленных на психологическую помощь. Явление которое несет в себе много потенциальных возможностей и одновременно угроз для их пользователей [3]. Целью нашего исследования является изучение опыта пользователей мобильных приложений, направленных на улучшение психологического благополучия.

Методы. Для достижения цели был проведен эксперимент. Группа студентов, в течение четырех недель, ежедневно использовала мобильные приложения, направленные на улучшение психологического здоровья. Полученные данные об их опыте были систематизированы. Работа приложений оценивалась по критериям: опыт применения; удобство интерфейса; рекомендации.

Пользователи выбирали приложения: «Mind tracker», «I am sober», «Пирожок», «Bad Habit Break», «Psy», «Idealis», «Emmo», «Feelings», «Бот Псайко», «Осознанность», «Worrydolls», «Daylio». В данных приложениях используется: дневник настроения (возможность отслеживать свои эмоции); трекер привычек (формирование здоровых привычек), встроенный «чат-бот», комплексная программа, способная общаться и взаимодействовать с пользователем, используя голос, текстовые сообщения, анимацию (например, аватары) [2].

Результаты. Все пользователи однозначно оценили опыт общения с технологией, как полезный. Сообщалось о повышении: самоэффективности, уверенности, мотивации и психологического благополучия в целом. Участники считали взаимодействие с технологиями приятным, увлекательным занятием и сообщали о намерении продолжить.

В категории удобство, указывали простоту (ограниченность функций позволяет легко ориентироваться); возможность поделиться личными переживаниями без страха осуждения (удобно делиться личной информацией); в случае взаимодействия с «аватаром» технология оценивалась как отзывчивая и дружелюбная.

В категории рекомендации, указывалась целесообразность ежедневного использования технологии; хорошая альтернатива бесполезному времяпрепровождению в социальных сетях.

Выводы. Результаты продемонстрировали в целом положительное восприятие пользователями мобильных приложений для улучшения психологического здоровья. Но все же данные технологии можно назвать экспериментальными [1, 3]. Исследования в этой области носят преимущественно пилотный характер. Такие темы, как эффективность, безопасность применения, должны стать неотъемлемой частью будущих программ исследования фундаментальной психологии.

1. Гайдай А.С., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Мобильные приложения для психического здоровья: обзор литературы // Психолог. – 2023. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44193 EDN:YRWLJC [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44193
2. Корж Е.М., Громова А.В. Потенциал применения технологии искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. – 2023. – № 2(46). – С. 60–70 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-primeneniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-psihologii/viewer>
3. Фрейманис И.Ф., Фрейманис Д.Р. История создания чат-ботов: от идеи до использования в прикладной психологии // Russian Journal of Education and Psychology. – 2024. – № 15(2). – С. 203–216 [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2024-15-2-484>
4. Battineni G., Chintalapudi N., Amenta F. AI chatbot design during an epidemic like the novel coronavirus // Healthcare (Basel). – 2020, Jun 03; doi: 10.3390/healthcare8020154; <https://www.mdpi.com/2227-9032/8/2/154>

Психологическое благополучие в подростковом возрасте: структура и половые различия

Психологическое благополучие, подростковый возраст, структура психологического благополучия, половые различия

Подростковый возраст (ПВ) часто характеризуют как «критический» с точки зрения тех драматических коллизий, которые в этот период разыгрываются. Позитивные аспекты функционирования личности подростка исследуются явно недостаточно, в том числе и в психологии здоровья, хотя связь между соматическим и психическим здоровьем и психологическим благополучием (ПБ) является очевидной [2]. Переживание ПБ характеризуется выраженной прогностической направленностью, и исследование ПБ в тот период, когда человек «распахнут» в будущее, то есть в период подростничества, не может не иметь значения.

Теоретико-методологические основы исследований ПБ – концепция «личностного способа существования». Немногочисленные исследования ПБ подростков в основном касаются различных внешних факторов, его определяющих. В то же время ни в отечественной, ни в зарубежной психологии не определены его уровень, структура и гендерные особенности в ПВ.

Цель исследования – определить для ПВ показатели ПБ, различия в его уровне и структуре у подростков мужского и женского пола.

Выборка: в исследовании приняло участие 270 подростков (189 девочек (Д) и 81 мальчик (М)) в возрасте от 11 до 19 лет, учащихся колледжей и 5-11 классов школ г. Москвы.

Использовались: авторская адаптация методики «Шкалы ПБ» К. Рифф [1]. Статистические методы: t-критерий Стьюдента для выявления значимых различий и корреляционный анализ для определения структуры ПБ.

В результате исследования для ПВ определены значения Шкал ПБ (в скобках представлены средние значения и стандартное отклонение): общий индекс (ОИ; $342 \pm 54,72$), «Позитивные отношения с окружающими» (ПОО; $342,35 \pm 54,72$), «Автономия» (АВ; $57,05 \pm 11,58$), «Управление окружающей средой» (УОС; $55,09 \pm 10,04$), «Цели в жизни» (ЦЖ; $61,17 \pm 10,76$), «Личностный рост» (ЛР; $57,88 \pm 11,23$) и «Самопринятие» (СП; $55,11 \pm 12,03$). Выявлено 42,96% подростков с высоким ПБ (354-504 балла), высоким уровнем способности к продуктивному функционированию и протекции к развитию психических и соматических расстройств. 37,41% подростков обнаружили низкий уровень ПБ ((84-323 балла), снижение позитивного функционирования и высокий риск развития психических и соматических расстройств.

Также рассчитаны значения для данных шкал для М и для Д. Для М они составляют: ОИ ($341,88 \pm 49,84$), «ПОО» ($56,28; \pm 9,40$), «АВ» ($55,54; \pm 10,01$), «УОС» ($56,88 \pm 10,13$), «ЦЖ» ($58,90 \pm 11,37$), «ЛР» ($57,43 \pm 10,41$) и «СП» ($56,84 \pm 10,61$). Обнаружено 40,74% мальчиков с высоким уровнем ПБ и 39,51% с низким его уровнем (в зоне риска).

Для Д найдены значения: ОИ ($342,55 \pm 56,68$), «ПОО» ($57,38 \pm 12,38$), «АВ» ($56,26 \pm 11,45$), «УОС» ($54,33 \pm 11,18$), «ЦЖ» ($62,15 \pm 10,33$), «ЛР» ($58,07 \pm 11,56$) и «СП» ($54,37 \pm 12,52$). 43,92% девочек имеют высокое ПБ и 36,51% – низкое (в зоне риска).

Значимые различия в ПБ М и Д выявлены по шкале ЛР ($p=0,023$), а также обнаружена тенденция по шкале УОС ($p = 0,08$): Д выявляют более выраженное стремление к саморазвитию, овладению различными видами деятельности, способность добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей. Структура ПБ практически не различается у М и Д и повторяет структуру ПБ, определенную для всей выборки подростков: наибольший вклад в переживание ПБ вносит способность УОС (,888), наличие у них ЦЖ (,877), СП (,865); несколько меньше связана с переживанием ПБ способность к ЛР (,806) и наличие ПОО (,779); наименее значимой оказывается способность быть АВ (,640).

1. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // «Психологическая диагностика». – Москва-Обнинск, 2005. – № 3. – С. 95–129.
2. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology. – 2000. – № 55. – P. 68–78.

Особенности психического состояния студентов в ситуации депривации от цифровых средств связи

Цифровое общество, цифровая депривация, цифровые средства связи, цифровая тревога

На данном этапе исторического развития уже можно отчетливо видеть формирующееся цифровое общество, где одним из важнейших мест общения является цифровая среда [2]. Цифровая среда и цифровые технологии начали оказывать значимое влияние на всю систему человеческих отношений, его физическое и психическое состояние [4]. Одной из непреходяще актуальных проблем психологии является изучение психологических факторов, предикторов и механизмов изменения психического состояния человека в условиях цифровой среды. Прогресс в сфере цифровизации, безусловно, несет множество положительных моментов, но при этом требует от человека изменения прежних и выработку новых механизмов адаптации, соответствующих реалиям цифрового мира. Наибольший интерес представляет такой универсальный механизм, запускающий процесс адаптации, как тревога, а в конкретном случае – цифровая тревога, то есть связанная с напряжением механизмов адаптации [3].

Исходя из этого, нами был поставлен и проведен психологический эксперимент, направленный на изучение особенностей психического состояния человека в ситуации депривации от цифровых средств связи (смартфон, планшет, компьютер, сеть Интернет).

Для проведения исследования нами были отобраны 20 добровольцев (4 человека мужского пола и 16 женского пола) в возрасте от 18 до 25 лет, обучающихся в высших учебных заведениях, которые согласились отказаться от использования цифровых средств связи на 24 часа. Все испытуемые показали высокую мотивацию к исследованию и интерес к полученным результатам.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе было проведено психологическое исследование испытуемых в ситуации обычного образа жизни. Замеры были проведены в 11.00 и в 11.00 следующего дня. В качестве методик исследования нами были выбраны психологическое тестирование и самоанализ психического состояния. Конкретными методиками психологического тестирования являлись: Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности (СМОЛ) в адаптации В.П. Зайцева (проводилась в начале и в конце исследования); Шкала тревоги Спилбергера-Ханина (STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина (проводилась в начале и в конце исследования). К тому же, в течение суток испытуемые заполняли специально разработанный опросник со шкально-балльными оценками, которые использовались для самооценки своего состояния в течение суток каждые 3 часа за исключением времени ночного сна. На втором этапе испытуемые добровольно отказались от использования цифровых средств связи на 24 часа. Проведены повторные замеры психического состояния испытуемых в начале и в конце эксперимента. Испытуемые в течение суток также оценивали свое состояние при помощи Дневника самонаблюдения со шкально-балльными оценками.

Данные, полученные в исследовании, были обработаны, проанализированы и обобщены. В качестве методов статистического анализа использовались: метод расчета достоверности различий непараметрических данных по критерию Вилкоксона, дескриптивный и корреляционный анализы.

Нами были выявлены следующие изменения психического состояния в процессе эксперимента.

К особенностям психического состояния в ситуации депривации можно отнести следующие достоверные различия между психическим состоянием испытуемых на первом и втором этапе исследования. Данные самоанализа показали, что в процессе депривации в течение дня уровень тревоги имеет тенденцию к снижению ($p = 0,02$), настроение повышается ($p = 0,001$), снижается раздражительность ($p = 0,01$) по сравнению с первым этапом исследования. Практически аналогичные данные получены при использовании методики Спилбергера-Ханина. При отсутствии достоверных различий ($p = 0,07$), выявлена четкая тенденция к снижению ситуативной тревоги при депривации, личностная тревога осталась на прежнем уровне по сравнению с первым этапом. Отмечается, что в ситуации депривации снижается количество Т-баллов по 4 шкале СМОЛ, то есть выявлена тенденция к снижению возбудимости, импульсивности, необдуманности действий [1].

По данным второго этапа, выявлены значимые корреляции по следующим параметрам: субъективная оценка уровня тревоги напрямую коррелирует с уровнем раздражительности (0,8), отмечается обратная корреляция уровня тревоги и уровня настроения (-0,7), а также уровня настроения и раздражительности (-0,8).

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующий промежуточный вывод: отказ от цифровых средств связи приводит к улучшению психического состояния человека, отмечается снижение цифровой тревоги, раздражительности, импульсивности при повышении настроения.

1. Зайцев В.П. Психологический тест СМОЛ // Актуальные вопросы восстановительной медицины. – 2004. – № 2. – С. 17–19.
2. Янко Е.В., Евсеева Е.К., Тетюшкина Л.Г. Цифровая тревога в контексте современного общества // Ананьевские чтения-2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков-к новым достижениям и инновациям. – 2022. – С. 428–429.
3. Янко Е.В., Евсеева Е.К. Цифровая тревога как проявление трудностей в адаптации к цифровой среде – ООО «Союзкниг» ООО «Кириллица» Конференция Ананьевские чтения-2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития – 2023 – С. 72.
4. Hofmann S., Sawyer A., Fang A., Asnaani A. // Emotion dysregulation model of mood and anxiety disorder / *Depress Anxiety, Epub.* – 2012. – P. 409–416. doi: 10.1002/da.21888.

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

Александров М.А., Мальцева А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Современные модели обработки данных в социально-психологических исследованиях

Социально-психологические исследования, анализ естественного языка, модели обработки данных, внедрение нейросетевых методов

С момента появления первых публичных нейросетей общего назначения (Chat GPT) спрос на их коммерческое, личное и научное использование стремительно возрастает. Перспективы использования нейронных сетей в социально-психологической сфере связываются с возможностями их применения для решения задач анализа (поиск опосредованных латентных связей), моделирования баз данных (как количественных, так и качественных), создания баз знаний [3], обработки больших текстов на естественном языке [4]. Важной особенностью нейросетевых технологий отмечаются их: адаптивность к влиянию внешних факторов, самообучаемость, обучение на подготовленных данных, способность к многомерному анализу. Эти характеристики являются отличительными чертами в отношении классических математических методов анализа с применением коэффициентов корреляции, факторного анализа, теории математических игр [1]. Нельзя не отметить впечатляющие возможности нейросетей в анализе разноформатных данных (числовых, текстовых, графических, аудиоданных).

В силу своей специальности студенты гуманитарных направлений испытывают сложности при попытке создать нейросетевые алгоритмы самостоятельно – именно это даёт возможность варьировать свойства нейросетевой модели, рамки её применения, связывать несколько нейросетей в одной оболочке, интерфейс которой также возможно создать под потребности исследователя. При этом, согласно некоторым исследованиям студенческого мнения, несмотря на малодоступность методической литературы и ресурсов по использованию нейросетей в их области обучения, они положительно относятся к внедрению их в практику научного использования и даже выражают готовность изучать нейросетевые технологии самостоятельно [2]. Отсюда возникает вопрос о реальных возможностях поэтапного изучения и практического внедрения данных технологий анализа информации в учебно-научную повседневность в условиях, когда инновации бросают вызов даже преподавателям вузов.

С целью определить возможности студентов гуманитарных направлений по внедрению программируемых нейросетевых моделей в собственную практику анализа данных был проведён эксперимент, в результате которого ознакомление с технологией, обучение нейросети, и успешная защита учебного проекта были проведены за 5 дней. Во-первых, предварительный контент-анализ научных узкоспециализированных статей; блогов и форумов; платформ для код-шеринга; тест нейросетей для написания кода показали, что в публичном доступе предоставлены материалы для изучения данной тематики как на уровне пользователя с навыками программирования, так и без них (например, курсы Андрея Созыкина, МФТИ). Важно наличие инструментов для установки нейросетевых технологий на компьютер (Pinokio и др. программы-помощники) и дальнейшего их использования лишь за счёт мощностей собственного ПК. Во-вторых, существуют онлайн-сервисы, предоставляющие доступ к различным нейросетям и математическим моделям (например, анализа естественного языка: Word2Vec, Glove, Keras) условно (Leonardo.AI, ChatGPT) или абсолютно (GitHub, Google.Colab) бесплатно – это позволяет экономить ресурсы ПК, редактировать код и алгоритм применения нейросетей. Эти возможности представляются обязательными ступенями в освоении нейросетевых технологий, методов их написания и внедрения их в практики анализа данных.

1. Обухов А.А. Нейросетевой анализ и математическое моделирование социальных процессов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2019. – С. 5.
2. Салимшин И.Л., Шарипова Э.Р. Социологический анализ потенциала нейросетей в практике социальной работы // Скиф. – 2023. – С. 208–217.

3. Славутская Е.В. Нейросетевой системный анализ уровневых психологических характеристик // Вестник ЧГУ. – 2016. – С. 164–173.
4. Гуриева С.Д., Мальцева, А.В., Шилкина Н.Е. Мотивация на победу в художественной и публицистической литературе о спорте // Теория и практика физической культуры. – 2024. – С. 84–86.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2

Влияние социальной адаптации и интернет-зависимости на склонность к кибербуллингу

Кибербуллинг, социальная адаптация, интернет-зависимость, социальная психология

Актуальность. В эпоху цифровых технологий кибербуллинг стал большой социальной проблемой, в частности среди молодежи. Этим вызвана необходимость изучения социально-психологических факторов, влияющих на склонность к кибербуллингу.

Постановка проблемы. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между уровнем социальной адаптации, интернет-зависимостью и склонностью к кибербуллингу у молодежи.

Метод исследования. Для измерения социальной адаптации использовался тест социально-психологической адаптации (Test of Personal Adjustment) авторов Карла Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого [1]. Интернет-зависимость измерялась с помощью теста Internet Addiction Test (IAT) Кимберли Янг [2]. Склонность к кибербуллингу оценивалась специальным авторским опросником.

Эмпирическая база. В исследовании приняли участие 112 человек в возрасте 18-22 лет, из них 65 женщин, 47 мужчин. Участники заполнили анкеты и тесты, результаты которых подверглись статистическому анализу для выявления корреляций между переменными.

Основные полученные данные. Результаты корреляционного анализа Пирсона показали, что наиболее адаптивные в социуме и наименее интернет-зависимые участники проявляли меньшую склонность к кибербуллингу. Средний уровень социальной адаптации по тесту составил 65.3 балла (SD = 8.4). Средний уровень интернет-зависимости по тесту IAT составил 42.1 балла (SD = 10.5). Средний уровень склонности к кибербуллингу составил 27.6 балла (SD = 6.2).

Участники с высокой социальной адаптацией (балл выше 70) проявляли значительно меньшую склонность к кибербуллингу (средний балл = 20.4), чем участники с низкой социальной адаптацией (балл ниже 60, средний балл = 34.1). Участники с высоким уровнем интернет-зависимости (балл выше 50) демонстрировали большую склонность к кибербуллингу (средний балл = 33.2), чем участники с низким уровнем интернет-зависимости (балл ниже 30, средний балл = 22.8).

Корреляционный анализ Пирсона показал значимые отрицательные корреляции между социальной адаптацией и склонностью к кибербуллингу ($r = -0.56$, $p < 0.01$), а также положительные корреляции между интернет-зависимостью и склонностью к кибербуллингу ($r = 0.49$, $p < 0.01$). Половой признак не играл существенной роли в данном исследовании, так как не были выявлены значимые корреляции между полом и другими факторами.

Вывод. Социальная адаптация и низкий уровень интернет-зависимости являются защитными факторами, снижающими склонность к кибербуллингу среди молодежи. Это подчеркивает важность развития социальных навыков и уменьшения интернет-зависимости для профилактики агрессивного поведения в онлайн-среде. Более высокая социальная адаптация способствует лучшей интеграции в общество, что снижает потребность в выражении негативных эмоций через кибербуллинг. Напротив, высокая интернет-зависимость может привести к изоляции от реального мира и увеличению негативного поведения в сети.

1. Осницкий А.К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43–56.
2. Young K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // CyberPsychology & Behavior. – 1998. – P. 237–244.

Особенности самопрезентации в социальных сетях личности с нарциссическими чертами

Нарциссизм, социальные сети, самопрезентация, тональность текстов

Активно ведется дискуссия о росте нарциссизма в современном обществе, который рассматривается в виде «психопатологии повседневной жизни», нарциссической культуры [3]. При этом в условиях цифровизации встает вопрос о специфике интернет-общения, которая способствует акцентуации нарциссизма: возможность публично демонстрировать себя, конструировать желаемый образ Я в условиях физического отсутствия [1]. Широкая представленность персональной информации в онлайн связана с высокой вероятностью массового формирования нарциссизма: как грандиозного образа, так и нарциссической уязвимости в условиях киберагрессии и непрерывного сравнения себя с онлайн-образами других [4].

При демонстративной самопрезентации, активном самораскрытии в социальных сетях нарциссические черты могут заостряться и переходить в устойчивые дезадаптивные формы [2, 5]. Выявление особенностей самопрезентации позволяет сформировать социально-психологический портрет нарциссической личности и обеспечить раннюю диагностику негативных форм нарциссизма в цифровом пространстве.

Выборку составили 100 русскоговорящих человек (55 женщин, 45 мужчин) в возрасте от 18 до 49 лет.

Для сбора эмпирического материала использовались: опросник «Нарциссические черты личности» (О.А. Шамшикова и др.), «Шкала сензитивного нарциссизма» (С.Б. Нестерова), «Опросник самопрезентации в социальной сети» (Д.С. Корниенко и др.), авторская анкета, определяющая способы ведения личных страниц. Дополнительно с помощью библиотеки Dostoevsky проводился анализ тональности публикаций на личных страницах респондентов.

Было выявлено, что для личности с нарциссическими чертами характерен тип самопрезентации «Реалистичное демонстративное Я», который связан с повышенным самораскрытием в социальных сетях, желанием впечатлять других пользователей, демонстрировать совершенство собственной личности. Для людей с выраженными нарциссическими чертами характерны: повышенная активность в социальных сетях, специфичный контент, публикуемый на личной странице (демонстрация себя, своих достижений, мнения и уникальных сторон личности), повышенное отслеживание статистики и активное взаимодействие с аудиторией. Было определено, что люди с нарциссическими чертами предпочитают открытую, активную и позитивную аудиторию (показатели экстраверсии на основе контент-анализа). В стиле самопрезентации предпочитается демонстрация экстраверсии, что в совокупности может создавать ситуацию активной и позитивной коммуникации, необходимой для поддержания грандиозного образа личности. Выраженная же позитивная тональность связана с высоким показателем «отсутствия эмпатии», что может выражаться в слабом чувствовании социальной ситуации и избыточной концентрации внимания на создании позитивного образа Я.

1. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. – 2016. – № 1. – С. 36–49.
2. Ермолова Е.О., Тютюнникова Н.В. Особенности нарциссических проявлений личности в условиях сетевой коммуникации // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 4. – С. 53–65.
3. Ермолова Е.О., Тютюнникова Н.В. «Психопатология» повседневной жизни: К вопросу о нарциссизме и классификации нарциссических черт личности // Профессиональное образование в современном мире. – 2021. – 11(2).
4. Марченко Ф.О., Маховская О.И. Психология сетевой агрессии (кибербуллинга) во время эпидемии нарциссизма // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2018. – № 4 (35).
5. Розанов В.А., Рахимкулова А.С. Психологическое благополучие пользователей социальных сетей – проблема или возможность раннего выявления негативных тенденций? // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2016. – № 1(36).

Взаимосвязь восприятия ситуаций кибербуллинга и уровня враждебности взрослыми людьми

Восприятие ситуаций кибербуллинга, негативизм, цинизм, настороженность

Основной целью исследования стала проблема выявления особенностей восприятия кибербуллинга взрослыми. Было показано, что уровень негативизма, цинизма и настороженности, являющихся составляющими враждебности, связан с особенностями восприятия ситуаций кибербуллинга.

Согласно отчету Digital Global Overview за 2023 год, 89% россиян имеют доступ к интернету и проводят в сети почти 8 часов в день, что указывает на широкое распространение цифровой коммуникации. С увеличением времени онлайн растут и риски, в том числе кибербуллинг – целенаправленное и повторяющееся нанесение вреда с использованием электронных устройств [2], который может негативно влиять на психическое и физическое здоровье, снижать эмпатию и усиливать деструктивное поведение из-за чувства безнаказанности.

А. Басс трактовал враждебность как систему оценок или долгосрочное и стойкое отношение к людям, объектам окружающей среды, событиям, явлениям и другим аспектам окружающей действительности [4].

Д. Бэрфут определял враждебность как сложное явление, которое включает несколько основных компонентов: когнитивный, аффективный и поведенческий. Цинизм является составляющим когнитивного компонента. Настороженность включена в аффективный компонент. Поведенческий компонент включает в себя негативизм [3].

В исследовании приняли участие 143 респондента: 84% женщин и 16% мужчин в возрасте от 19 до 65 лет. Граждане РФ. Преимущественно имеющие высшее образование, пользователи интернета. Исследование состояло из предъявления текстов-кейсов, иллюстрировавших различные проявления кибербуллинга, для которых из списка испытуемые выбирали группы эмоций, возникающих у них при прочтении кейсов. Также для проведения исследования была использована модифицированная шкала враждебности Кука-Медли в адаптации Г.Д. Емелина, С.Н. Ениколопова [1]. Результаты были получены на сравнении 2-х групп: с высоким и низким уровнями цинизма, негативизма и настороженности.

По негативизму выявлены значимые различия по выборам эмоций в следующих группах: интерес, вдохновение, восторг ($p = 0.010$) и на уровне тенденции: раздражение, неприязнь, отвращение ($p = 0.047$). По цинизму выявлены значимые различия по выборам эмоций по следующей группе: интерес, вдохновение, восторг ($p = 0.011$). По настороженности выявлены значимые различия по выборам эмоций в следующих группах: досада, злость, ярость ($p = 0.000$); интерес, вдохновение, восторг ($p = 0.036$); опасение, страх, ужас ($p = 0.003$).

Основной вывод заключается в следующем: уровень враждебности, включающий компоненты цинизма, негативизма и настороженности, статистически значимо связан с особенностями восприятия взрослыми людьми ситуаций кибербуллинга. Высокий уровень цинизма связан с частым выбором эмоций интереса, вдохновения и восторга. Люди с высоким уровнем негативизма, помимо этих эмоций, также проявляют раздражение, неприязнь и отвращение при знакомстве с описаниями ситуаций кибербуллинга. Наиболее сильные реакции демонстрируют люди с высоким уровнем настороженности, выражая досаду, злость, ярость, а также опасение, страх и ужас. Следовательно, эмоциональные реакции на кибербуллинг связаны с уровнем враждебности, что позволяет лучше понять механизмы реагирования взрослых на кибербуллинг.

1. Емелин Г.Д., Ениколопов С.Н. Апробация модифицированной шкалы враждебности на российской выборке // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44, № 4. – С. 63–71 [Электронный ресурс]. – URL: <https://psy.jes.su/s020595920024439-8-1/>. DOI: 10.31857/S020595920024439-8
2. Горлова Н.В., Бочавер А.А., Хломов К.Д. Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 4 (44) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prediktory-bullinga-kiberbullinga-i-viktimizatsii-obzor-sovremennyh-issledovaniy> (дата обращения: 25.10.2023).

3. Barefoot J.C. Developments in the measurement of hostility / Ed. H.S. Friedman. Hostility, coping, & health // American Psychological Association. – 1992. – P. 13–31.
4. Buss A.H. The psychology of aggression. – NY: Wiley, 1961.

Исследование поддержано грантом № 0138-2024-0012 «Познавательные процессы в экологически валидных контекстах».

Сочувствие в современной интернет-коммуникации

Эмпатия, доверие, психологическая поддержка и помощь

В отличие от общения лицом к лицу, в онлайн-взаимодействиях отсутствуют невербальные сигналы в их привычном спектре, что затрудняет полноту передачи эмоций и их интерпретацию. Анонимность и дистанцированность интернет-общения создают особые трудности для выражения и интерпретации эмпатии. Это вполне может приводить к недопониманию участниками друг друга и снижению эмпатии, к созданию барьеров для выражения сочувствия. Изучение эмпатии и доверия, как составляющих интернет-коммуникации, имеет весьма существенное значение для составления полной картины динамики цифровых взаимодействий в обществе. Методологическим базисом исследования выступали труды В.Н. Мясищева, К.К. Платонова, Б.Ф. Ломова, А.А. Бодалева, К. Роджерса, посвященные различным аспектам межличностного взаимодействия.

Цель нашего исследования – с использованием эмпирических данных оценить частоту проявлений сочувствия и их предметное разнообразие в современной интернет-коммуникации. Предмет исследования: сочувствие и доверие в интернет-коммуникации. Объектом исследования выступали люди, участвующие в различных формах интернет-коммуникации, включая общение в социальных сетях и в виртуальных сообществах. Выборка включала 75 человек в возрасте от 17 до 54 лет, средний возраст 23 года, 72,4% женщины и 27,6% мужчины. Был проведен опрос с использованием авторской анкеты, которая включала 14 закрытых вопросов с пятибалльными шкалами для ответов, полузакрытый вопрос, семь открытых вопросов и шесть пунктов, касающихся социально-демографических характеристик респондентов.

Анализ собранных данных показал, что к наиболее частым формам проявления сочувствия респонденты отнесли поддержку в комментариях (80,3%), репосты с призывами помочь (56,6%), публичные выражения поддержки в сложных ситуациях (47,4%), пожертвования с благотворительными целями (32,9%). Таким образом, чаще встречается поддержка в комментариях, большинство участников исследования замечают сочувствие в виде комментариев под постами или публикациями – слова поддержки, утешения или ободрения, что подтверждает важность комментариев как средства выражения эмоций и поддержки в онлайн-общении. Более половины участников отмечают репосты с призывами о помощи как частую форму проявления сочувствия. Репосты часто используются для привлечения внимания к проблемам и мобилизации поддержки, демонстрируя коллективное сочувствие и готовность помочь. Почти половина респондентов замечают публичные выражения поддержки в сложных ситуациях, таких как болезни, утраты, те или иные трудные жизненные ситуации. Это включает посты или публикации, в которых пользователи делятся словами сочувствия и поддержки. Треть участников откликаются на просьбы пожертвования в благотворительных целях. Сюда входит сбор средств на лечение, помощь пострадавшим от катастроф, на другие благотворительные инициативы.

Более личные, персонализированные, приватные формы выражения сочувствия, оказания помощи встречаются заметно реже. Они менее характерны для современного сетевого взаимодействия.

К пункту анкеты «Какие моменты или ситуации, на ваш взгляд, могут вызывать у пользователей интернета потребность в сочувствии?» большинство респондентов (58 человек) сделали свои дополнения. Нередко фигурировали такие ситуации, как потеря близкого человека или питомца; личные и общественные трагедии; травля, буллинг и хейт; проявления несправедливости и жестокость; заболевания и серьезные проблемы со здоровьем; внутриличностные конфликты; взаимодействие с трудными (токсичными) людьми, включая манипуляции и абьюз.

Таким образом, специфика интернет-коммуникации не создает больших барьеров для проявления сочувствия, оно проявляется в разнообразных формах. Особенности запроса на сочувствие и отклика целесообразно учитывать при организации и ведении онлайн-сообществ, включающих в свой спектр активности функции психологической помощи и поддержки.

Современные социальные практики получения новостной информации студентами в цифровой среде

Студенты, цифровая среда, отношение, новостная информация

Практика функционирования медиа показывает, что информационная повестка дня в социальных сетях и в традиционных средствах массовой коммуникации пользуется различной популярностью у студенческой аудитории. Актуальность исследования состоит в возрастающей популярности социальных сетей как средства массовой коммуникации, их воздействия на поведение участников сетей. Рассматривая социальные сети как канал массовой коммуникации, мы отмечаем исключительное влияние информационной повестки дня на общество.

В двадцатом веке была выдвинута теория «установления повестки дня», согласно которой средства массовой коммуникации определяют круг проблем, о которых должен думать рядовой обыватель [1, 3]. Социализация членов общества в рамках этой модели устанавливает схожие формы поведения, благодаря чему каждый человек в сфере социальных отношений исполняет свою определенную социальную роль [2].

В данном исследовании приняли участие студенты первых курсов Самарского университета. В целом для студентов социально-гуманитарных и технических направлений характерен одинаковый интерес к социальным проблемам (56,9% и 49,3%, соответственно) (вероятно, что под социальными проблемами понимаются в первую очередь проблемы образования, столь близкие недавним выпускникам 11-го класса и нынешним первокурсникам), кино и сериалам (58,8% и 49,3%), юмору и развлечениям (56,9% и 58,2%). Существенная часть респондентов больше доверяет видеоматериалам, чем другим формам предоставления информации (41,2% в социально-гуманитарной группе и 41,8% в технической). В свою очередь текстовым материалам респонденты выражают большую степень недоверия, чем другим формам информации (41,2% и 38,8%, соответственно). Также в технической группе 25,4% респондентов не доверяют аудиоматериалам. Из числа опрошиваемых – 58,8% студентов социально-гуманитарного направления и 59,7% студентов технического направления подготовки используют интернет в качестве источника новостной информации ежедневно либо практически каждый день. Это свидетельствует о том, что чаще всего респонденты пользуются интернетом в другом качестве (кино, развлечения).

Таким образом, определено, что главным источником информации студентов являются социальные сети, блоги, а также информационные ресурсы в интернете. Выявлено, что в социальных сетях для студентов социально-гуманитарного направления обучения основными темами являются: «кино и сериалы», «юмор и развлечения», «социальные проблемы»; для студентов технического направления обучения: «наука и техника», «кино и сериалы», «юмор и развлечения», «социальные проблемы». Текстовым сообщениям студенты выражают большую степень недоверия, в отличие от видеоматериалов.

1. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-1Д», 2013. – 464 с.
2. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. – М.: Восточная литература, 2001. – 304 с.
3. Сазанов В.М. Социальные сети как новая общественная сфера. Системный анализ и прогноз. – М.: Лаборатория СВМ, 2010. – 180 с.

Цифровые трансформации взаимоотношений: к развитию идей Ленинградской-Петербургской социально-психологической школы

Взаимоотношения, цифровая среда, Ленинградская-Петербургская социально-психологическая школа

Феномен взаимоотношений является традиционным предметным фокусом ленинградской-петербургской социально-психологической школы, представители которой, такие как В.Н. Куницына, В.Н. Панферов, Б.Д. Парыгин и др. [3; 5], заложили теоретико-методологические основы изучения отношений, возникающих и разворачивающихся между людьми. Важнейшим принципом анализа взаимоотношений является учет контекста, в котором они разворачиваются, поскольку контекстуальность взаимоотношений является одной из их атрибутивных характеристик, определяющих не только их содержательную, но и операциональную сторону.

Проникновение цифровых технологий в различные сферы жизни людей неизбежно приводит к изменению психологических характеристик взаимоотношений, которое обусловлено спецификой взаимодействия в цифровой среде, выступающей в качестве контекста, в котором они функционируют. Эти изменения являются результатом сокращения переживания социального присутствия, что, как следствие, влечет за собой уменьшение эмоциональной составляющей во взаимоотношениях, которые поддерживаются с применением современных цифровых технологий.

Эффекты сокращения значимости эмоциональной стороны взаимоотношений при взаимодействии людей в цифровой среде были зафиксированы нами в экспериментальном исследовании процессуальных и результирующих характеристик учебных занятий, которые реализуются с применением цифровых образовательных технологий. Результаты экспериментов [1; 4] показали, что в условиях обучения, опосредованного применением цифровых образовательных технологий, образ преподавателя в сознании студентов прагматизируется, на первый план выходит информационная насыщенность взаимодействия, тогда как ее эмоциональная сторона недооценивается или, в некоторых случаях, оценивается негативно. Традиционные для непосредственного педагогического взаимодействия стратегии самопрезентации преподавателей, а также приемы поддержания контакта, опирающиеся на обмен эмоциями, в условиях цифровой среды оказываются неэффективными. Эмоциональная саморегуляция во взаимодействии, реализуемая с применением цифровых технологий, в свою очередь, оказывается менее эффективной, чем в непосредственном взаимодействии людей, что проявляется, например, в росте склонности к академической нечестности с применением цифровых инструментов [2].

Эти данные актуализируют задачу поиска путей поддержания и укрепления эмоционального компонента взаимоотношений субъектов образования в условиях использования цифровых технологий, а также определения возможностей и ограничений цифровых инструментов для решения задач обучения и воспитания, реализуемых в современном образовательном процессе.

1. Безгодова С.А., Васильева С.В., Микляева А.В. Организация учебного материала видеолекции: психологические критерии и факторы эффективности // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 2 (86). – С. 415–426. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-415-426
2. Безгодова С.А., Микляева А.В. Академический обман в цифровой среде: социально-психологический анализ // Science for Education Today. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 64–90.
3. Куницына В.Н., Панферов В.Н. Проблема отношений личности в трудах В.Н. Мясищева // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13, № 3. – С. 140–147.
4. Микляева А.В., Васильева С.В., Безгодова С.А. Университетская онлайн-лекция: какие личностные качества позволяют преподавателю эффективнее управлять впечатлением о себе? // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2021. – № 5. – С. 151–162.
5. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.

Особенности семейной идентичности цыган

Категоризация, идентичность, семейная идентичность, ингруппа

Семья является пространством личного выбора и социальной интеграции, фактором формирования идентичности как способности к объединению индивидуального и социального опыта, поддержанию собственной уникальности в постоянно меняющемся мире. Семейные ценности определяют структурный, эмоционально-оценочный, когнитивный аспекты семейной идентичности (СИ). Общая культура и образовательный уровень являются предикторами динамики содержания СИ. Наиболее выразительно фактор образования проявляется в отношении динамики содержания семейной идентичности современных российских цыган, сохраняющих патриархальные семейные традиции и постепенно удаляющихся от них [1].

Методы. «Тест двадцати высказываний» А.А. Гудзовской, М.С. Мышкиной, «Рольевые ожидания и притязания в браке» А.Н. Волкова; PARI Э. Шефер, Р. Белл; контент-анализ.

Исследование проходило непосредственно и в гугл-форме (март 2024). Выборка: 100 человек: 50 со средне профессиональным и высшим образованием (образованные); 50 с незаконченным средним образованием (необразованные); 18–25 лет (21,5).

Анализировались средние значения тестовых параметров и категорий «семья и родственные связи», «супружеские отношения» с применением классификатора категорий идентичности [2] и U-критерия Манна-Уитни.

Результаты. У образованных и необразованных цыган выявлены ингруппы семья (3,71 и 2,46) и супруги (0,11 и 0,13). Выявлены значимые ($p < 0,05$) межгрупповые различия: для образованных цыган важны партнерские отношения (27,84 и 11,74), социальная активность (15,08 и 9,40), эмоционально-терапевтическая ценность семьи (26,41 и 11,68), внешняя привлекательность партнера (24,65 и 10,54), подавление агрессивности (32,20 и 13,98); для необразованных значимы строгость к ребенку (14,96 и 12,65), подавление сексуальности (15,83 и 12,71), сверхавторитет родителей (13,89 и 16,39).

Обсуждение. Образовательный уровень цыган влияет на содержание СИ и иерархию ингрупп самокатегоризации: родители, супруги, дети. У образованных цыган уменьшается роль родителей как предикторов позитивной СИ. Ингруппы «супруги» и «дети» обогащаются через разнообразие эмоциональных отношений и поведенческих ожиданий, расширяются партнерские отношения в супружеской подсистеме, родительская идентичность увеличивается за счет ориентации на психологическое благополучие и социальную интеграцию детей. У необразованных цыган группы семейной категоризации иерархизированы и регламентированы патриархальными нормами, правилами, превалирует сверхавторитет родителей как базовой семейной ингруппы, родительская идентичность включает излишнюю строгость к детям, супружеская идентичность характеризуется репрессивным отношением к эмоциональному аспекту через подавление сексуальности, проявляясь как имплицитная лояльность ценностям патриархальной семьи.

Выводы. Уровень образования является предиктором расширения, обогащения и дифференциации содержания СИ. Этнокультурные особенности СИ цыган определяются национальным менталитетом, влияют на восприятие ингрупп семейной самокатегоризации. У образованных цыган обогащается содержание ингрупп «супруги» и «дети», расширяется содержание персональной идентичности как члена семьи. СИ необразованных цыган сохраняет высокую лояльность ингруппе «родители» как фактору формирования и сохранения позитивной семейной идентичности.

1. Деметер Н.Г. Образование как способ интеграции цыган в Российское общество / Деметер Н.Г.; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая. – М.: ЭЛКОНА-эксперт, 2014. – 175 с.
2. Гудзовская А.А. Диагностика идентичности: «Тест двадцати высказываний» (ТДВ): учеб. пособие / А.А. Гудзовская, М.С. Мышкина; М-во науки и высш. образования РФ, Самарский университет. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2023. – 148 с.

Ценностные ориентации субъектов познания с разным уровнем развития способности к прогнозированию развития межличностного взаимодействия

Ценностные ориентации, понимание людьми друг друга, субъект познания, способность к прогнозированию, межличностное взаимодействие

Понимание другого человека представляет собой когнитивный процесс, обусловленный влиянием большого количества факторов, среди которых одним из ведущих являются личные особенности субъектов познания.

Говоря о том, что способствует подлинному пониманию людьми друг друга, исследователи называют способность субъекта познания к децентрации, а также гуманистическую направленность его личности, проявляющуюся в настроенности на познание, отношении к другому человеку как к ценности [1, 3–5].

Ценностная система субъекта познания имеет непосредственное значение в характере восприятия, оценке и понимании других людей [2]. Вместе с тем исследований, посвященных этому аспекту межличностного понимания не так много.

В рамках данной проблемы нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на сравнение ценностных ориентаций субъектов познания с высоким и низким уровнем развития способности к прогнозированию развития ситуации межличностного взаимодействия.

Выборку исследования составили 120 человек – юноши и девушки в возрасте 19-20 лет. В целях исследования были сформированы группы респондентов с высоким (группа «В») и низким (группа «Н») уровнями развития способности к прогнозированию развития межличностного взаимодействия. В каждую вошло по 14 человек.

Блок диагностических средств включал методики В.Н. Куницыной: полупроективный тест «Притчи», методика «ЦО-36» («ценностные ориентации-36 позиций»).

Сравнение ценностных ориентаций респондентов с высоким (группа «В») и низким (группа «Н») уровнями развития способности к прогнозированию развития межличностного взаимодействия показало, что число совпадений высоко значимых ценностей составило 75%, средне – 50% и низко значимых – 67%.

На уровне статистической достоверности респондентов группы «В» отличает большая актуальность ценностей, связанных с достижениями успеха в деле, которым они занимаются (усердие в работе, интеллект) и меньшая ценность защиты семьи, религиозности и в целом ценностей, отражающих важность сохранения традиций, полезности другим людям.

Отдельно анализируя группу высоко значимых ценностей, можно утверждать, что для обеих групп базовыми являются ценности, связанные с безопасностью, а также близкими доверительными отношениями.

Так, на первое место как самую ведущую ценность обе группы поставили безопасность семьи и тех, кого они любят. Помимо этого, в равной степени актуальными для них являются понимание и доверие в семье, дружеская поддержка, материальное благополучие и внутренняя гармония.

Что касается собственной безопасности, то для группы «В» и собственное здоровье, и забота о себе, проявляющаяся во внимании к своему статусу, интересам, внешнему виду, здоровью, одинаково высоко значимы, но уступают по важности ценностям самоуважения (стоит на втором месте после безопасности близких людей), наличию смысла в жизни и тесно связанным с ним стремлению к достижению поставленных целей.

В группе «Н» в отношении данных ценностей наблюдается прямо противоположная картина. Ценность здоровья для них значительно превышает важность уверенности в ценности своей личности, наличия смысла в жизни и достижения успеха. Также они высоко ценят глубокую эмоциональную и духовную близость с любимым человеком и честность в отношениях.

В отличие от них, для группы «В» эти ценности являются средне значимыми, в то время как в блок высоко значимых входят развитые аналитические способности, интеллект, важность получения удовольствия от еды, любви, отдыха, наличие уверенности в своих силах, самодостаточность.

Таким образом, проведенное исследование показало, что на уровне ценностных ориентаций людей с высоким уровнем развития способности к пониманию логики развития ситуации межличностного взаимодействия в большей степени отличает значимость аспектов, выражающих направленность на развитие у них данной способности.

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студ. вузов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 303 с.
2. Васина Е.А. Ценностные ориентации: феноменология, структура, динамика: монография. – Архангельск: Типография А4, 2013. – 83 с.
3. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
4. Позднякова Т.Б. Понимание людьми друг друга в контексте проблем современной психологии: монография. 2-е изд. – СПб.: Скифия-Принт, 2024. – 157 с.
5. Познание человека человеком (возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты) / Под ред. А.А. Бодалева, Н.В. Васиной. – СПб.: Речь, 2005. – 324 с.

Ценностные основания идентичности с городом (на материале исследования респондентов Краснодара)

Идентичность с городом; длительность проживания в городе; ценности.

Идентичность с местом (place-identity) является одним из оснований личностной самоидентичности, поскольку именно данный локус бытия формирует основу жизненного мира человека. Место, пространство, территория проживания являются не только физическими константами, но и сферой формирования личных смыслов, ценностей, жизненных планов [1]. Как показывает ряд исследований, идентичность с местом проживания является предиктором социальной активности человека, а также особенностей его взаимоотношений с ближайшим окружением [3; 5]. Соответственно, актуальной научной и практической задачей становится исследование феномена идентичности с местом проживания и влияния данного вида идентичности на разные аспекты жизни человека.

Цель исследования: выявление ценностных оснований идентичности с городом в группах респондентов с разной длительностью проживания в Краснодаре.

Эмпирическая база исследования – 447 респондентов, жителей Краснодара, 225 женщин и 222 мужчины. Выборка была разделена на три группы в соответствии с периодами и обстоятельствами проживания в городе: в первую группу вошли респонденты, родившиеся и всю жизнь прожившие в Краснодаре, вторую – те, кто переехал в город на постоянное место жительства вследствие своего выбора или стечения обстоятельств в осознанном возрасте, третью – респонденты, проживающие в городе временно. Инструментарий включал шкалу Droseltis, O. & Vignoles, V.L.; для исследования ценностей была использована сокращенная версия «Личностного опросника изучения индивидуальных ценностей» (PVQ-R). Для математико-статистической обработки данных были использованы описательные статистики, эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, регрессионный анализ.

На первом этапе исследования была проведена адаптация на краснодарской выборке шкалы идентичности с местом проживания Droseltis O. & Vignoles V.L. [4], выделены два основных аспекта идентичности с местом проживания: «Аутентичность личности в городской среде» и «Самореализация в городской среде».

На следующем этапе было проведено сравнение выраженности выделенных аспектов идентичности с городом в группах респондентов с разными периодами проживания в городе методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Результаты исследования показали, что длительность проживания является значимым фактором идентичности с местом: респонденты, родившиеся и выросшие в условиях исследуемого города, значимо выше оценивают и свою глубинную связь с городом ($p \leq 0,001$), и возможности реализации в нем ($p \leq 0,01$).

Затем мы исследовали взаимосвязь индивидуальных ценностей высокого порядка респондентов в исследуемых группах с факторами идентичности с городом методом регрессионного анализа. В группе коренных краснодарцев ценностными предикторами обоих аспектов идентичности с городом являются ценности социального фокуса – Сохранения и Самопреодоления ($p \leq 0,01$), ценностным основанием параметра идентичности «Самореализация в городской среде» является ценность Открытости изменениям ($p \leq 0,01$). У респондентов, сознательно выбравших Краснодар в качестве места проживания, ценностным основанием параметра «Аутентичность личности в городской среде» является ценность Самопреодоления ($p \leq 0,01$), в основе самореализации в городской среде как фактора идентичности с местом у данной группы выявлена ценность Самоутверждения ($p \leq 0,01$). Для группы респондентов, рассматривающих проживание в городе как временное, ценностным предиктором идентичности с городом является Открытости изменениям ($p \leq 0,001$), на аутентичность личности в городской среде влияет выраженность метаценности Сохранения ($p \leq 0,01$).

Таким образом, длительность проживания в городе не только значимо влияет на идентичность с ним, но и обуславливает разные ценностные основания данного вида идентичности; активное освоение человеком городского пространства усиливает его адаптивность к городским условиям, укреплению эмоциональных и личностных связей с городской средой, в итоге способствует повышению субъектности [2].

1. Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Пространство культуры в зеркале городского ландшафта // Вопросы философии. – 2023. – № 8. – С. 174–188. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-8-174-188
2. Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Региональная идентичность как фактор психологической безопасности // Гуманизация образования. – 2019. – № 5. – С. 166–179. DOI: 10.24411/1029-3388-2019-10061
3. Dono J., Webb J., Richardson B. The relationship between environmental activism, pro-environmental behaviour and social identity // Journal of environmental psychology. – 2010. – № 30(2). – P. 178–186.
4. Droseltis O., Vignoles V. Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences // Journal of Environmental Psychology. – 2010. – № 30. –P. 23–34.
5. Manzo L.C., & Perkins D.D. Neighborhoods as Common Ground: The Importance of Place Attachment to Community Participation and Development // Journal of Planning Literature. – 2006. – № 20. – P. 335–350. <https://doi.org/10.1177/0885412205286160>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда (проект 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект»).

ПСИХОЛОГИЯ КРИЗИСНЫХ И ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Зайниддинова М.Н., Шенгелия Н.М.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Особенности адаптации мигрантов шестой волны

Миграция, шестая волна, адаптация

Миграцию можно рассматривать, как перемещение, сопряженное с пересечением административно-территориальных границ. Волна миграции – это массовое перемещение людей из одного места, региона или страны в другое в определенный период времени. В нашей стране принято выделять пять волн миграции: 1917–1933 гг.; 1941–1945 гг.; 1970–1980-е гг.; 1990–2000-е гг.; 2005–2022 гг. [3]. Мы предполагаем, что миграция из России, происходящая с 2022 года по настоящий момент, является шестой волной миграции.

По некоторым оценкам, количество людей, переехавших из страны в 2022-2023 гг. достигает миллиона человек. При этом количество людей, эмигрировавших, но затем принявших решение вернуться, разнится от 20% до 45%. Мигранты данного периода имеют ряд особенностей, в частности, отношение к собственному переезду [1]. В рамках данных тезисов мы подробнее остановимся на особенностях адаптации мигрантов предполагаемой нами шестой волны.

В исследовании приняло участие 65 человек в возрасте от 19 до 62 лет ($SD = 34,3 MD \pm 7,6$), 33 мужчины, 32 женщины. Участники заполняли социально-демографическую анкету и методику «Адаптация к новой социокультурной среде» Л.В. Янковского [2]. Мигранты шестой волны, как правило, переезжали не в одиночку: 65% респондентов выехали из России с семьей или партнером, еще 6% – с друзьями. Особенностью данной волны можно считать историю переезда – 74% опрошенных сменили страну проживания еще хотя бы раз после выезда из России. Это может говорить как о том, что адаптация на новом месте в первое время была затруднена, так и о специфике, накладываемой скоропалительностью переезда.

По методике Л.В. Янковского единственным показателем на уровне низкой выраженности оказалась «Депрессивность» ($M = 5,93 SD \pm 2,58$). Обращает на себя внимание также значение показателя «Отчужденность» ($M = 6,67 SD \pm 2,24$). Наиболее высокие оценки данная выборка продемонстрировала по шкале «Адаптивность» ($M = 11,56 SD \pm 2,20$). Данные позволяют предположить, что для респондентов характерна успешная адаптация в новой стране пребывания, ощущение способности влиять на свой комфорт. Это также подтверждается ответами относительно изменения уровня дохода после переезда: 23% сообщают об отсутствии изменений, 40% – об улучшении и 29% – об ухудшении. При этом 52% говорят о том, что могут позволить себе покупку бытовой техники и предметов интерьера, 13% – совсем не стеснены в средствах и только 3% ответили, что им хватает денег на еду, а с покупкой одежды возникают затруднения. Исследование также показало, что уровень ностальгии статистически достоверно выше у людей, уехавших из России с февраля по октябрь 2022 года в сравнении с теми, кто покинул страну после октября 2022 года. Это может говорить о том, что ощущение ностальгии может усиливаться по прошествии времени, а картина успешной адаптации позволяет мигрантам избегать тягостных переживаний.

Безусловно, выдвинутое предположение носит предварительный характер. По результатам исследования можно говорить о среднем, близком к высокому уровню адаптации мигрантов шестой волны на фоне низкой выраженности депрессивных и самоуничижающих переживаний. В предстоящих работах мы планируем проанализировать интервью с представителями шестой волны и дать более качественное описание их состоянию, процессам адаптации и трудностям, которые им приходится преодолевать.

1. Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Зайниддинова М.Н., Устюгова Н.Д. Отношение к выезду из России у мигрантов шестой волны // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. – М: Издательство Перо, 2024. – С. 34–42.
2. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учебное пособие для вузов / Л.Г. Почебут. 2-е изд., испр. и доп. – М: Издательство «Юрайт», 2024. – 279 с.
3. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: индивидуальные жизненные кризисы; агрессия и экстремизм: Учебник / Под общ. ред. д-ра психол. наук Н.С. Хрустальной, 2 изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – 445 с.

Динамика виктимблейминга у сторонних наблюдателей насилия и личностная ригидность

Виктимблейминг, сторонний наблюдатель, ригидность, насилие в отношении женщин

В ситуации насилия выделяют три стороны: жертву, агрессора и стороннего наблюдателя. Выявлено, что сторонний наблюдатель своей реакцией на ситуацию может влиять на виктимизацию [2, 3]. Несмотря на то, что ответственность за совершение насилия всегда лежит на агрессоре, виктимблейминг (обвинение жертвы) является распространенным явлением. В настоящее время большинство исследований виктимблейминга проводится за рубежом, в России имеется недостаточное количество исследований, а существующие изучают социальные и институциональные, но не психологические, факторы данного явления. Данное исследование является продолжением предыдущего эмпирического исследования и направлено на углубленное изучение выявленных факторов [1], которые ранее не попадали в центр внимания ни в зарубежных, ни в отечественных работах.

Целью исследования являлось изучение связи личностной ригидности и изменений в атрибуции вины жертве сторонними наблюдателями насилия в отношении женщин под влиянием экспериментальных воздействий. В исследовании приняли участие 115 человек (возраст 18–72 года, 73 женщины, 42 мужчины), которые были распределены на 3 группы – контрольную, экспериментальную группу № 1 (воздействие – информирование), экспериментальную группу № 2 (воздействие – актуализация контрафактического мышления с фокусом на агрессоре). На первом этапе измерялись личностная ригидность (ТОРЗ) и самопривязанность (МИС С.Р. Пантелеева), все испытуемые знакомились с двумя виньетками (физическое и сексуальное насилие), оценивали вину участников ситуации; на основании оценки вины ответы участников разделялись на: последовательный виктимблейминг, непоследовательные, последовательное отсутствие обвинений жертвы. После экспериментального воздействия, каждая группа оценивала вину участников в двух новых виньетках.

Было выявлено, что для ситуации сексуального насилия при воздействии в форме актуализации восходящего контрафактического мышления на сторонних наблюдателей с низким и средним уровнем общей ригидности, первоначально придерживающихся стратегии непоследовательного обвинения жертвы, происходит поляризация в выборе стратегий обвинения как в сторону отсутствия виктимблейминга, так и в сторону последовательного виктимблейминга ($\chi^2 = 8,8$, $p = 0,032$). Независимо от стратегии обвинений до воздействия, для респондентов с низким и средним уровнем общей ригидности после воздействия увеличиваются шансы выбора стратегии отсутствия виктимблейминга ($\chi^2 = 8,116$, $p = 0,017$, $\exp(B) = 5,857$)

Для ситуации физического насилия у сторонних наблюдателей со значениями общей ригидности превышающими средние ($\chi^2 = 7,667$, $p = 0,022$), значениями ригидности как состояния, превышающими средние ($\chi^2 = 11$, $p = 0,004$) или с низкими и средними значениями актуальной ригидности ($\chi^2 = 4$, $p = 0,029$), с первоначальной стратегией непоследовательного обвинения жертвы, информирование о явлениях насилия и виктимблейминга ведет к изменению в сторону стратегии отсутствия виктимблейминга. Из рассмотренных характеристик наибольшее влияние имеет рост показателя ригидности как состояния ($\chi^2 = 17,126$, $p = 0,001$, $\exp(B) = 1,163$).

1. Vinnikova A.J., Obidin I.J. Факторы виктимблейминга в ситуациях насилия в отношении женщин // The Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences. – 2023. – Т. 1, № 5-6. – С. 25–38.
2. Hamby S. et al. What difference do bystanders make? The association of bystander involvement with victim outcomes in a community sample // Psychology of violence. – 2016. – Vol. 6, № 1. – P. 91.
3. Spaccatini F. et al. Victim blaming 2.0: blaming sexualized victims of online harassment lowers bystanders' helping intentions // Current Psychology. – 2022. – P. 1–11.

Информационное поведение личности в инцидентной ситуации: психологические предикторы

Стратегии информационного поведения, инцидентная ситуация, копинг-поведение

Открытость сети интернет предоставляет большие возможности человеку для реализации своих потребностей и мотивов, а интерактивность этого информационного средства позволяет «прикасаться» к различным событиям в режиме реального времени и, при желании, сохранять анонимность, которая ведет, по нашему предположению, к возможности проявлять свои истинные желания и мотивы, без оглядки на общественные правила и нормы поведения. Это приводит к появлению целого репертуара разнообразных стратегий поведения в интернете, которые необходимо изучать наравне с поведением личности офлайн. Особую актуальность приобретает изучение информационного поведения в условиях повышенной неопределенности и в тех регионах, которые находятся в данный момент в зоне геополитических рисков по разным причинам: глобальных политических процессов, особенностей политической ситуации в регионе, активных или завершенных локальных военных конфликтов в регионе, повышенной социальной активности, а также в условиях политических и экономических санкций.

Цель исследования: изучение нормативных и рискованных стратегий информационного поведения с различной смыслообразующей мотивацией, а также их психологических предикторов.

Предмет исследования: стратегии информационного поведения и связанные с ними психологические особенности личности.

Объект исследования: 1142 человека (350 мужчин и 792 женщины), проживающих в условиях перманентного инцидента (локального военного конфликта).

Гипотеза: в условиях инцидента мотивы обращения к интернет-среде могут деформироваться и трансформироваться, приводя к изменениям в поведении и к формированию новых устойчивых стратегий информационного поведения, позволяющих адаптироваться к тотальной неопределенности.

Диагностический инструментарий: Методика «Стратегии информационного поведения» (СИП-2) (Гришина А.В. и др.), Шкала враждебности Кука-Медли, Шкала толерантности к неопределенности Маклейна (в адапт. Е.Н. Осина), Тест жизнестойкости С. Мадди (в адапт. М.В. Алфимовой, В.Е. Голиббет), Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, Индикатор копинг-стратегий Д. Амирхана. Для статистической обработки результатов применялись приемы описательной статистики, корреляционный анализ методом Пирсона, кластерный анализ методом k-средних и однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). При выделении кластеров использовались данные методик, характеризующих отношение испытуемых к ситуации неопределенности: толерантность к неопределенности и жизнестойкость.

Установлено, что при высоком уровне жизнестойкости у человека есть внутренние ресурсы для разрешения проблем и ему не требуется прибегать к социальной поддержке, избегать проблем и уходить от решения проблем в интернет-среду.

При сочетании высокого уровня жизнестойкости и высокого уровня толерантности к неопределенности проявляется конструктивное копинг-поведение и высокий уровень саморегуляции: человек предпочитает решать проблемы самостоятельно, брать на себя ответственность и не использовать интернет как необходимый ресурс для совладания со стрессовой ситуацией.

При высоком уровне жизнестойкости выявлен низкий уровень враждебности и цинизма, что свидетельствует о том, что респонденты реже используют деструктивные формы поведения в межличностном общении и в общении в интернет-среде.

Полученные результаты говорят о том, что к использованию возможностей интернет-пространства для купирования стресса чаще прибегают респонденты с низким уровнем жизнестойкости. Поиск альтернативной информации, подглядывание за жизнью других, серфинг по просторам интернета выступают в виде психологической защиты и показывают неспособность респондентов конструктивно противостоять трудностям и стрессам. Полученные результаты могут быть использованы при разработке профилактических и коррекционных программ для людей, переживающих жизненный кризис или инцидентную ситуацию.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы».

Факторы диадического копинга партнеров близких отношений

Диадический копинг, близкие отношения, факторы диадического копинга

Проблема диадического копинга и его факторов для отечественной психологии является еще достаточно новой и мало разработанной. Диадический копинг – это вид совладающего поведения, субъектом которого выступает диада, взаимодействующая в трудной ситуации (оба партнера, прилагающие индивидуальные и/или совместные копинг-усилия в ситуации стресса). Авторы сосредоточены преимущественно на подходах к определению диадического копинга (А. Фальконе), его видах (Е.Л. Калугина, Е.В. Куфтяк, Т.И. Бонкало, Е.М. Королева), структуре и содержании (Г. Боденманн, А. Фальконе), соотношении с индивидуальным копингом (О.А. Екимчик, О.Ю. Одинцова). Наиболее подробно рассмотрен социокультурный фактор диадического копинга Г. Боденманном и его коллегами. Есть исследования привязанности как фактора диадического копинга партнеров (Екимчик О.А., Опекина Т.П.), фаббинга и мотивации (Екимчик О.А.). Открытыми остаются вопросы: когда и как возникает диадический копинг у партнеров в близких отношениях, что влияет на его возникновение, применение и результативность в повседневных и экстремальных стрессовых ситуациях.

Гипотеза: ценности, установки партнеров и характеристики их близких отношений определяют предпочтения в выборе диадических копинг-стратегий партнеров близких отношений.

Цель: выявить как ценности, установки партнеров, диадическая согласованность, уважение и близость в отношениях влияют на выбор стратегий диадического копинга.

Выборка: 70 человек (35 пар) в возрасте от 20 до 65 лет ($m = 36,5$; $sd = 13,6$), состоящие в близких отношениях не менее 1,5 лет ($m = 11,7$; $sd = 10,1$).

Методы: анкета; Шкала диадической согласованности (в адаптации Д.Г. Айвазовой и др., 2020); Методика диагностики намерений и ожиданий в ситуации социального обмена с партнером по близким эмоциональным отношениям (С.Е. Поддубный, В.П. Позняков, 2018); Опросник диадического копинга (в адаптации Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, 2017); Шкала уважение в близких отношениях (J.R. Frei, P.R. Shaver, 2002); Портретный ценностный опросник, PVQ-RR III. Шварц с соавторами (в адаптации: Т.П. Бутенко и др., 2012); методика «Включенность Другого в шкалу собственной Я-концепции» (A. Aron, E. Aron, D. Smollan, 1992).

С помощью множественного регрессионного анализа установлена предикция в отношении выбора следующих стратегий диадического копинга: информирование партнера о личном стрессе ($R = 0,63$ $R^2 = 0,39$, $F = 5,51$ $p = 0,02$), поддерживающий диадический копинг субъекта ($R = 0,79$ $R^2 = 0,62$, $F = 5,60$ $p = 0,02$), делегированный диадический копинг субъекта ($R = 0,44$ $R^2 = 0,20$, $F = 6,46$ $p = 0,01$), негативный диадический копинг субъекта ($R = 0,80$ $R^2 = 0,64$, $F = 5,06$ $p = 0,03$), общий диадический копинг ($R = 0,80$ $R^2 = 0,64$, $F = 7,16$ $p = 0,01$). Предикторами выступили такие переменные: уважение к партнеру, диадическая согласованность, сплоченность, близость, ролевая позиция при обмене нематериальными ресурсами, интенсивность намерений и ожиданий, ценности: гедонизм, достижения, личная и общественная безопасность, чувство долга/благожелательность, толерантность, скромность. При этом уважение, сплоченность, близость, супружеская согласованность, ролевая позиция при обмене нематериальными ресурсами, интенсивность намерений, ценности, толерантность, гедонизм, чувство долга / благожелательность, личная безопасность вносят положительный вклад в предикцию продуктивных диадических стратегий и совместных усилий. Интенсивность ожиданий, достижения, такие ценности как скромность и общественная безопасность вносят отрицательный вклад в предикцию продуктивных диадических стратегий и усиливают выбор непродуктивных.

Таким образом, гипотеза подтвердилась полностью. На выбор диадических копинг-стратегий и совместных усилий в ситуации стресса, воздействующего на одного из партнеров или диаду в целом, оказывает влияние совокупность предикторов: установки и ценности личности, уважение и близость в отношениях, а также согласованность позиций и сплоченность в отношениях.

Индивидуально-психологические особенности совладания с утратой романтического партнера

Утрата, смерть романтического партнера, развод, горевание

Утрата романтического партнера – событие, оказывающее значительное влияние на человека: его состояние, восприятие будущего, систему отношений с другими людьми и пр. Актуальным является как изучение особенностей совладания с утратой, так и сравнительный анализ переживания и совладания с утратой в ситуациях смерти романтического партнера и развода/расставания [1].

В связи с чем было проведено исследование, целью которого явилось изучение индивидуально-психологических особенностей совладания с утратой романтического партнера. Задачи исследования включали в себя сравнительный анализ выраженности феминности и маскулинности, клинико-психологических особенностей и особенностей совладания у лиц, переживающих утрату романтического партнера вследствие смерти или развода/расставания на различных сроках горевания. Также были изучены взаимосвязи данных характеристик внутри групп лиц, не отличающихся по типу и давности утраты. Исследование одобрено Этическим комитетом СПбПО.

Были использованы следующие методы: авторские скрининг- и полуструктурированное интервью; методика «Опросник полоролевой идентичности С. Бем (BSRI)» (Bem S., 1981; адаптация Лопуховой О.Г., 2013), «Тест-опросник «Стратегии совладающего поведения» (Вассерман Л.И. и др., 2009), «Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90)» (Derogatis L.R., 1977; адаптация Тарабриной Н.В., 2001), «Опросник повседневной жизни утратившего (IDBL)» (Caserta M.S., Lund D.A., 2007; адаптация Marcon O., 2020). Критериями формирования выборки являлись: совершеннолетие, цисгендерность, отсутствие беременности на момент исследования, отсутствие учета в психоневрологических диспансерах, наличие опыта утраты (смерти или развода) романтического партнера давностью от 2,5 месяцев до года. В исследовании приняло участие 30 человек (14 – смерть, 16 – развод; ср. возраст – 24,5 года). Респонденты были распределены на 4 группы в зависимости от типа (смерть или развод) и давности (2,5–3,5 месяца или год) утраты.

При сравнении групп лиц, давность утраты которых составила 2,5–3,5 месяца, было выявлено, что совладание, ориентированное на утрату, значимо более выражено у лиц, столкнувшихся со смертью, по сравнению с лицами, прошедшими через развод/расставание ($p = 0,028$). Других статистически достоверных различий в предпочитаемых способах совладания при сравнении групп не обнаружено. В отношении выраженности психопатологической симптоматики также не было выявлено статистически достоверных различий между группами. Однако различались потенциальные причины дистресса: в случае смерти романтического партнера респонденты чаще сообщали о переживаниях, напрямую связанных с фактом утраты («тоска, грусть», «вина», «одиночество», «страх», «апатия, недостаток сил», «переживания в связи с рухнувшими совместными планами», «потеря смысла»), тогда как в ситуации развода/расставания на первый план выходили переживания, вызванные вторичными по отношению к факту утраты стрессорами («вопросы, связанные со здоровьем и физическим состоянием»; «обеспокоенность будущими романтическими отношениями с другими партнерами»; «вопросы, связанные с работой и/или учебой»).

Были обнаружены следующие тенденции: совладание, ориентированное на восстановление, связано с меньшей выраженностью феминности ($r = -0,402$, $p = 0,028$), а также большей склонностью использовать копинг-стратегию «положительная переоценка» ($r = 0,686$, $p = 0,041$); совладание, ориентированное на утрату, связано с меньшей выраженностью маскулинности ($r = -0,434$, $p = 0,017$), а также большей склонностью использовать копинг-стратегию «принятие ответственности» ($r = 0,493$, $p = 0,006$).

Таким образом, был выявлен ряд особенностей переживания и совладания с утратой, обуславливаемых как типом утраты, так и личностными особенностями утратившего, который требует дальнейшего более подробного изучения.

1. Klurfeld Z.B. et al. Comparing the nature of grief and growth in bereaved, divorced, and unemployed individuals // *Journal of Affective Disorders*. – 2020. – Vol. 274. – P. 1126–1133.

Предикторы особенностей личности и психического здоровья у жертв буллинга

Буллинг, кибербуллинг, психическое здоровье, виктимизация

Буллинг/кибербуллинг относят к травматическим ситуациям, которые приводят к развитию ПТСР, депрессивным и тревожным расстройствам, а также повышению рисков суицидального и аддиктивного поведения у жертв травли (Espelage et al., 2016). Однако буллинг способствует формированию определенного типа личности, обуславливает его социальное и психологическое функционирование в будущем.

Целью исследования стало изучение долгосрочных последствий для формирования личности и психического здоровья у жертв буллинга.

В исследовании участвовало 135 участников буллинга в возрасте 17-30 лет, из которых 61 человек (23 юноши и 38 девушек) стали «жертвами» травли.

Методы. «Illinois Bully Scale» (Espelage), «Cyberbullying and Online Aggression Survey» (Hinduja, Patchin.), Trier Personality Questionnaire (Becker, Minsel), Ways of Coping Questionnaire (Lazarus & Folkman), Опросник ранних дезадаптивных схем (J. Young), Опросник режимов работы схем (J. Young), Опросник Ранних Позитивных схем (John Philipp Louis), Childhood Trauma Questionnaire (Bernstein et al).

В результате *регрессионного анализа* у жертв буллинга были обнаружены следующие предикторы:

Предикторами их *поведенческого контроля* стал низкий уровень проявления физической агрессии по отношению к другим ($R^2 = 0,123$; $\beta = -0,526$). Из копинг-стратегий ($R^2 = 0,477$) стали Планирование решения проблемы ($\beta = 0,830$) при отсутствии Поиска социальной поддержки ($\beta = -0,629$) и Положительной переоценки ($\beta = -0,567$), из ранних позитивных схем ($R^2 = 0,236$) – Здоровый самоконтроль ($\beta = 0,486$) при отсутствии Эмоциональной открытости ($\beta = -0,374$), из дезадаптивных схем ($R^2 = 0,543$) – Подавленность эмоций ($\beta = 0,352$) и Придирчивость ($\beta = 0,284$), из режимов функционирования дезадаптивных схем ($R^2 = 0,231$) – Требовательный родитель ($\beta = 0,175$) при несформированном режиме Импульсивный ребёнок ($\beta = -0,255$).

Хорошим психическим здоровьем обладали те, кто имел низкие уровни физической агрессии ($R^2 = 0,183$; $\beta = -0,417$) и кибервиктимизации ($R^2 = 0,114$; $\beta = -0,210$). Предикторами из стратегий ($R^2 = 0,528$) стали Планирование решения проблем ($\beta = 0,479$) при редком использовании стратегий Избегания ($\beta = -0,734$), а также отсутствия Эмоционального пренебрежения в детстве ($R^2 = 0,214$; $\beta = -0,295$). Предикторами из позитивных схем ($R^2 = 0,229$; $\beta = 0,432$) – Стабильная привязанность, из дезадаптивных схем ($R^2 = 0,425$) стали несформированные Дефективность ($\beta = -0,342$) и Покинутость ($\beta = -0,223$), а из режимов ($R^2 = 0,526$) – Счастливый ребёнок ($\beta = 0,262$) при отсутствии Сердитого ребёнка ($\beta = -0,192$).

Предикторами *наполненности жизни чувствами и смыслом* стал низкий уровень виктимизации как в ситуациях буллинга ($R^2 = 0,104$; $\beta = -0,199$), так и кибербуллинга ($R^2 = 0,031$; $\beta = -0,105$), из стратегий ($R^2 = 0,314$; $\beta = 0,332$) – Положительная переоценка, из детских травм ($R^2 = 0,042$; $\beta = 0,210$) – Эмоциональное пренебрежение, из позитивных схем ($R^2 = 0,604$) – Эмоциональная открытость ($\beta = 0,325$) и Эмпатия ($\beta = 0,271$), из дезадаптивных ($R^2 = 0,434$) – несформированность Зависимости ($\beta = -0,255$) и Недостаток самоконтроля ($\beta = -0,367$), из режимов функционирования ($R^2 = 0,365$; $\beta = 0,223$) – Счастливый ребёнок.

Предикторами *экспансивности* стали низкий уровень физической агрессии в буллинге ($R^2 = 0,098$; $\beta = -0,398$), из стратегий ($R^2 = 0,385$) – Конфронтация ($\beta = 0,543$) при отсутствии Принятия ответственности ($\beta = -0,277$), из позитивных схем ($R^2 = 0,183$; $\beta = 0,383$) – Здоровые границы, из дезадаптивных схем ($R^2 = 0,443$) – Придирчивость ($\beta = 0,376$) при отсутствии Поиска одобрения ($\beta = -0,244$) и Зависимости ($\beta = -0,202$), а из режимов ($R^2 = 0,373$; $\beta = 0,284$) – Требовательный родитель.

Формированию чувства самооценности способствовали стратегии ($R^2 = 0,357$), как Планирование решения проблем ($\beta = 0,412$), и Положительная переоценка ($\beta = 0,379$) при отсутствии Избегания ($\beta = -0,546$), а также отсутствие Эмоционального пренебрежения в детстве ($R^2 = 0,133$; $\beta = -0,244$).

Вывод. Предикторы особенностей личности и психического здоровья указывают на глубину виктимизации – сформированность специфических для «жертвы» дезадаптивных схем («Дефективность», «Неуспешность», «Покинутость», «Подавленность эмоций» и пр.) и «детских» режимов («Уязвимый ребёнок», «Сердитый ребёнок»), недостатком позитивных схем, использованием неконструктивных копинг-стратегий и травматическими переживаниями детства (эмоциональное пренебрежение и физическое насилие).

Стратегии совладающего поведения студенческой молодежи с различными личностными особенностями, проживающей в условиях постоянной витальной угрозы

Стратегии совладания, психические защиты, витальная угроза, студенческая молодежь

Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих негативное влияние на психическое состояние, качество жизни и благополучие людей, проживающих в новых регионах РФ, являются условия постоянной витальной угрозы. Они затрагивают тех, кто учится, работает или живет в зоне боевых действий, попал под артобстрел, был свидетелем ранения или гибели людей, разрушения домов. Условия угрозы жизни являются экстремальными по сути воздействия на психику человека. Это определило цель данной работы: изучить стратегии совладания, которые предпочитают студенты с различными личностными особенностями, проживающие в условиях постоянной угрозы жизни.

Теоретической основой исследования являются транзакционная модель стресса Р. Лазаруса, С. Фолкмана; подход к преодолевающему поведению Л.И. Анцыферовой [1]; теории влияния экстремальных и кризисных ситуаций на психику и личность человека (Н.Ш. Магомед-Эминов, Г.У. Солдатова, Н.В. Тарабрина) [2].

Методы исследования: опросник «Способы совладающего поведения» (WCQ) Р. Лазаруса в адаптации НИПНИ; опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI) Р. Плутчика в адаптации НИПНИ; методика диагностики самооценки личности С.А. Будасси; тест структуры интеллекта Амтхауэра (IST); Личностный опросник ЕРІ Г. Айзенка; опросник акцентуаций характера Леонгарда-Шмишека в адаптации Ю.В. Кортневой; математико-статистические методы: факторный анализ (IBM SPSS Statistics 26). Выборку исследования составили 110 студентов в возрасте 19–23 лет различных направлений подготовки, постоянно проживающие в зоне проведения специальной военной операции (прифронтовые города и районы ДНР).

Результаты исследования показали, что существуют закономерности предпочтения тех или иных стратегий совладающего поведения студентами. Наиболее распространенными стратегиями в выборке испытуемых являются бегство (51,7% выборки), дистанцирование (43,1%), положительная переоценка (32,7%), конфронтация (31%). Среди защитных механизмов личности высокую напряженность имеют: компенсация (71,8%), регрессия (60,2%), замещение (46,6%), отрицание (43,7%).

Студенты, предпочитающие стратегии принятия ответственности и поиска социальной поддержки отличаются более высоким нейротизмом, педантической, тревожной и эмотивной акцентуацией, а также напряженностью регрессии. Среди предпочитающих планирование решения проблем, положительную переоценку и конфронтацию преобладают люди с высокой самооценкой, гипертимической акцентуацией, менее использующие психические защиты.

Лица, у которых преобладают стратегии самоконтроля, дистанцирования и бегства, отличаются напряженностью интеллектуализации, имеют педантическую и дистимную акцентуации. Стратегии положительной переоценки и бегства преобладают у студентов с экзальтированной акцентуацией, использующих механизмы регрессии, компенсации и интеллектуализации.

Стратегии конфронтации и бегства выражены одновременно у лиц с более низкой самооценкой, напряженностью механизмов регрессии и замещения, высоким нейротизмом, циклотимной акцентуацией, низким пространственным интеллектом. Выделена группа студентов, у которых отсутствуют выраженные копинг-стратегии, но преобладают напряженные защитные механизмы компенсации, проекции и реактивного образования. Они более интровертированы, имеют застревающую, тревожную и экзальтированную акцентуации.

Данные исследования могут быть полезны для психологической работы с указанной категорией лиц.

1. Анцыферова Л.И. Человек перед лицом жизни и смерти // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики: Сб. статей / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. – М.: ИП РАН, 1997. – С. 45–54.
2. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О., Зеленова М.Е., Агарков В.А., Миско Е.А. Психологические характеристики лиц, переживших военный стресс // Труды ИП РАН. – М., 1997. – С. 114–119.

Адаптация шкалы жестокого обращения в партнерских отношениях для взрослых, пострадавших от домашнего насилия

Жестокое обращение в партнерских отношениях, виды партнерского насилия, русскоязычная адаптация методики

Введение. Проблемы насилия в супружеских и партнерских отношениях являются одними из самых обсуждаемых в обществе [1]. При этом почти полностью отсутствуют отечественные валидизированные инструменты для психодиагностики партнерского насилия, что ограничивает возможности научных исследований и оказания психологической помощи жертвам насилия. Для русскоязычной адаптации избрана Составная шкала жестокого обращения (CASR-SF) [2]. Методы адаптации CASR-SF включают прямой и обратный перевод, рассмотрение экспертной комиссией, коррекцию текста и предварительное тестирование.

На основе анализа и обобщения данных психологических исследований партнерского насилия выделены параметры критериальной валидации для подбора методик исследования. Кроме социально-демографической анкеты и CASR-SF, использовались Шкала воспринимаемого стресса (PSS-10), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (SWLS), Шкала Депрессии PHQ-9, Шкала оценки тревоги (GAD-7, ГТР-7), Шкала оценки отношений (Hendrick, 1988; О.А. Сычев, 2016), Международный опросник травмы (MOT, ITQ). Предполагалось, что жестокое обращение в партнерских отношениях положительно связано с депрессией, тревогой, с психологической травмированностью, с высоким стрессом и с низкой удовлетворенностью жизнью и отношениями.

В исследовании приняли участие 176 женщин от 18 до 65 лет. Средний возраст – 30,86 года. Исследование проводилось на добровольной основе в 2023 году с использованием Google формы на базе социальных сетей интернета. Опрос организовала психолог Красавина Мария Юрьевна.

Результаты. Большинство респонденток (61,8%) сталкивались с тем или иным видом насилия в партнерских отношениях. По распространенности различных видов жестокого обращения лидирует психологическое насилие (его доля – 49% из 100% общего насилия), на втором месте – физическое насилие (23%), на третьем – сексуализированное насилие (17%), преследование как форма жестокого обращения – на последнем месте по встречаемости (11%). Корреляционный анализ Спирмена выявил высокосвязные взаимосвязи жестокого обращения со всеми исследуемыми параметрами: положительная корреляция с показателями депрессии, тревожности, воспринимаемого стресса, ПТСР, КПТСР, а также отрицательные корреляции с удовлетворенностью жизнью и позитивной оценкой отношений.

Обсуждение и выводы. Проведенное исследование представляет собой реализацию первого этапа русскоязычной адаптации шкалы CASR-SF. Предварительное тестирование и когнитивное интервьюирование респонденток показало, что формулировки вопросов понятны и позволяют дифференцировать выборку по нужным параметрам. Корреляционный анализ доказал, что шкала CASR-SF удовлетворяет требованиям критериальной валидности. Планируется провести исследование на более масштабной выборке для создания окончательной русскоязычной версии шкалы CASR-SF.

1. Костромина С.Н., Гончаренко А.В. Переживание личностью опыта домашнего (партнерского) насилия // Консультативная психология и психотерапия. – 2023. – Т. 31, № 3. – С. 114–131. DOI: 10.17759/spp.2023310306
2. Руководство по стандартизации психодиагностического инструментария: требования и оценка качества: учебное пособие / М.Г. Сорокова, Е.Ю. Карданова, Н.П. Радчикова, В.В. Федоров; под ред. Сороковой М.Г. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 48 с.
3. Ford-Gilboe M., Wathen C.N., Varcoe C., MacMillan H. L., Scott-Storey K., Mantler T., Hegarty K. & Perrin N. Development of a brief measure of intimate partner violence experiences: the Composite Abuse Scale (Revised)-Short Form (CAS(R)-SF) // BMJ OPEN. – 2016. – № 6 (12). <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-012824>.

Взаимосвязь ранних дезадаптивных схем и склонности к созависимости в партнерских отношениях у девушек, переживших психотравмирующий опыт в детском и подростковом возрасте

Травмирующий опыт, ранние дезадаптивные схемы, склонность к созависимости

Проблема психологической травматизации активно изучается в последнее десятилетие. Особое внимание уделяется пережитому травматическому опыту в детском и подростковом возрасте и, как следствие, формированию ранних дезадаптивных схем (РДС). РДС формируют определенные паттерны поведения, имеющие тенденцию к повторению на протяжении жизни [1]. Они оказывают непосредственное влияние на дальнейшее отношение человека к себе, также, и к другим, в том числе к своему партнеру в любовных отношениях. Термин «созависимость» не имеет устоявшегося определения, поэтому в нашем исследовании мы обращаем внимание на определение созависимости по Спенн-Фишер, «как дисфункционального паттерна взаимоотношений с партнером с крайней сосредоточенностью вне себя; как устойчивого состояния зависимости от форм поведения, и от мнения других людей, формирующееся при попытках человека обрести себя как личность».

Цель проведенного исследования – изучение взаимосвязи ранних дезадаптивных схем и склонности к созависимости в партнерских отношениях у девушек, имеющих травматический опыт в детском и подростковой возрасте. В исследовании приняли участие 60 девушек в возрасте от 18 до 24 лет: первую группу составили 30 девушек, состоящих в отношениях, у которых выявилась склонность к созависимости; вторую группу составили 30 девушек, состоящих в партнёрских отношениях, без выявленной склонности к созависимости. Насильственное воздействие в группе девушек, склонных к созависимости, имело циклически, систематически повторяющийся характер. Использованы следующие методики: шкала созависимости Спенн-Фишер, международный ретроспективный опросник ICAST-R; шкала оценки отношений С. Хендрик; YSQ-S3R Jeffrey Young для диагностики ранних дезадаптивных схем.

По результатам проведенного исследования удалось выявить типичные РДС и их связь со склонностью к созависимости в отношениях и удовлетворенностью ими. В группе девушек с выявленной склонностью к созависимости и психотравмирующим опытом в детском и подростковом возрасте показатель удовлетворенности отношениями отрицательно взаимосвязан с РДС «Зависимость – беспомощность» ($-0,319$), что может свидетельствовать о том, что, чем меньше девушки удовлетворены отношениями, тем с большей вероятностью они проявляют собственную беспомощность и зависимость от партнера. Показатель склонности к созависимости взаимосвязан с РДС: эмоциональной депривированностью ($0,514$), покинутостью-нестабильностью ($0,600$), с социальной отчужденностью ($0,638$), с самопожертвованием ($0,389$); показатель склонности к созависимости отрицательно взаимосвязан с привилегированностью и грандиозностью ($-0,335$). Показатель удовлетворенности отношениями был отрицательно взаимосвязан с зависимостью и беспомощностью ($-0,319$) и с поиском одобрения ($-0,345$). У девушек, с выявленной склонностью к созависимости и имеющих травмирующий опыт в детском и подростковом возрасте, обнаружено формирование следующих ранних дезадаптивных схем: «зависимость-беспомощность», «поиск одобрения», «эмоциональная депривированность», «покинутость-нестабильность», «социальная отчужденность», «самопожертвование».

Паттерны поведения, отражающиеся в этих РДС, имеют взаимосвязь со склонностью к созависимости в партнерских отношениях. Это исследование объясняет одну из возможных причинно-следственных связей в проблеме феномена созависимости.

1. Трусова А.Д. Взаимосвязь психопатологических симптомов и ранних дезадаптивных схем у людей, переживших насилие в детском и подростковом возрасте // Ананьевские чтения-2021. – СПб.: Скифия-принт, 2021. – С. 533–534.

Отношение к смерти и аутоагрессии у подростков и их влияние на суицидальное и самоповреждающее поведение

Суицидальное поведение, самоповреждающее поведение, подростки, профилактика

Проблема суицидального и самоповреждающего поведения в подростковой среде является крайне актуальной на сегодняшний день. Самоубийство занимает одну из лидирующих позиций среди причин смерти несовершеннолетних, а количество завершённых суицидов стремительно растёт из года в год [5]. Одним из факторов такого широкого распространения является репрезентация в массовой культуре суицидального и самоповреждающего поведения в позитивном ключе.

Романтизация смерти в общемировой культуре получила популярность благодаря литературе XVIII-XIX века. Такие направления, как романтизм, готическая литература, декадентство и другие включали в себя творческие размышления о смерти и описывали ее акты как нечто прекрасное и возвышенное.

В XX веке интерес к смерти стал еще более выраженным благодаря кинематографу, в частности таким фильмам, как «Клуб самоубийц», «Заводной апельсин» и другим, в которых герои совершают самоубийство или стремятся к нему. Кроме того, многие музыкальные исполнители второй половины XX века использовали образы смерти в своих текстах и музыкальных видеоклипах. Пика эта тенденция достигла в первом десятилетии XXI века в момент расцвета подростковых субкультур и соответствующих им направлений в популярных видах искусства, которые пропагандировали самоповреждения и суицид.

Сегодня романтизация смерти продолжает оставаться распространенной темой в массовой культуре. Например, в социальных сетях можно найти множество сообществ, посвященных самоубийству, самоповреждающему поведению и эвтаназии, основной аудиторией которых являются подростки.

Современные исследования, рассматривающие отношение подростков к смерти и аутоагрессии, показывают отличия для младшего подросткового возраста и старшего подросткового возраста, а также ряд отличий у нормативных подростков и подростков с дезадаптивным поведением в их когнитивной оценке идеи смерти [1–4]. Однако сами эти отличия не являются предиктором суицидального и самоповреждающего поведения, а скорее, указывают на необходимость проведения масштабных исследований в нашей стране, на основе результатов которых будет возможна разработка эффективных программ профилактики суицидов и самоповреждений в среде подростков с учетом актуальных тенденций в оценке суицидальных и самотравмирующих актов представителями указанной возрастной группы.

На сегодняшний день реализуется официальная программа Правительства РФ, направленная на профилактику суицидов среди несовершеннолетних, включающая информирование и психологическое просвещение детей и родителей, оказание психологической помощи, а также блокировку интернет-ресурсов, распространяющих призывы к суициду и пропагандирующих насилие и иные деструктивные формы поведения.

Несмотря на имеющиеся результаты уже проведенных исследований, а также существующие программы профилактики, количество суицидов среди подростков продолжает расти, что указывает на недостаточную эффективность проводимых мероприятий и необходимость активного продолжения их разработки, внедрения и совершенствования.

1. Григорьева А.А. Экзистенциальные основы суицидального и самоповреждающего поведения подростков [Текст] / А.А. Григорьева // Вестник психотерапии. – 2020. – № 73. – С. 67–76.
2. Григорьева А.А. Особенности экзистенциальных переживаний у подростков с аутоагрессивным поведением [Текст] / А.А. Григорьева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9, № 1А. – С. 38–44.
3. Жукова Н.Ю. Взаимосвязь отношения к смерти и склонности к саморазрушающему поведению у подростков [Текст] / Н.Ю. Жукова // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 27–33.
4. Теоретический анализ современных исследований развития представлений о смерти в подростковом возрасте [Текст] / Л.Е. Усова, А.А. Григорьева // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2023. – № 2 (16). – С. 94–106.
5. Причины суицидов у подростков (обзор литературы) [Текст] / Е.Н. Примышева, Л.А. Макарова, И.Е. Макарова // Таврический журнал психиатрии. – 2017. – Т. 21, № 4 (81). – С. 11–14.

Травматические переживания у детей с последствиями термических повреждений

Термические повреждения, дети, травматические переживания

Реалии современного мира свидетельствуют об увеличении частоты и масштабов катастроф и несчастных случаев с большим количеством пострадавших от ожогов. В качестве пострадавших с термическими повреждениями часто оказываются дети. Тяжелым последствием термической травмы часто является ожоговая болезнь, сопровождающаяся нарушением функций важных органов и систем организма. А в качестве отдаленных последствий наблюдаются послеожоговые изменения кожи, суставов, нарушение двигательных функций и внешности. Такие нарушения сопровождаются мощными негативными переживаниями, создают для личности пострадавшего особую социальную ситуацию развития. Целью данного исследования является изучение переживаний травматического характера у детей с последствиями термических повреждений. В исследовании приняли участие пациенты травматологического профиля детской хирургической клиники и их здоровые сверстники возраста 10–16 лет. Причиной термических повреждений были термические, химические ожоги, электроожоги. С момента несчастного случая у пострадавших прошло не менее 2 лет. У обследованных пациентов хирургического стационара наблюдались послеожоговые рубцы в области лица, шеи, туловища и конечностей. В момент обследования дети с тяжелыми последствиями ожоговых травм находились на этапе подготовки к операции по поводу коррекции рубцовых изменений кожи и суставов. В качестве контрольной группы были обследованы школьники, не имеющих в медицинском анамнезе тяжелых хронических заболеваний, ожоговых или других тяжелых физических травм. Было проведено сравнительное исследование событий травматического характера и выраженности травматических переживаний, характер агрессивных и эмоциональных реакций в ситуации фрустрации, а также особенности эмоционального отношения к ситуации лечения у травмированных и условно здоровых детей. Для этой цели были использованы: полуструктурированное интервью для оценки травматических переживаний детей (ПВППСД) (Н.В. Тарабриной и др.), тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга (детский вариант), опросник А. Басса и А. Дарки, методика «Незаконченные предложения» В.Е. Кагана, И.К. Шаца. Результаты, полученные с помощью психодиагностических методик, дополнялись данными беседы с детьми, их родителями, медицинским персоналом, изучались медицинские документы. Были получены следующие результаты.

Дети с отдаленными последствиями термических травм отличаются от своих сверстников без опыта тяжелых физических повреждений наличием в жизни событий травматического характера и выраженных симптомов посттравматического стресса. У детей с последствиями ожоговых травм выявлены переживания травматического характера, связанные с эмоциональной составляющей отношения к своему заболеванию и ситуации лечения. Негативное эмоциональное отношение к физическому недостатку и мероприятиям сложного восстановительного лечения может выступать в качестве предиктора в развитии посттравматического стресса у детей с последствиями термических повреждений. Эмоциональное поведение в ситуации фрустрации школьников с последствиями ожоговых травм характеризуется неумением эмоционально отвлечься от фрустратора, трудностями в конструктивном разрешении конфликта, склонности к принятию вины на себя. У подростков без травматического опыта в большей степени выражены проявления агрессивности, чем у подростков с последствиями травм. У подростков с последствиями ожоговых травм наблюдается склонность к негативизму. Жизненная ситуация развития детей с последствиями ожоговых травм насыщена травматическими событиями, которые, наслаиваясь друг на друга, влияют на естественный ход развития эмоциональной сферы. Конкретное содержание эмоциональных переживаний детей с последствиями ожоговых травм необходимо учитывать при проведении мероприятий комплексной медико-психологической реабилитации пострадавших.

Особенности и коррекция психологических изменений у специалистов МЧС России, связанных с профессиональной деятельностью и последствиями перенесенного заболевания COVID-19

Специалисты МЧС России, плановый скрининг, мониторинговое психодиагностическое обследование, психологические изменения

Профессиональная деятельность специалистов МЧС России связана не только с физическими и эмоциональными нагрузками, но и с воздействием стресс-факторов, что приводит к развитию неблагоприятных состояний (снижение работоспособности, длительное психологическое напряжение, утомление и т.д.). Все это определяет необходимость своевременного выявления негативных психологических проявлений у специалистов МЧС России с помощью планового скрининга или мониторингового психодиагностического обследования [1]. Данное обследование учитывает особые условия профессиональной деятельности и направлено на выявление существующих социально-психологических рисков, а также создает возможность получения своевременной информации о состоянии человека, его актуальных и потенциальных проблемах, прогнозирования дальнейших последствий выявленных изменений через изучение когнитивной, эмоциональной и психофизиологической сфер [2]. Плановый скрининг обязателен к проведению в МЧС России 1 раз в 2 года. Анализ психологических изменений у специалистов МЧС России в процессе выполнения профессиональной деятельности осуществляется по количеству и уровню выраженности изучаемых показателей, в результате чего выставляется одна из групп: 1 группа – «состояние, не требующее коррекции» (адаптационные возможности организма не снижены; отмечается незначительное снижение свойств внимания и памяти; возможны незначительные проявления снижения работоспособности); 2 группа – «психологическая профилактика» (адаптационные возможности либо снижены незначительно, либо снижаются в значимых для человека ситуациях; умеренно снижены свойства внимания и памяти; более выражены проявления раздражительности в значимых ситуациях; нарастают функциональные изменения со стороны систем организма после переживаний; заметно снижается работоспособность и быстродействие); 3 группа – «психологическая коррекция» (адаптационные возможности организма снижены и, в некоторых случаях, могут быть восстановлены при помощи специализированных коррекционных мероприятий; отмечаются существенные изменения свойств внимания и памяти; нарастает выраженность агрессивных реакций и эмоциональных проявлений, вплоть до негативных последствий в межличностных отношениях; усугубляются функциональные изменения со стороны систем организма в результате переживаний; значительно снижена работоспособность). Со специалистами МЧС России, получившими 3 группу, проводится курс коррекционных мероприятий, содержание и направленность которого зависит от выявленных психологических изменений: 1) программа коррекции памяти, внимания и других познавательных процессов; 2) программа коррекции психосоматических проявлений и состояний, связанных с работой вегетативной нервной системы; 3) программа коррекции состояний, связанных с наличием тревожных и депрессивных состояний; 4) программа коррекции состояний, связанных с проявлением эмоционального выгорания; 5) программа коррекции и оптимизации функционального состояния.

Программы подбираются и адаптируются под каждого человека в зависимости от психологических особенностей и актуального состояния специалиста МЧС России.

Оценка психологических последствий COVID-19 осуществлялась при помощи психодиагностических методик, направленных на изучение памяти и выявление тревоги и депрессии, а также анкеты для сбора информации о факте заболевания и симптомах. Сравнительный анализ результатов (Манна-Уитни, SPSS Statistics V. 22) специалистов МЧС России, переболевших COVID-19 ($n = 5836$) и не болевших ($n = 14184$) показал, достоверность различий ($p \leq 0,05$) по эмоциональной сфере (шкалы тревоги и депрессии). Статистически значимых результатов по изменениям свойств памяти не выявлено. В связи с этим, можно предположить, что COVID-19 может оказывать влияние, в большей степени, на эмоциональное состояние, чем на когнитивную сферу. Кроме того, можно отметить, что чем тяжелее перенесен COVID-19, тем более существенные изменения ощущаются.

1. Тарасова А.А., Казакова И.А. Изучение индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей личности в рамках психодиагностических мероприятий в системе МЧС России / II Всероссийский съезд психологов силовых структур РФ: Сборник материалов ФКУ ЦЭПП МЧС России, 2016. – С. 165–176.
2. Тарасова А.А., Шойгу Ю.С., Цыбуля В.И. Критерии оценки результатов мониторингового психодиагностического обследования в системе МЧС России // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 3 (43). – С. 63–86.

Специфика переживания военной угрозы и ее когнитивной оценки у молодежи в зависимости от пола и статуса близких отношений

Военная угроза, переживание, когнитивная оценка, молодежь

Психологическое состояние российского общества находится в фокусе внимания современных исследователей (П.А. Сорокин, 1992; А.В. Юревич, Д.В. Ушаков, 2013; А.Н. Лебедев, 2018; Т. Нестик, 2023). Ученые отмечают ряд негативных тенденций в динамике состояния общества за последние два десятилетия [3]. Многократное снижение доходов населения, психоэмоциональное напряжение в семьях, кардинальное изменение ценностей, снижение безопасности привело к тому, что психологическое состояние населения России изменилось сначала в сторону повышенной тревожности, а затем перешло в состояние длительно действующего эмоционального стресса, переходящего в состояние глубокой депрессии [2]. На фоне новых вызовов и угроз на макросоциальном уровне (эпидемии, СВО) интерес к нему стал еще более живым. Особую актуальность приобретает вопрос переживания военной угрозы и его влияния на жизнеспособность молодежи и решения ими возрастных и социальных задач.

Проблема исследования: какова специфика переживания военной угрозы и ее когнитивной оценки у молодежи в зависимости от пола и статуса близких отношений? Методический комплекс: семантический дифференциал «Оценка экстремального события» Т.В. Парфёновой, Шкала переживания военной угрозы К.В. Карпинского [1]. База исследования: 571 человек (11,2% мужской, 88,8% женский пол), $M = 20,7$, $SD = 4,02$ (разброс от 17 до 39). По статусу отношений: 236 человек состоят в романтических отношениях, 58 – в браке, 276 – не имеют постоянного партнера. По региону проживания: представители 11 городов первого (ЛНР, ДНР), второго (Белгород, Воронеж) и третьего (Санкт-Петербург, Ярославль, Иваново, Кострома, Комсомольск-на-Амуре и др.) кругов близости к СВО.

Женщины отличаются значимо более высоким уровнем военной тревоги ($U = 12079,5$, $p = 0,001$). Их восприятие ситуации СВО отличается негативным эмоциональным фоном ($U = 13069$, $p = 0,01$), ситуация оценивается как неопределенная ($U = 13066$, $p = 0,009$). При этом женщины придают ей высокую субъективную значимость ($U = 12802$, $p = 0,006$). Возможно, придание личностного, социального смысла ситуации позволяет совладать с потенциальной утратой, разлукой и сопутствующими трудностями, прогнозируемыми психологическими рисками. Мужчины воспринимают ситуацию СВО не так остро, видят ее как определенную, не наделяют ее высокой субъективной значимостью. Анализ связей показал, что в группе женщин военная тревога понижается, при оценке события как гуманного ($r = -0,17$, $p \leq 0,01$), и наоборот, повышается при восприятии СВО как эмоционально негативной ($r = -0,22$, $p \leq 0,01$), масштабной ($r = 0,12$, $p \leq 0,01$), экстремальной ($r = 0,16$, $p \leq 0,01$) и длительной ($r = 0,14$, $p \leq 0,01$) ситуации. В выборке мужчин военная тревога связана только со шкалой «субъективная значимость – незначимость события» ($r = -0,4$, $p \leq 0,01$). Тревога ниже при оценке ситуации СВО как лично незначимой, при низком уровне ее осмысления, что может расцениваться как работа механизмов психологической защиты.

Показатели по упреждающей адаптации, переживанию военной угрозы, военной тревоге, антиципации войны значимо превалируют в группах респондентов, имеющих супруга или романтического партнера. Наименее остро переживают военную угрозу люди, не состоящие в близких отношениях ($p \leq 0,001$).

Таким образом, молодые женщины, особенно находящиеся в официальном браке, наиболее остро переживают военную угрозу и воспринимают контекст СВО как субъективно значимый, небезопасный, неопределенный, затрудняющий нормальное функционирование и требующий сверхнормативных ресурсов для адаптации. Таким образом, именно данная категория является наиболее уязвимой в данном контексте и нуждается в продуманной психологической помощи и социальной поддержке.

1. Карпинский К.В. Современные методы психологической диагностики / К.В. Карпинский, А.М. Кольшко, Т.В. Парфёнова; под ред К.В. Карпинского. – Гродно: ГрГУ, 2022. – С. 314–340.
2. Нестик Т.А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 5–22.
3. Штемберг А.С. Социальный стресс и психологическое состояние населения России. Часть 1. Общественно-политические процессы, формирующие социальный стресс // Пространство и Время. – 2014. – № 1 (15). – С. 187–195.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях “новых войн”» (№ FZEW-2023-0003).

Субъективная витальность и жизнестойкость как личностные ресурсы совладания с травмирующей ситуацией у онкологических пациентов

Посттравматический рост, онкология, жизнестойкость, субъективная витальность

Онкологическое заболевание является одной из ведущих причин смертности во всем мире. Только в 2021 году рак стал причиной каждой шестой смерти в нашей стране. Высокая распространенность и возможность летального исхода несут угрозу психотравматизации для пациентов [1]. Среди личностных ресурсов совладания с травматическим опытом в данной работе будут рассмотрены субъективная витальность и жизнестойкость. Показателем успешного совладания выступает уровень посттравматического роста.

Цель исследования – изучение субъективной витальности и жизнестойкости онкологических пациентов с разным уровнем посттравматического роста (ПТР). В исследовании приняли участие 73 пациента с онкологическими заболеваниями желудочно-кишечного тракта, среди которых 41 женщина и 32 мужчины в возрасте от 29 до 52 лет, время от постановки диагноза 9–14 месяцев. Для достижения поставленной цели использовались «Опросник посттравматического роста» в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова для формирования групп, «Шкала субъективной витальности SVS» в адаптации Л.А. Александровой, «Тест жизнестойкости» в адаптации Леонтьева и Рассказовой. Для обработки данных использовался критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты. В ходе исследования все пациенты подразделены на 3 группы в зависимости от выраженности посттравматического роста. Первую группу составили 23 человека с низким уровнем ПТР, вторую группу – 30 человек со средним уровнем ПТР, третью группу – 20 человек с высоким уровнем посттравматического роста.

Выявлены статистически значимые отличия между группами пациентов по следующим шкалам «жизнестойкость» ($N = 8,21, p \leq 0,01$), «вовлеченность» ($N = 12,54, p \leq 0,01$), «шкала субъективной диспозиционной витальности» ($N = 13,59, p \leq 0,01$). Полученные данные свидетельствуют о том, что для пациентов трех групп свойственны различный уровень жизненной энергии, показатели общего внутреннего напряжения в стрессовой ситуации, а также способность получать удовольствие и быть заинтересованным в собственной деятельности. По шкалам «шкала субъективной витальности как состояния» ($N = 4,32, p \leq 0,01$), «принятие риска» ($N = 2,14, p \leq 0,01$), «контроль» ($N = 2,9, p \leq 0,01$) различий не выявлено. Для всех пациентов характерны умеренные показатели по субъективной витальности как состояния, средние показатели «контроля», низкие показатели «принятия риска», т.е. вне зависимости от уровня посттравматического роста, пациенты предпринимают попытки борьбы с травмирующей ситуацией, но не готовы действовать в отсутствие или при отсутствии надежных гарантий успеха и без поддерживающего окружения.

В ходе корреляционного анализа выявлено, что уровень «субъективной диспозиционной витальности» взаимосвязан с уровнем посттравматического роста ($r = 0,529, p \leq 0,05$). Субъективная диспозиционная витальность в каждой группе взаимосвязана с проявлениями жизнестойкости: в группе с низким уровнем ПТР выявлена положительная взаимосвязь с «принятием риска» ($r = 0,426, p \leq 0,05$); в группе со средним уровнем ПТР отрицательная взаимосвязь с «контролем» ($r = -0,641, p \leq 0,05$), в группе с высоким уровнем ПТР положительная взаимосвязь с общей шкалой «жизнестойкости» ($r = 0,572, p \leq 0,05$).

Выводы. Субъективная витальность и жизнестойкость, как личностные ресурсы, выступают значимыми факторами в процессе совладания с травмирующей ситуацией, предиктором личностных изменений и вследствие чего способствуют увеличению уровня посттравматического роста у онкологических пациентов.

1. Тарабрина Н.В. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Том 22. № 1. С. 40–63.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Александрова Е.Е., Костромина С.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Комментарий к исследованию содержания персональных мифов современного человека

Персональный миф, личность современного человека, смыслообразование

Персональный миф – процесс динамического смыслообразования, который реализуется в рассказе человека о себе. Не раз в научной психологической литературе он становился объектом сравнения с коллективным мифом в структурном и содержательном аспектах. Конструирование персональной истории подразумевает работу по упорядочиванию жизненных смыслов [1], в связи с чем актуальным становится вопрос изучения содержания персональных мифов современного человека. Данная работа является фрагментом более комплексного исследования взаимных содержательных и структурных соответствий между персональными и коллективными мифами.

Целью исследования стало выявление тем персональных мифов молодых людей, а также тем историй, закрепленных в культурном пространстве (сказочно-мифологических и авторских произведений) и оцениваемых респондентом как важных для него. Выборку составили 30 человек (15 мужчин и 15 женщин), средний возраст – 22,3 года ($SD = 3,26$).

Методом исследования выступило авторское полуструктурированное интервью, направленное на выявление знаковых историй респондентов. Для обработки полученных данных был применен контент-анализ и анализ частот.

В результате анализа текстов интервью были выявлены 6 категорий историй по ведущим темам: 1) личностные качества, 2) преодоление трудностей, 3) профессиональное развитие и материальный успех, 4) рефлексия, 5) необычные события 6) важный опыт.

Большая часть историй относится к категориям 1 (личностные качества) и 6 (важный опыт): 20% и 36,6% для персональных историй, 33,3% и 43,3% для сказочно-мифологических и 30% и 43,3% для авторских. На категорию 2 (преодоление трудностей) пришлось 16,7%, 13,3% и 16,7% соответственно, категорию 3 (профессиональное развитие и материальный успех) – 13,3%, 3,3% и 3,3%, категорию 4 (рефлексия) – 6,7%, 6,7% и 3,3%, категорию 5 (необычные события) – 6,7%, 0% и 3,3%. Стоит отметить, что указания на личностные качества или важный опыт, повлиявший на респондента, содержались во всех интервью: в историях, не отнесенных к этим категориям, они не имели первостепенное значение, однако также присутствовали.

В большинстве личных историй была упомянута приблизительная давность описываемых событий, что позволило выделить три категории по этому параметру: произошедшие в дошкольном возрасте или раньше (20%), произошедшие в юности или позже (63,3%), отдельную категорию составили истории-резюме, не отсылающие к определенному временному промежутку (17,6%). События, описываемые в историях людей, произошли за год до момента интервью или ранее. Большинство историй рассматривались и оценивались респондентами с позиции их значения в настоящем, в 26,7% из них присутствовало указание на различия между чувствами на момент описываемых событий и на момент интервью.

Таким образом, ключевой содержательный мотив как персональных, так и важных для респондента культурных историй имеет этиологический характер, отвечая на вопрос «кто я?» и «как я стал собой?». Это соотносится с распространенным представлением об объяснительном характере культурных мифов [2], что указывает на перспективность дальнейших исследований этого вопроса и описания взаимосвязей между коллективными и индивидуальными мифами. Давность событий, описанных респондентами, может быть связана с необходимостью глубокой личностной интеграции опыта, после которой история может восприниматься как знаковая, а специфика выделенных категорий давности может указывать на особую роль данных периодов в формировании персонального мифа.

Являясь комментарием к основному исследованию, данная работа позволяет конкретизировать исследовательские вопросы, направив фокус анализа не только на структурно-содержательный аспект персональной мифологии, но и на её функции, в том числе, в сравнении с представлениями о функциях коллективных мифологий.

1. Некрасова Е.В. Персональный миф как предмет психологического исследования // МНКО. – 2011. – № 6–2.
2. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира: энциклопедия / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энцикл., 2008.

Об умершем либо «хорошо», либо ничего: анализ феноменологических интервью переживших утрату значимого близкого человека

Утрата, значимый близкий, образ, феноменология

Образ значимого близкого – часть нашего собственного опыта, выражающая наше взаимодействие с человеком, который, вне зависимости от биологического родства и других объективных характеристик, внес наиболее значимый субъективный вклад в нашу жизнь [2, 4]. Динамичный процесс трансформации взаимодействия с воспоминаниями об умершем значимом человеке может говорить об особенностях переживания утраты и процессе ее принятия [3, 6].

Несмотря на большое количество работ по психологии утраты, очень немногие исследования посвящены изучению того, как меняется образ умершего значимого близкого в описаниях переживания утраты [1].

Настоящее исследование посвящено тому, как меняется образ значимого близкого в процессе переживания его безвозвратной утраты (смерти). Мы предположили, что в ситуации переживания утраты люди склонны к позитивной переоценке образа значимого близкого, в духе поговорки «О покойных либо хорошо, либо ничего». Также эта динамика может быть связана с переживанием экзистенциального одиночества.

В качестве метода исследования были использованы: полуструктурированное феноменологическое интервью, а также методика «Шкала экзистенциальной изоляции» Е. Пинель [7], изучающая то, насколько человек оказывается изолирован от других в попытке поделиться своими переживаниями.

В исследовании приняли участие 10 человек (6 женщин, 4 мужчин; $M = 23,5$ года), переживших утрату значимого близкого человека от полугода до 5 лет. Исследование проводилось в смешанном формате в один этап; все участники подписывали информированное согласие (протокол № 31 Этического комитета СПбПО от 18.04.2024).

Контент-анализ текстов интервью позволил выделить смысловые единицы (коды), сопряженные с временными маркерами: «настоящее», «прошлое», «утрата», которые далее были распределены в соответствии с тремя компонентами – аффективный, когнитивный, поведенческий.

Последующая обработка данных показала снижение частоты встречаемости аффективного ($F(1,8) = 13,87, p = 0,006$) и поведенческого компонентов ($F(1,8) = 32,95, p = 0,001$) в прошлом по отношению к настоящему в группах с выраженной экзистенциальной изоляцией и тех, кто набрал низкие баллы по этой шкале. Это свидетельствует о постепенном «принятии» потери и снижении проявления этих компонентов по отношению к образу умершего, что может быть связано с возрастом респондентов и сроком утраты, при этом динамика образа умершего значимого близкого не связана с выраженностью экзистенциальной изоляции.

При сравнении эмоциональной окрашенности упоминаний аффективного компонента были обнаружены значимые различия по количеству упоминаний положительных эмоций ($F(1,8) = 14,34, p = 0,005$). У респондентов, вне зависимости от степени выраженности экзистенциальной изоляции, значительно реже встречаются упоминания позитивного аффективного компонента в настоящем времени по сравнению с прошлым, что согласуется с выдвинутой нами гипотезой о том, что образ умершего значимого человека в прошлом наполняется большей позитивной окраской.

Понимание особенностей изменения образа умершего значимого близкого человека могут быть полезны для изучения динамики процесса утраты, а также практической работы с переживаниями людей, потерявших близких.

1. Абражевич О.В. Инновации в психологическом понимании проблемы утраты значимого Другого // *Инн. в науке.* – 2013. – № 27.
2. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Ин-т практической психологии, 1996.
3. Линдемман Э. Клиника острого горя / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер // *Психология эмоций.* – М.: МГУ, 1984.
4. Марков Б.В. *Философская антропология.* – СПб.: Лань, 1997.
5. Мишель У.; Шода Ю. Когнитивно-аффективная системная теория личности: переосмысление ситуаций, диспозиций, динамики и инвариантности в структуре личности // *Пси. обзор.* – 1995. – 102(2). – С. 246–268.
6. Черепанова Е.М. *Психологический стресс.* – М.: Академия, 1996.
7. Pinel E.C. et al. A prisoner of one's own mind: Identifying and understanding existential isolation // *Pers. and Ind. Diff.* – 2017. – Vol. 105. – P. 54–63.

Наиболее и наименее вероятные возможные Я: введение конструкторов

Возможные Я, наименее вероятное возможное Я, наиболее вероятное возможное Я, молодежь

Непостоянство и изменчивость мира ведет к усилению исследовательского интереса к области возможного, вероятного. В психологии подобное изучение разворачивается как исследование событий и явлений, представленных в субъективной реальности отдельного человека благодаря сознанию. Возможные Я как развиваемый конструкт психологии [3] позволяют описать возможные самоизменения личности с ее субъективной точки зрения. Введение конструкторов наиболее и наименее вероятного возможного Я позволяет уточнить в каждом случае соответствие возможного Я реальности, что дополняет традиционную оценку возможных Я по степени желательности.

Конструкторы были описаны в соответствии с разрабатываемой теоретической моделью исследования возможных Я. Под наиболее вероятным желаемым возможным Я понимается представление, которое в большей степени соответствует условиям окружающей реальности, характеризует цели и планы личности. Наиболее вероятное избегаемое возможное Я включает альтернативное представление возможного крушения надежд и планов. Наименее вероятное желаемое возможное Я есть своеобразное представление-мечта, то, что мало соответствует окружающим обстоятельствам, однако имеет высокую личностную значимость для человека. Наименее вероятное избегаемое возможное Я рассматривается как представление, отражающее вариант жизни, оцениваемый крайне негативно, при этом ему в настоящее время не видится предпосылок, но есть опасения, что они смогут возникнуть неконтролируемо.

Данные конструкторы были проверены эмпирически: мы предположили, что наименее вероятные возможные Я имеют меньшее значение личности, так как в меньшей степени соответствуют контексту жизненной ситуации.

В исследовании приняло участие 205 респондентов, 46 юношей и 159 девушек, средний возраст $19,05 + 0,77$ года. Респондентам предлагалась методика исследования возможных Я К. Хукер в переводе В.Ю. Костенко [1] в авторской модификации: предлагалось выписать столько возможных Я, сколько они имеют на данный момент времени, а после выделить из них наиболее вероятное и наименее вероятное, оценив их количественно по параметрам с использованием шкалы Ликерта. Данная инструкция предлагалась отдельно для желаемых и для избегаемых возможных Я. В качестве математико-статистического метода использовался критерий Вилкоксона.

Было получено, что по всем параметрам наименее вероятное желаемое возможное Я значимо уступает наиболее вероятному желаемому возможному Я. Все оценки значимо ниже ($P < 0,001$): меньшее сходство с собой в настоящем, меньше значимость достижения, ниже оценка вклада собственных усилий и независимых от личности обстоятельств в реализацию данного возможного Я, реже частота мыслей о нем и присутствие во внутреннем субъективном плане. В отличие от желаемых, для избегаемых возможных Я наблюдалось отсутствие различий между несколькими параметрами наиболее и наименее вероятных избегаемых возможных Я. Не было выявлено значимых отличий по параметрам значения нереализации возможного Я и субъектности возможного Я. Другие параметры наиболее вероятных избегаемых возможных Я оценивались выше, чем для наименее вероятных.

Частично полученные результаты согласуются с исследованием связи визуальной перспективы представлений о событиях и возможных Я: субъективная отдаленность приводила к нечеткости представлений [2].

Таким образом, более соответствующие реальности возможные Я (наиболее вероятные) обращают на себя большее внимание личности, оцениваются как более устойчивые во времени, при этом в отношении желаемых выше оценка собственных усилий в их реализацию.

1. Гришутина М.М., Костенко В.Ю. «Возможное и невозможное» Я»: уточнение конструкторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2019. – Т. 9, №. 3. – С. 268–279.
2. Hamilton J., Cole S. N. Imagining possible selves across time: Characteristics of self-images and episodic thoughts // *Conscious Cogn.* – 2017a. – Т. 52. – P. 9–20.
3. Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist.* – 1986. – Т. 41, № 9. – P. 954–969.

Временная перспектива и экзистенциальная исполненность студентов-психологов

Временная перспектива, экзистенциальная исполненность, студенты-психологи

Жизнь человека неоднозначна, разрознена, стремительно изменчива и уникальна. С древних времён ученые и психологи акцентируют внимание на различных аспектах восприятия жизни, отношении к ней, её оценки. В психологии одним из способов узнать субъективную оценку, индивидуальный уровень удовлетворённости ею является изучение экзистенциальной исполненности. Также жизнь немыслима без времени, время – это та мера, шкала, с помощью которой мы можем его охарактеризовать. В психологии время изучается через призму временной перспективы, представляющей собой индивидуальное отношение ко времени.

В данной статье целью исследования является изучение особенностей отношений временной перспективы и экзистенциальной исполненности.

Объект исследования: студенты-психологи.

Предмет исследования: влияние экзистенциальной исполненности на параметры временной перспективы.

Гипотеза: существует зависимость параметров временной перспективы от характеристик экзистенциальной исполненности.

В исследовании приняли участие 106 студентов-психологов в возрасте от 18 до 42 лет, всех ступеней образования.

В анкете респондентам предлагалось дать ответ на вопрос «Что наполняет Вашу жизнь?» с целью более глубокого изучения индивидуальных особенностей жизнедеятельности респондентов.

Ответы респондентов на вопрос «Что наполняет Вашу жизнь?» были распределены на категории с указанием количества респондентов, которые в своём ответе указали этот ответ: отношения 73; профессия/обучение 47; хобби 22; красота мира 23; саморазвитие/самопознание 32; экзистенциальные темы 55. В дальнейшем был проведен сравнительный анализ параметров экзистенциальной исполненности, временной перспективы.

Результаты по компонентам экзистенциальной исполненности «свобода», «ответственность», «экзистенциальность» значимо выше. Данный результат может объясниться тем, что размышления, видение экзистенциальных данностей, упоминание каких-либо жизненных тем позволяет респондентам более ответственно, свободно выстраивать свою жизненную траекторию.

По результатам сравнительного анализа между студентами, упоминающими в своем ответе данные, относящиеся к категории «экзистенциальные темы» результаты параметров временной перспективы: активность, ощущаемость – прошлое; активность – будущее значимо выше, чем у студентов, чьи ответы не относились к представленной категории.

Также результаты параметров временной перспективы эмоциональная окраска (настоящее), эмоциональная окраска, структура, ощущаемость – будущее значимо выше у студентов, ответы которых можно было отнести к категории «красота мира», чем у студентов, чьи ответы не относились к этой категории.

У студентов, чьи ответы можно было отнести к категории «хобби» значимо выше результаты по показателю временной перспективы эмоциональная окраска (настоящее), чем у студентов, чьи ответы не относились к этой категории.

Также выше результаты по параметру временной перспективы ощущаемость (прошлое) значимо выше у студентов, чьи ответы можно было отнести к категории «профессия/обучение», чем у студентов, чьи ответы не относились к этой категории.

Данные результаты могут объясняться тем, что через созерцание красоты природы, времяпрепровождение на природе, посвящение времени хобби или профессиональному развитию, обучению позволяет респондентам в большей степени ощущать течение времени, находить мотивацию, чувствовать значимость происходящих в жизни событий.

В результате регрессионного анализа было установлено влияние показателя, характеризующего экзистенциальную исполненность на параметры временной перспективы структуры – прошлое, будущее, ощущаемость – будущее. Данный результат может объясняться тем, что удовлетворенность жизнью, активное, ответственное включение в неё позволяет респондентам также проявлять активность, инициативность в планировании событий будущего, упорядочивание прошлого, которое в настоящем оценивается через призму осмысленности, понятности причинно-следственных связей.

Сформированность компонентов личностной зрелости у работающей и безработной молодежи

Личностная зрелость, субъектность, саморегуляция, безработная молодежь

Исследования проблематики личностной зрелости молодых людей в современном обществе продолжают быть актуальными. В первую очередь это связано с тем, что в эпоху неопределенности и перемен, происходящих в различных сферах общества, молодежь, пробуя себя в новых ролях, сталкивается с разного рода сложностями, в том числе связанными с реализацией себя в трудовой деятельности. Сложности с трудоустройством в современных условиях могут негативно сказываться на становлении личностной зрелости молодежи и субъектных качеств личности. Целью исследования было выявление различий в сформированности компонентов личностной зрелости у безработной и работающей молодежи. В исследовании приняли участие 30 человек (23 женщины и 7 мужчин) в возрасте 20 до 31 года ($M = 25,2$), из них 15 на момент исследования имели статус безработного. Исследование проводилось на базе СПбГБУ «Дом молодежи Василеостровского района Санкт-Петербурга». Были использованы методики: «Личностная зрелость» (ЛЗ) В.А. Руженкова [2]; «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной [3]; «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В. И. Моросановой [1]; Тест-опросник самоотношения (ОСО) В.В. Столина. Сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни) показал, что работающая молодежь имеет способность оказывать влияние на свою жизнь и отвечать за последствия своих действий («Ответственность» $p \leq 0,05$), более устойчива к воздействию социальной среды («Терпимость» $p \leq 0,05$), а также обладает собственной инициативой, способна к независимым действиям (Самостоятельность» $p \leq 0,05$, «Автономность» $p \leq 0,05$). В то время как респонденты из группы безработной молодежи более чувствительны к воздействию социальной среды, нерешительны, находятся в зависимой позиции от обстоятельств и других людей. В части компонентов субъектности работающая молодежь склонна сама ставить свои цели и быть самостоятельным источником изменений («Активность» $p \leq 0,01$). Безработной молодежи для инициации деятельности необходимо внешнее влияние. Работающая молодежь в большей степени, чем безработная способна выделять значимые условия достижения целей («Моделирование» $p \leq 0,01$), при этом имеется согласованность действий и целей по отношению к желаемому результату, а также можно говорить о пластичности регуляторных процессов («Гибкость» $p \leq 0,01$), что позволяет быстро сориентироваться в изменившихся обстоятельствах и внести корректировки в деятельность. Безработная молодежь имеет трудности в определении цели и вектора движения к ней, наблюдается неуверенность в условиях быстроменяющейся обстановки, связанная с неспособностью своевременно и адекватно отреагировать на изменения ситуации и откорректировать план действий. Эти результаты могут говорить о низком уровне осознанности молодежи в ситуации безработицы. В части самоотношения работающая молодежь имеет большую степень осознания и принятия собственных ценностей, сильных и слабых сторон, более склонны верить в свои способности и понимать самих себя («Самоуважение», «Самоуверенность» $p \leq 0,05$), «Самопонимание» $p \leq 0,01$) по сравнению с безработной молодежью.

1. Моросанова В.И. & Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. – 2000. – 2. – Р. 118–127.
2. Руженков В.А., Руженкова В.В., & Лукьянцева И.С. Методика диагностики личностной зрелости // Актуальные проблемы медицины. – 2016. – 36 (26 (247)). – С. 65–70.
3. Щукина М.А. Психология саморазвития личности. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 2015.

Проблема жизнестойкости молодежи в цифровой повседневности

Цифровая повседневность, жизнестойкость, копинг-стратегии, молодежь

Актуальность исследования связана с тем, что молодежь является активной возрастной группой, включенной в цифровую повседневность, что требует умения быстро справляться с потоком информации разного рода, конструктивно выходить из стрессовых ситуаций, быть жизнестойким.

Методологическая база исследования: концепции С. Мадди, Д.А. Леонтьева.

Современное цифровое общество является в первую очередь информационным [3]. По мнению Т.Д. Марцинковской, цифровая реальность рутинизируется и становится новой формой повседневности – цифровой повседневности. Так в повседневную жизнь входят не только новые названия, но и новые формы взаимодействия с миром, с другими, с самими собой [4].

Для успешной социализации молодежи в цифровой повседневности немаловажную роль играет жизнестойкость, которая способствует повышению физического и психического здоровья при преодолении кризисов и реализации себя в будущей жизни [1, 2].

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение проблемы жизнестойкости молодежи и ее взаимосвязи с копинг-стратегиями, локусом-контроля и темпераментом.

Методы. Тест жизнестойкости (Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова), Опросник Уровень субъективного контроля (УСК) (Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд), Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т.А. Крюковой), Опросник «Исследование психологической структуры темперамента» (автор Б.Н. Смирнов). Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи программы SPSS 26, с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Выборка: в исследовании приняло участие 160 респондентов в возрасте от 20 до 35 лет (средний возраст – 25–27 лет), обучающихся на психологических факультетах в вузах г. Москвы.

Результаты исследования: показатели жизнестойкости молодежи значимо коррелируют с копингом, ориентированным на задачу ($r = 0,46$), экстраверсией и активностью ($r = 0,36$; $r = 0,32$), общей интернальностью ($r = 0,46$).

Выводы.

1. Большинство представителей молодежи (75%) констатировали средние показатели жизнестойкости личности. Они заинтересованы в своей жизни, многое им интересно, они способны действовать на свой страх и риск, но могут проявлять беспомощность, многие могут отказаться от борьбы, чтобы повлиять на результат происходящего. 20% имеют высокие показатели жизнестойкости. Они получают удовольствие от собственной деятельности, вовлечены с интересом в происходящие моменты своей жизни, способны повлиять на происходящее вокруг.

2. Для большинства молодежи характерна экстравертированная направленность, эмоциональная устойчивость, пластичность и активность. В стрессовых и трудных жизненных ситуациях чаще всего используют проблемно ориентированный копинг, имеют общую интернальность. Они готовы к деятельности, связанной с преодолением трудностей, готовы к самостоятельному планированию и ответственности.

3. Молодежь с низкими показателями жизнестойкости (5%) имеет интравертированную направленность, эмоционально неустойчивы и ригидны. Используют копинг-стратегию – избегание, констатируют низкие показатели интернальности.

4. Чем выше жизнестойкость, тем меньше выражено отрицание активности, проявляется готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей и готовность к самостоятельному планированию и ответственности, интернальность в сфере достижений.

1. Леонтьев Д.А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира / Д.А. Леонтьев // Сборник 1-й Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. – М.: Смысл, 2001.
2. Мадди С.Р. Смислообразование в процессе принятия решений / С.Р. Мадди // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 87–101.
3. Марцинковская Т.Д., Андреева (Голубева) Н.А., Преображенская С.В. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность / Т.Д. Марцинковская, Н.А. Андреева

- (Голубева), С.В. Преображенская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>
4. Марцинковская Т.Д. Динамика психологического благополучия в ситуации транзитивности и пандемии / Т.Д. Марцинковская // Новые психологические исследования. – 2022. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 88–102. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2022_02_02_05

Работа выполнена в рамках госзадания FNRE-2024-0016.

Особенности сетевого дискурса поколений Y и Z

Поколение, дискурс, эмодикон, сетевое общение

Введение. В последние десятилетия коммуникативные смыслы занимают все более высокую ступень в системе организации ценностей представителей поколений Y и Z [1]. Увеличивается время, проведенное в сети интернет, по результатам исследований среднее время, проведенное в интернете в день, составляет 4 часа [2]. Сетевое общение отличается от реального своей опосредованностью, средством является текст, а особенностью сетевого общения является отсутствие экстралингвистических черт. Иными словами, не видя жесты, мимику, позу собеседника, не слыша тон его голоса, субъекты дискурса уделяют максимальное внимание тексту и графическим объектам в тексте (эмодиконы). Эмодиконы используются для уточнения текстовых единиц, для глубины понимания, для выражения своего отношения к речевой ситуации, они интернациональны, и это обуславливает их повсеместное распространение [3]. В исследовании Максимова А.А. и Голубевой Н.М. 2014 года 92% использовали эмодиконы в письменном дискурсе, при этом основные цели использования были обозначены «для выражения эмоций» и «для лаконичности».

Существует позиция, в соответствии с которой представители поколения Y и Z подвержены влиянию интернета, и длительное нахождение, и общение в сети приводит к изменению личности, некоторые психологи считают, что формируется Homo Cyberus [4]. Приверженцы данного подхода указывают на то, что молодежь функционирует в новом социальном пространстве, по своим правилам и с определенными закономерностями. Эти особенности общения в киберпространстве отражаются в дискурсе. Понимание закономерностей изменений дискурса приведет нас к пониманию изменений в коммуникации молодежи.

Мы в своем исследовании рассматриваем использование в письменном сетевом дискурсе эмодиконов и сленга.

Опрос проводился среди студентов московского геодезического колледжа в количестве 120 человек от 18 до 20 лет (поколение Z) и молодых сотрудников строительной компании 28-35 лет (поколение Y) в количестве 100 человек. Целью исследования было измерить изменения и их степень в сетевом дискурсе у представителей двух поколений.

Использование эмодиконов в сетевом общении различается у представителей двух поколений.

Участникам опроса была предъявлена анкета из 40 вопросов. На вопрос о частоте использования эмодиконов представители поколения Y ответили, что 96% опрошенных используют эмодиконы, Z – 98%. Процент использующих эмодиконы среди представителей двух поколений, практически одинаков.

Однако частота различается: 50% представителей поколения Y используют очень часто и часто, в то время как 86% представителей поколения Z используют эмодиконы очень часто или часто. Интерес представляет реакция на использование эмодиконов. Представители поколения Y считают, что если человек не использовал эмодикон в сообщении, то это «нецелесообразно» – 82%, респондент «обижен или испытывает иные негативные эмоции» – 8%, «держит дистанцию» – 10%, а представители поколения Z видят иные причины: 46% считают, что человек «обижен или испытывает иные негативные эмоции», 38% считают, что человек «держит дистанцию», и 16% считают, что «это нецелесообразно».

Испытывают тревогу, если собеседник не использует эмодиконы 42% представителей поколения Z и лишь 18% представителей поколения Y.

Находят рациональное объяснение на вопрос, «почему собеседник не использовал эмодикон» 68% Z молодежи и лишь 26% Y молодежи задумываются над тем, «почему собеседник не использует эмодикон».

Вывод. Особенности сетевого дискурса молодежи нового поколения свидетельствуют, что интернет-общение воспринимается ими иначе, нежели представителями поколения Y. Отсутствие экстралингвистических черт дискурса в сети Z компенсируют эмодиконами, у Y нет такой необходимости, они относятся к эмодиконам с меньшей долей эмоциональности. Причины таких различий могут стать предметом исследования.

1. Пищик В.И. Ментальность поколений: психологические исследования [Текст]: Монография / В.И. Пищик; науч. ред. А.К. Белоусова. – Ростов-н/Д.: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2010. – 200 с.
2. Сучкова Е.А. Влияние социальных сетей на молодежь / Е.А. Сучкова, Т.К. Меркулова // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: Материалы V Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных. В 4-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 11–15 апреля 2022 года / Редколлегия: А.В. Космынин (отв. ред.) [и др.]. Ч. 4. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2022. – С. 350–352. EDN KSWUBV.
3. Максимов А.А., Голубева Н.М. Эмотиконы как способ выражения эмоций // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2015. – № 33 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotikony-kak-sposob-vyrazheniya-emotsiy> (дата обращения: 21.05.2024).
4. Плешаков В.А. Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3-1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersotsializatsiya-kak-innovatsionnyy-sotsialno-pedagogicheskiy-fenomen> (дата обращения: 18.04.2024).

Роль переживания времени личностью в динамике ее изменений

Переживание времени, функционирование, динамичность, изменение

Задача поиска теоретических концепций и объяснительных моделей описания, позволяющих объяснить процессуально-динамическую природу личности в ответ на изменчивость, нарастающую неопределенность и сложность мира является актуальной задачей современной психологии [1]. Изменение поведения личности в «текущей реальности» (Т.Д. Марцинковская) разворачивается во времени и характеризуется определенной временной организацией, которая эволюционирует при переходе к другим уровням функционирования и выступает механизмом самоорганизации [2]. При этом временная организация не сводима к восприятию объективного времени, психологическому времени, включающему проживание, структурирование, осмысление опыта, собственного жизненного пути, практическую регуляцию активности во времени. Для понимания процессуальности личности время необходимо рассматривать как свойство, возникающее в системе «личность–ситуация», связанное со спецификой ситуации и теми образованиями, через которые личность конструирует временные отношения и переживает темпоральные свойства ситуации. Система является открытой, изменяющейся в зависимости от связывания временных аспектов активности и личности в процессе деятельности на основе отношения к ситуации и личностных смыслов, в результате чего появляются новые связи, возникают и новые свойства этой системы, которые проявляются в переживаниях времени.

Вслед за Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном переживание мы рассматриваем как образование, которое включает отношение к ситуации и с ситуацией, отклик самой личности и того, на что она откликается, преобразование внешней реальности в личностную уникальную картину мира. Переживания времени «являют» для личности ситуацию как динамичную, исходя из того, как она конструирует ситуацию как изменяющуюся, длящуюся, интерпретирует случившееся и проектирует становящееся, наделяя происходящее определенным смыслом, отношениями с миром. Данные переживания возникают в результате интеграции образований, связанных со временем (временная перспектива, временной горизонт, временные установки, аттитюды, конструкты, временная ориентация личности и т.п.), и выступают как свойство системы самоорганизации личности как изменяющейся в динамичной ситуации.

В ситуациях, задающих определенную темпоритмику, определяющую активность (например, смена уроков, последовательность событий при разных жизненных сценариях), переживания времени определяются сложившейся конфигурацией временных образований. В малознакомой, изменяющейся ситуации переживания времени становятся значимыми, т.к. возникает необходимость решения «задачи на время». Можно выделить типы ситуаций, когда появляется необходимость решать «задачу на время»: нарушение привычного в результате наличия угрозы, давления (устойчивость функционирования при изменчивости ситуации), проектирование достижения цели (изменение активности при учете или проектировании изменчивости ситуации), неопределенности (самоопределение при конструировании ситуации).

Разные типы ситуации отличаются определенными переживаниями времени, которые необходимы для успешного функционирования в данной ситуации. В ситуации давления важную роль играют переживания времени как приятного, напряженного и ограниченного; при реализации задачи и достижения цели – переживания времени как организованного и цельного, в ситуации неопределенности – насыщенность и наполненность, непрерывность времени. Можно выделить и универсальные для любой ситуации свойства, схватываемые в переживаниях времени, определяющие успешность функционирования: организованность, структурированность, связанность.

1. Гришина Н.В. Психология изменений: Методологические предложения Курта Левина // *Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей* / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. – С. 124–148.
2. Костромина С.Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // *Новые психологические исследования*. – 2021. – № 2. – С. 7–30.

Изучение проявлений морального отчуждения у российских психологов-консультантов

Моральное отчуждение, профессиональная этика психологов

Моральное отчуждение (концепт А. Бандуры) представляет собой набор когнитивных механизмов, которые подавляют моральные самосанкции и позволяют осуществлять аморальное и неэтичное поведение [2]. Изучение морального отчуждения в различных контекстах (организационном, криминальном, сетевом, спортивном, школьном) имеет большое научно-практическое значение, так как аморальное и неэтичное поведение наносит огромный ущерб людям, организациям и обществу в целом. Однако такие исследования редко проводятся на примере представителей помогающих профессий: учителей, врачей, медсестер, полицейских, а в контексте деятельности психологов и психотерапевтов отсутствуют совсем [1]. Данное исследование посвящено проявлениям морального отчуждения у российских психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами, поставлены основные исследовательские вопросы: Какие личностные факторы связаны с проявлением морального отчуждения у психологов-консультантов? Какие могут быть выделены профили морального отчуждения и связанных с ними личностных факторов? Как моральное отчуждение проявляется в ситуациях профессионального взаимодействия у психологов-консультантов с разным профилем морального отчуждения и факторов, с ним связанных?

Выборку исследования составили 200 практикующих психологов в возрасте от 22 до 69 лет. Для сбора данных были использованы методы онлайн-опроса и глубинного полуструктурированного интервью. Для изучения личностных факторов, связанных с моральным отчуждением, и выявления типов профилей морального отчуждения использовались: Опросник морального отчуждения (адаптация Ледовая Я.А. и др., 2016), Тест эмпатии М. Дэвиса (адаптация Карягина Т.Д. и др., 2013), Опросник The Big Five Inventory (адаптация Калугин А.Ю. и др., 2021), Шкала психологической разумности (адаптация Новикова М.А. и др., 2014).

Для анализа данных использовались следующие методы: корреляционный анализ (коэффициент Пирсона), кластерный анализ (программная среда R), сравнительный анализ значимости различий (метод хи-квадрат, критерий Краскела-Уоллиса), тематический анализ.

В результате исследования была показана значимая обратная связь морального отчуждения с личностными факторами: эмпатия, добросовестность, доброжелательность и психологическая разумность (ранее не исследовалась в связке с моральным отчуждением). При помощи кластерного анализа были выделены четыре профиля респондентов с разным сочетанием уровней морального отчуждения и личностных факторов, а сравнительный анализ показал значимые различия между группами респондентов по показателям психологической разумности и морального отчуждения. Тематический анализ глубинных интервью позволил детально описать проявления морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия у психологов выделенных групп. В результате были выявлены факторы, сопровождающие высокие показатели морального отчуждения: отсутствие акцента на теме пользы консультирования для клиента, самообвинения психолога, переживания психологом профессиональной несостоятельности, стигматизация клиента психологом, воспринимаемое психологом противостояние с клиентом, сильные эмоции вины, обиды и гнева, трудности с управлением эмоциональным состоянием, мотив самозащиты, поведение, связанное с рисками эксплуатации и нанесения вреда клиентам [1].

Данное исследование расширяет понимание феноменологии морального отчуждения, а также может способствовать снижению рисков эксплуатации и нанесения вреда клиентам за счет увеличения информированности психологов относительно проявлений морального отчуждения в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами.

1. Захарова Ю.В. Проявление морального отчуждения у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами. Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 123–143.
2. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. New York: Worth Publishers, 2016. – 446 p.

Особенности общения личности в CHARACTER AI

Виртуальное общение, искусственный интеллект, самораскрытие

Развитие современных компьютерных технологий порождает новые формы виртуального общения. Виртуальная среда активно изучается как ресурс социального развития личности [2]. Одной из форм виртуального общения стало общение личности с искусственным интеллектом (далее ИИ). Общение с цифровым собеседником рассматривается как процесс обмена информацией и связанные с ним смыслообразование, отношения и социальное поведение, включенные в разные слои социального контекста на микро-, мезо- и макроуровнях [1]. Общение с ИИ уже доказало свою особую эффективность в процессе обучения иностранному языку [4]. Однако оно становится все более многоцелевым и разнообразным, выходя за пределы образовательного контекста. В последнее время быстрыми темпами развивается общение в нейросетях, например, Character AI, которое предполагает имитацию живого общения с партнёром. Нейросеть имитирует стиль общения человека и максимально подстраивается под его коммуникативные потребности. Следует отметить, что фрустрированные в реальном общении потребности в доверии и самораскрытии, как передаче другому лицу информации о себе личного характера разного уровня интимности [3], вполне могут быть реализованы в такой форме общения. По мнению создателей, общение с ИИ может помочь личности избавиться от чувства одиночества. Специфика общения в нейросети ещё недостаточно изучена с психологической точки зрения. Количество лиц из числа молодежи, которые пользуются такой формой общения в нейросети, постоянно растет, что вызывает необходимость исследования как самой новой формы общения: ее преимуществ и ограничений; так и психологических особенностей студентов, предпочитающих такое общение реальному.

Проведенный нами сравнительный анализ различных форм виртуального общения позволил выделить целый ряд особенностей общения Character AI:

1. побуждает субъекта детально прописывать свои действия и движения, чтобы ИИ успешно анализировал информацию и моделировал процесс общения;
2. позволяет идентифицировать собеседника с любым реальным или вымышленным персонажем (в том числе с психологом) и менять его в случае необходимости;
3. даёт возможность изменять мнение и слова собеседника в зависимости от собственных предпочтений;
4. может быть инициировано в любой момент, в любое удобное для субъекта время суток;
5. продолжительность общения регулируется субъектом в зависимости от актуальных потребностей;
6. общение с ИИ может быть прервано в любое время без негативных последствий для инициатора;
7. удовлетворяет потребность в самораскрытии, существенно снижая его возможные риски, связанные с разглашением информации или получением негативной обратной связи.

Следовательно, общение в Character AI имеет ряд несомненных преимуществ по сравнению с общением в социальных сетях, что позволяет прогнозировать рост его популярности среди молодежи в ближайшем будущем. Проведенный нами опрос среди обучающихся вуза позволил выявить отличительные психологические особенности лиц, часто обращающихся к такой форме общения, и установить связь с переживанием ими чувства одиночества. Несмотря на очевидные преимущества, общение в нейросети имеет существенные ограничения и риски, что требует дальнейшего его изучения.

1. Алейникова Д.В. К проблеме общения человека с искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2023. – Вып. 3 (848). – С. 9–15.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс. 2001. – 301 с.
3. Зинченко Е.В. Самораскрытие личности как социально-психологический феномен // Прикладная психология. – 1998. – № 5. – С. 59–69.
4. Han D. The Effects of voice-based AI chatbots on Korean EFL Middle School students' speaking competence and affective domains // Asia-pacific Journal of Convergent Research Interchange. – 2020. – Vol. 6, № 7. – P. 71–80.

Феномен посттравматического роста и обесценивания и работа личности над собой

Посттравматический рост, посттравматическое обесценивание, работа личности над собой, деятельностно-смысловой подход

Современная ситуация, характеризующаяся глобальными кризисами геополитического масштаба, разворачивающимися военными конфликтами, противоречиями, обостряет актуальность исследований спектра последствий экстремальности. В понимании этих последствий мы исходим не из узкой негативистской трактовки травмы, стресса, но, следуя широкой трактовке позитивности, как полноты человеческого бытия, включающей модусы бытия и небытия, жизни и смерти [1, 2], рассматриваем на уровне личности, на основе тех жизненных задач, которые решает человек в работе личности над собой.

Внимание исследователей обращается к факторам, помогающим преодолеть жизненные трудности, в частности к посттравматическому росту [4]. Исследования с применением опросника посттравматического роста [4] с различными респондентами (спасателями, военнослужащими, ветеранами боевых действий, пострадавшими при пожаре и терактах и т.д.), проводимые на теоретико-методологических основаниях данного подхода [1, 2], показывают, что феномен посттравматического роста с классической пятифакторной структурой проявляется только у людей, переживших травматическую ситуацию. Выборка: 122 человека (средний возраст 22,5 года), мужчин – 20,5%, женщин – 79,5%). Методы исследования: Опросник посттравматического роста в соотношении с данными Теста воздействия стрессовых событий (Impact of Event Scale) М. Хоровитца, адаптированного М.Ш. Магомед-Эминовым [2]. Исследование включало три серии: 1) проверка факторной структуры ОПТР на общей выборке (N = 122); 2) определение факторов на группе испытуемых с умеренным и сильно выраженным переживанием травматического воздействия (> 26, N = 18); 3) факторный анализ ОПТР у группы людей, имеющих слабо выраженное, умеренное и сильно выраженное переживание травматического воздействия (> 9, N = 57). Была обнаружена динамика факторной структуры ОПТР и посттравматического обесценивания в зависимости от смысловой оценки ситуации травматического опыта. В первой серии (испытуемые, переживающие и не переживающие стрессовое воздействие) выявлены три фактора. Во второй серии (испытуемые с высоким уровнем травматического воздействия) обнаружены семь факторов. В третьей серии (испытуемые с травматическим переживанием стрессового события) – пять факторов (как в оригинальной версии ОПТР).

Во время исследований была обнаружена недостаточность только позитивной формулировки суждений Опросника: ряд испытуемых предпочли бы возможность отрицательных альтернатив. Концепт «посттравматического обесценивания», который углубляет представления о последствиях экстремальной ситуации, был апробирован в адаптированной нами методике, представляющей русскоязычную расширенную версию Опросника посттравматического роста и обесценивания [3]. Согласно деятельностно-смысловому подходу, всякое травматическое воздействие является интенциональным предметом деятельности человека, опосредствованной смысловой работой личности в смысловых модусах или формах: расстройство (страдание) – стойкость (мужество) – духовный рост (трансгрессия), которые дополняются посттравматическим обесцениванием. Собственно посттравматический рост понимается динамически – как работа, практики работы с собой, в которых производятся и конституируются множество факторов и активностей. В экстремальной ситуации человек, решая смысловые жизненные задачи в практике над собой, может изменить свои качества релевантно ситуации, достичь подлинности, аутентичности.

1. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоналитическая ассоциация РФ, 1998. – 496 с.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности/ М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: ПАРФ, 2008 – 218 с.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномены посттравматического роста и обесценивания. – М.: Академия психологической помощи, 2023 – 235 с.
4. Tedeschi R.G., Calhoun L.G. The posttraumatic growth inventory: measuring the positive legacy of trauma // Journal of Traumatic Stress. – 1996. – Vol. 9. – P. 455–471.

Переживание счастья: роль внутренних противоречий в системе ценностей

Личностные ценности, внутренние противоречия в системе ценностей, переживание счастья, индекс счастья, опросник KVS-2, Оксфордский опросник счастья

Счастье, или степень, в которой человек оценивает свою жизнь позитивно и благоприятно, является широко и часто используемым словом для выражения эмоционального состояния, которое было идентифицировано многими авторами как одно из базовых человеческих переживаний, оказывающих существенное влияние на его внутренний мир и поведение [6].

Установлены связи между переживанием счастья и социально-демографическими факторами [5], а также психологическими переменными (например, эмоциональной устойчивостью личности, самооценкой, уровнем преодоления жизненных трудностей, осознанностью жизни, принятием себя и других) [3] и др.

Цель проведенного нами исследования заключалась в проверке гипотезы о том, что счастье – психическое состояние, связанное с отсутствием выраженных внутренних противоречий в системе личностных ценностей. В исследовании приняли участие студенты очного и заочного отделений московских вузов. Возраст респондентов 17–39 лет, из них 86,2% – женщины. Студенты принимали участие в исследовании на добровольной основе и могли отказаться от его прохождения на любой стадии работы. Использованы: методика диагностики личностных ценностей KVS-2 [2], Оксфордский опросник счастья (ОНQ) [1], корреляционный и множественный регрессионный анализ данных.

Установлено, что выраженность внутренних противоречий в системе ценностей связано статистически значимой обратной корреляционной зависимостью с индексом счастья ($p < 0.01$). Данная закономерность наблюдается для 19 ценностей из 25, входящих в опросник ценностей KVS-2. Наиболее выраженная зависимость подобного характера для следующих жизненных сфер: свобода, жизненная гармония, стабильность. Таким образом, счастье является психологическим состоянием, которое связано с отсутствием выраженных внутренних противоречий в системе ценностей субъекта, тогда как при наличии подобных противоречий, наблюдается обратный эффект, что подтверждает сформулированную нами гипотезу. Полученные результаты могут быть использованы при разработке психотехнологий, направленных на развитие навыков обретения счастья посредством разрешения внутренних противоречий в системе личностных ценностей. Сглаживая выраженные противоречия между значимостью какой-то жизненной области и степенью самореализации в ней возможно снизить внутренние напряжения в личностной сфере субъекта. Однако без самостоятельного и инициативного стремления личности включиться в терапевтическую работу, не сработает никакой методический прием. Важно, чтобы в душе человека возникла внутренняя интенция на самоизменение, базовое желание быть счастливым.

1. Голубев А.М., Дорошева Е.А. Апробация «Оксфордского опросника счастья» на российской выборке // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 3. – С. 108–118.
2. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: Дис. ... д-ра психол. наук. – М.: РГГУ, 2014. – 550 с.
3. Argyle M. & Lu L. Happiness and social skills // Personality and Individual Differences. – 1990. – 11(12). – P. 1255–1261.
4. Argyle M., Martin M. & Lu L. Testing for stress and happiness: The role of social and cognitive factors. In C.D. Spielberger & I.G. Sarason (Eds.) // Stress and emotion. – 1995. – P. 173–187. Taylor & Francis.
5. Helliwell J.F. & Aknin L.B. Expanding the social science of happiness // Nature Human Behaviour. – 2018. – 2(4). – P. 248–252.

Смысловые модели психической травмы

Смысловая модель травма, гетерогенные смысловые структуры, работа личности с травматическим опытом

С древних времен известно, что экстремальные события приводят к различным неблагоприятным последствиям, включая болезнь, нарушение функционирования, другие проблемы. Современные социальные трансформации привлекли к тому, что психическая травма заняла особое место и стала открываться в широком многообразии своих форм и проявлений. Стало настойчиво обнаруживаться, что травматическое событие имеет исходом не только расстройство у небольшого числа людей, но по каким-то причинам большинство оказываются устойчивы (резильентны) к травме. Если болезненные последствия экстремального воздействия достаточно исследованы, то о том, что снижает или препятствует травматическому воздействию на человека, известно немного, хотя подобные попытки стали последние годы появляться в литературе. В них указывается, что исходы травмы зависят не от интенсивности воздействия, как это было принято считать, и не от предикторов, черт, характеристик, а от того, какой смысл имеют для него происшедшие события и тот опыт, который он приобрел. В смысловой концепции психической травмы ставится вопрос о смысловых механизмах и о той работе со своим травматическим опытом, которую осуществляет индивид, что и опосредует исход травмы и характер реадaptации личности в постэкстремальной ситуации.

Проблема смысла обнаруживается в тех редких исследованиях американских ветеранов, выделяющих смысл как, опосредующий эффективную терапию ветеранов с симптомами ПТСР [2]. В изучении последствий тяжелой утраты авторы также указывают на не индивидуальный характер реакций горя, каким образом создание нарративов об умершем становится центральным смысловым процессом в переживании горя, проблема «смысла» в этом контексте становится центральной [5].

В концепциях совладания со стрессом в когнитивных теориях начиная с Lazarus & Folkman в центре – процесс оценивания, как человек справляется со стрессорами. Переходным этапом от совладания в когнитивных моделях травмы к экзистенциальной работе смыслообразования является, с нашей точки зрения, подход Янофф-Бульман, которая в своей теории акцентируется на разрушении базисных представлений человека о себе и о мире; что приводит человека в соприкосновение с разрушенными представлениями и влечет к перестройке концептуальной системы для лучшего функционирования; имеет место когнитивный процессинг и перестройка мировоззрения. В модели показывается, что пережившие травму ориентированы на поиск смысла и на более осмысленную жизнь в целом. Однако в этих попытках внедрить понятие смысла в понимание механизмов ПТСР они сводятся по-прежнему к когнитивным компонентам и процессам негативного изменения представлений о мире и ценностях. Сделана попытка соотнести травматические расстройства и смысл в работах К. Парк [4], где она развивает модель, интегрируя идеи разных исследователей (Bonanno & Kaltman Joseph & Linley; Neimeyer; Wortman & Silver). В итоге делается вывод, что нарушение модели ценностей ведет к дистрессу, то есть смысловые изменения сводятся к когнитивной модели травмы в результате негативного изменения представлений о мире и ценностях.

Деятельностно-смысловая концепция травмы [3;6] исходит из того, что трансформация смысла личности осуществляется в ходе движения индивида через миры существования; из повседневности в неповседневность и обратно, в которой происходит трансформация и фрагментация бытия личности и высвечивается фундаментальный феномен личностного смысла и смыслового отношения личности к опыту, разные смысловые жизненные миры (экстремальности и возвращения) вступают в связь, что приводит к конструированию гетерогенной смысловой структуры. Мы вслед за автором концепции полагаем, что, несмотря на наличие негативных чувств и переживаний и независимо от интенсивности травматического опыта, человек может справляться с ними в смысловой работе по овладению, восстановлению утраченной связи между частями опыта, связывающей прошлое, настоящее и будущее в континуальную целостность.

1. Bonanno G.A The End of Trauma: How the New Science of Resilience is Changing how We Think about PTSD // Basic Books, 2021. ISBN 1541674367, 9781541674363
2. Finley E.P. Fields of combat: Understanding PTSD among veterans of Iraq and Afghanistan. Cornell University Press, 2019.
3. Magomed-Eminov M. Post-traumatic stress disorders as a loss of meaning of life // D. Halpern & A. Voiskunsky. States of mind. – Oxford University Press, 1997. – P. 238–250.

4. Park C., Mills M. & Edmondson D. PTSD as Meaning Violation: Testing a Cognitive Worldview Perspective // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2010. – 4. – P. 66–73. 10.1037/a0018792.
5. Stroebe M.S., Hansson R.O., Stroebe W., Schut H. (Eds.). Handbook of bereavement research: Consequences, coping and care. – Washington, DC: American Psychological Association, 2001.
6. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоаналитическая ассоциация РФ, 1998.

Корниенко Д.С.
Москва, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Ячменёва Н.П.
Пермь, ФГБОУ ВО РАНХиГС

Балева М.В.
Пермь, ФГБОУ ВО ПГНИУ

Пол как фактор различий в связях отчуждения моральной ответственности и черт темной тетрады

Темная тетрада, отчуждение моральной ответственности, половые различия

Исследования отчуждения моральной ответственности (ОМО) позволяют объяснить причины неэтичного поведения и принятия утилитарных решений [3]. В частности, в исследованиях подросткового буллинга обнаруживаются половозрастные отличия как в выраженности показателей ОМО, так и в их взаимосвязях с другими переменными [5], что согласуется с результатами, полученными на взрослых [4]. В целом у мужчин обнаруживаются более высокие значения показателей ОМО независимо от возраста. Предпочтение механизмов ОМО может объясняться сниженной эмпатией или гибкостью этических норм, которые хорошо согласуются с моделью темной тетрады. Исследования показывают, что для мужчин характерна более высокая выраженность макиавеллизма, психопатии и садизма [1]. Таким образом, вклад черт темной тетрады в ОМО, описанный в наших предыдущих работах [2], представляет интерес для исследования в контексте половых различий.

В исследовании приняло участие 268 респондентов от 18 до 26 лет, 50% женщины, студенты. Использовались следующие методики: короткий опросник темной тетрады в адаптации Корниенко и др. (2022), краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 [3].

Сравнительный т-критерий показал наличие значимых различий ($p < 0,001$) между мужчинами и женщинами по всем показателям локусов ОМО (Cohen's $d = 0,44 - 0,64$). Значимые половые различия ($p < 0,05$) обнаружены также в показателях темной тетрады (Cohen's $d = 0,26 - 0,68$), кроме нарциссизма. Регрессионный анализ показал, что для поведенческого локуса на выборке мужчин ($R^2 = 0,22$) значимыми предикторами являются психопатия и садизм, на выборке женщин ($R^2 = 0,22$) макиавеллизм. Для локуса актора модель оказалась незначимой. Для локуса переформулирования последствий поведения только на выборке женщин ($R^2 = 0,10$) значимым предиктором оказался садизм. Для локуса искажения жертвы жестокого поведения на выборке мужчин ($R^2 = 0,21$) значимым предиктором оказался садизм, а на выборке женщин ($R^2 = 0,21$) макиавеллизм и психопатия.

Полученные результаты показывают, что фактор пола может играть существенную роль, приводя к различиям во вкладе темных черт личности в объяснении неэтичного поведения. Так, для женщин макиавеллизм и психопатия, а для мужчин психопатия и садизм становятся чертами, приводящими к оправданию себя и обвинению жертвы. Только для женщин обнаружен эффект садизма как склонности получать положительные эмоции от страдания других при использовании механизмов искажения или игнорирования вредоносных последствий неэтичного поведения.

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

1. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи черт темной триады личности и диспозициональной агрессии // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2021. – №. 1. – С. 4–12. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-356-371>
2. Корниенко Д.С., Ячменёва Н.П., Балева М.В. Взаимосвязь черт темной тетрады, отчуждения моральной ответственности и эмоционального интеллекта // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 12–14 октября 2023 года. – М.: Институт психологии РАН, 2023. – С. 405–410.
3. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – №. 4. – С. 23–39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>

4. Maftai A. The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediatiang role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty // BMC psychology. – 2023. – Т. 11, №. 1. – С. 26. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01063-z>
5. Thornberg R., Bjereid Y., Caravita S.C. Moral disengagement and bullying: Sex and age trends among Swedish students //Cogent Education. – 2023. – Т. 10, №. 1. – С. 2203604. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2203604>

Качественное исследование феноменологии внутреннего диалога

Внутренний диалог, феноменология, сознание

Конструкт внутреннего диалога, описанный впервые в работах М.М. Бахтина [1], получает все большую разработанность в психологических исследованиях. Внутренний диалог рассматривается как глубокий личностный процесс, связанный с ее изменением и развитием. Так, в экзистенциальной традиции подчеркивается важность контакта со своим внутренним голосом [4]. Внутренний диалог выступает как ресурс развития личности, заключающийся в способности принять факт неопределенности жизни и изменить самого себя [3]. Однако результаты эмпирических исследований показывают, что связь внутреннего диалога и благополучия личности не является однозначной и зависит от разных условий [5]. В связи с этим поднимается вопрос о феноменологии этого конструкта.

Цель данного исследования – изучить структуру и содержание внутреннего диалога. Сбор данных осуществлялся с помощью полуструктурированного интервью, направленного на изучение субъективного опыта внутреннего диалога. Выборка составила 17 респондентов (13 женщин, 3 мужчин, 1 небинарная персона) возраста от 20 до 46 лет. Обработка расшифровок интервью проводилась путем описательного феноменологического анализа А. Джигорджи [2].

В ходе анализа была получена структура, состоящая из 4 тем: предпосылки внутреннего диалога; особенности протекания внутреннего диалога; специфические средства внутреннего диалога; следствия внутреннего диалога. На основе описаний респондентов был реконструирован опыт внутреннего диалога.

Респонденты сообщали, что чаще всего начинали вести внутренний диалог в нескольких ситуациях: неопределенности и выборе, тяжелых переживаниях, общении со значимыми людьми, межличностных конфликтах и эстетическом опыте. Внутренний диалог играет важную роль для рефлексии, самоподдержки, преодоления трудностей и решения жизненных проблем. Интересно, что отношение к этому опыту варьируется от важного личностного ресурса до нежелательного состояния. Респонденты отмечают, что готовность к самопознанию – необходимое условие внутреннего диалога.

Общение с самим собой по-разному протекает в сознании респондентов: поток, в котором не выделяются отдельные голоса; внутренний полилог, где фигурируют от двух и более голосов; скрытый внутренний диалог, при котором существует внутренний собеседник, но он не выражен явно; контакт со своим телом; негативные голоса, как руминации, тревожные мысли и др. Респонденты сообщают, что их внутренние собеседники могут быть как ситуативными, так и относительно автономными. Переживания во время внутреннего диалога зависят от контекста и могут быть как позитивными, так и негативными.

Респонденты, имеющие опыт негативных внутренних диалогов, говорят о специфических способах управления этим состоянием, среди которых они отмечают переключение на другую деятельность, физическую активность, общение с другими людьми и собственное волевое усилие по остановке негативных голосов.

Следствиями внутреннего диалога респонденты выделяют собственное развитие, изменения в социальном окружении или ухудшение собственного психологического состояния.

Таким образом, внутренний диалог является комплексным феноменом, имеющим как позитивные, так и негативные эффекты, а также вносящим вклад в процессы развития личности.

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
2. Giorgi A., Giorgi B. The descriptive phenomenological psychological method / Под ред. P. Camic, J. Rhodes, L. Yardley. – Washington, DC, US: American Psychological Association, 2003. – С. 243–273.
3. Leontiev D. The dialectics of aloneness: positive vs. negative meaning and differential assessment // *Counselling Psychology Quarterly*. – 2019. – № 3–4 (32). – С. 548–562.
4. Moustakas C.E. *Loneliness*. – NJ: Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1961. – 107 с.
5. Puchalska-Wasył M. Internal Dialogues and Authenticity: How Do They Predict Well-Being? // *Journal of Constructivist Psychology*. – 2022. – № 4 (35). – С. 1328–1346.

Личностные характеристики «Темной триады» у татуированных девушек

Симптомокомплекс «Темной триады», нарциссизм, макиавеллизм, психопатия

Актуальность исследования. Комплекс «темных» личностных свойств объединяет наиболее деструктивные характеристики макиавеллизма, неклинического нарциссизма и неклинической психопатии, выражающиеся в эмоциональной холодности, стремлении к манипулированию окружающими, лживости, пренебрежении этическими нормами, эгоизмом, импульсивностью и др. [1;2]. Анализ литературы выявил противоречие между недостаточной исследовательской базой феномена (мы не нашли работ по проблеме) и слабым знанием личностных характеристик все более увеличивающегося количества татуированных девушек. Это актуализирует проблему.

Цель исследования: изучить и описать личностные характеристики симптомокомплекса «Темной триады» у татуированных девушек.

Выборку исследования составили 35 девушек с татуировками в возрасте от 20 до 25 лет. Средний возраст 21,03 (SD = 1,29).

Методики исследования: «Шкала макиавеллизма личности» (MACH-IV); «Нарциссический опросник личности» (NPI-40); «Шкала самооценки психопатии» (LSRP); «Короткий опросник Тёмной триады» (SD3).

Результаты. Слабая выраженность макиавеллизма наблюдается у восьми из 35 татуированных девушек, сильная – у 27 («Шкала макиавеллизма личности» (MACH-IV)); индивидуальные показатели расположены в интервале от 39 до 80 баллов ($M \pm SD = 55,82 \pm 8,7$). Для большей части группы характерна тенденция к сильной выраженности макиавеллизма.

Слабая выраженность нарциссизма отмечена у восьми из 35 татуированных девушек, средняя – у 23, сильная – у четырех человек («Нарциссический опросник личности» (NPI-40)). Индивидуальные показатели расположены в интервале от трех до 30 баллов ($M \pm SD = 14,32 \pm 6,62$).

Слабая выраженность неклинической психопатии наблюдается у шести из 35 татуированных девушек, средняя – у девяти, сильная – у 20 («Шкала самооценки психопатии» (LSRP)). Индивидуальные показатели расположены в интервале от 42 до 78 баллов ($M \pm SD = 59,15 \pm 8,76$).

Так, для исследуемых характерны эмоциональная холодность, импульсивность, низкий уровень тревожности, безрассудность и неспособность тщательно планировать что-либо.

Выявлена средняя выраженность компонентов «Тёмной триады» («Короткий опросник «Тёмной триады» (SD3)). По шкале макиавеллизма индивидуальные показатели исследуемых девушек расположены в интервале от 18 до 45 ($M \pm SD = 31,76 \pm 7,03$). По шкале нарциссизма показатели расположены в интервале от 15 до 32 ($M \pm SD = 24,38 \pm 5,68$). По шкале неклинической психопатии показатели расположены в интервале от девяти до 43 баллов ($M \pm SD = 21,24 \pm 7,25$). Для участниц выборки характерны стремления к манипулированию, сниженные уровни тревожности и эмпатии, неверие в то, что окружающим людям можно доверять и что они автономны.

Выводы:

1. Татуированные девушки 20–25 лет, составившие выборку, обладают средней выраженностью личностных характеристик «Темной триады», что может препятствовать их успешной адаптации в обществе.

2. Исследуемые обладают средней степенью выраженности макиавеллизма. Это проявляется в умеренном стремлении манипулировать окружающими и неверии в автономность других людей.

3. Исследуемые обладают средней степенью выраженности нарциссизма. Они стремятся к доминированию в контактах и получению похвалы от окружающих, верят в свою уникальность.

4. Исследуемые обладают средней степенью выраженности неклинической психопатии. Им свойственны эмоциональная холодность, рациональность и импульсивность.

5. Общим результатом является то, что у татуированных девушек была выявлена средняя выраженность личностных характеристик «Темной триады»: макиавеллизм, нарциссизм и неклиническая психопатия.

1. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Paulhus D.L. & Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy // Journal of Research in Personality. – 2002. – № 36 (6). – P. 556–563.

Временная протяженность ситуации как фактор проявления саморепрезентации личности в ситуациях целевой неконгруэнтности

Саморепрезентация, целевая (не)конгруэнтность, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные жизненные ситуации

В последние десятилетия поиски исследовательских решений в области психологической феноменологии личности все более фокусируются на динамическом взаимодействии личностных факторов, ситуационной и целевой детерминации, которые имеют определяющую роль в процессах самоизменений личности. Целью проведенной нами серии исследований стало изучение изменения саморепрезентации личности (СРП) в зависимости от изменяющихся целевых и ситуационных характеристик, когда цели выступают в качестве одних из главных детерминант. Цели человека соотносятся с возможностями или ограничениями, которые содержит его жизненная ситуация, выступая в качестве интегральной единицы описания «человека-в-ситуации» [1], его связи с контекстом, с хронотопом жизненного пространства и времени.

СРП – контекстуализированное проявление Я-концепции, динамичная структура знаний и представлений о себе, реагирующая на ситуационный и изменяющийся во времени опыт и выражающаяся в чертах характера, состояниях, аффектах, целях, ожиданиях, убеждениях, ценностях, социальных ролях и возможных я.

Под ситуационными детерминантами понимаются конкретные характеристики или особенности, воспринимаемые человеком с точки зрения их возможностей и/или ограничений для достижения своих целей в соответствующем временном контексте. В качестве целевых детерминант рассматриваются конкретные цели и задачи, которые ставит перед собой человек в краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных жизненных ситуациях.

При согласовании целей с возможностями, которые предоставляет ситуация, существует соответствие, конгруэнтность целей и ситуации (КС); когда в ситуации создается препятствие для достижения цели, возникает несоответствие, неконгруэнтность целей и ситуационных возможностей (НКС) [2]. Мы предполагаем, что в ситуациях НКС преобладающая роль ситуационных детерминант или личностных характеристик в СРП будет зависеть от темпоральных характеристик ситуации.

Было проведено несколько эмпирических исследований (N = 62; N = 328; N = 53; N = 12), направленных на выявление паттернов изменения СРП в ситуациях целевой неконгруэнтности в различных временных контекстах. Выбор исследовательских методов был обусловлен темпоральным аспектом ситуации целевой неконгруэнтности: SAAP [3] – для изучения целевых и ситуационных особенностей краткосрочных НКС; Situational 8 Diamonds [4] – для среднесрочных НКС; анализ нарративов – для долгосрочных НКС.

Результаты проведенных исследований показали, что изменения СРП человека в НКС происходят в результате динамического взаимодействия личностных и целевых детерминант под влиянием ситуационных факторов, которые отражают возможности и ограничения ситуации, оцениваемые человеком в связи с его целями. Личностные особенности человека оказываются значимым фактором в восприятии ситуаций человеком, при этом они проявляют себя по-разному в НКС различной временной протяженности.

Изменения СРП в краткосрочных НКС происходят в результате действия случайных ситуативных факторов и определяются, главным образом, ситуационными детерминантами. На этом уровне СРП проявляется в состояниях, отличающихся от устойчивых черт, и отрицательном аффекте. Изменения СРП в НКС среднесрочного уровня в большей степени связаны с личностными детерминантами, чем с ситуационными факторами и могут сопровождаться сменой ролевой идентичности. СРП в НКС на долгосрочном жизненном уровне могут проявиться как потерянные возможные я.

1. Гришина Н.В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 310–323.
2. Diekmann A.B. et al. A goal congruity model of role entry, engagement, and exit: Understanding communal goal processes in STEM gender gaps // Personality and social psychology review. – 2017. – Vol. 21, No. 2. – P. 142–175.
3. Brown N.A., Neel R., Sherman R.A. Measuring the evolutionarily important goals of situations: Situational affordances for adaptive problems // Evolutionary Psychology. – 2015. – Vol. 13, No 3. – P. 12–15.
4. Rauthmann J.F. et al. The Situational Eight DIAMONDS: a taxonomy of major dimensions of situation characteristics // Journal of personality and social psychology. – 2014. – Vol. 107, No. 4. – P. 677.

Образ будущего у людей с разным отношением к смерти

Образ будущего, отношение к смерти, переживание неопределённости, молодёжь

Человек всегда находится наедине со своей жизнью, с осознанием собственной смертности и с необходимостью конструировать будущее, что особенно непросто в эпоху глобальной неопределённости. Как фактор психического здоровья образ будущего позволяет оценить отношение личности к настоящему, включённость во временную перспективу, изучить ценности и цели развития личности [2]. Большинство исследований посвящено временной перспективе, образ будущего остаётся малоизученным.

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи образа будущего, как отдельного психологического конструкта, и отношения к смерти среди людей с отсутствием психических расстройств, тяжёлых соматических заболеваний.

Гипотеза: компоненты образа будущего имеют свою специфику в зависимости от особенностей отношения респондента к смерти.

Методы исследования: полуструктурированное интервью, «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассермана, «Профиль attiтюдодов по отношению к Смерти» П.Т.П. Вонга.

Для обработки использовались описательные статистики, частотный анализ, кластерный анализ К-средними, контент-анализ, хи-квадрат Пирсона и U-критерий Манна-Уитни.

Выборка: 60 человек (21 мужчина и 39 женщин) от 18 до 29 лет ($M = 23$; $SD = 3$).

Выделенные компоненты образа будущего:

1. Когнитивный компонент представляет собой совокупность событий, которые личность выделяет для себя как значимые в предстоящем жизненном пути (перспектива событий, структура).
2. Аффективный компонент отражает эмоциональное отношение личности к своему будущему (отношение к событиям будущего).
3. Поведенческий компонент заключается в активности позиции личности в планировании жизни (локус контроля, образ идеального будущего).
4. Смысловой компонент включает в себя ценностно-смысловую наполненность образа будущего (значимые события, ценности и события, которых хочется избежать).

Результаты. Среди молодёжи было выделено два типа отношения к смерти, отличающихся по выраженности избегания и страха смерти. Значимые различия между группами с разным типом отношения к смерти были обнаружены только по смысловому компоненту образа будущего. Описывая образ будущего, респонденты с более высоким уровнем страха и избегания темы смерти чаще указывают среди значимых событий будущего карьерный рост ($p < 0,01$) и появление ребёнка ($p < 0,05$), но реже события, связанные с появлением имущества ($p < 0,05$). Среди избегаемых событий будущего респонденты с более высоким уровнем страха и избегания темы смерти реже указывают события, связанные с ухудшением здоровья ($p < 0,05$), но чаще упоминают события, связанные с разрывом отношений и одиночеством ($p < 0,05$).

В значимых событиях будущего раскрываются такие ценности, как ценность свободы определять собственные действия и поступки, стремление к переменам и новым событиям, ценность благополучия близких и преданности группе. Полученные данные о специфике базовых ценностей молодых людей частично согласуются с ценностями, которые были выделены ранее на выборке молодёжи [3].

При сравнении полученных данных «Семантического дифференциала» будущего времени с нормативными показателями Вассермана [1] нами было обнаружено, что показатели по шкале «Ощущаемость будущего» в нашей выборке в два раза ниже. Молодые люди в наше время ощущают своё будущее как более далёкое и нереальное, чувствуют себя более отстранёнными от будущего времени ($p < 0,01$). Однако одновременно с этим воспринимают своё будущее как более наполненное смыслом и событиями ($p < 0,01$).

1. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Червинская К.Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии // Пособие для психологов и врачей. – СПб.: СПбНИПНИ им. Бехтерева, 2005.
2. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
3. Ржанова И.Е., Алексеева О.С., Альбов А.С., Бурдукова Ю.А. Гендерные различия по индивидуальным ценностям у представителей поколения миллениалов // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2022. – № 3.

Исследование обыденных представлений о новой жизненной ситуации в контексте жизненного опыта

Новая жизненная ситуация, жизненный опыт, переживание, интерпретация

В современной психологии изучение ситуаций и событий имеет давнюю историю и чаще всего направлено на изучение связи человека и ситуации. В литературе практически не уделяется внимания изучению новых жизненных ситуаций (НЖС), которые человек, посредством своего жизненного опыта, может особенным образом переживать и интерпретировать. Как известно, жизненный опыт играет важную роль, связанную с тем, как человек воспринимает и истолковывает для себя различного рода жизненные ситуации, которые, в свою очередь, могут приводить к изменениям в его содержании [1; 2].

На сегодняшний день существуют различные подходы к описанию жизненных ситуаций и выделению их признаков (С. Баднер, Е.П. Белинская, Н.А. Цветкова, Е.В. Битюцкая и др.). Однако именно НЖС осталась вне фокуса внимания исследователей. В связи с чем целью нашего исследования стал поиск оснований для выделения НЖС в отдельную категорию. Первым шагом на этом пути выступило изучение обыденных представлений людей о НЖС, в которых отражается их субъективная интерпретация и переживания, основанные на жизненном опыте.

Выборку исследования составили 43 человека, среди них 32 женщины и 11 мужчин, от 18 до 64 лет ($M = 26,1$; $SD = 9,02$). Для сбора данных использовались: разработанная нами анкета и метод «Незаконченные предложения», а полученные данные обрабатывались методом качественного контент-анализа и частотного анализа.

Анализ обыденных представлений показал, что НЖС характеризуется:

1. отсутствием следа ситуации в опыте человека (56%) (например: «ситуация, в которую человек до этого момента не попадал»);
2. субъективной оценкой ситуации как новой (47,5%) (например: «эта ситуация новая для меня», «что-то новое в моей жизни»);
3. изменением привычных условий жизни или добавлением новых (39,5%) (например: «она меняет условия твоего существования или добавляет новые», «если последуют необратимые перемены, которые напрямую будут влиять на меня»);
4. «не работают» привычные паттерны, способы или средства реагирования (27,9%) (например: «нет примера из прошлого опыта, как действовать, или старые способы не подходят», «к ней нужно приспосабливаться и искать новые способы»);
5. дефицитом информации и ограниченностью знаний (20,9%) (например: «у тебя ещё нет никакой информации о ней», «отсутствие знаний и опыта»).

Респондентами было отмечено, что переживание новой жизненной ситуации сопровождается: 1) отсутствием уверенности в себе (39,5%), 2) снижением концентрации внимания (11,6%), 3) высокой степенью эмоционального напряжения (27,9%), 4) потребностью в социальном взаимодействии и поддержке (16,2%).

По результатам этого этапа была построена таксономия НЖС, в которую были включены такие типы, как:

1. изменения социального окружения (новый коллектив; прекращение общения с другом/знакомым);
2. НЖС в профессиональной деятельности (первый опыт работы; переход на новую работу);
3. изменения жизненного контекста (рождение ребенка; замужество; смена места жительства);
4. кризисные ситуации (болезнь; авткатастрофа, смерть близкого);
5. первый опыт соприкосновения с чем-либо (освоение нового вида деятельности; первые отношения);
6. субъективное переживание новизны, когда внешне ситуация выступает как повседневная, а внутренне переживается по-новому.

Таким образом, мы видим, что НЖС в обыденных представлениях чаще всего описывается через изменения жизненного контекста и эмоционально-когнитивную оценку. В дальнейшем планируется операционализировать данное понятие, проверить выдвинутые предположения на большей выборке и сгруппировать выявленные критерии НЖС с использованием факторного анализа.

1. Платонова Я.С., Зиновьева Е.В. Переживание ситуации «выхода за пределы привычного» в жизненном опыте взрослых людей // Петербургский психологический журнал. – 2024. – № 46. – С. 79–103.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. II. – М.: Педагогика, 1989. – 328 с.

Изменения возможных Я в ситуации нарушенных ожиданий

Устойчивость и изменения личности, возможные Я, ситуации нарушенных ожиданий

Несмотря на то, что формирование Я-концепции обычно рассматривается в возрастной психологии и психологии развития, Я-концепция молодых взрослых также претерпевает изменения, что может быть изучено уже с позиции психологии личности. Мы предполагаем, что существует динамика изменений возможных Я, которую можно описать, обратившись к особому рода ситуациям в повседневной жизни человека – «ситуациям нарушенных ожиданий»; существуют различные стратегии изменения возможных Я в ситуациях нарушенных ожиданий. Исследование опирается на феноменологическую парадигму, что позволяет обратиться к опыту переживания человеком внутренних изменений, связанных с нарушением представлений о предполагаемом себе (возможных Я). Возможное Я определяется как динамическая часть Я-концепции, отражающая желаемые и избегаемые представления человека о себе в будущем и влияющие на его поведение в настоящем [1]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, отвечая вызовам современности, психология как наука акцентирует внимание на изменяющемся человеке в изменяющемся мире. Мы обращаемся к изучению повседневного жизненного пространства и тому, как именно человек реагирует на нарушение «долгосрочных» представлений о себе в будущем в рамках контекста своего существования здесь и сейчас. Выборку исследования составили 20 человек в возрасте от 21 до 26 лет. В качестве методов исследования были использованы: методика диагностики возможных Я Карен Хукер в адаптации В.Ю. Костенко и М.М. Гришутиной [1]; полуструктурированное интервью для сбора значимых желаемых и избегаемых возможных Я; дневниковый метод, направленный на сбор информации о переживании ситуаций нарушенных ожиданий и реагирования на них возможных Я. В интервью были собраны значимые возможные Я, относительно которых в течение 2 недель респонденты заполняли дневниковые записи. В рамках исследования удалось получить следующие результаты: в повседневности личность обращается к большинству имеющихся у нее значимых возможных Я при переживании ситуаций, нарушающих ожидания, при этом фокусируясь на одном из них. Возможные Я реагируют на ситуации нарушенных ожиданий активацией ряда стратегий, в результате чего происходит интеграция нового опыта в Я-концепцию человека. Удалось выявить 7 таких стратегий: сравнение, детализация, уточнение, замена, синхронизация, валидизация и добавление. Предложено разделение ситуаций нарушенных ожиданий на позитивные и негативные. Также выявлено, что они могут касаться двух типов образа будущего себя, а именно: себя, находящегося в процессе достижения определенного возможного Я или конкретного представления о себе. В зависимости от этого можно распределить проявления возможных Я в соответствии с уровнями жизненного контекста: ситуационным, повседневным и бытийным. Таким образом, выявлен потенциал изменчивости представлений о себе в будущем, что может быть использовано в более глубоком понимании мотивации человека к изменениям, и проблемы стабильности и изменчивости личности как таковой.

1. Костенко В.Ю., Гришутин М.М. Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Марку // Пензенский психологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 126–148 [Электронный ресурс]. – URL: <https://publications.hse.ru/articles/221142892>

Цифровое пространство и проблемы устойчивости личности

Интернет, cozyweb, устойчивость личности, микрогруппы

В исследованиях интернета отмечается его амбивалентное значение для современной личности – это пространство возможностей для развития и самореализации, но одновременно это и агрессивное пространство дополнительных угроз, нарастающей поляризации и прекаризации личности.

Американский писатель и журналист Янси Стриклер (Yancey Strickler) для обозначения современного этапа развития интернета прибегает к метафоре «Темного леса», которую заимствует из одноименного произведения китайского фантаста Лю Цысиня [1]. Идеализм эпохи Web 2.0, когда интернет и социальные сети воспринимались как открытое пространство для развития и коммуникации, сменяется уходом пользователей в «Темный лес» от агрессивной и хищнической среды, перенасыщенной избыточной информацией, навязчивой таргетированной рекламой, троллингом и буллингом, слежкой и др. «Темные леса» интернета – это различные закрытые чаты, группы и сообщества, новые социальные платформы, в которые пользователь уходит от мейнстрима общедоступного интернета [3]. Но наибольшую популярность получила метафора «уютного интернета» или cozyweb, которая была предложена независимым исследователем и консультантом Венкатешем Рао (Venkatesh Rao). Если общедоступный интернет – это интернет плаща и кинжала, то cozyweb – это паутина пижамы [2].

Обращает на себя внимание, что парадигма cozyweb как нового этапа или тренда в развитии современного интернета не является принципиально чем-то новым, а скорее, воссоздает идеологию и атмосферу ранней сети, когда коммуникация была связана с персональными вебсайтами, блогами и форумами и др. Структура набирающих популярность у пользователей Discord, Reddit, Telegram и др. заменяет традиционную ленту социальных сетей на чаты, что обеспечивает их ориентированность на связь и коммуникацию. Тренд на переход от социальных сетей к общению в микрокомьюнити можно увидеть и в увеличении количества закрытых онлайн-микрогрупп в Telegram, Instagram¹ принадлежит Meta, признана в РФ экстремистской и запрещена, WhatsApp¹, TikTok, VK и др.

Онлайн-пространства cozyweb изменяют качество коммуникации. Замедляется скорость, когда на смену хаотичному неконтролируемому скроллингу ленты и поверхностным связям приходит заинтересованное, искреннее и вдумчивое общение. Возвращается интерес к спокойным форматам контента, длинным текстам и видео. Уходят враждебность и агрессия, поскольку в микрогруппы не проникают посторонние.

Таким образом, искомая связанность с другими и коммуникация достигаются и реализуются сегодня в закрытых онлайн-мини-сообществах и группах. На современном этапе развития интернета чаты и обмен сообщениями становятся новыми социальными сетями. Культура пространств cozyweb имеет больше общего с физическим миром, чем с интернетом [3]. Cozyweb открывает человеку возможность оставаться самим собой, способствует удовлетворению фундаментальных потребностей личности в безопасности, принадлежности, информации, понимании, поиске смысла, индивидуализации и самовыражении. Все это содействует снижению переживаний прекарности и достижению устойчивости личности как в онлайн, так и офлайн-пространствах современного мира. При этом индивидуализация и связанная с ней свобода, реализуются через интересубъективность – как свободу выбора тех групп и сообществ, коммуникация внутри которых обладает смысловой и эмоциональной насыщенностью.

1. Цысинь Лю. Темный лес. – М.: Fanzon, 2024. – 624 с.
2. Rao V.G. The Extended Internet Universe. The Internet is now a very complicated place, 2019. – URL: <https://studio.ribbonfarm.com/p/the-extended-internet-universe> (дата обращения: 23.05.2024).
3. Strickler Y. The dark forest theory of the internet, 2019. – URL: <https://www.ystrickler.com/the-dark-forest-theory-of-the-internet/> (дата обращения: 23.05.2024).

Работа выполнена в рамках госзадания FNRE-2024-0016.

¹ Принадлежит Meta, признана в РФ экстремистской и запрещена.

К проблеме изучения макиавеллизма в контексте эмоционального интеллекта

Макиавеллизм, эмоциональный интеллект

Феномен макиавеллизма как предмет исследования привлек внимание психологов, преимущественно зарубежных, еще в прошлом столетии, но до сих пор не теряет своей важности. Данное понятие характеризует отношение к другим людям как к средству, которым можно воспользоваться при достижении цели. Манипулятивное поведение способствует обострению межличностных отношений. Весомую роль во взаимодействии с людьми играет эмоциональный интеллект. От умения понимать эмоциональное состояние и управлять им во многом зависит эффективность деятельности. Таким образом, изучение макиавеллизма в контексте эмоционального интеллекта на современном этапе развития науки и общества представляется нам актуальным.

Теоретико-методологическую основу исследования составили 1) взгляды на феномен макиавеллизма (Р. Кристи, Ф. Гейс, В.В. Знаков, А.К. Акименко, Л.М. Анцибор, И.Г. Кокурина и др.), подходы к исследованию макиавеллизма – социально-психологический (Р. Кристи, Ф. Гейс, Д. Симонтон, А. Дрори, Ю. Глускинос), эволюционный (Ф. де Ваал, Р. Бирн, А. Уиттен), клинико-психологический (Д. Полхус, К. Уильямс, С. Кауфман); 2) исследования эмоционального интеллекта в отечественной (Д.В. Люсин, И.Н. Андреева, Г.Г. Гарскова, М.А. Манойлова и др.) и зарубежной психологии (Дж. Мейер, П. Селавей, Д. Голмен, Х. Гарднер, Р. Стернберг, Р. Бар-Он, Д. Карузо и др.). Анализ проблемы позволяет обозначить макиавеллизм как тенденцию субъекта манипулировать другими людьми в межличностных отношениях, включающую наличие склонности умения убеждать других, понимать их намерения и причины поступков [1, 4]. Эмоциональный интеллект – способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений. Это способность к пониманию своих и чужих эмоций, к их осознанию, принятию и управлению ими [2, 3, 5].

Выборка исследования: 70 студентов 3-4 курсов, овладевающих профессией психолога в ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк. Исследование проводилось в 2023 г. Методики: «Шкала макиавеллизма личности» (Мак-шкала) Р. Кристи и Ф. Гейса (в адаптации В.В. Знакова), «Короткий опросник Тёмной триады» Д. Полхуса, «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана, тест эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина, тест эмоционального интеллекта Н. Холла. Обработка данных проводилась с применением U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования. Лицам с низким уровнем эмоционального интеллекта в большей мере ($p \leq 0,05$) свойственна уверенность в собственной исключительности, завышенная самооценка, тенденция достигать цели любыми средствами, склонность манипулировать другими и использовать их в своих целях. Лица с высоким уровнем эмоционального интеллекта обладают более низким уровнем проявления макиавеллизма ($p \leq 0,05$), менее склонны к манипулятивному поведению, им в большей мере присущи проявления гуманизма ($p \leq 0,01$), кантианства ($p \leq 0,01$), веры в человечество ($p \leq 0,05$).

Перспективой дальнейшей работы является углубление теоретико-методологической базы, учет большего количества диагностических критериев, увеличение выборки.

1. Анцибор Л.М. Макиавеллизм в структуре современного психологического знания: проблемы теории и методологии анализа. – Кишинэу: СЕР USM, 2014.
2. Люсин Д.В. & Ушаков Д.В. (Eds.). Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2004.
3. Подьяков А.Н. & Калущая И.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 3(4). – С. 78–89.
4. Руденко С.В. Макиавеллизм и социальный интеллект: к проблеме сопоставления понятий // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. – 2023. – С. 140–146.
5. Стернберг Р. Практический интеллект. – СПб.: Питер, 2002.

Самоопределяющие ментальные фотографии: к эскизу портрета нового феномена регуляции идентичности

Автобиографическая память, самоопределяющие ментальные фотографии, самоопределяющие воспоминания, личность

Поддержание идентичности личности ресурсом автобиографической памяти во многом опирается на сконструированную человеком эвокативную среду – комплекс объектов, направленно вызывающих существенные для него воспоминания [3]. Одним из наиболее мощных изобретенных человечеством «якорей» диахронической идентичности является фотография. Выступая внешним средством регуляции автобиографической памяти, фотография определяет как формирование воспоминаний, так и их селективную актуализацию [4]. Однако, согласно Л.С. Выготскому, полное развитие высшей психической функции предполагает идеализацию ее средств, т.е. их переход из материальной формы во «внутренний план» [1]. Данная логика применима и к «психологической судьбе» фотографии: значимые для личности снимки могут «вращиваться», образуя корпус внутренних фотоподобных знаков. Более того, мы предположили, что, по аналогии с феноменом «самоопределяющих воспоминаний», могут существовать «самоопределяющие ментальные фотографии» (СМФ), т.е. воспоминания о фотографиях, которые способны опосредствовать целостное переживание сущности личности вспоминающего [2].

Целью поискового эмпирического исследования стало изучение свойств и функций воспоминаний о фотографиях, которые люди оценивают как «самоопределяющие». В ходе исследования респондентам (N = 185, ср. возраст = 35,95) предлагалось вспомнить фотографию из личного архива, с помощью которой «Вы могли бы описать, что вы за человек». Подробно описав фотографию, респонденты оценивали по 5-балльной шкале: привлекательность фотографии и частоту ее воспоминания; степень психологической близости образа; информированность о месте съемки, фотографе, близких по времени, но не вошедших в кадр событиях; детальность периферии снимка, своего лица, тела и одежды, степень «похожести» образа на себя. В заключение респонденты поясняли, какой аспект личности выражает выбранная фотография и зачем они обычно вспоминают ее.

Результаты показали, что СМФ, действительно, присутствуют в психической жизни респондентов и, согласно самоотчетам, используются ими для реализации широкого набора личностных функций: саморегуляции эмоциональных состояний и поведения (29,8% протоколов), выстраивания истории изменения и развития Я (11,7%), переживания аутентичности Я (9,8%), самопрезентации (9,8%) и поддержания социальных связей (7,3%).

Для создания типологии СМФ был проведен эксплораторный факторный анализ, позволивший выделить три фактора. В фактор, названный «Фокус на событии», вошли переменные, описывающие широкий контекст события, в ходе которого была сделана фотография, а также возраст респондента. Предполагается, что такие СМФ обеспечивают доступ к конкретному личностно-значимому эпизоду прошлого. Фактор «Детальность образа Я» объединил показатели детальности своего внешнего облика на фото. СМФ такого типа могут стимулировать рефлексивную стабильных и изменчивых характеристик личности вспоминающего. Переменные, вошедшие в фактор «Целостное Я», отражают степень интеграции описанной фотографии с личностью рассказчика, что выражается в оценках привлекательности, психологической близости образа и его схожести с респондентом в жизни, а также в частоте воспоминания. Подобные СМФ предоставляют человеку доступ к целостному представлению о своем Я, аспекты которого могут метафорически выражаться содержанием снимка.

Полученные результаты обсуждаются в свете рассмотрения СМФ в качестве идеальных средств обращения к разным пластам материала автобиографической памяти.

1. Нуркова В.В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. – М.: Юрайт, 2020.
2. Нуркова В.В., Сулим О.С. Эвокация Я: самоопределяющие ментальные фотографии // Этнографическое обозрение. – 2023. – № 6. – С. 61–76.
3. Heersmink R. Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities // *Biology and Philosophy*. – 2020. – № 35(5). – P. 1–23.
4. King C.I., Panjwani A.A., St. Jacques P.L. When having photographs of events influences the visual perspective of autobiographical memories // *Applied Cognitive Psychology*. – 2024. – Vol. 38, № 1.

Субъектность, смыслообразование и цифровизация

Смыслообразование, субъектность, прагмасемантика, цифровизация

Субъектность – ключевой фактор прокреативной преадаптации, обеспечивавшей до сих пор успешное развитие человеческой цивилизации [1]. С позиций прагмасемантического подхода, субъектность выступает универсальным интерфейсом, позволяющим совмещать, менять и порождать контексты смыслообразования, задаваемые контекстами социально-культурных практик. Формирование субъектности реализуется в процессе социализации и индивидуализации при освоении социально-культурного опыта, сопровождаемого коммуникацией [2]. К третьему году жизни ребенок осваивает нарративную коммуникацию от первого лица, что свидетельствует о формировании самосознания самости, т.е. вмняемой субъектности (памяти, autobiographic self) [4; 5].

Будучи социально-коммуникативным феноменом по происхождению, она, как система с рефлексивным самоописанием, образует структуру, аналогичную ленте Мёбиуса (странную петлю Д. Хофштадтера). Подобно тому, как слепое пятно в глазу, само будучи невидимым, обеспечивает возможность зрения, так и субъектность (суть трансцендентального субъекта Э. Гуссерля), будучи сама ненаблюдаемой, обеспечивает возможность объективации трансцендентного. Она выполняет роль универсального интерфейса, обеспечивающего совмещение, замену, образование новых контекстов смыслообразования.

Развитие и внедрение цифровых технологий практически во все сферы социальной жизни, перевод социально-культурного опыта в цифровые форматы превращает культуру в жестко алгоритмизированный механизм, что существенно меняет ситуацию, когда от человека требуется не рефлексия и прокреация, не трансцендирование в лиминальность, а правильное следование разработанному алгоритму. Цифровизация на глазах оборачивается не только и столько инструментом, органопроекцией, порождающей невиданно комфортный образ жизни, сколько принципиально новой целостной средой обитания, в которой человек выполняет роль не пользователя, а опции. А оставляемые человеком по факту его бытия Большие Данные, которые потом обрабатываются, используются (например, для маркетинга подталкивания и других форм манипулирования) и монетизируются, порождают новую форму экономической ренты – «экзистенциальную».

Однако главным вызовом является не столько вызов политико-экономический, сколько именно антропологический.

1. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. – М.: Акрополь, 2018. – 212 с.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2019. – 580 с.
3. Тулъчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. – СПб.: Алетейя, 2020. – 826 с.
4. Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. – М.: Весь мир, 2018. – 320 с.
5. Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. – Pantheon, 2010. – 384 p.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00591, «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, Калининград.

Феноменология переживания личностью собственной деструктивности: ценностно-смысловые аспекты

Деструктивность личности, деструктивное поведение, переживание, самодетерминация личности, ценности, смыслы

В повседневной жизни современного человека наблюдается широкое многообразие деструктивных и аутодеструктивных явлений, которые всё чаще определяют содержание клиентских запросов в практике психологического консультирования и психотерапии. Можно констатировать интенсивный рост исследовательского интереса к проблемам диагностики, профилактики и коррекции деструктивного поведения [2, 5]. В научной литературе так же, как и в обыденном сознании, доминирует представление о том, что деструктивность личности обусловлена исключительно нарушениями эмоционально-волевой регуляции, дезадаптацией под воздействием неблагоприятных социальных или биологических факторов [4]. Однако по результатам ряда современных исследований, многие формы и проявления деструктивности предполагают субъектную вовлечённость, целенаправленность и произвольность действий, осознание себя в качестве агента или автора деструкции [1]. В структуре переживаний личности такие формы деструктивности могут быть связаны с актуализацией жизненных смыслов и ценностей.

Целью данного исследования является феноменологический анализ ценностно-смысловой детерминации переживания личностью собственной деструктивности. Выборку исследования составили 20 человек в возрасте от 20 до 50 лет, жители разных городов РФ. Использовались качественные методы исследования: для сбора данных – полуструктурированное интервью, для обработки данных – тематический контент-анализ.

Результаты исследования включают описание поведенческих, эмоциональных, когнитивных и ценностно-смысловых компонентов переживания деструктивности, различающихся в зависимости от направленности разрушения вовне или на себя. В текстах респондентов обнаружены эмпирические референты, соответствующие трём уровням самодетерминации деструктивной активности:

1. спонтанным разрушительным интенциям, связанным с эмоциональной саморегуляцией или самостимуляцией (у 70% респондентов);
2. произвольным инициациям деструктивности для достижения коммуникативных целей (30% опрошенных);
3. смыслам и ценностям разрушения, связанным с актуализацией жизненных ценностей личности (60%) или их конфликтом (40%).

Показана роль ценностей самоусиления, самотрансценденции, стимуляции, открытости к изменениям и самонаправления в процессе ценностно-смысловой детерминации личностной деструктивности.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о связи процесса переживания собственной деструктивности с «инстантацией» ценностей [3] в трудных жизненных ситуациях. Особую значимость приобретают ценности и смыслы отношений с людьми, саморазвития, становления и свободы.

1. Злоказов К.В. Роль насилия в деструктивном поведении: эмпирическое исследование / К.В. Злоказов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4(80). – С. 188–192.
2. Малых С.Б. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодёжи: анализ мирового опыта / С.Б. Малых // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 3(1). – С. 118–120. DOI 10.35750/2713-0622-2023-1-118-120.
3. Роккас С., Сагив Л. (сост.) Ценности и поведение. Кросс-культурный подход / Пер. с англ. О.В. Панасьева. – СПб: ИПП ГЦ, 2022.
4. Садовникова Ж.В. Анализ причин деструктивного поведения детей и подростков в современном обществе. Способы профилактики // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2023. – № 2.
5. Самойлик Н.А. Диагностика деструктивного поведения: постановка проблемы // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 1 (21).

Особенности временной перспективы и представлений о будущем у людей с разным уровнем осознанной саморегуляции достижения целей

Осознанная саморегуляция, временная перспектива, личность

Проблема изучения осознанной саморегуляции поведения человека в современных условиях жизнедеятельности – актуальная теоретическая и практическая задача. Одним из фокусов данной проблемы является раскрытие регуляторных механизмов временной перспективы. Согласно предположениям, и немногочисленным исследованиям в данной области саморегуляция может быть рассмотрена в качестве механизма поддержания позитивных форм временной перспективы [1]. Осознанная саморегуляция при этом понимается в рамках авторитетного подхода отечественной научной школы как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека, инициирует, поддерживает и управляет разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализуя достижение принимаемых человеком целей [2].

Цель настоящего исследования: изучить особенности временной перспективы у респондентов в зависимости от уровня развития осознанной саморегуляции. В исследовании приняли участие 410 респондентов в возрасте от 18 до 61 года (средний возраст – 24,6; стандартное отклонение – 8,78); 65% женщин.

Использовались следующие методы исследования: ZTPI-15 Краткая версия Стэнфордского опросника временной перспективы (Нестик, Никишина, 2021); Опросная методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» (Моросанова, Кондратюк, 2020). Методы статистического анализа: корреляционный анализ, кластерный анализ, дисперсионный анализ.

Корреляционный анализ позволил установить значимые положительные взаимосвязи между общим уровнем осознанной саморегуляции и такими характеристиками временной перспективы, как позитивное прошлое ($r = 0,182$; $p = 0,000$) ориентация на будущее ($r = 0,579$; $p = 0,000$) и восприятие настоящего ($r = 0,128$; $p = 0,009$). Значимые отрицательные связи обнаружены со шкалами ориентации на негативное прошлое ($r = -0,231$; $p = 0,000$) и фаталистическое настоящее ($r = -0,390$; $p = 0,000$).

На следующем этапе анализа данных с помощью кластерного анализа были выделены 4 группы в зависимости от уровня развития осознанной саморегуляции: с высоким уровнем, со средним, со сниженным и с низким. Дисперсионный анализ позволил установить, что уровень осознанной саморегуляции является значимым фактором в вариативности показателей временной перспективы. Между всеми группами обнаружены значимые различия по шкале ориентация на будущее ($F = 67,10$; $p = 0,000$). По позитивному прошлому только группа с низким уровнем осознанной саморегуляции значимо отличается от остальных ($F = 6,035$; $p = 0,000$). По шкале восприятие настоящего обнаружены различия между высокой и средней группой с остальными группами ($F = 3,035$; $p = 0,029$). По ориентации на негативное прошлое низкая группа значимо отличается от остальных, при этом высокая и средняя группа не различаются между собой ($F = 7,222$; $p = 0,000$). По фаталистическому настоящему группы со сниженной и низкой саморегуляцией схожи, а остальные группы значимо отличаются ($F = 21,071$; $p = 0,000$).

Таким образом, полученные результаты о взаимосвязи осознанной саморегуляции и индивидуальных особенностей временной перспективы свидетельствуют о том, что регуляторные характеристики могут быть значимыми ресурсами личности не только в организации деятельности по планированию будущего, но и в коррекции негативного отношения к прошлому, трансформации пассивного отношения к настоящему. Перспективой исследования является разработка эмпирической типологии взаимосвязи временной перспективы и осознанной саморегуляции поведения человека.

1. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2021. – № 1. – С. 3–37. doi: 10.11621/vsp.2021.01.01
2. Моросанова В.И., Ванин А.В. Роль индивидуальных особенностей временной перспективы и осознанной саморегуляции при выборе профессии старшеклассниками // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 5 (13).

Шкала «Профиль самозванца IPP31»: многогранная психометрическая оценка

Феномен самозванца, многофакторная шкала, психометрические свойства, инвариантность измерений

Феномен самозванца проявляется в убежденности человека в том, что его профессиональный успех зависит от стечения обстоятельств, случайной ошибки или качеств, не связанных с работой. Объективный успех и признание со стороны коллег не дают основания носителям феномена самозванца принять свои достижения в профессиональной сфере.

В последнее десятилетие наблюдается возрастание интереса к изучению феномена самозванца, что отражается в повышении количества публикаций на данную тему [1], появлении систематических обзоров на русском и английском языках, а также наличии устойчивого интереса к данному вопросу в области консультативной психологической практики [3; 5].

Имеющиеся однофакторные шкалы для измерения феномена самозванца базируются на четырех концепциях данного феномена и включают Шкалу феномена самозванца (Дж. Харви), Шкалу феномена самозванца (П. Кланс), Шкалу субъективного обмана (Дж. Коллигиан и Р. Стернберг), Шкалу самозванца (М. Лири). Шкала феномена самозванца П. Кланс используется в наибольшем количестве исследований; при ее адаптации на немецкий, корейский и русский языки были получены хорошие психометрические показатели, а также обнаружено, что данный феномен характерен не только для представителей англо-саксонской культуры [4].

В связи с растущим интересом к изучению феномена самозванца и необходимости в дальнейшей детализации описания данной черты личности в 2022 году группой ученых из Германии была разработана многофакторная шкала «Профиль самозванца» (The Impostor-Profile (IPP31)), которая состоит из 31 утверждения и шести подшкал: сомнение в компетентности, стиль работы, отчужденность, расхождение восприятия себя и других, скромность, необходимость в сочувствии [2]. Многофакторный характер шкалы приводит к лучшей диагностике и более глубокому пониманию изучаемого феномена.

В нашем исследовании проведена оценка психометрических свойств шкалы «Профиль самозванца» (The Impostor-Profile (IPP31)) на многогранной выборке. В исследовании приняло участие 2595 респондентов из следующих стран: Чехия (n = 502), Великобритания (n = 356), Германия (n = 612), Италия (n = 367), Румыния (n = 302) и Россия (n = 333). С помощью серии конфирматорных факторных анализов была получена бифакторная структура русскоязычной версии шкалы, продемонстрировавшая полную инвариантность по полу и частичную – по возрасту респондентов. Удовлетворительные психометрические свойства шкалы были продемонстрированы для всех выборок, кроме выборки из Италии.

1. Bravata D.M., Watts S. A., Keefer A.L., Madhusudhan D.K., Taylor K.T., Clark D.M. ... & Hagg H.K. Prevalence, predictors, and treatment of impostor syndrome: a systematic review // *Journal of general internal medicine*. – 2020. – 35. – P. 1252–1275.
2. Ibrahim F., Münscher J.C. & Herzberg P.Y. The facets of an impostor–development and validation of the impostor-profile (IPP31) for measuring impostor phenomenon // *Current Psychology*. – 2022. – 41(6). – P. 3916–3927.
3. Mak K.K., Kleitman S., Abbott M.J. Impostor phenomenon measurement scales: A systematic review // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10, article ID 671. – 15 p.
4. Sheveleva M.S., Kornienko D.S., Permyakova T.M. Shkala fenomena samozvantsa: psikhometricheskie kharakteristiki russkoyazychnoi versii [Clance impostor phenomenon scale: psychometric properties of russian version] // *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*. – 2021. – Vol. 42, no. 1. – P. 132–142. (In Russ.).
5. Stone-Sabali S., Bernard D.L., Mills K.J. & Osborn P.R. Mapping the evolution of the impostor phenomenon research: A bibliometric analysis // *Current Psychology*. – 2023. – 42(36). – P. 32097–32109.

Азбель А.А., Галактионова Т.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Буткевич Я.В.
Санкт-Петербург, АНПО «Школьная лига», ФГБОУ ВО СПбГУ

Барьеры и трамплины развития личностного потенциала в российских школах: кейс-стади вхождения школ в проект «Мастерские роста»

Личностный потенциал, человеческий капитал, проектная деятельность, мастерство

Актуальность проблематики. В одном из своих интервью декан экономического факультета МГУ Александр Аузан заявил, что образование не является услугой, а представляет собой инвестиционную деятельность. Одновременно в социологии появляется понятие «агентность» (П. Сорокин, 2020), которое означает «действие», способное изменять или создавать «структуру» (институты). Способность вносить изменения, в том числе в социальные и экономические аспекты, характеризует общество с инновационно-активными людьми, способными к агентности (как проактивному воздействию на окружающую социальную среду). По мнению П. Сорокина, «агентность» может стать одной из наиболее значимых составляющих человеческого капитала в XXI веке.

Откликом на идеи социологов и экономистов о том, что для развития сильной экономики необходимы сильные кадры, являются современные психолого-педагогические теории: развитие личностного потенциала Д.А. Леонтьева, педагогика успеха Е.И. Казаковой, персонализированное образование и самоопределение человека в эпоху неопределенности по А.Г. Асмолову, а также программы по развитию личностного потенциала, созданные при содействии Фонда «Вклад в будущее». В рамках этой аксиоматики и аксиологии в экспериментальном формате был создан и запущен проект «Мастерские роста», развивающий у учеников российских школ способность «воздействовать и преобразовывать школьную среду» – агентность. Через анализ эмпирических данных раскрываются противоречия, связанные с актуальным запросом экономики на человеческий капитал и «агентность» и условия его формирования.

Цели доклада. На основе анализа кейса «Мастерские роста» сделать осторожный прогноз в отношении специальных программ и проектов, направленных на развитие поколения, способного к инновационному поведению.

Методология исследования. Основой исследования являются эмпирические качественные и количественные данные, полученные в ходе реализации всероссийского проекта по развитию личностного потенциала «Мастерские роста» при поддержке фонда «Вклад в будущее» (Сбер). Предметом анализа становится реакция школ на предложение принять участие в конкурсном отборе и дальнейшее поведение в проекте. Особое внимание исследования уделено мотивировке директоров школ ($n = 63$) принять участие в проекте вне обязательств «госзадания».

- Каким образом школы объясняют необходимость развития личностного потенциала своих учеников? В чем различия в мотивациях сельских и городских школ, а также крупных ($n > 600$) и малых ($n < 600$) школ?
- Чем обусловлена мотивация школ для вступления в проект, где развиваются ценности самостоятельности и целенаправленной деятельности?
- Можно ли ожидать, что современные педагоги, открывая психолого-педагогические классы, воспитают новое поколение учителей?
- Что стимулирует, а что тормозит развитие проекта по развитию личностного потенциала?

Основные результаты. Наши наблюдения и анализ статистических данных позволяют утверждать, что в отношении наблюдаемых явлений «агентности» и развития личностного потенциала, скорее, не сформировано языковое и дискурсионное поле, позволяющее ассимилировать эти понятия в бытовом сознании взрослого населения. Этот факт является серьезным тормозом развития вектора сознания молодежи в отношении развития себя как ресурса основного собственной жизни. Однако найдены точки влияния на школы и школьные сообщества, которые обеспечивают развитие школьных коллективов. Оно связано с обратной связью, которую получают школы, представляя результаты своего «рывка».

Научная дискуссия. Исследование кейса о проекте, вовлекающем школы в развитие личностного потенциала своих учителей и учеников, дает повод размышлять о результатах исследования в контексте литературной метафоры А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне». Сегодня «агентность», проактивность и накопленный личностный потенциал за одиннадцать лет школьной жизни действительно становятся продуктом деятельности педагогической практики. Остро встает вопрос доказательности и эффективности таких подходов к образованию. Почти нет данных о сегодняшней «агентности» выпускников школы А.Н. Тубельского или М.П. Щетинина, которые могли бы ответить на вопрос, можно и нужно ли учить учеников проактивному взаимодействию с окружающей средой.

1. Асмолов А.Г. *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. Александра Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 546 с.
2. Казакова Е.И. Диалог на лестнице успеха: книга для учителей и родителей / Е.И. Казакова, А.П. Тряпицына. – Санкт-Петербург: Петербург XXI век; Пресс-Атгаше, 1997. – 159 с.
3. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Под ред.: Кузьмина Я.И., Фрумина И.Д., Сорокина П.С. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1995-0>.
4. Леонтьев Д.А. Три мишени: личностный потенциал – зачем, что и как? / Д. Леонтьев // *Образовательная политика.* – 2019. – № 3(79). – С. 10–16.
5. Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* – 2021. – № 5. – С. 216–241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>.

Проект выполняется при поддержке АНПО «Школьная Лига».

Насыщенность индивидуального образовательного пространства

Индивидуальное образовательное пространство, самопознание, подростки, персональное представление, понимание

Информационные технологии все глубже проникают в жизнь современного человека, становясь частью его жизненного пространства, расширяя и трансформируя. Раннее погружение детей в цифровую среду, часто происходящее по инициативе близких, актуализирует проблему потребительского отношения к информации и приверженности развлекательному контенту при снижении интереса к самостоятельной учебной активности. Данная социальная ситуация развития не может не влиять на формирование индивидуального образовательного пространства (ИОП) школьника.

Центральным вектором исследования выступили основные содержательные характеристики ИОП, в частности, такие как насыщенность, разнородность, субъектность, протяженность и связность. Именно они в первую очередь стали предметом психологического анализа. Для материала данной публикации представлена одна из пяти характеристик ИОП – насыщенность.

Целью изучения насыщенности ИОП школьников стала заинтересованность в раскрытии субъективной картины сформированных представлений (образов) об окружающих людях, объектах, предметах и явлениях, имеющих для школьника особое развивающее значение.

Объектом формируемой категории насыщенности ИОП являются объекты и предметы, события и явления, влияние которых подростками оценивается как лично значимые в учебно-познавательной сфере.

Предметом в изучении насыщенности стала наполняемость ИОП разнообразием интересных для подростка окружающих предметов и явлений.

Насыщенность (наполненность) – содержательная характеристика ИОП, которая показывает какие субъекты, объекты, ситуации и отношения личность включает в свое индивидуальное образовательное пространство.

Для изучения данной характеристики ИОП были использованы вербальные и невербальные выражения школьников, которые они проявляли в рисунке и эссе «Мое ИОП». Школьникам предлагалось представить и изобразить на рисунке и в эссе все значимые для них и их обучения предметы, объекты, явления, события, которые способствуют улучшению их достижений в обучении. Выполнение задания по рисованию или написанию эссе повторно дублировалось после прохождения подростками тренинга по самопознанию, в количестве десяти занятий, в процессе которых подростки осуществляли раскрытие своих уникальных качеств, психологических процессов, способствующих расширению знаний о себе. Таким образом, подростки, участвующие в исследовании, имели возможность изобразить и проговорить о своих собственных представлениях о значимых для них людях, объектах, предметах и явлениях до и после тренинга.

В число событий, которые описывали или отмечали подростки в эссе или рисунке «Мое ИОП» были поездки, путешествия, общения, праздники, экскурсии, посещения театра, походы и т.д. При повторном описании ИОП подростки экспериментальной группы так же более осознанно отмечали значение развивающих событий в своем окружении и развитии. Что не было отмечено у школьников контрольной группы.

В процессе анализа ответов школьников, в категорию насыщенности ИОП были включены отмечаемые детьми предметы, объекты, события, явления, в представлениях школьника обеспечивающие образовательную функцию/нагрузку: члены семьи, друзья, учителя, школа, учебные предметы и школьные принадлежности, книги, телефоны, компьютеры, природа, различные процессы развития, занятость вне школы (тренировки, музыка, чтение, рисование, походы в музей и на выставки, дополнительные занятия) и т.д., для каждого ребенка имеет свою наполненность (плотность).

Вывод. Насыщенность является значимой характеристикой ИОП подростков, содержание которой открывает индивидуальный мир познавательных интересов, увлечений и развивающих возможностей, лично значимых для школьников; формируемой в результате активной познавательной деятельности, влияющей на качество самооценки, возможностей самопознания, понимания и принятия собственных способностей, особенностей личности, ресурсных состояний, интересов и приемлемых направлений собственного развития.

Альтруизм как источник социального благополучия личности в оценках студентов

Альтруизм, альтруист, альтруистическое поведение, социальное благополучие, молодежь

Проблематика альтруизма личности – вопрос, волнующий умы психологов, социологов, философов уже не одно столетие. Однако в современных условиях, связанных со значительными социальными трансформациями в общественной жизни, обращение к исследованию альтруизма приобретает новое звучание.

Наше исследование, объектом которого выступила студенческая молодежь, было проведено весной 2024 года. Мы провели 34 полуструктуризованных интервью со студентами Уральского федерального университета, основной целью которых стал анализ представлений о феномене альтруизма. Согласно полученным данным альтруизм молодежь связывает с бескорыстным оказанием помощи другим людям. Среди основных характеристик альтруиста студентами названы следующие (в порядке убывания): отзывчивый, легкий на подъем, заботливый, воспитанный, добрый, готовый пожертвовать своими интересами, жизнелюбивый, целеустремленный, счастливый, самостоятельный, равнодушный.

Оценка студентами альтруиста как счастливого человека была раскрыта в ходе дополнительных вопросов. Так, информанты отметили, что, во-первых, проактивные поведенческие практики «дают ощущение счастья, поднимают настроение и позволяют почувствовать свою ценность и значимость» (жен., 20 лет). Во-вторых, студенты указали на тот факт, что бескорыстная помощь людям позволяет «сделать мир лучше, повысить благополучие людей, ведь ты своим поступком кого-то сделал немного счастливее» (жен., 23 года). Таким образом, альтруизм становится фактором развития социального благополучия как самого субъекта проактивного поведения, так и людей, в отношении которых совершаются альтруистические действия.

Материалы продемонстрировали некоторую идеализацию в представлениях молодежи об альтруизме, однако оценивая собственные реальные практики альтруистических поступков информанты отметили доминирование среди них своего рода бытового альтруизма, характерного в повседневной жизни (уступить место в транспорте, придержать лифт, помочь при выполнении домашнего задания и т.п.). Информанты также подчеркнули, что в своих действиях стараются руководствоваться «золотым правилом нравственности», формирующим ценностное отношение человека к другим людям: «надо поступать так по отношению к другому, как хотелось бы, чтобы поступили по отношению к тебе» (муж., 20 лет).

В целом результаты интервью позволяют прийти к выводу о том, что молодое поколение утверждает себя в качестве ответственного субъекта социального действия, ориентированного на социальное благополучие, и включает в свой жизненный мир траектории альтруистического поведения.

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 24-28-20018, <https://rscf.ru/project/24-28-20018/>.

Психологические особенности подростков, воспитывающихся в полных и неполных семьях

Подростки, неполные семьи, понятийное мышление, копинг-стратегии, социально-психологическая адаптация

По данным Джабраиловой М.М. и Иванченко В.А., подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, имеют ряд психологических особенностей, которые могут затруднять их социально-психологическую адаптацию [1, 2]. Эти особенности могут включать склонность к невротическим расстройствам и девиантному поведению, проявления инфантильности, заниженную и неустойчивую самооценку. Воспитание подростков в неполных семьях сопряжено с повышенным риском формирования у них дезадаптивных реакций и снижения готовности к эффективному взаимодействию с окружающим миром. Холодная М.А. отмечала, что способность подростков к категориальному обобщению имеет связь с эффективностью совладающего поведения [3]. Следовательно, небезосновательно будет предположить, что подростки, воспитывающиеся в неполных семьях, будут значимо отличаться от подростков, воспитывающихся в полных семьях, по степени выраженности понятийного мышления, уровню социально-психологической адаптированности и по выбираемым ими стратегиям совладающего поведения. Выявление искомым различий является целью данного исследования.

Гипотеза 1: подростки из полных семей будут иметь более высокие показатели по уровню адаптации и развитости понятийного мышления, нежели подростки из неполных семей.

Гипотеза 2: подростки из полных и неполных семей будут использовать разные стратегии совладающего поведения.

В исследовании приняли участие 23 подростка в возрасте от 14 до 17 лет. 13 подростков из полных семей (3 юношей и 10 девушек), и 10 – из неполных семей (5 юношей и 5 девушек).

Исследование проводилось на базе сети Интернет.

Для проведения диагностики использовались: методика диагностики СПА Роджерса-Даймонд в адаптации А.К. Осницкого, опросник ОСС Лазаруса в адаптации Л.И. Вассермана и ТСИ Амтхауэра в модификации Л.А. Ясюковой (субтесты 2, 3, 4).

В качестве математического аппарата для проверки выдвинутой гипотезы нами был использован U-критерий Бруннера-Мюнцеля, как более надежная альтернатива U-критерия Манна-Уитни [4]. К нашему удивлению, оказалось, что у подростков из неполной семьи значимо выше показатели по субшкалам Принятие других ($p = 0,018$) в методике Роджерса-Даймонд и более развито Логическое понятийное мышление ($p = 0,02$) согласно методике Амтхауэра, что противоречит Гипотезе 1.

Сравнение выраженности используемых стратегий совладающего поведения по методике Лазаруса также дало значимый результат. Выяснилось, что у подростков из неполных семей более выражены такие стратегии совладающего поведения, как Самоконтроль ($p = 0,013$) и Планирование решения проблемы ($p = 0,012$). По остальным стратегиям совладающего поведения значимых различий не обнаружено.

Полученные результаты демонстрируют, что базовая интуиция, предсказывающая некоторое преимущество детей из полных семей по сравнению с детьми из неполных семей себя не оправдала. По большинству диагностируемых показателей значимых различий обнаружено не было, а там, где они обнаружены, сравнение было не в пользу подростков из полных семей.

1. Джабраилова М.М. Особенности проявления тревожности и агрессивности у подростков из неполных и смешанных семей // Изв. Дагестанского гос. пед. ун-та. Психолого-педагогические науки. – 2018. – Т. 12, № 4. – С. 21–25.
2. Иванченко В.А. Социально-психологические особенности детей из неполных семей // Изв. Саратовского ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 2. – С. 69–72.
3. Холодная М.А. Понятийные способности и эффективность совладающего поведения // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, М.А. Холодная, П.А. Сабадош. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – С. 141–149.
4. Karch J.D. Psychologists Should Use Brunner-Munzel's Instead of Mann-Whitney's U Test as the Default Nonparametric Procedure // Advances in Methods and Practices in Psychological Science. – 2021. – 4(2). – P. 1–14. doi:10.1177/2515245921999602

Особенности профориентационной работы с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Нарушение опорно-двигательного аппарата, профориентация, ОВЗ

Существуют психологические барьеры, препятствующие получению желаемого профессионального образования детям с НОДА. Таким детям зачастую свойственны нестандартные способы профессионального самоопределения: отсутствие собственных профессиональных намерений в связи с состоянием здоровья, общая пассивность и другие личностные особенности [2].

Для одних детей с НОДА характерна заниженная самооценка состояния собственного здоровья, низкий уровень притязаний, а также нежелание думать о будущем, что является своеобразным проявлением психологической защиты. Для других старшеклассников характерна и недооценка тяжести своего заболевания, когда подросток считает себя вполне здоровым или убежден, что вскоре полностью излечится [1].

В течение учебного года психологическая служба проводила профориентационные мероприятия, целью которых являлось помочь обучающимся сделать осознанный выбор профессии или увлечения.

В диагностической работе с обучающимися школы были использованы следующие методики:

1. Опросник для выявления готовности к выбору профессии (по В.Б. Успенскому).
2. Дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова.

По результатам диагностики было выявлено, что среди учащихся 8-11 классов на начало учебного года были следующие показатели:

- 3% – отсутствие готовности;
- 47% – низкий уровень готовности к выбору профессии;
- 50% – средний уровень готовности.

Высокий уровень готовности к выбору профессии не был выявлен ни у одного ученика.

На основании результатов проводились индивидуальные и групповые консультации, направленные на снятие тревожности обучающихся, связанного с выбором профессии и дальнейшим поступлением в учебные заведения. Также был сделан акцент на выявление сильных и слабых сторон детей с целью определения профессии.

В групповой и индивидуальной работе в школе, на тренинговых занятиях применялись психологические игры, метафорические ассоциативные карты, беседы, проективные методики, составление майнд-карт. Основной задачей работы с обучающимися было сформировать представления о будущем и том месте, которое занимает профессия.

На занятиях по профориентации обучающиеся определяли свои ожидания, мотивы, склонности и умения, ценности, определяли профессии, которые сейчас востребованы и интересны им, проходили условные собеседования, где им нужно было рассказать о себе и своих способностях, в результате получали рекомендации, что им стоит развивать в себе и какие экзамены им предстоит сдавать для поступления.

В результате проведенной работы в конце учебного года показатели были следующие:

- 1% – отсутствие готовности;
- 24% – низкий уровень готовности;
- 55% – средний уровень;
- 20% – высокий уровень готовности.

Несмотря на то, что уровень готовности к выбору профессии изменился, остается процент тех детей, кто не готов к выбору профессии или имеет низкий уровень. Значительно вырос уровень высокой готовности к выбору профессии.

Приоритетными направлениями в выборе профессии являются области «человек – человек», «человек – знаковая система» и «человек – художественный образ».

На основании проведенной работы можно сделать следующие выводы:

1. Профориентационная работа должна проводиться комплексно – усилить работу по привлечению родителей к профориентационной работе.
2. Проводить мероприятие на повышение уровня готовности выбора профессии, особенно среди выпускников.

1. Бикбулатова А.А. Трудоустройство инвалидов: мировой опыт и современное состояние / А.А. Бикбулатова, Е.А. Петрова, Р.В. Козьяков // Ученые записки Рос. гос. социального ун-та. – 2016. – Т. 15, № 4(137). – С. 6–11.
2. Шипицына Л.М. Психология детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата: учебное пособие для студентов вузов / Л.М. Шипицына, И.И. Мамайчук. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 368 с.

Критерии оценки учебной задачи с формулировкой «Раскройте...»

Учебная задача, дивергентная задача, педагогика, задачный подход

Научная проблема: учебные задачи с формулировкой «Раскройте...» не дают четкого представления о структуре и форме ответа, а соответственно, критериях оценки данного типа задач, что затрудняет объективную оценку таких задач.

Актуальность: в современном, быстро меняющемся мире важно, чтобы учащиеся могли своевременно адаптироваться к нему, причем сделать это наиболее коротким путем. Задачи с формулировкой «Раскрыть» (сделать понятным, известным [1]) способствуют развитию творческого мышления, более глубокому пониманию материала. Сама задача относится к задачам сложного мыслительного уровня, что требует от решающего ее критического мышления, поиска новых идей. При успешном освоении такого рода задач происходит развитие самоэффективности и уверенности в будущем справляться со сложными задачами. Чтобы учащиеся смогли успешно справляться с такими задачами, должно быть четкое понимание, по каким критериям оценивать решение и что оно должно структурно содержать, быть кратким или развернутым.

Методологическая и эмпирическая база исследования: в ходе работы над диссертационным исследованием по задачному подходу авторы столкнулись с необходимостью более досконального рассмотрения учебной задачи «Раскрыть», часто встречающейся в учебниках по педагогике (до 45 задач на один учебник, 4-25% [2-5]). Нами был проведен опрос среди студентов, учителей и педагогов в количестве 95 человек, на основе результатов которого сформулированы критерии оценки задач «Раскройте».

В исследовании приняли участие 95 респондентов: 80 (84,2%) женщин, 15 (15,8%) мужчин.

Количество участников по возрастам:

- 18–25 лет – 8 человек (8,4%);
- 25–44 года – 54 человека (54,8%);
- 45–59 лет – 26 человек (26,4%);
- 60–74 года – 7 человек (7,4%).

В опросе приняли участие:

1. Учитель средней школы – 31 (33%);
2. Учитель старшей школы – 28 (29,8%);
3. Самозанятый (репетитор) – 21 (22,3%);
4. Педагог ДО – 18 (19,1%);
5. Преподаватель вуза – 12 (12,8%);
6. Аспирант – 11 (11,7%);
7. Студент – 10 (10,6%);
8. Учитель начальной школы – 7 (7,4%);
9. Научный сотрудник – 3 (3,2%);
10. Воспитатель – 2 (2,1%);
11. Преподаватель СПО – 2 (2,1%).

В ходе опроса были проанализированы наиболее синонимичные глаголы к слову «раскрыть»: разъяснить (72,6%), выявить (51,6%), развернуть (36,8%), обнаружить (17,9%), проявить (13,7%), открыть (12,6%), разгадать (10,5%), распечатать (1,1%).

У участников опроса попросили прокомментировать содержание ответа на предложенное ученику задание: «Раскройте смысл понятий «знания» и «умения». Чтобы задание считалось выполненным полноценно (на «отлично»), ответ ученика должен содержать научные определения самих понятий и их сравнение между собой, примеры получения информации и способов ее применения, пояснение простыми словами (устный ответ).

Результаты: по результатам опроса 40% считают, что нужно дать развернутый ответ; развернутый ответ с приведением примеров из личного опыта (15,8%) и примеров из книг, научной литературы (4,2%).

Для полноценного ответа на вопрос с формулировкой «Раскрыть» необходимо учесть следующие критерии:

1. рассказать суть, явление предмета, сущности или понятия;

2. постараться разобраться в механизме проявления явления или понятия, предмета, того, из чего они состоят;
3. разобраться в методике предмета, дисциплины, по какому пути направить обучение;
4. значение предмета, функции, метода в конкретный, интересующий нас момент;
5. обосновать свои мысли, суждения, ссылаясь на практику, методику, эмпирический опыт, показать свое суждение, когнитивные функции, направленность мысли, аналитико-синтетические связи, акцентуацию личностного опыта, рефлексия.

Вывод: давая задачу «Раскрыть», мы чаще всего ожидаем от ученика или студента различных действий, которые включают в себя не только поверхностное объяснение, но и глубокое понимание и анализ предмета или явления. Этот тип задач требует не просто пересказа информации, а скорее, выявление сути, принципов функционирования и взаимосвязей между элементами. Учащемуся необходимо проявить критическое мышление, способность проводить анализ, делать выводы и обосновывать свои мысли. Такой подход к задачам «Раскрыть» способствует развитию творческого мышления, умению решать сложные проблемы и формированию навыков самостоятельного мышления и работы с информацией. Поэтому важно четко определить критерии оценки для таких задач, чтобы помочь учащимся развиваться в нужном направлении и успешно справляться с ними.

1. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д.Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.; 27 см. ISBN 978-5-903036-99-8 (В пер.)
2. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: Учебное пособие [Текст] / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – СПб.: Питер, 2006. – 304 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
3. Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пособие [Текст]: Учебник для вузов / И.Ф. Харламов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 519 с.
4. Пидкасистый П.И. Педагогика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / П.И. Пидкасистый [и др.]; под ред. П.И. Пидкасистого. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 408 с. (Профессиональное образование) [Текст: непосредственный].
5. Сластенин В.А. и др. Педагогика: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.

Сторителлинг как метод когнитивной дидактики в контексте повышения квалификации сотрудников Госавтоинспекции

Когнитивная дидактика, сторителлинг, лонгрид, пропаганда безопасности дорожного движения

В настоящее время важным мировоззренческим положением представляется обращение к принципу человекообразности, выступающему основой социокогнитивного подхода в образовании и ориентирующему на создание пространства, содействующего развитию личности с помощью разнообразия форм, методов и средств обучения [1].

Вариантом внедрения обозначенной образовательной парадигмы является когнитивная дидактика, разрабатываемая с учетом вновь открывающихся цифровых возможностей педагогического взаимодействия [2].

Одним из инструментов когнитивной дидактики выступает сторителлинг, рассматриваемый как метод обучения и пластичное средство воздействия на интеллектуально-эмоциональный мир адресата, приглашаемого к коммуникации. В свою очередь цифровой сторителлинг – это перенос историй в цифровое поле, где контент передается с помощью соответствующих сервисов повествования и таких форм построения рассказа, как, например, лонгрид [3].

Применение возможностей цифровизации востребовано в профессиональной деятельности и подготовке сотрудников подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции МВД России. В рамках дистанционного повышения квалификации в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова каждым слушателем подготавливается мультимедийный лонгрид, размещаемый на веб-странице и нацеленный на повышение правосознания участников дорожного движения.

Анализ воссозданных медиапродуктов позволил выделить их характеристики, связанные со спецификой работы подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции. В числе композиционных свойств назовем лаконичный и проблемно ориентированный заголовок, структурирование информации, гиперссылки на полезные ресурсы, вкрапление мини-опросов, а также соблюдение баланса между текстом-рассуждением, статистическими данными и наглядными изображениями (фото, инфографикой, рисунками, видеофрагментами).

В содержательном аспекте выделяется ориентированность на целевую аудиторию (допустим, по критерию возраста адресата), апелляция к пунктам Правил дорожного движения Российской Федерации, формулировка лаконичного вывода и призыва к социально одобряемому действию участника дорожного движения. Отдельного внимания заслуживает использование частного приема сторителлинга как логически завешенного освещения эпизодов административных правонарушений и их негативных последствий или, напротив, поступательного изложения позитивных сценариев корректного и правомерного реагирования участников дорожного движения.

Отметим, что в разбираемом педагогическом опыте происходит обучение сторителлингу и созданию лонгрида как техникам правового просвещения, реализуемого сотрудниками Госавтоинспекции.

В завершение подчеркнем перспективность применения инструментов когнитивной дидактики в практике служебной деятельности полицейских и педагогическом процессе образовательных организаций МВД России.

1. Левина Е.Ю., Гильмеева Р.Х., Шибанкова Л.А. и др. Социальный капитал университета в эпоху цифровизации: перспективы новой концепции // Потенциал когнитивной педагогики в эпоху цифровизации: сборник научных трудов / Р.Х. Гильмеева, А.Р. Камалеева, А.С. Кац, Е.Ю. Левина, Л.Ю. Мухаметзянова, Т.М. Трегубова, Л.А. Шибанкова; под научной редакцией Е.Ю. Левиной, Л.Ю. Мухаметзяновой. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2020. – С. 68–80.
2. Левина Е.Ю., Камалеева А.Р., Стукалова О.В. Концептуальные основания когнитивной педагогики // Казанский педагогический журнал. – 2023. – № 1. – С. 27–35. doi: 10.51379/KPJ.2023.158.1.002
3. Токтарова В.И., Семенова Д.А. Модель непрерывной подготовки педагогов в новой цифровой реальности: программы дополнительного профессионального образования // Управление устойчивым развитием. – 2023. – № 1 (44). – С. 79–87. doi: 10.55421/2499992X 2023 1 79

Дифференциальная диагностика причины задержки речевого развития у детей 2-4 лет с сохранным слухом

Дифференциальная диагностика, дети 2-4 лет с задержкой речевого развития, сенсорная алалия, слуховая агнозия

В настоящее время отмечается тенденция увеличения количества детей с нарушениями речи различной этиологии, которые искажают психическое развитие ребенка [2]. Для реализации эффективной коррекционной работы с детьми, имеющими грубые речевые нарушения при сохранном слухе, необходима дифференциальная диагностика. Нарушения речевого развития в структуре сенсорной алалии соотносят с органическим поражением мозга, которое может быть обусловлено острой асфиксией, травматическими повреждениями, негативными воздействиями пренатальных факторов. Основным клиническим проявлением сенсорной алалии является недостаточная сформированность понимания обращенной речи, затруднения в понимании смысла речевого высказывания при сохранном слухе. При сенсорной алалии детям свойственны такие проявления, как эхолалии. Речь при сенсорной алалии бессвязна и лишена смысла, носит характер стереотипий [3]. При слуховой агнозии наличествует невозможность правильно распознать звуки и шумы, понять обращенную речь. Локализация нарушений при слуховой агнозии отмечается во вторичных полях головного мозга, в правой височной доле [1].

Методика. Проведено обследование 30 детей в возрасте 2-4 лет, с задержкой речевого развития, на базе коррекционного центра «Эко-центр нейрокоррекции» г. Краснодар. Детям был предложен ряд диагностических проб на обследование слухового гнозиса. Согласно медицинским заключениям, у всех детей слух был сохранным. Диагностические пробы были направлены на исследование дифференциации неречевых шумов, распознавание музыкальных шумов, обследование слухового внимания, обследование умений различать высоту голоса, обследование слухоречевой памяти, обследование умений различать слова, близкие по звуковому составу, обследование умений различать слоги, которые состоят из звуков, близких по акустическим характеристикам, обследование умений выделять заданный звук из ряда изолированных звуков [1]. Также детям был предложен ряд речевых инструкций для выявления особенностей восприятия экспрессивной речи.

Результаты исследования. 17 детей не выполнили пробу на дифференциацию неречевых звуков, что указывает на наличие у них задержки речевого развития, обусловленной неречевой слуховой агнозией. 8 детей различали неречевые звуки, музыкальные инструменты, но не реагировали на речевые инструкции, слуховое внимание у данной подгруппы детей снижено, дети выполняли задания только с визуальной опорой (складывали доски Сегена, вкладыши, пазлы), на задания, озвученные педагогом, не реагировали. Предположительно, у данной группы детей нарушение речевого развития обусловлено речевой слуховой агнозией.

5 человек достаточно легко справлялась с пробами на неречевые и музыкальные шумы, реагировали на речевые инструкции, откликались на собственное имя, выполняли задания со зрительной опорой, но действия на основе речевых инструкций вызвали сложности, дети не всегда понимали, что от них требуется сделать. У детей проявлялось наличие эхолалий, они не справились с пробой на обследование слухоречевой памяти. Эти дети не понимают в полном объеме речевые инструкции, следовательно, у них имеется нарушение на уровне третичных полей головного мозга, которые отвечают за смысловое значение слова, сенсорная алалия.

Закключение. Проведение дифференциальной диагностики, направленной на выявление причин задержки речевого развития у детей 2-4 лет, необходимо для построения эффективной коррекционной работы.

1. Воробьева Е.В., Столетний А.С. К вопросу о методах изучения мозговых механизмов декодирования речи // Когнитивная деятельность и асимметрия больших полушарий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – С. 18–19.
2. Ермаков П.Н., Воробьева Е.В., Кайдановская И.А., Стрельникова Е.О. Модель психического и развитие мышления у детей дошкольного возраста // Экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9, № 3. – С. 72–80.
3. Королева И.В. Слуховая агнозия, сенсорная алалия, слуховая нейропатия у детей – новые возможности диагностики и реабилитации // Центральные механизмы речи. – Санкт-Петербург: Изд-во ВВМ, 2022.

Разработка специальных форм методики для психологической диагностики детей-мигрантов в современной образовательной среде

Дети-мигранты, тестирование, рискованное поведение, визуальная методика

В ходе миграционного процесса проявляются потенциальные стрессоры, способные вызвать психоэмоциональные негативные реакции у участников данного процесса. Проблематика исследования направлена на выявление особенностей взаимодействия в рамках профессиональной деятельности педагога с детьми-мигрантами, оказавшимися в новой среде с отличающимися ценностями, нормами и культурой, что может повлиять на их поведение и адаптацию [3]. Процесс диагностики детей-мигрантов позволяет выявить потенциальные проблемы и разработать необходимые программы адаптации в новой образовательной среде. Таким образом, психологическая диагностика детей-мигрантов на рискованное поведение является важным инструментом для профилактики и создания персонализированных подходов к поддержке данной группы детей в процессе их адаптации в новой среде [1, 2, 4].

Перед проведением тестирования педагоги проводят предварительную работу как с учащимися, так и с их родителями, направленную на снижение негативного отношения и стимулирование их заинтересованности в процессе тестирования. Негативное отношение как родителей, так и детей связано, как отмечают педагоги, с неполным пониманием сути вопросов из-за низкого уровня знания русского языка и, соответственно, увеличение беспокойства родителей за ответы, которые дают дети, что может привести, например, к ситуации «попадания в группу риска» и т.п. Выбор стратегии случайных механических ответов, к которому прибегает часть обучающихся-мигрантов (как показали глубинные интервью с педагогами), может быть признаком того, что содержание теста для них сложно усваиваемо, их восприятие вопросов теста как не имеющих смысловой нагрузки. Следовательно, для тестирования детей с недостаточным знанием русского языка необходимо использовать нетрадиционные методы обследования.

В рамках исследования была предпринята попытка разработать измерительный инструментальный рискованного поведения, основанный на визуальных средствах, которые являются необходимыми при работе с маленькими детьми, неграмотными личностями или людьми, испытывающими языковые трудности или проблемы с речью.

Цель исследования – выявление, отбор и создание вербального контента визуальных образов, имеющих вопросы методики социально-психологического тестирования для разработки рисуночных форм.

Методы исследования: контент-анализ, кластерный анализ, корреляционный анализ, методы согласования данных.

Результаты исследования подтвердили правильность стратегии перевода вербальных стимульных утверждений в их визуальный аналог. Процедуры экспертной оценки получаемых экспериментальных данных подтверждают их высокую внутреннюю согласованность (не ниже 0,8). Анализ близости измеряемых объектов методом экспертной оценки и кластеризации показывает, что отобранный вербальный стимульный материал и соответствующий ему визуальный, специально подготовленный материал согласуются между собой содержательно, статистически и семантически и оказывают влияние на психику реципиента, актуализируя эмоциональные состояния и раскрывая его индивидуальность.

1. Авдулова Т.П., Витковская Е.В., Поневаж Е.В. Рискованное поведение в юности: отклонение или норма? // Клиническая и специальная психология. – 2013. – № 3. – С. 62–73.
2. Аптикиева Л.Р. Различия подростков «группы риска» и типичных подростков: психолого-педагогический аспект // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2019. – № 3 (221). – С. 6–14.
3. Путулян Н.С., Закирова В.Г., Власова В.К. Бинарная модель адаптации детей мигрантов в условиях современной школы // кпж. – 2022. – №5 (154).
4. Смирнов А.В. Психология аддиктивного поведения: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 379 с.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Разработка, психометрическая проверка и апробация визуальных форм диагностики склонности к рискованному поведению обучающихся детей-мигрантов, а также разработка методических рекомендаций для психолого-педагогического сопровождения обучающихся указанной категории».

Влияние любопытства как чувства депривации и как чувства интереса на учебную мотивацию старшеклассников

Любопытство как интерес, любопытство как депривация, учебная мотивация

Любопытство позволяет характеризовать отношение человека к новизне и особенности его познавательного процесса, связанного с восприятием нового опыта. Любопытство было рассмотрено с точки зрения 5-факторной модели Тода Кашдана и использована методика – Five-dimensional curiosity scale (5DC) [3]. В ней любопытство рассматривается как чувство интереса и как чувство депривации. Любопытство как интерес связано с позитивными эмоциями, сопровождающими процесс познания (шкала – удовольствие от новизны). Любопытство как депривация характеризует активность, вызванную ощущением дефицита информации в актуальном опыте человека (шкала – чувствительность к депривации).

В исследовании была выдвинута гипотеза о неоднозначном влиянии любопытства на учебную мотивацию, рассмотренную с точки зрения теории самодетерминации [1].

Выборка: 83 учащихся (51 – девушка) 9–11 классов школ Санкт-Петербурга. Средний возраст респондентов составил 16 лет (SD 0.88). Использованные методики: 5DC (Т. Kashdan), «Опросник перфекционизма» Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой (адаптация А.Д. Наследов, Л.Б. Киселева) [2], ШАМ-Ш (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев).

Ответы на вопросы по каждой методике были подвергнуты процедуре факторного анализа. Полученные факторы были вычислены как 15 новых переменных. Затем в отношении этих 15 переменных был применен факторный анализ. Была получена 2-факторная структура, корреляция между факторами близка к нулю ($r = 0,02$). Чувствительность к депривации и удовольствие от новизны вошли в один фактор с адаптивным перфекционизмом (шкала «высокие стандарты и притязания») и автономными формами мотивации учебной деятельности (шкалы «познавательная мотивация», «мотивация самоуважения»). Таким образом, в этот фактор оказались включены те проявления изучаемых явлений, которые способствуют повышению результативности учебной деятельности. Выявлена взаимосвязь чувствительности к депривации со шкалой «удовольствие от новизны» ($r = 0,42$), а также со шкалой «высокие стандарты и притязания» ($r = 0,47$) и отрицательная взаимосвязь с амотивацией ($r = -0,29$).

Оба проявления любопытства связаны с позитивным отношением к новому опыту. Позитивное отношение к новизне влияет на позитивное восприятие учебного процесса, как источника нового опыта. Поэтому учебная деятельность у ученика, проявляющего такую сторону, как любопытство, вероятнее будет более самодетерминированная.

Повышенное удовольствие от новизны связано с позитивным эмоциональным фоном в процессе познания. Чувствительность к депривации, напротив, связана с тревогой и с ощущением «вызова», которые сопровождают восприятие нового опыта, особенно начало этого процесса. Эта форма любопытства связана с более целенаправленным познавательным процессом, так как информация собирается учеником для преодоления актуальной проблемы.

В полученных данных также удалось выделить негативное влияние социального любопытства и сниженной стрессоустойчивости в новых ситуациях на учебную мотивацию, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, №. 4. – С. 96–107.
2. Наследов А.Д., Киселева Л.Б. Адаптация «Опросника перфекционизма» для диагностики перфекционистских установок студентов первого курса технических вузов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2016. – №. 3. – С. 44–64.
3. Kashdan T.B. et al. The five-dimensional curiosity scale: Capturing the bandwidth of curiosity and identifying four unique subgroups of curious people // Journal of Research in Personality. – 2018. – Т. 73. – С. 130–149.

Эмоциональное выгорание педагогов как предиктор их удовлетворенности профессиональной деятельностью

Педагог, профессиональная деятельность, эмоциональное выгорание, удовлетворенность трудом

Современные педагоги работают с различными группами детей, приспосабливаясь к постоянным изменениям образовательной среды, в условиях многозадачности и завышенных ожиданий родителей обучающихся, коллег и администрации [1]. Все данные факторы в совокупности довольно часто приводят к эмоциональному выгоранию специалистов, а оно в свою очередь влечет за собой ухудшение физического и психического здоровья, снижение качества преподавания, проблемы в отношениях с учениками и коллегами, и, как следствие, снижение уровня удовлетворенности трудом. Изучением этого вопроса занимались многие исследователи, среди которых были А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. Макклелланд и другие. Удовлетворенность трудом – это психологическое состояние, которое отражает отношение работника к своей трудовой деятельности, соответственно влияет на профессиональную деятельность. Она включает в себя оценку различных аспектов работы, таких как условия труда, оплата, отношения с коллегами и руководством, возможности для профессионального развития и карьерного роста [2]. Таким образом, целью данного исследования выступило изучение симптомов эмоционального выгорания как предикторов удовлетворенности педагогов своей профессиональной деятельностью.

Сбор эмпирических данных осуществлялся посредством психодиагностических методик: опросник эмоционального выгорания (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» (А.В. Батаршева). Обработка данных осуществлялась методами математико-статистического анализа (частотный анализ, регрессионный анализ). В исследовании приняло участие 114 педагогов, средний возраст – 45,02 (года), средний стаж педагогической деятельности – 21,36 (года), из них 91% женщин и 9% мужчин. Педагоги осуществляют свою профессиональную деятельность в образовательных организациях дошкольного образования, общего образования (школы) и профессионального образования.

Полученные результаты позволили констатировать, что для педагогов достаточно характерны симптомы эмоционального выгорания при общей высокой удовлетворенности своим трудом. Так, наибольшую представленность имеет деперсонализация личности (у 70,8% педагогов на очень высоком уровне). В результате регрессионного анализа (зависимая переменная – интегративный показатель удовлетворенности трудом) была сконструирована статистически достоверная модель ($F = 32,786$ при $p = 0,000$ $R^2 = 37,3\%$), включающая следующие предикторы: эмоциональное истощение ($\beta = -0,458$ при $p = 0,000$), редукция личных достижений ($\beta = 0,289$ при $p = 0,000$). Таким образом, можно предположить, что высокая степень эмоционального истощения педагогов и их общая усталость обуславливают низкий уровень удовлетворения своей профессиональной деятельностью. Однако, чем меньшее значение педагог придает достигнутым результатам, тем он испытывает более положительное отношение к своему труду. Обнаруженные закономерности можно использовать при разработке подходов и методов предупреждения эмоционального выгорания педагогов.

1. Мишина М.М. Эмоциональное выгорание педагогов в условиях модернизации образовательной среды // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2020. – № 3(44). – С. 42–54.
2. Филинкова Е.Б. Удовлетворенность трудом как фактор готовности педагогов к смене работы // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 122–126.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ по теме «Научно-методическое обеспечение комплексной модели профилактики эмоционального выгорания педагогов в условиях образовательной среды».

Формирование навыка сообщения «плохих новостей» у студентов медицинского университета

Студенты, навык сообщения «плохих новостей», методика BAS, тренинговое занятие, SPIKES

С каждым годом актуальность проблемы распространения различных тяжёлых и неизлечимых заболеваний среди населения стран мира растёт. Особое внимание уделяется вопросу онкологических заболеваний. При этом 86,8% пациентов с онкологическим заболеванием желают знать всю информацию о диагнозе, прогнозе и вариантах лечения, но врачи сообщают «плохие новости» пациенту в полном объеме только в 43% случаев. Причиной этого становятся, как правило, чувство страха, недостаток знаний, затруднения при объяснении пациенту научных сведений, страх перед эмоциями пациента и недостаток времени на беседу [1].

В связи с увеличением количества таких тяжёлых заболеваний, растёт и потребность в формировании навыка сообщения «плохих новостей», что является сложной коммуникативной задачей для врача.

Формирование навыка сообщения «плохих новостей» должно, на наш взгляд, начинаться на вузовском этапе профессионализации и носить исключительно практико-ориентированный характер. Изучив различные методы формирования навыков в учебном процессе, мы остановились на тренинге с участием стандартизированного пациента, роль которого играл один из студентов. Нами было разработано практическое занятие с элементами тренинга, в начале которого проводилась оценка навыка сообщения «плохих новостей» с помощью методики BAS в адаптации Е.Ю. Васильевой, Л.Н. Кузьминой, Е.В. Дьяченко. Один из студентов играл роль «стандартизированного пациента», а задачей испытуемого было сообщение плохих новостей «пациенту». Максимальное количество баллов, которое можно набрать, составляет 115. Следующий этап работы – это специальное тренинговое занятие (2,5–3,5 часа), основанное на протоколе SPIKES. После тренингового занятия вновь оценивался уровень усвоения знаний по сообщению «плохих новостей» с помощью методики BAS.

Для исследования нами были сформированы 2 группы испытуемых по 7 человек в каждой. Первую группу составили студенты 1 курса медико-психологического факультета учреждения образования «Гродненский государственный медицинский университет», вторую – студенты 6 курса лечебного факультета, обучающиеся по специальности «Акушерство и гинекология».

Среди студентов 1 курса оценка навыка сообщения плохих новостей до проведения тренингового занятия составила диапазон от 63 до 76 баллов. Средний результат – 69 баллов. В 100% случаев после проведённого занятия отмечается рост результатов: диапазон от 86 до 112 баллов. Средний результат – 100 баллов.

Среди студентов 6 курса оценка навыка сообщения плохих новостей до проведения тренингового занятия составила диапазон от 65 до 88 баллов. Средний результат – 71 балл. Также в 100% случаев после проведённого занятия отмечается рост результатов: диапазон от 92 до 109 баллов. Средний результат – 102 балла.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что практические занятия с элементами тренинга являются эффективным способом формирования навыка сообщения «плохих новостей» у студентов медицинских вузов. Целесообразно внедрение таких занятий в практику преподавания учебных дисциплин для студентов медицинского университета.

1. Котов М.А. Как сообщать плохие новости максимально эффективно? Протокол SPIKES для сообщения «плохих новостей» / М.А. Котов, В.В. Гуцин // Эндоскопическая хирургия. – 2018. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/endoskopicheskaya-khirurgiya/2018/5/> (дата обращения: 18.05.2024).

Внедрение цифровых технологий в практику преподавания нейронаук студентам-психологам

Нейронауки, психология, цифровизация образования

Современные условия социума требуют подготовки высококвалифицированных специалистов-психологов, обладающих глубокими профессиональными знаниями как в области нейронаук, так и ориентирующихся в различных смежных областях деятельности. Одним из перспективных направлений развития современной образовательной системы является использование электронных учебных пособий [1]. Нейронауки, включенные в программу обучения, включают курс нейроанатомии, нейрофизиологии, психофизиологии и психогенетики и выступают как практические, междисциплинарные области науки, обеспечивающие совершенствование умений и навыков профессионального анализа психических состояний и психической деятельности человека в целостном восприятии понятия психологической нормы [2].

Студенты психологических факультетов университетов, а также специалисты смежных дисциплин заинтересованы в электронном обучении. Электронное учебное пособие может быть предназначено для самостоятельного изучения учебного материала или для поддержки лекционного курса с целью его углубленного изучения. С учетом нынешних требований практики нами разработано электронное пособие по изучению вышеуказанных дисциплин. В результате его освоения будущие психологи должны четко уяснить неразрывную взаимосвязь структуры и функции, а также получить представление о морфологических основах психики человека [3, 4]. Основная задача электронного учебного пособия по вышеуказанным темам – это формирование представлений об общих принципах и особенностях структурной организации центральной нервной системы человека, функциональным проявлением которой являются все формы его психической деятельности. В создании электронного пособия, расположенного на электронной платформе университета были учтены и решены следующие задачи: проанализирована литература и интернет-источники с целью выделения требований, предъявляемых к структуре и содержанию электронных пособий. Проанализирована литература и интернет-источники по технологиям разработки электронных пособий, спроектирована структура и интерфейс электронного пособия по нейронаукам. Учебные пособия были в электронном виде и включали справочные пособия, тестовые задания, видеоматериалы. Отмечаем необходимость введения видеоматериалов, учитывая ограниченные возможности организации работы в условиях реального анатомического театра. В электронных пособиях имеется возможность размещать ссылки на интернет-ресурсы с доступом к современным достижениям науки. Электронные пособия позволяют получать обратную связь от обучающихся в режиме реального времени, проводить оценку знаний и осуществлять междисциплинарное взаимодействие дисциплин программы обучения. В настоящее время задачей педагогов является анализ методик, обновление программ в соответствии с последними достижениями науки и вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу [5].

1. Айзман Р.И. Возрастная анатомия, физиология и гигиена: Учебное пособие / Р.И. Айзман, Н.Ф. Лысова, Я.Л. Завьялова. – М.: КноРус, 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <http://book.ru/book/938064>
2. Шульговский В.В. Нейрофизиология: Учебник / Шульговский В.В. – М.: КноРус, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://book.ru/book/919379>
3. Циркин В.И. Нейрофизиология: основы нейрофизиологии: учебник для вузов / В.И. Циркин, С.И. Трухина, А.Н. Трухин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 504 с. (Высшее образование) [Электронный ресурс]. – URL: <https://urait.ru/bcode/494377> (дата обращения: 28.05.2024)
4. Циркин В.И. Нейрофизиология: физиология сенсорных систем: Учебник для вузов / В.И. Циркин, С.И. Трухина, А.Н. Трухин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 459 с. (Высшее образование) [Электронный ресурс]. – URL: <https://urait.ru/bcode/496262> (дата обращения: 28.05.2024).
5. Электронно-библиотечная система «Юрайт» – www.urait.ru

К проблеме экспертизы диссертационных исследований в области педагогики и психологии образования

Экспертиза диссертаций, доказательность, педагогические исследования, науки об образовании

Проблема качества диссертационных исследований, объектом которых выступает образовательный процесс, достаточно широко обсуждается в последние годы в академическом и экспертном сообществе (Н.П. Бусыгина, Г.Д. Бухарова, В.И. Загвязинский, В.С. Лазарев, С.А. Писарева, Н.Д. Подуфалов, А.И. Савенков, В.В. Сериков, А.П. Тряпицына и др.). С 2022 г. на базе Российской академии образования (РАО) под руководством председателя ВАК РФ В.М. Филиппова функционирует рабочая группа по разработке новых требований к диссертациям в области педагогики. Ключевая обсуждаемая идея – разработка принципов применения доказательной парадигмы в педагогике и других науках об образовании.

Результатом аналитической работы рабочей группы стали выпущенные в 2023 году Методические рекомендации «Применение критериев доказательности диссертационных исследований в области наук об образовании» (Под науч. ред. В.М. Филиппова). Конечно, эти рекомендации – большой шаг в направлении улучшения качества научных исследований в указанном кластере дисциплин. Однако данные рекомендации требуют дальнейшего развития и доработки, поскольку возможные способы их реализации в конкретных диссертационных исследованиях неочевидны. В связи с недостаточной операционализацией рекомендаций и критериев доказательности встает вопрос о том, как оценивать их реализацию в диссертациях соискателей ученых степеней? Или, другими словами, какой должна быть экспертиза диссертаций в науках об образовании, в частности, в педагогике и психологии образования? Надо отметить, что значимость экспертизы результатов научных исследований в педагогике и психологии подчеркивается (В.В. Сериков), однако сколько-нибудь серьезной разработки новых стандартов экспертизы на основе доказательной парадигмы мы не видим.

Работа по созданию и совершенствованию новой экспертизы диссертаций (стандарта, методики, организационных форм, нормативной документации и др.) с позиции требований доказательности и современных этических стандартов в науке осуществляется нами с 2016 года на базе Московского городского педагогического университета. Обобщение опыта этой работы позволило сделать некоторые выводы:

1. Современная система экспертизы диссертаций, регламентированная ВАК РФ, требования к которой затем масштабируются и воспроизводятся на разных уровнях экспертной оценки диссертаций (кафедры, диссоветы, экспертный совет ВАК РФ) сфокусирована не столько на доказательности, сколько на оценке актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости, положений на защиту и т.п. При этом существенные, с точки зрения доказательности, элементы работы могут «пройти мимо» эксперта – операциональность конструктов, валидность и надежность методов, верифицируемость гипотез, корректность дизайна исследования, методов статистической обработки данных и др.

2. Экспертиза исследований в педагогике и психологии образования в контексте доказательной парадигмы не должна быть полностью отдана «на откуп» эксперту, который оценивает работу нередко не вполне объективно, а полагаясь на традиции своей научной школы, сложившиеся шаблоны («так принято») и т.п. Очень многое в таком случае зависит от профессиональной интуиции, «насмотренности», непредвзятости эксперта. Мы полагаем, что необходима специальная методика и стандарт экспертизы диссертаций, в соответствии с которыми эксперт будет работать.

3. Эксперты не могут быть одинаково компетентны во всех аспектах научного исследования: от тонкостей применения методов математической статистики до современных инноваций в экспериментальном дизайне. Для проведения качественной экспертизы эксперту недостаточно наличия подтвержденной квалификации в виде ученой степени. Требуется специальная подготовка и обучение экспертов для формирования у них особого набора компетенций, необходимых для оценки работ на основе критериев доказательности.

Развитие навыков связной диалогической речи у младших школьников с расстройством аутистического спектра посредством применения сенсорных игр

Расстройство аутистического спектра, младшие школьники, диалогическая речь, сенсорные игры

С ростом количества детей с расстройством аутистического спектра (РАС) возрастает значение проведения комплексной коррекционной работы для улучшения качества их жизни и адаптации в обществе [1]. Осуществление такой работы с учетом индивидуальных психологических особенностей детей на начальных этапах обучения способствует значительному улучшению навыков связной диалогической речи и общей адаптации детей с РАС [4]. В ходе сенсорных игр дети с РАС практикуются в использовании речи для запросов, обмена впечатлениями, что способствует развитию диалогической речи [3].

Цель – разработка и апробация программы коррекционно-развивающей работы, направленной на стимуляцию развития связной диалогической речи у младших школьников с расстройством аутистического спектра (РАС) с использованием сенсорных игр. В исследовании участвовали 10 младших школьников с РАС ГКОУ Ростовской области «Ростовская школа-интернат № 41», средний возраст – 9 лет.

Для оценки уровня развития диалогических навыков младших школьников с РАС применяли диагностический материал Т. В. Носковой [2]. Содержание констатирующего этапа экспериментальной работы включало оценку диалогических навыков, умение давать социальную ответную реакцию, вступать в контакт со взрослыми, умение задавать вопросы и отвечать на них, умение выражать просьбы, требования, правильно и связно строить высказывания.

Результаты. Проведение констатирующего этапа исследования показало, что 90% участников имели низкий, 10% – средний уровень сформированности диалогических навыков. Полученные данные подтверждают необходимость целенаправленной коррекционно-развивающей работы, направленной на преодоление трудностей в развитии связной диалогической речи у младших школьников с РАС.

На первом этапе разработан комплекс сенсорных игр, учитывающий индивидуальные сенсорные предпочтения, интересы и возрастные особенности каждого ребенка с РАС. На втором этапе для эффективной коррекционно-развивающей работы совместно с педагогом-психологом создана комфортная и стимулирующая предметно-пространственная среда. Третий этап включал внедрение сенсорных игр в коррекционно-развивающие занятия. Сенсорные игры сгруппировали в три блока: развитие навыков «вопрос-ответ»; развитие навыков «сообщение-реакция»; развитие навыков «побуждение-реакция». Занятия проводились 2–3 раза в неделю по 20–30 минут (в зависимости от функционального состояния ребёнка), как индивидуально, так и в подгруппах по 2 человека. Каждое занятие включало в себя приветствие, разминку с сенсорными элементами, основную часть с сенсорными играми, направленными на развитие диалогической речи, заключительную часть с рефлексией и прощанием.

В рамках контрольного этапа исследования выполнена повторная оценка уровня развития навыков связной диалогической речи у младших школьников с РАС. Высокий уровень развития диалогической речи показал один ребенок (10%), средний уровень – семь детей (70%), низкий уровень развития диалогической речи был выявлен у двоих детей (20%).

Выводы. Проведение коррекционной работы с использованием сенсорных игр оказало положительное влияние на развитие навыков связной диалогической речи у младших школьников с РАС.

1. Воробьева Е.В., Рахимова Е.Ф. Психологические особенности детей с расстройством аутистического спектра // Междисциплинарность в современном медицинском знании. – Ростов-на-Дону: РостГМУ, 2023. – С. 105–111.
2. Носкова Т.В. Психолого-педагогические условия развития диалогической речи у детей старшего дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра. – Тольятти: ТГУ, 2019.
3. Сунагатуллина И.И., Каримуллина А.И. Сенсорная интеграция детей с расстройствами аутистического спектра // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2017. – Т. 2. – С. 212–215.
4. Vorobyeva E.V., Shevchenko I.G., Rahimova E.F. A Review of Psychological and Psychophysiological Characteristics of Children with Autism Spectrum Disorder // Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and Integration. – Beijing, 2023. – С. 103–111.

Факторы, влияющие на вовлеченность обучающихся в исследовательскую деятельность: окружающая среда и психологические аспекты

Исследовательский потенциал, вовлеченность в исследовательскую деятельность, мышление роста

Проблема исследования. В современном мире активно происходит омоложение науки. В наши дни включение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность начинается уже в школе. В стране создаются образовательные центры, ориентированные на подготовку юных исследователей, увеличивается количество конференций, семинаров для них. Однако, несмотря на запрос общества на подготовку квалифицированных специалистов в области научных исследований, все еще мало внимания уделяется факторам, способствующим вовлеченности в нее школьников. Понимание того, какие именно внутренние и внешние факторы играют доминирующую роль в мотивации обучающихся к исследовательской деятельности, поможет более эффективно повышать ее качество.

Цель исследования – изучить роль взаимодействия психологических и средовых факторов в вовлеченности обучающихся в исследовательскую деятельность.

В исследовании приняли участие 1617 обучающихся (897 женского и 720 мужского пола) общеобразовательных учреждений и специализированных образовательных центров г. Ростова-на-Дону в возрасте 14–18 лет.

Основные методы исследования: анкетирование, психологическое тестирование. Выборка формировалась посредством дистанционного опроса обучающихся. К участию в исследовании были привлечены 25–50 человек с каждой параллели (7–11 классы) каждого общеобразовательного учреждения.

Вовлеченность в исследовательскую деятельность определялась через интегральный индикатор, высчитываемый по соотношению количества ответов на вопросы анкеты блока «Интерес к научной деятельности» (мотивационный компонент) и «Участие в научной деятельности» (действенный компонент). Для формирования индикатора вовлеченности обучающихся в исследовательскую деятельность использовался метод анализа главных компонент. Для итогового формирования индикатора бралась сумма взвешенных значений этих двух компонентов. Взвешивание проводилось посредством умножения компонента на пропорцию объясняемой им дисперсии.

В качестве психологических показателей изучались исследовательский потенциал [1], мышление роста, удовлетворенность успеваемостью, факторы большой пятерки [2]. В качестве средовых – включенность родителей в процесс обучения ребенка, обогащенность среды возможностями для исследовательской деятельности, тип образовательного учреждения, успеваемость обучающегося, класс обучения. Статистическая обработка результатов проводилась в программах R и RStudio, применялись методы дескриптивного и регрессионного анализов.

Результаты исследования. Согласно итоговой логистической регрессионной модели, выявлены психологические и средовые факторы, детерминирующие вовлеченность обучающихся в исследовательскую деятельность. Среди психологических факторов это исследовательский потенциал ($\beta = 0,72$, $p < 0.001$), мышление роста ($\beta = 0,32$, $p < 0.001$) и упорство ($\beta = 0,14$, $p < 0.05$); среди факторов среды – успеваемость ($\beta = 0,76$, $p < 0.001$), обогащенность образовательной среды ($\beta = 0,5$, $p < 0.001$) и включенность родителей ($\beta = 0,2$, $p < 0.01$). Следовательно, с целью повышения вовлеченности обучающихся в исследовательскую деятельность необходимо повышать ее разнообразие, в большей степени включать научно-исследовательский компонент в образовательную деятельность обучающихся, что скажется и на исследовательском потенциале, который связан с научно-исследовательской деятельностью по принципу изоморфизма. Также рекомендуется развитие мышления роста у обучающихся, повышение включенности родителей в процесс образования.

1. Исследовательский потенциал студента: монография / Под ред. Н.В. Бордовской; Н.В. Бордовская и др. – М.: Издательство «Русайнс», 2024. – 260 с.
2. Мишкевич А. М. и др. Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, №. 1. – С. 95–108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы развития Академии психологии и педагогики Южного федерального университета.

Математическая тревожность и представления, связанные с математикой, у учащихся физико-математического лицея

Математическая тревожность, учащиеся, представления о математике, математика

В последнее время растет популярность профессий, связанных с разработкой алгоритмов машинного обучения, лежащего в основе нейросетей. Знание математических дисциплин является ключевым для работы в данной области. При этом одной из причин, затрудняющих изучение математики, является математическая тревожность (МТ). МТ включает в себя чувство напряжения и беспокойства, вызывающее затруднения при манипулировании с числами и решении математических задач в повседневной и академической деятельности [1]. Высокому уровню МТ подвержены от 2 до 30% людей [2], что указывает на необходимость изучения структуры данного феномена и причин его возникновения с целью разработки стратегий поддержки обучающихся для ее преодоления. Целью исследования выступало изучение уровня математической тревожности в связи с представлениями о математике у учащихся физико-математического лицея.

Выборка: учащиеся 11-го класса физико-математического лицея ($N = 51$, 33 юноши и 18 девушек, ср. возраст 17.18 ± 1.55). Уровень МТ изучался с помощью русскоязычной версии опросника AMAS (Abbreviated Math Anxiety Scale), представления о математике – с помощью методики «Незаконченные предложения» (было разработано 8 утверждений, связанных с математикой). В процессе качественного анализа ответы распределялись по следующим категориям: положительное/отрицательное отношение к математике (аффективный компонент), проявление активности/пассивности (поведенческий компонент), когнитивные усилия с положительным или отрицательным результатом при «взаимодействии» с математикой (когнитивный компонент), уход от ответа.

Группирующей переменной выступал уровень математической тревожности. Среднее значение уровня МТ по выборке – $16,16 \pm 5,52$. Группу с низкой МТ составили 6 респондентов, со средней – 34, с высокой – 11.

В группе со средней МТ были выявлены все заявленные выше категории ответов; в группе с низким уровнем МТ – все, кроме категорий «когнитивные усилия с отрицательным результатом» и «уход от ответа»; в группе с высоким уровнем МТ – все, кроме категории «уход от ответа». В группе с низкой МТ наибольшее количество ответов приходится на категории «проявление активности» в ситуации «взаимодействия» с математикой (24 ответа), «положительное» (8) и «отрицательное отношение» (6) к ней, а также «когнитивные усилия с положительным результатом» (5). В группе с высокой МТ наибольшее количество ответов относится к категориям «проявление активности» (37), «отрицательное отношение» (10), «проявление пассивности» (9) и «когнитивные усилия с отрицательным результатом» (9). Учащиеся со средним уровнем МТ давали наибольшее количество ответов, относящихся к категориям «проявление активности» (137), «положительное отношение» (34) и «проявление пассивности» (32). Сравнение групп с низкой и высокой МТ по категориям «проявление активности/пассивности» проводилось с помощью χ^2 (JASP, 0.18.3.0), достоверных значимых различий обнаружено не было ($p = 0.893$) (в связи с недостаточным количеством ответов по остальным категориям данный вид анализа для них не был применен).

Таким образом, учащиеся с низким уровнем МТ упоминают ситуации успеха в результате когнитивных усилий, которые они прикладывают при изучении математики, с высоким уровнем – наоборот, неуспеха. Примечательно, что уровень МТ не связан с предпочтением какой-либо одной стратегии – во всех группах учащиеся проявляют как активность, так и пассивность при освоении новых тем или выполнении учебных заданий.

1. Richardson F.C., Suinn R.M. The mathematics anxiety rating scale: psychometric data // Journal of counseling Psychology. – 1972. – Т. 19, № 6. – С. 551–554.
2. Dowker A., Sarkar A., Looi C.Y. Mathematics anxiety: What have we learned in 60 years? [Электронный ресурс]// Frontiers in psychology. – 2016. – № 7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.00508/full> (дата обращения: 01.05.24).

К обоснованию изучения любознательности в образовательной среде

Любознательность, психологическое благополучие, образовательная среда, студенты, обучающиеся

Академические достижения являются предикторами при выстраивании обучающимися жизненных траекторий, в том числе, профессиональных. Любознательность как фундаментальная мотивационная личностная черта регулируется с помощью распределения внимания на ценные стимулы среды, способствуя активному развитию человека и его более открытому взаимодействию с миром [3], и является предиктором результатов обучения за счет улучшения мнемических процессов и эффективного распределения внимания. Результаты масштабного мета-анализа показали, что интеллект, добросовестность и интеллектуальное любопытство являются прямыми и коррелирующими предикторами академической успешности. Совместный прогностический эффект интеллектуального любопытства и прилагаемых усилий конкурирует с влиянием интеллекта и является основным фактором, определяющим индивидуальные различия в академической успешности [4].

Среди зарубежных исследователей отмечается рост интереса к проблеме соотношения любознательности и внутреннего благополучия в контексте образовательной среды. Проведенный нами обзор результатов работ европейских и американских исследователей за последние 15 лет показал, что любопытные обучающиеся более довольны жизнью, чаще испытывают положительные эмоции, их жизнь более осмысленна [1]; направленность на поиск знаний и опыта вносит вклад в повышение уровня положительного аффекта и внутреннего благополучия обучающихся [2]. Недавнее исследование с участием китайских студентов подтверждает тесные положительные взаимосвязи любознательности с удовлетворенностью университетской жизнью, экстраверсией, доброжелательностью, добросовестностью, открытостью новому опыту и ценностным изменениям; отрицательные – с нейротизмом [5]. При этом результаты ряда работ показывают, что экстраверсия, добросовестность, эмоциональная стабильность опосредуют положительные взаимосвязи между любознательностью и субъективным благополучием студентов; субъективное ощущение счастья может выступать посредником в установлении тесной прямой связи любознательности с академической успешностью обучающихся.

Основываясь на результатах существующих исследований, а также предыдущей работы автора (Н.В. Евзельман, Е. Г. Трошихина, 2023), в ходе которой были выявлены значимые взаимосвязи между любознательностью и психологическим благополучием взрослых, мы предполагаем, что любознательность способствует повышению уровня психологического благополучия студентов вузов, что, в свою очередь, может приводить к повышению их академической и профессиональной эффективности.

Определение вклада любознательности в психологическое благополучие и академическую успешность студентов отечественных вузов, выявление и системное описание соотношения между феноменами, а также определение роли личностных особенностей в данной системе – основные задачи планируемого исследования, которое, как мы полагаем, восполнит дефицит внимания к феномену любознательности в отечественной психологии образования.

1. Jovanovic V., Brdaric D. Did curiosity kill the cat? Evidence from subjective well-being in adolescents // *Personality and Individual Differences*. – 2012. – 52(3). – P. 380–384.
2. Miljković D., Jurčec L. Is Curiosity Good for Students' Well-Being? The Case of the Faculty of Teacher Education and the Faculty of Kinesiology // *Croatian Journal of Education: Hrvatski časopis za odgoj i obrazovanje*. x 2016. – 18(1). – P. 103–121.
3. Mohanty A., Pradhan R.K. & Jena L.K. Curiosity and Meaning of life leading towards Personal Growth: The role of Emotional Intelligence // *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*. – 2015. – 41(2). – P. 226–235.
4. von Stumm S., Hell B. & Chamorro-Premuzic T. The hungry mind: Intellectual curiosity is the third pillar of academic performance *Perspectives on Psychological Science*. – 2011. – 6(6). – P. 574–588.
5. Ye S., Ng T.K., Yim K.H. & Wang J. Validation of the curiosity and Exploration Inventory-II (CEI-II) among Chinese university Students in Hong Kong // *Journal of Personality Assessment*. – 2015. – 97(4). – P. 403–410.

Навыки будущего у обучающихся с различной субъективной успеваемостью

Навыки будущего, большая пятерка, эмоциональный интеллект, общеобразовательные школы

Тематика навыков будущего все больше набирает популярность в научных кругах. Под навыками будущего мы понимаем навыки, связанные с личностным развитием, которые не зависят от конкретной тематической или дисциплинарной области; они надпрофессиональны, т. е. проявляются во всех сферах профессиональной и академической деятельности [5]. Анализ научной литературы показал, что в дополнение к академическим знаниям обучающиеся должны формировать поведенческие стратегии, навыки и отношения, необходимые для академического успеха, но не фиксируемые баллами по когнитивным тестам [4]. Более того, навыки будущего способствуют не только повышению академической успеваемости обучающихся, но и в целом являются средством улучшения функциональной грамотности и накопления человеческого капитала [1, 3]. Таким образом, целью данного исследования являлось изучить особенности проявления навыков будущего (на примере эмоционального интеллекта и Большой пятерки) у обучающихся с различной успеваемостью.

Методы исследования. Для исследования применялись методы опроса (анкетирование) и психологического тестирования по методикам, среди которых Сверхкраткая версия BIG FIVE INVENTORY-2 (Большая пятерка) [2], Тест эмоционального интеллекта Холла. Сравнение обучающихся с различной успеваемостью проводилось при помощи дисперсионного анализа с последующим *post-hoc* анализом (HSD Тьюки) в программах открытого доступа для статистического программирования R и RStudio. Выборку исследования составляют обучающиеся в возрасте 14–18 лет г. Ростова-на-Дону в количестве 1617 человек.

Результаты. Результаты показали достоверные различия показателей навыков будущего у обучающихся с различной успеваемостью. Эмоциональный интеллект обучающихся на хорошо и отлично по всем его показателям оказывается статистически выше, чем эмоциональный интеллект обучающихся на удовлетворительно ($p < 0.001$). Также наблюдаются статистически значимые различия между всеми тремя группами по следующим показателям личностных факторов Большой пятерки: Открытость новому ($M_t = -0,27$, $M_x = 0,04$, $M_o = 0,29$, $p < 0.001$), Добросовестность ($M_t = -0,38$, $M_x = 0,09$, $M_o = 0,33$, $p < 0.001$), Экстраверсия ($M_t = -0,33$, $M_x = 0,07$, $M_o = 0,31$, $p < 0.001$). Троечники и отличники, и троечники и хорошисты статистически значимо отличаются по показателям доброжелательности ($M_t = -0,23$, $M_o = 0,14$, $p < 0.001$; $M_t = -0,23$, $M_x = 0,07$, $p < 0.001$) и нейротизма ($M_t = 0,24$, $M_o = -0,17$, $p < 0.001$; $M_t = 0,24$, $M_x = -0,07$, $p < 0.001$).

1. Аванесян К.А., Боровская М.А., Рыжова В.С., Кирик В.А., Егорова В.А., Бермус А.Г. Можно ли улучшить успеваемость школьников из беднейших семей, инвестируя в их некогнитивные навыки? Каузальный анализ методом сопоставления мер склонности // Вопросы образования. – 2022. – № 1. – С. 13–53. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-13-53>.
2. Мишкевич А.М., Щебетенко С.А., Калугин А.Ю., Сото К. Дж., Джон О.П. (2022) Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника BIG FIVE INVENTORY-2: BFI-2-S И BFI-2-XS // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 1. – С. 95–108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4.
3. Avanesian G., Borovskaya M., Masych M., Dikaya L., Ryzhova V., Egorova V. How Far Are NEET Youth Falling Behind in Their Non-Cognitive Skills? An Econometric Analysis of Disparities // Economics. – 2024. – 12 (1). – P. 25. <https://doi.org/10.3390/economics12010025>.
4. Farrington C.A., Roderick M., Allensworth E., Nagaoka J. et al. Teaching Adolescents to Become Learners: The Role of Noncognitive Factors in Shaping School Performance - A Critical Literature Review. – Chicago: University of Chicago Consortium on Chicago School Research, 2012. https://www.kipp.org/wp-content/uploads/2016/11/Teaching_Adolescents_to_Become_Learners.pdf.
5. González J., Wagenaar R. Quality and European programme design in higher education // European Journal of education. – 2003. – Vol. 38, № 3. – P. 241–251.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (FENW-2023-0062).

Личностные особенности студентов и мотивы выбора профессии студентов

Мотивы выбора профессии, личностные особенности, студенты, мотивация успеха, мотивация избегания неудач

Личностные особенности каждого человека, так или иначе, оказывают влияние на все сферы его жизнедеятельности. Они проявляют индивидуальность человека в его характере, социальном интеллекте, стиле поведения и деятельности. Проблема профессионального самоопределения представляет серьезный риск для сохранения психологической стабильности и благополучия. Определение профессиональных мотивов, интересов и склонностей является важным прогностическим фактором удовлетворенности профессией в будущем [1].

С целью исследования мотивов выбора профессии и личностных особенностей студентов были использованы следующие методики: пятифакторный опросник личности 5PFQ в адаптации А.Б. Хромова; методика определения основных мотивов выбора профессии Е.М. Павлютенкова; методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана. Выборку составили 80 студентов вузов, из них: 40 юношей и 40 девушек в возрасте 18–22 лет.

На основе результатов эмпирического исследования были выявлены следующие особенности студентов: более выражены такие личностные особенности, как привязанность, контролирование, игривость. Студенты проявляют такие качества, как теплота, доверчивость, готовность к сотрудничеству, аккуратность, любопытство и любознательность. У всех студентов присутствуют несколько групп мотивов при выборе будущей профессии. У 72,5% выявлена мотивация на успех, а у 25% мотивационный полюс не выражен.

При помощи t-критерия Стьюдента был проведен анализ различий личностных особенностей и мотивов выбора профессий между группами студентов, мотивированными на успех и с невыраженным полюсом мотивации. Обнаружены значимые различия показателей по фактору «Эмоциональность – сдержанность» ($p < 0,05$) методики Пятифакторный опросник личности 5PFQ. У студентов с невыраженным мотивационным полюсом выше показатели по шкале «Сдержанность». Такие студенты более тревожны, подвержены депрессивным состояниям, напряжены, чем респонденты, у которых выявлена мотивация на успех. Также были выявлены значимые различия по шкале «Эстетические» ($p < 0,01$) методики определения основных видов мотивов выбора профессии (Е.М. Павлютенков). У студентов с высокой мотивацией на успех больше показатель по данной шкале, что говорит о стремлении к эстетике труда, его красоте, получении ощущения радости от деятельности.

Также были выявлены различия в структуре связей исследуемых показателей. У студентов с высокой степенью мотивации на успех были выявлены прямые связи показателей творческих мотивов с показателями по фактору экстраверсии и игривости. Так, чем больше выражены активность, общительность и любознательность студентов, тем больше проявлены творческие мотивы. А показатели по фактору эмоциональности обратно связаны с престижными мотивами, это означает, что чем более эмоционально стабильны респонденты, тем менее для них значимы мотивы престижа.

У студентов с невыраженным мотивационным полюсом было выявлено значительно больше связей, которые показали, что для эмоционально стабильных студентов менее значимы социальные, творческие и престижные мотивы. Прямые связи были выявлены между показателями экстернальности и познавательными, творческими, социальными и утилитарными, эстетическими и мотивами, связанными с содержанием труда. Также было выявлено, что чем более доверчивы, уважительны и настроены на сотрудничество студенты, тем менее значимы для них социальные, познавательные, творческие и мотивы, связанные с содержанием труда.

Полученные результаты могут быть полезны для психологов при работе с подростками не только для помощи в определении будущей профессиональной деятельности, но и для развития личностного потенциала.

1. Психологические факторы обеспечения безопасности и надежности эргатических систем: Монография / Под ред. Е.Ф. Яценко, И. Л. Соломина. – СПб.: Изд-во «ЭЛВИ-Принт», 2019. – 314 с.

Особенности информационного поведения студентов вузов из разных регионов России

Информационное поведение, регион проживания, конструктивные стратегии, деструктивные стратегии

Информационное поведение современного человека XXI века становится актуальным с широким распространением информационных технологий. Обращение к интернет-пространству предполагает разные стратегии поведения пользователей в зависимости от доминирующей мотивации.

С целью изучения особенностей в проявлениях информационного поведения студентов, проживающих в разных регионах России, было проведено исследование в пяти российских регионах: Донецкая народная республика, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, г. Москва, г. Ростов-на-Дону. Выборка исследования составила 542 человека в возрасте от 18 до 22 лет, все студенты вузов. В качестве гипотезы выступило предположение о том, что выраженность стратегий информационного поведения может различаться у студенческой молодежи, проживающей в разных регионах России. Были использованы эмпирические методы: «Стратегии информационного поведения» (СИП), (И.В. Абакумова, А.В. Гришина, В.Г. Ромек, Г.П. Звездина, А.С. Коленова), метод сравнительного анализа непараметрический критерий Краскелла-Уоллеса.

Проведенный сравнительный анализ результатов исследования показал, что в выборках респондентов выраженность стратегий информационного поведения на уровне средних значений различается. С помощью непараметрического критерия Уоллиса были выявлены статистически значимые различия в выраженности стратегий информационного поведения в пяти выборках. Выявлено наличие различий в выраженности конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения между студентами из разных регионов РФ, кроме стратегии «Интернет для высказывания радикальных идей», по данной стратегии статистически значимых различий не выявлено.

Было установлено, что конструктивные стратегии информационного поведения в большей степени представлены у респондентов г. Москвы и г. Ростов-на-Дону. Репертуар информационного поведения в этих группах отличается от трех других групп тем, что студенты столичных вузов используют интернет в разных сферах жизни, удовлетворяя самые разные потребности: поиск информации (34,5), сообщение другим о себе (21,0), интернет как мотивирующая сила (30,3 Москва, 32,0 Ростов-на-Дону). Студенты из конфликтного региона (ДНР) чаще используют интернет для поиска информации (31,4) и для мотивирования (27,6) и меньше совершают покупки (18,5) и сообщают о себе в интернете (16,6).

Группа студентов из Калмыкии имеет достоверно более низкие значения по стратегиям информационного поведения – «интернет как мотивирующая сила» (25,2), «интернет для сообщения о себе другим» (17,4).

Стратегия «поиск информации» наиболее выражена у студентов Москвы (34,4) и Ростова (34,5) и имеет статистически достоверные различия в уровне выраженности по сравнению с другими тремя выборками. Студенты больших городов более активно используют информационно-познавательный ресурс интернета для удовлетворения познавательных и учебных потребностей. Также для студентов Москвы (20,7) и Ростова (21,1) стратегия «интернет для сообщения о себе другим» является важной площадкой для самопрезентации, а для студентов других регионов данная стратегия значимо реже используется.

Выявлено, что деструктивные стратегии информационного поведения «интернет как доступ к альтернативной информации», «интернет для подглядывания за другими в социальных сетях», «интернет для реализации сексуальных потребностей» статистически значимо выражены больше у студентов из больших городов (Москва, Ростов).

На основании полученных результатов была подтверждена гипотеза исследования. Стратегии информационного поведения студентов, проживающих в разных регионах России, различаются по уровню выраженности, наибольшие показатели в выраженности стратегий информационного поведения продемонстрировали студенты, проживающие в больших городах-миллионниках (Москва, Ростов-на-Дону).

Исследование выполнено при поддержке РНФ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы».

Конструирование функциональной психической организации ребенка средствами поведенческих технологий и нарративной терапии родителей. Описание кейса

Прикладной анализ поведения, родительский нарратив, функциональная психическая организация ребенка

Современные родители все чаще сталкиваются с нарушениями процессов онтогенетического развития детей. На сегодняшний день, в коррекционной практике специалисты чаще всего сталкиваются с диагнозами «Расстройства аутистического спектра», «Синдром Аспергера», «Общие/Тяжелые нарушения речи».

Мы предполагаем, что подобная статистика обусловлена не только улучшением средств и методов диагностики, но и некоторыми изменениями в восприятии родителями процесса воспитания и передачи навыков детям. Предполагаемые изменения могут происходить по причине появления новых парадигм воспитания, в которых ребенок выступает «самодетерминирующей системой» [3], в противоположность устоявшейся и «привычной» парадигме, где родитель или опекающий взрослый выступает в качестве зоны ближайшего развития ребенка [1; 250].

На основе данного предположения был апробирован терапевтический подход, совмещающий технологии прикладного анализа поведения (АВА) в виде диагностического инструмента VB-MAPP [5] и последующей поведенческой коррекции и терапевтическую работу по повышению рефлексивной перспективы родителей [4], в рамках полинарративного подхода к анализу личных историй [2].

Работа проводилась с ребенком в возрасте 6 лет, с отсутствующим речевым репертуаром, отсутствием указательного жеста и небольшим набором спонтанных вокализаций, при этом полностью нейрофизиологически сохранным. Исходя из собранного анамнеза и беседы с родителями удалось установить, что в свободном доступе ребенка находятся все мотивационные стимулы (любимые игрушки, предпочитаемая еда, и напитки и т.д.). Подобные условия в течение определенного времени лишали ребенка возможности освоить мотивационные операции (указательный жест, просьбы) и базовые речевые инструменты. На первом же сеансе при воссоздании мотивационных условий (лишение ребенка прямого доступа к игрушке) ребенок смог освоить и самостоятельно использовать указательный жест за 10 последовательных проб. На последующих сеансах в момент проведения поведенческой коррекции, параллельно проводилась работа с родителями.

Нами была сформирована гипотеза – у родителей отсутствует инструментарий функциональной передачи социальных навыков ребенку. Подобный инструментарий требует наличия рефлексивной перспективы «мотивированного агента» [2], которая не была представлена ни у одного из родителей на момент начала вмешательства. Работа велась в течение 3 месяцев в объеме 4 часов в неделю.

В конечном итоге нам удалось выйти на начальный уровень вербального поведения, ребенку стала доступна эхо-имитация слов, просьбы с использованием 3 слов (я хочу «...»), появилась функциональная игра с сестрой и были освоены некоторые из базовых навыков социального поведения (прим. есть горячую пищу за столом с семьей).

Исходя из полученного результата, был составлен проект исследования эффективности параллельного вмешательства со стандартизованным сбором количественных данных на расширенной выборке с установленным планом терапии.

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский: собр. соч. в 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
2. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Полинарративный подход к анализу личных историй // Редакционная коллегия. – С. 125.
3. Чернов Д.Н. Субъектно-деятельностный подход к изучению детско-родительских отношений // Russian Journal of Education and Psychology. – 2011. – Т. 5, №. 1. – С. 93–100.
4. McAdams D.P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author // Perspectives on Psychological Science. – 2003. – 8(3). – P. 272–295.
5. Sundberg M.L. VB-MAPP Verbal Behavior Milestones Assessment and Placement Program: a language and social skills assessment program for children with autism or other developmental disabilities: guide. – Mark Sundberg, 2008.

Эмоциональная регуляция и контроль студентов в ходе учебной деятельности

Эмоциональная регуляция, эмоциональный контроль, когнитивный контроль, волевой контроль, студенты

Эмоции сопровождают образовательный процесс как на уровне познания [1], так и на уровне ситуаций (посещение занятий, сдача экзаменов, самообучение) [2]. Кроме того, они могут возникать в самой деятельности и в связи с ее ожидаемым результатом [3]. Значимость эмоций в процессе обучения указывает на необходимость выбора таких реакций, которые бы способствовали достижению желаемых образовательных результатов и сохранению оптимального эмоционального состояния. Двумя классами реакций выступают регуляция и контроль, но соотношение между данными классами остается недостаточно ясным.

В связи с недостаточно разработанным представлением о связи эмоциональной регуляции с контролем в целом и в процессе обучения в частности нами было проведено исследование, нацеленное на уточнение связи между эмоциональной регуляцией (ЭР) и эмоциональным, когнитивным и волевым контролем. В качестве методик исследования были выбраны тест эмоционального интеллекта Н. Холла, опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (CERQ, адаптация О.Л. Писаревой и А. Гриценко), СОРЕ-30 (М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова, Л.А. Александрова), опросник «Контроль поведения» (Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская и И.И. Ветрова). Помимо этого, студенты оценивали уровень эмоционального напряжения в течение семестра и во время сессии, а также предоставили данные об успеваемости за первый семестр. Методом статистической обработки данных был выбран коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

В исследовании приняли участие 112 студентов первого курса экономического факультета СПбГУ.

В качестве статистически достоверных корреляций ($p \leq 0,05$) были установлены прямые связи показателей ЭР «эмоциональная осведомленность» и «активное совладание» с показателями «когнитивный контроль» ($r = 0,323$, $r = 0,191$, соответственно) и «эмоциональный контроль» ($r = 0,412$, $r = 0,227$, соответственно). А показатели ЭР «принятие» и «использование эмоциональной социальной поддержки» взаимосвязаны с показателями «когнитивный контроль» ($r = 0,253$, $r = 0,195$, соответственно) и «волевой контроль» ($r = 0,197$, $r = 0,240$, соответственно), и, более того, с оценкой эмоционального напряжения во время сессии ($r = 0,285$, $r = 0,260$, соответственно) и в течение семестра ($r = 0,202$ для показателя «принятие»). Одновременно с этим «принятие» и «эмоциональная осведомленность» прямо связаны с успеваемостью студентов за первую сессию ($r = 0,201$, $r = 0,210$). Показатели контроля, в свою очередь, не связаны с показателями успеваемости, но «волевой контроль» прямо взаимосвязан с оценками напряжения в течение семестра ($r = 0,215$) и сессии ($r = 0,275$), а «эмоциональный контроль» обратно связан с оценкой напряжения в течение семестра ($r = -0,192$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что ЭР связана с контролем, но в учебной деятельности данные процессы могут выполнять разное значение. Так, умение регулировать эмоции коррелирует с успеваемостью студентов, а умение контролировать – нет. При этом эмоционально ориентированные способы регуляции, как и волевой контроль, могут повышать эмоциональное напряжение студентов, тогда как эмоциональный контроль способствует снижению такого напряжения.

Полученные данные требуют дальнейшего изучения и проверки на более многочисленной выборке студентов, обучающихся на разных курсах.

1. Александров Ю. И. Эмоция и мораль // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 196–201.
2. Goetz T. et al. Emotions, learning and achievement from an educational– psychological perspective // Learning emotions : the influence of affective factors on classroom learning / Philipp Mayring; Christoph von Rhoebeck (eds.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2003. – P. 9–28.
3. Pekrun R. et al. Positive emotions in education. Meeting goals, visions, and challenges / ed. By Erica Frydenberg (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 149–173.

Казаева Е.А.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ,

Чхетиани Н.С.
Екатеринбург, АНО ВО «Институт современного искусства»

Кацеев Е.О.
Екатеринбург, ФГАОУ ВО УрФУ

Факторы, влияющие на формирование гражданской идентичности обучающихся

Гражданственность, гражданская позиция, гражданская идентичность

В последнее время в области исследований, связанных с вопросами формирования индивидуальной гражданской идентичности и активной гражданской позиции, наблюдаются четыре основных направления: развитие гражданских черт через образовательный процесс; воспитание гражданской зрелости; совершенствование гражданских качеств личности; воспитание гражданина через различные виды активности. Тем не менее, многие ключевые термины, такие как «гражданская идентичность», «гражданская позиция», «гражданственность», «гражданское образование» и другие, продолжают оставаться предметом споров и в значительной степени не имеют четкого определения [1].

Статистические данные также подтверждают важность этой проблемы. Исследование показало, что 97% опрошенных демонстрируют эмоциональную реакцию на события внутри страны. Из них 28% признались, что пытаются подходить к анализу событий критически, но их нельзя отнести к категории критического мышления из-за недостатка базового знания в таких областях, как история, обществознание, политология, право и мировая политика. 56% участников исследования утверждают, что у них сложилась гражданская идентичность и позиция; 16% заявили, что прежде не думали о таких понятиях, но попробовали определить их, опираясь на прочитанные определения («гражданин», «гражданский», «идентичность», «позиция»); 13% – это люди, которые не имеют гражданской позиции и не стремятся к ее формированию, считая себя гражданами мира; 2,8% участников исследования не понимали вопрос о гражданской позиции, полагая, что каждый человек изначально обладает гражданской идентичностью и позицией, будучи гражданином какой-либо страны [2].

Большинство обучающихся не обладают четко сформулированной гражданской позицией. Их мнения часто основываются на повседневных наблюдениях и не подкрепленных фактами суждениях, которые не превратились в глубокие убеждения. Почти все опрошенные обучающиеся не смогли бы без предварительного ознакомления разъяснить такие ключевые термины, как «политика», «гражданин», «демократия», «гражданское общество», «гражданская зрелость». При этом 17% обучающихся убеждены, что их мнение останется без внимания; они не чувствуют связи с государством, в котором они проживают, и не ощущают ответственности за его судьбу. Эти студенты не стремятся и не видят необходимости в изменении ситуации, не предпринимают попыток предложить решение проблем. Тем не менее, эти данные не подразумевают, что современные обучающиеся в большинстве случаев не проявляют интереса к политике, не заботятся о будущем нации и сосредоточены исключительно на своих личных вопросах. Скорее, это свидетельствует о том, что в образовательной системе недостаточное внимание уделяется вопросам гражданского и политико-правового воспитания. Несмотря на это, студенты всегда с энтузиазмом и готовностью вступают в обсуждения, касающиеся политических и правовых аспектов, с эмоциями обсуждают социальные проблемы [3].

Суть проблемы, которая стоит перед нами, заключается в следующем: в первую очередь, она связана с прогрессивными изменениями в сфере образования, где акцент делается на развитии у подрастающего поколения чувства гражданской ответственности и уверенности в собственной гражданской роли; во-вторых, проблема заключается в отсутствии четких теоретических основ для воспитания у молодежи устойчивой гражданской идентичности и активной гражданской позиции; и, в-третьих, в нехватке эффективных методов и технологий, которые позволили бы достичь указанных целей.

1. Казаева Е.А., Чхетиани Н.С. От идеала к реальности: проблемы формирования гражданской идентичности в вузах // В сборнике: Ценностные ориентиры профессионального становления педагога. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Сургут, 2023. – С. 118–120.
2. Казаева Е.А., Чхетиани Н.С. Проблемы и перспективы формирования гражданской идентичности у студентов в условиях модернизации образования // В сборнике: Ананьевские чтения-2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. Материалы международной научной конференции. – М., 2023. – С. 305.
3. Казаева Е.А., Чхетиани Н.С., Шабардина О.Г. К вопросу об актуальности формирования гражданской идентичности студенческой молодежи // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2023. – № 18. – С. 3–8.

Особенности диагностики детей-мигрантов в современной образовательной среде

Дети-мигранты, тестирование, рисковое поведение, образование

Образовательное воздействие играет ключевую роль в успешной социокультурной адаптации детей, переселяющихся из различных регионов, в новую образовательную среду. Возрастает потребность к созданию образовательной инфраструктуры, способствующей обеспечению равных образовательных возможностей для детей-мигрантов в контексте разнообразных культурных и языковых особенностей [1]. Процесс адаптации детей-мигрантов имеет двойственный характер, включая личностные отношения (учителя, одноклассники, успешные адаптации) и выполнение программ с учетом инклюзивной среды и опыта адаптации [3]. В связи с этим актуальным становится момент обращения внимания на организационные и психологические аспекты адаптации детей-мигрантов в образовательной среде, в том числе при проведении диагностики на предмет измерения феномена «рискового поведения» (например, в рамках предотвращения негативного воздействия экстремистских религиозных идей на подростков-мигрантов [2]).

Теоретико-методологическая база исследования опирается на психологические и организационные аспекты адаптации детей-мигрантов (В.С. Агеев, Ю.В. Арутюнян, А.А. Суколов, Г.В. Старовойтова, Г.У. Солдатова, Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко и др.), а также на исследования психопрофилактики и феномена «рискового поведения» (В.В. Барцалкина, С.В. Березин, В.С. Битенский, Е.А. Брюн, Ю.В. Валентик, А.В. Смирнов [4], И.Н. Пятницкая и др) для повышения эффективности диагностики и разработки рекомендаций по улучшению существующих методик.

Цель исследования заключается в выявлении дефицитов в существующем подходе к оценке явления «рискового поведения» у детей-мигрантов, а также в разработке предложений по его усовершенствованию. Для этого были проведены фокус-группы с преподавателями и интервью с учащимися и педагогами.

Результаты исследования выявили трудности, с которыми столкнулись респонденты, чьим родным языком не является язык методики, при понимании материала и организации процесса тестирования, а именно: сделать формулировки вопросов понятными разным категориям обучающихся (с учетом уровня владения русским языком, национальных и культурных особенностей детей-мигрантов); использовать возможности невербальной формы подачи материала; использовать методы мотивирования к участию в тестировании детей-мигрантов (работа с родителями). Это позволило лучше понять текущие проблемы и недочеты в методике, а также определить области, которые требуют улучшений, в контексте анализа явления «рискового поведения» с целью более эффективной и точной диагностики детей-мигрантов. Полученные результаты могут быть использованы для разработки адаптированных версий методики и методических рекомендаций, направленных на стимулирование учащихся к участию в тестировании.

1. Кошенова М.И., Сухорукова М.Г. Особенности социально-педагогической адаптации старших школьников, склонных к риску // Научный журнал «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири». – 2019. – № 3. – С. 71–85.
2. Кувшинова А.И., Некрут Т.В. Результаты исследования асоциального влияния религиозных культов на подростков в социально-педагогической среде общеобразовательного учебного заведения // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 7 (24). – С. 100–103.
3. Пугулян Н.С., Закирова В.Г., Власова В.К. Бинарная модель адаптации детей мигрантов в условиях современной школы // кпж. – 2022. – № 5 (154).
4. Смирнов А.В. Психология аддиктивного поведения: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. – 379 с.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ «Разработка, психометрическая проверка и апробация визуальных форм диагностики склонности к рискованному поведению обучающихся детей-мигрантов, а также разработка методических рекомендаций для психолого-педагогического сопровождения обучающихся указанной категории».

Эксперимент длиною в жизнь Памяти А.В. Суворова (1953–2024 гг.)

Суворов А.В., личность, творчество, слепоглухота, история психологии

26.01.2024 г. в Москве ушел из жизни наш коллега доктор психологических наук, профессор кафедры специальной психологии и реабилитологии МГППУ Александр Васильевич Суворов – единственный в мире слепоглухой психолог, педагог, философ и поэт.

Он прожил сложную, полную испытаний и творческих свершений жизнь. Родился в 1953 г. в Фрунзе (ныне Бишкек) вполне здоровым ребенком, но в детстве по непонятным причинам утратил сначала зрение, а потом слух. С 1964 г. обучался в Загорском детском доме для слепоглухих детей, по окончании которого вместе с еще тремя одноклассниками поступил в МГУ на факультет психологии. По завершении обучения в МГУ был принят на работу научным сотрудником Института общей и педагогической психологии АПН СССР. В 1994 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты». В 1996 году защитил докторскую диссертацию на тему «Человечность как фактор саморазвития личности».

Как ученого А.В. Суворова интересовали не когнитивно-эмоциональные стороны дизонтогенеза, а коммуникативные, в аспекте этико-креативных характеристик личности в условиях слепоглухоты как модели особой экстремальности. Основной акцент его исследований был сосредоточен на развитии личности как активного субъекта процесса познания, общения, творчества. Идея творческой самореализации как важнейшего условия формирования сознания личности слепоглухого человека представляла собой продолжение взглядов его учителей – психолога и руководителя Загорского детского дома А.Н. Мещерякова и философа Э.В. Ильенкова. Именно в развитии творческого потенциала в условиях сенсорной патологии может формироваться личность, а также пути взаимопонимания между зрячеслышащими и слепоглухими. Творчество служит уникальным языком общения и способом взаимопонимания и взаимопроникновения. По сути, научное творчество А.В. Суворова есть воплощение кантовской максимы о том, что человек есть не средство, а цель. Именно поэтому свою научно-исследовательскую, преподавательскую и просветительскую деятельность он совмещал с практической воспитательной работой с детьми, имеющими множественные нарушения. Его научные разработки способствовали в том числе переходу современной дефектологии от парадигмы полезности к парадигме самодостаточности и достоинства [1, 2].

Став в юности участником уникального эксперимента по изучению возможностей и пределов развития личности в условиях слепоглухоты, он продолжал этот эксперимент в течение всей своей жизни, выступая в нем и исследователем, и испытуемым одновременно и, тем самым, продолжая творческий диалог со своими уже ушедшими учителями – вдохновителями и организаторами этого эксперимента. Как целостная и целеустремленная личность он с юности отличался пониманием того, что ожидать от жизни чего бы то ни было бесполезно, и уверенностью в том, что это жизнь все время чего-то ждет от человека и дает ему шанс проявить себя.

Это был важный эксперимент, итоги которого обсуждаются и по сей день, спустя полвека. Он стал дополнительным поводом для острой дискуссии по проблеме личности и природы человеческого сознания, которая в середине 70-х годов прошлого столетия постепенно перемещалась из сферы собственно философского в рамки психологического дискурса. Интересно отметить, что упомянутая дискуссия начиналась, когда четверо выпускников Загорского детского дома еще были студентами, но они же позже приняли участие в ней как исследователи-психологи.

1. Суворов А.В. Человечность, достоинство, педагогика оптимизма. – М.: ИД «Первое сентября», 2009.
2. Суворов А.В. Встреча вселенных, или Слепоглухие пришельцы в мире зрячеслышащих. – М.: ЭКСМО, 2018.

**Научное наследие Д.Н. Исаева
в пространстве современной педиатрической и специальной психологии
(к 95-летию со дня рождения)**

Д.Н. Исаев, психопатология, семейное воспитание, психопрофилактика, отклоняющееся развитие

Говоря о научном творчестве Д.Н. Исаева (25.10.1929–18.12.2014), обычно связывают его со сферой психопатологии детского возраста, что справедливо, но недостаточно. Спектр научных интересов Дмитрия Николаевича был необыкновенно широк. Его интересовали вопросы формирования половой идентичности в детском возрасте и связанные с ним проблемы ее патологии, а также содержание и методы полового просвещения и воспитания детей и подростков с нормальным и нарушенным развитием. Неизменно он проявлял интерес к вопросам психосоматических расстройств в детском возрасте и психологии и психопатологии стресса.

Д.Н. Исаев принимал активное участие в изучении природы, форм и психотерапии неврозов в детском возрасте. Нельзя обойти вниманием и богатое исследовательское наследие Д.Н. Исаева, связанное с психологией больного ребенка. Без преувеличения можно считать его основоположником детской (педиатрической) психологии в нашей стране. Вопросы психопрофилактики в работе педиатра волновали Д.Н. Исаева, и в этом отношении его исследования являются и по сей день уникальными и единственными. Профилактическое направление обрело в последние годы жизни Дмитрия Николаевича особую актуальность в связи с распространением в детской и подростковой среде употребления наркотиков и связанного с ним ВИЧ.

Особый исследовательский интерес всегда вызывала у Дмитрия Николаевича проблема психического недоразвития у детей и подростков. Никто из современных исследователей в нашей стране не внес столь весомого вклада в изучение клиники умственной отсталости. Им разработана оригинальная и весьма компактная клинико-физиологическая классификация форм умственной отсталости, позволяющая не только более эффективно проводить дифференциальную диагностику этого типа нарушений психики в детском возрасте, но и позволяет строить гибкую индивидуальную коррекционно-воспитательную работу с умственно отсталыми детьми. Психопатологическое исследование детей с умственной отсталостью оказало серьезное влияние на развитие отечественной специальной психологии и коррекционной педагогики.

Не менее важны работы Д.Н. Исаева, посвященные психологии семейного воспитания больных детей, родительских реакций на выявление той или иной патологии, в том числе умственной отсталости, переживание родителями смерти ребенка и т. п. Эти исследования гармонично вытекали из клинической практики самого Д.Н. Исаева, его активной консультативной работе с родителями больных детей, в которой сочетался глубокий анализ с чувством такта.

Работа над многочисленными научными публикациями всегда была сопряжена с деятельностью преподавателя высшей школы – сначала в СПбГМУ, выпускником которого он был и где прошел путь от аспиранта до профессора, заведующего кафедрой и проректора, а с 1996 г. – в Институте специальной педагогики и психологии им. Р. Валленберга в качестве профессора кафедры клинической психологии. Связь научной и педагогической деятельности, по выражению самого Дмитрия Николаевича, состояла в том, что общение со студентами и аспирантами позволяло проговаривать и более четко осознавать проблемы, над которыми он в это время работал. Студенты и аспиранты становились его соавторами. И это верно в том смысле, что многочисленные его ученики среди психиатров, педиатров, психологов и педагогов продолжают развивать его идеи, составляя яркую школу профессора Д.Н. Исаева.

Дневник рефлексии в развитии Я-концепции у подростков с интеллектуальными нарушениями

Рефлексия, подростки, интеллектуальные нарушения

Актуальность данной темы заключается в поиске эффективных средств развития эмоционально-личностной сферы детей на основе формирования у них самонаблюдения.

Полноценное развитие личности ребенка связано с его эмоциональным развитием. Эмоциональная система, как и когнитивная, обеспечивает регуляцию поведения и ориентирование в окружающем мире. Эмоции – это система «быстрого реагирования» на любые важные с точки зрения потребности изменения внешней среды [2].

Дети с интеллектуальным нарушением могут успешно дифференцировать эмоции других людей, но могут и испытывать проблемы с пониманием собственного эмоционального состояния. Как правило, эмоциональная сфера характеризуется быстрой сменой настроения и эмоций, их неустойчивостью [2]. Затрудняются ответить, что чувствуют в данный момент или какие эмоции у них вызывают разного рода ситуации, что, прежде всего, отражается на проблемах коммуникации с окружающими и особенностями игры со сверстниками.

Педагогами-психологами ГБОУ №4 был составлен дневник самонаблюдения, который рассчитан на 7 месяцев [2].

При создании дневника акцент делался на следующих компонентах:

- Рефлексивный (ежедневное и еженедельное задание).
- Мотивационный.
- Развитие абстрактного мышления (понимание переносного смысла).
- Эмоциональный интеллект (ситуации).

Дневник включает в себя:

Первый блок – это оформление титульного листа дневника (фамилия, имя, возраст, класс) и первой страницы, где ребенок самостоятельно определяет свои качества, какие качества ему нравятся в себе и заполняет карту интересов. Цель этого блока – знакомство с ребёнком, возможное определение его качеств и интересов.

Второй блок – непосредственное заполнение дневника. Каждый день ученик приходит заполнять дневник, анализируя собственное настроение, определяет, что у него сегодня хорошо получилось, что не получилось.

На каждый день недели педагогами-психологами было составлено задание. Так, к примеру, помимо ежедневной идентификации собственного настроения, во вторник – психологическое упражнение, в среду – понимание метафорической фразы, в четверг – понимание ситуации, а в пятницу ребенку предлагается проанализировать свою неделю и записать 5 достижений. Задания носят творческий, эмоциональный характер, требующие волевых усилий и самонаблюдения.

Нужно учитывать, что психологические упражнения и другие задания не должны отнимать много времени у ребёнка на их выполнение и оформление в дневнике наблюдения. На заполнение одной страницы у ребенка уходит 10-15 минут, в зависимости от темпа и скорости выполнения. На первых этапах заполнения дневника работа может быть совместна с педагогом, если требуется пояснение к заданию.

На данный момент можно отметить, в результате заполнения дневника мы имеем разные тенденции получаемых результатов:

- учащиеся стали чаще говорить о своем актуальном эмоциональном состоянии, о его причинах;
- учащиеся просят помощи, если какая-то эмоциональная ситуация вызывает у них сложность в решении, спрашивают про техники саморегуляции, как справляться со злостью;
- у учащихся заметна самостоятельность и ориентирование в заполнении дневника, это вызывает большой интерес;
- учащиеся сами замечают, что стали лучше понимать себя;
- некоторые учащиеся отмечают, что дневник помогает им благодарить учителей и учеников;
- для некоторых учеников дневник выступает «слушателем», в который можно написать свои переживания, или, наоборот, достижения, ведь для всех они разные;

- учащиеся через системность заполнения дневника стараются идентифицировать эмоциональное состояние педагога, задают вопрос «что Вы чувствуете, а как бы Вы отреагировали?»;
 - для учащихся дневник служит мотивацией для хороших дел «я завтра буду собой гордиться, потому что помогу учителю»;
 - дневник помогает самонаблюдению учащихся «сегодня у меня получилось хорошо себя вести и контролировать».
1. Романов А.А. Коррекция расстройств поведения и эмоций у детей. Альбом игровых коррекционных задач: пособие для детских психологов, педагогов, дефектологов, родителей / А.А. Романов. – М.: Плэйт, 2004. –112 с.
 2. Стрижак Н.А., Кац Е.Э., Посохова С.Т., Колосова Т.А., Кочнёва Е.В., Смольянинова Е.В. Формирование жизненных компетенций у детей с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) // Социальные навыки как потенциал будущего обучающихся с интеллектуальными нарушениями: матер. Педагогической лаборатории. Санкт-Петербург, 27 марта 2023 года / под общ. ред. Н.А. Стрижак, Е.Э. Кац. – СПб.: ИБИН, 2023. – 63 с.

Взаимосвязь стиля саморегуляции с типами фрустрационных реакций и нравственной направленностью личности студентов

Стиль саморегуляции, моральный выбор, тип реакции на фрустрацию, копинг-стратегии

Современные условия студенческой жизни и обучения предполагают необходимость каждый день осуществлять осознанный моральный выбор, не только требующий преодоления стрессовых обстоятельств, но и сопряженный с нравственными проблемами. Навыки саморегуляции становятся все более актуальными [2]. Многоуровневый феномен саморегуляции в настоящее время много исследуется с различных научных ракурсов. Многие авторы отмечают недостаточную изученность и актуальность рассмотрения саморегуляции во взаимосвязи с духовно-нравственными качествами личности [3].

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи стиля саморегуляции с типами фрустрационных реакций студентов и их нравственной направленностью.

Была выдвинута следующая гипотеза: существует взаимосвязь между стилями саморегуляции, типами фрустрационных реакций и нравственной направленностью личности студентов.

Выборку исследования составили 100 студентов 1-го курса психолого-педагогического направления обучения очной и заочной формы РГПУ им. А.И. Герцена в возрасте от 18 до 49 лет. Средний возраст выборки составляет 21,84 года, стандартное отклонение 5,46.

В исследовании использовались: методика оценки характеристик нравственной сферы личности «Друг-советчик» Веселовой Е.К. [1]; «Фрустрационный тест Розенцвейга»; опросник «Стиль саморегуляции поведения» Моросановой В.И.; опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана.

Корреляционный анализ измеряемых показателей (r -Спирмена) выявил наличие достоверных положительных взаимосвязей между типом фрустрационной реакции и особенностями стиля саморегуляции. Из них можно отметить такие как: экстрапунитивное направление реакции положительно взаимосвязано со стилем саморегуляции «планирование» по Моросановой ($r = 0,25$, $p < 0,05$). Тип реакции с фиксацией на препятствии положительно взаимосвязан с копинг-стратегией «планирование решения проблем» ($r = 0,20$, $p < 0,05$). Тип реакции с фиксацией на самозащите положительно взаимосвязан с копинг-стратегией «дистанцирование» ($r = 0,26$, $p < 0,05$). Негативная нравственная направленность, проявившаяся в ответах на ситуации морального выбора не соответствующих общепринятым моральным нормам, взаимосвязана с копинг-стратегиями «конфронтация» ($r = 0,27$, $p < 0,05$) и «дистанцирование» ($r = 0,30$, $p < 0,05$). Это означает, что привычные неадекватные способы защиты от стресса приводят к искажению понимания нравственного контекста трудной жизненной ситуации.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась, тип саморегуляции и привычные способы реагирования в стрессовых ситуациях взаимосвязаны с особенностями принятия решения в ситуациях морального выбора.

1. Веселова Е.К. Метод исследования нравственной сферы личности // Диагностика здоровья. Психологический практикум /Под ред. проф. Г.С. Никифорова – СПб.: Речь, 2007. – С. 359–374.
2. Газиева М.З. Особенности психологического стресса студенческой молодежи // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 59-1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskogo-stressa-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 01.06.2024).
3. Машарина А.Ф. Представление о саморегуляции в отечественной психологии // Педагогика и психология образования. – 2023. – № 1. – С. 221–235. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-1-221-235.

Работа выполнена по внутреннему гранту РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 19ВГ).

Целеполагание педагогической поддержки

Педагогическая поддержка, личностно ориентированное взаимодействие, самоопределение личности, управление образовательной средой

Гуманистические ориентиры непрерывного образования выдвигают требования к определению в качестве соавторов содержания образовательной среды как педагога, так и обучающегося. Образовательная среда представляет собой совокупность содержательных источников развития, стимулов субъектной активности и процессуальных возможностей для взаимодействия со средой всех субъектов. Обозначенный состав образовательной среды во многом диктуется требованиями нормативных документов, социокультурным контекстом и возможностями педагога по управлению средой, который на уровне цели педагогической активности включает особую конфигурацию ориентиров, становящуюся инвариантным признаком образовательного процесса.

Личностно ориентированный подход предопределяет равенство позиций обоих субъектов и задает рамку целеполагания педагогической активности – создание условий для самоопределения другого субъекта в отношении содержания образования, способов и процесса его освоения, выбора других субъектов для взаимодействия по мере освоения образовательной среды. Самоопределение выступает в качестве формы субъектной активности, позволяющей педагогу оценивать притязания и личностные предпочтения обучающегося в отношении содержания среды, его возможности (функциональный и личностный опыт) по взаимодействию со средой. Самоопределение обучающегося становится одним из факторов целеполагания педагогической деятельности, которая приобретает форму педагогической поддержки активности другого субъекта в образовании. Поддержка в опосредованном управлении активностью другого субъекта способствует исключению (минимизации) доминирующих воздействий среды на личность, обеспечению условий для установления открытых и доверительных отношений между взаимодействующими субъектами, а также созданию возможностей для генерирования и реализации инициатив. Поддержка в совокупности с самоопределением позволяет индивидуализировать процесс освоения образовательной среды, формируя уникальную комбинацию средовых факторов под запрос обучающегося, его личностные предпочтения и притязания, а также под его возможности по освоению средового содержания, чем достигается последовательность и постепенность наращивания его функционального и личностного опыта. В число ведущих ориентиров деятельности педагога таким образом включается не только выдвигаемые извне требования, но и самоопределение другого субъекта, а также задача поддержать активность и инициативы обучающегося. При этом поддержка включает в себя не только одобрение и защиту от деструктивных средовых влияний, но и критическую оценку, обозначение вероятных педагогических рисков и опосредованные ограничения активности другого изменяемыми параметрами среды. С учетом нормативных требований к образовательной среде в сопоставлении с оценкой самоопределения обучающегося педагог на уровне цели своей деятельности доопределяет значимые параметры образовательной среды: пространственные, временные, предметные, деятельностные, информационные, коммуникационные, которые впоследствии становятся предметом управления средой (корректировки по мере освоения субъектом средового содержания), чем обеспечиваются как возможности развивать свою деятельность обучающимся, так и творчески решать педагогические задачи.

Таким образом, содержание цели педагогической деятельности при ориентации на поддержку самоопределения обучающегося включает в себя критический анализ требований к содержанию образования в части стимулов, источников и возможностей субъектной активности, оценку личностных предпочтений обучающегося к освоению образовательной среды, оценку педагогом своих возможностей по управлению образовательной средой, создание особого качества образовательной среды, позволяющей действовать свободно, инициативно и ответственно.

Инструменты на основе искусственного интеллекта в деятельности преподавателя психолого-педагогических дисциплин

Искусственный интеллект, ИИ-инструменты для преподавателя, онлайн-сервисы в образовании

Обзор публикаций на платформе eLibrary.ru и аналитических материалов в сети интернет свидетельствует об актуальности темы искусственного интеллекта (ИИ) в образовании. Помимо вопросов, связанных с исследованием возможностей, юридических и этических аспектов применения ИИ, рисков и проблем как следствий его интеграции в образовательную сферу, на обсуждение выносятся разнообразные классификации инструментов на основе ИИ, уже доступных для использования в целях преподавания и обучения. Согласно проведенному контент-анализу, основаниями для таких классификаций могут являться: технологии, на базе которых разработаны ИИ-сервисы [5], функции ИИ-инструментов [1, 3, 4], характеристики разработчиков и степень открытости созданных ими ИИ-решений [2] и т.д.

Однако у нас возникли вопросы о корреляции функций онлайн-сервисов на основе ИИ с конкретными задачами в деятельности преподавателя психолого-педагогических дисциплин, о практической применимости и доступности упоминаемых инструментов на территории России.

Для ответа на них был выполнен отбор и апробация ИИ-инструментов, возможности которых, согласно описаниям, в наибольшей степени соответствуют задачам преподавателя. В результате этой работы была сформирована база данных с информацией о видах деятельности преподавателя, соответствующих им действиях и аналогичных функциях апробированных ИИ-сервисов (с прямыми ссылками), их характеристиках, наличии доступа на территории России, особенностях пробной версии или бесплатного тарифного плана, а также оценки результатов тестового использования каждого ИИ-инструмента.

Выводы:

1. Уже сейчас в доступе находятся разнообразные ИИ-инструменты, ориентированные на решение задач из области деятельности преподавателя. К ним относятся сервисы, например, для разработки структуры курса или учебной дисциплины, составления плана занятия, подготовки презентации, создания (разработки кейсов, тестов) или визуализации образовательного контента, интерпретации результатов обучения. Также существуют инструменты для подбора и составления саммари публикаций по заданной теме, помощи в анализе данных, написания или корректировки текстов рукописей, генерации изображений и т.д.

2. ИИ способен сделать работу более эффективной только, если преподаватель обладает представлениями о возможностях и ограничениях конкретного ИИ-инструмента, имеет развитые навыки составления обращенных к ИИ запросов (промптов), использует для одной задачи разные ИИ-сервисы и выбирает наилучшее решение или их сочетание.

3. При высоком уровне навыков владения ИИ-инструментами, они способны помочь, упростить или облегчить работу, однако сгенерированные ими результаты не могут являться окончательными и нуждаются в обязательной проверке и последующей доработке со стороны преподавателя.

1. Водяненко Г.Р. Инструменты с искусственным интеллектом в работе педагога [Электронный ресурс]. – URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/880/Action880-560708.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).
2. Влияние искусственного интеллекта на образование // АНО «Цифровая экономика». – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Vliyanie_ii_na_obrazovanie_.pdf (дата обращения: 12.04.2024).
3. AI в обучении: на что способны технологии уже сейчас? СбЕРУниверситет. – 2022. – № 4 [49] [Электронный ресурс]. – URL: https://lib.tsu.ru/sp/assets/users/_smirnov/EduTech_49_web.pdf (дата обращения: 12.04.2024).
4. AI toolkit for educators // EIT InnoEnergy Master School Teachers Conference. – 2023 [Электронный ресурс]. – URL: https://paradoxlearning.com/wp-content/uploads/2023/09/AI-Toolkit-for-Educators_v3.pdf (дата обращения: 12.04.2024).
5. The A-Z Guide to AI in Education 2023: Almost Everything You Need to Know [Электронный ресурс]. – URL: <https://blog.classpoint.io/wp-content/uploads/The-A-Z-Guide-to-AI-in-Education-2023-1.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

Обучение трудоустройству студентов в условиях интернационализации высшего образования

Студенты, трудоустройство, планирование карьеры, обучение карьере

Тенденция развития интернационализации высшего образования поставила перед современными студентами новые задачи и выдвинула новые требования и надежды к подготовке талантов в университетах.

Достойная работа, создание рабочих мест, социальная защита, права в сфере труда и социальный диалог составляют неотъемлемые элементы новой Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В пунктах 143–157 итогового документа Конференции «Рио+20» выражается обеспокоенность условиями на рынке труда и повсеместной нехваткой возможностей для получения достойной работы. В то же время в нем признаются существующие взаимосвязи между ликвидацией нищеты и обеспечением полной и производительной занятости и достойной работы для всех и ко всем правительствам обращен призыв решать глобальную проблему безработицы среди молодежи.

Обучение трудоустройству – это связь между университетом и обществом, студентами и профессиональным развитием. Это необходимое средство для того, чтобы студенты могли беспрепятственно выйти в общество и завершить трансформацию от образования к работе. Это также важный залог того, что студенты смогут в полной мере реализовать свои таланты на подходящих должностях и внести свой вклад в развитие общества.

Поэтому вопрос о том, как сделать хорошую работу по профориентации студентов колледжа по выращиванию международных талантов, является важным вопросом, над которым должны задуматься преподаватели по профориентации в университетах.

Основное содержание обучения по трудоустройству в университетах:

- Обучить студентов ценностям и концепциям трудоустройства;
- Предоставлять услуги по информированию работодателей и выпускников о спросе и предложении;
- Помощь выпускникам в развитии способностей к трудоустройству и поиску работы, а также навыков поиска работы;
- Обеспечить обратную связь с информацией о социальном спросе для выращивания талантов в университетах.

Цель: выяснить проблемы высшего образования с области услуг по трудоустройству и включить построение системы услуг по трудоустройству в важную задачу интернационализации высшего образования. Пересмотр интернационализации высшего образования с новой точки зрения не только обеспечит студентам рекомендации и услуги по трудоустройству, но и откроет далеко идущие перспективы для стратегического планирования выращивания интернационализированных талантов.

Проблема обучения трудоустройству студентов в университетах.

1. Опасный переход от учебы к работе.

Число молодых людей, которые не работают и не продолжают учебу, так называемых NEET, растет. Для молодых людей отсутствие стабильного дохода и безопасности создает риск стать уязвимыми. Для общества молодежная безработица – это не только напрасные инвестиции в образование и навыки, но и ряд нежелательных проблем, которые создают тяжелое социальное бремя.

2. Планирование карьеры для студентов должно преодолеть заблуждения:

- Планирование профессии ≠ Личный успех;
- Личное планирование не должно быть оторвано от потребностей общества;
- Не планируйте лишнего.

3. Обучение студентов колледжа трудоустройству все еще имеет реальные проблемы недостаточного внимания, недостаточного идеологического руководства, недостаточной практики, недостаточного участия и так далее.

Выводы. Университеты должны полностью осознать ценностный смысл обучения в целях трудоустройства и глубоко проанализировать реальность дилеммы обучения в целях трудоустройства. Мы должны продолжать совершенствовать пути реализации образования в области трудоустройства и направлять студентов на сочетание реализации личных ценностей с целью социального развития.

Рекомендации.

1. Глубокое осмысление целей и направлений обучения трудоустройству в университете, чтобы избежать отклонений в направлении усилий и компромиссных результатов.

2. Обратит внимание на такие вопросы, как обучение в сфере трудоустройства, соответствие между подготовкой талантов и социальными потребностями, а также связь между практической практикой и трудоустройством, и активно искать пути их решения.

Мотивы принятия ребенка и социально-демографические особенности родительства

Семья, родительство, замещающее родительство, мотивы замещающего родительства, сиротство

Вопрос сиротства на протяжении многих лет актуален для нашего общества. Основной интерес ученых сосредоточен вокруг особенностей детей-сирот [1]. Исследования психологических составляющих самого замещающего родительства остаются в дефиците. Однако именно от замещающего родителя во многом зависит успешность адаптации ребенка, его развитие и социализация [2,3].

Одной из центральных особенностей структуры психологического портрета замещающего родителя, на наш взгляд, является мотивация к принятию ребенка-сироты в семью.

Цель исследования – определение наиболее значимых мотивов замещающего родительства и взаимосвязанных с ними биографических характеристик. Предполагалось, что замещающим родителям свойственно преобладание детоцентрических мотивов над эгоцентрическими при принятии ребенка в семью. Объектом исследования стали родители с разным опытом замещающего родительства. Предметом – мотивы замещающего родительства и социально-демографические характеристики родителей.

В исследовании приняло участие 52 родителя: с наличием и отсутствием опыта воспитания приемных детей (по 26 человек в группе). Методический комплекс включал биографическую анкету и опросник «Мотивация выбора приемного ребенка» В.В. Савченко и Г.Н. Соломатиной. В процессе статистической обработки эмпирического материала использовались процедуры дескриптивного анализа, проверялась нормальность распределения показателей, использовался U-критерий Манна-Уитни.

Как показали эмпирические результаты, мотивы замещающих родителей имеют ряд общих признаков с мотивами обычных родителей. В обеих группах оказались весьма близкими показатели прагматических мотивов ($0,29 \pm 0,19$ б. – у замещающих родителей и $0,31 \pm 0,17$ б. – у обычных) и мотивов компенсации ($0,18 \pm 0,19$ б. и $0,18 \pm 0,15$ б. – соответственно).

Несмотря на то, что в обеих группах детоцентрические мотивы значительно преобладали над всеми прочими, именно они показали наиболее значимые различия по выраженности: $0,74 \pm 0,14$ б. – у замещающих родителей и $0,58 \pm 0,23$ б. – у обычных (при $p \leq 0,01$). Обнаружено также, что именно детоцентрические мотивы являются группообразующими для замещающего родительства ($r = -0,382$, при $p \leq 0,01$). Кроме того, обнаружилась тенденция к тому, что замещающим родителям менее свойственны эгоцентрические мотивы, чем обычным ($0,26 \pm 0,15$ б. и $0,28 \pm 0,18$ б. – соответственно, при $p \leq 0,11$).

Мотивационное напряжение, которое раскрывалось через число выбранных мотивов, оказалось связано с возрастом ($r = 0,277$, при $p \leq 0,05$), sibлинговым опытом родителей (количеством детей в их родительской семье) ($r = 0,320$, при $p \leq 0,05$), ретро-анализом (восприятием, насколько счастливым было детство самого родителя) ($r = -0,279$, при $p \leq 0,05$) и количеством приёмных детей ($r = 0,574$, при $p \leq 0,01$).

Количество приемных детей, в свою очередь, связано с достижением желаний, отражающим количество реализованных мотивов ($r = 0,484$ при $p \leq 0,01$), и с компенсаторными мотивами ($r = 0,308$, при $p \leq 0,05$), которые имеют связь с возрастом родителя ($r = 0,293$, при $p \leq 0,05$).

Достижение желаний связано с планированием принятия в семью новых детей-сирот ($r = 0,353$ при $p \leq 0,05$). Планирование повторного принятия в семью ребенка также имеет прямые связи с детоцентрическими мотивами ($r = 0,391$ при $p \leq 0,01$), которые, в свою очередь, имеют прямую связь с семейным положением родителя ($r = 0,376$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, мотивация приема ребенка в семью представляет собой сложную психологическую структуру в феномене замещающего родительства. Приемным родителям, в первую очередь, свойственны детоцентрические мотивы и подключение компенсаторных – при увеличении количества приемных детей.

1. Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2003. – С. 447.
2. Лукошко-Смолкина Д.А., Посохова С.Т., Мотивы принятия ребенка в семью и жизненные ориентации замещающих родителей // Петербургский психологический журнал. – 2022. – № 38. – С. 48–63. – EDN RJADEN.
3. Шипицина Л.М. Психология детей-сирот. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. – С. 627.

Роль национальной культуры и национального самосознания в воспитании

Национальное самосознание, культурные традиции, семейное воспитание, подростки, девиантное поведение, делинквентное поведение

Пожалуй, самые обсуждаемые темы в современной российской психологии – это темы межэтнического взаимодействия, патриотизма, духовности, нравственности. Традиционно обвиняют СМИ, печать, а главное кино, телевидение в том, что темы, связанные с национальным культурным наследием, стали редкостью, классические произведения малоинтересны, народное творчество вызывает усмешку. Впрочем, на наш взгляд, проблема много глубже. Она начинается с детства, происходит из семьи. Воспитание в русле народных культурных традиций позволяет решить многие задачи личностного развития и межличностного общения.

В нашем исследовании всё сводится к следующей проблеме. Есть семейное воспитание в духе национальных традиций – формируется здоровая психика. Нет семейного воспитания в духе национальных традиций – увеличивается вероятность отклонений в психическом развитии и поведении человека. Семейное воспитание в духе народных традиций и ценностей, в русле национальной культуры препятствует появлению системных отклонений в семейном воспитании, ведущих к делинквентности и девиантности.

Взаимодействие народов в многонациональной стране возможно только тогда, когда нет препятствий для развития национальных культур и развито национальное самосознание субъектов. Национализм есть следствие недоразвития национального самосознания или его сознательная деформация. В норме человек относится к себе как к носителю определённых национальных ценностей, защитнику культурных традиций, несёт ответственность за свой народ и за свои поступки, которые не должны нанести вред тем, кого он считает «своими», выставить их в негативном свете.

Основанные на обозначенной выше позиции исследования в русле программы национальной школы были инициированы нами ещё в конце 90-х [1, 2]. Результаты подтвердили наши предположения.

Исследования последних пяти лет касались больше проблем семейного воспитания в контексте этнокультурных традиций. Выборка состояла из 15 подростков из семей мигрантов разных национальностей и 10 русских подростков, проживающих в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Все они привлекались к беседам в органах правопорядка по вопросу межнациональных столкновений или вандализма (по отношению к памятникам истории и культуры). У обследованных подростков сколь-либо глубоких знаний о культурных традициях своего народа и других народов вообще обнаружено не было. Уровень национального самосознания крайне низок. Присутствовала лишь примитивная агрессия, как основа для консолидации националистически настроенной группы.

Мы также проанализировали взаимосвязь уровня развития национальной культуры в семьях мигрантов и агрессивного поведения детей-подростков (10 семей, около года проживающих на территории СПб). Отмечается всплеск агрессивного поведения подростков при столкновении с культурой другого народа. Максимально это проявляется в том случае, когда в родной семье присутствует дистанцирование и нежелание принять культуру других народов, а также неглубокое знание истории и культуры собственного народа.

Минимальный уровень агрессивного поведения, быстрая адаптация, оптимальная толерантная позиция часто встречаются у подростков из многонациональных семей, несмотря на тот самый тотальный всплеск агрессивных настроений подростков при переезде. В таких семьях, как правило, выше и уровень образования, воспитания.

В семьях, сохранивших национальные традиции в воспитании, вероятность девиантного и делинквентного поведения существенно ниже.

Даже самые простые коррекционные программы, связанные с развитием национального самосознания, традициями своего и других народов приводили к росту оптимального уровня межэтнической толерантности [1].

1. Макаров Ю.А. Особенности теоретического подхода и практика психологических исследований в школе // Обзор теоретических и практических исследований экспериментальной площадки средней школы № 57 г. Пензы. – Пенза: ИПК и ПРО, 1998. – 163 с.; С. 23–30.
2. Ефимова Д.В. Национальное самосознание и социально-психологические характеристики личности толерантных и интолерантных подростков: Дис. ... канд. психол. н. – Самара, 2005. – 264 с.

Особенности взаимосвязи прокрастинации со смысложизненными ориентациями и временной перспективой у студентов вуза

Прокрастинация, смысложизненные ориентации, временная перспектива

Можно наблюдать, парадоксальное явление: с одной стороны, социально-экономическое развитие общества предъявляет все более высокие требования к деловой активности и оперативности человека, с другой стороны, на этом фоне прокрастинация становится все более распространенным явлением. Прокрастинация ярко проявляется в образовательной среде вуза. Ее отрицательные эффекты проявляются не только в понижении степени успешности и общей продуктивности учебной деятельности, но и в острых эмоциональных переживаниях собственной неудачи, чувстве вины, недовольстве собой.

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи прокрастинации со смысложизненными ориентациями и характеристиками временной перспективы у студентов вуза.

Методики исследования: опросник для изучения склонности личности к прокрастинации (О.А. Ширвари, Е.Е. Чёрная, В.А. Панов); тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьев); опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) (Адаптация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митина).

Характеристика выборки: 110 студентов гуманитарных направлений обучения в Новосибирском техническом университете, из них 60 девушек и 50 юношей в возрасте от 17 до 22 лет.

Результаты исследования показали следующее:

1. Обнаружены отрицательные корреляции общего показателя склонности к прокрастинации с показателем осмысленности жизни ($r = -0,50$ при $p \leq 0,000000$) и показателями всех субшкал по методике Леонтьева (цели жизни: $r = -0,30$ при $p \leq 0,001$; процесс жизни: $r = -0,52$ при $p \leq 0,000000$; результат: $r = -0,65$ при $p \leq 0,000000$; локус контроля – Я: $r = -0,42$ при $p \leq 0,000001$; локус контроля – жизнь: $r = -0,32$ при $p \leq 0,0005$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что чем менее развиты смысложизненные ориентации в структуре личности студентов, тем более они склонны к различным проявлениям прокрастинации. Это позволяет предполагать, что активизация процессов осмысления студенческой жизни и проведение особой работы по упорядочиванию системы смыслов может способствовать уменьшению негативного влияния прокрастинации на организацию учебной деятельности.

2. Были выявлены корреляции общего показателя склонности к прокрастинации с несколькими показателями восприятия временной перспективы: с показателем негативного прошлого ($r = 0,37$ при $p \leq 0,00005$); с показателем фаталистического настоящего ($r = 0,37$ при $p \leq 0,00005$); с показателем гедонистического настоящего ($r = 0,27$ при $p \leq 0,004$). Была также выявлена отрицательная корреляция с показателем «Будущее» ($r = -0,57$ при $p \leq 0,000000$).

Это говорит о том, что склонность к прокрастинации взаимосвязана с негативной оценкой своего прошлого: чем более студент негативно оценивает свое прошлое, тем более он склонен к различным формам проявления прокрастинации. Чем более время воспринимается независимым от воли человека, изначально predetermined, а сам студент ощущает, что он полностью подчинен судьбе, тем более выражены признаки прокрастинации в его поведении. Чем более в структуре психологического времени проявляется ориентация на будущее (поведение человека определяется стремлением к целям и вознаграждениям будущего), тем менее у студентов выражена склонность к прокрастинации. Это подтверждает предыдущий результат и вывод, который следует из него: развитие у студентов умения ставить ближние и дальние цели, а также продумывать пути их достижения может способствовать уменьшению проявлений прокрастинации.

Полученные данные открывают возможность разработки психологического тренинга, направленного на коррекцию прокрастинации у студентов за счет повышения уровня осмысленности жизни, умения ставить цели и адекватно ориентироваться в структуре своего психологического времени.

Развитие коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста с РАС с применением средств арт-терапии

Коммуникативные навыки, младшие школьники с расстройством аутистического спектра, арт-терапия

В современных условиях наблюдается увеличение числа детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Как можно более раннее проведение коррекционно-развивающей работы позволяет улучшить коммуникативные, бытовые, социальные навыки детей с РАС, способствует их адаптации к социуму [2]. Развитие коммуникативных навыков учащихся с РАС является одной из наиболее сложных задач [1]. Применение в коррекционной работе средств арт-терапии позволяет развивать творческий потенциал ребенка с РАС, снимает напряженность в его общении и взаимодействии с педагогом и другими детьми. Дети с РАС, как дети с особыми образовательными потребностями, могут обнаруживать признаки творческой, художественной и др. видов одаренности и нуждаются в создании психолого-педагогических условий для их развития [3].

Цель исследования: разработка и апробация содержания коррекционно-развивающей работы по развитию коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста с РАС с применением средств арт-терапии.

Работа выполнена на базе ГКОУ РО «Ростовская специальная школа-интернат № 41», участвовали 10 детей с РАС, первого года обучения, средний возраст – 9 лет. Исследование включало проведение констатирующего, формирующего и контрольного этапов. Для оценки коммуникативных навыков у детей младшего школьного возраста с РАС в работе использовались: методика «Особенности коммуникативных навыков младших школьников с РАС» Гайдукевич Е.С., Гайслер В., Готан Ф. и др.; опросник Хаустова А.В. «Оценка коммуникативных навыков у детей с расстройствами аутистического спектра».

Результаты. По результатам констатирующего этапа исследования было выделено две группы детей: первая группа 30% (3 обучающихся) – средний уровень развития коммуникативных навыков; вторая группа 70% (7 обучающихся) – низкий уровень развития коммуникативных навыков. В рамках формирующего этапа исследования были проведены занятия, включающие в себя совместное рисование с использованием таких нетрадиционных материалов, как пальчиковые краски, восковые мелки, пластилин, поролон, ватные палочки, ватные диски и др., с включением пальчиковых игр, физкультминуток, развивающих упражнений, с привлечением театральных и игрушечных персонажей. Продолжительность каждого занятия составляла 20–30 минут, 2–3 раза в неделю, общее количество часов составило 36. Занятия проводились как в индивидуальной, так и подгрупповой форме. Количество обучающихся в группе – двое.

По результатам контрольного этапа исследования, после проведения коррекционно-развивающей работы было выделено три группы детей. Первая группа 30% (3 обучающихся) – низкий уровень развития коммуникативных навыков; вторая группа 50% (5 обучающихся) – средний уровень развития коммуникативных навыков; третья группа 20% (2 обучающихся) – высокий уровень развития коммуникативных навыков. Получено, что процент обучающихся поднялся со среднего уровня на высокий, а большая часть – с низкого на средний уровень.

Закключение. Применение методик арт-терапии в коррекционно-развивающей работе с детьми младшего школьного возраста с РАС является эффективным средством коррекции и развития их коммуникативных навыков. Процесс совместного рисования нетрадиционными материалами у младших школьников с РАС расширяет их представления об окружающем мире, снимает эмоциональное напряжение, развивает внимание, память, воображение, развивает мелкую моторику.

1. Воробьева Е.В., Кайдановская И.А. Психофизиология детей и подростков: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. – 187 с.
2. Воробьева Е.В., Рахимова Е.Ф. Психологические особенности детей с расстройством аутистического спектра // Международная научно-теоретическая конференция «Междисциплинарность в современном медицинском знании». – РостГМУ, 18 апреля 2023. – С. 105–111.
3. Дикая Л.А., Бакаева И.А., Воробьева Е.В., Покуль Е.Б., Кузенко С.С., Шипитько О.Ю., Дикий И.С., Барсукова О.В., Зинченко Е.В. Междисциплинарные исследования и сопровождение одаренности: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. – 217 с.

Педагогическая поддержка в обратной связи и ее влияние на вовлеченность школьников в проектно-исследовательскую деятельность в цифровой образовательной среде

Обратная связь, педагогическая поддержка, вовлеченность, конференция «Крона Junior», проектно-исследовательская деятельность

Мы предлагаем рассмотреть в качестве инструмента повышения вовлеченности учащихся в образовательную деятельность обратную связь, составленную с учётом соблюдения принципов педагогической поддержки.

Базой для проведения исследования стала сетевая научно-практическая конференция «КРОНА Junior». Цель конференции – вовлечение обучающихся 1–11 классов в проектную и исследовательскую деятельность. Конференция проводится на онлайн-платформе «Цифровой Наноград» в три этапа: участники проходят ознакомительные мини-курсы, загружают свои работы на платформу для получения развёрнутой экспертной обратной связи, затем на её основе вносят в свои тексты изменения и повторно загружают их на платформу с гарантией получения ещё одной обратной связи.

Исходя из ценности обратной связи для конференции, серьёзное внимание уделяется обучению проверяющих практикам качественной обратной связи. В 2023 и 2024 гг. в числе экспертов конференции выступали магистранты 1 и 2 курсов образовательных программ Института педагогики СПбГУ. Командой Института были разработаны методические материалы, которые бы упростили процесс составления обратной связи экспертами, но при этом сохранили бы её пользу для участников. В 2023 году экспертам были предложены для использования технологии обратной связи: «бутерброд» содержит в себе сообщение о достоинствах конкретной работы и указание на её недостатки с рекомендациями по их исправлению, а «сэндвич» вдобавок обращается к личным качествам школьника, способствовавшим выполнению задачи. В 2024 году эксперты также освоили эти две технологии, однако получили рекомендации соблюдения принципов педагогической поддержки в виде «чек-листа», фокусирующего внимание на важности персонализации комментария, указании перспектив работы ученика, подкрепления его уверенности в себе и интереса в исследовательской или проектной деятельности.

Имея сопоставимые данные по двум годам, мы задались вопросом: «Чем именно отличался отклик (результативность участников, возвращаемость работ) на экспертную обратную связь в 2023 и 2024 годах?»

Для проведения анализа были собраны данные с платформы «Цифровой Наноград» за два последних года проведения конференции. По итогам конференции 2023 учебного года в рамках первого этапа для проверки было прислано 615 работ школьниками с 1 по 11 класс, из них магистрантами, прошедшими обучение, было проверено 343 работы (исключая погрешности в виде ошибочных загрузок пользователей). В рамках второго этапа было прислано 273 работы, из которых 83 проверены этими же магистрантами. В рамках конференции 2024 года на первом этапе было получено 476 работ – 286 было проверено магистрантами, прошедшими дополнительное обучение (исключая погрешность). На втором этапе магистрантами было проверено 178 работ.

Для определения степени вовлечённости школьников в конференцию были рассчитаны два ключевых показателя – процент возвращаемости работ, то есть работы, которые школьники прислали повторно и средняя дельта по баллам в двух этапах (среднее изменение балла за два этапа конференции).

Анализ данных показал, что процент загруженных на повторную проверку доработанных проектов и исследований в конференции 2023 составил 44,4, а в 2024 году эта цифра достигла показателя в 53,4%.

При условии роста первого показателя интересно, как изменился в среднем балл при возврате работы. Так, было обнаружено, что в 2023 году среднее изменение балла от первого этапа ко второму составило 11 пунктов, а в 2024 эта цифра уменьшилась до 8 пунктов.

Таким образом, качественная обратная связь, авторы которой руководствовались принципами педагогической поддержки, не стала значимым фактором, влияющим на результативность участников конференции. Однако она могла найти свое отражение в проценте возвращенных на повторную проверку работ, показывающего возросший уровень доверия школьников к конференции и ее экспертам.

1. Amy R Anderson Check & Connect: The importance of relationships for promoting engagement with school // Journal of School Psychology. – 2004. – № 42(2). – С. 95–113.
2. Вовлеченность в обучение: разумные подходы к мотивации // EDUTECH. – 2020. – № 6(37) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sberuniversity.ru/edutech-club/journals/3663/> (дата обращения: 26.05.2024)

Роль образовательной среды в формировании эмоционального благополучия школьников

Эмоциональное благополучие, образовательная среда, школьник

Получение образования в школе направлено на овладение необходимыми знаниями и навыками и формирование благополучной личности, что, несомненно, является взаимосвязанным. В этом контексте большую роль играет эмоциональное благополучие школьника, на формирование которого влияют многие факторы, в том числе и условия образовательной среды. Поэтому важным является определение содержания образовательной среды и ее роли в формировании эмоционального благополучия.

Методы. В исследовании приняли участие 400 учащихся школ г. Екатеринбурга. В качестве фактора образовательной среды выбраны условия, способствующие достижению академических результатов и условия организации образовательного процесса. Выборка была разделена на группы: ученики из школ с высокими образовательными результатами (153 чел.), с низкими образовательными результатами (107 чел.) и учащихся из кадетских классов (140 чел.). Все участники исследования – мальчики.

Для сбора эмпирических данных использовались следующие методики:

Многомерная шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ). Выявляет удовлетворенность школьников следующими сферами «Семья», «Школа», «Учителя», «Я сам», «Друзья».

Методика «Шкала позитивного и негативного аффекта» (ШПАНА). Выявляет выраженность позитивных и негативных переживаний.

Опросник «Сильные стороны и трудности». Выявляет выраженность проблем по сферам «Эмоциональные проблемы», «Проблемы в поведении», «Гиперактивность», «Проблемы со сверстниками», «Общее число проблем», а также позитивное качество «Просоциальное поведение».

Сравнение проводилось при помощи непараметрического критерия Дана.

Результаты. В результате были обнаружены значимые различия по показателям позитивных и негативных переживаний. Наиболее высоким позитивным аффектом обладают ученики кадетских классов ($C3 = 39,3$), наиболее низкие показатели у учащихся школ с высокими образовательными результатами ($C3 = 21,1$). Однако если рассматривать выраженность негативного аффекта, то наиболее выражен он у учеников школ с низкими образовательными результатами ($C3 = 19,9$), наименее выражен у учеников школ с высокими образовательными результатами ($C3 = 13,5$). Результаты кадетских классов находятся на среднем уровне.

Также были обнаружены значимые различия в удовлетворенности жизнью. Ученики кадетских классов более удовлетворены дружбой ($C3 = 25,3$); ученики кадетских классов ($C3 = 22,2$) и школ с высокими образовательными результатами ($C3 = 20,9$) более удовлетворены школой; ученики кадетских классов ($C3 = 23,5$) более удовлетворены собой; наиболее удовлетворены учителями ученики кадетских классов ($C3 = 23,4$).

Также обнаружены следующие различия в проблемах учащихся: более выражены эмоциональные проблемы у учеников школ с высокими образовательными результатами ($C3 = 2,7$); гиперреактивность более выражена у учеников с высокими ($C3 = 3,4$) и низкими ($C3 = 3,2$) образовательными результатами; больше поведенческих проблем у учеников с высокими ($C3 = 2,7$) и низкими ($C3 = 2,6$) образовательными результатами; наиболее выражены проблемы со сверстниками у учащихся школ с высокими образовательными результатами ($C3 = 3,6$); наибольшее общее количество проблем у учащихся школ с низкими образовательными результатами ($C3 = 11,3$), а наименее – у учеников кадетских классов ($C3 = 8,0$); наиболее выражено просоциальное поведение у учеников кадетских классов ($C3 = 8,1$), чем у учеников школ с высокими ($C3 = 6,1$) и низкими ($C3 = 6,6$) образовательными результатами.

Установлено, что более эмоционально благополучными являются школьники, обучающиеся в кадетских классах. Они испытывают больше позитивных эмоций, меньше – негативных, удовлетворены разными сферами жизни и испытывают меньшее количество трудностей в процессе обучения. Важно отметить, что признаки эмоционального неблагополучия чаще встречаются у учеников школ с низкими образовательными результатами. Полученный результат указывает на то, что условия образовательной среды играют важную роль в формировании эмоционального благополучия школьника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта No 23-28-01515 «Эмоциональное благополучие школьника: особенности индивидуальных различий и академическая успешность».

Содержательные компоненты структуры погруженности младших подростков в пространство цифровой информационной среды

Младшие подростки, цифровая среда, погруженность в Internet-среду

Современные младшие подростки являются активными цифровыми пользователями, цели посещения ими сети Internet могут быть разными. Пребывание младших подростков в цифровом пространстве стало частью их жизни, актуальная жизненная реальность изучаемой возрастной группы является смешанной (множественной): аутореальность (внутренний мир), физически осязаемая реальность, онлайн реальность и др. Цифровая реальность проникает во все сферы человеческой жизни, бытие младшего подростка, вооруженного современными цифровыми орудиями познания мира, приобретает и цифровой формат. Интегрируя в свою повседневную жизнь цифровые технологии, учитывая при этом быстро изменяющийся социальный контекст, интенсивность офлайн и онлайн-контактов между людьми, сегодняшние младшие подростки стали несколько иными, чем такие же младшие подростки еще десятилетие назад: мобильными, имеющими возможность в любой момент получить интересующую их информацию (высокая доступность источников и сведений), имеющими возможность быть в режиме постоянного общения со сверстниками и близкими, что делает их более уверенными в этом мире, и др.

Пилотажное исследование, проведенное с младшими подростками 11 лет (обучающиеся 5-х классов гимназий районных центров Минской области Республики Беларусь, $n = 100$), позволило выделить содержательные компоненты погруженности в цифровую среду младших подростков: аффективный (эмоциональный), когнитивный и поведенческий (деятельностный). В исследовании был использован опросник «Индекс погруженности в интернет-среду» [1] и квантитативный анализ данных.

Эмоциональный компонент погруженности младших подростков в Internet-среду содержательно представлен переживаемыми ими эмоциями и чувствами, связанными с пребыванием в цифровом пространстве: около 75% респондентов указали, что посещают его благодаря интересу, у 65% опрошенных посещение интернет-среды связано с позитивными эмоциями и чувствами: радость, увлеченность и т.п., чуть меньше половины интервьюируемых обозначили удовольствие и восхищение, около 25% время от времени испытывают удивление, еще реже, посещая цифровую среду, младшие подростки переживают страх, стыд, отвращение и гнев, либо не испытывают их вообще.

Когнитивный компонент представлен самооценкой цифровой компетентности младших подростков и количеством лет с первого самостоятельного их посещения Internet-пространства. Следует отметить, что 72% интервьюируемых позиционируют себя как пользователей со средним уровнем цифровой компетентности, стаж их знакомства с цифровой средой от 4 до 7 лет. 24% респондентов приписывают себе высокий уровень цифровой компетентности и время знакомства с Internet – около 9 лет. У 2% опитантов выявлен низкий уровень цифровой компетентности и 2-летний стаж знакомства с интернетом.

Изучение поведенческого компонента, характеризующегося объемом цифрового потребления, выявило, что 4% обучающихся можно отнести к максимально пользующимся цифровым контентом: практически постоянно, все свободное время, используют Internet как средство ухода от проблем, зависимы от него 18% респондентов определены как минимально пользующиеся интернет-средой – не более двух раз в неделю или вообще не пользующиеся. Самая многочисленная группа – 78%, это среднестатистические потребители, которые выходят до 3 раз в день и суммарная продолжительность их пребывания в сети – не более 3-х часов в сутки.

1. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В. & Пежемская Ю.С. Индекс погруженности в интернет-среду: стандартизация методики // Психолого-пед. исслед. – 2021. – № 13(3). – С. 31–50.

Стимулирование познавательной активности школьников 8–9 классов в химии с использованием методов неформального образования

Познавательная активность, химия, естественно-научное направление

Проблема. В настоящее время, школьный курс по химии либо очень ограничен в практической лабораторной деятельности, либо она вообще отсутствует. Недостаток экспериментальных данных может привести к нескольким проблемам, связанным с низкой химической грамотностью, например к ограниченности научных знаний, и, как следствие, это может затруднить разработку новых материалов, лекарств и технологий [1].

Актуальность. Одним из ключевых условий успешного импортозамещения является возможность создать условия для развития и подготовки квалифицированных кадров, способных разрабатывать новые технологии и применять их на практике уже со школьной скамьи. Для этого необходимы ранние профессиональные пробы с погружением в лабораторную деятельность, способствующие развитию познавательной активности обучающихся по естественно-научному направлению [1].

Методологическая и эмпирическая база исследования. Социологический опрос 1231 школьника Курганской области выявил высокую заинтересованность в изучении данного направления: 86% отметили, что поступают в медицинский вуз и хотели бы изучать химию не только в теории, но и на практике, так как сдают ЕГЭ по химии, а 12% школьников отметили дефицит практических лабораторных навыков при проведении эксперимента, участвуя в олимпиадах.

Познавательная активность выражается в стремлении к активному взаимодействию с учебным материалом, формулировке вопросов и самостоятельному решению проблем.

На основе анализа наиболее используемых в современной психолого-педагогической науке определений познавательной активности были выделены некоторые ее существенные характеристики: познавательная инициатива, познавательный интерес, познавательное общение, познавательное усилие, познавательная направленность [3]. Сегодня все больше педагогов высказываются в пользу применения неформальных методов обучения. При соблюдении определенных условий неформальное обучение может сделать процесс изучения любого предмета, включая химию, более увлекательным [2].

Планирование и организация мастер-классов по химии для школьников от 12 до 18 лет включает в себя несколько основных категорий.

1. Выборка:

- Целевая аудитория: школьники 8-9 класса.

2. Инструменты:

- Опросники: для сбора информации о предпочтениях и уровне знаний участников перед началом мастер-классов.
- Лабораторные материалы для проведения практических занятий: химические реактивы, оборудование и т. д.

3. Методы анализа данных:

- Качественный анализ: оценка отзывов участников после каждого мастер-класса для выявления эффективности программы и ее соответствия целям.

Количественный анализ: сравнение результатов участников до и после мастер-классов, например, с помощью тестовых заданий или иных методов оценки знаний.

Эффективная комбинация выборки, инструментов и методов анализа данных позволит оценить успешность и эффективность программы мастер-классов по химии, а также внести коррективы для ее дальнейшего улучшения.

Результаты. Ожидаемые результаты будут положены нами в основу разработки методики развития познавательной активности обучающихся по естественно-научному направлению.

1. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 26.12.2023).
2. Шонин М.Ю. Определение содержания психолого-педагогического понятия «познавательная активность» методом контент-анализа [Текст] // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-2. – С. 249–252.
3. Зотова И.В. Особенности процесса формирования познавательной деятельности у детей старшего дошкольного возраста [Текст] / И.В. Зотова, Н.В. Фадеева // Проблемы науки. – 2017. – № 21 (103). – С. 88–92.

Базовые элементы теоретической модели воспитательного потенциала педагога

Воспитательный потенциал педагога, личностно-профессиональное развитие педагога, сопровождение педагогов

Понятие воспитательного потенциала исследуется достаточно широко [5]. При этом в центре внимания преимущественно оказывается воспитательный потенциал образовательной среды и/или процесса. Однако при ключевой роли учителя в реализации задач образования и воспитания концепт воспитательного потенциала педагога не имеет достаточного научного обоснования.

Особое значение его разработка имеет для решения задач профессиональной подготовки педагогов и уточнения различных аспектов сопровождения их личностно-профессионального развития. В частности, сопровождения молодых педагогов, так как уровень ухода из профессии молодых учителей высок (TALIS, 2018).

Базовым условием для разработки концепта воспитательного потенциала педагога мы полагаем его теоретическое моделирование. А основным подходом – антропологический, который все более широко используется современными исследователями применительно к пониманию закономерностей личностно-профессионального развития педагогов [1, 3, 4] и который органично сочетается с системно-деятельностным, несомненно, имеющим большое значение для решения организационно-педагогических научно-практических проблем.

Антропологический подход к пониманию процесса личностно-профессионального развития педагога базируется на представлениях о трансцендировании «Я» педагога как субъекта развития от «Я» актуального (исходно-личностного) к «Я» желаемому (профессионально-личностному) посредством сопряжения личностного и профессионального психологических полей [2]. При этом профессиональное психологическое поле включает, прежде всего, требования педагогической профессии к личности, условия педагогического труда и характер педагогической деятельности.

В этой связи разрабатываемая нами теоретическая модель воспитательного потенциала педагога включает три сферы – личностную; когнитивную; деятельностную. Формируемые, формирующиеся и развивающиеся под влиянием и во взаимосвязи с образовательной средой – для будущего педагога обучающей, а впоследствии профессиональной.

Вектор и характер интерференции выделенных сфер в процессе трансцендирования личности педагога как субъекта развития от «Я» актуального (исходно-личностного) к «Я» желаемому (профессионально-личностному) определяются персональным интенционально-смысловым ядром, позиционируемым в структуре воспитательного потенциала при условии когерентности ценностно-смысловому ядру и формирования соответствующего характеру и содержанию деятельности ядра профессионально-компетентного.

Именно посредством активации данных ядер личности (согласно предлагаемой нами модели) происходит актуализация воспитательного потенциала педагога в соответствии с содержанием конкретных воспитательных задач, направленно интегрирующих личностную, когнитивную и деятельностную сферы.

Уточнение предлагаемой теоретической модели с последующей конкретизацией концепта воспитательного потенциала педагога требует продолжения исследований с использованием эмпирических социологических и психологических методов.

1. Демьянчук Р.В. Психологическое сопровождение профессионально-личностного развития педагогов: антропологический подход // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13, № 4. – С. 157–168.
2. Костромина С.Н., Демьянчук Р.В. Концепция профессионально-личностного развития педагогов: антропологический подход // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – 2016. – Вып. 51, Ч. 7. – С. 342–352.
3. Слободчиков В.И. Концептуальные основы антропологии современного образования // Образование и наука. – 2010. – № 1(69). – С. 11–22.
4. Черникова Т.В. Психологическая поддержка специалистов «помогающих» профессий: антропологический подход // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 9. – С. 53–61.
5. Шакурова М.В., Козельская К.А. Воспитательный потенциал как предмет современных социально-педагогических исследований // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2018. – № 50. – С. 22–34.

Отношение к миру и отношение к себе у студентов

Самоотношение; сочувствие к себе; отношение к миру

Категория отношения играет важнейшую роль в определении человека. Конкретная личность может быть описана и понята через систему ее отношения к миру. В составе таких отношений особое место занимает отношение к себе или самоотношение. Оно входит в устойчивое ядро системы отношений личности, концептуализируется в системе Я и ее многочисленных аспектах [3]. При этом логично полагать, что отношение к себе присутствует тем или иным образом в каждом отношении личности к значимым для нее сущностям мира, поскольку она является стороной такого отношения. Если новый жизненный опыт затрагивает ядро личности (где мы находим отношения человека к самому себе) и изменяет их, то можно ожидать изменений в самом широком круге других его отношении к миру [2].

Для исследования потенциальной связи самоотношения и отношения человека к миру мы использовали хорошо операционализированное отношение сочувствия к себе (К. Нефф) [4], а в качестве отношений к миру опросник «Вера в опасный мир» (Дж. Даккит) [1]. Они фактически дают ответ о характере отношения респондента к миру в указанных аспектах.

Опросник Нефф «Шкала сочувствия к себе» представляет исследователю описание обобщенного самоотношения сострадания или сочувствия к себе, которое получается объединением шести субшкал, так же представляющих самоотношения, но конкретного уровня. Они непосредственно связаны с поведением, но основываются на соответствующих представлениях и эмоциональных переживаниях, что делает их полноценными отношениями. В качестве позитивных самоотношений выступают доброта к себе (принятие, забота, теплота и понимание), общность (причастность) с другими людьми и человечеством в целом, осознанность (внимание) к себе. В качестве негативных самоотношений предлагаются самоосуждение (самокритика и следующее за ней самонаказание), изоляция от других (отчуждение себя от людей и самостигматизация), сверхидентификация с поставленной задачей. Несмотря на то, что позитивные самоотношения более похожи на установки, а негативные – на неконструктивные практики совладания, все три аспекта отношений с различной выраженностью реализуются в каждом из них.

Выборка: студенты гуманитарных направлений вузов Краснодара, 127 чел., средний возраст 20,5, мужчины 14,2%, женщины 85,8%.

Дизайн исследования: бланковый вариант опросников Нефф и Даккита. Обработка данных: описательные статистики, корреляции переменных.

Результаты: Отношение к миру как опасному $3,12 \pm 0,86$. Шкала от 1 (безопасный) до 5 (опасный). Отношение к миру как к опасному отрицательно связано с добрым и заботливым отношением к себе ($-0,42$) и поддерживает такие практики, как самокритика ($0,41$), изоляция и отчуждение от других ($0,34$) и сверхидентификация с задачей ($0,31$).

Сравнение группы респондентов, верящих в опасный мир (оценка 3,5 балла и выше, 25,2% выборки), и группы не верящих в него (оценка 2,5 балла и ниже, 14,9% выборки), показывает более высокие значения переменных доброта к себе и осознанность у последних ($p \leq 0,001$ и $p \leq 0,05$).

Отношения человека к миру взаимодействуют с различными аспектами его отношения к себе, но эти связи опосредствуют друг друга, что предполагает поиск более индивидуализированных способов их описания.

1. Гулевич О.А., Аникеев О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита / О.А. Гулевич, О.А. Аникеев, И.К. Безменова // Психология. Журнал ВШЭ. – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 68–89.
2. Карпова Э.Б., Исурина Г.Л., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание / Э.Б. Карпова, Г.Л. Исурина, А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 2. – С. 5–14.
3. Пантеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С.Р. Пантеев. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 110 с.
4. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. – 2020. – № 16 (4). – С. 35–48.

Особенности взаимосвязи эмпатии и нейротизма у девушек и юношей – первокурсников медицинского университета

Личность студента, нейротизм, эмпатия

Деятельность врача требует коммуникативной компетентности. Способность к сопереживанию является ведущим качеством врача. В процессе обучения в медицинском университете студентам необходимо формировать коммуникативные навыки, среди которых навык проявления эмпатии – ключевой. На формирование общих эмпатических способностей уровень нейротизма и гендерные различия могут оказывать существенное влияние [1, 2].

Цель исследования – установить особенности взаимосвязи эмпатических способностей с нейротизмом у студентов-медиков обоих полов.

Для определения уровня нейротизма и эмпатических способностей использованы опросники Г. Айзенка и В.В. Бойко соответственно. Обработка результатов включала базовые статистики, определение достоверности различий по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ Спирмена (при $p \leq 0,05$). Испытуемые – 122 студента 1 курса лечебного и стоматологического факультетов, 79 девушек и 43 юноши.

У студентов уровень нейротизма ($M = 12,6$) средний, нормативный, причем у девушек он достоверно выше (13,3 против 11,3 у юношей).

Показатель уровня эмпатии у девушек ($M = 19,78$) и юношей ($M = 17,26$) низкий. Проникающая способность в эмпатии позволяет создавать пространство открытости в общении (у юношей $M = 3,63$, у девушек $M = 3,59$). Проникающая способность как у девушек ($r = -0,09$), так и у юношей ($r = -0,06$) образует отрицательную связь с показателем нейротизма. Следовательно, чем выше проникающая способность, тем ниже уровень нейротизма.

Канал установок в эмпатии характеризует неосознаваемую или сознательную установку личности действовать определенным образом. У девушек этот показатель ($M = 3,46$) выше, чем у юношей ($M = 3,14$). Вероятно, это связано с тем, что девушки более склонны к проявлению эмпатии в связи с выполняемыми социальными ролями. Канал установок образует со шкалой «нейротизм» отрицательную связь у девушек ($r = -0,1$) и положительную – у юношей ($r = 0,24$).

Рациональный канал эмпатии характеризует направленность внимания на понимание сущности другого человека. У девушек ($M = 3,44$) этот показатель превышает средний показатель юношей ($M = 2,72$). Выявлена отрицательная связь с нейротизмом у девушек ($r = -0,03$) и положительная – у юношей ($r = 0,04$).

Интуитивный канал эмпатии позволяет человеку в условиях дефицита исходной информации, опираясь на опыт, предвидеть поведение партнеров. Показатель у девушек выше ($M = 2,92$), чем у юношей ($M = 2,7$), однако одинаково положительно связан с нейротизмом ($r = 0,13$ и $r = 0,28$ соответственно).

Эмоциональный канал эмпатии у девушек ($M = 3,12$) значительно выше, чем у юношей ($M = 2,28$), при этом одинаково положительно связан с нейротизмом ($r = 0,39$ и $r = 0,33$ соответственно).

Идентификация – это умение понять другого, поставив себя на его место, что является важным условием успешной эмпатии. У девушек показатель выше ($M = 3,3$), чем у юношей ($M = 2,86$). Выявлена положительная взаимосвязь с показателем нейротизма ($r = 0,1$) у обеих групп.

Результаты исследования указывают на проблему низкого уровня эмпатии студентов-медиков 1 курса, что требует развития их эмпатических способностей с учетом пола и уровня нейротизма. Общими для обоих полов являются положительные взаимосвязи нейротизма с интуитивным, эмоциональным каналом эмпатии, показателем идентификации и проникающей способности в эмпатии. Гендерные различия в следующем: у юношей нейротизм связан положительно с рациональным каналом и установками в эмпатии, у девушек отрицательные связи этих показателей.

1. Валиуллина Е.В. Эмпатия, нейротизм, экстраверсия // *Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн.* – 2017. – № 4(34).
2. Кубекова А.С. Связь эмпатии и личностных свойств у студентов медицинского университета / А.С. Кубекова, М.А. Сергеева // *Мир науки. Педагогика и психология.* – 2022. – Т. 10, № 3.

Психосемантика архитектуры учебных заведений

Психосемантика, архитектурный стиль, образовательная среда вуза

При изучении предметно-пространственного компонента образовательной среды, в том числе архитектуры зданий, упор делается на его функциональных возможностях и эстетических качествах. За пределами внимания часто остаются субъективные установки и смысловые ассоциации, влияющие на отношение к образовательному процессу и на выбор учебного заведения.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязей между архитектурным стилем, в котором выполнено учебное здание, и установками относительно типа образовательной среды. Было высказано предположение о наличии устойчивых ассоциаций между архитектурными и мировоззренческими конструкциями. Теоретико-методологической базой исследования явилась концепция субъективной психосемантики Е.Ю. Артемьевой [1].

Работа проводилась в рамках преподавания дисциплин «Педагогика и психология творческой деятельности» и «Социальные коммуникации» для студентов старших курсов и магистрантов СПб архитектурно-строительного университета. Она имела двойную направленность: педагогическую – показать возможности психологического инструментария при решении профессиональных задач в архитектуре и строительстве; и исследовательскую – выявить психологические закономерности восприятия предметно-пространственной среды.

В качестве тестового материала использовались фотографии зданий разных петербургских университетов. Все здания были построены специально для учебных заведений, но в разное время и, соответственно, в разных стилях. Это Горный университет (классицизм), Электротехнический университет (ЛЭТИ) (модерн), Университет технологии и дизайна (эkleктика, брутализм), Университет растительных полимеров (конструктивизм).

Респондентам предлагалось высказать свои предположения относительно господствующего в данном учебном заведении типа образовательной среды, а также оценить здания с помощью методики семантического дифференциала (СД) по факторам: сила, активность, оценка, открытость и сложность. Специально оговаривалось, что участники должны оценивать только здания, а не свои знания о реальном учебном заведении. Характеристики основных типов образовательной среды (ОС): традиционной, карьерной, безмятежной и творческой в соответствии с многовариантной моделью образования [2] – подробно рассматривались на одном из учебных занятий.

Получены следующие результаты: удалось выявить устойчивые ассоциации между архитектурным стилем, в котором выполнено здание, и типом приписываемой ему образовательной среды. Историческое здание Горного университета, пример высокого классицизма, ассоциируется с традиционной и карьерной ОС, а главное здание ЛЭТИ в стиле модерн – с творческой и безмятежной. Брутализм здания Университета технологии и дизайна вызывает ассоциации с традиционной средой. Конструктивизму здания Университета растительных полимеров приписывается безмятежная или творческая ОС. В интерпретации этого стиля проявились профессиональные различия между студентами-архитекторами и другими специальностями. Данные методики СД позволили выявить общность семантических структур архитектурных и мировоззренческих конструкций.

В завершение студенты высказали свои предположения о возможном функциональном предназначении нового здания Университета телекоммуникаций, последнем построенном здании вуза в нашем городе. Получена следующая последовательность: фабрика/завод – многоярусный парник – склад – офис. Хочется верить, что хотя и существуют аналогии между стилем и типом образовательной среды, но они не являются абсолютными.

Архитектурный стиль формируется в определенное время, в котором господствуют свои идеологические приоритеты и эстетические ценности, а также преобладает свой тип образовательной среды. Здания транслируют посыл своей эпохи будущим поколениям. И этот посыл успешно считывается.

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Смысл, 1999.
2. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001.

Образ будущего студентов (на примере студентов-психологов)

Образ будущего, студенчество, временная перспектива, личностные качества, смысложизненные ориентации

Содержание образа будущего выступает индикатором направленности вектора развития общества, отражение ведущих ценностей. В условиях современных политических, экономических, социальных трансформаций не только в стране, но и в мире образ настоящего и будущего также претерпевает изменения, которые необходимо фиксировать [3]. Процессы, которые возникают в результате столкновения прошлого и будущего в социальном настоящем, отражаются в образе будущего. Образ будущего понимается как продукт свободной фантазии на тему будущего, который реален в качестве побуждающей силы к действию и в то же время не достижим в качестве конечного результата этого действия. Вопрос о том, из каких составляющих образуется представление о будущем, является важным для углубления представлений о феномене [1].

Обозначим особую актуальность представленной работы в аспекте изучения образа будущего в социально-психологическом пространстве студенчества. Студенчество считается периодом, в котором внутренний мир личности приобретает устойчивость, развивается способность к дальнейшему планированию жизни, которое детерминируется особенностями становления ценностно-смысловой структуры личности [2].

Цель исследования: определение структуры образа будущего студентов и её взаимосвязей с показателями временной перспективы, личностными характеристиками и смысложизненными ориентациями. База исследования: СПбГУ. Выборку исследования составили 80 студентов, обучающихся на 3 курсе бакалавриата очной формы обучения, по направлению психология (средний возраст 21 год). Большинство выборки (72 человека) составляют девушки. В исследовании использовались следующие психодиагностические методики: эссе на тему: «Каким я вижу своё будущее на ближайшие 5 лет»; «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо, в адаптации А. Сырцовой), тест «Большая пятёрка» (П. Коста, Р. МакКрэй, в адаптации А.Б. Хромова), тест «Смысложизненные ориентации» (Дж. Крамбо, Л. Махолик, в адаптации Д.А. Леонтьева). Качественные и количественные методы обработки данных: контент-анализ, анализ средних значений показателей, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, факторный анализ.

Результаты: выделены четыре смысловые составляющие образа будущего студентов – профессия, личная жизнь, досуг, эмоциональный фон. Установлены ведущие представления о будущем – профессия, отношения; ведущая временная направленность студентов на будущее. Оптимистичное видение будущего (положительно коррелирующее с эмоциональной устойчивостью, самоконтролем, с целями, процессом и результативностью жизни, с локусом контроля «Я», с локусом контроля «Жизнь», с общей осмысленностью жизни) с ориентацией на путешествия, финансовое благополучие, построение отношений, планирование ребёнка имеют значимые взаимосвязи с отношением студентов к своему прошлому. Работа психологом имеет значимые взаимосвязи с целями, насыщенностью жизни и локусом контроля «Я»; работа не психологом находит значимые взаимосвязи с насыщенностью, результативностью, общей осмысленностью жизни; успешность в профессии – с целями в жизни. Факторную структуру образа будущего студентов составляют оптимистично-реалистичный и оптимистично-иллюзорный образы будущего. Оптимистично-реалистичный образ будущего описывает студента, чьё позитивное восприятие будущего связано с удовлетворенностью прошлым и настоящим, умением ставить цели на будущее и регулировать своё поведение, исходя из собственных и общепринятых норм. Оптимистично-иллюзорный образ будущего описывает студента, у которого свойственная ему общительность и оптимистичность связаны с позитивным отношением к прошлому опыту и построением жизненных планов, исходя из стремления к получению материальных благ и удовольствия.

По итогам проведенного исследования можно заключить, что устремленность в будущее является ведущей психологической характеристикой юношеского возраста, достаточно устойчивой к изменениям политических, социально-экономических условий взросления.

1. Желтикова И.В. Образ будущего. Монография. – Орёл: Изд-во «Картуш», 2021. – 164 с.
2. Левкова Т.В., Шкляр Н.В. Образ будущего у современных студентов в аспекте жизненных смыслов личности // Современные тенденции развития системы образования: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 173–179.
3. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогема в условиях новых вызовов и возможностей // Society and Security Insights. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 13–31.

Мотивация к чтению и переживания от чтения студентов вузов

Мотивация к чтению, студенты, переживания в деятельности

Постановка проблемы: В процессе учебной деятельности студенты вынуждены работать с большим количеством научных статей, материалов к университетским курсам. Учебные материалы представлены как в электронных, так и в традиционных библиотеках вузов. Из-за высокого объема информации, необходимого для освоения учебной программы, студентам очень важно уметь быстро обрабатывать и усваивать информацию, которая пригодится им при выполнении образовательных задач.

Исследования показывают, что больше половины студентов (54%) не станут читать книгу, если не видят в ней практической пользы [1]. Вследствие высокого уровня напряженности академической деятельности студентов, их мотивация к чтению в целом снижается. Однако чтение также может выступать в качестве инструмента для становления личности студента. Возможно ли отрицательное или положительное влияние переживаний в ходе чтения литературы на желание читать у студентов?

Организация исследования: В исследовании приняли участие 47 студентов, из них – 4 юноши и 43 девушки в возрасте от 17 до 24 лет. Методики сбора данных: адаптированная шкала мотивации к чтению у взрослых Н. Шютте, Д. Малуф [3], методика диагностики переживаний в деятельности Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [2]. Проверка эмпирического распределения данных критериями Колмогорова-Смирнова (с поправкой Лиллиефорса) и Шапиро-Уилка показала, что показатели не соответствуют закону нормального распределения. Для поиска связей был использован г-критерий Спирмена ($p < 0,05$).

Результаты и обсуждение: Общая мотивация к чтению: $M = 3,3$; $SD = 0,41$. Чтение как часть себя: $M = 3,24$; $SD = 0,59$. Эффективность чтения: $M = 3,1$; $SD = 0,42$. Успешность в других областях жизни: $M = 3,57$; $SD = 0,67$. Показатель общей мотивации к чтению связан с удовольствием ($r = 0,64$), со смыслом ($r = 0,59$) как переживаниями в чтении. Мотив «чтение как часть себя» также связан с удовольствием ($r = 0,72$), со смыслом ($r = 0,54$) как переживаниями в чтении. Данные показывают, что студенты в целом мотивированы к чтению и связывают его с чувством удовольствия, наделяют его особым смыслом. Также, шкала «чтение как часть себя», показывает, что мотивация в большинстве своем является именно внутренней, студенты видят ценность чтения для формирования своей личности, осознанно выбирают именно эту деятельность.

Выводы: В противовес общепринятому мнению, студенты вузов внутренне мотивированы по отношению к чтению. Они считают, что эта деятельность приносит им удовольствие, наделяют ее особым смыслом и видят в ней способ дальнейшего формирования своей личности.

1. Мельникова Н.Е., Александрова А.А. Чтение в студенческой среде: темпы, объемы, предпочтения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 44–47.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 30–51.
3. Schutte N.S. Malouff J.M. Dimensions of Reading Motivation: Development of an Adult Reading Motivation Scale // Reading Psychology. – 2007. – Т. 28, №. 5. – С. 469–489.

Учитель в эпоху искусственного интеллекта

Общее образование, технологии искусственного интеллекта, качества учителя

Сейчас, по мнению ряда исследователей, мы живем в эпоху постгуманизма, в которой технологии и адаптационные способности человечества смещают привычные границы человеческой идентичности [1; 5]. В качестве отдельной проблемной области исследователи выделяют трансформацию взаимодействия участников образовательных отношений под воздействием искусственного интеллекта [4]. В связи с этим возникает вопрос – какие качества учителя не может заменить существующий ИИ?

На основе теоретического анализа более 70 научных источников мы выделили следующий набор качеств учителя, не подлежащий замещению в актуальной ситуации развития ИИ:

1. Коммуникативные навыки.

В контексте дальнейшего развития ИИ и связанным с ним расширением возможностей для самостоятельного обучения, основной задачей учителя становится педагогическое общение, которое является критически важным для мотивации учащихся, определения их учебных и жизненных целей на основе диалога, учета их семейных традиций, существующих знаний и личного опыта [1]. Таким образом, устные коммуникационные навыки остаются одной из ключевых незаменимых компетенций учителя [2].

2. Эмоциональная поддержка учеников.

Учителя традиционно обеспечивают эмоциональную поддержку, наставничество и руководство для учеников. Они помогают формировать характер, прививают ценности и способствуют социальному и эмоциональному развитию детей. ИИ не может обеспечить такой же уровень эмоциональной поддержки, поскольку ему не хватает способности понимать человеческие эмоции и адекватно реагировать на них. Страсть, энтузиазм и способность учителя привить любовь к учебе не могут быть полноценно воспроизведены технологиями ИИ. Кроме того, ряд исследований показывает, что человек отдает предпочтение взаимодействию с другими людьми вместо ИИ, учитывая не только качественные аспекты такого взаимодействия, но и субъективное эмоциональное восприятие [4].

3. Когнитивная гибкость.

Исследователи называют чрезвычайно важной способностью учителя «приспосабливаться к переменам, учиться новому и сохранять хладнокровие в незнакомых ситуациях» [3, с. 262]. Это утверждение коррелирует с идеей преадаптивности А.Г. Асмолова – умению воспринимать неопределенность как возможность развития.

4. Критическое мышление.

Одной из основных задач современного образования является обучение учеников умению находить необходимую, релевантную и достоверную информацию [2]. Хотя современные технологии могут предоставить и саму информацию, и инструменты ее поиска, именно учителя мотивируют учеников критически мыслить и анализировать информацию не только по объективным, но и по субъективным критериям [1].

Таким образом, мы видим, что несмотря на влияние искусственного интеллекта и технологические изменения в сфере образования, учитель остается критически востребованным в школе, а с ним остается и его человеческая и педагогическая целостность.

1. Иванова С.В. Постгуманизм vs гуманизация образования // Ценности и смыслы. – 2021. – № 5 (75). – С. 6–23.
2. Хангельдиева И.Г. Общество 5.0 и образование: перспективы и предостережения // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. Т. 1, № 1. – С.123–140.
3. Харари Ю. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2019. – 416 с.
4. Холмс У., Бялик М., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании: Перспективы и проблемы для преподавания и обучения/ Уэйн Холмс, Майя Бялик, Чарльз Фейдел / Пер. с англ. – М.: Альпина ПРО, 2022. – 304 с.
5. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. – 2005. – Vol. 14, No. 1. – P. 1–25.

Подготовка будущих воспитателей к психолого-педагогической поддержке семьи дошкольника

*Профессиональная подготовка воспитателей, профессиональные компетенции воспитателей,
психолого-педагогическая поддержка семьи*

Практика показывает: современные родители дошкольников часто нуждаются в психологической консультации по вопросам воспитания детей. Однако они не обращаются за помощью к воспитателям, предпочитая советы в сообществах для родителей в соцсетях. Вероятно, родители по каким-либо причинам не воспринимают воспитателя как специалиста в области семейного воспитания. Следовательно, актуальной становится проблема подготовки будущих воспитателей к оказанию психолого-педагогической поддержки семье.

Учёные отмечают некомпетентность родителей и воспитателей в области психологии [2] и необходимость обучения будущих воспитателей технологиям психолого-педагогической поддержки семьи [3].

С мая по июнь 2024 г. нами было проведено исследование, посвящённое изучению взаимодействия воспитателей и родителей в ДОО. В исследовании ставилось несколько задач, в этой публикации будут отражены результаты решения только одной из них: выявление запросов родителей на психолого-педагогическую поддержку со стороны воспитателей.

Метод исследования – анонимное анкетирование в электронном виде при помощи аутсорсинговой компании, что обеспечило проведение опросной кампании по всей России.

В анкетировании приняли участие 200 родителей, чьи дети посещают ДОО в возрасте от 2 месяцев до 7 лет.

Стоит отметить, проблема запросов родителей не нова. В 2009 г. было проведено исследование, результаты которого показали: запросы родителей дошкольников характеризуются узкопредметной направленностью, высокой требовательностью к воспитателям и низкой потребностью в самообразовании [1]. Однако запросы родителей меняются, именно поэтому их необходимо регулярно изучать.

Опрос 2024 г. показал: больше половины родителей (58,3%) считают, что будущим воспитателям необходимо знание психологии семейных отношений. 27,5% родителей считают, что будущим воспитателям следует знать способы оказания психолого-педагогической поддержки семье, в том числе дистанционные.

Отвечая на открытый вопрос о наиболее актуальных проблемах родителей, респонденты, помимо прочего, обозначили такие проблемы, как: «некомпетентность воспитателей в психологии», «устойчивая психика воспитателей», «психологическое состояние ребёнка», «психология отношений», «психолого-педагогическая поддержка семьи», «молодые воспитатели не очень разбираются в психологии детей и родителей».

При ответе на вопрос о характеристике современных родителей, респонденты указывали о себе следующее: «посещают психологов», «много читают про психологию книг», «стали больше уделять времени психологии взаимоотношений с детьми», «изучаем психологию детей», «более продвинуты в психологическом подходе».

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что современные родители проявляют интерес к психологическим знаниям, они всё же нуждаются в психолого-педагогической поддержке со стороны воспитателей.
2. Будущие воспитатели в процессе профессиональной подготовки должны быть обучены способам психолого-педагогической поддержки, владеть технологиями оказания психолого-педагогической помощи ребёнку и его семье.

1. Андреева Ю.В., Хоменко И.А. Современные образовательные запросы родителей детей дошкольного возраста. Образование и семья: проблемы приемных родителей: Международная научно-практическая конференция (26-27 марта 2009 года). – СПб.: Борей АРТ, 2009. – С. 139–147.
2. Вершинина Л.В. Психологические риски в образовательной среде дошкольной организации. Научно-педагогическое обозрение // Pedagogical Review. – 2017. – № 3 (17). – С. 93–98.
3. Костина Л.М. Стратегические направления формирования психологической безопасности личности дошкольника. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2016 – № 155. – С. 66–71.

Общепсихологические и профессионально ориентированные регуляторные ресурсы обучающихся: анализ сдерживающих эффектов пола и возраста

Осознанная саморегуляция, карьерная адаптивность, обучающиеся

Несмотря на существующий обширный теоретический и эмпирический материал о важной роли регуляторных ресурсов в профессиональном развитии человека, эффекты возраста и пола в контексте обозначенной проблемы все еще требуют изучения, как в отношении понимания регуляторных ресурсов человека в их онтогенетическом развитии, так и в контексте их сложного взаимодействия с разнонаправленными факторами профессионального поведения.

Цель исследования – проанализировать влияние возраста и пола на развитие общепсихологических (осознанная саморегуляция) и профессионально ориентированных (карьерная адаптивность) регуляторных ресурсов. Ранее на выборке старшего подросткового возраста было показано, что именно осознанная саморегуляция и карьерная адаптивность являются психологическими критериями эффективности планирования профессиональной карьеры [1].

Выборка презентуемого исследования – 498 обучающихся старших классов российских школ (женский пол – 307) в возрасте от 15 до 18 лет. Методики исследования: опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» [2] и русскоязычная версия методики М. Савикаса и Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» [4].

С использованием байесовского дисперсионного анализа, реализованного в JASP, показана зависимость уровня развития карьерной адаптивности как профессионально ориентированного регуляторного ресурса и всех ее реализующих регуляторных компетенций от возраста участников ($P(\text{incl}) = 0,50$, $P(\text{incl} | D) = 0,96$, BF (Bayes factor) = 24,02, $\text{error \%} = 0,005$). Та же тенденция отмечается для осознанной саморегуляции, ее структурных когнитивно-процессуальных компонентов и регуляторно-личностных свойств ($P(\text{incl}) = 0,50$, $P(\text{incl} | D) = 0,99$, $BF = 65,15$, $\text{error \%} = 0,001$). Полученные результаты соотносятся с представлениями о возрастном развитии ресурсов осознанной саморегуляции [3], а также с данными зарубежных исследований, демонстрирующих влияние возраста на взаимосвязь карьерной адаптивности и различных аспектов профессионального самоопределения [5]. Эффекта пола на общие показатели саморегуляции ($BF = 0,73$) и карьерной адаптивности ($BF = 0,45$) выявлено не было, что согласуется с фундаментальными представлениями об универсальном характере обозначенных феноменов. Однако отметим специфику в выраженности отдельных компонентов осознанной саморегуляции и карьерной адаптивности в зависимости от фактора пола, несмотря на умеренный характер наблюдаемых эффектов, что, в свою очередь, требует дальнейшей проверки на расширенной выборке.

Перспективы связаны с изучением возрастной специфики общепсихологических и профессионально ориентированных регуляторных ресурсов обучающихся на разных этапах получения ими образования, включая профессиональное.

1. Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Моросанова В.И. От чего зависят профессиональные планы старших школьников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 500–522.
2. Кондратюк Н.Г., Бурмистрова-Савенкова А.В., Моросанова В.И. Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 555–575.
3. Моросанова В.И. Развитие ресурсного подхода к исследованию осознанной саморегуляции достижения целей и саморазвития человека / Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 11–36.
4. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения-2020» // Вопросы психологии. – 2020. – № 4. – С. 155–167.
5. Stead G.B., LaVeck L.M., Hurtado Rua S.M. Career Adaptability and Career Decision Self-Efficacy: Meta-Analysis // Journal of Career Development. – 2022. – Vol. 49, № 4. – P. 951–964.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00765.

Представления о самостоятельности в прошлом и сейчас с позиции прародителей младших школьников и младших подростков

Прародители, представления, самостоятельность

Существуют различные подходы в понимании самостоятельности. В основном, она задается с двух перспектив: независимости от других людей и способности действовать в соответствии с собственными интересами (волевое функционирование) [4]. Через наблюдение и общение с прародителями ребенок может формировать свои представления о самостоятельности [1].

Прародители имеют опыт проживания в трех различных временных периодах. Первый можно охарактеризовать как процветание «нуклеарной» семьи с закрытыми границами между миром детей и взрослых, домашним пространством и остальными общественными зонами [2]. Самостоятельность ребенка в такой семье предстает структурированной и понятной в плане нормативных ожиданий. Современную семью можно охарактеризовать как «расширенную» – открытость внешнему миру, разнообразие жизненных стилей [2]. В таких условиях самостоятельность может восприниматься не только как независимость от взрослых, но и как способность ориентироваться в пространстве возможностей, ставить цели, иметь систему внутренних ориентиров. Турбулентность промежуточного этапа (1980-1990 гг.) [5] могла задавать особый, не характерный для предыдущего и последующего периодов, контекст формирования детской самостоятельности.

С целью изучить представления прародителей о проявлениях самостоятельности в прошлом и настоящем было проведено 14 полуструктурированных интервью с бабушками детей 7–10 лет ($n = 7$) и 11–14 лет ($n = 7$) в возрасте от 53 до 76 лет ($M = 65,27$; $SD = 7,72$). Они взаимодействовали с внуками на регулярной основе, но не проживали с ними на момент проведения исследования. 9 информанток имели одного, 5 – двух и более внуков в целевом возрасте.

По представлениям бабушек, в их детстве и детстве их детей самостоятельность реализовывалась преимущественно как независимость: ее наличие описывалось через опыт независимых перемещений, досуг, обучение и помощь в уходе за сиблингами. Она обреталась в условиях понятного организованного порядка жизни, воспринимаемой безопасности независимых передвижений, вне надзора взрослых.

Самостоятельность у внуков, по описаниям бабушек, проявляется в навыках бытовой независимости (собрать рюкзак, например) и в волевом функционировании – выборах различного рода (кружков, интересов, продуктов питания), навыках самообслуживания, противостоянии соблазнам. Воспринимаемый генез самостоятельности происходит в условиях гаджетов и быстрого темпа жизни, что ставит детей перед особыми условиями, отсутствующими в жизни предыдущих поколений. В связи с этим описывалась обеспокоенность недостаточностью родительского и прародительского воспитания для подготовки детей к условиям современной реальности. Хотя современные исследования показывают снижение самооэффективности и возрастание тревоги родителей [3], вероятно, это может быть характерно и для прародителей.

1. Багирова А.П. Объемы, формы и функции прародительского труда: оценки уральских родителей // Социальная политика и социология. – 2021. – 20(3 (140)). – С. 33.
2. Elkind D. Ties that stress: The new family imbalance. – Harvard University Press, 2009.
3. Glatz T., & Buchanan C.M. Trends in parental self-efficacy between 1999 and 2014 // Journal of Family Studies. – 2023. – 29(1). – P. 205–220.
4. Soenens B., Vansteenkiste M., Petegem S.V., Beyers W., Ryan R. How to solve the conundrum of adolescent autonomy?: On the importance of distinguishing between independence and volitional functioning. In Soenens B., Vansteenkiste M., Petegem (Eds.) *Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity* // Psychology Press. – 2017.
5. Storozheva O. Opinion and Attitude Formation by Russian Youths on the Fall of the USSR and the following 1990s. Diplomová práce, vedoucí Nykl, Hanuš. – Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav východoevropských studií, 2020.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект No 22-18-00416, <https://rscf.ru/project/22-18-00416/>

Роль экологической психологии в системе образования и научного знания

Экологическая психология, образовательная среда, ответственное отношение к окружающей среде, истощение природных ресурсов

В XX веке экологическая психология стала широко признанным направлением психологии и успешно развивается в настоящее время. Отечественная школа экологической психологии, представленная такими учеными, как В.И. Панов, С.Д. Дерябо, Е.А. Климов и др., вносит значительный вклад в ее развитие. Виктор Иванович Панов определяет объект экологической психологии как психологическую реальность с учетом особенностей взаимодействия человека с окружающей средой [1]. Теоретико-методологические основы экопсихологических исследований, разработанные В.И. Пановым в период с 2003 по 2014 год, значительно способствовали развитию этого направления и психологической науки в целом.

До настоящего времени нет единства в определении предмета изучения экологической психологии. Специалисты в области экологической психологии предлагают различные подходы, такие как изучение взаимосвязей между поведением человека и его материальным окружением (Л. Макфарлин, Н. Хеймстра), анализ отношений человека с его окружением, исследование влияния изменений окружающей среды на психические характеристики человека (Х. Лефф), поведение человека в физической среде (Дж. Рассел), исследование способов улучшения условий в различных местах, где действует человек (Ж. Годфруа) и т.д. Таким образом, предметом изучения экологической психологии являются отношения человека с его окружением, влияние изменений окружающей среды на психологические характеристики человека и его поведение.

Экологическая психология находится на стыке психологии и социальной экологии как особой дисциплины, изучающей широкий круг социально-гуманитарных проблем взаимоотношения человека и окружающей среды.

Исследования в области экологической психологии выдвигают на первый план такие проблемы, как:

1. изучение того, как люди воспринимают окружающую среду, и выявление факторов, влияющих на ее неблагоприятное развитие, т.е. исследование экологического сознания;
2. анализ мотивации людей к экологическому поведению, включая причины ответственного отношения к окружающей среде, и, наоборот, стремление навредить природным объектам;
3. исследование психологических последствий экологических проблем, таких как воздействие на психическое здоровье, уровень преступности, демографические изменения и др.;
4. разработка психологических методов пропаганды, направленных на формирование правильного понимания реальной экологической ситуации.

В качестве же самостоятельной научной дисциплины междисциплинарная интегративная область знания формируется на стыке экологии человека и психологии.

В образовательной системе перехода к устойчивому развитию ведущее место должно занять экологическое образование и воспитание. Ведь современная экология в наибольшей степени причастна к таким методологическим и мировоззренческим проблемам, как жить и выживать в условиях истощения природных ресурсов, загрязнения и прогрессирующей деградации окружающей среды. Главной задачей экологического образования и воспитания в этих условиях является формирование нового типа экологического сознания. Поэтому дисциплина «Экологическая психология» должна относиться к блоку базовых дисциплин для студентов, обучающихся на таких направлениях подготовки, как «Экология», «Биоразнообразие и охрана природы», «Геоэкология», «Экология и природопользование», «Охрана окружающей среды» и др. Важность изучения данной дисциплины продиктована необходимостью сформировать у студентов навыки психологически грамотного анализа экологических проблем современности, навыки преподавания в образовательных организациях, обогащения профессиональной культуры будущих специалистов в области экологии, профессионального развития студентов и формирования профессионального сознания. Изучение экологической психологии станет фактором психологически обоснованного проектирования студентами своей профессиональной деятельности.

1. Панов В.И. Экпсихология: парадигмальный поиск. – М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестер-История, 2014.

Особенности учебной мотивации в процессе профессионального обучения студентов-психологов младших курсов

Студент, профессиональная деятельность, мотивационная сфера, мотивы учебной деятельности

Личность характеризуется наличием мотивов и потребностей. Если источником мотивации выступают потребности, то источником деятельности и его результата – мотивы [1]. Важным этапом первичного профессионального становления личности являются студенческие годы. Маслоу А. указывал на значимость создания социальных условий, способствующих удовлетворению потребностей [2]. В период подготовки в вузе мотивация связана с педагогическими условиями, стимулами для дальнейшего движения по прогрессивной траектории развития, погружением в различные виды учебной и квазипрофессиональной деятельности. Практические умения начинают формироваться в процессе обучения в вузе. Для понимания их мотивов формирования у психологов, нужно изучить степени значимости и выраженности мотивов учебной деятельности студентов младших курсов, что является целью пилотажного исследования. Предметом выступают мотивы учебной деятельности обучающихся. Объектом является процесс обучения будущих психологов.

Выборка: 46 студентов 1-2-х курсов бакалавриата специальности «Психология (Практическая психология)» ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи», возраст 18–19 лет.

Методики: 1. «Изучение учебной деятельности студентов» (А.А. Реан, В.А. Якунин), 2. Диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан, В.А. Якунин, модиф. Н.Ц. Бадмаевой), 3. Оценка мотивации профессиональной деятельности обучающихся с использованием методики К. Замфир (модиф. А. Реан).

Анализ полученных результатов. По методике 1 выделены мотивы учебной деятельности по степени преобладания выборов: стать высококвалифицированным специалистом (80%); обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности (76%); приобрести глубокие и прочные знания (72%); получить диплом (67%); получать интеллектуальное удовлетворение (57%); успешно учиться (39%); дальнейшее успешное обучение (28%); не запускать изучение предметов (21%); постоянно получать стипендию (17%); быть готовым к занятиям (15 %); достичь уважения преподавателей (9%). На последнем месте мотивы: не отставать от сокурсников, добиться одобрения родителей и окружающих, избежать осуждения и наказания за плохую учебу (4%); выполнять педагогические требования, быть примером для сокурсников (2%).

По методике 2 выделены учебные мотивы по степени преобладания выборов: стать высококвалифицированным специалистом (творческая самореализация) (78%); профессиональные (знания, навыки) (70%); коммуникативные (57%); учебно-познавательные (50%); престижа (социальный статус) (17%); социальные (17%); избегания неудач (4%).

По методике 3 мотивы образуют комплексы. Получилось соотношение оптимального мотивационного комплекса к неоптимальному как 70 к 30, на основе выделения внутренних и внешних мотивов.

Заключение. Для большей части студентов значимыми в обучении стали мотивы: быть высококвалифицированным специалистом, обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, приобрести глубокие и прочные знания, что подтверждается мотивами учения (профессиональные мотивы, мотивы творческой самореализации). У большей части студентов выявлен оптимальный профессиональный мотивационный комплекс.

Для подтверждения результатов мотивации к профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе необходимо увеличить выборку и для получения сведений о динамике изменений подключить старшие курсы. Результаты полного исследования применимы для формирования последовательности изучаемых дисциплин и практик, обновления форм и методов обучения будущих психологов.

1. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. – 2016. – № 2. – С. 3–18.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.

Невербальная коммуникативная компетентность старших школьников с интеллектуальными нарушениями

Невербальное общение, школьники с нарушением интеллекта

Основываясь на понимании компетентности как способности применять знание для качественного выполнения действия, невербальную коммуникативную компетентность можно определить как способность личности к обмену невербальными сообщениями на основе знания норм, осознания взаимных ожиданий партнеров, умения выбирать оптимальные способы, управлять процессом коммуникации и т.д.

До 70% информации в процессе социального взаимодействия человек получает по невербальным каналам. Невербальный язык, как правило, успешно осваивается детьми спонтанно, в результате их встраивания в систему социального взаимодействия. Первые экспрессивно-мимические и выразительные средства общения появляются уже в конце 1-го месяца жизни ребенка. Появление речи не останавливает их развития, а напротив, конкретизирует, способствует формированию осознанности. Невербальные проявления постепенно оформляются в систему знаков и, объединяясь с вербально представленной информацией, расширяют пространство общения, а иногда выполняют в нем определяющую роль. Невербальные коммуникативные проявления сохраняют свою важную роль в общении старших школьников.

Нарушение интеллекта качественно меняет характеристики коммуникативного поведения. Заявленные в АООП ОО обучающихся с умственной отсталостью (нарушением интеллекта) личностные результаты предполагают освоение школьниками норм социального взаимодействия, в том числе вербальных и невербальных коммуникативных компетенций.

Цель исследования – оценка невербальных коммуникативных компетенций учеников старших классов с нарушением интеллекта. В исследовании приняли участие старшеклассники с легкой умственной отсталостью, возраст обследуемых 16/17 лет. Были использованы методика В.А. Лабунской «Оценка уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» и методика экспертной оценки невербальной коммуникации А.М. Кузнецова. Результаты исследования показали относительную успешность старших школьников в установлении адекватных связей между вербальным и невербальным поведением человека и в интерпретации невербального поведения на основе соответствия психологической модальности поз и выражений лица. Все старшеклассники испытывают выраженные трудности в способности к адекватной регуляции отношений в диаде и группе с помощью выбираемых экспрессивных паттернов и кодировании экспрессии эмоциональных состояний, в контроле своего экспрессивного поведения. Было выявлено, что способность управлять своим невербальным репертуаром в соответствии с целью и ситуацией общения значительно ниже уровня чувствительности к невербальному поведению другого человека ($T = 3, p < 0,01$).

Выводы. Невербальные коммуникативные проявления сохраняют свою важную роль в общении старших школьников. Способность применять знания норм и умение интерпретировать невербальное поведение, декодировать невербальные знаки для понимания содержания коммуникационной ситуации и возможности ее регуляции у старших школьников с нарушением интеллекта – низкая.

Саморегуляция и социально-эмоциональное развитие дошкольников: роль социально-демографических характеристик семьи

Регуляторные функции, образование родителей, социально-демографические характеристики семьи, дошкольный возраст

В период дошкольного детства на развитие ребенка непосредственное влияние оказывает значимый взрослый, задающий ребенку зону ближайшего развития [1]. В исследованиях механизмов взаимосвязи между детским развитием и особенностями семейной среды особое внимание уделяется социально-демографическим характеристикам семьи, опосредующим развитие психических функций ребенка [3]. Однако на сегодняшний день нет однозначных представлений о том, какие параметры психического развития детей наиболее чувствительны к указанным семейным характеристикам [5]. Целью текущего исследования является анализ различий в уровне развития компонентов саморегуляции, а также параметров социально-эмоционального развития дошкольников в зависимости от социально-демографических характеристик семьи (уровень образования родителей и степень их профессиональной занятости).

В исследовании приняли участие 524 дошкольника ($M = 70,4$ месяца, $SD = 3,87$, 50,2% мальчиков), а также их родители. В ходе индивидуальной диагностики детей были собраны данные по развитию компонентов саморегуляции (зрительная и слухоречевая рабочая память, сдерживающий контроль и когнитивная гибкость) при помощи субтестов батареи нейропсихологических тестов NEPSY-II, а также данные по социально-эмоциональному развитию детей (уровень понимания эмоций при помощи теста «Test of emotional comprehension» [4], а также социометрический статус ребенка в группе при помощи социометрических проб [2]). Также было проведено анкетирование родителей, в ходе которого была собрана информация о социально-демографических характеристиках семьи: уровне образования родителей и степени их профессиональной занятости.

В результате анализа полученных данных было показано следующее. Во-первых, было выявлено, что у дошкольников, чьи родители имеют высшее образование, значимо выше уровень развития зрительной ($p < 0,001$) и слуховой рабочей памяти ($p = 0,002$), сдерживающего контроля ($p = 0,05$) и когнитивной гибкости ($p < 0,001$). Однако различий в параметрах социально-эмоционального развития детей в зависимости от уровня образования родителей выявлено не было ($p = 0,176$ для социометрического статуса и $p = 0,386$ для понимания эмоций). Во-вторых, анализ различий в исследуемых параметрах развития ребенка в зависимости от степени профессиональной занятости родителей показал, что значимые различия есть только по одному параметру: так, социометрический статус выше у тех детей, чьи родители указали, что работают полный рабочий день, по сравнению с теми детьми, чьи родители указали, что на текущий момент не работают ($p = 0,026$).

Таким образом, в результате проведенного исследования было показано, что развитие всех компонентов саморегуляции дошкольников связано с уровнем образования родителей. В то же время степень профессиональной занятости родителя связана лишь с социометрическим статусом ребенка. Эмоциональное развитие ребенка (уровень понимания эмоций) не обнаруживает связи ни с уровнем образования, ни с профессиональной занятостью родителей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что социально-демографические характеристики семьи в разной степени связаны с различными компонентами психического развития ребенка, что может указывать на содержательные отличия в их опосредующих механизмах влияния на детское развитие.

1. Выготский Л.С. Проблемы детской (возрастной психологии): Собр. соч. в 6 т. – 1984. – Т. 4.
2. Коломинский Я.Л. Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений. – 1984.
3. Собкин В.С., Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Федотова А.В., Халутина Ю.А., & Якупова В.А. Роль социально-демографических факторов и родительской позиции в развитии ребенка-дошкольника // Психологическая наука и образование. – 2017. – № 22(2). – С. 5–16.
4. Pons F., & Harris P. Test of emotion comprehension: TEC. – University of Oxford, 2000.
5. Sosu E.M. & Pimenta S.M. Early childhood education attendance and school readiness in low-and middle-income countries: The moderating role of family socioeconomic status // Early Childhood Research Quarterly. – 2023. – 63. – P. 410–423.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ВЗРОСЛОСТЬ И СТАРЕНИЕ

Баранова В.А., Савина О.О.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Пожилые люди: образ у молодежи и самовосприятие

Пожилый человек, удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, самовосприятие, представления о пожилом человеке

Удовлетворенность жизнью является интегральным показателем субъективного благополучия, востребованным в исследованиях различной проблематики – от диагностики в кризисных жизненных ситуациях до изучения ресурсов возрастной группы. Имеется специфика показателя для пожилого возраста: падение удовлетворенности жизнью, определяемое ожиданием конца жизни, прогнозированием смерти [4]. Критериями успешного старения являются [2] интерес к жизни, интеллектуальная вовлеченность, физическая энергия; принятие ответственности за свою жизнь; соответствие желаемых и достигнутых целей в жизни; комплексная оценка своей «Я-концепции», представленность будущего; счастье против пессимизма, раздражительности и одиночества.

Цель поискового исследования – сравнение представлений о пожилом человеке у молодежи и самовосприятие образа пожилого человека у людей, относящихся к соответствующей возрастной когорте.

Выборка: 22 респондента молодого возраста, студенты вуза, (32% мужчин, 68% женщин, $M = 20,5$) и 19 пожилых людей (25% мужчин, 75% женщин, $M = 64,5$).

Методики: русскоязычная версия LSITA-SF, предназначенная для диагностики удовлетворенности жизнью в «третьем возрасте» Э. Барретта [2]; Шкала субъективного счастья (ШСС) С. Любомирски, Х. Леппер [3]; для уточнения образа пожилого человека в группе молодежи применялась проективная методика babbles; полуструктурированное интервью – в группе пожилых респондентов.

Результаты. Результаты по показателям удовлетворенности и счастья в группе молодых респондентов (данные по ШСС показывают результат 19,35, по LSITA-SF – 44,7) и пожилых респондентов (по ШСС 18,75 балла, по LSITA-SF – 52) находятся в среднем диапазоне, свидетельствуя о благополучном эмоциональном состоянии пожилого человека (для более достоверных отличий запланировано исследование с валидным для статистического анализа количеством респондентов). По оценкам молодежи, современный пожилой человек, вполне счастлив и удовлетворен своей жизнью, имеет возможности продолжения профессиональной деятельности, активного времяпрепровождения, жизни на даче и заботы об урожае. Активный и позитивный образ более характерен для пожилой женщины, которая строит планы на будущее, чаще включена в различные активности, она погружена в заботы о семье и решение бытовых проблем, это соответствует другим исследованиям [2]. Данные интервью пожилых людей свидетельствуют, что показатель удовлетворенности и переживания счастья является дифференцированным, выделяются значимость физического здоровья, материальной независимости, настроения, тождественности самому себе.

Заключение. В представлениях молодежи и самовосприятии для образа пожилого человека характерны удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие. Молодежь не отмечает тему физического самочувствия, в то время как для пожилых людей физическое здоровье является значимым фактором жизнедеятельности: настроения, заботы о себе, активностей и даже отношения к комплексной оценке собственной жизни. Эти данные подтверждаются результатами опросов молодежи об актуализации проблемы бедности, плохого материального положения пожилых людей, трудностей в использовании цифровых технологий, общие опросы показывают значимость фактора ухудшения здоровья [1].

1. Жить долго, жить хорошо! Опрос ВЦИОМ, 19.07.2023 – www.wciom.ru
2. Золотарева А.А., Аверина П.А., Тимошина А.Л. Удовлетворенность жизнью в «третьем возрасте» и ее диагностика: адаптация русскоязычной версии LSITA-SF // Психологическая наука и образование. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 19–28. DOI: 10.17759/pse.2022270202

3. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // в кн. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М.: Институт социологии РАН, 2008.
4. Gerstorf D., Ram N., Röcke C., Lindenberger U., Smith J. Decline in life satisfaction in old age: longitudinal evidence for links to distance from death // *Psychology and Aging*. – 2008. – Vol. 23, № 1. – P. 154–168. DOI:10.1037/0882-7974.23.1.154

Одиночество и эскапизм в период ранней взрослости

Одиночество, эскапизм, переживание одиночества, молодые взрослые, ранняя взрослость

В современном мире одиночество представляет собой одну из наиболее важных проблем, обусловленную процессами глобализации, урбанизации, цифровизации. В свою очередь вовлеченность молодых людей в эти процессы, а также определенные возрастные задачи, стоящие перед ними, могут усиливать для них значимость проблемы одиночества. В работе в понимании одиночества мы опираемся на Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина, согласно которым, одиночество – многомерный феномен переживания невовлеченности в связи с другими людьми как при их физическом отсутствии, так и при отсутствии психологического контакта с ними [2].

Наряду с одиночеством, в информационном поле все чаще упоминается понятие «эскапизм», однако единого понимания данного феномена нет. Опираясь на идеи Е.В. Беловол и А.А. Кардапольцевой [1], мы сформулировали рабочее определение эскапизма: это специфическое состояние человека, проявляющееся в его отстранении от объективной реальности и погружении в субъективную реальность в результате неудовлетворенности первой и притягательности второй.

Цель нашего исследования – изучение особенностей опыта эскапизма у молодых людей, по-разному переживающих одиночество, а также определение границ феномена эскапизма. Мы предположили, что существует связь между переживанием одиночества и опытом эскапизма у молодых людей.

Выборку составили 57 человек 19–28 лет ($M = 22,7$ ($SD = 2,07$)), 39 женщин и 18 мужчин.

Методики: дифференциальный опросник переживания одиночества Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, методика измерения уровня выраженности эскапизма О.И. Теславской, шкала социального и эмоционального одиночества (SELSA-S), методика «Социотропность-самодостаточность» в адаптации О.Ю. Стрижицкой с соавторами. Опыт эскапизма изучался с помощью полуструктурированного интервью.

Результаты: в ходе корреляционного анализа между интегральным показателем эскапизма и общим переживанием одиночества была обнаружена положительная связь ($r = 0,433$; $p = 0,002$).

Кластерный анализ позволил выделить четыре группы молодых людей, по-разному переживающих одиночество. Группы получились схожими с теми, которые выделили Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев: те, кто принимает одиночество; кто его не принимает; молодые люди, хорошо адаптированные; страдающие от одиночества [2].

При сравнении средних между кластерами по показателям эскапизма было найдено значимое различие по шкале «альтернативная социальная реальность» между группами принимающих одиночество и страдающими от него ($F = 4,165$ $p = 0,048$), что может свидетельствовать о том, что респонденты, страдающие от одиночества, в большей мере склонны разделять свой внутренний мир и объективную реальность.

По результатам регрессионного анализа респонденты, ориентирующиеся на мнение окружающих, более склонны к эскапизму в целом ($R^2 = 0,161$; $\beta = 0,42$; $p = 0,001$); ощущение респондентами себя одинокими может способствовать более выраженному стремлению к эскапизму ($R^2 = 0,239$; $\beta = 0,503$; $p = 0,000$), а недовольство собой и миром, как составляющая эскапизма, может усиливать переживание одиночества ($R^2 = 0,22$; $\beta = 0,484$; $p = 0,000$).

Качественный анализ показал, что респонденты имеют внутреннее понимание эскапизма, однако расходятся в деталях, так что необходимо выделить более четкие критерии для его определения. Эскапизм, чаще всего возникает на фоне негативных переживаний, может быть ассоциирован с практически любой интересной человеку деятельностью, а также способен снижать интенсивность переживания.

Таким образом, одиночество и эскапизм обнаруживают некоторые взаимосвязи: так, чем более одинокими себя ощущают люди, тем в большей степени у них выражен эскапизм, который может быть связан с привлекательной для человека деятельностью и способен снижать интенсивность переживаний, в том числе и одиночества.

1. Беловол Е.В., Кардапольцева А.А. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификации модели // Прикладная юридическая психология. – 2018. – №. 4. – С. 38–48.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). – М.: Смысл, 2016. – 88 с.

Профессиональное благополучие художников: возрастной аспект

Профессиональное благополучие, художники, возраст

Нередки случаи, когда художники как профессиональная группа сталкиваются с затруднениями, вызванными определением критериев их успешности в профессиональной среде. Они стремятся выразить индивидуальность посредством творчества, им характерна потребность в персонализации, что приводит к автономии (свободе), но при этом остается риск попасть в зону отчуждения, как со стороны экспертов (коллег), так и со стороны своей целевой аудитории. Неустойчивое положение в профессиональной среде, сомнения относительно своего творчества и уровня мастерства оказывают влияние на их профессиональное благополучие, возникают сложности в адаптации к быстро меняющимся условиям и т.д.

Изменения, происходящие в жизни художников на различных этапах становления личности, определяют отношение к себе, окружающим, профессиональной деятельности и порождают их социальные представления, которые впоследствии становятся их образом мира. Профессиональное благополучие на разных этапах становления личности художников складывается из их образа мира, профессиональных умений и навыков, индивидуального опыта, а также смысловых структур, которые воздействуют на их творческую реализацию, развитие как профессионалов, комфорт и качество жизни. Цель исследования – выявить индикаторы профессионального благополучия художников на разных этапах становления личности.

Методологическая база исследования представлена идеей А.Н. Леонтьева [2] о построении человеком образа мира в процессе своей деятельности, а также идеей Б.Г. Ананьева [1] о социальной ситуации развития личности, которая определяется совокупностью условий и воздействует на разных этапах ее становления.

Участниками исследования выступили 57 человек в возрасте от 19 до 60 лет. В критерии отбора выборки входило наличие профильного художественного образования, полученного в среднем специальном или высшем учебном заведении. В качестве основы для разграничения этапов становления личности взята периодизация развития зрелой личности В.Ф. Моргуна и Н.Ю. Ткачевой [3]. Проведено структурированное интервью о профессиональном благополучии среди художников. Обработка данных: контент-анализ, частотный анализ.

Результаты и их обсуждение. Для анализа были отобраны слова и словосочетания, которые оказались наиболее частотными, граница учета начиналась с трех упоминаний. Индикаторами профессионального благополучия на этапе юности (19-23 г., 6 чел.) являются: профессиональный уровень (3 упоминания); материальное обеспечение (3), удовлетворенность работой (3). На этапе молодость (24–30 лет, 21 чел.): материальное обеспечение (13), востребованность (9), удовлетворенность работой (9), общение (8), признание (7), профессиональный уровень (6), любовь к своему делу (6), самооценочность (6), польза от своего дела (4). На этапе расцвета (31-40 лет, 19 чел.): материальное обеспечение (13), профессиональный уровень (10), востребованность (9), общение (7), творческая реализация (7), признание (6), удовлетворенность работой (6), любовь к своему делу (5). На этапе зрелость (41–60 лет, 11 чел.): признание (9), востребованность (7), материальное обеспечение (6), любовь к своему делу (5), профессиональный уровень (5), творческая реализация (3).

Индикаторы профессионального благополучия художников перестраиваются в зависимости от приоритетности их предпочтений на разных этапах становления их личности. Деятельность художников сопряжена с вкладом ресурсов в саморазвитие, удовлетворенностью результатами, отдачей от публики. Соотношение возраста художников с их представлениями о профессиональном благополучии показывают, что смена этапов сопровождается трансформацией прежних жизненных моделей и упорением смысловых структур в их образе мира.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 251–261.
3. Моргун В.Ф. Проблема периодизации развития личности в психологии: учеб. пособие / В.Ф. Моргун, Н.Ю. Ткачева. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 81 с.

Темная тетрада как предиктор копинг-стратегий в период формирующейся взрослости

Формирующаяся взрослость, темная тетрада, копинг-стратегии

Формирующаяся взрослость – возрастной этап от 18 до 29 лет, где явно выраженными выступают такие характеристики, как достаточная автономность и ответственность. Формирующаяся взрослость представляет собой переход от подросткового, пронизанного зависимостью от родительской подсистемы, до взрослой самостоятельной жизни, пропитанной профессиональной самореализацией, работой, партнерскими отношениями. Соответственно, данный возрастной этап подвержен различным видам стресса: установление близких отношений, поиск себя и своего места в жизни, мировые кризисы, ситуации неопределенности, различные внутренние конфликты. Для того чтобы справиться и разрешить все стрессы, которые сопряжены с этим возрастом, необходимо совладающее поведение.

Мы рассматриваем совладающее поведение через копинг-стратегии, направляющие личность на преодоление трудной жизненной ситуации, через соответствие как индивидуальным особенностям, так и ситуации в целом. Данное поведение поддается сознательному влиянию личности, соответственно мы можем его рассматривать как активность субъекта деятельности.

Проблемой нашей исследовательской работы будет выступать вопрос о возможности прогнозирования реакции человека на стресс на основе его личностных черт.

Цель – изучить темную тетраду как предиктор копинг-стратегий в период формирующейся взрослости.

Эмпирическую базу исследования составили респонденты в возрасте от 18 до 28 лет. Всего в исследовании приняли участие 234 человека (45% мужчин и 55% женщин). В качестве методик исследования выступали: методика Brief-COPE, в адаптации Е.В. Куфтык и В.И. Косициной [2], Короткий опросник темной тетрады, в адаптации В. Вязовкина, И. Горностаева, Д.С. Корниенко [1]. Статистический метод представлен регрессионным анализом, расчет проводился в программе SPSS 27.

В ходе исследования мы установили, что: нарциссизм детерминирует такие копинг-стратегии, как интегративная шкала подход к совладанию ($p = 0,005$; $r = 0,242$; $D = 5,794$), активный копинг ($p = 0,01$; $r = 0,249$; $D = 1,326$), позитивное перефразирование ($p = 0,001$; $r = 0,277$; $D = 1,568$) и поведенческое абстрагирование ($p = 0,016$; $r = -0,242$; $D = 1,492$). Согласно полученным данным, нарциссизм в период формирующейся взрослости выступает «светлой чертой» и детерминирует в большей степени продуктивные стратегии совладания со стрессом, что помогает более эффективно разрешать различные кризисные моменты формирующемуся взрослому.

Макиавеллизм детерминирует активный копинг ($p = 0,034$; $r = 0,191$; $D = 1,326$), самообвинение ($p = 0,025$; $r = 0,249$; $D = 1,743$), психопатия самообвинение ($p = 0,031$; $r = 0,249$; $D = 1,743$) и поведенческое абстрагирование ($p = 0,013$; $r = 0,189$; $D = 1,492$), а садизм копинг-стратегию поведенческое абстрагирование ($p = 0,013$; $r = 0,216$; $D = 1,492$). Как мы видим в большей степени представлено обуславливание непродуктивных копинг-стратегий, что демонстрирует склонность либо к переключению внимания со стресса через деятельность и возможное игнорирование ситуации, либо к проявлениям аутоагрессии.

Из исследований М.С. Егоровой и М.А. Ситниковой следует, что темная триада интенсивнее выражена в период ранней взрослости, чем в более поздние периоды. Соответственно, данные личностные характеристики могут выступать центральными для обуславливания поведения в различных трудных жизненных ситуациях. Мы можем предположить, что с выраженностью макиавеллизма, психопатии и садизма личность будет сложнее проживать различные кризисы и воспринимать их как нечто фатальное, что может привести к заикленности на ситуации, а не преодолению. Наоборот, выраженный нарциссизм будет способствовать более продуктивному преодолению различных трудностей, в том числе и внутриличностных конфликтов, ввиду направленности на личные интересы. Также наши результаты раскрывают не только особенности детерминации изучаемых нами феноменов, но и предоставляют возможность для установления прогностических возможностей личности в выборе копинг-стратегий.

1. Вязовкина В., Горностаев И., Корниенко Д.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 5. – С. 87–98 .

2. Куфтяк Е.В., Косицина В.И. Оценка копинг-стратегий: адаптация экспресс-опросника COPE / Е.В. Куфтяк, В.И. Косицина // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г., Москва / Отв. ред. Д.В. Ушаков, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, Н.Е. Харламенкова, А.В. Юревич, И.И. Ветрова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. – С. 348–349.

Соотношение прокрастинации, контроля поведения и локуса контроля на разных этапах получения высшего образования

Прокрастинация, контроль поведения, саморегуляция, локус контроля

В условиях современного мира с возрастанием уровня требований к эффективности человека, в частности, в академической среде, изучение прокрастинации имеет свою актуальность. Многие авторы в своих работах предполагают, что академическая прокрастинация может быть связана со слабо проявленным волевым актом [3, 4].

Мы уже выявили тесные взаимосвязи академической прокрастинации с контролем поведения, как регуляторной функцией субъекта [1]. В данной работе гипотезой исследования выступает предположение, что локус контроля связан с отдельными составляющими контроля поведения и особенностями академической прокрастинации у студентов на разных этапах получения высшего образования.

В исследовании приняли участие 93 респондента (35 мужчин на 58 женщин), от 18 до 54 лет, средний возраст 26,8 года. 40 из них не получают высшее образование, а 53 получают на разных этапах: бакалавриат, магистратура, второе высшее.

Были использованы следующие методики:

1. «Шкала оценки академической прокрастинации PASS» Л. Соломон и Э. Ротблум в адаптации М.В. Зверевой [2].
2. Методика исследования локуса контроля Д. Роттера (1966) в адаптации А.Г. Шмелева (1988).
3. Опросник «Контроль поведения» Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленской, И.И. Ветровой [5].

Статистическая обработка данных производилась с использованием критериев Манна-Уитни и Краскела-Уоллиса, а также коэффициента корреляции Спирмена.

По локусу контроля у респондентов преобладают невыраженный локус контроля (42 человека) и интернальный (38 человек) локус контроля, экстернальный локус контроля выявлен только у 13 респондентов.

По уровню выраженности контроля поведения преобладает средний показатель у 57 респондентов, у 17 человек контроль поведения низкий, у 19 – высокий.

При сравнении групп по типу получаемого образования выявлены статистически значимые различия по показателю прокрастинации «вызов», который заметно выше у студентов, получающих первое высшее образование вне зависимости от возраста, а также по показателю «самоконтроль», который, наоборот, в этой же группе заметно ниже.

При сравнении показателей прокрастинации у респондентов с экстернальным и интернальным локусом контроля было выявлено только одно значимое различие – респонденты с интернальным локусом контроля имеют статистически значимо более высокий уровень показателя «организованность».

При сравнении показателей прокрастинации у респондентов с высоким и низким уровнями выраженности контроля поведения выявлено на уровне тенденции преобладание прокрастинации у респондентов с низким контролем поведения, у них же статистически значимо выше показатели шкал «вызов» и «лень» и «избегание неудач», и ниже – «организованность».

Корреляционный анализ подтверждает, что контроль поведения имеет гораздо более тесные и преимущественно обратные взаимосвязи с показателями прокрастинации (кроме шкал «организованность» и «самоконтроль»), чем локус контроля. Экстернальный локус контроля положительно связан с «социальной тревожностью» и отрицательно – с «организованностью», интернальный локус контроля, наоборот, имеет положительную связь с «организованностью» и отрицательную – с «социальной тревожностью».

При этом важно отметить, что корреляционные матрицы отличаются у респондентов из разных групп по типу получения или неполучения высшего образования. При различных конфигурациях связей контроля поведения и шкал прокрастинации во всех 5 группах, локус контроля имеет связи со шкалой прокрастинации «социальная тревожность» в группе, не получающей высшее образование, и со шкалой «организованность» в группе, получающей первое высшее образование.

На основании всех полученных данных мы можем сделать вывод, что дефицит контроля поведения имеет большее значение для реализации прокрастинации, чем локус контроля. Также для проявлений прокрастинации значим этап получения высшего образования, что может быть связано, в том числе, и с возрастом респондентов. Локус контроля имеет небольшое значение в области социальной тревожности и организованности у более молодых респондентов.

1. Ветрова И.И. Феномен прокрастинации в контексте регуляции поведения у студентов на разных этапах обучения / И. И. Ветрова // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, Москва, 12–14 октября 2023 года. – М.: Институт психологии РАН, 2023. – С. 1272–1277.
2. Зверева М.В. Адаптация опросника PASS на российской выборке / М.В. Зверева // Психологическая наука и образование. – 2015. – Т. 20, № 1. – С. 79–84. DOI 10.17759/pse.2015200109.
3. Микляева А.В., Реброва Д.С., Савинская А.С. Академическая прокрастинация в студенческой среде: результаты эмпирического исследования // Иркутский государственный университет. Серия «Психология». – 2017. – Т. 19. – С. 59–66.
4. Панкратова А.М., Кузнецова М.Н. Прокрастинация в студенческой среде // Форум молодых учёных. – 2018. – № 6/2(22). – С. 1069–1072.
5. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ветрова И.И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 182–200. DOI 10.17759/exrpsy.2023160111.

Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2024-0005.

Личностная зрелость и инфантилизм студентов с разным уровнем психологического благополучия

Личностная зрелость, инфантилизм, психологическое благополучие

Теоретические и прикладные аспекты проблемы личностной зрелости не теряют актуальности в психологии на протяжении многих лет. По-прежнему дискутируются вопросы критериев зрелости, целостного подхода к ее изучению, и все больший интерес наблюдается к проблеме соотношения личностной зрелости с рядом связанных категорий, например, таких как инфантилизм и психологическое благополучие [1, 2].

Личностный инфантилизм и зрелость традиционно изучаются в дихотомическом соотношении, а личностная зрелость и психологическое благополучие – в методологии единства, близости и целостности. В.Р. Манукян, Е.Г. Трошихина выделяют также и различия данных феноменов. Личностная зрелость отражает структуру и уровень развития личности, являясь одновременно процессом и результатом развития. А психологическое благополучие трактуется авторами как состояние, сопутствующее обретению зрелости, как субъективная характеристика интегрированного показателя ресурсов, а также потенциала личности оперативно управлять ими по необходимости. При этом вопросы соотношения зрелости и благополучия требуют эмпирических проверок и дальнейшего анализа [1].

В контексте сказанного и в рамках деятельности психологической службы вуза нами проведено сравнительное исследование с целью выявить различия показателей личностной зрелости и инфантилизма у студентов с разным уровнем психологического благополучия. Выборку составили 102 студента Кемеровского государственного университета, обучающихся на 1–4 курсах разных направлений подготовки. Эмпирическим методом стало тестирование посредством методики диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова, методики Уровень выраженности инфантилизма А.А. Серегинной, шкалы психологического благополучия Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной. Обработка данных осуществлялась с помощью математической статистики, а именно расчета U-критерия Манна-Уитни в программе «Statistica 10.0».

На основании результатов диагностики по шкале Рифф, респонденты были разделены на 3 группы – 26 студентов составили группу с высоким уровнем благополучия, 54 студента – группу со средним уровнем, а 22 – с низким уровнем психологического благополучия. Сравнительный анализ показателей личностной зрелости и инфантилизма (при $p \leq 0,05$) выявил спектр достоверных различий шкал соответствующих методик именно между группами студентов с высоким и низким уровнем благополучия. В группе студентов с низким уровнем благополучия по сравнению с группой студентов с высоким уровнем значимо ниже показатели личностной зрелости по шкалам «ответственность» ($p = 0,001$), «терпимость» ($p = 0,01$), «саморазвитие» ($p = 0,00$), «позитивное мышление» ($p = 0,00$), «самостоятельность» ($p = 0,00$). Соответственно в подобном сравнении уровень инфантилизма у студентов с низким уровнем благополучия достоверно выше, чем в группе студентов с высоким уровнем ($p = 0,02$).

Таким образом, студенты, чье состояние характеризуется ограниченным ресурсом и субъективно ощущается как «недостаточное благополучие», отличаются личностной незрелостью и проявлениями инфантилизма. Они склонны избегать ответственности, чувствительны к воздействию социального окружения, имеют сложности саморазвития, фиксированы на жизненных препятствиях, испытывают дефицит позитивного опыта и реализации своих желаний, недостаточно автономны и не решительны. Сопровождение психологами вуза процесса взросления студентов, их движения к личностной зрелости можно реализовать с учетом специфики психологического благополучия личности, воздействуя на параметры ее собственного функционирования через практики индивидуальной и групповой работы.

1. Манукян В.Р., Трошихина Е.Г. Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – Вып. 2(26). – С. 77–85.
2. Микляева А.В., Клецина И.С. Личностная зрелость и инфантилизм у юношей и девушек, обучающихся в гражданских и военных вузах: гендерный аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2018. – № 187. – С. 101–111.

Представление о старении и стереотип-зависимая беспомощность

Представление о старении, стереотип-зависимая беспомощность, возрастные стереотипы

Исследование представлений о старении связано с многообразием стереотипов, бытующих в современном обществе. В зависимости от того, какие именно возрастные стереотипы усвоил индивид – позитивные или негативные, они могут положительно или отрицательно влиять на благополучие и здоровье человека [3]. Негативный эффект может быть связан с таким механизмом, как стереотип-зависимая беспомощность.

«Стереотип-зависимая беспомощность – это отказ от попыток выполнить какое-либо действие, в силу возрастного стереотипа, описывающего это действие как не соответствующее человеку определенного возраста» [1]. Изучение данного конструкта расширит и дополнит понимание специфики формирования представления о старении [1].

Цель исследования заключается в изучении взаимосвязи стереотип-зависимой беспомощности (СЗБ) с параметрами представления о старении. Мы предположили, что стереотип-зависимая беспомощность вносит вклад в формирование представления о старении т.о., что способствует формированию негативного представления о периоде. В пилотажном исследовании приняли участие 32 респондента в возрасте от 21 до 45 лет, из них 12 мужчин и 20 женщин, проживающих в Санкт-Петербурге. Большинство респондентов имеют высшее образование (82%), 64% работают.

Методики: опросник «Восприятие старения» («The Ageing Perceptions Questionnaire», Barker, 2007) [2].; опросник на оценку синдрома стереотип-зависимой беспомощности [1].

Результаты исследования обработаны при помощи статистического пакета программ «IBM SPSS Statistics 23»: описательные статистики, регрессионный анализ.

Результаты. Регрессионный анализ показал, что стереотип-зависимая беспомощность выступает в качестве предиктора негативного контроля ($R^2 = 0,175$; $\beta = 0,418$; $p = 0,016$), эмоциональных представлений ($R^2 = 0,132$; $\beta = 0,363$; $p = 0,038$) и параметра «проявление старения» ($R^2 = 0,217$; $\beta = 0,466$; $p = 0,007$). Так, возрастные стереотипы служат почвой для формирования негативных эмоциональных переживаний в отношении старения и убежденности в том, что контролировать собственную жизнь в старости трудно. Кроме того, возрастные стереотипы влияют на восприятие связи здоровья и старения таким образом, что человек склонен объяснять старением изменения, происходящие со здоровьем.

С помощью метода Bootstrap, из расчета выборки для 1000 образцов, результаты регрессионного анализа между переменными «негативный контроль» и «проявления старения» подтвердились, что может указывать на устойчивость полученной связи, т. е. полученные значения сохраняют уровень значимости на больших выборках. В отношении вклада СЗБ в формирование параметра «эмоциональные представления» данные не подтверждены. Полученный результат может свидетельствовать о том, что не все характеристики негативных представлений опосредованы возрастными стереотипами, либо указывать на специфику пилотажной выборки.

Вывод. Результаты исследования выявили негативный вклад возрастных стереотипов в представление о старении: они способствуют формированию негативных эмоциональных переживаний в отношении старения и трудностей в контроле за собственной жизнью на поздних этапах развития.

1. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д., Голубицкая Д.И., Кузьмина М.Г. Стереотип-зависимая беспомощность: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 136–146.
2. Barker M., O'Hanlon A., McGee H.M., Hickey A., Conroy R.M. Cross-sectional validation of the Aging Perceptions Questionnaire: a multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging // BMC Geriatrics. – 2007. – 7(9).
3. Söllner M., Dürmberger M., Keller J., Florack A. The impact of age stereotypes on well-being: Strategies of selection, optimization, and compensation as mediator and regulatory focus as moderator: Findings from a cross-sectional and a longitudinal study // Journal of Happiness Studies. – 2022. – No. 23 (2). – P. 635–665.

Изменение ценностей и установок на близкие отношения у современных молодых женщин поколений «миллениалов» и «зуммеров»

Ценности, близкие отношения, молодежь, поколения

Семья и брак являются социальными институтами, значимость и ценность которых государство пытается укрепить различными мерами законодательной поддержки, семейной и молодежной политики, к примеру 2024 год объявлен Годом семьи.

Социологи (Е. Иллуз, А.А. Голзицкая и др.) отмечают изменения в партнерских отношениях, которые указывают на ряд тенденций, связанных сокращением количества браков, ростом разводов, увеличением количества людей, предпочитающих одиночество, и семей, состоящих из одного родителя и ребёнка, повышением возраста рождения первенца и увеличения числа чайлдфри.

Ранее считалось, что женщина более заинтересована в создании партнерских отношений и вступлении в брак. В результате феминистического движения, увеличения прав и свобод женщин, роста их экономической самостоятельности. С точки зрения теории поколений, у современных девушек и женщин должна была произойти трансформация ценностей, в силу смены социокультурного контекста и его событийной наполненности. Возникает вопрос: какие ценности доминируют у молодых женщин сейчас и насколько они соотносятся с семьей и браком? Изменилась ли ценность и смысл близких отношений, семьи для женщины?

Гипотеза: у современных молодых женщин можно наблюдать трансформацию ценностей и смыслов близких отношений.

Цель: выявить изменения в ценностях и смыслах близких отношений у современных молодых женщин.

Выборка: 199 женщин (средний возраст 34,15, стандартное отклонение –10,6), принадлежащих к трем поколениям: поколение X – 40 человек, поколение Y – 112 человек и поколение Z – 46 человек. При этом к молодежи относятся два поколения: Y и Z.

Методы: Портретный ценностный опросник, PVQ-RR III. Шварц с соавторами (в адаптации: Т.П. Бутенко и др., 2012); Тест экзистенциальных мотиваций межличностных отношений (В.Б. Шумского, Е.М. Уколовой, Е.Н. Осина, Я.Д. Лупандиной, 2016).

Результаты. Установлено с помощью дисперсионного анализа рост приоритета следующих ценностей у женщин поколения Y и Z: Гедонизм ($F = 5,86; p \leq 0,003$); Достижения ($F = 10,88; p \leq 0,000$); Власть-Ресурсы ($F = 7,14; p \leq 0,000$); Личная безопасность ($F = 3,16; p \leq 0,05$); Конформизм правила ($F = 3,06; p \leq 0,05$) и Конформизм межличностный ($F = 3,93; p \leq 0,02$); Универсализм забота о других ($F = 3,47; p \leq 0,04$). Следовательно, молодые женщины в большей степени ориентированы на успех в соответствии с социальными стандартами, стремятся к чувственному удовольствию и контролю над материальными и социальными ресурсами. При этом они ценят безопасность непосредственного окружения, соблюдают правила, законы, избегают причинять огорчения другим людям, стремятся к справедливости и равенству. Ценности, связанные с семьей и браком, это Благожелательность забота и Благожелательность, чувство долга остались на том же уровне, что были у женщин предыдущего поколения. Таким образом, в ценностях современных молодых женщин можно обнаружить трансформацию, связанную с ее положением в обществе, социальной активностью и стремлением реализоваться вне семейных отношений.

Интересным фактом является то, что различий в экзистенциальной ценности близких отношений у женщин трех поколений не выявлено. Близкие партнерские отношения продолжают оставаться ценностью для современной молодой женщины.

Вывод: гипотеза подтвердилась частично. У современных молодых женщин произошла трансформация ценностей, связанных с их общественным положением, социальной активностью и возможностью самореализации вне семьи, ориентацией на достижения и материальный достаток. Но смысл и значимость близких отношений в жизни современной молодой женщины не изменился. В связи с чем можно говорить о некоторых противоречиях в ценностно-смысловой сфере и трансформации форм близких отношений, которые позволили бы его снять.

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодёжи в условиях “новых войн”» (№ FZEW-2023-0003).

Цифровое пространство и психологические ресурсы людей пожилого возраста

Цифровое пространство, ресурсы личности, пожилой человек

В настоящее время научно-технологическое развитие России и вызовы современности диктуют активное внедрение цифровых технологий в жизнь каждого человека. Цифровое пространство становится частью реального мира, где человек вне зависимости от его возраста, проявляет себя как личность. Личность в данном случае понимается как активный деятель интернет-пространства [2, 3].

Инновации и цифровизация особенно остро сказываются на психологических ресурсах пожилого человека. Для психологической науки актуальной становится задача изучения особенностей вовлечения пожилого человека в цифровое пространство, что способствует их социальной активности, реализации способностей, жизненного потенциала. Включение пожилых людей в цифровую жизнь общества, позволяет им устанавливать богатые социальные связи, приобретать знания и запоминать новую информацию, сохранять когнитивное здоровье, ощущать полноценность жизни [1, 4].

Анализ имеющихся разработок в области интеграции пожилого человека в цифровой мир показал, что чаще всего пожилые люди сталкиваются с проблемами и препятствиями, как в психологическом, так и инструментальном аспектах. В настоящем исследовании изучалось отношение пожилых людей к цифровому миру и самооценка ресурсов для успешного использования цифровых технологий.

В анкетировании приняли участие 45 человек (работающие и неработающие пенсионеры) в возрасте от 58 до 80 лет и старше. Пожилые люди заполнили анкеты в Google форме, что показало их умение пользоваться онлайн-инструментами.

В ходе исследования было установлено, что 82% ежедневно взаимодействует с цифровыми ресурсами, из них 39% используют Интернет более 6 часов в день, а 43% – 1–2 часа каждый день. Основная часть респондентов отметила, что у них хорошо развиты навыки поиска информации (79%), использования электронной почты (50%), работы с текстовыми редакторами и сохранения файлов и информации (42%). В качестве психологических ресурсов можно выделить: сохранность когнитивных процессов, интерес и мотивация к узнаванию нового и потребность в межличностном общении.

Результаты анкетирования показали, что возрастные люди используют цифровые ресурсы для общения, в частности, социальные сети, мессенджеры, видеозвонки; самообразования и развития, творчества и развлечения, а также для поддержания физического и ментального здоровья. Все респонденты отметили, что Интернет позволяет им оставаться активными и вовлеченными в жизнь общества, что свидетельствует о социальной интеграции возрастного человека. Значительная часть пожилых людей считает, что цифровые технологии помогают сохранить когнитивные и познавательные способности, прежде всего память и внимание, развивать когнитивную гибкость и оставаться эмоционально стабильными, так как цифровое пространство позволяет чаще общаться с друзьями и родственниками.

Среди факторов, ограничивающих успешное использование цифровых технологий, являются низкая цифровая грамотность и неуверенность в собственных способностях. Проблемы со здоровьем и цифровое неравенство ограничивают возможности пожилых людей, что требует дополнительного внимания и поддержки со стороны близких, а также общества и государства.

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2-е испр. и доп. изд., 2006.
2. Журавлев А.Л. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. – М.: Институт психологии РАН, 2020. – 503 с.
3. Самоизменения личности: проблемы, модели, исследования: Коллектив. моногр. / Н.В. Гришина, В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, М.О. Аванесян; под ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2021. – 348 с.
4. Choi J., Choi S., Song K., et al. Everyday digital literacy questionnaire for older adults: Instrument development and validation study // Journal of Medical Internet research. – 2023. – Vol. 25. – P. 1–13.

Канцелярит в устной и письменной речи подростков как признак снижения эффективности эмоционального интеллекта

Эмоциональный интеллект, речь, подростковый период

В современной психологии эмоциональный интеллект рассматривается как важный компонент адаптации личности в обществе [2]. Основной функцией эмоционального интеллекта является субъективная оценка обстоятельств, внешних и внутренних, здесь и сейчас, которая влияет на то, какое решение о своих действиях в данных условиях примет человек [1]. Эмоциональный интеллект ярко проявляет себя в речи. В частности, выразительная красочная речь может говорить о том, что субъективная оценка ситуации для данной личности имеет большую роль. В то же время невыразительная сухая речь может свидетельствовать о том, что субъективная оценка используется личностью недостаточно, чтобы опираться на нее в принятии решений.

Эмоциональный интеллект формируется на протяжении всей жизни, но с возрастом развить его все труднее. Однако во время возрастных кризисов эмоциональная сфера развивается интенсивнее всего. В нашем исследовании мы рассматривали подростковый период, как этап активного преобразования основных инструментов эмоционального интеллекта.

В исследовании участвовали семь подростков, 2 мальчика и 5 девочек в возрасте от 13 до 17 лет. Запрос для психологической консультации от родителей подростков состоял в том, что их дети ничем не интересуются, не проявляют инициативу в общении, проявляют пассивность в обучении. Все подростки отличались сухостью речи, преобладанием в ней канцеляризма, а именно сложных конструкций, разрозненных терминов, неуместных оборотов формального стиля по типу «таким образом», «стоит признать», «принять решение» и так далее. Кроме того, в речи подростков было мало личных высказываний, отмечалась склонность к обобщению мнения, например, «считается», а не «я считаю», и почти отсутствовали выражения, которые описывали бы эмоциональную оценку и состояние респондента.

Помимо устной речи нами анализировались сочинения подростков на тему «Кто я?», где респондентам предлагалось описать себя в свободной форме. Также проводился рисуночный тест «Дом, дерево, человек». Данные методы исследования проводились до и после проведения игровой терапии по развитию эмоционального интеллекта для сравнения результатов. Всего с каждым испытуемым было проведено от пяти до восьми встреч продолжительностью от часа до двух часов.

По результатам контент-анализа сочинений до консультаций в текстах подростков в среднем больше половины текста (63%) являлось элементами канцеляризма, 8% текста относилось к эмоциональной окраске описаний. После встреч с психологом общий размер текстов в среднем вырос на 19%, уровень канцеляризма снизился на 7%, уровень эмоциональной окраски текста повысился на 4%, появилось больше я-высказываний и проявления личного мнения подростков.

Таким образом, можно сделать вывод, что проявление эмоционального интеллекта в повседневной речи в виде канцеляризма и преобладающих обобщений влияют на адаптацию подростков, в частности, на их инициативность в учебной деятельности.

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
2. Юркевич В.С. Проблема эмоционального интеллекта // Вестник практической психологии образования. – 2005. – № 3 (4). – С. 4–10.

Субъектность у юношей и девушек с разным уровнем ощущения одиночества

Субъектность личности, субъективное ощущение одиночества, тип одиночества

Современная социальная ситуация характеризуется уменьшением социальных связей и усложнением межличностных взаимодействий, что способствует возникновению и усилению ощущения одиночества среди различных социальных групп. Одиночество, как психоэмоциональное состояние, обретает особую значимость в период юности, когда формируется самосознание, самооценка и происходит активное включение в социальные структуры [1, 2]. Субъектность, выражающаяся через самостоятельность, инициативность и ответственность (К.А. Абульханова, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, З.И. Рябикина, др.) играет ключевую роль в процессе адаптации к изменяющимся условиям существования и позволяет эффективно противостоять вызовам, в том числе и ощущению одиночества.

Цель исследования: проанализировать связи между уровнем субъектности и ощущением одиночества у юношей и девушек.

Методы исследования: опросник «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) (М.А. Шукина, 2004), диагностический опросник «Тип одиночества» (С.Г. Корчагина, 2008).

Выборка исследования: юноши и девушки в возрасте от 14 до 26 лет, всего 42 человека.

По методике «Уровень развития субъектности личности» выявлен средний уровень субъектности в выборке, достоверных различий между юношами и девушками не выявлено. Респонденты характеризуются схожей степенью активности, самостоятельности, ответственности за свои поступки и решения, а также стремлением к саморазвитию и самоопределению.

По шкале «Целостность» у юношей уровень целостности выше, чем у девушек (при $p = 0,05$), что указывает на более тесную и гармоничную интеграцию юношей в социальный контекст и более эффективное соблюдение субъект-субъектных отношений в их взаимодействии с социумом. Это может проявляться в более выраженном умении устанавливать взаимоуважительные и равноправные отношения с окружающими, учитывая и сохраняя собственные и чужие границы.

По шкале «Самоценность» обнаружены различия между юношами и девушками (при $p = 0,05$), у девушек уровень самоценности выше, чем у юношей. Они в большей степени ценят свое мнение и способны доверять собственной оценке, что делает их более самостоятельными в отношении к себе и помогает им более уверенно защищать свою самобытность в различных социальных контекстах.

Значительные различия в уровне ощущения одиночества между юношами и девушками не выявлены.

Корреляционный анализ показал, что существует сильная обратная связь ($r = -0,714$ при $p = 0,01$) между показателями уровня развития субъектности личности и уровнем ощущения одиночества. Молодые люди, у которых сильнее выражены самосознание, автономность, целеполагание, ответственность за свои действия и жизнь в целом, менее остро ощущают одиночество. Низкий уровень субъектности ведет к глубокому и частому переживанию одиночества. Выявлена связь между уровнем субъектности и показателями самоценности ($r = 0,433$ при $p = 0,05$). Молодежь с развитой субъектностью характеризуется осознанием ценности собственной личности. Существует обратная связь между уровнем развития субъектности у опрошенных и уровнем диффузного одиночества ($r = -0,56$ при $p = 0,01$), отчуждающего одиночества ($r = -0,605$ при $p = 0,01$) и диссоциированного одиночества ($r = 0,617$ при $p = 0,01$). Для молодежи, у которой развита субъектность, нехарактерно ощущение отсутствия глубоких эмоциональных связей, ощущение изоляции и непонимания со стороны окружающих.

Таким образом, развитие личностной автономии и способности к самостоятельному психологическому функционированию у юношей и девушек благоприятствует уменьшению ощущения одиночества, делая их менее уязвимыми для переживания негативных психоэмоциональных состояний. Полученные результаты подчеркивают необходимость разработки психологических программ, направленных на снижение одиночества молодежи и формирование субъектной позиции, способствующей их успешной социализации и самореализации в обществе.

1. Корчагина С.Г. Психология одиночества. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
2. Новицкая Л.Ф. Культура и возможность преодоления одиночества современного человека. – СПб.: ИВО, 2003. – 189 с.

Психологические особенности увлечения экстремальными видами спорта современной молодёжи (на примере подросткового альпинизма и скалолазания)

Подростково-молодёжные центры, психология экстремального спорта, социальное партнёрство

В настоящее время молодёжь и подростки подвержены влиянию негативных тенденций современного общества. Данное обстоятельство связано с социально-психологическими характеристиками этой возрастной и социальной группы: неустойчивость психики; внутренняя противоречивость; стремление выделиться, отличаться от остальных [1]. Это заставляет молодых людей объединяться в неформальные группы. Среди психолого-педагогических характеристик можно назвать: стихийное общение; самоорганизации и независимость от официальных структур, стремление к самовыражению и проявлению личности через занятия экстремальными видами спорта.

В настоящее время Комитет по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями, реализуя государственную политику Санкт-Петербурга в сфере молодежной политики, претворяет программу организации досуга молодёжи через подростково-молодёжные районные центры средствами физической культуры и спорта. Одним из направлений работы является привлечение подростков и молодёжи к занятиям экстремальными видами спорта. В рамках социального партнёрства между Санкт-Петербургским университетом и Подростково-молодёжным центром «Калининский» был проведен социологический опрос по привлекательности экстремальных видов спорта среди подростков и молодёжи, занимающихся альпинизмом и скалолазанием в подростково-молодёжном клубе «Спасатель».

На вопрос: «Привлекают ли вас экстремальные виды спорта и что привлекает вас в экстремальных видах спорта?» – 64% респондентов ответили «да», что говорит о желании самореализации и самопознании молодёжи, поиск своих жизненных ценностей и риска через ощущение опасности и преодоление страха. На вопрос: «Назовите десять самых опасных экстремальных видов спорта», перечень выглядел так: парашютный спорт, паркур, бейсджампинг, горнолыжный фристайл, фрирайд, автогонки, альпинизм, скалолазание, мотогонки, скейтбординг. Анализ представленных ответов показал, что причины занятия экстремальными видами спорта различны. Для некоторых это заключается в получении предельно острых ощущений, балансировании на грани жизни и смерти; для других – это возможность постоянно поддерживать в себе обострённое чувство жизни. 87% опрошенных респондентов отметили заинтересованность в занятиях альпинизмом и скалолазанием в свободное время. Отвечая на вопросы привлекательности альпинизма и скалолазания в молодёжной среде, респонденты отметили, что экстремальные виды спорта помогают решать важную социальную задачу: разрядка агрессивных влечений и состояний. Респонденты отметили, что молодой организм испытывает огромные психологические нагрузки. Занятия экстремальными видами спорта нивелируют это негативное влияние. На основе анализа психологических характеристик молодёжи, занимающейся альпинизмом и скалолазанием, удалось установить, что для них характерен более уравновешенный тип психики, обладающей высокой стрессоустойчивостью.

Выводы. Данные социологического опроса современной молодёжи свидетельствуют о том, что склонность к риску и занятия экстремальными видами спорта – это способ доказать взрослость, желание понравиться, заслужить уважение сверстников, повысить собственный статус. Сопоставляя психолого-педагогические особенности современной молодёжи, занимающейся альпинизмом и скалолазанием, можно сделать заключение о необходимости развития данного направления в физической культуре образовательных и молодёжных организаций, как одной из форм организации двигательной активности учащихся.

1. Герасимова И.А. Досуговые предпочтения современной молодёжи: социально-культурный анализ / И.А. Герасимова // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств: науч. журн. – М., 2014. – № 3 (59) – С. 128–131.

Роль позитивного аффекта в представлении о старении

Позитивный аффект, качество жизни, представление о старении, конструирование продуктивной старости

Поиск методов и разработка программ, способствующих улучшению качества жизни пожилых людей, дает возможность минимизировать последствия возрастных изменений. Определяющее значение для качества жизни имеет позитивный настрой, он важен для здоровья [2]. С другой стороны, фундаментом активного, здорового старения выступает его восприятие [4; 5], которое также является существенным фактором качества жизни.

Негативное восприятие старения влияет на содержание образа жизни, исключая виды деятельности, способствующие продуктивной старости [3]. При этом огромное значение в мотивации к определенной деятельности имеют эмоции [1]. Таким образом, преобладание негативного аффекта может подорвать осознанное формирование образа жизни, способствующего конструированию продуктивной старости, выстраиванием которой необходимо заниматься на более ранних жизненных этапах.

В этой связи, целью нашего исследования является изучение структуры связей представления о старении и позитивного аффекта у взрослых. Мы предположили, что позитивный аффект способствует формированию позитивного представления о старении, а негативный аффект является последствием негативного представления о старении.

Выборка включает 139 респондентов в возрасте 45-68 лет ($M_{\text{возраст}} = 57,63$; $SD = 5,12$), 23.7% – мужчины, 76.3% – женщины.

Методики. Методика «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» (ШПАНА) (Осин Е.Н., 2012); методика «Восприятие старения» / The Ageing Perceptions Questionnaire (APQ) (Barker, 2007).

Для обработки данных использован статистический пакет программ SPSS 23, Excel, AMOS 23. Методы мат. статистики: описательная статистика; структурное моделирование «модели пути».

Результаты. Для определения структуры связи между изучаемыми параметрами мы использовали подход моделирования структурными уравнениями (SEM). Модель пути показала, что негативные эмоциональные представления о старении способствуют усилению негативного аффекта, и повышают негативный контроль и усиливают негативные последствия старения. Посредством негативного контроля и последствий усиливается константный образ старости. Негативное эмоциональное представление снижает позитивный аффект, который сказывается на позитивном контроле и, как следствие, снижаются позитивные последствия, что делает представление о старении нестабильным, более изменчивым. Критерии полученной модели находятся в допустимых пределах ($\chi^2 = 19,597$; $df = 18$; $p = 0,356$; $CFI = 0,984$; $GFI = 0,966$; $RMSEA = 0,025$; $PCLOSE = 0,700$). Результаты свидетельствуют о том, что негативное представление о старении снижает позитивный настрой за счет усиления негативного. Выявленный механизм может быть полезен при разработке программ, направленных на повышение качества жизни в пожилом возрасте, через коррекцию образа жизни взрослых и конструирование продуктивной старости.

1. Одинцова В.В., Горчакова Н.М. Эмоциональное благополучие как интегративная характеристика эмоциональной сферы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2014. – № 1.
2. Gyasi R.M. et al. Emotional and physical-related experiences as potential mechanisms linking physical activity and happiness: Evidence from the Ghana Aging, Health, Psychological Well-being, and Health-seeking Behavior Study // Archives of Psychiatric Nursing. – 2023. – Vol. 42. – P. 113–121. doi: 10.1016/j.apnu.2022.12.023.
3. Robertson D.A., Kenny R.A. «I'm too old for that» – The association between negative perceptions of aging and disengagement in later life // Personality and Individual Differences. – 2016. – Vol. 100. – P. 114–119. doi: 10.1016/j.paid.2016.03.096.
4. Velaithan V. et al. The Association of Self-Perception of Aging and Quality of Life in Older Adults: A Systematic Review // The Gerontologist. – 2024. – Vol. 64, Iss. 4. doi: 10.1093/geront/gnad041.
5. Westerhof G.J. et al. Longitudinal effects of subjective aging on health and longevity: An updated meta-analysis // Psychology and Aging. – 2023. – Vol. 38, iss. 3. – P. 147–166. doi: 10.1037/pag0000737.

Проект поддержан грантом РНФ № 22-28-00869.

Особенности самоотношения и удовлетворенности жизнью у лиц средней зрелости с разным уровнем интернет-зависимости

Самоотношение, удовлетворенность жизнью, средняя зрелость, интернет-зависимость

Сегодня интернет стал средством и средой не только социального развития, но и виртуальной жизни человека: построение личной жизни и профессиональное общение, поддержание связей с друзьями и поиск новых знакомых, поиск работы и продвижение бизнеса и т.п. Виртуальная среда вошла практически во все сферы жизнедеятельности человека, но характер ее воздействия не определяется однозначно как отрицательный или положительный, а обусловлен многими факторами, такими как возраст и личностные особенности пользователей, выбор деятельности и время, проводимое в сети, и др.

В этой связи нами было проведено исследование по изучению особенностей самоотношения, уверенности в себе и удовлетворенности жизнью у лиц средней зрелости с разным уровнем интернет-зависимости.

Методологическая основа: работы В.В. Столина, С.Р. Пантилеева, Н.И. Сарджвеладзе, И.И. Чесноковой, М.В. Соколовой, М. Аргайл, М. Селигман, И.А. Джидарьян и др., описывающие особенности самоотношения, уверенности в себе и удовлетворенности жизнью у лиц; и труды К. Янг, А. Голдберг, А. Хэлл, Д. Парсон, В.А. Лоскутовой, А.В. Котлярова и др., посвященные изучению интернет-зависимого поведения.

Выборка: 78 человек в возрасте от 30 до 55 лет ($M_{возр} = 41$).

Методики: Методика скрининговой диагностики компьютерной зависимости (Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Ботьот) [3]; Опросник самоотношения (Столин В.В., Пантилеев С.Р.) [2]; Индекс жизненной удовлетворенности (Б. Ньюгартен, адаптация Н.В. Паниной) [1].

Результаты. Все участники исследования были разделены на три группы по риску развития компьютерной зависимости ($p < 0,01$): группа 1 – отсутствие риска развития зависимости; группа 2 – стадия увлеченности; группа 3 – наличие риска развития интернет-зависимости.

Исследование показало наличие статистически значимых различий (U-критерий Манна-Уитни) между 1 и 3, а также 2 и 3 группами практически по всем компонентам самоотношения, однако статистических различий по уровню жизненной удовлетворенности в исследуемых группах выявлено не было.

Корреляционный анализ (Спирмен) выявил наличие статистически значимых отрицательных связей ($p \leq 0,05$) между интернет-зависимостью и такими показателями, как индекс жизненной удовлетворенности, интерес к жизни, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, самоуверенность, отраженное самоотношение, самопринятие, самоуважение; и наличие положительных связей ($p \leq 0,05$) между интернет-зависимостью и внутренней конфликтностью, самоуничижением.

Обсуждение и выводы: вовлечение в интернет-зависимость может происходить в любом, в том числе в среднем возрасте. Исследование показало, что респонденты с разным уровнем интернет-зависимости отличаются особенностями самоотношения, при этом все они достаточно удовлетворены своей жизнью. Однако с увеличением уровня интернет-зависимости у респондентов увеличивается конфликтность, самоуничижение, снижается интерес к жизни и уровень жизненной удовлетворенности, также снижается самоуверенность, самопринятие, отраженное самоотношение, согласованность между поставленными и достигнутыми *целями*.

Полученные результаты являются основой для дальнейшего изучения особенностей формирования интернет-зависимости у людей средней зрелости, а также могут быть использованы для создания программ психологической помощи лицам с разным уровнем интернет-зависимости.

1. Духновский С.В. Диагностика межличностных отношений. – СПб.: Речь, 2009.
2. Столин В.В., Пантилеев С.Р. Опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы. – М., 1988. – С. 123–130.
3. Юрьева Л.Н., Ботьот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, лечение и профилактика: Монография. – Днепропетровск: Пороги, 2006.

К исследованию проблемы системогенеза социального сознания: старший дошкольный возраст

Социальное сознание, речь, системогенез, старшие дошкольники

В возрастной социальной психологии XX–XXI вв. традиционно изучаются отдельные социальные представления. Необходимо исследовать социальное сознание детей различных возрастов в его целостности и структурных связях, закономерности его развития в онтосоциогенезе человека. Изучение социального сознания по речи и языку является наиболее информативной технологией [1].

Цели исследования: разработка метаязыка описания социальных представлений (СП), установление ядерных СП и их взаимосвязей у старших дошкольников – девочек и мальчиков.

Проанализировано 320 единиц речи. Методом экспертных оценок (4 эксперта) определено 90 СП, им присвоены наименования, отражающие их психосоциальное содержание («я говорящий/слушающий», «мать как удовлетворяющая потребности», «для привлечения внимания нужно обратиться по имени», «могу преодолеть запрет» и др.). В исследовательской группе установлены особенности репертуаров СП в раннем [2], младшем дошкольном [3] и старшем дошкольном возрастах. Для старшего дошкольного возраста, напр., выявлены СП «эффективнее предложить интересное», «эффективнее создать группу для противостояния другим», «могу опосредованно влиять на ситуацию» и другие, не диагностируемые в предшествующих возрастах.

Корреляционный анализ по Пирсону позволил установить значимые ($p \leq 0,05$) и высокосignificant ($p \leq 0,01$) взаимосвязи СП. У старших дошкольников – мальчиков значимые и высокосignificant взаимосвязи образуют 68 СП, из них прямые взаимосвязи образуют 36 СП с валентностью от 5 до 27, обратные – 29 СП с валентностью от 1 до 11; у девочек показатели составляют, соответственно, 63/42 (с валентностью от 5 до 26) / 39 (с валентностью от 1 до 14).

Ядерную область социального сознания мальчиков составили СП «социально значимые отношения» с 27 прямыми и 4 обратными взаимосвязями, «социально значимые характеристики «я»/другого» (23/2 и 23/4, соответственно), «могу управлять своими эмоциями» (23/1), «социально значимые действия» (21/2), «могу управлять ситуацией» (17/4), представление о норме (17/1), «могу управлять своим поведением/поведением другого» (16/1 и 16/4), представление о своей эмоции (16/2); у девочек: СП «социально значимые отношения» (26/4), «социально значимые характеристики другого / «я» (24/7 и 21/3), «могу управлять поведением другого» (17/3), «могу управлять своими эмоциями» (17/2), «могу управлять другим для получения преимущества» (17/1), «могу управлять другим для предотвращения ущерба» (16/2), «могу управлять своим поведением» (15/5), «социально значимые действия» (14/3), представление о своей эмоции (14/1).

Наибольшие коэффициенты корреляции (диапазон от $r = 0,403$ до $r = 0,488$) характерны в субвыборке мальчиков для нескольких СП ядерной области социального сознания: «мои социально значимые характеристики» – «могу управлять своим поведением»; «социально значимые характеристики другого» – «могу управлять поведением другого»; «социально значимые отношения» – «социально значимые характеристики другого» и «могу управлять поведением другого» (даны по мере уменьшения коэффициента r). У девочек (от $r = 0,411$ до $r = 0,616$): «мои социально значимые характеристики» – «могу управлять своим поведением»; «социально значимые отношения» – «социально значимые характеристики другого» и «мои социально значимые характеристики»; «социально значимые характеристики другого» – «могу управлять поведением другого» и «социально значимые действия».

Сравнение данных в отношении старшего дошкольного и предшествующих возрастов позволит развить понимание системогенеза социального сознания в раннем онтогенезе.

1. Маланчук И.Г. Речь как психический процесс: Монография. – Красноярск, 2009.
2. Маланчук И.Г., Залевская А.Г. Гендерные особенности социального сознания детей раннего возраста (на материале анализа речи) // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2018. – № 3(45). – С. 113–125.
3. Замкина Т.Ю. Структура и содержание социального сознания детей младшего и среднего дошкольного возраста: Магистерск. дис. ... – Красноярск, 2015.

Исследование осуществляется в рамках Тематического плана НИЦ «Курчатовский институт» (приказ № 19 от 09.01.2024).

Переживание одиночества взрослыми в связи с их ориентацией на социум и психологическим благополучием

Одиночество, психологическое благополучие, социотропность, самодостаточность, взрослость

Переживание одиночества всегда связано с включенностью/невключенностью человека в социум [1]. Изучение переживания одиночества и его взаимосвязей с различными психологическими характеристиками в период взрослости весьма актуален, поскольку зачастую исследования обращены к подростковому, юношескому периодам и периоду старения, в результате чего иные возрастные периоды остаются изученными в меньшей степени. Целью нашего исследования стало изучение особенностей переживания одиночества взрослыми людьми в связи с их ориентацией на социум и психологическим благополучием.

Выборка: 201 человек в возрасте от 20 до 46 лет ($M = 28,3$, $SD = 8$); 112 респондентов 20–25 лет ($M = 22,1$; $SD = 1,4$) и 89 респондентов 26–45 лет ($M = 36$, $SD = 5,8$). Методики: дифференциальный опросник переживания одиночества Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева; методика «Социотропность-самодостаточность» в адаптации О.Ю. Стрижицкой с соавторами; шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной и анкета. Методы статистической обработки: анализ описательных статистик, непараметрический критерий U-Манна-Уитни, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена), регрессионный анализ.

Сравнительный анализ показал, что респонденты 20–25 лет характеризуются более высокими показателями по шкалам: «самоощущение» ($p = 0,009$), «дисфория одиночества» ($p = 0,002$), «одиночество как проблема» ($p = 0,022$), «потребность в компании» ($p = 0,001$), «зависимость от общения» ($p = 0,001$), «социальная неуверенность» ($p = 0,017$), «зависимость» ($p = 0,000$), «привязанность» ($p = 0,044$), общему показателю социотропности ($p = 0,009$) и личностному росту ($p = 0,018$). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что молодые люди в сравнении с респондентами 26–45 лет более ориентированы на социум, социальное одобрение, могут ощущать себя покинутыми, испытывать недостаток в дружеском общении. Кроме того, у них более выражено чувство реализации своего потенциала, стремление к совершенствованию и открытость опыту, что может быть обусловлено возрастными особенностями и теми проблемами, с которыми сталкиваются люди в разные периоды взрослости (достижение близости или изоляция – ранняя взрослость; достижение продуктивности или стагнация – средняя взрослость).

Как показал корреляционный анализ, параметры общего переживания одиночества и зависимости от общения образуют прямые связи с большинством показателей социотропности, а также – обратную связь с самодостаточностью ($r = -0,159$, $p = 0,024$; $r = -0,299$, $p = 0,000$) и показателями психологического благополучия ($0,001 \leq p \leq 0,05$); позитивное одиночество и его отдельные субшкалы имеют отрицательные связи с показателями социотропности ($0,001 \leq p \leq 0,05$), с самодостаточностью и большинством показателей психологического благополучия позитивное одиночество образует положительные взаимосвязи ($0,001 \leq p \leq 0,01$).

Регрессионный анализ показал, что в группе респондентов 20–25 лет психологическое благополучие с позитивным отношением и социальной уверенностью могут способствовать ослаблению переживания одиночества. В группе респондентов 26–45 лет снижению переживания одиночества могут способствовать позитивное отношение вместе с компетентностью. Предикторами зависимости от общения в группе респондентов 20–25 лет выступают привязанность и недостаток независимости в отношениях с социумом. В группе более взрослых респондентов предикторами зависимости от общения выступают привязанность, недостаточные компетентность и самодостаточность. Личностный рост и низкий уровень ориентации на социум могут способствовать более позитивному отношению к одиночеству в группе респондентов 20–25 лет. Среди респондентов 26–45 лет предиктором позитивного одиночества выступил показатель «жизненные цели».

Таким образом, полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что респонденты ранней и средней взрослости имеют определенные особенности переживания одиночества, связанные как с возрастными особенностями, так и с их уровнем социотропности и психологического благополучия.

1. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО). – М.: Смысл, 2016. – 88 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00841 «Особенности переживания одиночества и способы совладания с ним в период взрослости», <https://rscf.ru/project/23-28-00841/>.

Взаимосвязь осознанности и переживания одиночества в период средней зрелости

Осознанность, одиночество, переживание одиночества, средняя зрелость.

Несмотря на то, что понятие осознанности уже давно стало популярным как в психологическом сообществе, так и за его пределами, существует не так много отечественных исследований, посвященных изучению данного феномена. В частности, его связи с одиночеством, являющимся универсальной проблемой существования человека, с которой каждый из нас так или иначе встречается в своей жизни. В то же время в ряде зарубежных исследований отмечается эффективность практик по повышению осознанности в снижении уровня переживания одиночества [1].

В связи с этим целью нашего исследования стало выявление наличия и характера связи между осознанностью личности и параметрами переживания одиночества в период средней зрелости. Мы предположили, что существует связь между уровнем осознанности личности и особенностями переживания ею одиночества. Так, у респондентов с менее высоким уровнем осознанности негативные аспекты переживания одиночества будут выражены сильнее, чем у респондентов с более высоким уровнем осознанности.

Выборка исследования составила 109 человек (33 мужчины и 76 женщин) в возрасте от 26 до 40 лет ($M = 34$, $SD = 6,4$). Методики исследования: дифференциальный опросник переживания одиночества Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина; пятифакторный опросник осознанности Р. Байера; опросник внимательности и осознанности К. Брауна и Р. Райана; шкала социального и эмоционального одиночества И. ДиТомасо, Б. Спиннера. Методы статистической обработки: анализ описательных статистик, непараметрический критерий U-Манна-Уитни, корреляционный анализ Спирмена, кластерный анализ, регрессионный анализ (пошаговый метод).

С помощью кластерного анализа нами было выделено три группы респондентов с разным уровнем осознанности (высоким, низким и средним). Сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия U-Манна-Уитни показал, что у респондентов с более высоким уровнем осознанности в меньшей степени выражены общее переживание одиночества ($p < 0,01$) и зависимость от общения ($p < 0,01$), чем у респондентов с более низким уровнем осознанности. Показатели социального и эмоционального одиночества также ниже у респондентов с более высоким уровнем осознанности ($p < 0,05$).

Как показал корреляционный анализ, параметры общего переживания одиночества образуют обратную связь с общим уровнем внимательности и осознанности ($r = -0,278$, $p < 0,01$) и описанием (умением вербализовать свой внутренний опыт) ($r = -0,321$, $p < 0,01$). Показатели зависимости от общения имеют обратную связь с общим уровнем внимательности и осознанности ($r = -0,310$, $p < 0,01$), описанием ($r = -0,262$, $p < 0,01$), осознанностью действий (способностью быть включенным в настоящий момент) ($r = -0,270$), безоценочностью (умением принимать жизненный опыт) ($r = -0,246$, $p < 0,01$) и нереагированием (способностью не реагировать на мысли и внутренние побуждения) ($r = -0,298$, $p < 0,01$). Показатели позитивного одиночества обнаруживают прямую связь с наблюдением (способностью сосредотачиваться на стимулах внутреннего и внешнего мира) ($r = 0,264$, $p < 0,01$) и нереагированием ($r = 0,195$, $p < 0,05$).

Результаты регрессионного анализа показали, что низкий уровень осознанности совместно с неумением вербализовать свои эмоции, ощущения и мысли могут усиливать переживание одиночества; неспособность не реагировать на внутренние побуждения и отсутствие безоценочности по отношению к опыту могут усиливать зависимость от общения; а проявление внимания к собственным ощущениям, чувствам и мыслям могут усиливать позитивное одиночество.

Таким образом, на основании полученных результатов можно констатировать наличие связи между уровнем осознанности и переживанием одиночества. Респонденты с более высоким уровнем осознанности не склонны считать себя одинокими, испытывать дефицит близкого общения с другими людьми. Также они позитивнее относятся к ситуациям одиночества и уединения и не стремятся их избегать.

1. Teoh S.L., Letchumanan V., Lee L-H. Can Mindfulness Help to Alleviate Loneliness? A Systematic Review and Meta-Analysis // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – P. 1–11.

Семейные факторы родительского стресса отцов детей раннего и дошкольного возраста

Родительский стресс, отцовство, отношения с родителями в детстве, установки на родительство

Тема родительского стресса (далее – РС) активно разрабатывается зарубежными психологами, однако большинство существующих исследований в данной области сосредоточено на изучении этого феномена у матерей, реже – у родителей в целом. В то же время согласно исследованиям РС отцов может быть не ниже, чем у матерей [2], многие авторы указывают на возможные отличия в конструкции РС матерей и отцов [3]. Некоторые исследования РС обнаруживают связь с установками на интенсивное родительство [1]. Исследования, в том числе отечественные, посвященные РС отцов, а также факторам, его обуславливающим, практически отсутствуют.

Цель исследования заключается в изучении РС отцов в связи с установками на родительство, сородительством и отношениями с родителями в детстве.

Была выдвинута гипотеза о связи более высокого уровня РС с такими семейными факторами, как низкий уровень сородительства, небезопасный тип привязанности отцов и такими установками на родительство, как удовлетворенность родительство и трудность родительства.

Выборку составили 40 отцов, средний возраст 35,24 года (26–47), воспитывающих совместно с супругой ребенка возрастом 1-7 лет (средний возраст ребенка 3,75). Методики: социально-биографическая анкета, шкала родительского стресса Берри-Джонса, краткая версия шкалы сородительства L.D. Brown, M.L. Kan (адаптация В.А. Дорошенко), опросник на привязанность в детстве к родителям для супружеских пар М.В. Яремчук, опросник установок на интенсивное родительство М. Liss и др., (адаптация Ю.В. Мисиюк, А.И. Прихидько, П.С. Рогачевой) и опросник удовлетворенности жизнью Э. Динера (адаптация Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева).

Результаты исследования. Уровень РС отцов находится в области средних значений и схож с данными матерей, полученными на российской выборке. Корреляционный анализ выявил связи общего уровня РС с такими установками на интенсивное родительство, как эссенциализм ($p < 0,05$) и удовлетворенность ($p < 0,01$), а также множественные связи различных параметров РС с общим уровнем сородительства, установками на эссенциализм, удовлетворенность и трудности и избегающим типом привязанности по отношению к матери, сформированном у отцов. Регрессионный анализ обнаружил, что основным предиктором РС выступает установка на удовлетворенность родительство: она является единственным предиктором общего РС у отцов детей раннего и дошкольного возраста ($\beta = 0,236$, $p = 0,002$), а также оказывает влияние на все его параметры. Так, предиктором параметра «родительская неудовлетворенность» также является установка на эссенциализм ($\beta = 0,460$, $p = 0,002$), предиктором «родительского ущерба» выступает, помимо удовлетворенности ($\beta = -0,512$, $p = 0,001$), удовлетворенность жизнью ($\beta = -0,358$, $p = 0,012$), на «родительские стрессоры» в совокупности с удовлетворенностью ($\beta = -0,512$, $p = 0,001$) оказывает влияние также установка на трудности ($\beta = 0,487$, $p = 0,001$), а параметр «потеря контроля» зависел от установок на эссенциализм ($\beta = 0,448$, $p = 0,001$), трудности ($\beta = 0,450$, $p = 0,001$) и удовлетворенность ($\beta = -0,378$, $p = 0,005$). Факторный анализ параметров РС и семейных факторов позволил выделить 4 фактора: родительский стресс и установки на родительство, отношения с отцом, установки на ребенка и отношения с матерью и удовлетворенность жизнью в связи с сородительством.

Вывод. На уровень РС у отцов детей раннего и дошкольного возраста оказывают влияние такие установки на интенсивное родительство, как установка на удовлетворенность родительство, установка на эссенциализм и установка на трудности.

1. Мисиюк Ю.В. Интенсивное материнство и его психологические последствия для женщины: Дис. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2022. – 236 с.
2. Deater-Deckard K., Scarr S. Parenting Stress Among Dual-Earner Mothers and Fathers: Are There Gender Differences? // Journal of Family Psychology. – 1996. – Vol. 10, № 1. – P. 45–59.
3. Krüger N., Rütter J.N. Parenting Stress in Fathers: Do We Need Father Specific Reference Samples? And Do They Differ in Regard of Taking Parental Leave? // Children. – 2022. – Vol. 9, № 9. – P. 1–11.

Особенности удовлетворенности жизнью у людей с разным семейным статусом в период пандемии

Субъективное благополучие, пандемия, взрослое население, семейный статус

Субъективное благополучие личности во многом зависит от удовлетворенности основополагающими сферами жизни [4]. Оно является оценкой между представлением об идеальной жизни и тем, что происходит в реальной жизни [1]. Среди социально-психологических факторов, оказывающих влияние на субъективное благополучие, рассматривают удовлетворенность браком [3], наличие супруга/супруги [2], социальную поддержку, оказываемую семьей [5].

Необходимость самоизоляции, переход на дистанционную работу, экономическая нестабильность, переживание за свое здоровье и близких привели к изменению семейных отношений и изменению восприятия их членами семьи.

Цель нашего исследования – выявление особенностей удовлетворенности жизнью людей с разным семейным статусом в период пандемии. В исследовании приняли участие 293 человека старше 18 лет (59,4% женщин и 40,6% мужчин). Для выявления удовлетворенности жизнью использовалась методика «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера, в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина; критерий Краскала-Уоллисса для независимых выборок.

При анализе результатов по методике Э. Динера «Удовлетворенность жизнью» получены средние значения по всем вопросам и общему показателю.

При сравнении групп с разным семейным статусом с помощью критерия Краскала-Уоллисса выявлено, что существуют различия в группах по вопросу «Почти во всем моя жизнь соответствует моему идеалу» ($N = 14,492$ $p \leq 0,006$) и общему показателю субъективного благополучия ($N = 14,692$ $p \leq 0,005$), результаты попарных сравнений, полученные с помощью U-критерия Манна-Уитни показали, что достигнутый уровень статистической значимости (p) составил между группой замужем/женат и разведен/разведена 0,012. Это связано с тем, что респонденты, находящиеся в браке, имеют возможность строить жизнь по своим представлениям о ней, как об идеальной, учитывая стабильность и надёжность, присущие официальному браку. Более высокий показатель в группе разведенных объясняется улучшением психоэмоционального состояния после проживания ситуации бракоразводного процесса, который снижает эмоциональное состояние, изменяет экономическое, социальное положение. У людей, состоящих в сожительстве, уровень удовлетворенности жизнью ниже, что связано с тем фактом, что люди, предпочитающие соительство, изначально обладают высоким уровнем тревожности, страхом семьи и ответственности за неё, что еще усилилось в период пандемии. Человек, потерявший супруга, проживая утрату, не может реализовать себя в тех или иных проектах, теряет свою востребованность, снижает уровень общения, чувствует оторванность от социума, сужение круга коммуникаций, не может удовлетворять свои желания и потребности, все это дает человеку понять, что его жизнь далека от идеала.

1. Бурханова Е.Р. Новый взгляд на счастье и благополучие в контексте позитивной психологии / Е.Р. Бурханова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 6-2 (96). – С. 143–145. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.067>
2. Гасанова П.Т. Переживание одиночества и субъективное благополучие личности / П.Т. Гасанова // Интерактивная наука. – 2019. – № 11 (45). – С. 8–10. DOI: 10.21661/r-508793
3. Савеньшева С.С. Удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие и удовлетворенность браком в период взрослости / С.С. Савеньшева, М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая // Мир науки. – 2017. – Т. 5, № 1. – С. 1–9.
4. Троцук И.В. Субъективное благополучие – качество жизни или счастье? / И.В. Троцук, К.И. Королева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 57–62. DOI: 10.23672/w3129-9969-0189-t
5. Diener E. Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach / E. Diener, F. Fujita // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 68 (5). – P. 926–935. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.5.926>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-20200.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ: ДЕТСТВО И ПОДРОСТКОВЫЙ ВОЗРАСТ

Альева М.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Типы любви в романтических отношениях у юношей и девушек с различными типами Я-концепции

Я-концепция, межличностные отношения, типы любви, независимая Я-концепция

Закономерности становления Я-концепции (Р. Бернс) выступают актуальной теоретической и практической проблемой (Т.В. Архиреева; А.Г. Шаров; А.Л. Рыжов). Построение межличностных отношений (МЛО) является важной задачей развития юности (R.Navighurst).

Современное взросление реализуется в условиях информационной социализации, высокой социальной неопределенности, изменчивости и транзитивности общества РФ [2].

Личность проявляется в системе отношений с миром и окружающими людьми (В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев). Я-концепция личности связана с МЛО и определяет характер отношения к себе и другому (Р. Бернс).

Несмотря на особенности современного мира, любовь остается главным образующим звеном романтических отношений. Однако типы и формы проявления любви вариативны. В наших ранних исследованиях мы установили, что рефлексия связана с типами любви в юношестве [4]. Одной из наиболее известных является концепция типов любви Дж. А. Ли, взявшего за основу виды любви из древнегреческой философии [3].

Мы предположили, что представления о себе у юношей/девушек связаны с установками в сфере романтических отношений, а именно, в нашем исследовании, типом любви к романтическому партнеру.

Мы считаем, что существует специфика типов любви в романтических отношениях юношей/девушек с различными Я-концепциями, по Н.Р. Markus, S. Kitayama (1991).

Цель: изучение связи особенностей Я-концепции и типов любви в юношеском возрасте.

Объект: типы любви в юношеском возрасте.

Предмет: типы любви в юношеском возрасте в связи с особенностями Я-концепции.

Гипотезы исследования:

- 1) Типы любви у юношей и девушек с разными типами Я-концепции различаются.
- 2) Выраженность измерения «Независимая Я-концепция» соотносится с типом любви «людус» – как любовь без обязательств, флирт, коллекционирование любовных переживаний.
- 3) Выраженность измерений «Родственная Я-концепция» и «Коллективная Я-концепция» в юношеском возрасте соотносится со стилем любви «агапэ» – способность жертвовать своими интересами ради Другого.

Методики: 1. Опросники «Коллективная и Независимая Я-концепция» и 2. «Родственная Я-концепция» в адаптации Дорошевой Е.А., Князева Г.Г., Корниенко О.С. (2016); 3. Опросник «Установки на любовь и секс («Цвета любви»))» [1].

Выборка: N = 97, M/F = 15 (15,5%) / 82 (84,5%), возраст 17 - 22 года. M = 19,4 SD = 1,4.

Результаты: Выделены группы респондентов, значительно различающиеся по типу Я-концепции: «гармоничные» (37 чел., 38%), «вовлеченные» (43 чел., 44%), и «дистантные» (17 чел., 18%) (метод кластерного анализа).

При сравнении типов любви респондентов трех групп, получено:

Респонденты группы «гармоничные» характеризуются высокой выраженностью типов любви «эрос», «агапэ» и низкой выраженностью типа любви «людус». Эти респонденты склонны к страстной всепоглощающей любви, способны на самопожертвование ради партнера и не склонны к легкомысленным и непостоянным отношениям.

Респонденты из группы «дистантные» склонны к стилю любви «людус» – к легкомысленным отношениям ради флирта и переживания эмоций.

Для группы «вовлеченные» характерна меньшая выраженность стиля любви «эрос», чем для «гармоничных», а значимость стиля любви «мания» находится на уровне тенденции, что подтверждает значимость отношений в аспекте восприятия себя.

Выявлены значимые различия в предпочтениях типов любви по А. Ли респондентами с разной выраженностью независимой, родственной и коллективной Я-концепцией. Гипотезы исследования нашли подтверждение.

Таким образом, особенности Я-концепции связаны с типами любви к романтическому партнеру и выступают фактором межличностных отношений.

1. Екимчик О.А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста. Дис. ... канд. психол. наук. – Кострома. 2009. – 178 с.
2. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. – 2017. – № 1 (89). – С. 24–37.
3. Фролова С.В. Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20. – Вып. 4. – С. 439–448.
4. Alyeva M.A., Sadovnikova T.Y. Reflexion as the Factor in Shaping Attitudes Towards Love and Sex at Adolescence. *European psychiatry* (65) // Cambridge University Press (United Kingdom). – № S1. – S. 681–682.

Структурная организация адаптационного потенциала личности подростков

Адаптационный потенциал, адаптация подростков, копинг-стратегии

Категория адаптационного потенциала личности представлена в литературе как комплексная психологическая переменная, обуславливающая ее ресурс и поддержание целесообразной адаптационной активности в условиях изменения факторов среды. Подростковый возраст является важным этапом формирования свойств субъекта адаптации, его адаптационного потенциала и репертуара адаптационных механизмов [2].

Проведено исследование функциональных и структурных свойств адаптационного потенциала личности подростков в связи с эффективностью социально-психологической адаптации, копинг-стратегиями и характером школьной ситуации. Выборка 102 подростка (средний возраст – $14,9 \pm 0,8$ года). Применялись шкала СПА К. Роджерса, Р. Даймонда, опросник «Школьная ситуация» В.К. Зарецкого, А.Б. Холмогоровой, юношеская копинг-шкала Э. Фрайденберг, Р. Льюиса, опросник 14PF Р. Кеттелла, опросник ССУД-М В.И. Моросановой. Проверена гипотеза о наличии структурно-функциональных особенностей потенциала у подростков с различным характером школьной адаптации.

Теоретическая модель потенциала включает нервно-психическую устойчивость, самооценку, уровень конфликтности, саморегуляции, характер социального взаимодействия [1]. Системный характер потенциала проявился в сети разнонаправленных корреляционных связей его показателей, системообразующими факторами выступили личностные свойства (уверенность в себе, эмоциональная стабильность). Факторная структура эмпирических показателей адаптационного потенциала соответствует теоретической модели и включает: устойчивость, уверенность в себе, саморегуляцию, ориентацию на социальное взаимодействие, зрелость коммуникаций (60,98% общей дисперсии). Уровневые и структурные характеристики потенциала ассоциированы с эффективностью адаптации. Обнаружены уровневые различия показателей потенциала: нервно-психической устойчивости, самооценки, характера социального взаимодействия и саморегуляции у подростков с разным характером школьной ситуации. Подростки, оценивающие школьную ситуацию как благоприятную, отличаются более выраженной эмоциональной устойчивостью, уравновешенностью, ответственностью, социальной смелостью и высоким самоконтролем в сравнении со сверстниками, определяющими школьную ситуацию как терпимую. В выделенных группах обнаруживается своеобразие репертуаров копинг-стратегий (диапазон значимости различий $p = 0,002 - 0,000$).

Структурная организация потенциала у подростков с благоприятной ситуацией характеризуется большей интегрированностью (количеством и силой корреляционных связей) и возрастанием роли саморегуляции. Кластерная структура в группе с терпимой ситуацией менее гармоничная и интегрированная, формирует диффузную структуру показателей. В группе с благополучной школьной ситуацией выделяется основное ядро и малый автономный кластер, образуя ядерную структуру. Прогностически более благоприятным типом структурной организации потенциала выступает ядерный тип. Сопоставление результатов факторизации показателей социально-психологической адаптации и адаптационного потенциала позволило выделить пересекающиеся элементы, имеющие значение, как для обеспечения адаптационного статуса, так и для регуляции адаптационных ресурсов (ориентация на социальное взаимодействие и уверенность в себе). Регрессионная зависимость (65,8% дисперсии) свидетельствует о вкладе в показатель школьного благополучия общей саморегуляции ($= 0,27$, $p = 0,002$), продуктивного копинг-стиля ($= 0,18$, $p = 0,008$) и интегрального показателя адаптированности ($= 0,50$, $p = 0,000$).

Таким образом, структурно-функциональные свойства адаптационного потенциала отличаются своеобразием у подростков с разным уровнем адаптированности и реализуемыми копинг-стратегиями. Профиль потенциала и его структурные свойства могут рассматриваться в качестве основания для оценки и прогнозирования характера социально-психологической адаптации подростков.

1. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Монография / Т.Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им Н.А. Некрасова, 2010. – 296 с.
2. Hampel P., Petermann F. Perceived stress, coping, and adjustment in adolescents // Journal of adolescent health. – 2006. – 38(4). – P. 409–415.

Повседневный стресс в связи с социально-психологической адаптацией подростков

Повседневный стресс, социально-психологическая адаптация, подростки, взаимосвязи

Исследование посвящено изучению взаимосвязей повседневного стресса и социально-психологической адаптации (СПА) подростков. Ученые указывают на возрастающие стрессовые нагрузки в повседневной жизни. Повседневные стрессоры рассматриваются, как частые, небольшие по силе, события повседневной жизни, вызывающие напряжение [3]. Подростки характеризуются повышенной уязвимостью к стрессу в силу высокой эмоциональности, несформированности механизмов саморегуляции. Уровень стресса определяется не столько объективной сложностью или опасностью ситуации, сколько ее субъективной оценкой. СПА ученые понимают, как процесс установления оптимального соответствия личности и окружающей среды, который задействует многосторонние ресурсы личности и социальной среды [2]. Гипотезой послужило предположение о наличии двусторонних связей между СПА и воспринимаемым стрессом, в которых показатели СПА могут играть роль предикторов. Предполагаем, что структура взаимосвязей стресса с СПА может различаться в зависимости от уровня СПА. Методы: Опросник повседневного стресса для подростков [1], Шкала Социально-психологической адаптации Роджерса, Даймонда. Выборка: 299 подростков 13-17 лет (155 девушек, 144 юноши). Для статистической обработки применялась программа SPSS-20. Исследование показало, что все подростки указывают на наличие повседневных стрессоров и возникающее при их воздействии напряжение. Среднее количество стрессовых ситуаций в течение двух недель – 21,98 (у девушек – 22,9, у юношей – 20,9), средняя сила переживания – 3,5 (у девушек – 3,7, у юношей – 3,3). Основными сферами стресса явились самоотношение, переживание отвержения, дела, планирование, финансы, школа, учеба, отношения с взрослыми и со сверстниками, семья, страхи. При этом у юношей более выражен стресс в сферах страхи, у девушек – в сферах одиночество и самоотношение ($p \leq ,01$). Выявлены отрицательные связи количества стрессовых событий и силы переживания в сферах «Одиночество, самочувствие», «Страхи», «Самоотношение», «Отвержение», «Школа, учеба», «Общение со старшими» со всеми показателями СПА (при $p \leq ,01$). Исключение составляет сфера Дела, планирование, количество стрессоров в которой имеет прямые связи с СПА ($p \leq ,05$; $,01$). Для подтверждения второй гипотезы выборка была разделена на группы по уровню СПА. В 1 гр. с высоким уровнем (474 – 573 б, $M = 526,8$) 43 человека, во 2 гр. с низкими значениями (159 – 313 б, $M = 277,1$) – 45. Различия между группами по всем шкалам и общему показателю СПА $p \leq 0,000$. Структура взаимосвязей в группах отличается. Во 2 группе обнаружены взаимосвязи СПА со стрессом в сферах «Страхи, беспокойство», «Самоотношение», «Отвержение», 11 связей, ($p \leq ,05$), в связи вовлечены только стрессоры внутренних сфер жизни. В 1 группе 13 связей (12, $p \leq 0,01$; 1 – $p \leq 0,05$), в связи, помимо стрессоров внутренней жизни, включены финансовые и школьные стрессоры. Все связи отрицательные. Предиктором стресса во 2 группе выступает адаптация, снижающая силу переживания ($p \leq 0,032$), уровень стресса в сфере «Финансы» ($p \leq 0,040$; $p \leq 0,049$), силу переживания в сфере «Самоотношение» ($p \leq 0,047$). В 1 группе адаптация и интернальность являются предикторами стресса в сферах «Одиночество, самочувствие» ($p \leq 0,047$; $p \leq 0,024$); самопринятие и стремление к доминированию способствуют снижению школьного стресса ($p \leq 0,048$; $0,026$); принятие других – в сфере «Самоотношение» ($p \leq 0,048$). Исследование показало, что адаптация, интернальность, принятие других, самопринятие способствуют снижению уровня воспринимаемого стресса.

1. Головей Л.А., Галашева О.С. Повседневный стресс и удовлетворенность жизнью девушек подросткового возраста // Вестник СПбГУ. Психология. – 2022. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 431–448.
2. Соснина И.Г. Психологическая адаптация младших подростков в новом социуме // Ярославский педагогический вестник. Сер. Психолого-педагогические науки. – 2013. – Т. 11, № 4. – С. 228–231.
3. Maybery D.J., Graham D. Hassles and uplifts: including interpersonal events // Stress and health. – 2001. – Vol. 17, № 2. – P. 91–104.

Исследование поддержано грантом РФФИ №№ 23-28-00999.

«Навыки будущего» у обучающихся общеобразовательных учебных заведений старшего школьного возраста

Навыки будущего, большая пятерка, эмоциональный интеллект, старшеклассники

Тематика навыков будущего все больше набирает популярность в научных кругах. Под навыками будущего мы понимаем навыки, связанные с личностным развитием, которые не зависят от конкретной дисциплинарной области; они проявляются во всех сферах профессиональной и академической деятельности [1]. Это трансверсальные, стратегические, сквозные, жизненные, ключевые навыки. Показано их влияние на образовательные результаты, предпочтения, отмечается высокая экономическая отдача [2, 3].

Проблема исследования заключается в противоречии между недостаточно изученными особенностями навыков будущего у обучающихся разного возраста, с одной стороны, и необходимостью разработки научно обоснованных психолого-педагогических технологий развития этих навыков, с другой.

Цель исследования – изучить особенности проявления навыков будущего (на примере эмоционального интеллекта и Большой пятерки) у старшеклассников разного возраста.

Методы исследования. Для исследования применялись методы опроса и психологического тестирования. Методический инструментарий: Сверхкраткая версия BIG FIVE INVENTORY-2 (Большая пятерка) [4], Тест эмоционального интеллекта Холла, Методика диагностики структуры учебной мотивации школьника [5].

Полученные результаты обработаны методами математической статистики с помощью программы RStudio с применением сравнительного анализа по Т-критерию Стьюдента. Выборку исследования составили обучающиеся общеобразовательных школ г. Ростова-на-Дону в количестве 1526 в возрасте 14–18 лет. Средний возраст участников – 16,3 года.

Результаты исследования. Выявлены достоверные различия показателей навыков будущего у обучающихся разного возраста. Наибольшие различия обнаружены в характеристиках «Большой пятерки» между обучающимися 14 и 18 лет. Например, по шкале «Открытость новому опыту» учащиеся 14 лет продемонстрировали достоверно меньшие показатели в сравнении с учащимися 16 ($t = 0,26$, $p0,05$), 17 ($t = 0,54$, $p0,01$) и 18 ($t = 0,42$, $p0,01$) лет. Учащиеся 15 лет также демонстрируют значимо меньшие показатели в сравнении с учащимися 16 лет ($t = 0,28$, $p0,01$). У обучающихся 16-ти лет значения этого показателя оказались ниже по сравнению с обучающимися 17 ($t = 0,41$, $p0,001$) и 18 ($t = 0,29$, $p0,001$) лет.

Подобная тенденция обнаружена по шкалам учебной мотивации, а также по шкале «Эмоциональная осведомленность» – показателю эмоционального интеллекта. Развитие этих навыков в средней школе по специально разработанным программам может способствовать ускорению и повышению уровня их естественного формирования.

1. González J., Wagenaar R. Quality and European programme design in higher education // European Journal of education. – 2003. – Vol. 38, № 3. – P. 241–251.
2. Farrington C.A., Roderick M., Allensworth E., Nagaoka J. et al. Teaching Adolescents to Become Learners: The Role of Noncognitive Factors in Shaping School Performance – A Critical Literature Review. – Chicago: University of Chicago Consortium on Chicago School Research, 2012. https://www.kipp.org/wp-content/uploads/2016/11/Teaching_Adolescents_to_Become_Learners.pdf.
3. Avanesian G., Borovskaya M., Masych M., Dikaya L., Ryzhova V., Egorova V. How Far Are NEET Youth Falling Behind in Their Non-Cognitive Skills? An Econometric Analysis of Disparities // Economics. – 2024. – 12 (1). – P. 25.
4. Мишкевич А.М. и др. Апробация краткой и сверхкраткой версий вопросника BIG FIVE INVENTORY-2: BFI-2-S И BFI-2-XS // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 1. – С. 95–108.
5. Бадмаева Н.Ц., Матюхина, М.В. Изучение мотивационной сферы учащихся. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. – Улан-Удэ, 2004. – С. 139–141.

Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания Минобрнауки России в сфере научной деятельности (FENW-2023-0062).

Захарова Е.И., Ковязина М.С.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова,

Баулина М.Е.
Москва, ФНЦ ПМИ

Короткова Е.Ю., Кулагина В.А.
Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разработка системы контроля за психическим развитием детей младенческого и раннего возраста

Диагностика раннего развития, младенческий возраст, возрастная психология

Задача организации систематического, комплексного контроля за развитием детей с учётом современных социокультурных условий младенческого возраста является чрезвычайно актуальной. В связи с этим организована работа по созданию скрининговой методики и сбору данных относительно динамики развития детей. Разработка и апробация методики Контроля за психическим развитием детей младенческого возраста включали в себя:

- а) выделение содержательных показателей развития ребенка;
- б) разработка процедуры обследования;
- в) составление ориентировочной схемы проведения обследования для специалиста (педиатра);
- г) первичный анализ картины развития детей младенческого возраста.

Опираясь на существующие показатели психического развития, был составлен перечень проб, обнаруживающий уровень возможностей ребёнка по основным направлениям развития с выделением крайних значений показателей, позволяющих отнести развитие к нормативному («красные линии»). Была составлена ориентировочная схема обследования детей первого полугодия жизни в положении лежа и второго полугодия – в положении сидя на коленях у близкого взрослого.

Апробация была нацелена на определение возможности осуществить пробы в ходе краткосрочного визита родителей в поликлинику, определение удобной последовательности выполнения проб как для специалиста, так и для младенца, участия близкого взрослого.

Апробация проходила в ГБУЗ «Детская городская поликлиника № 148» г. Москвы в период с февраля по апрель 2024 года. Было обследовано 39 младенцев (20 девочек и 19 мальчиков), среди которых 17 детей первого полугодия жизни (9 девочек – средний возраст 4,6 месяца ± 0,8 месяца и 7 мальчиков – средний возраст 4,4 месяца ± 0,9 месяца) и 22 ребёнка второго полугодия жизни (11 девочек – средний возраст 8 месяцев ± 1,1 месяца и 12 мальчиков – средний возраст 9 месяцев ± 0,8 месяца). Обследованные дети относились к условной норме без нарушений соматического и нервно-психического здоровья и посещали поликлинику в рамках диспансерного приёма педиатра по месту жительства. В рамках апробации схема обследования младенцев до 6 месяцев включала 24 пробы, от 6 до 12 месяцев – 30 проб, направленных на оценку моторного развития, эмоционального взаимодействия с близким взрослым и манипуляций с предметами.

Результаты разработки и апробации методики Контроля за психическим развитием детей младенческого возраста показали, что предложенная схема обследования может быть использована во время диспансерного приёма педиатра. Пробы, включённые в обследование, являются чувствительными к динамическим изменениям в развитии ребёнка. Так, было обнаружено, что развитие коммуникативных способностей современного младенца характеризуется появлением лепета лишь к 10 месяцам. Становление локомоций задерживается: не все дети научаются переворачиваться с живота на спину и обратно, ползание формируется к 8 месяцам, а сидение без поддержки – лишь к 10 [1]. Многие младенцы не удерживают вложенный в руку предмет вплоть до 9 месяцев, поздно овладевают соотносимыми действиями [2].

Апробация методики также позволила определить необходимое и достаточное количество времени, которое требуется специалисту для оценки психического развития младенца. Дальнейшие мероприятия по разработке методики будут направлены на сокращение числа проб за счёт тех из них, которые опираются на опрос родителей.

1. Лупандина-Болотова Г.С., Ревина А.А., Игнатов Д.А. Роль внешних факторов в реализации естественной последовательности двигательного развития ребёнка на первом году жизни // Неврологический журнал имени Л.О. Бадаляна. – 2021. – 2(3). – С. 119–136.
2. Развивающая предметно-пространственная среда в детском саду: Методическое пособие / Е.О. Смирнова, Е.А. Абдулаева, И.А. Рябкова [и др.]. 2-е изд. – М.: Русское слово – учебник, 2018. – 113 с.

Исследование опыта романтических отношений в юношеском возрасте

Романтические отношения, юность, психологическая привязанность, эмоциональная созависимость

Научная проблема и ее актуальность: романтические отношения – важная часть развития в юности. Они являются ресурсом поддержки, обеспечивают эмоциональную стабильность [3]. Собственное «Я» познается юношей через связь в том числе с романтическим партнером, поэтому романтические отношения – важный фактор решения задач развития в данном возрасте.

Гипотеза: существует связь между представлениями о романтических отношениях и объективными характеристиками данных отношений у представителей юношеского возраста.

Теоретико-методологическую основу составляют учение о юношеском возрасте И.С. Кона, теория привязанности Дж. Боулби, учение о созависимости Д. и Б. Уайнхольд.

Методики:

1. авторская анкета (сведения о респондентах – пол, возраст, образование, профессия);
2. шкала созависимости Спенн-Фишер в модификации Бердичевского А.А., Падун М.А., Гагариной М.А. [1];
3. модифицированная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли в адаптации Т.В. Казанцевой [2];
4. незавершенные предложения на тему романтических отношений.

Три из предложений позволили оценить склонность к созависимости через возможность проявления склонности к самопожертвованию, фрустрации при невозможности быть все время вместе с партнером, указания на трудности в отношениях (предложения «Ради партнера я готов(а)...», «Когда партнер не имеет возможности проводить со мной время, я...» и «Самое трудное, что я пережил(а) в романтических отношениях – это...»). Другой блок предложений позволил выявить своеобразие представлений респондентов о романтических отношениях (предложения «Романтическая любовь – это...», «Любить – значит...», «Главная ценность романтических отношений состоит в...»).

Выборку составили 213 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, из них 169 девушек и 44 юноши.

Результаты исследования оказались следующими: респонденты показывают высокий уровень тревоги и избегания близости, при этом получены средние показатели созависимости. Ответы респондентов на незавершенные предложения подтверждают результаты исследования романтических отношений в юности количественными шкалами.

Сопоставление результатов респондентов по незавершенным предложениям и исследованию созависимости показало, что респонденты, давшие на предложение «Ради партнера я готов(а)...» ответ «готов(а) жертвовать всем», получили высокий балл по шкале созависимости (U-критерий Манна-Уитни, $p = 0,06$, на уровне тенденции).

Мы предполагали, что для респондентов, склонных к эмоциональной созависимости в романтических отношениях, более характерен выбор отвержения в качестве продолжения предложения «Самое трудное, что я пережил(а) в романтических отношениях – это...». Действительно, связь между категорией «расставание и предательство» и склонностью к созависимости также обнаружилась (U-критерий Манна-Уитни, $p = 0,05$).

Мы также предположили, что определение любви через любовь в предложении «Романтическая любовь – это...» будут давать более склонные к созависимости респонденты. В ходе сравнительного анализа данных результатов и результатов по количественным шкалам это подтвердилось (U-критерий Манна-Уитни, $p = 0,05$).

Таким образом, анализ заполнения незавершенных предложений респондентами показывает, что склонные к эмоциональной созависимости юноши и девушки в большей степени готовы к самопожертвованию ради партнера, испытывают фрустрацию при невозможности быть постоянно рядом с партнером, имеют размытое представление о любви. А респонденты с высоким уровнем тревоги в отношениях схожим образом описывали свои чувства в ситуации разлуки с партнером.

1. Бердичевский А.А., Падун М.А., Гагарина М.А. Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн-Фишер» [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. – 2019. Т. 8, № 1. – С. 215–234.
2. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008.
3. Криттенден П. Трансформация отношений привязанности в юности / П. Криттенден // Журн. практ. психологии и психоанализа. – 2002. – № 1. – С. 33–42.

Соотношение роли стрессоустойчивости и социальной поддержки в восприятии стрессов у подростков

Подростки, социальная поддержка, стрессоустойчивость, стресс

Стрессоустойчивость и социальная поддержка – важнейшие ресурсы в смягчении негативных последствий стрессовых переживаний подростков [1, 2].

Цель исследования: изучение влияния различных составляющих социальной поддержки и стрессоустойчивости на восприятие стресса у подростков.

Выборка: 266 подростков 7–11 классов (127 юношей и 139 девушек 13–17 лет). 74% воспитываются в полных семьях, 30% не имеют сиблингов, семьи 77% без значительных материальных проблем.

Методы: Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-10) Абабкова и Опросник повседневного стресса для подростков (Головей, Галашева), Опросник воспринимаемой социальной поддержки Зоммера и Фюдрика в адаптации Холмогоровой, Петровой, Опросник стрессоустойчивости Щербатых. Были учтены факторы: пол, возраст, состав семьи, материальная обеспеченность.

Данные обработаны в программе SPSS с использованием описательных статистик, сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента и регрессионного анализа.

Выявлено, что девушки испытывают более высокий уровень повседневного стресса, чем юноши, в сферах самочувствия и одиночества ($F = 6,300, p = 0,013$), планирования ($F = 4,733, p = 0,031$), самооотношения ($F = 5,084, p = 0,026$) и отвержения ($F = 5,457, p = 0,021$), прилагают больше усилий в противодействии стрессу ($F = 4,229, p = 0,041$). Стрессоры самооотношения ($F = 3,595, p = 0,061$, тенд.), финансов ($F = 5,876, p = 0,017$) и страхов ($F = 13,865, p = 0,000$) выше у подростков, имеющих сиблингов, но у них выше и уровень эмоциональной поддержки ($F = 3,468, p = 0,066$, тенд.). Уровень воспринимаемого стресса у учеников средней школы выше, чем у старшеклассников ($F = 10,670, p = 0,002$), у них выше уровень стрессоров отвержения ($F = 7,660, p = 0,007$), страхов ($F = 6,325, p = 0,014$) и общения со старшими ($F = 4,771, p = 0,032$), а уровень удовлетворенности социальной поддержкой – ниже ($F = 16,932, p = 0,000$).

Регрессионный анализ показал, что инструментальная поддержка снижает уровень воспринимаемого стресса ($R^2 = 0,233, \beta = -0,241, p = 0,020$) особенно у юношей ($b = -0,453, p = 0,000$), а также стрессы, связанные со страхами ($R^2 = 0,182, \beta = -0,389, p = 0,000$), так же у юношей ($\beta = -0,236, p = 0,000$). У них ($\beta = -0,246, p = 0,028$), наряду с социальной интеграцией ($R^2 = 0,113, \beta = -0,264, p = 0,018$), она снижает переживание одиночества. В целом социальная поддержка снижает уровень мистических страхов ($R^2 = 0,092, \beta = -0,304, p = 0,007$) и стресса отвержения ($R^2 = 0,112, \beta = -0,335, p = 0,003$), а у юношей ($\beta = -0,213, p = 0,047$) – уровень стресса при общении со старшими ($R^2 = 0,169, \beta = -0,385, p = 0,000$). Для юношей не характерен высокий уровень перенапряжения ($R^2 = 0,131, \beta = -0,362, p = 0,001$), а стресс по поводу финансов наиболее проявился у подростков из семей с финансовыми ограничениями ($R^2 = 0,094, \beta = 0,306, p = 0,006$).

При включении в уравнение регрессии показателя стрессоустойчивости вместе с параметрами социальной поддержки и значимых условий жизни подростка, она стала основным предиктором стрессового переживания. Стрессоустойчивость снижает уровень перенапряжения ($R^2 = 0,394, \beta = 0,504, p = 0,000$), воспринимаемого стресса ($R^2 = 0,323, \beta = 0,370, p = 0,000$) и восприятия повседневного стресса в сфере страхов ($R^2 = 0,253, \beta = 0,315, p = 0,003$), в том числе мистических ($R^2 = 0,243, \beta = 0,391, p = 0,000$), а также переживаний самооотношения ($R^2 = 0,132, \beta = 0,305, p = 0,006$), отвержения ($R^2 = 0,245, \beta = 0,369, p = 0,001$) и учебы ($R^2 = 0,094, \beta = 0,306, p = 0,006$).

Таким образом, в переживании стрессов особую роль играет стрессоустойчивость, а важность социальной поддержки проявилась больше в связи с полом подростков, чем в связи с возрастом, классом и структурой семьи.

1. Горьковая И.А., Микляева А.В. Взаимосвязь жизнестойкости и воспринимаемой социальной поддержки у подростков с сенсорными и двигательными нарушениями // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 74–82.
2. Урусова А.М., Бостанова С.Н. Психологические особенности подростков и стрессоустойчивость // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2022. – 5 (207). – С. 583–588.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 23-28-00999.

Понимание детьми визуально-пространственной перспективы второго уровня

Перспектива, пространственные системы отсчета, модель психического

Понимание визуально-пространственной перспективы 2-го уровня, как умение решать конфликт противоположных точек зрения, является одной из множественных способностей Модели психического. Восприятие перспективы этого уровня связано с навыками ментального вращения и оптимальным использованием пространственных систем отсчета. Исследователями этого направления на взрослой выборке было установлено, что человек видит сцену более глобально в присутствии оппонента, и эта общая точка зрения отличается от его собственной. Совместное внимание провоцирует изменение системы отсчета, переход от эгоцентрической системы отсчета к аллоцентрической, когда люди рассматривают объекты с разных позиций [1].

Целью исследования является изучение общей закономерности развития 2-го уровня перспективы и формирования пространственных систем отсчета у детей. Известно, что использование детьми аллоцентрической системы в задачах на определение перспективы происходит ближе к 6 годам [4], понимания 2-го уровня визуально-пространственной перспективы продолжает еще формироваться в подростковом возрасте [3], что является более поздним приобретением по сравнению с базовыми способностями Модели психического, которые появляются в возрасте 4 лет.

Для определения уровня развития перспективы использовались следующие эмпирические методы – вербальные и визуальные тексты либо с одним, либо с двумя героями, которые занимают разные позиции; физический эксперимент, в котором экспериментатор и ребенок стоят напротив друг друга, от ребенка требуется назвать наблюдаемые вокруг объекты от второго лица. Фиксация ответов по этим заданиям проводилась по методу Б. Тверски, в виде замеров временных реакций по двум осям тела [2]. Для изучения сформированности модели психического применялись следующие методики, тест Т.Л. Т.Хатчинс «Модель психического», методика «Удивительные истории» Ф. Аппе. Выборка состояла из 32 детей, возрастной диапазон – 7,3–8,5 года.

Как показали временные замеры ответов по осям тела, практически всеми детьми при восприятии текстов с 1 героем использовалась эгоцентрическая система, что существенно отличалось от текстов с двумя героями и физического эксперимента, где применялись обе системы. Это указывает на то, что в данном случае именно конфликт точек зрения влияет на переключение систем отсчета.

Статистический анализ выявил значимую корреляционную связь между данными вербальных, визуальных текстов и данными физического эксперимента ($r=0,78$, $p<0,001$ между замерами временных реакций по осям тела в визуальных текстах и в физическом пространстве; $r=0,94$, $p<0,001$ между замерами временных реакций по осям тела в вербальных текстах и в физическом пространстве), следуя из этого, констатируем, что тексты с 2 героями действительно демонстрируют проблему перспективных задач, и методический материал соответствует целям исследования.

Также было установлено, что понимание Модели психического коррелирует с использованием аллоцентрической системы отсчета в текстах и в физическом эксперименте (связь ответов по тесту Т.Л. Т.Хатчинс с визуальными текстами $r=0,49$, $p=0,004$; с вербальными текстами $r=0,44$, $p=0,01$; с физическим экспериментом $r=0,5$, $p=0,003$).

Полученные результаты свидетельствуют об общих закономерностях формирования восприятия пространственных систем отсчета и моделей психического мира своего и другого человека. Способность детей понимать визуально-пространственную перспективу 2 уровня связано с умением удерживать аллоцентрическую систему отсчета при конфликте позиций.

1. Böckler A., Knoblich G., Sebanz N. Giving a helping hand: effects of joint attention on mental rotation of body parts // *Experimental Brain Research*. – 2011. – 211. – P. 531–545.
2. Bryant D., Tversky B., Franklin N. Internal and external spatial frameworks for representing described scenes // *Journal of Memory and Language*. – 1992. – 31. – P. 74–98.
3. Dumontheil I., Apperly I.A., Blakemore S.-J. Online usage of theory of mind continues to develop in late adolescence // *Developmental Science*. – 2010. – 13(2). – P. 331–338.
4. Nardini M. et al. A viewpoint-independent process for spatial reorientation // *Cognition*. – 2009. – 112. – P. 241–248.

Некогнитивные предикторы профиля школьной вовлеченности учащихся средней школы

Школьная вовлеченность, осознанная саморегуляция, индивидуально-типологический подход, школьники

Школьная вовлеченность является одним из важнейших факторов достижения позитивных учебных результатов, что делает проблему ее изучения крайне актуальной [3; 4]. В последние годы в исследованиях вовлеченности наблюдается тенденция к изучению проявлений выявленных ранее общих закономерностей особенностей обучающихся на индивидуально-типологическом уровне [2]. Целью данного исследования выступил анализ некогнитивных предикторов профиля школьной вовлеченности обучающихся в 6-8 классе. Выборку исследования составили 80 учеников общеобразовательных школ, обследованных в 6-м, 7-м и 8-м классах (трехлетний лонгитюд). Методики исследования: «Многомерная шкала школьной вовлеченности» (русскоязычная адаптация Т.Г. Фомина, В.И. Моросанова), опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции учебной деятельности (ССУД-М 52)», опросник «Большая пятерка – детский вариант» (русскоязычная адаптация С.Б. Малых и др.), опросник «Шкала академической мотивации школьников (ШАМ-Ш)» (Т.О. Гордеева и др.), методика «Отношение к учению в средних и старших классах школы» (А.Д. Андреева, А.М. Прихожан). В результате при помощи метода анализа латентных профилей (latent profile analysis) выявлены два профиля, стабильно воспроизводящиеся на всех трех точках лонгитюда: с низкой выраженностью всех компонентов вовлеченности ($N = 30-47$), и с их высокой выраженностью ($N = 33-50$). При помощи логистических регрессионных моделей проанализированы регуляторные и личностные предикторы принадлежности к группе с «высоким» профилем вовлеченности на каждой точке лонгитюда. Обнаружено, что в 6 классе значимыми предикторами принадлежности обучающегося к профилю с высокой вовлеченностью являются экстраверсия ($B = 0,07$, Odds ratio (OR) = 1,07, $p = 0,04$) и познавательная мотивация ($B = 0,59$, OR = 1,80, $p = 0,05$). В 7 классе значимым предиктором также становится открытость новому опыту ($B = 0,14$, OR = 1,15, $p = 0,03$). В 8 классе принадлежность к профилю с высокой вовлеченностью связана, прежде всего, с осознанной саморегуляцией ($B = 0,25$, OR = 1,29, $p = 0,01$) и общим уровнем отношения к учению ($B = 0,08$, OR = 1,084, $p = 0,02$). Выявлено, что «высокий» профиль вовлеченности в 7 классе обеспечивается высокой открытостью новому опыту в 6 классе ($B = 0,15$, OR = 1,17, $p = 0,001$), а «высокий» профиль в 8 классе – развитой осознанной саморегуляцией ($B = 0,16$, OR = 1,17, $p = 0,001$) и высокой экстраверсией ($B = 0,14$, OR = 1,15, $p = 0,005$) в 7 классе. Полученные результаты соотносятся с исследованиями индивидуально-типологических профилей школьной вовлеченности [1], а также с данными, полученными на выборках обучающихся в средней школе, о взаимосвязи высокой школьной вовлеченности с регуляторными и личностными особенностями школьников [4]. Дальнейшие исследования могут быть связаны с проверкой выявленных закономерностей на более многочисленных лонгитюдных выборках, а также исследованием динамики индивидуально-типологических траекторий на разных ступенях школьного обучения.

1. Потанина А.М., Цыганов И.Ю., Моросанова В.И. Типологические особенности ресурсов успеваемости обучающихся в зависимости от профиля школьной вовлеченности в разные периоды обучения // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 4 (52). – С. 188–205.
2. Fredricks J.A., Ye F., Wang M.-T., Brauer S. Profiles of school disengagement: Not all disengaged students are alike// Handbook of student engagement interventions / Ed. by J.A. Fredricks, A.L. Reschly, S.L. Christenson. Academic Press, 2019. – P. 31–43.
3. Lei H., Cui Y., Zhou W. Relationships between student engagement and academic achievement: A meta-analysis// Social Behavior and Personality: an international journal. – 2018. – Vol. 46, No. 3. – P. 517–528.
4. Morosanova V.I., Bondarenko I.N., Fomina T.G. Conscious Self-regulation, Motivational Factors, and Personality Traits as Predictors of Students' Academic Performance: A Linear Empirical Model// Psychology in Russia. – 2022. – Vol. 15, No. 4. – P. 170–187.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект №20-18-00470 «Саморегуляция и школьная вовлеченность как психологические ресурсы академической успешности: лонгитюдное исследование».

Роль родительских практик для сдерживающего контроля дошкольников в контексте воспринимаемого детьми стресса

Исследования развития детей дошкольного возраста включают изучение особенностей развития исполнительских функций: рабочей памяти, когнитивной гибкости и тормозного контроля. Моторный контроль – компонент тормозного контроля, обеспечивает «горячую» регуляцию [1] и включает два компонента: моторное торможение – подавление одного движения в пользу другого, и телесный сдерживающий контроль – поддержание намеренного движения [3]. В настоящее время практически отсутствуют данные о связи регуляторных функций (сдерживающего контроля) и уровня стресса дошкольников. Поскольку родительское поведение, проявляющееся в виде отдельных практик, является значимым фактором как для регуляторных функций [4], так и для уровня стресса дошкольника [2], настоящее исследование направлено на выявление вклада показателя стресса в сдерживающий контроль с учетом родительских практик.

Выборка: 194 диады «мать – дошкольник». Возраст матерей – от 23 до 48 лет ($M = 34.91$, $SD = 6.52$), 55% имеют высшее образование, 68% – полную занятость и 70% – в браке. Возраст детей – от 5 до 8 лет ($M = 6.5$, $SD = 0.37$), 49% мальчики.

Уровень сдерживающего контроля выявлен при помощи субтеста «Статуя» NEPSY-II (Veraksa et al., 2020), уровень воспринимаемого стресса – на основе структурированной беседы по Опроснику воспринимаемого стресса детей (White, 2014). Опросник родительских практик (Cumming et al., 2022) использовался для выявления показателей практик когнитивной стимуляции детей и демонстрации теплоты.

Сдерживающий контроль негативно связан с возрастом матери ($r = -0.17$, $p < 0.05$), уровнем воспринимаемого стресса ($r = -0.143$, $p < 0.05$), позитивно – с теплотой ($r = 0.214$, $p < 0.01$). В иерархическом регрессионном анализе сдерживающий контроль выступил зависимой переменной. На первом шаге ($R^2 = 4\%$, $F(2, 191) = 5.048$, $p < 0.01$) возраст матери ($b = -0.099$, $p < 0.05$) и уровень стресса ($b = -0.103$, $p < 0.05$) продемонстрировали отрицательные вклады. На втором шаге, при включении в модель родительских практик ($R^2 = 7\%$, $F(4, 189) = 4.556$, $p < 0.01$), только возраст ($b = -0.092$, $p < 0.05$) и теплота ($b = 1.747$, $p < 0.01$) стали предикторами.

По результатам, стресс значительно снижает возможность дошкольников регулировать свое поведение и продолжать намеренное действие, но, если мать демонстрирует теплоту и принятие, показатели регуляции дошкольника, скорее всего, будут выше даже в состоянии стресса. Полученные результаты соответствуют данным предыдущих исследований [5].

1. Gavrilova M.N., Chichinina E.A. & Yakushina A.A. Assessment of motor development in preschool age: A review of assessment tools // Russian Psychological Journal. – 2023. – 20(4). – P. 293–314. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.4.17>
2. Lim, Y. Parents' work-family conflict and children's behavioral problems: Mediating roles of parental warmth and children's executive function difficulties. Current Psychology // A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues. Advance online publication, 2023. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04866-w>
3. Mahone E.M., Powell S.K., Loftis C.W., Goldberg M.C., Denckla M.B. & Mostofsky S.H. Motor persistence and inhibition in autism and ADHD // Journal of the International Neuropsychological Society. – 2006. – 12(5). – P. 622–631. <https://doi.org/10.1017/S1355617706060814>
4. Spruijt A.M., Dekker M.C., Ziermans T.B. & Swaab H. Attentional control and executive functioning in school-aged children: Linking self-regulation and parenting strategies // Journal of Experimental Child Psychology. – 2018. – 166. – P. 340–359. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.09.004>
5. Zhang Y., Zhang X., Zhang L. & Guo C. Executive Function and Resilience as Mediators of Adolescents' Perceived Stressful Life Events and School Adjustment // Frontiers in psychology. – 2019. – 10. – P. 446. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00446>

Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом, проект № 23-78-30005.

Взаимосвязь личностных проектов и смысложизненных ориентаций в юности

Личностный проект, молодость, цели в жизни, смысложизненные ориентации

Динамика быстро меняющихся общественных процессов жизни, резкое возникновение кризисных ситуаций, требующих от молодых людей быстрого принятия решений – все это определяет интерес к изучению личностных проектов (ЛП), которые способствуют личному самоопределению в юности. В связи с этим, нарастает востребованность способности человека создавать свои личностные проекты – набор личностных действий, помогающий человеку достичь желаемого успеха в жизни [3], подчеркивая его аутентичность.

Основные подходы в исследовании ЛП содержатся в работах зарубежных исследователей [3], где ЛП рассмотрен как особое субъектное образование, характеризующееся протяженностью во времени и охватом всевозможных моментов жизни. В отечественной психологии рассматривается проектная деятельность, которая в юношеском возрасте направлена на решение конкретных задач в виде конечного продукта, который можно применить в профессиональной деятельности [1].

Мы полагаем, что особое место в процессе самоопределения в юношеском возрасте занимают ЛП, которые помогают видеть перспективу своей будущей жизни и способствуют реализации намеченных планов, помогая личности осознать социальный опыт и свои возможности.

Цель исследования: изучить взаимосвязи личностных проектов со смысложизненными ориентациями в юности. Выборку составили данные, полученные от 119 молодых людей от 15 до 17 лет.

Методики исследования: методика Б.Р. Литтла «Анализ личностных проектов» в авторской адаптации [2] и тест СЖО. При обработке данных использован корреляционный анализ (с использованием рангового коэффициента Спирмена).

Корреляционный анализ показателей ЛП со шкалами стандартной методики (тест СЖО, Д.А. Леонтьев), в которой отражаются показатели осознания целей и смысла собственной жизни, показал ряд значимых взаимодействий. Выявлена положительная связь между показателем ЛП «Взгляд других» с показателем СЖО «Локус контроля – Я» (показатель +0,186, при $p \leq 0,05$). Связь между показателем ЛП «Вероятность успеха» с показателями СЖО: «Процесс жизни» (показатель +0,289, при $p \leq 0,05$), «Локус контроля – Я» (показатель +0,367, при $p \leq 0,01$). А также отрицательная связь между показателем ЛП «Трудность» с показателем СЖО «Локус контроля - Я» (показатель –0,264, при $p \leq 0,01$) и между показателем ЛП «Видимость» с показателем СЖО «Цели в жизни» (показатель –0,209, при $p \leq 0,05$). Молодым людям, которые не чувствуют достаточной свободы выбора в построении своей жизни в соответствии со своими целями и задачами, не задумываются о завтрашнем дне, строят планы на краткосрочную перспективу, их личностные проекты кажутся им трудновыполнимыми и они стараются делиться ими с другими. Чувствующие свою внутреннюю силу, обладающие свободой выбора, видящие жизнь эмоционально-насыщенной, интересной, наполненной смыслом, в вероятности успеха своих проектов не сомневаются, но с поддержкой родных и близких.

Таким образом, можно говорить, что для молодых людей от 15 до 17 лет, когда только появляются планы на будущее и проявляется осознанная установка построения собственной жизни, личностные проекты могут стать той движущей силой, которая охватывает всю сферу личного самоопределения, но с поддержкой социальных институтов, так как их проекты вызывают затруднения в реализации.

1. Клементьева М.В. Рефлексия образовательных проектов современных студентов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – 11(4). – С. 117–124. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-117-124
2. Рязанцева Е.Ю. Психометрические характеристики методики оценки личностных проектов // Письма в Эмиссия.Офлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. – 2019. – №12 (декабрь). ART 2803. Объем 0.5 п.л. URL: <http://www.emissia.org/offline/2019/2803.htm>
3. Little B.R., Salmela-Aro K., Phillips S.D. Personal Project Pursuit: Goals, Action, and Human Flourishing // Lawrence Erlbaum Associates Publishers. – 2007. – 462 p.

Переживание счастья в юношеском возрасте: роль реализации личностного потенциала и отношений в семье и студенческом сообществе

Переживание счастья, привязанность к близким, семейный и студенческий социальный капитал, юношеский возраст

Переживание счастья позитивно влияет на психическое и физическое здоровье человека [4], исследователи отмечают его позитивную связь с эмоциональной устойчивостью, успешностью в разных видах деятельности [1, 4]. Поиск внешних и внутренних ресурсов, способствующих переживанию счастья связан с изучением детерминант переживания счастья. Учеными широко исследуются как внешние причины (социально-демографические, культурные, социально-экономические и социально-политические) так и индивидуально-психологические особенности, способствующие ощущению счастья (самооценка и самоактуализация личности, факторы Большой пятерки, переживание одиночества, ценности). Отмечается связь переживания счастья с самореализацией и самоактуализацией [3]. В исследованиях последних лет указывается на позитивную связь переживания счастья с оценкой отношений с окружающими людьми [1, 2] и наличием прочных и полезных социальных связей с окружающими людьми и группами, называемых социальным капиталом [5].

Целью нашего исследования стало изучение роли привязанности к разным объектам, семейного и студенческого социального капитала, реализации своего личностного потенциала в переживании счастья в юношеском возрасте.

Были поставлены следующие исследовательские вопросы:

- 1) Каков вклад качества привязанности к родителям и сверстникам, социального капитала (студенческого и семейного), реализованного личностного потенциала и в частности, осмысленности жизни, в детерминацию переживания счастья студентами?
- 2) Существуют ли, помимо прямых связей, не прямые зависимости между субъективным благополучием и социальными связями юношей и девушек?

Участники исследования: 100 студентов младших курсов вузов Барнаула и Владимира в возрасте 17–25 лет ($M = 20.16$; $SD = 1.58$), из них: 78% – девушки и 22% – юноши.

Использовались опросники «Оксфордский опросник счастья» (Argyle, Martin, Crossland) в адаптации Нехорошевой И.В., «Опыт близких отношений – Структуры привязанности» (Fraley) в адаптации Сабельниковой Н.В., Каширского Д.В., «Опросник семейного социального капитала» (Álvarez, et al.), «Ресурсный генератор» (Van der Gaag & Snijders), «Опросник студенческого социального капитала» (Pavia et al.), «Шкала психологического благополучия» (Ryff) в адаптации Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко.

Статистическая обработка осуществлялась с использованием программы JASP 0.17.2.1. Для статистической обработки данных применялся корреляционный анализ (по К. Пирсону) и регрессионный анализ пошаговым методом forward.

Согласно полученным данным, переживание счастья в юношеском возрасте позитивно детерминировано реализацией личностного потенциала и студенческим социальным капиталом, негативно – избеганием близких отношений с мамой, папой и другом. Отмечено, что у юношей и девушек, несмотря на возрастной переход функций объекта привязанности от взрослого к сверстнику, наибольшую роль в переживании счастья играет привязанность к матери, а не к сверстнику. Наряду с избеганием отношений привязанности с матерью ($p < 0.001$), негативное значение для переживания себя счастливым имеют и конфликтные взаимоотношения в семье ($p < 0.001$). Согласно ожиданиям, переживание счастья в юношеском возрасте в большой мере обусловлено отношениями взаимопомощи в студенческом сообществе ($p < 0.028$). Частота общения с членами семьи и сверстниками, доверие в среде одногруппников и сплоченность семьи, вопреки ожиданиям, критичного значения для переживания счастья не имела.

Выявлено не прямое влияние семейных социальных связей (семейного социального капитала) на субъективное благополучие респондентов, опосредованное реализацией ими своего личностного потенциала.

1. Головей Л.А., Данилова М.В. Семейные факторы формирования доверия и удовлетворенность жизнью в подростковом возрасте // Вестник СПбГУ. Социология. – 2015. – № 1.
2. Головей Л.А., Данилова М.В., Данилова Ю.Ю. Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми как факторы удовлетворенности жизнью у подростков // Социальная психология и общество. – 2017. – № 1. – С. 108–125.
3. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 14–37.
4. Diener E. & Chan M.Y. Happy people live longer: Subjective well-being contributes to health and longevity // Applied Psychology: Health and Well-Being. – 2011. – 3(1). – P. 1–43.
5. Lau M. & Li W. The extent of family and school social capital promoting positive subjective well-being among primary school children in Shenzhen // Children and Youth Services Review. – 2011. – 33(9). – P. 1573–1582.

Мировоззренческая активность у читателей литературы жанра фэнтези в период юности

Юношеский возраст, мировоззрение, мировоззренческая активность, субкультура, фэнтези

Мировоззрение личности определяет направленность личности, отношения с другими людьми, особенности поведения и действий людей, опирается на опыт человека, всегда лично (Т. Ойзерман, Д.А. Леонтьев, Л.С. Мясникова). Мировоззренческая активность, по Д.А. Леонтьеву и А.Н. Ильченко, это индивидуальная диспозиция, проявляющаяся в большей или меньшей активности сознания в построении индивидуальной картины мира, выражающаяся через стратегии действий человека при столкновении с противоречащими друг другу элементами опыта.

Юношеский возраст характеризуется качественным скачком в формировании смыслов и мировоззрения (Л.С. Выготский).

Цель: изучить особенности мировоззренческой активности юношей в связи с мировоззренческими установками личности, понимаемыми нами, как осознанность жизни и базовые убеждения личности.

Мы предположили, что в юности

- 1) Мировоззренческие установки выступают условием становления мировоззренческой активности.
- 2) Мировоззренческая активность связана с предпочтением жанра фэнтези.

Выборка: 106 респондентов, М/Ф = 37.7/62.3, возраст от 17 до 28 лет. Данные собраны с помощью гугл-формы, в рамках курсовой работы Д.С. Закревской (МГУ, 2021), выполненной под руководством автора.

Методики: 1. Анкета; 2. Методика «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева (1992); 3. Шкала базисных убеждений (ШБУ) Р. Янофф-Бульмана в модификации М.А. Падун и А.В. Котельниковой (2008); 4. Методика мировоззренческой активности Д.А. Леонтьев, А.Н. Ильченко (2007); 5. Авторская модификация методики «Незаконченные предложения» (НП).

Основные результаты.

Изучение мировоззренческой активности показало, что наиболее представлена «мировоззренческая одномерность» (от 50,0 до 74,5%), реже встречаются ответы типа «мировоззренческая инициатива» и «мировоззренческая многомерность». Выявлены гендерные различия мировоззренческой активности респондентов: для мужской части выборки характернее мировоззренческая инициатива, для женской – мировоззренческая многомерность.

На основании ответов на вопросы Анкеты и методики НП мы разделили респондентов на три группы по критерию отношения к жанру фэнтези, условно названные нами «Фанаты» (20,8%), «Любители» (50,3%), «Индифферентные» (25,5 %).

В группе «фанаты» ответы типа «мировоззренческая инициатива» и «мировоззренческая многомерность», в среднем, встречаются чаще, чем в двух других группах. Человек с таким мировоззрением – «мировоззренческая многомерность», – имеет более широкий взгляд на мир, допускает, что в мире присутствуют скрытые измерения. У людей с высшим типом МАкт – «мировоззренческая инициатива», – отчетливо выражено стремление к изменениям, толерантность к неопределенности и ощущение осмысленности своей жизни.

Методом кластерного анализа, на основании шкал опросников СЖО и ШБУ, выделены две группы респондентов, чьи мировоззренческие установки имеют значимые различия. Первая группа (58,5 %) имеет значимо более высокие показатели по всем шкалам, и названа нами «целестремленные оптимисты». Вторая группа (41,5%) имеет более низкие показатели осмысленности жизни и убежденности в предсказуемости и доброжелательности мира – «осторожные».

Сравнение показателей мировоззренческой активности подтвердило нашу гипотезу. В группе «целестремленные оптимисты» ответы типа «мировоззренческая инициатива» встречаются чаще, что характеризует респондентов, как людей, стремящихся к переменам, обладающих выраженной терпимостью к неопределенности и обладающих чувством осмысленности жизни. Ответы типа «мировоззренческая одномерность», которые более представлены во второй группе, могут указывать на мировоззренческую пассивность личности, выражающуюся в не критичном принятии чужого мнения.

Выводы.

1. Выявлена вариативность мировоззренческой активности в период юности, значительными являются гендерные отличия.

2. Предпочтение жанра фэнтези выступает фактором формирования мировоззренческой активности.

3. Гипотеза о связи мировоззренческой активности и мировоззренческих установок в период юности подтвердилась.

Особенности эмоциональной сферы подростков, имеющих созависимых матерей

Созависимость, алекситимия, аутоагрессия, подростковый возраст

В данной работе было проведено изучение особенностей эмоциональной сферы подростков, матери которых имеют высокий уровень созависимости, в частности, уровень проявления алекситимии, самооценки и аутоагрессии. Также были изучены отдельные характеристики их матерей, а именно: уровень враждебности, аутоагрессии и особенности субъективного восприятия отношений с ребенком. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 10 до 16 лет включительно и их матери: 20 мальчиков (юношей) и 19 девочек (девушек), средний возраст 14 лет; а также 40 матерей возрастом от 33 до 54 лет, средний возраст 44 года. Всего в исследовании приняли участие 79 человек. В работе исследовались: уровень созависимости матерей (методика «Шкала созависимости Фишера-Спанна»); аутоагрессия матерей и подростков (методика «Ауто- и гетероагрессия» Е.П. Ильина), враждебность матерей (методика «Шкала враждебности Кука-Медлей»), удовлетворенность отношениями с подростком (анкета самооценочных шкал удовлетворенности отношениями мать-подросток), алекситимия подростков (методика «Торонтская шкала алекситимии TAS-20), самооценка подростков (методика «Шкала самооценки Розенберга»). Математико-статистическая обработка данных была проведена при помощи сравнительного и корреляционного анализа с использованием программ Microsoft Excel и SPSS Statistics 14.0

Актуальность исследования. Созависимость как психологическая проблема является частой причиной обращения за консультативной помощью. Хотя некоторая зависимость от других людей является естественным процессом, удовлетворяя потребности человека и имея тенденцию к росту по мере повышения значимости и эмоционального уровня межличностного взаимодействия, разные личностные психологические особенности в таких коммуникациях приводят к разным стилям взаимодействия, характерным для отдельного человека. И если часть людей способна сохранять свою внутреннюю целостность, ценности и свою картину мира при длительном межличностном взаимодействии, то другие склонны попадать под влияние партнера, попадая от него в эмоциональную зависимость [1–3]. Такую зависимость от значимого партнера можно определить как созависимость или созависимую модель поведения в межличностных отношениях [4,5].

Созависимость является сценарным процессом, то есть такая модель поведения чаще всего усваивается ребенком в раннем возрасте и затем переносится во взрослую жизнь [4]. Соответствующие паттерны поведения часто заметны уже в детском и подростковом возрасте. В то же время психика ребенка и подростка еще достаточно пластична для изменений и получения нового опыта, в том числе поведенческого. Данная работа направлена на прояснение особенностей эмоциональной сферы детей, выросших в семье с созависимым. В различных исследованиях было показано, что характерные особенности эмоциональной сферы взаимосвязаны с уровнем созависимости, в то же время уровень сформированности таких особенностей в детском и подростковом возрасте в научной литературе и исследованиях изучался недостаточно. Исходя из этого, мы считаем тему нашей работы актуальной.

Цель исследования: Выявление связи особенностей эмоциональной сферы подростков и уровня созависимости их матерей.

Выводы проведенного эмпирического исследования:

- 1) Подростки, имеющие созависимых матерей, имеют более выраженную аутоагрессию и более низкий уровень самоуважения, чем подростки, матери которых имеют низкий уровень созависимости;
- 2) Матери подростков, имеющие высокий уровень созависимости, склонны к проявлениям враждебности и цинизма, негативной оценке эмоции в отношениях с ребенком;
- 3) Выявлены значимые корреляции между уровнем созависимости матери, аутоагрессией и самоуважением подростков, а также связи показателей алекситимии с самоуважением и аутоагрессией подростка.
- 4) Уровень созависимости матери был выделен как один из предикторов аутоагрессии и самоуважения подростка.

1. Артемцева Н. Феномен созависимости. Общее, типологическое, индивидуальное. – Litres, 2022.
2. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб.: Речь, 2008. – 368 с.
3. Москаленко В.Д. Зависимость: семейная болезнь. – М.: Пер Сэ. – 2002. – Т. 335.

4. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж. Уайнхолд. – М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 224 с
5. Beattie M. Codependent no more: How to stop controlling others and start caring for yourself. – Hazelden Publishing, 1992.

Взаимосвязи между чертами личности, пространственными способностями и пространственными интересами у подростков

Гендерные различия, большая пятерка, темная триада

Предыдущие исследования указывают на сложные связи между чертами личности и пространственными способностями (ПС). В исследованиях обнаружена связь ПС с чертами личности [1] и пространственными интересами (ПИ) [2]. В свою очередь, ПИ, самооценка ПС и склонность к исследованию пространства также обнаруживают связь с чертами личности [5]. Структура и сила этих связей, а также их этиология (механизмы появления) недостаточно изучены. Окном в этиологию этих связей могут быть гендерные различия, робастно демонстрируемые для ПС. Например, недавний мета-анализ [3] показал, что небольшое преимущество в ПС у мальчиков в детстве постепенно увеличивается к подростковому возрасту, что говорит о важных изменениях в развитии в эти годы. В частности, черты личности и интересы могут вносить вклад в разрыв в ПС между девушками и юношами. В настоящем исследовании предпринята попытка выявить взаимосвязи между ПС, ПИ и чертами личности у юношей и девушек подросткового возраста.

Подростки (N = 660, средний возраст = 15,04, станд. отклон. = 1,08; 48% девушек) выполнили 10 тестов ПС, ответили на вопросы о пространственных интересах, способе передвижения и времени на дорогу до школы, а также заполнили опросники черт личности Большой пятерки и Темной триады.

Юноши продемонстрировали более высокие пространственные способности ($t = 8,09$, $p < 0,001$, d Коэна = 0,63) и пространственные интересы ($t = 9,37$, $p < 0,001$, d Коэна = 0,74), чем девушки. Иерархические регрессии выявили ожидаемые дифференцированные ассоциации между чертами личности и ПС: открытость опыту и добросовестность объясняли 5% дисперсии в ПС у юношей, в то время как открытость опыту, экстраверсия, доброжелательность и макиавеллизм объясняли 10% дисперсии в ПС у девушек. Связанные с полом различия в эффектах согласуются с предыдущими исследованиями. Так, образование оказывало большее влияние на ПС девочек, чем мальчиков, а повседневный опыт навигации способствовал развитию ПС у мальчиков, но не у девочек [4]. Настоящее исследование дополняет эти выводы, показывая, что черты личности также сильнее связаны с ПС девушек, чем юношей. При этом предварительный анализ не обнаружил достоверных связей между чертами личности, ПИ и навигационными привычками.

В совокупности эти результаты подтверждают гипотезу о связи черт личности с выполнением когнитивных задач. Эти связи различаются в зависимости от пола: мы продемонстрировали, что личностные черты объясняют в два раза большую дисперсию у женщин, чем у мужчин. Исследование также подчеркивает, что черты личности связаны не только с общей успеваемостью и g , но и с более специфическими способностями, например, пространственными.

1. Bryant K.J. Personality correlates of sense of direction and geographic orientation. / K. J. Bryant // Journal of Personality and Social Psychology. – 1982. – Vol. 43, № 6. – P. 1318–1324.
2. Kell H.J., Lubinski D., Benbow C.P., Steiger J.H. Creativity and Technical Innovation: Spatial Ability's Unique Role / H.J. Kell, D. Lubinski, C. P. Benbow, J. H. Steiger // Psychological Science. – 2013. – Vol. 24, № 9. – P. 1831–1836.
3. Lauer J.E. The development of gender differences in spatial reasoning: A meta-analytic review. / J.E. Lauer, E. Yhang, S.F. Lourenco // Psychological Bulletin. – 2019. – Vol. 145. – The development of gender differences in spatial reasoning. – № 6. – P. 537–565.
4. Munroe R.H. Precursors of Spatial Ability: A Longitudinal Study Among the Logoli of Kenya / R.H. Munroe, R.L. Munroe, A. Brasher // The Journal of Social Psychology. – 1985. – Vol. 125. – Precursors of Spatial Ability. – № 1. – P. 23–33.
5. Pazzaglia F. Tracing a Route and Finding a Shortcut: The Working Memory, Motivational, and Personality Factors Involved / F. Pazzaglia, C. Meneghetti, L. Ronconi // Frontiers in Human Neuroscience. – 2018. – Vol. 12. – Tracing a Route and Finding a Shortcut. – P. 225.

Исследование поддержано грантом РФФ №23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости личности в ситуации изоляции».

Особенности эмоциональной социализации дошкольников в семье

Созависимость, алекситимия, аутоагрессия, подростковый возраст

В данной работе было проведено изучение особенностей эмоциональной сферы подростков, матери которых имеют высокий уровень созависимости, в частности, уровень проявления алекситимии, самооценки и аутоагрессии. Также были изучены отдельные характеристики их матерей, а именно: уровень враждебности, аутоагрессии и особенности субъективного восприятия отношений с ребенком. В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 10 до 16 лет включительно и их матери: 20 мальчиков (юношей) и 19 девочек (девушек), средний возраст 14 лет; а также 40 матерей возрастом от 33 до 54 лет, средний возраст 44 года. Всего в исследовании приняли участие 79 человек. В работе исследовались: уровень созависимости матерей (методика «Шкала Созависимости Фишера-Спанна»); аутоагрессия матерей и подростков (методика «Ауто- и гетероагрессия» Е.П. Ильина), враждебность матерей (методика «Шкала враждебности Кука-Медлей»), удовлетворенность отношениями с подростком (анкета самооценочных шкал удовлетворенности отношениями мать-подросток), алекситимия подростков (методика «Торонтская шкала алекситимии TAS-20), самооценка подростков (методика «Шкала самооценки Розенберга»). Математико-статистическая обработка данных была проведена при помощи сравнительного и корреляционного анализа с использованием программ Microsoft Excel и SPSS Statistics 14.0

Актуальность исследования. Созависимость как психологическая проблема является частой причиной обращения за консультативной помощью. Хотя некоторая зависимость от других людей является естественным процессом, удовлетворяя потребности человека и имея тенденцию к росту по мере повышения значимости и эмоционального уровня межличностного взаимодействия, разные личностные психологические особенности в таких коммуникациях приводят к разным стилям взаимодействия, характерным для отдельного человека. И если часть людей способна сохранять свою внутреннюю целостность, ценности и свою картину мира при длительном межличностном взаимодействии, то другие склонны попадать под влияние партнера, попадая от него в эмоциональную зависимость [1–3]. Такую зависимость от значимого партнера можно определить как созависимость или созависимую модель поведения в межличностных отношениях [4, 5].

Созависимость является сценарным процессом, то есть такая модель поведения чаще всего усваивается ребенком в раннем возрасте и затем переносится во взрослую жизнь [4]. Соответствующие паттерны поведения часто заметны уже в детском и подростковом возрасте. В то же время, психика ребенка и подростка еще достаточно пластична для изменений и получения нового опыта, в том числе поведенческого. Данная работа направлена на прояснение особенностей эмоциональной сферы детей, выросших в семье с созависимым. В различных исследованиях было показано, что характерные особенности эмоциональной сферы взаимосвязаны с уровнем созависимости, в то же время уровень сформированности таких особенностей в детском и подростковом возрасте в научной литературе и исследованиях изучался недостаточно. Исходя из этого, мы считаем тему нашей работы актуальной.

Цель исследования: Выявление связи особенностей эмоциональной сферы подростков и уровня созависимости их матерей.

Выводы проведенного эмпирического исследования:

- 1) Подростки, имеющие созависимых матерей, имеют более выраженную аутоагрессию и более низкий уровень самоуважения, чем подростки, матери которых имеют низкий уровень созависимости;
- 2) Матери подростков, имеющие высокий уровень созависимости, склонны к проявлениям враждебности и цинизма, негативной оценке эмоции в отношениях с ребенком;
- 3) Выявлены значимые корреляции между уровнем созависимости матери, аутоагрессией и самоуважением подростков, а также связи показателей алекситимии с самоуважением и аутоагрессией подростка.
- 4) Уровень созависимости матери был выделен как один из предикторов аутоагрессии и самоуважения подростка.

Психосемантический анализ понятия мотивационный потенциал спортсмена

Мотивационный потенциал, самоуважение, самодетерминация, самоизменение

Введение. Теоретическим и практическим аспектам спортивной мотивации посвящены исследования отечественных и зарубежных психологов Г.Д. Горбунова [2], Е.П. Ильина [3], Ю.Ю. Палаймы [4], Р.А. Пилюяна [5] и др.

Сложная структура спортивной мотивации обусловлена пониманием противоречивого сочетания негативной и позитивной мотивации, особенно усиливающейся во время соревнования. Следовательно, на практике негативные и позитивные мотивационные параметры психики спортсмена будут преобразовываться в главный мотивационный фактор и определять мотивационный потенциал спортсмена (МПС), который и определит его успех на соревновании. Позитивную стратегию мотивационного противоборства мы рассматриваем как специфическую характеристику спортсмена, заключающуюся в способности переносить, сублимировать, трансгрессировать и преобразовывать данное мотивационное противостояние в личностный рост, в спортивный результат и личностное развитие спортсмена. Естественно возникают вопросы, связанные с раскрытием содержания понятия МПС, его структурно-динамических аспектов, функций и особенностей.

Методы и организация исследования. В исследовании приняли участие спортсмены-студенты НГУ им. П.Ф. Лесгафта. Выборка испытуемых включала 83 человека из числа студентов-спортсменов НГУ им. П.Ф. Лесгафта. Из них женщин – 45 чел., мужчин – 33 чел. Средний стаж спортивных занятий у испытуемых составил 11,1 года. По спортивной квалификации: МС – 30 чел., КМС – 44 чел., 1 разряд – 58 чел. Возраст испытуемых: 19 лет – 21 чел., 20 лет – 28 чел., 21 год – 47 чел., 22 года – 18 чел. В выборке были представители 12 видов спорта – гимнастические, легкоатлетические, спортивные игры, плавание и другие.

Цель и задачи исследования заключались в определении роли мотивационного потенциала спортсменов в процессе их психологической подготовки, в психологическом анализе проблемы мотивации по литературным источникам, в психосемантический анализ понятия мотивационный потенциал спортсмена и в разработке программы социально-психологического тренинга: «Мотивационный потенциал спортсмена».

Для решения поставленной задачи использовался психосемантический анализ эмпирических данных [1, с. 35]. Мы использовали технику контент-анализа при анализе текстового материала высказываний испытуемых в отношении «мотивационного потенциала спортсмена» (МПС). Феноменологический анализ концепта МПС осуществлялся в несколько этапов:

На первом этапе проводился сбор простых, «наивных» описаний всеми респондентами (спортсмены различных специализаций), их ответов на вопрос: «Я считаю, что мотивационный потенциал спортсмена – это ... в анкете: «Мотивационный потенциал спортсмена», которые были переписаны и представлены в табличном виде. На втором этапе полученный эмпирический материал описаний МПС был подвергнут частотному анализу (подсчитаны проценты, которые отражают частоту повторяющихся высказываний спортсменов) и сгруппирован так, как это обычно делается в контент-анализе. Выделены смысловые блоки и заполнены таблицы. Осуществлен синтез различных психологических значений понятия МПС и найдено точное описание понятия МПС.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа были выделены следующие четыре лексико-семантических поля, репрезентирующие понятие МПС в структуре всей выборки:

1. «Мотивационный потенциал (МП): структурно-динамический аспект»: (42,3%) представляет мотивационный потенциал как мотивация, желание, цель (27,8%), как пик, установка, уровень, степень, сила, заряд мотивации (11,3%), как уровень готовности (3,1%).

2. «Мотивационный потенциал в структуре личности и деятельности» (22,7%) включает: МП как совокупность личностных качеств (11,3%) и как показатель спортивной деятельности спортсмена (11,3%).

3. «Мотивационный потенциал как самомотивация»: (21,6%) характеризует МП как мотивация самого себя (13,4%) и как сила духа спортсмена (8,2%).

4. «Мотивационный потенциал как способность»: (21,6%) определяет МП как показатель способностей и возможностей (9,3%) и как предел способностей (4,1%).

Заключение. Мотивационный потенциал спортсмена (МПС) – это основа спортивной деятельности, которая включает совокупность мотивов, желаний, целей, имеющих определенный потенциал (заряд, степень, сила, уровень, пик), характеризует готовность спортсмена к работе, к физическим нагрузкам, к соревнованиям, касается личности и деятельности спортсмена, подчеркивает его самодетерминирующую сущность и является показателем способностей и возможностей спортсмена.

1. Андреев В. В. Спортивная надежность как психологическое понятие по результатам контент-анализа / Вит. В. Андреев, Вл. В. Андреев, Е.А. Гурвич, Г. В. Сытник // XIX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Рудиковские чтения-2023» (21 апреля 2023 г.) / Под общ. ред. Ю.В. Байковского. – М.: РГУФКСМиТ, 2023. – 258 с.; С. 35–39.
2. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта: учебное пособие / Г.Д. Горбунов. – М.: Советский спорт, 2012. – 312 с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин – СПб.: Питер, 2004. – 509 с.
4. Палайма Ю.Ю. Мотивы спортивной деятельности / Ю.Ю. Палайма // Теория и практика физической культуры. – 1966. – № 8. – С. 25–28.
5. Пилоян Р.А. Мотивация спортивной деятельности / Р.А. Пилоян. – М.: Физкультура и спорт, 1984. – 216 с.

Образ спортивного психолога в системе представлений спортсменов

Спортивный психолог, психологическая помощь

Введение. Изучение деятельности спортивных психологов позволяет понять, какие проблемы могут решать спортивные психологи, какими личностными качествами они должны обладать и какими техниками, методами и средствами воздействия на личность спортсмена они должны владеть. Деятельность спортивного психолога тесно связана с владением методами психической регуляции, с психотерапевтическими техниками, методами психодиагностики и тренировки и в нашей работе мы попытались выявить и изучить различные аспекты в деятельности спортивного психолога [3].

Естественно возникают вопросы, связанные с раскрытием нового содержания в деятельности спортивных психологов, выделением их личностных характеристик. Кроме того, психологическая характеристика спортивных психологов позволяет классифицировать виды психологической помощи спортсменам с учетом спортивной специализации и уровня спортивного мастерства спортсмена [2].

Методы и организация исследования. В исследовании приняли участие студенты-спортсмены НГУ им. П.Ф. Лесгафта. Общая выборка испытуемых включала 54 спортсмена. Из них в тестировании участвовало 45 женщин и 9 мужчин. Средний стаж спортивных занятий у испытуемых составил 11,7 года. По спортивной квалификации: МС – 3 чел., КМС – 27 чел., 1 разряд – 14 чел., б/р – 9 чел. Возраст испытуемых: от 18 до 25 лет. Для решения поставленной задачи использовался психосемантический анализ эмпирических данных [1, с. 35].

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам контент-анализа ретроспективные анкетные данные были систематизированы и переведены в психологические понятия, подсчитана частота повторных высказываний спортсменов [1].

Заключение.

1. В результате контент-анализа получено следующее определение: «Спортивный психолог» – это специалист, который работает и помогает спортсмену, изучает личностные и психологические особенности спортсмена и владеет различными методами и формами работы со спортсменами.

2. Исходя из контент-анализа, можно выделить главные проблемы, которые встречаются в деятельности спортивных психологов, а именно: индивидуальность спортсменов, к каждому нужен собственный подход; негативное отношение со стороны спортсменов к спортивному психологу; умение правильно выстроить процесс психологической подготовки для достижения результата; вовремя и грамотно оказать помощь и поддержку спортсмену; учитывать недоверие со стороны спортсменов к спортивному психологу; повышать уровень подготовки спортивных психологов.

1. Андреев В. В. Спортивная надежность как психологическое понятие по результатам контент-анализа / Вит. В. Андреев, Вл.В. Андреев, Е.А. Гурвич, Г. В. Сытник // XIX Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Рудиковские чтения-2023» (21 апреля 2023 г.) / Под общ. ред. Ю.В. Байковского. – М.: РГУФКСМиТ, 2023. – 258 с.; С. 35–39.
2. Горбунов Г.Д. Психопедагогика спорта: учебное пособие / Г.Д. Горбунов. – М.: Советский спорт, 2012. – 312 с.
3. Горбунов Г.Д. Практический психолог в спорте / Г.Д. Горбунов // Спортивная психология в трудах отечественных специалистов / Сост. и общ. ред. И.П. Волкова. – СПб.: Питер, 2002. – С. 260–268

Возрастные особенности совмещения социальных ролей в спорте

Социально-ролевой подход, соревнования, спортивная карьера

В соревновательной деятельности, согласно законодательству [1], ключевые роли принадлежат спортсменам, тренерам и судьям. При этом спортсмены часто сталкиваются с трудностями социализации после завершения своей спортивной карьеры, так как их самоидентичность больше не соответствует новой реальности без соревнований. Соответственно, актуальной становится тема вариантов совмещения социальных ролей для спортсменов.

Перспективным направлением исследований в России является изучение профессионального становления спортсменов, а именно их выбор между линейным и двойным развитием карьеры [3]. Спорт выступает как социальный институт, с различными социальными ролями [2]. Это указывает на то, что через совмещение нескольких социальных ролей в спорте можно найти решение проблемы профессионального самоопределения спортсменов.

Для изучения социально-ролевого взаимодействия между участниками спортивных мероприятий мы разработали авторскую анкету «Роли в спорте». Участникам было предложено выбрать от одного до четырёх вариантов ответа на вопрос: «Ваша роль в спорте?» Среди возможных вариантов были следующие: спортсмен, тренер, судья, организатор. Помимо этого, участники анонимно указывали свой пол, возраст, спортивную квалификацию и количество участий в соревнованиях в год.

Опрос проходил удалённо через сервис «Яндекс-формы». Полученные результаты обрабатывались в программах SPSS Statistics 26 и Microsoft Excel с использованием описательной статистики.

В результате проведенного анкетирования, 317 респондентов выбрали роль «спортсмен» или «спортсмен/тренер/судья/организатор». Всего было обнаружено 8 вариантов групп. Возраст участников варьировался от 7 до 74 лет, средний 24,4 года, со стандартным отклонением 11,3 года.

Среди них 78% опрошенных выбрали роль спортсмен как единственную на данный момент времени. Результаты анализа возрастных характеристик позволили выявить, что в данной группе наименьший средний возраст 22,3 года по сравнению с другими группами, что в целом соответствует общепринятым представлениям о начале активной спортивной карьеры в более юном возрасте.

Респонденты групп, включающих совмещение нескольких социальных ролей, характеризуются более высоким средним возрастом. Например, в категории респондентов, выбравших роль: «Спортсмен, тренер, судья и организатор» (3%) средний возраст составил 40,9 года.

Наименьшее количество респондентов выбрали несколько ролей, таких как «спортсмены и организатор» (1%) и «Спортсмен, тренер и организатор» (1%).

Респонденты, совмещающие несколько ролей, как правило, старше, что может свидетельствовать о накопленном опыте и осознанном переходе от одной социальной роли к другой в течение времени.

Данные результаты помогают лучше понять возрастные характеристики участников спортивной деятельности в зависимости от их текущих социальных ролей, что может быть полезно для разработки более целенаправленных программ поддержки, обучения и развития в спортивной сфере.

Социально-ролевое взаимодействие в спорте представляет собой актуальное и перспективное направление исследований, которое может принести значительный вклад в развитие спортивной психологии, поможет самоопределению спортсменов на различных жизненных этапах, в особенности связанных с кризисом завершения спортивной карьеры и последующего профессионального выбора.

Результаты исследования указывают на значимость множественности социальных ролей в спорте для профессионального самоопределения спортсменов в различных возрастных периодах. Также, анализ этих ролей позволит выявить новые более экологичные пути преодоления кризисного этапа завершения спортивной карьеры для спортсменов. Авторами запланировано и проводится дальнейшее углубленное изучение множественности социальных ролей в спорте для определения более конкретных мер поддержки спортсменов.

1. Федеральный закон от 04.12.07 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 20.05.2024).
2. Кочерьян М.А., Зверев А.И., & Рыскин П.П. Спорт как социальный институт, формирующий профессионалов: специфика социологического подхода // Управленец. – 2017. – 1 (41). – С. 64–67.
3. Хвацкая Е.Е., & Ильина Н.Л. Перспективы исследования «двойной карьеры» в отечественной психологии спорта RESEARCH PERSPECTIVES OF «DUAL» CAREER IN DOMESTIC PSYCHOLOGY OF SPORTS. In Рудиковские чтения: материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта (11–12 мая 2017 г.) / Под общ. ред. Ю.В. Байковского, А.В. Воцинина. – М.: РГУФКСМиТ, 2017. – 502 с. (р. 79).

Аутентичность как возможный ресурс успешной реабилитации травмированного спортсмена

Аутентичность, реабилитация, спорт, травма

Травмы опорно-двигательного аппарата обладают потенциалом изменения, вплоть до окончания, профессиональной траектории, и в психологии спорта оцениваются как значимые кризисы [3]. Неопределенность исхода восстановления, страх, гнев, боль и астенизация часто приводят спортсменов к апатии, демотивации, депрессии. Но параллельно с дистрессом есть вероятность внутреннего роста, вызванного спортивной травмой [3]. Спортсмен более осознанно относится к реабилитации, а потом к тренировкам, раскрывает в себе потенциал достижений, развивает чуткость к своему здоровью и состояниям. Открытие новых возможностей, пересмотр приоритетов, повышение силы личности, духовное развитие – эти компоненты посттравматического роста опираются на ресурсы успешного преодоления стресса, причем внутренние ресурсы изучены фрагментарно, их уточнение с дальнейшей систематизацией является актуальной проблемой в психологии спорта.

Было проведено пилотное исследование, метод: структурированное интервью [1], выборка: 10 профессиональных спортсменов (9 мужчин, Мвозр = 33, баскетбол, хоккей, санный спорт, фристайл), вернувшихся в спорт после тяжелой травмы (разрывы, переломы, ЧМТ и др.).

Все респонденты отмечают положительные изменения, которые можно интерпретировать как рост, вызванный спортивной травмой: 1) профессиональное развитие и построение двойной карьеры («Во время восстановления я много и упорно учился, познавал новое, открывал для себя новые возможности»); 2) зрелость («Немножечко по-другому на всё взглянул, раньше дисциплины не хватало, и вот рутина реабилитации каждый день, напоминание того, что это тебе надо всё делать, воспитало во мне правильную дисциплину»); 3) ментальная прочность («Пришло понимание того, что многие вещи, которые казались проблемами, на самом деле просто ерунда, я легче стал относиться к трудностям»); 4) повышение ценности отношений («Я стал еще больше ценить близких»); 5) мотивация и целеустремленность («Когда ты видишь, как ты преодолеваешь дорогу к поставленным целям, у тебя появляется мотивация, запал, ты видишь свой прогресс, и удается преодолевать этапы реабилитации»).

Внутренние ресурсы, которые спортсмены отметили, наполняют 6 основных категорий: 1) сила воли («Внутренний стержень, характер, который не позволил мне сломаться и постоянно гнал вперед и заставлял делать больше, чем нужно для восстановления»); 2) ответственность («Меня постегивало то, что у меня есть семья и надо ее кормить, надо стараться восстановиться как можно быстрее, <...> и то, что кроме баскетбола я ничего особо не умею и если заканчивать карьеру сейчас, то будет очень тяжело»); 3) терпение («Я терпеливый человек, это терпение и помогло в ходе реабилитации»); 4) анализ («Пытался найти для себя максимально эффективный путь с минимальными рисками, с учетом ситуации: спокойное, рациональное отношение к делу»); 5) самоутверждение («Желание доказать всем, в первую очередь себе, что ты не трус»); 6) оптимизм («Надежда на то, что смогу еще кататься»).

Благополучная реабилитация – активное преодоление незнакомого прежде стресса, что осуществимо за счет пробуждения или развития аутентичности в понимании субъектного подхода: это внимание к себе, следование своим принципам и осознанное использование своих сильных сторон для ответственного построения дальнейшей жизни [2].

1. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Савинкина А.О., Довжик Л.М. Интервью в спортивной психологии: метод исследования и подготовка интервенции // Клиническая и специальная психология. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 148–167.
2. Бочавер К.А., Резниченко С.И., Бондарев Д.В. Аутентичность и ментальная прочность спортсмена: эмпирическая модель // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 172–188.
3. Довжик Л.М., Бочавер К.А. Психология спортивной травмы. – Москва: Спорт, 2020. – 264 с.

Участие Бочавера К.А. в исследовании осуществлялось при финансовой поддержке РНФ по проекту 20-18-00262 «Аутентичность личности: предикторы, проявления, приложения» <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>.

Личностная аутентичность в контексте спортивной мотивации

Аутентичность, мотивация, спорт

Феномен личностной аутентичности [3] только начинает изучаться в контексте психологии спорта. Как показали первые исследования, аутентичный – верный себе, внимательный в отношении к своим чувствам, принципам и потребностям, личностно зрелый и целостный – спортсмен превосходит других по принципиально значимым сторонам психологической подготовки, в первую очередь, в области ментальной прочности, то есть спортивно-специфической стрессоустойчивости [2]. Подлинность и верность себе достоверно помогают преодолевать трудности, но что мотивирует и отличает аутентичных спортсменов в их отношении к будущему?

В исследовании приняли участие 600 представителей различных видов спорта, все мужчины, $M_{возр} = 20$ лет, 222 КМС и 378 мастеров спорта. Мотивация оценивалась «Шкалой спортивной мотивации» Л. Пеллетье и Р. Валлеранда в авторской адаптации [1], аутентичность оценивалась Московской шкалой аутентичности С.К. Нартовой-Бочавер и соавторов [3]. Гипотеза исследования: аутентичность выступает достоверным предиктором спортивных мотивов, и ее выраженность значима для различий в мотивации профессиональных спортсменов.

Корреляционный анализ (R Спирмэна, $p < 0,05$) выявил достоверные связи Аутентичности и всего мотивационного репертуара по выборке: Внутренней мотивации – Мотива познания нового (0,35), Мотива саморазвития (0,32), Мотива удовольствия (0,29), Внешней мотивации – Мотива смещенных целей (0,22), Мотива долга (0,29), Мотива социального одобрения (0,17), а также Демотивации как стремления закончить спортивную карьеру ($-0,12$).

На основе медианного анализа выборка была разделена на 2 группы по уровню выраженности Аутентичности. Медианное значение не исключалось, пополнив группу № 2. Группа низко аутентичных ($N = 259$) и группа высоко аутентичных ($N = 341$) спортсменов, как показал анализ различий по критерию Манна-Уитни ($p < 0,05$), достоверно различалась по всем параметрам мотивации. Наиболее сильные различия найдены в степени выраженности Мотива познания нового (21,4 и 24,3), Мотива саморазвития (22,8 и 25), Мотива удовольствия (23,3 и 25,1), Мотива долга (18,3 и 21), Демотивации (7,3 и 6,5). Таким образом, аутентичные спортсмены обладают достоверно и значимо большей профессиональной мотивацией.

Линейный регрессионный анализ ($p < 0,01$) показал, что Аутентичность выступает достоверным предиктором, внося положительный вклад в формирование Мотива познания нового ($R = 0,2$) и наиболее самодетерминированного из внешних Мотива долга ($R = 0,15$), одновременно достоверно, хоть и незначительно снижая риски демотивации ($R = -0,1$).

Полученные данные подтверждают важность неоднократно описанной в науке проблемы «лебеда, рака и щуки», то есть вреда противоречивой и разнонаправленной мотивации спортсмена. Как показало исследование, спортсмены цельные, без внутренних противоречий и мотивационных конфликтов, больше стремятся к реализации идеального будущего. Внутренняя верность себе и чувство подлинности и правильности выбранного пути (аутентичность) позволяет спортсмену значительно усилить и сохранять свою мотивацию на высоком уровне даже в современных реалиях, когда многие надежды и ожидания разбиваются о глобальные мировые конфликты интересов. Перспективой исследований и закономерным следующим шагом станет апробация практических подходов к развитию личностной аутентичности в спорте как принципиально значимого ресурса будущих достижений.

1. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Довжик Л.М. Психологическая диагностика в спорте. – М.: Спорт, 2023. – 232 с.
2. Бочавер К.А., Резниченко С.И., Бондарев Д.В. Аутентичность и ментальная прочность спортсмена: эмпирическая модель // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 172–188.
3. Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 500–519.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ по проекту 20-18-00262 «Аутентичность личности: предикторы, проявления, приложения» <https://rscf.ru/project/20-18-00262/>.

Особенности познавательной сферы шахматного эксперта

Познавательная сфера шахматиста-эксперта, единство мышления и памяти, свойства и показатели внимания, принципы запоминания дебютных последовательностей

В условиях повышения требований к когнитивной и творческой составляющим деятельности человека важно находить новые средства когнитивного развития. К таким средствам можно отнести шахматную игру. Вместе с тем роль занятий шахматами в когнитивном развитии недостаточно изучена, а представления о природе шахматного мастерства остаются противоречивыми и несистематизированными.

Цель доклада – раскрыть особенности познавательной сферы шахматного эксперта.

Направление исследований в когнитивном и деятельностном подходах к изучению шахматного мастерства и творчества определили работы А. де Гроота [5], который пришел к выводу, что гроссмейстеры делают более сильные ходы, но не мыслят глубже клубных игроков. Однако они лучше запоминают шахматные позиции, предъявленные на короткое время. Саймон утверждал, что быстрое распознавание образов ведет непосредственно к быстрому выбору ходов и является ключевой способностью шахматных мастеров. С противоположным мнением выступал Д. Холдинг – поиск и оценка различных возможных ходов являются гораздо более важными, чем распознавание образов. Противоположные теории Саймона и Холдинга о ведущей роли только одного фактора кажутся необоснованными. Шахматное мастерство основано на обоих (плюс другие факторы, например, словесные процессы, целенаправленная практика).

Нами выделены такие особенности мышления шахматного эксперта, как глубина и широта зоны ориентировки, переобследования, представленность оценок вариантов, задавание себе вопросов во время игры [1]. Экспертам в большей степени присущ перенос предвосхищений в схожую ситуацию. Этот перенос является не просто повторением предвосхищений, а их развитием.

Обнаружена трехфакторная структура вопросов, задаваемых себе шахматистами во время игры (вопросы об игре соперника, о собственной игре, об идеях) [2]. Подобная структура вопросов отражает диалогическую сущность шахматной игры. Вопрос «Где главная слабость?» гроссмейстеры задают чаще мастеров. Наши исследования подтвердили наличие профессиональной памяти у экспертов и выявили принципы функционирования эпизодической памяти шахматистов при запоминании дебютных последовательностей ходов в разных условиях [3]. Выявлена специфика внимания шахматного эксперта. Для этого была разработана специализированная методика изучения свойств внимания шахматиста (СМИСВ) [4]. Испытуемому требовалось как можно быстрее находить и подчеркивать атакованные фигуры и пешки в шахматных позициях. Выделены свойства внимания и их индикаторы. Показано, что интенсивность внимания – профессионально важное качество шахматиста. Оно комплексное, содержит в себе распределенность и связано с устойчивостью к усложнению условий деятельности.

Итак, шахматные эксперты отличаются от менее квалифицированных шахматистов по ряду особенностей мышления, восприятия, памяти, внимания. Можно говорить об единстве памяти и мышления экспертов (их взаимопереходах), направленности внимания на существенные отношения между фигурами, эвристической функции вопросов в мышлении экспертов. По особенностям познавательной сферы шахматиста можно судить о степени его мастерства.

1. Васюкова Е.Е. Мышление шахматного эксперта: Материалы конференции «От истоков к современности» 130 лет организации Психологического общества при Московском университете. В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. – М., 2015. – С. 358–361.
2. Васюкова Е.Е. Вопросы шахматиста во время игры как проявление диалогической природы шахмат // Психология диалога и мир человека (Тренды современного образования): Сб. науч. трудов. Т. 6 / Отв. ред. Л.Г. Дмитриева). –Уфа: РИЦ УУН и Т, 2023. – С. 245–254.
3. Васюкова Е.Е. Функционирование эпизодической памяти: принципы и факторы эффективности // Психология когнитивных процессов: Материалы 6-й всероссийской, научно-практической конференции: Сб. ст. / Под ред. Селиванова В.В. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2017. – С. 7–19.
4. Васюкова Е.Е. Оценка психической готовности шахматиста к соревнованию: опыт разработки специализированной методики изучения свойств внимания шахматиста // Юбилейный сборник РПО. – М., 2011. – Т. 3. – С. 205–207.
5. Hears E. & Knott J. Blindfold chess: history, psychology, techniques, champions, world records and important games / Edited by Roberr. – Franklin: Manufactured in the USA, 2009.

Психосоциальные характеристики личности тренеров адаптивных видов спорта

Тренер, адаптивный спорт, спортсмены с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), профессиональное выгорание

Адаптивный спорт развивается для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)[1]. Тренер по АС занимается физической и специальной подготовкой детей и взрослых с ОВЗ. Тренер развивает у спортсменов с ОВЗ различные умения и навыки, специфические знания о своем виде спорта.

Чтобы тренеры и педагоги в области АС, работающие с детьми-инвалидами, не подвергались профессиональной деформации, важно, чтобы они обладали высоким уровнем самосознания, активной жизненной позицией и развивались в различных сферах жизнедеятельности [2]. Актуальный вопрос о профилактике профессионального выгорания специалистов тренерской среды. Составляющая психологического здоровья личности – определение уровня качества жизни, имеет влияние на все сферы жизни индивидуума, сопровождающего спортсмена с ОВЗ.

В исследовании принимали участие 28 человек. Испытуемые имели высшее тренерское образование и повышение квалификации по специальности АС. Возраст респондентов составлял 26-35 лет ($\pm 30,5$). Опыт работы тренеров был от 2 до 9 лет ($\pm 5,5$).

Методики:

1. Опросник SF-36 «Оценка качества жизни»;
2. Тест-опросник «Исследование уровня асертивности» (модифицированный В. Каппони, Т. Новак) [3].

Выявлено, что в большинстве случаев наибольшие проблемы связаны с эмоциональным состоянием тренеров. Так, по шкале «Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» (Role-Emotional-RE) получены низкие показатели (42 балла), которые интерпретируются как ограничение в выполнении повседневной работы, обусловленное ухудшением эмоционального состояния. По шкале «Психическое здоровье» (MentalHealth – МН), отмечено преимущество низких показателей (47 баллов), что свидетельствует о наличии депрессивных, тревожных переживаний, психическом неблагополучии. Шкалы «Жизненная активность» (Vitality-VT) и «Социальное функционирование» (Social Functioning-SF) выступают как ресурсные, потому как респонденты показали средние значения по этим шкалам. Показатели интерпретируются как ресурсное состояние личности у членов тренерского состава, и говорят о том, что у респондентов достаточно сил и энергии и они могут демонстрировать высокую социальную активность.

По тесту асертивности отметим следующие результаты, так по шкале Б, отвечающей за уверенность и решительность получены невысокие показатели (± 3), что позволяет нам предположить о неком неуверенном поведении. По шкале В, так же показаны испытуемыми границы низких значений (± 4), что говорит за социальную желательность в поведенческих паттернах респондентов.

Сохранение и укрепление здоровья педагога, создание благоприятной психоэмоциональной обстановки в коллективе является залогом успешного воспитательно-образовательного процесса. В тренерской среде большее внимание уделяется вопросам высоких спортивных результатов, обучаемости юных спортсменов, укреплению и сохранению здоровья детей, к проблемам тренерского состава уделено меньшее внимание. Понимание трудностей, личностных особенностей специалистов в тренерской среде, может предвосхитить профессиональное выгорание специалистов.

1. Евсеев С.П. Проблемы развития адаптивного спорта // Теория и практика физической культуры. – 1998. – № 12.
2. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 587 с.
3. Крючков В.И. Три точки зрения на асертивность [Текст] / В.И. Крючков // Обучение персонала. – 2007. – № 5.

Профилактика психологического выгорания высококвалифицированных стайеров

Психологическое выгорание, саморегуляция, высококвалифицированные стайеры

Высококвалифицированные стайеры подвергаются физическим и психическим сверхнагрузкам [3], которые могут привести к формированию психологического выгорания, выраженного в когнитивной усталости, физическом, мотивационном и эмоциональном истощении [4].

К высококвалифицированным стайерам относятся легкоатлеты, бегуны на дистанции от 3000 метров и имеющие спортивный разряд не ниже кандидата в мастера спорта.

Когнитивная усталость выражается в появлении негативных установок, снижении концентрации внимания; физическое истощение – в мышечной слабости (ощущение «ватных ног»), нарушение режима сна, быстрой утомляемости; мотивационное истощение – в отсутствии желания тренироваться, соревноваться; эмоциональное истощение выражается в повышенной тревожности, усилении раздражительности, появлении ощущения беспомощности, беспокойства.

Регулирование физического и эмоционального состояния в предсоревновательный период определяют актуальность применения методов саморегуляции для предупреждения психологического выгорания высококвалифицированных стайеров.

Выбор методов саморегуляции (аутогенная тренировка, идеомоторная тренировка, дыхательные упражнения и пр.) обуславливается типом акцентуации характера и типом темперамента высококвалифицированного стайера.

Новизна исследования обусловлена тем, что ранее методы саморегуляции для предупреждения психологического выгорания высококвалифицированных стайеров не подбирались исходя из их типа акцентуации характера и типа темперамента. В трудах зарубежных и отечественных исследователей, например, представлено применение аутогенной тренировки для регуляции предстартовых состояний спортсменов высокой квалификации – конькобежцев [2], пловцов [1].

Методы исследования: теоретический, эмпирический (беседа, опрос), математический и статистический. Опросники: «Исследование психологической структуры темперамента», тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда для диагностики типа акцентуации характера и темперамента личности.

В исследовании приняли участие 30 высококвалифицированных стайеров (спортсменов) (62,5% спортсменов сборной Санкт-Петербурга) (80% женщин и 20% мужчин): мастера спорта международного класса, мастера спорта, кандидаты в мастера спорта.

Среди высококвалифицированных стайеров преобладают спортсмены с эмотивным и гипертимным типами акцентуации. Исходя из полученных данных им подбирается соответствующий метод саморегуляции для предупреждения психологического выгорания.

1. Горбунов Г.Д. О методиках саморегуляции спортсменов / Г.Д. Горбунов // Плавание. – 2015. – № 3. – С. 12–14.
2. Мартыненко И.В. Аутогенная тренировка как фактор регуляции предстартовых состояний / И.В. Мартыненко, Е.С. Борисенкова, Н.В. Хрисанфова // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54-6. – С. 311–317.
3. Оноприенко К.В. Феномен «психическое выгорание» в спортивной деятельности / К.В. Оноприенко // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2020. – № 1. – С. 106–108.
4. Садов Н.В. Эмоциональное выгорание в различных видах спорта / Н.В. Садов // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 54-6. – С. 77–80.

Командные стратегии преодоления стресса: структура и методика измерения

Командное преодоление стресса, коллективная эффективность, групповая сплоченность

Анализ активности работы по психологическому сопровождению подготовки спортсменов показывает, что психологи гораздо более активно работают в индивидуальных видах спорта по сравнению с командными. Одной из причин такого положения является недостаточная разработанность проблемы групповых эмоциональных процессов. Если в исследованиях рассматривается проблема преодоления стресса в командных видах спорта, то речь идет об индивидуальных стратегиях преодоления стресса отдельных спортсменов, а не команд как целого. Но исследования преодоления стресса различными группами, чаще всего семейными или профессиональными, показали, что групповые стратегии преодоления стресса не являются суммой усилий по преодолению стресса каждым из членов группы [1, 2]. О наличии специфических групповых эмоциональных процессов говорят такие известные феномены, как эмоциональное заражение, социальная лень, социальная фасилитация.

Исследование особенностей преодоления стресса в спортивных командах сдерживается отсутствием диагностических инструментов, позволяющих установить показатели специфики эмоциональной регуляции совместной деятельности. До некоторой степени восполнить дефицит диагностических инструментов данного направления должна методика диагностики командных стратегий преодоления стресса спортивными командами, адаптация которой явилась целью данного исследования [3].

Рассматриваемая методика позволяет определить четыре стратегии преодоления стресса спортивными командами. Это ориентация на совместное решение проблем, ориентация на отношения, ориентация на совместное управление эмоциями, стратегия ухода от общей цели. Первые три стратегии рассматриваются как конструктивные, стратегия ухода от общей цели рассматривается как деструктивная. Каждая стратегия характеризуется несколькими симптомами. Общее число симптомов равно двенадцати. Первая стратегия характеризуется четырьмя симптомами, вторая и четвертая стратегия – тремя симптомами, третья стратегия – двумя симптомами. Надежность адаптированной методики определялась с помощью расчета альфа-коэффициента Кронбаха. Его значения варьировали в пределах от 0,770 до 0,925, что указывает на внутреннюю согласованность методики. Валидность методики определялась с помощью установления корреляций ее показателей с такими параметрами, как командная эффективность и групповая сплоченность. Характер установленных корреляционных связей оказался ожидаемым и указывающим на валидность адаптированной методики диагностики командных копинг-стратегий. Показатели конструктивных командных стратегий преодоления стресса положительно коррелируют с показателями коллективной эффективности и отрицательно коррелируют с показателями деструктивной стратегии ухода от общей цели. Корреляции показателей командных стратегий преодоления стресса с показателями групповой сплоченности также свидетельствуют о валидности адаптируемой методики.

Применение адаптированной методики показало, что она позволяет дать точную характеристику роли командных копинг-стратегий в поддержании коллективной эффективности и результативности выступлений в соревнованиях.

Предикторы ответственности у гандболистов

Субъектная позиция, ответственность, предикторы, гандболисты

Современные требования продуктивности и успешности в мире делают необходимым формирование субъектной позиции у молодого поколения. Ответственность как качество личности, несомненно, является показателем субъектности, фактором результата деятельности и достижений [1]. Формирование ответственности проходит длительный цикл становления, от подражания примеру до проявления как устойчивого личностного свойства. Сенситивным возрастом проявления ответственности считается подростковый возраст, когда есть желание проявления и ожидания взрослого поведения.

В связи с этим необходимо знать предикторы становления ответственности, что является целью нашего исследования. Взяв за основу исследование ответственности методикой В.П. Прядеина и его разделение проявления ответственности на конструктивные и деструктивные компоненты, в данной работе отражены данные конструктивных компонентов: динамической эргичности (активность в деятельности), мотивации социоцентрической (поддержание и следование социальным мотивам), эмоциональной стеничности (переживание положительных эмоций при принятии на себя ответственности), регуляторной интернальности (принятие ответственности на себя). [3]. Предикторы ответственности определялись для каждого компонента многомерным регрессионным анализом, метод шагового отбора. Обследовались гандболисты в возрасте от 14 до 16 лет (61 человек), по 12 методикам подробно описанным [2].

Полученные данные исследования выявили наличие качеств, влияющих на проявление ответственности у спортсменов подросткового возраста: на активность в деятельности – умение управлять собой, быстро переключаться с одних действий на другие, бессознательно рационально подходить к решению возникающих задач, проявление синергии в команде и самоуважения. На принятие ответственности на себя оказывает влияние высокая саморегуляция своих действий и бессознательная гиперкомпенсация недостатков в процессе деятельности, что является ключевым моментом в гандболе. Предиктором поддержания и следования социальным мотивам оказалось саморуководство своих действий, ориентация на семью как проявление заботы о близких и в то же время возможность проявлять свою самостоятельность. На переживание положительных эмоций при реализации ответственных дел достоверно влияет способность проявления своей компетентности, планирования решения поставленных задач, быть уверенным в себе и уметь компенсировать недостатки. Были определены и личностные качества, снижающие проявление ответственности у гандболистов. Это гибкость поведения, спортивная амотивация, самооценочность, межличностная тревожность.

Таким образом, предикторами ответственности у гандболистов-подростков являются: самоуправление, самоуверенность, самоуважение, синергия, психологическая защита «гиперкомпенсация» и «рационализация», саморегуляция, вина «отделения» и «гиперответственности», саморегуляция и прогнозирование. Развитие данных качеств мы можем отнести к личностным ресурсам гандболистов и определить тип поведения в сложных ситуациях.

1. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов: учебное пособие. – Краснодар, 2008. – 220 с.
2. Дементьева И.М. Взаимосвязи деструктивных форм ответственности и субъектных качеств личности гандболистов-подростков // Актуальные вопросы физической культуры и спорта. – Краснодар, 2018. – № 20. – С. 115–123.
3. Прядеин В.П. Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2014. – 215 с.

Гендерные особенности отношения к телу в спорте: эстетический аспект

Образ тела, отношение, гендер, эстетика спорта

Тело в спорте маскулинизируется, становясь символической ценностью. Однако личность в физкультурной деятельности оказывается перед противоречием между «интенсивностными» реальностями спорта и потребностью в эстетической наполненности его содержания. Гендер концептуализируется языком: «эстетический» акцентирует чувственность, ассоциируясь с женственностью, а спорт – эмблематика мужественности. Поэтому в индивидуальной спортивной карьере выбор различных моделей разрешает диссонанс.

Материалы и методы исследования: анализ литературных источников и данные опроса (2023 г.) (n = 293) студентов первого-второго курса спортивного вуза (девушек 37,8%, юношей 62,11%). Средний возраст $20,6 \pm 0,6$ года. Опрос осуществлялся в сети интернет с помощью Google Forms, включал пять информационных блоков, организующих смысловые составляющие по четырем категориям: «самоотношение», «боль», «тело», «мотивация». В контент-анализе ответов на открытые вопросы понятия ранжированы по частоте упоминаний. Данные представлены в процентном отношении, доле опрошенных. Цель: выяснить отношения студентов к собственному телу.

Гендерные особенности отношения к телу характеризуют шесть зафиксированных противоречий. Спорт – традиционно мужская вотчина, эстетика – женская. Репрезентация «мужского» метафорична (животные, гиганты или герои) с акцентом на пол или мышцы, выражаясь в имплицитах: «мужчинами управляют инстинкты, обожают машины и секс, избегают обязательств, красота – забота женщин». Черты мужественности маргинализуются, как стандарт, присваиваясь женщинами [3].

Спорт агрессивен, предметы, несущие негативные коннотации, эстетизирует. Поэтому важно культивировать эстетизис – «положительно-приемлющее» (М. Бахтин) отношение к миру. Спортивная техника односторонним образом переформатирует человеческое тело, выводя за рамки природной гармоничности его форм [1]. Под телесной красотой понимается все, что обменивается на спортивные достижения.

Стереотипы мужского и женского. Причины занятий физической активностью у обоих полов: здоровье, эстетика, более мотивирующая женщин, и социальный фактор. Способ восприятия себя человеком определяет неудовлетворенность образом тела больше, чем вес и индекс массы тела [2]. Красота отсылает через образ к смыслу.

Модель «сила и эффективность» против модели «удовольствие и участие». Хотя первая модель доминирует в культуре [3], большинство молодежи склонно ко второй, адаптирующей практику к личным физическим возможностям; максимизирующей качество жизни; демократизирующей отношения между участниками; утверждающей целостность разума, тела, человека и контекста.

Тело как машина против тела-соавтора. Юноши-студенты рассматривают тело как инструмент их неумных требований. Демонстрируются стереотипные модели поведения (преданность успеху, ограниченная эмоциональность, подавленная привязанность и преувеличенная уверенность, контроль и тревожность). Молодые мужчины проникнуты «мужественным» взглядом на мужественность, подвергаясь влиянию запретов на нее. Однако за последние восемь лет проявилась тенденция к снижению «машинерии» по отношению к телу [1].

Реальность против идеала. Представления о собственном теле респондентов соответствовали спортивной реальности, их идеалы требуют низкого содержания жира и мускулатуры. Тела спортсменов – метафорическая площадка, на которой властные, эстетические отношения утверждаются, проверяются и оспариваются. Спортивные практики эстетизируют тела. Мужская модель, ориентированная на спортивную эстетику тела, отличается от женской, нормированной украшениями и одеждой. Находящиеся в привилегированном положении, мужчины должны использовать свой статус для изменения гендерного неравенства, содействуя справедливости в спорте.

1. Димура И.Н. Внешность и мужественность (опрос студентов спортивного вуза). Физическая культура студентов: научно-практический журнал / Под. общей ред. С.И. Петрова. – СПб.: НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, 2023. – № 72. – 420 с.; С. 250–255.
2. Bonoto Vieira Da Cunha C., Petitemberte Klain I., José Rombaldi A. Carlos Leitão J. Association between Body Image Dissatisfaction and Goals for Physical Activity Practice in Fitness Center // Open Access Library Journal. – 2018. – 5 – P. 1–11. doi: 10.4236/oalib.1104621.
3. Coffey-Glover L. Men in Women's Worlds. Constructions of Masculinity in Women's Magazines. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – 256 p. ISBN: 9781137575548.

Психологические особенности адаптации спортсмена после завершения карьеры (casestudy)

Личностные особенности, склонность к девиации, адаптация, спорт

Исследование выявляет индивидуальные особенности адаптации спортсмена после завершения карьеры. Проблема – в смене спортивной идентичности личностной, неосознаваемости ресурсов для этого.

Материалы и методы исследования: анализ литературных источников и casestudy, включающий тест Кейрси; анкету; автопортрет; пятифакторный личностный опросник [1]; эссе «Кто я?»; интервью; видео, созданное испытуемой, характеризующее ее мировосприятие.

Н. студентка спортивного вуза, 20 лет, младшая в многодетной семье, мастер спорта России по художественной гимнастике, завершила спортивную карьеру, занимается видеомейкингом. Запрос Н.: неудовлетворенность обучением в вузе.

Девушка ощущающий экстраверт, мастер подмечать детали. Этот тип в спорте востребован ввиду высокого владения телом и коммуникацией. Ритмический рисунок, по Г. Риду, соответствует экстраверту-интуиту, отражаясь в видеомейкинге.

Диагностика личности Н. выявила несколько особенностей, требующих обсуждения. «Дискретность» личности проявляется во внешнем облике, подаче себя (думающий и слегка депрессивный человек совмещен с беспечным инфантом), несогласованных видах деятельности, творчестве (отсутствие сюжетов в видео; «мигающие» эффекты, отделяющие образы; кислотность цвета при показе телесности объектов). «... я – что-то неизвестное, с нереализованными возможностями, мечтами и опытом» (эссе). Отсутствие целостности состояний и стремлений: «чувство ломается», эмоциональная неустойчивость (по пятифакторному опроснику – 61), повышенный нейротизм. Отсутствие единой цели характерно при смене карьеры. Неудовлетворенность потребностей в безопасности, принадлежности к значимой группе ведет к трудностям самоактуализации, сопровождающейся тревожностью, отрицанием телесности, боязнью делиться творчеством. Высока зависимость Н. от людей: «... интерпретирую себя как маленького в огромном мире, пытающемся в одиночку пробиться к высотам в любимом деле. Без связей, с постоянной потерей мотивации и осознанием ответственности перед собой» (эссе). Зависимость приводит к чувствительности к критике, связанной с особенностями художественной гимнастики, где демонстративность и привлечение внимания (по пятифакторному опроснику – 13) – основные характеристики поведения.

Противоречия во взаимоотношениях Н. с людьми: с одной стороны, чистый экстраверт (экстраверсия – 68, активность – 15, общительность – 15, теплота – 12, сотрудничество – 10) и «у меня острая потребность в человеке, за которым мне хотелось бы тянуться», факт ведения канала в социальной сети Телеграм. С другой, вес защитных реакций (инфантильная улыбка на лице, веселый знак из пальцев, рука в кармане – автопортрет; подозрительность – 12, непонимание – 8, пятифакторный опросник) и скрытая агрессия, одна из причин которой – уязвимость, установка: «нужно спроецировать страх на других, чтобы скрыть свои и показаться менее уязвимой» в видео.

Профессиональные деформации у Н.: трудоголизм, стремление постоянно быть занятой, не удовлетворяясь результатами, закреплено спортивной деятельностью, дефицит времени и активный образ жизни привычны. При их отсутствии беспокоит чувство вины о личной несостоятельности; перфекционизм – хроническая неудовлетворенность своими действиями, самокритичность (по пятифакторному опроснику – 13). Совмещение трудоголизма с перфекционизмом ведет к потере мотивации и истощению. К сожалению, диагностика не дала возможности проработать детально мотивацию Н.

Рекомендовано усилить взаимодействие внешнего и внутреннего посредством сенсорики: интерпретировать «Я» при рефлексии, через сенсорные ощущения («нарисовать» себя звуками, запахами, движениями), выражать разнообразные эмоции в творчестве (видео удивления, злости, тревожности, вербализовав скрытую агрессию), добавить в гардероб цвета, напоминающего о дефиците на данный момент (цвет комфорта, мотивации, маминых объятий).

1. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. – 23 с.

Личностный фактор в профессионализации спортсмена

Личность, спорт, объективация

Расхождение реального и идеального «Я» определяют самооценку личности атлета. В эстетических видах спорта, скорее, занижают. Личностный выбор при этом сокращен: тренировочный процесс контролируется извне. Блокирование самоактуализации, по Роджерсу [2], источник нарушений. Несоответствие Я-концепции и переживаний угрожает целостности Я [2]. Учитывая раннюю специализацию в эстетических видах спорта, развитие личности в гармонии личных спортивных и социальных ценностей затруднено.

В исследовании участвовали спортсменки фигурного катания, средний стаж занятия – 7 лет, разряды – от II спортивного до КМС. Констатируем зависимость подростков от мнения тренера и родителей, вплоть до регуляции их физического состояния. К проявлению самостоятельности готовы чуть больше половины группы, осмысленно сами на тренировке могут работать 42%, остальные нуждаются в постоянной опеке тренера, теряясь наедине с собой [1]. У спортсменок отсутствует опыт психологической работы с собой. Изоляция тренировочного процесса от воспитательного, включающего и развитие осознанности, неоправданно при ранней профессионализации и ретардацией социальных навыков. Нехватка исследовательского подхода к собственному внутреннему миру превращает атлета в инструмент, управляемый извне, навык самоосознания не прививается. Тренер игнорирует самоощущение спортсменов. Провоцируется объектность тела, затрудняющая его реализацию в экспрессии и артистизме (пятифакторный опросник). Герметичность опыта сдерживает креатив, личностный рост, объясняясь зависимостью от мнений значимых других (данные корреляционного анализа).

«Я-концепция» определяется потребностью в принятии. Без него формируется уязвимость по отношению к несогласующемуся с Я опыту. При отсутствии принятия, зависимости оценок от конкретного поведения, подросток сомневается в своей значимости, руководствуясь в своем поведении чужими ценностями, уходя от себя. Личность деформируется [2].

42% респондентов убеждены в гармонии души и тела на тренировках, треть обозначили изменчивость этого состояния. Хотя каждая третья была однажды травмирована, телесные импульсы, кроме болевых, не осознаются. Для 42% боль – норма и тавро успеха, для такой же доли – дискомфорт, для 16% – преодоление тела. В качестве методов совладания с ней 16% используют «терпение», столько же обезболивающие [1]. «Объективантов» характеризует отношение к боли: боль претерпевают, ибо спорт – вся жизнь.

Становление спортсмена осуществляется почти без его включенности в процесс, растущая личность объективно нивелируется в плане выбора и ответственности, кризисы игнорируются, поскольку ориентиром служит календарь сезона, а не возрастное развитие. Неустойчивый и не вполне адекватный образ Я создает личность психологически уязвимую к широкому спектру собственных проявлений, которые искажаются, создавая дискомфорт и тревогу [2]. Образ Я не соответствует реальности, субъективные оценки его проявлений отсутствуют, как и личностные цели в работе, а безоговорочным смыслом становится гонка за идеальным телом и медалями. Такая карьера может быть успешной, но ее завершение проблематично не только для спортсмена – для человека.

1. Димура И.Н., Косалапова Д.А. Показатели когнитивных и эмоциональных параметров самоотношения фигуристов как инструменты самоанализа / И.Н. Димура, Д.А. Косалапова // Современные тенденции психолого-педагогического обеспечения занимающихся физической культурой и спортом: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Малаховка, 26–27 октября 2023 г. Московская государственная академия физической культуры / Под общ. ред. В.В. Буторина. – Малаховка: МГАФК, 2023. – 320 с.
2. Роджерс К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию / К.Р. Роджерс. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. – 241 с.

Особенности ресурсов благополучия и мотивации у женщин, занимающихся хатха-йогой

Психологическое благополучие, мотивация, физическая активность, йога

Двигательная активность благотворно влияет на психологическое здоровье. Однако регулярную двигательную активность поддерживает меньше четверти численности населения в мире. Для продолжительности занятий важна мотивационная составляющая, что привело к необходимости изучения мотивов к физической активности [3].

В исследовании приняли участие 75 женщин (26–60 лет, средний возраст 42 года). В состав выборки вошли женщины, имеющие различный стаж занятий йогой: до трех месяцев – 30 человек (начинающие); более одного года – 45 человек (опытные). Для оценки мотивации и благополучия были использованы опросники МОДА «Мотивация к Двигательной Активности» (PALMS) [1], PERMA-Profilер [2], краткая шкала самоконтроля, BSCS [3], внутренне-внешний локус контроля, IE-4, шкала устойчивости Коннор-Дэвидсона, CD-RISC-10 [4].

Исследование показало, что по методике МОДА выше всего проявился мотив Физическое состояние, меньше – Ожидание других. По методике PERMA-Profilер выше всего проявились показатели Достижения и Позитивные эмоции, меньше – Одиночество. Показатели Интернальность, Самоконтроль и Устойчивость выше в группе опытных.

Анализ различий (U-критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$) показал, что у респондентов, которые имеют больший стаж занятий, показатели Позитивные эмоции ($p = 0,0399$), Смысл ($p = 0,0209$), Счастье ($p = 0,0128$), Здоровье ($p = 0,0264$), Самоконтроль ($p = 0,0170$), Устойчивость ($p = 0,0349$) выше, по сравнению с теми, у кого меньший стаж занятий. А такие показатели, как Ожидание других ($p = 0,0399$), Негативные эмоции ($p = 0,0222$), напротив, ниже.

Результаты корреляционного анализа (R Спирмена, $p < 0,05$), показали, что мотив Удовольствие имеет положительную связь с показателями Позитивные эмоции, $r = 0,3694$; Взаимоотношения, $r = 0,2265$; Смысл, $r = 0,3133$; Счастье, $r = 0,3206$; Здоровье, $r = 0,3204$; Интернальность $r = 0,3278$ и устойчивость $r = 0,3934$; отрицательная корреляция мотива Удовольствия – с показателем Негативные эмоции, $r = -0,2656$. мотив Мастерство положительно связан с показателями Позитивные эмоции, $r = 0,2327$; Взаимоотношения, $r = 0,2615$; Смысл, $r = 0,2343$; Достижения, $r = 0,2199$; со шкалой Устойчивость, $r = 0,3597$ и Интернальность, $r = 0,3560$. С показателем Самоконтроль связи с мотивацией в нашем исследовании выявлено не было.

Полученные данные позволили подтвердить гипотезу о том, что психологическое благополучие и мотивация к двигательной активности различаются в зависимости от стажа занятий хатха-йогой, а также показатели благополучия преимущественно связаны с внутренней мотивацией. А внешняя мотивация с увеличением стажа занятий изменяется на внутренние, более устойчивые, мотивы. О физических занятиях, в частности йогой, можно говорить как о ресурсе для управления своим состоянием.

Полученные данные в исследовании позволили сформулировать необходимые рекомендации специалистам для работы с населением в целях повышения мотивации к здоровому образу жизни, поддержки психологического и эмоционального благополучия. А также результаты исследования могут быть самостоятельно использованы населением в качестве самопомощи в стрессовых ситуациях для формирования дополнительных ментальных ресурсов.

1. Бочавер К.А., Бондарев Д.В., Папкова М.А. Апробация опросника для оценки мотивации к досуговой физической активности и первый взгляд на диагностику ценностных установок и мотивов в любительском спорте // *Культура физическая и здоровье*. – 2020. – № 4. – С. 156–160.
2. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // *Социальная психология и общество*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 116–133.
3. Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций // *Организационная психология*. – 2013. – Т. 3, № 1. – С. 8–29.
4. Nartova-Bochaver S. Validation of the 10-Item Connor–Davidson Resilience Scale: The Case of Russian Youth / S. Nartova-Bochaver, K. Bochaver, A. Korneev // *Frontiers in Psychiatry*. – 2021.

Индивидуализация психологической подготовки боксеров к соревнованиям

Подготовка к соревнованиям, индивидуализация, психологическая подготовка боксеров

В современном российском спорте высших достижений происходят трансформации, которые обусловлены как изменением социокультурного, нейропсихологического содержания подготовки спортсменов высокого класса в боксе. Эффективно развивать психологический потенциал, креативность и социальную активность боксера можно лишь при условии индивидуализации психологической подготовки.

На социально-педагогическом уровне актуальность проблемы индивидуализации психологической подготовки боксеров определяется наличием противоречия между объективной потребностью в изменении методов и форм психологической подготовки, с одной стороны, и традиционными формами, не учитывающими современные реалии, с другой. На теоретико-методологическом уровне актуальность исследования обуславливается противоречием между имеющимся потенциалом спортивных федераций для подготовки боксеров к соревнованиям и неразработанностью теоретико-методологических основ индивидуализации данного процесса. В психолого-педагогической литературе проблема индивидуализации рассматривается как в аспекте индивидуального развития (Ю.К. Бабанский, В.В. Давыдов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), так и в контексте индивидуализации как принципа или индивидуализации как «эффекта» индивидуального подхода (Н.А. Менчинская, Г.И. Щукина, И.С. Якиманская). Однако в психолого-педагогической литературе, посвященной проблеме подготовки боксеров проблема индивидуализации представлена недостаточно. На основании вышеописанных противоречий, анализа теоретических и эмпирических исследований была сформулирована проблема исследования: каковы психологические основания индивидуализации подготовки боксеров к соревнованиям.

Эмпирическое исследование проводилось с марта 2023 по март 2024 г. на базе Федерации бокса Челябинской области. В исследовании приняли участие 66 человек из них мужчин – 34 чел., женщин – 22 чел. в возрасте от 18 до 32 лет.

В эмпирической части при измерении параметров, характеризующих ключевые понятия исследования, применялись: 1) в качестве психодиагностической методики исследования работоспособности боксеров использовался тест Ландольта; 2) для исследования индивидуально-типологических особенностей методика ИТО Л.Н. Собчик. Для статистической обработки результатов измерений применялось программное обеспечение «SPSS v 17.0», описательные статистики, корреляционный анализ (по Спирмену). При формулировке выводов использован интерпретационно-описательный метод, индукция и дедукция.

Рассмотрим психологические основания индивидуализации психологической подготовки боксеров.

Анализ корреляций высокого уровня продуктивности респондентов в первой группе показывает, что статически значимые связи выявлены между показателями продуктивность и спонтанность ($r_s = -0,387$), агрессивность ($r_s = -0,387$), тревожность ($r_s = -0,686$), лабильность ($r_s = 0,3137$). Поэтому мы предполагаем, что чем выше стеничность, спонтанность и тревожность, тем ниже будет уровень продуктивности, а при повышении уровня лабильности, уровень продуктивности будет увеличиваться. Нами выявлены взаимосвязи показателя выносливость, сензитивность ($r_s = -0,502$), тревожность ($r_s = -0,425$), лабильность ($r_s = -0,505$). Следовательно, при повышении уровня тревожности, сензитивности, лабильности выносливость уменьшается. Однако положительная сильная связь точности и лабильности ($r_s = 0,786$) позволяет сделать вывод о лабильности как факторе обуславливающим гибкость «работы» боксера, определяющей точность атакующих действий.

Таким образом, высокий уровень продуктивности, высокую скорость обработки информации и высокую точность, с одной стороны, обуславливает «сильный» тип нервной системы, а с другой, возможны интервенции, снижающие тревожность, лабильность и спонтанность для этой группы испытуемых, что позволит не только поддерживать высокий уровень работоспособности боксеров, но и внедрить систему индивидуализации подготовки.

Анализ запросов к спортивному психологу от родителей и тренеров спортсменов 10–12 лет

Спорт, спортивный психолог, спортивная психология

Двухлетний опыт работы спортивным психологом в Медицинском центре СКА г. Санкт-Петербург позволяет заметить некоторую тенденцию в обращениях за психологической помощью. Из 123 обращений к спортивному психологу (98 – мужчин, 25 – женщин), на спортсменов в возрасте 10-11 лет приходится 70 случаев (56 – мальчики, 14 – девочки), то есть больше половины запросов. Преимущественно обращаются родители юных хоккеистов (60%) и представителей других видов спорта. Может показаться неправдоподобным, но в каждом из этих случаев, основной запрос родителей, или дополнительные комментарии звучат следующим образом: «в тренировках всё получается, на соревнованиях не может показать свой уровень». При анализе запросов спортсменов других возрастов, появляется разнообразие проблем, с которыми обращаются к психологу.

Попробуем дать теоретическое обоснование установленному факту.

В соответствии с возрастной периодизацией Л.С. Выготского, этот возраст приходится на кризисный этап развития, в котором происходят важные психические новообразования, перестройка функций и отношений ребенка [1].

Если опираться на концепцию развития ментальных структур Ж. Пиаже, то в этот возрастной период происходит активное развитие ментальных способностей. Основным показателем развития выступает овладение ребенком определенными мыслительными действиями и операциями, он начинает активно использовать словесно-логическое и абстрактное мышление. На рубеже 11-12 лет мышление ребенка переходит на стадию формальных операций. Мышление ребенка приобретает способность оперировать гипотетическими утверждениями, не ограничивается его жизненным опытом, что свойственно предыдущей стадии. Ребенок может мысленно представлять события будущего и делать выводы о потенциальных исходах событий. [3].

Если добавить к вышесказанному мнение А.Н. Леонтьева о том, что ведущая деятельность обуславливает главные изменения в психических процессах и психологических особенностях личности [2], то становится очевидным, что ребёнок, вовлечённый в спортивную деятельность, формирует особенности своего мышления в ней и учится прогнозировать события будущего через события, происходящие на тренировках и соревнованиях.

В спортивной деятельности это этап перехода к углубленной тренировке в избранном виде спорта. Этот этап характеризуется работой «на результат» (его ждут и тренеры, и родители), желанием ставить долгосрочные спортивные цели, необходимостью расширять свой технический арсенал. Спортсмен сталкивается с ростом тренировочных нагрузок и страхом не выдержать их, появлением первых травм, возникновением психологических барьеров. Перестройкой отношений с тренером. Спортсмена волнует нестабильность выступления на соревнованиях, возрастающая конкуренция в команде, дружеские отношения и психологический климат в команде. Кроме этого возрастает проблема сочетания спорта и учебы. Спортсмен, который до этого просто занимался спортом, начинает тревожиться по поводу своего результата, успешности и последствий от неудачных действий, что приводит к тому, что он не может реализовать свою физическую, техническую и тактическую подготовку в соревновательной ситуации. У спортсменов не хватает психологических знаний о том, что с ними происходит, и умений справляться со своими переживаниями.

В связи с чем мы возвращаемся к теме необходимого в этом возрасте психолого-педагогического сопровождения не только спортсменов, но и информирования тренеров и родителей о психологических особенностях данного возрастного периода. Организации благоприятной для формирования личности спортсмена среды.

1. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. – М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2005. – С. 22–27.
2. Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучения. – М: Смысл, 2019. – С. 231–232.
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2004. – С. 135–137.

Особенности мотивации и ценностных ориентаций спортсменов юношеского возраста из России и Узбекистана

Мотивация, ценностные ориентации, кросс-культурные исследования

Кросс-культурное исследование мотивации и ценностных ориентаций спортсменов из России и Узбекистана является актуальным по нескольким причинам. Во-первых, исследование позволит выявить особенности восприятия спорта и мотивации к занятиям спортом в разных культурах и сравнить их. Это может помочь нам узнать то, как культурные факторы влияют на ценностные ориентации спортсменов и их мотивацию к занятиям спортом.

Во-вторых, изучение мотивации спортсменов из России и Узбекистана может помочь тренерам и специалистам в области спорта лучше понимать спортсменов различных культур и соответственно адаптировать свои подходы к тренировочному процессу, формированию мотивации и поддержке спортсменов. Также данное исследование может помочь выявить сходства и различия в мотивации спортсменов из разных культур, что в свою очередь может способствовать обмену опытом и лучшему взаимопониманию между спортивными сообществами России и Узбекистана. Это важно для развития международного спортивного сотрудничества и понимания.

Мотивация – психическое свойство, которое характеризует направленность активности человека [3].

Ценности – фундаментальные элементы, формирующие культуру человека и его историю [2].

Ценностные ориентации – важный компонент мировоззрения личности либо групповой идеологии, представляющий предпочтения и стремления личности либо группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (например, здоровье, труд, спорт и пр.) [1].

Цель исследования: в пилотажном исследовании приняло участие 10 спортсменов в возрасте от 18 до 23 лет: 4 спортсмена из России (4 девушки) и 6 спортсменов из Узбекистана (4 юноши и 2 девушки). Для изучения особенностей мотивации и ценностных ориентаций были использованы 3 методики: 1) «Оценка мотивов в профессиональном спорте» (SMS) (Бочавер К.А.); 2) Ценностный опросник Ш. Шварца; 3) Методика диагностики ценностных ориентаций в карьере (Э. Шейн, перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова).

В ходе анализа и интерпретации данных пилотажного исследования были получены следующие результаты:

- по методике «Оценка мотивов в профессиональном спорте», а именно по субшкале «социальное одобрение» показатели выше у узбекистанских спортсменов. Возможно, это связано с тем, что поведение спортсменов из Узбекистана контролируется сторонними влияниями больше, чем у российских спортсменов;
- по опроснику Шварца показатели по шкалам «традиции», «стимуляция» и «власть» выше у узбекистанских спортсменов, чем у российских спортсменов;
- по «методике диагностики ценностных ориентаций в карьере» по шкалам «менеджмент», «стабильность места жительства» и «предпринимательство» показатели выше у узбекистанских спортсменов. Вероятно, это может быть связано с тем, что узбекистанский спортивный бизнес-сектор начинает развиваться в стране: спортсмены открывают свои спортивные школы, где управляют не только самим процессом, но и сотрудниками, дают мастер-классы подрастающему поколению спортсменов, создают новые коммерческие проекты в спорте и т.д.

Несмотря на то, что выборка в пилотажном исследовании небольшая и полученные различия не подтверждены статистически, данное пилотажное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения особенностей мотивации и ценностных ориентаций спортсменов из России и Узбекистана.

1. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 666 с.
2. Каган М.С. Философская теория личности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
3. Спортивная психология: учебник для вузов / В.А. Родионов [и др.]; под общ. ред. В.А. Родионова, А.В. Родионова, В.Г. Сивицкого. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 367 с.

Игропрактика для профилактики профессионального выгорания фитнес-тренеров

Игропрактика, профилактика выгорания, фитнес-тренеры

Фитнес-индустрия в России за последнее десятилетие стремительно растет, что создает значительный спрос на тренеров по всем видам спорта.

По данным агентства FitnessData, дефицит кадров тренеров в России составляет 27–30%. Миссия фитнес-тренера заключается в поддержании здоровья, восстановлении после травм и развитии двигательных навыков и создании новых у своих клиентов. Работа фитнес-тренеров в соответствии с классификацией Е.А. Климова относится к профессиям «Человек-человек». Исследования показывают, что представители профессии данного типа более подвержены риску профессионального выгорания, чем другие, что сказывается на качестве тренировочного процесса занимающимися [1,2]. В этой связи актуальной проблемой представляется теория и практика противодействия выгоранию фитнес-тренеров, разработка эффективных практик профилактики выгорания.

Целью исследования являлась разработка и апробация экспериментальной игропрактики под названием «Победим выгорание». В настоящее время разработана настольная трансформационная игра на основе ресурсно-ситуационного подхода.

Игра содержит модули:

1. Диагностический модуль – оценка уровня выраженности выгорания участников тренинга и анализ возможных его причин.

2. Ресурсоразвивающий модуль – анализ кейсов трудных ситуаций в деятельности тренеров и способов их конструктивного разрешения с позиций активизации личностных ресурсов. Все кейсы анализировались с точки зрения временных локусов – прошлого, настоящего и будущего, для формирования проактивного и конструктивного отношения ко времени [1–3]

3. Заключительный модуль – написание «Договора с собой» как особой формы закрепления личной и профессиональной ответственности.

Апробация игры осуществлена в нескольких фитнес-клубах г. Санкт-Петербурга. В эмпирическом исследовании приняли участие 200 фитнес-тренеров групповых и индивидуальных программ в возрасте от 18 до 45 лет, мужского и женского пола. Стаж работы испытуемых – от 1 года до 23 лет. Результаты апробации показали высокую эффективность по субъективным и объективным показателям. Измерялись показатели самочувствия, выгорания, профессионального благополучия, объективные показатели работоспособности тренеров до и после игры.

Результаты: после серии игр выявлена положительная динамика изменения профессионального благополучия, снижение показателей выгорания, повышение объективных показателей работоспособности фитнес-тренеров.

Выводы: разработанная игра «Победим выгорание», направленная на активизацию личностных ресурсов для преодоления трудных ситуаций в деятельности тренеров может быть использована в фитнес-организациях для профилактики профессионального выгорания у тренеров.

1. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. – 160 с.
2. Водопьянова Н. Е. Противодействие синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека // Вест. С.-Петербур. ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – Вып. 1, Ч. 1. – С. 75–88.
3. Никифоров Г.С. Психология самоконтроля. Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль) / Г.С. Никифоров, В.К. Васильев, С.В. Фирсова. – СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2020. – С. 224.

Методика коррекции ценностных ориентаций личности «Построение «Башни собственной жизни» в работе со спортсменами

Ценностное ядро личности, спортивная травма, Я-концепция, реадaptация, эмоциональное выгорание спортсмена

Практическая работа со спортсменами, переживающими кризис, зафиксировала признаки нарушения Я-концепции, снижение самооценки, страх не реализовать себя лично и профессионально.

Цель исследования: разработка и апробация наглядно-образной методики «Построение «Башни собственной жизни» для коррекции негативного самоотношения спортсменов, возникающего на этапах лечения и реабилитации после травмы; в состоянии эмоционального выгорания; при принятии решения о завершении спортивной карьеры.

Методы и организация исследования. В основу авторской методики «Построение «Башни собственной жизни» положена концепция целеобразования А.Н. Леонтьева [2], концепция ценностей Д.А. Леонтьева [3] и методика Е.Б. Фанталовой [6]. Принципиальное отличие и преимущество авторской методики заключается в её наглядности, позволяющей повысить уровень осознанности и качество принятия решений моделирования дальнейшей жизни. Методика включает пятьдесят четыре деревянных бруска с нанесенным ценностным качеством (качества, подверженные и не подверженные внешним влияниям), инструкции для клиента, инструкции для психолога. Психокоррекционная игра строится из нескольких серий и завершается, когда выстроена устойчивая конструкция, которую невозможно разрушить внешним факторам. Апробирована в течение 2023-2024, выборка составила 15 спортсменов, юношей и девушек, в возрасте 15–21 год.

Результаты. Использование методики построения «Башни собственной жизни» в процессе проведения психокоррекционной игры со спортсменами привело к следующим заключениям, как

- в основе «ценностного ядра» спортсменов находятся такие ценности как: «спорт», «здоровье», «тело», «деньги», «карьера», «известность»;
- спортсменами игнорируются более устойчивые и менее подверженные внешним влияниям качества, например, «хорошее образование», «профессия», «чувство юмора» или «духовность»;
- при разрушении башни спортсмены проявляют признаки стрессовой реакции: изменялась частота и интенсивность дыхания, происходило покраснение кожных покровов, напряжение мышц шеи и рук;
- при разрушении башни спортсмены старались физически защитить башню, обхватив её руками;
- при построении башни на более устойчивых и менее подверженных внешним влияниям качествах, признаки беспокойства исчезали, появлялась улыбка, выравнивалось дыхание, визуально было заметно, что снижалось напряжение в мышцах.

Заключение. Значимость авторской методики «Башня собственной жизни» основывается на поиске новых подходов к психокоррекционной работе со спортсменами, переживающими психологические кризисы и находящиеся на прохождении лечения или реабилитации после травм. Цель методики – помочь спортсменам найти выход из сложившейся ситуации, через более глубокое понимание ценностей жизни и их роли в построении дальнейших жизненных целей. Методика позволяет в ненавязчивой игровой форме преодолеть сопротивление спортсмена, форсировать психологическую реабилитацию, вернуть спортсмену контроль и ответственность за его/её жизнь. Простота использования, краткий временной период (70–90 минут на полноценное занятие), быстрое погружение в глубинные установки и при снижении психологического сопротивления со стороны спортсмена, можно считать основными преимуществами методики.

1. Анисимов О.С. Цели и ценности: сущностные сопоставления // Мир психологии. – 2008. – № 4. – С. 178–189.
2. Леонтьев А.Н. Проблемы деятельности в психологии // Вопросы философии. – 1972. – № 9. – С. 95–108.
3. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
4. Плотникова Н.С. Методика коррекции ценностных ориентаций личности «Построение «Башни собственной жизни» в работе со спортсменами // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 76–83.
5. Смирнов Л.М. Уровень ценности в структуре личности // Мир психологии. – 2007. – № 4. – С. 220–230.
6. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. – Самара: Издательский дом БАХРАХ-М, 2001. – 128 с.

Взаимосвязи социально-психологической адаптации и черт большой пятерки у спортсменов

Социально-психологическая адаптация, преадаптация, спорт высших достижений

Огромные проблемы современного мира, такие как неопределенность, сложность, свидетельствуют о том, что время стремительных перемен уже наступило. XXI век является разнообразным, но неопределенным этапом для общества, так как включает в себя дисбаланс современного времени, благодаря которому общество не успевает за будущим днем [2]. Следовательно, для положительной социально-психологической адаптации обществу необходимо подключать ряд факторов, которые помогут эффективнее включиться в данный процесс [1, 3].

Цель исследования – изучить взаимосвязи социально-психологической адаптации и черт большой пятерки у спортсменов. В нашем исследовании участвовало 50 действующих спортсменов разной квалификации. Для изучения социально-психологической адаптации и черт большой пятерки мы применяли методику социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд и опросник большой пятерки по Голдбергу.

Осуществив корреляционный анализ у спортсменов, мы установили, что параметр экстраверсия имеет прямые взаимосвязи с эмоциональным дискомфортом ($r = 368$, $p = 0,01$), доминированием ($r = 404$, $p = 0,01$), эскапизмом ($r = -337$, $p = 0,05$) и обратную связь с принятием других ($r = -393$, $p = 0,01$). Следовательно, личностная черта «экстраверсия» выступает как ограничение, так как открытость при общении у спортсменов может вызывать эмоциональное напряжение, проявление доминирования и уход от проблем.

Показатель «нейротизм» имеет обратные связи с эмоциональным дискомфортом ($r = -329$, $p = 0,05$) и эскапизмом ($r = -309$, $p = 0,05$). Личностная черта «нейротизм» у спортсменов снижает эмоциональное напряжение и эскапизм. С показателями «доброжелательность», «самоконтроль», «открытость опыту» взаимосвязей обнаружено не было.

В результате корреляционного анализа у спортсменов разной квалификации мы не установили ресурсных параметров для процесса социально-психологической адаптации. Поэтому при подготовке спортсменов в тренировочном или соревновательном периодах необходимо учитывать данные уязвимые параметры и прорабатывать их с помощью психологической подготовки.

1. Иванова А.И. Социально-психологическая адаптация: классификация и механизмы // Вестник университета. – № 9. – С. 255–259.
2. Кокоулина О.П. Социально-психологическая адаптация спортсменов после завершения профессиональной карьеры // Теория и практика физической культуры. – № 7. – С. 49–51.
3. Толочек В.А. Адаптация субъекта к социальной среде: парадоксы, парадигмы, психологические механизмы // Мир психологии. – С. 131–146.

Особенности взаимосвязи метакогнитивных умений и персональных ресурсов спортсменов различной квалификации

Метакогнитивные умения, метакогнитивные процессы, персональные ресурсы, спортсмен

Высокая конкуренция в спорте высших достижений, неопределенность будущего, стремительные изменения приводят к необходимости поиска ресурсов для преодоления спортсменами стрессовых ситуаций и достижения результатов. В этой связи актуальным представляется исследование универсальных умений высокого порядка или метакогнитивных умений, которые позволяют осмысливать свое поведение, регулировать его в зависимости от ситуации, эффективно выполнять свою профессиональную деятельность [1].

Цель исследования – установить особенности взаимосвязи метакогнитивных умений и персональных ресурсов спортсменов различной квалификации. В исследовании приняли участие 54 спортсмена (мастера спорта ($n = 13$), кандидаты в мастера спорта ($n = 21$) и 1-й взрослый разряд ($n = 20$)) в возрасте от 16 до 24 лет. Применены диагностические методы – опросник «Метакогнитивная включенность в деятельность» (Е.И. Перикова, В.М. Бызова) для определения метакогнитивных умений; опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Н. Водопьянова, М. Штейн) с целью установления оценки взаимодействия потерь и приобретений личностных ресурсов спортсменов. Метод математической статистики – коэффициент корреляции r -Спирмена.

В результате исследования выявлено, что, независимо от квалификации, у спортсменов с ростом метакогнитивных умений повышается уровень ресурсности. Спортсмены, которым свойственно в процессе соревновательной и тренировочной деятельности проводить анализ своих познавательных процессов, регулировать свое поведение, пополнять знания о себе и о том, как, когда и почему применять когнитивные стратегии, находить причины неудач и вносить изменения в свои выступления для их недопущения, в большей степени повышают свой ресурсный потенциал. У мастеров спорта умение оценивать свою эффективность положительно взаимосвязано с уровнем ресурсности; с ростом уровня умения анализировать эффективность применяемых стратегий снижается вероятность проявления потери ресурсов. В то же время у кандидатов в мастера спорта и спортсменов, имеющих 1-й взрослый разряд, взаимосвязи выявлены между уровнем ресурсности и контролем осуществления своей деятельности. У кандидатов в мастера спорта повышение уровня умения планировать свои действия снижает вероятность потери ресурсов, тогда как для спортсменов, имеющих 1-й взрослый разряд, таким умением выступает планирование и стратегии управления информацией. Следует отметить, что у кандидатов в мастера спорта и спортсменов, имеющих 1-й взрослый разряд, выявлены положительные корреляционные взаимосвязи между уровнем приобретения ресурсов и метакогнитивными умениями контроля компонентов и регуляции своих действий.

Полученные данные свидетельствуют том, что универсальными метакогнитивными умениями, с повышением которых вероятно повышение ресурсного потенциала спортсменов, выступают метакогнитивные умения, направленные на регулирование своего поведения, анализа ситуаций и мониторинг допущенных ошибок. У спортсменов, имеющих 1-й взрослый разряд, и кандидатов в мастера спорта развитие умений контролировать свои спортивные результаты, анализировать правильность применяемых в ходе соревнований и тренировок действий, повышает вероятность формирования ресурсного запаса. Мастера спорта, совершенствуя метакогнитивное умение оценивания эффективности своих стратегий, повышают вероятность увеличения своего ресурсного потенциала. Таким образом, формирование у спортсменов метакогнитивных умений повышает их адаптационные возможности и, соответственно, сопротивляемость к стрессу.

1. Ловягина А.Е. Исследования метакогнитивных процессов у спортсменов: теоретические и прикладные проблемы / А.Е. Ловягина // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2023. – № 13. – С. 115–117.

Об актуальности разработки и внедрения профессионального стандарта «спортивный психолог»

Спортивный резерв, психологическая подготовка, профессиональный стандарт «спортивный психолог», федеральный стандарт спортивной подготовки

Подготовка психологов содержательно и процессуально определяется федеральными государственными образовательными стандартами для бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки 37.03.01 и 37.04.01 соответственно. В приложениях к ним указан перечень профессиональных стандартов и направления деятельности, соответствующие профессиональной деятельности выпускника, освоившего программу, это «образование и наука» и «социальное обслуживание».

Закономерно возникает вопрос: кто будет осуществлять психологическую подготовку в спорте? Концепция подготовки спортивного резерва в РФ, реализуемая до 2025 года, уже сейчас определяет задачи психологического сопровождения, отбора и мотивации.

В ходе анализа действующих Федеральных стандартов спортивной подготовки (ФССП) по 120 видам спорта нами обнаружено, что психологическая подготовка включена в раздел «Теоретическая, тактическая и психологическая подготовка», но не имеет собственного цифрового показателя в общем учебно-тренировочном времени. Например, в ФССП по единоборствам на «Теоретическую, тактическую и психологическую подготовку» отводится: 1–47% времени от всего тренировочного объема; на этапе начальной подготовки 1–25%; учебно-тренировочном этапе 1–42%; этапе совершенствования спортивного мастерства 1–45%; высшего спортивного мастерства 1–47%. Математический расчет времени показал, что соотношение процента к единице времени по этапам подготовки составляет в неделю: НП – 4,8–120 минут; УТЭ – 9,6–240 минут; ССМ – 13,2–594 минут; ВСМ 19,2–902,4 минут.

В игровых командных видах спорта – НП 1–25%; УТЭ 4–35%; ССМ 8–36%; ВСМ 8–44%, что соответствует в неделю в минутах: НП – 4,8–211,2; УТЭ – 43,8–383,25; ССМ – 115,2–518,4; ВСМ – 153,6–844,8.

Психологическая подготовка спортсменов становится актуальным направлением спортивной подготовки начиная с этапа совершенствования спортивного мастерства и максимальных значений выделенного времени достигает на этапе высшего спортивного мастерства.

Решение проблемы организации психологической подготовки на многолетних этапах спортивной подготовки нам видится в принятии профессионального стандарта «Спортивный психолог». Членами НКО «Ассоциация спортивных психологов» разработан проект стандарта, в котором предложена структура обобщенных трудовых функций [1]:

А) Психологическое сопровождение процесса спортивной подготовки на спортивно-оздоровительном начальном, учебно-тренировочном этапах;

В) Психологическое сопровождение процесса спортивной подготовки на начальном и тренировочном этапе, на этапе совершенствования спортивного мастерства и высшего спортивного мастерства;

С) Психологическое сопровождение процесса спортивной подготовки на этапе совершенствования спортивного мастерства;

Д) Психологическое сопровождение процесса спортивной подготовки на этапе высшего спортивного мастерства;

Е) Психологическое сопровождение процесса подготовки спортивной команды, спортивной сборной команды субъекта Российской Федерации к выступлениям на спортивных соревнованиях;

Ф) Психологическое сопровождение процесса подготовки спортивной сборной команды Российской Федерации по виду спорта к выступлениям на официальных спортивных соревнованиях.

Профессиональный стандарт в качестве ориентиров должен быть построен на принципах и приоритетах развития, деятельностного подхода в вопросах профилактики выгорания спортсменов, их эффективного взаимодействия и профессионального роста, а также отражать принципы оказания психологической помощи, консультирования и реабилитации.

Необходимо трудоустройство выпускаемых спортивных психологов в спортивные школы как наиболее массовые организации, осуществляющие спортивную подготовку, в команды и клубы, а для этого нужна не только качественная подготовка специалистов, но и профессиональный стандарт как гарант качества и драйвер профессионального развития спорта.

1. Хвацкая Е.Е., Полканова В.С., Серова Л.Е., Федоров В.Г. Психологическое сопровождение спортивного резерва // Психология спорта. – 2023. – № 6. – С. 48–50. www.teoriya.ru

Экспериментальное исследование влияния дзюдо на основные характеристики буллинга в школах Республики Армения

Буллинг, психологическое здоровье, дзюдо, школьники

Буллинг в школах является системной проблемой, которая касается всех участников данного процесса и представляет собой преднамеренное, систематически повторяющееся агрессивное поведение, характеризующееся дисбалансом сил. Буллинг влияет на качество образования, на особенности эмоционального профиля личности, на дальнейшее профессиональное развитие, может привести к саморазрушающему, девиантному поведению и т.д. При этом разрушающее влияние буллинга не останавливается только на самих участниках, от этого страдают близкие жертв, одноклассники и друзья, у которых могут развиваться тревожные расстройства. Помимо этого буллинг может проявляться не очень интенсивно и незаметно для учителей и родителей, в связи с чем очень важно распознавать проявления буллинга еще в зародышевом состоянии.

Вышесказанное указывает на актуальность и своевременность исследования проблемы буллинга.

В связи с чем мы задались целью изучить особенности влияния спортивных тренировок по дзюдо на особенности проявлений буллинга, а также на компоненты здоровья школьников в РА.

В эксперименте приняли участие 67 школьников. Школы были выбраны случайно по всей Армении для получения более полной картины проблемы. Для выявления выраженности различных ролей буллинга использовали тест Е.Г. Норкиной «Методика на выявление «Буллинг-структуры», для выявления уровня различных составляющих здоровья (психического, физического, социального, эмоционального и духовного) использовали «Методику изучения психологического благополучия», разработанную ВОЗ. Программа спортивных тренировок по дзюдо состояла из 16 тренировок. Тренировки проводились один раз в неделю на уроке физкультуры. Программа тренировок включала теоретическую часть о философии и истории дзюдо, практическая часть включала техники самообладания, акробатические упражнения, упражнения общей физической подготовки, броски, техники вращения, техники захвата, эстафеты, специализированные игры.

После проведения 4-месячных тренировок нами был проведен контрольный опрос по тесту Д. Олвеуса «Буллинг» и опроснику, составленному нами из 12 вопросов, который был направлен на выявление изменений уровня агрессивности, самообладания, уверенности, коммуникации, самопознания.

Полученные данные подверглись математическому анализу по статистической программе SPSS-22.0.

Показано, что в среде школьников преобладает как роль обидчиков и их помощников, так и жертв.

И так как в наших предыдущих исследованиях было показано, что занятия дзюдо особенно положительно влияют на понижение жертвенности [1, 2], то для контроля был выбран тест Д. Олвеуса, который выявляет два типа жертв: те, кто которые не могут скрывать обиду, и те, которые провоцируют негативное отношение.

Полученные нами данные показали, что уровень жертвенности у участников буллинга достоверно понизился. По результатам опроса было определено, что у участников эксперимента улучшились отношения с учителями и сверстниками, повысилась уверенность в своих силах, а также контролирование своих эмоций и познание эмоций других.

Таким образом, было выявлено, что составленная нами программа спортивных тренировок по дзюдо может целенаправленно влиять на детерминанты проявлений жертвенности в процессе буллинга и иметь профилактическое значение.

1. Хитарян Д., Степанян Л.С. Психологические паттерны влияния дзюдо на проявления буллинга у подростков // Спорт, человек, здоровье. XI Международный конгресс, 26–28 апреля 2023 года, Санкт-Петербург, Россия: материалы конгресса. – СПб., 2023. – С. 295–297.
2. Khitaryan D., Stepanyan L., Tonikyan T. The features of Emotional Profile of Bullying participants // Georgian medical news. – 2022. – № 12 (333). – P. 46–50.

Исследование выполнено при грантовой поддержке комитета науки МОНКС РА в рамках проекта 21T-5C071.

Опросник «Профессиональная ориентация спортивного психолога»: интерпретация и использование результатов

Спортивная психология, профориентация психологов, тестирование, профессиональная самореализация

Успешная профессиональная самореализация психолога – актуальная задача, связанная с сохранением психического и физического благополучия социума в целом. Спортивная психология – отдельная отрасль современной психологической науки, где требуется особая подготовка специалистов, что прежде всего определяется возможностью последующей работы с разными категориями участников спортивной деятельности, заинтересованными в получении качественных психологических услуг.

Опираясь на многолетний опыт реализации учебных программ по психологии спорта на базе АНО ДПО «Национальный институт биомедицины и спорта», нами был разработан опросник, позволяющий формализовать и оценить особенности профессиональной ориентации современного спортивного психолога.

Опираясь на собственный опыт и имеющиеся знания, респонденту предлагается оценить желательность или готовность к различным типам работы, взаимодействию с несколькими категориями участников спортивной деятельности, а также возможность использования различных вариантов направленности, длительности и формы реализации психолого-педагогических услуг.

Тип работы:

- информационно-образовательная деятельность,
- научно-методическое обеспечение спортивной подготовки,
- практическая работа (психолого-педагогическое сопровождение подготовки и соревновательной деятельности).

Категории:

- юные спортсмены,
- спортсмены-подростки,
- спортсмены высокой квалификации,
- представители «любительского» спорта,
- представители «корпоративного» спорта,
- спортсмены, имеющие ограниченные возможности здоровья,
- тренеры,
- родители юных спортсменов.

Направленность работы:

- индивидуальная,
- групповая,
- общекомандная.

Длительность:

- краткосрочная,
- среднесрочная,
- долговременная.

Форма работы:

- очная,
- очно-заочная,
- заочная.

Оценка желания или готовности работать в сфере спортивной психологии осуществляется по пятиуровневой шкале – «нет» (А), «скорее нет» (Б), «затрудняюсь ответить» (В), «скорее да» (Г), «да» (Д).

Для получения итогового результата нужно суммировать число ответов по каждой из пяти категорий (А, Б, В, Г, Д).

Если сумма ответов «В» больше суммы ответов «Г+Д» или хотя бы в одном из пяти разделов нет ни одного ответа категории Г или Д («скорее да» или «да»), это является показателем высокой степени неопределённости спортивного психолога в выборе направлений будущей деятельности.

Если сумма ответов «А+Б» больше суммы ответов «Г+Д», это иллюстрирует наличие у психолога конкретных, но достаточно ограниченных возможностей самореализации в профессии.

Если сумма ответов «А+Б» меньше суммы ответов «Г+Д», это говорит о стремлении психолога работать разнообразно и комплексно.

Если сумма ответов «А+Б+В» меньше суммы ответов «Г+Д», это свидетельствует не только о готовности психолога к разнообразной работе, но, вероятно, о его большом опыте и/или высокой мотивации и уверенности в своих силах.

Данный опросник может быть рекомендован не только для профессионального самоопределения начинающих спортивных психологов, но и для опытных психологов, планирующих перейти в спортивную сферу. Его целесообразно использовать в рамках проведения супервизии, а также реализации учебных программ повышения квалификации.

Системная детерминация самореализации личности в детско-юношеском спорте

Спортивная деятельность, успешная самореализация личности, психологическая подготовленность, системная детерминация

Традиционно считается, что психологическая подготовленность спортсмена является системной детерминантой его успешности. Однако, если учесть, что успешность спортсмена и успешная самореализация его личности – это далеко не синонимические понятия, о чем свидетельствуют результаты исследований [2], то целью данного исследования является изучение влияния психологической подготовленности спортсмена на успешность самореализации его личности в спортивной деятельности.

Для организации исследования с помощью авторских методик: «Типы самореализации личности в детско-юношеском спорте» [1], «Особенности самореализации личности в детско-юношеском спорте» были сформированы две группы юных спортсменов от 14 до 18 лет, характеризующихся высоким ($n = 110$) и низким ($n = 110$) уровнями успешности самореализации личности в спортивной деятельности. Показатели психологической подготовленности спортсменов (фрустрационная толерантность, самоконтроль, волевая активность) получены по результатам диагностики по опросникам «Психологическая подготовленность спортсмена» (С.М. Гордон, Л.Т. Ямпольский) и «Психическая надежность» (В.Э. Мильман).

Результаты. Сравнительный анализ психологической подготовленности юных спортсменов с успешной (реальная, потенциальная) и неуспешной (иллюзорной, конфликтной) самореализацией и/или высокой степенью ощущения отсутствия самореализации показал, что психологическая подготовка спортсменов является одним из основных условий как достижения высоких результатов в спорте, так и реальной успешной самореализации.

Процентное распределение юных спортсменов, характеризующихся успешной и неуспешной самореализацией их личности, по уровню их психологической подготовленности отличается друг от друга на достоверном уровне различий ($\chi^2 = 114,84$; $p < 0,001$).

Большинство юных спортсменов, характеризующихся успешной самореализацией своей личности и своих потенциальных способностей, имеют и высокий уровень психологической подготовленности (39,09%), тогда как во второй исследовательской группе более 50% юных спортсменов считаются психологически неподготовленными к спортивно-соревновательной деятельности, что приводит к снижению их реальных спортивных достижений.

Сравнительный анализ среднегрупповых показателей психологической подготовленности юных спортсменов двух исследовательских групп показал различия между группами: фрустрационная толерантность ($t = 2,27$; $P < 0,001$), самоконтроль ($t = 3,51$ $P < 0,001$), волевая активность ($t = 2,19$; $P < 0,05$). Юные спортсмены, кто характеризуется высокими баллами по показателям реальной успешной самореализации, проявили достаточную степень уравновешенности перед соревнованиями, вполне уверены в себе и в своих силах, что может быть связано как с высоким уровнем спортивного мастерства, так и с реальной адекватной оценкой своих возможностей и адекватным уровнем притязаний. При временных неудачах и неожиданных поражениях такие спортсмены не падают духом, а намечают пути самоизменения и самосовершенствования. Однако и в этой группе есть спортсмены, которые продемонстрировали либо очень высокие баллы по шкале «Фрустрационная толерантность» ($22,6 \pm 2,3$), либо, напротив, крайне низкие ($15,4 \pm 1,6$), что позволяет нам говорить о существовании других факторов успешной самореализации личности в детско-юношеском спорте.

На высоком уровне значимости отличаются показатели самоконтроля в группе успешно самореализующихся юных спортсменов ($8,2 \pm 0,8$) и их сверстников ($4,9 \pm 0,5$), не удовлетворенных своей самореализацией в спорте. Для многих испытуемых первой исследовательской группы характерна организованность, собранность, дисциплинированность, целенаправленность. Их действия отличаются планомерностью и упорядоченностью, тогда как в другой группе – напротив, большинство составляют такие юные спортсмены, кто достаточно часто теряет себя, ведет себя хаотично, непоследовательно; перед соревнованиями зачастую они не могут сосредоточиться, так как не владеют приемами саморегуляции поведения и деятельности. Робость, нерешительность, отсутствие упорства, активности – все это может быть как причиной, так и следствием неудовлетворенности самореализацией своей личности.

Выводы. Психологическая подготовленность выступает системной детерминацией как успешности в спорте, так и самореализации личности. Однако сущность психологической подготовленности, ее

структура, способы оценки до конца не выявлены. В связи с этим были далее проведены исследования, ориентированные на изучение факторов, детерминирующих особенности и уровни самореализации личности в детско-юношеском спорте.

1. Уляева Л.Г. Типы самореализации личности в спорте / Л.Г. Уляева, Т.Д. Дубовицкая, А.В. Шашков // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 4. – С. 77.
2. Уляева Л.Г. Личностные ресурсы спортсменов: структура, содержание, психологические условия их реализации в детско-юношеском спорте: Монография. – М.: Перспектива, 2023. – 216 с..

Абрашкин Д.А., Найченко М.В., Богданова О.А.
Москва, ОАО НИИЭС

Исследование характеристик изменения динамики распределения саккад летчика в процессе эксплуатации самолёта в условиях сложных положений

Эксперимент, саккады, летный состав, регистрация направления взгляда

Значительное число современных исследований психологических и психофизиологических факторов эффективности профессиональной деятельности специалистов-операторов посвящены изучению адаптационных возможностей человека, функциональных состояний операторов в экстремальных условиях, личностных качеств специалистов, но с все большим усложнением современной техники, включая и летательные аппараты, возникает необходимость для разработки более тонких и точных методов определения психофизиологического состояния операторов.

Цель исследования – исследование характеристик изменения динамики распределения саккад летчика в процессе эксплуатации самолёта в условиях сложных положений.

Для реализации цели исследования была разработана методика проведения эксперимента, в результате которого получены данные об изменении динамики распределения саккад. Сбор данных осуществлялся с использованием системы бесконтактной регистрации движений глаз Tobii Pro Lab и статистически обрабатывался с помощью программы Tobii Studio.

Исследование проводилось на базе технических средств открытого акционерного общества «Научно-испытательный институт эргатических систем», в рамках проведения комплексного эксперимента, в составе экспериментальной бригады сотрудников организации в полунатурных условиях с использованием имитационного моделирующего комплекса. Сценарий полета включал в себя 10 последовательных вывода самолета из сложных положений в горизонтальный полет.

Обработка и анализ полученных данных выявили следующие усредненные результаты:

- среднее количество саккад в процессе фоновой деятельности, выполнения прямолинейного горизонтального полета равно 650 саккад;
- среднее время вывода самолета из сложного положения составило 116,1 секунды при среднем количестве саккад равном 1467,5;
- среднее отклонение времени вывода самолета из сложного положения составило 18,7 секунды при среднем отклонении количества саккад равном 305,4.

Анализ динамики распределения саккад показал возможность определения уровня психоэмоциональной напряженности и момента наступления экстремальных и критических ситуаций в деятельности летчика, а также позволяет прогнозировать эффективность деятельности специалистов операторского профиля в условиях высокой информационной нагрузки.

При этом показано, что на увеличение информационной нагрузки операторы реагируют быстрым нарастанием физиологической активации, проявляющейся в увеличении показателей количества саккад, которое носит дифференцированный характер в зависимости от сложности ситуации.

В процессе анализа экспериментальных данных статистически подтверждено (с помощью коэффициента корреляции Пирсона) наличие корреляции между динамикой распределения саккад и длительностью вывода самолета из сложного положения.

Полученные данные могут быть использованы для тестирования летных экипажей и определения наиболее предпочтительной компоновки информационно-управляющего поля кабины летательного аппарата. Подтверждена возможность использования данного метода для определения уровня психоэмоциональной напряженности оператора.

В результате исследования также подтверждена гипотеза о взаимосвязи изменения динамики распределения саккад летчика с ростом напряженности деятельности в процессе эксплуатации летательного аппарата в сложных условиях полета. Полученные данные могут быть использованы для тестирования летных экипажей, для определения наиболее предпочтительной компоновки информационно-управляющего поля кабины летательного аппарата, более предпочтительных, эффективных и безопасных алгоритмов выполнения задач летчика и для выявления наиболее напряженных этапов выполнения полета.

Факторы сверхдоверия и сверхнедоверия специалиста информации от интерфейса технической системы

Сверхдоверие, сверхнедоверие, интерфейс технической системы

Эффективное взаимодействие специалиста с техническими системами долгие годы является центральной проблемой инженерной психологии. В настоящее время функции специалиста трансформировались в слежение за функционированием системы. Активное включение специалиста в управление предусматривается в нестандартных ситуациях [1]. В этой связи, актуальным становится рассмотрение отношений доверия/недоверия специалиста к информации систем поддержки принятия решения от интерфейса технической системы (ИТС).

Исследователи указывают на «ошибки доверия» из-за крайне высокого доверия (сверхдоверия) и крайне высокого недоверия (сверхнедоверия) системе: риск снижения контроля за технической системой, когнитивные перегрузки специалиста и др. [1]. Несмотря на негативное влияние сверхдоверия и сверхнедоверия на эффективность взаимодействия специалиста с технической системой (далее – взаимодействие), эта проблема практически не подвергалась специальному изучению.

Цель исследования заключалась в выявлении факторов сверхдоверия и сверхнедоверия информации от ИТС.

Изучение доверия/недоверия информации от ИТС рассматривалось нами во взаимосвязи с доверием/недоверием к источнику информации (технической системе) и доверием специалиста себе как профессионалу, опосредованными ситуацией проявления доверия/недоверия [2]. Доверие/недоверие специалиста технической системе мы понимаем как социально-психологическое отношение, которое возникает и проявляется в их взаимодействии и выполняет функцию регуляции этого взаимодействия. Сверхдоверие в максимальном проявлении можно рассматривать верой в техническую систему, а сверхнедоверие – неверием ей [3]. Учитывая результаты ранее проведенных исследований, проявления у специалиста сверхдоверия и сверхнедоверия информации от ИТС могут определяться сочетаниями крайне низких и крайне высоких значений доверия/недоверия технической системе и доверия/недоверия себе как профессионалу:

- проявлениям сверхдоверия информации от ИТС способствуют сочетания у специалиста сверхдоверия технической системе и сверхнедоверия себе как профессионалу.
- проявлениям сверхнедоверия информации ИЧМ способствуют сочетания у специалиста сверхнедоверия технической системе и сверхдоверия себе как профессионалу.

Обоснованность предложенной модели была подтверждена в исследовании доверия/недоверия ИТС операторов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Среди участников исследования (11 чел.) 18% характеризовались сочетаниями высоких значений доверия БПЛА и низких значений доверия себе и были отнесены к склонным к проявлениям сверхдоверия информации от интерфейса ИТС, 9% характеризовались сочетаниями низких значений доверия БПЛА и высоких значений доверия себе и были отнесены к склонным к проявлениям сверхнедоверия.

Таким образом, крайне выраженные показатели доверия/недоверия специалиста технической системе и себе как профессионалу могут рассматриваться факторами сверхдоверия и сверхнедоверия информации от ИТС. Негативное влияние этих феноменов будет наиболее вероятным в нестандартных ситуациях вследствие отсутствия объективности их оснований.

1. Величковский Б.Б. Психологические проблемы когнитивной эргономики // Мир психологии. – 2018. – № 4(96). – С. 102–115.
2. Купрейченко А.Б., Шляхова Е.В. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа // Психологическая наука и образование. Электронный научный журнал. – 2012. – № 1. – URL: www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_1_2654.pdf.
3. Обознов А.А., Акимова А.Ю., Рунец О.В. Феномены сверхдоверия и сверхнедоверия оператора к интерфейсу «человек – искусственный интеллект» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2021. – Т. 6, № 2. – С. 4–20. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_001.

Нелинейность и релятивизм связей в психологии труда

Профессиональное самоопределение, тип личности, коэффициент корреляции, коэффициент силы связи

Выбор профессии или профессиональное самоопределение – основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных решений в жизни. Опрос студентов Курганского государственного университета проводился методом случайной выборки среди 300 человек 24 специальностей, которые для сравнительного анализа статистических связей были разделены на три примерно равные профессиональные группы: гуманитарные специальности (Г) – 92 респондента (30.67%), технические специальности (Т) – 112 респондентов (37.33%), естественно-научные специальности (Е) – 96 респондентов (32%).

Наряду с социологическими факторами, влияющими на выбор специальности, изучались и психологические факторы в рамках двух методик: Дж. Холланда «Самонаправленный поиск»; Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности». Всего при анализе связей рассматривались 38 интервальных показателей.

Вначале при общем анализе выявленных линейных и простейших нелинейных зависимостей можно отметить, что сильных (значения по модулю больше 0.7) корреляций между изучаемыми показателями во всех трех изучаемых группах не выявлено. Наибольшие из найденных корреляций – это средние корреляции из интервала 0.6–0.7 в количестве 4 (Г:2, Е:1, Т:1) и корреляции из интервала 0.5–0.6 в количестве 25 (Г:4, Е:8, Т:13).

Сильных связей нелинейной природы с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$ и одновременно слабыми и очень слабыми корреляциями определилось 25 (Г:13, Е:8, Т:4), из них в категорию ошибок 1 типа, когда корреляция слабая, даже ниже порога значимости (для рассматриваемых выборок по группам специальностей это значения 0.19–0.21), попадают 17 зависимостей (Г:11, Е:2, Т:4), а в категорию ошибок 2 типа, когда корреляция слабая, но может трактоваться как значимая, попадают 8 зависимостей (Г:2, Е:6, Т:0).

Разделение всей совокупности представителей 24 специальностей на 3 типа специальностей оправдано тем, что даже средние (0.5–0.7) линейные связи в разных группах практически не повторяются. Исключениями являются только две пары показателей.

Рассмотрим для примера одну зависимость, которая является сильной для гуманитарных специальностей: зависимость показателя «Согласие родителей с выбором специальности» (Y) от показателя «Тип личности Отшельник» (X), которая присуща только представителям гуманитарного направления и описывается коэффициентом силы связи $SV = 0.9322$, при этом коэффициент корреляции $r = -0.13$ описывает ее как очень слабую, «незначимую» зависимость. Это зависимость показателя социологического содержания от проявления психологического типа.

Для сильной зависимости у представителей гуманитарных специальностей вначале идет сильное возрастание зависимой переменной Y по сравнительной весомости с –325 на 1 кварте (по шкале теста: $0X < 3$, 19 человек) до максимального значения +3869 на 2 кварте (по шкале теста: $3X < 5$, 25 человек), после чего наблюдается резкое убывание зависимой переменной до значения –361 на 3 кварте (по шкале теста: $5X < 8$, 28 человек). На заключительном шаге зависимости при переходе на 4 кварту независимой переменной (по шкале теста: $8X < 12$, 20 человек) в значении зависимой переменной (–394) практически ничего не меняется.

Таким образом, зарождение на 2 кварте отдельных черт отшельнического типа у представителей гуманитарного направления способствует проявлению, по их мнению, практически абсолютного согласия родителей с их профессиональным выбором, чего им не кажется, когда черты отшельнического типа практически отсутствуют (1 кварта). Но дальнейший рост проявления черт отшельнического типа приводит опять к восприятию, что родители не согласны с их профессиональным выбором (3 и 4 кварталы).

Зависимости между теми же показателями для представителей естественно-научного и технического направлений достаточно слабые: 0.3015 и 0.1047 по значению коэффициента силы связи.

Таким образом, для более глубокого понимания и интерпретации необходимо релятивистское изучение специфических статистических связей (авторский метод) для отдельных профессиональных групп, и желательно в рамках единой задачи.

От потери ресурсов к выгоранию

Цифровизация профессиональной деятельности, неудовлетворенность жизнью, выгорание, адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде

Актуальность проблемы выгорания приобретает новые векторы в связи с ростом цифровизации различных сфер жизнедеятельности россиян. Работа в цифровой среде (ЦС) существенно меняет характер коммуникаций и взаимодействий с предметом, объектом и субъектами профессиональной деятельности. Это требует актуализации различных ресурсов для адаптации к новым условиям труда.

В литературе отмечается, что с ростом цифровизации растут риски выгорания и других синдромов профессиональной дезадаптации [3]. Это проявляется в снижении трудовой мотивации, работоспособности, переживаниях негативных и неравновесных психических состояний, проявлениях различных психосоматических заболеваний. Ежедневная многочасовая работа в цифровой среде способствует нарушениям опорно-двигательного аппарата, развитию гипертонии, диабета и других заболеваний [4].

Цель исследования заключалась в проверке гипотезы о взаимосвязи выгорания с потерей психологических ресурсов специалистов социэкономических профессий в условиях нарастающего взаимодействия с ЦС.

В исследовании приняли участие 160 представителей социэкономических профессий в возрасте от 20 до 65 лет, мужского и женского пола. Стаж работы от 1 года до 42 лет. Ежедневная работа в ЦС от 5 и более часов. Использовались методики:

1. Опросник «Потери и приобретения персональных ресурсов» [1].
2. Новая версия опросника профессионального выгорания [2].

Обнаружено, что интегральный показатель профессионального выгорания на 1% уровне значимости коррелирует с неудовлетворенностью жизнью (экзистенциально-ценностный ресурс). Эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция достижений коррелируют на 1% уровне значимости с интегральным показателем потери ресурсов.

Результаты подтверждают, что ключевым триггером выгорания является потеря ресурсов в виде неудовлетворенности жизнью. Неудовлетворенность работой – один из катализаторов профессионального выгорания.

Выводы: Выгорание и его уровень может рассматриваться как цена профессиональной дезадаптации представителей социэкономических профессий в условиях нарастающих взаимодействий с цифровой средой.

Результаты говорят о важности оптимизации организационных условий, а также баланса работы и отдыха для восстановления психоэнергетических ресурсов, актуализации ресурсов ценностно-смысловой регуляции для профилактики дезадаптации.

1. Водопьянова Н.Е., Наследов А.Д. Стандартизованный опросник «Потери и приобретения ресурсов» для специалистов социэкономических профессий // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия: педагогика и психология. – 2013. – № 26. – С. 8–22.
2. Водопьянова Н.Е., Патраков Э.В., Бугулиев Л.Г. Новая версия опросника профессионального выгорания для IT-специалистов // Международный электронный научный журнал «Перспективы науки и образования». – 2023. – С. 424–440.
3. Патраков Э.В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – № 2. – С. 66–73. DOI:10.34216/2073-1426-2021-27-2-66-73.
4. Padma V., Anand N.N., Gurukul S.S., Javid S.S.M., Prasad A., Arun S. Health problems and stress in information technology and business process outsourcing employees // Journal of pharmacy & bioallied sciences, 7(Suppl 1), – 2015. – P. 9–13.

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РНФ, название гранта «Адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде: цена и ценности (на материале социэкономических профессий)» Проект № 24-28-20414.

Эффективная саморегуляция функциональных состояний как профессионально важная особенность практикующих психологов

Функциональное состояние, психолог, профессиография

Актуальность психологического анализа группы профессий «практикующий психолог» подтверждается данными агрегатора «Альтер», онлайн-школы психологических профессий «Психодемия» и портала Headhunter о росте только за 2022 г. в России на 63% количества обращений в службы психологической помощи [3]. Для изучения труда практикующих психологов проведено исследование с целью обоснования способности к эффективной саморегуляции функционального состояния (ФС) как профессионально важной особенности и основы для успешного решения сложных запросов.

На 1-м этапе выполнено профессиографическое исследование труда психологов. Для выявления информации о факторах напряженности труда наряду со сбором объективных данных проведены онлайн-анкетирование и стандартизированное интервью 20 практикующих психологов, оказывающих психологическую помощь в рамках частной практики (19 женщин, 1 мужчина; средний возраст – $39,4 \pm 7,63$; средний стаж работы в практике – $10,72 \pm 9,2$; все с высшим психологическим образованием; проходят повышение квалификации каждые 1–2 года).

Интервью проводилось при помощи интернет-платформ. С согласия респондентов велись аудиозаписи, тексты которых обработаны методом контент-анализа: выделены категории и подкатегории ответов и рассчитаны частоты их встречаемости.

По ответам на вопрос «С какими темами и запросами вы работаете?» выделены 6 категорий: семейные и личностные кризисы – 25%; отношения – 25%; потери и утраты – 11%; суицидальная идеация – 5%; тяжелые эмоциональные состояния – 16%; зависимости – 3%. По вопросу «Запросы, работа с которыми больше всего утомляет вас», респонденты отмечают: насилие – 6%, межличностные конфликты – 3%, депрессия – 16%, учебная мотивация – 3%, зависимости – 6%, суицидальная идеация и самоповреждающее поведение – 9%. Наиболее демотивирующими являются неоправданные ожидания клиентов – 13%, отсутствие запроса и мотивации к изменениям у клиента – 16%, обесценивание результата работы с психологом – 13%, ситуации «заражения» эмоциями клиента и выход из терапевтической позиции – 6%.

Итоги анализа собранных материалов позволяют утверждать, что в работе психологов присутствуют факторы повышенной напряженности, связанные с предметом труда – клиентским запросом. Их действие часто влечет за собой формирование деструктивного стресса, поэтому для поддержания надежности работы психологам необходимо уметь применять адекватные средства саморегуляции ФС [1].

На 2-м этапе для выявления таких средств систематизированы ответы на вопрос «Какие приемы работы со своим состоянием вы используете особенно часто?» по следующим категориями: супервизия – 23%; личная терапия – 17%; письменные практики, самотерапия, ведение дневника – 8%; варьирование нагрузки и запросов – 8%. В отдельную категорию вынесены навыки и методы саморегуляции (47%) с подкатегориями: самоконтроль ФС; снижение нагрузки, дыхательные практики, прогулки пешком, переключение на нерабочие занятия, занятия спортом, забота о теле, соблюдение графика работы и отдыха. Ответы показывают, что психологи хорошо дифференцируют и используют разные средства саморегуляции ФС.

Полученные результаты подтверждают требования профстандарта «психолог-консультант» к профессиональным умениям применять методы саморегуляции ФС для преодоления дистресса [3]. Таким образом, обоснованным можно считать вывод о том, что для профессии «психолог-консультант» эффективная саморегуляция ФС является профессионально важной особенностью для обеспечения продуктивной работы.

1. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. – М.: Смысл, 2009.
2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5748777>
3. URL: profstandart.rosmintrud.ru Профессиональный стандарт «Психолог-консультант», утвержден Приказом минтруда России от 14.09.2022 № 537н «Об утверждении профессионального стандарта «Психолог-консультант» (зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2022 № 70506).

Факторы карьерной адаптивности у студентов 1 курса вуза

Карьерная адаптивность, студенты, субъект труда

Актуальность исследования заключается в том, что карьерная адаптивность рассматривается в основном зарубежными исследователями (D. Super, E. Knasel M. Savickas, C.W. Rudolph, H. Zacher, K.G. Wilkins и др.), а в отечественной психологии изучение данной проблемы находится в начале своего пути и представлено в основном в рамках исследований школьников (Н.Г. Кондратюк, А.В. Бурмистрова-Савенкова, В.И. Моросанова) [1]. Научная проблема может быть сформулирована в виде вопроса: каковы факторы карьерной адаптивности у студентов 1 курса?

В нашей работе мы придерживаемся взглядов М. Савикаса [2] на карьерную адаптивность как готовность справляться с предсказуемыми задачами подготовки (preparing) и реализации (participating) своей рабочей роли и с непредсказуемыми задачами, которые вызваны изменениями в работе и её условиях. Компонентами карьерной адаптивности являются заинтересованность (concern), контроль (control), любознательность (curiosity) и уверенность (confidence).

В различных исследованиях в качестве факторов, которые оказывают влияние на карьерную адаптивность, рассматриваются пол, опыт работы, личностные факторы (добросовестность, уверенность в себе, саморегуляция и др.), социальная поддержка, образовательная среда. Также упоминаются такие факторы, как академическая успеваемость, планирование карьеры, карьерная самоэффективность, удовлетворенность жизнью, карьерой и трудом, осознанная саморегуляция.

В нашем исследовании в качестве факторов, влияющих на карьерную адаптивность, мы рассматриваем карьерную мотивацию и самоэффективность, удовлетворенность жизнью, способность самоуправления и осознанную саморегуляцию.

Выборка исследования: студенты 1 курса вуза г. Ярославля – 81 человек.

Методы исследования: шкала карьерно-адаптационных способностей (М. Савикас, Э. Порфели), Опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ2020» (В.И. Моросанова), Методика «Способность самоуправления» (Н. М. Пейсахов), Методика «Карьерная самоэффективность» (Н. Бетц, адаптация Д. Бондаренко, Е.А. Могилёвкина), Опросник «Мотивации к карьере» (А. Ноэ, Р. Ноэ, Д. Баххубер, адаптация Е.А. Могилёвкина), Опросник «Удовлетворенность жизнью» (автор Н.Н. Мельникова), множественный регрессионный анализ.

Уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{Карьерная адаптивность} = & (0,631) \text{ Карьерное планирование} + (0,419) \text{ Беспокойство о будущем} + \\ & + (0,202) \text{ Принятие решений} + (0,191) \text{ Карьерная причастность} + (-0,363) \text{ Усталость от жизни} + \\ & + (-0,236) \text{ Надежность} + (-0,203) \text{ Карьерное целеполагание} + 9,07. \end{aligned}$$

Данная регрессионная модель объясняет 73,4% дисперсии зависимой переменной, является значимой по критерию Фишера ($F = 28,603$ $p = 0,000$).

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: чем выше у студентов 1 курса способность строить планы, определять сроки и ресурсы для достижения своих карьерных целей, способность легко переходить от плана к реальным действиям, беспокойство о будущем, готовность работать с максимальной отдачей для достижения общих целей, но в то же время чем ниже у них усталость от жизни, способность ставить карьерные цели, устойчивость осознанной саморегуляции психической активности и практической деятельности в сложных, психологически напряженных ситуациях, тем выше их карьерная адаптивность.

1. Кондратюк Н.Г., Колесникова И.М., Жемерикина Ю.И. Взаимосвязь осознанной саморегуляции и карьерной адаптивности старших школьников: лонгитюдное исследование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2023. – № 1. – С. 6–22.
2. Savickas M.L. Career Adaptability: An Integrative Construct for Life-Span, Life-Space Theory // The Career Development Quarterly. – 1997. – № 45(3). – P. 247–259.

**Структурно-психологический анализ в исследовании влияния личностной зрелости
(полноценного функционирования личности)
специалистов сферы социальной защиты
на выраженность профессионального выгорания**

Профессиональное выгорание, личностная зрелость, структурно-психологический анализ, сфера социальной защиты

Предотвращение профессиональной деформации, в частности, такой ее формы, как профессиональное выгорание, до сих пор остается нерешенной проблемой [1]. Исследование влияния на выгорание личностных характеристик, личностной зрелости и поиск методов предотвращения профессионального выгорания является критически важным как для обеспечения высокого качества социальных услуг, так и для сохранения здоровья и благополучия специалистов сферы социальной защиты и дает возможность разработки стратегий поддержки и профессионального развития специалистов.

В исследовании приняли участие 338 специалистов учреждений Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы и Московской области.

В исследовании использовался комплекс эмпирических методов, статистические методы, структурный анализ по обобщенным индексам.

Анализ полученных результатов достоверно показал наличие статистически значимых взаимосвязей между параметрами профессионального выгорания и характеристиками личностной зрелости (полноценно функционирующей личности по К. Роджерсу). Структурно-психологический анализ [2], проведенный в группах с низким и высоким уровнем профессионального выгорания, позволил вычислить количественные индексы структурной организации для каждой из групп на основании полученных значимых связей (при $r = 0,95$ и $r = 0,99$). Индекс когерентности (ИКС), отражающий степень согласованности структурных элементов, значение которого в группе с низким уровнем выгорания равен 45, в группе с высоким уровнем выгорания – 26, что свидетельствует о большей мере интегрированности личностных характеристик при низком уровне выгорания. Индекс дивергентности (ИДС), отражающий степень расхождения структурных элементов (в группе с низким уровнем выгорания – 38, высоким – 33), снижается, что обусловлено наличием значимых обратных связей в матрице интеркорреляций. Индекс общей организованности структуры (ИОС) в группе с низким уровнем выгорания равен 7, т.е. структура характеристик личностной зрелости более согласована и стабильна, по сравнению с группой с высоким уровнем выгорания, где ИОС имеет отрицательное значение (-7). Отрицательный ИОС свидетельствует о преобладании дезинтегративных тенденций, что соответствует описанию выгорания как деструктивного процесса. О качественных различиях в структуре личностной зрелости также говорит статистически достоверная неоднородность исследуемых групп.

Таким образом структурно-психологический анализ дает основания утверждать, что структура личностной зрелости в группе с низким уровнем выгорания более организована и функционирует более эффективно, а составляющие её элементы дополняют возможности друг друга, обеспечивая высокий потенциал целостной структуры. Следовательно, развитие личностной зрелости предоставляет возможность снижать выраженность профессионального выгорания, что подтвердила апробация разработанной на основе человекоцентрированного подхода комплексной программы.

1. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во «Юрайт», 2024. – 299 с. (Профессиональная практика). ISBN 978-5-534-08627-0.
2. Карпов А.А., Карпов А.В. Введение в метакогнитивную психологию: учебное пособие. – М.: МПСУ, 2015. – 512 с.

Методологические принципы эргономики и организационные особенности проектирования пилотируемых космических аппаратов

Эргономическое проектирование, профессиональная деятельность, организационная структура управления, матричная структура

В общем процессе проектирования ПКА важное место занимает эргономическое проектирование, определяющее структуру деятельности космонавтов, требования к космонавтам (Смирнов Б.А., Гулый Ю.И., 2010), распределение функций между экипажем и автоматикой, между членами экипажа.

Задачи эргономики гораздо шире. В ГОСТ Р ИСО 26800-2013 «Эргономика. Общие принципы и понятия» изложены принципы эргономического подхода к проектированию: человеко-ориентированность, целевая совокупность, условия задачи, условия среды, основные эргономические критерии, включая принципы комплексности, непрерывности, соответствия, сложности, единства критериев, иерархии требований.

Методология как система принципов и способов организации и построения деятельности необходима для организации продуктивной, инновационной деятельности. Компоненты деятельности достаточно подробно рассмотрены в статье (Калери А.Ю., Кукин О.Н., и Серов М.В., 2017). При создании ПКА требуется поиск оптимальных решений.

Эргономическое проектирование нацелено на создание эффективных ПКА на основе рационального сочетания человека и техники, для чего необходима эффективная система управления процессами. На управление проектами влияет организационная структура. Из предложенных структур управления инновационной деятельностью (Гольдштейн Г.Я., 2015) особо следует выделить матричную структуру управления, которая распространена при разработке НИОКР и обеспечивает разделение управленческой и профессиональной ответственности. Творчество и инициатива не могут быть спланированы, но условия, в которых они могут эффективно раскрыться, значительно зависят от управления процессами разработки. Выполнение плана эффективно, когда за его выполнение реально отвечает руководитель проекта, детально понимающий цель и задачи, структуру технических средств. Характер и стиль работы руководителя – жизненно важная составляющая успеха проекта.

Для учета человеческого фактора при проектировании необходимо применять методы моделирования деятельности оператора ПКА.

При моделировании рассматривают психологическую структуру и особенности реальной деятельности, исследуют деятельность человека и объекты (макеты) соответствующих частей ПКК, а также модели взаимодействия с ними, в соответствии с реальной работой.

Психологическое моделирование заключается в замещении реальной деятельности некоторой ее модификацией с помощью специальных моделирующих устройств, в роли которых могут выступать имитаторы, макеты, испытательные стенды, компьютерные средства виртуального моделирования. Основное требование к психологическим моделям – воспроизведение психологической структуры реальной деятельности.

При разработке ПКА проводят эргономическую оценку на стенде виртуальной реальности с использованием цифровых моделей изделий и их составных частей, создают полноразмерные эргономические макеты, моделирующие стенды. Разрабатывают сценарии и алгоритмы деятельности экипажа, проводят моделирование и эргономическую оценку деятельности. При оценке надежности и безопасности деятельности учитывают помехоустойчивость выполнения, безошибочность, риски и возможные опасные последствия деятельности.

Структура деятельности как пространственно-временная организация выполнения алгоритмов деятельности оператора на основе целостного единства компонентов и их всесторонних связей формирует концептуальную модель деятельности члена экипажа и непосредственно влияет на эффективность и безопасность комплекса в целом.

Методологические принципы эргономики успешно применяются при разработке современных ПКА. Эргономическое проектирование позволяет оценить целевые характеристики системы в соответствии с ее назначением, найти вариант организации системы, наилучшим образом обеспечивающий достижение заданного результата, уточнить конфигурацию системы, функции и алгоритмы деятельности человека. Вместе с тем выбор организационной структуры управления при создании целостного проекта ПКА определяет эффективность разработки всей системы.

Эргономические уязвимости взаимодействия человека с новыми технологиями

Эргономические уязвимости, человеко-машинный интерфейс, оператор

Актуальность проблемы психологических механизмов взаимодействия человека с высокими технологиями подчеркивается её включением в Программу фундаментальных научных исследований в РФ на период 2021–2030 гг. Указанное взаимодействие реализуется опосредствованно с помощью человеко-машинных интерфейсов (ЧМИ), которые предоставляют человеку информацию для контроля и управления техническими системами, объектами и технологиями. Внедрение эргономических требований и проведение эргономической экспертизы ЧМИ позволили существенно повысить надежность контроля и управления человеком техническими системами. Однако количество ошибочных действий человека по причинам эргономического характера остается довольно значительным. На современном этапе развития авиации с данными причинами связывают до 25-30% летных происшествий. Возникает вопрос: почему взаимодействие операторов с ЧМИ, отвечающими эргономическим требованиям, не всегда оказывается надежным? В этой связи вводится понятие эргономических уязвимостей ЧМИ, которые относятся к их потенциальным свойствам и актуализируются лишь под определенными внешними воздействиями. Будучи потенциальными, эргономические уязвимости ЧМИ зачастую остаются неизвестными на этапах разработки технического задания, проектирования и испытаний ЧМИ, но могут проявиться в их последующей эксплуатации [1]. Анализ причин ошибочных действий операторов, взаимодействующих с вновь создаваемыми авиационными ЧМИ, позволил установить, что эргономические уязвимости ЧМИ являются следствием ситуационно возникающих несоответствий используемых способов представления информации когнитивным, сенсомоторным, психофизиологическим и биомеханическим возможностям человека. Эти возможности имеют процессуальную природу и должны рассматриваться как изменяющиеся во времени процессы в зависимости от динамики функционального состояния человека, его рабочей нагрузки. Между тем, способы представления информации на ЧМИ остаются неизменными, что и приводит к несоответствию этих способов когнитивным возможностям оператора. Такие несоответствия могут возникать при выполнении оператором совмещенной деятельности. Например, от оператора требовалось выполнение на наземном пилотажном стенде двух разноцелевых задач – поиск и опознание заданного наземного объекта одновременно с докладами о выдерживании заданной скорости полета. Была выявлена эргономическая уязвимость пилотажного ЧМИ вследствие чрезмерной пространственной разнесенности зоны для обзора земной поверхности и зоны, в которой размещался указатель скорости полета. Пространственная разнесенность этих зон требовала от оператора постоянного переноса взора и переключения внимания. Поскольку оператор сосредотачивал внимание преимущественно на задаче поиска и опознания заданного наземного объекта, то это приводило к пропускам докладов о текущей скорости полета (в 29% случаев) и её отклонениям от заданных значений (в 36% случаев). Таким образом, пространственная разнесенность указанных зон обуславливает эргономическую уязвимость ЧМИ при выполнении оператором задачи поиска и опознания заданного наземного объекта и задачи контроля текущей скорости полета [2].

1. Голиков Ю.Я. Неопределенность и риски традиционных и новых областей высоких технологий и актуальные психологические проблемы их развития // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С. 11–29.
2. Косьянчук В.В., Бессонова Ю.В., Обознов А.А., Занковский А.Н., Грешников И.И., Махортов И.А. Метод поиска эргономических и психологических уязвимостей в операторской деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 227–265. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2022_25_4_010

Технопессимизм имеет ресурс для успеха деятельности социально-экономических профессий в цифровой среде?

Цифровизация профессиональной деятельности, технопессимизм, психологические ресурсы

Сегодня в психологических и экономических науках сформировалось некоторое противоречие относительно цифровизации профессиональной деятельности. Преимущественно в экономических исследованиях отмечается высокое значение цифровизации как катализатора развития бизнеса и компетенций персонала; в психологических исследованиях звучит более осторожная позиция, связанная с высокими рисками профессионального выгорания и регрессией некоторых характеристик субъекта профессиональной деятельности [1]. Соответственно, актуализируется задача поиска ресурса профессиональной успешности.

Одним из предметов различных исследований в сфере цифровизации выступает отношение к новым технологиям. Т.А. Нестиком была сформулирована совокупность континуумов такого отношения: когнитивный компонент – «технооптимизм-технопессимизм», эмоциональный – «технофилия-технофобия» [2]. Речь идет о социально-психологическом, а не клиническом понимании этих феноменов. Также и мы проводили кросс-культурные исследования о соотношении особенностей цифровизации и отношения субъектов к новым технологиям [3]. В некоторых исследованиях негативное восприятие новых технологий, в том числе и цифровых, не связано с профессиональной успешностью [4]. В этом контексте представленные ниже результаты, на первый взгляд, носят парадоксальный характер.

Цель исследования: раскрыть «психологическую цену» профессиональной адаптации к цифровой среде (на материале педагогов). Основная гипотеза: положительное отношение к новым технологиям является ресурсным для адаптации к цифровизации профессиональной деятельности в сочетании с ценностями самопреодоления. Методики: «Психодиагностика технофобии и технофилии» (Солдатова Г.У., с соавт.), «Профессиональное выгорание» для специалистов социально-экономических профессий», «Потери и приобретения ресурсов» (Водопьянова Н.Е. с соавт.), «Трансформация трудового поведения педагогов в цифровой среде» (Патраков Э.В.), «Шкала ценностных ориентаций» (Schwartz, S.H.), выборка, 163 педагога со стажем профессиональной деятельности в цифровой среде от 3-х лет (от 30 % времени – основных профессиональных функций).

Для регрессионного анализа была выбрана зависимая переменная – повышение уровня профессионализма в цифровой среде (максимальные значения по шкале Лайкерта – 4 и 5), вопрос из шкалы «Потери и приобретения ресурсов», имеющий наибольшую факторную нагрузку в положительной оценке цифровизации профессиональной деятельности (R^2 ,854). Предикторы: рост скорости обработки информации ($\beta = 0,607$; $p = 0,002$), технопессимизм ($\beta = 0,136$; $p = 0,025$), ценности универсализма ($\beta = 0,991$; $p = 0,000$) и достижений ($\beta = 0,482$; $p = 0,019$), увеличение чувства гордости за себя ($\beta = 0,859$; $p = 0,003$). Такую взаимосвязь, на первый взгляд, сложно назвать логичной, поэтому мы дополнительно побеседовали с педагогами в двух разных фокус-группах. Педагоги в подавляющем большинстве отметили, что сохранение высокого уровня профессионализма в образовании немислимо без очного общения с учениками, воспринимая цифровую среду лишь как средство, фактор помощи для успеха, если такой возможен, но не более того.

Технопессимизм предполагает не столько отрицание, сколько критическое отношение к новым технологиям; соответственно, косвенно может свидетельствовать о достаточно высокой профессиональной рефлексивности респондентов, что тоже характерно для педагогов. Также ценность достижения, входящая в структуру самоутверждения (по Ш. Шварцу), косвенно подтверждает сказанное педагогами в фокус-группах.

Ограничение: поскольку 98% респондентов – женщины, дальнейшее исследование будет направлено на увеличение мужской части выборки.

Интегральный вывод: ресурсным для профессиональной адаптации в цифровой среде является не столько положительное отношение к новым технологиям, сколько критическое отношение к ним, в сочетании с ценностями самопреодоления и самоутверждения.

Исследовательская лакуна и рекомендация: проверка гипотезы о взаимосвязи исследуемых выше параметров с типологией цифровых сред, характеристикой их «юзабилити» [5].

1. Водопьянова Н.Е., Патраков Э.В., Бугулиев Л.Г. Новая версия опросника профессионального выгорания для IT-специалистов // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 6 (66). – С. 424–439. doi: 10.32744/pse.2023.6.25

2. Nestik, T., Zhuravlev, A., Eduard, P., Marianna, S.C., Lioudmila, B., Piurcosky, F.P., & Ferreira, J.V. Technophobia as a cultural and psychological phenomenon: Theoretical analysis // *Interação-Revista De Ensino, Pesquisa E Extensão*. – 2018. – 20(1). – P. 266–281.
3. Патраков Э.В., Сабо Ч.М., Батурина Л.И., Фрогери Р.Ф., Нестик Т.А., Кампос Ф.Л.С. Отношение к технологическим инновациям: кросс-культурное исследование // *Психология человека в образовании*. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 459–474. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-4-459-474>
4. Деренко Н.В. Рациональный технопессимизм и новое «мракоборство» – четвертая миссия университетов digital-эры? // *Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов*. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. – С. 253–256.
5. Водопьянова Н.Е. Выгорание – психологическая цена работы в субъект-регрессирующих цифровых средах // *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 36–64. DOI: 10.38098/ipran.opwr_2024_31_2_002.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20414 «Адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде: «цена» и ценности (на материале социномических профессий)».

Взаимосвязь выраженности состояния стресса с индивидуально-личностными особенностями у следователей

Профессиональный стресс, индивидуально-личностные особенности, профессиональные ценностные ориентации

Развитие профессионального стресса обусловлено содержанием и организацией труда, но, как показывают исследования, его выраженность также связана с индивидуально-личностными особенностями человека [1, 2]. Изучение индивидуально-личностных детерминант стресса является перспективным научным направлением, которое может повысить эффективность деятельности профессионалов и помочь им справиться со стрессом.

Гипотезой исследования было предположение, что выраженность профессионального стресса у следователей связана с нейротизмом, коммуникативными особенностями, профессиональными ценностными ориентациями.

В исследовании приняли участие 92 следователя (58 мужчин, 34 женщины), занимающие должности от помощника следователя до руководителя следственного управления. Средний возраст испытуемых – 32 года, средний стаж работы следователем – 9 лет.

Использовались методики: 1) Опросник трудового стресса (JSS) Спилбергера в адаптации Леоновой, Величковской (2000); 2) Тест ВМСII Пласа и Рихтера в модификации ДОРС Леоновой, Величковской (2002); 3) Опросник NEO PI-R МакКрайе и Коста в адаптации Хромова (2000); 4) Методика «Якоря карьеры» Шейна в адаптации Чикер, Винокуровой (2000).

Не было обнаружено значимых корреляций по Спирмену данных психологических методик со званием, должностью, стажем работы следователем. Сравнение данных психологических методик не показало значимых различий по U-критерию Манна-Уитни между мужчинами и женщинами.

Сравнение полученных на следователях результатов с нормативными данными обнаружило у них умеренную степень развития стресса по показателям частоты и силы стресса (методика JSS) и умеренный индекс стресса (методика ДОРС). Сравнение средних значений по методике NEO PI-R с данными, полученными на группе из 98 испытуемых разных профессий по U-критерию Манна-Уитни показало, что у следователей по сравнению с другими испытуемыми, выше уровень сознательности ($p=0,00$), ниже уровни нейротизма ($p=0,00$) и открытости опыту ($p=0,00$). По данным методики «Якоря карьеры», ведущими ценностными ориентациями профессиональной деятельности у следователей являются: Стабильность работы, Служение и Интеграция стилей жизни. Минимальное значение имеют ценности: Предпринимательство, Автономия и Стабильность места жительства.

Корреляционный анализ по Спирмену индивидуально-личностных особенностей и показателей стресса показал наличие следующих значимых корреляций: 1) Частота стресса коррелирует со шкалой Нейротизм ($R = 0,298$) и с профессиональной ценностью Автономия ($R = 0,333$); 2) Сила стресса имеет корреляцию со шкалой Нейротизм ($R = 0,325$), обратную корреляцию со шкалой Экстраверсия ($R = -0,353$); 3) Индекс стресса имеет корреляцию со шкалой Нейротизма ($R = 0,582$), обратную корреляцию со шкалами Сознательность ($R = -0,315$) и Экстраверсия ($R = -0,310$). Корреляции значимы с учетом поправки Бонферрони.

Полученные данные показывают, что несмотря на воздействие эмоционально-отрицательных и экстремальных факторов на деятельность следователей, уровень стресса у них остается умеренным. Преодолению отрицательного влияния стрессоров способствуют такие индивидуально-личностные качества, как экстраверсия, сознательность, низкий нейротизм и низкий уровень стремления к автономии в работе, причем по совокупности результатов низкий нейротизм является наиболее важной характеристикой.

1. Ebstrup J.F. et al. Association between the Five Factor personality traits and perceived stress: is the effect mediated by general self-efficacy? // *Anxiety, Stress & Coping*. – 2011. – Vol. 4. – P. 407–419.
2. Gramstad T.O. et al. Personality traits predict job stress, depression and anxiety among junior physicians // *BMC medical education*. – 2013. – Vol. 13. – P. 1–9.

К вопросу о взаимосвязи социально-психологических факторов и профессионального стресса у медицинских работников

Профессиональный стресс, социальная фрустрированность, конфликтность, уровень притязаний

Несмотря на активную разработку проблемы и создание многочисленных рекомендаций по превенции профессионального стресса, показатели его распространенности и степень выраженности в популяции растут. По данным ВОЗ, социально-психологические факторы способствуют формированию или усугублению уже спровоцированного организационными факторами профессионального стресса, приводя к снижению эффективности деятельности, ухудшению физического и ментального здоровья персонала, а их недоучет в картине формирования и развития профессионального стресса приводит к фатальным последствиям [3]. Принимая во внимание, что медицинский персонал – профессиональная группа, ассоциированная с наиболее высоким риском возникновения стресса [2], в качестве гипотезы исследования было принято предположение, что такие социально-психологические факторы, как уровень притязаний, конфликтности и социальной фрустрации имеют значимую прямо пропорциональную взаимосвязь с уровнем профессионального стресса у медицинских работников.

В рамках структурно-интегративного подхода, профессиональный стресс трактуется как особое функциональное состояние субъекта труда, связанное с воздействием комплекса психогенных факторов организационной и биопсихосоциальной природы, исходящих из содержания труда и особенностей профессиональной среды, характеризующееся повышенной мобилизацией или угнетением регуляторных психофизиологических систем организма с последующим развитием состояния напряжения или утомления, а при кумуляции неблагоприятных сдвигов – перенапряжения или переутомления [1].

Произведенный библиометрический анализ на базе наукометрических систем РИНЦ и Scopus позволяет констатировать отсутствие комплексного подхода для идентификации и учета максимально возможного числа потенциально стрессогенных факторов, в связи с чем целесообразным представляется обратить внимание на наименее изученные, но обладающие прогностически высоким коррелятивным по отношению к профессиональному стрессу потенциалом социально-психологические факторы: социальную фрустрированность, конфликтность и уровень притязаний.

Возникновение конфликтов в процессе профессиональной деятельности – неизбежное следствие межличностного взаимодействия субъектов труда. Экспертами в области психологии труда организационные конфликты признаны высоковероятностным предиктором информационного стресса. Среди личностных характеристик, предрасполагающих к эскалации ситуации социальной напряженности до уровня конфликта, базисной и родовой по отношению к понятию «конфликт» является конфликтность, в свою очередь неразрывно слитая с такой потенцирующей её личностной чертой как социальная фрустрированность, в качестве триггера роста коей зачастую выступает отдельно взятый уровень притязаний конкретного субъекта.

Таким образом, выстраивается некая логическая связка социально-психологических факторов: уровень притязаний – социальная фрустрированность – конфликтность, требующая прицельного качественного и количественного изучения для последующей формулировки выводов об их возможной взаимосвязи с профессиональным стрессом у медицинских работников.

1. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А.Б. Леонова // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2000. – № 3. – С. 4–21.
2. Аксенова Е.И. Профессиональный стресс медицинских работников; обзор зарубежных практик: экспертный обзор / Е.И. Аксенова, Н.Н. Камынина, П.С. Турзин. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023 [Электронный ресурс]. –URL: <https://niiroz.ru/upload/iblock/717/717ad26f04754187008e787afb829e1b.pdf> (дата обращения: 07.05.2024).
3. Houtman I., Jettinghoff K. Raising awareness of stress at work in developing countries: A modern hazard in a traditional working environment/ WHO (Protecting Workers' Health Ser. No 6). – Geneva: WHO, 2007.

Личностные стили профессионального выгорания врачей-стоматологов

Профессиональное выгорание; личностные стили

Проблема выгорания врачей обусловлена высокой социальной значимостью профессии врача и является одной из наиболее актуальных проблем современной социальной психологии труда. Несмотря на выраженный интерес со стороны исследователей к данной проблеме, до сих пор недостаточно изучены личностные факторы развития профессионального выгорания врачей разной специализации. В частности, отсутствуют исследования, посвященные проблеме профилактики профессионального выгорания врачей-стоматологов, что обуславливает актуальность нашего исследования. Научной проблемой исследования выступил вопрос: каковы личностные стили профессионального выгорания врачей-стоматологов? В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что выборка врачей-стоматологов сложно дифференцирована как по параметрам профессионального выгорания, так и личностным характеристикам, что следует учитывать при организации психологического сопровождения врачей.

В исследовании приняли участие 40 врачей-стоматологов (3 мужчины и 37 женщин), в возрасте 23–45 лет, работающих в сети стоматологических клиник г. Краснодара (стаж работы – от 2 до 22 лет). В качестве методик эмпирического исследования были применены вариант опросника «Профессиональное выгорание» (ПВ) для медицинских работников (русскоязычная версия Д.С. Водопьяновой, Е.С. Старченковой), «Многоуровневый личностный опросник» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), опросник «Стили межличностных отношений» (Т.Ф. Лири).

В выборке было получено три кластера: кластер 1 – самый распространенный (25 человек, 62,5%); кластер 2 – наименее распространенный (3 человека, 7,5%); кластер 3 – второй по распространенности (12 человек, 30%).

Выявленные три кластера соответствуют трем личностным стилям профессионального выгорания:

кластер 1 – средневыворевшие пессимистичные врачи (склонные к авторитарности), устойчивые к эмоциональному истощению – эталонный кластер;

кластер 2 – средневыворевшие эгоистично-агрессивные индивидуалисты (авторитарные, агрессивные и эгоистичные; импульсивные индивидуалисты), устойчивые к эмоциональному истощению и редукации профессиональных достижений – нуждается в коррекции агрессивного поведения;

кластер 3 – выгоревшие зависимые альтруисты, склонные к депрессии (подчиняемые, зависимые, дружелюбные и альтруистичные; ригидные, тревожные пессимисты-индивидуалисты), обесценивающие профессиональные достижения – нуждается в коррекции параметров профессионального выгорания и зависимого поведения.

Таким образом, полученные результаты позволяют подтвердить выдвинутое предположение. Выявлено три кластера, соответствующих трем личностным стилям профессионального выгорания, сложно дифференцированы как по параметрам профессионального выгорания, так и личностным характеристикам. Полученные результаты позволили дать следующие рекомендации по профилактике и коррекции профессионального выгорания сотрудников стоматологической клиники: респондентам всех кластеров – освоение навыков саморегуляции; респондентам кластера 2 – прохождение тренингов коррекции агрессивного поведения; респондентам кластера 3 – прохождение тренингов устойчивого поведения.

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ануфриев А.Ф.
Москва, ФГБОУ ВО МПГУ

Предмет психодиагностики и разработка диагностических методик

Психодиагностика, психолог – разработчик диагностических методик, практический психолог

В целях поиска путей удовлетворительного решения проблемы предмета психодиагностики актуальным является проведение критического анализа двух вариантов подхода, получившего наиболее широкое распространение – разработка и применение диагностических методик. Они наиболее полно представлены в школе К.М. Гуревича [3] и в работах А.Г. Шмелева [1, 2]. В школе К.М. Гуревича важным представляется выделение научной и практической функции психодиагностики. Первая характеризует психодиагностику в качестве научно-исследовательской области и представляет собой деятельность по конструированию диагностических методик. Под диагностическим процессом понимается процесс их разработки. Предметом психодиагностики являются «...проблемы конструирования методов и методик [Акимова, 2023, с. 13], а также использования их в практических целях. Практическая функция характеризует диагностическую практику.

А.Г. Шмелевым [1, 2] изложено развернутое теоретическое описание научной функции психодиагностики. Его ключевыми понятиями являются диагностические признаки, категории, диагностический вывод, психические свойства, тест, диагноз, прогноз. Эта функция представляет собой конструкторскую деятельность. Она включает в себя эвристическую исследовательскую деятельность. Диагностический процесс понимается как процесс разработки диагностических методик. В качестве предмета психодиагностики выступают «закономерности вынесения валидных и надежных диагностических суждений, правила «диагностических умозаключений» [Шмелев, 2006, с. 10] разработчика методик.

Положительными сторонами анализируемого подхода является 1) теоретическое описание процесса разработки диагностических методик, 2) создание научно обоснованных средств диагностической деятельности, 3) методологическая функция, обеспечивающая эмпирическое подтверждение самого существования теоретически предполагаемых психических явлений.

Среди ограничений и недостатков подхода целесообразно отметить следующие: 1) постановка акцента на создании средств для распознавания, а не на самом распознавании, 2) не учет специфики практической диагностической деятельности психолога как особого вида познания, 3) отождествление применения диагностических методик с диагностическим процессом, 4) из трех возможных форм диагностического процесса (алгоритм, интерпретация, поиск) отсутствие внимания к третьей, связанной с полноценным диагностическим мышлением при решении причинных задач, 6) понятийный аппарат анализируемой концепции предмета психодиагностики не предназначен и не пригоден для характеристики практической функции психодиагностики, 7) он характеризует часть предмета психодиагностики и не может претендовать на полное его определение.

При поиске путей решения проблемы предмета психодиагностики необходимо учитывать, что его полное определение должно включать не только теорию для разработчика диагностических методик, но и теорию, ориентированную на диагностическую деятельность практического психолога. В этом случае особую роль играют причинные задачи, центральным понятием становится психическая система, феноменологический уровень которой образует психологическая проблема, ноуменальный – психические свойства, а в качестве предмета психодиагностики выступает мышление не разработчика методик, а практического психолога при решении оценочных и причинных задач по определению наличия/отсутствия или степени выраженности психических свойств или по поиску причин психологических проблем у обследуемого.

1. Общая психодиагностика / Бадалев А.А., Столин В.В. – СПб.: Изд-во «Речь», 2006. – 440 с.
2. Основы психодиагностики / А.Г. Шмелев. – М.–Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 544 с.
3. Психодиагностика. Теория и практика / М.К. Акимова. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 609 с.

Апробация голландского опросника алекситимии Б. Бермонда и Г. Ворста BVAQ на российской выборке

Алекситимия, голландский опросник алекситимии Бермонда-Ворста, психометрические характеристики

В настоящее время наблюдается недостаток русскоязычного психодиагностического инструментария, направленного на измерение алекситимических черт. Феномен алекситимии как недостаточность вербальной и символической обработки эмоционального опыта был описан при наблюдении за людьми с психосоматическими заболеваниями [3]. Авторы выделяют четыре компонента алекситимии: снижение/неспособность испытывать эмоции; снижение/неспособность выражать эмоции; снижение/неспособность фантазировать; отсутствие склонности размышлять о своих эмоциональных состояниях. Позже добавлена еще одна особенность – трудность в идентификации эмоций.

Разработан ряд методик, измеряющих алекситимию (опросник госпиталя Бет Израел, шкала Шеллинга-Сифнеоса и др.), однако кроме различных версий торонтской шкалы алекситимии (TAS), ни одна из методик не отвечает психометрическим требованиям [1]. TAS сделала возможным масштабное исследование алекситимии, однако она направлена только на диагностику ее когнитивного, но не аффективного компонента.

Голландский опросник Бермонда-Ворста по алекситимии (BVAQ) разработан для измерения пяти аспектов алекситимии, включая когнитивную и аффективную (эмоциональность и фантазирование) составляющие [2]. Его версии используются в российских исследованиях, однако проверка их психометрических свойств не проводилась. Целью исследования явилось изучение психометрических характеристик предлагаемой русскоязычной версии BVAQ.

Участники исследования. Для изучения структуры опросника, проверки внутренней согласованности привлечено 430 человек (из них 110 мужчин, $M = 21.8$ года). На 28 участниках данной выборки измерялась ретестовая надежность с интервалом в 30 дней. Конструктивная валидность проверялась на дополнительной выборке из 153 человек (из них 27 мужчин, $M = 23.1$ года).

Методы и методики. Для создания русскоязычной версии BVAQ использовали прямой и обратный перевод. После первоначальной апробации некоторые пункты методики были дополнительно скорректированы. С целью проверки конвергентной валидности применяли TAS-20-R в адаптации Е.Г. Старостиной, Г.Д. Тейлора и др., Шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева; дискриминантной валидности – Шкалу потребности в социальном одобрении Кроуна-Марлоу в адаптации Ю.Л. Ханина.

Результаты. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что русскоязычная версия опросника BVAQ обладает достаточными психометрическими свойствами:

- Внутренняя согласованность пунктов опросника по коэффициенту α Кронбаха имеет значения 0.86; для отдельных шкал коэффициент α Кронбаха имеет показатели выше 0.72;
- Конфирматорный факторный анализ показал, что наилучшие показатели, стремящиеся к приемлемым, имеет бифакторная модель с пятью коррелирующими специфическими факторами и общим группирующим фактором (RMSEA = 0.043; CFI = 0.873; IFI = 0.875);
- Выявлены ожидаемые прямые корреляции с показателями TAS-20-R и Шкалы удовлетворенности жизнью; не выявлено корреляции суммарного показателя BVAQ и Шкалы потребности в социальном одобрении;
- Оценка ретестовой надежности показала устойчивость во времени суммарного показателя BVAQ ($r = 0.77$; $p < 0.01$);

Также на выборке в 583 человека были рассчитаны статистические нормы методики.

1. Bagby R.M., Parker J.D.A., Taylor G.J. The twenty-item Toronto alexithymia scale-I. Item selection and cross-validation of the factor structure // Journal of psychosomatic research. – 1994. – Vol. 38, No 1. – P. 23–32.
2. Bermond B., Vorst H.C.M. Validity and reliability of the Bermond-Vorst Alexithymia Questionnaire // University of Amsterdam, Department of Psychology. – 2000. – P. 413–434.
3. Sifneos P.E. The prevalence of 'alexithymic' characteristics in psychosomatic patients // Psychotherapy and Psychosomatics. – 1973. – Vol. 22, № 2-6. – P. 255–262.

Обзор методов диагностики отношения к смерти

Отношение к смерти, диагностика отношения к смерти

Исследования отношения человека к смерти сопряжены с различными трудностями, в том числе методическими. Изучение данной области перспективно для понимания психологического благополучия и здоровья. Анализ методов диагностики позволяет расширить представления об отношении человека к смерти, обеспечивает комплексный подход к его исследованию.

Первые психологические исследования отношения к смерти были проведены в 1930-х годах в Европе посредством интервью и тематических рисунков детей 3–10 лет и их родителей, что позволило выявить стадии его формирования [2]. Последующие исследования применяли методы, позволяющие обойти уровень сознания: задания с визуальными образами, словесные ассоциации, тематический апперцептивный тест, измерение кожно-гальванической реакции, распознавания слов с применением тахистоскопа, наблюдение [3].

Начиная с 1970-х годов, исследователи активно разрабатывали тестовые методы, анкеты. Среди них отмечаются шкала страха смерти Д. Темплера (R-DAS), шкала страха смерти Коллет-Лестер (CLFD), индекс угрозы (TI) Кригера, Эптинга и Лейтнера (основан на методе репертуарных решеток) и др.

К началу 1980-х годов на основе шкал страха смерти J.A. Durlak провел факторный анализ 15 таких шкал и выделил факторы отношения к смерти. Исследователи приходят к выводам, что отношение к смерти многомерно и не может быть измерено однофакторными шкалами, различные типы отношения сосуществуют, могут изменяться и должны измеряться отдельно. Разрабатываются многофакторные шкала страха смерти Хелтера (MFODS), шкала страха личной смерти Флориана и Краветца (FPDS). В середине 1980-х гг. была разработана теория управления страхом смерти, авторами которой предложен экспериментальный метод измерения страха смерти [1, 3].

В 1990-х годах появляются работы с применением нарративного и контент-анализа интервью, свободного повествования испытуемых, рисунков. В некоторых работах применяется техника репертуарных решёток. Наблюдается переход от количественных к качественным методам диагностики.

Далее исследователи сосредоточились на разработке многофакторных тестов для измерения различных типов отношения к смерти (страх, принятие, избегание и т.д.). Например, переработанный профиль отношения к смерти Вонга, Джессера и Рикера (DAP-R), отношение к смерти и умиранию Виттковски (MODDI-F) [3].

В отечественной психологии применяются преимущественно адаптированные тесты и процедуры исследования отношения к смерти. Шкала страха смерти Д. Темплера и профиль аттитюдов по отношению к смерти П.Т.П. Вонга в адапт. Т.А. Гавриловой (Гаврилова, 2011) и в адапт. К.А. Чистопольской, С.Н. Ениколоповым (Чистопольская, 2017), методика «Страх личной смерти».

Отечественными психологами разработаны тест «Отношение к смерти» И.Ю. Кулагиной и Л.В. Сенкевич (Кулагина, Сенкевич, 2013) и опросник «Отношение к жизни, смерти и кризисной ситуации» А.А. Бакановой (Баканова, 2000).

Психологическая диагностика отношения к смерти развивалась от проективных методов к многофакторным тестам различных типов отношения к смерти с одновременным использованием проективных и качественных методов исследования. Современные тенденции в разработке инструментария акцентируют психометрические исследования и учет возрастных особенностей респондентов.

1. Durlak J.A. et al. Clarifying the measurement of death attitudes: a factor analytic evaluation of fifteen self-report death scales // OMEGA – Journal of Death and Dying. – 1982. – 12(2). P. 129–141.
2. Kastenbaum R. The psychology of death // Springer Publishing Company. – 2000. – 318 p.
3. Neimeyer R.A. et al. Assessing attitudes toward dying and death: psychometric considerations // OMEGA-journal of Death and Dying. – 2003. – 47(1). – P. 45–76.

Анализ психометрических характеристик шкалы Конформности А. Меграбяна и К. Стелф

Конформность; шкала конформности; психометрические характеристики

Каждый день человек совершает выбор и принимает решения, однако эти решения не всегда зависят от стремлений и желаний самого субъекта. Широко известны факты, свидетельствующие о том, что человек склонен к изменению своих оценок и суждений под влиянием других людей. Такое изменение оценок, суждений и поведения под давлением других людей, выражается понятием конформности. Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на увеличение исследовательского интереса к феномену конформности, на сегодняшний день на русском языке отсутствуют методики, позволяющие оценить индивидуальную степень конформности человека.

Целью исследования стала оценка психометрических характеристик шкалы конформности, разработанной А. Mehrabian и С. Stelf [2]. Конформность определяется авторами как готовность идентифицировать себя с другими и подражать им, уступать другим, чтобы избежать конфликта, быть скорее последователем, а не лидером с точки зрения идей, ценностей и поведения [2].

В исследовании приняли участие 287 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 24,2$, $SD = 9,3$), 72 мужчины и 215 женщин. На первом этапе исследования была проведена проверка внутренней согласованности и анализ внутренней структуры опросника. На втором этапе осуществлялась проверка конвергентной и дискриминантной валидности методики, а также оценка ретестовой надежности. Повторный сбор данных для оценки ретестовой надежности был выполнен спустя три недели. Сбор данных осуществлялся с помощью сервиса Google-формы. Математико-статистический анализ данных осуществлялся с помощью статистического пакета Jamovi 2.3.28.

Для оценки дискриминантной валидности была использована шкала Лжи Краткой формы личностного опросника Айзенка [1]. Для оценки конвергентной валидности были использованы специально разработанные сценарии, включающие конфликт, и два варианта его решения: в пользу индивида или в пользу группы (конформный ответ). Мы исходили из следующего предположения: если шкала действительно измеряет склонность к конформному поведению, тогда количество конформных выборов в ситуации морального конфликта будет выше в группе лиц с более высокими показателями по шкале.

Результаты. Было показано, что шкала конформности Mehrabian обладает приемлемой внутренней согласованностью (коэффициент альфа-Кронбаха составил 0,7), дискриминантной валидностью ($\rho = -0,015$, $p = 0,796$), конвергентной валидностью (в результате сравнения групп по критерию U-Манна-Уитни показано, что лица с высоким уровнем конформности по шкале Mehrabian принимали значимо больше решений в пользу группы в ситуациях конфликта между индивидом и группой), однако слабой ретестовой надежностью ($r = 0,598$, $p0,001$). Анализ внутренней структуры методом максимального правдоподобия с использованием поправки Саторры-Бентлера показал хорошее соответствие однофакторной модели данным ($RMSEA = 0,046$, $SRMR = 0,051$, $CFI = 0,918$, $GFI = 0,955$, $MFI = 0,930$).

Таким образом, в исследовании было показано, что шкала конформности А. Меграбян демонстрирует приемлемые показатели психометрических характеристик, что позволяет говорить о правомерности использования данной шкалы на русскоязычной выборке.

1. Слободская Е., Князев Г.Г., Сафронова М.В. Краткая форма личностного опросника Айзенка (ЛЮА-К) и ее использование для оценки риска употребления психоактивных веществ // Психологический журнал. – 2006. – 27(3). – С. 94–105.
2. Mehrabian A. & Steffl C.A. Basic temperament components of loneliness, shyness, and conformity // Social Behavior and Personality. – 1995. – 23. – P. 253–264.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-28-00771, <https://rscf.ru/project/23-28-00771/>.

Результаты второго этапа апробации опросника аутодеструктивного поведения

Аутодеструктивное поведение, разработка опросника

Под аутодеструктивным поведением (АП) подразумеваются действия, направленные на намеренное причинение себе вреда и имеющие негативные последствия для здоровья индивида; наиболее распространенные виды аутодеструкции – употребление психоактивных веществ, суицидальное и несуйцидальное самоповреждающее поведение, нарушения пищевого поведения, рискованное поведение и др. [1]. Несмотря на активное внедрение профилактических и реабилитационных программ, уровень АП в популяции достаточно высок, в связи с чем актуальным остается вопрос разработки скрининговых инструментов, затрагивающих сразу несколько форм АП и предназначенных для первичного выявления групп риска.

В данном сообщении представлены результаты второго этапа апробации опросника аутодеструктивного поведения (ОАП). На первом этапе проверки психометрических характеристик опросника теоретически выделенная шестифакторная модель, включающая шкалы – склонность к рискованному поведению, употреблению алкоголя, наркотических веществ, лекарственных препаратов с целью изменения текущего состояния, курению и нарушениям пищевого поведения – не получила статистического подтверждения. Вместо шести были выделены лишь пять шкал. Шкалу склонности к нарушениям пищевого поведения выделить не удалось [1]. Поэтому на втором этапе пункты опросника были доработаны и проведено новое эмпирическое исследование.

Материал и методы. Выборка: 153 респондента (31 – мужского и 122 – женского пола в возрасте 18–34 лет). Исследование проводилось в формате онлайн-тестирования на условиях добровольного информированного согласия. Ретестовая надежность проверялась спустя 14 дней после первичного тестирования.

В переработанную версию опросника вошло 35 утверждений с выбором ответа по шкале Ликерта: от 1 (совершенно неверно) до 5 (совершенно верно). Для проверки конвергентной валидности были использованы: шкала склонности к риску (Г. Шуберт, адаптация М.А. Котик, 1981), опросник пищевых предпочтений ЕАТ-26 (D. Garner, P. Garfinkel, адаптация О.А. Скугаревский, 2007), опросник «Аддиктивная склонность» (В.В. Юсупов, В.А. Корзунин, 2007).

Результаты. Структура ОАП проверялась с помощью эксплораторного факторного анализа. Было выделено шесть факторов (показатель согласованности пунктов – α Кронбаха): 1) употребление алкоголя – 7 пунктов ($\alpha = 0,91$); 2) курение – 5 пунктов ($\alpha = 0,93$); 3) склонность к нарушениям пищевого поведения – 5 пунктов ($\alpha = 0,77$); 4) склонность к рискованному поведению – 7 пунктов ($\alpha = 0,91$); 5) употребление наркотических веществ – 6 пунктов ($\alpha = 0,86$); 6) употребление лекарственных препаратов для изменения своего текущего состояния – 5 пунктов ($\alpha = 0,82$). Показатели ретестовой надежности методики ($n = 53$) достаточные ($r_s = 0,8–0,9$). Связи между шкалами опросника также продемонстрировали значимые, но невысокие корреляции ($r_s = 0,2–0,4$, $p < 0,05$). Связи шкал опросника с другими методиками находятся на статически высоком уровне – шкала нарушений пищевого поведения в разрабатываемой методике показала высокий уровень корреляции с общим показателем по шкале нарушений пищевого поведения ЕАТ26 ($p < 0,01$); получены значимые корреляции ($r_s = 0,8–0,9$, $p < 0,01$) с опросником аддиктивной склонности и шкалами курения, употребления алкоголя, употребления наркотических и лекарственных средств.

Выводы. Продемонстрировав удовлетворительные характеристики на этапе первичной валидизации, опросник аутодеструктивного поведения после доработки и введения новых пунктов показал более значимые и надежные результаты. В новой версии опросник соответствует теоретически выделенной шестифакторной модели. Получены высокие показатели согласованности шкал и конвергентной валидности. В будущем планируется проверка опросника на подростковой выборке как наиболее уязвимой к формированию аутодеструктивного поведения.

1. Польская Н.А., Кузнецова-Фетисова А.А. Опросник аутодеструктивного поведения: результаты первичной апробации // Третьи Поляковские чтения по клинической психологии (к 95-летию Ю.Ф. Полякова): Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (23–24 марта 2023 г.). – М.: Изд-во МГППУ, 2023. – С. 596–601.

Разработка скрининга симптомов РАС для детей 5–6 лет

Симптомы аутизма, факторная модель аутизма, диагностика симптомов аутизма, 5-6-летние дети

В предыдущем исследовании мы получили 7-факторную модель симптомов РАС у детей 3–4 лет, используя широкий спектр аутистических симптомов [1], от 9 до 14 пунктов в каждом факторе (всего 78 пунктов), которые образовывали 3 группы симптомов: 1) коммуникативные нарушения; 2) повторяющееся поведение; 3) гиперактивность/расторможенность. Внутри каждой группы симптомы (факторы) связаны корреляциями от умеренных до сильных, между группами корреляции близки к нулю.

Настоящее исследование повторяет организацию предыдущего исследования, но на выборке 5–6-летних детей. Для исследования была разработана Анкета маркеров аутизма, содержащая 330 симптомов РАС, подобная анкете для 3–4-летних детей, однако состоящая преимущественно из маркеров, которые отмечались экспертами для 5-6-леток, для старшего дошкольного возраста. Сбор данных проводился в режиме онлайн-опроса 28 специалистами (психологами, дефектологами), работающими с детьми на регулярной основе (в режиме консультирования). Был обследован 501 ребенок (из них 371 – с РАС), уже отнесенный специалистами к группам РАС, норма или ЗПР до начала исследования.

Последовательность анализа была той же, которая применялась при выявлении факторной структуры симптомов РАС у детей 3–4 лет [1]. Итоговая факторная структура достаточно проста, включает 75 пунктов и состоит из 8 факторов. Шесть из них аналогичны факторам для 3–4-леток: Понимание речи (SU), Эмоции (Em), Настойчивость на одинаковости (Sam), Гиперактивность/Расторможенность (Hup), Сенсорная дезинтеграция (Sen), Эхолалия (Ech). А вместо фактора Отстраненность появились 2 новых: Эмпатия (Emp) и Моторика (Mot). Наиболее информативные факторы – Emp и SU (для 3–4-летних детей – Sam и Em). Каждый фактор образует достаточно надежную по внутренней согласованности шкалу: показатель наибольшей нижней границы не менее 0,746.

Модель для конфирматорного анализа включала 8 первичных, и 3 вторичных фактора, подобных группам симптомов для 3-4-леток: 1) Коммуникативные нарушения, COM (SU, Em, Emp, Ech), 2) Сенсорная дезинтеграция, SD (SD, PS, Ech), 3) Нарушения праксиса, PI (Hup, Mot). Межгрупповой конфирматорный анализ подтвердил эквивалентность модели на всех уровнях ограничений для мальчиков и девочек, для детей 5 и 6 лет. Принципиальное отличие этой модели от модели для 3-4-леток – более тесная связь между этими выделенными группами симптомов. В частности, нарушения праксиса начинают усиливать симптомы коммуникативных нарушений (Em и Emp), и появляется существенная связь между нарушением праксиса и сенсорной дезинтеграцией.

С применением дискриминантного анализа было составлено уравнение дискриминантной функции, обеспечивающее разделение групп детей с РАС и без РАС с точностью 90,7% (чувствительность 92,5%, специфичность 87,1%), аргументами которой являются значения 8 факторов. На выборке детей с РАС разработаны нормы (стены) для общей шкалы выраженности симптомов РАС. Шкала имеет строго нормальное распределение, стену 1 соответствует отсутствие РАС, а стену 3 соответствует высокая вероятность РАС (чувствительность 0,934, специфичность 0,871). Для 8 субшкал, соответствующим факторам, разработаны 4-балльные квартильные нормы, которые применяются в случае, когда по общей шкале симптомов РАС значение более 1. Эти нормы легли в основу онлайн-скрининга симптомов РАС у детей 5-6 лет, который дополнил разработанный нами ранее скрининг РАС для детей 3-4 лет. Оба скрининга доступны для использования на странице <https://ras.testpsy.net/> и позволяют получить полную интерпретацию как общего результата (выраженность симптомов РАС и вероятность РАС), так и относительную выраженность отдельных групп симптомов РАС, что может использоваться для планирования дальнейшей диагностической и коррекционной работы специалистов с ребенком.

1. Nasledov A., Miroshnikov S., Tkacheva L., Fedorov S. Factor Structure of ASD Symptoms in Russian 3–4-Year-Olds. *OBM Neurobiology*. – 2023. – 7(4). – P. 190. DOI: <https://doi.org/10.21926/obm.neurobiol.2304190>

Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-18-00155 «Исследование прогностических индикаторов расстройств аутистического спектра у детей дошкольного возраста» (<https://www.rscf.ru/project/23-18-00155/>).

Методика «Трехфакторная модель виртуальной идентичности»: от теоретических основ к оценке конструктивной валидности

Виртуальная идентичность, трехфакторная модель исследования виртуальной идентичности, конструктивная валидность

Виртуализация антропологических практик в обществе современности породила новый психологический феномен – виртуальную идентичность. Увы, многие попытки ее психологического исследования – это слегка адаптированные теоретические модели, дизайн и инструментарий, предназначенные для изучения аддиктивного поведения или идентичности в реальной действительности [3].

Наша модель базируется на философски фундированном представлении С.С. Хоружего о виртуальном явлении как о феномене недоволенном, не до конца актуализированном по сравнению с реальностью, лишенном ее базовых предикатов [3], и на современных психодиагностических моделях изучения аспектов виртуализации [1, 2, 4, 5].

Цель: подтвердить факторную структуру методики Д.Г. Сорокова «Трехфакторная модель виртуализации идентичности, v3.1» и конкретизировать психологическое содержание шкал.

Выборка: 261 респондент; средний возраст 21,6 года ($SD = 5,75$).

Методики: «Общая шкала проблемного использования Интернета-3» [2]; «Методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами» [5]; «Неовоплощенность в Интернете» [4]; «Опросник стилей идентичности М. Берзонски» [1].

1) Для создания стимульных утверждений методики соотнесено смысловое содержание ключевых эффектов виртуализации идентичности (по С.С. Хоружему) с конкретизирующими их психодиагностическими критериями и шкалами-прообразами:

- 1 фактор (прогрессирующее киберпогружение) – с невозможностью отказа [5] и психологической зависимостью от Интернета [2];
- 2 фактор (утрата целостной идентичности) – со стилями идентичности [1];
- 3 фактор (утрата чувства самотождественности) – с неовоплощенностью в Интернете [4].

2) Для исследования факторной структуры методики v3.1 (30 вопросов) осуществлен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент (вращение Varimax); критерии Кайзера–Мейера–Олкина и Бартлетта показали приемлемую адекватность выборки для его проведения ($KMO = 0,952$, $\chi^2 = 12133,115$, $df = 630$, $p \leq 0.0001$).

Выделены 3 фактора, суммарно объясняющие 56,263% общей дисперсии, что согласуется с моделью.

3) Анализ психологического содержания выявленных факторов-шкал методики v3.1 позволил уточнить их начальную теоретическую трактовку:

- фактор «Субъективная невозможность отказа от Интернета», помимо киберпогружения, включает когнитивную поглощенность и компульсивное использование Интернета;
- фактор «Диффузный стиль идентичности с дефицитом самодетерминации» – утрату самоконтроля и самоэффективности;
- фактор «Недовоплощенность Я» включает непатологически выраженные симптомы девитализации, дереализации и деперсонализации.

Выводы: подтверждена гипотеза о трехфакторной структуре методики Д.Г. Сорокова v3.1; уточнены психологическое содержание факторов и психодиагностические критерии.

1. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 34. – С. 12.
2. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Т. 26, № 3. – С. 56–79.
3. Дружинина К.А., Сороков Д.Г. Виртуальная идентичность: от философски фундированной концепции к поиску предмета психологического исследования // Психология и современный мир. Вып. 15. – Архангельск: САФУ, 2022. – С. 18–23.
4. Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Козлова Л.А. Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Неовоплощенность в Интернете» // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 165–187.
5. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. – М.: Акropolis, 2015. – 116 с.

Шкала моральной конформности в виртуальном пространстве: разработка и валидизация

Моральная конформность, виртуальное пространство

В современном мире значительная часть взаимодействия между людьми происходит в виртуальной среде, включающей социальные сети, мессенджеры, форумы и пр. Такая опосредованная компьютером коммуникация способна усиливать различные групповые эффекты, включая, безусловно, и конформность. Под моральной конформностью в виртуальном пространстве (далее *vm*-конформность) мы понимаем изменение поведения, направленное на согласование действий человека с нормами и стандартами конкретной виртуальной среды или общности.

Цель данного исследования заключается в разработке и проверке основных психометрических характеристик инструмента оценки *vm*-конформности. Выборка составила 287 человек возрастом от 18 до 55 лет ($M = 22,2$, $SD = 9,4$), 72 мужчины и 215 женщин.

На основе теоретического анализа были сформулированы предварительные пункты шкалы, охватывающие основные аспекты *vm*-конформности. Затем было проведено пилотное тестирование с участием небольшой группы участников для оценки их понимания и актуальности. В итоге было отобрано 10 наиболее репрезентативных пунктов, которые использовались на основном этапе исследования. Помимо них использовались шкала конформности Мехрабиана, краткая форма личностного опросника Айзенка и специально разработанные сценарии, содержащие ситуации конфликта и два варианта их разрешения: в пользу индивида или в пользу группы (конформный ответ). Сбор данных был организован с использованием Google-форм, статистический анализ проводился в программе *jamovi* 2.3.28.

Проверка внутренней структуры шкалы была осуществлена в два этапа, для чего выборка была разделена случайным образом на две группы. На первом этапе ($N = 143$) применялся разведочный факторный анализ. На основании факторных нагрузок, полученных с использованием метода минимальных остатков в сочетании с вращением облимин, можно заключить, что 9 из 10 пунктов шкалы *vm*-конформности имеют значимые нагрузки на один фактор, объясняющий 41.1% общей дисперсии. Нагрузка второго пункта на общий фактор составляет менее 0,4, в связи с чем он был исключен из дальнейшего анализа. На втором этапе ($N = 144$) при помощи конфирматорного факторного анализа проверялась устойчивость однофакторной структуры полученной 9-пунктовой шкалы. КФА показал отличное соответствие модели эмпирическим данным ($RMSEA = 0,055$, $SRMR = 0,045$, $CFI = 0,964$, $TLI = 0,952$). Коэффициент α -Кронбаха 9-пунктовой шкалы на первой подвыборке равен 0,87, на второй – 0,83. Ретестовая надежность ($N = 30$) на трехнедельном интервале составила $r = 0,77$, $p < 0,001$.

На общей выборке обнаружена положительная связь общего показателя *vm*-конформности с баллом по шкале конформности Мехрабиана ($r = 0,48$, $p < 0,001$) и незначимая связь со шкалой лжи ЛОА-К ($r = -0,09$, $p = 0,140$), что свидетельствует в пользу конвергентной и дискриминантной валидности разрабатываемой методики. Женщины имеют более высокие показатели по шкале, чем мужчины ($t = 2,54$, $p = 0,012$, $d = 0,35$), что может указывать на большую чувствительность женщин к социальному давлению в виртуальной среде. Между возрастом и *vm*-конформностью выявлена слабая, но значимая отрицательная связь ($r = -0,14$, $p = 0,016$), что согласуется с данными некоторых исследований, согласно которым с возрастом усиливается способность противостоять социальному давлению [1]. Порядковая логистическая регрессия показывает, что *vm*-конформность и психотизм являются предикторами конформных выборов в разработанных сценариях, включающих взаимодействие в виртуальной среде.

Таким образом, созданная шкала может рассматриваться как надежный и валидный инструмент оценки моральной конформности в виртуальном пространстве.

1. Castrellon J.J., Zald D.H., Samanez-Larkin G.R. & Seaman K.L. Adult age-related differences in susceptibility to social conformity pressures in self-control over daily desires // *Psychology and Aging*. – 2024. – 39(1). – P. 102–112.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00771, <https://rscf.ru/project/23-28-00771/>

Русскоязычная версия опросника «Шкала жизненного проекта»: психометрические характеристики

Жизненный проект, диагностика, валидность, надежность

Термин «жизненный проект» (life project) используется в нескольких областях знания, которые, в свою очередь, базируются на различных онтологических, гносеологических и даже аксиологических предположениях. Анализ теоретической рамки исследования данного феномена показывает, что концепции ориентированы на разные дефиниции понятия «жизненный проект», рассматривая его и как отдельный конструкт, и как концепцию, и как инструмент [1]. Однако, независимо от этого, подчеркивается значимость его операционализации для изучения проблемы проектирования человеком своей жизни. Исследователи настаивают на том, что жизненный проект необходимо рассматривать нерядоположенно с другими содержательно близкими конструктами (планы, цели, жизненные программы).

Цель исследования: адаптировать на русскоязычной выборке оригинальный диагностический инструмент – «Шкала жизненного проекта». Исследование осуществлялось в сотрудничестве с автором оригинального опросника Винисиусом Косциони, который также разрабатывает теоретическую концепцию изучения жизненного проекта личности, в рамках которой жизненный проект рассматривается как компонент нарративной идентичности. Адаптируемая методика состоит из двух частей. В первой части респондент получает инструкцию, в которой в краткой форме дается понятие жизненного проекта, а далее ему предлагается перечислить свои основные цели на будущее, связанные с жизненным проектом. Необходимо также указать возраст, в котором, по мнению респондента, эти цели будут достигнуты. Вторая часть – это традиционный опросник с 8 утверждениями, которые респондент должен оценить по 7-балльной шкале Ликерта от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». В исследовании по адаптации опросника приняли участие 549 человек (66% – женщины). Средний возраст респондентов – 27,08 года (стандартное отклонение – 10,94). Психометрическая оценка подтвердила его надежность и валидность. Проверка валидности осуществлялась путем сопоставления результатов опросника с такими релевантными конструктами, как временная перспектива, особенности учета будущих последствий, аутентичность. Выявлены значимые взаимосвязи переменных разрабатываемого опросника с характеристиками, отражающими нацеленность на будущее, направленность на реализацию планов, учет последствий отдаленного будущего, аутентичность. Результаты применения конфирматорного факторного анализа (КФА) показали сохранение двухфакторной структуры опросника, включающей шкалу идентификации (мера оценки респондентом осознанности намеченного будущего), и шкалу вовлеченности (меру мобилизации планов и действий по отношению к намеченному будущему). Шкалы методики обладают высокой надежностью по внутренней согласованности их пунктов (Альфа Кронбаха от 0,860 до 0,909). Полученные результаты позволяют рекомендовать «Шкалу жизненного проекта» в качестве валидного исследовательского и психодиагностического инструмента.

1. Coscioni V., Teixeira M.A.P., López Castillo S.A., Paixão M.P. Theoretical Approaches to «Life Project» in Psychology and Related Fields // Trends in Psychology. – 2021. – Vol. 29, №. 4. – P. 684–705. <https://doi.org/10.1007/s43076-021-00082-2>

Разработка опросника для изучения представлений о дружбе

Представления о дружбе, надежность, валидность, факторы, субшкалы

В мире существует множество абстрактных, но в то же время очевидных понятий, таких как любовь, дружба, совесть, вера и пр. Большое количество философских, художественных, поэтических произведений посвящено их описанию, прославлению и воспеванию. Однако, когда такие абстрактные понятия становятся предметом изучения в психологии, с неизбежностью возникает необходимость их операционализации и измерения. Одним из таких понятий является понятие «дружба». Дружба – это обыденное понятие, знакомое людям во всем мире и на протяжении всей истории человечества. Способность к дружбе так же фундаментальна для человеческой жизни, как и семейная привязанность, романтическая, супружеская любовь, конкуренция и конфликты [1, 2]. Однако, несмотря на повсеместное присутствие дружбы в жизни человека, она сложна и практически неуловима для изучения. Следствием сложности и многогранности изучаемого феномена является почти полное отсутствие инструментов его изучения. К наиболее близким опросникам для опосредованного изучения феномена дружбы можно отнести опросники межличностной направленности личности (Лири, 1954; Братченко, 1987), однако они не позволяют оценить ценностно-смысловое значение понятия. Целью разработки предлагаемого опросника явилось выделение ценностно-смыслового аспекта дружбы как основного в концепциях С.Л. Рубинштейна и В. Франкла.

Разработка опросника проходила в несколько этапов. На первом этапе были собраны цитаты, афоризмы, пословицы относительно различных аспектов дружбы. Соответствие выбранных суждений изучаемому конструкту оценивалось группой экспертов (специалисты в области филологии). Всего таких суждений было отобрано 250, среди которых были как условно положительные («Настоящая дружба правдива и отважна»), так и условно отрицательные («Не бойтесь врагов, бойтесь друзей: предадут друзья, а не враги»). Все отобранные суждения были предоставлены респондентам в онлайн-формате (N = 375) Для оценивания использовалась 5-балльная шкала Лайкерта. Окончательная версия опросника была сформирована только после третьей итерации. Для выявления общей структуры шкал использовался кластерный анализ (метод Уорда). В результате эксплораторного факторного анализа было выделено 8 субшкал (факторов), которые в дальнейшем были объединены в 4 шкалы («Дружба как ценность», «Дружба как нарушение доверия», «Дуальность дружбы», «Идеализация дружбы»). Все выделенные субшкалы и шкалы обладают хорошей надежностью (альфа Кронбаха в диапазоне 0,78 – 0,91). Показатели пригодности модели (RMSEA = 0,067, CFI = 0,917) позволяют говорить об удовлетворительной пригодности модели полученным данным.

В современной литературе нет однозначного мнения относительно величин отсекающих значений (cutoffs) [3]. Однако большинство исследователей считают, что значения RMSEA < 0,05 свидетельствуют об очень хорошем соответствии модели, а значения в диапазоне 0,05-0,08 свидетельствуют о приемлемом соответствии модели. Аналогично для индекса CFI; CFI > 0,95 являются свидетельством очень хорошего соответствия модели, в то время как значения в диапазоне 0,9-0,95 считаются приемлемыми [4]. В случае нашей модели, показатели приемлемости модели попадают в область приемлемых значений, что не исключает дальнейшую ее доработку.

В результате в окончательной версии был получен опросник, состоящий из 93 пунктов. Очевидная валидность методики оказалась высокой: более 73% респондентов ответили «да» на вопрос о том, измеряет ли опросник их мнение относительно дружбы. Вывод относительно конструктивной валидности опросника основан на результатах корреляционного анализа N = 162) с показателями удовлетворенности жизнью (Э. Динер), стремлением к принятию (Мехрабиан), дружелюбия (7 шкала теста Т. Лири). Дискриминантная валидность подтверждалась результатами сравнительного анализа контрастных групп, выделенных по результатам контент-анализа эссе на тему: «Дружба – это...» (t = 2,7, p < 0,01). [N1 = 47 (Дружба как ценность), N2 = 31 (ненадежность дружбы)].

Таким образом, проведенный анализ психометрических характеристик опросника «Представления о дружбе» позволяет рассматривать его как надежный психометрический инструмент, который может быть использован для изучения ценностно-смыслового аспекта дружбы в исследовательских целях.

1. Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк / И.С. Кон. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1987. – 350 с.
2. The psychology of friendship / edited by Mahzad Hojjat, Anne Moyer. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2017.

3. Xia Y., Yang Y. RMSEA, CFI, and TLI in structural equation modeling with ordered categorical data: The story they tell depends on the estimation methods // Behavior Research Methods. – 2019. – Vol. 51. – P. 409–428. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1055-2>
4. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling. – 1999. – Vol. 6. – P. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>

Адеркас А.М., Почебут Л.Г.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Изучение трансформации социальных представлений посредством анализа диадических оппозиций

Социальные представления, трансформация социальных представлений, social representation, методы изучения

Удобным подходом для изучения изменений в обществе является теория социальных представлений, рассматривающая их, как изменения социальных представлений, когда в представления мейнстрима, вкрапливаются элементы альтернативных представлений [1].

С. Московичи выделял то, что в конструировании социальных представлений превалирующую роль играет межличностное взаимодействие, разговор и дискурс в целом. А для возникновения социальных представлений необходимо наличие напряженности между людьми и коллективами людей [4].

Под влиянием идей Дж. Холтона, Московичи ввел понятие *themata* в позднюю теорию социальных представлений. Он поместил их «в сердцевину социальных представлений», сравнивая *themata* с «концептуальными образами», «первичными концепциями» или «примитивными понятиями» [3].

«Themata» – представляет собой элементы, лежащие в основе структуры как научных теорий, так и ненаучного мышления. Холтон охарактеризовал *themata* как основные элементы, лежащие в основе структуры теорий и их развития. Эти элементы часто проявляются в диадических оппозициях, таких как эволюция и деволуция, постоянство и изменение и т.п. Набор таких оппозиций ограничен в рамках дискурса каждой науки [2].

В рамках обыденного дискурса о конкретном объекте, набор *themata* также сводится к ограниченному количеству диадических оппозиций. Чтобы диадическая оппозиция стала *themata*, она должна быть источником напряженности, например споров. Увеличение напряженности между людьми и группами должно привести к росту количества *themata* в дискурсе.

Анализ количества диадических оппозиций может дать возможность количественно оценить уровень напряженности, что даст возможность определить этап, через который проходит трансформация социальных представлений.

Для проверки пригодности такого метода было проведено пилотажное исследование. В качестве примера объекта трансформации представлений было выбрано «веганство», социальные представления о котором в России претерпевали значительную трансформацию последние 20 лет.

Веганство относительно новое явление, пришедшее в Россию в конце 90-х. Если, в начале 2000-х годов веганство воспринималось как диковинка, то к середине 20-х годов уже не вызывает удивления.

Для пилотажного исследования был выбран форум сайта *women.ru*. Данный форум существует более 20 лет и на нем до сих пор есть активность. Отбирались темы форума, содержащие в заголовке слово «веган», имеющие более 50 сообщений, в 2008, 2012, 2018 и 2023 годах.

В совокупности было проанализировано 1696 сообщений: 523 за 2008 г., 203 за 2012 г., 800 за 2018 г. и 170 сообщений за 2023 г. (2 темы по 78 и 92 сообщения в каждой).

В 2008 г. обнаружено 2 диадические оппозиции: «польза – вред» [диеты для здоровья] и «естественно – противоестественно» [диета для человека]. В 2014г. к ним добавилась «этически приемлемо-этически неприемлемо» [по отношению к животным]. В 2018 г. добавляется «доступность-недоступность» [продукции]. В 2023 г. вновь сократилось до двух: «польза – вред» и «естественно – противоестественно».

На результатах этого пилотажного исследования можем наблюдать картину, соответствующую, по времени, формированию и трансформации социальных представлений о веганстве в российском обществе.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что данный вид анализа должен стать хорошей альтернативой традиционным видам контент-анализа с целью изучения трансформации социальных представлений.

1. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 400 с.

2. Holton G. On the Role of Themata in Scientific Thought. *Science*. – 1975. – 188, (4186). – P. 328–334.
3. Markova I. Themata in science and in common sense. *Kairos Journal of Philosophy & Science*. – 2017. – 19(1). – P. 68–92.
4. Moscovici S. The phenomenon of social representations. In R.M. Farr and S. Moscovici (eds.) // *Social Representations*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 3–69.

Особенности восприятия юными девушками возраста зрелой женщины на основании восприятия динамического компонента ее внешнего облика

Возраст, воспринимаемый возраст, внешний облик, экспрессивное поведение

Введение. Современные ученые [2, 4] рассматривают внешний облик (ВО) человека как маркер его старения; выделяют компоненты и элементы ВО, являющиеся ключевыми при конструировании его воспринимаемого возраста (ВВ). ВВ определяется как возраст, «приписанный человеку (объекту восприятия) другим человеком (субъектом восприятия, оценщиком) в результате восприятия его внешнего облика» [2], который определяется [1] как сложное образование, состоящее из устойчивого (физический ВО), среднестойчивого (социальный ВО) и динамического (экспрессивное поведение) компонентов. Целью исследования являлось выявление дифференцированного влияния экспрессивного поведения на воспринимаемый возраст (ВВ).

Методы: В качестве основного метода использована процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой [3], в рамках которой объект восприятия («модель») последовательно представлялся субъектам восприятия для оценки его возраста в трех вариантах: 1) на ростовой и портретной фотографии, включающей в себя все компоненты ВО при свернутом динамическом компоненте ВО; 2) в непосредственном контакте с субъектами восприятия при наличии всех компонентов ВО, включая динамический компонент, но при отсутствии вербального поведения (заходил в комнату, молча прохаживался); 3) в непосредственном контакте, при котором субъекты восприятия имели возможность задать «модели» любые вопросы, которые помогли бы более точно определить её возраст (за исключением прямых).

Выборка исследования: в качестве объекта восприятия выступила женщина 53 лет (период «зрелость» в классификации Д.Б. Эльконина [5]); в качестве субъектов восприятия – 57 девушек от 17 до 19 лет (период «юность» [5]).

Результаты исследования: 1) при оценке возраста зрелой женщины по фотографии диапазон ВВ варьировался от 40 до 63 лет ($M = 48,74$); при оценке целостного внешнего облика, включающего динамический компонент, ВВ «модели» снижался – размах оценок варьировал от 37 до 61 года ($M = 46,7$); при введении вербального компонента поведения диапазон оценивания возраста объекта восприятия расширился и составил от 38 до 65 лет ($M = 47,33$); 2) при сравнении трех показателей ВВ по критерию хи-квадрат Фридмана обнаружены значимые различия: ВВ значительно снижается при втором измерении, и несколько увеличивается по сравнению со вторым на третьем измерении (ср. ранг ВВ1 = 2,33; ср. ранг ВВ2 = 1,74; ср. ранг ВВ3 = 1,93); 3) попарные сравнения показателей обнаружили значимые различия между ВВ1 и ВВ2 ($Z = -4,096$ при $p = 0,001$): когда динамический компонент ВО объекта восприятия доступен для оценки, он выглядит значительно моложе в глазах воспринимающего субъекта; при добавлении вербального компонента поведения ВВ значительно не изменяется.

Обсуждение и выводы. Наличие для восприятия экспрессивного поведения «модели» значительно снижает ее ВВ; включение вербального (содержательного) компонента общения не влияет на воспринимаемый возраст. Исследование расширяет представления о влиянии динамического компонента ВО на ВВ [4].

1. Лабунская В.А. Проблема удовлетворенности внешним обликом: субъектный подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3851–3855. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/55035.htm>.
2. Шкурко Т.А., Лабунская В.А. Почему мы выглядим моложе или старше своих лет: поиск психологических детерминант // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – № 4. – С. 450–457.
3. Шкурко Т.А. Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. – 2018. – № 3. – С. 104–117/
4. Шкурко Т.А., Сериков Г.В. Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. – 2017. – № 3. – С. 190–209/
5. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психологического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.

Специфика этнической идентичности представителей русской и осетинской этнических групп

Этническая идентичность, этническая группа, этническое меньшинство, этническая индифферентность, этнонигилизм, этноизоляция, этнофанатизм

Вопрос об этнической идентичности стал занимать центральное место в кросс-культурных исследованиях последних лет. Слово «идентичность» имеет латинское происхождение и означает «соответствие, совпадение с чем-либо или кем-либо». Термин ввел Э. Эрикссон, подразумевая под ним форму соответствия человека и культуры, называя её показателем зрелости личности [2].

Выделяют различные типы идентичности: гражданская, культурная, социальная, этническая, профессиональная и др. Многообразие типов идентичностей обосновано тем, что человек взаимодействует в различных социальных системах, в которых неравномерно распределена деятельность [3].

С целью проведения сравнительного анализа этнической идентичности у представителей двух этнических групп, проживающих как в условиях единой, так и разной социокультурной среды, нами было опрошено 768 человек: 365 мужчин, 403 женщины. Под этнической идентичностью понимают отношения индивида к этнической среде, своего сходства с конкретным этносом и признания отделения от других [1].

Объект исследования – представители русской и осетинской этнических групп, проживающих в г. Владикавказ (Республика Северная Осетия-Алания) и г. Санкт-Петербург. Средний возраст $M = 38.5$, $\sigma = 10.5$, (мужчин – $M = 37.5$, $\sigma = 12.4$ и женщин – $M = 36.5$, $\sigma = 8.5$).

Применены следующие методики: авторская анкета, направленная на изучение социально-демографических характеристик респондентов, а также методика «Типы этнической идентичности», разработанная и адаптированная Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой. Математическая обработка выполнена в лаборатории математического моделирования Санкт-Петербургского Государственного университета с помощью программы «SPSS v 21», применен дисперсионный анализ.

Определено, что у представителей осетинской этнической группы, проживающей в г. Владикавказ значительно выше показатели по шкалам «этнонигилизм», «этническая индифферентность», «этноизоляция» и «этнофанатизм». Это может говорить о том, что в сравнении с другими группами респондентов, у них больше проявлена готовность идти на любые действия во имя этнических интересов.

Являясь условно «этническим меньшинством», представители русской этнической группы г. Владикавказ и представители осетинской этнической группы г. Санкт-Петербург, способны сочетать в себе позитивное отношение к собственному народу с позитивным отношением к другим народам.

Представители русской этнической группы г. Санкт-Петербург в сравнении с другими группами респондентов имеют высокие показатели по шкале «этноэгоизм», выражающийся в идеализации собственной этнической группы.

Респонденты г. Санкт-Петербург (представители как русской, так и осетинской этнических групп) имеют схожие показатели по шкалам «этнонигилизм», «этническая индифферентность», «этноизоляция», «этнофанатизм» [3].

Основные результаты и выводы настоящего исследования можно использовать при разработке учебных программ по этнической и кросс-культурной психологии, психологии межнациональных отношений, психологии межкультурного взаимодействия.

1. Афанасьева Ю.А., Ильченко В.В. Влияние региона проживания на формирование этнической идентичности (на примере русских и осетин) // Russian Journal of Education and Psychology. – Красноярск, 2023. – Т. 14, № 4-2. – С. 84–90. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-4-2-84-90.
2. Афанасьева Ю.А., Гуриева С.Д. Связь копинг-поведения с этнической принадлежностью и регионом проживания // Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ (16–17 ноября 2023 г.) / Отв.ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – С. 34–36.
3. Афанасьева Ю.А. Смысложизненные ориентации представителей русской и осетинской этнических групп // Russian Journal of Education and Psychology. – Красноярск, 2023. – Т. 14, № 2-3. – С. 131–137. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-2-3-131-137.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2.

Ценностные факторы профессиональной определенности и неопределенности у молодежи

Ценности, профессиональная определенность, молодежь

Сегодня молодежь является наиболее уязвимым сегментом общества в части восприимчивости и зависимости от социальной неопределенности. Вместе с тем одна из основных составляющих самоопределения индивида – профессиональное [2]. Выявлено, что результат профессионального самоопределения заключается как в конкретизации профессионального выбора, так и в формировании ценностно-смысловой сферы личности [1]. Цель представленного исследования заключалась в изучении ценностных систем и общемировоззренческих ориентаций студентов как формирующих оснований их профессионального самоопределения.

В исследовании участвовали 436 обучающихся СГМУ им. В.И. Разумовского, их средний возраст составил $20,2 \pm 3,5$ года. В качестве методов использовали: анализ и синтез источников литературы, портретный ценностный опросник (Шварц) и авторскую методику профессиональной определенности и неопределенности, а также статистическую обработку в программе SPSS STATISTICA 20.0.

Корреляционный анализ позволил выявить статистически значимые взаимосвязи: испытуемые, которые ясно представляют свои будущие профессиональные планы, высоко ценят традиции ($r = 0,103$, при $p = 0,031$), самостоятельность в мыслях ($r = 0,159$, при $p = 0,001$) и поступках ($r = 0,123$, при $p = 0,010$), для них важна репутация ($r = 0,094$, при $p = 0,049$) и как личная безопасность ($r = 0,136$, при $p = 0,004$), так и общественная ($r = 0,158$, при $p = 0,001$). Так профессиональная определенность связана с ценностями конформизма в отношении правил ($r = 0,146$, при $p = 0,002$) и межличностных отношений ($r = 0,128$, при $p = 0,007$) и с ценностью скромности ($r = 0,105$, при $p = 0,028$). Показатель универсализма, включающий заботу о других ($r = 0,120$, при $p = 0,002$) и о природе ($r = 0,136$, при $p = 0,004$), положительно связан с убеждением в важности профессии как самореализации. Неуверенность в том, что выбранная профессия и обучение способствуют развитию, отрицательно коррелирует с показателями самостоятельности в отношении мыслей ($r = -0,161$, при $p = 0,001$) и поступков ($r = -0,131$, при $p = 0,006$), ориентации на достижения ($r = -0,108$, при $p = 0,025$), личной ($r = -0,115$, при $p = 0,016$) и общественной безопасности ($r = -0,117$, при $p = 0,014$), традиций ($r = -0,122$, при $p = 0,001$), заботы о других ($r = -0,132$, при $p = 0,006$), благожелательности ($r = -0,131$, при $p = 0,006$) и чувства долга ($r = -0,104$, при $p = 0,003$).

Таким образом, существует взаимосвязь между профессиональной определенностью и ценностным профилем личности. Ясность в будущих профессиональных планах, восприятие профессии как способа самореализации коррелируют с такими ценностями, как традиции, самостоятельность, гедонизм, репутация, безопасность, конформизм, скромность, универсализм и толерантность. Для испытуемых, ориентированных на достижение статуса через профессию, характерны ценности доминирования и стремление обладать ресурсами. Респонденты, испытывающие неопределенность, демонстрируют низкую выраженность таких ценностей, как самостоятельность, достижение, безопасность, традиции, забота о других, скромность и благожелательность. Выявленные взаимосвязи подчеркивают важность ценностных ориентаций в процессе профессионального самоопределения и демонстрируют, что ценности играют значимую роль в формировании профессиональной идентичности.

Представляется необходимым глубокое изучение личности лиц, переживающих состояние профессиональной неопределенности с целью выработки рекомендаций по их психологической поддержке в процессе профессионального самоопределения.

1. Митюшина А.С. Неопределенность в профессиональном выборе как социальная проблема современной молодежи / А.С. Митюшина // Наукосфера. – 2022. – № 2-1. – С. 63–66.
2. Осадчая И.В., Бакирова З.С. Анализ современного состояния проблемы профессионального самоопределения обучающихся среднего общего образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79 (2). – С. 304–306.

Жизненная перспектива студентов университетов новых субъектов Российской Федерации

Студенты, новые субъекты Российской Федерации, жизненная перспектива

Воссоединение Херсонской области с Российской Федерацией привело к существенному изменению образа жизни, системы ценностей, норм и отношения к себе, другим людям, окружающему миру у жителей новых территорий. В особенности изменения коснулись молодых людей, которым предстоит по-новому планировать свою жизнь, что предполагает осознанную позицию относительно своего настоящего и будущего, влияет на выбор профессиональных и, в целом, жизненных целей.

При рассмотрении категорий «жизненная перспектива» и «временная перспектива» опираемся на традиции анализа в векторе научной проблематики жизненного пути личности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, И.А. Ральникова, и др.) [1–3].

Наиболее важным является положение о том, что тот потенциал, который личность осознанно и целенаправленно создает для себя в настоящем, становится возможностями и ресурсами личности для понимания и построения своей жизненной перспективы [3]. Жизненную перспективу рассматриваем как целостную картину будущего, взаимосвязь планируемых и ожидаемых событий, что оказывает влияние на осознание человеком своей социальной ценности, смысла жизни, оценок окружающей реальности [1; 2; 3]. В целом временная перспектива, по мнению Ф. Зимбардо, отражает все ценности, убеждения, понимания, отношения, установки, связанные у человека со временем [4].

В эмпирическом исследовании приняли участие 63 студента очной формы обучения Херсонского государственного педагогического университета, все относятся к категории вынужденных мигрантов. Средний возраст испытуемых 20,3 года, их них 28,57% мужчины, 71,43% женщины.

«Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо, в адаптации А. Сырцовой, О.В. Митиной) позволяет определить временную перспективу по пяти факторам. По исследуемой группе рассчитаны средние значения по факторам и среднеквадратические отклонения, что дало возможность сравнить результаты с тестовыми нормами: «Негативное прошлое» ($M = 2,89$; $SD = 0,56$), «Гедонистическое настоящее» ($M = 3,17$; $SD = 0,42$), «Будущее» ($M = 3,94$; $SD = 0,61$), «Позитивное прошлое» ($M = 3,62$; $SD = 0,72$), «Фаталистическое настоящее» ($M = 2,42$; $SD = 0,57$).

Обнаружено, что по трем факторам результаты попадают в диапазон средних значений: «Негативное прошлое», «Позитивное прошлое», «Фаталистическое настоящее», что может свидетельствовать о неопределенности в оценивании переселенцами своего прошлого в украинском государстве, значительном разбросе мнений и позиций, возможно, избирательности в трактовке и интерпретации прошлых событий. Настоящие события своей текущей адаптации в новых социокультурных условиях не вызывают у студентов отрицания и негативной оценки, в то же время, пока приходится справляться со множеством текущих проблем, что порождает напряженность, вызывает тревогу, необходимость приложить усилия, об этом свидетельствуют ниже среднего оценки по фактору «Гедонистическое настоящее». И отметим как позитивный факт наличие оценок в диапазоне «выше среднего» по фактору «Будущее».

Таким образом, происходит переосмысление прошлых и настоящих событий студентами университетов новых территорий РФ, позитивное видение своего будущего и активные действия по его выстраиванию.

1. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. – М., 1987. – С. 137–145.
2. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: [хрестоматия]. – СПб.: Питер, 2009. – С. 262–276.
3. Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2-1 (70). – С. 53–60.
4. Zimbardo P.G., Boniwell I. Balancing One's Time Perspective in Pursuit of Optimal Functioning // Positive psychology in practice. Hoboken. – N. J., 2004. – P. 165–180.

Дефицит эмоциональной близости в паре как фактор субъективного одиночества

Субъективное одиночество, романтическое одиночество, близость в паре, эмоциональная близость

В наше время бурного развития высоких технологий и диджитализации общества одиночество является распространенным явлением. По данным социологов, в России одиночество испытывают более 40% взрослого населения [1]. Одиночество – это знакомое, интуитивно понятное каждому в обыденной жизни чувство, в то время в научном плане оно мало исследованно и неоднозначно интерпретируется разными авторами. В настоящее время существует более восьми подходов к одиночеству, в том числе, выделяются позитивные его стороны [2].

Одиночество носит субъективный характер. Это такое переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми, ощущение неудовлетворенности от имеющихся межличностных отношений [4].

В обыденном сознании, а также среди ученых, распространен взгляд на одиночество как на проблему отсутствия или дефицита социальных контактов [3]. Однако, как показывают результаты исследований, наличие близких романтических отношений не является гарантией того, что человек не будет испытывать одиночество [3]. Это связано, прежде всего, с качеством отношений, а именно, по данным исследований, со степенью эмоциональной близости между партнерами, доверием и надежной привязанностью [2].

В настоящее время институт брака и семьи претерпевает определенные изменения [5], трансформируются близкие отношений. В связи с этим представляется актуальным изучить чувство одиночества у взрослых и молодых людей, состоящих в романтических и супружеских отношениях, в связи с качеством этих отношений.

Целью исследования стало изучение одиночества мужчин и женщин, состоящих в отношениях в связи с эмоциональной близостью в паре.

Основная гипотеза: при дефиците эмоциональной близости в паре выражено чувство одиночества.

Выборка: 160 человек, состоящих в романтических или супружеских отношениях, из которых 108 женщин и 52 мужчины.

Процедура исследования представляет собой online-опрос респондентов с использованием следующего набора методик: «Социальное и эмоциональное одиночество», «Дифференциальный опросник одиночества», «Социально-психологическая дистанция в межличностных отношениях», «Опыт близких отношений», «Шкала дифференциальной оценки отношений» и авторская анкета, оценивающая чувство «мы» с партнером. Сбор, обработка и описание полученных данных проводились при помощи методов статистической обработки данных программы SPSS.

Основные результаты. Результаты эмпирического исследования показали, что субъективное одиночество респондентов связано с дефицитом близости в паре, ненадежной привязанностью, сниженным благополучием и неудовлетворенностью в отношениях. Степень близости с партнером и надежная привязанность имеют тесную связь с благополучием, дружелюбием в отношениях и удовлетворенностью ими. Основными факторам романтического эмоционального одиночества являются низкая удовлетворенность отношениями, дефицит эмотивной близости и избегание близости. Разные аспекты одиночества респондентов, а также качество их отношений по-разному выражены в зависимости от социально-демографических характеристик: пол, возраст, стаж отношений, наличие/отсутствие регистрации брака, наличие/отсутствие детей в паре.

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 56–69.
2. Крюкова Т.Л., Ронч А.М. Детерминанты одиночества и совладания с ним в супружеских отношениях // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18 (4). – С. 129–134.
3. Лабиринты одиночества / Сост. общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.
4. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 55–81.
5. Сомкин А.А., Данилова О.А. Трансформация понятий «семья» и «брак» в современном российском обществе // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – № 2. – С. 205–219.

Атрибуция ответственности: роль личностных и ситуативных факторов

Атрибуция ответственности, успех и неудача, локус контроля, черты личности

Понимание того, как люди объясняют успех и неудачу, имеет важное значение для прогнозирования их эмоциональных реакций, мотивации и поведения. Классические теории атрибуции фокусируются на анализе ситуативных факторов, не отрицая, однако, определенную роль личности. Роль личности, а также ее атрибутивные предпочтения активно исследуются сегодня в контексте адаптации к жизненным ситуациям [1].

В нашем исследовании рассматриваются взаимосвязи разных типов атрибуции ответственности студентов с локусом контроля, чертами большой пятерки, а также успехом и неудачей в экспериментально сконструированной ситуации проверки знаний.

Теоретико-эмпирической базой нашего исследования являются представления об общих психологических основаниях атрибутивных предпочтений, локуса контроля и диспозиционных черт [2], а также данные об их взаимосвязях [3, 4, 5].

В исследовании приняли участие студенты 6 учебных групп вуза в возрасте 18–26 лет. Общее количество участников составило 61 человек (93% – женщины). На первом этапе студенты отвечали на вопросы личностных методик: Краткой версии Big Five Inventory-2 (BFI-2-S) и опросника Уровня субъективного контроля (УСК). На втором этапе, через две недели, после прохождения рутинного проверочного теста по учебной дисциплине, им предлагалось высказать мнение о причине, по которой они написали тест именно на этот балл. Их ответы были отнесены к одному из 5 видов атрибуции ответственности: внутренняя, внешняя личностная, внешняя объектная, внешняя обстоятельственная, внешняя случайная. В ходе эксперимента вместо реальных оценок участникам предъявлялись случайно назначенные баллы: ниже минимально допустимого (ситуация неудачи), высокие (ситуация успеха) и средние (контроль). Во избежание искаженных ответов перед началом второго этапа студенты не были проинформированы о его целях. По завершении эксперимента они получили полную информацию, а также сведения о своих реальных результатах за тест. Обработка данных осуществлялась с помощью корреляционного и дисперсионного анализов.

Полученные результаты показали связь типа атрибуции ответственности с ситуативными факторами успеха и неудачи, однако предположения о предпочтении выбора внутренней атрибуции в ситуации успеха и внешней – в ситуации неудачи не нашли эмпирической поддержки. Диспозиционные черты личности коррелировали с показателями интернальности-экстернальности, однако связи всех диагностированных личностных переменных с типами атрибуции ответственности оказались незначимыми.

Таким образом, было показано, что атрибуция ответственности в ситуации академической проверки знаний имеет ситуативную, но не личностную обусловленность. Вместе с тем, исследование имеет ряд ограничений, связанных с социальным статусом и половозрастными характеристиками выборки, а также отсутствием контроля показателей ожидаемых за тестирование баллов и общей успеваемости студентов. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости продолжения нашей работы для уточнения полученных результатов.

1. Зимина Н.А. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и избегания неудач с эмоциональной устойчивостью, экстраинтровертностью, типами темперамента и акцентуациями характера личности // Гуманизация образования. – 2023. – № 3. – С. 5–14.
2. Русалов В.М. Атрибутивные стили и характер // Психологический журнал. – 2008. – № 29(4). – С. 44–53.
3. Autry L.B., Langenbach M. Locus of control and self-responsibility for behavior // The Journal of Educational Research. – 1985. – № (79)2. – С. 76–84.
4. Jensen I.W., Gutek B.A. Attributions and assignment of responsibility in sexual // Journal of social Issues. – 1982. – № 38(4). – С. 121–136.
5. Poropat A. The relationship between attributional style, gender and the Five-Factor Model of personality // Personality and individual differences. – 2002. – Т. 33(7). – С. 1185–1201.

Правила дружеского общения как предмет психологического исследования

Правила дружеского общения, деятельностный подход к общению, субъектный подход к общению, нормативность общения

Дружба является мощным ресурсом развития личности и совладания с негативными переживаниями. Знание и соблюдение норм и правил, оптимизирующих межличностные контакты, способны помочь человеку сохранять прежние и завязывать новые дружеские связи. Между тем в отечественной психологии исследований, посвященных регулятивным механизмам дружеских отношений, крайне мало. В этой ситуации задача специалистов состоит как в знакомстве с наработками западных коллег, так и в проведении собственных теоретических и эмпирических исследований.

На наш взгляд, продуктивным для понимания роли правил дружбы может стать подход к анализу общения, реализованный А.А. Леонтьевым. Общение он рассматривает как один из видов деятельности и называет следующие его характеристики: интенциональность (наличие специфической цели и специфического мотива); результативность (мера совпадения достигнутого результата с намеченной целью); нормативность (наличие обязательного социального контроля за протеканием и результатами акта общения) [1]. Не менее значим субъектный подход, с позиций которого участники дружеского общения предстают как субъекты коммуникации, вырабатывающие, соблюдающие или нарушающие нормы дружеского общения.

Мы полагаем, что нормы и правила, регулирующие процесс дружеского общения, можно условно разделить на две группы: те, что определяют содержание дружеских отношений, и те, что диктуют формы реализации контактов. В правилах первой группы выражается сам смысл дружбы, ее атрибутивные характеристики, как универсальные (добровольность, индивидуальная избирательность, взаимная привязанность), так и специфические для людей с разными жизненными практиками. И.С. Кон, исследуя историю дружбы, пишет о ней как об особом социальном институте, регулируемом системой нравственных норм [2]. Меняющийся в истории образ жизни людей диктовал различные представления о правах и обязанностях друзей. Сегодня смысл, который видит субъект в дружеских отношениях, зависит от его индивидуальных потребностей, сформировавшихся под влиянием многообразных факторов. В ходе формирования реальных дружеских отношений складывается специфическая система норм, определяющая содержание взаимодействия этих людей. Они, как правило, не артикулируются, но на их основе формируются взаимные ожидания в отношении содержания и форм общения.

Правила, условно включенные нами во вторую группу, также выполняют функцию нормативной регуляции поведения. Они вырабатываются в диаде и отражают личностные особенности участников дружеских контактов. Усвоенные участниками контакта знания о психологических механизмах, обеспечивающих взаимную аффилиацию, значимы для формирования таких правил. Наконец, в них в той или иной степени отражаются правила этикета, принятые в группах, к которым принадлежат субъекты общения.

Как показывают исследования [3], нарушение правил дружеского общения приводит к ослаблению или даже разрыву дружеских связей. Можно предполагать, что осознание их значимости и экспликация взаимоприемлемых и обеспечивающих позитивные переживания правил может способствовать укреплению дружеских отношений. Каково содержание этих правил, какие из них являются более, а какие менее значимы; как формируются эти правила в процессе межличностного взаимодействия; как проявляются в этих правилах культурные модели, усвоенные в повседневной жизни и индивидуальные особенности субъектов, важные именно для дружеского общения? Поиск ответов на эти вопросы открывает интересные перспективы исследований, имеющих практическое значение для разработки программ психологического просвещения и психологической помощи.

1. Кон И.С. Дружба. 4-е изд., доп. – СПб: Питер, 2005.
2. Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. – М., 1997.
3. Argyle M., Henderson M. The Rules of Friendship.// Journal of Social and Personal Relationships. – 1984. – 1(2). – P. 211–237.

Психологические пути восстановления доверия в супружеских отношениях

Восстановление доверия, доверие в семейных отношениях, супружеское доверие, стратегии восстановления доверия

Доверие – основа устойчивости семейной системы и удовлетворенности супружеством. Утрата доверия часто становится непреодолимым препятствием для дальнейшего продолжения отношений [1]. Поэтому изучение психологических путей восстановления доверия является актуальной задачей для семейных психологов.

Мы определяем доверие как уверенность в надежности, честности, доброжелательности партнёра. Восстановление доверия – это любое повышение уровня взаимного доверия после его утраты.

Исследователи К. Шарма, Ф. Шурман и Г. Баллингер провели мета обзор работ по восстановлению доверия и выделили три подхода [2].

1. Атрибутивный подход предполагает, что в восстановлении доверия важную роль играет восприятие доверителем причин, которые привели к утрате доверия. Для восстановления доверия важно то, каким образом переставший доверять партнер объясняет причины поведения другого. С точки зрения атрибутивной теории, к восстановлению доверия будут приводить следующие суждения пострадавшей стороны: а) объяснение причин поступка внешними обстоятельствами, а не внутренними качествами; б) понимание невозможности субъекта повлиять на ситуацию; в) случайными, а не устойчивыми личностными качествами. Партнер, нарушивший доверие, может влиять на доверителя, используя различные стратегии. Важно отметить, что восстанавливающий доверие должен быть искренним в попытке вернуть доверие. В ином случае это неэтично и нецелесообразно, так как может привести к еще большей утрате доверия.

2. Подход социального обмена основывается на восстановлении социальной справедливости и уменьшении негативных эмоций. Люди, связанные культурной социальной сетью, могут иметь различные представления о нормах, правилах поведения. В результате нарушается социальный обмен и это приводит к негативным эмоциям, которые в дальнейшем мешают взаимодействию. В соответствии с этим подходом для восстановления доверия необходимы два условия: а) устранение негативного влияния, которому подвергся доверяющий или возмещение потерь, понесенных им; б) удовлетворенность доверяющего степенью искренности усилий по восстановлению доверия со стороны нарушителя.

3. Структурный подход предполагает создание внешних условий, способствующих надежному поведению партнеров. В соответствии с этим подходом нарушение доверия ведет к снижению положительных или увеличению отрицательных ожиданий. Восстановление ожиданий возможно за счет внесения изменений во внешнюю среду, в формальную или неформальную структуру отношений.

Для проведения пилотажного исследования по изучению процесса восстановления доверия в супружеских отношениях, нами разработан опросник, включающий описание 10 ситуаций, которые могут быть связаны с утратой доверия.

Этот этап исследования позволяет решить следующие задачи:

- оценить значение различных характеристик ситуаций в утрате доверия;
- выявить различия в восприятии ситуации утраты доверия у мужчин и женщин;
- выявить тактики восстановления доверия;
- проверить, существует ли связь между выбором тактики восстановления доверия и причиной возникшей ситуации.

Наше исследование направлено на прояснение процесса восстановления доверия и выяснение атрибутивных механизмов, стратегий и тактик восстановления доверия.

1. Дубовских Ю.В., Почебут Л.Г., Чикер В.А. Взаимосвязь доверия с удовлетворенностью семейными отношениями // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2024. – Т. 9, № 1(33). – С. 125–147.
2. Sharma K., Schoorman F.D., & Ballinger G.A. How Can It Be Made Right Again? A Review of Trust Repair Research // Journal of Management. – 2023. – Т. 49(1). – P. 363–399.

Враждебность и когнитивная сложность: опыт мета-анализа

Враждебность, когнитивная сложность, мета-анализ

Как в исторической перспективе, так и в актуальной социальной ситуации мы можем наблюдать всплески социального насилия (войны, протесты, революции и т.д.). Ряд авторов утверждают, что существует сильное влияние враждебности на когнитивные процессы и принятие решений и через них, в свою очередь, на повышение рисков агрессивного поведения [2]. Кроме того, ряд ретроспективных исследований показывают роль когнитивной сложности как фактора мирного исхода различных конфликтов, в том числе, международных [1]. Эти результаты наталкивают на мысль о возможной связи враждебности и когнитивной сложности. Для подтверждения или опровержения этого тезиса был проведен мета-анализ имеющихся корреляционных исследований враждебности и когнитивной сложности.

Нашей целью было расширение понимания враждебности как феномена когнитивной сферой путем обобщения результатов существующих исследований корреляции между враждебностью и когнитивной сложностью. Общее число просмотренных публикаций на русском и английском языках – 839. В мета-анализ было отобрано 5 размеров эффекта из 4 статей. Объединенная выборка составила 3114 человек. В связи с критически малым количеством исследований по данной теме, в мета-анализ включались размеры эффектов, полученные в исследованиях, где враждебность чаще всего была операционализирована не как самостоятельная переменная, а как часть более общего конструкта (уязвимый нарциссизм, поведение типа А, установка на вину другого в бытовых проблемах). Кроме того, из одного исследования было получено два размера эффекта. Учитывая все эти факторы, использовалась трехуровневая мета-аналитическая модель со случайными эффектами, которая учитывает «вложенные» размеры эффектов, а также методы p -uniform и p -uniform*.

Результаты анализа гетерогенности показали, что значение общей дисперсии гетерогенности составило $\tau^2 = 0,022$, а процент объясненной различиями между исследованиями дисперсии гетерогенности составил $I^2 = 84,19\%$. Анализ публикационного искажения методом p -uniform показал отсутствие такового в данных ($z = -0,836$, $p = 0,08$).

Различные методы оценки размера эффекта показали наличие умеренно слабой связи: $r_{\text{pooled}} = -0,22$, ДИ[-0,45;0,003] (трехуровневая модель со случайными эффектами); $r_{\text{pooled}} = -0,143$, ДИ[-0,37;0,39] (p -uniform*, estimator:ML); $r_{\text{pooled}} = -0,196$, ДИ[-0,46; 0,151] ((p -uniform*, estimator:P). Учитывая представленные доверительные интервалы, результат, полученный после построения трехуровневой мета-аналитической модели со случайными эффектами можно считать наиболее точными.

Таким образом, между враждебностью и когнитивной сложностью имеется отрицательная умеренно слабая корреляция. Судя по всему, враждебность скорее комплиментарна когнитивной простоте как обратному полюсу когнитивной сложности, если учитывать функцию враждебности в обеспечении защиты собственного Я человека. Враждебность определенным образом конструирует опасный, но одновременно более понятный мир вокруг – есть свои и чужие, необходимо всегда быть наготове и защищаться. Когнитивная простота же, будучи обратным полюсом когнитивной сложности, в свою очередь, обеспечивает ограниченное число категорий оценки внешней среды и упрощенные паттерны интеграции информации, благодаря чему формируется черно-белый мир, который весьма созвучен и взаимодополнителен враждебному опасному образу миру.

1. Conway III L.G., Suedfeld P. & Tetlock P.E. Integrative complexity and political decisions that lead to war or peace // Peace, conflict, and violence: Peace psychology for the 21st century, 2001. – P. 66–75.
2. Smeijers D., Bulten E.B. & Brazil I.A. The Computations of hostile biases (CHB) model: Grounding hostility biases in a unified cognitive framework // Clinical psychology review. – 2019. – 73. – 101775.

Совладание со стрессом разлуки в (близких) партнерских отношениях

Разлука, стресс, близкие отношения, совладающее поведение

Разлука зачастую является стрессовой ситуацией, которая может вносить дестабилизацию в развитие отношений. Ряд авторов рассматривают разлуку как причину семейных кризисов и разводов [1], партнеры могут не совладать с этим вызовом, не суметь адаптироваться к изменению контекста развития отношений. В процессе разлуки у партнеров актуализируются различные страхи и опасения относительно отношений (неверность, обман), которые отражаются на переживании ситуации разлуки и требуют ресурсов для совладания с ней.

Научная проблема: как партнеры в близких отношениях совладают с ситуацией разлуки? Гипотеза: совладание с разлукой в близких (партнерских) отношениях взаимосвязано с когнитивной оценкой этой ситуации разлуки. Методический комплекс: «Когнитивная оценка стрессовой ситуации» А.Ю. Малёновой (2015), «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988), в адаптации Крюковой Т.Л. и др. (2003). Полученные данные были обработаны с помощью статистического пакета SPSS Statistics 22 (корреляционный анализ Пирсона).

Выборку составили 58 человек, находящихся в разлуке с романтическим партнером, среди них 46 женщин (средний возраст 23,22 года) и 12 мужчин (средний возраст 24,75 года). Разлука с партнером была продолжительностью от 4 дней и до 12 месяцев.

Анализ средних значений когнитивной оценки разлуки показывает, что разлука является значимой ситуацией в жизни человека ($M=5,4$ из 7 возможных), уровень стрессогенности разлуки у респондентов преимущественно находится в средних пределах, однако наблюдается большой разброс от полностью нестрессовой, до высоких значений, то есть ситуация разделенности с партнером может восприниматься по-разному.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что конфронтационный копинг с ситуацией разлуки обратно связан с фактором угрозы ($r = -0,28^*$), чем опаснее воспринимается разлука, тем более агрессивные усилия прилагаются для преодоления этой ситуации. Копинг-стратегия «поиск социальной поддержки» обратно связана с фактором стрессогенности ($r = -0,285^*$) и прямо связана с фактором значимости ($r = 0,324^*$), если ситуация разлуки имеет сильную стрессовую нагрузку и является значимой, то человек более ориентирован на поиск поддержки у других людей. При ситуации разлуки респондентам свойственно прибегать к копинг-стратегии «избегание», уходить в фантазии, если разлука воспринимается как стрессовая ($r = -0,441^{**}$), опасная ($r = -0,317^*$) и в то же время значимая ($r = 0,356^{**}$) ситуация. Респонденты чаще используют стратегию «планирование решения проблемы», если разлука воспринимается как контролируемая ($r = 0,345^{**}$), нестрессовая ($r = 0,283^*$), т.е. легкая, простая и неопасная ($r = 0,308^*$).

Таким образом, наша гипотеза подтверждается, субъективная оценка разлуки будет связана с совладанием с ней.

1. Целуйко В.М. Психология современной семьи. – М.: ГИЦ «ВЛАДОС», 2004.

Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФ № 24-28-00896.

Лебедев А.Н.
Москва, ИП РАН

Гордякова О.В.
Москва, НОЧУ ВО МИП

Гагарина М.А.
Москва, Финуниверситет при Правительстве РФ

Теория поиска значимости и психологические механизмы ценностно-аффективной поляризации социальной группы

Групповая поляризация, ценностно-аффективная поляризация социальной группы, теория поиска значимости, высшие социальные эмоции

Проблема изучения механизмов ценностно-аффективной поляризации социальной группы (поляризация мнений) в настоящее время является крайне актуальной для целого ряда дисциплин, в частности: социальной, политической и экономической психологии (Лебедев, 2023; Лебедев, Гордякова, 2023; Druckman, 2021; Wagner, 2021). Понятие психологического механизма, понимаемого как последовательность скрытых причинно-следственных связей элементов системы, позволяет выделить несколько этапов и уровней развития групповой поляризации, а именно: ценностный, аффективный, латентный и др. [1]. Основателем концепции поляризации является С. Московиси, который выделял в структуре группы так называемое поляризованное меньшинство (minority) и зависимое конформное большинство (majority), которое вследствие социального влияния всегда занимает позицию наиболее активного меньшинства [4].

Первоначально феномен групповой поляризации рассматривался как сугубо когнитивный [5]. В настоящее время исследователей все чаще привлекает аффективная поляризация, для изучения которой используются различные методы: от fMRT для анализа психофизиологических характеристик личности участника внутригруппового противостояния до метода IAT (Implicit Association Test), позволяющего оценивать скрытые (имплицитные) установки, в частности, политические [2].

В рамках научного проекта (№ 23-18-00422, РФФИ) нами был разработан метод провокативной групповой дискуссии, на основе которого изучается процесс поляризации малой социальной группы, а также – поляризация мнений случайной выборки респондентов. Метод представляет собой модификацию классического качественного метода фокус-групповой дискуссии для получения количественных данных.

Для интерпретации полученных результатов и анализа психологических механизмов ценностно-аффективной поляризации применяется теория поиска значимости (Significance-Quest Theory – SQT), разработанная группой авторов под руководством А.В. Kruglansky [3]. В соответствии с данной теорией появляется возможность интерпретировать трансформацию ценностной поляризации в аффективную на основе высших социальных эмоций (self-conscious emotion), объяснить не только неизбежный рост иррациональности суждений и аргументов участников групповой дискуссии в лабораторных условиях, но и в противостоянии граждан в условиях политической поляризации общества.

В проведенных исследованиях было показано, что выбор полюса ценностных ориентаций представителями большинства социальной группы часто проходит в состоянии аффекта неопределенности и во многом объясняется не только социальным влиянием, как например в экспериментах М. Шерифа, но и высшими социальными эмоциями, т.е. чувством личностной значимости [3].

При изучении установок сознания представителей политически «лояльного» и «нелояльного» власти меньшинства группы было показано, что поляризация внутри этих подгрупп (вторичная поляризация) проходит по-разному. В частности, в группах «нелояльного» меньшинства она возникает быстрее и протекает в более острой форме. При этом неизбежная иррациональность суждений на этапе аффективной поляризации проявляется в значительной степени в «лояльной» подгруппе. В целом анализ психологических особенностей вторичной поляризации «нелояльного» меньшинства населения страны позволяет сделать вывод о том, что политические возможности оппозиции в привлечении большинства на свою сторону крайне незначительны, что свидетельствует о политической стабильности государства в настоящее время.

1. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. – 2023. – Т. 3, № 1. – С. 3–17. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_02
2. Лебедев А.Н., Гордякова О.В., Панфилова А.С. Феномен ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп и методика оценки имплицитных политических установок // Экспериментальная психология. – 2023. – № 16(4). – С. 88–103. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2023160406>
3. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science. – 2022. – № 17(4). – P. 1050–1071. <https://doi.org/10.1177/17456916211034825>
4. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. – 1969. – № 32(4). – P. 365–380.
5. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. – 1969. – № 12(2). – P. 125–135.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>.

Типичный житель собственного региона в представлении молодёжи из различных макрорегионов России

Образ типичного жителя, регионы России, региональная идентичность, образ героя

Каждая культура несёт в себе определённый образ героя, основные личностные типы и поведенческие паттерны, которые определяют морально-этические ценности общества. Г. Хофстеде описывал категорию героев, как одну из главных элементов каждой культуры, следующую за её ценностно-смысловым ядром [3]. В антропологической «модели айсберга» Э. Холла уровень образа героев представляет собой некоторую невидимую часть айсберга, погружённую в воду. Все внешние проявления культуры базируются на этой невидимой части и являются следствием её преобразований [2].

Именно герой задаёт параметры идеалов и ценностей, на которые равняются представители этого общества. Образ героя определяется на бессознательном уровне и представляет собой как универсальные человеческие черты, так и особые формы культурных традиций [1].

Образы региональных героев связаны с отношением к местным жителям своего региона. Оценивая представления о своих земляках, происходит и самооценка собственных личностных качеств, самоудовлетворённости самим собой. Именно коммуникация внутри региона задаёт основные ориентиры в формировании представлений о своём регионе и представлений о стране в целом и лежит в основе формирования региональной идентичности. Поэтому целью данного исследования было изучение представлений молодёжи о типичном жителе своего региона.

Для этого был использован метод психосемантического шкалирования, который включал в себя 33 биполярных шкалы. Испытуемым предлагалось оценить образ типичного представителя собственного региона по 7-балльной шкале (от «-3» до «+3») по каждой характеристике.

Всего в данном опросе приняли участие 1610 человек, но для обработки было взято только 318 анкет, которые были заполнены правильно и полностью. Средний возраст выборки колеблется от 14 до 28 лет ($M = 21,5$, $SD = 7,2$). В исследовании приняла участие молодёжь, проживающая в 8 макрорегионах России (Центральная Россия, Север России, Черноземье, Юг России, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток). Из них 68% составляли женщины и 32% мужчины.

В итоге была выделена 6-факторная структура представлений о типичном представителе собственных регионов (описывающая 75,5% дисперсии). Были выделены следующие факторы: «Сила личности»; «Коммуникативная активность»; «Терпеливость»; «Духовность»; «Гибкость»; «Когнитивная сложность».

По первому фактору «Силы личности» наибольшую оценку получают типичные жители Томской области. Для молодёжи, проживающей в данном регионе, его типичные жители представляются сильными творческими личностями, которые отличаются независимостью и смелостью.

Второй фактор «Коммуникативная активность» наиболее высокую оценку получает для типичных жителей Краснодарского края. Респонденты оценивают жителей данного региона, как наиболее весёлых, общительных и дружелюбных.

Третий фактор «Терпеливость» имеет наименее дифференцированную структуру среди всех факторов.

Четвёртый фактор «Духовность» наибольшие положительные значения принимает в представлениях о типичных жителях Краснодарского края и Курской области.

По пятому фактору «Гибкость» значения объектов для всех регионов концентрируются в области средних величин.

Шестой фактор «Когнитивная сложность» получил наивысшую оценку от представителей Москвы, для которых образ жителя своего региона оказался наиболее хитрым.

В итоге структура факторного пространства представлений о типичных жителях собственных регионов для молодёжи из различных субъектов России получилась дифференцированной. У каждой группы представителей определённого макрорегиона складывается свой неповторимый самобытный образ типичного жителя макрорегиона.

1. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. – СПб.: Питер, 2020.
2. Фаст Дж., Холл Э. Язык тела. Как понять иностранца без слов. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1995.
3. Hofstede G. Culture and Organization: Software of the Mind / G. Hofstede. – New York: McGraw-Hill, 1997. – P. 37.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-313-90069.

Субъективные особенности взаимоотношений коллег по работе

Межличностные отношения, партнерство, коллеги

Изучение и анализ взаимоотношений между людьми всегда занимало одно из ведущих мест в исследованиях в отечественной психологии. Так, в работе В.Н. Куницыной и соавторов межличностные отношения рассматриваются как система установок, ориентаций и ожиданий членов группы относительно друг друга, детерминированных содержанием и организацией совместной деятельности, и ценностями, на которых основывается общение людей [1].

Поскольку в нашей работе межличностные отношения коллег по работе рассматриваются в контексте партнерского взаимодействия, справедливо будет отметить некоторую их особенность. О партнерстве можно говорить, если участники межличностного взаимодействия стремятся к удовлетворению своих потребностей при достаточно выраженной ориентации на потребности других.

Методологической базой исследования выступают работы Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясищева, Б.Ф. Ломова, А.Л. Журавлева, В.Н. Куницыной. Эмпирическая база исследования включала 91 человека в возрасте от 19 до 64 лет (средний возраст 38,64 года; SD = 12,05): 70 женщин и 21 мужчина, работающих в различных организациях/компаниях (частный и государственный секторы). Для целей настоящего исследования нами были проанализированы данные по закрытым вопросам авторской анкеты «Отношения с коллегами».

В результате корреляционного анализа пунктов анкеты и показателя возраста значимая корреляция обнаружена с пунктом, в котором отмечается готовность включиться в работу, даже если у человека выходной день ($r = 0,23$; $p < 0,05$). Полученные данные подкрепляются анализом различий по упомянутому пункту и критерию возраста (до 35 лет и после 35 лет). Это означает, что чем старше респондент, тем больше вероятность того, что он/она готов работать даже в свой выходной день. Возможно, это связано с более высоким уровнем ответственности или мотивации у старших сотрудников в силу предположительно имеющейся конкурентной обстановки на работе. Также по результатам анализа различий по критерию возраста стоит отметить пункты, в которых люди отмечали то, насколько им не нравится, когда кто-то из коллектива пытается выделиться и когда кто-то из коллег опаздывает на деловую встречу. Это может быть связано с тем, что люди старше 35 лет более критично относятся к поведению своих коллег, у них более консервативный подход к работе и ожидания от коллег, по сравнению с людьми младше 35 лет. Анализ различий по критерию пола были получены в пунктах, где отмечается степень готовности человека включиться в работу, даже если у него выходной день ($p < 0,05$) и степень раздражения, когда кто-то тревожит по вопросам в выходной день ($p < 0,05$). Мужчины более склонны быть готовыми включиться в работу даже в свои выходные дни, что может отражать их большее стремление к достижению или большую преданность своей работе. Женщины же, напротив, чаще испытывают раздражение от рабочих контактов в нерабочее время, что может быть связано с тем, что они совмещают профессиональную деятельность с семейными обязанностями и поэтому более чувствительны к нарушению своего личного пространства.

Таким образом, результаты анализа пунктов авторской анкеты позволили выделить несколько интересных закономерностей в межличностных отношениях коллег по работе.

1. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.

Враждебность и негативные ожидания от будущего

Враждебность, образ будущего, незаконченные предложения, психические расстройства

Роль враждебности в механизмах этиопатогенеза психических расстройств является важным направлением исследований. Была выявлена связь выраженности психопатологической симптоматики с враждебностью, понимаемой как негативное отношение к воспринимаемым объектам. В узком смысле к объектам в межличностной сфере, в широком – неживым объектам, событиям, абстрактным явлениям [1].

Согласно одной из гипотез, при выраженности психопатологической симптоматики (преимущественно депрессивной) переплетаются враждебность в отношении собственного «Я», других людей, а также генерализованная имперсональная враждебность в виде ощущения несправедливости, недоброжелательности окружающего мира, негативной оценки субъективного будущего [2].

Если связь враждебности и негативного отношения к другим не требует доказательств и вытекает из определения, а связь враждебности с негативной оценкой себя показана в эмпирических исследованиях, то связь враждебности и негативной оценки будущего нуждается в эмпирических подтверждениях.

Целью исследования был анализ связи враждебности и негативной оценки будущего.

Ключевые слова: незаконченные предложения, оценка будущего, межличностные отношения, враждебность.

Материалы и методы. В исследовании приняло участие 37 человек, госпитализированных в клинику ФГБНУ НЦПЗ (16 мужчин и 21 женщина) с диагнозом шизофренического спектра (F-20.04, F-20.05) и аффективного спектра (F-31.3, F-32.1, F-33.10). Методики: «Незаконченные предложения», SCL-90R, Басс-Перри, эссе на тему «Я, другие, мир», отношение к будущему оценивалось по группе вопросов в «Незаконченных предложениях». Испытуемые были разделены на три подгруппы: «положительные ожидания от будущего» (16 человек, средний возраст $24,87 \pm 8,20$), «нейтральное будущее» (10 человек, средний возраст $21,89 \pm 8,08$), «отрицательная оценка будущего» (11 человек, средний возраст $21,45 \pm 4,82$), между группами не выявлено статистически значимых различий по полу и возрасту.

Статистическая обработка проводилась в программе SPSS, наличие тренда изменения параметров в зависимости от отношения к будущему – критерий Джонкхиера–Терпстра, сравнение подгрупп по параметрам качественной оценки эссе – Хи-квадрат.

Результаты и обсуждение. Анализ показал рост «враждебности» (Басс-Перри) при изменении отношения к будущему от отрицательного к нейтральному и положительному. При отрицательном отношении к будущему были наивысшие показатели «враждебности» (средние значения: $24,82 \pm 4,26$, $17,60 \pm 5,58$, $16,40 \pm 4,63$, Std. J–Tstat. = $-3,44$, $p = 0,001$).

Выявлено, что отрицательные ожидания от будущего связаны с наличием проблем в межличностных отношениях в настоящем, повышена «межличностная сенситивность» (SCL-90) ($10,82 \pm 7,37$, $7,00 \pm 6,88$, $4,87 \pm 6,81$, Std. J–Tstat. = $-2,348$, $p = 0,019$), индивиды с высокими показателями отличаются негативными ожиданиями относительно межличностного взаимодействия и любых коммуникаций с другими людьми.

Анализ параметров качественного анализа эссе в подгруппах показал, что только при негативном отношении к будущему есть упоминание о зыбкости и неустойчивости мира (36% испытуемых, $p = 0,007$), статистически значимо чаще упоминание темы суицида, смерти, «нет места в этом мире» (80% по сравнению с 16% и 22% в других подгруппах, $p = 0,049$), темы «отвержения» ($p = 0,025$), частоты ожидания отрицательной оценки себя со стороны других людей ($p = 0,004$).

Вывод. Полученные результаты подтверждают гипотезу о связи враждебности и негативного отношения к будущему и позволяют сделать предположение, что общим фактором и для враждебности, и для негативного отношения к будущему при психической патологии являются проблемные межличностные отношения.

1. Кузнецова С.О., Абрамова А.А. Враждебность и психическое здоровье // Психология и право. – 2011. – 1(2).
2. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1(2). – С. 33–39.

Социальная тревожность как предиктор агрессивного поведения: результаты исследования

Социальная тревожность, агрессивное поведение

Социальная тревожность является разновидностью тревожности, связанной с общественной сферой жизни. Она возникает в ответ на разнообразные формы социального взаимодействия [1]. Причиной является страх негативной оценки другими, приводящий к избеганию прямого контакта с окружением [3]. В процессе избегания человек может демонстрировать агрессивное поведение – от косвенной агрессии до нападения – с целью достижения безопасности, что препятствует достижению эффективности в коммуникации [2]. Существуют противоречивые данные о причинно-следственной связи социальной тревожности и агрессии. Поэтому цель исследования – изучить связь социальной тревожности и агрессивного поведения. Гипотеза: мы предполагаем, что социальная тревожность является предиктором агрессивного поведения, т.е. по выраженности социальной тревожности можно предсказать проявление агрессивного поведения.

Выборка: 192 студента ПГНИУ ($M = 35$) в возрасте от 18 до 40 лет ($SD = 22.5$). В качестве диагностического инструментария использовались: Опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой, Д.В. Труевцева (2012); Опросник враждебности Басса-Дарки, в адаптации А.А. Хвана, Ю.А. Зайцева, Ю.А. Кузнецовой (2005). Обработка данных производилась в программе JASP (версия 0.17.2.1).

В результате оценки нормальности распределения данных (Шапиро-Уилка) получено: данные имеют ненормальное распределение. В результате корреляционного анализа Спирмена обнаружены умеренные связи общего показателя социальной тревожности с косвенной агрессией ($r_{ho} = 0.332$, $p < 0.001$), раздражением ($r_{ho} = 0.419$, $p < 0.001$), обидой ($r_{ho} = 0.356$, $p < 0.001$), подозрительностью ($r_{ho} = 0.366$, $p < 0.001$).

Косвенная агрессия, раздражение, обида и подозрительность по результатам факторного анализа входят в один фактор ($\chi^2 = 243.586$, $p < 0.001$; $MSA = 0.703$; факторная нагрузка от 0.728 до 0.835) с общей долей объяснимой дисперсии 61.2%. Исходя из этих результатов, было решено сложить переменные для создания общего индекса агрессивности. Условно данный индекс можно обозначить как «Фактор непрямого агрессивного реагирования», т.к. объединяющим для шкал являются негативные эмоциональные переживания и отсутствие явного проявления агрессии.

В ходе регрессионного анализа было получено значение коэффициента детерминации $R^2 = 0.268$, что указывает на то, что четверть вариации в агрессивном поведении может быть объяснено показателями социальной тревожности. Наибольшее объяснительное значение у шкалы «Социальная тревога в ситуации «Быть в центре внимания, под наблюдением»» ($\beta = 0.272$, $p = 0.024$). Таким образом, тревога в ситуации нахождения в центре внимания может быть ключевым предиктором агрессивного поведения.

Результаты подтверждают гипотезу о том, что социальная тревожность является предиктором агрессивного поведения. Люди, склонные к социальной тревожности, избегают открытого проявления враждебности и чаще демонстрируют не прямое агрессивное реагирование в ситуациях социального взаимодействия. Агрессия является эффективной стратегией, позволяющей справиться с тревогой, испытываемой в этих ситуациях, и, позволяющей скрыть или рассеять вызванное тревогой напряжение.

1. Никитина И.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. - Ч. 1 // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20, № 1. – С. 80–85.
2. Borecka-Biernat D. Aggressive Coping Strategy in Situations of Social Conflict. An Attempt to Determine Personality Predictors // Journal of Educational Sciences. – 2018. – 38. – P. 55–70.
3. Korte K.J., Schmidt N.B. Transdiagnostic preventative intervention for subclinical anxiety: Development and initial validation // J. Psychiatr Res. – 2020. – 126. – P. 34–42.

Эмоциональный интеллект и музыкальные предпочтения молодежи

Эмоциональный интеллект, музыкальные предпочтения, молодежь

Музыка является одним из наиболее древних видов искусства и сопровождает человека в течение всей жизни. Музыкальные предпочтения отражают индивидуальность человека, присущие ему ценности, культуру. Музыкальные произведения могут оказывать значимое влияние на эмоциональные состояния человека, вызывать и изменять их. Поиск взаимосвязи музыкальных предпочтений с компонентами эмоциональной сферы представляется ценным направлением исследования для расширения понимания роли музыки в жизни людей. Значение уровня развития эмоционального интеллекта (ЭИ) в большинстве сфер жизни и деятельности человека подтверждается многочисленными исследованиями. Однако исследований взаимосвязи данного феномена с музыкальными предпочтениями до настоящего времени не проводилось.

Целью исследования было изучение взаимосвязи ЭИ и музыкальных предпочтений молодежи в возрасте от 20 до 30 лет. В исследовании приняли участие 63 человека. Изучались: уровень и характеристики ЭИ у респондентов (методика диагностики ЭИ М.А. Манойлова); музыкальные предпочтения (анкета «Музыкально-стилевые предпочтения»); причины, частота прослушивания и особенности восприятия музыкальных произведений (анкета «О ситуационно-музыкальном восприятии»).

Согласно самоотчету респондентов, музыка оказывает влияние на эмоциональное состояние 97% опрошенных. Изучение причин прослушивания музыки показало, что 71% респондентов слушают музыку, полагаясь на нее как на мощный инструмент для улучшения своего эмоционального состояния, 67% используют музыку в качестве фона, 57% – как средство для расслабления. 68% участников ежедневно слушает музыку в течение одного часа и более (остальные – меньше). 76% респондентов делятся своей музыкой с другими людьми, желая при этом поделиться эмоциями, поинтересоваться мнением другого относительно музыкального произведения или продемонстрировать свой вкус. Будучи взволнованным или расстроенным, спокойную музыку выберут 56% испытуемых, энергичную – 27%. Было установлено, что 60% участников уделяет наибольшее внимание мелодии, 40% – тексту. Анализ средних значений показал, что самыми популярными жанрами у респондентов являются поп- и рок-музыка.

Обнаружен ряд взаимосвязей уровня и компонентов эмоционального интеллекта (ЭИ) с индивидуальными музыкальными предпочтениями. Так, общий уровень ЭИ имеет положительные корреляционные связи с предпочтением таких жанров, как фолк-музыка ($r = 0,259$; $p < 0,05$), рок-музыка ($r = 0,285$; $p < 0,05$) и музыка для релаксации ($r = 0,304$; $p < 0,05$). Внутрличностный ЭИ связан с предпочтением музыки «релакс» ($r = 0,423$; $p < 0,01$), а межличностный – с фолк- ($r = 0,338$; $p < 0,01$) и рок-музыкой ($r = 0,460$; $p < 0,01$). У людей, предпочитающих музыку для релаксации, обнаружен более высокий уровень осознания собственных эмоций ($r = 0,254$; $p < 0,05$), способность управления ими ($r = 0,473$; $p < 0,01$), чем у людей, предпочитающих другие жанры.

Люди, которые в меньшей степени осознают свои эмоции, чаще выбирают клубную ($r = -0,276$, $p < 0,05$) и народную ($r = -0,263$, $p < 0,05$) музыку. Те, кто лучше осознают эмоции других, предпочитают фолк- ($r = 0,318$, $p < 0,05$), рок- ($r = 0,401$, $p < 0,01$) и классику ($r = 0,279$, $p < 0,05$), а те, кто может управлять эмоциями других, – только фолк- ($r = 0,271$, $p < 0,05$) и рок- ($r = 0,330$, $p < 0,001$).

Были установлены искомые взаимосвязи также между различными уровнями ЭИ и музыкальными предпочтениями. Например, высокий уровень ЭИ связан с классической музыкой в современной обработке и рок-н-роллом.

Исследование вскрыло проблему недостаточной разработанности инструментария для изучения музыкальных предпочтений личности. Результаты исследования свидетельствуют о существовании многочисленных взаимосвязей между эмоциональным интеллектом, его компонентами и музыкальными предпочтениями человека. Полученные данные расширяют понимание возможностей использования музыки для развития эмоциональной сферы человека, коррекции его эмоционального состояния, что может быть применено, например, в рамках музыкальной терапии.

К вопросу о связи эмпатии и понимания невербального поведения в юношеском возрасте

Межличностное понимание, эмпатия, понимание невербального поведения, юношеский возраст

Понимание людьми друг друга – это сложный когнитивный процесс, в осуществлении которого большую роль играет эмоциональная сфера личности. Возникающие уже на этапе восприятия внешнего облика другого человека эмоции воздействуют на активность познавательных процессов.

Дифференцируя различные виды понимания, отдельно выделяют аффективное, нередко связывая его с эмпатией. «Эмпатия (от греч. *empathia* – сопереживание) – постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживания другого человека» (Петровский, Ярошевский, 1990, с. 463). Эмпатию также определяют как способность к адекватному познанию людей на чувственном уровне, как «теплое» измерение способности ориентироваться в людях.

И.М. Юсупов, говоря об эмпатийном понимании, отмечает, что «функциональным механизмом эмпатийного понимания выступают эмоционально-когнитивная децентрация субъекта и его идентификация с эмпатируемым объектом. Результатом понимания является субъективная уверенность в адекватности воссозданных паттернов и внутренней сущности познаваемого объекта» (Юсупов, 1995, с. 30).

По данным И.Э. Стрелковой, полно, точно и глубоко посредством эмпатии отражаются аффективные характеристики воспринимаемого человека, оценивание же личностных свойств не так успешно (Стрелкова, 1985).

В рамках изучения связи эмпатии и понимания невербального поведения нами было проведено исследование, выборку составили студенты вуза, общее количество 125 человек.

Блок методик включал методики, разработанные В.Н. Куницыной: методика КОСКОМ (Коммуникативная и социальная компетентность), методика СТАЛЬ (Стабильность, толерантность и альтруизм в межличностных отношениях и другие свойства личности), опросник СУМО (Саморегуляция и успешность межличностного общения), тест «Самооценка», тест «Экспрессия» (модификация субтеста «группы экспрессии» методики диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда, М. Салливена), 16-факторный опросник Р. Кеттелла.

По результатам исследования, среднегрупповой показатель развития эмпатии у юношей и девушек равен 6,2 баллам (из 12 максимально возможных) ($\sigma = 2,74$), что свидетельствует о склонности к проявлениям сочувствия, сопереживания другим людям на среднем уровне. Анализ распределения данных показал, что средний уровень эмпатии имеет большая часть респондентов (49%), 33% – низкий и 18%, напротив, крайне эмпатийны.

Способность к эмпатии у юношей и девушек закономерно сочетается с показателями развития эмоциональной сферы личности, а именно: с эмоциональной нестабильностью ($p = 0,032$), мечтательностью ($p = 0,024$), высоким уровнем чувствительности ($p = 0,001$), неумением контролировать проявления собственных эмоций и чувств ($p = 0,019$). Помимо этого, установлены связи эмпатии с низким уровнем эгоцентризма личности ($p = 0,006$), высокими моральными установками ($p = 0,049$), готовностью жертвовать для блага других своими интересами ($p = 0,039$), низким уровнем развития мотивации достижения ($p = 0,001$). Способность к сочувствию и сопереживанию коррелирует также с неуверенностью в себе ($p = 0,035$), тревожностью ($p = 0,003$), уступчивостью, зависимостью от других ($p = 0,015$), боязнью быть отвергнутыми ими ($p = 0,013$), в сложных ситуациях межличностного взаимодействия склонностью быть недовольными собой и брать вину на себя ($p = 0,022$).

Статистически значимых связей между показателями эмпатии и понимания невербального поведения выявлено не было. Однако на уровне тенденции все же прослеживается их положительная связь ($r = 0,06$, $p = 0,535$). Кроме того, также на уровне тенденции можно говорить о том, что чем выше уровень эмпатии, тем меньше уверенность юношей и девушек в собственной способности понять личностные особенности другого человека ($r = -0,02$, $p = 0,848$) и ситуацию межличностного взаимодействия в целом ($r = -0,13$, $p = 0,157$).

Таким образом, в нашем исследовании прямой статистически достоверной связи между уровнем развития эмпатии и точностью идентификации состояния другого человека по его невербальным реакциям выявлено не было. Вместе с тем установленные тенденции согласуются с имеющимися в научном сообществе данными.

Полученные результаты расширяют представление о способности к эмпатии и ее связи с пониманием экспрессии в юношеском возрасте и требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Личностные черты как предикторы стиля конфликтного поведения

Конфликт, стили поведения в конфликте, личность, черты личности, аспекты черт личности

Цель данного исследования заключалась в изучении личностных черт как главных детерминант, влияющих на поведение личности в конфликте. Психодиагностический инструментарий был представлен методиками К. Томаса – Р. Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (TKI-R) в адаптации Н.В. Гришиной и методикой «Большая пятерка» (Big Five Inventory-2) в адаптации А.Ю. Калугина, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич, К.Дж. Сото, О.П. Джона [6]. Теоретическими предпосылками исследования послужили работы Kilmann R.H., Thomas K.W. [5], эмпирическими – исследования Дубровиной С.В. [2], Овчаренко М.С. [4], Ионовой М.С., Пятаевой Е.В. [2]. Мы предположили, что существует взаимосвязь стилей поведения в конфликтной ситуации с личностными чертами и что черты личности могут выступать предикторами выбора стратегии поведения в конфликте. В исследовании приняли участие 102 человека в возрасте от 17 до 35 лет: $M = 21.0$; $SD = 4.35$ (78 женщин и 24 мужчины). Обработка результатов исследования проводилась в статистической программе Jamovi с применением математико-статистического анализа (корреляционный анализ Спирмена).

Обнаружено, что черты личности – экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и добросовестность взаимосвязаны со стилями поведения в конфликте. Выявлено, что экстраверсия отрицательно коррелирует со стратегией «уклонение» ($r = -0.257$; $p < 0.01$) и положительно – со стратегией соперничества ($r = 0.203$; $p < 0.05$). Черта «Открытость опыту» положительно взаимосвязана со стилем сотрудничества ($r = 0.232$; $p < 0.05$), а «доброжелательность» положительно – со стилями сотрудничества ($r = 0.346$; $p < 0.001$) и приспособления ($r = 0.223$; $p < 0.05$) и отрицательно – со стилем соперничества ($r = -0.384$; $p < 0.001$). Черта «добросовестность» положительно взаимосвязана со стратегией сотрудничества ($r = 0.276$; $p < 0.01$), а «открытость опыту» – со стилем сотрудничества ($r = 0.271$; $p < 0.01$). Черта «доброжелательность» и ее аспекты (сочувствие, доверие и уважительность) также коррелируют со стратегиями конфликтного взаимодействия: «сочувствие» положительно взаимосвязано со стилем сотрудничества ($r = 0.269$; $p < 0.01$), «уважительность» отрицательно коррелирует со стилем соперничества ($r = -0.349$; $p < 0.001$) и положительно – со стилем сотрудничества ($r = 0.300$; $p < 0.01$). Черта «доверие» отрицательно взаимосвязана со стратегией соперничества ($r = -0.235$; $p < 0.05$). У двух аспектов черты «добросовестность» («ответственность» и «продуктивность») выявлены корреляты со стилями конфликтного поведения. «Ответственность» положительно коррелирует со стратегией сотрудничества ($r = 0.392$; $p < 0.001$) и отрицательно – со стратегией уклонения ($r = -0.214$; $p < 0.05$). Черта «продуктивность» также отрицательно взаимосвязана со стратегией уклонения ($r = -0.201$; $p < 0.05$) и положительно со стилем сотрудничества ($r = 0.229$; $p < 0.05$). Полученные нами результаты согласовываются с характерологическими особенностями шкалы «доброжелательности» и подтверждаются другими исследователями [1, 6]. Мы считаем, что такие черты личности, как «доброжелательность», «открытость опыту», «добросовестность» могут выполнять функции предикторов выбора стратегии поведения «сотрудничество», а экстраверсия – обуславливать компромисс и сотрудничество.

1. Вязова Н.В., Мелехова В.М., Смолярчук И.В. Особенности влияния характера на стратегии поведения субъекта конфликта // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2019. – Т. 18, № 2 (40).
2. Дубровина С.В., Климонтова В.А., Чепурко Ю.В. Стратегия поведения в конфликтной ситуации при различной направленности личности (по параметру экстраверсия – интроверсия) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5, № 4(17).
3. Ионова М.С., Пятаева Е.В. Стратегии поведения в конфликте студентов с экстравертным и интровертным типом личности // Огарёв – Online. – 2020.
4. Овчаренко М.С. Взаимосвязь особенностей темперамента личности и типа конфликтного поведения // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 9 (66).
5. Kilmann R.H., Thomas K.W. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict-Handling Behaviour: The «MODE» Instrument // Educational and Psychological Measurement. – 1977. – Vol. 37, № 2. – P. 309–325.
6. Shchebetenko S., Kalugin A.Y., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O.P. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // Assessment. – 2020. – Vol. 27, № 3. – P. 472–486. doi: 10.1177/1073191119860901

Этнопсихологические особенности проявления готовности к риску в ситуации неопределенности и геополитической нестабильности

Готовность к риску, рациональность, саморегуляция, этнос

По мере роста неопределенности мира, геополитической нестабильности в фокусе психологических исследований все больше изучаются проблемы личностных ресурсов человека, механизмов совладания со сложностью. Ситуация неопределенности во многом обеспечивает активизацию и перестройку регуляторных механизмов, повышение психологической устойчивости человека. Обращаясь к идеям В.Е. Ключко о многомерном пространстве жизни, отметим, что в случае, когда субъект испытывает на себе неспецифические воздействия извне проявляются эффекты самоорганизации, представляя собой «сложное сочетание целенаправленности и спонтанности, автономности и зависимости». (Ключко, 2005, с. 17) Мир все больше дифференцируется на людей, готовых принимать и «практиковать» сложность, либо склонных к упрощению, способных действовать или же проявлять тревогу перед неопределенностью будущего. В условиях развития теоретических подходов к анализу феномена риска наблюдается позитивное переосмысление данного концепта и трактовка его в контексте личностного усилия, стремления к реализации своего потенциала.

Цель: изучение готовности к риску как личностного свойства саморегуляции у представителей различных этнокультурных групп. Методы: «Личностные факторы принятия решений» (Т.Н. Корнилова); «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова); «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьева); «Тест жизнестойкости (С. Мадди; в адаптации Д. Леонтьева); статистический критерий М. Уитни. Объект исследования: представители армянской, чеченской, русской этнических групп в возрасте от 30 до 65 лет в количестве 292 человек. Представители армянской этнической группы, проживавшие на территории Армении (г. Ереван) – 74 человека; представители чеченской этнической группы (г. Грозный) – 87 человек; представители русской этнической группы (г. Ростов-на-Дону) – 131 человек.

На первом этапе исследования были изучены и описаны личностные ресурсы саморегуляции, проявляющиеся в жизнестойкости и особенностях смысложизненных ориентаций. Достоверных различий у представителей армянской и чеченской этнических групп в отношении жизнестойкости выявлено не было. Имея в целом сходные географические условия, а также этнокультурные установки (тенденция следовать традициям, межпоколенные связи, значимость сохранения культурных традиций и пр.), представители данных групп могут иметь сходные показатели в отношении личностных ресурсов, обусловленные культурным и этническим своеобразием. Однако значения по шкалам Общий уровень жизнестойкости и Вовлеченность существенно выше у представителей русской этнической группы (значимость на уровне $p = 0,014$ при $p < 0,05$ по U-критерию Манна-Уитни).

На следующем этапе были проанализированы особенности принятия решений (готовность к риску/рациональность) у респондентов трех этнических групп и описаны различия в особенностях саморегуляции в зависимости от выраженности готовности к риску. Наименьшие значения в отношении готовности к риску были зафиксированы у представителей русской этнической группы (0,791). В изучаемых трех группах у респондентов с высокими показателями по шкале «Готовность к риску» были зафиксированы достоверно значимые различия по шкалам саморегуляции, относящиеся к личностным механизмам саморегуляции (шкалы Гибкость, Самостоятельность). В отношении представителей чеченской этнической группы значимые различия были зафиксированы по шкалам Планирование (0,006**), Программирование (0,016*), Гибкость (0,006**), Самостоятельность (0,001***); у представителей русской этнической группы – по шкале Гибкость (0,013*); у представителей армянской этнической группы – по шкале «Моделирование» (0,04*). Таким образом, возможности регуляторной автономности, гибкости, независимости существенно повышаются при высоких показателях готовности к риску. В результате исследования были сделаны выводы о том, что готовность к риску может выступать адаптационным ресурсом, позволяющим своевременно перестраивать систему саморегуляции.

1. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский государственный университет, 2005. – 174 с.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00848) (2023 г.) «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков».

Сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в 2018 и 2023 гг.

Методика ценностных ориентаций Рокича, ценностная структура личности, терминальные и инструментальные ценности

Ценностная сфера личности позволяет человеку определять цели и направления своего развития, регулировать и проявлять особенности своего поведения. Поскольку ценности имеют социальную обусловленность и выступают критериями формирования духовного мира личности, влияющие на ее поведение, изучение этой проблемы сохраняет постоянную актуальность [3].

При том, что изучаемые свойства относительно открыты самонаблюдению, декларируемые и реально побуждающие поведение ценности могут значительно различаться в силу различных причин [2]. В данной работе ценностные ориентации рассматриваются как когнитивные репрезентации жизненных ценностей в динамике их изменений среди людей молодого возраста с 2018 по 2023 гг.

В применяемой нами методике различаются два класса ценностей, терминальные и инструментальные, по 16 в каждой категории. Это деление соответствует традиционному в отечественной психологии делению на ценности-цели и ценности-средства.

Представлены результаты методики М. Рокича «Ценностные ориентации» [4] в модификации Б.С. Круглова, с присвоением каждой из ценностей степени значимости по пятибалльной шкале, без возможности отбора. В серии эксперимента от 2018 года принял участие 51 человек (средний возраст 23 года), 44% мужчин и 56% женщин [1]. В аналогичной серии 2023 года принял участие 61 человек (средний возраст 22 года), 35% мужчин и 65% женщин.

Интегральные профили ценностных представлений о личностях, выполненные в разные годы, имеют сходную структуру и близкие балльные оценки ($M_{2018} = 3,99$ и $M_{2023} = 4,00$). При анализе всей совокупности оценок значимых различий не обнаружено. Средняя оценка респондентов женского пола в 2018 значимо выше аналогичного показателя у респондентов мужского пола ($M_{ж2018} = 4,06$ $M_{м2018} = 3,92$, $p = 0,014$). Данная тенденция сохраняется и в результатах 2023 года, но различия не носят статистически значимого характера.

Наиболее интересным представляется сравнение средних результатов каждой ценности по степени их значимости для респондентов. С 2018 по 2023 выявлены изменения как среди наиболее предпочитаемых, так и среди игнорируемых ценностей. Более высокими наиболее респондентами 2023 года наделяются такие ценности, как Материальная обеспеченность (Т)*, Счастливая семейная жизнь (Т), Любовь (Т)*, Чуткость (И)* и Удовольствия (Т). Ценности, отмеченные звездочкой, обладают более высоким баллом на статистически значимом уровне ($p = 0,035$, $p = 0,004$, $p = 0,044$).

Изменения в рейтинге ценностных представлений также зависят от пола респондента. Так, среди мужской выборки положительным сдвигом характеризуются терминальные ценности: Любовь, Счастливая семейная жизнь, Хорошие и верные друзья; и инструментальные: Чуткость и Жизнерадостность. Среди женской выборки отмечен положительный сдвиг в категории терминальных – Любовь и Материальная обеспеченность, в инструментальных – Чуткость.

Можно утверждать, что большую значимость приобретают ценности социального и личного взаимодействия. Структура ценностного образования личности определяется характеристиками инвариантными, связанными с общей природой ценности, и вариативными, отражающими место данной ценности в жизни человека в определенный момент времени и связана с событиями в социальной жизни общества.

1. Барабанщиков В.А., Шунто А.С. Представление о ценностных ориентациях незнакомого человека в зависимости от способа изображения его лица // Экспериментальная психология. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 50–69.
2. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – №1. – С. 13–25.
3. Ярина Е.В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – Т. 61, № 5. – С. 160–162.
4. Rokeach M. The nature of human values. – N.Y., Free Press, 1973.

Семья как предмет историко-психологического анализа: основные методологические подходы

Историческая психология, социальная психология семьи, историческая психология семьи

На протяжении уже многих десятилетий в отечественной литературе, посвященной изучению семьи, отмечается кризисное состояние данного общественного института. Столь затяжной характер семейных кризисов приводит к необходимости обратиться к анализу широкого культурно-исторического контекста и к реконструкции общих тенденций в динамике семейных отношений. В этой связи важно, что научный интерес к проблемам исторической психологии в России в последние десятилетия активно растет. В ее предметную область включают: «... историческую детерминацию психики индивидуального и коллективного субъекта...» [1]. Включение коллективного субъекта в фокус исторической психологии дает основания для выделения историко-психологической проблематики семьи. В чем ее существо?

В многочисленных определениях психологии семьи подчеркивается, что предметом этого направления являются закономерности развития межличностных отношений и их влияние на личность [2, 3]. Тогда в первом приближении историко-психологический анализ семьи направлен на выявление тенденций макровременной динамики межличностных отношений супругов, родителей и детей, родственных отношений в целом и их связи с устойчивыми чертами личности определенной эпохи и социального положения.

Исследований такого плана крайне мало, однако имеющиеся работы позволяют выделить несколько подходов, отличающихся по своим методологическим установкам. Возможно предложить 2 критерия систематизации этих подходов, исходя из: 1) временного фактора; 2) характеристик изучаемого субъекта. Рассмотрим основную проблематику и ее разработчиков.

По критерию времени существуют исследования, имеющие дело с материалами прошлого. Их цель – реконструкция по архивным данным, продуктам деятельности, этнографическим материалам, художественным текстам и документам структуры семейных отношений в определенный период прошлого (Мионов. Б.Н., Мухина З.З.).

Другая группа исследований направлена на историческую память современников. Благодаря интервью, стандартизированным опросам, генограмме выявляются закономерности межпоколенной трансмиссии ценностей и моделей поведения в диадах родителей и детей (Вовшен М., Васина Е.А., Зиновьева Д.М.; Зуев К.Б., Куфтяк Е.В.; Куницына В.Н.; Сапоровская М.В.). Отдельно в этой группе находятся сопоставления не реальных диад, а больших социальных общностей представителей разных поколений. Здесь можно отметить сравнение социальных представлений о семье и семейных ролях, различных сторонах жизни (Кольцова В.А., Микляева А.В., Семенов В.Е., Холондович; Тугайбаева Б.Н.), мониторинг карьерной мотивации в поколениях (Волкова Н.В., Чикер В.А.).

Второй критерий, более социально-психологический, позволяет разграничить направленность внимания на индивидуальный или коллективный субъект. Изучение трансформаций индивидуального субъекта – личности в семье – основывается на работе либо с биографией исторических личностей прошлого (Неревен Т., Шамонина Т.Г.), либо с анализом результатов психобиографического интервью современников (Зайко Я.В., Логинова Н.А.). Анализ исторической динамики коллективного субъекта – семьи как малой группы – опирается на обширные исторические материалы, сопоставляемые в разное время и в разных общественно-экономических слоях по определенным критериям (воспитательные практики, решение конфликтов, культура выражения чувств) (Борисова Е.В., Мухина З.З.).

Каждый подход имеет свои достоинства и ограничения. Наблюдается острая нехватка обобщающих работ как внутри выделенных подходов, так и между ними. Разработка принципов такого обобщения видится ближайшей актуальной задачей.

1. Кольцова В.А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32, №. 3. – С. 85–95.
2. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Ред. Е.Г. Силаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.
3. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. – 2011.

Социальные и культурные аспекты этнической идентичности студентов: исследование динамики

Этнос, этническая идентичность, студенты, культура

Осознание своей этнической идентичности у человека становится наиболее явным в процессе межнационального общения в поликультурной среде.

Т.Г. Стефаненко подчеркивает, что этническая идентичность является важной составляющей социальной идентичности человека. Это психологическая категория, связанная с осознанием человеком своей принадлежности к определенной этнической группе [2].

Цель пилотажного исследования – изучение динамики этнической идентичности современных студентов.

Для изучения динамики этнической идентичности была использована методика «Особенности этнической идентичности» Хузеевой Г.Р. [1] и анкета, разработанная научными сотрудниками ФНЦ ПМИ (ранее ПИ РАО) Кончаловской М.М. и Юрченко Н.И. [3]. Выборку исследования составили 118 студентов высших учебных заведений.

Результаты исследования. Анализ динамики этнической идентичности студентов показал, что первая группа респондентов, принявшая участие в исследовании 2018 года, более позитивно оценивает нынешнее на момент исследования место жительства и более позитивно относится к проживанию на территории Российской Федерации и меньше ориентирована на переезд в другие страны.

Отмечается преобладание множественности как позитивных, так и негативных характеристик у второй группы респондентов, принявшей участие в исследовании 2022–2023 гг. Данная группа респондентов менее склонна характеризовать культуру через призму личностных описаний (70%), чем первая группа респондентов (88%). Описание культуры через взаимодействие с социумом (30%) превалирует у второй группы над первой (12%).

Было выявлено, что большее удовлетворение своим народом имеют студенты, принявшие участие в исследовании 2018 года, они в большей степени позитивно описывают представителей своей культуры.

Большее удовлетворение своей культурой имеет группа будущих педагогов-математиков. Именно студенты-математики в большей степени предпочитают остаться жить в России и дают наибольшее количество ответов на вопрос, в чём им помогает их культура. Также математики с большим количеством положительных характеристик описывают свой народ, чем представители двух других групп. Можно предположить, причина активной и положительной презентации своей культуры заключается в нескольких факторах: во-первых, возраст данной группы респондентов преобладает над возрастом респондентов двух других групп; во-вторых, у группы будущих математиков уже имеется определённая с местом жительства, карьерными планами и построением собственной семьи, а также, что немаловажно, удовлетворённость от своего выбора.

Психологи неярко продемонстрировали свою позицию в отношении к родной культуре, но стоит отметить, что нацеленность данной группы на переезд в другие страны преобладает над желанием жить в России. Вероятно, дело в ещё довольно юном возрасте данной группы респондентов, а также в отсутствии своей собственной семьи и, соответственно, в наличии большего количества возможностей для изменения места жительства.

Лингвисты показали очень активный интерес к изменению места жительства в России на другие страны, указали наибольшее количество характеристик культуры при ответе на вопрос, в чём им помогает культура. Они также больше, чем все остальные, отмечают, что их родная культура никак не мешает им. Также студенты-лингвисты, по сравнению с другими группами, дают больше отрицательных описаний своего народа и, парадоксально, также больше описаний, характеризующих ценности родной культуры.

Исследование динамики этнической идентичности среди современных студентов выявило ряд интересных социальных и культурных аспектов. Результаты показали, что этническая идентичность играет значительную роль в формировании социальной идентичности человека, особенно в условиях межнационального взаимодействия и поликультурной среды.

Первая группа студентов, участвовавшая в исследовании в 2018 году, проявила более устойчивую привязанность к месту жительства в России и положительное отношение к своей культуре. Они чаще описывали представителей своей национальной культуры в положительных терминах, что свидетельствует о выраженной удовлетворённости отношениями в социуме.

Вторая группа студентов, исследованная в 2022–2023 годах, демонстрировала более разнообразное восприятие своей культуры. Они менее склонны к оценке культуры через личные описания и чаще предпочитают рассматривать её через призму социального взаимодействия. Это может свидетельствовать о более критическом отношении к аспектам своей этнической идентичности среди молодёжи, а также о большем влиянии среды на формирование идентичности.

Таким образом, исследование подчеркивает значимость этнической идентичности как важного аспекта социальной идентичности студентов, а также демонстрирует разнообразие подходов к восприятию и оценке собственной культурной принадлежности в условиях современного социокультурного пространства.

1. Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик / Отв. ред. Т.Д. Марцинковская. – М.: МПГУ, 2015. – 111 с.
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН. Академический Проект, 2000.
3. Юрченко Н.И., Кончаловская М.М. Особенности профессиональной идентичности молодёжи // Новые психологические исследования. – 2022. – № 3. – С. 159–183. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_03_08

Работа выполнена в рамках госзадания, FNRE-2024-0016 «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации».

Бредгауер С.П., Потапова Ю.В.
Омск, ФГАОУ ВО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Связь субъективного благополучия с патриотическим поведением омских студентов

Патриотизм, субъективное благополучие, психологическое благополучие, эмоциональное благополучие, патриотическое поведение

В последние годы формирование патриотических настроений в нашей стране стало одной из приоритетных задач. Об этом говорят политические лидеры, по их инициативе были внесены поправки в закон об образовании с патриотическим уклоном [3]. Ежегодно ВЦИОМ публикует отчёты по исследованиям патриотизма: в 2022 году патриотами себя назвали 91% граждан [5], что не согласуется с уровнем удовлетворённости ситуацией в стране [4]. Это говорит о необходимости изучения взаимосвязи патриотизма с психологическими характеристиками для оптимизации государственных программ.

Объект: субъективное благополучие, предмет: благополучие омской молодежи как коррелят патриотического поведения.

Цель: выявить связь субъективного благополучия с разными типами патриотического поведения.

Методы: тестирования и анкетирования, методики: опросник для оценки типов патриотического поведения Гордяковой О.В., Лебедева А.Н. [1], «Спектр психологического благополучия» К. Киза (МНС) [2], методы математической статистики: первичные описательные статистики, χ^2 Фридмана, критерий корреляции Спирмена.

Выборка: в исследовании участвовали 839 испытуемых, из них 504 (60,1%) девушки и 335 (39,3%) юношей, возрастом от 16 до 35 лет, средний возраст 19,7 года.

Было выявлено превалирование числа респондентов со средним уровнем патриотизма (сильнее выражен конформный и слабее – идеологический ($\chi^2 = 59,8$, $p \leq 0,001$)) и благополучия (сильнее выражен эмоциональный, а слабее социальный ($\chi^2 = 195,4$, $p \leq 0,001$)).

Самые сильные корреляции обнаружены для идеологического ($r = 0,468$; $p \leq 0,001$), проблемного ($r = -0,374$; $p \leq 0,001$), конформного ($r = -0,396$; $p \leq 0,001$) патриотизма с социальным благополучием, которое отражает удовлетворенность жизнью в обществе. Это объясняется тем, что людям с высоким идеологическим патриотизмом несвойственно видеть недостатки и противоречия в стране, тогда как молодежь с проблемным патриотизмом, наоборот, склонна анализировать недостатки государственного строя. Люди с конформным типом патриотизма также склонны анализировать условия, сложившиеся в стране, но с позиции собственного комфорта, а значит, при адекватной самооценке могут оценить свой вклад в общество как невысокий. Эмоциональное ($r = -0,267$; $p \leq 0,001$) и психологическое ($r = -0,295$; $p \leq 0,001$) благополучие связаны с конформным патриотизмом отрицательно, что подтверждает его неконструктивность с позиции усиления субъективного благополучия личности.

Обобщим полученные результаты: большая часть испытуемых имеет средний уровень благополучия (сильнее представлен эмоциональный и слабее социальный компоненты) и патриотического поведения (сильнее – конформный тип); идеологический тип патриотизма положительно, а проблемный и конформный – отрицательно связаны с субъективным благополучием.

1. Гордякова О. В., Лебедев А.Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России. Психологические и психоаналитические исследования. – М.: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский институт психоанализа», 2017. – С. 307–327.
2. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – (1). – С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>

3. Гарант.ру. Письмо Министерства просвещения РФ от 15 апреля 2022 г. № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» / ГАРАНТ (garant.ru) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404460798/?ysclid=ltesaqqic98675051>
4. ВЦИОМ, 2023. Новости: Социальное самочувствие: мониторинг (wciom.ru) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring-13122023?ysclid=lteryfdn2b115195590>
5. ВЦИОМ, 2023. Новости: Патриотизм: мониторинг (wciom.ru) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring?ysclid=lteruwndtz513814666>

Особенности карьерных ориентаций, инновативных качеств личности и готовности к риску самозанятых и наёмных работников

Карьерные ориентации, инновативные качества личности, самозанятые

В 2018 году в России с принятием нового закона появились самозанятые граждане. Вместе с тем психологические исследования этой группы населения немногочисленны, особенно в аспекте сравнения с другими категориями экономически активных граждан.

Представляется крайне актуальным исследовать готовность к риску и инновативные качества личности самозанятых, так как им приходится полностью организовывать свою деятельность, проявляя разумный риск и креативность. Также важно исследовать карьерные ориентации, чтобы понимать, как самозанятые при всей специфичности своей деятельности, ориентированы в карьере.

Исследованию карьерных ориентаций самозанятых посвящены работы Д.В. Ковалёва (определена специфика карьерных ориентаций самозанятых разного пола и определено, что карьерные ориентации положительно связаны с удовлетворённостью жизнью [2]), а наёмных работников – Е.Ф. Яценко (определено, что работники со стажем работы от 3 лет в большей мере, чем работники со стажем работы до 1 года, вносят в свои трудовые обязанности личностные вклады («общая карьерная направленность»), самостоятельность мышления («предпринимательство» [4]). Связь карьерных ориентаций и склонности к риску у предпринимателей изучена в исследовании А.О. Дергач [1], инновационность мышления в структуре карьерных ориентаций – в исследовании Е.Г. Щелоковой [3].

Наша цель – изучение особенностей карьерных ориентаций, инновативных качеств личности и готовности к риску самозанятых и наёмных работников.

Гипотеза: существуют различия в показателях карьерных ориентаций, инновативных качеств личности и готовности к риску самозанятых и наёмных работников.

В исследовании приняли участие 146 человек: 84 самозанятых и 62 наёмных работников (средний возраст – 38 лет, 117 женщин и 29 мужчин). Использовались следующие методики: «Карьерные ориентации» Н.Н. Мельниковой, методика диагностики готовности к риску Г. Шуберга в адаптации М.А. Котик и шкала самооценки инновативных качеств личности Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. В качестве методов статистической обработки был использован U-критерий Манна-Уитни.

Сравнительный анализ показал, что у самозанятых более выражены карьерные ориентации «предпринимательство» ($U = 1235$, $p \leq 0,001$) и «профессиональное мастерство» ($U = 2002$, $p \leq 0,01$). Данные различия говорят о том, что самозанятые в большей степени стремятся к созданию своего дела, финансовой самостоятельности, обретению мастерства в своем деле. В целом эти стремления отражаются в их выборе вида деятельности.

Кроме того, самозанятые более ориентированы на построение карьеры как вверх ($U = 1770$, $p \leq 0,001$), так и вглубь ($U = 2078$; $p \leq 0,05$). То есть они в большей степени заинтересованы в построении вертикальной карьеры и в то же время отличаются большей готовностью совершенствовать и оттачивать свое профессиональное мастерство.

В отличие от сотрудников наёмного труда, самозанятые более креативны ($U = 1873$; $p \leq 0,01$), инновативны ($U = 1739$; $p \leq 0,001$) и способны к риску ради успеха ($U = 1948$; $p \leq 0,01$).

Полученные результаты можно использовать в карьерном консультировании, психологическом сопровождении профессиональной деятельности самозанятых.

1. Дергач А.О. Ценности, ответственность и готовность к риску как факторы карьерных ориентаций будущих предпринимателей / А.О. Дергач, Е.М. Коротева // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2021. – № 2. – С. 12–18.
2. Ковалёв Д.В. Карьерные ориентации и удовлетворённость жизнью самозанятых граждан разного пола / Д.В. Ковалёв // Форум молодых учёных. – 2024. – № 1 (89). – С. 43–51.
3. Щелокова Е.Г. Инновационность мышления в структуре карьерных ориентаций / Е.Г. Щелокова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 6. – С. 102.
4. Яценко Е.Ф. Лояльность к организации, карьерные ориентации и удовлетворенность трудом работников государственного учреждения с разным стажем работы / Е.Ф. Яценко, А.К. Лодыгина // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. Материалы международной научной конференции. – М., 2023: Союзкниг; Кириллица. – С. 191.

Стратегии жизнедеятельности студентов педагогического вуза

Субъектность «Я-концепция», «Смысл жизни», стратегии жизнедеятельности

Актуальность исследования стратегий жизнедеятельности человека обуславливается тем, что наука на современном этапе понимает его развитие, как процесс ко-адаптация личности и среды, формирующей стратегии жизнедеятельности – устойчивые системы отношений личности с Миром и собой, как частью Мира, определяющие ее состояние и перспективы в актуальном цикле развития.

Мы рассматриваем стратегии жизнедеятельности человека, как результат становления субъектности. Субъектность развивается на основе внутренней системы факторов «Я-концепция», «Смысл жизни», «Иерархия приоритетов развития», «Технология построения отношений с Миром», определяющей характеристики динамического равновесия между адаптационными возможностями субъекта и изменяющейся объективной составляющей жизнедеятельности.

Взаимодействие субъектности личности и объективной составляющей ее жизнедеятельности (уровень здоровья, социальная адаптация), определяет стратегии жизнедеятельности: «истинная безопасность» – субъективно и объективно безопасная жизнедеятельность; «истинная опасность» – субъективно и объективно опасная жизнедеятельность; «иллюзия безопасности» – субъективно безопасная, объективно опасная жизнедеятельность; «иллюзия опасности» – субъективно опасная, объективно безопасная жизнедеятельность[1].

Уровень целостности внутренней системы факторов субъектности определяет стратегию жизнедеятельности: безопасная – субъект управляет своей жизнью, развивая рефлекссию, прогнозирование и моделирование или опасная – реализует конкретную тактику в отдельных жизненных ситуациях.

Диагностическое исследование стратегий жизнедеятельности включало: технологию личностного развития «Психология образа», исследующую систему факторов субъектности и программу комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» [1].

Респонденты: 65 успешных студентов (2\3 девушки), в возрасте от 18 до 22 лет. Исследование 2019–2023 г. показало: 70–75% респондентов – низкий уровень субъектности детерминирован конфликтным взаимодействием между «факторами субъектности»; 25–30% – высокий уровень развития субъектности. Уровень субъектности в сочетании с нарушением объективной составляющей здоровья (2 группа здоровья; профессиональная группа не референтная;) формирует стратегию жизнедеятельности «истинная опасность» у 70–75% респондентов, у 25–30% – «иллюзия безопасности».

2019 г. 18 лет. «Я-концепция» «Иные размеры»: блокирует реализацию смысла жизни: «поиск своего места в жизни на основе своей уникальности». Стратегия жизнедеятельности: «истинная опасность» (показатели субъективной и объективной составляющей здоровья в зоне дезадаптации: агрессия, ригидность и стрессонапряженность (14б.; 300б.; 2 группа здоровья, нет референтной группы). 2023 г. 22 года «Я-концепция» «Градация (структура)» блокирует реализацию смысла жизни: «на основе внутреннего контроля сохранить свою индивидуальность и быть востребованным» Стратегия жизнедеятельности: «истинная опасность» (переход состояния «агрессия в зону крайней дезадаптации (16б.)).

Изменение стратегии жизнедеятельности в консультировании.

2021 г.: неразвитая субъектность: «Я-концепция» – «Путь к любви». Смысл жизни в том, чтобы, «на основе чистоты намерения достичь понимания и избежать саморазрушения». Показатели субъективной и объективной составляющих здоровья в зоне дезадаптации (11–17б., 2 гр. здоровья) – «истинная опасность».

2023 г. Средний уровень сформированности субъектности: «Я-концепция» – «Жизнерадостный мишка». Смысл жизни в том, чтобы «на основе принятия и ответственности быть таким, как хочу: жизнерадостным». Стратегия жизнедеятельности: «иллюзия безопасности» (показатели субъективной составляющей здоровья в норме (5-7б.) и переходной зоне (11б. ригидность и 8 б. тревожность); 2 гр. здоровья, есть референтная группа)).

Повышение целостности системы факторов субъектности формирует субъективно безопасную стратегию жизнедеятельности.

1. Валеева Г.В., Тюмасева З.И. Взаимодействие субъективных и объективных характеристик жизнедеятельности как детерминанты психологической безопасности личности // «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки». – 2023. – № 3. – С. 6–23.

Социальные представления молодежи об изменениях

Социальные представления, изменения, молодежь

В современных научных трудах феномен изменений упоминается как свойство современных социальных условий. Многие исследователи обращаются к определению данного понятия. И.Н. Гурвич утверждает, что изменения воздействуют на социальное здоровье популяции, отмечает важную роль «консервативного импульса» в известной системе социальных отношений [2].

Наш научный интерес также обращен к «изменениям». С нашей точки зрения, важно исследовать обыденные представления об изменениях. Целью нашего исследования стало выделение и изучение представлений об изменениях у молодежи. Гипотезой исследования стало утверждение о том, что социальные представления молодежи отображают разное значение изменений: как позитивное, так и негативное. В исследовании приняли участие 387 человек: 60 молодых людей и 327 девушек (средний возраст – 21,5 года).

В ходе исследования респонденты выполняли эссе об изменениях в жизни. Также заполняли опросники: «Стиль реагирования на изменения» [1], «Дифференциальный тип рефлексии» [3], «Стиль саморегуляции поведения» [4]. Для обработки текстов эссе применяли контент-анализ. Данные обрабатывались с помощью программы SPSS, 24 (описательные статистики, сравнительный анализ, Т-критерий).

По результатам контент-анализа показано, что молодежь выделяет разное значение изменений: «негативные изменения», «позитивные изменения» и «позитивные изменения вследствие негативных событий». К позитивным изменениям относят: «расширение круга социальных контактов», «улучшения отношения к учебе», «появление уверенности в правильности жизненных целей». Данные представления демонстрируют 41,7% молодых людей и 42,5% девушек. К негативным изменениям отнесли: «потеря близких людей», «потеря интереса к выбранной специальности», «повышение тревожности» – 25% молодых людей и 21,1% девушек. Среди позитивных изменений вследствие негативных событий отмечают: «появилась необходимость включаться в социум», «появилась возможность управления своими негативными состояниями», «выработалась способность планировать и предвидеть» – 33,3% молодых людей и 36,4% девушек. Статистически достоверных различий не выявлено (X^2 , $p \geq 0,05$).

Показано, что девушки чаще демонстрируют консервативный стиль реагирования на изменения (M 21,5; SD 5,0) по сравнению с молодыми людьми (M 18,5; SD 3,0) (Т-критерий, $p = 0,001$). Молодых людей отличает инновационный стиль реагирования на изменения (M 20,5 SD 3,4) по сравнению с девушками (M 17,9 SD 4,9) (Т-критерий, $p = 0,033$).

Результаты исследования позволяют говорить о том, что социальные представления об изменениях группы молодежь неоднородны. Юноши и девушки демонстрируют разные установки на изменения. Девушки ориентируются на суждение об изменениях: им свойственна неготовность динамично менять поведение и установки. Тогда как молодые люди ориентированы на восприятие изменений: их отличает тенденция к восприятию мира как гибкого и стихийного, где существуют варианты выбора.

Результаты исследования требуют дальнейших уточнений в расширенной выборке. Перспективным представляется сравнительное исследование социальных представлений об изменениях групп молодых и взрослых людей.

1. Базаров Т.Ю., Сычева М.П. Создание и апробация опросника «Стили регуляции на изменения» // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 25 [Электронный ресурс]. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 30.04.2023)
2. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 1023 с.
3. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 11 (4). – С. 110–135.
4. Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 134–140.

Социально-психологические предикторы миграционных намерений (на материале Челябинской области)

Миграционные намерения, оптимизм, удовлетворенность жизнью, привязанность к месту, экономические аттитюды

По данным Челябинскстата, в 2021 году область потеряла в результате миграции 18 440 человек от 14 до 35 лет, что в динамике считается значимой проблемой для развития региона.

Если объективные экономические предикторы миграционных намерений исследованы достаточно глубоко, то социально-психологические аспекты напротив. Тем не менее, результаты отдельных работ позволяют предполагать наличие подобных взаимосвязей. Например, в масштабном исследовании, включающем выборку более 150 стран, была обнаружена положительная связь миграционных намерений и субъективного финансового благополучия [3].

Личные убеждения и оптимистичные ожидания играют гораздо более весомую роль в формировании миграционных намерений. Обнаружено, что ожидание «осуществить свои мечты на будущее» имеет наибольшее влияние на миграционные намерения [4]. Этот вывод согласуется с данными о том, что принятие решения о переезде в долгосрочной перспективе базируется на личных амбициях, ожидании больших возможностей и удовлетворенности [5].

Анализ исследований позволил сформулировать гипотезы о том, что экономические аттитюды, такие как (не)доверие к экономическим акторам, выраженные амбиции, экономическая активность и склонность к планированию средств, формируют желание переехать. Кроме того, удовлетворенность жизнью, доходом, характеристиками населенного пункта проживания [1] и привязанность к нему [2] определяют намерение сохранить место жительства.

Онлайн-опрос среди жителей Челябинской области проводился в течение года с мая 2023 г. Респондентам были предъявлены шкалы Диспозиционного оптимизма, Экономических аттитюдов, Миграционных намерений, Общего благополучия, Привязанности к месту, Удовлетворенности экологией и городской средой, а также демографические вопросы.

Из 742 респондентов в возрасте от 18 до 69 ($M = 32,2$, $SD = 11,8$) большинство составляли: женщины ($n = 532$, 72%), жители города Челябинск ($n = 313$, 42%) и Златоуст ($n = 88$, 12%), со средним уровнем дохода ($n = 598$, 81%), со средним специальным ($n = 148$, 20%), неоконченным ($n = 162$, 22%) и окончанным высшим ($n = 348$, 47%) образованием, проживающие в своем населенном пункте более 5 лет ($n = 200$, 27%) или всю жизнь ($n = 433$, 59%).

Диспозиционный оптимизм, доверие экономическим акторам и экономическое планирование не были взаимосвязаны с миграционными намерениями: (все $p > 0,2$). Чем выше благополучие ($r = 0,19$), активность в экономике ($r = 0,11$), привязанность к месту ($r = 0,58$), удовлетворенность экологией ($r = 0,28$) и городской средой ($r = 0,24$), тем меньше желание покинуть Челябинскую область. Наоборот, чем больше финансовый оптимизм ($r = 0,16$) и социально-экономическое сравнение ($r = 0,11$), тем выше миграционные интенции (все $p < 0,004$). При включении значимых переменных в регрессию высокая привязанность ($\beta = 0,53$) и благополучие ($\beta = 0,1$) обеспечивают желание сохранить место жительства, а финансовый оптимизм ($\beta = -0,2$) формирует намерение его сменить (все $p < 0,002$).

1. Balcar J. & Šulák J. Urban environmental quality and out-migration intentions // The Annals of Regional Science. – 2020. – 66(3). – С. 579–607.
2. Dang L. & Weiss J. Evidence on the Relationship between Place Attachment and Behavioral Intentions between 2010 and 2021: A Systematic Literature Review // Sustainability. – 2020. – 13(23). – P. 13138.
3. El Anshasy A.A., Shamsuddin M., Katsaiti M.-S. Financial Wellbeing and International Migration Intentions: Evidence from Global Surveys // Journal of Happiness Studies. – 2023.
4. Jin C., Li B., Jansen S.J.T., Boumeester, H. J.F.M. Boelhouwer, P. J. What attracts young talents? Understanding the migration intention of university students to first-tier cities in China. Cities, 2020. – P. 128.
5. Van Mol, C., Timmerman C. Should I Stay or Should I Go? An Analysis of the Determinants of Intra-European Student Mobility // Population, Space and Place. – 2014. – 20(5). – P. 465–479.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-10153.

Семейная идентичность как ресурс ресоциализации личности

Ресоциализация, семья, семейная идентичность

Ресоциализация как процесс «вторичного» вхождения индивида в социальную среду в результате «дефектов» социализации или смены социокультурного окружения [1] является важнейшим этапом, направленным на консолидацию новых знаний, норм и ценностей, позволяющих личности стать полноценным членом общества.

В нашем теоретическом исследовании, направленном на выявление роли семейной идентичности в процессе ресоциализации, была установлена значительная важность семейно-ориентированной практики, как источника эмоционального комфорта и поддержки по мере преодоления трудностей адаптации к новым социальным нормам и ценностям [3].

Согласно теории семейных систем Мюррея Боуэна, изменения в одном человеке должны сопровождаться изменениями во всей системе [2]. Эта взаимосвязь подчеркивает важность рассмотрения семьи как единого целого, необходимости целостного подхода, охватывающего всю семейную систему.

Обзор литературы позволил сделать несколько ключевых выводов относительно семейной идентичности как ресурса ресоциализации:

1. Способность людей адаптироваться к своим новым реалиям зависит от прочности их семейной идентичности и поддержки, которую они получают в процессе ресоциализации.

2. Убеждения, ценности и модели отношений семьи играют ключевую роль в формировании чувства поддержки и эмоциональной стабильности, выступают в качестве защитного фактора, способствующего успешному возвращению в общество.

3. Создание прочных связей и восстановление отношений с членами семьи способствует формированию чувства значимости, уменьшению чувства изоляции и одиночества.

4. Качество семейных отношений, таких как доверие, общение и сплоченность, играет решающую роль в содействии процессу реинтеграции и снижении риска рецидивов.

5. Совместная работа над разрешением проблем и эффективная семейная коммуникация обеспечивают понимание со стороны семьи, снижая риск конфликтов.

6. Активное участие в семейных консультациях может служить важным источником формирования механизмов преодоления трудностей и способствовать долгосрочному успеху ресоциализации.

Важно отметить, что позитивная ресоциализация не обходится без трудностей и может повлечь за собой острые конфликты между участниками этого процесса, вызвать значительные трудности у членов семьи, которые могут испытывать целый ряд эмоций (гнев, тревога, вина, угрызения совести и т.д.), что является мощными препятствиями для обращения за помощью [3, 4].

Для того чтобы справиться с эмоциональными проблемами, семьям крайне важно получать профессиональную помощь. Привлечение близких родственников к консультациям со специалистами, наличие четких рекомендаций по взаимодействию может иметь решающее значение для создания благоприятной семейной атмосферы и формирования определенной линии поведения, что в конечном итоге будет способствовать успешной ресоциализации.

1. Белинская Е.П. Социальная психология личности: Учебное пособие / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Академия, 2009. – 300 с.
2. Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3. – С. 2001–144.
3. Orford J. How does the common core to the harm experienced by affected family members vary by relationship, social and cultural factors? // *Drugs: Education, Prevention and Policy*. – 2017. – Т. 24, № 1. – P. 9–16.
4. Zinina A.Y., Gurieva S.D., Gogitsaeva O.U. Transformation of the Value-Semantic Sphere of Pathological Players in the Conditions of Rehabilitation // *Journal of Intellectual Disability-Diagnosis and Treatment*. – 2021. – Т. 9. – P. 628–640.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2.

Features of aggression manifestation by chinese students studying in russia and uzbekistan and the related coping strategies. Design of the study

Aggression, coping strategies, international students, adaptation

The subject of aggression manifestation by international students in foreign environment has been studied in several domains, including sociology and clinical psychology, but the research field of aggression manifestation among students from China who study in Russia and Uzbekistan is still in its emergent stages.

Psychology of aggression has been applied in several domains, including public sphere, domestic violence, and sexual violence. Anyway, the research fields of international students' psychological adjustment, the features of aggression and the coping strategies are still in the emergent stages. Despite its late arrival, the popularity of the subject has grown rapidly, largely due to the works of Helen Forbes-Mewett, Anne-Maree Sawyer [3]; Nelson C. Brunsting, Corinne Zachry, Risa Takeuchi [2]; Lizaveta V. Bortnikova, Roman S. Nagovitsyn [1] and other scholars. The emerging literature seems to uphold the view that social isolation may be a reason for aggression among international students. Critics, however, argue that it is manifestation of discrimination and racism that can provoke aggression among international students.

The question arises: "What are the features and causes of aggression manifested by Chinese students studying in Russia and Uzbekistan and what coping strategies could be developed?" Our research aim is to evaluate the features of aggression manifestation and coping strategies for Chinese students studying in Russia and Uzbekistan. The corresponding research objectives are to: analyze personal data files of Chinese students studying in Russia and Uzbekistan and to summarize the data in the study; analyze the cases of aggressive reactions of Chinese students, correlation of aggression and tolerance, the relationship between aggression, frustrating reactions and conflict management methods; prove that there is a relationship between aggression, individual adaptation of Chinese students to a new socio-cultural environment and the resilience of Chinese students.

We have chosen the multi-component paradigm of aggression research. We will apply 3 groups of methods: general methods of science: synthesis, analysis, comparison, classification, etc.; special methods: analysis of publications and citations using the Dimensions platform, statistics, etc.; specific methods of science (e.g. linguistics in psychology).

Preventive interventions measures for foreign students' aggression, especially for avoiding suicide reactions will be developed. The conceptions and empirical outputs can serve as a base of psychological support for Chinese students in Russia and Uzbekistan. The results obtained will be used for developing training programs for international students to help them adjust to a new socio-cultural environment, cope with aggression, especially try to avoid suicide. The programs can be implemented by campus offices of psychological support in Russian and Uzbek universities. The research will help to comprehensively study the phenomenon of aggression among Chinese students in Russia and Uzbekistan, as well as the related coping strategies of them, and can be used by future scientists as a theoretical foundation for their work.

1. Bortnikova L.V., Nagovitsyn R.S. Analysis of adaptation methods for foreign students in Russia and in the Great Britain // *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. – 2023. – № 4 (218). – P. 43-46; 4 pp.
2. Brunsting N.C., Zachry C., Takeuchi R. Predictors of undergraduate international student psychosocial adjustment to US universities: A systematic review from 2009–2018 // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2018. – 66. – P. 22–33; 12 pp.
3. Forbes-Mewett H., Sawyer A.-M. International Students and Mental Health // *Journal of International Students*. – 2016. – 6(3). – P. 661–677; 17 pp.

Взаимосвязь монетарных установок с качествами моральной ответственности и эмпатии у будущих педагогов-психологов

Монетарные установки, морально-этическая ответственность, студенты, эмпатия

В сознании современного общества преобладают идеи обогащения, что, как отмечает А.Ю. Алексин [1], вызывает озабоченность представителей гуманитарных областей знания. Моральная ответственность является «...переживанием субъекта, особым видом нравственного чувства, и осознанным поведением человека, и волевым актом выбора» [1, с. 13]. В моральной ответственности могут быть выделены рациональный, эмоциональный и волевой компоненты: рациональный представлен знанием норм, принятых в обществе, эмоциональный – чувствами, переживаемыми в ситуации выбора, волевой – выбор определенной стратегии действия [1]. Данные компоненты могут быть выделены и в профессиональной деятельности современного человека. Эмпатия нами рассматривалась как профессионально важное качество будущих педагогов-психологов и как критерий наличия переживаний, отражающих направленность личности.

Мы полагаем, что особое внимание следует уделять моральной ответственности в контексте отношения к деньгам у представителей гуманитарных направлений, в частности, у будущих педагогов-психологов. Подготовка психолога предполагает приобретение знаний, умений и навыков наряду с формированием ценностных ориентиров труда. При этом в исследовании А.Ю. Мельничука [2] показано, что «...достижение финансовых успехов осознаётся будущими психологами как не всегда моральное» [2, с. 93].

Целью данного исследования явилось установление взаимосвязи монетарных установок с характеристиками моральной ответственности и эмпатии будущих педагогов-психологов. Гипотеза состояла в том, что монетарные установки взаимосвязаны с качествами моральной ответственности и эмпатии у будущих педагогов-психологов.

В исследовании приняли участие 26 будущих педагогов-психологов (3 юноши и 23 девушки) в возрасте от 17 до 22 лет. Были использованы следующие методики исследования: 1. Методика И.Г. Тимошука «Диагностика уровня морально-этической ответственности личности»; 2. Методика «оценка способности к эмпатии» И.М. Юсупова; 3. Методика изучения монетарных установок А. Фернама.

В результате корреляционного анализа (r-Спирмена) было установлено, что наиболее тесно с показателями монетарных установок взаимосвязан показатель «эмпатия с родителями» ($p \leq 0,05$): установленные взаимосвязи имеют обратный характер, что указывает на то, что чем более развита у студентов эмпатия с родителями, тем менее у них выражены монетарные установки «позитивное и рациональное отношение к деньгам» ($r = -0,466$, $p = 0,016$), «фиксация на деньгах» ($r = -0,516$, $p = 0,007$), «тревожность из-за денег» ($r = -0,445$, $p = 0,023$). Немаловажными представляются прямые взаимосвязи между показателями «морально-этические ценности» и «тревожность из-за денег» ($r = 0,419$, $p = 0,033$), «терапевтическая функция денег» ($r = 0,462$, $p = 0,017$). Данные взаимосвязи указывают на то, что чем более у студентов сформированы морально-этические ценности, тем более они склонны тревожиться из-за денег и использовать терапевтическую функцию денег.

Наиболее тесные взаимосвязи с показателями, относящимися к эмоциональному компоненту моральной ответственности, позволяют сделать вывод о том, что изучать связь монетарных установок и морально-этических характеристик будущих психологов необходимо, чтобы формировать адаптивные установки относительно денег.

1. Алексин А.Ю. Философский, психологический и педагогический уровни анализа понятия «моральная ответственность» // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7, №. 1 (22). – С. 11–15.
2. Мельничук А.С. Отношение к деньгам как фактор личностно-профессионального становления будущих психологов // Акмеология. – 2015. – №. 4 (56). – С. 87–95.

Адаптация шкалы психологического реактивного сопротивления Мерца-Хонга на русскоязычной выборке

Реактивное сопротивление, шкала Хонга, контраргументация, агрессия

Реактивное сопротивление – «это мотивационное состояние, которое возникает у индивида в случае реальной или воспринимаемой угрозы свободе его действий» [1]. Реактивное сопротивление проявляется в действиях индивида, направленных на восстановление свободы своих действий, и иногда может восприниматься окружающими как демонстративное неподчинение, упрямство или провокация конфликта.

Теория реактивного сопротивления получила значительное распространение в зарубежной психологии, на сегодняшний день почти не раскрыта отечественными исследованиями. Потенциально наработки теории могли бы помочь во многих сферах – от межличностных переговоров до здравоохранительных кампаний.

Существует две наиболее распространенные шкалы измерения реактивного сопротивления, одна из которых относится к терапевтическому направлению (Therapeutic Reactance Scale (TRS)), вторая «Hong Psychological Reactance Scale» (HPRS) – шкала психологического реактивного сопротивления Хонга [2, 3]. Мы выбрали вторую.

В начале был проведен независимый перевод с английского языка шкалы Хонга шестью специалистами, имеющими необходимый уровень владения английским языком. После перевода проведены обсуждения расхождений в пунктах и их коррекция.

Следующий этап включал проведение онлайн-опроса с февраля по май 2024 года. Итоговую выборку составили 172 человека (40 мужчин, 132 женщины), возрастом от 18 до 75 лет, $M = 28,14$, $kurt = -0,240$, $skew = 0,958$. Высшее образование у 121, неоконченное высшее – 7, среднее – 13, среднее специальное – 26, ученая степень – 5. Из финальной выборки были убраны 4 респондента с долгим и быстрым прохождением опросника (более 2 часов, менее 6 минут).

Для ответа использовалась 5-балльная шкала Ликерта (1 – никогда, 5 – всегда) суммарный балл варьировался от 21 до 58 баллов.

Для обработки результатов использованы программы SPSS Statistics 28.0 и MS Excel. Проверка на нормальность (критерий сферичности Бартлетта равен 498,3 при $r = 0,001$, КМО = 0,789), показали приемлемые результаты для проведения факторного анализа. Эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент, варимакс) позволил установить 4-факторную структуру, объясняющую 57,2% дисперсии.

Шкала показала приемлемую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,784$, стандартизированная $\alpha = 0,793$). Также Коэффициент Спирмена – Брауна = 0,749, коэффициент Гуттмана = 0,746. Повторное тестирование спустя 4–5 недель (31 человек) свидетельствуют о средней ретестовой надежности ($r = 0,738$).

Ограничения исследования. Выборка в 172 недостаточна для проведения конфирматорного анализа. Опрос проводился с помощью онлайн-форм, что тоже является ограничением. Большая часть выборки (50%) жители Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга и имеют высшее образование (73,2%). Кроме этого, плохую устойчивость по критерию Спирмена-Брауна показали пункты 2, 3, 6, 8, 9 и 11. Они нуждаются в дальнейшем уточнении и изменении.

Таким образом, на сегодняшний день нет однозначного факторного решения для шкалы [4]. Сама шкала не сбалансирована по формулировкам, нет данных о социальной желательности ответов. В дальнейшем мы планируем исправить эти ограничения и исследовать применение теории реактивного сопротивления в практической деятельности.

1. Brehm S., Brehm J. Psychological reactance: A theory of freedom and control. Academic Press. – New York. – 1981.
2. Hong S.M., Faedda S. Refinement of the Hong psychological reactance scale // Educational and psychological measurement. – 1996. – Т. 56, №. 1. – С. 173–182.
3. Quick B.L. What is the best measure of psychological reactance? An empirical test of two measures // Health communication. – 2012. – Т. 27, №. 1. – С. 1–9.
4. Waris O. et al. The factorial structure of the Hong Psychological Reactance Scale in two Finnish samples // Nordic Psychology. – 2020. – Т. 73, №. 1. – С. 68–90.

Адаптационный процесс у мигрантов и их личностные характеристики

Доверие, адаптация, мигранты

Миграционные перемещения стали существенным фактором в современном мире. Они влияют на состав и качество населения, экономическое развитие, политическую и культурную сферы, а также на другие аспекты общественной жизни [2; 3]. Каждый из ученых подходит к изучению социально-психологической адаптации с собственного научного ракурса, используя свои методы и теоретические подходы [1; 4]. Это расширяет объем знаний о процессе адаптации и позволяет найти пути решения проблем. По результатам теоретического анализа мы пришли к выводу, что психосоциальная адаптация представляет собой последовательность взаимосвязанных реакций, направленных на достижение стандарта, требование к которому выставляется социальной средой.

Эмпирическое исследование проводилось в Пензенской области в январе-феврале 2024 года. Участие в нем приняли 105 человек в возрасте 20–60 лет, приехавших из Туркменистана и Кыргызстана и проживающих в Пензе от 1 года до 5 лет.

Проведенное эмпирическое исследование по методике диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд показало, что группа «молодость» (20–39 лет) имеет больший уровень психосоциальной адаптации, в отличие от группы «зрелость» (40–60 лет). Молодые респонденты обладают большей адаптивностью к требованиям общества и собственным потребностям, мотивам и интересам. Они демонстрируют более высокий уровень самопринятия, понимают свое текущее положение и ценности, что способствует их адаптации к новой среде. Группа «молодость» имеет более высокий уровень эмоциональной комфортности, проявляет большую направленность на восприятие других людей и обладает более внутренним контролем.

По методике Я. Стреляу были выявлены психофизиологические характеристики, которые влияют на эффективность адаптации. Респонденты из группы «молодость» имеют высокий уровень процессов возбуждения, что свидетельствует о легкой возбудимости, выносливости и гибкости нервной системы. Респонденты из группы «зрелость» имеют высокий уровень силы процесса торможения, что свидетельствует о сильных тормозящих нервных процессах, проявляют самоконтроль, внимательность и хладнокровие в своих поведенческих реакциях. Высокий уровень адаптивности и реагирования на внешние раздражители выявлен в обеих группах.

Проведенный корреляционный анализ показал, что между адаптацией и силой процессов возбуждения обнаружилась умеренно сильная отрицательная корреляция. С уменьшением уровня процессов возбуждения наблюдается тенденция к увеличению уровня адаптивности. Коэффициент детерминации ($r = 0,2864$) указывает на то, что 28% вариации в уровне адаптации может быть объяснено зависимостью от силы процессов возбуждения. Обнаружена средняя отрицательная корреляция между адаптивностью и подвижностью нервных процессов. В целом сила процессов возбуждения и подвижность нервных процессов имеют влияние на уровень адаптации. Индивидуумы с более сильной реакцией на возбуждение, высокой производительностью и низкой утомляемостью имеют более успешную адаптацию к новой среде.

1. В чужой стране: Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов в России: монография / В.В. Константинов, Р.В. Осин, М.В. Бабаева, Е.Б. Бедрина, Е.В. Кирдяшова, Е.А. Климова; под научной редакцией В.В. Константинова. – М.: Перо, 2022. – 185 с.
2. Дмитриева Т.Н. Реализация политики адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации как фактор развития институтов гражданского общества: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2019. – 167 с.
3. Сомова И.Ю. Культурно-религиозная адаптация и интеграция мигрантов-мусульман в Европейском союзе / И.Ю. Сомова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 1. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19KLSK122.pdf>
4. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: РУДН, 2009. – 420 с.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01367, <https://rscf.ru/project/24-28-01367/>.

Сабельникова Н.В.
Барнаул, ФГБОУ ВО АлтГПУ,

Каширский Д.В.
Москва, ФГБОУ ВО РГГУ

Кравцов О.Г.
Москва, МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя

Адаптация иностранных студентов к жизни и обучению в России: роль черт «Большой пятерки» и привязанности к близким людям

Межкультурная адаптация, общая межкультурная адаптация, академическая межкультурная адаптация, иностранные студенты в России

Ежегодно в российские вузы на учебу приезжают сотни тысяч иностранных студентов. Наряду с несомненными преимуществами для интеллектуального и личностного развития студентов, обучение за границей предполагает определенные трудности. Иностранные студенты сложнее переживают адаптацию, чем студенты, приехавшие для продолжения образования в другие города своей страны [1–5]. Выявление роли разнообразных факторов, способствующих успешной адаптации иностранных студентов к новой культурной и академической среде, направлено на то, чтобы сделать адаптацию более легкой и эффективной.

Целью исследования стало изучение роли черт «Большой пятерки» и качества привязанности к взрослым и сверстникам в адаптации иностранных студентов к новой культурной и академической среде.

Исследовательские вопросы:

RQ1. Какое место занимают привязанность и черты «Большой пятерки» в структуре личностной детерминации адаптации иностранных студентов к новой культурной и академической среде?

RQ2. Какова роль привязанности к взрослым и привязанности к сверстникам в адаптации иностранных студентов к новой культурной и академической среде?

Процедура и методы исследования. Участники исследования: 98 иностранных студентов в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 20.7$; $SD = 1.52$) из ближнего и дальнего зарубежья, обучающиеся в Москве и Барнауле.

Методики: социально-демографическая анкета, «Опросник трудностей социокультурной адаптации» (The Sociocultural Competence Scale, SCS, MIRIPS, J. Berry), Опросник психологической адаптации (The Psychological Symptoms Scale, PSS, C. Ward), Опросник адаптации студентов к вузу (International Students' Adjustment to College Questionnaire, ISACQ, Baker, R.W., & Siryk, B.), Опросник привязанности к близким людям (Experiences in Close Relationships Scale, ECR, Brenan, K.A., Clark, C.L., & Shaver, P.R.) в адаптации Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского, «Опыт близких отношений. Структуры отношений» (ECR-RS, Fraley, Heffeman, Vicary & Brumbaugh) в адаптации Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского, Тест «Большая пятерка» (The Big 5 Inventory-2 Short Form, BFI-2-S, Soto, C.J., & John, O.P.) в адаптации С.А. Щebetенко.

Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась в программе JASP 0.17.2.1.

Результаты исследования показали, что успешность межкультурной адаптации иностранных студентов обусловлена как качеством привязанности к близким людям, так и чертами «Большой пятерки». Качество привязанности к сверстникам связано со всеми компонентами адаптации иностранных студентов, избегание близких отношений с матерью – только с психологической адаптацией ($r = -0,279$, $p < 0,01$), личностно-эмоциональной адаптации к вузу ($r = -0,293$, $p < 0,01$), и идентификацией с вузом ($r = -0,250$, $p < 0,05$), а беспокойство об отношениях с матерью – с социально-культурной адаптацией ($r = 0,316$, $p < 0,01$). Привязанность к сверстникам более тесно связана с адаптацией иностранных студентов к новой культуре и новой академической среде ($r = 0,352 \dots 0,440$), чем привязанность к матери ($r = 0,250 \dots 0,316$).

Согласно ожиданиям, нейротизм негативно, а экстраверсия – позитивно предсказывают адаптацию иностранных студентов к новой академической среде и культурной среде. Негативным предиктором психологической адаптации, является нейротизм ($\beta = -0,388$; $t = -2,967$; $p = 0,004$), а позитивным – доброжелательность ($\beta = 0,341$; $t = 2,610$; $p = 0,011$). Нейротизм также негативно предсказывает социальную адаптацию иностранных студентов к российской академической среде ($\beta = -0,391$; $t = -3,530$; $p \leq 0,001$), а доброжелательность позитивно предопределяет личностно-эмоциональную адаптацию к академической среде ($\beta = 0,531$; $t = 5,046$; $p = 0,001$) и идентификацию

с учебным учреждением ($\beta = 0,305$; $t = 2,535$; $p = 0,014$). Экстраверсия иностранных студентов, обучающихся в России, также способствует их социокультурной адаптации ($\beta = -0,341$; $t = 2,837$; $p = 0,006$). Вопреки ожиданиям, открытость опыту оказалась не связанной ни с одним из рассматриваемых компонентов межкультурной адаптации студентов.

Согласно нашим результатам, беспокойство об отношениях привязанности с близкими людьми обуславливает трудности социокультурной адаптации ($\beta = 0,323$; $t = 2,610$; $p = 0,011$), личностно-эмоциональной адаптации к академической среде ($\beta = -0,193$; $t = -1,831$; $p = 0,072$) и препятствует идентификации с учебным учреждением ($\beta = -0,259$; $t = -2,156$; $p = 0,035$). Вопреки ожиданиям, качество привязанности респондентов не является предиктором их психологической адаптации.

1. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2004. – № 6-7.
2. Каменева Г.Н. Особенности социально-психологической адаптации студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2015. – № 1.
3. Li A. & Gasser M.B. Predicting Asian international students' sociocultural adjustment: A test of two mediation models // International Journal of Intercultural Relations. – 2005. – 29. – P. 561–576.
4. O' Reilly A., Ryan D. & Hickey T. The psychological well-being and sociocultural adaptation of short-term international students in Ireland // Journal of College Student Development. – 2010. – 51 (5). – P. 584–598.
5. Poyrazli S. & Lopez M.D. An exploratory study of perceived discrimination and homesickness: A comparison of international students and American students // The Journal of Psychology. – 2007. – 141(3). – P. 263–280.

Скучение в разлуке с романтическим партнером и динамика близких отношений

Близкие отношения, разлука, скучение, стресс, совладание

Разлука партнеров в близких отношениях неизбежно меняет стиль их взаимодействия, может повышать напряженность, привести к дестабилизации отношений, ослаблению доверия, усилению тревоги, снижению психологического благополучия партнеров. Между тем разлуку необходимо рассматривать не только как стрессор отношений, но и как фасилитатор возможных позитивных изменений, сближения, интеграции партнеров. Таким фасилитатором может стать скучение по близкому человеку.

Соотнесение феноменов «скука» и «скучение», категоризация последнего как переживания дает возможность определить базовый конструкт – скучение по партнеру в разлуке представляет собой психологическое переживание, связанное с фрустрацией потребности в близости с романтическим партнером, сопровождающееся негативными эмоциями (грустью, тревогой, тоской), но позволяющее осознать важность, значимость партнера и отношений с ним (Сапоровская М.В., Каменская А.С., Шишкина А.И., 2024). Цель – изучение скучения по партнеру в разлуке как переживания (чувства, смыслы, способы совладания и последствия) в романтических отношениях в юности и молодости.

Методы – анализ философской, художественной и психологической литературы по проблеме; авторская анкета, направленная на изучение социальных представлений о скучении, контент-анализ текстовой информации. Выборка – 106 человек, 69 женщин, 37 мужчин, возрастной диапазон от 18 до 26 лет ($\bar{x} = 20.9$, $s = 2.23$). Все респонденты состояли в романтических отношениях, имели опыт разлуки и скучения по партнеру.

Основные результаты. 98% респондентов категоризируют скучение в разлуке как «нехватку», явный недостаток физической и психологической близости с партнером. Это состояние сопровождается негативными эмоциями (грусть, тоска, печаль) – 86% мужчин и 74% женщин, руминацией (74%).

Однако мужчины больше, чем женщины склонны испытывать одиночество в разлуке (при $p = 0.01$). У женщин представлена категория Положительные эмоции в разлуке (у мужчин ее нет) – 27%. Это, как правило, связано с ожиданием радости при воссоединении с партнером. У женщин (29%) в процессе скучения чаще, чем у мужчин (3%) возникает чувство тревоги и страха (при $p = 0.02$). Анализ ответов дал возможность говорить о том, что женщины больше склонны не доверять своему партнеру в разлуке. Мужчины чаще (при $p = 0.04$) отмечают одиночество и чувство безысходности в период разлуки и скучения по партнеру. 84% респондентов отмечают, что при скучении важно делиться, обсуждать с партнером свои переживания, что доверие, открытость и искренность в отношениях помогают «легче пережить разлуку».

Женщины в разлуке значимо чаще используют стратегии социальной поддержки от друзей и родных (при $p = 0.00$), а мужчины – отвлечение за счет «ухода» в работу, спорт, хобби, приемом алкоголя (при $p = 0.02$). Женщины активнее используют эмоциональную разрядку – «плачь», «истерички», «меланхолию и апатию».

Положительными эффектами скучения для 82% респондентов является осознание важности и значимости партнера. Мужчины (62%) считают, что разлука и скучение способствуют большей интенсивности эмоций и чувств при воссоединении. А вот женщины полагают, что разлука и скучение являются «проверкой качества отношений» (32%). 23% респондентов отмечают, что отношения после разлуки и скучения стали существенно лучше и крепче. Вероятно, стабилизация отношений со стороны мужчин происходит за счет усиления положительных эмоций при встрече, а со стороны женщин – проверки чувств. Интересно, что при разлуке и скучении у женщин чаще происходит общее снижение продуктивности (при $p = 0.04$)

А вот мужчины дополнительно выделяют категорию конфликта с партнером и злоупотребление алкоголем. В целом отрицательные эффекты скучения более склонны выделять мужчины, чем женщины (52% женщин, 92,5% мужчин).

Таким образом, разлука – это ценный «естественный эксперимент» для решения основных вопросов о роли близости, а возникающий опыт скучения по романтическому партнеру может мотивировать партнеров к укреплению отношений.

Исследование проводится при финансовой поддержке РНФ, проект 24-28-00896.

ПРОТЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ: В ПОИСКАХ АНТИСУИЦИДАЛЬНОГО НАРРАТИВА

Лаская Д.А., Розанов В.А., Шаболтас А.В.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

К созданию интегративной психологической модели суицида среди студентов высших учебных заведений России

Суицидальное поведение, модель суицидов среди студентов, факторы риска

Актуальность. Суицидальное поведение студентов вузов является довольно распространенным явлением, до трети студентов сообщают о суицидальных мыслях. Оно характеризуется определенной специфичностью, поскольку условия академической среды и интерперсональные факторы повышают риск формирования суицидальных паттернов. В результате проведенного нами исследования на основе данных из сетевых СМИ с 2015 г. по 2023 г. установлено, что частота суицидов среди российских студентов составляет в среднем 34 случая в год, что является основанием для дальнейшего изучения факторов риска и протективных факторов. Актуальным также является вопрос о способах преодоления кризисов при различной степени выраженности факторов суицидального риска у студентов.

Цель исследования – оценить значимость семейной среды, личностной зрелости, копинг-стратегий и типа рефлексии как факторов риска суицидального поведения студентов и на основании изучения взаимосвязей между ними разработать модель студенческого суицида.

Организация и методы. В исследовании, проведенном с помощью анонимного онлайн-анкетирования с февраля по декабрь 2023 г. приняли участие 441 студент вузов РФ в возрасте от 18 до 29 лет. Опрос проводился с использованием разработанной авторами анкеты и комплекса диагностических методик. Использование методики Османа (тест SBQ-R) позволило выявить основную группу (ОГ) с высоким суицидальным риском ($N = 73$) и группу сравнения (ГС) без суицидального риска ($N = 87$). Выраженность семейных дисфункций изучали с помощью опросника СЭК (А.Б. Холмогорова, С.В. Воликова), уровень личностной зрелости – по методике В.А. Руженкова и др., копинг-стратегии – опросником «Стратегии совладающего поведения» (ССП), тип рефлексии – дифференциальным тестом рефлексии (Д.А. Леонтьев и др.). Для анализа данных использовали U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Во всех четырех исследуемых сферах выявлены статистически значимые различия между группами. В семейной среде в ОГ выраженность семейных дисфункций по шкалам «родительская критика», «элиминирование эмоций», «внешнее благополучие», «семейный перфекционизм», а также суммарный средний балл дисфункций достоверно выше, чем в ГС ($p = 0,000$ по всем шкалам). Высокий уровень дисфункций характерен для 52,05% студентов из ОГ и для 10,34% студентов из ГС. В сфере личностной зрелости в ОГ значимо более низкие значения обнаружены по шкалам «ответственность» ($p = 0,014$), «саморазвитие» ($p = 0,018$), «позитивное мышление» ($p = 0,000$) и по суммарному среднему баллу зрелости ($p = 0,000$). Студенты ОГ достоверно реже используют стратегию «поиск социальной поддержки» ($p = 0,011$), чаще используют стратегию «бегство-избегание» ($p = 0,000$), реже прибегают к стратегиям «планирование решения проблем» ($p = 0,000$) и «положительная переоценка» ($p = 0,003$). При этом использование стратегии «принятие ответственности» более выражено для ОГ, что в совокупности с другими дезадаптивными копингами (и данными других методик) может быть интерпретировано как признание собственной вины, самокритика и самообвинение, что лишь подкрепляет действие неадаптивного механизма. При изучении рефлексии статистически значимые различия обнаружены в ее неадаптивных типах. Студенты ОГ достоверно чаще прибегают к интроспекции (самокопание, $p = 0,00$) и квазирефлексии (отрыв от актуальной ситуации, $p = 0,025$).

Выводы. Полученные данные подтверждают результаты других исследований о семейных дисфункциях как значимом факторе суицидального риска и характерных для суицидентов копинг-стратегиях, а также вскрывают новые аспекты возможно специфичных для современной студенческой популяции факторов суицидального риска, таких как уровень личностной зрелости и особый тип рефлексии. Необходимо дальнейшее изучение взаимосвязей между всеми четырьмя

сферами, а также с демографическими и социально-психологическими характеристиками обследуемой выборки с целью построения интегративной психологической модели студенческого суицида.

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФ № 24-28-00713 «Протективные факторы суицидального поведения студенческой молодежи».

Особенности субъективного ощущения одиночества у лиц с самоповреждающим поведением

Самоповреждающее поведение, одиночество, зависимость от общения

Введение. Самоповреждение – это поведение, направленное на причинение вреда собственному телу без суицидальных намерений [2]. Данная тема приобретает все большую актуальность, как показывают данные недавнего исследования, 77,3% респондентов ответили положительно на вопрос о намеренном причинении физического вреда самому себе [2].

Понятие одиночества наиболее часто носит отрицательный характер переживания отрешенности от социальных взаимодействий. Однако некоторые исследователи указывают на необходимость различать уединение, которое человек использует для развития себя, и непринятие одиночества, его болезненное переживание, которое может выражаться и в постоянном стремлении к контактам с окружающими [1].

Цель исследования – выявить взаимосвязь между субъективным ощущением одиночества и самоповреждающим поведением.

Материалы и методы. В нашем исследовании приняли участие 54 студента в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в Курском государственном медицинском университете. Критерий включения: низкий уровень суицидальных мыслей, конечная выборка состоит из 49 человек. В результате качественного анализа было выделено 2 группы по использованию самоповреждения:

- 1 группа: не имеет опыта самоповреждения за последний год;
- 2 группа: есть опыт самоповреждения за этот срок.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: шкала причин самоповреждающего поведения (Н.А. Польская), шкала суицидальных мыслей (А. Бек), дифференциальный опросник переживания одиночества (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин).

Статистическая обработка данных проводилась в программе Statistica 10.0 с помощью описательной статистики с расчетом медианы (Me), а также сравнительной статистики с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Результаты. Гипотезой исследования выступает предположение о взаимосвязи особенностей переживания одиночества и самоповреждающего поведения.

При изучении показателя позитивного одиночества различий между группами выявлено не было ($p\text{-level} = 0,88$), различия в описательной статистике в первой группе (Me = 27,5) и во второй (Me = 28) также незначительны.

Однако при статистической обработке показателя зависимости от общения были обнаружены статистически значимые различия ($p\text{-level} = 0,048$). Можно предположить, что респонденты, использующие самоповреждающее поведение (Me = 16) чаще имеют негативные представления об одиночестве и стремятся к поиску социальных связей, чем те, кто его не использует (Me = 12,5).

Также нами был исследован показатель общего переживания одиночества, различия найдены на уровне статистических тенденций ($p\text{-level} = 0,056$). Описательные статистики в группах различны (Me = 11 для первой группы и Me = 14 для второй), мы можем предположить, что студенты с самоповреждением чаще ощущают себя одиночками и болезненнее переживают состояние изоляции, однако необходимо продолжение исследований в данном направлении.

Заключение. В результате исследования мы приходим к выводу о взаимосвязи субъективного ощущения одиночества и самоповреждающего поведения. В ходе анализа полученных данных были обнаружены статистически достоверные различия по шкале зависимости от общения, а также выявлены различия в показателе общего переживания одиночества на уровне статистических тенденций. Таким образом, лица, использующие самоповреждение более, склонны к непринятию одиночества, им чаще не хватает межличностных взаимодействий, с помощью которых они пытаются избежать нахождения в уединении.

1. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал ВШЭ. – 2013. – № 1. – С. 55–81.
2. Польская Н.А., Разваляева А.Ю. Причины и способы самоповреждений: результаты онлайн-анкетирования // Психиатрия. – 2023. – № 21(1). – С. 6–15. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-1-6-15>.

Нарративы суицидальные и антисуицидальные: на пересечении подходов

Суицидальный нарратив, авторство, двойное слушание, отсутствующее-но-подразумеваемое

Актуальность. Понятие нарратива, под которым понимается история человека, освещающая последовательность событий жизни во времени, объединённых темой или сюжетом, вызывает все больший интерес в психологии и суицидологии.

Гипотеза и методология. Есть предположение, что нарративная практика может многое дать суицидологическим исследованиям, а терминологические и практические пересечения различных подходов способны обогатить суицидологию. Проведен анализ научной литературы (психоанализ, психиатрия, логотерапия, нарративная психология).

Результаты. В рамках психиатрического подхода и Нарративной модели суицидального кризиса возник термин «суицидальный нарратив» [4]. И. Галынкер собрал в этом понятии черты подострого пресуицидального состояния (нарушенную принадлежность и воспринимаемую обременительность, социальное поражение, страх унижения, неспособность отказаться от недостижимой цели и переключиться на достижимые, ощущение западни), ведущие к острому суицидальному кризису. Последний характеризуется изменениями на уровне смыслов (переживание западни и отчаянной безнадежности), мыслей (потеря когнитивного контроля, неспособность вытеснения), эмоций (аффективные нарушения), возбуждения (сверхбдительность, нарушения сна), в социальной сфере (уход от общения).

Описание синдрома суицидального кризиса значимо перекликается с наблюдениями психоаналитиков, работающих со взрослой травмой, вызванной близостью к смерти [3]. Ж. Буланже описывает утрату авторства как нарушение ядерного «Я», которое в норме выполняет роль фона для разных эго-состояний и почти не осознается, но придаёт человеку уверенности в своих силах, отвечает за жизнестойкость. В крайнем проявлении феномена возникает диссоциативное состояние, когда человек перестает ощущать испытываемые им эмоции, мысли и действия как свои собственные.

В соответствии с нарративным подходом, у каждого человека может быть далеко не один нарратив, а множество версий своей жизни. Темы и сюжеты могут идти от хорошего к плохому или от плохого к хорошему – отражать последовательность смешения или искупления [1]. Задача консультирующего специалиста – найти ту историю, которая поможет человеку увидеть происходящие в его жизни события с лучшей стороны, достичь переосмысления и лучшего понимания ситуации, после чего он почувствует в себе силы на то, чтобы самому выбирать направление, свой путь, стать автором своей жизни и истории, перестанет ощущать свою историю как навязанную извне. Выстроить антисуицидальный нарратив поможет техника «двойного слушания». Она заключается в том, чтобы внимательно отслеживать «отсутствующее-но-подразумеваемое»: то, о чем человек умалчивает в беседе, но по чему тоскует, о чем мечтает, чего в действительности желает. В. Франкл [2], основатель логотерапии, использовал схожий прием. Он предлагал, когда человек говорит, что его жизнь утратила смысл, задать вопрос: «Если бы в вашей жизни был смысл, каким бы он мог быть?» Подлинные желания человека, его стремления и смыслы станут внутренними опорами для построения «предпочитаемой» истории, в противовес «проблемной», с которой человек изначально и обращается за помощью.

Выводы: были найдены значимые пересечения в разных подходах на уровне понятий («нарратив», «авторство»), а нарративная практика предлагает схожие с классической логотерапией техники помощи суицидальным людям.

1. Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. – М.: Генезис, 2021. – 326 с.
2. Франкл В. Воля к смыслу. – М.: Альпина Нон-Фикшн, 2020. – 228 с.
3. Boulanger G. Wounded by reality: The collapse of the self in adult onset trauma // Contemporary Psychoanalysis. – 2002. – 38(1). – P. 45–76.
4. Galynker I. The suicidal crisis: Clinical guide to the assessment of imminent suicide risk. 2nd ed. – New York, NY: Oxford University Press, 2023. – 544 p.

Госзадание 124020800064-9 «Разработка клинических инструментов и алгоритмов для поддержки принятия решений при диагностике, терапии и реабилитации пациентов с непсихотическими депрессивными расстройствами».

Поиск протективных факторов суицидального поведения студенческой молодежи (заметки в процессе совершенствования протокола исследовательского проекта)

Суицидальное поведение, суициды среди студентов, протективные факторы, проектный метод

Актуальность. В рамках национальной стратегии народосбережения приоритетной задачей является предупреждение суицидов среди студенческой молодежи. Студенты как социальная группа характеризуются рядом особенностей, включая специфические факторы повышенного риска антивитаальных тенденций (межличностные отношения, академический стресс, отрыв от семьи, жизнь в большом городе, переход от юношества к взрослой жизни и т.д.). Эти факторы риска на этапе формирующейся взрослости требуют систематического углубленного изучения с учетом динамики социальных изменений в современном мире. При решении этой задачи необходимо учитывать макро- и микросоциальные, индивидуально-психологические и ситуационные факторы детерминации саморазрушающего поведения и направлять усилия на поиск инновационных подходов к превенции на уровне вузов.

Основной целью проекта, выполняемого группой исследователей СПбГУ, является изучение психологических и ситуационных антисуицидальных факторов, способствующих преодолению антивитаальных тенденций у молодых людей, переживших суицидальный кризис. Результаты проекта расширят общепсихологическое понимание детерминант витального и антивитаального поведения человека и будут положены в основу сфокусированного индивидуального вмешательства, направленного на усиление протективных мотивов и здоровьесбережение.

Организация и методы. Исследование предполагает сочетание количественного и качественного подходов и методик. На первом этапе исследования в рамках индивидуальных интервью со студентами, обращающихся за психологической помощью в консультационно-психологические службы вузов, собираются данные социально-демографического характера, специфика поведенческих рисков, а также используется Колумбийская шкала оценки тяжести суицидального риска (The Columbia-Suicide Severity Rating Scale – C-SSRS) и Опросник детского травматического опыта (Adverse Childhood Experiences – ACE). Социально-демографический и поведенческий опросник включает вопросы, касающиеся демографии, социального и студенческого статуса, актуальной жизненной ситуации. Шкала C-SSRS позволяет с помощью прямых закрытых и открытых вопросов оценить как внутренние (суицидальные мысли, планы, намерения), так и внешние формы (суицидальные попытки) суицидального поведения. По итогам этого этапа будет сформирована выборка участников с высоким суицидальным риском, которые будут приглашены для участия во втором качественном этапе исследования. Он предусматривает глубинные интервью, направленные на выявление индивидуальной специфики возникновения и развития суицидального поведения в конкретной жизненной ситуации, протективных факторов, антисуицидальных мотивов и защитных механизмов личности. Интервью будут включать темы, сформулированные на основе теоретического анализа, опыта предыдущих исследований и данных, полученных в рамках I этапа, с использованием метода «воронки» и нарративных техник. Фокус беседы будет направлен на активизацию рассказа респондентов об индивидуальном опыте преодоления кризисных ситуаций, характерных для современных студентов, с учетом высокого уровня вовлеченности в интернет-коммуникацию, а также специфики межличностных отношений, актуальной ситуации в вузе и отношений в семье. Планируется проведение интервью с экспертами, в частности с психологами-консультантами, имеющими опыт работы по изучаемой тематике. Фокус беседы будет касаться аналогичных тем, которые будут предъявляться участникам из числа студентов.

Результаты. Обработка данных предполагает сочетание методов количественного и качественного анализа. Результаты контент-анализа предполагается использовать для выявления ключевых позиций антисуицидального нарратива, дополняющие существующие данные опросников причин для жизни с учетом изменившейся ментальности современной студенческой молодежи. На основании полученных данных планируется разработка превентивной технологии, направленной на первичную и вторичную профилактику суицидального поведения для внедрения в работу психологических служб вузов.

Исследование выполняется при поддержке Гранта РФФИ № 24-28-00713 «Протективные факторы суицидального поведения студенческой молодежи».

Внутренняя картина здоровья подростков с риском суицидального поведения

Внутренняя картина здоровья, подростковый возраст, суицидальный риск

Актуальность. Суицидальное поведение – одна из наиболее распространенных проблем современного общества, требующая поиска возможностей ее решения с различных позиций. Статистические данные говорят о том, что Российская Федерация находится на 9-м месте по числу самоубийств, а их всплеск приходится на подростковый период [2]. Суициды становятся второй по распространенности причиной смерти среди девушек в возрасте 15–19 лет и третьей причиной смерти среди юношей такого же возрастного диапазона.

Подростки часто нуждаются в психологической помощи в силу особенностей возрастного периода, а наиболее уязвимой группой становятся те, кто обладает высоким уровнем суицидального риска. Это требует разработки профилактических мероприятий, направленных на редукцию этого показателя. На наш взгляд, конструкт «внутренняя картина здоровья» и его особенности можно использовать в качестве одного из направлений работы с группой риска.

Эмпирической базой исследования стали МБОУ «Школа № 3 «Центр развития образования» и МБОУ «Школа № 8 имени Героя Российской Федерации Р.В. Соколова» города Рязани.

Выборку исследования составили 194 подростка, среди которых высокий суицидальный риск был выявлен у 31 человека. В качестве контрольной группы выступили 40 подростков, имеющих низкий уровень суицидального риска. Средний возраст респондентов – 14,7 года.

В качестве методик исследования были использованы: «Методика выявления склонности к суицидальным реакциям» (СР-45) П.И. Юнацкевич; Опросник исследования здоровьесберегающей деятельности (ИЗД) (Н.В. Яковлева, В.В. Яковлев) [3].; Опросник «Индекс отношения к здоровью» (С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, 1999); Скрининг-методика мотивации здоровьесберегающей деятельности (Н.В. Яковлева, В.В. Яковлев) [3].; Краткий опросник тревоги о здоровье (Short Health Anxiety Inventory, SHAI) (Salkovskis, et al., в адаптации Е.И. Первичко, И.М. Митиной и И.М. Шишковой) [1]. Для математико-статистической обработки и анализа полученных данных были использованы простой непараметрический U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. По результатам исследования подтвердилась выдвинутая нами гипотеза о существовании особенностей внутренней картины здоровья подростков с выраженным риском суицидального поведения. Нам удалось описать эти особенности.

Так, на сенсорном уровне (уровне ощущений) достоверных различий не выявлено, но обнаружена тенденция подростков с выраженным риском суицидального поведения к проявлению большей бдительности в отношении телесных ощущений, чем у подростков того же возрастного периода с низким риском суицидального поведения.

На эмоциональном уровне группа риска негативнее оценивает уровень собственного здоровья.

На когнитивном уровне группа риска имеет достоверно меньший объем представлений о здоровье, его эталонах, у них хуже развит навык самоэффективности в области здоровьесбережения.

На ценностно-мотивационном уровне подростки из группы риска обладают достоверно хуже развитым навыком целеполагания в отношении здоровьесбережения, меньше выражена ценность здоровья. Обеим группам присуща низкая мотивация здоровьесберегающего поведения.

Полученные результаты стали основой для составления профилактической и коррекционной программ, внедрение которых в практическую работу проводится в настоящий момент.

Выводы. Анализ особенностей внутренней картины здоровья подростков с высоким суицидальным риском может стать одним из направлений профилактической и психокоррекционной работы, способствующей гармонизации личности подростка и тем самым помочь снизить риск аутоагрессивного поведения как в группе риска, так и среди подростков, не имеющих выраженной тенденции к аутоагрессии.

1. Первичко Е.И., Митина О.В., Шишкова И.М. Апробация русскоязычной версии методики «Краткий опросник тревоги о здоровье» на выборке детей школьного возраста // Вопросы психологии. – 2022. – № 6. – С. 99–122.
2. Положий Б.С. Суициды у детей и подростков в России: современная ситуация и пути ее нормализации / Б.С. Положий, Е.А. Панченко // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 2. – 5 с.
3. Яковлева Н.В., Яковлев В.В. Методология и методы исследования здоровьесберегающей деятельности субъекта. – Рязань, 2014. – 245 с.

Арбузова Е.Н.
Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО СПбГУ

Горбатов С.В.
Санкт-Петербург, Региональный центр судебной экспертизы

Апробация русскоязычной шкалы SCIM в оценке клинического нарушения идентичности

Идентичность, диффузная идентичность, расстройство личности

Идентичность как чувство «Я», устойчивый образ самого себя, целостность я, самоощущенность, обретенная в процессе соотнесения себя с самим собой во времени и пространстве социальных отношений, подтверждающая собственную уникальность и подлинность – является важным условием психического благополучия. Утрата этого чувства, потеря своей субъектности, способности быть самим собой в потоке событийного бытия, указывает на нарушение идентичности.

Динамические аспекты идентичности и ее нарушения изучали М. Малер, П.М. Якобсон, Э. Эриксон, П. Бергер, Т. Лукман, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др. Понятие получило значительное распространение в результате появления работ Э. Эриксона. Нарушенную идентичность Э. Эриксон обозначил термином «диффузия идентичности». Позже появилось описание синдрома диффузной идентичности. Позже О. Кернберг ассоциировал «синдром диффузии идентичности» с наличием тяжелой патологии у лиц, страдающих пограничным, нарциссическим и шизоидным расстройством личности. В DSM 5 «Нарушение идентичности» рассматривается как диагностический критерий пограничного и диссоциативного расстройства личности.

Анализ литературы позволяет говорить, что инструментов, направленных на изучение и оценку нарушений идентичности крайне мало. В нашем исследовании мы провели апробацию русскоязычной версии краткой шкалы самооценки идентичности SCIM (Self-concept and Identity Measure) [2]. SCIM представляет собой самоотчет, состоящий из 30 утверждений, предназначена для оценки отдельных аспектов идентичности у взрослых людей. Методика имеет 3 субшкалы: «Нарушенная идентичность», «Консолидированная идентичность», «Отсутствие идентичности».

В пилотажном исследовании приняли участие 315 респондентов обоего пола от 18 до 27 лет, из них 98 молодых женщин (51 человек) практикующих несуицидальное самоповреждение и (47 человек) с диагнозом «Расстройство пищевого поведения».

Оценки по SCIM показали высокую внутреннюю согласованность (α Кронбаха = 0,89, 0,92, 0,76). С помощью факторного анализа была подтверждена структура субшкал, изначально предлагаемая авторами опросника.

Для подтверждения конструктивной валидности SCIM был проведен ряд измерений с помощью других диагностических средств, показавших хорошие диагностические возможности в сфере изучения нарушений идентичности. Результаты SCIM (субшкала «Нарушенная идентичность») показали тесную взаимосвязь ($p \leq 0,01$; $r = 0,67$) со шкалой «Эго-идентичность» (Диффузная идентичность) ($r = 0,71$) и показателями нарушения процессов сепарации-индивидуации в детстве («Опросник сепарации-индивидуации») (S-IP) [3, 1].

Результаты, получаемые с помощью SCIM, позволили обнаружить существенные различия в средних по T-критерию Уэлча в группе лиц с саморазрушающим поведением, в сравнении с респондентами из контрольной выборки, что проявилось в более низких ($p < 0,001$) показателях по субшкале «Консолидированная идентичность» и высоких показателях по субшкале «Нарушенная идентичность». Таким образом первичная апробация русскоязычного варианта SCIM показала приемлемость и возможность ее использования для изучения и клинической оценки нарушений идентичности.

1. Горбатова М.Л., Горбатов С.В. Адаптация русскоязычной версии опросника, оценивающего успешность процесса сепарации – индивидуации S-IP // Комплексная психологическая помощь в образовании и здравоохранении. – 2022. – С. 32–35.

2. Kaufman E.A., Cundiff J.M., Crowell S.E. [Kaufman, Erin, Cundiff, Jenny, Crowell, Sheila The Development, Factor Structure, and Validation of the Self-concept and Identity Measure (SCIM): A Self-Report Assessment of Clinical Identity Disturbance // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. – 2015. – 37. – P. 122–133.
3. Allen L. Tan , Randall Jay Kendis, Joseph Porac & Judith T. Fine A Short Measure of Eriksonian Ego Identity // Journal of Personality Assessment. – 1977. – 41, 3. – P. 279–284.

Особенности ценностно-мотивационной сферы женщин, обвиняемых в мошенничестве

Мошенничество, ценностно-мотивационная сфера личности, женщины

На сегодняшний день мошенничество является одним из наиболее распространенных видов преступлений в Российской Федерации. Отличительными чертами мошенничества являются постоянное преобразование его видов и форм, высокая латентность и общественная опасность [3]. Поскольку ценностно-мотивационные устремления (потребности, мотивы, ценности) в значительной степени вносят вклад в направленность активности индивида, анализ особенностей ценностно-мотивационной сферы личности (ЦМСЛ) при изучении мошенничества представляет особый интерес [2]. Проблема особенностей ЦМСЛ совершающих мошенничество и её гендерный аспект остаются практически не изученными.

На основе теоретического анализа были сформулированы гипотезы о большей выраженности ценностей «открытости изменениям» (стимуляция и самостоятельность) и «самоутверждения» (власть, достижение, гедонизм), большей направленности на себя и меньшей выраженности мотивации одобрения у женщин, обвиняемых в мошенничестве, по сравнению с женщинами без криминального анамнеза. В основную выборку вошли 24 женщины в возрасте от 19 до 64 лет ($M \pm SD = 38 \pm 9.8$), обвиняемые в мошенничестве и содержащиеся в СИЗО №5 УФСИН по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Контрольную группу составили 35 женщин в возрасте от 19 до 58 лет ($M \pm SD = 33 \pm 11.4$), не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Эмпирический инструментарий включал индивидуальную анкету, «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца, «Методику диагностики самооценки мотивации одобрения» Марлоу-Крауна и «Ориентировочную анкету» Смекала-Кучера.

В результате применения t-критерия Стьюдента для независимых выборок, между исследуемыми выборками были обнаружены статистически значимые различия по шкалам «Самостоятельность/мысли» ($t = 2.02, p = 0.049$), «Самостоятельность/поступки» ($t = 2.13, p = 0.037$), «Традиция» ($t = 2.89, p = 0.006$), «Конформность/правила» ($t = 2.13, p = 0.037$), «Благожелательность/забота» ($t = 2.23, p = 0.03$) и «Универсализм/забота о природе» ($t = 5.44, p < 0.001$) – показатели более выражены в основной группе. Показатели по шкалам «Гедонизм» ($t = -2.36, p = 0.022$) и «Власть/ресурсы» ($t = -2.13, p = 0.037$) оказались выше в контрольной группе. По шкале «Направленность на себя» ($t = 1.41, p = 0.16$) статистически значимых различий не выявлено, однако, показатели по шкале «Направленность на задачу» ($t = -3.13, p = 0.003$) и мотивация одобрения ($t = 3.83, p = 0.0003$) статистически значимо выше в основной группе.

Таким образом, наряду с ценностями самостоятельности мыслей и поступков в структуре личности женщин, обвиняемых в мошенничестве, выражены просоциальные ценности (сохранения традиций, соблюдения норм и правил, благожелательности, заботы о природе). Ценности же стимуляции, власти, достижения и гедонизма оказались им не свойственны, что не соотносится с результатами имеющихся исследований [1]. Выявлено также преобладание направленности на деятельность и средний уровень мотивации социального одобрения у женщин, обвиняемых в мошенничестве. Выявленные особенности ЦМСЛ могут стать основанием для психопрофилактической и коррекционной работы с лицами, находящимися в группе риска или уже совершившими мошенничество. Результаты также могут лечь в основу разработки новых методик, направленных на оценку ЦМСЛ людей с криминальным анамнезом.

1. Истомин А.А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... кан. пс. наук. – Рязань, 2011. – 27 с.
2. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности //Вестник МГУ. Сер. – 1996. – Т. 14, №. 4. – С. 35–44.
3. Урусов З.Х. Криминологическая характеристика мошенничества на современном этапе общественных отношений //Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, №. 3. – С. 46–50.

Влияние субъектности специалиста-полиграфолога на результативность специального психофизиологического исследования с применением полиграфа (СПФИ)

Субъектность полиграфолога, выявление скрываемой информации

Данные о точности полиграфных проверок в современной зарубежной и отечественной литературе приводятся на уровне 60–90%. По мнению экспертов, такой разброс в оценке связан с тем, что полученные в ходе СПФИ результаты зависят от ряда факторов, включающих как объективные условия деятельности полиграфолога, так и особенности профессионализма, психологического состояния и субъектности полиграфолога.

Гипотезой нашего исследования было предположение, что успешность выявления скрываемой информации в ходе СПФИ зависит не только от профессиональной компетентности полиграфолога, но и от проявляемой им в профессиональной деятельности субъектности.

В исследовании приняли участие 60 человек (29 мужчин, 31 женщина), разделенных на 2 группы: специалисты-полиграфологи с психологическим образованием и без него (24 человека с базовым психологическим образованием, 36 – без), имеющие опыт работы от нескольких месяцев до 25 лет; возраст от 23 до 56 лет. Все участники исследования – полиграфологи правоохранительных структур.

Использовались методики: 1) Тест-опросник субъективного контроля Дж. Роттера, адаптирован Бажиным, Голькиной, Эткингом (1984); 2) Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности Корниловой (2009); 3) Тест «Мотивационный профиль» Ричи, Мартин, в адаптации Лалаян, 2004; 4) Многофакторный личностный опросник 16PF Р. Кэттела, в адаптации Шмелева и др. (1987); 5) Портретный ценностный опросник Шварца (PVQ) в адаптации Лебедева, 2007; 6) Методика «Стратегия преодоления стрессовых ситуаций» Хобфолл (SACS) в адаптации Водопьяновой, Старченковой; 7) Авторская анкета.

Полученные результаты корреляционного анализа по Спирмену между показателями субъективного контроля в профессиональной деятельности и личностными характеристиками показали, что в группе полиграфологов с психологическим образованием выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между шкалой субъективного контроля в профессиональной деятельности и показателями поиск поддержки ($r = -0,48$; $p \leq 0,05$), потребность в высокой зарплате и материальном вознаграждении ($r = -0,66$; $p \leq 0,05$), потребность в хороших условиях работы и комфортной окружающей обстановке ($r = -0,50$; $p \leq 0,05$), в стабильных отношениях ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$), межличностная интолерантность ($r = -0,46$; $p \leq 0,05$). Вместе с тем в этой группе выявлена статистически значимая положительная корреляция между шкалой субъективного контроля в профессиональной деятельности и показателем самостоятельность ($r = 0,56$; $p \leq 0,05$).

Это означает, что в группе полиграфологов с психологическим образованием чем выше уровень субъективного контроля, тем ниже потребность в социальной поддержке; не основными «мотиваторами» признаны такие внешние факторы, как уровень дохода и хорошие условия труда; также отмечена связь – чем выше уровень субъективного контроля, тем менее выражена потребность в стабильных отношениях и межличностная интолерантность. Положительная корреляция в группе полиграфологов с психологическим образованием обнаружена между уровнем субъективного контроля и самостоятельностью ($r = 0,56$; $p \leq 0,05$). В группе полиграфологов без психологического образования показатель субъективного контроля в профессиональной деятельности положительно связан со шкалой радикализм ($r = 0,13$; $p \leq 0,05$).

На текущий момент нам известно крайне мало исследований, направленных на выявление профессионально важных качеств полиграфологов. Считаем, что наша работа может положить начало череде исследований, направленных на усовершенствование системы отбора и подготовки полиграфологов, учитывая растущую потребность в специалистах данного профиля в государственных структурах и в коммерческом секторе.

Взаимосвязь ностальгии с личностными особенностями женщин в ситуации принудительной изоляции (на примере следственного изолятора)

Ностальгия, изоляция, личностные особенности

Проблема жизнестойкости личности в ситуации изоляции (СИ) остро проявляется в пенитенциарной системе. В СИ важное значение приобретают адаптационные ресурсы личности, одним из которых может быть ностальгия. Согласно исследованиям, ностальгия способствует адаптивному проживанию одиночества, увеличивая ощущение социальной поддержки [5], взаимосвязана с оптимистичным отношением к будущему и здоровью, порождает оптимизм [1], повышает способность оказывать социальную поддержку [2] и субъективную жизнеспособность [4], выступает ресурсом для облегчения автономии и изоляции [3]. Однако важно понять, как ностальгия и субъективное отношение к ней взаимосвязаны с индивидуально-личностными особенностями проживающих СИ. С этой целью проведено исследование в следственном изоляторе г. Санкт-Петербурга. Участники: 78 женщин 18–67 лет ($M = 34.6$; $SD = 9.33$), большинство из которых (41%) находятся в СИ более года, от полугода до года – 11%, от месяца до полугода – 18% и меньше месяца – 8%. Для изучения особенностей ностальгии использовался опросник ВОЗ склонности к ностальгии (7 вопросов, оцениваемых по шкале Лайкерта), авторский опросник содержания ностальгии (пилотный вариант для операционализации ностальгического опыта; 11 закрытых вопросов). Для изучения личностных особенностей – большая пятёрка BFI-2-S, опросник благополучия WHO5, методика диагностики субъективного благополучия личности, тест смысловых ориентаций, опросник тревожности.

Результаты. Женщины отмечают ценность ностальгии (47%), склонность к ней (42%), значимость воспоминаний из прошлого (48%), обращаются к ностальгии не менее одного раза в день (46%), в одиночестве (61%), в период грусти (63%). В ностальгических переживаниях чаще оперируют образными представлениями (54%). Участники характеризуются высоким уровнем тревожности (16.76), низкими (ниже нормы у женщин): локусом-контроля Я ($M = 13.24$, $SD = 1.17$), локусом-контроля Жизнь ($M = 17.59$, $SD = 1.12$) и общим показателем осмысленности жизни ($M = 73.51$, $SD = 1.17$), более высокими (в сравнении с нормой) показателями: экстраверсии ($M = 3.54$, $SD = 0.45$) и добросовестности ($M = 3.82$, $SD = 0.42$) и более низкими – доброжелательности ($M = 3.59$, $SD = 0.68$), нейротизма ($M = 2.96$, $SD = 0.47$) и открытости опыту ($M = 3.48$, $SD = 0.28$) при выявленном высоком уровне благополучия ($WHO5 = 19.77$). Получены взаимосвязи ценности ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s = 0.224$; $p \leq 0.05$), локусом-контроля Я ($r_s = 0.226$; $p \leq 0.05$) и доброжелательностью ($r_s = 0.252$; $p \leq 0.05$), а также склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s = 0.314$; $p \leq 0.01$), тревожностью ($r_s = 0.372$; $p \leq 0.05$) и нейротизмом ($r_s = 0.283$; $p \leq 0.05$).

Результаты подтверждают гипотезу о взаимосвязи ностальгии с личностными особенностями. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом. Исследование ностальгии и ее взаимосвязи с личностными особенностями женщин в условиях принудительной изоляции является первым в отечественной науке и практике.

1. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T. & Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism // *Cognition and Emotion*. – 2019. – 33(3). – P. 417–427.
2. Cheung W.-Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J. & Vingerhoets A.J.J.M. Back to the Future: Nostalgia Increases Optimism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2013. – 39(11). – P. 1484–1496. DOI: 10.1177/0146167213499187
3. Nicholas J. Kelley, William E. Davis, Jianning Dang et al. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2022. DOI: 10.1016/j.jesp.2022.104379
4. Routledge C., Royle C. & Abeyta A.A. Nostalgia as an existential intervention: Using the past to secure meaning in the present and the future // *In Clinical Perspectives on Meaning*. – 2016. – P. 343–362.
5. Zhou X., Sedikides C., Wildschut T. & Gao D. Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia // *Psychological Science*. – 2008. – 19. – P. 1023–1029.

Информация о грантовой поддержке: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (научный проект №23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости в ситуации изоляции»).

36 сюжетов криминалистической тактики раскрытия преступлений

36 сюжетов криминалистической тактики, драматические сюжеты, перфекционизм

Криминалистическая тактика расследования преступлений является важным элементом эффективного раскрытия преступлений. Она включает в себя комплекс приемов и методов, направленных на сбор, фиксацию и анализ доказательств, а также на установление обстоятельств дела. В 1920-х годах Ж. Польти разработал концепцию 36 драматических ситуаций, которая стала классической моделью анализа драматических конфликтов. В данной статье рассматривается возможность применения этой концепции в анализе типичных ситуаций, возникающих в криминалистической практике.

Наше исследование проводилось совместно с оперативными сотрудниками 6 отдела оперативно-розыскной части линии уголовного розыска 2 Управления уголовного розыска ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В рамках доказательства актуальности разработки психодиагностического инструментария «36 сюжетов» появилась идея соотнести драматические сюжеты Ж. Польти со статьями Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Данный подход стали разрабатывать сотрудники Лаборатории психофизиологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, под руководством профессора, доктора психологических наук Балаина В.Д. [1].

На кафедре административной деятельности ОВД ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России» также подтвердили идею о том, что любая поведенческая активность всегда подчиняется некоторому сюжету и эту взаимосвязь можно отследить в драматических сюжетах, имеющих отношение к рискованному поведению и условно-нормативному поведению.

Пример сюжета со статьей Уголовного кодекса:

Сюжет 13. Ненависть к близким. Элементы ситуации: 1) ненавидящий, 2) ненавидимый, 3) причина ненависти. Примеры: 1) ненависть между близкими (например, братьями) из зависти, 2) ненависть между близкими (например, сын, ненавидящий отца) из соображений материальной выгоды, 3) ненависть свекрови к будущей невестке, 4) тещи к зятю, 5) мачехи к падчерице и т.д. [4].

Интерпретация: на языке правоохранителей обозначается в виде «личной неприязни». Может быть и внезапно возникшей, может быть и стойкой, и длительной. По мотивам личной неприязни поведение субъекта (ненавидящего) может приводить к совершению различных преступлений – от преступлений против жизни и здоровья до преступлений против собственности. Примеры: убийство на почве семейно-бытового скандала женой своего мужа (повод может быть малейшим) статья 105 ч.1 УК РФ; умышленное повреждение личного имущества (то есть чужого) – отрезание рукавов нового платья сестры сестрой, статья 167 ч. 1 УК РФ [3].

Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе, в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, а также для совершенствования методических рекомендаций по проведению судебно-психиатрических экспертиз.

1. Жукова Д.И. Опросник «36 ролевых сюжетов» в психофизиологической диагностике типов поведения индивида // Национальное здоровье (National Health) политематический сетевой научный журнал / (ISSN (Он-лайн) 2410-8952) ISSN 2412-9062 (Print) от 25.12.2019. Вып. № 4. – 2019. – С. 1–10.
2. Луначарский А.В. Тридцать шесть сюжетов // Театр и искусство. – 1912. – № 34; См.: Луначарский А.В. О театре и драматургии. – М., 1958. – Т. II. – С. 113–117.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.
4. Polti G. The thirty-six dramatic situations / Translated into English by Lucile Ray – Franklin (Ohio): James Knapp Reeve, 1924.

Особенности эмоционально-волевой сферы несовершеннолетних правонарушителей с детским травматическим опытом

Несовершеннолетние правонарушители, детский травматический опыт, эмоционально-волевая сфера, криминогенное поведение

Проблема преступности несовершеннолетних остается актуальной [4, 5], а поиск путей снижения ее роста и повышение эффективности ее предотвращения – социально значимыми задачами любого современного общества. Важное значение имеет также возможный вклад детского травматического опыта (ДТО) в криминогенное развитие личности [1–3]. Для изучения эмоционально-волевой сферы несовершеннолетних правонарушителей с ДТО были обследованы 50 респондентов мужского (90%, N = 45) и женского пола (10%, N = 5) 14–17 лет (M = 16, SD = 0.8), содержащихся в Следственном изоляторе № 5 г. Санкт-Петербурга.

Использованы следующие опросники: «Многомерная оценка детской тревожности», «Уровень агрессивности Басса-Дарки», «Волевой самоконтроль», «Негативный детский опыт», шкала импульсивного поведения S-UUPS-P, а также интервью. Выборка разделена на три группы по типам преступлений: корыстный (36%, N = 18), насильственный (30%, N = 15), корыстно-насильственный (34%, N = 17).

Результаты. Несовершеннолетним правонарушителям свойственны повышенная агрессивность (M = 4.6, SD = 1.5) и враждебность (M = 6.0, SD = 1.7), высокий уровень саморегуляции (M = 17.1, SD = 4.0 – выше значений нормативной выборки), слабо выраженная тревожность (M = 2.4, SD = 2.6, соотносящаяся с нормативными значениями школьников, полученными авторами методики) и низкий уровень импульсивного поведения (M = 26.6, SD = 3.7 – значительно ниже групп с социально одобряемым и адаптивным поведением). Интересными, на наш взгляд, представляются полученные данные о высокой саморегуляции, низкой тревожности и импульсивности несовершеннолетних правонарушителей. Они могут быть связаны с совокупностью таких факторов, как социальная ситуация респондентов (нахождение в режимном учреждении, требующем высокой регуляции и определенного, ожидаемого, поведения), защитными механизмами, социальной желательностью и нежеланием раскрывать некоторые аспекты своей личности. Наблюдается выраженность отдельных особенностей эмоционально-волевой сферы ($p \leq 0.01$). Выявлен ДТО респондентов, а именно: и опыт наблюдения, и опыт пережитого насилия (62%, N = 31) со стороны семьи и сверстников одновременно, а также два и более вида пережитого насилия. Важным результатом представляется склонность рассматривать имеющийся опыт насилия как свойственное всем типичное явление (56%, N = 28). Наиболее выраженные факторы ДТО: «Эмоциональное пренебрежение» (M = 7.6, SD = 2.0), «Буллинг» (M = 8.4, SD = 2.0), «Коллективное насилие» (M = 8.4, SD = 2.4).

Результаты корреляционного и факторного анализа показали: для несовершеннолетних, совершивших преступления насильственного типа, характерен ДТО, возникающий на уровне семьи, для совершивших корыстно-насильственные преступления, – на уровне общества, а ДТО несовершеннолетних, совершивших преступления корыстного типа, широк и охватывает обе этих сферы.

Нами не обнаружено исследований, изучающих вклад ДТО в формирование и проявление различных типов преступности, что подчеркивает значимость полученных данных и исследования в целом, а также возможность использовать выводы при проведении профилактической и психотерапевтической работы с несовершеннолетними.

1. Гартвик Е.В. Проблема детской психологической травмы в контексте восстановительного правосудия / Е.В. Гартвик // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2022. – № 1(43). – С. 32–38.
2. Катан Е.А. Использование международного опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте // Медицинская психология в России. – 2019. – № 2.
3. Vitoroulos N., Peterson-Badali M., Brown S. & Skilling T. The Relationship Between Trauma, Recidivism Risk, and Reoffending in Male and Female Juvenile Offenders // Journal of Child & Adolescent Trauma. – 2019. – 12.
4. Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс].
5. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Данные судебной статистики [Электронный ресурс].

Склонность к девиантному поведению у девочек и мальчиков подросткового возраста

Девиантное поведение, подростки, адаптация

Одной из наиболее острых психолого-педагогических проблем является то, что число подростков, как мальчиков, так и девочек, с девиантным поведением стремительно растет [1]. Исходя из того, что профилактику девиантного поведения подростков необходимо осуществлять с учетом гендерного анализа особенностей склонности к девиантному поведению, наиболее важным остается вопрос изучения склонности к девиантному поведению у детей подросткового возраста [2].

Цель исследования – провести сравнительный анализ склонности к различным формам девиантного поведения у девочек и мальчиков подросткового возраста.

Исследование проводилось в г. Ижевске, выборку составили 37 подростков (14–15 лет), 22 девочки и 15 мальчиков.

Методики исследования: «ДАП-П» (Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения); «СПА» (Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд (адаптация А.К. Осницкого).

Результаты исследования. С помощью критерия Манна-Уитни выявлены значимые различия только по показателю склонности к суициду ($U_{эмп} = 97, p \leq 0,05$). Так у девочек уровень склонности к суициду оказался значительно выше, чем у мальчиков.

С помощью корреляционного анализа (использовался метод Спирмена) у девочек обнаружены связи: между склонностью к делинквентному поведению и показателями «Адаптация» ($r = -0.441, p \leq 0,05$); «Приятие других» ($r = -0.512, p \leq 0,05$); «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.517, p \leq 0,05$); между склонностью к суициду и показателями «Адаптация» ($r = -0.446, p \leq 0,05$); «Приятие других» ($r = -0.468, p \leq 0,05$); «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.492, p \leq 0,05$); между интегральной оценкой склонности к девиантному поведению и показателями «Приятие других» ($r = -0.472, p \leq 0,05$); «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.466, p \leq 0,05$).

У мальчиков обнаружены связи: между склонностью к аддиктивному поведению и показателями «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.528, p \leq 0,05$); «Внутренний контроль» ($r = -0.560, p \leq 0,05$); между склонностью к делинквентному поведению и показателями «Адаптация» ($r = -0.522, p \leq 0,05$); «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.575, p \leq 0,05$); между интегральной оценкой склонности к девиантному поведению и показателем «Эмоциональная комфортность» ($r = -0.545, p \leq 0,05$).

Выводы. У девочек выше уровень склонности к суициду, чем у мальчиков. По шкалам «склонность к аддиктивному поведению», «склонность к делинквентному поведению» и интегральной оценке склонности к девиантному поведению у девочек и мальчиков различий не обнаружено.

В исследовании обнаружено, что у девочек: чем ниже уровень эмоциональной комфортности, приятия других, адаптации в целом, тем выше склонность к делинквентному поведению; чем ниже уровень адаптации, приятия других, эмоциональной комфортности, тем выше склонность к суициду; чем ниже уровень приятия других, эмоциональной комфортности, тем выше уровень склонности к девиантному поведению в целом. У мальчиков: чем ниже уровень внутреннего контроля и эмоциональной комфортности, тем выше склонность к аддиктивному поведению; чем ниже уровень адаптации, эмоциональной комфортности, тем выше склонность к делинквентному поведению; чем ниже уровень эмоциональной комфортности, тем выше уровень склонности к девиантному поведению в целом.

1. Реан А.А. и др. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон: монография / Под ред. А.А. Реана. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 480 с.
2. Умняшова И.Б. Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 133–146.

Влияние волонтерской деятельности студентов колледжа с девиантным поведением на их самоотношение

Девиантное поведение, самоотношение, студенты колледжа, волонтерская деятельность

Какими стигмами награждает общество тех, кто не смог вписаться в школьную «рамку» и вынужден продолжить обучение в колледже. «пэтэушник», «неудачник», «гопник», «плохо учился», «выперли из школы». Эти ответы мы получили от людей на улице и учащихся школ. А также подобные ответы дают сами студенты колледжа.

Все эти ответы были проанализированы с помощью метода феноменологического анализа и привели нас к разработке концепции личности студента колледжа под условным названием «мне стыдно быть собой».

В своей работе я, как психолог колледжа, использую комплексный подход. Предлагаю студентам с отклоняющимся поведением не только психологическую помощь, но и участие в волонтерской деятельности. В результате подобного подхода мы получили интересные результаты, которые и представлены в данной статье.

В ходе нашего исследования мы опирались на подход Р. Бернса, который рассматривает Я-концепцию как «совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженную с их оценкой» [1]. Внутри Я-концепции выделяют «образ Я» как описательную составляющую Я-концепции и связанную с отношением к себе самооценку, или принятие себя.

Самоотношение [4] и девиантное поведение [2, 5] являются для психологии традиционными объектами изучения. Однако влияние волонтерской деятельности на самоотношение обучающегося с девиантным поведением изучено не в полной мере.

Цель исследования – выявление особенностей самоотношения у студентов колледжа с девиантным поведением, участвующих в волонтерской деятельности. В основу исследования положена гипотеза о том, что у подростков с девиантным поведением, прошедших через волонтерский опыт, самоотношение характеризуется большим количеством положительных самооценок.

Выборка и организация исследования. Исследование подростков с девиантным поведением проводилось на базе СПб ГБ ПОУ НК им. А.Г. Неболсина. Выборку составили 78 человек в возрасте 17–18 лет. Исследование проводилось в два этапа с разницей в семестр, то есть четыре месяца. Четыре месяца участия обучающихся в волонтерской деятельности.

Методы исследования. Исходя из множества компонентов, входящих в состав самоотношения, для определения его особенностей у подростков, использовались следующие методики: «Личностный дифференциал» (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева), «Самооценка личности» и тест-опросник «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). На третьем этапе – аналитическом, был проведен анализ и обработка полученных данных.

Также на протяжении двух месяцев студенты-волонтеры вели аудиодневники, в которых отмечали свое положительное настроение и отношение к себе и своей деятельности.

Результаты. Проведенное исследование показало, что самоотношение обучающихся с девиантным поведением проявляется преимущественно в низкой самооценке, высоком уровне самообвинения («и поделом тебе»), видении в себе преимущественно недостатков. Полученные результаты свидетельствуют о том, что подростки с девиантным поведением заблаговременно ожидают негативное отношение со стороны окружающих. Вместе с тем они очень нуждаются и ожидают позитивного к себе отношения. Кроме того, у подростков с девиантным поведением выработались установки на неприятие их социумом.

В то же время, спустя четыре месяца, в течение которых эти же обучающиеся занимались волонтерством, они продемонстрировали более позитивное отношение к себе, как личности, более высокую самооценку себя и своих поступков.

Таким образом, у подростков с отклоняющимся поведением, занимающихся волонтерской деятельностью, повышается принятие себя как личности, а самоотношение характеризуется большим количеством позитивных оценок.

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Мир, 2008. – 284 с.
2. Бочкарева Г.Г. Психологическое изучение трудновоспитуемых школьников. – М.: Академия, 2004. – 366 с.
3. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М., 2003.
4. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
5. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. – М., 2005.

Личностные особенности отражения образа свидетеля в обыденном сознании

Социально-перцептивный образ, обыденное сознание, свидетель, личностные особенности

Социально-перцептивный образ представляет собой сложно структурированное и полимодальное образование, отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого общества [2]. Образы формируются у человека в течение всей жизни и имеют многофункциональный характер: важнейшими функциями образа являются смыслообразующая, регулятивная, корректирующая и эмоциональная. Е.А. Климов вместе с тем подчеркивает значение образа в качестве необходимой основы целесообразной саморегуляции профессионально-трудовой деятельности [1]. В этой связи в целях повышения эффективности деятельности важно понимать содержание образов, механизмы их формирования и преобразования.

В юридической практике образ свидетеля представляет особый интерес. Сотрудники следственных подразделений в ходе предварительного расследования активно взаимодействуют с различными категориями граждан, привлекаемых в качестве свидетеля в рамках уголовного судопроизводства. Свидетелем может выступать любое лицо независимо от состояния здоровья, возраста, профессии и других обстоятельств. Вместе с тем свидетель может быть соучастником преступления, скрывать свою осведомленность, иметь определенное отношение к обвиняемому (подсудимому), в связи с чем давать ложные показания или иным способом оказывать противодействие следствию. Соответственно, свидетельские показания могут как способствовать расследованию уголовного дела, так и напротив, оказывать противодействие. Таким образом, для получения наиболее полных и объективных показаний важно хорошо ориентироваться в личностных особенностях свидетеля, учитывать соответствие образа контексту ситуации.

Целью нашего исследования является изучение образа свидетеля в обыденном сознании. В отличие от профессионального, обыденное сознание иррационально, содержит знания, усвоенные в процессе социализации повседневной жизнедеятельности. Изучение обыденного сознания может способствовать выяснению причин возникновения различных социальных явлений, например, таких как стереотипы.

В исследовании приняли участие 166 респондентов (60,8% – мужчины, средний возраст 17,5 лет, $SD = 0,68$). В качестве психодиагностического инструментария использовались методики «Многомерный метод исследования личности», «Личностный семантический дифференциал». Респондентам предлагалось оценить свидетеля по биполярным шкалам трех факторов «оценка-сила-активность». Большинство респондентов характеризуют свидетеля как добросовестного ($M_o = 7$, $M = 5,74$), справедливого, ($M_o = 7$, $M = 5,89$) честного ($M_o = 7$, $M = 5,82$). При проведении корреляционного анализа показателей методик были выявлены статистически значимые связи: обследуемые, которые по результатам диагностики отличаются творческой ориентированностью и оригинальностью высказываний, склонны воспринимать свидетелей как менее приятных ($r = -0,26$, $p \leq 0,05$). Девушки, у которых наиболее выражены такие черты, как упорство в отстаивании собственного мнения, устойчивость интересов, в большей степени оценивают свидетеля как пассивного интроверта ($r = -0,29$, $p \leq 0,05$). Девушки, характеризующиеся как активные, уверенные в себе, с высоким уровнем жизнелюбия, склонны воспринимать свидетеля как более зависимого от внешних обстоятельств ($r = -0,28$, $p \leq 0,05$).

Вывод. Результаты эмпирического исследования демонстрируют, что образы свидетеля в обыденном сознании связаны с конкретными психологическими особенностями людей, отражающих эти образы, следовательно для повышения эффективности взаимодействия со свидетелями в ходе профессиональной деятельности сотрудников целесообразно продолжить изучение закономерностей и механизмов отражения особенностей личности свидетеля в сознании сотрудников следственных подразделений.

1. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 350 с.
2. Ситников В.Л. Социально-перцептивные образы в массовом сознании: монография. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2023. – 160 с.

Психологическая резистентность младших школьников, вовлеченных в сексуализированные интернет-коммуникации

Интернет, коммуникация, психологическая резистентность, сексуальное домогательство

В эпоху цифровой социализации доступ к интернету стал для детей насущной необходимостью. Их онлайн-профили чаще всего открыты и привлекают внимание самых разных людей, в том числе планирующих сексуальное злоупотребление. К числу наиболее опасных киберпосягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних относят кибергруминг [3] и секстинг [2]. При этом чем младше ребенок, тем выше вероятность его вовлечения в сексуализированное взаимодействие, а уровень психосексуального развития в препубертатный период часто не позволяет адекватно оценить происходящее. При столкновении с запрещенной онлайн-коммуникацией несовершеннолетние могут применять разные стратегии решения проблемы: пользователи 11–16 лет блокируют нежелательного собеседника, удаляют его сообщения, ожидают, что проблема решится сама собой, ищут социальную поддержку, временно отказываются от интернета [4], младшим школьникам свойственно вербальное проявление агрессии и смена специфики онлайн-деятельности [1].

С целью выявления особенностей сопротивления младших школьников сексуальному домогательству со стороны незнакомых им интернет-пользователей был проведен психологический анализ 76 онлайн-коммуникаций между 19 взрослыми посягателями и 76 детьми (64 девочки и 12 мальчиков) в возрасте от 7 до 11 лет (средний возраст $10,2 \pm 0,9$). Обработка полученных данных осуществлялась при помощи методов дескриптивной статистики.

Полученные результаты позволили разделить несовершеннолетних на три группы. Представители самой многочисленной (61,8%, 47 девочек) не допускали какой-либо сексуальной направленности разговора с неизвестными им онлайн-пользователями и активно оказывали им сопротивление путем демонстрации негативного отношения, вербальной агрессии, указания на свое несовершеннолетие, угроз обратиться в полицию, в некоторых случаях – посредством вежливого отказа от общения. Младшие школьники, вошедшие во вторую группу (27,6%, 15 девочек и 6 мальчиков), проявили положительное отношение и интерес к сексуализированной коммуникации, увлеченно обсуждали тему половых взаимоотношений людей и направляли свои интимные изображения; в определенный момент времени сформировавшиеся отношения переставали привлекать детей, и они прерывали контакт при помощи вербальной агрессии, игнорирования входящих сообщений, внесения собеседника в «черный список», угроз привлечь защитников, указаний на разницу в возрасте. Дети третьей группы (10,5%, 2 девочки и 6 мальчиков) не оказывали никакого сопротивления посягателям и не стремились завершить коммуникацию с ними, демонстрировали положительное отношение, увлеченно обсуждали сексуальные темы, присылали свои интимные материалы.

Сделан вывод о том, что уязвимость для домогательства проявили младшие школьники, у которых наблюдался повышенный интерес к сексуальной тематике; как следствие, профилактика их виктимизации должна организовываться с учетом специфики психосексуального развития и включать в себя информирование по вопросам половых взаимоотношений людей.

1. Байрамян Р.М., Чулюкин К.С. Совладающее поведение младших школьников в разных трудных жизненных ситуациях // Консультативная психология и психотерапия. – 2022. – Т. 30, № 2. – С. 24–44. doi: 10.17759/cpp.2022300203
2. Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г. Мотивационно-смысловые характеристики участия в секстинге несовершеннолетних девочек // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 3–15. doi:10.17759/psylaw.2023130301
3. Дозорцева Е.Г., Медведева А.С. Сексуальный онлайн-груминг как объект психологического исследования // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 250–263. doi:10.17759/psylaw.2019090217
4. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A., Olafsson K. Risks and safety on the internet : the perspective of European children: full findings and policy implications from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries // EU Kids Online Network, London. – UK, 2011. – 171 p.

Предварительные результаты исследования антисоциальной креативности у подростков в разных социополитических контекстах

Антисоциальная креативность, личностные характеристики, социально-политический контекст

Антисоциальная креативность (далее АК) – оригинальное решение проблем с нанесением намеренного вреда участникам межличностного взаимодействия [1]. АК зачастую проявляется в буллинге и реализуется в злых шутках, сплетнях, черном юморе, лжи, физической агрессии [2]. Актуальность исследования антисоциальной креативности у подростков обусловлена необходимостью оптимизации их межличностного взаимодействия [1].

Цель нашего исследования состояла в выявлении связи между поведенческими и личностными характеристиками подростков в разных социально-политических контекстах. В исследовании 2019 г. участвовали 96 подростков (ср. возраст 16.0, из них 25 девочки). В исследовании 2024 года приняли участие 53 подростка (ср. возраст 15.4, из них 28 – девочки). Использовались следующие опросники: «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (в адаптации Мешковой и др. [2]), «NEO-FFI» (в адаптации В. Орла, И. Сенина), BRAQ-24 (в адаптации С. Ениколопова, Ю. Цыбульского). Была сформулирована гипотеза: в разных социально-политических контекстах уровень антисоциальной креативности и взаимосвязь с личностными характеристиками будут различаться.

Результаты исследования. В совокупной выборке выявлены следующие корреляции по критерию Спирмена: положительные антисоциальной креативности с враждебностью и отрицательные с чертой «Сотрудничество» ($p < 0.001$).

Сравнительный анализ с помощью использования непараметрического критерия Уэлча показал, что между выборками есть различия по показателю Большой пятерки «Сотрудничество» и антисоциальной креативности ($p < 0.01$ и 0.001 , уровень значимости Cohen's $d = -0.562$ и 1.109 , соответственно). В выборке 2024 года уровень антисоциальной креативности выше, а «Сотрудничества» ниже по сравнению с выборкой участников исследования 2019 года. Различий по враждебности выявлено не было.

Главным предиктором, объясняющим 20% дисперсии значений антисоциальной креативности стала черта «Сотрудничество» (бета = -0.593 , $p < 0.001$, коэффициент значимости = -0.414).

С помощью линейной регрессии анализировалось влияние контекста на связь антисоциальной креативности и черты «Сотрудничество». Был выявлен эффект взаимодействия: связь этих двух переменных однонаправленная, но разная по силе, у подростков 2019 года она несколько сильнее ($p = 0.01$, уровень значимости = -0.386).

Таким образом, гипотеза о различиях в уровне антисоциальной креативности и связей ее с личностными характеристиками в разных социально-политических контекстах подтвердилась.

Полученные результаты согласуются с результатами исследований, проведенных на студентах [3] и могут быть использованы при профилактике девиаций в межличностном взаимодействии подростков: важную роль в реализации антисоциальной креативности в девиантном поведении играет развитость черты «Сотрудничество».

1. Бочкова М.Н. Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 135–149. DOI: 10.17759/psylaw.202313030810
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 25–40. DOI: 10.17759/pse.2018230603
3. Мешкова Н.В., Бочкова М.Н., Кравцов О.Г. Антисоциальная креативность и личностные характеристики юношей в разных социально-политических условиях: связь и взаимодействие // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – Т. 47, № 1. – С. 88–105. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-04>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236/>.

Психологическая оценка манипулятивного воздействия на жертв телефонного мошенничества

Телефонное мошенничество, манипуляция сознанием

В последние несколько лет подавляющая часть населения страны напрямую, либо опосредованно, столкнулась с последствиями мошеннических действий, совершенных с использованием телефонной связи, интернет-сети или платежных карт. Специфика финансового мошенничества обусловлена, с одной стороны, техническими особенностями обращения денежных средств, а с другой, – поведением их владельцев, которые становятся жертвами мошенников. На начальном этапе общения с потенциальной жертвой злоумышленники отдают предпочтение телефонным звонкам, поскольку в ходе разговора гораздо проще, чем в обезличенных СМС-рассылках или интернет-переписке, расположить к себе жертву, а если «повезет» – выманить информацию и опустошить банковский счет жертвы, убедить её в необходимости взять кредитные средства, продать недвижимость с последующим переводом денег на счета мошенников. Прибегая к различным обманам мотивировкам и «сценариям» для вхождения в доверие, мошенники действуют с соблюдением типичных опорных пунктов, позволяющих им эффективно манипулировать чувствами и поведением жертвы. Использование обмана и злоупотребление доверием предполагают психическое принуждение ненасильственного характера, что, в свою очередь, с психологической точки зрения, определяется как манипуляция [2]. Феномен манипуляции с применением психотехник хорошо изучен на примере жертв деятельности деструктивных псевдорелигиозных организаций. Было установлено, что манипулируя на уровнях «эмоции», «информация», «мысли», «поведение», культы начинают контролировать сознание и личность человека [1]. С целью изучения механизмов манипулятивного воздействия на жертв телефонного мошенничества мы проанализировали 120 заключений амбулаторных судебных психолого-психиатрических экспертиз, проведенных в ГКУЗ ГПБ № 6 СПб за период 2022–2024 гг. В данной выборке преобладали женщины (75%) старшего поколения (возраст от 60 лет и выше), ранее не судимые. Клинико-психопатологический фактор (наличие психических расстройств) не играл значимой роли в генезе виктимного поведения: в 65% случаев констатировалось психическое здоровье, ещё в 26% случаев имелись расстройства легкой степени, что не определяло экспертного решения о неспособности жертвы понимать характер и значение совершаемых в отношении неё действий, давать показания. Психологический анализ самоотчётов жертв телефонного мошенничества на этапе предварительного следствия и на этапе проведения судебной психолого-психиатрической экспертизы позволил выявить и описать 15 последовательно сменяемых приёмов, что свидетельствует о наличии в действиях мошенников типичного алгоритма, представляющего собой психологически обусловленную и целенаправленно выстроенную последовательность манипулятивных действия для контроля жертвы на эмоциональном, мыслительном и поведенческом уровнях. Можно констатировать, что жертвы оказываются особенно уязвимыми для воздействия мошенников в те моменты, когда они вынуждены думать и чувствовать в необычных для себя условиях под влиянием неожиданной информации о финансовой угрозе, что нарушает их эмоциональную стабильность. Экстраординарные переживания разрушают привычный ход мысли и привычные внутренние точки отсчёта реальности. Когнитивная путаница при столкновении с неизвестным до этого опытом и информацией заставляет жертв доверять словам мошенников и принимать установки, содержащиеся в объяснениях мошенников. Измененное таким образом сознание позволяет формировать у жертв убеждения и готовность к совершению действий, выгодных мошенникам.

1. Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3.
2. Полянская В.А. Анализ личности потерпевшего как объект скрытого психологического воздействия по делам о мошенничестве // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 94–100.

Комплексный анализ физиологических показателей и мимической активности при проведении исследования с применением полиграфа

Полиграф, мимическая активность, психология безопасности, психофизиологическое исследование с применением полиграфа

Психофизиологические исследования с применением полиграфа имеют широкое научное и практическое применение: скрининг персонала [2], оперативно-розыскная деятельность [4, 3], оценка достоверности показаний в судебных процессах, научные исследования в области психологии.

Для повышения качества проверок с использованием полиграфа могут применяться дополнительные методы регистрации психологического состояния и поведения испытуемого. Мимическая активность является одним из наиболее информативных невербальных проявлений человеческого поведения [5, 6]. Эмоции в виде мимических выражений зачастую проявляются неосознанно и не поддаются произвольному контролю [6].

Экспериментальное исследование проводилось на базе научно-исследовательской лаборатории информационно-психологической безопасности КГУ им. К.Э. Циолковского с октября по декабрь 2023 года. Выборка состояла из студентов, обучающихся с 1 по 5 курс. Участие в эксперименте приняли 97 человек [1].

В эксперименте использовался полиграф «Диана 07» с программным обеспечением ПФК «Диана» версии 7.9.1, а также программный комплекс Noldus FaceReader.

Стимульный материал состоял из четырёх видеофрагментов, на одном из которых человек совершает кражу бумажника. Также в стимульный материал входили восемь фотокарточек, на одной из них изображен человек, совершивший кражу. Инструкции для испытуемых озвучивались в аудиоформате.

Сначала участникам эксперимента предлагалось посмотреть подборку видеофрагментов, затем повторно просмотреть их, запоминая лицо, совершившее кражу. После инструктажа и установки физиологических датчиков испытуемым объясняли, что им будет предъявлен ряд визуальных стимулов, один из которых изображает преступника. Испытуемые должны были стараться не реагировать на релевантный стимул, чтобы скрыть свои реакции при узнавании лица «преступника».

Результаты экспертной балльной оценки записанных полиграмм (универсальная трехбалльная система оценки) продемонстрировали достаточно невысокие показатели в данных экспериментальных условиях: точность составила 0,874, чувствительность 0,137, специфичность 0,983. Мы полагаем, что это связано с тем, что сами результаты эксперимента не представляли для испытуемых серьезной значимости (по принципу «ставки невысоки»).

Для построения статистической модели использовалась биномиальная логистическая регрессия. Зависимой переменной была релевантность стимулов (релевантный/нерелевантный). В качестве независимых переменных использовались балльная оценка физиологических реакций (трехбалльная система) и показатели мимических микровыражений (радость, гнев, печаль). Добавление мимических параметров повысило специфичность модели на 3%. Итоговая модель показала точность 0.924, специфичность 0.922 и чувствительность 0.938. Таким образом, параметры мимики оказались значимыми для идентификации релевантного стимула.

Результаты эксперимента подтверждают гипотезу о том, что восприятие релевантных визуальных стимулов сопровождается изменениями психофизиологических показателей и мимической активности.

1. Азарова Н.В. Динамика психофизиологических показателей при восприятии визуальных стимулов / Н.В. Азарова // Психология в пространстве образования и личностного развития: перспективные практики научного исследования и сотрудничества: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции. – Калуга, 2023. – С. 6–9.
2. Майлс П.Н., Холодный Ю.И. «Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 1. – С. 147–52.
3. Могутин Р.И., Субботина М.В. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений. – Волгоград, 2005. – С. 6–37.
4. Хавыло А.В., Устенко А.В., Енгальчев В.Ф. Перспективы использования психофизиологических методов для оценки стрессоустойчивости в ситуации профессионального психологического отбора // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 153–165.

5. Хавыло А.В., Леонова Е.В., Енгальчев В.Ф., Никуличева Е.О., Еремина И.И. Компьютерные методы оценки общей мимической активности при восприятии субъективно значимой информации (В контексте задач судебной психологической экспертизы) // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 12–22.
6. Экман П. Психология лжи: обмани меня, если сможешь. –СПб.: Питер, 2016. – 384 с.

Исследование уровней индивидуального нравственного сознания подростков с асоциальным поведением

Подростки, асоциальное поведение, нравственное сознание, нравственное развитие, эксперимент

Несмотря на значимость социальной нормы в формировании картины мира индивида и его поведения, она довольно неоднозначна и крайне подвержена контекстуальным и культуральным изменениям [3]. Подростки, находясь в процессе развития нравственного и правового самосознания, оказываются особенно чувствительны к таким флуктуациям, что определяет актуальность изучения данной темы.

Под асоциальным поведением (АП) в работе понималось поведение, уклоняющееся от выполнения социальных норм. Структура нравственного сознания (НС) делилась на 3 уровня: рационально-теоретический (знание и понимание нормы), эмоционально-чувственный (эмоциональное отношение к нарушению нормы) и убеждений (способность к волевому контролю) [2]. Целью стало сравнение развитости уровней НС сознания у групп подростков, соблюдающих социальные нормы и реализующих АП. Предполагалось, что вторые в сравнении с первыми обладают более низкой развитостью одного или нескольких уровней НС. Выборкой исследования выступили 13 обучающихся Специальной школы 13–17 лет ($M_D = 14,62 \pm 1,45$), совершавших ранее действия асоциального характера.

Исследование проводилось в два дня. В первый подросток помещался в экспериментальную ситуацию, где уведомлялся о запрете на использование телефона в ходе исследования. Далее экспериментатор, якобы за методикой, покидал комнату, оставляя подростка одного, а по приходу – фиксировал, нарушил ли он запрет, оценивая так склонность подростка к нарушению запрета взрослого как варианта АП. После подросток проходил опросник Волевых качеств личности Чумакова для оценки уровня убеждений [4]. Во второй день проводилось интервью с использованием краткого опросника о нормах школьного коллектива и проективной методики на тип реакции на АП для оценки рационального и эмоционального уровней, соответственно. Подобранный формат и комплекс методик продиктованы малой достоверностью методов опроса для подобной выборки [1]. После проводились качественный (контент-анализ) и статистический анализ полученных данных (с помощью U-критерия Манна-Уитни) для сравнения развитости уровней НС в группах подростков, условно склонных и не склонных к АП.

В результате различия между группами были найдены лишь по уровню убеждений, а именно: в группах с большей целеустремлённостью подростки достоверно чаще ($p = 0,004$) нарушали запрет экспериментатора. Важно также отметить, что, несмотря на чёткие правила школы, запрещающие детям пользоваться телефоном во время занятий и консультаций, запрет касался пользования своими вещами, и потому мог восприниматься подростком не столь жёстко. Качественный анализ также позволил предположить, что на склонность к нарушению запрета может влиять отношение подростка к авторитету, установившему правило, а также понимание отсутствия общественной опасности нарушения. Так, один из испытуемых в ходе исследования сообщал о непризнании запретов и правил школы, однако же запрет экспериментатора не нарушил.

Таким образом, соблюдение подростком прямого запрета взрослого, обнаруживает связь с его уровнем убеждений НС, и не обнаруживает её с рациональным и эмоциональным уровнями. Кроме того, данный факт, вероятно, обусловлен и отношением подростка к установившему правилу авторитету, а также его оценкой степени общественной опасности нарушения, что требует дальнейшего изучения.

1. Бриль М.С., Бекренева Ю.С., Шилова В.А. Социальные представления о нормативном поведении у подростков, склонных к совершению правонарушений // *Девиантология*. – 2024. – Т. 8, № 1(14). – С. 50–56.
2. Давлетбаева З.К. Социально-психологические факторы возникновения асоциального поведения учащихся // *Известия Самарского научного центра РАН*. – 2013. – № 2-2. – С. 372–378.
3. Евдошенко О.В. Девиантное поведение подростков как социальная проблема современного общества // *Вестник науки и образования*. – 2019. – № 15 (69).
4. Чумаков В.М. Эмоционально-волевая сфера личности подростков и ее диагностика. // *Вестник практической психологии образования*. – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 83–86.

Sirisety M., Ravi Sh.D., Nalini B.

Visakhapatnam, India, Department of Applied Psychology,
School of Humanities and Social Sciences, GITAM (Deemed to be University)

Lioudmila Baturina

Moscow, Russian Technological University MIREA,
Russian University for Humanities

The Relationship between Adolescents' Emotional Intelligence and Parental Perceptions of Internet Usage in India

Emotional Intelligence, Adolescents, Parental Perceptions, Internet Usage

Background: Adolescents' internet usage is a growing concern among parents, particularly in developing countries, where the digital landscape is rapidly evolving. Emotional intelligence (EI) plays a significant role in shaping adolescents' behaviors, including their online activities. Parental perceptions of adolescents' internet usage, including their concerns and anxieties, may be influenced by the emotional intelligence of the child [1].

Objectives: The research was conducted in India and aimed at the assessment of parents' perceptions of their children's internet usage, including frequency and anxiety caused by usage. It also explored the link between these perceptions and adolescents' EI.

Methodology: This study utilized a cross-sectional survey design and convenience sampling method to collect data from 157 families (parents and their children) residing in Visakhapatnam, Andhra Pradesh. Internet perceptions and EI were measured using the Adolescents and Internet Scale [2] and Emotional Intelligence [3], respectively. Descriptive and inferential statistics were performed to analyze the data.

Results: In the course of the study a list of activities and behaviors of adolescents on the internet was collected and summarized. Those activities and behaviors that made parents worried and made them hard to control were identified and separated in a group. Gender and Religious differences were observed in EI and Internet-related factors. A notable relationship was found between the 'Effective relationship' factor of emotional intelligence and both the frequency of internet use and parental anxiety regarding internet activities. In addition to the survey students of Department of Applied Psychology, School of Humanities and Social Sciences, GITAM (Deemed to be University), Visakhapatnam, India, attended the course "Safe internet for adolescents" and discussed the results received.

Conclusion: The findings highlighted the relation between EI and parental perceptions of adolescents' internet use, particularly in how parents interpreted and managed their concerns. These results underscored the need for family-based interventions that promoted emotional intelligence to mitigate internet-related anxieties. The study offered valuable insights for educators, policymakers, and mental health professionals in developing culturally relevant strategies to foster safe internet practices among adolescents in India.

1. Szabó Cs.M. Adolescents' Activity in the Online Space / Cs.M. Szabó, V.I. Panov, E.V. Patrakov // 27th Multimedia in Education Online Conference : Conference Proceedings, Dunaújváros, 10–11 июня 2021 года. – Dunaújváros: John von Neumann computer Society, Multimedia in Education section, 2021. – P. 30–34.
2. Patrakov E.V. Podrostki i internet: reaktsiya roditel'ej [Adolescents and the Internet: Reactions of parents]. Sibirskij psikhologicheskij zhurnal // Siberian Journal of Psychology. – 2019. – № 72. – P. 129–144. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/7> (In Russian)
3. Schutte N.S., Malouff J.M., Hall L.E., Haggerty D.J., Cooper J.T., Golden C.J. & Dornheim L. Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and individual differences. – 1998. – 25(2). – P. 167–177. [https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0191-8869\(98\)00001-4](https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0191-8869(98)00001-4)

Funding Acknowledgement: This study is funded by the Ministry of Education, Government of India, under the Scheme for Promotion of Academic and Research Collaboration (SPARC), IIT Kharagpur, as a part of a Joint India-Russia research project on Safe behavior on the Internet: research, training of teachers, parents and adolescents (SPARC/2019-2020/P2388/SL).

Инновации: между фактом и интерпретацией (размышления)

Инновации, полиграфология, ложь, специалист-полиграфолог

Назвать полиграф или психофизиологические исследования с применением полиграфа (ПФИ) инновацией сложно. Этот метод проверки информации давно и прочно вошел в нашу реальность: тестирования с применением полиграфа проводят при расследовании преступлений. Полиграф применяют в государственных и крупных коммерческих структурах при отборе и проверке работающего персонала. В контексте инноваций, на наш взгляд, уместно обсудить концептуальный вопрос – весомость вклада инновационных технологий, новейших технических средств, даже искусственного интеллекта и вклад «человеческого фактора». Причем, надо понимать, что этот «вклад» в ситуации полиграфной проверки вносят двое – опрашиваемое лицо и специалист-полиграфолог, составляя вместе с прибором единую систему взаимодействия. Больше внимания уделим специалисту, т.к. это делается довольно редко, судя по изученной нами литературе, хотя в целом тематике отклонения трудового поведения посвящено достаточно много работ [1].

Полиграф как техническое средство – это фиксация изменений определенных физиологических параметров в ответ на предъявляемые стимулы (вопросы) [2]. Однако есть еще проблема человеческого фактора – интерпретации и ее методологической основы. Факторный вес интерпретации в данном случае выше или равен, но не ниже факторного веса регистрируемых физиологических параметров, поскольку одни и те же параметры могут быть обусловлены разными причинами. Первое основание: причина волнения или изменения состояния – не только опасение «разоблачения», но и ощущение уязвления вследствие недоверия, могут быть и медико-психологические основания, либо сочетание многих факторов. Второе: степень принятия ответственности полиграфологом. Самое невинное, что может быть – человеку откажут в трудоустройстве, а если это в рамках расследования уголовного дела? Специалист-полиграфолог знает, что физиологические реакции организма неспецифичны, нет «реакции лжи». Вывод о факте лжи, под которой В.В. Знаков понимает умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности и имеющей целью ввести в заблуждение адресата [3], делается из сопоставления и анализа многих факторов. Между фактом, зарегистрированным физиологическими реакциями, и интерпретацией помещается либо профессионализм специалиста-полиграфолога, либо математический алгоритм анализа зафиксированных изменений. Но эти изменения неспецифичны! Третье: отношение к испытуемому, далее – само эмоциональное состояние эксперта. Отдельной темой является и эмоциональный интеллект полиграфолога.

Таким образом, мы видим, что показатели полиграфа на выходе преломляются через существенно более богатую и разнообразную среду субъекта профессиональной деятельности – эксперта. И все же, в природе человека – стремление к объективизации, инженеры старательно изобретают средства, которые уж точно безошибочно и беспристрастно проанализируют сообщаемую человеком информацию и вынесут вердикт, правду он говорит или лжет.

На наш взгляд, такой путь – заблуждение [4]. Иными словами, человек (эксперт) не может быть лишь дополнением к прибору, пусть и оснащенному искусственным интеллектом, который все же, по нашему мнению, более правильно называть самообучающейся программой. Причина здесь находится в самой идее «искусственного интеллекта». Его авторы [5] сформулировали в качестве необходимого условия развития ИИ создание эвристики, т.е. созидание или порождение нового. В данном случае субъект (полиграфолог) вследствие взаимодействия всей системы (испытуемый-прибор-специалист) порождает понимание как принципиально новый для данной системы конструкт. Иными словами, мы можем говорить о многообразии и глубине уровней понимания клиента и, соответственно, предельно малых эвристических возможностях ИИ на данный момент по сравнению с личностью специалиста.

1. Патраков Э.В., Лобанова Т.Н. Социально-психологические предикторы отклонения трудового поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 77–84. DOI 10.34216/2073-1426-2020-26-1-77-84.
2. Молчанов А.Ю., Картамцева О.С., Федорук М.И. Инструментальная детекция лжи. Школа отечественного полиграфа. Академический курс. – М.: Международная Академия исследования лжи, Школа полиграфологов «Финист», 2023. – 627 с.
3. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб., 1999– 281 с.
4. Бывальцева Т.П., Молчанов А.Ю. О чем не скажет полиграф// Записки следователя. – 2022. – № 4. – С.36– 39.
5. McCarty J., Hayes P.J. Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence. – Machine Intelligence. – 1969. – № 4. – P. 463–502.

Психологические аспекты социального контракта как инновационного метода социальной адаптации безработных граждан

Инновации, социальный контракт, социальное предпринимательство, профессиональная адаптация безработных граждан, психологическое обеспечение социального предпринимательства

В настоящее время в России актуальным вопросом является социальная адаптация безработных граждан. В таких случаях государственные меры поддержки становятся жизненно необходимыми [1]. Одной из таких мер является социальный контракт – инновационный инструмент, направленный на адаптацию и поддержку безработных граждан. Социальный контракт объединяет элементы социальной поддержки и активных мер трудоустройства. Он позволяет сочетать материальную помощь с мерами, способствующими долгосрочной адаптации граждан, что является инновационным подходом в социальной политике [2]. Теме социального контракта посвящен ряд научных трудов, раскрывающих его принципы, особенности, законодательную и практическую деятельность органов власти. Однако в этих трудах не уделяется внимания психологическим предикторам успеха внедрения социального контракта или затруднениям [3].

Причины, по которым граждане опасаются заключать социальный контракт: высокие требования к отчётности, риски расторжения контракта и необходимость возвращения средств, длительный контроль со стороны государственных органов, региональные ограничения и сложность освоения средств. В этом нас убеждают результаты пилотажного исследования, проведённого в июне-августе 2024 г. в г. Екатеринбурге среди 387 клиентов организации «Стартбизнес», планирующих открытие собственного дела, используя средства социального контракта. Метод: опрос в форме анкетирования, включающий блок вопросов о причинах возможного отказа от заключения контракта, готовности преодолевать возможные трудности и проявлять инновационную активность.

Анализ результатов показал: 67 % респондентов испытывают неуверенность в своей способности справиться с условиями контракта и с возложенной ответственностью; 59% не готовы преодолевать возможные трудности и 81% не готовы проявлять инновационную активность, стремясь к традиционным видам ведения бизнеса, например, пошиву изделий. Здесь мы видим когнитивный, эмоциональный и деятельностный компоненты, которые в той или иной форме раскрыты в психолого-экономических исследованиях в сфере предпринимательства [4; 5].

Таким образом, по нашему мнению, для повышения эффективности внедрения социального контракта необходима соответствующая система психологического обеспечения, включающая:

1) понятный и простой алгоритм сбора документов и подготовки заявки для получения социального контракта, позволяющий выполнять эту функцию даже с мобильного телефона, поскольку большое количество клиентов не имеют доступа к компьютеру. Это вполне может быть задачей, объединяющей специалистов в области когнитивной эргономики и ИТ;

2) преодоление неуверенности и опасений через систему тренингов социальной адаптации и личностного роста, включающую формирование готовности к поисковой активности и преодолению возможных трудностей, в том числе, аккумулирование социального капитала;

3) развитие культуры проявления инновационной активности и формирование понимания отличия реального инновационного предпринимательства от нереалистичных замыслов и отклоняющегося трудового поведения, имитирующего новаторство.

1. Османова Х.А. Психология экономического поведения в зависимости от социального положения // Российская наука на пути к устойчивому развитию: междисциплинарные исследования. – 2023. – С. 147–149.
2. Аброскин А.С., Аброскина Н.А. Перспективы повышения эффективности государственной социальной помощи населению на основании социального контракта // Вестник университета. – 2023. – №. 6. – С. 177–185.
3. Янгибоева Д.Р. Бедность как социально-психологический феномен // Proceedings of International Conference on Modern Science and Scientific Studies. – 2023. – Т. 2, №. 2. – С. 107–112.
4. Цветкова В.Ю. Инвестиционные аттитуды и отношение к экономической политике российских предпринимателей / В.Ю. Цветкова, О.С. Дейнека // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. – № 3(119). – С. 15–23. DOI 10.24158/spp.2024.3.1.
5. Патраков Э.В. Цифровая трансформация деятельности трудовых групп (экопсихологический подход) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – 202 с. ISBN 978-5-7996-3652-4. – DOI 10.15826/B978-5-7996-3652-4.

Динамика влияния цифровой среды на некоторые показатели профессиональной успешности (на примере России и Мозамбика)

Цифровизация профессиональной деятельности; успешность профессиональной деятельности, кросс-культурные исследования

Цифровизация профессиональной деятельности носит глобальный характер. При этом исследования демонстрируют, что этот процесс неоднородно влияет на различные характеристики субъекта, включая изменение мотивации, профессиональное выгорание, снижение метакогнитивности [1, 2]. Многообразие реакций на цифровизацию актуализирует ценность исследования разных культур [3]. Также одно из российских исследований [5] показывает, что специфика цифровой коммуникации имеет существенное значение для взаимопонимания и в политическом контексте.

Нами было проведено сравнительное исследование в России и Мозамбике о влиянии цифровизации на общие характеристики социального поведения и профессиональной деятельности. В исследовании принял участие 241 респондент, из них из Мозамбика 123, из России – 118. Это было пилотное исследование, ставящее следующие задачи: 1) изучить возможности перевода различных авторских опросников, анкет на португальский язык и их валидизацию для данной культуры, поскольку различия между культурами, традициями и историей двух стран очень велики [4]; 2) выявить влияние цифровизации на характеристики профессиональной деятельности.

Анкета на русском и португальском языках включала вопросы о территории проживания (мегаполис, небольшой город, поселок или деревня, отдельный дом), должности (вид деятельности), специальности, периоде активного использования цифровых технологий, временном объеме реализуемых личных событий в цифровой среде (общение, поиск единомышленников, обсуждение общих проблем), изменении усилий, затрат времени, связанных с цифровизацией, а также отношении к религии. Часть ответов предполагала ранжирование по шкале Лайкерта от 1 до 5, где 5 – максимальная степень выраженности показателя и сравнение с аналогичными показателями, полученными 4–5 лет назад.

Выявлено следующее: если цифровая среда обеспечивает снижение усилий и времени в профессиональной деятельности, то имеют место показатели, представленные далее по странам.

Утверждение: мне легче найти взаимопонимание с незнакомым представителем своей профессии. Ответы для российской выборки: 4–5 лет назад ($M = 3,23$; $SD = 1,27$), сейчас ($M = 3,72$; $SD = 1,36$, $Z = -3,247$ при $p < 0,001$). Для выборки Мозамбика: 4–5 лет назад ($M = 3,22$; $SD = 1,11$), сейчас ($M = 4,057$; $SD = 0,91$, $Z = -3,132$ при $p < 0,05$).

Утверждение: мне легче найти взаимопонимание с незнакомым представителем своего увлечения, хобби, интереса. Ответы для российской выборки ($M = 2,89$; $SD = 1,07$), сейчас ($M = 3,71$; $SD = 0,71$, $Z = -3,573$ при $p < 0,001$). Для выборки Мозамбика: ($M = 3,11$; $SD = 1,30$), сейчас ($M = 3,44$; $SD = 1,40$), $Z = -2,567$ при $p < 0,05$).

Как видим из статистики (критерий Вилкоксона), данные двух стран по указанным пунктам опроса достаточно схожи в своей динамике. В случае, если респонденты указывали, что цифровизация не обеспечила снижение усилий и экономию времени в профессиональной деятельности, палитра ответов имела существенно больше разнообразия, и не было выявлено сходства/различия показателей двух стран.

Относительно других показателей, связанных с этнокультурной идентичностью и/или религиозностью, мы также не обнаружили общих закономерностей. Например, имелись существенные различия в ответах на вопрос о том, насколько цифровая среда повлияла на взаимопонимание с незнакомыми представителями своей религии при коммуникации в цифровой среде.

В целом: исследование показало возможность перевода опросников, но необходимость уточнения и верификации понятий в разных культурах, избегая прямого перевода, уточняя влияние цифровизации на конкретные характеристики профессиональной деятельности. В случае, если цифровизация обеспечивает улучшение показателей усилий времени, то сходство обнаруживается в наиболее общих универсальных показателях, не связанных с этнокультурной идентичностью.

В настоящее время исследование продолжается в более широком варианте с учетом уровня субъектности респондентов, более глубоких характеристик их этнокультурной идентичности и религиозности.

1. Патраков Э.В. Цифровая трансформация деятельности трудовых групп (экопсихологический подход) / Э.В. Патраков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 202 с.
2. Гофман О.О., Водопьянова Н.Е., Джумагулова А.Ф., & Никифоров Г.С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // Организационная психология. – 2023. – 13(1). – Р. 117–144. DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-1-117-144.
3. Bauer J.M. Toward new guardrails for the information society // Telecommunications Policy. – 2022. – 46(5). – Р. 102350. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2022.102350>
4. Brites Pereira L. & Luiz J.M. Institutional drivers, historical determinism, and economic development in Mozambique // International Journal of Emerging Markets. – 2020. – 15(4). – Р. 767–789. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-01-2019-0024>
5. Максименко А.А., Зайцев А.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Ахунзянова Ф.Т. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации губернаторов в интернет-диалоге с обществом // Регионоведение. – 2024. – Т. 32, № 2. DOI: 10.15507/2413-1407.123.031.202402

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20414 «Адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде: «цена» и ценности (на материале социномических профессий)».

Союз психологии и искусственного интеллекта: можно ли «научить» искусственный интеллект ценностному отношению к личности?

Моделирование, управление рисками, ДСМ-метод, анализ психических явлений, искусственный интеллект

Цифровизация общества обеспечила формирование двух взаимосвязанных трендов: многообразие возможностей инновационного и профессионального развития отдельных групп и отдельных субъектов [1]; нарастание рисков и противоречий гуманистического характера [2].

Обозначенные тренды проявляются в следующей проблеме на стыке когнитивной эргономики и исследований ИИ: для моделирования психических явлений необходимо получение максимально четких индикаторов на входе в систему моделирования. Это относится как к уровню субъекта (например, поведение в условиях риска), так и к уровню больших социальных групп, сообществ (например, динамика отношения к новым технологиям). Что касается поведения отдельного человека, здесь есть проблема соотношения имплицитных (скрытых от наблюдения) и эксплицитных (проявленных внешне) явлений. Иными словами, не каждое явление может быть эксплицировано, что затрудняет искомое моделирование – но эта проблема важна с позиций ИИ. Здесь важен и психологический контекст: так ли нужно такое моделирование и каковы его гуманистические цели? Если мы будем рассматривать психологическое явление, например, риск, то здесь также имеет место многообразие теорий, поразному объясняющих поведение социальных групп и человека: гомеостатическая теория (Wilde, 1988); теория реверсивной активности (Apter & Smith, 1977) и др.; наряду с этим в психологии риск исследуется как условие (Fischhoff, 2009), как действие (Альгин, 2007). С одной стороны (внешней по отношению к субъекту), риск определяется спецификой среды, деятельностью человека в этой среде, с другой стороны, – диспозициональными факторами. Таким образом, возможно ли моделирование столь сложного феномена с учетом всего многообразия динамично меняющихся факторов и многообразия теоретических оснований?

Создатели искусственного интеллекта (ИИ) [3] сформулировали три проблемы, необходимые для развития ИИ: уточнение идеи интеллекта, разработка эпистемологии для «knowledge discovery» (KD), создание эвристики для KD. Разработанный Ф.К. Финном ДСМ-метод автоматизированной поддержки исследований [4] является возможным ответом на эти проблемы, так как автором определяется теоретический естественный интеллект (ТЕИ), формулируются принципы конструктивной эволюционной эпистемологии (КЭЭ) и эвристика получения нового знания в соответствии с определением ТЕИ и принципами КЭЭ.

В определении ТЕИ формулируются «интеллектуальные» возможности, которые содержат распознавание существенных параметров, рассуждение, аргументацию, «обучение» на примерах, способность к объяснению, возможность интеграции знаний. Метод предполагает синтез машинных «познавательных» процедур – индукции, аналогии и абдукции. В результате такого процесса формируются открытые квазиаксиоматические теории, которые образованы последовательно расширяемым множеством фактов и гипотез, аксиомами структуры данных (например, булевой алгебры множеств). При этом модель требует распознавания существенных параметров, рассуждения с синтезом познавательных процедур, аргументации, объяснения и «обучения».

Причины риска и эффекты риска могут быть распознаны и представлены как эмпирические закономерности, сохраняющиеся при расширениях данных. ДСМ-метод не является средством обработки данных, он – инструмент преобразования и обнаружения новых знаний посредством интеллектуального анализа расширяемых исходных знаний. В силу этого для формирования групп риска предлагается следующий примерный план организации и возможных исследований: 1) уточняются характеристики субъекта и характеристики риска; 2) рассматриваются два типа субъектов (позитивные и негативные примеры, в число позитивных примеров может входить описание копинга); 3) определяются виды риска (множества факторов риска); 4) формируется массив случаев в норме с отсутствием зависимости от компьютера; 5) субъекты поведения характеризуются всем многообразием поведенческих индикаторов; 6) описание субъекта соединяется с описанием поведения, содержащего зависимость от компьютера и с моделями преодолевающего поведения; 7) положительные и отрицательные примеры образуют базы фактов; 8) рассматриваются расширения баз фактов.

Такое математическое понимание процесса поведения все же базируется на очевидных эксплицитных характеристиках в динамике при многообразии детерминирующих факторов.

Соответственно, задачей психологии в данном случае может быть операционализация теоретических гипотез в конкретные детерминанты, а также – формирование задач гуманистического плана. Говоря языком ИИ, этот фактор должен влиять на каждом этапе всего процесса, оставляя при этом пространство для неизведанной тайны человеческого сознания, которая так ярко звучит в психологии [5]. Таким образом, по нашему мнению, попытка «обучения» ИИ ценностному отношению к личности все же может быть востребована в современной психологии.

1. Патраков Э.В. Цифровая трансформация деятельности трудовых групп (экопсихологический подход) / Э.В. Патраков; Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2023. – 202 с. DOI 10.15826/B978-5-7996-3652-4.
2. Горячева О.Н., Яковлева М.Г. Гуманистические риски цифрового развития общества: анализ работ зарубежных авторов // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, №. 2. – С. 78–93.
3. McCarty J., Hayes P.J. Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence. – Machine Intelligence. – 1969. – № 4. – P. 463–502.
4. Finn V.K. The synthesis of cognitive procedures and the problem of induction // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. – 2009. – Vol. 43. – Issue 3. – P. 149–195.
5. Ушаков Д. В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования / Д. В. Ушаков // Сибирский психологический журнал. – 2023. – № 90. – С. 188–200. DOI 10.17223/17267080/90/11.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20414 «Адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде: «цена» и ценности (на материале социономических профессий)».

АНАНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024

**80 лет общей психологии
в Санкт-Петербургском государственном университете
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Под ред. С.Н. Костроминой и А.Е. Ловягиной;
отв. ред. В.И. Прусаков

Электронная версия сборника подготовлена
Издательством ООО «Союзкниг»
г. Нижний Новгород, пер. Бойновский, 6

Усл. печ. л. 73. Уч.-изд. л. 74,5. Заказ № 000.